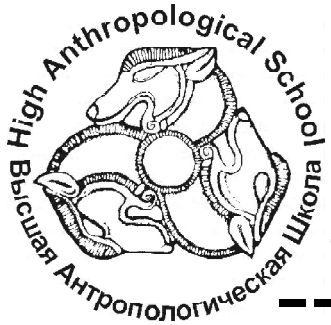


STRATUM plus

Cultural Anthropology • Archaeology

The Great Skuf'

· The Weakness of the Veneds and the Strength of the Ants
· Early Phases in Ethnic Genesis of Crimean Goths
· Burials of Kuvrat, the kahan of the Great Bulgaria
· Mysteries of Pskov Long Barrows
· Three-bead Earrings from the Vistula to Volga
· Svyatoslav's voyages and "Khazarian legacy"
· The Balkan Wallachians and the Russian Magi
· Farmers' Hoards from Bulgaria
· The Ottoman Fortresses of the Black Sea Region
· The Golden Horde Town at Costesti in Moldova
· The Church-Mausoleum of Steven the Great in Romania
· The Archaeology of Czechia
· "Salvage Biography" of the Russian Ethnographers
· Mircea Eliade's Hierophany

Saint-Petersburg • Kishinev • Odessa • Bucharest

2000 №5

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
E-mail: root@rm.moldova.su

Главный редактор — канд. ист. наук Марк Е. Ткачук
Редактор-координатор — канд. ист. наук Роман А. Рабинович
Ответственный секретарь — Леонид А. Мосионжник

Основатель журнала — Алексей С. Тулбуре

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
В.И.Боршевич — профессор, Президент Молдавского отделения Международной Академии Информатизации при ООН (Кишинёв, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — доктор истории (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
В.П.Кирилко — научн. сотрудник Института Археологии НАНУ (Симферополь, Украина)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Национальный Музей истории Молдовы, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Е.Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
Н.Д.Руссев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.П.Тельнов — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом "Высшая антропологическая школа" в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Редактор номера – Роман А. Рабинович

Заместитель редактора – Анатол П. Городенко

Редколлегия номера:

Г. Атанасов
И.В. Бруяко
Е. Николае
В.П. Кирилко
Н.Д. Руссев
Н.П. Тельнов

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса • Бухарест

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оформление обложки: Д.А.Топал
© Компьютерная верстка: Л.А.Мосионжник, Е.Ю.Зверев, Т.Ю.Смирнова

70-летию Павла Петровича Бырни посвящается этот номер

Навсегда в наших сердцах

Уважаемые читатели! Этот номер журнала «Stratum Plus» посвящен 70-летию выдающегося ученого, исследователя молдавского средневековья, историка и археолога, Павла Петровича Бырня. Журнал уже был практически готов к изданию, когда неизлечимая болезнь безвременно оборвала жизнь Павла Петровича. Он не дожил всего несколько месяцев до его выхода. Редакция приняла решение оставить раздел в журнале «Ad Gloriam» таким, каким он и задумывался при жизни Павла Петровича. Пусть это будет символом того, что Павел Петрович Бырня по-прежнему жив в наших сердцах, в нашей памяти, подобно тому, как будут жить его книги, его идеи в науке, а его человечность и целеустремленность – в его продолжателях и учениках.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

AD GLORIAM

За строкой биографии. К 70-летию Павла Петровича Бырни 11

П.П. Бырня глазами коллег 15

Список опубликованных работ П.П. Бырни 21

СЕВЕРНАЯ РУСЬ

В.В.Седов *(Москва, Россия)*. **Становление культуры псковских длинных курганов 26**

Е.Р.Михайлова *(С.-Петербург, Россия)*. **История изучения псковско-новгородских длинных курганов 32**

С.Л.Кузьмин *(С.-Петербург, Россия)*. **Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII-X вв. 50**

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С.Л.Кузьмин, Е.Р.Михайлова, В.Ю.Соболев *(С.-Петербург, Россия)*. **Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста 70**

Г.Ф.Чеботаренко, Н.П.Тельнов *(Кишинёв, Молдова)*. **Поселение Етулия VII в Молдавии 83**

О.Г.Левицкий, В.П.Хахеу *(Кишинёв, Молдова)*, **С.С.Рябцева** *(С-Петербург., Россия – Кишинёв, Молдова)*. **Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X-XI вв. 90**

Г. Атанасов *(Силистра, Болгария)*, **В. Йотов** *(Варна, Болгария)*, **Г.В. Засыпкина, Н.Д. Руссев** *(Кишинёв, Молдова)*. **Исследования городища Руйно – Картал-Кале (предварительное сообщение) 97**

Н.П.Тельнов, Т.Ф.Рябой *(Кишинёв, Молдова)*. **Золотоордынский город у с.Костешты в Молдавии 108**

ОТ ВИЗАНТИИ ДО СТЕПИ

К. фон дер Лоэ *(Мюнхен, Германия)*. **Могильник Скалистое в Крыму и ранние фазы этногенеза крымских готов (конец IV — начало VI в.)1 ..... 119**

П.В. Шувалов *(С.-Петербург, Россия)*. **Венедская слабость и антская сила: К вопросу об эпическом образе ранних славян 141**

З.А.Львова *(С.-Петербург, Россия)*. **Погребения в Малой Перещепине и Вознесенке и Куврат, каган Великой Булгарии 145**

С.С.Рябцева *(С.-Петербург, Россия – Кишинёв, Молдова)*. **Трехбусинные кольца от Вислы до Волги 161**

Г.Атанасов *(Силистра, Болгария)*. **Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X — начало XI вв.) 183**

В.Йотов *(Варна, Болгария)*. **О материальной культуре печенегов к югу от Дуная — листовидные ажурные амулеты XI в. 209**

Н.Д. Руссев *(Кишинёв, Молдова)*. **«Яко ту вся благая сходятся»: Антропология дунайской трагедии 968-971 гг. 213**

И.Г.Коновалова *(Москва, Россия)*. **Поход Святослава на Восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» 226**

В.В.Майко *(Симферополь, Украина)*. **Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария 236**

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Р.А.Рабинович *(Кишинёв, Молдова)*. **Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы 262**

Этногенез волохов – твёрдый орешек! Введение 262
I. Волохи на западе в свете «восточной» гипотезы 266
I.1. Гильом Рубрук – «возмутитель спокойствия» 266
I.2. Загадки Гази-Бараджа и «случайное» имя савирского вождя 269
I.3. «Темные места» венгерских хроник 274
I.4. По дорогам новой родины 277
I.5. От «влашского» к латинскому 279
I.6. Пастушество волохов в свете гипотез их происхождения 280
I.7. Под чужим именем 282
I.8. Черные бесы Византийской империи 285
II. Волохи на востоке в свете «восточной» гипотезы 294
II.1. Где могли жить волохи на востоке: предварительные наметки 294
II.1.1. По дороге католических миссионеров 294
II.1.2. «Неизвестная» земля на востоке Европейской Сарматии 296
II.1.3. «По соседству с Москвой» 299
II.1.4.Кто скрывался под «Севером» ал-Калкашанди 300
II.1.5. «Черные люди» исландских саг 302
II.1.6. Волошская «география» «Повести временных лет» 304
II. 2. Чудные соседи 305
II.2.1. «Встреча Руси и Чуди» 305
II.2.2. Колдовских дел мастера 308
II.3. Под знаком Велеса 309
II.3.1. Волхвы и Чудь 309
II.3.2. Волхвы, чудь и Велес 317
II.4. «Мерьский» народ 323
II.4.1. Волхвы и волохи 323
II.4.2. Враги-инородцы на миниатюрах Радзивиловской летописи 326
II.4.3. Волхвы и Меря 330
II.5. Волхвы в русской истории: Поражение Перуна и стойкость Велеса 342
II.5.1. Славяно-финская «земля наша» 342
II.5.2. Чьи боги сильнее? 347
II.5.3. «Двоевластие» 348
II.5.4. От культа Перуна к принятию христианства 353
II.5.5. Поражение волхвов 358
III. «Восточная» гипотеза в контексте других гипотез. О путях поиска предков исторических волохов (контуры одной концепции) 365
IV. О времени появления волохов в Карпато-Днестровских землях 371
IV.1. Предварительные замечания 371
IV.2. Таинственные «тибианцы» польских хроник 372
IV.3.Где Андроник Комнин «попался в сети ловцов» 374
IV.4. Walathi папской грамоты 1234 года 376
Вместо заключения 383

АРХЕОЛОГИЯ ЗОДЧЕСТВА

И.О.Попов *(С.-Петербург, Россия)*. **Княжеские резиденции в домонгольской Руси: летописные известия и археологические реалии** **391**

Н.В.Новоселов *(С.-Петербург, Россия)*. **Плинфа Новгородской земли первой половины XII в.** **407**

Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров *(Симферополь, Украина)*. **Об атрибуции одной из средневековых церквей Феодосии** **425**

Г.И. Кантакузино *(Бухарест, Румыния)*. **Церковь-мавзолей XV века: строение Стефана Великого из Рэзбоень** **436**

ОСМАНСКИЕ КРЕПОСТИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Г.О. Аствацатуров *(Бендеры, Молдова)*. **Почему молчал Боплан?** **440**

И.В.Бруяко, И.В.Сапожников *(Одесса, Украина)*. **Белгород-Днестровская крепость как памятник военно-инженерного искусства (основные этапы истории конца XIV - начала XIX вв.)** **443**

С.В.Паламарчук *(Измаил, Украина)*. **Город Измаил: начальные этапы истории** **452**

А.О. Добролюбский, А.В. Красножон *(Одесса, Украина)*. **Турецкий поселок и замок Хаджибей на месте Одессы** **459**

НАШ АРХИВ

Г.В.Батизат *(Одесса, Украина)*. **Раннехристианские и византийские источники о распространении христианства на территории современной Украины** **477**

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

М. Гойда *(Прага, Чехия)*. **Археология в республике Чехия: учет и охрана памятников, разведка древнего и исторического ландшафта** **502**

РЕЦЕНЗИИ

Л.А.Мосионжник *(Кишинёв, Молдова)*. **Понятие иерофании у Мирчи Элиаде** **510**

Н. Найт *(Саут-Орэндж, США)*. **«Спасательная биография» и приемлемое прошлое: Российские этнографы против наследия террора** **519**

Список сокращений **526**

C O N T E N T S

AD GLORIAM

Life Behind Biography. A Contribution to P.P. Byrnja's 70th Anniversary **11**

Collegues about P.P. Byrnja **15**

List of Published Scientific Works by P.P. Byrnea **21**

THE NORTHERN RUS'

V.V. Sedov *(Moscow, Russia)*. **Development of the Culture of Pskov Long Mounds** **26**

E.R.Mikhailova *(S.-Petersburg, Russia)*. **Study of Pskov-Novgorod Long Barrows: History** **32**

S. Kuz'min *(S.-Petersburg, Russia)*. **The Stratigraphy and Some Problems of History of the Old Ladoga Settlement Dated by VIII-X Centuries** **50**

INVESTIGATIONS AND PUBLICATIONS

S.L. Kuzmin, E.R. Mikhailova, V.Yu. Sobolev *(S.-Petersburg, Russia)*. **The Grave Ground in Kotorsk IX – Cemetery of Kotorsk Population** **70**

G.F. Chebotarenko, N.P. Telnov *(Kishinev, Moldova)*. **The Settlement of Etulia-VII in Moldavia** **83**

O.G. Levițkii, V.P. Haheu *(Kishinev, Moldova)*, **S.S. Ryabtseva** *(S.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova)*. **Giurgiulesti Find in the Mirror of Jewellery Fashion of X-XI centuries** **90**

G.Atanasov *(Silistra, Bulgaria)*, **V.Yotov** *(Varna, Bulgaria)*, **G.Zasypkina, N.Russev** *(Kishinev, Moldova)*. **Research of a Settlement at Ruino – Kartal-kale (Preliminary Report)** **97**

N.P.Telnov, T.F.Ryaboy *(Kishinev, Moldova)*. **Golden Horde Town at the Village of Costeshti in Moldavia** **108**

FROM BYZANTINE TO THE STEPPE

Karl von der Lohe *(Munich, Germany)*. **The Cemetery Skalistoe in Crimea and Early Phases in the Ethnic Genesis of Crimean Goths (Late IV – Early VI cc.)** **119**

P.V. Shuvalov *(S.-Petersburg, Russia)*. **The Weakness of the *Venethi* and the Srength of the *Anti* : on the Question of the Epic Image of the Early Slavs** **141**

Z.A. Lvova *(S.-Petersburg, Russia)*. **«Burials in Malaya Pereschepina and Voznesenka and Kuvrat, Kagan of Great Bulgaria»** **145**

S.S. Ryabtseva *(S.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova)*. **Three-bead Rings from Vistula to Volga** **161**

G. Atanasov *(Silistra, Bulgaria)*. **Treasures of Agricultural Tools from Early Medieval Fortresses of Southern Dobrudja (X – early XI cc.)** **183**

V. Yotov *(Varna, Bulgaria)*. **On Material Culture of the Petchenegers South of Danube: Leaf-shaped Open-work Amulets of XI Centure** **209**

N.D. Russev *(Kishinev, Moldova)*. **"All the Wealth Flow Here": Anthropology of the Danube Tragedy of 968-971** **213**

I.G.Konovalova *(Moscow, Russia)*. **The oriental policy of Svjatoslav in the context of international struggle for «khazarian heritage»** **226**

V.V. Majko *(Simferopol', Ukraine)*. **Chazarian-Russian-Byzantine Relation in the Second Half of X c. and Crimean Khazaria** **236**

MONOGRAPH IN THE JOURNAL

R.A. Rabinovich *(Kishinev, Moldova)*. **Tempted by "Nux Gallica", or the Balkan Wallachians and the Russian Magi** **262**

THE ARCHAEOLOGY OF ARCHITECTURE

I.O. Popov *(S.-Petersburg, Russia)*. **Residences of Knyaz in pre-Mongol Russia: chronicles and archaeological reality** **391**

N.V. Novoselov *(S.-Petersburg, Russia)*. **Plyntha of the Novgorod Land in the First Half of XII Century** **407**

E.A. Aibabina, S.G. Bocharov *(Simferopol', Ukraine)*. **On Attribution of a Medieval Church in Feodosia** **425**

Gh. I. Cantacuzino *(Bucharest, Romania)*. **A Mausoleum Church of XV Century Founded by Stefan cel Mare in Razboieni** **426**

THE OTTOMAN FORTRESSES IN THE BLACK SEA REGION

G.O. Astvatsaturov *(Bendery, Moldova)*. **Why Beauplan kept silence?** **440**

I.V. Bruyako, I.V. Sapozhnikov *(Odessa, Ukraine)*. **The Belgorod-Dnestrovskiy Fortress as a Model of Military and Engineering Art: Main Stages of History – late XIV – early XIX c.c.** **443**

S.V. Palamarchuk *(Izmaïl, Ukraine)*. **The Town of Izmaïl: Early Stages** **452**

A.O. Dobrolyubskii, A.V. Krasnozhon *(Odessa, Ukraine)*. **A Turkish Settlement and Castle Khadzhibey on territory of Odessa** **459**

OUR ARCHIVE

G.V. Batizat *(Odessa, Ukraine)*. **Early Christian and Byzantine Records on Spread of Christianity on the Territory of Today's Ukraine** **477**

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

M.Gojda *(Prague, Czech Republic)*. **The Archaeology in the Czech Republic: Site Record and Protection, Reconnaissance of the Ancient and Historical Landscape** **502**

REVIEWS

L.A. Mosionzhnik *(Kishinev, Moldova)*. **The Concept of Hierophany with Mircea Eliade (Marginalia in a Book)** **510**

N. Knight *(South Orange, USA)*. **«Salvage Biography» and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror** **519**

LIST OF ABBREVIATIONS **526**

AD GLORIAM

ЗА СТРОКОЙ БИОГРАФИИ. К 70-ЛЕТИЮ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА БЫРНИ

Павлу Петровичу Бырне, известному исследователю истории молдавского средневековья, археологу-медиевисту, проректору университета Высшая Антропологическая школа, в октябре 2000 года исполнилось 70 лет.

«Я... родился 22 октября в 1930 г. в селе Твардица Чадыр-Лунгского района Молдавии.

Закончив в 1949 г. школу в Чадыр-Лунге, в том же году поступил в Кишиневский Госуниверситет на исторический факультет. С 1954 по 1957 гг. образование продолжил в Москве в целевой аспирантуре ИИМК АН СССР. В 1957 г. поступил на работу в Институт истории Молдавского филиала АН СССР.

В 1965 г. в ИЭ АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сельские поселения Молдавии в XV – XVII вв.», в 1987 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Молдавский средневековый город XV – нач. XVI в.». С 1978 г. по 1990 г. работал в должности заведующего Отделом археологии АН МССР, в 1991-1995 гг. – главным научным сотрудником, а с 1995 г. – зав. отделом средневековой археологии в Институте археологии АН Республики Молдова. В 1999 году перешел на работу в университет Высшая Антропологическая школа, где и поныне исполняю обязанности декана факультета культурной антропологии и проректора университета по науке», – пишет о себе в автобиографии Павел Петрович Бырня.

За скупыми строками биографии Павла Петровича скромно проглядывает подвижническая жизнь настоящего Ученого, отдавшего себя всего без остатка любимому Делу.

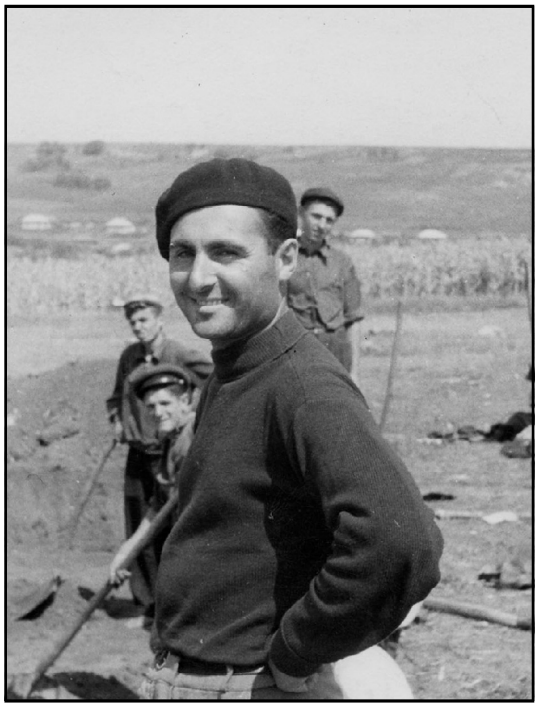
В 1950 году в жизни Павла Петровича Бырни, студента истфака, произошло знаменательное событие, надолго определившее его ценностные приоритеты в науке и жизни. После окончания первого курса университета ему удалось попасть в состав Славяно-Днестровской археологической экспедиции под руководством выдающегося московского ученого Г.Б. Федорова, начавшей с этого года свои исследования в Молдавии. До приезда Георгия Борисовича Федорова территория Молдавии представля-

Первый сезон П.П.Бырни в Славяно-Днестровской экспедиции, 1950 г. П.П.Бырня (пятый слева), Р.Л.Розенфельт (первый справа), Г.Б.Федоров (второй справа).

П.П.Бырня в экспедиции в Алчедаре, 1952 г. В.С.Бейлекчи, П.П.Бырня и И.Г.Хынку (все слева).

ла собой сплошное «белое пятно» в археологическом отношении. За двадцать лет работы возглавляемой им экспедиции были не только открыты сотни и сотни памятников различных эпох, но и были выкованы кадры для молдавской средневековой археологии. Среди местной студенческой молодежи, отобранной Георгием Борисовичем, наряду с будущими известными молдавскими учеными – В.С. Бейлекчи, Л.Л. Полевым, И.А. Рафаловичем, И.Г. Хынку, Г.Ф. Чеботаренко – оказался и Павел Бырня. Для Павла Петровича Г.Б. был и Учителем, и Другом. Долгие годы их связывала тесная дружба. Феноменальная личность Г.Б. Федорова оказала на молодого человека огромное влияние. Благодаря Федорову Павел Бырня получил высокопрофессиональное археологическое образование, но только этим влияние первого на второго не исчерпывается. Видится глубокий символический смысл в том, что первый средневековый выпуск журнала «Stratum Plus» (за 1999 год) был посвящен Георгию Борисови-

П.П.Бырня среди участников Международного полевого семинара в Алчедаре, 1957 г. Г.Б.Федоров (первый справа внизу), П.П.Бырня (второй справа внизу), М.Я.Салманович (вторая справа внизу), А.Л.Монгайт (первый справа вверху), М.А.Романовская (третья слева вверху), А.М.Некрич (четвертый слева вверху).

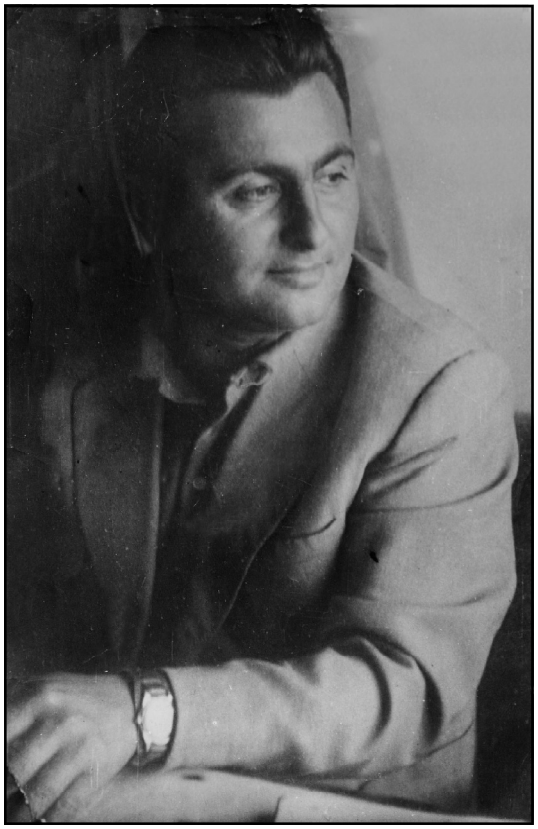


П.П.Бырня на раскопках селища Пояна, 1956 г.

чу Федорову, а второй – Павлу Петровичу Бырне. Ученик оказался вполне достоин своего Учителя. Г.Б.Федоров никогда не был официозно-благонадежным ортодоксальным ученым. Его скорее можно отнести к диссидентам от науки подобно тому кругу реальных диссидентов, с которыми он поддерживал самые тесные связи. Многие из них – Илья Габай, Наум Коржавин, Александр Некрич и другие – скрывались в федоровской экспедиции в Молдавии от московских кэгэбэшников и волей-неволей создавали тот фон, на котором формировались мировоззрение и личность будущего ученого Павла Бырни. Несмотря на периодически занимаемые им начальственные должности, Павел Петрович никогда не был официальным и ортодоксальным ученым, никогда не был послушным орудием в руках вышестоящих администраторов и действующей политической власти в стране. Он подвергался нападкам «и слева и справа», он всегда был в оппозиции, но никогда не сдавал своих позиций. Будучи обладателем «экзотичной» для Молдавии румынской национальности, П.П.Бырня пострадал при поступлении в аспирантуру. Негласным, но обязательным требованием при приеме было – сменить национальность. Павел Петрович отверг это предложение. Позже, когда он занялся молдавской средневековой проблематикой, от него опять потребовали то же самое. Иначе его отказывались выпускать в Румынию, что было крайне необходимо при занятии подобной темой, и Павел Петрович на долгие годы стал «невыездным». Но при этом он все эти годы оставался форпостом научной борьбы с прорумынски настроенными молдавскими историками и археологами, подвергался нападкам со стороны националистической прессы, проявляя немалое мужество, особенно в период так называемого национального возрождения в Молдове.

Упорство, проявляемое Павлом Петровичем при отстаивании своих научных и человеческих принципов, всегда прекрасно сочеталось в нем с пластичностью и динамичностью мышления. Бырня всегда открыт для диалога, для нового, всегда внимателен и заинтересован с молодыми исследователями, способен оценить и принять новые и интересные идеи, исходящие от других, пусть и «неавторитетных» ученых, способен им покровительствовать и их защищать. Благодаря этим своим качествам он сумел создать в действовавшей много лет староорхейской экспедиции и средневековом секторе Института археологии обстановку, благодаря которой собирались вместе инициативные люди и генерировались и аккумулировались плодотворные идеи. От многих сегодня приходится слышать, что именно под крылом Бырни было взращено то, что впоследствии стало Высшей Антропологической школой и журналом «Stratum Plus».

За скупой строкой биографии П.П. Бырни можно увидеть и сферы его научных интересов. Много лет он работал вместе с Г.Б. Федоровым, раскапывая черняховские, славянские,



П.П.Бырня — младший научный сотрудник Института Истории АН МССР, 1958 г.

П.П.Бырня и студенты Высшей Антропологической Школы, 2000 г.

балкано-дунайские и древнерусские памятники. С 1956 года, уже, будучи аспирантом, Павел Петрович впервые получил возможность для исследования памятников по своей теме. В этом году им исследуются Бравиченский комплекс, Поянское селище и селище в Балцатах. Впервые в истории молдавской науки было положено начало изучению молдавских сельских поселений – своеобразной terra incognita в молдавской средневековой археологии того времени. В последующие годы он ведет интенсивные изыскания и на других памятниках. Для того чтобы найти наиболее ранние поселения, Павел Петрович досконально проработал огромный и сложный для исследований корпус письменных источников – господарские грамоты, глубоко изучил материалы молдавской топонимики. Диссертация, защищенная в 1965 году, и вышедшая по ее материалам книга «Сельские поселения в Молдавии XV — XVII вв.» ознаменовали качественно новый этап в изучении молдавского средневековья. Сегодня трудно себе представить, что начавшие издаваться с середины 60-х гг. многочисленные обобщающие труды по истории Молдавии, в частности, их разделы по социально-экономической истории и культуре, были бы просто невозможны без деятельности этого исследователя. Во второй половине 60-х гг. Павел Петрович впервые открывает в Молдавии и исследует памятники знаменитых галицких выгонцев.

В 1968 г. Ученый совет института включил в научный план П.П. Бырни тему по молдавскому средневековому городу. Со свойственными этому ученому трудолюбием и энтузиазмом Павел Петрович включился в открытие новых, доселе неизвестных страниц истории молдавского средневековья. Последующие годы он исследует и золотоордынские поселения, предшествующие появлению молдавских городов. Значительным этапом в его научной биографии стали двадцатидвухлетние исследования на знаменитом многослойном городище Старый Орхей. Не сразу золотоордынский город Шехр аль-Джедид и молдавский средневековый Старый Орхей открыли исследователю свои тайны. В определенной мере результатами этих исследований стали докторская диссертация Павла Петровича, более 40 статей и 4 монографии, включая самую значительную и обобщающую материалы, происходящие и с территории Республики Молдова и с территории румынской Молдовы: «Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье в XV – нач. XVI вв.». Наиболее полная монография о Старом Орхее, как нам стало известно, в настоящее время находится в стадии завершения.

С переходом Павла Петровича в 1999 году на постоянную работу в Высшую Антропологическую школу ярко проявилась еще одна грань его личности. Трудно себе представить лучшего декана. Его заботу, его пристальное внимание чувствует на себе каждый студент. Успеваемость и успехи каждого из них – это глубоко личное дело Павла Петровича. И такая заинтересованность не может не быть вознаграждена: Чествование Павла Петровича в день его 70-летия превратилось в общеуниверситетский праздник.

Посвящение этого номера журнала 70-летию Павла Петровича – это то немногое, что позволяет выразить нам свою признательность этому Человеку, Ученому и Учителю. Друзья, коллеги, ученики, преподаватели и студенты Высшей Антропологической школы, сотрудники редакции журнала «Stratum Plus» от всей души поздравляют Павла Петровича с его славным юбилеем, желают ему здоровья и творческого долголетия.

От редакции.

П.П. БЫРНЯ ГЛАЗАМИ КОЛЛЕГ

Жизнь в науке

Вся жизнь Павла Петровича связана с научной работой. Поступив после окончания университета на работу в Молдавскую Академию наук, он остается в ней и по сей день, пройдя путь от лаборанта до главного научного сотрудника, имея, практически, одну запись в трудовой книжке об устройстве на работу. Археологией Павел Петрович увлекся еще в студенческие годы, когда принимал участие в работе археологических экспедиций. Интерес Павла Петровича к средневековой тематике определился еще в ранний период его научной деятельности под влиянием Г.Б. Федорова, к которому Павел Петрович постоянно и неизменно сохраняет чувство глубокой признательности и всегда подчеркивает, что является его учеником.

Павел Петрович не только является глубоким исследователем археологических памятников, но своей публикаторской работой открывает широкие возможности для других исследователей. Исследованные им археологические памятники по золотоордынской и раннемолдавской тематике он постоянно вводит в научный оборот. Таким образом, эти источники становятся достоянием археологов и историков, для которых открывается широкая возможность всестороннего исследования этого во многом загадочного и интересного периода.

Длительное время Павел Петрович возглавлял отдел археологии, который под его руководством превратился в главный центр изучения древних культур Молдавии. Широкомасштабные полевые работы, в том числе хоздоговорные, позволили получить богатые первоклассные источниковедческие материалы. Широко развернулась издательская деятельность сотрудников отдела. Как руководитель отдела Павел Петрович проявил незаурядный организаторский талант.

Особо в связи с этим следует отметить исключительную роль Павла Петровича в подготовке молодых кадров для археологической науки республики. Более чем для двух десятков археологов Павел Петрович является «крестным отцом». Большинство из них защитили диссертации и плодотворно работают в археологии. Своими консультациями и советами Павел Петрович оказывает большую помощь молодым молдавским археологам, проявляет постоянный доброжелательный интерес ко всем их нуждам и делам.

Любовь к своим ученикам, всесторонняя помощь им и внимание к их научной и личной судьбе, уважение и любовь вообще к молодому поколению делают самого Павла Петровича молодым и современным, шагающим всегда в ногу со временем, пользующимся любовью и уважением у коллег и студентов.

Доброжелательное отношение Павла Петровича ко всем, с кем ему пришлось работать, вызывает к нему особое уважение у его младших товарищей и друзей.

Николай Тельнов

«Хорошо, что я Вас нашел, профессор П. Бырня»

Хотя расстояние между Бухарестом и Кишиневом невелико, я впервые встретил профессора П. Бырня только в 1993 г. Тогда однако, у меня сложилось странное и труднообъяснимое впечатление, что мы уже были знакомы давно. Как-будто заново нашел кого-то очень близкого, и думаю, Павел почувствовал то же самое. Поэтому наши отношения наладились без задержек и промедлений, и считаю для себя честью быть в рядах самых близких его коллег в Румынии. Конечно, сейчас мы сожалеем о столь поздно состоявшемся моменте этого «нахождения», думая, как давно мы могли бы хорошо работать вместе. Этот факт является результатом той абсурдной реальности, от последствий которой наши современные страны избавляются с трудом. Ведь мог бы его встретить в 1986 году, когда мне разрешили командировку в СССР в рамках межакадемического обмена. Но упустил эту возможность, хотя советский партнер сообщил, что принимает мою программу, которая включала кроме Москвы и Ленинграда также Киев, Одессу и Кишинев. Но когда прибыл в столицу Советского Союза, мне был вручен билет на поезд до Ленинграда, где и провел всю стажировку по документированию (где, кстати, был очень хорошо принят российскими коллегами). И по сей день не знаю в чем смысл этого происшествия, ибо если для Кишинева запрет мог быть мотивирован «политически» (избежать присутствия румына, способного нарушить в обязательном порядке безмятежное спокойствие местных жителей), то в отношении надежд на установление новых отношений сотрудничества с остальными центрами не могу даже догадаться о причинах запрета. Упомянул данный эпизод зная, что и профессор П. Бырня был в числе кишиневских ученых, которые всегда внимательно следили за профильными румынскими изданиями и которые были заинтересованы в установлении стабильных профессиональных контактов в Румынии. Естественное желание если принять во внимание даже только одни общие темы археологических и исторических исследований. И своих более молодых сотруд-

ников П. Бырня призвал знакомиться с результатами исследований румынских коллег, а в последние годы, с тех пор как работает в Высшей Антропологической Школе, он является одним из главных инициаторов и проводников сотрудничества данного научного центра с исследователями из Румынии.

Вопреки факту, что и научные издания с трудом преодолевали расстояние между нами, я давно знал его главные работы по археологии, область, в которой он развернул впечатляющую деятельность, результаты которой пока еще не оценены и не использованы в должной мере. Его труды отличаются точностью и ясностью, стремлением избежать соблазна приукрасить, пойти на сделку, намеренно замолчать, то что можно, к сожалению, заметить в произведениях других. И в его неопубликованных заметках, сделанных во время археологических раскопок, демонстрируются те же качества, что позволяет и сейчас вводить в научный оборот эти сведения.

Из исследуемых им памятников на первом месте Старый Орхей. Раскопки, осуществленные там в период 1968-1989 гг. руководимым им коллективом, имели преимущественно спасательный характер, в особенности из-за того, что нужно было завершить исследования некоторых объектов, начатые Г. Д. Смирновым. Ведь последний не оставил необходимой достаточной документации, а материалы были утеряны. Профессор П. Бырня и его сотрудники представили первую связную картину в отношении средневековых остатков Старого Орхея, исправляя ошибки предшествующей научной литературы. Эта картина в общих чертах верна и поныне, если даже публикации после 1989 г., включая и сделанные им и его сотрудниками, внесли многочисленные дополнения и нюансы, но не опровергли ее. Существенным для понимания характера поселения эпохи Золотой Орды было уточнение функций центральных зданий: большой мечети и торгово-ремесленного комплекса. Очень важны и установление короткой продолжительности жизни данной городской общины, и точная фиксация ее уничтожения в седьмом десятилетии XIV века. Таким образом, предоставляется ценный хронологический ориентир для подобных открытий в Румынии, Украине, России и далее до Исламского Востока.

Остатки данной эпохи также способствуют лучшему пониманию процесса становления Молдавского государства. Исследование Старого Орхея дало П. Бырне возможность ввести в научный оборот материалы, без которых не обойтись сейчас ни в одной обобщающей работе, относящейся к культуре средневековой Молдовы.

За некоторые его интерпретации особенно в обобщающих аналитических работах П. Бырню критиковали (зачастую декларативно, а значит и бессодержательно), но речь, как правило, идет о дискуссиях, которые велись не самыми подходящими способами и об аспектах, для решения которых исследователи все еще ищут адекватные методы и точную меру. Во всяком случае, для оценки всех его трудов, ценность которых, я уверен, более объективное потомство подтвердит, эти аспекты, мне кажутся несущественными. Что касается хорошо аргументированных замечаний, то работая вместе, я констатировал, что профессор П. Бырня принимает их с редко встречаемой серьезностью. П. Бырня способен удивить собеседника развитием определенных идей, и после тщательного их анализа убеждаешься в их верности. Я часто оказывался в затруднении по этому поводу и, следовательно, был стимулирован его конструктивной реакцией.

Это доказывает, что П. Бырня настоящий ученый, который волнуется и беспокоится в творческом смысле перед лицом неизведанного.

* * *

Поздравляю коллег из Высшей Антропологической Школы с тем, что задумали чествовать П. Бырню с 70-летием, благодарю, что пригласили меня присоединиться к этому празднику. От моего имени и от имени других его друзей из Бухареста желаю ему много здоровья и сил для исполнения всех нынешних и будущих планов. Добавлю еще традиционное приветствие, с которым я обращаюсь к нему всякий раз, когда он меня встречает при приезде в Кишинев, приветствие, обогащенное тем смыслом, о котором я говорил: «Хорошо, что я Вас нашел, господин профессор. Ла мулць ань! (Многие лета!)»

Еуджен Николае

Павлу Бырня, привет из стольного града Стефана Великого — Сучавы

Во время моего студенчества на историческом факультете Бухарестского университета нам была рекомендована в качестве библиографии книга «Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв.», написанная молдавским археологом Павлом Бырня. Так, в тиши бухарестской библиотеки, я познакомилась с П. Бырней.

Летом 1990 г. Ясский Институт Археологии организовал научную сессию по теме «Археологические источники Карпато-Днестровского региона», на которую были приглашены и археологи из Республики Молдова. Среди участников сессии в Яссах был и Павел Бырня. Только тогда мы получили возможность лично познакомиться, побеседовать, обменяться идеями и впечатлениями. Тогда же, в Яссах, поговорив со многими специалистами, занимающимися средневековой археологией, были упомянуты проблемы, поднимаемые исследованием поселения в Старом Орхее. В результате дискуссий, бесед коллега Павел Бырня внес

интересное предложение об организации раскопок с участием археологов из Румынии и Республики Молдова, которые в первую очередь решили бы проблемы, связанные со стратиграфией поселения в Старом Орхее и установлением датировок некоторых комплексов. К сожалению, предложение Павла Бырни не было реализовано.

В том же году Павел Бырня осуществил поездку в Румынию, посетив и Сучаву. Здесь мы вели долгие дискуссии о началах средневековой Молдовы. Не всегда наши мнения совпадали, но из этих продолжительных бесед родилась большая дружба. Благодаря благожелательности господина Валентина Дергачева, мой друг Павел Бырня облегчил мне осуществление трех исследовательских стажировок в Республике Молдова, и благодаря этому я посетила Старый Орхей, Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) и археологические раскопки в Садове. В Кишиневе и Старом Орхее я получила возможность исследовать изразцовые плитки из коллекции Института Археологии и древней истории АН Республики Молдова, отредактировав совместно с Павлом Бырня работу, которая была затем опубликована в журнале Arheologia Moldovei (XVII).

Сейчас, когда мой хороший друг Павел Бырня встречает свой прекрасный юбилей, желаю ему здоровья, радости в кругу семьи и творческих сил для завершения тех трудов, которые мы от него ждем и в первую очередь монографии, посвященной Старому Орхею.

Многие лета, Павел!

Параскива–Виктория Батарюк.

«Вы знаете секрет искусства жить…»

Все прекрасно знают Павла Петровича Бырню как автора превосходных книг и множества статей по средневековой истории Молдовы, разумеется, в контексте всей истории Причерноморья и Балканского региона в целом. Между тем, его эпистолярное научное наследие не дает нам ни малейшего представления о Павле Петровиче как о человеке. Кем он был первые 70 лет своей жизни, знаем только мы, близко его видевшие и слышавшие.

Наверное, по мере жизни человек превращается в глазах окружающих в некую информацию. И такая информация — даже не резюме, а самые яркие впечатления, которые в совокупности и образуют репутацию. Мне известно, что репутация Павла Петровича в археологической Одессе очень высока. Но «я вам не скажу за всю Одессу», потому что знаю и люблю Павла Петровича уж очень лично.

Я познакомился с Павлом Петровичем унылым декабрьским утром 1980 года, когда приехал в Кишинев после первого провала кандидатской защиты. Мне нужен был отзыв на новую диссертацию, но никто не хотел иметь со мной дело. Павел Петрович видел меня тогда впервые в жизни. Не говоря ни слова, он вытащил собственную пишущую машинку и предложил мне написать на ней от его имени все, что мне угодно. А он это подпишет, и поможет, чем сможет. Затем он достал бутылку, чтобы я выпил и успокоился. Так ласково со мной еще никто не обращался.

Благодаря отзыву и другой поддержке Павла Петровича мне удалось довольно быстро защитить эту диссертацию. В дальнейшем я ему обязан публикациями в академических изданиях АН Молдовы, участием во многих научных форумах и экспедициях, и, в конечном счете, — всей своей научной судьбой.

Так, в 1986 г. меня выгнали с работы из Института археологии АН Украины за попытку стать доктором наук. Никто на работу брать меня не желал. Я снова мыкался по всей стране со своей очередной диссертацией, производя на окружающих комическое впечатление. Никто снова не хотел со мной иметь дело. Один лишь Павел Петрович очередной (уже который?) раз достал бутылку, чтобы я выпил и успокоился. А затем согласился оппонировать диссертацию. А также взял меня на работу в Требужены, где мы, вместе со всем нынешним руководством Высшей антропологической школы, «грызли молодыми зубами гранит науки» под строгим надзором Павла Петровича. И сейчас я точно знаю, что если бы не наши строгие армейские подъемы по утрам, ежедневное собирание окурков во дворе базы и подпольное изготовление самогона, тайные купания в клоаке Реута и совместные «методологические посиделки», то не было бы ни Высшей антропологической школы, ни журнала «Стратум». Да и я сам никогда бы не стал доктором и не имел бы удовольствия сейчас с неизбывной любовью и благодарностью писать эти строчки.

Мне лишь теперь, с высоты прожитых лет, стало ясно, до какой степени я обязан своей научной и всей жизненной судьбой Павлу Петровичу. Мои впечатления о нашем общении ярки и незабываемы. Надеюсь, они лучше всяких «юбилейных», полагающихся к случаю слов, показывают Павла Петровича как человека исключительного — доброго, широкого, смелого и талантливого.

И — как человека удивительного. Тогда же, в Требуженах, Павел Петрович мне сказал, что его жизнь только начинается. Я не поверил, но так оно и оказалось. В год своего 70-летия он мне сказал то же самое. Можно только позавидовать. Ведь красиво жить надо уметь.

Дай Вам Бог здоровья, Павел Петрович! Ради нас всех. Красиво прожитая жизнь вызывает зависть и восхищение. Наверное, Вы знаете секрет искусства жить. И мы хотим у Вас попрежнему учиться этому искусству.

Андрей Добролюбский

Не верю в Ваш возраст и преклоняюсь пред Вашей энергичностью!

Павлу Петровичу Бырне — 70 лет, и это не шутка! Шуткой эта новость может показаться каждому, кто лично, а не только по публикациям, знает Павла Петровича. А кто Павла Петровича не знает?! Кто не знает генерала от молдавской археологии?! Кто не знает самого первого в истории молдавской археологии доктора исторических наук и вообще одного из первых молдавских археологов, когда-то вместе с Георгием Борисовичем Федоровым начавшего энергично закрашивать в цвет и блеск археологических культур «белые пятна» на исторической карте Молдавии. Ведь уже давно Павел Петрович и его знаменитое городище Старый Орхей являются визитной карточкой археологической Молдавии. Нет, не соответствует Павел Петрович своему юбилейному возрасту, уж очень он себя молодо ведет и чересчур подерзкому молодо выглядит. И когда Павел Петрович в силу необходимости (если, например, кого-нибудь распекает и чихвостит) напускает на себя строгость и напоминает собеседнику о той многолетней пропасти, что их разделяет, собеседник улыбается, и чем он моложе, тем улыбка шире и недоверчивей. Да, стариком Павла Петровича никто не назовет. Ничего не попишешь, Павел Петрович, сами виноваты. Нéчего с такой юношеской экспрессией, не прислушиваясь к собственному сердцу, скакать по этажам, охотясь на прячущегося от Вас в закоулках университета нерадивого студента, или каждое свое выступление на обычной рабочей планерке в ректорате превращать в сверхтемпераментное «выступление Катона»: «Институт хвостистов-задолжников в Высшей антропологической школе должен быть разрушен»! А что же вы хотели, Павел Петрович? В таком почтенном возрасте продолжать дерзко обаять юных дам и требовать к себе отношения как к почтенному старцу из пустынного скита. Чуть ли не каждую неделю бегать в парикмахерскую — терзать не смеющий вырасти и на сантиметр бобрик далеко не седых еще волос — и одеваться франтом по последней лондонско-колониальной моде. А кто столь охоч до всего нового?! Кто жаждал сесть за освоение компьютера со сверхабитуриентским задором новичка? Кто еще с таким желанием всю жизнь учится? Кто из деканов и проректоров столь часто посещает лекции коллег и с таким энтузиазмом поглощает даже микроскопический опыт совсем еще юных преподавателей? Павел Петрович, вы молоды. Вы, молоды не по возрасту. Павел Петрович, Вам семьдесят, но простите, Вы ведь не можете это доказать и я отказываюсь в это верить.

Обычно в дни таких славных юбилеев вспоминаются всевозможные жизненные случаи, связанные с юбиляром. По отношению к Павлу Петровичу таких воспоминаний сразу возникает огромное множество, но я бы здесь хотел рассказать об одном, который мне врезался в память и который, на мой взгляд, прекрасно иллюстрируют реактивность и жизнелюбие этого человека.

Итак, 80-е гг. едва перевалили за середину, институт археологии и средневековый сектор. Павел Петрович — его бессменный заведующий, непрерывно трудящийся у себя в кабинете, и потому наш не всегда немой укор. Мы же — Анатолий Городенко, Марк Ткачук, Василий Гукин, Сергей Травкин и ваш покорный слуга, молодая поросль творческих бездельников и лаборантов — проводим секторальные дни в бесконечных чаепитиях и беседах за науку. Как-то волею случая в наше распоряжение попала огромная плита среднеазиатского «самопального» зеленого чая. Помимо того, что чай сам по себе был очень крепок от природы, в нем, кроме попадавшихся окурков, по-видимому, была подмешана и какая-то неизвестная нам травка. Этот чай приходилось варить, в полном смысле этого слова, но полученный напиток приводил всех в неистовый энтузиазм и чисто научное возбуждение. Беседы на научные темы с этим очень тонизирующим чаем проходили гораздо быстрее, темпераментнее и плодотворнее. Причем сила чая была такова, что его можно было заваривать многократно и он, хоть и слабее, но действовал. Павел Петрович, периодически заглядывая в наш кабинет, делал очередное замечание по поводу нашего творческого безделья. Мы же говорили, что сейчас благодаря чудесному чаю с втрое большим энтузиазмом возьмемся за практическую работу. И предлагали Павлу Петровичу испробовать на себе силу возбуждающего напитка. Павел Петрович, который сам по себе олицетворение сверхэнергии и которого нужно не ускорять, а, скорее, тормозить, как-то решил попробовать. Как мы потом пожалели о своем опрометчивом предложении! Павел Петрович выпил чаю, немедленно возбудился и немедленно и весьма энергично разогнал по камералкам и другим рабочим местам всю нашу компанию.

Павел Петрович, спустя годы мы можем признаться: чай, которым мы вас тогда потчевали, был вторичной заварки. Простите нас за это и согласитесь, что это было к счастью. Попробовали бы вы тогда напитка «на полную мощность», «зарядились» бы еще более и погнали бы нас вообще с работы. И тогда бы не было у нас столько сезонов в вашей староорхейской экспедиции. Не было бы посиделок у костра под чай и не только под чай в наших, уже самостоятельных экспедициях в Руди. Не соединились бы мы, не сплотились бы мы, может быть не воплотилась бы идеи Высшей антропологической школы и журнала Stratum Plus, на страницах которого мы можем и хотим

выразить Вам свою признательность. Признательность за то, что вы нас гоняли и своим личным примером показывали, как нужно черпать энергию и куда ее нужно направлять. Спасибо, Павел Петрович, оставайтесь и дальше таким дерзко и творчески молодым на зависть недругам и на радость Вашим многочисленным друзьям и ученикам.

Роман Рабинович.

«Ложка дёгтя в бочку юбиляра»

П. П. Бырня, Бырня, Бырнечка… три разных человека в одном лице. Он же крупный учёный, историк, археолог, доктор наук, румын по национальности, уважаемый всеми человек, внесший достойный вклад в изучение средневековой истории Молдавии.

П. П. Бырня — начальник археологической экспедиции, хан и пыркалаб Старого Орхея. Грозен, суров, не всегда справедлив, человек настроения. Чтобы попасть в его экспедицию, было достаточно заверить руководство в неограниченном трудовом энтузиазме. Работа во вверенной Бырне экспедиции значилась на первом, втором, третьем… седьмом и, наверняка, десятом месте. Четвертое, пятое, шестое и девятое места также не пустовали и постоянно заполнялись небольшими работами, то бишь: запастись водой, убрать двор, помыть керамику, зашифровать её же, а затем благополучно закопать в отвале, обзавестись огородом на каменистой почве, а затем успешно бороться с колорадским жуком.

Так что экспедицию в Старом Орхее в плане работы можно назвать ударной, даже где-то близкой к исправительно-трудовой, в лагере не очень строгого режима. По этой причине, новых людей, желающих загубить свою молодую жизнь в руинах средневекового города, было не так уж и много. А те, что попадали, задерживались недолго и через некоторое время сбегали или же были изгнаны лично Бырней.

Успешно трудясь с раннего утра (подъём в 6.00) до обеда, а затем после обеда и до заката, мы, молодые и подающие большие надежды трудовые лошадки, с огромным нетерпением ждали воскресенья, когда можно было поспать подольше, да и дать отдохнуть своему натруженному организму. Но и это удавалось не всегда. Бырня, со свойственной ему загадочной улыбкой, чуть хрипловатым голосом, иногда мог сообщить, что после завтрака было бы неплохо убрать в церкви, используемой под склад…

Но всё-таки, хоть и медленно, но верно наступало долгожданное время вечернего отдыха. Преображался и Бырнечка, становясь душой компании, обаятельным, добрым, хлебосольным хозяином. Он и накормит, и напоит, а под настроение, и песню споёт.

Его доброта могла проявиться и в необычной ситуации. … Бывала жара невыносимая, пыль столбом, вокруг ни деревца, ни кустика, где можно было бы спрятать своё обожжённое тельце, а до конца работы еще безмерно длинный час. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется наш заботливый Бырнечка! Выгружается в удобном для полевого перекуса месте и, о боже… угощает изголодавшихся, измученных подданных прохладным красным вином, которое превосходно сочетается с домашним хлебом, брынзой и спелыми помидорами, обильно покрытыми дорожной пылью. Попробуйте и Вы, не пожалеете!

Екатерина Абызова.

Учитель

Только со временем осознаешь важность происходящих событий... Первые археологические раскопки, успехи и неудачи, новые находки и клады — все это связано с уникальным памятником Старый Орхей и бессменным начальником экспедиции — Павлом Петровичем Бырней. Заканчивая исторический факультет, я даже не мечтала, что буду работать на этом памятнике под руководством П.П.Бырня. Но первые впечатления — самые сильные. И археология стала интересной и увлекательной работой, а Павел Петрович — учителем, строгим начальником экспедиции и коллегой.

Раскопки первых жилищ и сооружений, первые находки — это запоминается на всю жизнь. И рядом всегда знание и опыт Павла Петровича. Если бы не настойчивость начальника экспедиции, я бы никогда не увидела раскопки первой столицы Золотой Орды — у с. Селитренное, Астраханской области. В работе археолога большое значение имеет не только теоретическая подготовка, но и практический опыт, исследования памятников других эпох, умение провести сравнительный анализ.

Накопление археологического материала со средневековых памятников — процесс очень длительный и кропотливый. Поэтому сравнительно мало археологических работ по средневековью. И предоставление мне всего археологического материала по истории золотоордынских городов Днестровско-Прутского междуречья, имеющегося в распоряжении у Павла Петровича, для написания кандидатской диссертации, характеризует его, как щедрого настоящего ученого, для которого смысл жизни и в науке, и в учениках.

До сих пор я помню, как сложно было писать первую статью и сколько было у Павла Петровича терпения и такта, когда ему пришлось исправлять мои ошибки. Прошли годы… и как их результат — совместное написание тезисов, статей и монографий и опять — терпение, такт и уважение к мнению коллеги.

Татьяна Рябой

«...Легко вызывает чувство восторга...»

Вот уже 30 с лишним лет каждое юное создание, будь то симпатичная девушка или переполненный надеждами юноша, обращая свой взор на средневековую археологию, вынуждено вступать в контакт с уважаемым Павлом Петровичем Бырней. Сей муж, при всем своем темпераменте и импульсивности, всегда строгий и слегка суровый, легко вызывает чувство восторга и трепета. В младые годы и мне с группой подростков удалось попасть под его «чары» и в составе староорхейской экспедиции участвовать в лихорадочных поисках остатков прошлого – битой посуды, кусков обожженной глины и прочего археологического мусора. Все это на удивление детально отмечалось на планах, описывалось, обмерялось, а потом в массе своей выбрасывалось. Уже позже многие из нас, став студентами истфака, начали постигать смысл этой хитроумной методики по исследованию многослойных памятников.

Будучи опытным руководителем, П. П. Бырня умело завлекал в свою экспедицию подающих надежды молодых людей. Для многих из них это начиналось с культпохода по живописной долине р. Реут в сторону скальных монастырей, осмотра золотоордынской бани, караван-сараев, остатков молдавской цитадели. Продолжение могло быть как у знакомой тети Паши, приготовившей гуся с яблоками, так и на базе экспедиции, где мама начальника экспедиции, Александра Ивановна, даже обычные макароны с брынзой превращала в изысканную еду, которую не возбранялось запивать каким-нибудь благородным напитком.

Пользуясь случаем, от себя лично и своих друзей — Владимира Яниева, Виктора Цоя, Виктора Шепеленко, Марианы Баландиной, Надежды Пулеметовой хотелось бы выразить искреннюю признательность дорогому Павлу Петровичу за его заботу и ласку.

Сергей Коваленко.

Аристократ на траектории будущего

Это было в 1984 г. Я тогда работал школьным учителем и жил в приморском городке под Одессой. В июле мы с женой и 5-летней дочкой собирались в Крым, чтобы принять участие в работе экспедиции Эрмитажа. Занятия полевой археологией, увлекшей меня со студенческой скамьи, удавалось продолжать только на каникулах.

Однако тем летом я попал на раскопки золотоордынского городища в Молдавию. Живущая теперь в Нью-Йорке Лена Столярик умело «сосватала» меня в Старый Орхей на роль «опытного раскопщика». Она посоветовала не вести пустые переговоры о приезде с семьей: «Дай телеграмму Бырне и свались ему на голову со своими… Он примет». Я так и сделал – в 26 лет не особенно принято взвешивать все pro и contra.

Авантюрность затеянного мучила меня до самой встречи с начальником молдавской археологии, называвшимся почти загадочно – «Бырня». Странная фамилия застряла где-то в мозгу, но не вызывала еще никаких ассоциаций. Все мысли вертелись вокруг тургеневского имени-отчества – «Павел Петрович». Я делал напрасные попытки проецировать свои воспоминания о персонаже «Отцов и детей» на его молдавского тезку, предстоящее общение с которым обещало столько неизвестного.

Впечатления от Бырни превзошли все мои ожидания. Он абсолютно не походил на человека, которому кто-либо может запросто свалиться на голову. Может быть, поэтому накопленная за время пути неловкость, исчезла при первом же знакомстве. Начальник экспедиции был естественно доброжелателен и гостеприимен. Деятелен, но не суетлив. Серьезные дела не мешали ему быть веселым, а временами даже хулиганисто-озорным. Некоторые его парадоксальные сентенции, вроде «Фугас погас и не фига-с!», могли бы украсить хрестоматию археологического фольклора. Запомнились его песни у костра, особенно:

«Осторожно, друг! Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар».

В бликах огня ее приглушенно звучащие слова делали исполнителя одновременно близким и недосягаемым, одним словом великолепным.

Совершенно точно: он все успевал. Поразмышлять о жизни в науке и будущем археологической молодежи. Дать оценку последним новостям разного масштаба (от экспедиционного до планетарного) и дать нагоняй дежурным. Побывать на раскопе, в колхозной конторе у председателя, книжном магазине и на кухне. В экспедиции он умудрялся очень многое написать, что, как правило, хуже всего получается у археологов. Благодаря его трудам, удалось спасти от неминуемого разрушения требуженскую церковь. Все получалось у него быстро и красиво. Он не ходил и не бегал, а скорее прыгал как легкий и беспечный мячик в веселой детской игре.

Он одинаково лихо беседовал с заезжими гостями-профессорами и сельскими мальчишками. Общаясь, Павел Петрович моментально переходил с молдавского языка на русский и наоборот. Потом оказалось, что он говорит на болгарском, неплохо разбирается во французском и латыни…

Как у ученика достойного Г.Б.Федорова, среди его знакомых были выдающиеся ученые, артисты, писатели. Люди высшей номенклатуры и диссиденты. Он одинаково ровно относился к обращениям «шеф», «domnul profesor» и даже «Пашка Бырня», но был всегда готов парировать любую шпильку в свой адрес. Он мог и не

нравиться, однако на его месте почему-то хотелось быть.

За время исследований в Старом Орхее Павел Петрович стал близким для многих местных жителей. Школьники, работавшие на раскопе, быстро вырастали; приглашали его на проводы в армию, свадьбы и крестины. Затем на раскопки приходили их дети, среди которых были и крестники П.П.Бырни.

Моя первая экспедиция в Старый Орхей превзошла все ожидания. В ней моими друзьями стали многие известные теперь археологи. Мне подарили библиотеку мечты – практически всю научную литературу, необходимую для работы над темой. Я уезжал одолеваемый прекрасными воспоминаниями, еще не подозревая, что встрече с Павлом Петровичем предстоит стать поворотным пунктом в моей судьбе.

Прошли годы. Иногда верится с трудом, что П.П.Бырня, открывший мне дверь в большую науку, работает теперь рядом, в той же Высшей Антропологической Школе. Здесь же и многие ребята из экспедиции 1984 г. Рискну обобщить: там, где находится Бырня, возникает перспектива, если хотите траектория будущего.

Пусть я отчасти склонен к идеализации действительности, но уже точно знаю, что Бырню и Кирсанова роднит врожденный аристократизм. Вот цитата, специально для этих заметок отысканная в романе И.С.Тургенева. «Его уважали за его отличные аристократические манеры, за слухи о его победах; за то, что он прекрасно одевался и всегда останавливался в лучшем номере лучшей гостиницы; за то, что он вообще хорошо обедал, а однажды даже пообедал с Веллингтоном у Людовика-Филиппа; за то, что он всюду возил с собою настоящий серебряный несессер и походную ванну; за то, что он него пахло какими-то необыкновенными, удивительно «благородными» духами; за то, что он мастерски играл в вист и всегда проигрывал; наконец, его уважали также за его безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательным…»

Кажется, совпадает все. Вернее почти все. В отличие от своего литературного прообраза истинно бессарабский аристократ П.П.Бырня вырастил, кроме дочери Елены, еще много хороших «детей» — Н.П.Тельнова, Т.Ф.Рябой, А.П. Городенко , Р.А.Рабиновича, М.Е.Ткачука… Всех я и не знаю.

* * *

На работу в Университет П.П.Бырня обычно приходит раньше других сотрудников. Но мне повезло – несколько раз я с удивлением замечал: по утрам он идет парком и …поет! А однажды удалось расслышать даже слова песни:

«Пройдут года. Настанут дни такие…»

После этого случая меня никто убедит, что молодежный задор для Вас, Павел Петрович, день вчерашний, а не сегодняшний. Оставайтесь же молодым, вопреки всем грядущим юбилеям!

Николай Руссев

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ П.П. БЫРНИ

1957

1. Итоги археологических исследований АН МССР в 1956 г. (В соавторстве с Г.Б. Федоровым) // Вестник АН СССР, 1957, №5.

1958

2. К вопросу об исследовании молдавских сельских поселений. // Материалы I конференции молодых ученых МССР, 1958.

3. Инструкция по ведению археологических работ. (В соавторстве с Г.Б. Федоровым). Оргеев, 1958.

1959

4. Итоги археологических и этнографических исследований 1959 г. (В соавторстве с Г.Б. Федоровым). // Вестник АН СССР, 1959, №8.

1960

5. Археологические раскопки у с.Бравичены в 1956 г. (В соавторстве с Г.Ф. Чеботаренко) // Известия Молдавского Филиала АН СССР, 1960, №4(70).

6. Из исследований Поянского селища. (В соавторстве с Г.Ф. Чеботаренко). // Известия Молдавского Филиала АН СССР, 1960, №4(70).

1961

7. Кут — древний тип сельского поселения на территории Молдавии. // Известия Молдавского Филиала АН СССР, 1961, №5(53).

1963

8. К вопросу о заселении Прутско-Днестровского междуречья в средневековье. // Труды III конференции молодых ученых МССР, 1963, вып. III.

1964

9. Северо-западный путь заселения территории Молдавии волохами. // Тезисы докл. I-го симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР, 1964.

10. Раннеславянское селище «Старые Малаешты». (В соавторстве с В.А. Дергачевым). // Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, 1964.

11. Материалы к археологической карте Молдавии. (В соавторстве с Г.Ф. Чеботаренко). // Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, 1964.

1965

12. Данные топонимики о заселении терри-

тории Молдавии восточнороманским населением. // Сб. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР (Тезисы докладов и сообщений)» Ленинград, 1965.

13. Основные признаки села как типа поселений Молдавии в эпоху феодализма. // Известия АН МССР, 1965, №1.

14. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. ист. наук.

15. Северо-западный путь заселения Молдавии восточно-романским населением. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1965, вып.105.

16. Зарождение села, как основного типа поселения Молдавии в эпоху феодализма. // Известия АН МССР, 1965, №12.

1966

17. Карта сельских поселений Молдавии XV в. // Проблемы географии Молдавии, 1966, №1.

18. Сельские поселения средневековой Молдавии. // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований, 1966-1967 гг.

1967

19. О значении термина «приселок» в молдавских средневековых памятниках. // Тезисы докладов научной конференции по итогам научных исследований работ за 1966 год, 1967.

1969

20. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969.

21. Некоторые сведения иностранных путешественников о Молдавии средних веков. // Проблемы географии Молдавии, 1969, вып. III.

22. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии. // Далекое прошлое Молдавии, 1969.

23. Материалы к археологической карте Попрутья. (В соавторстве с В.С. Бейлекчи). // Далекое прошлое Молдавии, 1969.

1971

24. Археологические работы в Старом Орхее. // АО 1970 г., 1971.

1972

25. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг., 1972.

26. Работы в Старом Орхее. // АО 1971, 1972.

27. Археологические исследования на участке «Кладбище I» в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.А. Щербаковой). // Тезисы пленарных і секціонных доповидей, Одесса, 1972.

28. Из истории земледелия на территории Старого Орхея (видовой состав культурных растений). (В соавторстве с З.В. Янушевич). // Вопросы экономической истории Молдавии и капитализма, 1972.

1973

29. Работы в Старом Орхее. (В соавторстве с Н.М. Виноградовым). // АО 1972, 1973.

30. Исследования средневековых памятников в Молдавии. (В соавторстве с А.А. Нудельманом). // АО 1973, 1974.

31. Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.А. Щербаковой). // Археологические исследования в Молдавии, 1973.

32. Раскопки трипольского поселения в Старом Орхее. (В соавторстве с Н.М. Виноградовой и В.С. Бейлекчи). // Археологические исследования в Молдавии, 1973.

33. Усадьбы ремесленников XV в. в Старом Орхее. // Археологические исследования в Молдавии, 1973.

1974

34. Средневековые памятники XV-XVII вв. (В соавторстве с Л.Л. Полевым). // Археологическая карта МССР, вып. 7, 1974.

35. Древняя культура Молдавии. (В соавторстве с А.И. Мелюковой, Э.А. Рикман, И.А. Рафалович и др.). 1974.

36. Археологические исследования в Старом Орхее. // Тезисы докладов на сессиях, посвященных итогам полевых исследований в 1971, 1972 гг.

37. Ювелирная мастерская XV в. из Старого Орхея. // Археологические исследования в Молдавии (1973), 1974.

1975

38. К исследованию монументальных сооружений XV в. в Старом Орхее. // Новейшие открытия советских археологов, ч.III. Киев, 1975.

39. Работы в Старом Орхее. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // АО 1974, 1975.

40. Кашинная поливная керамика из Старого Орхея. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // 150 лет Одесскому музею АН УССР, тезисы докладов, 1975.

1976

41. Исследования в Старом Орхее. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой и А.А. Нудельманом) // АО 1975, 1976.

42. Естественно-географические условия и демографические процессы. (В соавторстве с Л.Л. Полевым). // История народного хозяйства Молдавской ССР, 1976.

43. Аграрный строй и развитие сельского хозяйства. // История народного хозяйства Молдавской ССР, 1976.

44. Развитие городов и ремесленного производства. // История народного хозяйства Молдавской ССР, 1976.

45. Внутренняя и международная торговля. Роль транзитной торговли. Денежное хозяйство. (В соавторстве с А.А. Нудельманом). // История народного хозяйства Молдавской ССР, 1976.

46. Исследования в Старом Орхее. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой, М.С. Великановой и А.А. Нудельманом). // АО 1976, 1977.

1977

47. Поселение и жилище. «Молдаване», 1977.

1978

48. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X-XII вв. и Балкано-Дунайская культура. (В соавторстве с И.А. Рафаловичем). // Известия АН МССР, №1, 1978.

49. Исследования в Старом Орхее. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой и А.А. Нудельманом) // АО 1977, 1978.

50. Работы Молдавской средневековой экспедиции в 1978 г. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой и А.А. Нудельманом). // АО 1978 (1979).

1980

51. Галицкие славяне в Молдавии. // Тезисы докладов Советской делегации на IV международном конгрессе славянских археологов, София, 1980.

52. Новое исследование истории формирования молдавского народа. // «Коммунист Молдавии» №8, 1980.

53. Работы в Старом Орхее. // АО 1979 (1980).

1981

54. Древности Старого Орхея (Золотоордынский период). (В соавторстве с Е.Н. Абызовой и А.А. Нудельманом). 1981.

55. Археологические работы в Старом Орхее. // Археологические исследования в Молдавии в 1974-76 гг., 1981.

1982

56. Жилища Старого Орхея. Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг., 1982 г.

57. Зарождение феодальных отношений. Образование Молдавского государства. Экономическое положение Молдавии в XV — начало XVI вв. История МССР (однотомник), 1982.

58. Древности Старого Орхея (молдавский период). (В соавторстве с Е.Н. Абызовой и А.А Нудельманом). Кишинев, 1982.

59. Рецензия на монографию А.А. Бобринского. «Гончарство Восточной Европы». (В соавторстве с Л.Л. Полевым). // Археологические исследования в Молдавии (1977-198), 1982.

60. Рецензия на монографию Е.М. Подградской «Экономические связи Молдавского княжества и балканских стран с Русским государством». (В соавторстве с А.А. Нудельманом). // Известия АН МССР (серия общ. наук), 1982, №2.

1983

61. Исследования в Старом Орхее в 1979-1980 гг. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // Археологические исследования в Молдавии 1979-1980, 1983.

62. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I-нач. II тыс. (В соавторстве с И.А. Рафаловичем). // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории Молдавии, 1983.

1984

63. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. (XV — начало XVI в.). 1984. Кишинев, «Штиинца», 1984.

1985

64. Каменное сооружение I в Старом Орхее. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье, Кишинев, «Штиинца», 1985.

65. Некоторые данные о результатах исследований города Старый Орхей. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // Археологические исследования в Молдавии. 1981, Кишинев, «Штиинца», 1985.

1986

66. Топография и культурная стратиграфия Старого Орхея. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // Археологические исследования в Молдавии. 1982, Кишинев, «Штиинца», 1986.

1987

67. Старый Орхей. Фотоальбом. Кишинев, «Штиинца», 1987.

68. К вопросу градообразования в Днестровско-Прутском междуречье (до установления османского ига). // Труды V Международного Конгресса славянской археологии, М., 1987, Т.I, вып. 2а.

1988

69. Археологические работы в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Археологические исследования в Молдавии. 1983, Кишинев, «Штиинца», 1988.

70. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхея. // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья, Кишинев, «Штиинца».

71. Фундаментальные исследования по истории Молдавии. (В соавторстве с Е.М. Подградской). // Коммунист Молдавии, 1988, №1.

72. Структурно-функциональный подход к изучению городских организмов (тезисы). // «Теоретические проблемы современной археологии», Кишинев, 1988.

73. О господстве золотоордынской государственности в Днестровско-Карпатских землях. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии, проблемы феодальной государственной собственности и гос. эксплуатации (ранний и развивающийся феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. I, Кишинев, 1988.

1989

74. О некоторых итогах исследований в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Археологические исследования в Старом Орхее в 1984 г., Кишинев 1989.

75. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхея. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев, 1989.

76. О неполивной керамике XIV в. из Прутo-Днестровья. (В соавторстве с Н.Д. Руссевым). // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XIV вв. Ростов на Дону. 1989.

77. Опыт периодизации денежного обращения в Молдавском княжестве (XIV в. — 1812 г.). (В соавторстве с А.А. Нудельманом). Тезисы докладов на конференцию, посвященную памяти проф. П.О. Карышковского // Древнее Причерноморье. Одесса, 1989.

78. О некоторых итогах исследований в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. 1989.

1990

79. Два монетно-вещевых клада XVI и XVII вв. из Молдовы. (В соавторстве с А.А. Нудельманом и Т.Ф. Рябой). // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. Кишинев. 1990.

80. О зарождении и формировании молдавского города в Днестровско-Прутском междуречье (по материалам Старого Орхея). // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ч.I. История. Белгород-Днестровск. 1990.

1991

81. К проблеме градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья. // Древности Юго-Запада СССР (I-сер. II тыс.). Кишинев. 1991.

82. Спасательные работы в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Древности Юго-Запада СССР (I-сер. II тыс.). Кишинев. 1991.

83. Из истории исследования Старого Орхея. // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев. 1991.

84. Новые материалы из Старого Орхея. // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев. 1991.

85. Об аграрном характере хотара молдавского города XV — начала XVI вв. // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Кишинев. «Штиинца». 1991.

1992

86. О военной обязанности горожан Молдовы в период правления Штефана Великого. // Revistă de istorie Moldovei. 1992. Nr 2. Chişinău. Ştiinţa.

87. Раскопки в Старом Орхее. // Археологические исследования в 1986 г. Кишинев. 1992.

88. Orheiul Vechi: unele observaţii cu priviria la procesul de urbanizare în Moldova feudală. // Arheologia Moldovei. XV. Iaşi. 1992.

1993

89. Культурные и торговые связи золотоордынского города Шехр ал-Джедид в середине XV в. // Международные отношения и государственные структуры в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в IV-XVIII вв. Материалы научной конференции. Запорожье. 1993.

90. Prestaţiile oraşenilor moldoveni în sec. al XV-lea — încep. sec. al XVI-lea. // Revista de istorie a Moldovei. 1993. Nr. 3 (15).

91. Монументальные сооружения Шехр ал-Джедида. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса. 1993.

1994

92. Cahle discoperite în Moldova dintre Prut şi Nistru. (În colaborarea cu P. Botariuc). // Arheologia Moldovei. XVII. Buc. 1994.

1995

93. Arhitectura monumentală a Oraşul Nou (Şehr al-Gedid). (În colaborarea cu T. Reaboi). // Memoria Antiquitas XX. Piatra Neamţ. 1995.

94. Fortificaţiile Orheiului Vechi în a doua jumătatea a sec. al XV-lea. // Sesiunea naţională «Factorul militar în viaţa oraşelor» (Rezumatele lucrărilor). Giurgiu. 1995.

95. Altîn Ordu“za Ait Dnester ve Prut Nehirleri Arasinda Bulunan «Sehr al-Gedid» în XIV. Asirdaki Durumu. Turk Dunyasi Tarih dergisi. Nr. 89 Mayis, Stambul, 1995.

96. Некоторые данные о топографии золотоордынского города Шехр ал-Джедида. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов научной конференции. Белгород-Днестровский, 1995.

97. Шехр ал-Джедид – град от епотаха Златната орда в днешна на Молдова през XIV век. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Эпохи № 3-4, 1995. Велико Тырново.

1996

98. Despre soarta istorică a Orheiului Vechi. // Tyrageţia. III. Chişinău. 1996.

99. Золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья (по материалам Старого Орхея). (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 12-14 марта. Одесса. 1996.

100. Медное блюдо XIV в. из Старого Орхея. (В соавторстве с Е.Н. Абызовой). // Tyrageţia, IV-V, Chişinău. 1996.

1997

101. Obiecte de provenienţă orientală la Orheiul Vechi. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Tyrageţia, IV-V, Chişinău. 1997.

102. Из истории молдавского Белгорода – Четате Албэ. // Аккерманские ведомости. Вып. I. Белгород-Днестровский, 1997.

103. Социально-экономическое развитие Молдавии в конце XIV — начале XVI в. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Глава III, Кишинев, 1997, ст. 37-59.

104. Молдавская культура в XIV — начале XVI в. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Глава VI, Кишинев, 1997, ст. 90, 105.

105. Dezvoltarea social-politică a Moldovei la sfîrşitul sec.XVI. Istoria Republicii Moldova din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre, cap. III, Chişinău, 1997.

106. Cultura Moldovei în sec. XIV — începutul sec. XIX. Istoria Republicii Moldova. Cap. VI, Chiş. 1997.

107. Топография золотоордынского города Старый Орхей. // Vestigii arheologice din Moldova, Chişinău. 1997.

108. Железные изделия XIV века из Старого Орхея. // Vestigii arheologice din Moldova, Chişinău. 1997.

109. К вопросу о топографии золотоордынских городов Молдавии (по материалам Старого Орхея). (В соавторстве с Т.Ф.Рябой). // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН, 28-30 апреля 1997, СПб. 1997.

110. Новый город золотоордынского времени в Молдавии. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Запорозьке казацтво в памятниках истории та культуры. Матер. Міжнародной наук.-практ. конф. Запорожье, 1997.

111. О восточном импорте в Шехр ал-Джедид. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Международные отношения в бассейне Черного моря в древние и средние века. Тезисы докладов VIII международной научной конференции. Ростов на Дону.

112. Oraşul medieval în Moldova. Chişinău. 1997.

113. О типах погребального обряда золотоордынского города Шехр ал-Джедид. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Международные отношения в бассейне Черного моря в древние и средние века. Тезисы докладов IX международной научной конференции. Ростов на Дону.

1998

114. Некоторые данные о производстве поливной керамики в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // История культурных связей X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1998.

115. Культовые памятники золотоордынского времени в Старом Орхее. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Revista arheologică, 1998, Nr. 2. Chişinău.

116. Investigaţiile arheologice din Orheiul Vechi în anul 1987. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Revista arheologică, 1998, Nr. 2. Chişinău.

117. Un inel sigilar discoperit la Orheiul Vechi. (În colaborarea cu E. Nicolae). // Al XVI-lea Simpozion naţional de numismatica 12-14 mai 1998. Alexandriu-Teleorman.

1999

118. Процесс градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья. // «Strarum plus». Кишинев. 1999. № 5.

119. Монеты средневековой Молдавии (историко-нумизматические очерки). (В соавторстве с Н.Д. Руссевым). // «Strarum plus». Кишинев. 1999. № 6.

2000

120. Два клада из Старого Орхея. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). Кишинев. 2000.

121. Materiale archeologice relative la economia monetară din epoca Hoardei de adur descoperite la Orheiul Vechi. (În colaborare cu E. Nicolae, T. Reaboi, N. Telnov). // Simpozion de numismatică. Chişinău. 28-30 mai 2000. Buc.

2001

122. Un ornament pseudo-cufic (sec. XIV). (În colaborare cu E. Nicolae). // Simpozion de numismatică. Chişinău. 13-15 mai 2001.

123. О типах погребального обряда золотоордынского города Шехр-ал-Джедид. (В соавторстве с Т.Ф. Рябой). // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Тезисы IX международной конференции. Ростов-на-Дону, 2001.

СЕВЕРНАЯ РУСЬ

В.В.Седов

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

V.V. Sedov. Development of the Culture of Pskov Long Mounds.

The article studies the problem of origin and development of the archaeological culture of Pskov long burial mounds, which were spread from middle I millennium AD in the forest zone in the west of Eastern Europe (modern Novgorod and Pskov Oblast' of the Russian Federation). The early stage of this culture is associated with the first appearance of a big number of finds of Central European provincial Roman origin on this territory. Compared to other researchers, the author connects the origin of the culture of Pskov long burial mounds with a strong eastward migration flow of Wielbark and Przewor cultures of the Vistula basin, rather than with the local Baltic-Finnish population. There were Germans, Slavs and Balts among the migrants; however, the culture of Pskov long burial mounds was primarily Slavic, though it included, especially on periphery, local Finnish elements. The author supports his hypothesis with linguistic and toponimic data.

До середины I тыс. до н.э. лесные области Восточно-Европейской равнины от побережья Финского и Рижского заливов на западе до Уральских гор на востоке заселяли племена финской языковой группы. Об этом отчетливо свидетельствуют данные гидронимики (Vasmer 1934: 351-440), которые надежно подтверждаются археологическими материалами (Седов 1990: 8-26). Облик экономики и культуры финноязычных племен в раннем железном веке характеризуют культуры текстильной (или сетчатой) керамики (от побережья Финского залива до Волго-Окского бассейна включительно) и ананьинско-пьяноборская в Прикамье. С юго-запада к финноязычному ареалу вплотную примыкал обширный балтский этнический массив. В раннем железном веке балты представлены культурами западнобалтских курганов (будущие пруссо-ятвяги), штрихованной керамики (будущие летто-литовцы), днепро-двинской, юхновской, верхнеокской (днепровские балты), мощинской (голядь) и киевской (голтоскифы Иордана). Культурное и экономическое развитие финских и балтских племен протекало спокойно, в замедленном темпе. Заметную роль в их хозяйстве играли присваивающие формы, хотя были известны и земледелие и животноводство. Провинциальноримские культуры не оказывали какого-либо влияния. Предметы, широко распространенные среди провинциальноримского населения, не достигали лесной зоны Восточной Европы.

Ситуация коренным образом изменяется в период Великого переселения народов. В конце IV — V в. в лесной полосе западной части Восточной Европы распространяются неизвестные здесь ранее изделия провинциальноримского мира Средней Европы (ареалы пшеворской и вельбарской культур). К настоящему времени в северной части будущего восточнославянского ареала известно свыше 100 памятников середины I тыс. н.э. с такими находками, количество которых на некоторых из них достигает двух десятков (Седов 1999: 91-117). Это — железные шпоры с коническими шипами и отогнутыми наружу крючками на концах, двучленные удила с подвижными кольцами на концах или без таковых, бритвы, пинцеты (орудия ювелиров, туалетные щипчики и медицинские инструменты), пластинчатые кресала с кольцеобразными петлями для подвешивания к поясу, втульчатые копья с пером пламевидных очертаний, двушипные втульчатые копья и дротики, В-образные рифленые пряжки.

Среднеевропейское начало имеют и некоторые украшения, единичные умбоны и боевые топоры, обнаруженные в том же лесном регионе Восточноевропейской равнины (Каргопольцев 1997: 88-98). Таковы лунницы, выполненные в стиле Сёсдал, датируемые по среднеевропейским аналогиям концом IV — первой половиной V в., о которых пойдет речь ниже; трех- и двучастные пронизки из стекла темно-фиолетового цвета, имевшие широкое хождение в ареале пшеворской культуры во второй четверти I тыс. н.э. В комплексе находок из Слободки близ г. Борисова имеются стеклянные и янтарные

© В.В.Седов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

бусы боченковидной формы с поперечно сжатыми сторонами, типичные для пшеворских и вельбарских древностей. В трех случаях они были надеты не на нити, а на металлические тонкопроволочные кольца. Такой способ ношения бус в конце римского времени был характерен для населения пшеворской и соседних культур территории Польши.

Появление вещей среднеевропейского провинциальноримского происхождения (их распространение с юга Восточной Европы исключается, так как в черняховской культруре подобные изделия не получили хождения) в лесной полосе Восточной Европы никак невозможно объяснить торговыми или культурными контактами аборигенов с населением пшеворской и вельбарской культур, поскольку ремесленные мастерские, снабжавшие своей продукцией население последних, прекратили свою активную деятельность в конце IV в.

Одновременно с вещами среднеевропейских типов на той же территории Восточной Европы с середины I тыс. н.э. получают распространение железные серпы более совершенных типов, чем те, которые бытовали здесь ранее; каменные жернова для ручных мельниц (до этого были известны только зернотерки), а также культуры ржи и овса.

Безусловно, что такой массив новшеств мог быть привнесен в лесные области Восточно-Европейской равнины только крупным миграционным потоком (или несколькими переселенческими волнами), исходившими из Среднеевропейского региона. Об этом же отчетливо говорит и то, что все археологические культуры финских и балтских племен раннего железного века, которые оказались затронутыми среднеевропейской миграцией, в конце IV — начале V в. полностью прекращают свое развитие.

Выясняются и земли, из которых шли миграционные потоки, и причины, вызвавшие крупные миграции. В конце IV в. в Европе наступило резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. При этом резко увеличивается увлажненность почвы, вызванная как значительным увеличением выпадения осадков, так и трансгрессией Балтийского моря. Одновременно повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, разрастаются болота. Многие местности Средней Европы, густо заселенные в позднеримское время, оказались затопленными или подтопленными и непригодными для проживания и хозяйственного пользования. Известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных землях Германии заставили тевтонов переселиться в другие регионы. Археологические данные свидетельствуют и о запустении Среднего Повисленья — более 600 поселений римского времени, выявленных археологами, покидаются жителями в конце IV — V в., которые перемещаются в основном в лесные земли Восточной Европы.

Эта обширная миграция осуществлялась по возвышенно-озерной гряде, оставленной валдайским оледенением — от Мазурского поозерья до Валдайской возвышенности. Это надежно маркируется находками В-образных рифленых пряжек (Седов 1994а: 129, рис. 2) и материалами топонимики (Udolph 1981: 321-336; 1985: 33-57). Устанавливается, что на новых местах проживания переселенцы на первых порах выбирали возвышенные местности (Седов 1994а: 132, рис. 2 и 3).

По мере стабилизации жизни около середины I тыс. н.э. в бассейнах Ильменя и Псковского озера складывается культурное новообразование — культура псковских длинных курганов (Седов 1974; 1994б: 211-217). Вполне очевидно, что она не была развитием предшествующей культуры текстильной керамики. Попытки исследователей (Г.С.Лебедев, М.Аун, А.Н.Башенькин) найти элементы преемственности культуры псковских длинных курганов с местными древностями раннего железного века оказались безуспешными. Более того, полевые изыскания А.Н.Башенькина в восточных районах Новгородчины показали, что в период становления культуры длинных курганов поселения раннего железного века забрасываются и поблизости формируются новые с культурными особенностями, не сопоставимыми с прежними. Вывод о том, что население культуры длинных курганов в основной массе было пришлым, ныне представляется достаточно аргументированным. И, нужно полагать, что ее основателями были переселенцы, принесшие в этот регион вещи среднеевропейского происхождения. В пользу этого говорит и то, что наиболее ранние длинные курганы псковского типа находятся в регионах концентрации вещевых находок провинциальноримского среднеевропейского происхождения (рис. 1).

В настоящее время установлено, что обычай сооружения длинных курганов не был привнесен извне, а зародился в среде населения, осевшего в середине 1 тыс. н.э. в Новгородско-Псковской земле. Длинным курганам здесь предшествовали грунтовые захоронения по обряду трупосожжения. Один из них, расположенный рядом с длинными курганами, исследован Е.Н.Носовым на оз. Съезжее (Носов 1981: 65-66). Раскопано семь захоронений — трупоположений в небольших ямках, из которых два находились в глиняных горшках, а три сопровождались спекшимися стеклянными бусами, фрагментами бронзовых украшений и железным ножем. Исследователь памятника оправданно утверждает, что грунтовые погребения следует отнести к культуре длинных курганов и они предшествовали длинным курганам того же могильника.

Аналогичные грунтовые могильники исследовались при д. Лезги близ Изборска, в уроч. Кобылья Голова в нижнем течении р. Мсты и в Юрьевской Горке в Удомельском поозерье. Открываемые в основаниях длинных курганов по-

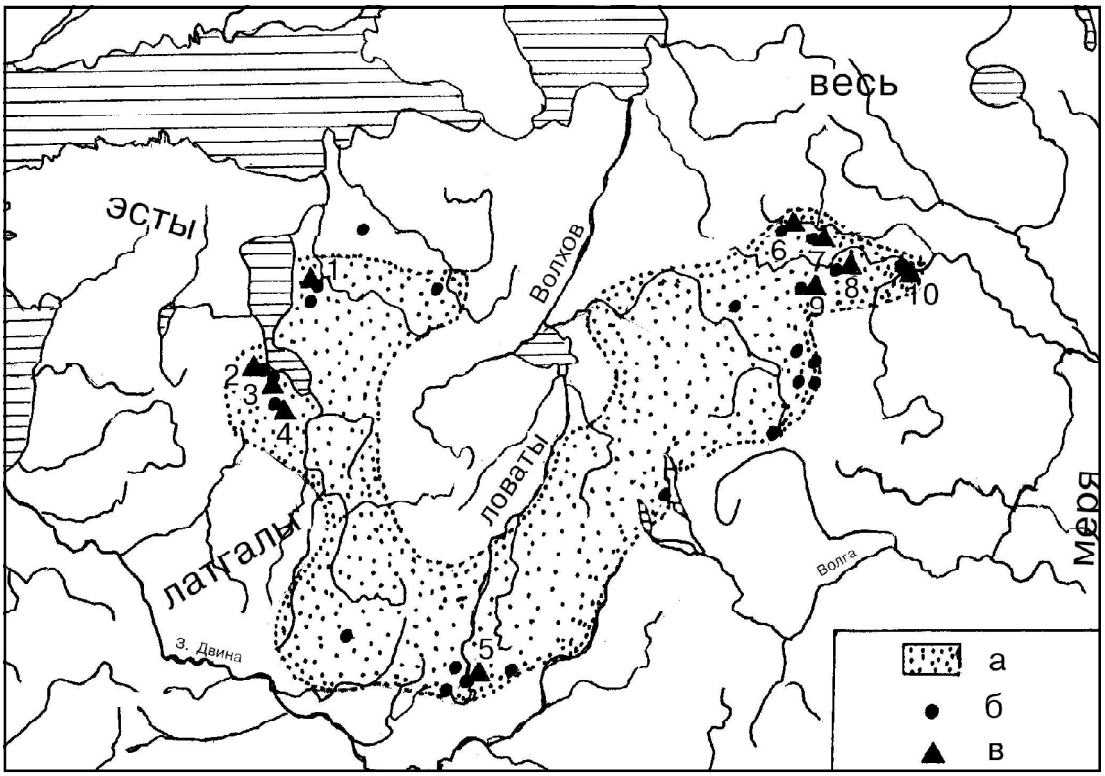


Рис. 1. Начальный этап культуры псковских длинных курганов
а — общий ареал культуры; б — памятники с находками вещей среднеевропейского провинциальноримского происхождения; в — могильники культуры псковских длинных курганов с находками V-VI вв.
1 — Горско; 2 — Рысна-Сааре-II; 3 — Сууре-Рысна; 4 — Линдора; 5 — Полибино; 6 — Варшавский шлюз-I; 7 — Чагода-I; 8 — Любахин-I; 9 — Усть-Белая-IV; 10 — Куреваниха-III.

гребения в материковых ямках, по всей вероятности, являются реликтами захоронений в грунтовых могильниках. Промежуточное положение между грунтовыми и курганными захоронениями занимают погребения на специально устроенных погребальных площадках, окруженных такими же ровиками, как и длинные курганы. Такие площадки исследовались раскопками в юго-восточной Эстонии и в бассейне Чагодощи (Аун 1980а: 38-45; Башенькин 1993: 137). При исследовании длинных курганов выявлены случаи устройства подобных площадок в процессе сооружения насыпей. Основой длинных курганов, по всей вероятности, стали невысокие природные всхолмления удлиненных очертаний, в которых на первых порах среднеевропейскими переселенцами хоронились остатки трупосожжений. На такие всхолмления обратил внимание еще А.А.Спицын (1914: 89).

Одним из важнейших маркеров определения начальной даты культуры псковских длинных курганов являются В-образные рифленые пряжки (рис. 2: 3, 5). Познакомившись с одной из них, происходящей из раскопок длинного кургана в Полибино на верхней Ловати, немецкий археолог Й.Вернер показал, что ближайшие аналогии ей имеются в среднеевропейских материалах. В частности, подобные пряжки есть в коллекции из могильника Притцир в Мекленбурге, наиболее поздние захоронения которого относятся к первой половине V в. Учитывая отдаленность полибинской находки от Среднеевропейского ареала, Й.Вернер датировал её второй половиной этого столетия (Werner 1981: 700).

В-образные пряжки того же облика найдены еще в курганных могильниках Линдора и Рысна-Сааре-II на западном побережье Псковского озера (Schmiedehelm 1965, Ik. 43, joon 8:5; Аун 1980б: 370-371, табл. IX:12) , а также на Мсте и Мологе. Самой восточной находкой в ареале рассматриваемой культуры является пряжка, обнаруженная среди кальцинированных костей захоронения, помещеннного в грунтовой ямке под курганом 6 могильника Усть-Белая-IV на р. Кабоже (Башенькин 1993: 136-137). По особенностям оформления пряжка должна быть отнесена к V в., что, правда, несколько расходится с радиокарбонной датой этого погребения — 1460+30 лет назад. И.А.Бажан и С.Ю.Каргопольцев, посвятившие В-образным пряжкам Северо-Восточной Европы специальные статьи, склонны ограничить время бытования их в культуре псковских длинных курганов первой-третьей четвертями V в. (Бажан, Каргопольцев 1986: 129-135; 1989: 28-35).

Среднеевропейское начало имеют и подвески-лунницы стиля Сёсдал (рис. 2: 1, 2), обнаруженные в могильниках культуры псковских длинных курганов в Рысна-Сааре-II (Аун 1981:

400, табл. VII:4) и Любахин-I (Башенькин 1995: 25, рис. 8:1, 2). Еще одна такая лунница найдена в Горско на восточном побережье Чудского озера, также в ареале псковских длинных курганов. По среднеевропейским аналогиям эти украшения датируются концом IV — первой половиной V в. (Каргопольцев, Бажан 1993: 113-122, рис. 6: 19, 20).

Для определения начала культуры псковских длинных курганов могут быть привлечены также единичные находки — двушипный наконечник дротика из длинного кургана 9 могильника Сууре Рысна в Юго-Восточной Эстонии, надежно датируемый временем от конца IV до рубежа V-VI вв. (Аун 1983: 297-299, рис. 1); однолезвийный меч из кургана могильника Куреваниха-III на р. Мологе, анализ углей из которого по С14 дал дату 1460+90 лет назад, и боевой топор (рис. 2: 7) из кургана 2 могильника Чагода 1 (Башенькин 1995: 12-14, 28, рис. 5:18). Близкие по типу мечи в древностях Финляндии датируются II-IV вв. (Salo 1968: 177), боевой топор имеет прямые аналогии среди предметов вооружения среднеевропейских варваров позднеримского времени и периода переселения народов (Godłowski 1988: 43-44).

К числу ранних в вещевой коллекции культуры псковских длинных курганов принадлежат также бронзовые пинцетки (рис. 2: 4). Они найдены в курганных захоронениях названного выше могильника Линдора в Эстонии и некрополя Варшавский шлюз-I на р. Чагоде (Башенькин 1995: 25-27, рис. 8: 17). По углю из очага, исследованного на поселении, расположенном рядом с последним могильником, определена радиокарбонная дата памятника — 1600+80 лет назад. Линдорская находка имеет ближайшую аналогию среди инвентаря каменного могильника эстов в Ябара в Восточной Эстонии, датируемого V — первой половиной VI в. (Седов 1974: 34).

Бронзовые и железные пинцетки широко представлены в провинциальноримских культурах Средней Европы и, как уже отмечалось, были привнесены в лесные земли Восточно-Европейской равнины в период переселения народов миграционным потоком.

Рассмотренные факты дают все основания датировать первые длинные курганы в Новгородско-Псковской земле V столетием, не исключено, что наиболее ранние относятся к его первой половине. Первоначально переселенцы хоронили умерших по «старому обычаю» — в грунтовых могильниках. Очевидно, очень скоро, зародился и получил распространение обычай сооружать для помещения остатков кремации умерших удлиненные курганные насыпи. Какая-то часть захоронений совершалась на поверхности таких насыпей.

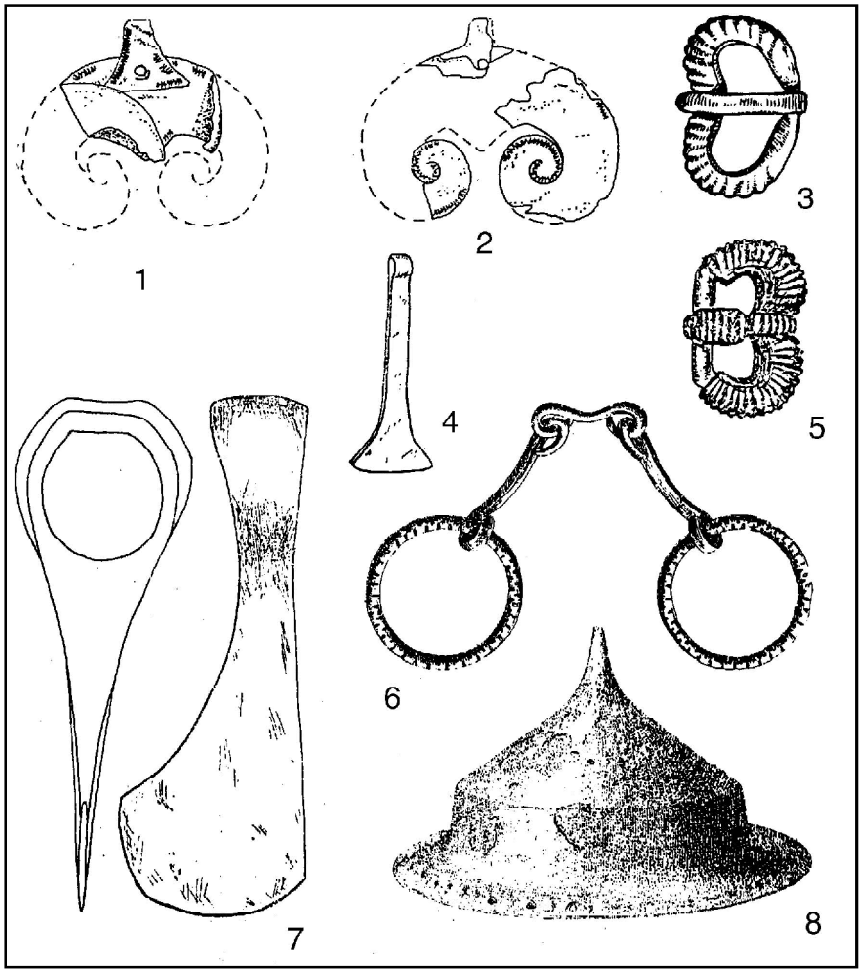


Рис. 2. Некоторые предметы среднеевропейского провинциальноримского начала из памятников ареала культуры псковских длинных курганов

1, 2 — лунницы — пельтовидные привески; 3, 5 — В-образные рифленые пряжки; 4 — пинцет; 6 — удила с кольцевыми псалиями, оформленные в стиле Сёсдал; 7 — боевой топор; 8 — умбон щита типа Либенау.

1-5 — бронза; 6-8 — железо.

1, 4, 5 — Любахин-I; 3 — Полибино; 6, 8 — Доложское; 7 — Чагода-I.

Длинные курганы V-VI вв. известны на широкой территории от западного побережья Псковского озера до бассейнов рек Чагоды и Мологи. В этой связи нужно полагать, что миграция среднеевропейского населения была достаточно обширной. Сравнительно небольшие по числу курганов ранние могильники и малые размеры поселений свидетельствуют, что создатели культуры псковских длинных курганов оседали в Ильменско-Псковском регионе небольшими, но многочисленными группами.

Предметы, привнесенные среднеевропейскими переселенцами в эти земли, не являются этническими маркерами и не дают возможностей для изучения племенного состава их. Судя по тому, что население пшеворской и вельбарской культур Повисленья было полиэтничным, следует предполагать, что миграционные потоки в лесные области Восточно-Европейской равнины не были моноплеменными. В составе переселенцев могли быть и германцы, и славяне, и балты. В римское время в Висленском регионе пшеворского ареала, откуда вышли значительные массы переселенцев, доминировал славянский этнос. Славянское население было значительным и в средневисленской части территории вельбарской культуры — в процессе миграции готов к Черному морю пшеворские жители здесь не покинули мест своего обитания и влились в среду носителей вельбарских древностей (Седов 1994б: 222-232). В связи с этим допустимо предположение о доминировании в составе среднеевропейского земледельческого населения, расселившегося в лесной полосе Восточно-Европейской равнины, славянского этнического компонента.

В пользу этого говорят также материалы гидронимики и лингвистики. Так, картографический анализ водных названий с основой *тереб* — (от глагола теребить «расчищать землю, готовить её под пашню») показывает, что бассейны озер Ильменя и Псковского составляют общий ареал с Повисленьем (Смолицкая 1974: 171-179). В гидронимии Ильменско-Псковского бассейнов выявляются и другие новгородско-псковско-польские схождения (Агеева 1974: 158-160, 182-184).

Разноплеменное население на новых местах проживания, по-видимому, включилось в единый этногенетический процесс, к которому постепенно в той или иной мере присоединились и прибалтийско-финские аборигены. Переселенцы вынуждены были приспосабливаться к новым условиям жизни и быта, и здесь более жизненными оказались не военно-дружинная среда, в составе которой были представители германского этноса, а земледельцы, среди которых преобладали славяне (и, может быть, балты, увлеченные миграционными волнами). Земледельческое население и стало создателями культуры псковских длинных курганов. Оно заняло, прежде всего, местности с наиболее пригодными для сельскохозяйственной деятельности почвами. Не располагая качественными орудиями для вырубки леса и обработки пахотных угодий, новопоселенцы вынуждены были заняться подсечно-огневым земледелием, которое на какое-то время стало главным агротехническим приемом для подготовки почвы к посевам. Подсечное земледелие в сочетании с разведением скота, занятиями охотой, рыбной ловлей и лесными промыслами стало основой экономики носителей культуры псковских длинных курганов.

Эту культуру можно рассматривать как славянскую, не отрицая наличия в составе её носителей и местных прибалтийских финнов (особенно в окраинных регионах), и балтов, находящихся в той или иной степени в условиях славянизации. О славянстве населения культуры псковских длинных курганов говорят, прежде всего, эволюционная связь её с достоверно славянскими материалами, с одной стороны, и существенное отличие как от предшествующих древностей, так и от синхронных древностей соседних прибалтийско-финских и летто-литовских племен. Это заключение находит подкрепление в языковых материалах. Так, ряд прямых и косвенных данных об очень раннем появлении славян Новгородско-Псковского региона обнаруживается в его гидронимике (Агеева 1974: 153-185). Древненовгородский диалект, восстанавливаемый по текстам берестяных грамот из раскопок в Новгороде Великом и по данным псковских говоров, является ответвлением еще праславянского языка (Зализняк 1995). Отсутствие в нем элементов второй палатализации позволяет говорить об отчленении от основного праславянского ареала и изолированном проживании новгородско-псковской группы славян, которую можно отождествлять с носителями культуры псковских длинных курганов, не позднее середины I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА.

Агеева Р.А., 1974. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.

Аун М., 1980а. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин.

Аун М., 1980б. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре-II // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. № 4. Таллин.

Аун М., 1981. Курганный могильник Рысна Сааре-II // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. № 4. Таллин.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю., 1986. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.

Башенькин А.Н., 1993. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура. М.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб.

Каргопольцев С.Ю., 1997. Северо-Запад Восточной Европы III-VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи) // Этногенез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3). М.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III-VI вв.) // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб.

Носов Е.Н., 1981. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 1966.

Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1-8. М.

Седов В.В., 1990. Прибалтийские финны // Финны в Европе VI-XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып.1. М.

Седов В.В., 1994а. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского / / Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского. Новгород.

Седов В.В., 1994б. Славяне в древности. М.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В., 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.

Смолицкая Г.П., 1974. Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.

Спицын А.А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // Известия Археологической комиссии. Вып. 53. СПб.

Godłowski K., 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archaeologica. T. CCXXXI.

Salo U., 1968. Die frührömische Zeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Bd. 67. Helsinki.

Schmiedehelm M., 1965. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn.

Udolph J., 1981. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 29. Wiesbaden.

Udolph J., 1985. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. XLV. Heidelberg.

Vasmer M., 1934. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heitegen slavischen Ländern // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.

Werner J., 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.-6. Jahrhundert // Beitrge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. I. Berlin.

Е.Р.Михайлова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСКОВСКО-НОВГОРОДСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

E.R.Mikhailova. Study of Pskov-Novgorod Long Barrows: History

The article is dedicated to history of research of the Novgorod long mound burials.

The first evidence about long mound burials dates to 1840s. They became subject to a special research, however, only in 1903, when A.A. Spitsyn related long and prolonged mound burials with the Kriviches of Letopis' (Russian chronicles) and suggested that they should be dated by 9–10 cc.

Ever since, the long barrows in one way or another have been subject of Slavic archaeology. Important landmarks in their research have been placed by the works by N.N. Chernjagin (1941), S.A. Tarakanova (1954), Ya. V. Stankevich (1960), V.V. Sedov (1960, 1974, 1995), M. Aun (1980, 1992). The main problems were: dating the long barrows, their ethnic and cultural belonging, emergence and development of the burial rite.

Parallel to the scientific understanding, intense field works took place, to result in creation of archaeological maps in 1990. Since that time, research of Pskov-Novgorod long barrows has been focused on detailed study of specific microregions.

Начало изучения длинных курганов. Накопление сведений

Первые сведения о погребальных насыпях валообразной формы появились в литературе в 1840-х гг., когда насыпи в виде невысоких валов были изучены Брантом и В.Платером на территории нынешних Себежского и Опочецкого районов Псковской области. В результате этих работ было установлено, что длинные курганы содержат по нескольку захоронений по обряду трупосожжения на стороне, часть из которых помещалась в урны. Эти курганы были отнесены раскопщиками к памятникам славянского населения, а сходные с ними по устройству насыпи круглой формы были объявлены захоронениями древних латышей и литовцев (Седов 1974: 5). Одновременно эстонский просветитель Фр.Крейцвальд впервые исследовал курганные могильники Юго-Восточной Эстонии, отметив их внешнее сходство с ливскими курганами.

Позднее, в конце XIX — начале XX вв., раскопки длинных курганов становятся более масштабными, такие насыпи изучаются в различных регионах. К этому же времени относится и начало целенаправленных археологических разведок, в ходе которых подробно фиксировались памятники обширных территорий.

В 1880-х гг. профессор Дерптского университета Г.Лешке исследует курганы с трупосожжениями в Юго-Восточной Эстонии, в Лобенштейне (совр. Лоози) и Нейгаузене (Вастселийна). В конце XIX в. по инициативе эстонского археолога–любителя Я.Юнга было произведено первое описание археологических памятников на всей территории Эстонии. В результате этого описания Я.Юнгом и его корреспондентами были зарегистрированы многие курганные могильники в Восточной Эстонии — одном из важнейших для изучения КДК регионов (Аун 1980а: 4).

В 1899 г. Н.И.Веселовский и А.А.Спицын обратились в Русское Археологическое общество с запиской, в которой предлагалась программа изучения древних курганов в Псковской и Новгородской губерниях. Программа была принята Обществом, и ее непосредственным результатом стали работы Н.К.Рериха и В.Н.Глазова — как раскопки курганов, так и обследования значительных территорий.

Н.К.Рерих в 1902 г. проводил полевые исследования на территории Деревской и Бежецкой пятин Великого Новгорода. На территории Боровичского уезда Новгородской губ. им было выявлено несколько курганных групп с насыпями, содержащими трупосожжения, в которых он тогда же раскопал около 20 курганов (на берегах озер Крюково, Люто, Пелавино, на Окуловском озере) (Рерих 1903). Работы В.Н.Глазова в 1900–1902 гг. сосредоточились в бассейнах Великой, Ловати и Мсты, где он раскопал несколько десятков разновременных насыпей, в том числе длинных и круглых курганов с сожжениями (Глазов 1903а, 1904).

Накопление сведений побудило А.А.Спицына выступить с обобщением имеющихся материалов, первоначально в известных «Обозрениях некоторых губерний в археологическом

© Е.Р.Михайлова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

отношении», а позднее в специальной статье (1897; 1899б; 1903а). Исходя из установившихся (и им самим обоснованных) представлений о расселении восточнославянских племен на территории Русской равнины, исследователь однозначно связал длинные курганы с кривичами, «так как вне области кривичей длинных курганов не найдено».

А.А.Спицын предложил четко различать отдельные разновидности этих насыпей: удлиненные, часто с крутыми склонами, и валообразные, зачастую расплывчатые. Такое разделение основывалось не только на внешнем облике курганов, здесь присутствовал и территориально-хронологический аспект, практически утраченный в позднейшей литературе. К моменту написания статьи «удлиненные» курганы раскапывались и были известны преимущественно на территории Смоленской губернии и Торопецкого уезда — «в стране западных кривичей». Отметив их близость к «типам предполагаемых литовских курганов VIII–IX вв.» и вещам из Люцинского могильника, мэтр указал на невозможность датировать такие курганы временем ранее IX в.

От удлиненных курганов предлагалось отличать длинные, «от 5 до 60 саж. длиною». Опираясь в первую очередь на материалы раскопок Глазова в Псковской губ., Спицын отметил единство длинных и круглых курганов, заключающееся в их устойчивой топографической связи, наличии комбинированных (из длинных и круглых частей) насыпей, сходстве внутреннего устройства и керамики, одинаковой бедности вещами. «На основании изложенного, не может быть никаких сомнений, что длинные псковские курганы принадлежат той же народности, как и древнейшие местные курганы обычной круглой формы, т. е. западным кривичам X в.» (Спицын 1903а: 198). Таким образом, предложенная А.А.Спицыным в 1903 г. датировка напрямую исходила из априорного утверждения о принадлежности длинных курганов известной по летописи раннесредневековой общности.

Предложенное Спицыным различение удлиненных и длинных насыпей проводится большинством археологов до сих пор (хотя зачастую лишь по формальному признаку), и до сих пор большинство исследователей разделяет убеждение главы Императорской Археологической Комиссии о необходимости отождествления этой группы древностей с кривичами (с теми или иными уточнениями о смысле самого этнонима).

Вообще, изыскания А.А.Спицына составили в области рассматриваемой здесь проблемы, как и во многих других разделах отечественной археологии, целую эпоху. К рассмотрению вопросов, связанных с длинными и удлиненными курганами, выдающийся русский исследователь возвращался неоднократно.

Годы перед Первой мировой войной оказались чрезвычайно плодотворными для археологических исследований. Сам А.А.Спицын вел в 1910 г. раскопки курганного кладбища у д.Замошье Лужского уезда, раскопав здесь 14 насыпей с разнотипными и разновременными захоронениями, в том числе 2 длинных кургана (Спицын 1914: 88–93). Его ученик А.В.Тищенко исследовал курганы у д.Ловница и с.Березовый Рядок на Мсте (Тищенко 1914а). П.А.Садиков и П.Р.Любомиров вели исследования курганных древностей в бассейне Полы, на территории современного Демянского р-на Новгородской области (Липицы, Обрынь, Подсосонье) (Памятники …Новгородской области 1999: 72).

Параллельно с работами в северных регионах шли исследования длинных курганов на Смоленщине (раскопки В.И.Сизова и И.С.Абрамова). Тогдашний уровень знаний не позволял разделить две большие соседние области, в каждой из которых встречались сходные внешне насыпи, резко отличающиеся по своему облику от погребальных памятников других областей.

Весьма неоднозначными оказались результаты исследований длинных курганов С.С.Гамченко. В 1908 г. он раскопал 17 насыпей (с трупосожжениями и «пустых») в нескольких группах у д.Сытенки близ г.Луги. Эти работы были проведены по предложению А.А.Спицына непосредственно вслед за окончанием работ С.С.Гамченко в окрестностях Сестрорецка с целью сравнения лужских насыпей с сестрорецкими (Гамченко 1913а, 1913б: 163). Необходимо отметить, что свои раскопки С.С.Гамченко вел на высоком методическом уровне: его публикация материалов включает в себя подробный географический и археологический обзор местности, детальное описание и классификацию курганов. Раскопки велись преимущественно послойным снятием всей насыпи со вскрытием заполнения ровика и последующим контрольным прокапыванием материка. Однако, в отличие от сытенских курганов, насыпи, исследованные С.С.Гамченко в районе Сестрорецка и Белоострова с применением той же методики (и, по мнению, самого исследователя, с теми же результатами), с самого начала вызвали недоумение коллег и предположения, что речь идет отнюдь не о погребальных памятниках.

В 1990-х гг. насыпи в районе Сестрорецкого Разлива вновь изучались П.Е.Сорокиным. Радиоуглеродная датировка трех образцов из насыпей группы Сосновой Горы показала, что они относятся к XVIII — началу XX в., что позволило связать их с углежогными сооружениями Сестрорецкого завода (Сорокин 1998: 265–266). Это мнение сейчас разделяется абсолютным большинством исследователей (см.: Лапшин 1995: 177), хотя есть некоторые косвенные данные о наличии на территории Курортного района Петербурга и средневековых курганов.

Материалы исследований С.С.Гамченко вкупе с неясными сведениями о наличии удлиненных курганов под Муромом заставили А.А.Спи-

цына связать длинные курганы с финским населением Восточной Европы (Труды IV съезда в Костроме 1914: XLVI–XLVIII), хотя позднее он отказался от этой точки зрения.

Важным стимулом для углубленного изучения археологических памятников Псковской земли, в том числе и длинных курганов, оказались мероприятия, связанные с подготовкой XVI Археологического съезда во Пскове. В 1911 г. в Пскове побывал А.А.Спицын, выступивший с публичной лекцией о прошлом Псковской земли, содержащей программу ее археологического изучения. Вслед за ним, с целью организации комитета по устройству Археологического съезда в Псков приехала гр. П.С.Уварова.

В течение 1912–1913 гг. в Псковской губернии велись интенсивные археологические исследования, в которых участвовали В.Н.Крейтон, В.В.Гольмстен, Г.К.Линдеман, П.С.Рыков, Д.Н.Эдинг, С.Г.Пархоменко. Эти исследователи осмотрели и описали значительное число археологических памятников на побережье Псковского озера, в нижнем течении Великой, в Псковском, Островском и Опочецком уездах Псковской губернии (Крейтон 1914). Одним из важных результатов этих исследований явилось издание материалов для поныне актуальной археологической карты Псковской губернии, подготовленное Н.Ф.Окулич-Казариным на основании как работ специалистов–археологов, так и по сведениям опросных листов, около 10 000 которых было разослано представителям местной администрации и интеллигенции (Окулич-Казарин 1914).

Исследования длинных курганов в период между Мировыми войнами

После Первой мировой войны объем раскопочных исследований повсюду в Восточной Европе резко сократился, основной упор в полевых изысканиях этого времени пришелся на разведочные работы, фиксацию и обследование памятников, главным образом с целью их учета и постановки на охрану.

В России в 1924 г. был принят декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». На основании этого декрета Академия истории материальной культуры приступила к археологическому обследованию РСФСР. Работа была направлена на учет всех литературных, архивных и музейных источников, полевое обследование памятников и их регистрацию, сбор сведений о причинах разрушения памятников и подготовку мероприятий по их охране.

На территории Ленинградской области (в то время включавшей в себя практически всю Северо-Западную Россию) эти работы вела Комиссия по учету памятников Ленинградской области под руководством П.П.Ефименко. Под ее эгидой палеоэтнологическое обследование проводили В.С.Андрияшев в Боровичском районе, Г.П.Гроздилов, Н.Н.Чернягин и П.Н.Шульц — в Гдовском и Лужском районах, Н.В.Иванов — в Гдовском районе, А.А.Иессен — в Лужском и Кингисеппском районах, С.Н.Поршняков — в Холмском районе, Б.А.Коишевский и Н.Н.Чернягин — в Середкинском районе, А.А.Спицын и Б.В.Сивицкий — в Себежском районе, П.Н.Третьяков — в Верхневолжье (Гроздилов, Чернягин А-1927; Шульц, Гроздилов А-1927; Иессен А-1927; Андрияшев А-1928; Иванов А-1928; Поршняков 1928; Койшевский 1928; Койшевский, Чернягин А-1929). Аналогичную работу по выявлению и учету погребальных памятников Смоленщины и Северной Белоруссии провел А.Н.Лявданский (1930а, 1930б, 1930в). Одновременно ведутся интенсивные археологические работы на территории Эстонии (О.Ургант, Л.Зуров, Х.Моора, А.Вассар) и Латвии (Ф.Балодис) (Аун 1992: 7; Седов 1974: 7).

Исследователи 1920–1930-х гг. в России и Прибалтике начинают раскапывать насыпи целиком, на снос, что резко увеличило как объем, так и качество получаемой при раскопках информации. Так, Н.Н.Чернягин провел интереснейшие раскопки серии курганных могильников на территории нынешних Гдовского и Псковского районов Псковской области (Чернягин А-1938, А-1939, А-1940). К сожалению, результаты этих раскопок так и не были им опубликованы, а найденные в курганах вещи утрачены во время войны.

Результаты полевых работ 1930-х гг. позволили перейти от учета разрозненных сведений к серьезным, масштабным обобщениям, в том числе и к составлению первой карты рассматриваемого типа древностей.

Летом 1941 г. вышла в свет работа Н.Н.Чернягина «Длинные курганы и сопки (археологическая карта)» с обобщением накопленных к тому времени данных об этих погребальных памятниках. Цель своей публикации автор определял скромно: «Настоящая карта имеет целью дать уточненную схему распространения сопок и длинных курганов на основе литературных и архивных источников, в том числе данных археологических разведок последних лет». Н.Н.Чернягину удалось на основании материалов разведок 1927 — нач. 1930-х гг., сведений, содержащихся в публикациях и архивах, а также сообщенных ему коллегами, создать археологическую карту, включающую 526 пунктов, где известны сопки или длинные курганы. Составленная в 1930-х гг. карта охватывала территорию Северо-Запада СССР в границах до 1940 г. (т.е. не включала Латвию и Эстонию) и отражала тогдашнюю степень изученности тех или иных регионов, что отчасти сказалось на выводах самого Н.Н.Чернягина: «Подытоживая имеющийся материал, настоящая карта определя-

ет длинные курганы и сопки как географически обособленные один от другого типы могильных памятников. Район распространения длинных курганов — старая кривичская земля, за пределами которой они не встречаются, время же их VI–IX вв. Эти данные так же, как единообразие их устройства и материальной культуры, говорят о том, что принадлежность длинных курганов кривичам и полочанам Начальной летописи представляется наиболее вероятной» (Чернягин 1941: 99).

Одновременно Н.Н.Чернягин дал четкую общую характеристику той группе погребальных древностей, наиболее заметных элементом которой являются длинные насыпи: «Под длинными курганами подразумеваются нами не только валообразные насыпи, но и постоянные их спутники — удлиненные, четырехугольные в плане, длинные, комбинированные с круглыми и серповидные. На карте, кроме могильников, в которых имеются длинные курганы, нанесено также несколько могильников, состоящих из одних круглых курганов, но по данным раскопок родственных и синхроничных длинным. <…>

Длинные курганы в подавляющем большинстве случаев не составляют отдельных групп, а рассеяны по могильникам среди обыкновенных круглых курганов. Численность их, по сравнению с последними, очень мала. В то же время по устройству и признакам обрядности погребений между теми и другими нет заметного различия. Наконец, существование длинных курганов, слитых с круглыми, и общий вид погребального инвентаря говорит о том, что длинные курганы, как и удлиненные, четырехугольные, серповидные и т. д. представляют собой лишь различные формы коллективных курганов, синхроничные и однородные многим круглым. Благодаря своим внешним особенностям они являются своего рода вехами, сигнализирующими о древности и характере могильника, тогда как круглые насыпи своим наружным обликом еще мало что говорят для исследователя.

Могильный инвентарь длинных курганов очень беден. Немногочисленные комплексы вещей имеют многие аналогии с инвентарем литовских курганов с трупосожжениями, датируемым VI–VIII вв., и вещами ряда кладов того же времени, найденных в области Среднего Поднепровья» (Чернягин 1941: 94–95).

Выводы Чернягина, касающиеся датировки и распространения длинных курганов и сопок, были положительно восприняты другими исследователями. Так, в том же томе «Материалов и исследований по археологии СССР» была опубликована статья П.Н.Третьякова «Северные восточнославянские племена», в которой автор, опираясь именно на карту Н.Н.Чернягина, уверенно связывал длинные курганы с кривичами (Третьяков 1941: 39).

Работы 1940–1960-х гг.

Послевоенный период изучения культуры длинных курганов отмечен несколькими важными чертами. Во-первых, раскопки курганов полностью, «на снос» становятся общепринятой исследовательской практикой, что существенно дополняет и уточняет прежние представления о внутреннем строении насыпей. И во-вторых, что не менее важно, погребальные древности начинают изучаться вместе с поселенческими, в рамках конкретного комплекта памятников или целого региона. Культура длинных курганов перестает быть однобоким набором погребальных насыпей.

В 1945 г. начинает исследования Псковской земли С.А.Тараканова. Возглавляемая ею Псковская экспедиция ИИМК АН СССР проработала в Пскове и Псковской области до 1952 г. Помимо раскопок Псковского городища, был обследован и раскопан целый ряд городищ и курганных групп: Камно, Врев, Северик, Пески, Рябиниха, Романово, Горушка, Грядище (Совий Бор) и др. (Тараканова 1950, 1951, 1956, 1959).

Результаты этих работ послужили основой сформулированной С.А.Таракановой схемы развития кривичских древностей (Тараканова 1954). Основной предпосылкой ее подхода, как в полевых исследованиях, так и в последующих интерпретациях, была подразумеваемая заранее связь этих памятников с летописной общностью. Вслед за А.А.Спицыным исследовательница предложила различать длинные и удлиненные курганы, однако в основу этого различения она положила не территориально-хронологические отличия, а сугубо формальный признак — геометрическую форму насыпи: «…Кроме длинных, часто в одних и тех же курганных группах встречаются насыпи иной формы: овальные, четырехугольные, иногда квадратные в плане. Есть курганы неправильных очертаний. <…> Все они могут быть объединены, в отличие от длинных курганов, в одну группу под названием “удлиненные курганы”» (Тараканова 1954: 83–84).

Такой подход к изучаемой группе древностей обусловил довольно резкую критику С.А.Таракановой археологической карты, составленной Н.Н.Чернягиным. Ее основное возражение — недопустимость смешения длинных, удлиненных и круглых курганов с трупосожжением в единую группу древностей. Еще один ее упрек — неточно проведенные Н.Н.Чернягиным северная и западная границы распространения длинных и удлиненных насыпей. Речь при этом идет о так называемых сестрорецких курганах к северу от рассматриваемой территории и курганах Юго-Восточной Эстонии. Однако хронология и назначение насыпей, изучавшихся С.С.Гамченко на Карельском перешейке, дискуссионны (сам Чернягин называл данные рас-

копок С.С.Гамченко «шаткими» (Чернягин 1941: 98)), а курганы Западного Причудья выходят за территориальные рамки написанной перед войной работы Н.Н.Чернягина.

Одной из главных задач своей работы С.А.Тараканова назвала определение хронологии длинных и удлиненных насыпей, в связи с чем вновь проанализировала накопленный вещевой материал. Справедливо указав на широкое хронологическое и территориальное распространение большинства происходящих из длинных насыпей предметов, исследовательница перечислила типы находок, имеющие, по ее мнению, сравнительно узко датируемые аналогии. К ним относятся: одночастные четырехугольные пряжки, фибулы с выемчатой эмалью из смоленских длинных курганов, бляшки–скорлупки и «запонки» и обломок блоковидного огнива. По мнению С.А.Таракановой, все эти вещи датируются «в пределах I–VI вв. н. э.» (Тараканова 1954: 101–106). Дополнительным подтверждением ранней датировки служит сходство керамики из длинных курганов с керамикой из нижних слоев Псковского городища (датированных ею первыми веками нашей эры) и усматриваемое С.А.Таракановой вслед за П.Н.Третьяковым определенное сходство погребальной обрядности длинных курганов со среднеднепровскими и центрально-европейскими «полями погребальных урн».

Исходя из всего этого, исследовательница предложила отнести возникновение валообразных насыпей к началу определенного ею периода («II–III вв. н. э., а может быть и несколько ранее»), а прекращение захоронений в них — к середине I тыс. н. э. Удлиненные курганы (т. е. все «фигурные» насыпи), по мысли С.А.Таракановой, являются непосредственными преемниками длинных. Она усматривает в удлиненных насыпях следующую стадию развития погребального обряда: «длинные курганы являются коллективными усыпальницами, восходящими еще к эпохе первобытно-родового строя: обычно они содержат по несколько погребений с трупосожжением. <…> Удлиненные курганы, как правило, имеют по одному захоронению с трупосожжением… Эти памятники относятся уже к периоду окончательного разложения первобытнообщинного строя» (Тараканова 1954: 84, 86). Как дополнительное подтверждение позднейшей, по сравнению с валообразными, датировки удлиненных насыпей С.А.Тараканова привела пряжки с гладкой В-образной рамкой из курганов у д. Липицы, датированные ею V – VI вв.

В целом, концепция С.А.Таракановой ярко демонстрирует вторичность, почти иллюстративность археологического материала в построениях автора. Предложенная ею типология погребальных памятников хорошо иллюстрирует принятую в то время схему социально-экономического развития восточнославянского общества (см., напр.: Греков 1939 (с приведенным здесь обширным иллюстративным археологическим материалом); Третьяков 1953). В рамках такого подхода неоправданно значительное удревнение нижней даты длинных курганов является логичным шагом при наложении на материал заданной схемы. Вследствие своей схематичности, во многом противоречащей конкретным археологическим фактам, построения С.А.Таракановой не нашли сочувственного отклика в историографии. Использование ее обобщающей статьи в последующей литературе, как правило, ограничено критикой хронологических выводов исследовательницы (ср.: Седов 1974: 8).

Одновременно с работами Псковской экспедиции, в 1949–1954 гг. большие систематические исследования в бассейне верхнего течения Западной Двины, на территории тогдашней Великолукской области проводила Я.В.Станкевич. В результате разведок ею было выявлено свыше 200 разнохарактерных памятников I тысячелетия н.э. (Станкевич 1960: рис. 1), значительная часть которых связывается с длинными курганами. Важно отметить, что, пожалуй, впервые, помимо погребальных древностей, широко раскапывались топографически и культурно связанные с ними поселения — как городища, так и селища (Станкевич 1960: 95-130), при этом изученные в данном регионе древности псковских длинных курганов были поставлены исследовательницей в широкий хронологический и культурный контекст.

Опираясь на итоги своих работ, Я.В.Станкевич высказала собственное мнение о принадлежности и хронологии рассматриваемого типа памятников. Она также связала могильники с длинными курганами и соответствующие им поселения с развитием и распространением на соответствующей территории славянской культуры в V–VII вв., отметив культурную близость западно-двинских памятников синхронным и более ранним верхне- и среднеднепровским, а также наличие восточно-прибалтийских элементов, наиболее ярко выраженных в южной группе поселений исследованного ею региона (Михайловское, Полибино) (Станкевич 1958: 46–47).

1950-е гг. отмечены исследованиями многих важных памятников, преимущественно на территории Псковской области. Так, в 1953 г. Г.П.Гроздилов провел раскопки у д.Лезги близ Изборска. Результатом этих работ стало как исследование курганного некрополя с трупосожжениями и впускными древнерусскими трупоположениями, так и открытие непосредственно связанного с курганной группой селища второй половины I тыс. (Гроздилов 1965: 77–88).

В 1960 г. вышла в свет статья В.В.Седова, где он, в основном опираясь на взгляды А.А.Спицына и Я.В.Станкевич, последовательно развил свою точку зрения на культу-

ру длинных курганов (Седов 1960). С некоторыми коррективами он придерживается этой концепции до сих пор. Необходимо сразу отметить одну терминологическую деталь. «Длинные курганы» в построениях В.В.Седова, в отличие от работ большинства других исследователей, — это именно длинные (валообразные) и удлиненные погребальные насыпи, а не обозначение соответствующей группы древностей (resp. археологической культуры) вообще.

Начиная с этапной статьи 1960 г., В.В.Седов рассматривает длинные курганы Восточной Европы (их псковский, смоленский и полоцкий ареалы) как погребальные памятники летописных кривичей, апеллируя в первую очередь к совпадению области распространения длинных курганов с территорией расселения кривичей, реконструируемой по позднейшим письменным источникам.

Кроме того, по мнению В.В.Седова, четко прослеживается «эволюционная связь длинных курганов с бесспорно кривичскими курганами с трупосожжением», которые, в свою очередь, эволюционируют в круглые курганы с трупоположением XI–XIII вв. Доказывают эту эволюционную связь следующие факты: 1) абсолютное большинство длинных курганов находится в составе могильников, включающих достоверно славянские курганы древнерусского времени; 2) сходны детали погребального обряда длинных и круглых курганов (способы помещения остатков трупосожжения, наличие зольно-угольных прослоек или ритуальных кострищ и др.); 3) керамический материал из длинных и круглых насыпей однороден.

В.В.Седов реконструирует развитие КДК следующим образом. Древнейшими погребальными памятниками летописных кривичей являются длинные курганы, т. е. валообразные и удлиненные в плане насыпи. Их распространение в бассейне Великой и в верховьях Западной Двины отражает процесс колонизации этих земель славянами–кривичами в середине I тыс. н. э. Исходный пункт колонизации нужно искать на западе, возможно, в Повисленье. К этому же процессу расселения кривичей откуда-то из западных областей могут, по мнению В.В.Седова, восходить и специфические особенности псковских говоров, отмечаемые лингвистами.

«Намеченные по материалам длинных курганов VII–IX вв. три локальные группы кривичей — псковская, смоленская и полоцкая в дальнейшем имеют самостоятельное обособленное развитие. Круглые курганы с одиночными трупосожжениями, пришедшие в IX в. на смену длинным курганам, во всех деталях погребального обряда повторяют длинные курганы. <…> В соответствии с археологическим делением кривичей на три локальные группы можно говорить о трех политических объединениях (племенных союзах) кривичей последней четверти I тыс. н. э.: союзе псковских кривичей, союзе смоленских кривичей и союзе полочан. <…> Что касается псковских кривичей, то они к IX в., судя по летописи, были объединены в один политический союз со словенами и весью, чему не противоречат и археологические материалы».

При определении хронологических границ существования длинных курганов В.В.Седов обращается к подбору аналогий и общим соображениям: «Верхняя дата существования длинных курганов, т. е. время перехода от захоронений в длинных курганах к погребениям в круглых курганах, не вызывает возражений и определяется всеми исследователями концом VIII–IX в.» (Седов 1960: 49), хотя и отмечается, что в отдельных окраинных районах длинные насыпи могли сооружаться и несколько позднее.

Для определения начальной даты сооружения длинных курганов В.В.Седов привлекает предметы, имеющие аналогии в Юго-Восточной Прибалтике (бляшки–скорлупки, колпачкообразные бляшки с широкими закраинами, пинцеты с широкими лопастями, покрытыми гравированным орнаментом, кварцитовое огниво с железным обручем). Их традиционная датировка в эстонских и латвийских материалах и принимается им как определяющая.

В 1966–1970 гг. В.В.Седов начинает обширный цикл полевых исследований в бассейнах Великой и Западной Двины, сосредоточившись первоначально на разведочных обследованиях (Седов 1968, 1971 и др.), а позднее — на стационарных исследованиях Пскова и Изборска (Седов 1972; 1973; 1974 и др.).

Одновременно, с 1965 г., начинаются широкие исследования курганов Северной Белоруссии (на территории Витебской и северной части Минской областей), где Г.В.Штыхову удалось в результате вычленить среди раннесредневековых курганов с сожжением пласт так называемых ранних длинных курганов, аналогичных псковско-новгородским и лишь позднее сменяющихся смоленскими (Штыхаў 1992: 21–40; 1999).

В 1965 г. М.Шмидехельм и С.Лаул поставили вопрос о соотношении длинных курганов Восточной Эстонии с местными древностями предшествующего времени. Для его решения они предприняли серию раскопок таких памятников, где сооруженные из песка курганы с трупосожжениями сочетались с каменными могильниками (Лоози, Кынну, Пыльгасте). Материалы таких памятников позволили им в очередной раз пересмотреть существующие взгляды на принадлежность длинных курганов на территории Эстонии, приписав их местному прибалтийско-финскому населению (Шмидехельм 1965; Лаул 1974; Schmiedehelm, Laul 1970).

В 1968 г. из печати вышли две работы, во многом определившие основную проблематику исследований раннесредневековых древностей Восточной Европы — свод И.И.Ляпушкина и статья Е.А.Шмидта.

Смоленский археолог Е.А.Шмидт «окончательно и бесповоротно» разделил единый, по мысли прежних исследователей, массив длинных курганов. Он отметил огромный ареал известных на территории Восточной Европы длинных курганов (включая сюда сестрорецкие насыпи) и их явную неоднородность. «Опубликованный материал показывает, что общим для всех этих курганов является обряд трупосожжения и форма земляных насыпей, воздвигнутых над остатками сожжения. Все остальные признаки настолько различны, что закономерно встает вопрос, есть ли основание относить все эти курганы к единому целому? Нам представляется, что достаточных оснований нет… По-видимому, было бы целесообразно заменить общий термин «длинные курганы» территориально-хронологическими наименованиями отдельных культур» (Шмидт 1968: 225). Так в литературе впервые была высказана мысль об **археологических культурах** длинных курганов.

Монография ленинградского исследователя И.И.Ляпушкина была посвящена проблеме выделения славянских древностей в Восточной Европе (Ляпушкин 1968). Критически рассмотрев состояние археологических источников по ранней истории славянства и возможности их увязки с письменными свидетельствами, И.И.Ляпушкин предложил считать древнейшими достоверно славянскими погребальными памятниками невысокие полусферические курганы с трупосожжением. Для выделения этого древнейшего пласта памятников он использовал так называемый ретроспективный метод, подразумевающий сохранение основных черт культуры на протяжении нескольких эпох и тем самым — возможность сконструировать цепочки генетически преемственных культур.

Тот факт, что выделенные в качестве древнейших погребальных памятников славян полусферические курганы с трупосожжением можно обнаружить не только в древностях лесостепи, но и севернее, в лесной полосе Восточной Европы, логично увязывался с мнением автора о культурном единстве восточного славянства накануне образования Древнерусского государства. Все археологические памятники иного облика в связи с этим «выводились за скобки». Применительно к памятникам лесной полосы И.И.Ляпушкин утверждал следующее: «В последние десятилетия среди исследователей довольно прочно укрепилось мнение, что древнейшими известными археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы, а словен новгородских — курганы–сопки. Принять эти положения в той общей форме, в которой они выступают в нашей литературе, нельзя. Прежде всего среди исследователей нет договоренности о том, что следует понимать под «сопками» и «длинными и удлиненными курганами». Принятые в качестве критерия такие показатели, как «высота насыпей» для сопок и «длина насыпей» для длинных и удлиненных курганов без проведения их исследования (т.е. раскопок) не раскрывают сущность памятников, являются внешними, формальными признаками. Если исходить из этих признаков, а именно так и делается, то «сопки» и «длинные курганы» могут быть найдены почти на всей территории Восточной Европы, между тем как по своему содержанию каждый из таких исследованных курганов (или группа их) имеет свои особенности. Не менее сложным является и вопрос хронологии этих памятников. Показательным в этом отношении является хотя бы то, что только за послевоенные годы датировка «длинных курганов» пересматривалась несколько раз, причем большая часть исследователей меняла ее без каких-либо обоснований, исходя исключительно из общеисторических построений. А такой произвол возможен, очевидно, когда в распоряжении исследователей нет твердых опор. Самым же существенным в вопросе о длинных курганах и курганах–сопках является то, что наряду с ними в последний период их бытования (IX–X вв.) существуют достоверно славянские полусферические курганы с трупосожжением.

В силу этих обстоятельств указанные археологические памятники на территории летописных кривичей и словен новгородских пока что не могут быть привлечены для осмысления ранней истории славян на территории Восточной Европы. Наиболее ранними достоверно славянскими памятниками в этих районах в настоящее время можно признать лишь обычные, небольшие по размерам, полусферические курганы с трупосожжением, близкие по форме и содержанию одновременным курганами соседних славянских территорий» (Ляпушкин 1968: 19–20).

В критике И.И.Ляпушкиным формального подхода к погребальным памятникам по чисто внешним признакам много справедливого, однако далее, при рассмотрении конкретного материала он неоднократно демонстрирует столь же формальное понимание. Так, игнорируя более или менее четко отмечавшиеся большинством исследователей существенные различия между псковско-новгородскими и смоленскими длинными курганами, И.И.Ляпушкин декларирует их единство (выражающееся во внешнем сходстве насыпей), что позволяет ему лишний раз подтвердить «неславянский характер» таких погребальных памятников: «…могильный инвентарь длинных курганов верхнего Поднепровья является балтийским. Это признается всеми» (Ляпушкин 1968: 93). Дополнительным аргументом «балтийскости» длинных курганов является их соотнесение автором с верхнеднепровскими городищами — «памятниками балтского населения», а также бедность инвентаря псковских и новгородских курганов, не позволяющая опровергнуть такое утверждение. Во всех этих регионах, по мысли

И.И.Ляпушкина, длинные курганы сменяются единым пластом полусферических насыпей, отражающим процесс славянского расселения на балтских территориях.

Полевые работы 1970–1990-х гг.

1970–1990-е гг. стали новым периодом «великих археологических открытий», когда сплошными археологическими разведками накрываются огромные территории и одна за другой составляются археологические карты обширных регионов, а на их основе ведется учет и инвентаризация археологических памятников в большинстве областей России (Аун 1980; Башенькин 1995; Исланова 1989; Конецкий, Иванов 1997; Кузьмин 1988; Лапшин 1990, 1995; Лебедев, Платонова, Лесман 1982; Малыгин 1994; Достопримечательные… объекты 1997; Памятники …Новгородской области 1999).

Для этого периода характерно сосредоточение исследователей на изучении комплектов памятников, что позволяет охарактеризовать все сферы жизни конкретных древних коллективов. Важной методической особенностью является стремление к раскопкам широкими площадями — не только поселений, но и погребальных памятников. Такой подход позволил выявить частое присутствие на территории некрополей КДК грунтовых захоронений, непосредственно связанных с расположенными рядом курганами. В 1976–1978 и 1980–1982 гг. М.Аун полностью раскопала 2 курганные группы рядом с дер. Рысна-Сааре в Юго-Восточной Эстонии, что позволило ей оперировать материалами по планиграфии и относительной стратиграфии целых курганных кладбищ (Аун 1992: 98–105). Позднее С.Л.Кузьмин в течение 1987–1993 гг. раскопал практически единой площадью обширные курганные группы Которск XII и Березно I в бассейне Плюссы, а В.Ю.Соболев в 1996 г. изучил могильник Березицы VI единым раскопом, вписав курганы и грунтовые захоронения в общую квадратную сетку (Соболев 2000).

В последней четверти XX в. в средневековой археологии начинают широко использоваться естественнонаучные методы, в том числе и радиоуглеродное датирование, которое традиционно считалось методом, пригодным лишь для более ранних эпох (Рыук 1979; Микляев 1981; Попов, Свеженцев, Зайцева 1991).

Раскопки ведутся практически во всех регионах распространения длинных курганов — в Юго-Восточной Эстонии, в Восточном Причудье и бассейне Великой, в бассейнах Луги, Плюссы, Мсты, Ловати и Западной Двины. Начиная с середины 1970-х гг., масштаб полевых исследований нарастает почти лавинообразно, однако полученные результаты осмысляются, как правило, лишь в рамках узкого региона (см., напр.: Буров 1989; Петров 1996; Исланова 1989; Лесман 1985), а сведения о раскопках оказываются в основном рассыпаны по страницам ежегодника «Археологические открытия» и сборникам нескольких ежегодных конференций по проблемам археологии Северо-Запада («Археология и история Пскова и Псковской земли», издается с 1980 г., «Новгород и Новгородская земля. История и археология», издается с 1987 г.; «Тверской археологический сборник», издается с 1994 г.).

В ближайшей округе Пскова и бассейне нижнего течения р.Великой в 1970-х гг. разведки и раскопки вели С.В.Белецкий, В.А.Тюленев, М.О.Колосова, К.М.Плоткин. Последний, разрабатывая вопросы возникновения и ранней истории Пскова, составил подробную археологическую карту бассейна нижнего течения Великой и прилегающей части побережья Псковского озера (Плоткин 1989: рис. 1 и сл.).

В 1974 г. сплошное обследование восточного побережья Чудского озера и впадающих в него рек начала Н.В.Хвощинская (Хвощинская, Прудько 1974; Хвощинская 1985а; 1997). В составе ее экспедиции, а позднее самостоятельно, в этих работах участвовал С.Г.Попов, проводивший также разведки и раскопки в бассейне нижнего течения р.Плюссы и комплекса памятников у дер. Сторожинец на побережье Чудского озера (Попов 1987).

В 1976–1977 гг. Е.Н.Носов проводил раскопки комплекса памятников на оз. Съезжее в бассейне р. Мологи. В состав этого комплекса, помимо поселения, входили погребальные памятники различных типов — курганная группа и грунтовый могильник с трупосожжениями (Носов 1981б).

В 1976–1979 гг. производит серию разведок и небольших по своему объему раскопок в Новгородской и Псковской областях Г.Н.Пронин, сосредоточив свое внимание в основном на крупных комплексах памятников (Левоча–Кабожа, Полибино, Борисоглеб и др.) (Пронин 1977; Пронин, Мильков, Гайдуков 1978). Тогда же начинает свои исследования средневековых памятников Новгородской области В.Я.Конецкий (см.: Конецкий, Верхорубова 1979; Носов, Верхорубова, Конецкий 1976; Конецкий 1981).

Интенсивные археологические разведки в Приильменье и восточнее «оси» Волхов — Ловать значительно уточнили представления о распространении памятников КДК, очертив огромное «восточное крыло» их ареала. В 1981 г. Е.Н.Носов, опираясь на результаты разведок в Новгородской области, опубликовал уточненную карту распространения памятников культуры длинных курганов (Носов 1981: карта на с.48), где отметил вновь выявленные памятники в бассейнах Полы, Мсты и Мологи.

В 1970–1990-х гг. проводятся масштабные разведки, а позднее и раскопки на террито-

рии Тверской области, проводившиеся археологами Тверского (Калининского) гос. университета, а также И.В.Ислановой (ИА РАН). В результате этих работ здесь было выявлено 219 курганных могильников и одиночных насыпей культуры длинных курганов и значительное число селищ с лепной керамикой. Эта цифра имеет тенденцию к увеличению, однако следует отметить, что в западных районах Тверской области встречаются как псковско-новгородские, так и смоленские длинные курганы, которые до раскопок не всегда возможно различить (Малыгин 1994: 116, рис.1, 2; Исланова 1989; Исланова 1994). Одновременно на территории современного Фировского района Тверской области вел комплексное изучение территории средневековой Жабенской волости в бассейне Шлины В.А.Буров (Буров 1989). С 1990 г. начинает работать на территории Молого-Мстинского междуречья сотрудник СПбГУ Н.И.Петров (Петров 1992; 1996).

Яркая страница в изучении северных длинных курганов — работы А.Н.Башенькина на крайнем востоке их ареала, в юго-западном Белозерье. Исследователю удалось как существенно уточнить границы распространения памятников данного типа, так и показать их место в культурной стратиграфии региона (Башенькин 1995; 1997).

Работы экспедиции С.Л.Кузьмина (в составе которой действуют отряды Е.Р.Михайловой, В.Ю.Соболева, Б.Г.Лыча) с 1987 г. сосредоточены в бассейнах Верхней Луги и Плюссы. Экспедицией исследовано значительное число памятников северных длинных курганов в Верхнем Полужье (Рапти–Наволок II и III, Ситенка, Засобье II), Верхнем (Которск III, VIII, XII, Березицы I, II, V, VI) и Среднем Поплюсье (Березно I, II), причем часть некрополей раскопана полностью.

Дискуссии об этнокультурной принадлежности псковско-новгородских длинных курганов

Интенсивные полевые исследования, повлекшие накопление огромного массива новых сведений, стимулировали и кабинетные изыскания. Одной из важнейших тем стала проблема славянского расселения в Восточной Европе и вопросы этнической интерпретации средневековых древностей, тем более, что недавно высказанные И.И.Ляпушкиным положения вызвали оживленную полемику.

Точка зрения И.И.Ляпушкина получила поддержку М.И.Артамонова (1967), а позднее была развита Г.С.Лебедевым в целой серии статей (1977а; 1977б; 1982).

Последний предложил считать памятниками славянского расселения на Северо-Западе полусферические курганы с трупосожжениями и ранние древнерусские городища, в культурных напластованиях которых, помимо круговой, встречена лепная керамика. Материалы нижнего яруса раскопанной им сложной по составу высокой насыпи у д.Репьи (она была однозначно интерпретирована Г.С.Лебедевым как сопка) дали автору возможность декларировать синхронность сопок и северных длинных курганов (а также совпадение их ареалов) и предположить местную подоснову обеих групп древностей — гипотетическую «предкурганную культуру», соотносимую по своим основным характеристикам с позднедьяковскими и тушемлинскими древностями. Памятниками переходного от «предкурганной культуры» к ранним сопкам и длинным курганам типа исследователь предложил считать выделенные им в особый пласт погребальных памятников так называемые высокие, «сопкообразные» насыпи с трупосожжением, известные как в виде одиночных насыпей (аналогично сопкам), так и в составе групп с длинными курганами.

«Блокированная с юга балтской тушемлинской и финно-угорской дьяковской культурами “предкурганная культура” безусловно, не может быть связана со славянами. Она должна соответствовать “чуди” Иордана — thiudos (эти сведения восходят к источнику V в.), т. е. финно-угорскому, возможно, с балтскими элементами, населению» (Лебедев 1982: 33).

Построения Г.С.Лебедева, базирующиеся на очень узкой фактологической базе (фактически — на материалах раскопок нескольких памятников на небольшом участке берега Черменецкого озера) не получили признания, однако с легкой руки этого исследователя в литературе окончательно утвердились термины «культура сопок» и «культура длинных курганов» (см., напр.: Конецкий 1989; Кузьмин 1989; Петров 1992).

Тезис о «неславянскости» длинных курганов сочувственно восприняла также С.Лаул. Отталкиваясь от рассуждений И.И.Ляпушкина и материалов совместных с М.Шмидехельм раскопок, она предположила развитие курганного обряда в Восточной Эстонии и сопредельных районов Псковщины на основе древностей «чудского» финноязычного населения (Лаул 1971: 329; см. также: Лаул 1975).

Помимо поддержки, концепция И.И.Ляпушкина встретила целый ряд возражений и встречных гипотез. В частности, А.А.Александров на материалах конкретного и весьма значимого региона показал неоднородность полусферических курганов с трупосожжениями, разделив их на 8 групп, связанных не менее чем с тремя различными культурными традициями (Александров 1982).

В 1974 г. вышла в свет монография В.В.Седова, посвященная специально длинным курганам как особому типу насыпей. Вновь проанализировав накопленные к 1970-м гг. материалы и имеющиеся в литературе сведения, он

отметил: «Материалами длинных курганов постоянно пользуются все исследователи, касающиеся истории лесной полосы Восточной Европы в середине и второй половины I тысячелетия н. э. Длинные курганы являются важнейшим источником для решения вопросов происхождения и ранней истории северной части восточного славянства» (Седов 1974: 10).

Огромным и неоспоримым достоинством монографии является вновь составленная В.В.Седовым карта длинных курганов, включающая, правда, в соответствии с заявленной темой исследования только могильники с длинными насыпями, что несколько искажает картину распространения этой группы древностей в целом (Седов 1974: 42–61 (№ 1–352), табл. 1–4).

Сам исследователь по поводу такого вычленения валообразных насыпей из общей массы курганов и по поводу распространенного в литературе деления их на длинные и удлиненные замечает: «Никакой необходимости в дифференциации рассматриваемых памятников на длинные курганы и удлиненные нет. … Курганы восточнославянской территории в зависимости от их форм и внутреннего строения подразделяются на три типа: 1 — полусферические или круглые в плане насыпи, распространенные на всей территории расселения восточнославянских племен и известные у неславянских племен; 2 — насыпи с четырехугольными основаниями…, известные только в отдельных районах Восточной Европы на славянской и балтской территориях; 3 — длинные курганы, куда входят все погребальные насыпи, имеющие вытянутые (валообразные) очертания. Среди этих памятников встречаются короткие (удлиненные) и очень длинные насыпи» (Седов 1974: 5). Именно такие валообразные насыпи В.В.Седов и выбрал для рассмотрения вопроса о древнейших погребальных памятниках кривичей.

Подробно проанализировав накопленные сведения об устройстве курганов, погребальном обряде, вещевом материале и его датировке, В.В.Седов повторяет основные выводы своей работы 1960 г. — длинные курганы в целом датируются VI–X вв. и являются древнейшими погребальными памятниками восточнославянской группировки кривичей, довольно рано распавшейся на кривичей смоленских и полочан (смешавшихся с днепровскими балтами) и кривичей псковских (сформировавшихся «на региональном прибалтийско-финском субстрате»), что нашло свое отражение в материалах их погребальных памятников.

Уязвимые места концепции Седова — ее ощутимая схематичность и жесткая увязка с этнической проблематикой. Вообще, «этнос» в построениях исследователей 1960–1980-х гг. предстает некоей инертной монолитной массой, обладающей жестко заданным набором «этноопределяющих признаков», выявляемых прежде всего в наборе женских украшений, лепной керамике, погребальном обряде и домостроительстве. Едва ли не единственным источником инноваций в культуре при таком подходе оказывается заимствование из традиционных культур других этносов (не менее инертных монолитов с иными женскими украшениями, погребальным обрядом и домостроительством).

Однако при таком подходе остаются нерешенными многие вопросы, связанные с изучением этноса как явления. В чем, кроме не поддающихся непосредственному археологическому изучению самосознания и языка (диалекта), может проявляться единство этноса? Допустимо ли рассматривать найденные в отрыве от основного ареала украшения или керамику как свидетельство именно этнических контактов, в особенности для эпохи средневековья, когда происходит формирование государств и активно действует дальняя торговля? Какие явления, свойственные этнической общности, могут сохраниться в процессе миграции, а какие окажутся утраченными? Сопоставимы ли вообще напрямую народы до и после своего переселения, даже если они сохранили прежнее название? Да и корректно ли реконструировать межэтнические отношения там, где не доказано наличие необходимых для возникновения этноса условий? (ср.: Лесман 1993).

В 1970-х гг. к теме славянского расселения на Северо-Западе Русской равнины обращается Е.Н.Носов, разрабатывая данную проблематику преимущественно на материалах Приильменья. В его работах длинные курганы и сопки предстают памятниками двух разновременных (и разнокультурных) потоков славянских переселенцев: «Если рассматривать носителей культуры сопок и длинных курганов в рамках славянского этногенеза, то можно поставить вопрос о ранней волне славянского расселения, приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными компонентами материальной культуры, и более поздней и несколько иной по составу волне славянской колонизации, связанной в конечном итоге с населением, сооружавшим сопки» (Носов 1981а: 56).

Е.Н.Носов вновь рассмотрел основные положения концепции И.И.Ляпушкина и поддержавшего ее Г.С.Лебедева, главным образом — источниковедческие предпосылки. Опираясь на итоги обширных полевых исследований 1970-х гг. в Новгородской области и других регионах (прежде всего — наиболее полно изученной и опубликованной к тому времени Юго-Восточной Эстонии), он показал, что нет оснований выделять полусферические курганы с трупосожжениями в особый пласт древностей. Указанные в сводке И.И.Ляпушкина для Северо-Запада пункты практически все представ-

ляют собой могильники культуры длинных курганов, включающие в себя, помимо полусферических насыпей, также длинные, четырехугольные, комбинированные и других типов. Группы, состоящие только из полусферических насыпей, редки и также должны быть причислены к памятникам культуры длинных курганов. Он подверг критике также гипотезу Г.С.Лебедева о существовании некоей «предкурганной культуры», указав, что привлекаемые для ее обоснования памятники связаны с уже сформировавшейся КДК.

В целом развитие культуры длинных курганов и свойственной ей погребальной обрядности он представляет следующим образом: «…Во второй половине I тысячелетия н. э. население КДК размещалось на всей территории лесной зоны Восточной Европы. Сам курганный обряд захоронения сформировался на этой же территории, сменив погребения в грунтовых могильниках. Население совершало захоронения как в длинных насыпях, так и в курганах иных типов, а в IX–X вв. круглые полусферические курганы стали господствующими» (Носов 1981а: 55).

Представления о возникновении и развитии погребальной обрядности

Одновременно с дискуссиями о языке и этносе носителей КДК подробно разрабатывалась проблема возникновения и развития их своеобразной погребальной обрядности, которая могла бы послужить одним из ключей к разрешению этнокультурных вопросов.

Одно из возможных решений предложил В.В.Седов, одновременно подчеркивая, что «нельзя смешивать вопрос о происхождении кривичей с вопросом о происхождении длинных курганов». Указав на наличие наиболее ранних длинных насыпей в отличающейся равнинным ландшафтом Псковской земле, он предположил следующий путь развития курганного обряда: «Исходным типом, по-видимому, были захоронения остатков трупосожжений в неглубоких ямках или на поверхности невысоких природных всхолмлений, может быть, удлиненной формы. Расселившись в новой местности, где подобные всхолмления отсутствовали…, славяне–кривичи вынуждены были сооружать искусственные погребальные насыпи». В качестве подтверждения такой реконструкции В.В.Седов приводит отдельные насыпи, сооруженные на подработанных природных всхолмлениях (1974: 41).

Иную концепцию развития погребального обряда предложила М.Аун (Аун 1980а). Кратко остановившись на общей характеристике курганов Юго-Восточной Эстонии и Западного Причудья, эстонская исследовательница попыталась на основании имеющихся в ее распоряжении данных типологизировать элементы погребального обряда (разделив захоронения по их положению в насыпи) и по сочетанию типов захоронений выделить типы курганов, а затем проследить развитие курганного обряда во времени.

По мнению М.Аун, древнейшими из изученных археологами длинных насыпей являлись курганы выделенного ею первого типа — сложные по своему внутреннему строению сооружения, содержащие по нескольку как «основных» (т.е. материковых или на погребенной почве), так и впущенных в окончательную насыпь захоронений. Из этого первого типа развиваются два других — второй (погребения сосредоточены в основании первоначальной насыпи, которая позднее могла досыпаться в длину) и третий тип (все погребения стратиграфически связаны с вершиной насыпи — впущены в нее или рассыпаны по поверхности). Второй и третий типы длинных насыпей, сменяя первый, сосуществуют друг с другом, при этом «возможно, что в курганах разных типов отражается и изменение (возможно, и сложность), социальной структуры населения, оставившего эти памятники» (Аун 1980а: 53). Развитие структуры круглых в плане насыпей рассматривается ею как параллельный процесс. При этом М.Аун не останавливается специально на проблеме сосуществования курганов столь разных форм, отметив лишь, что «новые исследования курганных могильников в Восточной Эстонии еще раз подтверждают мнение об отсутствии, в общем, существенной разницы в погребальном обряде длинных и круглых курганов» (Аун 1980а: 72). Так называемые пустые насыпи она предлагает считать кенотафами, оговорив, что некоторые из них могли содержать разрушенные позднее захоронения.

Процесс возникновения и развития курганного обряда захоронения на территории Восточной Эстонии исследовательница представляет следующим образом: «…Оказалось возможным проследить за развитием курганного обряда захоронения от погребальных площадок округлой или четырехугольной форм с большим числом захоронений, найденных в основаниях более древних курганов, до насыпей с одиночными погребениями на вершине кургана. …Появление курганных могильников в восточной части Юго-Восточной Эстонии явилось не результатом проникновения сюда пришлого населения, а обусловлено переходом коренного населения к новому обряду захоронения на основе дальнейшего развития социально-экономических отношений. Открытым пока остается вопрос о том, произошел ли переход к курганному обряду захоронения у местных племен самостоятельно или же под влиянием славянской культуры» (Аун 1980а: 99–100).

Нельзя не отметить определенные трудности при понимании работ М.Аун: выработанная

ею терминология зачастую неудачна. Так, выделенные ею в отдельный тип «основные захоронения» — это погребения, стратиграфически связанные с основанием насыпи, а под занимающими большое место в ее построениях «погребальными площадками» следует, по всей вероятности, понимать ограниченное ровиком пространство, на котором возводился курган, или даже невысокую первоначальную насыпь сложного по строению кургана. Именно о таком значении термина свидетельствуют, на мой взгляд, отдельные фразы монографии: «…При наличии во всех из них (курганов Восточной Эстонии. — Е.М.) обычая сооружать до насыпки кургана погребальные площадки…» (Аун 1980а: 73); «После совершения центрального захоронения в глиняной урне… к имеющейся площадке с юго-западной стороны была присыпана погребальная площадка прямоугольной формы длиной около 15 м, а обе части кургана окружены общим ровиком, объединившим их в единый длинный курган» (Аун 1980а: 51).

Тем не менее, вскоре после выхода в свет монографии М.Аун Е.Н.Носов опубликовал материалы своих раскопок в Хвойнинском районе Новгородской области, подтверждающие, по его мнению, предложенную эстонской исследовательницей последовательность развития курганного обряда захоронения от подкурганных площадок к насыпям (Носов 1981, 1982: 61).

Работы по палеогеографии и реконструкции хояйства КДК

В 1970-х гг. возникло новое направление в исследованиях — изучение палеоландшафтов и связи с ними тех или иных групп памятников. Одним из первых серьезное внимание на этот комплекс вопросов обратил А.М.Микляев (сформулировав понятие «археологической географии»). Основываясь на материалах масштабного археологического обследования территорий в бассейне верхней Двины, он отметил, что могильники культуры длинных курганов приурочены преимущественно к озерно-ледниковым равнинам, а сопки встречаются в пределах распространения холмисто-моренного рельефа, главным образом в его окраинных частях, и связал это различие с различиями в хозяйственной специализации населения, оставившего сопки и длинные курганы.

Выводы А.М.Микляева поддержали Г.С.Лебедев, В.Я.Конецкий (1989), Ю.М.Лесман. Несколько позднее эта схема подверглась уточнениям. П.М.Долуханов и Е.Н.Носов указали, что отмечающаяся ландшафтная приуроченность различных групп памятников свидетельствует не о наличии или отсутствии земледелия у различных групп средневекового населения, а о преобладании тех или иных конкретных форм производящего хозяйства. Так, «преобладание песчаных почв в районах концентрации длинных курганов не исключает само по себе существования земледелия: дерново-подзолистые почвы достаточно плодородны. Трудность состоит в том, что такие почвы не могут дать устойчивого урожая, поэтому подсека могла быть здесь основной формой земледельческого хозяйства, а в VI–VII вв. и единственной. Земледелие и скотоводство дополнялись отраслями присваивающего хозяйства, в первую очередь, по-видимому, рыболовством. <…> В процессе развития часть курганного населения продвигалась на окраины моренной зоны и там постепенно переходила к более прогрессивным формам земледелия…» (Долуханов, Носов 1985: 22–23).

Результаты исследований последних лет подтверждают описанный Е.Н.Носовым «путь хозяйственного развития», но уточняют ряд существенных моментов, в первую очередь вопрос о времени появления в культуре длинных курганов «прогрессивных форм земледелия». В частности, разработки геоботаников позволяют утверждать, что во второй половине I тыс. н.э. на занятых ныне сосновыми борами песчаных и супесчаных почвах были распространены сложные сосняки с лещиной и широколиственными породами во втором подъярусе древостоя (тип растительности, в настоящее время вновь формирующийся в тех же ландшафтах). Предоставляя, с одной стороны, больше возможностей для ведения комплексного лесного хозяйства, с другой — такие леса формировали достаточно плодородные почвы, позволяющие вести стабильное пашенное земледелие. С этим выводом согласуются данные палинологического анализа погребенных почв из-под курганов группы Березно I в бассейне средней Плюссы (VI–IX вв.). Полученные здесь пыльцевые спектры позволяют предположить наличие в ближайших окрестностях могильника старопахотных (залежных или переложных) земель (Кучеров, Михайлова, Тарасевич — в печати).

В настоящее время вопрос о конкретных формах хозяйства населения КДК остается открытым, тем более, что на такой огромной территории, какую занимала эта культура, по-видимому, и соотношение различных видов и способов хозяйственной деятельности должно было сильно различаться от региона к региону. Пожалуй, мнения об однозначном соответствии культурной общности и окружающего ее ландшафта, жестко задающего способ ведения хозяйства, ныне придерживается только В.Я.Конецкий, остающийся убежденным сторонником «ландшафтного детерминизма» (Конецкий 1997).

Микрорегиональный подход к исследованию раннесредневековых древностей

В результате существенного увеличения сведений о КДК в целом, исследователи 1980–1990-х гг. сосредотачивают свои усилия преимущественно на изучении конкретных регионов, их специфики в общей картине культуры и восстановлении «тотальной» культурной истории сравнительно небольших естественно очерченных областей на значительных временных отрезках.

Самый яркий и методически наиболее последовательный пример такого регионального подхода — работы Северо-Западной (ранее — Невельской) экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М.Микляева, много лет проработавшей в Двинско-Ловатском междуречье. Основные итоги своих работ Микляев подвел в монографии «Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати», увидевшей свет уже после гибели автора (1994).

Определяя методические предпосылки и основные цели своих работ, А.М.Микляев писал: «В 1960–1962 гг. мы с моим незабвенным учителем Г.П.Гроздиловым обсуждали возможность реализации замечательной идеи Б.С.Жукова — проследить в каком-либо регионе всю цепочку развития материальной культуры от появления там человека после вюрмского оледенения и до образования Древнерусского государства…» (Микляев 1994: 8).

Серьезнейшим достоинством работ А.М.Микляева и его учеников является последовательное и взвешенное применение метода «археологической географии», когда археологические факты анализируются в комплексе со всеми известными палеогеографическими данными. Такой подход не просто является надежным инструментом для изучения истории хозяйства и взаимоотношений человек — среда в древности. Наложенные на шкалу колебаний уровня вод, подкрепленную данными палеоклиматологии, споро-пыльцевого анализа, результатами радиоуглеродного датирования, памятники Двинско-Ловатского междуречья получили надежные независимые от археологических абсолютные даты.

Научные интересы самого А.М.Микляева сосредотачивались на проблемах каменного и начального железного века, поэтому раннесредневековые памятники рассмотрены в его монографии достаточно общо и суммарно, однако с акцентом на нескольких методически важных моментах, касающихся традиционных для отечественной археологии «этнокультурных» проблем. «Принявши КДК за одну из культур восточных балтов, мы и предшествующую ей Д-ДК (днепро-двинскую культуру. — Е.М.) должны признать балтийской же, и в этом признании нет противоречия со сложившейся традицией. Но Д-ДК, как показано выше, развивается из узменьской культуры начального железного века, и придется и эту культуру заподозрить в принадлежности к балтийской этнической общности, что также не новость. Однако узменьская культура начального железного века генетически связана с северобелорусской культурой, та, в свою очередь, — с жижицкой и т. д. Где поставить точку? Какая фаза развития керамики в какой культуре среднего или раннего неолита обозначит нам рождение или приход балтов? Археологические материалы не дадут ответа. Нет ответа и в языкознании, ибо эта область, безусловно сильная фиксацией относительной хронологии языковых явлений, крайне слаба в абсолютной хронологии их. … И даже если бы я решился разделить чью-либо точку зрения, то и здесь бы ничего не вышло, ибо в докладе использована радиоуглеродная хронология, которой совершенно недоступна языковая ткань» (Микляев 1994: 32).

Впрочем, А.М.Микляев все же сумел сформулировать свою точку зрения на культурно-языковую принадлежность длинных курганов Двинско-Ловатского междуречья, выгодно отличающуюся своей взвешенностью от господствующих в литературе предельно неконкретных на поверку «кривичской» (для разных исследователей — славянской, балто-славянской, славянизированно-балтской и т.п) и «чудской» (— финской, финноязычной, финско-балтской, прибалтийско-финской с балтскими элементами). «Помоему, носители КДК были одним из мощных восточно-балтийских племен, обложенных в свое время данями (при княгине Ольге, уставлявшей погосты), и позднее растворившихся в славяноязычной среде Древнерусского государства. … Если попытаться очертить границы псковских, новгородских и полоцких земель, пользуясь только местными источниками и не поверять их друг другом, то между этими землями окажется большое по площади «белое пятно». Оно протянется с юго-запада на северовосток от Полоцка через Себежское поозерье по течениям рек Уща, Великая и Алоль к знаменитому Бардовскому погосту, ныне находящемуся почти в центре Псковщины. В этом пятне изобильны могильники с длинными курганами и городища днепро-двинской культуры. Возможно, что здесь в полоцко-псковско-новгородском пограничье и проживали плотным массивом потомки носителей культуры длинных курганов. О них по письменным источникам мало что известно: Витовт в начале XV века вывел отсюда невероятное количество пленных, да в конце того же века где-то здесь располагалась Ржовская волость — богатейшая земля, в которой светская власть была в руках польско-литовского государства, а духовная — у новгородского владыки» (Микляев 1994:32).

В последние годы И.В.Исланова активно разрабатывает историко-культурную проблематику раннего средневековья на материалах конкретного и очень сложного региона — Молого-Мстинского междуречья, где во второй половине I тыс. н. э. взаимодействуют несколько групп древностей, не в каждом случае однозначно различимых — северные длинные курганы, смоленские длинные курганы и позднедьяковские памятники. Ее специальному рассмотрению подверглись, в частности, и конкретно погребальные памятники КДК в междуречье Верхней Мсты и Волчины, где удалось выявить возможную хронологическую разницу между курганами верховьев Мсты и верховьев Волчины (Исланова 1989; 1994; 1997).

Еще один достаточно полно изученный регион — бассейн верхнего и среднего течения р.Плюссы, где с 1987 г. ведет свои работы экспедиция С.Л.Кузьмина. За эти годы территория, ранее слывшая «белым пятном» на археологической карте (ср.: Платонова 1981), подверглась практически тотальному обследованию. Здесь было вновь выявлено несколько сот памятников эпохи средневековья, в том числе свыше ста — культуры северных длинных курганов. Отдельные памятники КДК были раскопаны сотрудниками экпедиции широкой площадью, три некрополя — полностью (Кузьмин 1988; 1989; Соболев 2000). Удалось выяснить характер и хронологию взаимодействия в конкретном регионе, на конкретных памятниках, различных групп раннесредневековых древностей, наметить пути подхода к изучению сложения многокомпонентной древнерусской культуры.

Северные длинные курганы в контексте культур предшествующего времени

В 1980-х гг., в связи с накоплением новых данных о хронологии северных длинных курганов, в том числе полученных естественнонаучными методами, вновь остро встает проблема происхождения культуры и ее начальной даты в контексте европейской хронологии. Началом нового этапа обсуждения стала серия статей И.А.Бажана и С.Ю.Каргапольцева, посвященная включению отдельных восточноевропейских находок в центральноевропейскую хронологическую систему. Часть этих работ была посвящена непосредственно длинным курганам (Бажан, Каргапольцев 1986, 1989; Каргапольцев, Бажан 1993). Этот подход вызвал понимание и интерес к древностям римского времени в лесной полосе Восточной Европы. (см., напр.: Седов 1995: 214; 1998).

Несколько позднее С.Ю.Каргапольцев защитил диссертацию на эту тему (1994). В ней автору удалось, апеллируя в основном к хронологическим штудиям К.Годловского, выделить в материале северных длинных курганов пласт ранних вещей, которые можно рассматривать как центрально-европейские импорты либо как предметы, восходящие к центрально-европейским образцам. Памятники с вещами этого круга получили в работе обозначение «горизонт Линдора — Полибино», и их выделение, безусловно, является значительной заслугой исследователя. Однако дальнейшее развитие идей автора вызывает недоумение: он непосредственно привязывает «горизонт Линдора — Полибино» к хронологической шкале Годловского, никак не комментируя саму возможность столь прямолинейного соотнесения древностей из разных «миров древней Европы» (Щукин 1989), где все вещи, а тем более импорты существовали в различных культурных ситуациях и ритмах. Еще большее недоумение вызывает ограничение древностей северных длинных курганов памятниками, отнесенными к «горизонту Линдора — Полибино», для чего С.Ю.Каргапольцеву пришлось прибегнуть к ряду источниковедческих натяжек в интерпретации конкретных памятников и фактически оставить «за скобкой» значительное число вещей, датирующихся более поздним временем (напр., браслеты с расширяющимися концами). Впрочем, в более поздних докладах и выступлениях (1998–1999 гг.) он несколько смягчил категоричность своих выводов.

Иной путь к проблеме определения начальной даты псковско-новгородских длинных курганов предложили А.Г.Фурасьев и Н.В.Лопатин. Они выделили в керамическом материале нескольких поселений III–V вв. верховьев Западной Двины керамику, сопоставимую с сосудами из длинных курганов того же региона, но покрытую расчесами, нанесенными римскими гребнями (так называемые памятники типа Заозерье) и предложили связать с этими памятниками древнейшие длинные курганы (Лопатин, Фурасьев 1994). Несколько позднее это предположение блестяще подтвердилось, когда Н.В.Лопатин, ознакомившись с керамикой из длинного кургана в Повалишино, отнес ее к керамике типа Заозерье (Штыхаў 1999).

В.Я.Конецкий, обобщая накопленные к настоящему времени данные о возможной местной подоснове культуры длинных курганов (общей для нее и культуры типа Тушемли–Банцеровщины), вновь обратил внимание на постзарубинецкое наследие, прослеживаемое при изучении поселенческих памятников КДК и появившееся, по мысли исследователя, на территории Северо-Запада в результате культурного импульса из Поднепровья в первые века н.э. (Конецкий 1997). Признавая безусловную позитивность гипотезы, высказанной Н.В.Лопатиным и А.Г.Фурасьевым, он тем не менее, обращает внимание на целый ряд уязвимых для критики моментов, прежде всего на несоответствие предполагаемого демографического потенциала

территории распространения памятников типа Заозерья и огромного ареала КДК и на излишнюю прямолинейность апелляции к памятникам исключительно киевской культуры.

Выделение памятников типа Заозерья заставило некоторых исследователей вновь обратиться к древностям раннего железного века как возможной местной подоснове северных длинных курганов (Лопатин 1997; Буров 1996), и этот подход представляется ныне наиболее перспективным.

Современное состояние проблемы. Актуальные вопросы изучения КДК

В целом современное состояние изучения северных длинных курганов характеризуется явным перевесом исследователей в сторону так называемого микрорегионального подхода. Такое положение дел имеет целый ряд и объективных, и субъективных причин, и безусловно, способствует полнейшему изучению этого круга древностей, ведь обобщающие работы прошлых лет зачастую грешат излишним схематизмом и чересчур общи — конкретные памятники сплошь и рядом не втискиваются в общие концепции. Не случайно за последнее десятилетие были изданы лишь единичные монографии, рассматривающие проблематику в целом, и все они представляют собой незначительную переработку сформулированных ранее теорий (Аун 1992; Седов 1995).

Однако сосредоточение исследовательских усилий и интереса на конкретных микрорегионах таит в себе и немалую опасность: сама группа древностей, привычно-интуитивно определяемая нами как псковско-новгородские длинные курганы, начинает терять четкость и узнаваемый облик, особенно в контактных зонах (ср.: Лопатин 1989; Минасян 1979). Отчасти это, конечно, связано с той ситуацией «лингвистической непрерывности» и мозаичности расселения, которая, по-видимому, существовала в лесной зоне Восточной Европы на протяжении большей части I-го тысячелетия н. э., однако сейчас уже не всегда ясно, можно ли напрямую сопоставлять, скажем, длинные курганы Молого-Мстинского междуречья с таковыми в Восточном Причудье или Двинско-Ловатском междуречье.

Очевидно, приближается время нового обобщения наших знаний. Однако такое обобщение должно опираться и на новые основания — разработанную периодизацию и хронологию, четкие представления о погребальной обрядности (хотя бы ее основных элементах и алгоритмах их сочетания в насыпи) и комплексах лепной керамики отдельных регионов, уточненную археологическую карту.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Александров А.А. 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. Вып. 171. С. 21-28.

Артамонов М.И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., С.63–67.

Аун М. 1980а. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин.: Валгус, 136 с.

Аун М. 1980б. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // ИАН ЭССР. ОН. Т.29, №4. С.368–372.

Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн. 200 с.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА, 192. С.28–35.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1986. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи великого переселения народов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч.1. М., 1986. С.199–201.

Башенькин А.Н. 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С.77–81.

Башенькин А.Н. 1997. Славяне на востоке Новгородской земли. V–IX вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». С.21–27.

Буров В.А. 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сб. науч. трудов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, С.74–84.

Буров В.А. 1996. К проблеме этнической принадлежности культутры длинных курганов // РА, № 1. С.122–131.

Гамченко 1913а С.С. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 году // ЗОРСА. Т.IX. С.63–162.

Гамченко С.С. 1913б. Исследование курганов у д.Сытенки, на левом берегу р.Луги в 1908 г. // ЗОРСА. Т.IX. С.163–221.

Глазов 1903а. Отчет В.Н.Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. Т.V. Вып. 1. С.44–66.

Глазов В.Н. 1904. Отчет о поездке 1903 г.в Крестецкий уезд Новгородской губ. // ИАК. Вып. 6. С.50–60.

Греков Б.Д. 1939. Киевская Русь. Изд 3-е, перераб. и дополн. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 282 с.

Гроздилов Г.П. 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. С.65–88.

Гурина Н.Н. 1959. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., С.76–108.

Гуревич Ф.Д. 1956. Археологические памятники Великолукской области // КСИИМК. Вып.62. С.95–107.

Долуханов П.М., Носов Е.Н. 1985. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. // Новое в археологии Северо-Запада

СССР. Л.: Наука, С.19–23.

Достопримечательные… объекты 1997. Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: Псковский пед. ин-т. В 2-х тт.

Исланова И.В. 1989. Погребальные памятники культуры длинных курганов верховьев Мсты и Волчины // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сб. науч. трудов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, С.24–32.

Исланова И.В. 1994. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья в I тыс.н.э. // Тверской археологический сборник. Вып.1. Тверь: Тверской объед. гос. музей, С.134–138.

Исланова И.В. 1997. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 304 с., илл.

Каргапольцев С.Ю. 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III–V вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб.: СпбГУ.

Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник.7. СПб: Фарн, С.113–121.

Конецкий В.Я. 1981. Комплекс памятникеов у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М.: , 1991. С.89–116.

Конецкий В.Я. 1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. 3(13). Л.: Наука. С.3–19.

Конецкий В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 янв.1997 г.). Вып.11. Новгород. С.115–138.

Конецкий В.Я., Верхорубова Т.Л. 1979. Работы Новгородского музея //АО 1978 г. М.: Наука. С.16–17.

Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. 1997. К типологии погребальных древностей Северо-Запада (На материалах Бельского (Любытинского) археологического комплекса) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат-лы науч. конф. 11–13 нояб.1997 г. / Сост. В.Ф.Андреев. Новгород: НовГУ, 1997. С.3–8.

Крейтон 1914. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Труды ПАО. Вып. 10. Псков. С.7–24.

Кузьмин С.Л. 1988. Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология (тезисы науч.-практ. конф.). Новгород. С.22–26.

Кузьмин С.Л. 1989. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.) Вып. 2. Новгород. С. 36–40

Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов // Неславянское в славянском мире. Stratum Plus, 1999, 5. СПб.; Кишинев; Одесса. С.148–152.

Лапшин В.А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1: Западные районы. Л.: ЛО ВООПИК.

Лапшин В.А. 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2: Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Лаул С. 1971. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии// ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.20. № 3. С.319–329.

Лаул С. 1974. Каменный могильник и курганы в Пыльгасте (Юго-Восточная Эстония) // ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.23. № 1. С.87–89.

Лаул С. 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск. С.378–383.

Лебедев Г.С. 1977а. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: : Изд-во ЛГУ. С.90–95.

Лебедев Г.С. 1977б. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Межвуз. сб. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, С.37–46.

Лебедев Г.С. 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.29–39.

Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. 1982. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.45–49.

Лесман Ю.М. 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С.33–37.

Лопатин Н.В. 1997. Днепро-двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». С.166–176.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1994. О роли памятников III–V вв. н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли–Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. 9. СПб. : Гос. Эрмитаж. С.136–141.

Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. (МИА. № 152) Л.: Наука. 192 с.

Малыгин П.Д. 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып.1. Тверь: Тверской объед. гос. музей. С.116–128.

Мачинский Д.А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.7–24.

Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движений славян в I–VII вв. н. э. // Acta Archaeologica Carpathica. 16. С.59–94.

Микляев А.М. 1981. Археологическая география (задачи, методы и первые результаты) // Краткие тезисы науч. конф. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.: ГЭ. С.49–51.

Микляев А.М. 1994. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 9. СПб. С.7–36.

Минасян Р.С. 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Гос. Эрмитажа. Т.XX. Л.: Гос. Эрмитажа. С.180–184.

Моора Х.А. 1954. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 г. // КСИИМК. Вып. 55. С.52–63.

Моора Х.А. 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Тл.: Эстгиз. С.49–141.

Носов Е.Н. 1981а. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА. 1. С.42–56.

Носов Е.Н. 1981б. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. Вып. 166. С.64–69.

Носов Е.Н. 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (К вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. 1(11). Л.: Наука. С.43–78.

Окулич-Казарин Н. 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского Археологического общества, 10. Псков. С.131–292.

Орлов С.Н. 1941. Могильник в Старой Ладоге (Из материалов Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ) // Уч. зап. ЛГУ. № 80. (Серия ист. наук. Вып. 10.) С.116–138.

Орлов С.Н. 1968. Археологические исследования в низовьях р. Мсты // СА. №3. С. 160–171.

Орлов С.Н. 1973. Памятники кривичей в среднем течении р. Мсты // АО 1972 г. М.: Наука. С.32–33.

Памятники …Новгородской области 1999. Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Часть 2 (памятники археологии) / Сост. А.Ю.Курочкин. Великий Новгород. 240 с., илл.

Петренко В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.: Наука. 137 с.

Петров Н.И. 1992. Культурно-исторические процессы в северной части Молого–Мстинского водораздела в эпоху раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.) Вып. 6. Новгород. С. 62–69

Петров Н.И. 1996. Археологические памятники эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы // Древние культуры и технологии: Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга (Археологические изыскания. Вып. 34). СПб.: ИИМК РАН. С.99–104.

Платонова Н.И. 1981. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. Вып.166. С.39–45.

Плоткин К.М. 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.: Наука. С.159–186.

Плоткин К.М., Грач В.А. 1978. Раскопки курганов у д. Северик // АО 1977 г. М.: Наука. С.29.

Попов С.Г. 1987. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198. С.45–56.

Попов С.Г., Свеженцев Ю.С., Зайцева Г.И. 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.: С.169–182.

Пронин Г.Н. 1977. Работы Новгородского отряда // АО 1976 г. М.: Наука. С.30–31.

Пронин Г.Н., Мильков В.В., Гайдуков П.Г. 1978. Работы Новгородского отряда // АО 1977 г. М.: Наука. С.31–32.

Репников 1904. Поездка Н.И.Репникова в Старую Ладогу // ЗОРСА. Т.V. Вып.2. С.57–60.

Рерих Н.К. 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой (Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению Императорского Русского Археологического Общества) // ЗОРСА. Т.V. Вып. 1. С.14–43.

Рыук А.М. 1979. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии / / ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.28. №3. С.249–265.

Седов В.В. 1960. Кривичи // СА. №1. С.47–62.

Седов В.В. 1968. Исследования Кривичского отряда // АО 1967 г. М.: Наука. С.15–16.

Седов В.В. 1961а. Разведки в Псковской земле // АО 1970 г. М.: Наука. С.18–20.

Седов В.В. 1971б. Грицковские курганы // КСИА. Вып. 125. С.52–58.

Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей. (САИ, Ei–8). М.: Наука. 68 с., 31 табл.

Седов В.В., Седова М.В. 1967. Раскопки длинных курганов на Великой // АО 1966 г.

Селиранд Ю. 1965. Курганы второй половины I тыс. в Западном Причудье // ИАН ЭССР. Общ. науки. Т. XIV. № 4. С.471–482.

Соболев В.Ю. 2000. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков. С.103–107.

Сорокин П.Е. 1998. Археология Петербурга — итоги исследований и проблема сохранения и использования археологического наследия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Мат-лы Всеросс. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения А.Д.Грача. Дек. 1998. СПб.: Культ-информ-пресс. С.263–268.

Спицын А.А. 1897. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Новгородская губерния.Псковская губерния. С.–Петербургская губерния. Тверская губерния // ЗРАО. Т.IX. Вып. 1–2. С.237–256, 268–293.

Спицын А.А. 1899б. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Смоленская губерния // ЗРАО. Т.XI. Вып. 1–2. С.177–302.

Спицын А.А. 1903а. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т.V, вып.1. С.196–202.

Станкевич Я.В. 1958. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины // КСИИМК. Вып. 72. С.46–53.

Станкевич Я.В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. (МИА. № 76). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С.7–327.

Тищенко А.В. 1914а. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // ИАК. Вып. 53. (Пг., 1914.) С.1–22.

Тараканова С.А. 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. XXXV. С.18–29.

Тараканова С.А. 1951. Псковские курганы с трупосожжением (Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК 8 декабря 1949 г.) // КСИИМК. Вып. XXXVI. С.141–154.

Тараканова С.А. 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА. XIX. С.77–110.

Тараканова С.А. 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып.62. С.33–44.

Тараканова С.А. 1959. Себежские городища и курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С.111–127.

Третьяков П.Н. 1941. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). М.; Л. С.9–55.

Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, перераб. и расшир. М.: Изд-во АН СССР, 312 с.

Труды IV съезда в Костроме 1914. — Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома.

Хвощинская Н.В. 1985а. Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.: Наука. С.28–33.

Хвощинская Н.В. 1985б. Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Сб. статей под ред. Ю.Селиранда. Тл. С.168–178.

Хвощинская Н.В. 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб. С. 123 — 138.

Хвощинская Н.В., Прудько О.М. 1974. Раскопки курганов у дер. Залахтовье // АО 1973 г. М.: Наука. С.33–34.

Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). М.; Л. С.93–148.

Шмидехельм М.Х. 1965. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. / Под ред. Х.А.Моора и Л.Ю.Янитса. Тл.: Ээсти раамат. С.51–56.

Шмидт Е.А. 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.: Наука. С.224–229.

Штыхаў Г.В. 1992. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука и тэхніка. 190 с.

Штыхаў Г.В. 1999. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII ст.ст.) // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн.: Беларуская навука. С.376–384.

Щукин М.Б. 1975. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян (по поводу статей Э.А.Рикмана, И.С.Винокура, В.В.Седова и И.Вернера) // СА. №4. С.57–70.

Щукин М.Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. С.103–118.

Щукин М.Б. 1989. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.56–62.

Андрияшев В.С. А-1928. Отчет об обследовании в Боровичском округе. АИИМК. Ф.2. Д.101.

Гроздилов Г.П., Чернягин Н.Н. А-1928. Отчет, дневники и рисунки по разведкам в Лужском уезде. АИИМК. Ф.2. Д.107.

Иванов Н.В. А-1928. Отчет об обследовании Гдовского района АИИМК. Ф.2. Д.115.

Иессен А.А. А-1927. Отчет и карта маршрута разведок в Кингисеппском и Лужском уездах. АИИМК. Ф.2. Д.109.

Койшевский Б.А. А-1928. Отчет об обследовании в Псковском округе. АИИМК. Ф.2. Д.117.

Койшевский Б.А., Чернягин Н.Н. А-1929. Отчет об обследовании в Псковском округе. АИИМК. Ф.2. Д.124.

Поршняков С.Н. А-1928. Отчет об обследовании Боровичского района АИИМК. Ф.2. Д.108.

Чернягин Н.Н. А-1938. Отчет о раскопках в Псковском округе в 1938 г. АИИМК. Ф.35. Д.70.

Чернягин Н.Н. А-1939. Отчет о раскопках курганов в Середкинском районе Псковского округа. АИИМК. Ф.35. Д.146.

Чернягин Н.Н. А-1940. Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. АИИМК. Ф.35. Д.35.

Шульц П.Н., Гроздилов Г.П. А-1927. Отчеты, дневники и чертежи по разведке в Лужском уезде. АИИМК. Ф.2. Д.106.

Шульц П.Н. А-1928. Отчет об обследовании Гдовского района. АИИМК. Ф.2. Д.114.

Schmiedehelm M., Laul S. 1970. Asutusest ja etnilisest oludest Kagu-Eestis I. aastatuhandel // Studia archaeologica in memjriam Harri Moora. Tl.: Valgus. S. 154–164.

С.Л.Кузьмин

СТРАТИГРАФИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СТАРОЛАДОЖСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ VIII-X ВВ.

S. Kuz'min. The Stratigraphy and Some Problems of History of the Old Ladoga Settlement Dated by VIII-X Centuries.

The city of Ladoga is mentioned in some of the chronicles as the first residence of Rjurik, the founder of the princely dynasty of Rus', but its recent fame is mostly due to extensive archaeological study. Conducted on a scientific basis for more than a century, this has produced in the last few decades a unique dendrochronological scale allowing scholars to attach precise dates to the successive strata. Located on the lower Volhov, close to its junction with Lake Ladoga, the site provided Scandinavian migrants and merchants with convenient access to the river system of the Eastern Europe, and the first Scandinavian colony appeared there as early as the mid-750s. It is often presented as the nucleus of the future city, rather prematurely in fact as it was soon destroyed by the local, probably Slavic population. The emergence of the city of Ladoga was by no means a linear process. In the confrontation between Scandinavians and indigenous tribes, the settlement was burned to the ground several times and its population changed. Its history is traced here stage by stage and stratum by stratum. The stratigraphy, different1ly described by three generations of scholars, is brought to a unified system of reference. Eleven strata or levels are distinguished in all, from the mid-8th to the late 10th century, each dated by dendrochronology. The buildings of the different levels are presented on a series of plans which allow the reader to follow the evolution of settlement on the site; (he material culture typical of each level is briefly characterised. The most remarkable outcome of this evolution is the emergence of a new synthetic culture, typical of Ladoga (and sometimes improperly described as the *sopki* culture), which combines Nordic and Slavic elements and which announces the culture of the medieval Rus'.

Старая Ладога остается одним из ключевых памятников при изучении начальных этапов истории Северной Руси. Это единственный древнерусский город, где выявлена непрерывная свита слоев VIII-X вв. с органическими остатками, для которых возможна разработка дробной стратиграфии с абсолютными датами, опирающимися на данные дендрохронологии. Находясь на стыке культурных миров раннесредневековой Европы, она испытала разнородные влияния, что нашло отражение в ее археологических материалах. На основании их пристального исследования возможно решение целого комплекса вопросов генезиса древнерусского общества и его культуры. Первостепенное значение при этом имеет разработка и уточнение хронологии восточноевропейских древностей. Успехи в изучении культурного слоя Старой Ладоги к концу нашего столетия отчетливо обозначили направления и перспективы научного поиска.

Внимание исследователей с начала XX века было приковано к т.н. Земляному городищу (Репников 1904:57-60). Здесь, на небольшом участке, ограниченном и частично перекрытом валами XVI-XVIII вв., локализуются древнейшие слои, относящиеся ко 2-й пол. VIII в. Изучение Земляного городища в течение всего нашего столетия ведется несколькими поколениями археологов.

В 1911-1913 гг., впервые в практике отечественной археологии на сравнительно широкой площади Н.И.Репниковым были раскрыты прекрасно сохранившиеся остатки деревянных сооружений. Эти раскопки велись на самом высоком в то время методическом уровне. К сожалению, их результаты были опубликованы много лет спустя (Старая Ладога 1948). С 1938 г. работы на Земляном городище продолжила экспедиция под руководством В.И.Равдоникаса. В течение полевых сезонов 1938-1940, 1945, 1947-1950 и 1957-1959 была вскрыта почти вся площадь внутри валов Земляного городища, доступная для изучения. В 1970-1980 гг. небольшой участок к западу от раскопа В.И.-Равдоникаса исследовал Е.А.Рябинин. Параллельно развернулись раскопки В.П.Петренко на Варяжской улице, на левом берегу р.Ладожки. Одним из результатов этих работ стала разработка Н.Б.Черных староладожской дендрохронологической шкалы. С 1984 г. раскопки северо-западной части Земляного городища ведет экспедиция А.Н.Кирпичникова.

Материалы Старой Ладоги отразились в многочисленных публикациях. Без их учета невозможно представить сколько-нибудь серьезное исследование по проблемам ранней истории Руси и ее связей со странами Северной Европы. К великому сожалению, сводного монографического исследования, освещающего все аспекты культуры раннесредневековой Ладоги, за прошедшие годы так и не появилось.

© Кузьмин С.Л., 2000.

Основой систематизации и интерпретации ладожских материалов может послужить стратиграфическая схема, позволяющая синхронизировать сооружения и находки на различных участках поселения, исследованных в разные годы и разными исследователями.

Хорошая сохранность органики и применение метода дендрохронологии позволили разработать дробные стратиграфические схемы средневековых культурных напластований некоторых городов Северной Руси. Старая Ладога в их числе.

Определение даты строительных остатков с точностью до одного года позволяет выделять ярусы — горизонты синхронных построек и слоя, накопившегося за время их существования. Надежная шкала абсолютной хронологии предоставляет замечательную возможность корректного сопоставления данных археологии со свидетельствами письменных источников. Такая методика прекрасно себя зарекомендовала, что, например, блестяще подтверждают многолетние работы Новгородской экспедиции.

В Старой Ладоге культурные напластования с органическими остатками сохранились на т.н. Земляном городище и на левом берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы. Специальных работ по зонированию «мокрого» слоя середины VIII — начала XI вв. не производилось. Однако, разведочные раскопы Староладожской экспедиции ЛОИА 1984 г. (Кирпичников 1986: 9) и многолетние наблюдения сотрудника Староладожского музея-заповедника З.Д.Бессарабовой (Бессарабова 1995: 50-54; Бессарабова 1996: 25-28) и сотрудника института «Спецпроектреставрация» Н.К.Стеценко (Стеценко 1995: 17-19) показывают, что площадь его распространения достаточно компактна и не превышает 2-4 га. Это позволяет считать разработку стратиграфии «мокрого» слоя поселения, основанную на выделении ярусов на отдельных участках и их последующей синхронизации, вполне возможной (Табл. 1).

Начиная с работ Н.И.Репникова, В.И.Равдоникаса и Г.П.Гроздилова, в исследованиях о Старой Ладоге такая тенденция наметилась (Старая Ладога 1948; Равдоникас 1949; Равдоникас 1950; Гроздилов 1950). Частично она была реализована О.И.Давидан (Давидан 1976). Стоит отметить, что выделение горизонтов синхронной застройки не было самоцелью данной работы, а преследовало задачу уточнения хронологии нижних слоев Земляного городища традиционным путем датировки находок по аналогиям в сопредельных регионах. Некоторые наблюдения О.И.Давидан впоследствии подтвердились, некоторые расходятся с вновь полученными данными.

Раскопки Е.А.Рябинина на Земляном городище, В.П.Петренко на Варяжской улице и создание Н.Б.Черных ладожской дендрохронологической шкалы имеют первостепенное значение для обоснования возможности и необходимости использования ярусной стратиграфии при изучении материалов раннесредневековых слоев Старой Ладоги (Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988; Черных 1985; Петренко 1985; Черных 1996: 107-119).

В 1986 г. мной совместно с А.Д.Мачинской была предложена стратиграфическая схема из 11 ярусов для смыкающихся раскопов Н.И. Репникова, В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина в центральной части Земляного городища (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986). Небольшие работы по доследованию постройки, оставленной в 1947 г. В.И.Равдоникасом на дне раскопа, предпринятые автором в 1986 г. в рамках работ Староладожской экспедиции под руководством А.Н.Кирпичникова, внесли в нее определенные коррективы, что нашло отражение в дипломном сочинении автора (Кузьмин 1988). По стечению обстоятельств опубликовать это исследование в развернутом виде до последнего времени не удавалось (Кузьмин 1998). Однако, предложенная стратиграфическая схема из 11 ярусов получила высокую оценку и признание (Лебедев 1996: 112; Лесман 1996: 59; Назаренко 1997: 112-114) и активно используется многими исследователями (Джаксон 1993: 153-154, 163, 184; Мачинский, Мачинская: 1988; Петров 1996; Френкель 1997: 127-128 и др.).

В 1991 г. закончился первый этап раскопок А.Н. Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища и его результаты оказались вполне сопоставимы с ярусной стратиграфией участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина (Кирпичников, Назаренко 1997).

Сравнение стратиграфических подразделений трех различных участков культурного слоя Старой Ладоги, где исследована значительная площадь[1], позволяет говорить о принципиальной возможности относительной и абсолютной синхронизации выделенных «ярусов», некоторых «слоев» раскопа А.Н.Кирпичникова и «основных строительных горизонтов» раскопа В.П. Петренко. Следы пожаров, соотношение лепной и гон-

[1] Площадь в центральной части Земляного городища, вскрытая в ходе полевых сезонов 1911-1913 (Н.И.Репников), 1938-1940, 1945, 1947-1950, 1957-1959 (В.И.Равдоникас), 1973-1975, 1981-1982, 1984-1985 (Е.А.Рябинин) гг., колеблется в пределах 2300-2500 кв.м. Следует учитывать, что Н.И.Репников не использовал принятую современной методикой 2-х метровую квадратную сетку пикетов. Это обстоятельство затрудняет точное определение исследованной им площади в пределах раскопа с «ломаными» очертаниями. Раскопы В.И.Равдоникаса также имели неровные очертания и на разных уровнях их площадь отличается. Слой ниже некоторых построек горизонта Е В.И.Равдоникасом не исследовался. Его раскопы частично «накрыли» раскоп 1911-1913 гг. Большие дома, исследованные Е.А. Рябининым, были открыты еще В.И. Равдоникасом, но в 1950 г. работы на этом участке были приостановлены. Однако, именно «пересечение» раскопов раз-

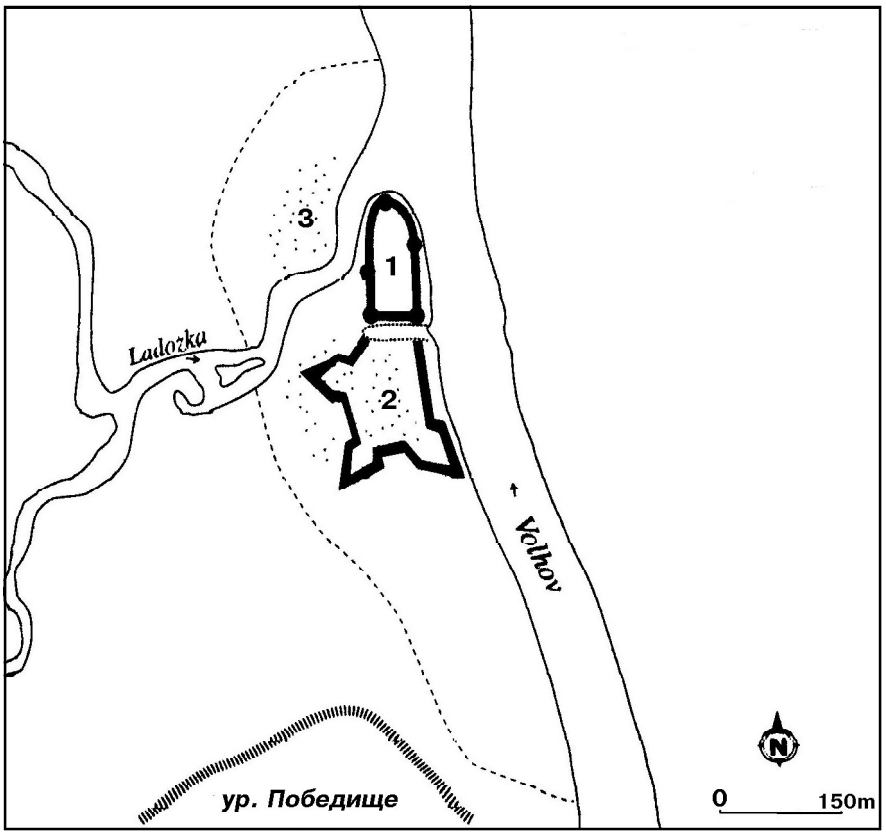


Табл. 1. План распространения культурного слоя VIII — X вв. Границы распространения слоя с лепной керамикой, границы распространения слоя с органикой VIII — X вв. 1 — каменная крепость; 2 — Земляное городище; 3 — район Варяжской улицы.

чарной керамики и серии дендродат делают такую синхронизацию достаточно надежной и точной. Результаты проделанной работы обобщены в табл. 3.

Остановимся подробнее на обосновании выделения ярусов и определении их хронологии на участке, исследованном раскопками Н.И.Репникова, В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина[2]. Важно уточнить, как соотносятся яруса с горизонтами и микрогоризонтами стратиграфических схем В.И.Равдоникаса, О.И.Давидан и Е.А.Рябинина, ставших общепринятыми. В силу специфики накопления культурных отложений на разных этапах жизнедеятельности на данном участке поселения, рассмотрим выделение ярусов внутри горизонтов общепринятой схемы от верхних слоев к нижним, т.е. в следующем порядке: Д, Е1, Е2, Е3. Описание и характеристика ярусов, выделенных внутри общепринятых горизонтов, будут приведены в обратном порядке: от занимающих нижнюю позицию к вышележащим (Д — VIII, IX, X и XI яруса; Е1 — VI и VII яруса; Е2 = V ярус; Е3 — I, II, III и IV яруса).

Верхние слои Земляного городища с сохранившейся органикой, характеризующиеся плотной застройкой, были выделены В.И.Равдоникасом в горизонт Д. Уже тогда был замечен факт асинхронности сооружений этого горизонта, содержавшего не менее 2-3 слоев перекрывающих друг друга построек (Гроздилов 1950: 148-150). Однако специальной работы по их расчленению не проводилось. Плотность застройки облегчает фиксацию связи строительных комплексов по горизонтали, в пределах яруса, и их соотношения по вертикали, в случаях перекрывания постройки одного яруса постройкой другого. Основным критерием отнесения сооружения к определенному ярусу была фиксация его положения в «пачке» перекрывающих друг друга комплексов. Число таких «пачек» для горизонта Д не менее 10, и они охватывают практически всю площадь раскопов в центральной части Земляного городища. Заметим, что подобная методика применима и для горизонта Е. Другими критериями разделения строительных комплексов горизонта Д по ярусам являлись:

ных исследователей позволяет достаточно точно определять взаимное расположение открытых в них объектов.

Площадь раскопов В. П. Петренко на Варяжской улице и А.Н. Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища, на участке, исследованном до материка, составляет около 600 и около 160 кв. м соответственно.

Таким образом, в настоящий момент слои VIII-X вв., сохранившие органические остатки, исследованы на площади, не превышающей 3250 кв.м. Это может составлять от 8 до 16 % напластований указанного времени. Однако, отложения середины VIII — начала IX вв. выявлены только в пределах раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, а степень их изученности может составлять более 50%.

[2] Источниковедческой базой исследования служат публикации и архивные материалы. Автор выражает глубокую признательность О.И.Давидан и Е.А.Рябинину за предоставленные материалы и ценные консультации.

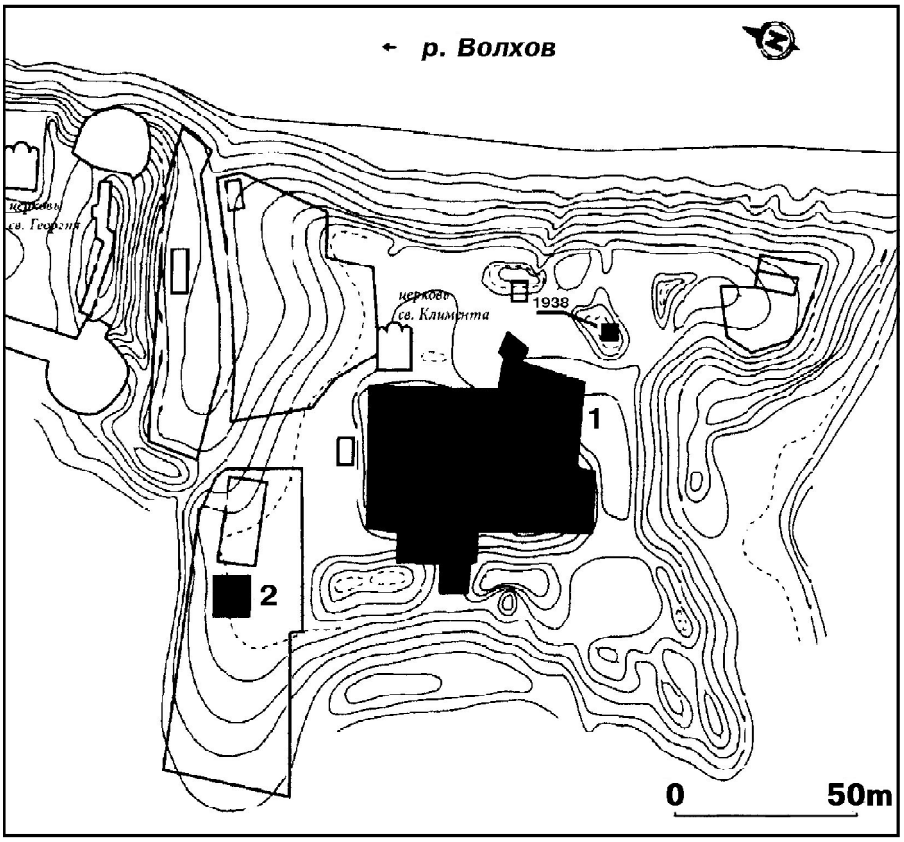


Табл. 2. 1 — раскопы Н.И.Репникова (1909 — 1913), В.И.Равдоникаса (1938 — 1959) и Е.А.Рябинина (1973 — 1975; 1981—1985); 2— раскоп А.Н.Кирпичникова (1984 — 1991).

— характер заполнения построек и структура прилегающего к ним слоя

— сохранность дерева

— наличие следов пожара

— нивелировочные отметки

— соотношение в комплексах лепной и гончарной керамики.

В горизонте Д удалось выявить четыре яруса (VIII-XI). Приведем их краткую характеристику.

VIII ярус (табл. 11). Сооружения яруса занимают обычно нижнюю позицию в «пачках» налегающих друг на друга построек. Залегают они в слое бурого гумуса со щепой. Сохранность дерева хорошая. Все сооружения носят следы пожара. Средние нивелировочные отметки — 100-80 от единого репера. Сосуществует лепная и гончарная керамика, но первая сильно преобладает.

Постройки, выделенные на площади раскопов Н.И.Репникова и В.И.Равдоникаса в VIII ярус, по всем показателям соотносятся с большим строительным комплексом VIII-24[3], исследованным Е.А.Рябининым. Часть его конструкций была принята В.И.Равдоникасом и Г.П.Гроздиловым за мостовую улицы. Строительство этого дома датируется рубежом 920 — 930-х гг. (около 931 г.). Большая доля лепной керамики в комплексах рядовой застройки по сравнению с комплексом VIII-24 позволяет думать, что основная часть застройки данного яруса сформировалась несколько ранее времени возведения большого дома VIII-24 и строительства комплексов VI основного горизонта Варяжской улицы (дендродаты 930 — 940-е гг.). В целом VIII ярус Земляного городища синхронен VI основному горизонту Варяжской улицы. Застройка этих обоих участков поселения гибнет в пожаре, случившемся на рубеже 940 — 950-х гг. (около 950 г.). Время пожара определяет верхнюю дату VIII яруса — VI основного горизонта и нижнюю дату IX яруса — V основного горизонта.

IX ярус (табл. 12). Сооружения яруса занимают обычно среднюю позицию в «пачках» построек; в ряде случаев, в восточной части раскопанной площади, где вышележащие слои не сохранились или сохранились плохо, — верхнюю. Сохранность дерева хуже чем в VIII ярусе. Заполнение построек и прилегающий слой — бурый гумус с разложившейся древесиной. Средние нивелировочные отметки — 80-60. Следов пожара не выявлено. Преобладает гончарная керамика, но присутствует и лепная.

Нижняя дата яруса, как отмечалось выше, определена временем гибели в пожаре застройки VIII яруса. Около 954 г. ремонтируется большой строительный комплекс VIII-24 (Рябинин, Черных 1988: 97). Строительная деятель-

[3] Для участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина в данной работе введена единая нумерация построек и сооружений. Римскими цифрами обозначен ярус, арабскими — номер объекта в ярусе. Для раскопов В.П.Петренко и А.Н.Кирпичникова сохранена нумерация, введенная авторами в публикациях (Петренко 1985; Кирпичников, Назаренко 1997).

ность фиксируется здесь и в 960-х гг. Время смены IX яруса X ярусом условно отнесено нами к 970-м гг. Эта дата, за отсутствием соответствующих дендрохронологических материалов в раскопе Е.А.Рябинина, опирается на среднее время кардинальной смены застройки в древнерусских городах X-XI вв. Для основных горизонтов Варяжской улицы Ладоги оно равно 20-25 гг., для Неревского раскопа Новгорода — 20 лет. При сопоставлении предполагаемой верхней даты IX яруса с верхней датой V основного горизонта Варяжской улицы (шестой период строительной активности по Н.Б.Черных) противоречий не обнаружено (Черных 1985: 122). IX ярус Земляного городища и V основной горизонт Варяжской улицы можно считать в целом синхронными и датировать 950-970-ми гг.

X ярус (табл. 13). Постройки этого яруса сохранились лишь в западной части площади раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, на участке, не затронутом строительной деятельностью при возведении собора Св. Клемента в XII в. и функционировавшим при нем кладбище. Ряд сооружений яруса (X-1, X-3, X-5, X-7) занимают верхнюю позицию в «пачках» из трех построек. Настилы сложного строительного комплекса, состоящего из построек X-5, X-6, частично перекрывают остатки комплекса VIII-24, воздвигнутого на рубеже 920 — 930-х гг. и ремонтировавшегося около 954 г. и в 960-х гг. Постройки яруса залегали в слое черного гумуса. Сохранность дерева неравномерная. Следов пожаров нет. Преобладает гончарная керамика.

Формирование застройки, постепенно сменившей застройку IX яруса, очевидно относится к 970-м гг. Верхняя дата, исходя из сказанного об определении среднего времени существования застройки ярусов, предположительно может быть отнесена к 990-м гг. Материалы IV основного горизонта Варяжской улицы (седьмой период строительной активности по Н.Б.Черных) подтверждают предложенную датировку, если считать его в целом синхронным X ярусу (Черных 1985: 120,122).

XI ярус. Сохранилась лишь одна постройка и примыкающий к ней настил. Она занимала

Земляное городище: слои и горизонты					**Варяжская улица**	**Ярус земляного городища**	**Дата**
По Н.И.Репникову	**По В.И.Равдоникасу**	**По О.И.Давидан**	**По Е.Я.Рябинину**	По А.Н.Кирпичникову	**По В.П.Петренко**		
3 слой (I ярус)	**Д**	**Д**	**Д верхнее**	6-7	**III**	**XI**	**990-е**
					IV	**X**	**970-е — — 990-е**
					V	**IX**	**950-е — — 970-е**
			Д нижнее	8	**VI**	**VIII**	**920-е — — ок.950**
	E_1	**E_1**	**E_1**	9	**VII-VIII**	**VII**	**890-е — — 920-е**
					IX-X	**VI**	**ок.865 — — 890-е**
4 слой (II ярус)	**E_2**	**E_2**	**E_2**		**X-XI**	**V**	**ок.840 — — ок.865**
5 слой (III ярус)	**E_3**	**$E_{3/1}$**	**E_3 бурый гумус-1**		**XI**	**IV**	**ок.810 — — ок.840**
		$E_{3/2}$	**E_3 черный гумус**			**III**	**ок.780 — — ок.810**
						II	**сер.760-х — 770-е**
		$E_{3/3}$	**E_3 бурый гумус-2**			**I**	**750-е — — 760-е**

Табл. 3. Сводная таблица стратиграфии Староладожского поселения.

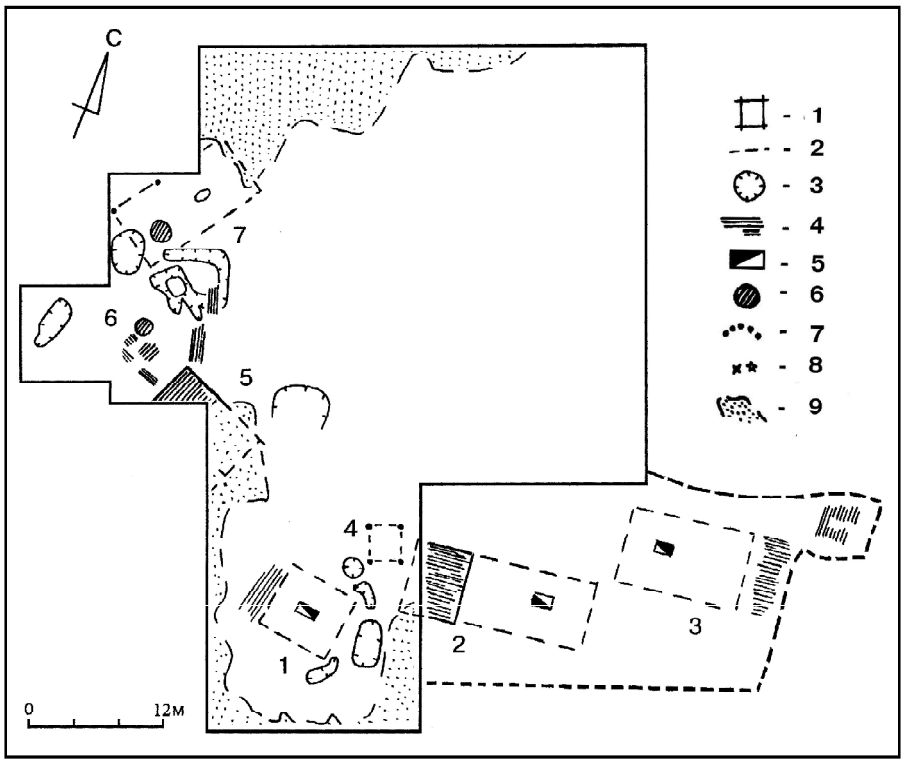


Табл. 4. I ярус. Условные обозначения к таблицам 4-13: 1 — срубные постройки; 2 — контуры столбовых построек и сооружений, реконструируемые части срубов; 3 — ямы; 4 — настилы; 5 — печи и очаги; 6 — горн, плавильная печь; 7 — ограды; 8 — пни — «стулья»; 9 — площадь раскопа В.И. Равдоникаса, оставшаяся недоисследованной с границы Е2 и Е3.

верхнее положение в «пачке» построек, над постройкой Х-7. Связанный с ней настил перекрывает комплекс Х-5/Х-6. Эти строительные остатки залегают в слое черного гумуса, но менее интенсивной окраски, чем гумус Х яруса. Сохранность дерева плохая. Древесные остатки носили следы воздействия огня. Керамика гончарная.

Плохо сохранившийся XI ярус Земляного городища следует, очевидно, сопоставлять с III основным горизонтом Варяжской улицы, сформировавшимся в течение 990-х гг. и погибшим во время пожара не ранее 995 г. (Петренко 1985: 92; Черных 1985: 122).

В раскопе В.П.Петренко на Варяжской улице остатки III основного горизонта перекрыты II основным горизонтом, который также носит следы большого пожара. По всей вероятности, два ладожских пожара конца Х-начала XI века можно рассматривать в связи с набегами норвежских ярлов Эйрика (около 997 г.) и Свейна (около 1015 г.), что может послужить определенными хронологическими ориентирами для археологических материалов (Рыдзевская 1945:51-64; Джаксон 1993: 153-154, 163, 184; Джаксон 1994: 43, 51, 71).

Четкое разделение на ярусы слоя Е, подстилающего Д, представляет более трудную задачу. Однако, в указанном горизонте есть своеобразный стратиграфический репер, наличие которого отмечали все исследователи Земляного городища (Корзухина 1961: 82-84). Это уровень тотального пожара, выделенный В.И. Равдоникасом в особый горизонт Е2, отметив, что именно он является горизонтом в строгом смысле слова.

VI и VII яруса (табл. 9-10). Слой между Д и Е2 В.И. Равдоникас обозначил индексом Е1. Плотность застройки в этом слое низка, но в ряде случаев зафиксировано перекрывание ранних сооружений более поздними. Сложный жилищно-хозяйственный комплекс VII-1/VII-2 частично перекрывал настил к северу от т.н. «кузницы» (VI-1), а сама «кузница» залегала значительно ниже уровня постройки VII-1, что говорит о явной разновременности этих комплексов. В северной части вскрытой площади, в кв. Ж8 развал печи-каменки перекрывал остатки срубного хлевика (постройки VII-4 и VI-7). Наконец, на участке, исследованном Е.А.Рябининым, два хозяйственных сооружения VI-5 и VI-6, судя по дендродатам (871 г. и 878 г.), явно предшествует большому дому VII-3, возведенному около 894 г. (Рябинин, Черных 1988: 91-93). Таким образом, в рамках горизонта Е1 фиксируется два яруса — VI и VII.

Верхняя дата VII яруса определяется временем его смены VIII ярусом, т.е. 920-ми гг. Нижняя дата VI яруса соответствует гибели застройки V яруса между 863 г. и 870 г. (условно около 865 г.). Труднее провести границу, и стратиграфическую, и хронологическую, между VI и VII ярусами, так как структура застройки в это время существенных изменений не претерпевала, поселение не гибло в пожаре, а серия дендродат невелика. Учитывая эти факты , в качестве опорной даты можно принять время строительства большого дома VI-3: около 894 г. Дата 890-е гг. в общем совпадает с наблюдениями Н.Б.Черных над порубочными датами сооруже-

ний VII-X основных горизонтов Варяжской улицы, где она также выделила два периода строительной активности: 870 — 890-е гг. и 890 — 920-е гг. (Черных 1985: 122).

V ярус (табл. 8). Как уже отмечалось выше, V ярус хорошо выделяется стратиграфически. Достаточно высокая плотность застройки, погибшей при мощном пожаре, позволяет легко установить связь построек по горизонтали в пределах яруса. По материалам раскопа Е.А. Рябинина, его верхняя хронологическая граница находится в интервале между 863 и 870 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Некоторая строительная активность на Варяжской улице во второй половине 860-х гг. (Черных 1985: 121-122) дает повод несколько сузить эту дату — между 863 и 868 гг. (условно около 865 г.). Нижняя дата яруса основана на результатах дендрохронологии спилов раскопа Е.А.Рябинина — между 838 и 845 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Здесь снова интересно привлечь дендродаты сооружений Варяжской улицы, где наиболее ранняя порубочная дата 842 г. Из вышесказанного можно заключить, что застройка V яруса Земляного городища, погибшая в пожаре, в основном синхронна наиболее ранним постройкам Варяжской улицы (XI, частично X основные горизонты), а данный период истории Ладоги относится к 840-м — середине 860-х гг. (около 840 г. — около 865 г.).

Слои середины VIII-первой трети IX в. к настоящему времени известны лишь в пределах Земляного городища (Кузьмин 1997а: 166-167; Кузьмин 1997б: 228-230), где они традиционно именуются горизонтом Е3.

Попытка разделить слои, выделенные В.И.Равдоникасом в микрогоризонт Е3, предпринималась О.И. Давидан (Давидан 1976). Исследовательница разделила их на три стратиграфических подразделения, которые принято обозначать как Е3/1, Е3/2, Е3/3 или Е3 верхний, средний, нижний. Раскопки Е.А.Рябинина уточнили эти наблюдения и дали дендрохронологические определения для отдельных слоев. Первоначально мы опирались на эти работы, внося лишь незначительные дополнения (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986: 164-166). Однако, материалы, полученные в разведочном раскопе 1986 г., заставили автора пересмотреть ряд высказанных ранее положений, а также привязку некоторых построек и находок к ярусам.

Необходимо отметить, что представления В.И.Равдоникаса о стратиграфии толщи отложений Е сформировались в ходе раскопок 1947 г., когда была исследована «пачка» из трех перекрывающих друг друга «больших» домов (Равдоникас 1950: 7-29). Самая ранняя постройка IV-5, занимает ключевое положение в свите нижних слоев восточной части раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина. О.И.Давидан отнесла ее к микрогоризонту Е3/2 (средний), некоторые авторы приняли это заключение (Давидан 1976: 104, 107; Кирпичников 1985: 8-10). С ней связан ряд сооружений и от ее датировки во многом зависит хронология смежных ярусов. Однако, культурные напластования ниже этого большого дома в 1947 г. доследованы не были.

Именно постройка IV-5 была дополнительно изучена в 1986 г. с целью получения дендродат. Ниже нее были выявлены остатки сгоревшей постройки, для которых тоже есть датировки. Сопоставление восточной части раскопов

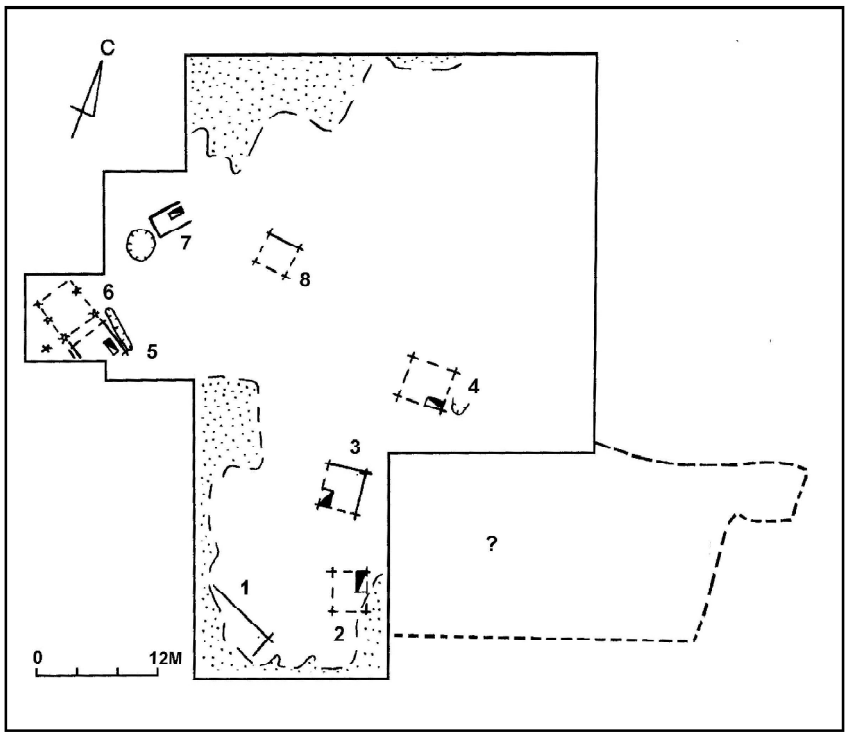


Табл. 5. II ярус.

В.И.Равдоникаса в центре Земляного городища с участком раскопок Е.А. Рябинина позволяет создать определенную картину формирования культурных напластований на раннем этапе жизни поселения.

Древняя дневная поверхность в пределах раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, на которой начал накапливаться культурный слой, не была горизонтальной, а имела уклон с востока на запад — 1 м и с севера на юг — 0,5 м. При выделении ярусов необходимо учесть динамику накопления слоя.

Перед началом освоения площадки Земляного городища, слой материковой глины перекрывался слоем луговой почвы, которая представлена в раскопе коричневым гумусом, подстилающим культурные напластования. Интересно, что на участке раскопок Е.А.Рябинина, т.е. в более низком по сравнению с центром площадки Земляного городища месте, этот слой составляет 0,08-0,12 м (Рябинин, Черных 1988: 74; Рябинин 1994: 7), тогда как на более высоких участках в раскопе В.И.Равдоникаса он достигает мощности 0,20-0,25 м, а в кв. Ф2-4, А2-4 даже 0,40-0,50 м. Такое распределение почвенного слоя в данных условиях невозможно объяснить процессом естественного накопления. Очевидно, почвообразовательный процесс был чем-то нарушен.

Сравнив нивелировочные отметки «большого» дома IV-5 в раскопе В.И. Равдоникаса (средние — 160-180) и синхронной ему постройки IV-7 в раскопе Е.А. Рябинина, можно увидеть, что последняя находится на 0,2-0,3 м выше. Постройка IV-5 находится ближе к центру Земляного городища, и толщина подстилающего ее культурного слоя с учетом подсыпки составляет 0,3-0,4 м (по данным 1986 г.), а свита напластований под постройкой IV-7 достигает 0,7 м (Рябинин, Черных 1988: 74). Под этим горизонтом построек на участке Е.А.Рябинина (исследователь объединил их в т.н. слой бурого гумуса-I) выделяется еще два стратиграфических слоя (черный гумус и бурый гумус-II) и еще три уровня построек. Сооружения на границе бурого гумуса-II и черного гумуса носили следы пожара (второй строительный период от материка на этом участке). Под основанием «большого» дома IV-5, на слое погребенной почвы 0,08-0,12 м толщины прослежен развал сгоревшего сооружения II-4. Слой погребенной почвы этого участка аналогичен по мощности слою погребенной почвы в раскопе Е.А.Рябинина и резко отличается от толщины погребенной почвы вокруг. Подобную картину можно объяснить следующим образом.

Первоначально застройка возникает не в центре площадки городища, а ближе к ее южному и западному к краям. Быстро накопившийся слой бурого гумуса и щепы, зафиксированный в раскопе Е.А.Рябинина (бурый гумус-II) и на участках, изученных В.И.Равдоникасом в 1950, 1959 гг. и Н.И.Репниковым в 1911 и 1913 гг., «запечатал» древнюю почву. В погребенном состоянии она сохранила на указанных участках свою естественную толщину: 0,08-0,12 м. Интенсивное накопление слоя по краям площадки Земляного городища, а также возможное существование других факторов (ограда, укрепления, нивелировочные подсыпки?), препятствовавших нормальному водосбросу и смыву культурного слоя вниз по склону, приве-

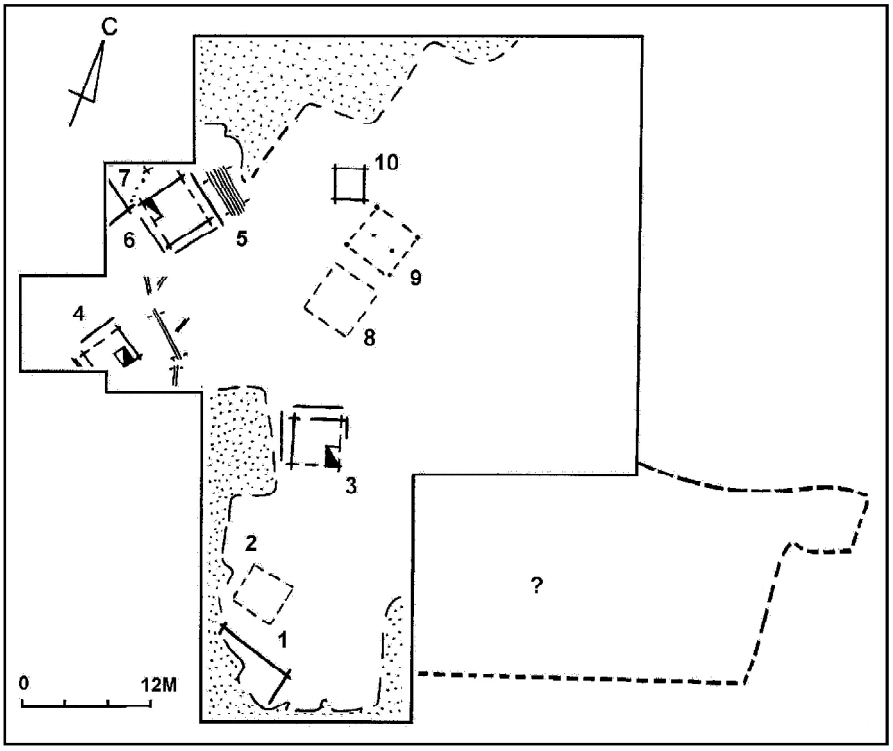
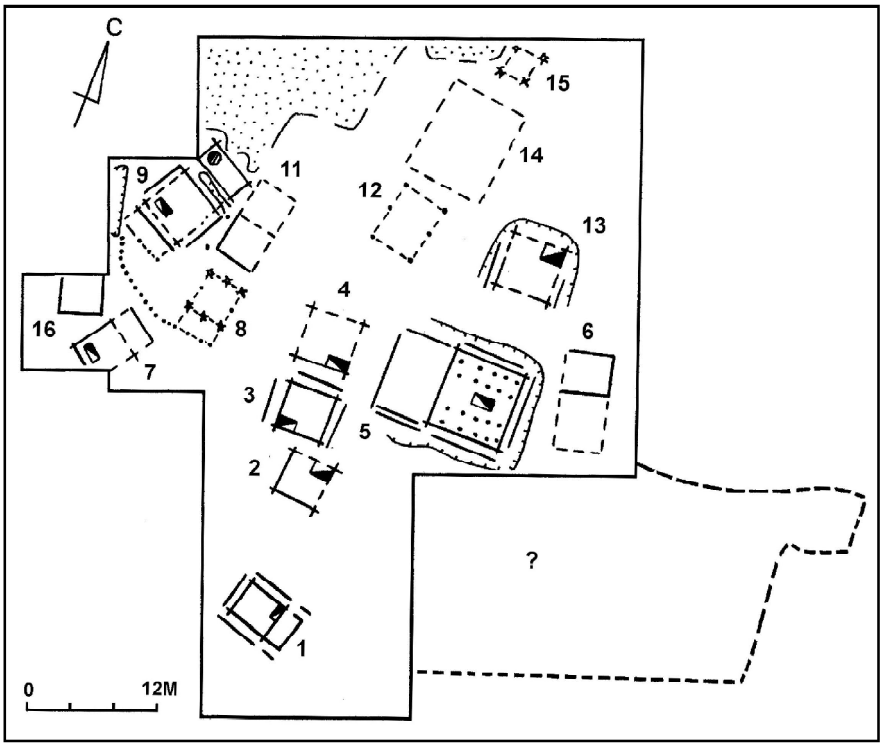


Табл. 6. III ярус.

Табл. 7. IV ярус.



ло к заболачиванию центральной ее части. В период, когда культурный слой на краю площадки городища достиг отметок, равных уровню почвы в центральной части поселения, а затем превзошел их, процесс заболачивания усилился. Это выразилось в резком увеличении толщины торфянистого слоя в центре площадки Земляного городища и сильной гумусированности по западному краю (слой черного гумуса в раскопе Е.А.Рябинина). При начале плотного освоения центральной части площадки Земляного городища, здесь пришлось вести осушительные работы: рыть канавы, делать мостки из дерева и вымостки из камня.

Таким образом, анализ динамики начального этапа накопления культурного слоя на разных участках раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина позволяет уточнить картину формирования застройки и выделить в горизонте Е3 четыре строительных яруса (I-IV). Ниже приводится их краткая характеристика.

I ярус (табл. 4). Застройка тяготела к западному и южному краям площадки Земляного городища. Однако, не исключено, что часть культурных отложений могла быть перемещена от центра к краю при нивелировочных работах [4]. Дендродаты есть лишь для участка раскопок Е.А. Рябинина, где исследован сложный производственный комплекс по обработке металла (I-6/I-7). Самая ранняя порубочная дата — 753 г. В целом, комплекс функционировал в 750 — 760-х гг. (Рябинин 1985: 54-55; Рябинин 1994: 26). С ним связан настил I-5, который, судя по конструкции, находится перед входом в постройку типа большого дома, аналогичного жилищам I-2 и I-3, расположенным прямо на погребенной почве.

Во второй половине 760-х гг. или на рубеже 760 — 770-х гг. застройка участка, исследованного Е.А.Рябининым, претерпела, кардинальные изменения. Производственный комплекс перестал функционировать. Набор инструментов (т.н. «клад»), брошенный в обводную канавку и неизъятый, свидетельствует, что это произошло внезапно. На месте кузницы I-7 появляется постройка II-7, которую, видимо, правильнее интерпретировать как летнюю кухню. Ряд объектов на материке перекрыл срубный дом с печкой-каменкой в углу и связанный с ним амбар на пнях (II-5 и II-6).

Такая же картина наблюдается и в южной части площади, раскопанной на Земляном городище. Постройки II-2 и II-3, отделенные от погребенной почвы прослойкой навоза и щепы толщиной до 0,2 м, перекрыли объекты I яруса.

Таким образом, отчетливо видно, что застройка I яруса в какой-то момент сменяется застройкой II яруса. Это произошло не ранее второй пол. 760-х гг. Трудно определить, была ли эта смена постепенной или резкой. Учитывая ряд фактов, в первую очередь выпадение «клада» инструментов, приходится склоняться к мысли о ее резком характере, слабо улавливаемом за отсутствием широкой серии дендродат.

Исходя из вышесказанного, время существования I яруса может быть предварительно определено как 750 — 760-е гг., хотя некоторое расширение этой даты вполне допустимо.

II ярус (табл. 5). Застройка по-прежнему тя-

[4] Это предположение высказал мне в частной беседе В.А.Назаренко, за что я весьма признателен.

готеет к окраине площадки городища, хотя несколько расширяется. Объекты залегают в слое бурого гумуса. Постройки II-1, II-4, II-5, II-6, II-7, расположенные на разных, удаленных друг от друга участках раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, носят следы пожара. Судя по дендродатам построек, исследованных Е.А. Рябининым, и постройки II-4, дата яруса в основном ограничивается 770-ми гг., но не исключено начало его формирования и во второй пол. 760-х гг. Пожар случившийся на рубеже 770 — 780-х гг. (около 780 г.) уничтожил его застройку. Его следы отмечены на постройках в раскопе Е.А.Рябинина, постройках II-1 и II-4.

III ярус (табл 6). После пожара застройка возобновляется, претерпевая незначительные изменения. Дата яруса определяется промежутком между гибелью в пожаре II яруса и активным строительством, сформировавшим застройку IV яруса. Характерной особенностью является залегание построек в слое черного гумуса, особенно отчетливо прослеженной на участке раскопа Е.А.Рябинина. Порубочные даты сооружений, открытых Е.А.Рябининым, позволяют отнести существование яруса к 780-800-м гг. (около 780 г. — около 810 г.). (Рябинин, Черных 1988: 80-86).

IV ярус (табл. 7). Смена предшествующей застройки происходит быстро. В один год (811 г.) возводятся некоторые сооружения на участке раскопок Е.А.Рябинина и большой дом IV-5, открытый В.И.Равдоникасом в 1947 г. Формирование застройки IV яруса происходило, вероятнее всего, в рамках 809-815 гг., но особенно интенсивно в 809-811 гг. В это время застраивается вся площадь, исследованная раскопами Репникова-Равдоникаса-Рябинина. Некоторые следы начала освоения участка Варяжской улицы в этот период фиксируется в виде разрозненных комплексов без дендродат, перекрытых строительными остатками с порубочными датами 842 — 857 гг. (Петренко 1985: 94, Черных 1985: 121).

Важно отметить некоторую строительную активность на Земляном городище в конце 830-х гг. На участке, изученном Е.А. Рябининым, около 838 г. возводится еще одна постройка, а другая не ранее 837 г. дополнительно обустраивается (Рябинин, Черных 1988: 90-91). Прекращает функционирование «большой» дом IV-5, который был разобран незадолго до пожара, уничтожившего застройку IV яруса; следов огня на остатках дома нет. На его месте была возведена жилая постройка меньших размеров с печью-каменкой, сгоревшая дотла. Вероятно на рубеже 830 — 840-х гг. (около 840 г.) начиналась постепенная, плавная смена старой застройки, прерванная катастрофой. Поселение гибнет в тотальном пожаре, происходит изменение традиционной планиграфии, появляется новая домостроительная традиция и ряд предметов скандинавского происхождения.

Хронологию IV яруса следует ограничить 810 — 830 гг. (около 810 г. — около 840 г.). Горизонт пожара, случившегося около 840 г., является не менее заметным стратиграфическим репером, чем прослойки пожаров, уничтоживших застройку V и VIII ярусов около 865 и 950 гг.

Подводя некоторые итоги, надо отметить, что ярусы не являются искусственным делением слоя на пласты с условными абсолютными датами. Они отражают реально существовав-

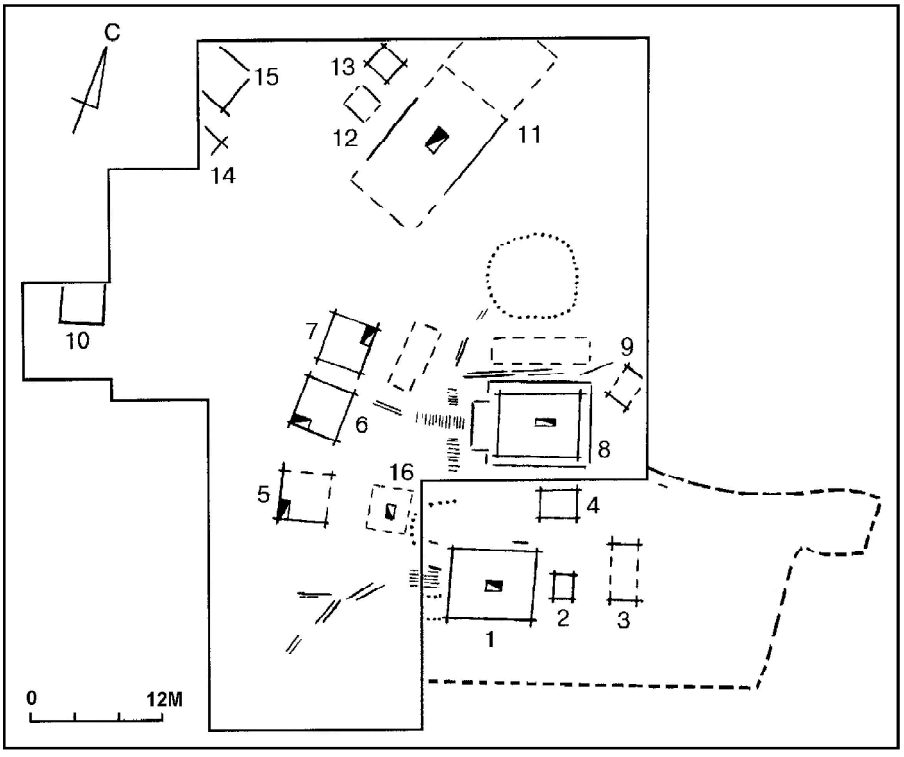
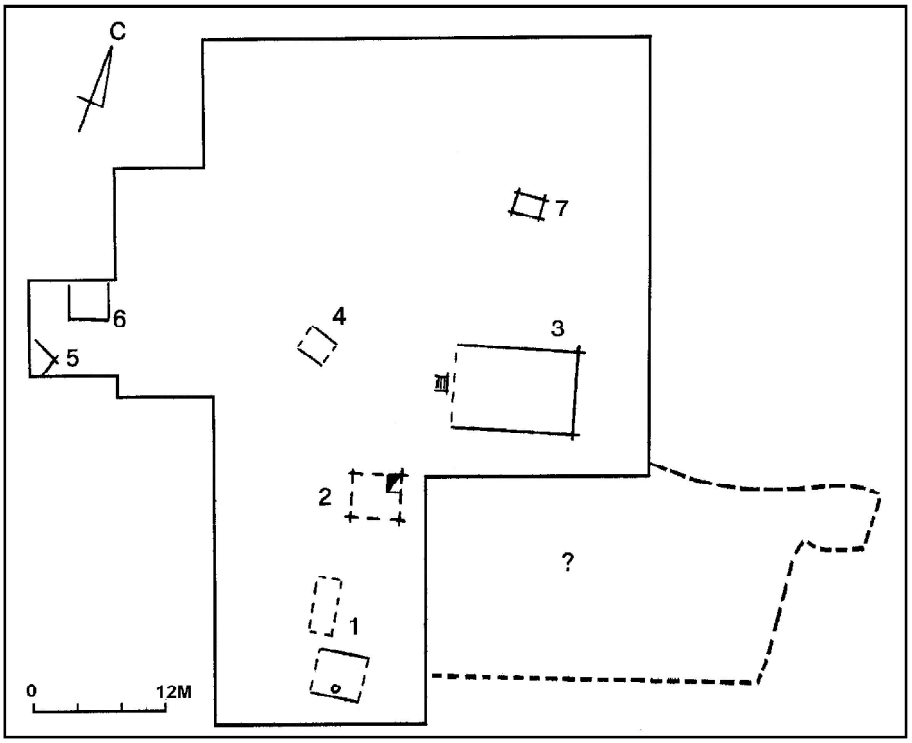


Табл. 8. V ярус.

Табл. 9. VI ярус.



шие этапы застройки поселения и периоды его жизни, которые имеют обоснованные, точные, насколько это возможно для эпохи раннего средневековья, хронологические рамки, не привязанные искусственно к границам веков или половин и четвертей столетий. В пяти случаях (II, IV, V, VIII и XI ярусы) застройка гибла в пожарах, что позволяет, с одной стороны, надежно разделять данный ярус и выше- и нижележащие, с другой, соотносить яруса, выделенные на участке раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, с основными горизонтами раскопа В.П.Петренко на Варяжской улице и слоями раскопа А.Н.Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища. Определенную трудность представляет разделение застройки и материалов I и II, VI и VII ярусов, но эти случаи рассматривались выше. Известны и постройки-«долгожители», относящиеся к двум смежным ярусам. Как правило, это крупные сооружения (большой дом VIII-24, «большая постройка» культового характера на Варяжской улице и др.).

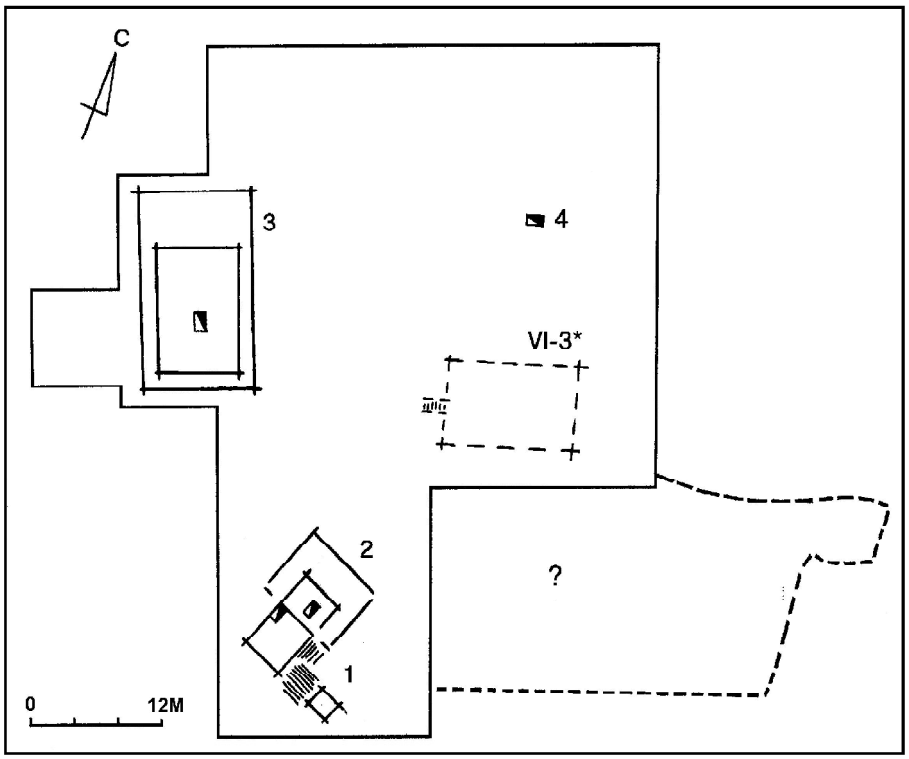
Особо следует оговорить отнесение к тому или иному ярусу индивидуальных находок. Действительно, иногда невозможно точно связать находку с определенным ярусом, если она обнаружена вне комплекса. Однако, это не снижает ценности предлагаемой стратиграфической схемы для выводов о хронологии и общей оценке культурной ситуации, так как подобные «колебания» привязки вещи относительно яруса обычно ограничиваются двумя смежными, плохо разделяемыми ярусами, которые, по сути дела, отражают единый исторический этап жизни поселения.

Как было показано выше, ярусная стратиграфия участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина вполне соотносима с колонкой основных горизонтов Варяжской улицы (по В.П.Петренко), а их хронология, в целом, совпадает с периодами строительной активности, отмеченными Н.Б.Черных. Для проверки предлагаемой стратиграфической схемы раннесредневековых напластований Старой Ладоги особое значение имеют материалы раскопок А.Н.Кирпичникова 1984-1991 гг., результаты которых были опубликованы, когда работа автора уже находилась в печати (Кузьмин 1998). Поэтому необходимо специально рассмотреть соотношение ярусов и некоторых слоев, выделенных в раскопе А.Н. Кирпичникова 1984 — 1991 гг.

«В процессе раскопок выявлено девять, включая современный почвенный покров, слоев, представляющих важнейшие исторические этапы существования ладожского поселения и отличающихся друг от друга рядом особенностей, такими как наличие разграничительных прослоек, насыщенность культурными остатками, структурой и сохранностью, а также рядом других. Каждый слой, практически равнозначен строительному горизонту.» — отмечали авторы раскопок (Кирпичников, Назаренко 1997: 63). С четвертым — восьмым слоями связана большая часть деревянных строительных остатков. Эти слои были суммарно датированы X — началом XI вв. и сопоставлены с горизонтом Д стратиграфии В.И.Равдоникаса. 9-й, нижний слой, исследовали соотнесли с горизонтом Е1, определив его хронологию: 2-я половина IX в. (Кирпичников, Назаренко 1997: 65-67).

Следует обратить внимание на «восьмой

Табл. 10. VII ярус.



слой», в котором открыты остатки настилов, один из которых носил следы пожара. Исследователи отмечают, что «в этом слое посуда, изготовленная от руки, определенно преобладала» (Кирпичников, Назаренко 1997: 74). 8 спилов с бревен настилов дали даты в интервале 933(?)-948 гг. Дата рубки еще 8 бревен, найденных в этом слое, но вкопанных в более позднее время: 962-965 гг. (Кирпичников, Назаренко 1997: 74-75). По совокупности этих данных «восьмой слой» раскопа А.Н. Кирпичникова соответствует VIII ярусу.

Выше, в слоях 6 и 7, открыты остатки деревянных сооружений: постройки 5-7, разрозненные бревна и плахи и др. Однако, если говорить о горизонтах синхронной застройки, то их здесь больше двух. Во-первых, сами авторы раскопок отмечают, что при зачистке жилища 5, залегавшего в слое 6, «под ним выявлен угол нижележащего срубного сооружения» (Кирпичников, Назаренко 1997: 71). Во-вторых, должны быть разновременны и строительные остатки слоя 7. Его мощность достигает 0,65 м, а анализ планиграфии залегающих в нем объектов вызывает сомнение в том, что перед нами единый сложный комплекс, а не разновременные сооружения (Кирпичников, Назаренко 1997:71-72). К сожалению, опубликованные материалы не позволяют конкретизировать это наблюдение. Но так или иначе ясно, что отложения слоев 6 и 7, суммарная мощность которых достигает 1 м, содержат остатки не менее трех строительных горизонтов.

В рассматриваемых слоях присутствует лепная керамика, процент которой уменьшается снизу вверх. Постройка 5 носила следы пожара. По всей вероятности, это может быть тот же пожар, что уничтожил застройку XI яруса и III основного горизонта Варяжской улицы. Тогда слои 6 и 7 содержат горизонты застройки, синхронные IX-XI ярусам и относящиеся к 950 — 990-м гг., а постройки 1-4, открытые в слое 5, датируются уже началом — 1-й пол. XI в. и могут быть синхронны застройке II основного горизонта Варяжской улицы. Индивидуальные находки и керамические материалы не противоречат этой дате.

Самые нижние отложения в раскопе 1984-1991 гг. были выделены в слой 9 (Кирпичников, Назаренко 1997: 75). «Сооружения 9 слоя носят следы пожара. В одной из разделительных канав найдены обгоревшие черепа погибших ребенка 4-5 лет и женщины 35-40 лет (определение С.Л.Санкиной). Возможно, что какая-то катастрофа постигла этот участок города. Характерно, что позднее (слой 8) это место было застроено по иному плану...» (Кирпичников, Назаренко 1997: 76-77). Вероятно, постройка 9 погибла в пожаре, уничтожившем застройку V яруса (около 865 г.). Значит, освоение этого участка произошло в середине IX в., т.е. фактически одновременно началу освоения участка Варяжской улицы.

Конечно, выводы проделанной работы носят предварительный характер и в ходе дальнейших исследований могут корректироваться. Такая корректировка осуществима и без новых масштабных раскопок, путем доследования некоторых участков раскопов Н.И.Репникова и В.И.Равдоникаса. Разведочный раскоп 1986 г.

продемонстрировал перспективы такого подхода. Но уже на данной стадии исследования очевидна принципиальная возможность синхронизации материалов разных участков культурного слоя Старой Ладоги на основе выделения горизонтов одновременной застройки (ярусов). Синхронизация такого рода позволяет превращать археологические материалы в полноценный источник для реконструкции исторической действительности.

Объем настоящего издания не позволяет дать развернутую картину жизни Ладоги VIII-X вв. Однако, некоторые выводы, непосредственно вытекающие из картины планиграфии поселения, основанной на ярусной стратиграфии, целесообразно привести и прокомментировать.

Ушли в прошлое представления о Ладоге VIII-IX вв. как о типичном славянском сельском поселении, эволюционирующим в древнерусский город. Сформулированная исследователями середины нашего века (Равдоникас 1949; Равдоникас 1950; Греков 1949: 44, 101-103), эта точка зрения имеет отдельных сторонников и ныне (Фроянов 1992). В то же время, восторженные оценки начальной Ладоги как «международной пристани», «организатора и важнейшего пункта караванной и местной торговли», «древнейшего города Северной Руси» и т.п. с первых десятилетий ее истории (Кирпичников 1985: 24; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 192; Носов 1993: 74-75) основываются на суммарной оценке древностей горизонта Е. Систематизация и анализ материалов на основе предложенного ярусного стратиграфического членения культурного слоя дает иную, более скромную картину.

Поселение середины VIII — начала IX вв. локализуется на площадке Земляного городища и выявление других значительных участков застройки этого времени маловероятно (Кузьмин 1997а: 166-168; Кузьмин 1997б: 228-235).

Местность, в которой возник поселок, представляла собой надпойменную террасу в устье р.Ладожки. Вдоль берега Волхова имелись возвышения-останцы, поднимающиеся над уровнем надпойменной террасы на 2-4 м, а над поверхностью Волхова на 4-7 м. Одно из них занимает мыс при слиянии Ладожки и Волхова. На нем расположена каменная крепость. К югу от него, в пределах валов Земляного городища, находится всхолмление, имевшее в древности наибольшее превышение над окружающей местностью. Еще южнее было небольшое возвышение, сходящее на нет к Никольскому монастырю. Возвышения были разделены водотоками (древние русла Ладожки?). Об их существовании говорят следующие факты. Между каменной крепостью и Земляным городищем наблюдается большой овраг. Его появление невозможно объяснить только проведением фортификационных работ. Скорее напротив — направление этих работ определялось наличием естественной преграды. Эта догадка подтверждается результатами геологического бурения (Сорокин 1997: 48). Понижение четко прослеживается под южным пряслом крепости и незаметно на участке между Клементовской башней, автодорожным мостом через Ладожку и северо-западным бастионом Земляного городища. Это объясняется значительными подсыпками грунта в позднее время, что демонстрируют наблюдения З.Д.Бессарабовой в т.н. траншее III (Бессарабова 1996: 26-27). Материал, из которого насыпана значительная масса тела укреплений западной части Земляного городища, — белый речной песок (Старая Ладога 1948: 16, 23-28, рис. 9; Рябинин 1985: рис.2), извлеченный где-то поблизости. Вероятно, песок взят из донных отложений древнего водотока (Кузьмин 1997б: 229-232). Трасса рвов частично совпадала с его направлением. Местами он скрыт толщей средневековых культурных напластований и западными бастионами, реконструированными в начале XVIII в. В таком случае получает объяснение факт их сильной деформации, в отличие от юго-западного бастиона, использовавшего под основу песчаниковую плиту возвышенности. Заметим, что и осадный водоем находился внутри юго-западного бастиона (Кирпичников 1993: 105, рис. 4).

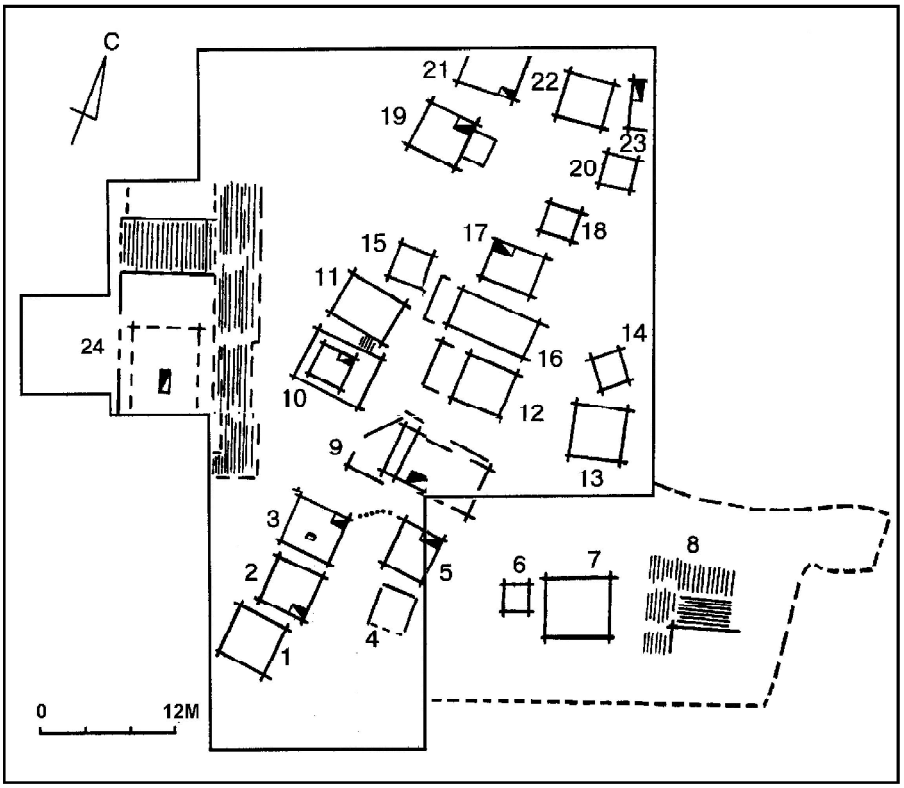
Со стороны Волхова площадка древнейшего поселения ограничивалась обрывистым, достигавшим 7-ми метровой высоты, берегом. Его укрепление не потребовало дополнительных земляных работ даже в XVI-XVIII вв.

Топография ранней Ладоги явно отличается от топографии т.н. «торгово-ремесленных» поселений Руси и Балтики эпохи викингов. Невелики и размеры поселения. В I-III ярусах открыто от 3 до 5 относительно синхронных построек. Даже если на нераскопанной площади находится такое же их количество (что маловероятно), то все равно население поселка во 2-й пол. VIII — начале IX вв. вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может оцениваться в сотню жителей. Рассматривать его в это время как крупный центр нет оснований.

В I ярусе открыты три жилища каркасно-столбовой конструкции, с очагом в центре (т.н. «большие дома»). Очаг делит внутреннее пространство дома, на три поперечные, а ряды столбов, поддерживающих кровлю, на три продольные части. Зафиксированы предвходные настилы и настилы в передней трети жилища. Такая конструкция жилья близка североевропейскому халле. Однако, точных аналогий ладожским большим домам пока не найдено. Возможно, настил в раскопе Е.А.Рябининым связан с еще одной постройкой этого типа (Рябинин 1994: 26). К северу от жилой застройки находилась большая кузнечно-ювелирная мастерская. Срубные сооружения в I ярусе неизвестны.

Набор индивидуальных находок характери-

Табл. 11. VIII ярус.



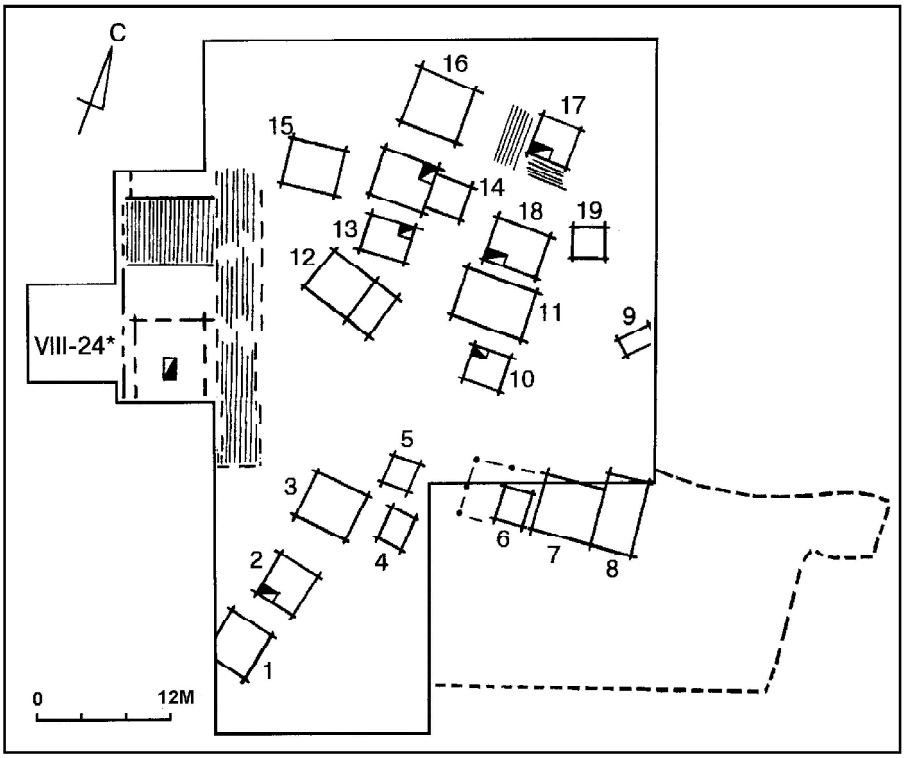
зует культурный облик первопоселенцев определенным образом. Овальная скорлупообразная бронзовая фибула, языковидное кресало, колесовидные бляшки, фрагмент железной гривны из перевитого дрота, фризские костяные гребни, бронзовое навершие с изображением Одина, наконец, «клад»[5] инструментов находят аналогии в североевропейском круге древностей. С мастерской связан ряд предметов восточноевропейского происхождения, но их присутствие в материалах яруса не обязательно объясняется постоянным проживанием на поселении носителей соответствующей традиции (Рябинин 1994: 49-50). В том или ином случае, нет сомнения, что первыми обитателями Ладоги были люди, среди которых доминирующее положение занимала группа норманнов. Представляется, что эта группа была весьма немногочисленна и достаточно монолитна. Носители иных культурных традиций, если и были в ее составе, то занимали далеко не ведущее место. Создается впечатление, что перед нами поселение одной «общины». Полукруговая (круговая?) схема застройки с включенной в нее кузнечно-ювелирной мастерской, отсутствие обособленных жилищно-хозяйственных комплексов, малое число жилых построек и, соответственно, их обитателей позволяют рассматривать Ладогу 750 — 760-х гг. скорее как единую усадьбу, чем как поселение — зародыш города.

Появление скандинавского поселения в низовьях Волхова в 750-х гг., в довикингский период нельзя связывать с функционированием путей с Балтики в страны Востока (Кузьмин 1997б: 230-235). Скорее, оно отразило продолжение колонизационного движения, охватившего Восточную Балтику в VI-VII вв. Местность при впадении Ладожки в Волхов была плотно освоена и ранее, в неолите и раннем железном веке. Возможно, что скандинавам, основавшим поселок, она была известна и ранее, однако, специфика заболоченных грунтов еще не отразилась на приемах их домостроительства.

Смена построек I яруса постройками II яруса связана с появлением новой группы населения. Изменение домостроительных традиций и планиграфии, прекращение работы кузнечно-ювелирной мастерской, выпадение «клада» инструментов подчеркивают отсутствие преемственности в жизни поселения на этом этапе. По всей

[5] Набору инструментов, обнаруженному вблизи кузницы в 1975 г., автор раскопов Е.А.Рябинин посвятил ряд обстоятельных исследований (Рябинин 1980; Рябинин 1985; Рябинин 1994). Он обозначил данный комплекс как клад. Однако, обстоятельства расположения предметов в слое заставляют характеризовать его как клад только условно. «Клад» представляет собой набор инструментов и отдельных предметов, залегавших, в основном, по стенкам и по дну обводной канавки т.н. «холодной» кузнечно-слесарной мастерской. Они попали туда, скорее всего, в теплое время года, когда канавка заполнялась водой. Вещи разбросаны на площади 1х 0,8 м, и не прослежено следов обертки или иного вместилища (Рябинин 1994: 23-24). Так прятать клад по меньшей мере странно. Скорее мы имеем дело с опрокинутым верстаком. В любом случае и попадание «клада», и его неизъятие из заполненной водой канавки нужно связывать с какой-то экстраординарной ситуацией.

Табл. 12. IX ярус.



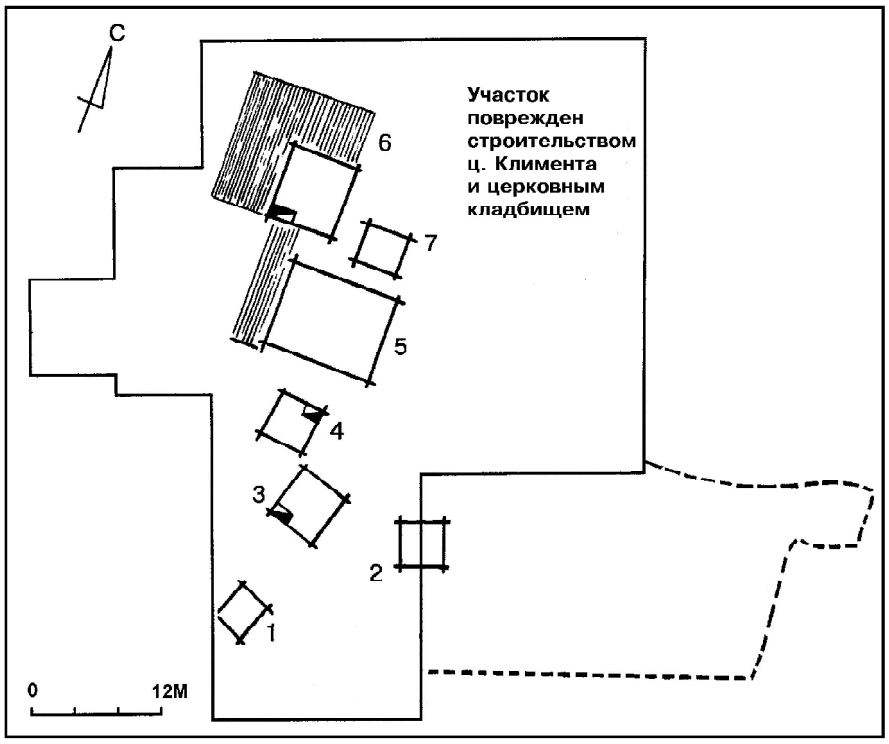
вероятности, не позднее рубежа 760 — 770-х гг. скандинавская колония прекратила существование в связи с продвижением в Нижнее Поволховье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы. Они принесли с собой развитую технику строительства срубных домов с печью-каменкой в углу (Кузьмин 1987: 23-25). Об уровне строительного мастерства свидетельствует комплекс II-5/II-6, состоящий из избы и пристроенного к ней амбара на пнях-стульях. Вероятно, с этими же людьми следует связывать серию украшений из оловянистых сплавов, имеющих параллели в псковских длинных курганах и на городищах Псковское, Камно, Изборск (Мачинская 1988: 17-18).

Пожар, случившийся около 780 г., не привел к существенным переменам в домостроительстве и планиграфии. Все зафиксированные жилища — это срубы с печью-каменкой в углу. На участке раскопа Е.А.Рябинина наблюдается преемственность застройки (коплексы II-5, III-4 и IV-7), сохранявшаяся в течение примерно 70 лет до рубежа 830 — 840-х гг.

Но определенные перемены в жизни поселения на рубеже VIII-IX вв. все же происходят. Связаны они со становлением путей из стран Балтики в страны Востока. Именно в материалах III яруса встречены салтовские лунницы синего стекла, бусы из сердолика, «фиксируется начало активного проникновения арабского серебра, ... синхронизирующееся с выпадением здесь (в Старой Ладоге — прим. С.К.) древнейшего монетного клада 786 г.», «открыты свидетельства местного стеклоделия, базирующегося на восточной технологии и привозном сырье» (Рябинин 1995: 57-59; Рябинин 1997: 43-49). С другой стороны, есть и предметы североевропейского происхождения. Особенно выделяется острие (булавка?), украшенное парными звериными головками (Рябинин 1986: 23-24). Облик обитателей поселения этого времени некоторым образом характеризуют находки лезвия боевого топора и фрагмента кольчужного плетения. Однако, поселение продолжает сохранять незначительные размеры. Яркость его культуры на фоне остальной массы поселений Северо-Запада в значительной степени определяется сохранностью слоя, в целом, и органических материалов, в частности, а также сравнительно высокой степенью изученности.

В 810 — 830-х гг. (IV ярус) застраивается вся площадь центральной части Земляного городища. Создается впечатление, что застройка обретает если не регулярный, то, по крайней мере, упорядоченный характер. Постройка IV-5, обычно рассматривающаяся как центральный жилой комплекс усадьбы, окруженный хозяйственными строениями, и относимый к микрогоризонту Е3/2 (Кирпичников 1985: 8-10,15), оказалась, по данным дендрохронологии, сооружена около 811 г. Ее окружение составляют не хлева и амбары, а, прежде всего, «малые» срубные жилища с печью-каменкой в углу. Никакой усадьбы здесь нет. «Большой» дом IV-5 имеет очаг в центре жилого покоя, продольные ряды столбов, что сближает его интерьер с «большими« домами I яруса. Срубная конструкция стен, сами пропорции сруба, близкие к квадрату, конструкция привходного помещения явно связаны с традицией строительства «малых» домов. Подобный симбиоз «североевропейского» интерьера и «восточноевропейской» тех-

Табл. 13. X ярус.



ники домостроительства привел к созданию оригинальной, чисто ладожской формы жилища (Кузьмин, Петров 1990). К северу от жилой зоны — «большого» дома и 4 домов меньшего размера — на участке раскопок В.И.Равдоникаса выявлены хозяйственные постройки. Две из них (IV-14 и IV-15) предназначались для хранения зерна. На участке раскопок Е.А.Рябинина прослеживается преемственность с застройкой III яруса. Зафиксирована усадьба, состоящая из «малого» дома, амбара на пяхстульях, хозяйственной постройки неясного назначения и стеклодельной мастерской.

Среди находок IV яруса выделяется серия предметов из цветного металла (височные кольца, бляха и обоймица с пуансонным орнаментом, фрагмент орнаментированной спирали и др.), аналогии которым известны как в смоленских длинных курганах, так и на поселениях Верхней Руси конца I тыс н.э. (Мачинская 1990: 56-57; Кузьмин 1995: 13-14; Петров 1996: 25-26). Если предметы, связанные с культурными традициями лесной зоны Восточной Европы, составляют определенный этнографический убор, то североевропейский круг древностей представлен этнографически нейтральными вещами (оружие, гребни).

Увеличение численности жителей поселения в первые десятилетия IX в. отражается не только в полном освоении площадки Земляного городища, но и появлении следов обитания на левом берегу р.Ладожки в районе Варяжской улицы.

Неясно, что привело к демонтажу постройки IV-5 и строительству на ее месте «малого» дома незадолго до пожара. Как отмечалось выше, около 840 г. поселение постигла катастрофа, связанная с вражеским вторжением.

Традиционно обжитой участок в пределах раскопа Е.А.Рябинина на уровне V яруса превращается в пустырь; уничтожается и стеклодельная мастерская. После пожара в юго-восточном секторе раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина строятся два «больших» дома, продолжающих ладожскую традицию и схожих с постройкой IV-5. Один из них (V-9) перекрыл ее остатки. К западу от него, явно связанные с ним в единый планиграфический комплекс, расположились «малые» дома, отстроенные на месте аналогичных жилищ IV яруса (V-5, V-6 и V-7). В северной части раскопов В.И.Равдоникаса был возведен дом каркасно-столбовой конструкции с очагом в центральной части, площадь которого достигала 120 кв.м. Пропорции и конструкция стен позволяют говорить о новом проникновении в Нижнее Поволховье носителей традиции североевропейского халле. Появление на поселении новой группы норманнов подтверждается находками деревянной палочки с рунической надписью, подвески «молот Тора», шашек, особой концентрацией в ярусе деревянных игрушечных мечей, копирующих форму боевых, и др. По всей видимости, с этим же этапом истории Ладоги следует связывать постройку 9 и дренажные канавы, открытые в основании культурных отложений раскопа А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 75-76). С 840-х гг. отчетливо прослеживается застройка в районе Варяжской улицы.

Осмелюсь предположить, что на рубеже 830 — 840-х гг. Ладога была захвачена группой норманнов. Вряд ли стоит сомневаться, что они

заняли в ней доминирующее положение. Но, несмотря на частичное уничтожение или изгнание, носители культурных традиций лесной зоны Восточной Европы остались, если не преобладающим численно, то весьма существенным, компонентом среди обитателей поселка и его округи. Кроме материалов домостроительства об этом свидетельствуют некоторые украшения.

В середине 860-х гг. (около 865 г.) поселение очередной раз подверглось полному разгрому. Кроме мощного слоя пожара драматичность этого события подчеркивают обгоревшие останки женщины и ребенка, обнаруженные в заполнении дренажной канавки в раскопе А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 76).

Плотность застройки на площадке Земляного городища на уровне VI и VII ярусов заметно ниже, чем IV и V. Практически полное отсутствие строительных остатков в северной части раскопа В.И.Равдоникаса, возможно, объясняется мощными нивелировочными работами. Но отдельные строения, а главное культурные отложения присутствуют и здесь. Вероятно, это время существенных перемен в структуре поселения. Судя по всему, происходит резкое расширение его площади. Заселяется территория к югу и северу от Земляного городища, расширяется зона застройки на левом берегу Ладожки. Только с этого момента можно говорить о сходстве его топографии с североевропейскими виками и т.н. «открытыми торгово-ремесленными поселениями» Восточной Европы (Кузьмин, Мачинская 1989: 142-143)[6].

Судить о реальной планиграфии и домостроительстве данного периода очень сложно. О свободной планировочной структуре свидетельствуют разбросанные кузнечные комплексы. Один находится в южной части раскопов В.И.Равдоникаса (VI-1), другой, в раскопе А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 75-76). Следы мощной производственной деятельности зафиксированы Г.Ф.Корзухиной в пределах каменной крепости (Корзухина 1961: 82-87). В VI ярусе вообще нет жилых построек, поддающихся реконструкции. Имеющиеся остатки позволяют лишь констатировать, что среди них есть и «большой» и «малый» дома. В VII ярусе залегают остатки двух строительных комплексов, представляющих особый интерес.

Сложный жилищно-хозяйственный комплекс VII-2 в южной части раскопа В.И.Равдоникаса состоит из сруба с печью-каменкой в углу и примыкающего к нему трехстенного прируба с печью производственного назначения в центре. Прируб с трех сторон окружало какое-то сооружение со стенами и кровлей легкой конструкции, а основной сруб был связан настилом с небольшим рубленым амбаром. Этот комплекс может рассматриваться уже в контексте становления городского домостроительства Северной Руси (Кузьмин 1988: 80-81).

В 1950 г. В.И.Равдоникасом была открыта, а Е.А.Рябининым исследована большая постройка (VII-3), первоначально атрибутированная как жилище купеческой артели (Рябинин 1985: 39-47). Развитая архитектура и некоторые находки явно выделяют данный комплекс из рядовой застройки.

Среди находок этого периода присутствуют как вещи североевропейского круга древностей эпохи викингов, так и предметы круга древностей лесной зоны Восточной Европы. Можно с уверенностью констатировать (особенно принимая во внимание погребальные памятники), что в это время в Ладоге проживают разные этно-культурные коллективы, среди которых отчетливо выделяются скандинавы.

Синяя стеклянная салтовская лунница, найденная в районе кузницы VI-1, возможно, маркирует верхнюю дату функционирования пути на Восток через земли Хазарского каганата. Неизвестны в более верхних слоях и металлические предметы с характерным пуансонным орнаментом. Исчезновение этих категорий древностей предшествует завершающему этапу формирования древнерусской культуры, отразившемуся в Ладоге в материалах VIII-XI ярусов (горизонт Д) Земляного городища и синхронных им напластований Варяжской улицы.

В 920-х гг. (VIII ярус) стремительно застраивается вся площадка земляного городища. В раскопе В.И.Равдоникаса насчитывается более десятка срубных жилищ с печью-каменкой в углу. Некоторые из них имеют привходные тамбуры-сени (VIII-9,VIII-12,VIII-19 и др.), а одна постройка входит в состав сложного жилищно-хозяйственного комплекса VIII-10/VIII-11 (Кузьмин 1988: 81). Застройка вытянута по линии север — юг. Однако, нет никаких оснований видеть в данном случае уличную планировку. Анализ расположения входов в жилища позволяет выделить на участке, исследованном В.И.Равдоникасом, три «гнезда» застройки. Они состоят из 3-5 жилых домов и нескольких полифункциональных неотапливаемых срубных клетей. Очевидно, «гнезда» связаны с группами населения, некоторым образом обособленными в хозяйственном и социальном отношении. Интересно отметить, что постройка VIII-3 совмещала жилые и культовые функции: помимо обычной печи-каменки в углу, в центре ее находился очажок для жертвоприношений, а ряды столбов внутри выделяют ее из серии обычных «малых» домов.

За уличный настил В.И.Равдоникас и Г.П.Гроздилов приняли часть крупного жилого

[6] Вопрос о времени появления укреплений в Ладоге вообще, и каменной крепости в частности, остродискуссионен. Критический анализ точки зрения А.Н.Кирпичникова о строительстве первых каменных укреплений во времена Олега Вещего требует отдельной публикации. Отмечу лишь, что с моей точки зрения, археологические доказательства такой датировки, приводимые А.Н.Кирпичниковым, не бесспорны (Кирпичников 1984: 23-42; ср.: Стеценко 1997: 168-176).

комплекса VIII-24, сменившего на рубеже 920 — 930-х гг. дом VII-3 (Рябинин 1985: 43-36; Рябинин, Черных 1988: 97). Бросается в глаза, что, унаследовав от предшественника местоположение, этот комплекс не вписывается в планиграфическую структуру остальной застройки. Такая же ситуация сохраняется и в IX ярусе, после пожара и реконструкции. Она, очевидно, связана с особым статусом хозяев и обитателей больших жилых комплексов VII-3 и VIII-24. Есть основания считать их главными постройками двора правителя Ладоги (князя или его наместника?). Уплотнение застройки отмечено и В.П.Петренко на Варяжской улице (Петренко 1985: 115).

После пожара, случившегося около 950 г. и охватившего все поселение, существенных изменений не произошло. Это важное свидетельство того, что к 920 — 940-м гг. Ладога становится устойчивым поселенческим образованием, и именно с этого момента можно говорить о нем как городе. Древнерусский характер культуры поселения в этот период не вызывает сомнения, но интересно отметить представительную серию скандинавских находок (разнотипные фибулы, наконечники ножен мечей, железная шейная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора», подвеска с рунической надписью и др.). Они подтверждают присутствие в Ладоге норманнов, сохраняющих свои культурные и религиозные традиции, которые подпитывались регулярными контактами с Северной Европой и, вероятно, оседанием новых групп выходцев «из-за моря».

При смене застройки IX яруса сооружениями X яруса комплекс VIII-24 был демонтирован, а восточнее появляется сложный комплекс X-5/ X-6/ X-7, состоящий из двух неотапливаемых срубов, избы с печью-каменкой в углу и системы настилов (Кузьмин 1988: 81). Размеры построек и характер находок позволяют рассматривать данный комплекс как преемника сооружений, открытых на участке раскопок Е.А.Рябинина.

Подводя итоги можно отметить, что картина истории Ладоги, воссозданная с использованием ярусной стратиграфии, в общих чертах совпадает со свидетельствами письменных источников. Захват Ладоги норманнами около 840 г. и пожар, уничтожающий поселение около 865 г., отражают события, помещенные в Повесть временных лет под 859 и 862 гг., как сбор «варягами из-за моря» дани с племен Северной Руси и последующее их изгнание. Перемены в жизни поселения в 920-х гг. отразили успех деятельности первых русских князей, стабилизацию пути из Варяг в Греки — основной коммуникации Руси. Пожар около 950 г. совпадает по времени с деятельностью на севере Руси княгини Ольги, а разрушение культового сооружения на Варяжской улице можно связывать с крещением Новгорода. Набеги ярлов-викингов Эйрика и Свейна, тесно связанные с борьбой за власть в Скандинавии и династической распрей на Руси, запечатлены пожарами конца X — начала XI в. Брак Ярослава Владимировича и Ингигерд Шведской и назначение гаутского ярла Рагнвальда правителем Ладоги завершают определенный этап ее истории.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив Института истории материальной культуры РАН:

Ф. 35, 1938 г., № 206. — Краткий отчет о работе экспедиции 1938 г.

Ф. 35, 1938 г., № 228. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник Г.П.Гроздилова.

Ф. 35, 1938 г., № 230. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Опись находок. Коллекция 12. Земляное городище. Раскоп I (Н.И.Репникова). Раскоп II (у берега Волхова).

Ф. 35, 1938 г., № 238. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Раскоп III. Чертежи полевые и чистовые.

Ф. 35, 1938 г., № 239. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Грунтовый могильник. Раскопки С.Н.Орлова. Чертежи полевые и чистовые.

Ф. 35, 1939 г., № 170. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник В.И.Равдоникаса. Ч.1.

Ф. 35, 1939 г., № 171. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник В.И.Равдоникаса. Ч.2.

Ф. 35, 1939 г., № 172. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Копия дневника В.И.Равдоникаса, сделанная в 1965 г. Г.Ф.Корзухиной.

Ф. 35, 1939 г., № 174. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые и полевые.

Ф. 35, 1939 г., № 241. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Сводный план построек горизонта Д за 1938-1939 гг.

Ф. 35, 1940 г., № 127. — Опись находок Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ за 1938-1945 гг. Сводный план сооружений горизонтов Д-Е2 за 1938-1940 гг. Сводный план развалин западной стены церкви Климента за 1939-1940 гг.

Ф. 35, 1945 г., № 24. — Староладожская экспедиция ЛО ИИМК АН СССР. Начальник В.И.Равдоникас. Сводный план (чистовой, калька, синька) и план постройки.

Ф. 35, 1947 г., № 3. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.

Ф. 35, 1947 г., № 4. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.

Ф. 35, 1947 г., № 5. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П. Гроздиловым). Тетрадь № 3.

Ф. 35, 1947 г., № 6. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник эк-

спедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 4.

Ф. 35, 1947 г., № 7. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 5.

Ф. 35, 1947 г., № 60. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге (копия).

Ф. 35, 1947 г., № 99. — Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.

Ф. 35, 1947 г., № 100. — Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.

Ф. 35, 1948 г., № 66. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.

Ф. 35, 1948 г., № 67. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.

Ф. 35, 1948 г., № 68. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь №3.

Ф. 35, 1948 г., № 83. — Отчет о работах в Старой Ладоге.

Ф. 35, 1948 г., № 134. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.

Ф. 35, 1948 г., № 135. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.

Ф. 35, 1949 г., № 48. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге.

Ф. 35, 1949 г., № 104. — Описи находок из раскопок 1949 г. в Старой Ладоге, переданных в ГЭ по акту № 43 от 13/II-1951 г.

Ф. 35, 1950 г., № 41. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге с альбомом (копия).

Ф. 35, 1950 г., № 48. — Описи археологического материала из раскопок.

Ф. 35, 1950 г., № 108. — Дневник Н.Н.Гуриной о работах экспедиции в Ленинградской области (Старая Ладога).

Ф. 35, 1950 г., № 105. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые и чистовые.

Ф. 35, 1957 г., № 10. — Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г. (под руководством В.И.Равдоникаса). Данные археологических разведок по течению р.Ладожки, произведенных А.С.Каманцевой. Заключение об определении хронологии староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. Альбом к отчету.

Ф. 35, 1958 г., № 2. — В.И.Равдоникас. Раскопки в Старой Ладоге. Отчет за 1958 г. И.Л.Колесник. Результаты анализа комплекса костяных фрагментов, извлеченных из золы в Земляном городище Старой Ладоги.

Ф. 35, 1959 г., № 4. — Чертежи раскопок в Старой Ладоге (чистовые).

Ф. 35, 1959 г., № 6. — Чертежи раскопок в Старой Ладоге (черновые).

Ф. 35, 1959 г., № 45. — Копия отчета В.И.Равдоникаса с альбомом иллюстраций.

Ф. 35, 1959 г., № 46. — Земляное городище. Чертежи полевые.

ЛИТЕРАТУРА

Бессарабова З.Д. 1995. Новые сведения о древнем ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI). // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород.

Бессарабова З.Д. 1996. Некоторые замечания к вопросу о топографии древней Ладоги. // ПАМ-2. СПб.

Греков Б.Д. 1949. Киевская Русь. М.

Гроздилов Г.П. 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА, XIV.

Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. // АСГЭ, 17.

Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М.

Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М.

Кирпичников А.Н. 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.

Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Кирпичников А.Н. 1986. Раскопки в Старой Ладоге. // АО 1984 г. М.

Кирпичников А.Н. Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М.

Кирпичников А.Н. 1993. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки. // Древности Северо-Запада. СПб.

Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984-1991 г. // Древности Поволховья. СПб.

Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. // СА, 3.

Кузьмин С.Л. 1987. Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье. // История и археология Новгородской земли. Новгород.

Кузьмин С.Л. 1988. Некоторые жилищно-хозяйственные комплексы X в. Старой Ладоги (по материалам раскопок В.И.Равдоникаса). // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин.

Кузьмин С.Л. 1988. Развитие градостроительной структуры и домостроительных традиций Ладоги VIII-X вв.: Дипломная работа. Л. (Рукопись; хранится на кафедре археологии СПбГУ).

Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1989. Ладога и ее округа в VIII-X вв. (Этапы становления северного раннесредневекового города). // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. Ч. 1. М.

Кузьмин С.Л., Петров Н.И. 1990. «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Кузьмин С.Л. 1995. Ладога и некоторые проблемы археологии Северо-Западной Руси // ПАМ-1. СПб.

Кузьмин С.Л. 1997а. Начальный этап истории Ладо-

ги. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. М.-Петрозаводск.

Кузьмин С.Л. 1997б. Первые десятилетия истории Ладожского поселения // Stratum+. Петербургский археологический вестник. «Европейская Сарматия». Сборник статей к 60-летию Д.А.Мачинского и М.Б.Щукина. СПб-Кишинев.

Кузьмин С.Л. 1998. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919-1997). Т.1. СПб — Псков.

Мачинский Д.А., Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII-X вв. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч.1. М.

Лебедев Г.С. 1996. Тридцатилетие варяжской дискуссии // Археология Петербурга. СПб.

Лесман Ю.М. 1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Археология Петербурга. СПб.

Мачинская А.Д. 1988. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Мачинская А.Д., 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л.

Назаренко В.А. 1997. Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII-X вв. (по материалам «Земляного городища») // ПАМ-3. СПб.

Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб.

Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице. (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л.

Петров Н.И. 1996. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX-X вв. СПб.

Равдоникас В.И. 1949. Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1938-1947 гг.). Ч.1. // СА, XI.

Равдоникас В.И. 1950. Старая Ладога. Ч.2. // СА, XII.

Репников Н.И. 1904. Поездка Н.И.Репникова в Старую Ладогу. // ЗОРСА, Т.5., вып.2. СПб.

Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. // КСИИМК, XI.

Рябинин Е.А. 1980. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // Скандинавский сборник XXV. Таллин.

Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-75 гг.) // Средневековая Ладога. Л.

Рябинин Е.А. 1986. Исследования в Старой Ладоге. // АО 1984 г. М.

Рябинин Е.А., Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. // СА, 1.

Рябинин Е.А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге. // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Рябинин Е.А. 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии). // ПАМ-1. СПб.

Рябинин Е.А. 1997. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований Ладоги VIII-IX вв.). // Дивинец Староладожский. СПб.

Старая Ладога. 1948. Л.

Сорокин П.Е. 1997. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси. // Древности Поволховья. СПб.

Стеценко Н.К. 1995. Новые материалы по археологии Ладоги. // ПАМ-1. СПб.

Стеценко Н.К. 1997. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения. // Дивинец Староладожский. СПб.

Френкель Я.В. 1997. Стеклянные бусы Сяського Городища (раскопки 1987-89 и 1996-97). // ПАМ-3. СПб.

Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы). // Средневековая Ладога. Л.

Черных Н.Б. 1996. Дендрохронология и археология. М.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С.Л.Кузьмин, Е.Р.Михайлова, В.Ю.Соболев

МОГИЛЬНИК КОТОРСК IX — КЛАДБИЩЕ НАСЕЛЕНИЯ КОТОРСКОГО ПОГОСТА

S.L. Kuzmin, E.R. Mikhailova, V.Yu. Sobolev. The Grave Ground in Kotorsk IX – Cemetery of Kotorsk Population.

The article presents findings of the excavated early Middle Age site at Kotorsk IX, which is part of the assemblage of sites of Kotorsk grave ground in Pljuss Rajon of Pskov Oblast'. The assemblage includes a cape fortified site with a station adjacent to it, and a number of diversified burial sites lined along the bank of Gorodonka river (fig. I). Among the burial sites there are *sopkas* (high mounds), burial mounds of the culture of Long Barrows, tall sopka-like mounds, mounds with inhumations of early Russian period and burials without mounds containing cremations.

The assemblage yielded burial sites of unknown type – burials without mounds with corps cremated on side. One of such examples is Kotorsk IX, consisting of burials without mounds and a number of mounds of early Russian period.

The cremated human corpses were placed in the surface structure, whose remains can be traced by a series of pillar holes. Mixed with the bones, were numerous findings of melted decorations and household items (fig. III) and earth wares (fig. IV). The finds help dating the site by late IX – turn of X-XI cc.

Studies were carried out of the early Russian inhumations found in the mounds on the border of cemetery without burial mounds. The set of finds (fig. V-X) allows dating them by middle – late XI c.

Similar cemeteries with cremations without mounds have been studied near the other early Russian mound groups on Kotorsk cemetery.

Исследования комплекса археологических памятников у дер. Которск Плюсского района Псковской области — бывшего Которского погоста Новгородской земли — были начаты более 10 лет назад. Комплекс состоит из мысового городища-убежища с примыкавшим к нему селищем и нескольких разнохарактерных погребальных памятников, цепочкой вытянутых вдоль берега р.Городоньки (рис. 1). Среди погребальных памятников представлены сопки, курганы культуры длинных курганов, высокие сопкообразные насыпи, курганы с трупоположениями древнерусского времени и бескурганные могильники с трупосожжениями. За прошедшее время на поселении исследовано более 650 м^2, полностью раскопаны курганные группы культуры северных длинных курганов Которск XII и древнерусского времени Которск III, начато изучение курганных групп Которск V и Которск VI, сложных могильников Которск IX и Которск XI (Кузьмин 1988: 22-26; Кузьмин 1991: 153-168; Михайлова, Кузьмин 1994: 50-52; Кузьмин, Михайлова 1997: 138-146).

Результаты раскопок на селище позволяют датировать его существование серединой IX — серединой-последней третью XI вв., после чего жизнь на нем затухает и поселение переносится на противоположный берег р. Городоньки.

В 1990 г. рядом с известными по прежним обследованиям курганами, предварительно отнесенными ко второй пол. I тыс. н.э., на лесной дороге были собраны кальцинированные кости. Курганная группа, ранее получившая условное наименование Которск IX, располагалась в сосновом лесу, на спускающемся к заболоченной низменности краю моренной гряды. Шурфовка выявила наличие на значительном участке поверхности этой гряды, непосредственно рядом с курганами, слоя гумусированного песка, содержавшего мелкие пережженные косточки (рис. 2). К настоящему времени здесь раскопано около половины территории могильника и все курганы.

На бескурганном могильнике было вскрыто около 500 м^2. По всей площади раскопа, непосредственно под дерном, залегал слой аморфного слабо гумусированного песка, мощность которого колебалась в пределах 10-30 см. В этом слое во «взвешенном» состоянии встречались кальцинированные кости, оплавленные металлические и стеклянные предметы и их обломки, а также фрагменты лепной керамики.

Обращала на себя внимание немногочисленность кальцинированных костей — со всего раскопа их было собрано менее полукилограмма. По площади раскопа они распределялись довольно равномерно, будучи более многочисленны лишь на отдельных квадратах.

После снятия слоя гумусированного песка, при зачистке по материку, выявилась система грунтовых ямок. Все они представляли собой округлые или овальные в плане небольшие ямки с отвесными стенками и могут быть интерпретированы как столбовые. Их диаметр колебался в пределах 25-55 см, глубина достигала 20-25 см от поверхности материка. Их заполнение представляло собой такой же слабо

© С.Л.Кузьмин, Е.Р.Михайлова, В.Ю.Соболев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

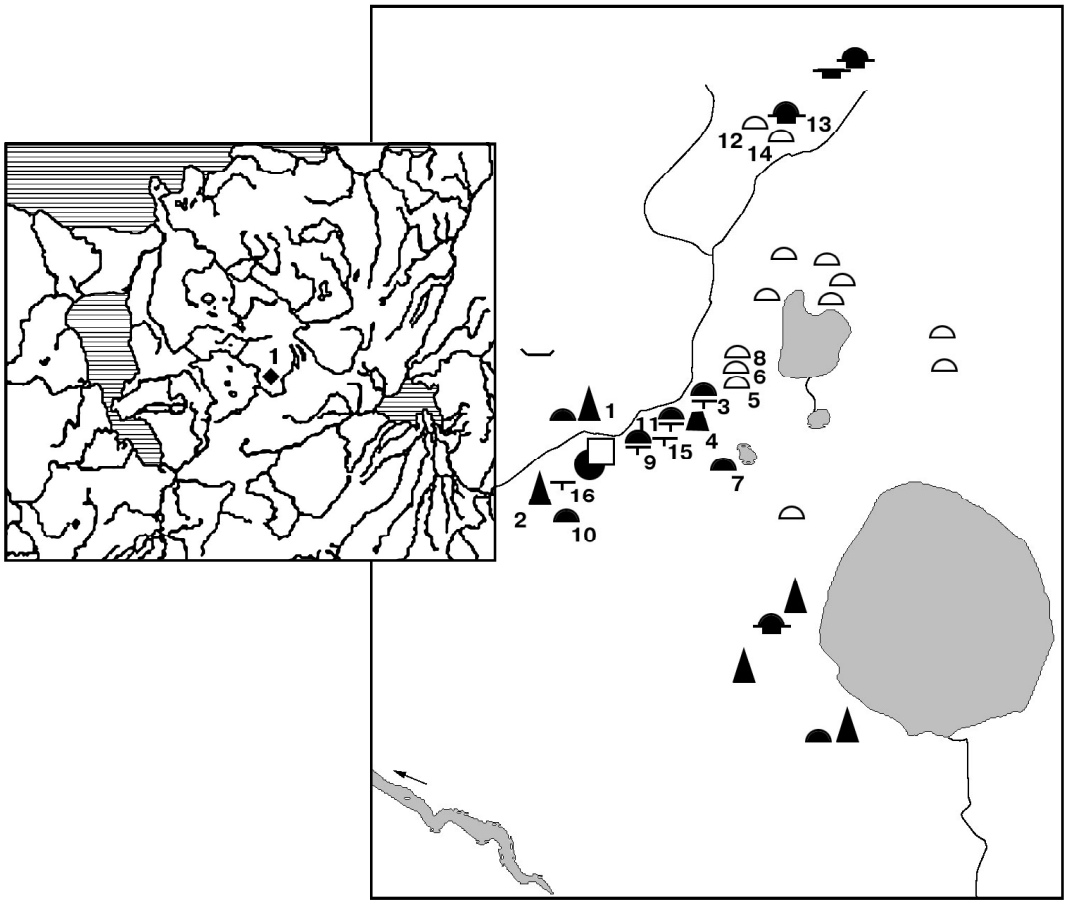


Рис. 1. План-схема расположения памятников Которского погоста. Цифрами на плане обозначены: 1 — группа сопок Которск I; 2 — сопка в парке усадьбы «Уткина Мыза» Которск II; 3 — бескурганный и курганный могильники Которск III; 4 — группа высоких насыпей Которск IV; 5 —курганная группа Которск V; 6 — курганная группа Которск VI; 7 — одиночный курган Которск VII; 8 — курганная группа Которск VIII; 9 — бескурганный и курганный могильники Которск IX; 10 — одиночный курган Которск X; 11 — бескурганный и курганный могильники Которск XI; 12 — курганная группа Которск XII; 13 — курганно-жальничный могильник Которск XIII; 14 — курганная группа Которск XIV; 15 — бескурганный могильник Которск XV; 16 — бескурганный могильник Которск XVI.

гумусированный аморфный песок. В некоторых ямках во взвешенном состоянии были встречены отдельные кальцинированные косточки, но и здесь они не образовывали компактных скоплений. В расположении столбовых ям можно усмотреть определенную систему. Большая часть из них располагается по периметру неправильного вытянутого четырехугольника размером приблизительно 4-6 м на 10 или более метров. Продольная ось этого четырехугольника почти перпендикулярна общему направлению моренной гряды.

В пределах описанного четырехугольника сосредоточено почти 3/4 всех сделанных на раскопе находок, причем выделяется два особенно плотных скопления фрагментов украшений, располагавшихся в центре четырехугольника, в неглубоких, неправильной формы западинах в материке.

Вероятно, столбовые ямки представляли собой следы какого-то сооружения (ограды или легкой постройки типа навеса), в котором размещались кости и вещи, собранные с погребального костра.

По-видимому, в пределы раскопа вошел угол другого такого же сооружения, большую часть которого уничтожила проходящая здесь лесная дорога.

Полученный при раскопках вещевой материал представлен в первую очередь фрагментами бронзовых украшений, стеклянными и — реже — каменными бусами. Все вещи носят следы пребывания в огне. Керамика представлена фрагментами исключительно лепных сосудов.

Представляется целесообразным подойти к бескурганному могильнику Которск IX как к своеобразному закрытому комплексу и, после рассмотрения отдельных категорий и типов вещей, попытаться возможно более узко датировать памятник в целом. Такой подход обусловлен как степенью сохранности памятника, его характером, так и отсутствием разработанной хронологи и для древностей Северо-Запада I — начала II тыс. н.э.

Как уже отмечалось, вещевой материал представлен в первую очередь фрагментами бронзовых украшений и бусами.

Одной из наиболее частых находок являются обломки крупных бронзовых орнаментированных спиралей, получивших в литературе условное наименование «накосников». Встречено 23 фрагмента от не менее чем двух таких спиралей с продольными бортиками по краям и продольным утолщением в центре, орнаментированным насечками (рис. 3: *9, 22*). Аналогичные «накосники» известны в слое E_1 Староладожского Земляного городища, в сопках Северного Поволховья (Новые Дубовики, Победище), Восточного Приильменья (Заручевье, Левоча, Воймерицы), Пооредежья (Пристань I). «Накосники» такого типа, скорее всего, следует относить к IX-X вв., может быть, исключая первую половину IX в. (Петренко 1994: рис. 37,38, 44; Кузьмин 1992: рис. 3: 5; Кузьмин 1994: 61-64, рис. 1: 9,10; Яблоник 1987: 21-23; Яблоник 1988: 15-17). Встречены также фрагменты других «накосников» — неорнаментированных, плоских в сечении (рис. 3: *21*); неорнаментированных плоско-выпуклого сечения (рис. 3: *28*); треугольных в сечении, с насечками по внешнему ребру (рис. 3: *11, 12*). Все они находят свои аналогии в тех же памятниках.

Другой широко представленной в коллекции категорией являются браслеты (рис. 3: *10, 13, 14, 23-25*), которые по аналогиям датируются, в основном, IX–X вв. Среди них особого внимания заслуживают фрагменты

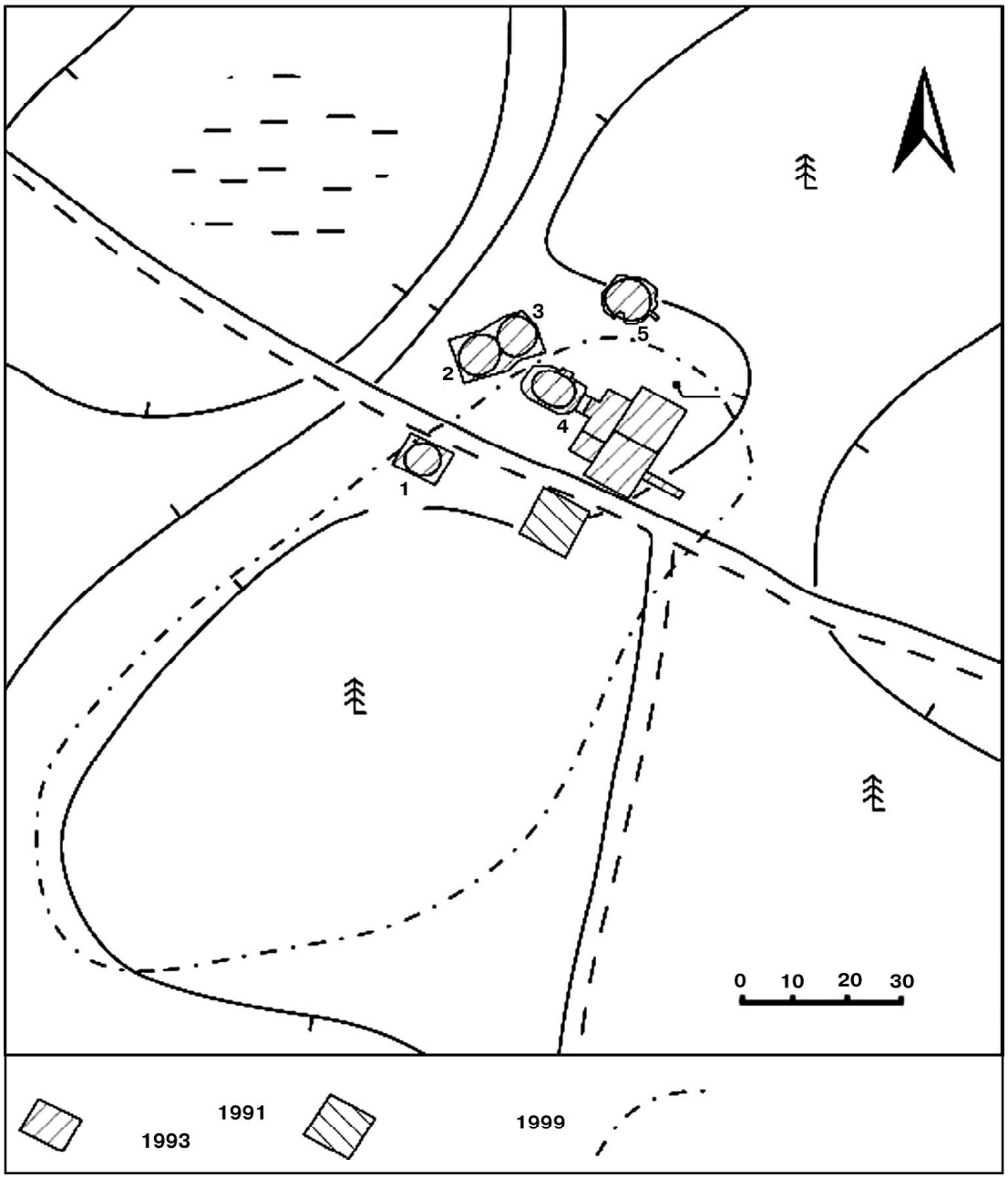


Рис. 2. Бескурганный и курганный могильники Которск IX. Ситуационный план с нанесенными границами бескурганной части и раскопами 1990-1999 гг.

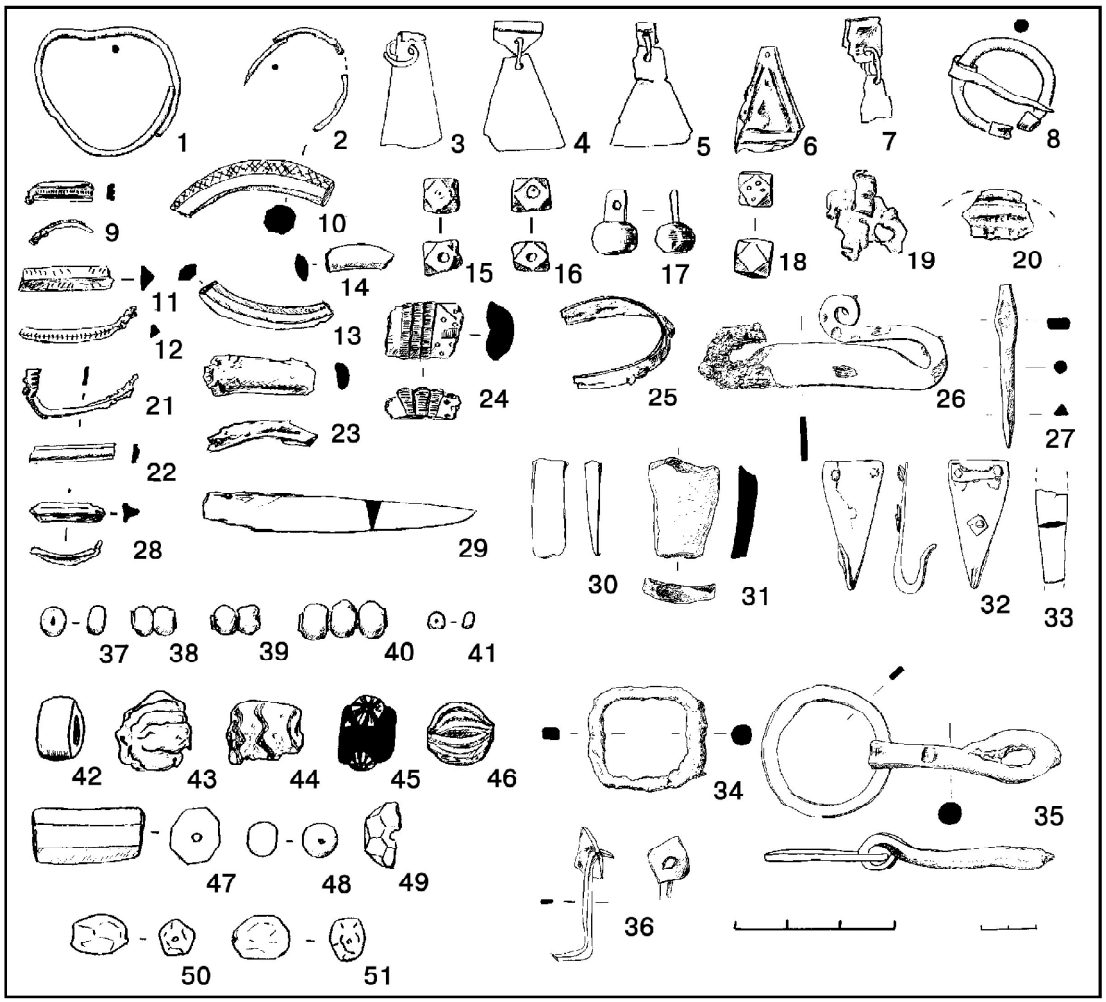


Рис. 3. Которск IX. Вещи из бескурганной части могильника:
1-25, 28, 29 — бронза; 26, 27, 30-35 — железо; 37-46 — стекло; 47-49 — сердолик; 50, 51 — горный хрусталь.

бронзового, 8-гранного в сечении браслета с расширяющимися концами, три смежных внешних грани которого орнаментированы крестообразными насечками (рис. 3: *10*). Массивные браслеты с утолщающимися концами, в т.ч. 8-гранного сечения, распространяются еще в третьей четверти I тыс. н.э. Однако ближайшей аналогией которскому может служить такой же браслет с крестовидным орнаментом (но выполненным пуансоном), встреченный во втором ярусе погребений сопки № 3 у д. Новые Дубовики, надежно датируемый IX в. (Кузьмин 1994: 62). Фрагмент сходного браслета с тем же крестовидным орнаментом найден на поселении в урочище Курская Гора в верховьях Луги, содержавшем вещи «сопочного круга» и исключительно лепную керамику, т.е. относящемся к IX — началу X вв. Интересен также фрагмент центральной части узко-массивного ладьевидного литого бронзового браслета, орнаментированного «гусеничными» валиками и пуансонным орнаментом (рис. 3: *24*). Сходные узкомассивные браслеты найдены, в частности, на одном из локальных центров Полужья — Передольском погосте (Платонова 1991: 63-83, рис. 6: 15-16).

Несколькими экземплярами представлены бронзовые подковообразные фибулы и их фрагменты. Из них полностью сохранилась миниатюрная спиралеконечная фибула с дугой круглого сечения, равномерной толщины, довольно архаичного облика (рис. 3: *8*). Точная ее аналогия известна, между прочим, в V ярусе Староладожского Земляного городища, датируемом ок. 843 — ок. 865 гг. (Кузьмин 1988).

Встречены также: 2 литые бронзовые пуговицы с пластинчатыми ушками (рис. 3: *17*); одно целое и несколько фрагментов проволочных височных колец небольшого диаметра (рис. 3: *1, 2*); своеобразные бронзовые пронизки в виде куба со срезанными углами (рис. 3: *15, 16*). Одна из этих бронзовых пронизок украшена глазковым орнаментом и совершенно аналогична пронизке, входившей в состав ожерелья из кургана 1 в могильнике у д. Криуши. По уточненной хронологии этот комплекс датируется временем около 1116 г., однако пронизка из него представляет собой «экземпляр очень подержанный» (Спицын 1903: 47, табл XX: *4а*; Лес-

ман 1984: 141). Аналогичная пронизка найдена Г.В.Штыховым в погребении по обряду кремации в кургане 3 группы Озерцо II Минского района (Штыхов 1992: 173-174, рис. 91, с. 96, рис. 61).

Было найдено 8 трапециевидных подвесок, среди которых как гладкие (рис. 3: *3-5, 7*), так и тисненые (рис. 3: *6*). Две из трапециевидных подвесок были привешены к пятиугольным обоймицам (рис. 3: *4*). Такие привески с обоймицами находят свои аналогии в сопках: во втором ярусе сопки у д.Репьи в Верхнем Полужье и в содержавшем остатки нескольких захоронений деревянном ящике, расчищенном на вершине сопки 2 в группе сопок Сковородка II в бассейне Плюссы (Лебедев 1978: рис. 1: *VI-VII;* Кузьмин 1989а). Комплекс вещей из деревянного ящика в Сковородке может быть отнесен к сер. X — нач. XI вв. Тот же промежуток времени получен в результате радиоуглеродного анализа остатков самого ящика.

Поясной набор в материалах могильника представлен несколькими невыразительными накладками. Предметы обихода единичны: бронзовая 14-гранная гирька со знаками кратности (рис. 3: *18*), калачевидное кресало с широким язычком (рис. 3: *26*), железный пробойник (рис. 3: *27*), несколько обломков ножей (рис. 3: *29*), заклепка (рис. 3: *36*).

Среди сделанных находок интерес представляют немногочисленные предметы вооружения и снаряжения.

Наиболее массовое оружие — топоры — представлены обломком щекавицы (рис. 3: *31*) и железным клином (рис. 3: *30*).

Находки деталей луков и снаряжения лучников редки. В слое могильника Которск IX был найден колчанный крюк (рис. 3: *32*), имевший треугольную пластину, на обратной стороне которой сохранились 3 штифта, крепившие его к кожаной основе, и трехгранное жало. Аналогичный крюк несколько большего размера был найден при раскопках Гнездовского поселения в 1998 г.[1] Единственный найденный в могильнике наконечник стрелы — обломок побывавшего в огне ланцетовидного наконечника с пером линзовидного сечения (рис. 3: *33*). Аналогичные наконечники были найдены в слое пожара селища Которской погост.

Снаряжение коня представлено прямоугольной железной подпружной пряжкой (рис. 3: *34*) и половинкой удил, которая может быть отнесена как к типу IV, так и типу V по А.Н.Кирпичникову (Кирпичников 1973: 16-17) (рис. 3: *35*). Удила IV типа, состоящие из двух подвижных звеньев и двух колец, — наиболее массовая и универсальная форма, распространенная на Руси на протяжении X-XIII вв. Удила V типа характеризуются наличием среднего звена, оформленного в виде восьмерки. В сводке А.Н.Кирпичникова учтено 5 экземпляров удил этого типа, датируемых X — первой половиной XI в. и связанных с Северной Русью (Кирпичников 1973: 17, каталог, №№ 3, 11, 14, 29, 41.) — Юго-Восточным Приладожьем, Новгородом и Владимирской землей. Появление удил этой формы автор сводки связывает с северными и северо-западными соседями.

В коллекции широко представлены стеклянные и каменные бусы — один из наиболее ярких хронологических индикаторов. Наиболее часто встречались крупные и мелкие бусы из прозрачного желтого (рис. 3: *37, 39, 40*) и темно-синего (рис. 3: *38, 43*) стекла и желтый рубленый бисер (рис. 3: *41*). Встречены также оранжевые и печеночно-красные бочонкообразные бусы (рис. 3: *42*), одно- и многочастные лимоновидные пронизки желтого стекла (рис. 3: *37, 39, 40*), лимоновидные продольно-полосатые бело-коричневые бусы (рис. 3: *46*), черные непрозрачные глазчатые (рис. 3: *45*), а также некоторое количество стеклянных бус, не представленных серийно на памятниках Северо-Запада и не имеющих точной хронологической привязки. Набор стеклянных бус в целом характерен для IX — первой половины XI вв. (Львова 1968; Лесман 1984: 138-140).

Сердоликовые бусы представлены следующими типами: шаровидные (рис. 3: *48*), 14-гранная уплощенная, 8-гранная призматическая (рис. 3: *47*), круглые граненые (рис. 3: *49*). Бусы из хрусталя представлены одной шарообразной и несколькими гранеными неправильно-овальной формы (рис. 3: *50-51*). Эта последняя разновидность бус редка и помимо Которского селища встречена лишь в культурных напластованиях Ладоги, в кургане 10 курганной группы Черезборицы (Носов 1976: д. № 85) и в отдельных памятниках Швеции.

В целом, вещевой комплекс позволяет датировать время функционирования могильника довольно широко — в рамках IX — X вв., может быть, включая первую половину XI в. При этом изделия из металла как-будто тяготеют к началу этого временного отрезка, а бусы — к его концу, не вступая, однако, в хронологическое противоречие. Возможно, этот момент объясняется степенью разработанности хронологии и состоянием изученности памятников IX — XI вв.

Вещи из цветного металла и бусы сочетаются в двух комплексах женских погребений, реконструируемых при анализе планиграфии находок. Одно из этих погребений с уверенностью реконструируется из находок в западине в центре предполагаемой постройки, упоминавшейся выше. Это ряд однотипных бус из темно-синего и желтого стекла (в основном, крупный и мелкий бисер), а также бочонковидные прессованные оранжевые бусы. Принадлежность всех этих бус к одному ожерелью подтверждается найденными здесь же комьями аналогичных сплавившихся бус. К тому же комплексу от-

[1] Пользуясь случаем, авторы хотят выразить глубокую благодарность Н.В.Ениосовой за любезную консультацию.

носятся фрагменты 8-гранного браслета с расширяющимися концами, орнаментированного «накосника» и, возможно, височных колец. Остальные находки здесь и на соседних квадратах представлены каплями оплавленной бронзы и невыразительными обломками.

Комплекс другого женского погребения может быть реконструирован из серии находок под западной полой кургана 4 (2). Здесь собраны остатки не менее чем 20 одинаковых оплавленных бус из бесцветного прозрачного стекла, частично спекшихся друг с другом, и 14 фрагментов орнаментированного «накосника». О принадлежности к тому же комплексу других находок судить сложно, т.к. насыпь кургана возведена из слоя бескурганного могильника.

Керамический комплекс рассматриваемого памятника представлен находками исключительно лепной керамики, в основном, двумя типами сосудов: слабопрофилированные горшки с округлыми плечиками (рис. 4: *1, 5, 6*); расширяющиеся кверху сосуды с широкой каннелюрой по плечику и невыделенным или слабо выделенным (рис. 4: *2*) горлом.

Посуда первого типа представлена фрагментами не менее чем 10-12 экз., второго — не менее 5-6 экз. Найдены также фрагменты двух ребристых мисок (рис. 4: *3*) и одного миниатюрного округлобокого горшочка (рис. 4: *4*).

Ни один из черепков не несет на себе следов пребывания в огне, в т.ч. нагара или копоти на поверхности.

Оба основных типа керамики точно соответствуют по форме основным типам посуды Которского селища (Михайлова 1994), но есть и некоторые отличия. Керамика могильника изготовлена из менее тщательно промешанного глиняного теста, очень слабо обожжена (многие черепки мажут руки). Обращает на себя внимание чрезмерная тонкостенность некоторых сосудов (профилированных горшков), неприемлемая для бытовой керамики. Очевидно, здесь мы имеем дело с посудой, специально изготовлявшейся для ритуальных целей.

Если принять дату могильника по вещам — IX-X вв., то отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о наличии на нем исключительно лепной керамики. Гончарный круг на Северо-Западе Руси, по крайней мере, в городских центрах, появляется в 920-х гг. (Рябинин 1985: 37; Носов 1977: 11-12; Авдусин 1991: 19). В середине X в. гончарная керамика уже повсеместно присутствует на поселениях сельской округи, где постепенно в течение конца X — XI в. вытесняет лепную. В отдельных микрорегионах лепная керамика в ограниченных количествах бытует еще в начале XII в. Исходя из такой динамики распространения круговой керамики, памятники с исключительно лепной посудой

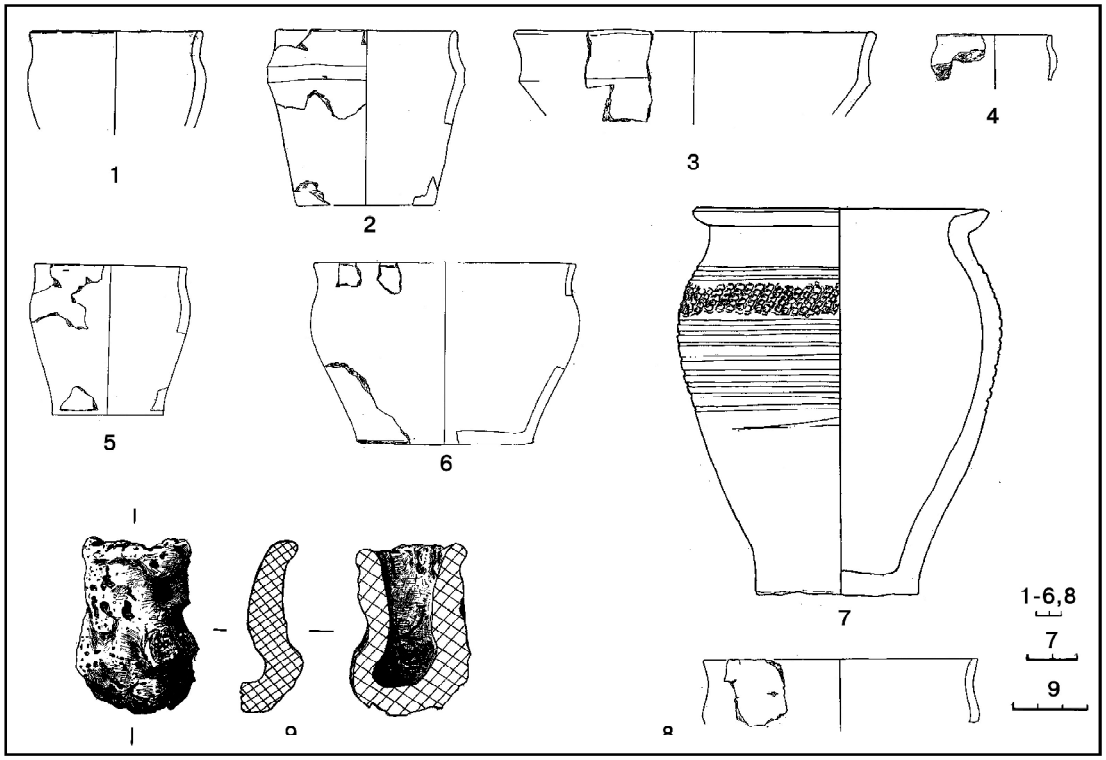


Рис. 4. Которск IX. Керамика из бескурганной части могильника:

1 — курган 3, из заполнения ямки в юго-восточном секторе; 2 — курган 5, из погребенной почвы; 3 — курган 5, из погребенной почвы; 4 — курган 5, из погребенной почвы; 5 — курган 4, из нижней части насыпи (слой черного гумусированного песка); 6 — курган 4, из нижней части насыпи (слой черного гумусированного песка); 7 — курган 4, из-под южной части части насыпи; 8 — курган 4, из нижней части насыпи (слой черного гумусированного песка); 9 — курган 1, из южного сектора насыпи.

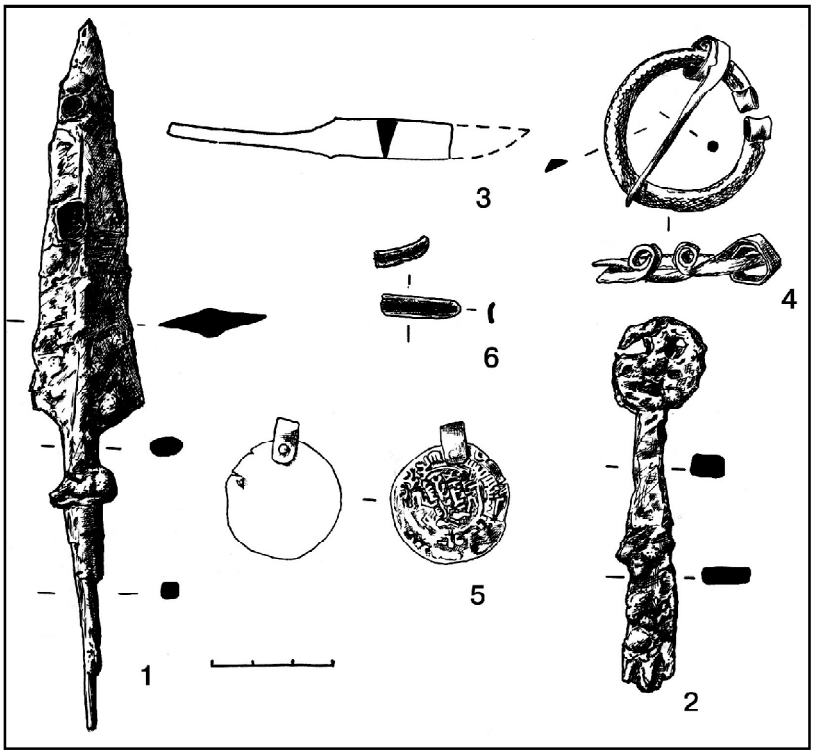


Рис. 5. Которск IX. Находки из погребения в кургане 2:
1-3 — железо; 4 — бронза; 5, 6 — серебро.

обычно относят ко времени до второй четверти — середины X в. Кажущееся противоречие объяснимо характером памятника. Учитывая общеизвестную традиционность и консервативность погребального ритуала, следует ожидать, что в нем будет использоваться керамика, изготовленная традиционным способом, а не вновь появившаяся, возможно, привозная из города. Это предположение тем более правдоподобно, что мы имеем дело со специально изготовленной для этого случая посудой.

Единственное исключение из описываемого правила — обнаруженный под насыпью кургана 4 развал раннекругового горшка, орнаментированного горизонтальными врезными линиями и пояском из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4: 7). Сосуд обращает на себя внимание необычными для керамики Северо-Запада пропорциями. Его стратиграфическое положение не до конца ясно, но, скорее всего, этот горшок следует связывать с бескурганным могильником.

Параллельно с раскопками на бескурганном могильнике исследовались расположенные рядом курганы. Курганная группа Которск IX представляла собой цепочку округлых в плане низких насыпей. Все курганы, однотипные по своей внутренней структуре и способу сооружения, были возведены в течение сравнительно непродолжительного промежутка времени — середины XI — последней трети XI вв. Датировка может быть определена на основании распространения серийных вещей в культурных напластованиях Великого Новгорода; мужские погребения в целом могут датироваться довольно широко — в пределах XI-XII вв., женские — более узко, не выходя за рамки последней трети XI в.[2], вероятно, этим интервалом может быть определено время возведения всех курганов могильника.

[2] Курган 2: спиралеконечная подковообразная застежка (V, 8; **до 1197 г**. Лесман 1990: 75) с орнаментированной дугой (орнамент не подражает витью V, 11; **989-1382** гг. Лесман 1990: 76) треугольного сечения и кольцом иглы в 1,5-2 раза шире стержня (V, 13; **после 989 г**. Лесман 1990: 77).

Курган 3: спиралеконечная подковообразная застежка (V, 8; **до 1197 г**. Лесман 1990: 75) с орнаментированной дугой (орнамент не подражает витью V, 11; **989-1382** гг. Лесман 1990: 76) треугольного сечения и кольцом иглы в 1,5-2 раза шире стержня (V, 13; **после 989** г. Лесман 1990: 77).

Курган 4 (1): спиралеконечная подковообразная застежка (V, 8; **до 1197** г. Лесман 1990: 75) с неорнаментированной дугой треугольного сечения и кольцом иглы в 1,5-2 раза шире стержня (V, 13; **после 989** г. Лесман 1990: 77).

Курган 4 (2): височные кольца трехбусинные (**989-1382** гг. Лесман 1984: 134), костяной односторонний наборный гребень в футляре (**до 1076** г. Лесман 1984: 140), трапециевидные подвески (III, 12; **до 1299** г. Лесман 1990: 62), зонные золотостеклянные с каймой бусы (**989-1161** г. Лесман 1984: 139), алые зонные бусы (**до 1134** г. Лесман 1984: 139), крупный рубленый бисер, рубленый бисер (**до 1161** г. Лесман 1984: 139).

Курган 5: цепочка из двойных колечек (III, 31; **1006-1369** гг. Лесман 1990: 67), трапециевидные подвески (III, 12; **до 1299** г. Лесман 1990: 62), костяной односторонний наборный гребень футляре (**до 1076** г. Лесман 1984: 140), браслет, орнаментированный «волчьим зубом» (**1025-1281** гг. Лесман 1989: 83), нож IV типа по Р.С.Минасяну (**до 1197** г. Лесман 1984: 138), бусы лимоновидные желтые и многочастные желтые пронизки (**до 1134** г. Лесман 1984: 140).

Все курганы возведены по одной схеме: на выбранной для сооружения кургана площадке, оконтуренной незамкнутым ровиком или ямами, сооружалась невысокая насыпь. При этом нижняя часть всех курганов почти на половину высоты насыпалась из дерна и земли, взятых на территории бескурганного могильника. Некоторые курганы (№ 1, 3) возводились в два приема, разделенных промежутком времени, в течение которого насыпь успевала частично задерноваться и оползти. Затем, уже в готовый курган, впускалась могильная яма. При этом курган 1 по каким-то причинам так и остался без погребения. Засыпались могилы землей вперемежку с пластами дерна, нарезанного на территории бескурганного могильника и содержавшего пережженные косточки и отдельные мелкие фрагменты керамики. Все погребения ориентированы на запад с незначительными отклонениями. Очень плохая сохранность костей ни разу не позволила проследить такие детали погребального обряда как, например, положение рук.

В кургане 1 по какой-то причине погребение не было совершено. В его насыпи найдены отдельные мелкие фрагменты лепных сосудов и половинка тигля со следами меди на внутренней поверхности (рис. 4: *9*).

По своему способу сооружения и погребальному обряду в группе выделяется курган 2 — низкая подквадратная в плане насыпь, под которой в могильной яме, перекрытой накатом из жердей, выявлено мужское захоронение. Погребенный лежал головой на запад, в районе его плеча находился железный черешковый наконечник дротика (рис. 5: *1*), на руке — остатки серебряного перстня (рис. 5: *6*), в области пояса — железные ключ (рис. 5: *2*) типа А по Б.А.Колчину (Колчин 1959: 78-80) с круглой лопаточкой и нож (рис. 5: *3*), а также бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами (рис. 5: *4*), в ногах лежала серебряная подвеска с приклепанным бронзовым ушком — подражание дирхему (рис. 5: *5*). Справа от колен был поставлен круговой горшок с линейным орнаментом (рис. 10: *1*). Возможно, вокруг могилы, по краю площадки, образованной удлиненными в плане ямами и подрезкой склонов моренной гряды, располагалось некое сооружение в виде сруба в 1-3 венца, препятствовавшее расползанию песчаной насыпи. После проседания могильного перекрытия курган был досыпан еще раз.

Найденный в погребении наконечник дротика причисляется А.Н.Кирпичниковым к предметам вооружения (Кирпичников 1966: 23-24). Аналогичные ему по форме и способу крепления к древку копья (тип VI) относятся к X-XI вв., встречаются на севере древнерусской территории, а за ее пределами — в Прибалтике, Финляндии и на островах Балтийского моря (Кирпичников 1966: 17).

В кургане 3 в области груди погребенного найдена бронзовая подковообразная спиралеконечная застежка (рис. 6: *1*), в районе пояса — обломок ножа (рис. 6: *2*) и тонкий металлический диск (рис 6: *5*), слева от остатков скелета — маленький металлический подвеска-гребень с фигурной спинкой (рис. 6: *6*) и поврежденная сферическая железная гирька, обтянутая бронзовым листом (рис. 6: *3*). Справа в ногах погребенного лежал железный топор (рис. 6: *7*), лезвием от ног. В ногах на краю могилы стоял круговой горшок с железным обручем под венчиком (рис. 10: *2*). Придонная часть другого кругового горшка была найдена у южной стенки могилы (рис. 10: *3*).

Топор с оттянутым книзу лезвием и парой боковых щекавиц относится к типу VI по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 38), форма его лезвия близка секирам. Топоры этого типа были широко распространены в средней и северной Руси. По своей форме найденный экземпляр может быть отнесен к раннему варианту топоров VI типа (X — нач. XI вв.) (Кирпичников 1966: 30, рис. 6). Горшки, стянутые под венчиком железным обручем, не являются, как по-

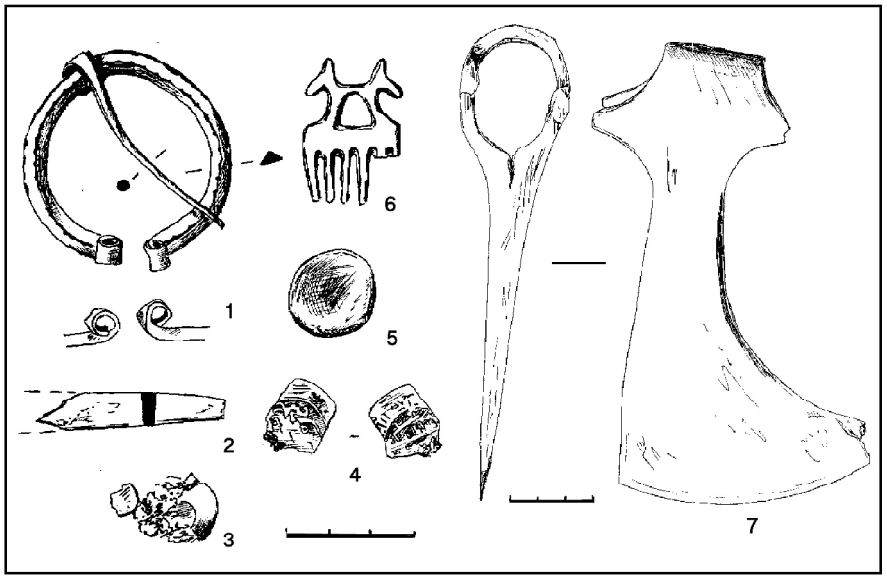


Рис.6. Которск IX. Находки из погребения в кургане 3: 1, 5 — бронза; 2, 7 — железо; 3 — железо, бронза; 4 — серебро; 6 — белый металл.

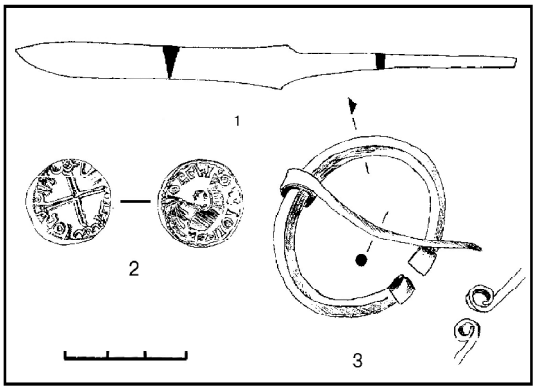


Рис.7. Которск IX. Находки из погребения в кургане 4 (1): 1 — железо; 2 — серебро; 3 — бронза.

лагали некоторые исследователи, этноопределяющим признаком (Конецкий, Топоров 1996: 68; Ср. Голубева 1973: 49), однако обручи — не обязательно следы ремонта круговой посуды. Оба найденных в курганах сосуда с железными обручами, по всей вероятности, являются походными котелками.

Курган 4, до раскопок представлявший собой овальную расплывшуюся насыпь, оказался двумя слившимися курганами, получившими в процессе раскопок обозначения 4 (1) и 4 (2).

В кургане 4 (1) на дне могилы вытянуто на спине лежал скелет очень пожилого мужчины, в районе пояса которого были найдены подковообразная спиралеконечная застежка с дугой треугольного сечения и узкой иглой (рис. 7: *3*) и железный нож (рис. 7: *1*). В ногах стоял горшок, изготовленный на гончарном круге (рис. 10: *4*), на дне которого лежала монета (рис. 7: *2*).

Курган 4 (2) возводился спустя некоторое время, на его сооружение, возможно, пошла часть насыпи кургана 4 (1). Погребение в кургане 4 (2) было совершено в могильной яме, впущенной в уже готовую насыпь кургана так, что погребенный дерн был едва прорезан. К сожалению, погребение оказалось частично разрушенным корнями росшей над ним сосны. У головы погребенной были найдены одно целое серебряное височное кольцо с напушенными на него серебряными полыми бусинами, украшенными зернью (рис. 8: *1*), и фрагменты аналогичного, реставрированного в древности свинцово-оловянистым сплавом. От второго височного кольца сохранились только следы проволоки и 2 серебряных полых зерненых бусины (рис. 8: *2*). На одном из колец сохранилась бронзовая трапециевидная подвеска с колечками (рис. 8: *5*). В области шеи находились три ожерелья, порядок бус в двух из них удалось восстановить. По самому горлу шла короткая нитка, на которой были нанизаны 4 золотостеклянных зонных бусины (рис. 8: *7*), ниже располагалась нитка, в основном, синего рубленого бисера, в центре которой находились более крупные рубленые голубая и две синих бисерины (рис. 8: *8*). Третья нитка бус была составлена из хаотически расположенных красных, зеленых и фиолетовых зонных бусин (рис. 8: *9*). Справа в районе пояса были найдены пряслице розового шифера (рис. 8: *6*) и остатки одностороннего костяного гребня (рис. 8: *3*), подвешенного к проволочному железному колечку (рис. 8: *4*). По всей вероятности, эти предметы крепились либо к поясу, либо к несохранившейся тесемке, свисавшей с пояса. В ногах погребенной, ближе к северному углу могилы, стоял лепной горшок «стройных пропорций» с высоко расположенным ребром. Под венчиком его охватывал обруч из узкой железной полосы (рис. 10: *5*) — также вероятное свидетельство ремонта сосуда.

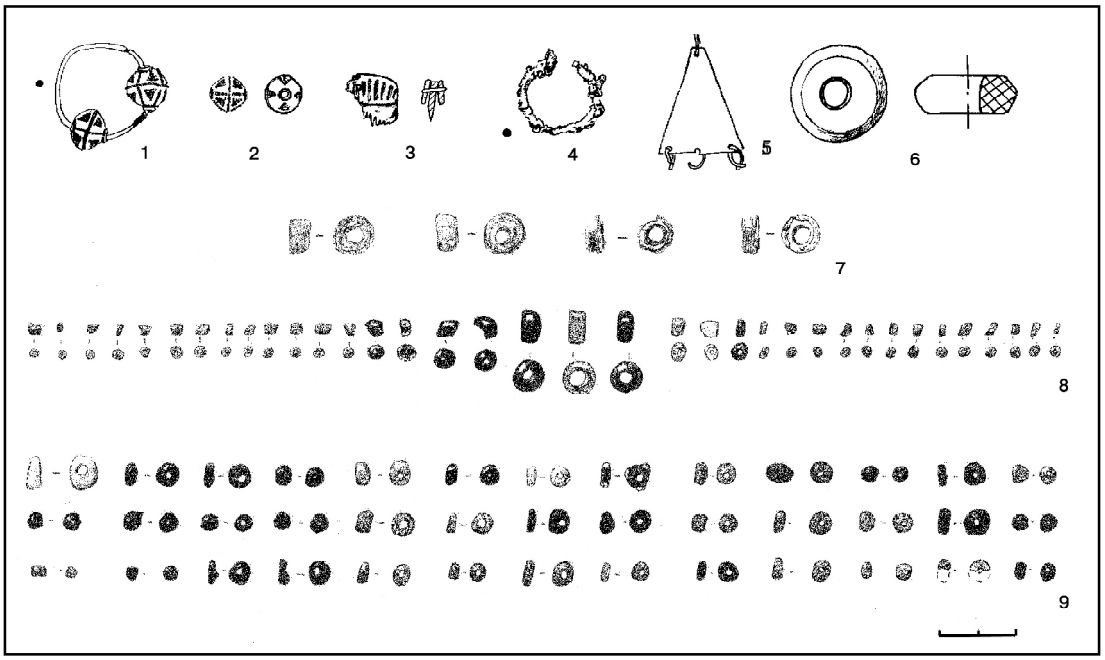


Рис.8. Которск IX. Находки из погребения в кургане 4 (2):
1, 2 — серебро; 3 — рог; 4 — железо; 4 — железо; 5 — бронза; 6 — розовый шифер; 7-9 — стекло.

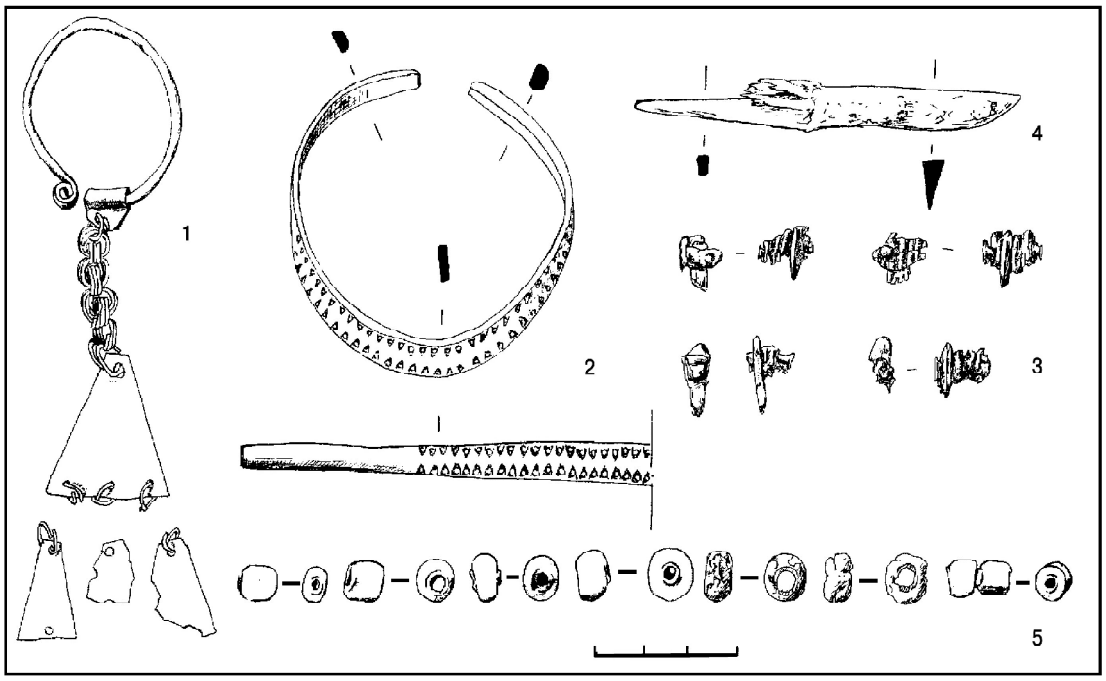


Рис. 9. Которск IX. Находки из погребения в кургане 5:
1, 2 — бронза; 3 — рог, железо, бронза; 4 — железо; 5 — стекло.

Курган 5 — последний из курганов могильника — был возведен на самом краю бескурганной части. Судя по стратиграфии разрушения насыпи, она имела какое-то, по всей вероятности, деревянное, несохранившееся крепление, сдерживавшее песчаное тело насыпи. Во впущенной в уже готовую насыпь могиле, глубина которой от поверхности материка достигала 15-20 см, был расчищен женский скелет, ориентированный головой на запад. На черепе погребенной было найдено проволочное височное кольцо с завитком наружу, на нем на цепочке из двойных колечек, прикрепленной к пятиугольной обоймице, находились трапециевидные привески (рис. 9: *1*). В районе шеи было собрано ожерелье из желтых лимоновидных бус и многочастных пронизок (рис. 9: *5*). На правое запястье был надет бронзовый орнаментированный браслет (рис. 9: *2*), а в районе пояса найдены небольшой железный нож (рис. 9: *3*) и остатки одностороннего костяного гребня в футляре (рис. 9: *4*). В ногах стоял небольшой круговой горшок, украшенный врезным линейным орнаментом по всей высоте и пояском из косых насечек по плечику (рис. 10: *6*). На дне ровика в западном секторе кургана был найден развал большого кругового горшка, украшенного врезными линиями и многорядной волной (рис. 10: *7*).

Значительно позднее времени возведения курганов, очевидно, уже в эпоху позднего средневековья, территория могильника вместе с курганами оказалась распахана. Насыпи были частично снивелированы, песок на вершине уцелевших частей насыпей оказался перемешан и слабо гумусирован. Так же перемешан оказался слой бескурганного могильника, не перекрытый курганами. Глубина вспашки составила 10-15 см. Некоторое количество кальцинированных костей и отдельные оплавленные вещи попали в верхнюю часть курганных насыпей. В связи с этим представление о характере слоя бескурганного могильника дает нижняя часть курганов. Это интенсивно-черного цвета гумусированный песок, насыщенный пережженными костями и мелкими фрагментами лепной керамики.

Исходя из полученных данных, развитие погребального комплекса Которск IX представляется следующим образом. Первоначально могильник функционирует как место помещения кремированных останков на поверхности земли. К сожалению, невозможно точно установить, были эти погребения урновыми, находились ли в туесках, каких-либо иных вместилищах или просто высыпались на поверхность земли. По наличию реконструируемых комплексов отдельных погребений можно утверждать, что прах погребенных не смешивался. Судя по хронологии и планиграфии, курган 2 возник на краю могильника, не затронув его. Позднее сооружаются курганы 3, 4 (1), 4 (2), 5, перекрывающие западный и северо-западный края могильника. На их сооружение пошли дерн и грунт с прилегающей части могильника. Курган 1 представляет собой так и не использованную для погребения «курган-заготовку». Верхняя дата ингумаций (последняя треть XI в.) совпадает со временем прекращения жизни на поселении. Очевидно, могильник прекратил свое функционирование в момент переноса погоста на новое место, на территорию современной дер. Которск.

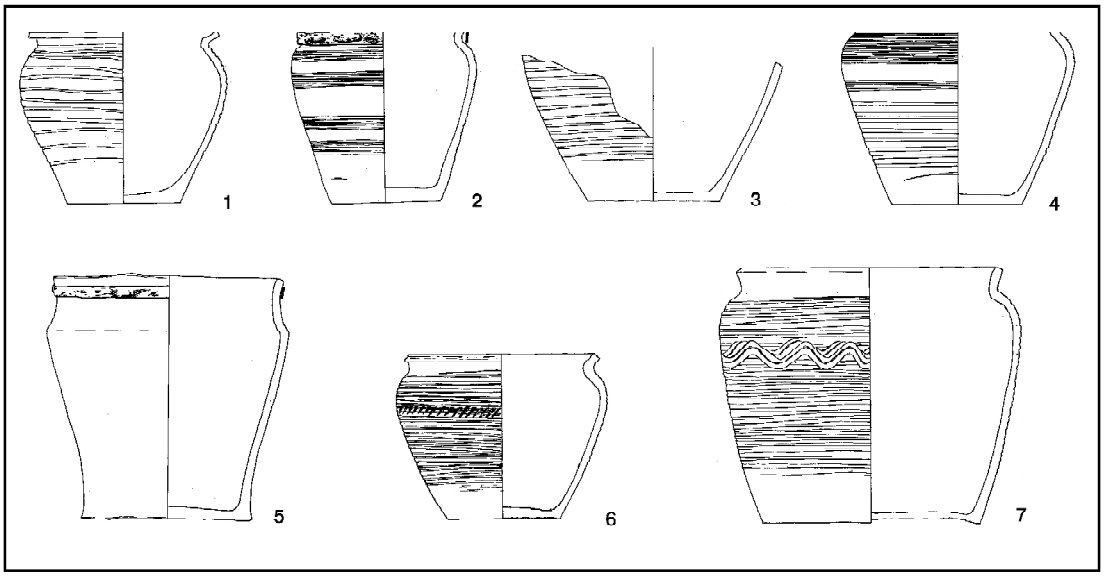


Рис. 10. Которск IX. Керамика из курганных погребений:
1 — курган 2, в районе правого колена погребенного; 2 — курган 3, в ногах на краю могилы; 3 — курган 3, в заполнении могилы; 4 — курган 4 (1), в ногах погребенного; 5 — курган 4 (2), в ногах погребенного; 6 — курган 5, в ногах погребенного; 7 — курган 5, в ровике западного сектора.

Данных о начале функционирования могильника и его хронологическом соотношении с поселением немного. Однако, судя по наличию и там, и там редкого типа хрустальных бус, могильник начал функционировать до пожара, произошедшего на поселении около середины X в. Не исключено, что первые погребения могли совершаться и вскоре после основания поселения в конце IX в.

Таким образом, перед нами новый тип памятников с так называемой «археологически неуловимой» погребальной обрядностью, ибо в случае интенсивной распашки от него практически ничего бы не осталось. Примером может служить подобный, судя по всему, могильник, зафиксированный на окраине древнерусской курганной группы Которск III. Здесь под насыпью кургана 17 обнаружены кальцинированные человеческие кости и остатки набора женских украшений, побывавших в огне (рис. 11): трапециевидная привеска с тисненым орнаментом (рис. 11: *1*), трапециевидные привески на пятиугольных обоймицах (рис. 11: *2, 3*), узкий браслет трехгранного сечения (рис. 11: *10*), двучастная пронизка желтого стекла (рис. 11: *18*), остатки монетовидной привески (рис. 11: *9*) и др. Круг ближайших аналогий этим украшениям тот же: сопки у дер.Сковородка, второй ярус погребений у дер.Репьи, близлежащие могильники Которск IX, XI, XV. В поле кургана 22 найдены фрагменты круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 11: *20, 22*), обожженная сердоликовая призматическая бусина (рис. 11: *24*), оплавившаяся серебряная монета или монетовидная привеска (рис. 11: *25*). Курганы 17 и 22 располагались в юго-восточной части группы. Характер растительности позволяет утверждать, что в недавнем прошлом здесь было распахиваемое поле. Заложенный вблизи курганов раскоп не выявил слоя костей и находок, аналогичного слою Которска IX. В раскопе была найдена лишь оплавленная узкая бронзовая пластинка (рис. 11: *21*). В разведочной траншее, заложенной на восточной окраине могильника, найден железный предмет, по-видимому, игла фибулы.

Интересно, что уничтоженный распашкой могильник локализуется в пространстве между древнерусскими курганами второй половины XI — XII вв. с трупоположениями и курганом 1, представлявшим собой насыпь с кремациями, по всем признакам относящуюся к насыпям культуры длинных курганов. Точнее говоря, могильник локализуется между насыпью КДК и курганом 5, содержавшим женское трупоположение, в котором среди найденных вещей подвеска-иконка из оловянистого сплава (дата погребения на основании набора бус может быть определена достаточно узко: середина — третья четверть XI в.).

Остатки аналогичного могильника были обнаружены при раскопках юго-восточной части курганной группы Которск XI. Могильник располагался на пологом моренном склоне, южнее группы из четырех высоких курганов Которск IV, содержавших погребения по обряду трупосожжения на стороне, датировка которых может быть определена в рамках конца IX — начала XI вв. Возведение древнерусского могильника второй половины XI — XII вв. было начато на значительном расстоянии северо-западнее; лишь ближе к концу своего функционирования кладбище перекрыло западную часть бескурганного могильника. Находки, сделанные в слое погребенного под насыпями курганов дерна и в двух небольших разведочных раскопах к севе-

ру и югу от курганов, аналогичны сделанным при раскопках бескурганной части могильника Которск IX (рис. 12).

Еще один аналогичный бескурганный могильник Которск XV был открыт на гребне и склоне моренной гряды между описанными Которск IX и XI, отделенный от обоих небольшими подболоченными низинами. На исследованной площади не выявлено никаких следов наземных погребальных сооружений, вещевой материал также полностью аналогичен материалу, происходящему из бескурганных частей этих могильников.

Как же определить общую культурную принадлежность данных «бескурганных» могильников? Круг аналогий вещам могильников наиболее полно представлен в сопках. Однако те же самые вещи мы встречаем и в локальных центрах IX — XI вв., часть из которых либо прекращает свое существование около сер. X в. (Надбелье на Оредеже, Курская Гора в верховьях Луги), либо перерастает в древнерусские погосты (Которск, Передольский погост, Городец под Лугой). Как уже отмечалось выше, многие исследователи называют культуру данных поселений культурой сопок. На наш взгляд, более точно ее следует определять, в силу близости к культуре раннегородских центров (Ладога, нижние ярусы Новгорода, Псков Г, Рюриково городище, Городок на Ловати), как ранний этап древнерусской. В этом контексте описанные выше могильники наряду с сопками, поздними насыпями культуры длинных курганов и другими погребальными памятниками конца I тыс. н.э. выступают как дохристианские захоронения населения формирующейся Новгородской земли. Отметим, что в поздних насыпях культуры длинных курганов отчетливо видны комплексы древнерусского характера (Которск XII, Рапти-Наволок-III) (Лебедев 1974: 71; Михайлова 1993: 75-76). Все это говорит о нивелировке традиции в сфере живой культуры, в частности, в области женского убора, накануне распространения обряда трупоположения, так или иначе являющегося результатом христианизации. В связи с этим нам представляется, что поиск однозначных вариантов построений генетических цепочек от памятников второй половины I тыс. к древнерусским без учета подобных памятников невозможен.

Каковы перспективы дальнейшего исследования могильников этого типа? Безусловно, что в различных регионах Северной Руси «поверхностные» могильники могли иметь различное конкретное воплощение. Примером может служить округлая погребальная площадка, обложенная по основанию камнями, открытая В.Я.Конецким на окраине селища в уроч. Губинская Лука (Конецкий 1992б: 20-22). Конечно, необходимы новые целенаправленные полевые исследования, но, вероятно, возможно и выявление таких могильников на основании изучения материалов прежних раскопок.

«Поверхностные» могильники, форма захоронений в которых из всех погребальных памятников наиболее адекватна описаниям восточных авторов и известному пассажу из Повести временных лет, могут считаться захоронениями славян, расселяющихся по территории Северо-Запада. Отсутствие курганных могильников в Приильменье, вблизи ряда поселений конца I тыс.н.э. на Луге (Курская Гора, Надбелье, Городец), взрывообразное распространение древнерусских курганов с трупоположениями в Восточном Причудье и другие явления могут быть объяснены именно исходя из специфики погребальной обрядности, иллюстрированной описанными выше могильниками. Будучи погребальной обрядностью двигающегося на север славянства, эта традиция по мере культурной интеграции пришлого

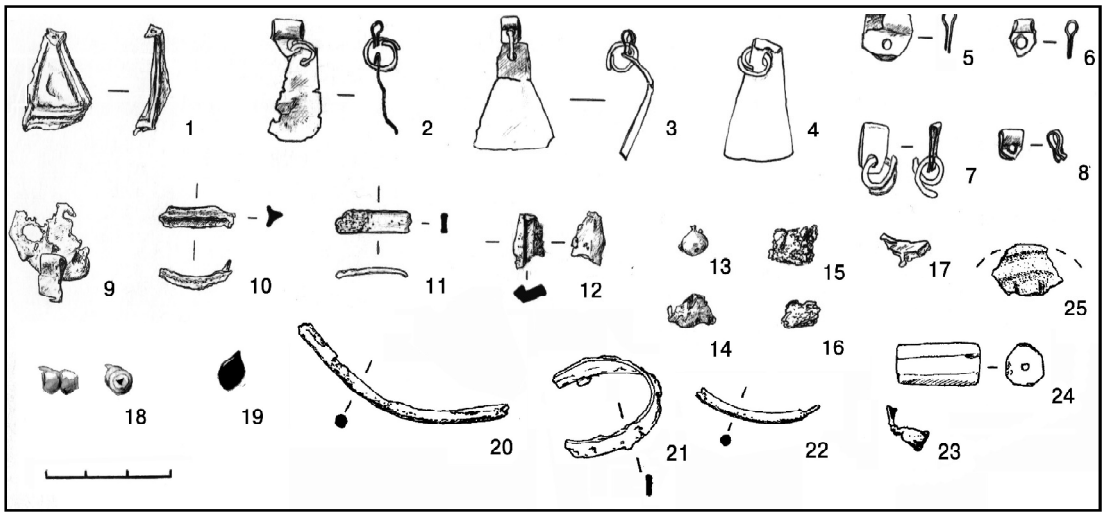


Рис. 11. Которск III. Вещи из разрушенного бескурганного могильника:
1-19 — из погребения 1 в кургане 17; 20, 22-25 — из полы кургана 22; 21 — из раскопа к востоку от курганов 16 и 17; 1-17 — бронза; 18, 19 — стекло.

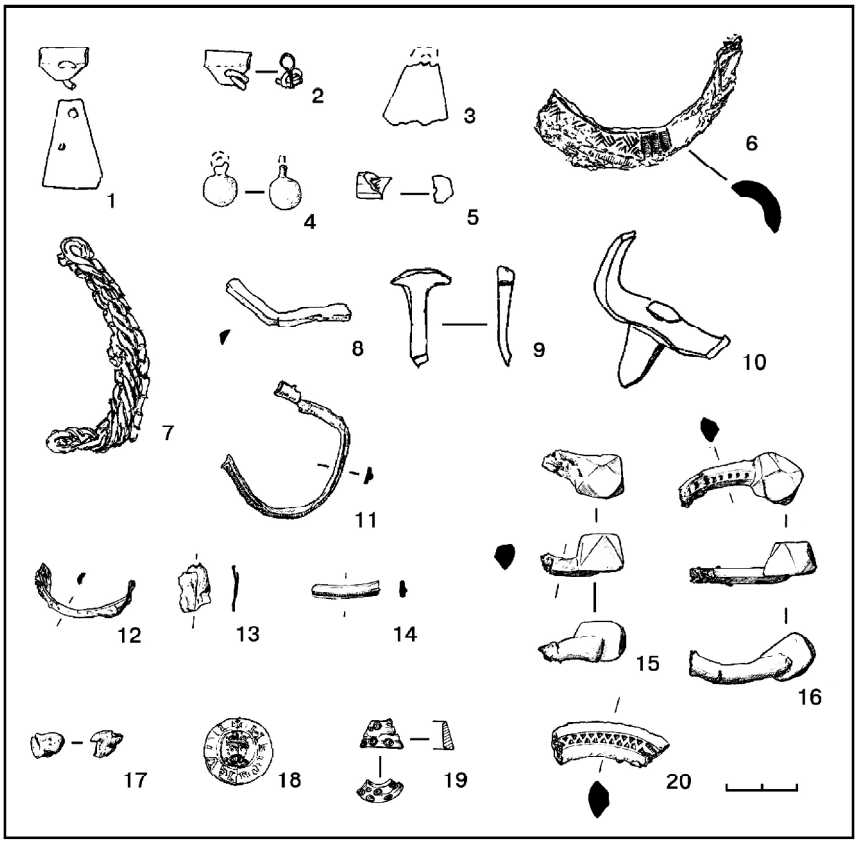


Рис. 12. Которск XI. Вещи из бескурганной части могильника:
1-8 — под насыпью кургана 36; 9, 10 — в раскопе, севернее кургана 20; 11 — в насыпи кургана 20; 18 — на погребенном дерне кургана 20; 12-17, 19, 20 — под насыпью кургана 23; 1-4, 6-8, 5 — сердолик; 11-16, 20 — бронза; 9, 10 — железо; 17 — свинцово-оловянистый сплав; 19 — кость.

населения с аборигенами стала, очевидно, основной формой захоронений древнерусского населения Новгородской земли накануне христианизации.

ЛИТЕРАТУРА

Голубева Л.А. 1973. Весь и славяне на Белом озере в X-XIII вв. М.

Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2, САИ Е1-36. М.-Л.

Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИ. Вып. Е1-36. Л.

Колчин. Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.

Конецкий В.Я., Торопов С.Е. 1996. Горшки с железными обручами в древнерусских погребениях Северо-Запада // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Кузьмин С.Л. 1988. Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-запада Новгородской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. конф. Псков.

Кузьмин С.Л. 1988. Развитие домостроительных тенденций и градостроительной структуры Ладоги VIII — X вв. Рукопись дипломной работы. Л. (хранится на кафедре археологии СПбГУ).

Кузьмин С.Л. 1991. Которский погост - локальный центр конца I-начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Кузьмин С.Л. 1994. Сопка у д.Новые Дубовики // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.

Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.

Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л. 1994. «Грунтовые» могильники у д. Которск // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб.

Носов Е.Н. 1976. Отчет о. Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1. д. № 85.

Петренко В.П. 1994. Погребальной обряд населения Северной Руси VIII-X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб.

Платонова Н.И. 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М.

Спицын А.А. 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н.Глазова. СПб.

Штыхов Г.В. 1992. Крывічи. Минск.

Яблоник Д.Л. 1987. О двух типах бронзовых украшений // История и археология Новгородской земли: Тез. конф. Новгород.

Яблоник Д.Л. 1988. К вопросу о соотношении длинных курганов и сопок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. конф. Новгород.

Г.Ф.Чеботаренко, Н.П.Тельнов

ПОСЕЛЕНИЕ ЕТУЛИЯ VII В МОЛДАВИИ

G.F. Chebotarenko, N.P. Telnov. The Settlement of Etulia-VII in Moldavia.

This publication provides a detailed characteristics of constructive peculiarities of the studied dwellings and findings. Pottery enjoys special attention. New findings are made available to the scientific community, which allows a better representation of material culture of the inhabitants on Dniester-Danube territory in the late I millennium AD.

The analysis of material finds allows the authors drawing a conclusion about presence of two elements in the culture of the settled population in the studied region – the Slavic and Saltovski ones.

В 1984 г. были продолжены раскопки поселения Етулия VII, расположенного у с. Етулия на восточном берегу оз. Кагул, на склоне коренной террасы, к северо-востоку от пионерлагеря «Олимпиец». Поселение было открыто в конце 60-х годов Л.В.Субботиным. В 1972-1974 гг. проводились раскопки на поселении Етулия VI, расположенном к северу от поселения Етулия VII и отделенного от него эрозионным оврагом более позднего происхождения. В 1976 г. были проведены раскопки на поселении Етулия VII (Йовков 1981: 147-159), на котором были вскрыты и изучены четыре жилых сооружения. В 1978 г. были снова проведены небольшие раскопки, в результате которых обнаружено еще одно жилище, оставшееся неопубликованным. Поселения Етулия VI и Етулия VII являются звеньями целой цепи поселений, расположенных вдоль восточного берега оз. Кагул, начиная от центра современного с. Етулия, в южном направлении, почти до южной оконечности озера, южнее с. Нагорное Ренийского р-на Одесской обл. Они тянутся цепочкой на узкой полосе шириной 100 - 150 м. В настоящее время известно более десяти поселений этого типа, датируемых VIII—X вв. (рис. 1).

В 1984 г. были заложены два раскопа общей площадью 630 м^2. В результате раскопок был выявлен развал камней и глины, две полуземлянки и слабые следы одного сооружения наземного типа.

В одном из раскопов был раскрыт развал камней и глины общей площадью 300 м^2 (рис. 2). Это было бессистемное нагромождение камней в слое глины, представленное тонким слоем в северной части раскопа (до 10-15 см) и более толстым слоем в южной части (до 70 см). Развал камней и глины залегал над материковым слоем из желтого речного песка.

В юго-восточном углу раскопа на незначительном участке выступил угол каменной кладки сооружения, построенного, видимо, из камней и глины, характер которого полностью не был выяснен в ходе раскопок 1984 г.

Судя по незначительным остаткам, можно предположить, что в этом месте к югу от раскопанного нами участка расположено каменное сооружение, стены которого были сложены из двух облицовывающих их изнутри и снаружи кладок плоских камней, скрепленных глиняным раствором, между которыми была произведена забутовка глиной с камнями. Такого характера кладка стен сооружения была исследована в 1974 г. на поселении Етулия VI, примерно в 200 м к северу от сооружения 1984 г. (Чеботаренко, Щербакова 1981: 140-147, рис.1).

Жилище 1/6 (первая цифра обозначает номер жилища в раскопках 1984 г., вторая — порядковый на поселении) полуземляночного типа было расположено в 20 м к северу от южной стенки раскопа и в 6 м от края развала камней и глины (рис. 3: *1*). Котлован прямоугольный в плане, размером 230 х 320 см, и углубленный в землю на 65 см от современной дневной поверхности. Ориентирован по длине с востока на запад. Пол жилища был обмазан глиняным раствором толщиной 2 см. В юго-восточном углу жилища была расположена печь-каменка, сложенная из крупных песчаниковых камней. Ее размер по наружному периметру 85 х 100 см. Под печи овальный в плане. Устье печи расположено с запада. Печь примыкала вплотную к южной и восточной стенам котлована. В юго-западном и северо-западном углах котлована и по середине южной и северной стен сохранилось по одной столбовой яме от опор каркаса стен жилища. В заполнении жилища на уровне пола и в печи были найдены остатки гончарной посуды двух групп — кухонной, украшенной углубленным орнаментом, нанесенным гребенчатым инструментом, и столовой лощеной посуды салтовского типа, также сделанной на

© Г.Ф.Чеботаренко, Н.П.Тельнов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

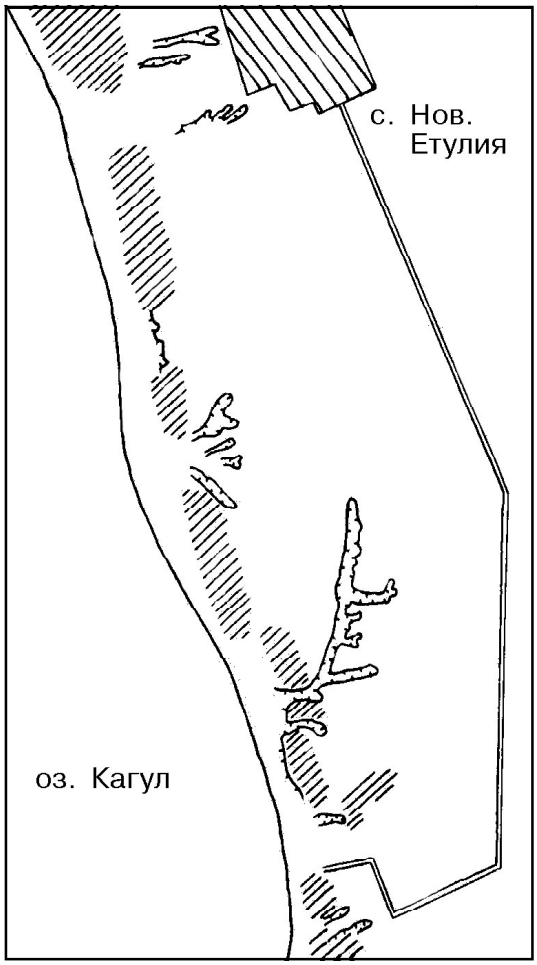


Рис. 1. Общий план поселений VIII – X вв. у с. Етулия.

гончарном круге. У печи были найдены глиняное пряслице диаметром 4,1 см и два ребра крупного рогатого животного со следами сглаживания с одной стороны (рис. 4: *1, 2*). Керамика, найденная в заполнении жилища, судя по венчикам, происходит от шести сосудов, датируемых VIII—X вв.

Жилище 2/7 (рис. 3: *2*) полуземляночного типа было расположено в 11 м к северу от жилища 1/6. Котлован прямоугольный в плане, размером 420 х 420 см, и углубленный в землю на 130 см в южной части и 90 см в северной части от уровня современной дневной поверхности. Эта разница в глубине объясняется тем, что жилище расположено на склоне. Ориентирован котлован стенами по сторонам света. В юго-восточном углу котлована жилища был найден развал печи-каменки, стены которой сохранились местами до 25—30 см в высоту. Под печи сохранился только отчасти. Устье печи было обращено на север. Под печи был покрыт золой, перемешанной с мелкими древесными углями. Пол жилища обмазан глиняным раствором, его толщина 2 см. Сохранился только в центре жилища. На полу жилища и в печи найдены фрагменты сосудов кухонной и столовой посуды, изготовленной на гончарном круге, от пяти-шести горшков. Здесь же найдены кости ноги животного, служившие, видимо, битами для игры в бабки (рис. 4: *6, 7*). На них был нацарапан острием ножа орнамент в виде косых насечек.

Жилище 5 (рис. 3: *3*) полуземляночного типа. Котлован прямоугольный в плане размером 3,1 х 3,2 м, углубленный в землю на 1,05 м от уровня современной дневной поверхности. Раскопано в 1978 г., но не было опубликовано. Ориентировано длинной осью с востока на запад. Конструкция стен жилища в нижней части сложная. Стены котлована облицованы камнем, в котором были оставлены пазы для столбов, входящих в конструкцию стен, возвышающихся над поверхностью земли. Кладка облицовки стен в нижней части сделана из больших камней, положенных на ребро. Над ними продолжается кладка почти до поверхности земли, которая сложена по-иному. Камни положены плашмя, без скрепляющего раствора, в один ряд. В кладке прослежено семь пазов для столбов: четыре по углам и по одному пазу в середине южной, западной и северной стен. Стены котлована были обмазаны глиняным раствором, частично сохранившимся. Верхняя часть стен была построена на плетеной основе и также обмазана глиной, от которой остались мно-

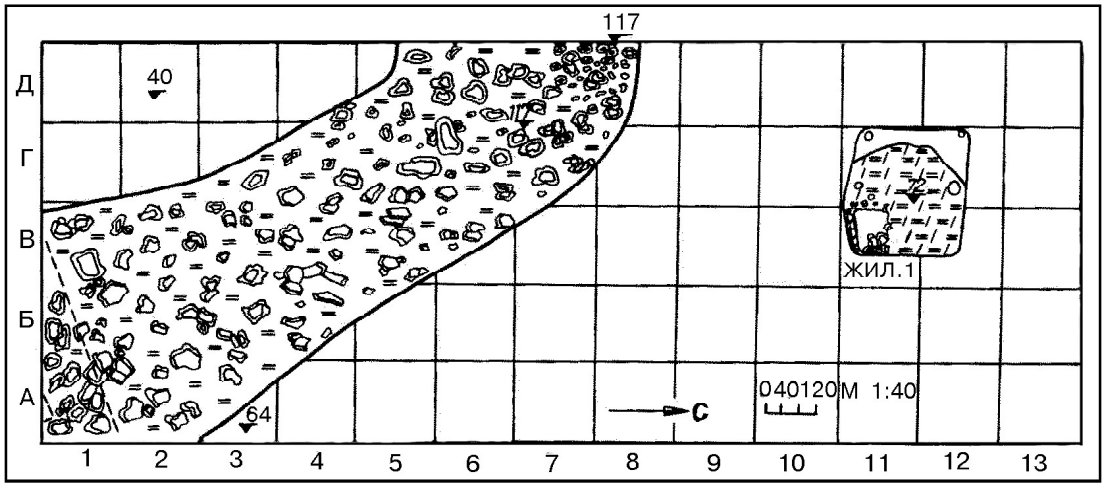


Рис. 2. Каменный развал.

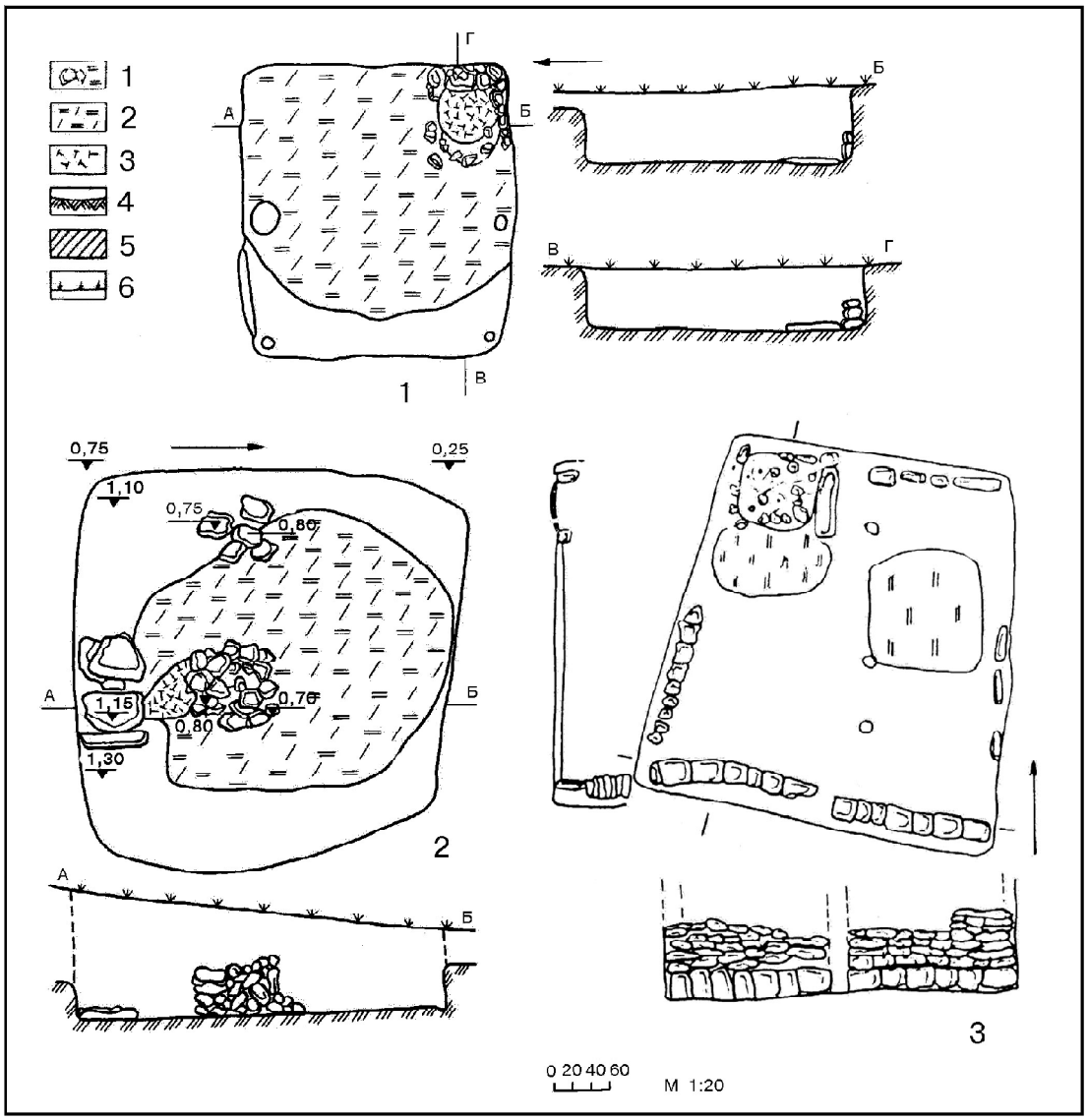


Рис. 3. Планы и разрезы жилищ:
1 — жилище 1/6; 2 — жилище 2/6; 3 — жилище 5.
1 — камни с глиной; 2 — глин. обмазка пола; 3 — под печи; 4 — материк; 5 — заполнение; 6 — дневная поверхность.

гочисленные куски глиняной обмазки с отпечатками камыша. Пол жилища обмазан слоем глиняного раствора толщиной до 1 см.

В котловане жилища были прослежены остатки двух отопительных сооружений: печи-каменки и очага. Печь-каменка была расположена в северо-западном углу жилища и примыкала вплотную к каменной облицовке стен котлована. Она состояла из камней, составляющих облицовку стен котлована и двух песчаниковых плит, образующих северную и западную стены печи. Для восточной стены была использована массивная песчаниковая плита (60 х 40 х 10 см), положенная на ребро. Устье располагалось с юга. Печь была перекрыта глиняной жаровней размером 60 х 80 см, толщиной до 4 см, которая служила для сушки зерна. Под печи, овальный в плане, размером 60 х 76 см, был покрыт слоем золы и мелких древесных углей. В печи была найдена нижняя часть кухонного горшка с орнаментом, нанесенным гребенчатым инструментом. Горшок сделан на гончарном круге, имеет на дне клеймо.

Очаг, расположенный ближе к северной стене котлована, но не вплотную к ней, был прямоугольный в плане, размером 1 х 1,04 м. Под очага, хорошо обожженный, толщиной до 5-6 см, был покрыт толстым слоем золы и мелких древесных углей. Края очага были окаймлены песчаниковыми камнями по периметру.

В заполнении жилища был найден, кроме керамики, ряд предметов быта: обломок железного ножа, две костяные проколки, астрагал-амулет с просверленным отверстием и точильный брусок из зеленого сланца. Среди керамики, найденной на дне котлована жилища, находились обломки от четырех кухонных горшков и двух столовых лощеных сосудов салтоидного типа.

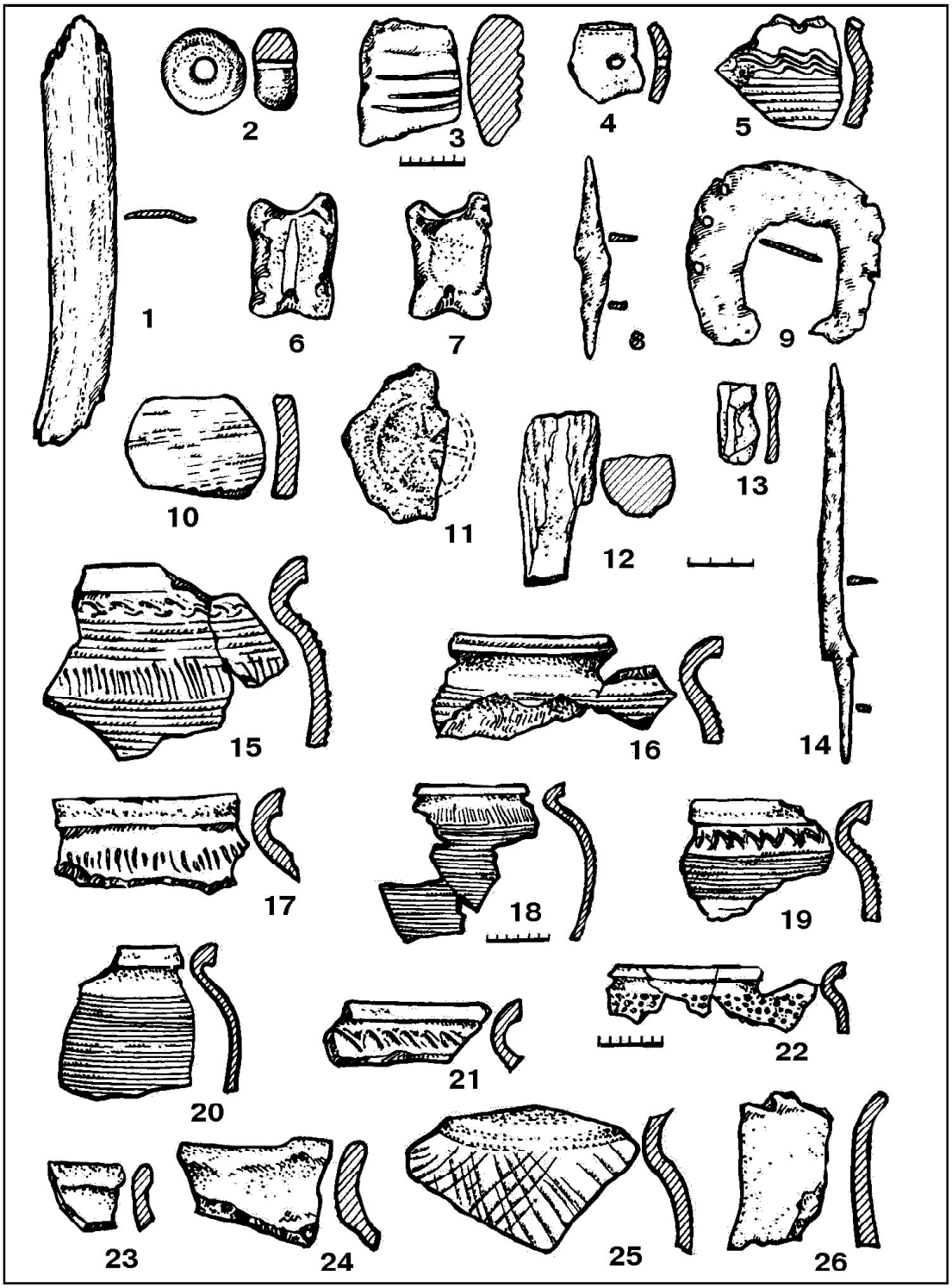


Рис. 4. Индивидуальные находки и массовый материал.
1-2 — находки из жилища 1/6; 4-5 — керамика из заполнения жилища 1/6; 6-7 — находки из жилища 2/7; 8-10 — находки из заполнения жилища 2/7; 11 — днище с клеймом; 12-14 — пластовые находки; 15-22 — кухонная керамика; 23-26 — столовая керамика.

Это жилище несколько отличается от других, найденных на этом поселении, деталями конструкции стен, с одной стороны, и наличием двух разных по типу отопительных сооружений: печью-каменкой и очагом. В жилищах, открытых в предшествующие годы, был зафиксирован только очажный тип отопительного сооружения, в то время как в раскопках 1978 г. и 1984 г. зафиксированы оба типа отопительных сооружений.

Керамика, найденная на поселении в процессе раскопок 1984 г., может быть разделена на две группы: кухонная гончарная посуда, украшен-

ная углубленным орнаментом, нанесенным гребенчатым инструментом (рис. 4: *15—22*), и столовая гончарная посуда с лощеной поверхностью и лощеным орнаментом (рис. 4: *23—26*).

Кухонная посуда изготовлена из местной глины, с примесями также местного происхождения, в основном дресвы и песка. Гончарный круг, на котором изготовлена керамика, был медленного вращения, о чем говорит ленточная техника изготовления стенок сосудов, следы на днищах подсыпки песком, подставки круга и оттиски клейм различных форм. Одно клеймо на сосуде, найденном в заполнении жилища 5, представляло собой пятиконечную звезду с ободком. Второе клеймо на днище сосуда из раскопок 1984 г. имело вид многоспицевого колеса с двойным ободком.

Кухонные горшки различаются своими размерами и профилировкой. В материалах раскопок 1978 и 1984 гг. представлены два варианта горшков. Горшки первого варианта имеют овальную форму корпуса, слегка сужаются ко дну, наибольший их диаметр — в верхней половине сосуда, что характерно для салтовских форм кухонной посуды (Плетнева 1967: 106, рис. 25: *7, 8*). В ареале салтовской культуры этот вариант горшков датируется VIII—IX вв. (Плетнева 1967: 106, тип А), хотя эта форма известна и на более поздних крымских и таманских салтовских памятниках X в. (Плетнева 1967: 106-107). Этот вариант горшков характерен и для ряда поселений на территории Румынии, так называемой культуры Дриду (Nestor 1958: 376; Comşa 1963: 107-122), и для памятников VIII—X вв. Болгарии (Дончева-Петкова 1977: 51-53, (тип III), рис.12, 131 (тип VIII, вариант А), рис.12, 149 и 151).

Горшки второго варианта имеют несколько иную форму корпуса — усеченно-коническую с выпуклыми плечиками и сильно отогнутым венчиком. Наибольший диаметр находится в верхней трети корпуса сосуда. Подобная форма характерна для сосудов славянских поселений Днестровско-Прутского междуречья и встречается в ранних памятниках типа Луки-Райковецкой (Рафалович 1972: 160-164, рис. 26, 2, 3, 9-11) и в памятниках древнерусского периода (Федоров, Чеботаренко 1974: 94, рис. 21, 4-8). Датируется она VIII—XII вв. и продолжает пражскую форму посуды еще с VI в. (Русанова 1976: 124-126, рис. 45: *2-8*).

Оба варианта горшков сделаны из одного и того же теста с теми же примесями. Такие же формы кухонной посуды известны и на других исследованных поселениях: Криничное Болградского р-на, Сафьяны Измаильского р-на Одесской обл (Кравченко 1971: 71-77, рис.2 и 5: *2*).

Несмотря на черты сходства с керамикой славян Днестровско-Прутского междуречья лесостепного региона, рассматриваемая керамика все же имеет ряд отличий, которые проявляются в типе декора, форме края венчика, в более однородном составе теста и главное — в сочетании с другой группой керамики, что не характерно для лесостепи данного региона. Нами отмечены такие отличия: венчик срезан ножом или специальным шаблоном, придающим его краю фигурный профиль, независимо от степени изгиба. Орнамент нанесен на стенках сосуда при помощи гребенчатого инструмента в виде прямых горизонтальных линий, образующих сплошной ковер. Часто линейный орнамент сочетается с волнистыми полосами, нанесенными той же гребенкой; косыми короткими линиями, проведенными острием ножа, расположенными полосой под венчиком; пучками косых линий, выполненными той же гребенкой поверх сплошного ковра горизонтальных линий в различных сочетаниях. Большая часть сосудов орнаментирована почти по всей высоте корпуса — прием, характерный для изготовления гончарной керамики этой группы на Нижнем Дунае (Дончева-Петкова 1977: 51-53, рис.12, 151) . На поселениях придунайских озер состав теста более однородный, особенно в выборе примесей: это песок и дресва, в то время как на поселениях лесостепной зоны примеси разнообразны — наряду с песком и дресвой встречается слюда, ракушки, известняк, шамот, крупный речной кварцевый песок, органические примеси (полова, солома).

Главная особенность керамики нижнедунайских поселений — сочетание этой группы посуды со столовой посудой с лощеной поверхностью или декорированной лощеным орнаментом. Она отличается от кухонной посуды прежде всего техникой обжига, формами, составом теста и назначением. Если гончарная кухонная посуда обожжена при полном доступе кислорода и от этого цвет ее поверхности имеет различные оттенки буро-коричневого цвета, то столовая посуда всегда обожжена без доступа кислорода и цвет поверхности сосудов всегда темно-серый или черный. Правда, на ряде поселений (например, Етулия VI) встречается и посуда обожженная, видимо, при частичном доступе кислорода, придающего ей красно-бурый оттенок, но этот способ обжига характерен для небольшого количества сосудов. Тесто столовой посуды всегда однородно — это хорошо отмученная глина с примесью мелкого просеянного песка. Только на поселении Криничное известны несколько фрагментов сосудов этой группы с примесью шамота в тесте. К группе столовой посуды следует отнести и некоторые сосуды, сделанные из белой глины, которые встречаются редко (Чеботаренко 1974: 177, рис. 4). Судя по аналогиям, белоглиняная посуда привозилась, видимо, из Добруджи, где она изготовлялась на базе месторождений белой глины (Barnea 1962: 349-371; Dinogeția 1967: 154-164 (grupa II-a) fig.100-102). Она встречается и на других поселениях Нижнего Подунавья (Comşa 1978: 94, fig. 101).

Формы столовой лощеной посуды разнообразней, однако на поселениях, исследованных в районе придунайских озер, встречаются не все формы, представленные на памятниках Северо-Восточной Болгарии (Дончева-Петкова 1977: 68-98, рис. 33) и в Карпато-Дунайских землях (Comşa 1978: 80-91, fig. 76-86). Здесь известны три основные формы: горшки, кувшины и амфоровидные сосуды (кувшины). Горшки представлены двумя вариантами: с овальным или шаровидным корпусом. На поселении Етулия VII встречаются в основном горшки с овальной формой корпуса. Кувшины имеют шаровидный корпус и высокое, узкое горло, соединенное с корпусом одной плоской в сечении ручкой. Амфоровидные кувшины имеют более широкое горло, соединенное с корпусом двумя ручками. Отметим при этом, что целые формы всех этих типов посуды пока не найдены. О возможности существования более широкого ассортимента форм в этой группе посуды свидетельствует находка на поселении Калфа в одном из жилищ тарелки от весов (?) с четырьмя отверстиями, расположенными симметрично по краю (Чеботаренко 1973: 25-26, рис.21).

Орнаментировалась столовая посуда при помощи лощения. Встречается сплошное лощение всей поверхности корпуса и горла сосуда (горло лощилось и внутри). Нередко на приглаженной поверхности сосуда наносился узор из косых, перекрещивающихся тонких линий в виде ромбовидной сетки, окаймленной снизу и сверху горизонтальными лощеными линиями. Реже встречаются волнистые линии, нанесенные в верхней части корпуса. Часто на днищах сосудов видны следы подсыпки мелким песком, а также клейма, подобные тем, что на кухонных горшках. На позднем этапе встречаются амфоровидные кувшины с орнаментом, прорисованным минеральной краской (Чеботаренко 1973: 25 (тип. V), рис.20). Этот прием декора используется и при украшении сосудов из белой глины. Так, на корпусе подобного кувшина, найденного на поселении Етулия VII, сохранились следы прорисованного орнамента темно-бурого цвета.

Группа столовой посуды имеет аналогии среди сосудов ареала салтовской культуры, где она датируется VIII—IX вв. (Плетнева 1967: 114-128, рис.28-31, табл.2). Там нет только посуды из белой глины, аналогии которой имеются в Болгарии (Акрабова-Жандова 1955: 504; Чангова 1957: 280-282, табл.VIII-XI; Дончева-Петкова 1977: 68-98), Добрудже (Barnea 1962: 349-371; Dinogeţia 1967: 154-164) и на памятниках типа Дриду в Румынии (Comşa 1978: 80-91). В нижнедунайском регионе столовая посуда датируется VIII — X вв. На поселении Диногеция эта керамика известна в культурных слоях конца X в., датируемых монетами Иоанна Цимисхия и Василия II, но встречается она редко и составляет небольшой процент от общего количества всей посуды, найденной в жилищах конца X — начала XI в. (Dinogeţia 1967: 204, fig.131). На этом поселении столовая посуда к середине XI в. полностью исчезает, в то время как кухонная керамика продолжает существовать и позднее. На поселениях ареала культуры Дриду в Румынии, по последним данным, столовая и кухонная посуда исчезают в конце X в. (Comşa 1978: 97-108). Эта закономерность прослежена нами и на ряде поселений степной части Днестровско-Прутского междуречья (Чеботаренко 1982: 7-37).

Поселение Етулия VII имеет ряд общих черт со славянскими поселениями VIII — X вв. степной части Днестровско-Прутского междуречья: Фрекэцей, Криничное, Кислица, Сафьяны и др. (Кравченко 1971: 71). Общие черты проявляются в керамике и в некоторых других элементах материальной культуры. В первую очередь следует отметить место расположения поселений — на берегу придунайских озер, в узкой полосе прибрежной террасы или узкой полосе склона небольших речушек. Основным типом жилища на этих поселениях является полуземлянка. Характерным отопительным сооружением была печь-каменка (иногда в сочетании с очагом) и подбойная глинобитная печь. На поселении Етулия VII в процессе раскопок 1978 г. в жилище 5 найдены вместе два типа отопительных сооружений (печь-каменка и очаг). В 1976 г. на этом же поселении были открыты три жилища с очагом (№ 1—3), а в 1984 г. — два жилища с печами-каменками (жилища 1/6 и 2/7).

Характер находок на поселении Етулия VII позволяет считать, что в материальной культуре поселений VIII—X вв. южной части Днестровско-Прутского междуречья прослеживается присутствие элементов славянской и салтовской культур.

Дальнейшие исследования поселений данного круга позволят более четко расчленить этнические слагаемые этой культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

Акрабова-Жандова И. 1955. Работильница за рисувана керамика на юг кръглата църква в Преслав // Изв. на Археол. институт БАН София т.20.

Дончева-Петкова Л. 1977. Българска битова керамика през раното средновековие. Втората половина на VI — край на X в. София.

Йовков С.М. 1981. Етулия VII – новоисследованный памятник балкано-дунайской культуры // АИМ в 1974-1976 гг. Кишинев.

Кравченко А.А. 1971. Поселение IX-X вв. н.э. у села Сафьяны // МАСП.

Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев.

Русанова И.П. 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян VI-XIII вв. // АКМ. Кишинев. Т.6.

Чангова И. 1957. Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав. // ИАИ. Т.21.
Чеботаренко Г.Ф. 1973. Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре. Кишинев.
Чеботаренко Г.Ф. 1974. Поселение Етулия VI // АИМ в 1972 г. Кишинев.
Чеботаренко Г.Ф. 1982. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. Кишинев.
Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А. 1981. Каменное сооружение на поселении Етулия VI // АИМ в 1974-1976 гг. Кишинев.
Barnea I. 1962. Ceramica din cariera de creta de la Basarabi (reg. Dobrogea) // SCIV vol. 13 № 2.
Comşa M. 1963. Cu privire la evoluţia culturii balcano-dunarene in secolele IX-XI // SCIV vol.14, № 1.
Comşa M. 1978. Cultura materială veche românească (Aşezarile de la Bucov-Ploieşti). Bucureşti.
Dinogeţia. 1967. Aşezarea feudala timpurie de la Bisericuţo-Garvan. Bucureşti.
Nestor I. 1958. Contributions archeologigues au protoroumains: La civilisation de Dridu // Dacia N.S. vol.2.

О.Г.Левицкий, В.П.Хахеу, С.С.Рябцева

ДЖУРДЖУЛЕШТСКАЯ НАХОДКА В ЗЕРКАЛЕ ЮВЕЛИРНОЙ МОДЫ X-XI ВВ.

O.G. Leviţkii, V.P. Haheu, S.S. Ryabtseva. Giurgiulesti Find in the Mirror of Jewellery Fashion of X-XI centuries.

The article is dedicated to a child's burial found in 1997 during excavations on Giurgiulesti grave ground. The grave contained a bright and unusual for Moldova set of grave goods. The authors collected a vast number of analogues for the most significant find in this complex – globular embossed buttons decorated with granules. All analogues of the find from Giurgiulesti come from horde of silver decorations of the middle X-XI centuries, placed along a large arc embracing basins of Vistula, Danube, Dniester and Dnieper.

The article makes a reconstruction of a silver jewellery head dress of the middle X – early XI cc., which was worn together with a dress decorated with silver buttons decorated with granules. This dress could consist of: «Wolyn' ear rings»; necklaces made of silver beads decorated with granules, semi-globular and crescent-shaped pendants; wire bracelets with disjoint or knit ends; rings with semi-globular shield.

Such vast geography of spread of these complexes with similar goods provides evidence of a common fashion existing in the middle X - early XI cc. for ceremonial jewellery dress, spread among the elite over a vast territory from Poland to Dnieper. Spread of these types of decorations is due to both migration of western Slavs to the east and movement of silver along the network of roads connecting basins of Dnieper, Dniester, Western Boug, Danube and Vistula.

Decorations of this style on territory of the Eastern Europe seemed to be made by masters of Wolyn'-Kiev and Dniester workshop centres, while prototypes of decorations used in the dress of middle X – early XI cc. mainly come from Western Slavic antiquities of Danube lands of IX c.

В 1997 г. в связи с постройкой Джурджулештского Терминала производились археологические раскопки на многослойном памятнике в местности Стына луй Мокану на окраине с. Джурджулешты (самый южный пункт Республики Молдова — карта 1, 1). Памятник расположен на юго-западной окраине села на левом берегу р. Прут (Leviţki, Haheu 1999: 121). В результате полевых работ были выявлены материалы, относящиеся к нескольким культурно-хронологическим горизонтам. В настоящее время уже введены в научный оборот данные, происходящие из могильника позднегальштадтского времени (Leviţki, Haheu 1999: 121-134), готовятся к публикации результаты раскопок позднеримского слоя (культура Черняхов — Сантана де Муреш). Данная же статья посвящена наиболее яркой находке, выделяющейся среди немногочисленных материалов средневекового времени, найденных в Стына луй Мокану, — захоронению девочки 6-7 лет, сопровождающемуся своеобразным погребальным инвентарем.

Захоронение (погребение №6) было совершено в грунтовой яме на глубине 0, 6 м, ориентировано в направлении запад-северо-запад (274 °). Скелет располагался на спине в вытянутом положении, правая рука — вдоль корпуса, левая слегка согнута в локте. Погребальный инвентарь, состоявший из четырех серебряных тисненых пуговиц (?) и набора бус и подвесок-раковин, размещался в виде двух скоплений: в районе ключиц (в основном, с правой стороны) — детали ожерелья, и на уровне бедренных костей — пуговицы (?) и детали ожерелья (рис. 1). Необходимо оговориться насчет атрибуции серебряных шаровидных украшений с трубчатыми ушками для подвешивания и тисненой гроздью в нижней части. В литературе подобные зерненые ювелирные изделия интерпретируются по-разному: и как подвески, и как пуговицы (например, Bona 1964: 159 — как подвески; Корзухина 1954: 85; Пушкина 1996: 181 — как пуговицы). В нашем случае расположение их вдалеке от зоны основного скопления деталей ожерелья заставляет предположить, что это были все же пуговицы, а не подвески к ожерелью. Возможно, в данном случае, они ничего не застегивали, а носили чисто декоративную функцию — украшали подол или планку верхнего укороченного нарядного платья, надевавшегося поверх длинной рубахи или нижнего платья (Рабинович 1986: 60). Подобным образом — по подолу одежды иногда располагались в костюме и бубенчики (Мальм, Фехнер 1967: 141). Итак, мы будем в работе обозначать данный тип украшений как пуговицы, не отрицая и возможной интерпретации их как подвесок.

© О.Г.Левицкий, В.П.Хахеу, С.С.Рябцева, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Состав погребального инвентаря

Пуговицы серебряные тисненые шаровидные с трубчатыми ушками, украшенные зернью:

4 экземпляра — 2 целых и 2 фрагментированных (Исторический музей г. Кишинев. inv. 1178-1182.) (d-2, 2 см., l — 3, 5 см.).

Пуговицы состоят из трех деталей. Центральная — тисненый шарик-тулово, верхняя и нижняя части которого уплощены. К шарикам припаяны, сверху — ушко, свернутое из листка металла, а снизу — тисненая гроздевидная подвеска-пирамидка (рис. 2: *2, 3, 6, 7*; рис. 3: *1*). При одинаковости оформления всех пуговиц данного набора длина ушек у них несколько различается (две подвески с более длинными ушками — 1, 2 см, две с более короткими — около 1 см в длину). Ушки подвесок укреплены по краям одной или двумя рядами серебряной проволоки. Центральные шарики покрыты десятью ровными горизонтальными рядами крупной зерни, напаянной на проволочные колечки. Нижняя пирамидка оттиснута в виде двух продольных половинок и представляет собой четыре полусферы в верхней части и одну в нижней.

Характерной особенностью работы ювелира, изготовившего этот набор пуговиц, можно считать то, что он прикрывал места спайки деталей россыпью мелкой зерни, которая не выстраивается в определенную геометрическую композицию, а предназначена, на наш взгляд, именно для закрытия швов. Интересно, что на одной из пуговиц линия подобной мелкой зерни расположена и в центре пуговицы, в этом же месте читается сбой в размещении рядов крупной зерни и вставка серебряной пластинки. По-видимому, при изготовлении пуговицы возникли какие-то неполадки. Мастеру пришлось прибегать к укреплению изделия вставкой металла, а мелкой зернью он прикрывает возникший во время изготовления украшения брак.

Бусина серебряная ажурная (inv. 11782) (d 1,1/1,7см.) . Бусина овальная, слегка приплюснутая, выполнена в виде проволочного каркаса (рис. 2: *1*). Каркас довольно рыхлый, свободный. По бокам — проволочные колечки, сквозь которые продевалась нитка ожерелья. К колечкам крепятся овальные проволочные «лепестки», спаянные в центре бусины. На каждый «лепесток» напаяно по два крупных шара зерни, крепящихся к проволочному колечку, аналогичными шариками зерни декорированы и места спайки «лепестков».

Бусины золото-стеклянные (7 экз. inv. 11773) (d 0,9/1 см.). Бусины цилиндрические с небольшим расширением в средней части (рис. 2: *8-14*). По наблюдению Ю.Л.Щаповой, золотой или серебряный слой, украшающий подобные бусы, представляет собой не металлическую фольгу, а пластинки стекла, окрашенные в золотой цвет окислами стекла (Щапова, Дайга 1961:193).

Бусины стеклянные призматические (2 экз. inv. 11773)(d 0,6/0,8). Выполнены из желтого стекла, сильно коррозированы (рис. 2: *4, 5*).

Бусины сердоликовые (4 экз. inv. 11773)(d. 0,9/1,5; 1/1,5; 1/1, 8; 1,3/1,5 см.). Бусины призматические, три экземпляра — десятигранные и одна — четырнадцатигранная (рис. 2: *15, 16, 20, 21*).

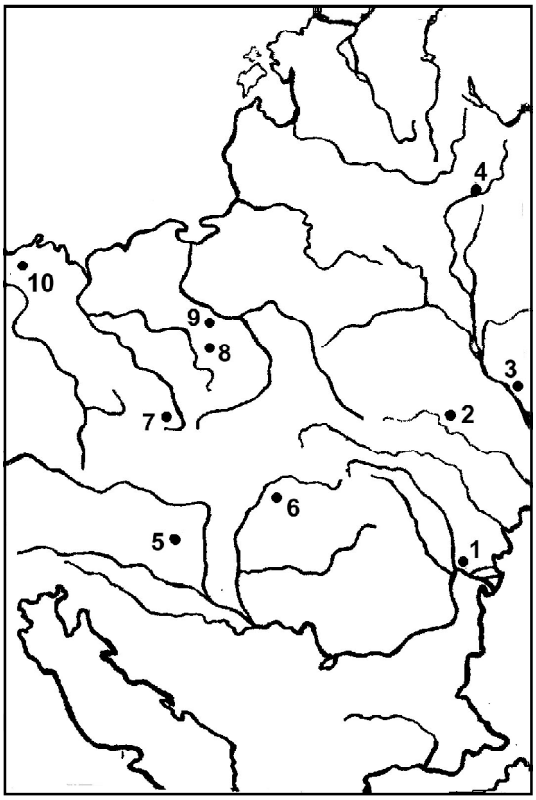
Бусина из горного хрусталя овальная подграненная (1 экз. inv. 11773)(d. 1, 2/1 см.) (рис. 2: *22*).

Раковины каури (3 экз. inv. 11773)(d. 1,5/2 см) (рис. 2: *17-19*).

Серебряные зерненые пуговицы: интерпретация и аналогии.

Из всего набора инвентаря погребения № 6 безусловно наибольший интерес представляют серебряные тисненые пуговицы, покрытые зернью. Необходимо отметить уникальность находки подобного типа крупных шаровидных зерненых пуговиц с трубчатыми ушками в составе погребального комплекса. Сами по себе пуговицы для погребений, конечно, вещь заурядная, но принадлежат они, как правило, к совершенно другим типам (это разнообразные варианты пуговок-бубенчиков). Весь круг аналогов находке из Джурджулешт происходит из кладов серебряных украшений середины X-XI вв., расположение которых описывает широкую дугу, охватывающую бассейны Вислы, Дуная, Днестра и Днепра.

Наиболее близкой аналогией молдавской находке являются пуговицы из клада серебряных украшений XI в., найденного в 1902 г. в Даруфальва (совр. Австрия) (Bona 1964:159, taf. II,29-35). Аналогия эта весьма близкая, но не точная, так как есть небольшие морфологические и декоративные отличия (рис. 3: *1, 3*). Так, джурджулештские пуговицы оканчиваются тисненой гроздью, а пуговицы из Даруфальвы — одним тисненым полушариком. Кроме того, ушки пуговиц, найденных в Даруфальве, украшены зерневыми композициями – поясками зерни по краю и двумя вариантами зерневых треугольников в центре (на молдавской же находке — бессистемная зернь в месте шва). Помимо семи шаровидных пуговиц в состав данного комплекса входило двадцать девять тисненых колоколовидных пуговиц с тремя вариантами декора, выполненного из зерни и накладной серебряной проволоки. В австрийском кладе также представлены: полая гривна с шарнирным креплением, украшенная тисненными розетковидными расширениями; серебряный браслет с несомкнутыми концами, выполнен-



Карта. 1—Джурджулешты 1997 г. (могильник); 2—Копиевка Винницкий окр. Киевская обл. 1928 г. (клад); 3—Денис Переяславского у. Полтавской губ. 1888 г. (клад); 4—Гнездово близ Смоленска 1993 г. (клад); 5—Даруфальва Драсбург, Бургенланд 1902 г. (клад); 6—Токай 1896 г. (клад); 7—Весолки воеводство Калиские (клад); 8—Дзежкица воеводство Познанское (клад); 9—Машенице окр. Вроцлава (клад); 10—Квилице-Мекленбург (клад).

ный из граненого дрота; серебряные бусы (три лопастные и две бипирамидальные, украшенные треугольниками зерни); четыре каменных бусины (из них три — сердоликовые).

Аналогичные джурджулештским, зерненые шаровидные пуговицы с трубчатыми или проволочными ушками, украшенные сканью, зерненными треугольниками и ромбами, происходят из нескольких польских кладов XI-XII вв. (Машенице, Весолки, Дзежница) (Slaski-Tabaczynski 1959: taf. XII, 2, taf. XXII, taf. V; Kocka-Krenz 1993: 93). Причем, в кладе Машенице (окр. Вроцлава) представлено то же сочетание шаровидных (рис. 3: *2*) и колоколовидных тисненых пуговиц с трубчатым ушком, украшенных зернью, что и в кладе из Даруфальвы. Найдены подобные шаровидные пуговицы и в Мекленбург Квилице (Kiersnowsky 1959: taf. XVII,2).

В Поднепровье шаровидные зерненые пуговицы представлены в Денисовском кладе 1912 г., Копиевском кладе 1928 г. и Гнездовском кладе 1993 г. (Корзухина 1954: №18, табл. VIII, №16; Лінка-Геппенер 1948:184, табл. II 3, 4; Пушкина1996:181, рис. V). Эти клады принадлежат ко второй группе древнерусских кладов, по классификации Г.Ф. Корзухиной, датирующейся серединой X — началом XI вв. и характеризующейся весьма устойчивым набором украшений (Корзухина 1954:22-23). По составу вещевого инвентаря к этой же группе комплексов может быть отнесен и клад из Даруфальвы (состав польских находок отличается рядом своеобразных черт). Возможно пуговицей является и фрагментированное серебряное украшение, декорированное рядами зерни, происходящее из клада Спанка 1913 г. (Петербургской губ.), датируемого несколько более поздним временем — XI в. (Корзухина 1954: №56, табл. XXVII, 17).

В Денисовском кладе (Полтавской губ.) найдены 6 половинок от крупных шаровидных тисненых пуговиц с трубчатыми ушками (одна половинка украшена рядами крупной, остальные — мелкой зерни (С. Петербург. ГЭ инв. №1019/14)). В нижней части пуговицы оканчиваются одной или тремя тиснеными полусферами (Корзухина 1954: табл. VIII, 1-6) (рис. 3: *4-7*). Кроме того, в кладе представлены: фрагменты пяти непарных серебряных «волынских» сережек типов «С» и «D» (Рябцева 1999:345, 346); плоский серебряный медальон с трубчатым ушком, украшенный тиснеными полушариками и треугольниками зерни; серебряные бусы (2 украшенные тиснеными колпачками и пояском зерни и 1 подражание лопастной); фрагменты серебряных украшений и проволоки. Монетная часть клада содержит 5400 единиц, датируемых 805/6-1002/26 гг. (419 целых, 4960 обломков и 21 брактеат), среди которых выделяются дирхемы и подражания им, западноевропейские монеты и подражания им, византийские монеты и подражания им, индийские и русские монеты (Владимира и Ярослава) (Корзухина 1954:85).

В Копиевском кладе (Киевская обл.) было найдено 9 маленьких круглых серебряных пуго-

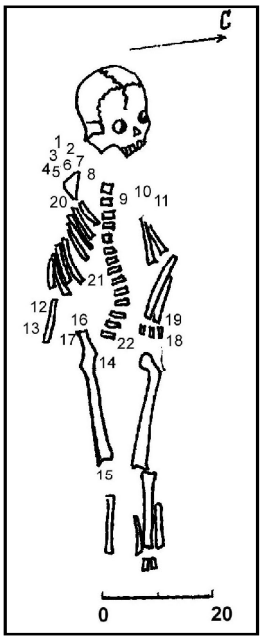


Рис. 1. Погребение № 6 Джурджулештского могильника. Номера соответствуют номерам на плане погребения. 1,3,4 — раковины каури; 2 — бусина из горного хрусталя; 5-7, 16, 19, 20, 21 — бусины золото-стеклянные; 8, 9, 22, 12 — бусины сердоликовые; 10 — бусина серебряная ажурная; 11, 13-15 — пуговицы серебряные; 17, 18 — бусины стеклянные.

виц с узкими трубчатыми ушками. Пуговки покрыты плотными рядами мелкой зерни и украшены литым шариком в нижней части (рис. 3: *9*). В собрании Национального музея истории Украины эти пуговки хранятся нанизанными на дужки «волынских» серег (рис. 3: *8*), однако это, по всей видимости, позднейшая компиляция двух разных видов украшений (Лінка-Геппенер 1948:184, табл. II 3, 4; Корзухина 1954:84; Строкова 1997:62). Кроме пуговиц и 27 экземпляров «волынских» серег типов «В» и «С» (Рябцева 1999:345) в кладе представлены: серебряная штампованно-филигранная лунница; серебряные бусы (лопастные и одна овальная зерненая); гривна серебряная плетеная с завязанными концами; 5 дротовых серебряных браслетов (один из них с завязанными, остальные с несомкнутыми концами); 2 серебряных перстня с полусферическими щитками; 2 серебряных слитка. Монетная часть клада состоит из 500 дирхемов 549-945/55 гг., часть из которых превращена в подвески (Лінка-Геппенер 1948:182-190; Корзухина 1954:84).

В Гнездовском кладе середины X в., найденном в 1993 г. при работах археологической экспедиции МГУ им. Ломоносова, содержится 8 экземпляров небольших округло-каплевидных тисненых пуговиц (d -14-15 мм.) с ушками, выполненными в виде двойной проволочной петли (Пушкина 1996: 181, рис. V, 1-3; Ениосова, Пушкина 1997: 85). В нижней части пуговок расположен полукруглый выступ, покрытый плотными горизонтальными рядами зерни. Среди гнездовских пуговиц выделяются два варианта. Первый вариант — пуговицы, состоящие из двух гладких тисненых половинок, верхняя из которых покрыта горизонтальными рядами скани, нижняя – различными вариантами композиций , составленных из зерневых треугольников (6 экз.) (рис. 3: *11,13*). Второй вариант — пуговицы, состоящие из тисненых половинок со слабовыраженным продольным делением на четыре овальные дольки. Это деление акцентируется и вертикальными рядами зерни, зернью обрамлено и основание ушка (2 экз.) (рис. 3: *12*). Кроме пуговиц в состав клада входили: 6 экземпляров волынских серег типа «А» (Рябцева 1999:340); 6 экземпляров широкорогих штампованно-филигранных лунниц; 3 плоские и 4 полусферические штампованно-филигранные подвески; литые зооморфная и монетовидные подвески; литой крестик «скандинавского типа»; бусы серебряные 6 экз. (одна ажурная, остальные тисненые, украшенные зернью);

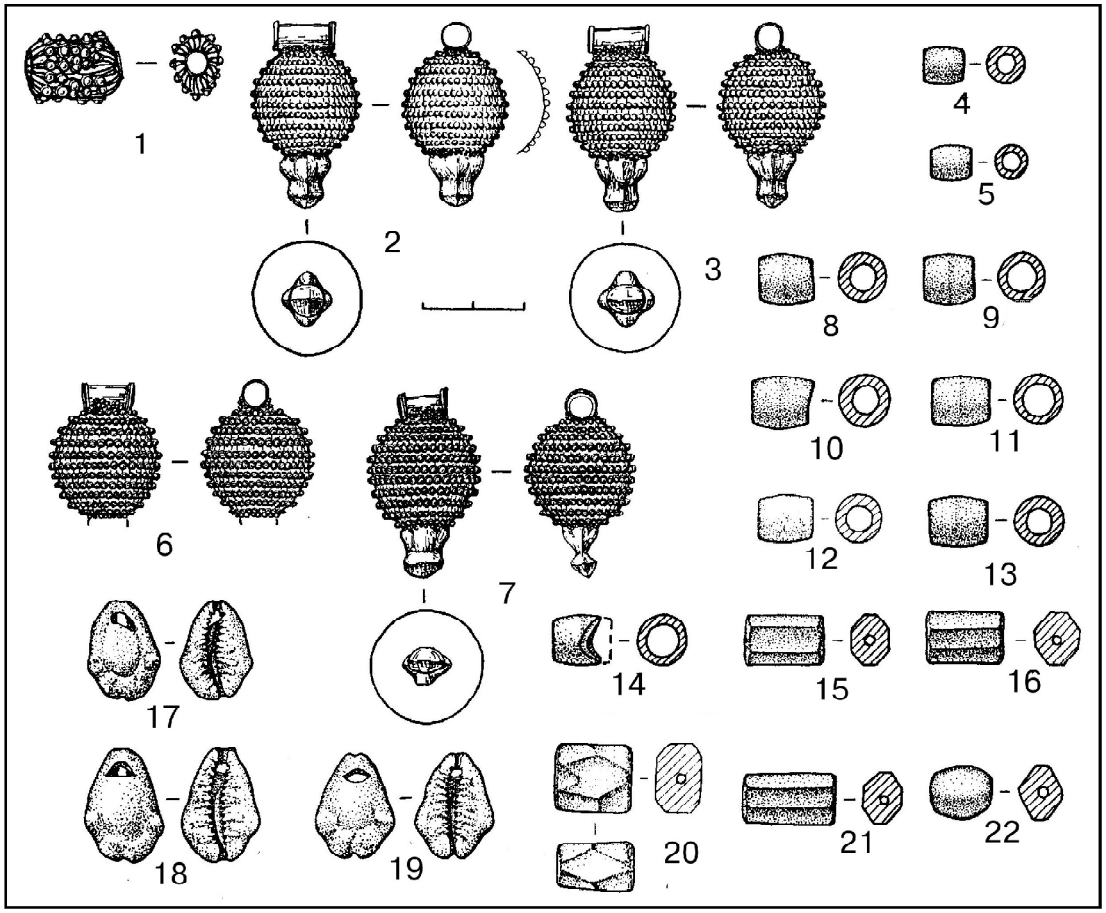


Рис. 2. Инвентарь погребения № 6. Джурджулештского могильника: 1 — Бусина ажурная (серебро); 2, 3, 6, 7 — Пуговицы (серебро); 4,5,8-14 — Бусины (стекло); 15, 16, 20, 21 — Бусины (сердолик); 17-19 — Раковины Каури; 22 — Бусина (горный хрусталь).

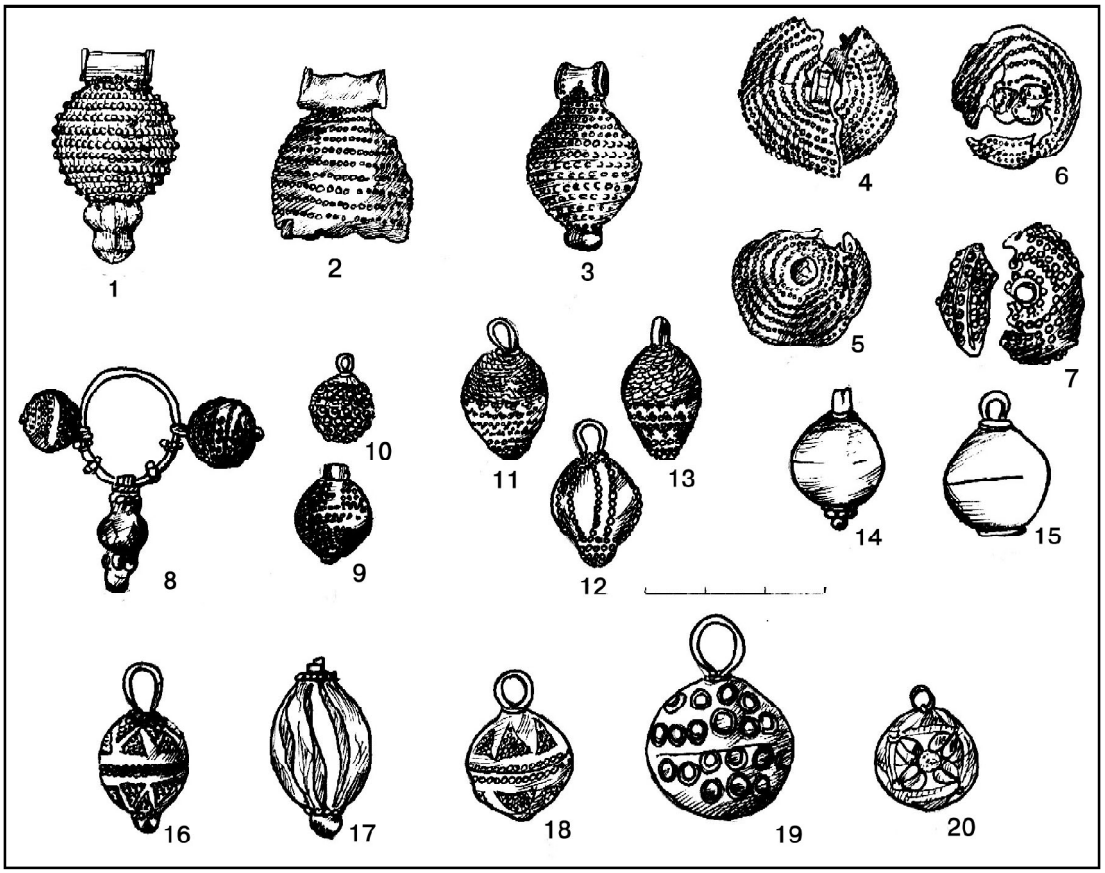


Рис. 3. 1 — Джурджулештский мог. погр. 6 (Молдова); 2 — клад Машенице (Польша) (по Slaski J.- Tabaczynski St. 1959); 3 — клад Даруфальва (Венгрия) (по Bona I. 1964); 4-7 — клад Денис (Украина) (по Корзухина Г.Ф. 1954); 8, 9 — клад Копиевка (Украина) (по Лінка-Геппенер Н. 1948); 10 — Триль. (Далмация) (по Juric R. 1986); 11-13 — клад Гнездово (Россия) (по Пушкина Т.А. 1996); 14 — мог. Удрай II погр.1. (Россия) (по Равдина Т.В. 1988); 15 — клад Белогостино (Россия) (по Спицын А.А. 1905); 16, 17, 19, 20 — мог. Старый Коуржим (Чехия) (по Šolle M. 1959); 18 — могильник Микульчицы (по Poulik 1960).

бусы стеклянные (263 экз.); бусы каменные (сердоликовые — 5 экз., хрустальная шарообразная, янтарная биконическая); ременные разделители; набор из 14 гирек-разновесов. Монетная часть клада представлена 72 дирхемами чеканки 899-950/951 гг. (40 из них превращены в подвески, в 2-х пробиты отверстия, к остальным приклепаны ушки, часть из которых орнаментирована) (Пушкина 1996: 172; Фомин 1996: 187; Пушкина 1996а: 80).

Упрощенной репликой изящных пуговиц из Гнездовского клада можно считать гладкие тисненые пуговки с проволочными ушками, выполненные из серебра или белого металла и оканчивающиеся пирамидкой зерни (рис. 3: *14*), находимые, например, в погребениях на могильнике Удрай II (Новгородской обл.), в том числе и с западноевропейскими монетами конца X — первой четверти XI вв. (Равдина 1988:119, 120, табл. II, 6). Аналогичная пуговка (но без зерневой грозди) (рис. 3: *15*) была найдена в составе Белогостицского клада (окр. г. Ростова Великого) XI — начала XII вв. (Спицын 1905: 157, рис. 119; Корзухина 1954: №63). Этот клад содержит и украшения (лунницы, полусферическая подвеска, зерненые бусы), имеющие истоки в уборе середины X — начала XI вв.

Женский убор с серебряными пуговицами: культурно-исторический контекст.

На основании приведенных выше описаний комплексов, содержащих аналогии находке из Джурджулешт, довольно легко реконструируется тот серебряный ювелирный убор середины X — начала XI вв., который носился совместно с платьем, украшенным круглыми серебряными пуговицами, декорированными зернью. В состав данного наряда могли входить: «волынские серьги» всех типов; ожерелья, составленные из серебряных бусин (гладких, лопастных, круглых и овальных зерненых, ажурных проволочных), полусферических и лунничных подвесок; дротовые браслеты с несомкнутыми или завязанными концами; перстни с полусферическим щитком. Находимые в составе кладов гривны могли принадлежать мужчинам, поэтому, мы не включаем их в состав данного убора. Зачастую сопровождался этот серебря-

ный убор и низкой пастовых и каменных бусин (среди которых представлены сердоликовые и горнохрустальные).

Широкая география распространения находок комплексов с подобным инвентарем свидетельствует, на наш взгляд, о нескольких взаимодополняющих друг друга процессах. Во-первых, это существование в середине X — начале XI вв. единой моды в парадном ювелирном уборе, распространенной среди знати на обширной территории от Польши до Днепра. Во-вторых, распространение данных типов украшений обязано, безусловно, не только передвижению западных славян на восток в этот период (Пушкина 1987: 54-56; Рабинович, Рябцева 1997: 240), но и движению серебра, одной из магистралей распространения которого была система путей, связывающая бассейны Днепра, Днестра, Западного Буга, Дуная и Вислы (об этом см. Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997; Рабинович 1999).

Что касается центров изготовления украшений этого стиля, кроме общепризнанного исследователями волынско-киевского существовал вероятно еще и днестровский центр. Наличие этого центра документируется находкой на городище Екимауцы в Молдове остатков ювелирной мастерской, а также набора зерненых ювелирных украшений, в который входят лунница, круглые полусферические подвески, серебряные бусины, а также самая представительная подборка серег «волынского типа» «С», известная на территории Восточной Европы (Федоров 1953:125; Рябцева 1999:345). Несколько фрагментов «волынских» серег было найдено и на Бранештском могильнике (Археологический музей г. Одесса. Инв. 83270, 83274).

На территории Польши в этот период происходил процесс аккумуляции и оседания в виде кладов ювелирных украшений, поступавших с территории Руси и Чехии, а также изготовлявшихся местными мастерами в этом же зернено-филигранном стиле. Выделяются локальные разновидности «волынских» серег, лунниц, круглых подвесок и т. д. (Kostrzewski 1962; Zak 1968; Kocka-Krenz 1993; Malachowska 1998; Рябцева 1999: 340; Рябцева 2000: 121). Причем, только на территории Польши шаровидные зерненые пуговицы доживают до XII в., в остальных регионах позже XI в. они не встречаются.

Прототипы для украшений, входивших в состав убора середины X — начала XI вв., в основном, происходят из западнославянских древностей Подунавья IX в. (Рябцева 1999, там же литература). В качестве прототипов для зерненых пуговиц могут быть предложены украшенные зернью подвески и пуговицы из великоморавских погребений Старого Коуржима или Микульчиц (Šolle 1959: obr. 64,1,2; Poulik 1960: tab. XXI, XXV; Пушкина 1994: 182) (рис. 3: *16-20*), а также усыпанные зернью круглые пуговки с проволочными ушками из Триля (Далмация) (Juric 1986: 259, tab. IV, 13) (рис. 3: *10*) .

Пуговицы из Джурджулешт уникальны благодаря нижней гроздевидной части и представляют собой, на наш взгляд, своеобразный гибрид различных типов украшений. Трубчатые ушки безусловно характерны для подвесок, шаровидное тулово — для бусины или пуговки, а вот нижняя гроздевидная часть весьма вероятно является упрощенной репликой нижней гроздевидной части «волынской серьги». Только у «волынских серег» гроздь собиралась из нескольких отдельных шариков, а здесь — оттиснута из двух половинок (рис. 3: *1* и 3: *8*).

Остальной же инвентарь погребения № 6 Джурджулештского могильника отличается довольно большой долей стандартности. Он четко ложится в тот же временной интервал, что и серебряные зерненые пуговицы, тем самым, подтверждая датировку захоронения серединой X — началом XI вв. Так, боченковидные и цилиндрические золото-стеклянные бусы изготовлялись на Руси в рамках общеевразийской моды на подобные украшения большими сериями и в изобилии встречаются на территории Восточной Европы в составе ожерелий и в виде отдельных находок в погребениях с монетами X — XI вв. (Равдина 1988). В Старой Ладоге подобные бусы представлены на уровне построек горизонта Д и выше (X-XI вв.) (Львова 1968:79). Широко распространены в этот период в западно- и восточнославянских землях и призматические сердоликовые и шаровидные горнохрустальные бусы, хотя встречаются они, как правило, в количестве нескольких экземпляров и не так часто как стеклянные (Лихтер, Щапова 1991: 244-258). Металлические ажурные каркасные бусины, украшенные зернью, представлены в этот период несколькими разновидностями и характерны, в основном, для южных и центральных регионов Руси (своеобразные варианты ажурных бус встречаются и в западнославянских древностях). Наличие в составе ожерелья раковин каури указывает, скорее всего, на то, что девочка из джурджулештского погребения была захоронена в свадебном уборе (подобные подвески характерны именно для девичьих захоронений).

Таким образом, на наш взгляд, погребальный инвентарь погребения №6 Джурджулештского могильника свидетельствует о включенности Карпато-Днестровского региона в X — XI вв. в контекст общей моды на ювелирные украшения и детали одежды, распространенной на обширной территории от Повисленья до Подунавья и Поднепровья. Причем, на территории современной Молдовы существовал, по-видимому, один из центров по изготовлению металлических украшений этого стиля.

ЛИТЕРАТУРА

Гущин А.С. 1936. Памятники художественного ремесла древней Руси X-XIII вв. М.-Л.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 1997. Сканные и зерненые украшения кладов Гнездова. // Ювелирное искусство и материальная культура. Т.д. участников третьего коллоквиума. С. Пб. Гос. Эрмитаж. 24-26.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М. 244-258.

Лінка-Геппенер Н. 1948. Копиівський скарб. // Археологія. Київ. Т. 2. С. 182-190.

Львова З.А. 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги. // АСГЭ. Вып. 10. С. 64-94.

Мальм В.А, Фехнер М.В. 1967. Привески-бубенчики.// Труды ГИМ. Вып. 43. М. 133-141.

Новикова Е.Ю. 1990. О серьгах «екимауцкого типа». // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Тр. ГИМ. Вып. 74. М. С. 107-117.

Пушкина Т.А. 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса. // ТР. V МКСА. Киев. 18-25 сент. 1985., т. III, вып. 16. М. С. 50-57.

Пушкина Т.А. 1996а. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. М. С. 171-186.

Пушкина Т.А. 1996. Новый Гнездовский клад.// Отчетная сессия ГИМ. М. С. 79-80

Рабинович М.Г. 1986. Древнерусская одежда IX-XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. 40-62.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. // Stratum +. Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев. С.236-245.

Рабинович Р.А. 1999. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. // Stratum plus № 6. СПб-Кишинев-Одесса. С. 263-275.

Равдина Т.В. 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Рябцева С.С. 1999. «Близнецы» или «двойники». О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег. // Stratum plus. №5. С-Пб-Кишинев-Одесса. С. 338-356.

Рябцева С.С. 2000. Круглые полусферические подвески. // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.д. III Международной археологической конференции 14-18 марта 2000. Самара. С. 121-125.

Спицын А.А. 1905. Белогостицкий клад 1836 г. // ЗОРСА, т. VII, в. 1. СПб. С. 154-159.

Строкова Л.В. 1997. К вопросу о технике изготовления серег «волынского типа». // Ювелирное искусство и материальная культура. Т.д. участников четвертого коллоквиума. СПб. Гос. Эрмитаж. С. 61-62.

Федоров Г.Б. 1953: Городище Екимауцы. // КСИА, вып. 50. С. 104-126.

Фомин А.В. 1996. Куфические монеты Гнездовского клада. // Древнейшие государства Восточной Европы. М.

Щапова Ю.Л., Дайга И.В. 1961. Стеклянные бусы и браслеты Асотинского городища. // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига.

Bóna I. 1964. Der sibershatz von Darufalva. // Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest. T. XVI, fasc. 2. P. 152-169.

Jurič R. 1986. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije. // Izdanja Hrvatskog arheoloskog drustva, 11/2 str. 245-289.

Kiersnowscy T.-R. 1959. Wezesnosredniowieezne skarby srebrne z Pomorza. Warszawa-Wroclaw.

Kocka-Krenz. 1993. Bizuteria pólnocno-zachodnioslovanska we wczesnym sredniowieczu. Poznan.

Kostrzewski J. 1962. O pochodreniu ozdob srebrnych z polskich skarbov wrzecnosredniowiecznych // Slavia Antiqua. T. IX Poznan.

Leviţki O, Haheu V. 1999. Necropola hallstattiană tîrzie de la Giurgiuleşti. // Studia in honorem Ion Niculiţa. Chişinău.

Malachowska S. 1998. Wczesnosredniowieczne zawieszki pólksiezycowate znalezione na terenie Ziem Polskich. // Archeologia Polski, t. XLIII, z. 1-2. S. 37-123.

Poulik J. 1960. Starí moravané buduji svuj stát. Krajské nakladatelství. Gottwaldov.

Slaski J.- Tabaczynski St. 1959. Wezesnosredniowieezne skarby srebrne Wielkopolski. Warszawa-Wroclaw.

Šolle M. 1959. Knizeci pohrebiste na Stare Kouzim. // Pamatki Archeologicke. Praha. T. L:2.

Zak J. 1968. Les pendentifs en forme de croissant (lunules) sur les territoires slaves occidentaux et en scandinavie du X au XII siecle. // Archeologia Polona, X. s. 212-216.

Г. Атанасов, В. Йотов, Г.В. Засыпкина, Н.Д. Руссев

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА РУЙНО – КАРТАЛ-КАЛЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

G.Atanasov, G.Zasypkina, V.Yotov, N.Russev. Research of a Settlement at Ruino – Kartal-kale (Preliminary Report).

The article gives preliminary results of archaeological research carried out by the expedition of the High Anthropological School on the medieval fortress of Ruino – Kartal-Kale (Bulgaria) dated by the epoch of the First Bulgarian Kingdom. The article provides general description of the site, including its topography, constructional peculiarities of defence and dwelling features, main categories of archaeological finds. The author gives a complete report on one of the closed dwelling complexes. They also give a preliminary chronological and historical interpretation of the site. The fortress is dated by IX-XI centuries. It was twice destroyed in the course of its life: during Svyatoslav's wars (968-971) and during nomadic raids (first half of XI century).

В августе — сентябре 2000 г. в Болгарии на территории общины Дулово (Силистренская область) работала первая зарубежная экспедиция археологов из Молдовы. Усилиями студентов Высшей Антропологической школы[1] под руководством авторов данной статьи были начаты планомерные археологические исследования одной из староболгарских крепостей региона. На выбор объекта полевых изысканий в значительной мере повлияла и реальная опасность разрушения памятника, отмеченная при осмотре городища весной 2000 г. К этому времени дубовый лес на территории крепости оказался вырубленным. Предполагавшаяся выкорчевка пней неминуемо бы привела к сильным разрушениям культурного слоя при активизации деятельности всякого рода кладоискателей. Работа молдавско-болгарской экспедиции, нашедшая эффективную поддержку руководства общины[2], существенно снизила эти губительные последствия.

В научной литературе городище именуется «Руйно» (по современному названию находящегося примерно в 3 км к северо-западу села). Местным жителям то же урочище известно как «Картал-кале» — по-турецки «Орлиная крепость». Она расположена на высоком мысу, огибаемом извилистым каньоном – сухим руслом исчезнувшей реки Сенебир. С северной и южной сторон к мысу подступают практически неприступные скалистые склоны. Главный вход в город находился в восточной части укрепления, где на узком перешейке (по обе стороны от него обрывы особенно отвесны) заметны остатки привратных башен. Тут и теперь проходит дорога, пересекающая крепость с востока на запад. За крепостью на поросшем лесом пологом западном склоне хорошо видны десятки западин – следы углубленных в землю сооружений. Здесь располагался обширный посад (по предварительным данным, до 10 га).

Каменная стена, следуя конфигурации самого высокого участка местности, обрамляет его и образует внушительное по размеру неправильной формы крепостное сооружение (площадь примерно 4,5 га). В некоторых местах оборонительная линия проложена по самому краю обрыва. У западной стены, которая в силу топографических условий являлась самой уязвимой, были построены дополнительные укрепления — пять каменных башен, расположенных на расстоянии около 40 м друг от друга (рис.1).

[1] В работе экспедиции принимали участие: Е.Зверев, Д.Топал, А.Алексеев, А.Колодницкий, С.Замарь, А.Бурян, Е.Вельчев, Р.Кужба и С.Штефанко.

[2] Особую благодарность участники экспедиции выражают П.Добреву и Б.Маринову, без сердечной заботы которых полевые работы не были бы столь успешными, а впечатления от досуга — столь яркими.

© Г. Атанасов, В. Йотов, Г.В. Засыпкина, Н.Д. Руссев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

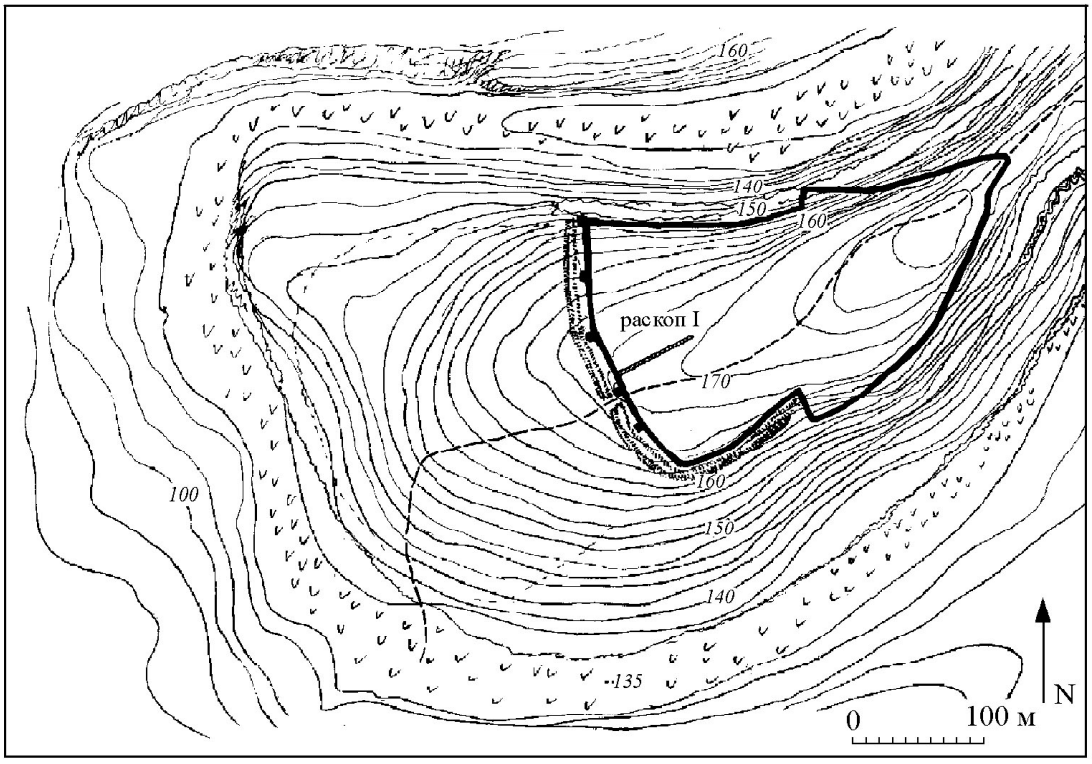


Рис. 1. План крепости Руйно – Картал-кале.

Каменные стены Картал-кале описывал еще К.Шкорпил, однако объектом специального внимания памятник стал намного позже. Первые археологические раскопки проводись на городище в 1975 г. Автор этих исследований, ныне известный знаток материальной культуры Юго-Восточной Европы эпохи раннего средневековья Р.Рашев, открыл небольшой участок у южной стены. В этой части он отметил остатки еще трех башен, а также расположенный в изломе стены выход, ведущий к находившемуся близ реки источнику. На внутренней поверхности стены исследователь зафиксировал высеченный на одном из камней «староболгарский знак» – единственный тогда для сооружений такого типа. В ходе кратковременных работ болгарскому археологу удалось выявить целый ряд характерных черт городища. Он определил размеры стены, особенности фортификационной кладки, составил представление о рве и вале, окаймляющих крепость с запада и отчасти с юга. Внутри крепости в 5 м от стены была обнаружена полуземлянка с вкопанной в пол круглой печью. Полученные данные, включая представленный большим количеством фрагментов керамический материал, позволили ученому прямо связать историю городища с Первым Болгарским царством и датировать его IX-XI вв. (Рашев 1982: 141, 143; Табл. L, 3; LII, 3-5).

Полевые исследования 2000 г. охватили сравнительно небольшой участок территории крепости, а также оборонительные сооружения (крепостные стены и одну из башен). В западной части памятника раскоп I представляет собой траншею шириной 2 м, разбитую перпендикулярно западной крепостной стене, по линии юго-запад-запад — северо-восток-восток, и ориентированную на вход в крепость. Раскоп был разделен на секторы площадью 2 × 5 м, пронумерованные арабскими цифрами начиная от крепостной стены. При выявлении сооружений, выходящих за пределы траншеи, раскапываемая площадь расширялась прирезками. Общая площадь раскопа I, вскрытая за сезон 2000 г., включает 13 секторов, что составляет вместе с прирезками около 180 м^2 (рис. 2).

Грунт на территории памятника плотный, глинистый, с включениями известняковых камней. Верхний слой толщиной 0,10-0,15 м образован вязким черноземом с примесью глины. Основной пласт составляет глина желто-коричневого цвета, лежащая на известняковой скальной породе. Мощность слоя глины на разных участках памятника неодинакова. На участке, вскрытом раскопками, он достигает, по-видимому, не менее 1,5 м. На глубине более 1 м в глине наблюдается значительная примесь известковой крошки. Толщина культурного слоя на раскопе I вне комплексов составляет около 0,40 м. Судя по отдельным находкам (фибула, монета, единичные обломки керамики), мыс являлся местом обитания людей еще с античного времени. Вместе с тем, на раскопанном

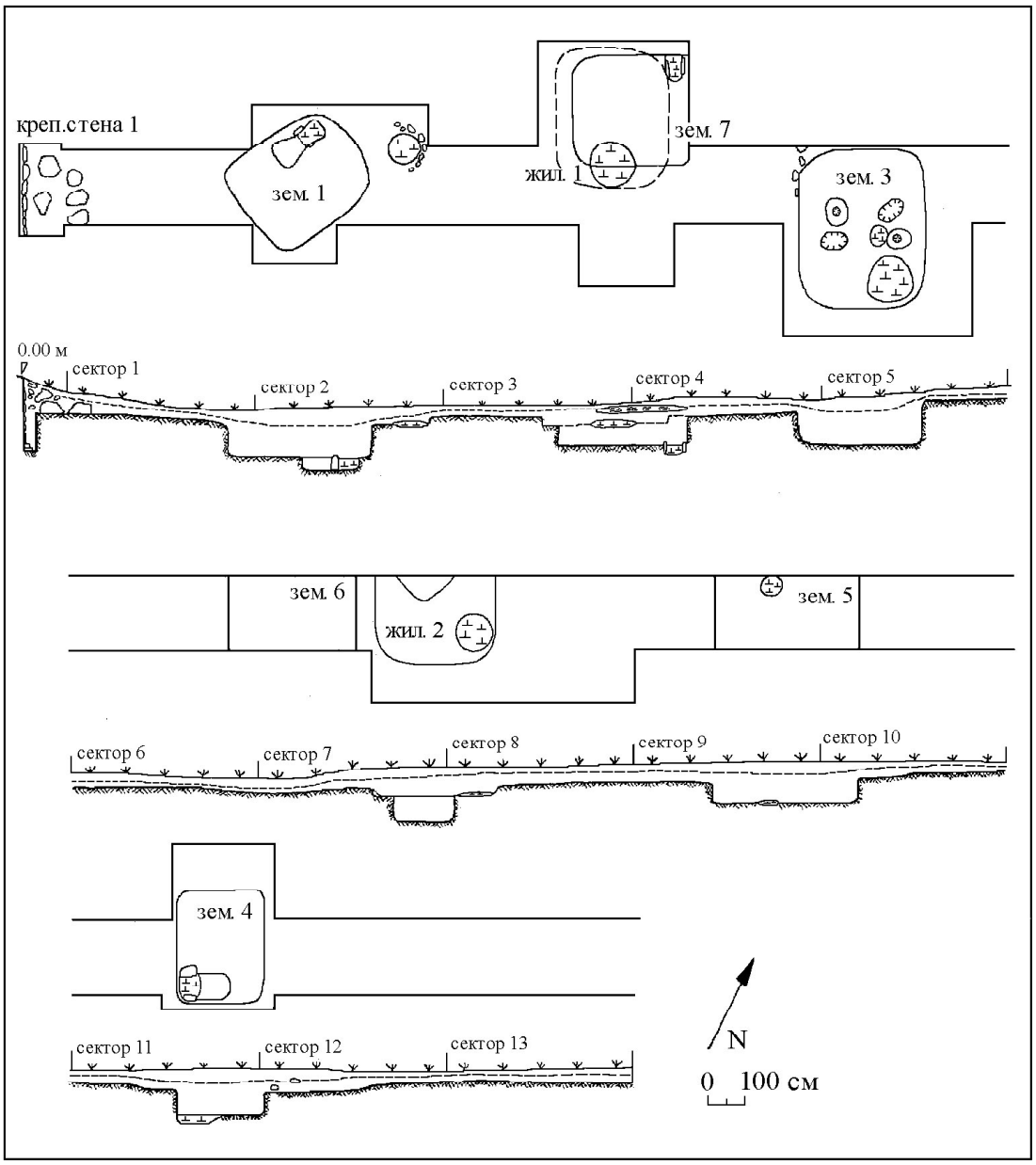


Рис. 2. План раскопа I.

участке памятника экспедиция открыла исключительно раннесредневековые комплексы.

Оборонительные сооружения крепости Руйно исследовались на трех различных участках памятника. Расчистка крепостной стены была предпринята, в первую очередь, в секторе 1 раскопа I, вплотную примыкающем к ее внутренней лицевой стороне. Второй, основной и самый обширный, участок исследования крепостной стены и башни был разбит в 20 м на юго-восток от первого, в том месте, где стена прерывается современной дорогой. Третий расположен в юго-восточной части крепости, где была обнаружена дополнительная внутренняя стена.

В западной части сектора 1, перед стеной, был обнаружен плотный завал известняковых камней крупных (до 40-60 см в длину и 30-35 см в ширину) и средних размеров. Он был образован обрушившейся верхней частью крепостной стены. Некоторые камни носили явные следы огня, что говорит о пожаре на данном участке стены во время штурма крепости.

После расчистки завала был открыт внутренний фасад крепостной стены. Она сложена из крупных грубо обработанных известняковых камней различных размеров (до 50 × 80 см). Выше уровня материка сохранилось только два ряда камней кладки на высоту до 0,60-0,70 м. Ниже этого уровня было обнаружено еще три

ряда крупных камней, лежащих на фундаменте. Фундамент высотой 0,25-0,30 м сложен из плоских камней размером в среднем 30 × 20 × 10 см и выступает из-под стены на 0,20-0,25 м. Высота сохранившейся кладки крепостной стены на этом участке в целом составляет, вместе с фундаментом, 1,70 м.

Исследования на втором участке проводились с целью выяснения размеров и конструкции крепостной стены и башни. Вдоль стены, с внешней и внутренней стороны, было разбито два шурфа длиной 1,50 м и шириной 0,50 м каждый. Внешняя лицевая сторона стены здесь сохранилась на высоту 0,60-0,70 м от уровня материка, внутренняя – на 0,50-0,60 м. Ширина стены составляет около 3,50 м. Внешний вид кладки практически не отличается от такового на первом участке.

С внешней стороны крепостной стены были расчищены остатки башни, квадратной в плане, размером приблизительно 6х6 м, которая конструктивно не соединялась со стеной. Башни подобной конструкции ранее исследовались в синхронной крепости Скала (Йотов, Атанасов 1998: 11-17).

Поиск стен башни был затруднен, так как она оказалась разрушенной почти до основания, которое перекрывалось мощным каменным завалом от ее рухнувшей верхней части. Он был расчищен с северо-западной и юго-восточной стороны, но выяснение конструктивных особенностей башни не было завершено. По-видимому, сохранилось только два нижних ряда кладки, лежащих на материковом грунте без фундамента. Башня, как и крепостная стена, сложена из крупных грубо обтесанных известняковых камней, неодинаковых по размеру и форме.

Расчистка внешнего фасада крепостной стены была продолжена с противоположной, северо-западной стороны от башни. Здесь насчитывается шесть рядов камней кладки, высота стены составляет 1,70 м, но фундамент отсутствует. Наиболее крупные камни (около 50 × 40 см) лежат в основании стены, образуя два нижних ряда; верхняя часть кладки сложена из камней меньших размеров (в среднем от 40 × 30 до 25 × 20 см).

На третьем участке, в юго-восточной части крепости, исследовалась дополнительная крепостная стена, возведенная с внутренней стороны от главной. Было разбито два шурфа площадью по 1 × 0,5 м с ее внутренней и внешней стороны. Стена сохранилась на высоту 0,60-0,70 м, ее ширина 2,80 м. Она сложена также из грубо обработанных известняковых камней крупного (до 50 × 60 см, в среднем 40 × 30 см) и среднего размера. Кладка лежит на плотном слое мелких камней, который, по-видимому, является естественным материковым образованием, а не искусственным основанием стены. Надо отметить, что кладка здесь выглядит менее упорядоченной, чем у внешней крепостной стены; может быть, дополнительная стена возводилась наспех, перед лицом внезапной опасности.

В ходе раскопочных работ экспедиции обнаружено шесть землянок и два наземных жилища. Последние, очевидно, относятся к более позднему горизонту жизни на Картал-кале, так как каждое из них частично перекрывало землянку. Все сооружения имеют четырехугольную форму – прямоугольную или квадратную, обычно с немного скругленными углами. Почти все они ориентированы параллельно или перпендикулярно траншее (следовательно, и западной крепостной стене), за исключением землянки № 1, расположенной диагонально по отношению к ней. Землянки невелики. Их размеры по площади поля колеблются от 3,10 × 3 м (зем. № 4) до 4,10 × 3,30 м (зем. № 3). Глубина от современной дневной поверхности, соответственно, от 1 – 1,10 м до 1,40 м. Пол в некоторых землянках (зем. №№1, 3, 4, 7 [3]) был обмазан смесью глины с известковым раствором, отличающейся от материкового грунта (желто-коричневой глины) большей плотностью и светло-желтым оттенком. В полу всех землянок были обнаружены столбовые ямы, количество и расположение которых очень различно. Размеры наземных жилищ в плане близки к размерам землянок: 3 × 3 м (жил. № 1) и 3,60 × 2,40 м[4] (жил. № 2). Они заглублены в материк на 0,15-0,25 м, так что глубина от современной дневной поверхности составляет около 0,60 м.

При раскопках наземных жилищ № 1 и № 2, а также землянки № 3 обнаружены остатки кладок из необработанных известняковых камней. В случае с наземными жилищами они имели вид каменного завала, лежащего над заполнением их заглубленной части. Землянка № 3 была окружена по периметру грядой крупных камней, которые лежали по краю ее заполнения на глубине около 0,30 м от современной дневной поверхности. По-видимому, эти каменные кладки служили для укрепления наземных конструкций некоторых жилых сооружений.

В заполнении землянок и наземных жилищ в значительном количестве содержатся продукты горения: угли, куски обожженной обмазки, железный и стеклянный шлак. Их особенно много в зем. № 1 и № 3 и жил. № 1, расположенных ближе других к крепостной стене. На

[3] Жилище № 2 было сначала принято за землянку и обозначено как зем. № 2. Во избежание путаницы при шифровке материала, нумерация землянок, обнаруженных позже (зем. № 3 и далее), не была изменена, за сооружением сохранен № 2, а второе наземное жилище, в действительности выявленное позже, было обозначено как жилище № 1.

[4] Жилище № 2 уходит северной стороной в борт раскопа, так что его ширина, вероятно, несколько больше.

полу и в нижних слоях заполнения некоторых землянок (зем. № 1 и № 7 — последняя была обнаружена непосредственно под жил. № 1) отмечены прожоги, которые не являются остатками очагов. Все это свидетельствует о том, что жилые сооружения обоих строительных горизонтов, по крайней мере, вблизи крепостной стены, были уничтожены пожаром.

При расчистке жилых комплексов открыты отопительные сооружения трех видов: печи с каменным куполом, печи с глиняным подом и открытые очаги. Печи-каменки зафиксированы только в землянках (зем.№№ 1, 4 и 7), заглублены в пол на 0,20-0,30 м и состоят из двух частей: топочной камеры, над которой сооружался купол, и притопочной ямы, куда выгребали золу; последняя обычно имеет бóльшие размеры, но меньшую глубину. Изнутри они были обмазаны смесью глины с известковым раствором. Сверху их перекрывали каменные завалы от разрушенных куполов; по бокам сохранились в первоначальном положении крупные камни (высотой около 30 см), поставленные на ребро.

Печи с глиняным подом и открытые очаги использовались, по-видимому, как в землянках, так и в наземных жилищах. Одна из таких печей, больших размеров, но частично разрушенная, найдена в землянке № 3. Хорошей сохранностью отличался глиняный под печи с каменной обкладкой, обнаруженной вблизи северо-восточной стенки землянки № 1 на уровне материка (глубина 0,40 м). Мелкие камни были вмазаны в глину по краям круглого пода диаметром 0,80 м, более крупные выложены вокруг печи полукругом с северной стороны, противоположной землянке. Печь могла относиться и к более позднему наземному жилищу, сооруженному над землянкой, границы которого не прослеживаются. Остатки разрушенного пода третьей печи, также выложенной по краю камнями, перекрывали южный край жилища № 1, хотя и в этом случае нет полной уверенности в том, что печь относится именно к этому сооружению. Открытые очаги обнаружены в жилище № 2 и в землянках № 5 и № 3. В землянке № 3 наличие наряду с печью еще и открытого очага указывает, по-видимому, на продолжительное использование землянки и наличие двух периодов ее существования.

Находки из культурного слоя раскопа I и заполнений жилых построек представлены различными категориями вещей: это инструменты и предметы быта, украшения и металлические аксессуары костюма, культовые предметы, наконечники стрел, монеты и др. Среди украшений преобладают фрагменты стеклянных браслетов. В основном, это тонкие, овальные в сечении браслеты из прозрачного синего стекла различных оттенков — темно-синего, сине-зеленого, голубого. На некоторых изделиях сохранился спиральный орнамент белого цвета или видны следы стершегося орнамента в виде спирали или, реже, волнистой линии. Единственным фрагментом представлен массивный полихромный браслет, круглый в сечении, изготовленный из перевитых жгутов глухого белого и полупрозрачного синего и красного стекла. По стратиграфическим данным они датируются финальным этапом обитания крепости – началом XI в. Характерны находки бронзовых серег и перстней. Они были найдены, в основном, фрагментированными, за исключением только одного перстня. На перстнях встречаются выгравированные изображения символического характера (например, пентаграмма на перстне из зем. № 4), что представляет довольно распространенное явление для данного периода и региона. Особый интерес представляет перстень с печатью, содержащей грекоязычную надпись в овальной рамке. Обнаружена одна подвеска от серьги, биконической формы, свитая из тонкой биметаллической проволоки из меди и серебра. Встречаются бронзовые крестики, круглые оловянные медальоны с изображением креста в центре, бронзовые нашивки на одежду в форме креста или сердечка. Довольно многочисленны бронзовые пряжки, а в зем. № 4 был найден бронзовый поясной набор, включавший пряжку и три сердцевидные бляшки с рельефным орнаментом.

Из предметов быта самыми типичными находками являются железные ножи, различные железные инструменты, точильные бруски из серо-зеленого сланца, костяные шила и пряслица. На одном фрагментированном пряслице сохранилась роспись красной краской по светлой глине. В жил. № 1 было найдено два идентичных свинцовых пряслица биконической формы с рельефным орнаментом в виде двух семиконечных звезд, обрамляющих отверстие с обеих сторон. Под каменным завалом, лежавшим над жил. № 2, была обнаружена костяная ложка – уникальная находка, ранее не встречавшаяся на памятниках данного типа. К довольно редким находкам относятся также горловина бурдюка (?) из рога оленя, а также глиняная пробка, подошедшая к одному из отверстий данного изделия, из зем. № 4.

Наконечники стрел происходят, в основном, из первых секторов раскопа, примыкающих к крепостной стене, в том числе из верхних слоёв заполнения зем. № 1. Все они железные, черешковые. Преобладают широкие плоские наконечники листовидной или ромбической формы, но встречаются также стержневидные четырехгранные острия, специально предназначенные для пробивания кольчуги.

К средневековому горизонту памятника, несомненно, относится и медная византийская монета, найденная на небольшой глубине вне закрытых комплексов. Монета принадлежит к анонимным фоллисам класса Е (рис.3). На её аверсе помещено погрудное изображение

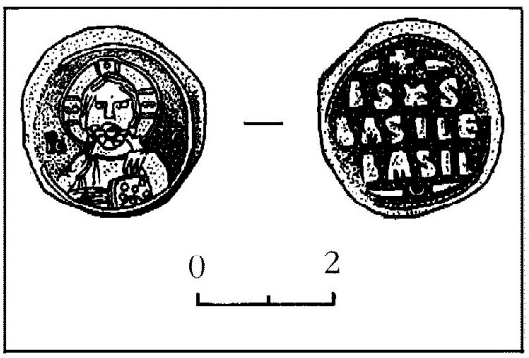


Рис. 3. Анонимный фоллис класса E.

Иисуса Христа в ореоле нимба. Пантократор держит двумя руками Евангелие. На реверсе хорошо читается трехстрочная греческая легенда: «Иисус Христос – царь царей». Данный тип фоллисов исследователи относят к третьей четверти XI в. В числе возможных эмитентов назывались Феодора, Исаак I. Однако точка зрения, согласно которой фоллисы группы E чеканились в правление Константина X (1059-1067), считается наиболее обоснованной (Bellinger, Grierson 1973: 688-689; Sear 1974: Nr. 1855).

Керамика, составляющая основной объем массового материала памятника, представлена несколькими типами, различными по происхождению и технологии изготовления. Преобладает керамическая посуда местного производства, изготовленная на медленном гончарном круге. Наиболее обильно представлены горшки т.н. «славянского» типа: с врезным орнаментом в виде горизонтальных или волнистых линий, а также сетки, иногда в сочетании с наколами или оттисками ногтя. Она составляет более 80 % от общего количества фрагментов керамики, включая все типы, присутствующие на памятнике. Представленные формы датируются временем от конца IX до начала XI в. На днищах некоторых горшков обнаружены клейма. Обычна и черная или серая лощеная керамика т.н. «салтовского» или «протоболгарского» типа (7,3 %). В основном, это горшки с небольшими парными ручками, иногда с пролощенным орнаментом в виде горизонтальных линий или косой сеточки, но большей частью неорнаментированные. Редко встречаются вертикальные венчики мисок, оформленные снаружи валиком. Далее, в порядке убывания, следуют фрагменты глазированных сосудов (0,7 %) – больших амфоровидных горшков, кувшинов, мисок – и фрагменты керамики из каолиновой глины (0,2 %), на которых иногда сохраняются остатки росписи красной или коричневой краской. Импортная византийская керамика, изготовленная на быстром гончарном круге, представлена фрагментами красноглиняной столовой посуды (кувшины, миски, кубки – 10,7 %) и обломками светлоглиняных амфор (0,6 %) двух типов – с гладкой и с рифленой поверхностью.

Керамическая коллекция с памятника представлена почти исключительно фрагментами. Единственной археологически целой формой является реставрированный горшок с пролощенным орнаментом в виде косой сеточки в верхней части. Кроме того, в придонных слоях зем. № 1 найден развал крупного чернолощеного сосуда, который был реставрирован не полностью (отсутствует дно). В устье печи этой же землянки был обнаружен развал горшка с врезным орнаментом, на дне которого лежала кость птицы. Аналогичная находка была сделана и в печи зем. № 7, где среди фрагментов горшка с врезным орнаментом попадались кости рыбы. Из импортной керамики была реставрирована только верхняя часть красноглиняного кубка, найденная в слое.

В отличие от керамики местного производства (особенно «славянского» и «протоболгарского» типов), присутствующей повсюду в культурном слое и комплексах, импортная керамика встречается главным образом в верхних слоях памятника и почти отсутствует в заполнении землянок. Это указывает на то, что она относится к его позднему хронологическому горизонту.

Костные остатки в культурном слое памятника сравнительно немногочисленны и разрозненны. Только в № 3 было найдено скопление крупных костей лошади, лежавших в сочленениях. Встречаются также куски железного и стеклянного шлака, глиняная обмазка, угольки.

В культурном слое на глубине до 0,40 м массовый материал, в том числе керамический, распределяется относительно равномерно, но в заполнении землянок и наземных жилищ насыщенность материалом очень различна. Так, зем. № 1 отличалась исключительным обилием фрагментов керамики, тогда как в заполнении № 7, за исключением самого дна и печи, она практически отсутствовала.

В районе крепостной стены материала очень немного. Помимо немногочисленных фрагментов керамики, относящихся к уже перечисленным типам, между камнями кладки в секторе 1 было найдено изделие из рога, а на участке возле башни — бронзовая нашивка сердцевидной формы.

Ввиду того, что полевые исследования памятника находятся в начальной фазе, и предлагаемая информация носит предварительный характер, ограничимся полной публикацией только одного комплекса. Это землянка № 4, которая по своему устройству вполне типична для данного памятника, а также представляется наиболее интересной с точки зрения набора обнаруженных в ней находок. Сооружение открыто в секторах 11 и 12, и так как его северная часть выходила за пределы траншеи, на этом участке была сделана прирезка.

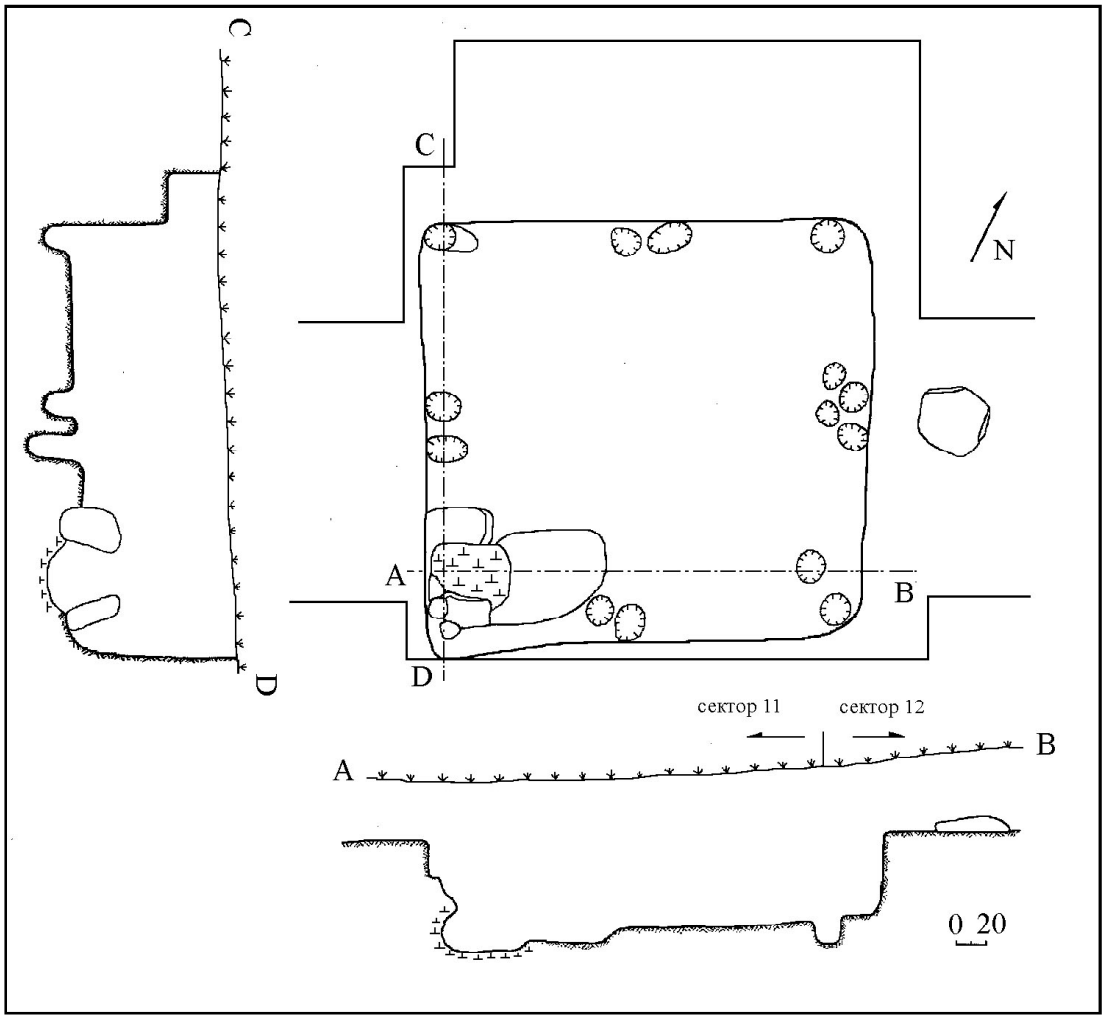


Рис. 4. План и профили землянки № 4.

Землянка имеет почти правильную квадратную форму со слегка закругленными углами. Ее стенки ориентированы параллельно траншее и западной крепостной стене, а углы – по сторонам света, с небольшими отклонениями. Размеры землянки в плане 3,10 × 3,00 м, глубина от современной дневной поверхности 1,00 – 1,10 м (рис. 4). Пол был обмазан смесью известкового раствора с глиной. В полу, по периметру сооружения, было обнаружено 14 столбовых ямок. В отличие от других землянок, здесь они расположены группами. В каждом углу находилось по одной ямке, кроме восточного, где их две, а у середины каждой стены – по две ямы, кроме северо-восточной, где их четыре. В южном углу землянки находилась печь-каменка, сооруженная вдоль юго-восточной стены. Ее длина в целом 1,30 м, размеры топочной камеры 0,60 × 0,45 м, глубина от уровня пола 0,17 м, притопочной — 0,70 × 0,60 м, глубина 0,10 м. Купол над ней был разрушен, но в основании сохранилось в первоначальном вертикальном положении несколько крупных плоских камней высотой 30-35 см. В печи, среди камней и золы, были найдены фрагменты керамики с врезным орнаментом.

Набор вещей, обнаруженных в землянке № 4, включает, наряду с типичными, также и уникальные для нашего памятника находки.

1. Бронзовый поясной набор, включающий три бляшки (инв. №№ 113, 114, 115, глубина от современной дневной поверхности 1,10 м, рис. 5:*1-3*) и пряжку с двойной рамой (инв. № 112, глубина та же, рис. 5: *4*). Размеры пряжки 2,7 × 2,3 × 0,2 см. Бляшки удлиненной сердцевидной формы, 2,7 × 1,7 см, со стилизованным растительным орнаментом двух видов. Две из них идентичны; вероятно, на поясе бляшки с одинаковым орнаментом чередовались в определенном порядке.

2. Фрагментированный бронзовый перстень (инв. № 105, глубина 0,70 м, рис. 5: *5*). В центре, на плоском щитке, выгравировано изображение пентаграммы в круге. Между лучами звезды расположено по пять точек. По обе стороны от нее, за пределами круга, изображено по одной небольшой звездочке с шестью линейными радиальными лучами. Длина фрагмента

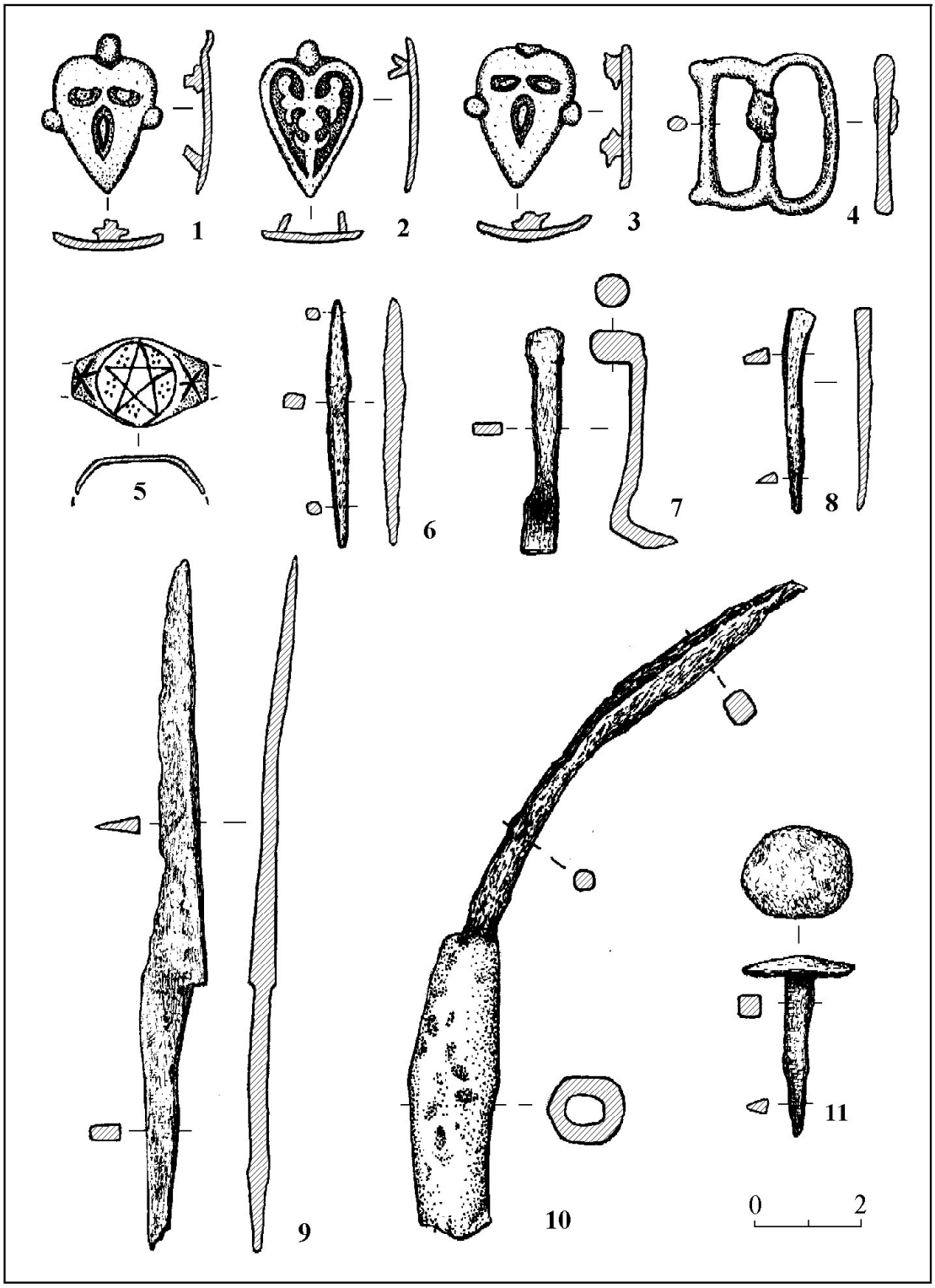


Рис. 5. Металлические изделия из зем. № 4: 1-4 — бронзовый поясной набор; 5 — бронзовый перстень; 6 — железный наконечник стрелы; 7, 8 — фрагменты железных пряжек (язычки); 10 — железный инструмент; 11 — железный гвоздь.

2,2 см, ширина в центральной части 1,5 см, по краям 0,6 см, толщина 0,1 см.

3. Железный наконечник стрелы стержневидной формы, четырехгранный в сечении, предназначенный для пробивания кольчуги (инв. № 103, глубина 0,60 м, рис. 5: *6*). Длина 4,2 см, размеры в сечении 0,4 × 0,3 см.

4. Железный язык от пряжки (инв. № 116, глубина 1,10 м, рис. 5:7). Длина 3,8 см, размеры в сечении 0,5 × 0,2 см.

5. Железный предмет продолговатой формы, в сечении с расширенной стороны подтрапециевидный, с узкой — трехгранный (инв. № 106, глубина 0,70 м, рис. 5:*8*). Длина 3,5 см, максимальная ширина 0,5 см, толщина 0,2 см. Возможно, фрагмент языка пряжки.

6. Железный нож с прямой спинкой (инв. № 111, глубина 0,80 м, рис. 5:*9*). Лезвие узкое, слегка расширяется к рукояти, переход от спинки лезвия к черенку моделирован в виде прямого угла. Длина ножа 11,5 см. Длина лезвия 7,1 см, ширина 0,5 – 1,1 см, толщина до 0,3-0,5 см; длина рукояти 4,4 см, форма в сечении подпрямоугольная, размеры в сечении 0,5 × 0,3 см,

7. Железный инструмент с полой свинцовой (?) рукоятью (инв. № 104, глубина 0,20 м, рис. 5: *10*). Рабочая часть стержневидная, изогнутая, в сечении четырехгранная, у основания округлая. Ее длина 8,5 см, размеры в сечении 0,5 × 0,5 см, диаметр у основания 0,4 см. Длина рукояти 5,1 см, размеры в сечении 1,4 × 1,2 см, ширина отверстия 0,6 × 0,5 см. Возможно, этот инструмент предназначался для плетения сетей.

8. Железный гвоздь (инв. № 118, глубина 1,0 м, рис. 5: *11*). Шляпка овальной формы (1,8 × 1,5 см), слегка выпуклая в центре; ножка в сечении квадратная (0,4 × 0,4 см), у острия треугольная. Длина 3 см.

9. Фрагмент полупрозрачного стекла голубого цвета (инв. № 102, глубина 0,60 м, рис. 6: *1)*. Форма в плане квадратная, в профиле трапециевидная, размеры 0,9 × 0,9 × 0,7 см. Возможно, это обломок стеклянного украшения (бусины?) или сосуда, но его форма обнаруживает наибольшее сходство с фрагментом мозаики.

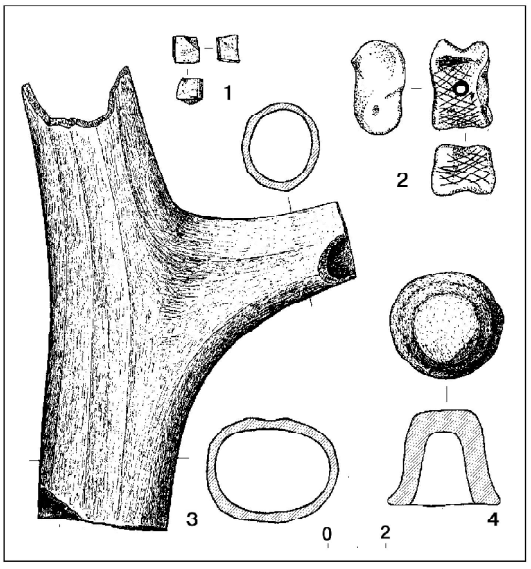


Рис. 6. Находки из землянки № 4: 1 – фрагмент стекла; 2 – игральная кость; 3 – горловина бурдюка из оленьего рога; 4 – глиняная пробка от бурдюка.

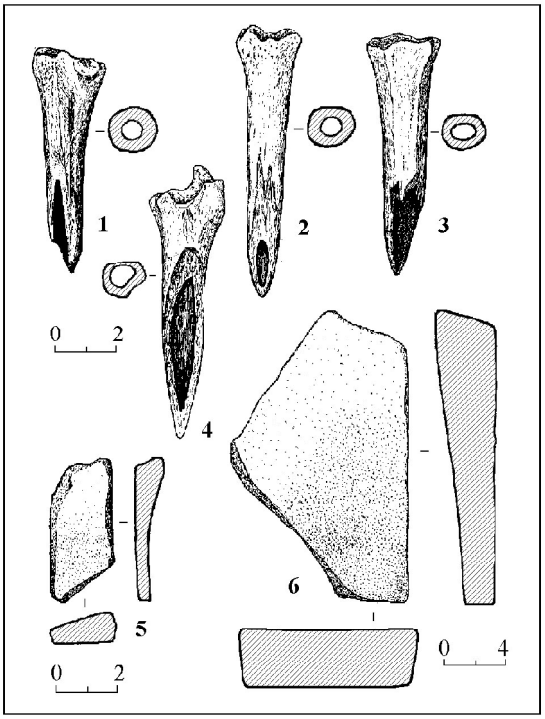


Рис. 7. Находки из землянки № 4: 1-4 – костяные шила; 5, 6 – оселки из сланца.

10. Игральная кость (астрагал мелкого рогатого скота[5]) с прочерченным рисунком в виде косой сеточки на широкой грани и со сквозным поперечным отверстием (инв. № 99, глубина 0,50 м; рис. 6: *2*). Размеры 3,0 × 2,0 × 1,7 см.

11. Горловина бурдюка или, с меньшей вероятностью, солонка из рога оленя (инв. № 121, глубина 1,0 м, рис.6: *3*). Поверхность слегка огранена и заполирована, полость рога вычищена и расширена. Длина 15,5 см, размеры в сечении до 4,5 × 3,5 см, толщина стенок 0,3-0,4 см.

12. Глиняная пробка (инв. № 123, глубина 1,0 м, рис. 6: *4*), которая подходит к одному из отверстий предыдущего изделия. Длина 3,2 см, диаметр 2,3-3,8 см, толщина стенок около 0,7 см.

13. Четыре костяных шила из берцовых костей мелкого рогатого скота (инв. №№ 107, 119, 120, 124; глубина первых трех, соответственно, 0,70 м, 1,0 м и 1,0 м, четвертое найдено в отвале землянки; рис. 7: *1-4*). Длина от 7 до 8,6 см. Можно отметить однородность костяных шил в данном жилище, как и вообще на памятнике: они очень близки по размеру и форме и, вероятно, традиционно изготовлялись из определенного типа костей.

14. Два точильных бруска из серо-зеленого сланца, неправильной формы (инв. №№ 109, 122, глубина соответственно 0,70 м и 1,0 м, рис.7: *5,6)*. Размеры первого (№ 109) — 4,2 × 2,0 × 0,4 — 0,9 см, второго — 18,4 × 11,2 × 4,0 см.

[5] Все остеологические определения сделаны М.Н.Павловой.

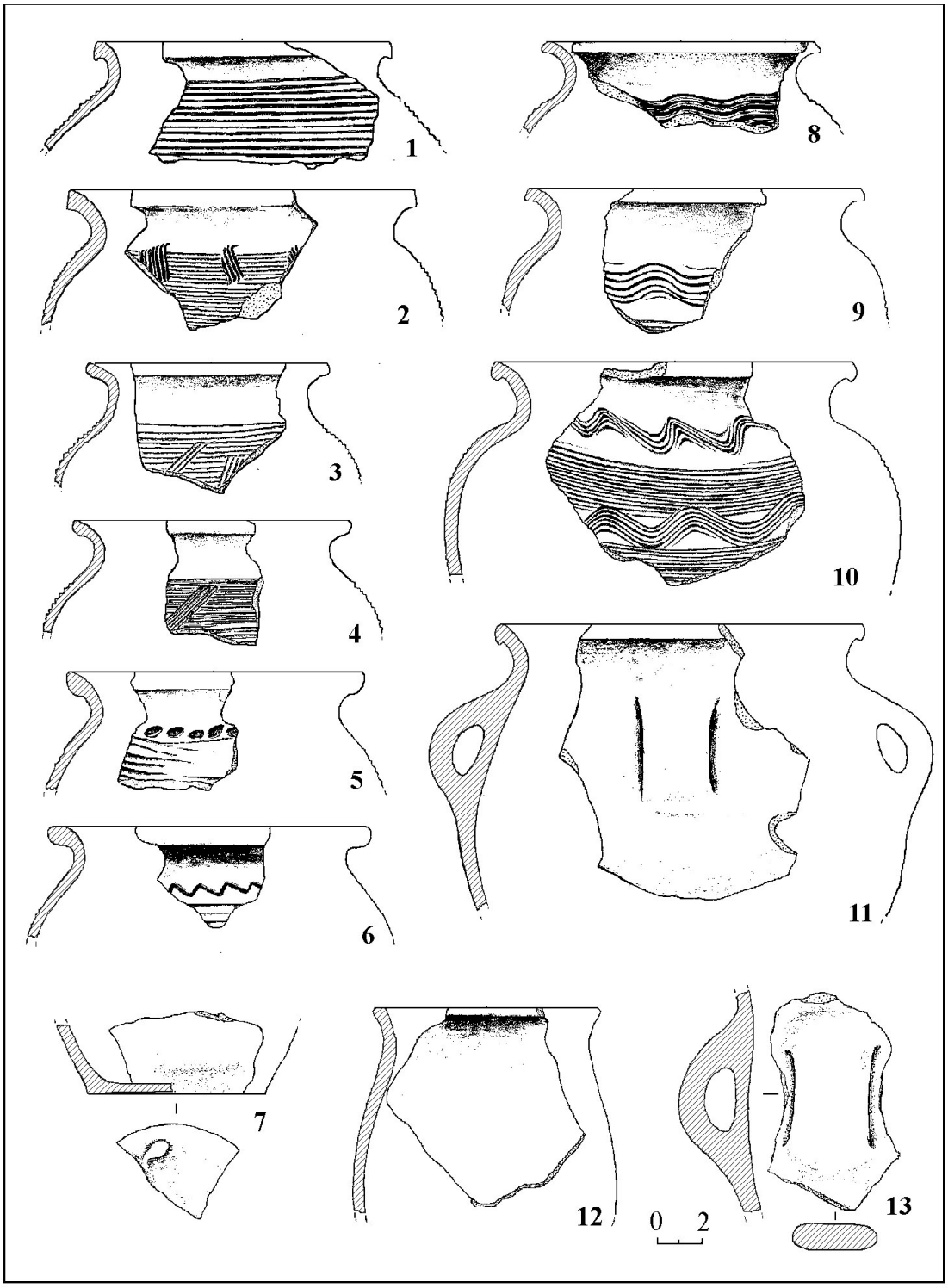


Рис. 8. Керамика из землянки № 4: 1-10 – «славянского» типа; 11-13 – «протоболгарского» типа.

Керамика из землянки № 4 представлена 247 фрагментами и включает, в порядке количественного убывания, следующие типы:

1) горшки с врезным орнаментом – 227 фрагментов (92%);

2) посуда «протоболгарского» типа – 9 фрагментов (3,6%);

3) византийская столовая керамика – 6 фрагментов (2,4%);

4) светлоглиняные амфоры с рифленой поверхностью – 2 фрагмента (0,8%);

5) светлоглиняные амфоры с гладкой поверхностью – 1 фрагмент (0,4%);

6) белоглиняные сосуды, расписанные

красной краской – 1 фрагмент (0,4%);

7) глазированная керамика, изготовленная на медленном гончарном круге – 1 фрагмент (0,4%).

Горшки «славянского» типа различаются по моделировке венчиков (представлены венчики как с закругленным, так и с подграненым краем) и по орнаментации. На фрагментах из землянки № 4 представлены следующие типы орнамента:

1) врезной орнамент в виде сплошных горизонтальных линий (рис. 8: *1*);

2) врезные горизонтальные линии и пересекающие их короткие косые линии, расположенные небольшими группами (рис. 8: *2*);

3) врезные горизонтальные линии и пересекающие их орнаментальные ленты из косых линий (рис. 8: *3,4*);

4) врезные горизонтальные линии и расположенные над ними, по плечикам, ногтевые оттиски в один ряд (рис. 8: *5*);

5) врезные горизонтальные линии, над которыми расположена зигзагообразная линия (рис. 8: *6*);

6) чередующиеся орнаментальные ленты из врезных горизонтальных и волнистых линий (рис. 8: *8-10*);

7) овальные ямки (пальцево-ногтевые вдавления), расположенные в ряд, поодиночке или группами по 2-3.

На одном днище горшка обнаружено клеймо мастера (рис. 8: *7*).

Фрагменты сосудов «протоболгарского» типа из землянки № 4 не орнаментированы. Следует отметить крупные фрагменты черноглощеного двуручного сосуда (рис. 8: *11, 13*), а также горшочка с коротким венчиком и покатыми плечиками (рис. 8: *12*).

Импортная византийская керамика представлена только двумя выразительными фрагментами: это сложнопрофилированный венчик красноглиняного столового сосуда и ручка кубка.

По предварительным наблюдениям, сделанным на основе образцов металлических украшений и керамики, крепость появилась в конце IX в. и была окончательно оставлена после опустошительных нашествий кочевников в XI в. Памятник по многим показателям синхронен и аналогичен многим другим городищам региона. Вместе с тем, если сравнить полученные данные с материалами из наиболее полно изученной и опубликованной крепости Скала (см. Йотов, Атанасов 1998), легко увидеть не только общие, но специфические характеристики памятников. Например, бросаются в глаза куда более мощные укрепления Картал-кале, равно как и единичность монетных находок. Разумеется, эти данные на начальной стадии археологического исследования памятника не могут быть рассмотрены детально, а носят характер предварительных наблюдений.

В ближайшие полевые сезоны работы на Руйно – Картал-Кале предполагается расширить. Авторы раскопок видят свою задачу в продолжении раскопа I, который должен полностью пересечь крепость в направлении к центральному входу. Планируется и более углубленное изучение фортификационной системы. Кроме того, предстоит исследование посада городища.

ЛИТЕРАТУРА

Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X-XI в. до с. Кладенци, Тервелско. София. 346 с.

Рашев Р. 1982. Старобългарски укрепления до Долни Дунав (VII-XI в.). Варна. 233 с.

Bellinger A.R., Grierson Ph. 1973. Cataloque of the Byzantine Coins in the Dumburton Oaks and in the Whittemone Collection. London. Vol. III.

Sear D. 1974. Byzantine Coins and their values. London.

Н.П.Тельнов, Т.Ф.Рябой.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД У С. КОСТЕШТЫ В МОЛДАВИИ

N.P.Telnov, T.F.Ryaboy. Golden Horde Town at the Village of Costeshti in Moldavia.

The article is a publication of results of a scientific research. The results were obtained during archaeological excavations of 1993 on a Medieval settlement of XIV c., a town of Golden Horde epoch found at the village of Costeshti not far from Kishinev. A considerable part of the settlement has been destroyed due to economic activities of the local population. The article offers results of research on five features: remains of a surface house, a stove to bake ceramic wares, and three stoves to bake lime. The ceramic finds, goods and coins date the studied features by XIV century. The authors believe that the Golden Horde town at the village of Costeshti perished suddenly, most probably due to some military actions.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот материалы исследований, полученные в 1993 году в ходе спасательных раскопок на средневековом поселении XIV века у с. Костешты, расположенном в 35 км южнее г.Кишинева. Это поселение, площадью около 4 кв. км, простирается вниз по долине р.Ботны от юго-восточной окраины современного села Костешты-Гырля на 2,5 км и занимает долину шириной около 2 км, в том числе и пойму реки (Полевой 1969:19).

Об остатках древнего города — разрушенных зданиях, крепости — писал в 1924 г. Шт.Чобану (Ciobanu 1924:49), ошибочно принимая его за древнюю столицу буджакских татар — Ханску. Первые археологические работы на памятнике провел Т.Поручик (Porucic 1934:62) в 1934 году. Найденные остатки каменных домов, водопровода из керамических труб, гончарных горнов позволили исследователю охарактеризовать их как развалины древнего города. А внешнее сходство древнегреческой керамики с красноглиняной посудой XIV века привело Т.Поручика к ошибочному мнению, что памятник датируется «греческим временем».

В первые послевоенные годы исследования археологов на поселении у с.Костешты сводились к разведкам и описанию выявленных объектов и собранного керамического материала. В 1946 году Г.Д.Смирнов (Смирнов 1949:197-199), а затем и Г.Б.Федоров в 1950 г. (Федоров 1951:49) сосредотачивают свое внимание вокруг земляного укрепления – «городища» и части поселения, расположенного вокруг него. Э.А.Рикманом (Рикман 1955:96-97, 109-110) в 1954 г. были исследованы на поселении жилые и производственные сооружения, было дано первое обобщенное описание керамики. Более значительные археологические работы на памятнике XIV в., в районе «гончарного квартала» производились в течение нескольких лет Л.Л.Полевым (1954, 1957, 1959 гг.). Археологические материалы (мастерские, обжигательные горны, керамика) дали возможность исследователю проследить почти весь технологический процесс гончарного производства и его особенности, подробно охарактеризовать продукцию и осветить ряд вопросов истории экономики и производства. (Полевой 1969:17-24).

В 1978-1979 гг. Молдавская средневековая археологическая экспедиция под руководством П.П.Бырни продолжила исследования поселения XIV в. у с.Костешты в пойме р.Ботна и в районе «гончарного квартала». Были открыты и исследованы остатки гончарной мастерской с двухъярусным горном, часть усадьбы, а также жилые и хозяйственные сооружения (Бырня , Абызова 1979; 1980:35-67).

В 1993 году Костештская археологическая экспедиция проводила раскопки в северо-западной части города, в районе «гончарного квартала», расположенного на левом берегу р. Ботна, в овраге, по дну которого течет ручей.

© Н.П.Тельнов, Т.Ф.Рябой, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

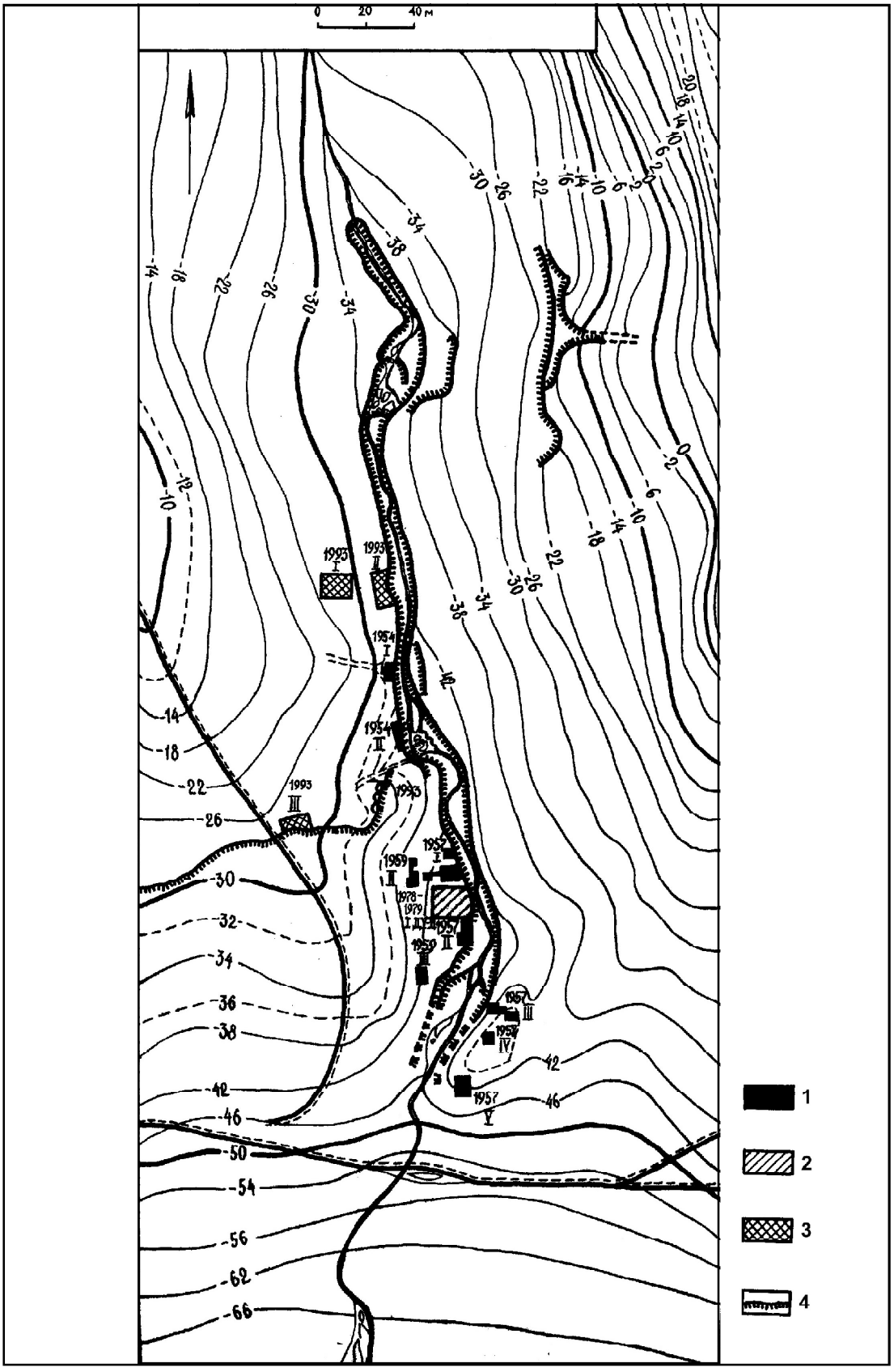


Рис. 1. Ситуационный план гончарного райна с обозначением раскопов разных лет:
1 — раскопы 1954 - 1959 гг.; 2 — раскопы 1978 - 1979 гг.; 3 — раскопы 1993 г.; 4 — кромка обрыва.

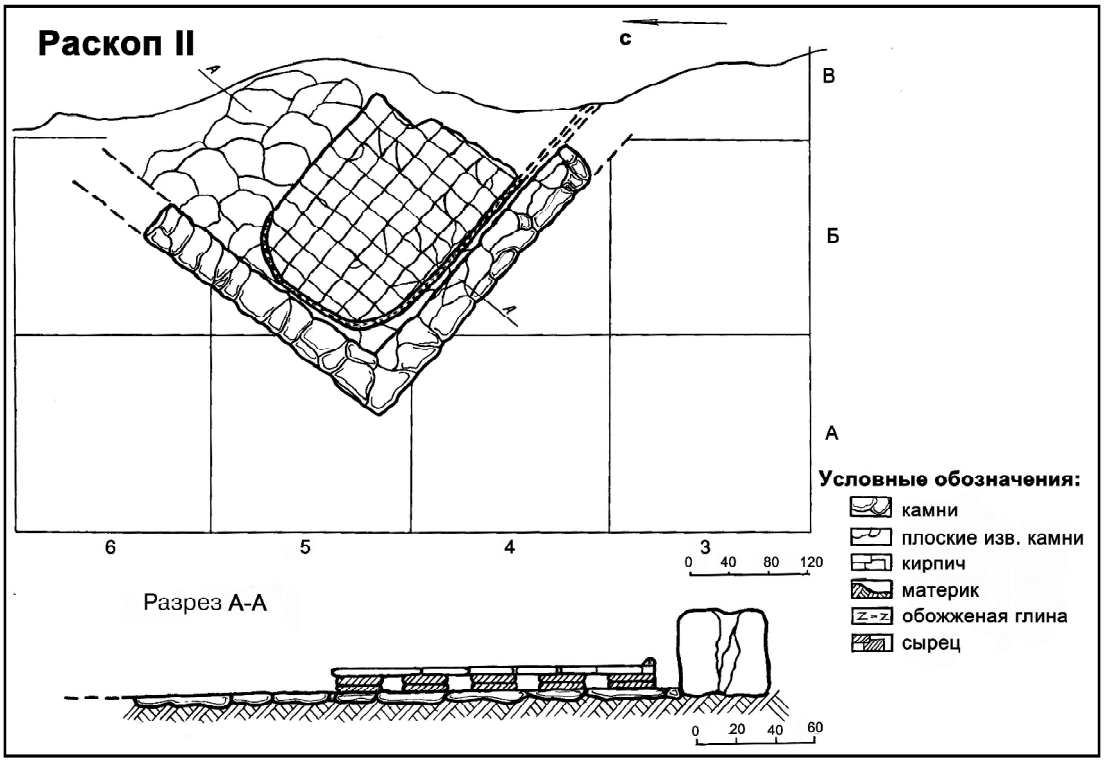


Рис. 2. План и разрез остатков жилища.

Значительная часть «гончарного квартала» наиболее интересная в научном плане, была уничтожена в результате изъятия грунта и строительства искусственного озера. Здесь размещается карьер по добыче глины.

Основной целью работ было исследование разрушающихся сооружений, сбор керамического материала и изучение культурного слоя памятника. Для выполнения поставленных задач над разрушающимися сооружениями были заложены раскопы. Всего было исследовано 5 сооружений: остатки наземного дома, горн для обжига керамических изделий и три печи для обжига извести.

Жилище (рис. 1) выявлено на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Большая его часть оказалась поврежденной оползнем.

Сооружение представляло собой наземную постройку. Четко прослеживались северо-западная и юго-западная стены цоколя, сложенные из природного камня. Длина северо-западной стены цоколя составляла 300 см, юго-западной стены — 325 см, ширина стен цоколя достигла 50 см. Цоколь жилища располагался на предматериковом суглинке.

Остатка пола жилища, размерами 220х305 см, были выложены плоскими песчаниковыми камнями, тщательно подогнанными друг к другу, размеры которых варьировали от 12х15 до 30х40 см. Высота камней от 2 до 5 см. Древняя дневная поверхность была снивелирована, поэтому пол в жилище был горизонтальный и относительно ровный.

В сохранившейся части постройки — углу дома — располагалась суфа с канами на каменном полу. Каны состояли из двух изолированных друг от друга П-образных горизонтальных каналов: внешнего и внутреннего, идущих по периметру суфы. Ширина каналов достигала 12 см. Стенки канов сложены из сырцовых кирпичей в два ряда, размеры которых варьировали от 21,5х23х4,5 до 22х23,5х4,5 см. Между сырцовыми кирпичами прослежен слой зеленой глины толщиной до 1 см. Длина кан 240 см, ширина 172 см. Сверху каны были перекрыты одним слоем обожженного кирпича размерами 21,5х23х4,5 см — 22х23,5х4,5 см.

На основании конструкции кан, т.е. наличии четырех горизонтальных каналов, можно заключить, что суфа (горизонтальные дымоходы кана, закрывающиеся сверху кирпичом) имела прямоугольную форму и располагалась по всей длине кана. Суфа примыкала к северо-западной стене цоколя и располагалась вдоль юго-западной стены дома. Северо-западный край суфы был оформлен в виде полукруга (для чего были изготовлены соответствующей формы кирпичи), а юго-восточный, где, судя по аналогичным отопительным системам, должна была располагаться топка — печь или тандыр, разрушен оползнем. Юго-западная и северо-западная стены суфы сверху были ограничены глиняным бортиком, шириной до 3 см, лежащим на красноглиняных обожженных кирпичах. Поверхность суфы была снивелирована, и на ней прослеживались следы побелки.

Что касается отопительной системы, выяв-

ленной в этом жилище, то определенные аналогии ей в Днестровско-Прутском междуречье можно видеть в золотоордынских жилищах № 37, 43 и 50 из Старого Орхея (Абызова 1985б:153-160; Рябой 1988:117-118; 1991:78, 83, 88-89). В них имеются определенные различия, но принципиальная схема общая. Сами же жилища из Старого Орхея, в отличие от наземного из Костешт, являются полуземляночными. При более раннем исследовании в Костештах жилища-мастерской, также полуземляночного типа, были выявлены каны прямоугольной формы, которые исследователи посчитали столом для просушки ангобированных изделий (Полевой 1964:42). Самые близкие аналогии жилищу из Костешт мы находим в Поволжье. Наиболее детальная характеристика основных видов жилищ и строительных приемов столицы Золотой Орды дана в работе В.Л.Егорова (Егоров 1970:172-173). Он выделяет четыре типа жилищ Нового Сарая (Егоров 1970:172-173). I — квадратные в плане строения; II — прямоугольные вытянутые в плане строения; III — землянки; IV — юрты. Исследованное нами сооружение относится, скорее всего, к первому типу, т.е. к квадратным в плане строениям по классификации В.Л.Егорова. Этот тип жилищ В.Л.Егоров подразделяет на четыре варианта: 1 — дома с деревянными стенами, стоящими непосредственно на земле; 2 — дома с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе и на земле; 3 — дома с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе; 4 — деревянные дома со стенами, стоящими на сваях. Наше строение больше всего напоминает третий вариант золотоордынских домов из Нового Сарая лишь с той разницей, что цоколь у нашего дома сложен из бутового камня. В.Л.Егоров указывает, что к первому типу жилищ, т.е. к квадратным в плане строениям, относится наибольшее количество исследованных построек, из чего он заключает, что квадратные в плане дома являлись самыми распространенными в Новом Сарае и принадлежали различным слоям населения — от ремесленников до знати включительно (Егоров 1970: 173). Среди первого типа жилищ наиболее распространенным является третий вариант построек, т.е. наиболее многочисленными были квадратные в плане дома с деревянными стенами, которые стояли на сырцовом цоколе. Высота цоколя у них не превышает 30 см, толщина колеблется от одного до трех рядов кирпича. Размеры домов первого типа близки и они в среднем достигают 6х6 м. Пол в домах первого варианта этого типа жилищ обычно глинобитный. Пол домов второго и третьего вариантов был выложен жженным кирпичом. В нашем случае пол был выложен плитчатым песчаником. Внутренняя планировка у домов этого типа в основном одинакова. У одной из стен сложена прямоугольная или круглая печь. От

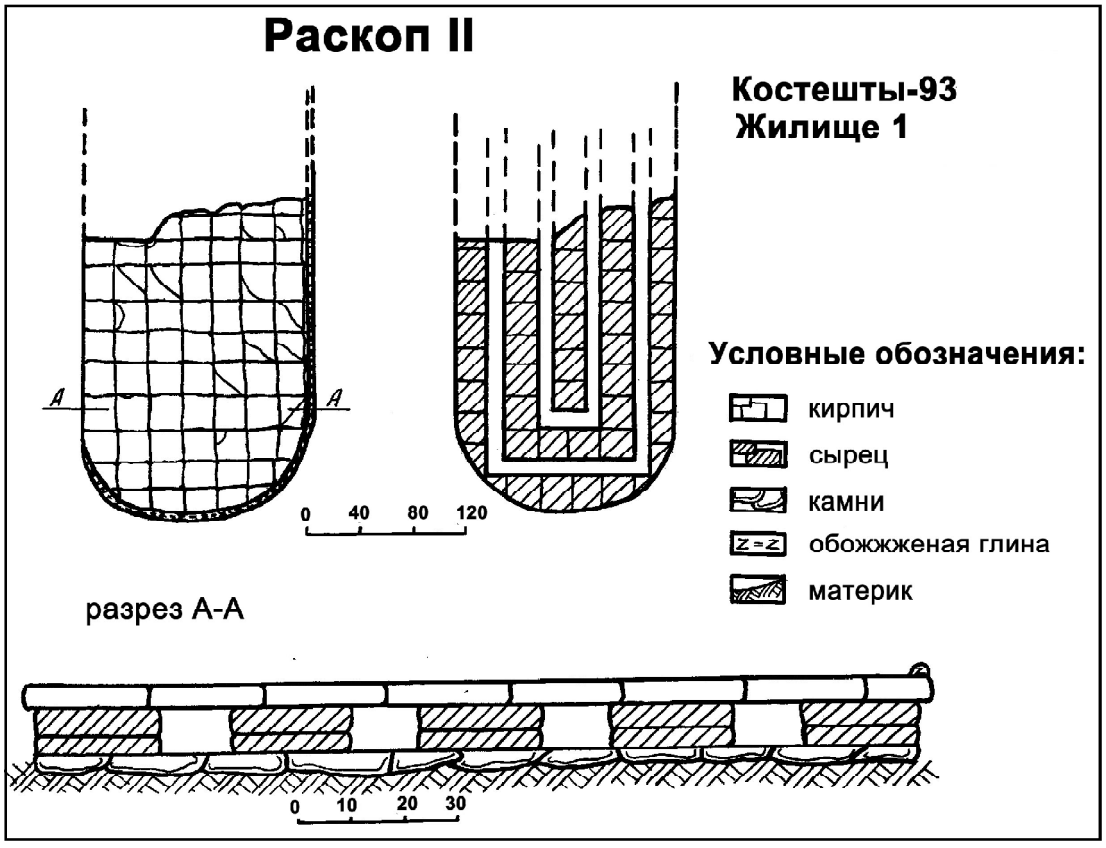


Рис. 3. План и разрез канов жилища.

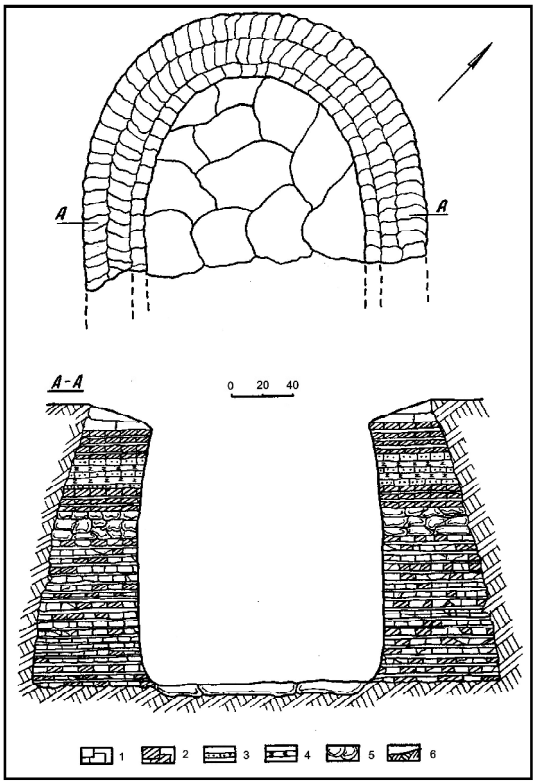


Рис. 4. План и разрез горна.

нее отходят чаще всего два канала горизонтальных дымоходов, каждый из которых шириной в 15 см. Их разделяет стенка из сырца, сложенная в один кирпич. На противоположном от топки конце оба канала соединяются в одном вертикальном дымоходе — трубе. Подобная система отопления называется каном. Примерно от середины кана, перпендикулярно ему, отходит стенка шириной в один кирпич, ограничивающая суфу, возвышаясь над полом комнаты на 40-50 см. Возвышение, образующее суфу, заполнено обломками сырцового кирпича и различным строительным мусором. Поверхность суфы снивелирована глиняной обмазкой. Снаружи стенка суфы покрыта белой штукатуркой.

Горизонтальные дымоходы кана, закрывавшиеся сверху кирпичами, также превращались в часть суфы, которая таким образом приобретала характерную П-образную форму. Подобная внутренняя планировка дома во всех основных деталях является типичной для остальных построек этой группы. Единственной меняющейся частью внутренних конструкций подобных домов является топка, которая может быть не прямоугольной, а круглой.

В.Л.Егоров все дома первого типа, т.е. квадратные в плане строения, относит к типично монгольским зданиям, планировка и строительные приемы которых, по его мнению, восходят к кочевому жилищу монголов — юрте. (Егоров 1970:180). На сырцовые цоколи клалась деревянная рама с продольным пазом, в который вставляли доски стен. Никакого фундамента под цоколь не подводилось, и сами они в землю не заглублялись, а клались прямо на выровненной поверхности земли. Исследователь полагает, что обычай ставить стены домов без фундаментов также можно отнести к характерной черте монгольской архитектуры, восходящей к кочевому образу жизни и связанному с ним переносному безфундаментному жилищу — юрте (Егоров 1970:183). В.Л.Егоров, в отличие от исследователей, считающих что суфа П-образной формы сформировалась в Средней Азии, связывает её происхождение со степями Монголии. Дымоходные каналы кана классического центральноазиатского типа устраивались по трем стенам комнаты (Егоров 1970:185).

В домостроительстве Золотой Орды классическая форма кана начинает постепенно забываться, и он сооружается уже в виде прямой линии, образующей один из выступов П-образной суфы, потерявшей к этому времени свое первоначальное назначение.

Анализ конструкции жилищ Нового Сарая позволил В.Л.Егорову говорить о синкретизме в градостроительной культуре Золотой Орды, а не о полном заимствовании монголами оседлой архитектуры. По его мнению, собственно монгольская архитектура начала зарождаться еще до завоевательных походов монголов и до их знакомства с древними архитектурными традициями Средней Азии и других районов.

Выделенный тип квадратных в плане построек позволяет говорить о сохранении и развитии традиций монгольской архитектуры в городах Золотой Орды. По мнению исследователя, развитие жилищ Нового Сарая происходило под воздействием двух основных факторов — коче-

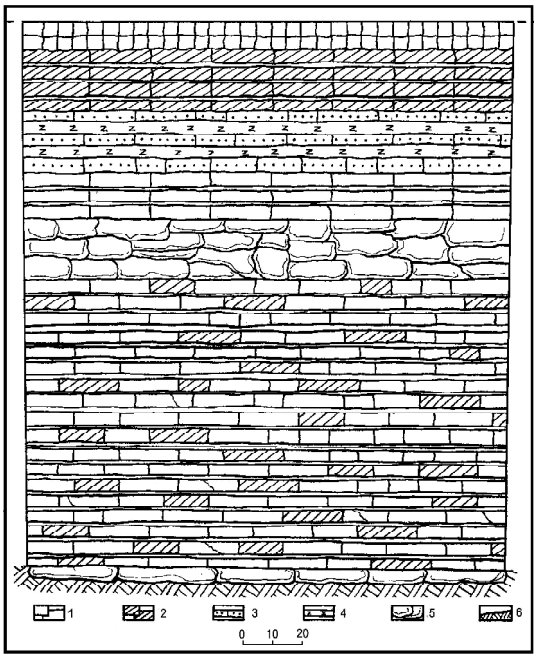


Рис. 5. Фрагмент стены горна в сечении.

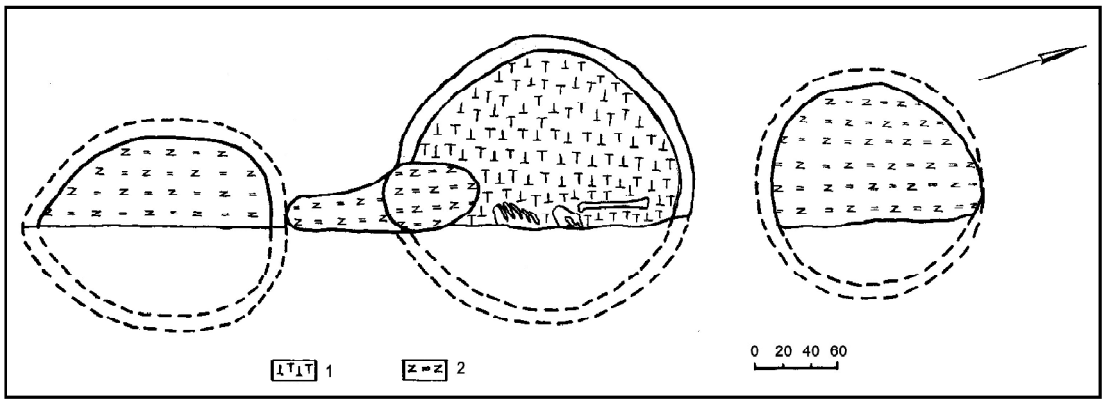


Рис. 6. Печи для обжига извести в плане.

вого монгольского и оседлого среднеазиатского. Он также не исключает, что влияние местного населения на домостроительство Золотой Орды проявляется на фоне землянок, которые напоминают по плану жилища салтово-маяцкого типа.

В нашем случае важно, что были исследованы практически впервые для данного региона достоверные остатки наземного дома, находящего прямые аналогии в центральных городах Золотоордынского Поволжья. Те незначительные отличия, которые имеются в данном случае, объясняются, скорее всего, местными природными условиями. Так, наличие большого количества природных плитчатых камней в овраге у гончарного района в Костештах позволило цоколь дома соорудить из них. Плоскими плитчатыми камнями был выложен и пол жилища. Но в строительстве дома применялся и жженный квадратный золотоордынский кирпич, и сырцовый кирпич. Строительные приемы, планировка, наличие кана и т.д. позволяют отнести наше сооружение к первому типу жилых домов, выделенных и охарактеризованных В.Л.Егоровым.

Справедливости ради, следует заметить, что, очевидно, остатки наземных домов с отопительными сооружениями в виде канов были найдены Г.Д.Смирновым и П.П.Бырней в Старом Орхее. К сожалению, Г.Д.Смирнов отнес это сооружение ошибочно к молдавскому периоду,

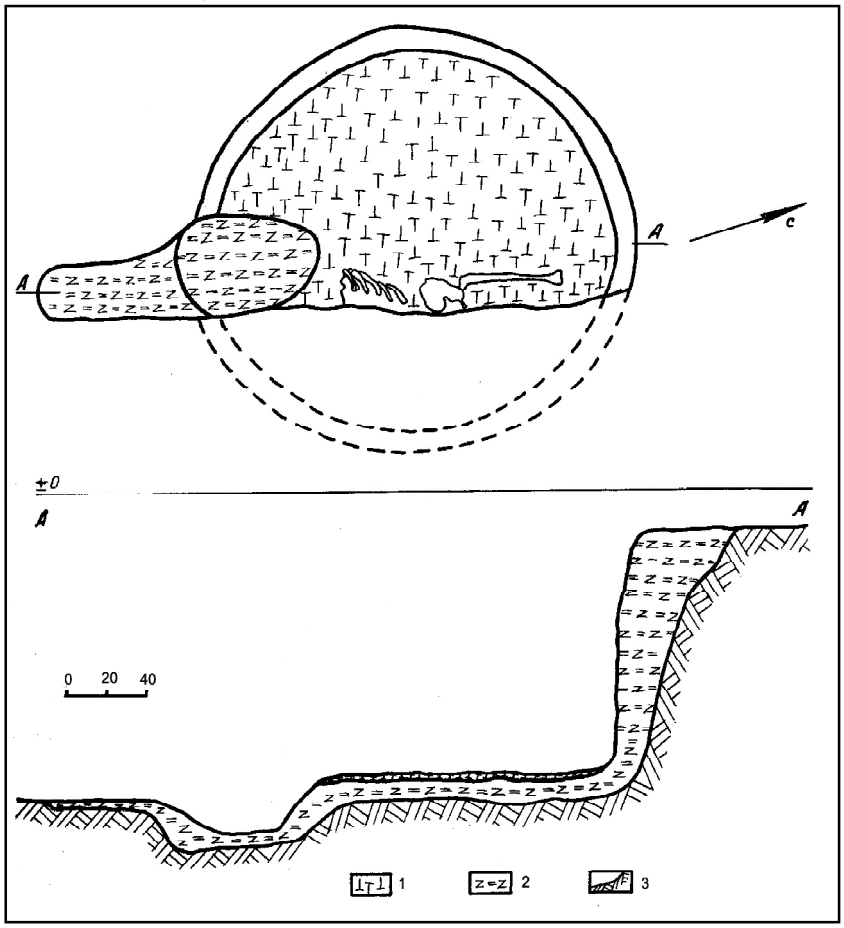


Рис. 7. Печь для обжига извести № 1.

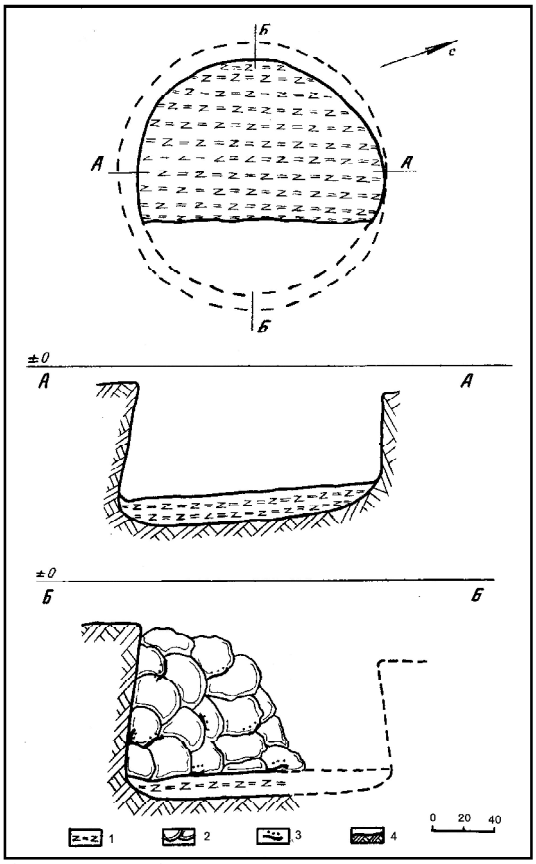


Рис. 8. Печь для обжига извести № 2.

характеризуя систему отопления как калориферную (Смирнов 1954:33). П.П.Бырня остатки канов первоначально определил как остатки наземной постройки с калориферной системой отопления, которая использовалась для подсушивания посуды перед обжигом (Бырня 1972).

Необходимо также отметить, что подобные или довольно близкие сооружения исследованы В.И.Довженком на Нижнем Днепре в 30 км от Запорожья на городище Мамаев Сарай (Довженок 1961:175-193. рис. 3).

Имеются упоминания о подобных жилищах и в Подонечье. Таким образом, они встречались практически на всей территории Золотой Орды.

Горн (рис. 2: *1*). Контуры его в виде полукруглой кирпичной кладки были выявлены на глубинке 80 см от уровня современной дневной поверхности. Внешний диаметр кладки достигал 220 см, внутренний — 152 см. Горн ориентирован длинной осью по линии северо-запад — юго-восток.

Удалось выявить лишь сохранившуюся северо-западную часть сооружения.

Горн представлял собой мощное сооружение куполообразной формы, устьем, видимо, ориентированным на юго-запад. Его корпус был углублен в материковый грунт на 180 см, 260 см от уровня современной дневной поверхности. Ширина горна 160 см. Стенки горна отвесные, плавно закругляясь, переходили в его под. Толщина стен горна различна: от 40 см в верхней части и до 85 см — у основания (пода горна).

Под горна горизонтальный, ровный, выложен плитчатыми известняковыми камнями, размеры которых варьировали от 15x30x5 см до 55x40x8 см.

Стенки горна были выложены из 18 слоев необожженных и обожженных кирпичей, расположенных вперемежку. Для кладки использовались как целые кирпичи, так и их обломки. Между кирпичами выявлено 17 глиняных прослоек толщиной до 1 см. Далее стена горна была сложена из песчаниковых плитчатых камней в три слоя. Камни различных размеров: от 10x15x7 см до 21x23x10 см. Над данной кладкой шел пояс из трех слоев сырцовых кирпичей длиной 20 см и толщиной 4,5 см. Между сырцовыми кирпичами прослежено две глиняные прослойки, толщина которых достигала 4 см. Далее стена горна была сложена из трех слоев обломков стен тандыров, между которыми выявлено две глиняные прослойки мощностью до 4 см. Обломки стен тандыров различной длины: от 10 до 20 см, толщина от 2,5 до 4 см. Далее шли сырцовые кирпичи в четыре слоя, между которыми обнаружены три глиняные прослойки толщиной до 1 см. Длина сырцовых кирпичей 20 см, толщина 4,5 см.

Сохранившаяся часть свода горна была сложена из положенных на ребро под небольшим углом половинок обожженного кирпича в два слоя. Половинки кирпичей размерами 20x10x5 см плотно примыкали друг к другу, образуя кладку в виде полукруга (рис. 2: *2*).

Стены горна, как и его под, не были обожжены, что позволяет предположить: горн, пред-

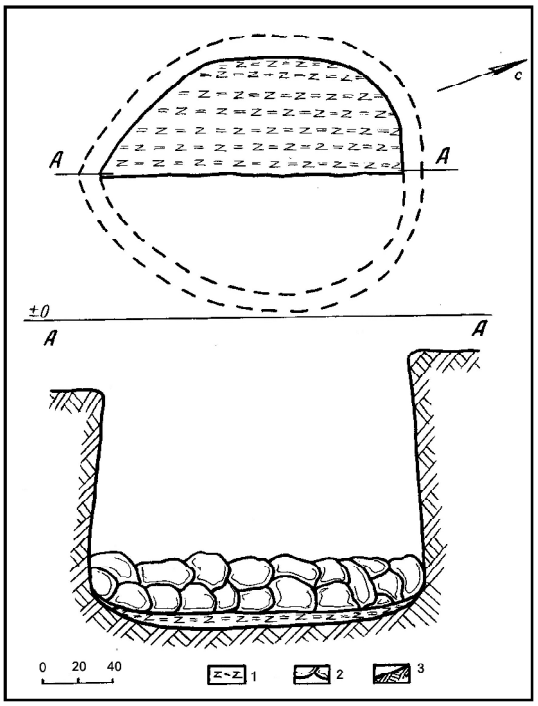


Рис. 9. Печь для обжига извести №3.

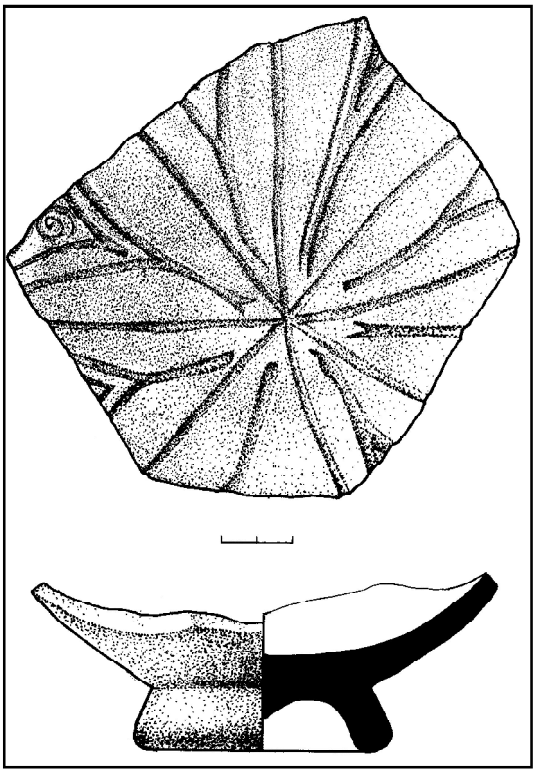


Рис. 10. Фрагмент миски.

назначенный для обжига керамических изделий, не функционировал.

Печь 1 (рис. 3: *1*) была выявлена на глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности.

Печь в плане круглой формы, диаметром 215 см, устьем ориентирована на юго-запад. Котлован печи вырыт в материке на глубину 120 см. В сечении он имеет форму цилиндра с расширяющейся верхней частью. Дно печи горизонтальное, ровное.

Стены печи сохранились на высоту 120 см, толщина прожога стен в верхней части достигла 50 см, в нижней (у пода) 15 см. Диаметр дна 195 см, толщина прожога материка пода 15 см.

С юго-запада от котлована печи располагалась предтопочная яма. Контуры ее в плане овальной формы, обнаружены на глубине 150 см от уровня современной дневной поверхности. Длина предтопочной ямы 170 см, сохранившаяся ширина 25 см. Яма ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Она плавно переходила в углубление овальной формы, размерами 50х70 см, располагающееся в пределах пода печи. Стенки и дно углубления обожжены, также как и стены и дно предтопочной ямы. Мощность прожога достигала 15 см.

На поде печи, на расстоянии 25 см от северной и 95 см от западной стен, был выявлен скелет человека, поврежденный при проведении дорожных работ. По его остаткам можно было определить, что он лежал на спине, череп ориентирован на юг. Обнаружение скелета на поде печи может свидетельствовать о гибели человека, когда она могла еще функционировать, т.е. сразу же после ее разгрузки.

Печь 2 (рис. 3: *2*) располагалась на расстоянии 115 см к северо-востоку от печи № 1. Она была выявлена на глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности.

Печь в плане круглой формы, диаметром 150 см. Котлован печи вырыт в материке на глубину 55-70 см. Он имел в сечении форму трапеции. Стенки котлована, расширяясь книзу, плавно закруглялись и переходили в дно. Они были обожжены только снизу, возле пода на незначительную высоту. Дно печи неровное, повышающееся с юго-востока на северо-запад. Диаметр дна 160 см, мощность прожога пода достигала 20 см.

Печь 2 была плотно загружена известняковыми камнями, размеры которых варьировали от 15х15х7 см до 20х35х10 см. Между камнями был прослежен древесный уголь. Судя по этому можно предположить, что процесс обжига известняковых камней не был завершен.

Печь 3 (рис. 3: *3*) располагалась на расстоянии 425 см к юго-западу от печи № 2 и вплотную примыкала к предтопочной яме печи № 1. Она находилась на пологом склоне и поэтому с северо-восточной стороны была выявлена на глубине 20 см, а с юго-западной — на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности.

Печь в плане круглой формы, диаметром 170 см. Котлован печи вырыт в материке на глубину 110-140 см. В разрезе он имел форму трапе-

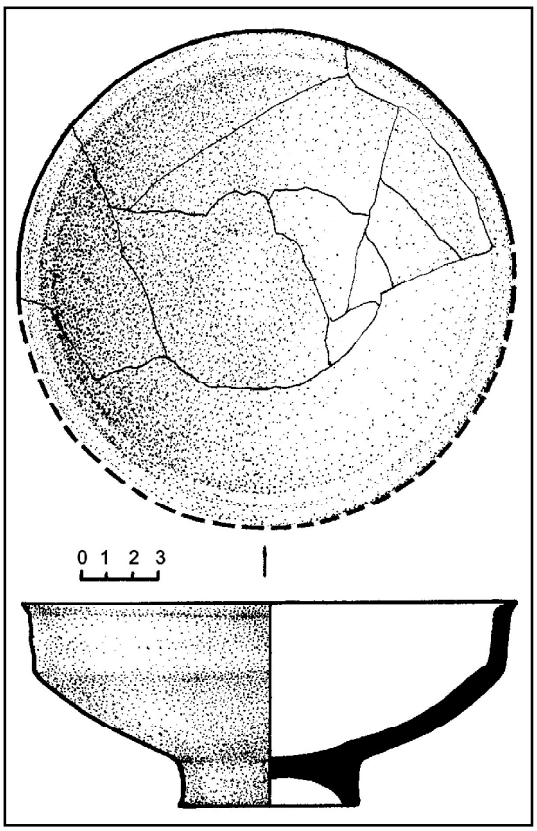


Рис. 11. Миска.

ции. Стенки котлована, расширяясь книзу, плавно закруглялись и переходили в вогнутое дно. Как и у предыдущей печи, стенки печи 3 были обожжены только внизу, возле пода, на незначительную высоту. Диаметр дна печи 190 см, мощность прожога пода достигала 8 см.

Печь 3, как и печь 2, была загружена известняковыми камнями, плотно расположенными друг к другу, размеры которых варьировали от 12х15х9 см до 20х23х13 см. Процесс обжига камней для производства извести также был прерван.

В исследуемых печах обжигались известняковые камни для получения извести, необходимой при возведении монументальных и жилых сооружений. Аналогичные печи для обжига извести известны в Старом Орхее. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981:37-38). Они также были выявлены при исследовании Бравиченского комплекса (Чеботаренко, Бырня 1960:47-50).

Кроме описанных сооружений, во время раскопок было найдено значительное количество вещевых находок. Массовый материал состоял из неполивной и поливной керамики XIV в., которую можно разделить на следующие группы:

Группа 1. Керамика этой группы изготовлена из хорошо подготовленного теста с включением мелкого песка, известняковой крошки. Посуда изготовлялась на гончарном круге, без последующего вытягивания. На внутренней поверхности сосудов прослеживаются следы формовки рукой, внешняя — более тщательно заглажена. Обжиг сквозной, равномерный. Черепок в изломе одноцветный, плотный. Цвет керамики светло-розовый, реже — серый и красновато-оранжевый.

Эта группа керамики представлена фрагментами кувшинов и горшков.

Группа 2. Тесто этой группы керамики со значительной примесью мелкого и крупного песка, конкреций известняка. Сосуды этой группы изготовлялись на гончарном круге с использованием спирального налепа и последующего вытягивания. Обжиг, как правило, сквозной, равномерный. Цвет изделий колеблется от светло-желтого до кирпично-красного. Неполивная керамика 2-й группы более разнообразна по ассортименту. Так керамика этой группы представлена фрагментами мисок, горшков и кувшинов с носиками.

Группа 3. К этой группе относится керамика, покрытая поливой. По структуре черепка почти тождественна керамике 2-й группы, но отличается лучшей подготовкой теста. Формовалась поливная посуда также на быстро вращающемся гончарном круге. Обжиг сквозной, равномерный, цвет черепка преимущественно кирпично-красный.

По цвету глазури она представлена керамикой с зеленой поливой, которая является наиболее многочисленной, а также с коричневой и желтой поливами. Орнаментальные мотивы (стилизованный растительный и геометрический) выполнены в технике «граффито», причем основные детали рисунка даны широкой гравировочной линией, а тонкая линия служит в качестве дополнительного украшения.

Выявлена также керамика, покрытая ангобом. Она представлена несколькими фрагментами, которые были расписаны геометрическим орнаментом в виде пересекающихся линий, нанесенных ангобом, и покрыты прозрачной зеленой и коричневой поливой. Найдены также фрагменты сосудов, являющихся подражанием штампованной керамике, изготовляющейся в специальных матрицах.

Интерес представляют целые формы мисок.

Миска (рис. 4: *1*) изготовлена из глины со значительной примесью мелкого песка и конкреций известняка, на гончарном круге с использованием спирального налепа и последующего вытягивания. Обжиг сквозной, равномерный. Цвет черепка в изломе красно-желтый.

Миска усеченно-конической формы с вертикальным, четко выделенным бортиком и низким кольцевым поддоном, со стенками, имеющими слегка выпуклый профиль. Край венчика косо срезан, утончен и оттянут наружу. Диаметр венчика 18,8 см, высота миски 9 см, диаметр кольцевого поддона 6,8 см.

По классификации, предложенной Л.Л.Полевым, аналогичные миски относятся ко 2-й группе неполивной керамики. (Полевой 1969:114-115). По классификации же Е.Н.Абызовой, подобного вида миски относятся ко вто-

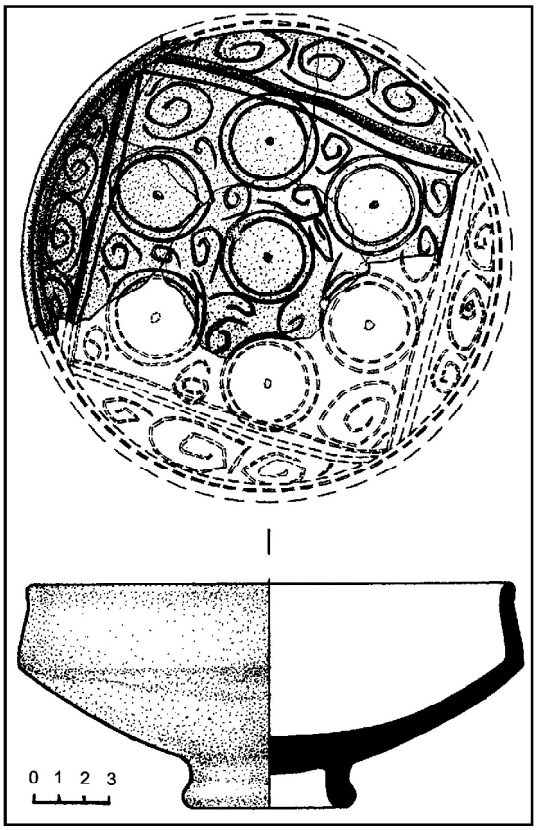


Рис. 12. Миска.

рому варианту 2-го класса и являются заготовками для поливных изделий. (Абызова 1985а:47-49).

Миска (рис. 4: *2*) изготовлена из глины со значительной примесью мелкого песка и конкреций известняка, на гончарном круге, с использованием спирального налепа и последующего вытягивания. Обжиг несквозной, неравномерный, в изломе черепок двухцветный.

Миска усеченно-конической формы с вертикальным, четко выделенным бортиком и низким кольцевым поддоном, со стенками, имеющими слегка выпуклый профиль. Край венчика слегка утончен, оттянут наружу и плавно закруглен.

Внутреннее поле миски украшено стилизованным геометрическим орнаментом. Орнамент имитирует переплетение спиралевидных фигур и концентрических кругов и ограничен квадратом, вписанным в круг. В квадрат вписано еще семь кругов: один — в центре и шесть — по кругу. За пределами квадрата, каждый из четырех сегментов украшен тремя спиралевидными фигурами. Диаметр венчика 18,7 см, высота миски 8 см, диаметр кольцевого поддона 7 см.

По классификации Е.Н.Абызовой, подобного вида миски относятся к 1-му отделу, 1-ой группе, 5-му типу, т.е. к керамике с гравировкой по ангобу под прозрачной зеленой поливой (Абызова, Бырня, Нудельман 1981:59).

Найдено также несколько целых разнообразных по форме крышек и керамических труб, керамических конусов и сипая — применявшиеся как подставки при обжиге керамики.

Обнаруженные в культурном слое памятника и в заполнении печи 1 крышки изготовлены из глины со значительной примесью мелкого песка и конкреций известняка, на гончарном круге с использованием спирального налепа. Обжиг сквозной равномерный. Цвет черепка в изломе — красно-желтый.

Различаются следующие виды крышек:

— крышка представляет собой диск с утолщенным выступом в центре в виде цилиндра с расширенной верхней частью. Венчик приподнят и орнаментирован пальцевыми защипами. Диаметр крышки 17 см, высота венчика 0,5 см, высота крышки 6 см (рис. 5: *7*);

— крышка конической формы. Нижняя часть оформлена в виде слегка утолщенного венчика, имеющего неглубокий паз. Венчик украшен пальцевыми защипами, Диаметр крышки 12,6 см, высота крышки 4,8 см, высота венчика 0,5 см (рис. 5: *5*);

— крышка представляет собой глиняный диск с утолщенным выступом в центральной части. По краю крышку украшают круглые углубления. Венчик отсутствует. Диаметр крышки 15,2 см, высота — 2,5 см (рис. 5: *3*);

— крышка в виде диска с утолщенным выступом в центральной части. Венчик крышки слабо профилирован и украшен пальцевыми защипами. Поверхность крышки украшена шестью концентрическими кругами в виде невысоких ребристых выступов. Диаметр крышки 20,5 см, высота 2,5 см (рис. 5: *1*);

— крышка представляет собой глиняный диск с утолщенным выступом в центральной части. Венчик приподнят и орнаментирован пальцевыми защипами. Диаметр крышки 16,5 см, высота венчика 9,5 см, высота крышки 5,5 см (рис. 5: *4*);

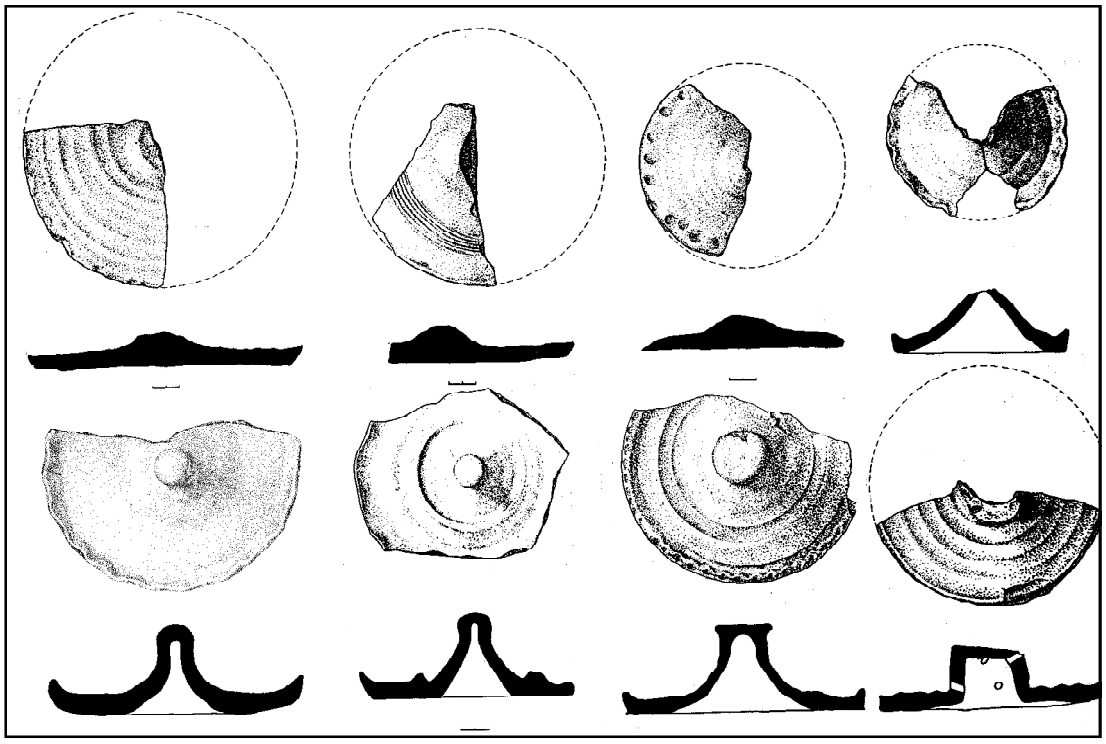


Рис. 13. Крышки с поселения Костешты, найденные в 1993 г.

— крышка с утолщенным выступом в центральной части, венчик слабо профилирован. Поверхность крышки украшена поясом из семи слабо выраженных реберчатых выступов. Диаметр крышки 19 см, высота 3,2 см (рис. 5: *2*);

— крышка в виде диска с утолщенным пирамидальным выступом, закругленным в верхней части. Венчик приподнят и орнаментирован пальцевыми защипами. Крышка украшена моделированным концентрическим кругом. Диаметр крышки 14,6 см, высота крышки 6 см, высота венчика 0,9 см (рис. 5: *6*);

— крышка представляет собой глиняный диск с утолщенным выступом-ручкой в центральной части в виде полого цилиндра. На поверхности ручки прослежено три сквозных отверстия. Поверхность крышки орнаментирована тремя концентрическими кругами в виде реберчатых выступов. Венчик крышки слабо профилирован и имеет неглубокий паз. Диаметр крышки 16,5 см, высота крышки 4 см (рис. 5: *8*).

Вышеописанные крышки — не уникальная находка при раскопках городища у с.Костешты (Полевой 1969:136-137). Подобного вида крышки встречаются и при раскопках Селитренного городища, исследователи которого считают, что некоторые из них использовались как крышки для тандыров (Федоров-Давыдов, Булатов 1989:209). Интересно отметить тот факт, что за время многолетних раскопок золотоордынского города Шехр ал-Джедид (Старый Орхей) у с.Требужены не было найдено ни одной глиняной крышки.

Кроме керамики найдены немногочисленные изделия из металла, кости, камня и две золотоордынские монеты: Золотая Орда, Джанибек, медь, тип с цветком, Сарай ал-Джедид 752 г.х. (1351-1352 гг.).

По керамическому материалу, вещевым и монетным находкам, исследованные сооружения датируются XIV веком.

Золотоордынский город у с. Костешты погиб внезапно, вероятнее всего в результате военных действий. Об этом свидетельствуют: выявленные в стенках оврагов и карьера остатки сгоревших полуземляночных жилищ; находки в слое человеческих костей; результаты исследований трех печей для обжига извести, расположенных рядом, две из которых были загружены известняковыми камнями, но процесс обжига не был доведен до конца, а непосредственно на поде третьей находился скелет человека.

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н. 1985а. Неполивная керамика XIV века из Старого Орхея. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.

Абызова Е.Н. 1985б. Комплекс сооружений усадьбы XIV в. в Старом Орхее. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев.

Бырня П.П. 1972. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 году. // АИМ в 1968-1969 гг. Кишинев.

Бырня П.П., Абызова Е.Н. 1979. Отчет о полевых работах Молдавской средневековой экспедиции на поселении XIV в. у с.Костешты за 1978 год. Кишинев.

Бырня П.П., Абызова Е.Н. 1980. Отчет о полевых работах Молдавской средневековой археологической экспедиции в 1979 г. Кишинев.

Довженок В.И. 1961. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР, том X .

Егоров В.Л. 1970. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века. М.

Полевой Л.Л. 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке. Кишинев.

Рикман Э.А. 1955. Археологические работы в 1954 г. на городище Костешты. // Известия МФ АН СССР. № 5(25).

Рябой Т.Ф. 1988. К вопросу о больших домах из Старого Орхея. // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Рябой Т.Ф. 1991. Жилища золотоордынского времени из Старого Орхея. // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев.

Смирнов Г.Д. 1949. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // ИЗИИЯЛ Т.II Кишинев.

Федоров Г.Б. 1951. Отчет о полевых работах Славяно-Днестровской экспедиции за 1950 год.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища. // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. 1960. Археологические раскопки у с.Бравичены в 1956 году. // Известия МФ АН СССР № 4(70). Кишинев.

Porucic T 1934. Câteva cuvinte asupra staţiunilor preistorice dintre Prut şi Nistru. // Arhivele Basarabiei. Chişinău. an.VI, Nr.1.

Ciobanu Şt. 1924. Biserici vechi din Basarabia. // BCMI Sec V din Basarabia. Chişinău.

ОТ ВИЗАНТИИ ДО СТЕПИ

Карл фон дер Лоэ

МОГИЛЬНИК СКАЛИСТОЕ В КРЫМУ И РАННИЕ ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА КРЫМСКИХ ГОТОВ (КОНЕЦ IV — НАЧАЛО VI В.)[1]

Karl von der Loe. The Cemetery Skalistoe in Crimea and Early Phases in the Ethnic Genesis of Crimean Goths (Late IV – Early VI cc.)

The article analyses finds on the site of cemetery in Skalistoe belonging to the epoch of the Great Migrations. The site is situated in Crimea, 20 km south-west of Simferopol. Owing to its continuous existence from late IV to early VIII c., as well as to the well expressed grouping of burials, this cemetery offers a unique possibility to reconstruct structural changes in the ethnic composition of Crimean population. The author considers its geographical situation and available records, the state of the matters in building Crimean chronology for the time of the Great Migrations and early Middle Ages, researches horizontal stratigraphy of the cemetery, distinguishes 4 phases of its development and provides their ethnic interpretation. The researcher makes a conclusion that the foundation of the cemetery in Skalistoe is due to two different ethnics – Sarmatians and Goths. Its further development, however, shows the process of unification of these two peoples, which is manifested in formation of a unified culture, both material and spiritual, including religious beliefs.

А. Вступление

Могильник в Скалистом был раскопан под руководством Е.В. Веймарна в 1958-1960 гг.; материалы изданы им совместно с А.И. Айбабиным (Веймарн, Айбабин 1993). Памятник является одним из первых полностью раскопанных некрополей Крыма. Благодаря своему непрерывному существованию с конца IV до начала VIII в., а также хорошо выраженной территориальной сгруппированности погребений, этот могильник предоставляет уникальную возможность реконструкции структурных изменений этнического состава населения Крыма (Bierbrauer, 1985: 10).

До издания материалов из Скалистого наиболее известным могильником Крыма оставался могильник в Суук-Су, опубликованный уже в начале XX столетия (Репников 1906; 1907; 1909). Если учесть то обстоятельство, что могильники эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья в Крыму раскапывались частично и материалы многих из них остаются недоступными для широкого круга исследователей[2], то в этом отношении материалы Скалистого становятся базовыми для изучения хронологии указанных периодов в истории Крыма. Предлагаемый ниже анализ некоторых проблем хронологии можно рассматривать в качестве первого шага в этом направлении. Результаты анализа в будущем могут быть сопоставлены и проверены с материалами таких больших могильников как Лучистое (Крым) и Дюрсо (Кубань)[3].

[1] Данная статья написана на основании магистерской работы, которая была выполнена мною в 1995/96 гг. в университете Людвига Максимилиана, Мюнхен. Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность госпоже д-ру Г. Гомолка-Фухс (Берлин), господам проф. С. фон Шнурбайну (Франкфурт на Майне) и проф. И.Ионице (Яссы). Выражаю также свою благодарность господам д-ру Б.Анкэ (Берлин) и д-ру И. Корману (Кишинев), которые оказали мне всестороннюю помощь, особенно при обработке каталога. Особую благодарность хочу выразить моему учителю господину проф. Ф. Бирбрауэру, без поддержки которого выполнить данную работу было бы достаточно сложно.

[2] Например: Лобода 1976 (Ароматное); Лобода, Чореф 1974 (Бельбек); Кропоткин 1965 (Чуфут-Кале); Храпунов 1994 (Дружное); Айбабин 1991 (Эски-Кермен); Якобсон 1959 (Херсонес); Веймарн 1963 (Инкерман); Засецкая 1993 (Керчь); Айбабин 1995 (Лучистое); Лобода 1977 (Озерное); Борисова 1959 (Сахарная Головка); Корпусова 1973 (Заморское). См.: Айбабин 1990: 5-7.

[3] Лучистое (более 700 комплексов, раскопки продолжаются): Айбабин 1995; Дюрсо (525 могил, раскопки завершены): Дмитриев 1982.

© К. фон дер Лоэ, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

B. Географическое положение, состояние источников и методические замечания.

Могильник Скалистое находится в районе второй гряды Крымских гор к востоку от Бахчисарая и приблизительно в 20 км к юго-западу от Симферополя, между степной и горной частью Крыма. Из могильников IV — VIII вв. он является наиболее северным и лежит на окраине историко-археологической области Крыма, известной как «Готия»[4].

В 1958 г. были открыты первые комплексы погребений при разработке каменоломен. Тогда же были организованы спасательные исследования, а также зафиксированы остатки полностью разрушенного, вероятно, синхронного ему поселения (Веймарн, Айбабин 1993)[5]. В течение 1959 и 1960 годов удалось исследовать 794 склепа (Веймарн, Айбабин 1993: 3), которые содержали более чем 1195 отдельных погребений[6]. По мнению исследователей, количество разрушенных карьером могил могло составить более 300[7]. К сожалению, в значительной части инвентарных погребений расположение вещей установить невозможно. С одной стороны, это объясняется разграблением могил в древности, а с другой — самим характером спасательных работ[8]. Учитывая плохое состояние источников, к анализу материала следует подходить очень осторожно, а многие выводы можно рассматривать только в качестве предварительных. Кроме того, реконструкции сопровождающего инвентаря во многих случаях можно рассматривать как недостаточно надежные. Принципиально трудна хронологическая оценка долговременных склепов, которые, по сути, являлись семейными усыпальницами. Как правило, они содержат до двух захоронений, реже три или четыре. В отдельных случаях следует предполагать, что склепы содержат погребения трех поколений. Известны случаи дозахоронений[9]. Исключением являются погребения ранней фазы могильника, которые и являются предметом нашего исследования. Принимая во внимание «мешанный» характер инвентаря и ограниченное число качественных комплексов, наиболее приемлемым является метод горизонтальной хронологии («belegungschronologische Analyse»). Метод комбинационно-статистических таблиц (корреляционный) в данном случае едва ли возможен. Только анализ территориальных тенденций позволит зафиксировать пространственное развитие могильника, а вместе с тем и его временную структуру. Существенным является то обстоятельство, что в различные периоды функционирования могильника (конец IV — VIII вв.) захоронения совершались в нескольких раздельных ареалах. Поскольку пространственное развитие этих ареалов устанавливается совершенно отчетливо, то становится возможным анализ и общего развития могильника. Принципиальными для оценки относительной и абсолютной хронологии ранней фазы Скалистого являются данные датировок с других территорий, в частности, Среднего Дуная. Применение метода корреляционных таблиц, по причине плохого состояния источников развитого V в. (ступени D2 и D3), а также учитывая общее состояние публикации памятников Крыма, является практически невозможным[10]. Для периода с конца V в. до начала VII в. он приемлем для закрытых комплексов выразительных женских погребений могильника Суук-Су и необходим, принимая во внимание особенности инвентаря погребений Крыма (Репников 1906; 1907; 1909; Пудовин 1961: 181; Амброз 1995: 81, рис. 6: *5*).

C. К вопросу о состоянии проблемы хронологии Крыма эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья.

До сих пор для Крыма отсутствует приемлемая система точной хронологии. Тем не менее, разработанные Я.Тейралом и Ф.Бирбрауэром модели хронологии эпохи Великого переселения народов для Восточной Европы (ступени D1-D3) позволяют экстраполировать их на материалы Скалистого (Tejral 1988b; Bierbrauer 1991)[11]. При этом не существует каких-либо со-

[4] К вопросу о расположении ср. карту: Айбабин 1990: рис. 1.

[5] К сожалению, ни в плане, ни в каталоге могильника масштаб не указан. Его приблизительные размеры можно рассчитать исходя из координатной сетки: 130 м по оси юг-север и 270 м по оси восток-запад.

[6] Около 65% могил не содержат инвентаря. На планах могильника (карты 1-5) они обозначены черными значками.

[7] На планах эти зоны обозначены точками.

[8] Не понятно также, почему в публикации ни в иллюстрациях, ни в каталоге немногие закрытые комплексы не выделены. Публикацию огромного числа бус (9268 штук) следовало бы представить отдельно.

[9] По данной проблеме важные наблюдения см. Айбабин 1990: 12.

[10] Характерно, что Ф.Бирбрауэр в корреляционной таблице женских погребений с фибулами V в. смог использовать только материалы позднего IV в. и раннего V в. (D1), так как для последующей фазы (D2) практически не оказалось закрытых комплексов из Крыма (Bierbrauer 1991: 545, Abb. 4).

[11] Разработанная А.И.Айбабиным хронология (Айбабин 1979; 1982; 1984; 1985; 1987; 1990) основывается только на принципе типологической близости предметов. Кроме того, данная система не всегда жестко использует закрытые комплексы и не учитывает особенности женского и мужского инвентаря, которые имеют недостаточное количество признаков для комбинации. Поэтому эти результаты следует рассматривать очень критически.

мнений для определения абсолютной даты перехода от ступени C3b позднеримского времени к ступени D1 эпохи Великого переселения народов (Bierbrauer 1980: 132-138; Tejral 1986: 196-199; 1988a: 12-20; 1988b: 225; Bierbrauer 1991: 564; Tejral 1992: 235, 236, Anm. 2; обобщающая работа — Bierbrauer 1994: 117-121; и иначе — Kazanski, Legoux 1988; Kazanski 1992: 192-199). Использование ступеней D2 и D3, которые разработаны прежде всего для среднего Дуная, приемлемы из-за совпадения многих аспектов в развитии Подунавья и Крыма. Некоторые из этих проблем обсуждаются в данной статье, хотя и не столь подробно как заслуживает этого тема (Bierbrauer 1989: 144-147)[12].

Кроме того, существуют отклонения в проблеме датировок, и в частности, в датировке материала эпохи Великого переселения народов в хронологической модели, созданной А.К.Амброзом и дополненной А.И.Айбабиным. Отклонения в датировках материалов Крыма последней трети V в. по отношению к среднеевропейским датам составляют, в частности, более чем 100 лет[13]. Причины этого можно было бы видеть в следующем.

Исключая немногие (к тому же редко закрытые комплексы) полностью или частично опубликованные материалы Лучистого и Херсонеса, до сих пор ощущается недостаток в пригодных для анализа материалах[14]. В этой связи исключительную роль для создания хронологии Крыма имел бы могильник Суук-Су. Исходя из неправильной хронологической оценки материалов Суук-Су, так называемый 1-й горизонт могильника в восточноевропейских исследованиях (работы В.К.Пудовина и Д.Чаллани) датируют с середины VI до середины VII в. (Пудовин 1961: 177-185; Csallany 1962: 73-76).[15] Это определяет начало функционирования могильника приблизительно на 80 лет позже, чем на самом деле. Погребения могильника содержат не только материал развитого V в. (выразительные погребения с монетами второй трети V в. — середины VI в., что осталось без внимания исследователей), но и находки черняховской культуры IV — середины V в. (Амброз 1994: 76 и далее, рис. 1-3; 6-7; 10; Айбабин 1990: 11, 176-181).[16]

Тем не менее, главную причину не совсем удачной датировки материалов Суук-Су и в целом хронологии Крыма вероятнее всего усматривать в особенностях погребального обряда. Они связаны, прежде всего, со спецификой погребений готских мужчин, которые, как правило, не сопровождались инвентарем, что особенно было характерно для конца V и первой половины VI в.[17] Подтверждает это и анализ горизонтальной хронологии могильников Суук-Су и Лучистого. Оказывается, что в Скалистом для периода последней трети V и первой половины VI в. могут быть использованы лишь немногие инвентарные погребения, которые принадлежат женщинам. Погребения мужчин этого периода археологически не выражены. Именно в этой фазе начинает функционировать Суук-Су. По причине безынвентарности мужских погребений горизонтальная стратиграфия обоих могильников зависит от анализа очень унифицированного инвентаря погребений женщин. Эта ситуация (исходя из немногих датируемых монетами комплексов) привела в восточноевропейских исследованиях к тезису о синхронности фибул из богатых женских погребений первой половины VI в. и византийской поясной гарнитуры из погребений мужчин второй половины VI в., которые в целом датировались второй половиной VI — первой половиной VII в. Здесь также отчетливо проявились методические слабости работы с проблематично закрытыми комплексами находок. По этой причине многократные подзахоронения в одном и том же склепе рассматриваются как единый «закрытый комплекс», в то время как, за исключением отдельных случаев, их следует рассматривать как комплекс хронологически последовательных погребений[18].

Последствия подобных ошибочных методических и хронологических представлений особенно отчетливо проявляются при оценке византийских древностей. Вопреки хорошо разработанной относительной и абсолютной хро-

[12] О значении Крыма в развитии среднедунайских материалов см. Tejral 1988a: 36; Bierbrauer 1991: 562, 568; Tejral 1992: 238, Anm. 3.

[13] Амброз 1968: 10-23; 1971a: 96-123; 1971б: 106-134; 1973a: 81-98; 1981: 10-23; 1982: 107-121; 1989: 6-19; последние работы — Амброз 1994: 31-88; Айбабин 1994: 132-142 (с категорическом подтверждением результатов А.К. Амброза). См. критику: Somogyi 1987: 137 и особенно Balint 1992: 395-401.

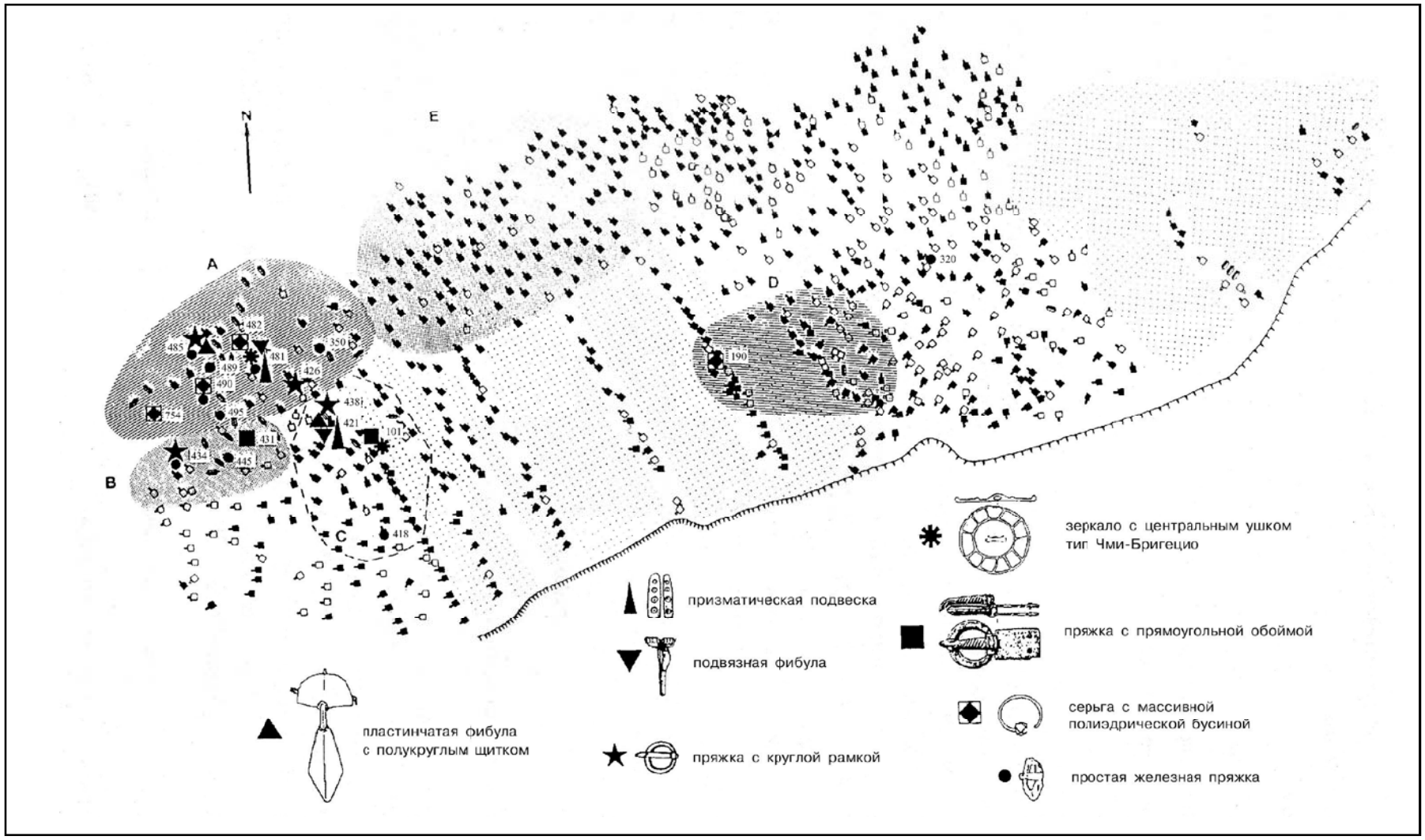
[14] В этом смысле также: Айбабин 1990: 6. Публикация известных комплексов из Керчи: Засецкая 1993; к этому же: Damm 1988. Публикации важных погребений позднего V — VI в., к сожалению, все еще нет. Для большого некрополя Херсонеса все еще остается: Якобсон 1959: 248-281; обобщающая работа: Зубарь 1982. Более новые материалы благодаря работам: Зубарь 1978a; 1978б; 1981; 1983.

[15] Проблемы хронологии Крыма в восточноевропейской историографии см.: Айбабин 1990: 7-10.

[16] Комбинировалось 210 комплексов от раннего IV до VIII вв. по 195 признакам.

[17] Д. Чаллани видел в женском населении Суук-Су готский этникум, в мужских — византийский (Csallany 1962: 73-76).

[18] Особую роль играет могила 56 из Суук-Су с пятью захоронениями: мужское погребение 2, датированное монетами (одна Юстина I, две Юстиниана) с многочастным "византийским" поясом, а также женские погребения 3 и 5 с парными фибулами и орлиноголовыми пряжками (Репников 1906: 15). Ср.: Айбабин 1990: 5 и далее; Амброз 1995: 75.



Карта 1. Фазы 1 (370/380-410/420) и 2 (410/420-440/450).

нологии средиземноморского региона датировки византийских материалов Крыма (преимущественно второй половины VII — рубежа IX/X вв.) отклоняются от нее на несколько десятилетий (Айбабин 1982: 165-192; 1993: 133, рис. 2; Bortoli-Kazanski, Kazanski 1987: 460, fig. 9; Varsik 1992: 85)[19].

Исходя из всего вышесказанного, материалы могильника в Скалистом приобретают важное значение для центральноевропейской хронологии.

D. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Первая фаза (карта 1).

Подвязные фибулы позволяют датировать погребение 421/1 ещё конечной фазой черняховской культуры (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,*15*)[20]. Фибулы найдены на плечах погребенного. Погребение 2 из того же склепа на основе бронзовой пластинчатой фибулы с полукруглым верхним щитком (длина 4,9 см) и призматической подвеской из кости может рассматриваться в том же временном контексте (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 74,*14,19*; Ср.: Kokowski 1996: 157, Abb. 4, 16; Bierbrauer 1994: 108). Предположительно одиночное погребение в западной нише подбойной могилы 481 с фрагментом фибулы с подвязной ножкой, призматической подвеской из кости и зеркалом типа Чми-Бригецио может датироваться уже ступенью D1 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 89,*1*; 88,*23*; 90,*2*)[21]. Если учитывать серебряную пластинчатую фибулу из склепа 421/погр.4 (длина 9 см) и пару серебряных пластинчатых фибул из склепа 485/погр.4 (длиной 7,4 и 7,5 см), которые являются характерными типами фибул ступени D1 в понимании Я.Тейрала и Ф.Бирбрауэра, то начало функционирования могильника в Скалистом следует связывать с концом IV в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 73: *5*; рис. 89:*19*; 90:*1*; Tejral 1988b: 224; Bierbrauer 1991: 564, Abb. 4, 16). Первую фазу развития могильника также хорошо фиксируют пряжки с круглой рамкой и удлиненным заостренным язычком. Они неоднократно встречены вместе с обоюдоострыми мечами в инвентаре погребений 485/1, 426 и 438 и, вероятно, являются поясными пряжками мужского костюма (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,*23*; рис. 76: *35-38,40-41*; рис. 79:*14*; рис. 89: *17*; рис. 90: *2*)[22]. Происхождение пряжек этого типа следует искать в памятниках Северного Кавказа (Абрамова 1993: 164, рис. 66: *1-6*). В Крыму они появляются во второй трети IV в. (Веймарн 1963: 17-19)[23] К сожалению, материалы полностью разрушенного склепа 434 нельзя рассматривать как закрытый комплекс (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 59: *28*; 76: *29-44*; 77: *1-10)*, хотя его находки достаточно точно датируются поздним IV в. Подобную датировку шести экземпляров пряжек с круглой рамкой и удлиненным заостренным язычком подтверждает находка пряжки с округлой обоймой в датированном кладе из Валеа Стрымба в Румынии (по монетам после 376 г.) (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 76,*39*; Bierbrauer 1980: 132, Abb. 4; 1991: 569, Abb. 17,*9)*.

Функционирование могильника начинается приблизительно в одно и тоже время в его западной части в трех пространственно разделенных между собой ареалах, которые условно обозначены мною A, B и C. Эта первая фаза по составу своих находок соответствует ступени D1 и может датироваться периодом между 370/380 и 410/420 гг. (Tejral 1988b: 225).

Вторая фаза (карта 1).

Характерные пряжки, определенные Я.Тейралом в ступень D2, найдены только в двух комплексах Скалистого. Две пряжки происходят из склепа 101 и один экземпляр из погребения в катакомбе 431 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 4: *12,13*; рис. 76: *23*; Tejral 1988a: 29-38). Последняя имеет граненую рамку, тордированную головку язычка и прямоугольную обойму, которая крепилась к ремню одной заклепкой. Их следует отличать от пряжек, скрепленных четырьмя заклепками, которые Я. Тейрал определил как ведущие типы поздней фазы черняховской культуры и ступени D1 (Tejral 1988a: 32 и далее, Abb.15; Tejral 1986: Karte 2; Засецкая 1993: 76, табл. 49,*232,* с. 80, табл. 52,*265*). Зеркало с центральной петлей типа Чми-Бригецио из склепа 101 не противоречит этой датировке (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 4,*16*; Tejral 1988a: 32; тип по: Werner 1956).

Серьги с полиэдрической массивной неорнаментированной бусиной из Крыма следует рассматривать как вещи, характерные для ступени D1. Это определено Я. Тейралом на ос-

[19] Византийские и итальянские находки: Riemer 1992: 119 (распространение и датировка типов пряжек).

[20] Речь идет о фибулах вельбарского типа ступени C3: Kokowski 1991: 143; 1993, T.2: 30, ryc. 21c-d. Они также представлены на позднем этапе черняховской культуры: Рафалович 1986: 138 (погр. 49). К вопросу о фибулах: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,*17*; Ioniţă 1986: 296, Abb. 3,*3*; 1992: 77, 82.

[21] Определяющим для датировки является зеркало. Зеркала с центральной петлей представлены в комплексах Крыма только с конца IV в. Tejral 1986: 211; 1988a: 32; von der Lohe (in Druck).

[22] Ср. мужские погребения с оружием в Крыму IV в. Kazanski 1991: Fig. 6 (Инкерман, погр. 43, 41, 10, 31); Fig. 7, 8, 9,*13-18* (Озерное III, склепы 1 и 2, подбойная могила).

[23] Датированные монетами подбойные могилы 13 (после 324 г.) и 37 (после 337 г.).

новании очень выразительного погребения 22 из Заморского (Tejral 1988a: 32). Серьги этого типа, преимущественно, представлены в первой половине V в. (Bierbrauer 1987: 150, Anm. 49; Heinrich 1990: 93; Quast 1993: 76). К сожалению, малочисленность инвентаря в погребениях с подобными сережками не дает возможности для более точных хронологических определений[24]. Лишь пара серебряных сережек из склепа 190 может датироваться по фибуле типа Прша-Левица приблизительно серединой — второй половиной V в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18: *35*)[25] Размещение погребений с серьгами на могильнике в Скалистом в западном ареале А, а именно по его краям (склепы 481 и 485), подтверждает их датировку первой половиной V в.

Среди находок из Скалистого много небольших простых железных пряжек с овальной рамкой[26]. В опубликованных комплексах могильников Крыма IV в. такие пряжки отсутствуют (Веймарн 1963; Засецкая 1993), как и в комплексах V в. Зато подобные пряжки достаточно часто встречаются на могильниках черняховской культуры, где они использовались, преимущественно, как детали поясных ремней женских костюмов[27]. Пряжки этого типа известны только в женских погребениях из Суук-Су, датируемых V — VI вв. (могилы 61 и 63) (Репников, 1906, табл. 10, *3*). Распространение простых пряжек, например, в западном ареале А совпадает с территорией размещения сережек с полиэдрическими бусинами. Следуя этой закономерности, представляется возможным датировать эти пряжки периодом конца IV — середины V в. Вместе с тем, погребения с подобными пряжками фиксируются и в ареале 2-й фазы могильника (т.е. второй половины V в.), которая представлена слабо выраженными находками. Ориентируясь на начальную дату 3-й фазы могильника, период 2-й фазы можно определить между 410/420 и 440/450 гг.[28]

[24] Находки в склепах 190 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18*: 39-40)*, 482 (рис. 89: *4)*, в подбоях 490/1 (рис. 90: *23-24)*, 490/3 (рис. 90:*25-26*), 754/2 (рис. 116: *6-7*).

[25] На это время указывает и отсутствие сережек с массивными полиэдрическими окончаниями в первой фазе могильника Суук-Су (470/480-510/520 гг.). Ср.: Репников 1906; 1907; 1909.

[26] Находки: склеп 320 (Веймарн: Айбабин 1993: рис. 47: *18*); 350 (рис. 54: *5*); 418 (рис. 71: *6*); 434 (рис. 77: *9*); 445 (рис. 79: *21*); подбои 481 (рис. 88: *24*); 485 (рис. 89: *18*); 489 (рис. 90: *20*); 490 (рис. 90: *22*) и 495 (рис. 92: *13*).

[27] Например: в Тыргшоре: Diaconu 1965: Taf. 85; 88; 109; 119; 122; 124; 127; 131.

[28] Подобные наблюдения относительно слабой выраженности фазы D2 на Среднем Дунае — Tejral 1988b: 291-293. Причину этого Ф. Бирбрауэр видит в «специфике восточногерманских погребальных обычаев» первой половины и середины V в., которая выразилась в бедности или безынвентарности погребений «простого народа» (Bierbrauer 1989: 156).

Третья фаза (Карта 2)

Характерными трансрегиональными типами вещей середины и третьей четверти V в. являются фибулы типа Прша-Левице (Heinrich 1990: 94-96; Bierbrauer 1989: 156; 1991: 555). Фибула этого типа вместе с парными серебряными сережками и пряжкой с круглой обоймой могли составлять единый комплекс, вероятно, ограбленного склепа 190 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18, *35, 36, 39-40*). Почти полная идентичность состава комплексов погребений с фибулой типа Прша-Левице на Среднем Дунае и в склепе 190 из Скалистого позволяет применить датировки этих вещей и для крымских находок. Их распространение характерно для середины V в., периода, охарактеризованного Ф.Бирбрауэром как «открытое пространство» («öffenen Raume») (Werner 1959: 422; Bierbrauer 1991: 550, 568, 579; Heinrich 1990: 95 mit Anm.150; Айбабин 1979: 24, рис. 1,*2*). Сочетание в склепе 190 фибулы типа Прша-Левице и пряжки с круглой обоймой, скрепленной одной центральной заклепкой, указывает на близость датировки этих вещей.

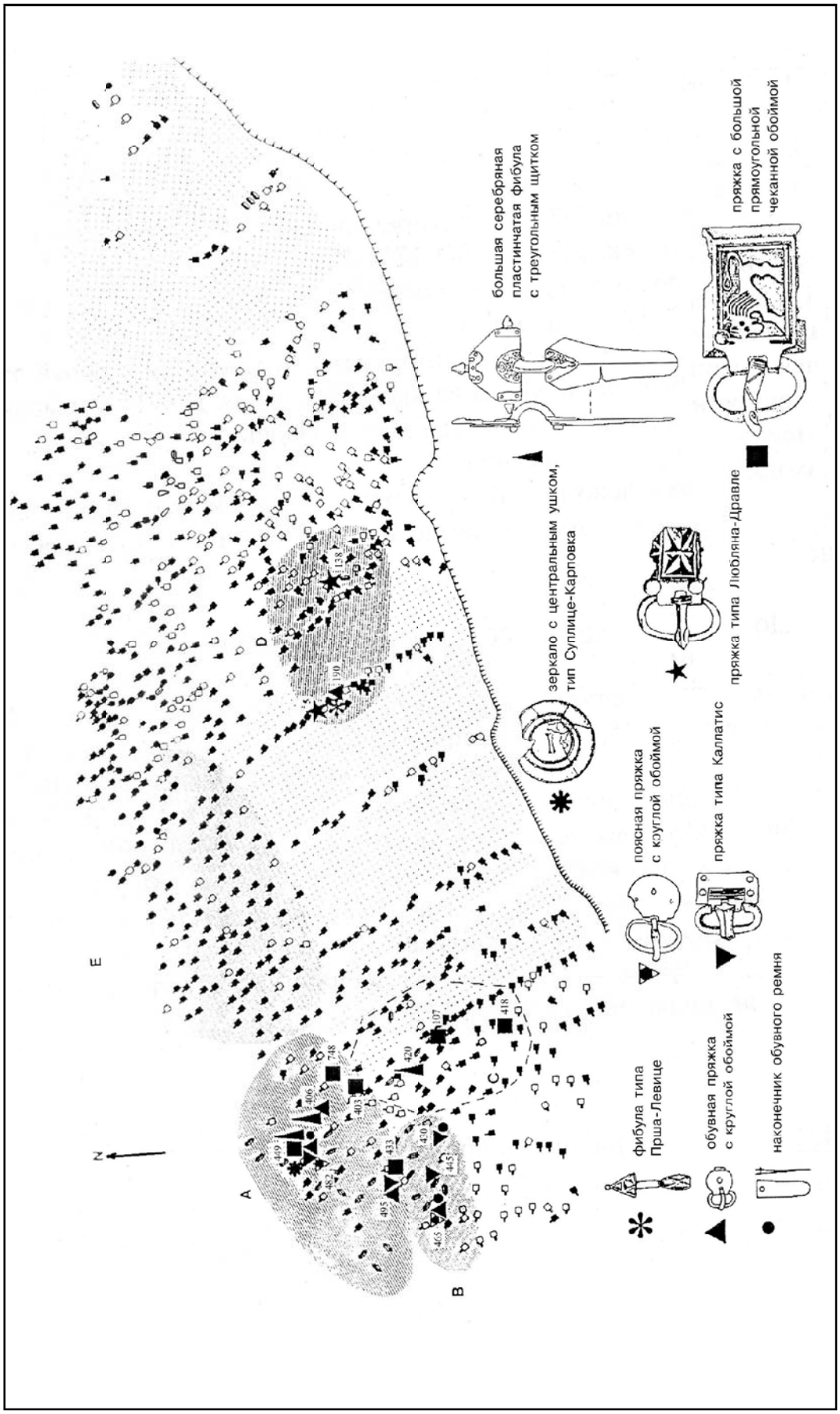
13 экземпляров пряжек с подобной обоймой в Скалистом происходят из семи склепов[29]. Большинство имеют длину от 2,0 до 2,9 см. Их размеры позволяют выделить две функциональных группы. Это обувные пряжки и пряжки для костюма. Пряжки с круглой обоймой из склепа 465 и похожие пряжки, но с обоймой, которая имеет три полукруглых выступа, из склепа 482 на основании их длины (4,6 и 6,0 см) следует определить как пряжки костюма[30]. Хорошо зафиксированное расположение парных небольших пряжек в ногах погребений 1 и 3 из склепа 495 хорошо согласуется с их небольшими размерами (495/1: длина 2,1/2,4 см; 495/3: длина 2,4/2,9 см).

Инвентарь погребений из склепа 495, погр.1 и 3, на наш взгляд, подтверждает существование хорошо выраженной типологически группы серебряных пряжек[31]. Для них характерны удлиненно-овальные литые рамки, массивный язычок и обоймы прямоугольной формы либо в виде овала. Особым типологическим признаком является наличие на лицевой стороне обоймы трапециевидной или прямоугольной напаянной накладки, которая могла быть орнаментирована продольными линиями. Между накладкой и обоймой вкладывался

[29] Веймарн: Айбабин 1993: склепы 190 (рис. 18: *36*); 406 (рис. 66: *4*); 449 (рис. 80: *22:27*); 465 (рис. 84: *1-4*); 495/1 (рис. 92: *1:4*); 495/3 (рис. 92: *2-3*); 482 (рис. 89: *5*).

[30] Веймарн, Айбабин 1993: погр. 465 (рис. 84: *1*); погр. 482 (рис. 89: *5*).

[31] Веймарн, Айбабин 1993: склепы 430 (рис. 76: *1*); 445 (рис. 79: *22*); 449 (рис. 80: *18*); 495/1 (рис. 90: *31*; 92: *5*); 495/3 (рис. 90: *30:32*); 495/5 (рис 90: *33*).



Карта 2. Фазы 3 (440/450-470/480) и 4 (470/480-510/520).

кожаный ремень, который на прямоугольных обоймах крепился четырьмя заклепками, а на овальных — тремя. Распространение пряжек этого типа, определяемых здесь как тип Каллатис (Callatis), зафиксировано от Предкавказья на востоке и до Боснии на западе. Определенная концентрация этих находок наблюдается в Крыму (Kazanski 1994: 162-164). Своей конструкцией и величиной обоймы (от 3,4x1,7 см до 5,4x3,2 см), а также формой язычка и рамки пряжки этого типа отчетливо отличаются от пряжек с небольшой прямоугольной обоймой поздней фазы черняховской культуры (Tejral 1988a: 18, Abb. 5, *2-4*). В последнее время этими вещами занимался М. Казанский в рамках исследования средиземноморских поясных пряжек V — VI вв. (Kazanski 1994: 164, Abb. 13, *23*; 17-21). В отличие от А.И. Айбабина, который датирует пряжки типа Каллатис первой половиной VI в. (Веймарн, Айбабин 1993: 170), М.Казанский датирует их V — началом VI в. (Kazanski 1994: 163). Ранняя датировка пряжек типа Каллатис возможна, если принять во внимание инвентарь могилы 291 некрополя Дюрсо под Новороссийском на Кубани (Дмитриев 1982: 83, рис. 5: *38-47*; Амброз 1989: 104, рис. 18: *1-8*; Kazanski 1994: 194, Abb. 21: *1-11*). Стеклянный бокал с накладками из синего стекла, а также серебряная пластинчатая фибула четко датируются первой половиной — серединой V в. Незакрытый комплекс погребения 14/1914 из Херсонеса не может быть использован для уточнения датировки (Kazanski 1994: 192, Abb. 19: *1-4*; Амброз 1994: 78, рис. 3)[32].

Закрытые комплексы из склепа 495/погр. 1 и 3 позволяют сделать предположение о том, что комплект костюма состоял из пряжек типа Каллатис, которые использовались как пряжки для одежды, и парных обувных пряжек. Такую комбинацию возможно предполагать также и для разрушенных комплексов склепов 449 и 465. Дальнейшее выделение подобных комбинаций возможно будет делать на основе закрытых комплексов погребального инвентаря[33]. С большей долей вероятности как обувную гарнитуру следует рассматривать небольшие парные наконечники ремней из склепов 430 (размеры 2,9/2,9 см), 449 (3,4/3,0 см) и 465 (3,0/3,0 см) (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 76: *4-6*; 80: *21,24*; 84: *5-7*; Quast 1993: 87, Abb. 52). Учитывая устойчивую связь хорошо датируемых фибул типа Прша-Левица с такой комбинацией деталей одежды, третью фазу развития могильника в Скалистом возможно соотнести со ступенью D3 и датировать временем между 440/450 и 470/480 гг. Предполагаемая датировка полиэдрических сережек первой половиной V в. хорошо согласуется с картиной распространения пряжек с округлой рамкой и типа Каллатис, так как комплексы находок, в частности, в ареале А, преимущественно расположены на краях по отношению к предыдущей фазе развития могильника.

Четвертая фаза (карта 2)

Большие пряжки с одночастными прямоугольными серебряными обоймами могли быть орнаментированы различными комбинациями крестов или зооморфных мотивов, выполненных в чеканной технике[34]. Обычно имеют массивный литой язычок с остроугольным, «крышеобразным» поперечным сечением и четким звериноголовым окончанием, которое имеет выпуклые глаза. Основа язычка обозначена либо поперечным рифлением, либо глубокими насечками. Преимущественно рамки этих пряжек массивные, литые, неорнаментированные, удлиненно-овальной формы[35]. Пластины обойм скреплялись четырьмя заклепками с полусферическими шляпками. За исключением погребения 2 склепа 107 из Скалистого, невозможно указать на другие закрытые комплексы. В то же время на могильнике в Суук-Су известно шесть очень выразительных погребальных комплексов[36]. Как правило, пряжки этого типа сочетаются с большими пластинчатыми фибулами с полукруглой с усеченными сторонами или полукруглой головной пластиной и парными серебряными браслетами с расширенными окончаниями. Хронологическое значение имеет здесь инвентарь погребения 91 с зеркалом типа Суплице-Карповка, которое на этом могильнике является единственным и, вероятно, одним из последних в Крыму экземпляров зеркал с центральной петлей эпохи Великого переселения народов. Ориентируясь на этот «гарантированный» инвентарный комплекс, можно реконструировать инвентарь разрушенного погребения склепа 449[37]. Большие парные фибулы, пряжки с прямоугольными чеканными обоймами, серебряный браслет с расширенными концами, а также зеркало с центральной петлей типа Суплице-Карпов-

[32] Состав вещей из этого комплекса указывает на то, что они, возможно, принадлежали двум погребениям: первое — пряжка типа Каллатис и фибула-цикада; второе — пряжки типа Любляна-Дравле и трехпальчатая фибула с волютным декором на щитке (тип Гурзуф по Kühn 1974: 728).

[33] Ср. могила 1/1964 в Братеи, Harhoiu 1994: 160 (Nr. III.1)

[34] Веймарн: Айбабин 1993: склеп 107/2 (рис. 5: *21*); 433 (рис. 77: *11*); 449 (рис. 82: *12*); 748 (рис. 110: *12*); 403/3 (рис. 65: *18*); 418 (рис. 71: *2*); Айбабин 1990: 207, рис. 28: *5* (Лучистое, склеп 10).

[35] Исключение: Репников 1906: 71, рис. 49 (могила 90/1).

[36] Репников 1906 (могилы 67/1; 90/1; 91); Репников 1907 (могила 155/1); Репников 1909 (могилы 196 и 198).

[37] Репников 1906: табл. 7: *4* (парные фибулы); рис. 47 (пряжка); табл. 11: *16* (пара браслетов); рис. 68 (зеркало).

ка образуют полную комбинацию готской одежды, которая в деталях — за исключением недостающего браслета — соответствует инвентарю ненарушенного погребения 91 из Суук-Су[38]. Важным является то, что на Среднем Дунае зеркала с центральной петлей на исходе V в. в погребениях больше не встречаются (Bierbrauer 1991: 575, Abb. 4).

Между тем, погребения с прямоугольным чеканными обоймами на могильнике в Скалистом примыкали непосредственно к погребениям ступени D3 ареала А. Поэтому они могут датироваться преимущественно последней третью V в.[39]

С территории Среднего Дуная можно привести ряд комплексов с пряжками с серебряными пластинчатыми обоймами. Там также было характерно использование заклепок с полусферическими шляпками, литых неорнаментированных рамок, звериноголовых язычков с остроугольным, крышеобразным поперечным сечением. Таким образом, формально они соответствуют пряжкам Крыма. Ф.Бирбрауэр определил среднедунайские находки в тип А1 и предложил несколько иную их хронологию сравнительно с А.Гётце[40]. Здесь они преимущественно датируются второй и третьей четвертью V в. (фазы D2b — D2/D3 — D3)[41].

Серебряная пряжка из склепа 5 с прямоугольной чеканной обоймой, глубоким, геометрический орнаментом также относится к последней трети V в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 3: *1*). Данная пряжка обнаруживает все характерные черты пряжек типа Любляна-Дравле (Ljubljana-Dravlje), однако отличается от этого типа одночастной конструкцией оковки (Bierbrauer 1975: 130). По особенностям своей конструкции ее следует отнести к пряжкам группы А1 по Ф. Бирбрауэру (Bierbrauer 1975: 127-129). Возможно, они послужили прототипом для пряжек типа Любляна-Дравле, которые были распространены в гепидских и остготско-итальянских древностях последней трети V в. В Крыму пряжки с одночастной обоймой находят свое соответствие среди пряжек с прямоугольными чеканными пластинчатыми обоймами из погребения 49 в Суук-Су , склепа 64/погр. 4 в Лучистом, а также в литой форме из Скалистого, склеп 138 и погребении 14/1914 в Херсонесе[42]. Наиболее существенным различием между пряжками типа Суук-Су, мог. 49, Лучистого, склеп 64/4 и Скалистого, склеп 138 и пряжками с прямоугольной чеканной обоймой является наличие спирального орнамента на рамке, который сближает их с горизонтом орлиноголовых пряжек Крыма. Использование заклепок с полусферическими шляпками, язычков с остроугольным, крышеобразным поперечным язычком и преимущественно неорнаментированных рамок позволяет разделять серебряные пряжки с чеканными пластинчатыми обоймами и орлиноголовые пряжки, которые орнаментально и по сопутствующим вещам рассматриваются как более ранние, чем пряжки типа Любляна-Дравле. Эту последовательность подтверждает также состав инвентаря могильника Суук-Су. Исходя из появления в горизонте орлиноголовых пряжек новых предметов женского костюма (например: пирамидальные, золотые чеканные бляшки и конусообразные бронзовые колокольчики) и хорошо выраженной горизонтальной стратиграфии могильника в Скалистом можно признать появление этих предметов более ранним (в смысле относительной хронологии)[43].

Важным является тот факт, что склепы 5 и 138 с пряжками типа Любляна-Дравле, а также хронологически близкий склеп 190 второй половины V в. занимают обособленное от ареалов А-С положение. Находки, к сожалению, не позволяют высказаться более определенно, идет ли здесь речь о пришлом или же о прежнем населении.

Большие серебряные фибулы с головными пластинами, близкими к подтреугольной форме, в Скалистом происходят из четырех склепов. Единственный полностью сохранившийся инвентарь оказался в погребении 420/3[44]. Вместе с парой фибул в комплекс погребения следует внести орлиноголовую пряжку, серебряный браслет с расширенными концами, а также три золотых пирамидальных чеканных бляшки. При погребении 420/1, к сожалению, оказалась лишь одна серебряная пластинчатая фибула. Прочий инвентарь, найденный в этом склепе

---

[38] Веймарн: Айбабин 1993: склеп 449: реконструированное погребение: рис. 80: *26*; 82: *5* (парные фибулы); 82: *12* (пряжки); 59: *14* (браслет); 59: *13* (зеркало). К вопросу о восточногерманском (готском) костюме V — VI вв. см.: Martin 1994: 544; Bierbrauer 1994: 144: 159.

[39] Датировка этих вещей допустима до середины VI в.: но не так, как предлагается А.К. Амброзом (1994: 81: рис. 6: *21-22*; 7: *10-11*) и А.И. Айбабиным (1994б: 142) — вплоть до первой половины VII в.

[40] Bierbrauer 1991: 555 и далее; Abb. 12, *2* (Gyulavar); 13, *7* (Brescia [?]); 7 (Zemun); 20, *6* (Dabronc-Otvos); Bierbrauer 1975:127-129.

[41] М.Мартин рассматривает эти пряжки как продукт романских мастерских (Martin 1991: 68). Критику см.: Bierbrauer 1994: 147, Anm. 299.

[42] Суук-Су: Репников 1906: табл. 9, *3* (лучшая иллюстрация — Айбабин 1990: рис. 24, *6*); Скалистое: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 9, *1*; Херсонес: Айбабин 1990: рис. 24, *1*; Лучистое: Айбабин 1994б: 134, рис. II, *54*.

[43] Суук-Су, мог. 46/2; 56/5; 61; 89: Репников 1906; Скалистое, склеп 420/3: Веймарн, Айбабин 1993, рис. 72, *22-24* (пирамидальные чеканные бляшки). Скалистое, склеп 258: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 26, *25-27* (конусообразные колокольчики).

[44] Склеп 420 был опубликован одним из первых (Веймарн 1979: 35), и там изображены несколько иные фибулы, чем опубликованные позже (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 71, *8-21*; 72, *1-31*; 73, *1-4*). Фибула, опубликованная в работе Айбабина 1990 (рис. 11, *1*), не соответствует обеим публикациям.

вне контекста, вероятнее всего, следует отнести к этому погребению[45]. Учитывая закрытый комплекс погребения 91 из Суук-Су, возможно реконструировать находки из разрушенного склепа 449 с учетом парных фибул с головной пластиной подтреугольной формы приблизительно как полный инвентарь могилы (см. выше). Из полностью разрушенного склепа 406 происходит фрагмент ножки фибулы, который по соотношению длины и ширины, вероятно, принадлежал фибулам большого размера с подтреугольной или полукруглой верхней пластиной[46]. Длина этих, столь характерных для Крыма фибул составляет от 18 до и 23 см.

Детальная хронология серебряных фибул Крыма с подтреугольной или полукруглой головной пластиной невозможна без учета типологической дифференциации их специфических особенностей. Очень важным представляется вопрос об их происхождении.

Фибулы с полукруглыми и подтреугольными щитками украшены накладками с, преимущественно, геометрическим чеканным орнаментом на концах спинок, декоративными кнопками, что можно оценивать как признаки, формально близкие фибулам Среднего Дуная. Следовательно, их можно сравнивать, скорее всего, с фибулами из Дюла (Gyula), Кишкунфеледюхаза (Kiskunfelegyhaza) и Тисалок (Tiszalok), которые на Среднем Дунае датируются временем около середины V в. и определены Ф. Бирбрауэром в фазу Лаа-Бакодпуста (Laa-Bakodpuszta) и, соответственно, в переходной горизонт D2/D3 (Bierbrauer 1991: 555-560, Abb. 9; 10: *1-3*; 11: *1*; 12: *1*). Конечно, имеется важное различие в том, что накладки у крымских фибул не накладывались на верхний диск, а все без исключения приклепывались. Конструктивно это необходимая операция, так как лицевая сторона фибулы обшивалась серебряными пластинами и посредством заклепок накладные бляшки крепились с основой бронзовой пластине[47]. Устройство иглодержателя из бронзовой пластины размещалось на головной пластине и ножке. Литые, серебряные дужки-спинки, диск головки и ножки склепывались или скреплялись штифтами[48]. Аналогичную конструкцию на Среднем Дунае найти нельзя. В этом можно видеть самостоятельное развитие фибул Крыма. Их конструкция, несомненно, основывается на образцах первой половины-середины V в. с конструкцией рамки из бронзовой пластины, а начало их производства приходится на середину V в. Исходя из реконструированного инвентаря из склепа 449 в Скалистом и количественно и качественно содержательного инвентаря могил 67/1, 90/1, 91, 196 и 198 в Суук-Су (все парные фибулы в этих погребениях сопровождались пряжками с одночастными, прямоугольными чеканными обоймами), фибулы этого типа в Крыму следует датировать от последней трети V в.[49] Это подтверждается и представленным выше анализом размещения склепов с пряжками с прямоугольными чеканными обоймами в системе горизонтальной стратиграфии могильника.

Анализ найденной в Скалистом, склеп 420/погр. 3, орлиноголовой пряжки показал, как важна и необходима типологическая дифференциация этого типа пряжек, так как они представляют в Крыму стандартизированную форму поясной гарнитуры женского костюма для всего VI в. и, в некоторых случаях, раннего VII в.[50] Орлиноголовые пряжки Крыма, между прочим, из-за исключительного применения спиральных витков на рамках, крепления столь характерными заклепками с полукруглыми шляпками и на основе литых, орнаментированных кербшнитным орнаментом обойм, следует классифицировать как более ранний хронологический признак. Также в развитии инвентарных комбинаций (в корреляционных таблицах) они сменяют чеканно-пластинчатые пряжки. Однако, неясным остается абсолютная хронология этого изменения. Отсутствие датированных монетами погребений оставляет только путь сравнения формы изделий.

Интересной является орлиноголовая пряжка с рамкой, орнаментированной ячейками, и квадратной обоймой с четырьмя центральными ячейками, которая, предположительно, происходит из Керчи (Götze 1907: 17 (N32), Taf. 8, *2*; Rusu 1959: 498, Abb. 8, *4*). На основе упомянутых элементов отделки ее следует датировать концом V — началом VI в. (Rusu 1959: 497 (Nr.10a), 511). Возникновение орлиноголовых пряжек следует связывать, вероятно, с периодом около 500 г.[51] Выделен А.К.Амброзом и несколько по-новому дополнен А.И.Ай-

[45] Сравни детальную оценку предметов в работе: Веймарн 1979: 35-37.

[46] Находки больших пластинчатых серебряных фибул: Веймарн, Айбабин 1993: склепы 420/1 (рис. 73, *2*; 71, *15*/?/), 420/3 (рис. 72, *1*; 73, *2*). 449 (рис. 80, *26*; 82, *5*); 406 (рис. 66, *12*).

[47] Очень хорошие иллюстрации см. Айбабин 1994: 152, рис. 8, *1*; 9.

[48] Это хорошо показано в работе: Treasure 1989: 29 (№ 50), Abb. 50.

[49] Этот тип фибул был датирован второй половиной VI — VII вв.: Амброз 1994: 75; Айбабин 1994: 141-142. Для датировки, в частности, использованы монеты из Суук-Су — Юстина I, Юстиниана (две), Маврикия Тиберия после 582/597 (Репников 1906: погр. 56/2, 77/2). Оба погребения являются мужскими без единого предмета женского костюма! Правильная трактовка: Götze 1907: 19; у других она также ошибочна: Rusu 1959: 28; Bierbrauer 1971: 138.

[50] Веймарн, Айбабин 1993, склеп 420/3 (рис. 73: *1*); Эски-Кермен, склеп 257/6 с terminus post quem от 629 г.; ср.: Айбабин 1982: 184-186, рис. 10: *1-3,5,10*; Айбабин 1994: 131.

[51] А.К. Амброз соотносит I-ю группу орлиноголовых пряжек с первой фазой развития могильника Суук-Су, которую датирует между 550-600 гг. (1994: 75, 81, рис. 6).

бабиным такой типологический признак, как длина держателя кольца-рамки, на который крепилась рамка и язычок (Айбабин 1994а: 141). Пряжки, рамки которых оправлены в короткие держатели, следует рассматривать как самые ранние варианты[52]. Эта, вероятно, самая ранняя серия орлиноголовых пряжек встречается исключительно вместе с серебряными пластинчатыми фибулами с подтреугольной верхней пластиной[53]. Сверх того, эти группы вещей смыкаются между собой благодаря использованию ромбовидного геометрического кербшнитного декора шеи орлиной головы, а также наличием четырех угловых круглых ячеек[54].

Орлиноголовые пряжки с длинным держателем рамки в Крыму являются составной частью одежды вместе с бронзовыми пальчатыми фибулами группы II по И.Вернеру. Та комбинация инвентаря, которая фиксируется горизонтальной стратиграфией и корреляционными таблицами материала могильников Скалистое и Суук-Су, позволяют датировать их второй половиной VI в.[55]

Инвентарь и короткие держатели орлиноголовых пряжек погр. 420/3 из Скалистого позволяют отнести их к ранним изделиям этого типа, а вместе с тем вторая фаза Суук-Су соотносима с 5-й фазой Скалистого и, таким образом, может датироваться периодом между 510/520 — 550/560 гг.

Неоспоримым остается то, что пряжки с прямоугольным обоймами, типа Любляна-Дравле, и большие серебряные фибулы с подтреугольной или полукруглой головной пластиной крымского варианта совершенно определенно следует датировать последней третью V — началом VI в. (470/480-510/520 гг.). В какой мере развитие костюмного и инвентарного набора Крыма и Среднего Дуная во второй половине V в. шло параллельно, при современном состоянии публикации источников решить однозначно не представляется возможным. При более близком рассмотрении имеющихся в Крыму находок ступени D3, их схожесть с материалами Среднего Дуная представляется как очень вероятная[56]. И напротив, несомненно, что готский костюм Крыма — по материалам могильников Суук-Су и Скалистое — с пластинчатыми серебряными фибулами с подтреугольной или полукруглой головной пластиной консервируется до середины и начала второй половины VI в.[57] Этот континуитет, вместе с тем, стоит в отчетливой противоположности к развитию Среднего Подунавья и Италии остготского времени.

Керамика (карта 3)

Описания каталога и иллюстрации в публикации делает оценку позднеримской столовой посуды из Скалистого крайне затруднительной[58]. По мнению А.И.Айбабина, вся эта керамика отличается плохим качеством, что выразилось в плохой обработке поверхности сосудов. Несомненно, речь идет о краснолаковой посуде (сигиллята), которую следует в большинстве своем определять как «Late Roman C Ware» (Hayes 1972: 323-370). Преимущественно, она представлена формами 1 и 3, по И.В.Хейс, и хронологически отнесена им в период конца IV — первой половины VI в. (Hayes 1972: 327, 336-337)[59].

Лишь миска из погребения 1 склепа 421 в данной комбинации инвентаря хронологически определяется более точно. По инвентарю (две подвязные фибулы черняховского времени) миска может датироваться поздним IV в. Остальные экземпляры по распределению их в хронологических зонах могильника следует

[52] Характерно, что пряжки с прямоугольными обоймами снабжены исключительно коротким держателями. Ср.: Айбабин 1990: 206, рис. 27, *4-6*; 207, рис. 28, *1-3,5*.

[53] Суук-Су, погр. 46/2; 56/3; 56/5 (Репников 1906).

[54] Шейный декор большинства орлиноголовых пряжек Крыма позволяет их дифференцировать также по наличию орнамента либо в виде штрихов, либо углублений в форме полумесяцев, что однако, в отличие от длины обоймы, пока еще не имеет выраженной хронологической позиции. И напротив, можно указать на многочисленные находки гепидских пряжек с короткой обоймой, которые, как правило, имеют другую форму головы/клюва, но при этом близкое декоративное оформление (орнамент, украшение камнями-вставками), и фиксируются в хорошо датированных комплексах начиная от развитого VI в. Ср.: Rusu 1959: 2, Abb. 1; Bóna 1990: 88, Abb. 5; Vinski 1968; Gomolka-Fuchs 1995: 100-102 с оправданной критикой восточноевропейских исследований.

[55] Пальчатые фибулы найдены в Суук-Су в погребениях 28; 86/1; 131/1; 154/1 (Werner 1950: 162-165; историографию вопроса см. Fiedler 1992: 91-105; Vagalinski 1994). Кроме того, этот период сопоставим с развитием гепидских орлиноговых пряжек, т.к. пряжки с удлиненным держателем более не встречаются нигде.

[56] Особенно пряжки типа Любляна-Дравле; Bierbrauer 1991: 568

[57] В этом хронологическом горизонте имеются также литые, серебряные и бронзовые, пальчатые фибулы с тремя-пятью кнопками. Разумеется, в нашем распоряжении относительно мало закрытых комплексов: Репников 1908 (могила 155/1); Айбабин 1990: 193-195; рис. 2; Айбабин 1994б: 133 и далее, рис. 2,*50-51*; рис. 2,53 (склеп 54/12 из Лучистого).

[58] Веймарн, Айбабин 1993: склепы 3с (рис. 3: *18-19*); 101 (без рисунка); 127е (рис. 7: *17*); 406 (рис. 66: *17:22*); 418 (рис. 71: *4*); 421/1 (рис. 74: *8*); 434 (рис. 76: *29:31*); 457 (рис. 59: *17*). О столовой керамике: Веймарн, Айбабин 1993: 190.

[59] А.В. Сазанов предлагает для Крыма и Северного Причерноморья несколько отличную датировку этой посуды (1994: 422).

Карта 3. Распространение керамики.

датировать преимущественно концом IV — V в.

На могильнике в Скалистом количественно преобладает керамика местного производства. Функционально она может быть разделена на кувшины и миски[60]. За некоторым исключением, их распространение ограничивается ареалами A, B, C и D. Согласно горизонтальной стратиграфии могильника, эти сосуды характерны для 1-4 фаз его развития. Многочисленные параллели имеются на сарматских некрополях Крыма IV в. (Веймарн, Айбабин 1993: 193; Храпунов 1995: 183, рис. 14, *44-47,50-51*; Веймарн 1958: 22, рис. 14, *7-11;* единично также в Суук-Су: Репников 1906: табл. 4, *26*; Репников 1907: 106, рис. 9). За исключением керамики из склепов 421 и 434, которую А.И. Айбабин определил как черняховскую (Веймарн, Айбабин 1993: 192, рис. 74, *1-2*; рис. 76, *1*), эта посуда может рассматриваться как сарматская. Хорошо документированные комплексы указывают на наличие некой регулярной комбинации сосудов, состоящей из кувшина и чаши[61]. Эта керамика указывает на непрерывность функционирования могильника в V в., в частности, в пределах ареалов C и D.

Вооружение (карта 4)

Хронология предметов вооружения, найденных на могильнике (в виде комплексов либо отдельных предметов), в силу отчетливой их концентрации в ареалах A, B и C не представляет больших проблем[62]. Так, более или менее, повторяющиеся комбинации предметов состоят из меча (Spatha) и поясной пряжки с круглой рамкой и острым язычком, которые найдены, например, в погребениях 426, 438 и первичном погребении склепа 485. Учитывая устойчивое сочетание этих предметов (что неоднократно отмечено также в Инкермане), такой состав предметов может быть реконструирован для полностью разрушенного погребения из склепа 434. При этом, мечу принадлежит бусина-навершие из халцедона. Четыре погребения с мечами, соотносимые с первой фазой существования Скалистого и характерными пряжками с круглой рамкой и острым язычком, могут быть датированы концом IV — началом V в. Особенно следует обратить внимание на длинный меч из погребения 438 с железным перекрестьем, что характерно для горизонта D1[63]. К фазе D3 следует относить оружие из погребений 1 (меч) и 3 (однолезвийный короткий меч) из склепа 495 из-за найденных здесь поясных пряжек типа Калладис и обувных пряжек. Также к горизонту D3 может быть отнесен меч из склепа 430, так как здесь найдены предметы, сопоставимые с гарнитурой из погребений 1 и 3 склепа 495. На основе горизонтальной хронологии первых четырех фаз в Скалистом мечи из склепа 482, подбоя 488, а также однолезвийный короткий меч из подбоя 496а возможно соотносить с концом IV — второй половиной V в. Однолезвийный короткий меч из склепа 163 благодаря своему расположению следует вероятно соотносить с четвертой фазой развития могильника в Скалистом.

Погребения с мечом и\или коротким мечом в Крыму преимущественно соотносятся с IV в. (Kazanski 1991: 494, 499). Не позже чем в IV в. в Крыму появляется обычай использовать с магической целью бусы, как навершия мечей (Werner 1956: 28-37; Anke (im Druck)). Подобные навершия происходят из хорошо документированных комплексов, которые позволяют рассматривать их как своеобразную дань мертвым «*pars pro toto*» (Веймарн 1963: 26)[64]. Недостатки источниковедческой базы могильников Крыма V в. не позволяют делать какие-либо определенные выводы относительно дальнейшей практики использования оружия в погребальных ритуалах. Опубликованные комплексы VI в. свидетельствуют о том, что в это время она уже не применялась.

Искусственная деформация черепа (карта 4)

24 деформированных черепа были обнаружены в трех подбойных могилах (5 черепов) и в шестнадцати склепах (19 черепов)[65]. По особенностям инвентаря и своего зонального расположения эти погребения соотносятся с третьей и четвертой фазами развития могиль-

[60] Веймарн, Айбабин 1993; сокращения: K = кувшин: M = миска: склеп 12 (M; рис. 3: *24*); 72 (2M; рис. 4: *3-4*); 101 (K/2M; рис. 4: *11,14,17*); 107 (K/M; рис. 5: *2-3*); 116 (K/M; рис. 5: *29.32*); 138a (2K; рис. 9: *4-5*); 146a (M; рис. 9: *2*): 151 (K; рис. 12: *11*); 153 (3K; рис. 12:1 *5-16,19*); 155 (K; рис. 12: *20*); 180 (K; рис. 18: *16*); 190 (M; рис. 18: *37*); 284a (M; рис. 34: *20*); 336 (2K/M; рис. 52: *1-2,7*); 350 (K/M; рис. 54: *1-2*); 403 (K; рис. 65: *19*); 406 (4K/ M; рис. 66: *23,26-28*); 421 (4K/ 2M; рис. 74: *3-7*); 428 (M; рис. 75: *27*); 430 (2K; рис. 75: *33-34*); подбой 431 (K/M; рис. 76: *24-25*); 443 (K; рис. 79: *19*); 449 (K; рис. 82: *14*); 460 (3K; рис. 83: *31-33*); 482 (K; рис. 89: *3*); 485 (M; рис. 89: *12*); подбой 490 (2K/2M; рис. 90: *21,27-29*); 495 (2M; рис. 92: *12,14*); 496a (K/ M; рис. 92: *2-21*); 615 (M; рис. 102: *3*); 644 (3K/ M; рис. 103: *23-25*; 107: *1*); подбой 748 (M; рис. 110: *11*) и подбой 754 (2K/ M; рис. 116: *3-5*).

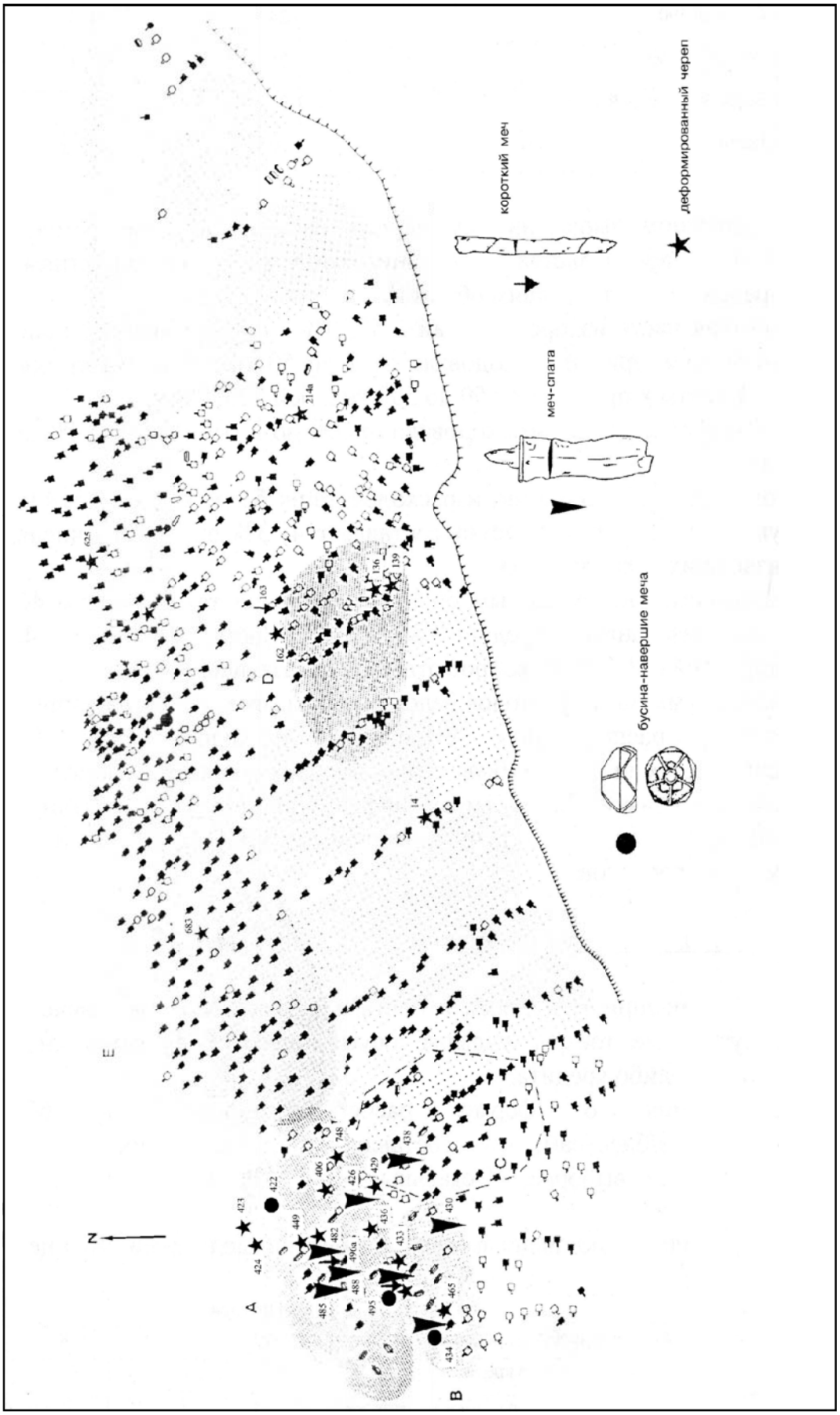
[61] Например: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 116, *3-5*; рис. 90, *21,27-29*.

[62] Веймарн, Айбабин 1993; наличие мечей: подбой 426 (рис. 75, *26*); 430 (рис. 76: *20*); 434 (рис. 77: *1*); подбой 438 (рис. 79: *12*); 482 (рис. 89: *11*); 485/1 (рис. 89: *22*); подбой 488 (без рис.); 495/1 (рис. 92: *16*); наличие односторонних коротких мечей: 163 (рис. 14: *8*, 36x4cm); 496a (рис. 92: *19*, 38x4cm); 495/3 (рис. 92: *18*, 46cm); наличие крупных бусин: 422 (рис. 75: *15*, горный хрусталь; *17-18*, халцедон); 434 (рис. 77: *10*, халцедон), 495/5 (рис. 92: *15*, янтарь).

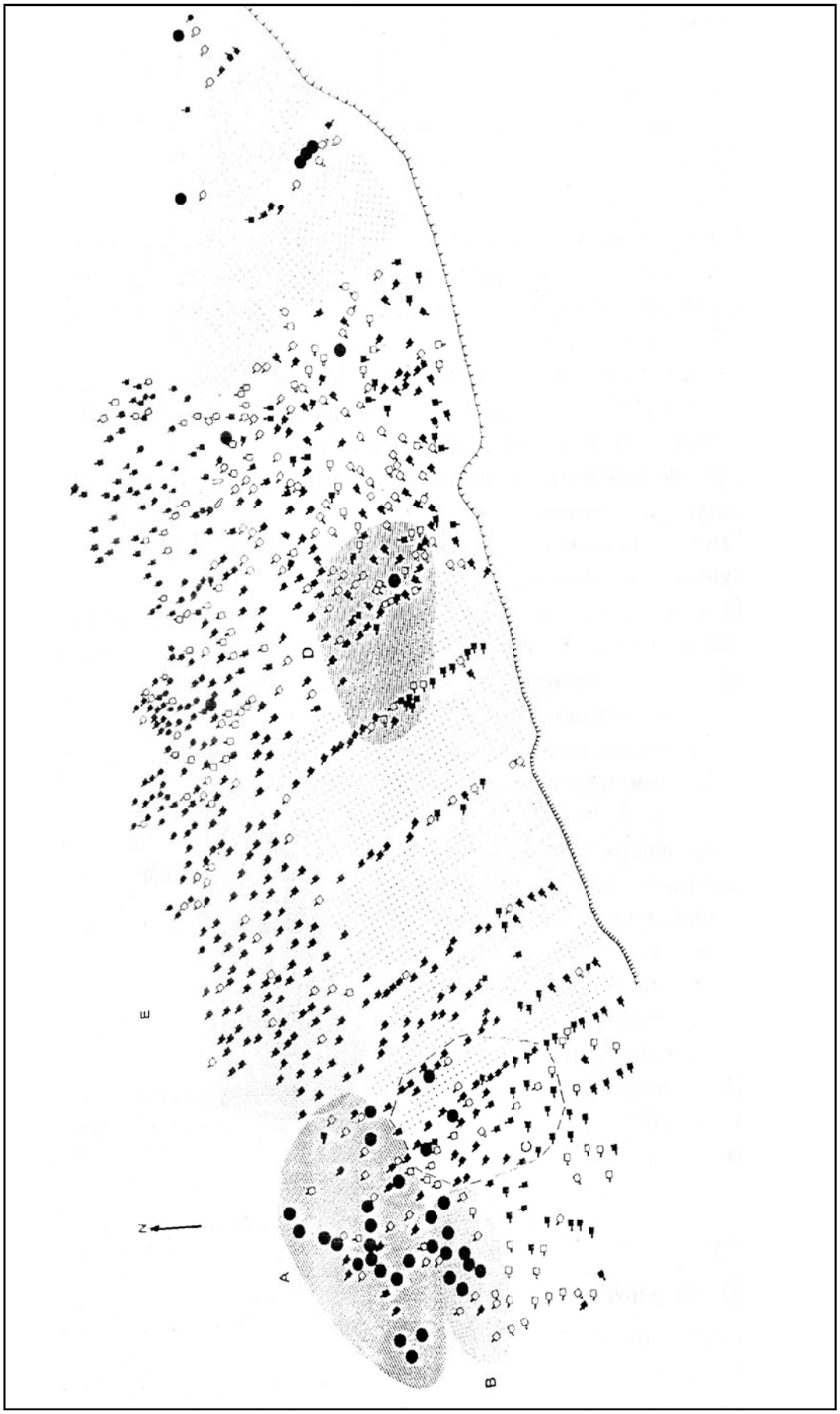
[63] Информация любезно предоставлена Б. Анке (Берлин); ср.: Anke (im Druck); Menghin 1994/95: 165-175, 184, Abb. 42.

[64] Подбой с «Zwiebelknopffibel» типа Келлер/ Претл 3/4 D. О датировке типа: Pröttl 1988: 359 и далее.

[65] Веймарн, Айбабин 1993: склепы 14/2 (ребенок); 136; 139 (мужчина, 40-45 лет); 162/.2 (муж-



Карта 4. Распространение вооружения и случаев искусственной деформации черепа.



Карта 5. Распространение могил с подбоем.

ника в Скалистом. Таким образом, можно утверждать, что погребения с искусственно деформированными черепами не характерны для позднего IV в. и первой половины V в.[66] Лишь три деформированных черепа принадлежат, вероятно, к периоду второй половины VI и первой трети VII в. (склепы 214a, 356, 625).

Могилы с подбоем (карта 5)

Концентрация этих могил наблюдается в ареалах A и B[67]. В ареале C известны лишь две могилы с подбоем. Погребения с подбоем ареалов A и B хорошо определяются хронологически, т.к. они охватывают фазы от 1-й до 4-й. Лишь единичные случаи могут быть датированы концом VI — VII в.

Подбойные могилы появляются в Крыму самое позднее с конца II в., склепы с конца III в. (Айбабин 1987: 164-168). Примечательным для могильников Крыма является уменьшение количества типов могильных сооружений. Так с конца IV в. на многих могильниках представлены лишь погребения в подбоях и склепах[68].

E. Этническая интерпретация четырех фаз развития могильника

Анализируя археологические материалы Крыма позднего IV в. с этнической точки зрения, следует учитывать переселение значительных групп черняховско-готского населения[69]. Это население проявляет себя, в частности, в специфике костюма погребений склепов 421 и 485, расположенных в ареалах A и C. Согласно культурной модели римского времени, готские мужчины погребены без инвентаря и, прежде всего, без оружия (Bierbrauer 1994: 108). В этом отношении горизонт погребений мужчин с оружием первых фаз развития могильника следует рассматривать в другом культурно-историческом контексте. Их интерпретация облегчается многочисленностью погребений с оружием (длинные и короткие мечи) на могильниках IV в. в Крыму (Kazanski 1991: 494-501). Сочетаемость оружия с простыми, часто серебряными пряжками с круглой рамкой и заостренным язычком[70], а также характер могил (подбои и катакомбы) позволяет связывать это население преимущественно с сарматским и аланским этносом (Kazanski 1991: 498)[71]. Наряду с этими признаками характерным является отсутствие фибул на одеждах сарматских женщин IV в., хотя известны исключения[72]. Это иллюстрирует комплекс женского погребения из подбойной могилы 481, который рассматривается как сарматский. Примечательной является находка призматической подвески (признака, собственно, восточногерманского) во втором погребении склепа 421. Эта подвеска, отражающая специфически германские духовные представления, приобретает особое значение относительно этнической интерпретации (Werner 1972: 137, Abb. 3b; Bierbrauer 1994: 108).

Уже первое поколение переселившихся готов-черняховцев хоронило умерших не в традиционных простых могилах, а по мере интеграции в новую среду воспринимало местные типы погребальных сооружений. О подобной интеграции с сарматскими погребальными обычаями позволяют говорить комплексы первой фазы развития могильника в Скалистом, так как в ареалах с черняховским населением (ареалы A и C) имеются погребения мужчин с оружием. Аналогичная картина наблюдается и в других могильниках Крыма. Для первой фазы развития могильника в Скалистом совершенно четко устанавливается процесс взаимной ассимиляции/аккультурации между местным — сарматским и пришлым — готским населением, который нашел свое отражение в погребальном обряде и представлениях о потусторонней жизни[73].

Период эпохи Великого переселения народов ступени D2 представляет в Крыму несколько иную картину. Детали готско-германского женского костюма встречаются очень редко[74]. Также и сарматские погребения мужчин с ору-

чина, senil); 214a; 356 (мужчина/мужчина); 406 (мужчина/мужчина, 40-60 лет); подбой 423 (мужчина, 40-50 лет); подбой 424 (неопределен/мужчина, 60-70 лет); 429; подбой 433 (мужчина?); 436/7 (мужчина, 30-40 лет); 449 (мужчина, 25-30 лет); 465 (мужчина/мужчина); 482 (мужчина, 60-75 лет); 495 (мужчина/мужчина); 625 (мужчина, 60-70 лет); 683 (мужчина?, 30-35 лет), подбой 748 (мужчина?, 60-70 лет). Преобладание мужчин в погребениях характерно.

[66] Об обычае искусственной деформации черепа см. Werner 1956: 12; Heinrich 1990: 91-92.

[67] Могилы: 83, 88, 115, 121, 127c, 127d, 127f, 127g, 219, 251, 271, 285a; 415, 421b, 423, 424, 426; 431; 438, 440, 441, 442, 445, 447a, 448, 463, 466, 481, 487, 489, 490, 496a, 525, 748, 750, 752, 754.

[68] Засецкая 1994 (Керчь); Веймарн 1963 (Инкерман); Лобода 1992 (Красный Мак); Лобода 1977 (Озерное III).

[69] Von der Lohe (in Druck); Tejral 1986: 223 (пряжки и фибулы); Kokowski 1996: 181-183 (фибулы); Cnotliwy 1996: 108, Abb. 2, 3 (гребни); Werner 1972: 137, Abb. 3b (пирамидальные подвески).

[70] Веймарн 1963 (Инкерман: комплексы 31, 36, 37 и 43).

[71] Такие погребения в III — IV вв. могут также принадлежать герулам.

[72] Например, хорошо документированный комплекс из Дружного: (относительно богатое погребение сарматки, с лучковой сарматской фибулой, на которую было надето серебряное кольцо) (Храпунов 1995: 540, рис. 1, *13*; 4, *10*; Chrapunov 1995: 183, fig. 33).

[73] См. начало этого раздела (результаты картографирования).

[74] Керчь, склеп 165.3/1904: Засецкая 1993: табл. 53, *278-286*; Засецкая 1994: 127, рис. 2, 3 a,c-d,f; Bierbrauer 1989: 141, 156, Abb. 4 (фибулы типа Братей/Высков).

жием единичны. Погребения женщин характеризуются стандартизованным составом комплекса украшений. Учитывая данные горизонтальной стратиграфии могильника в Скалистом, без изменений остается только обычай помещения напитков и еды в могилу (кувшины и миски). В то же время в смежных с Юго-Западным Крымом областях, в частности, в степной зоне, совершенно определенно преобладают кочевнические погребения (Айбабин 1993а: рис. 1; Засецкая 1994: 222, карта 1).

Кардинально картина изменяется с середины V в. Особенно следует подчеркнуть появление в Скалистом погребений с деформированными черепами (обычай, воспринятый из кочевнической среды и, возможно, отражающий культурно-политическое соотношение сил на этапе D2), которые, отвлекаясь от отдельных случаев конца VI — VII в., также как и комплексы с зеркалами с центральной петлей, исчезают уже в конце V и начале VI в. В этом временном контексте следует рассматривать и прекращение бытования обычая класть оружие в могилы мужчин Юго-Западного Крыма. С другой стороны, наличие фибул типа Пршалевице говорит о том, что женщин вновь погребают в «надрегиональной» восточногерманской одежде. Осуществлялось ли ношение больших фибул с подтреугольной и полукруглой пластиной хронологически синхронно или несколько позже, с хронологической точки зрения пока остается неясным. Тем не менее, совершенно определенно, что с периода последней трети V в. в Суук-Су, Скалистом и в других синхронных могильниках значительная часть женщин погребалась в традиционной крымско-готской (восточногерманской) одежде. Возрождение обычая захоронения в такой одежде не может быть связано с обратной иммиграцией (т.н. готская реэмиграция) или импортом фибул из Среднего Подунавья в первой половине VI в. в связи с участием отрядов итальянских готов в укреплении позднеантичных центров Крыма во времена Юстиниана I[75]. Это подтверждает иная конструкция фибул Среднего Дуная, а также непрерывность демографического развития могильников в Скалистом и Суук-Су.

Для периода последней трети V и всего VI в. погребальный инвентарь женских могил Суук-Су и Скалистого обнаруживает определенное сходство. Для этого периода в Суук-Су известно 22 могилы женщин с парными фибулами, в Скалистом же зафиксировано только семь фибульных погребений (что, возможно, связано с состоянием источников для этого могильника)[76].

Из закрытых комплексов женских погребений в Суук-Су 12 содержат большие поясные застежки, но не имеют фибул. В материалах Скалистого подобных погребений оказалось 16[77]. Хотя нельзя исключать процесс видоизменения костюма[78], учитывая закрытые комплексы в Суук-Су и Скалистом, где пряжки связаны с деформированными черепами или подбойными могилами, возможно предполагать использование двух различных моделей одежды[79]. Подтверждается это предположение обособленным размещением подобных погребений, в частности, в северо-восточном ареале Суук-Су.

Северо-западный ареал Е могильника в Скалистом в хронологическом и этническом отношении анализировать достаточно трудно. Характерным является преобладание склепов, безынвентарность погребений и отдельные случаи подбойных погребений, иногда с деформированными черепами. Это указывает на этническую однородность населения, которое отвечает средиземноморско-византийской культурной модели и которое, соответственно, возможно рассматривать как христианизированное местное греко-романское население (Riemer 1992: 181-218; Bierbrauer 1996: 111 и далее). Эта картина имеет место и на частично исследованном городском могильнике Херсонеса, где преимущественно исследованы безынвентарные погребения в склепах (Шкорпил 1903; 1905; 1907; 1909; 1910; 1911; 1913)[80].

Заключение

Таким образом, анализ развития могильника в Скалистом позволяет получить достаточно полную и многостороннюю картину культурного, политического и этнического развития Крыма с конца IV и до середины VI в.

Начало могильника в Скалистом совершенно определенно связано с двумя различ-

[75] Kazanski 1993: 223-231 с обзором восточноевропейской историографии этой проблемы, от которой он отказывается, но все же использует.

[76] Погребения с фибулами в Суук-Су: могилы 5/2; 28; 46/2; 55/1; 56/3; 56/5; 59/3; 61; 67/1; 77/1; 86/1; 87; 89; 90/1; 91; 124; 131/1; 154/1; 155/1; 162/1; 196; 198; в Скалистом: склепы 406, 449/?, 449/?, 420/1, 420.3, 218, 279.

[77] Погребения с пряжками, но без фибул в Суук-Су: могилы 49; 71/2; 73; 78/2; 82; 112/1; 117/1; 143/1; 153/2; 164; 169/1; 193; Скалистое: подбои 433 и 748; склепы 5; 107/2; 138; 163; 288; 325; 403/3; 418; 683; без полной уверенности (фрагменты пряжек по сообщениям авторов: Веймарн, Айбабин 1993: 169 и далее): склепы 228а; 371; 381; 430; 525.

[78] Погребения с парными фибулами без пряжек в Суук-Су (вторая половина VI в.): могилы 5/2; 55/1; 59/3; 87. К этой же проблеме о возможности археологических источников: Bierbrauer 1980b: 93. Также об эволюции германской одежды в процессе аккультурации, в частности, в романско-средиземноморской среде в VI - VII вв.: Martin 1994: 545 и далее.

[79] В Суук-Су: погр. 73 (деформация черепа) и 82 (деформация черепа); в Скалистом: 433 (деформация черепа и могила с подбоем); 748 (деформация черепа и могила с подбоем); 683 (деформация черепа).

[80] О непрерывности греко-романского населения в Боспоре, Тиритаке, Китее (Керченский полуостров) и Фанагории, Кепах и Гермонасе (Таманский полуостров) в V и VI вв. см. Гайдукевич 1971: 497.

ными этносами — сарматами и готами. Уже на первой фазе начались процессы интеграции, которые нашли отражение также и в религиозных представлениях (сооружение могил, амулеты). Этнически смешанные ареалы A и C подчеркивают это развитие (распределение могил с оружием), которое выражается также в использовании единообразной керамики. Ареал B, который, вероятно, был основан сарматским населением, развивается в материальном и временном отношении синхронно с ареалами A и C. В первой половине V в. значительные воздействие на население, оставившее могильник, очевидно, оказала гегемония кочевников — гуннов. Вероятно, только с середины V в. начинает функционировать ареал D. И в данном случае речь не должна идти о притоке новых групп населения.

В это время заканчивается процесс объединения сарматского и готского населения. Примечательно, что женское население с середины — второй половины V в. переходит к унифицированной поясной гарнитуре, которую можно рассматривать, как своеобразный общеэтнический символ. Тем не менее, относительно обычая ношения фибул в женских моделях одежды для ареалов могильника A-D (до конца VI в.) устанавливается совершенно отчетливое различие (убор с фибулами — готский; убор без фибул — сарматский). С процессом этногенеза связан также тот факт, что мужские погребения V в. безынвентарны, в частности, не содержат оружия. Только с середины VI в. эта картина меняется, т.к. в это время в мужских погребениях Юго-Западного Крыма впервые появляются новые типы византийской «воинской гарнитуры»[81]. В Скалистом и Суук-Су, как в других могильниках, также наблюдаются изменения в инвентарных комплексах мужских погребений, которые не следует связывать с привлечением византийского населения (Csallany 1962: 73-76), а может расцениваться как дальнейший процесс замкнутого этногенеза.

Лишь немногие факты указывают на то, что на могильнике Скалистое развитие участка E было схожим с развитием ареалов A-D. Учитывая общее время существования и тенденции пространственного развития могильника, отмеченное выше явление вполне вероятно. Наряду с сарматским и готским населением на могильнике производило захоронения и греко-романское население. В какой мере это автохтонное население принимало участие в этногенетических процессах с конца IV и до середины VI в., по материалам могильника в Скалистом пока ответить затруднительно[82].

Как могут соотноситься археологические материалы с историческими событиями (Schwarcz 1986: 124)? К сожалению, в нашем распоряжении очень немного письменных источников, освещающих историю готов в Крыму, к тому же их свидетельства не всегда однозначны и понятны (Schmidt 1930). Наиболее известным и весьма важным является указание Прокопия от 488 года о привлечении Теодорихом крымских готов к участию в походе на Италию (Prokop, De aedeficiis 3,7). Хотя Прокопий писал свой труд «De aedificiis» около 560 г. (Demandt 1989: 28), тем не менее в правдивости его сведений сомневаться не приходится (Schmidt 1930: 332, 334; Vasiliev 1936: 40; Wolfram 1979: 347). В частности, Прокопий указывает на территорию обитания готов в Крыму со столицей «Дори» («..где готы живут издавна») для времени конца V в. (Prokop, De aedeficiis III 7, 13). Это хорошо согласуется с археологической ситуацией в Юго-Западном Крыму, где сконцентрированы многочисленные памятники конца V — VI в. (Vasiliev 1936: 43; Айбабин 1990: 175, рис. 1).

Таким образом, нет сомнений в том, что собственно готы Юго-Западного Крыма, зафиксированные Прокопием в V в., сформировались на основе местного сарматского и пришлого черняховского-готского населения в конце IV в. Позднее, около 488 года, это население определяется уже как готское[83].

F. Некоторые замечания о периоде VI — начала VIII в.[84]

Как уже отмечалось выше, первая половина VI в. характеризуется появлением орлиноголовых пряжек, а также литых пряжек, орнаментированных витой спиралью. Трапециевидные золотые чеканные бляшки, появление которых связано с орлиноголовыми пряжками, и конусообразные

[81] Кропоткин 1965 (Чуфут-Кале); Репников 1906; 1907; 1909 (Суук-Су); Веймарн, Айбабин 1993 (Скалистое). В работе Somogiy 1987: 136-137 использованы находки из Крыма, хотя речь идет о «византизации» женской одежды, в частности, о появлении византийских пряжек типа Сучидава.

[82] Об этих процессах на вестготском могильнике Дуратон в Испании см. Bierbrauer 1980b: 92 и далее.

[83] В восточноевропейских исследованиях уже давно исследуются эти этногенетические процессы, правда, в несколько иных хронологических рамках и с учетом среднедунайских влияний. Один из последних выводов представлен в работе М. Казанского (Kazanski 1993: 212): «...население, оседавшее в Крыму и в прибрежной зоне Кавказа, имело чрезвычайно смешанный состав с большой долей участия не-германского, в основном аланосарматского, элемента. [...] Тем не менее, очень важен тот факт, что, по крайней мере, в некоторых случаях это население признавало себя готами; например, в области Дори в Юго-Западном Крыму...». Также: Амброз 1994: 75.

[84] Здесь на основе нескольких характерных типов вещей можно лишь приблизительно наметить контуры относительной хронологии развития могильника в Скалистом. Картирование этих находок, обсуждение этапов развития могильника и этнических изменений из-за ограниченного объема статьи здесь рассматриваться не будет. См.: von der Lohe 1995.

бронзовые колокольчики фиксируют расширение ареала D в северо-восточном направлении. Впервые появляются небольшие литые серебряные фибулы с полукруглой пластиной (около 8-10 см). Развитие и, вместе с тем, постоянство погребенного на могильнике населения в ареалах A-D остается непрерывным. Особенно характерным в этих ареалах для середины и второй половины VI в. является появление унифицированной обувной и многочастной поясной гарнитуры так называемого геральдического стиля (Амброз 1973: 288). Пряжки и обоймы этой гарнитуры определяются понятием «зооморфные» или же «типа Мартыновка» (Somogyi 1987: 121 и далее; Balint 1992: 389-415). Восточнее ареала D возникает новый участок могильника. Характерно, что теперь впервые мужчины погребаются с унифицированной поясной гарнитурой. Подобная картина также наблюдается и в Суук-Су. Планиграфия Скалистого и Суук-Су свидетельствует в пользу того, что пряжки типа Сучидава и их варианты следует связывать именно с этим хронологическим горизонтом развития могильников. Так же, как и упомянутые выше литые фибулы группы II по Вернеру, которые в Скалистом представлены только двумя экземплярами.

Элементы многочастных поясных наборов, пряжки типа Сиракуз и Коринф характерны в Скалистом для периода конца VI — первой половины VII в. (Werner 1955; 1974)[85] На этой фазе также впервые появляются серьги типа Сегвар (Balint 1993: 217-218, 257, 258). Пряжки с крестообразными обоймами, различные варианты пряжек типа Салона-Истрия, типы Болонья/Балгота и Трапезунт следует также связывать с этой фазой.

Крымские готы ареалов A-C в период позднего VI в. погребают мертвых преимущественно без инвентаря. Возможно, это указывает на начавшийся процесс христианизации. На этом этапе прослеживаются изменения в конструкции могил, что можно связать с иммиграционными процессами (von der Lohe 1995: 91). Появившиеся новые формы византийских украшений (различные типы сережек с подвесками), сервизы для питья, представленные кувшинами-ойнохоями, тюльпановидными стеклянными кубками и др., характеризуют это население как восточно-средиземноморское, византийское, и, судя по находкам энколпионов и надгробных камней с крестами, без сомнения, христианское (Bierbrauer 1996: 111)[86]. Именно это население продолжило расширение могильника в ареалах A-E.

Следующая фаза развития могильника, в частности, характеризуется византийскими или византизированными формами пряжек, для которых характерны сплошные и раздельные U-образные обоймы преимущественно с растительным орнаментом, которые в Скалистом пространственно отделены от византийских пряжек предыдущей фазы[87].

Для комплексов последней фазы развития могильника характерными стали пряжки так называемого салтовского типа, которые планиграфически хорошо разграничены с пряжками с U-образными обоймами[88]. Учитывая окраинное положение таких находок, можно утверждать, что они маркируют окончание функционирования могильника в Скалистом началом VIII столетия[89].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.

Айбабин А.И. 1979. Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА, вып.158. С. 22-34.

Айбабин А.И. 1982. Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V — VIII веков. М. С. 165-192.

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА № 1. С. 104-122.

Айбабин А.И. 1985. Погребение хазарского воина // СА № 3. С. 191-205.

Айбабин А.И. 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев. С.164-198.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, вып. 1. С. 4-86.

Айбабин А.И. 1993. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ, вып. 3. С.121-134.

Айбабин А.И. 1993а. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ, вып. 3. С. 206-211.

Айбабин А.И. 1995. Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ, вып. 4. С. 132-173.

Амброз А.К. 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.)

[85] О многочастных поясах: Martin 1990: 66; о византийских и итальянских поясных пряжках: Riemer 1992: 119-146.

[86] Ср. важные находки на Самосе (Martini, Steckner 1993: 119-131) с многократно использованными камерными погребениями, где найдены литые пряжки, близкие Скалистому (с крестообразными обоймами и пряжки типа Салона-Истрия), идентичные тюльпановидные кубки, а также энколпионы. Эти погребения хорошо датированы находками монет первой половины — середины VII в. Подобные радикальные изменения зафиксированы и в Скалистом, однако авторы публикации связали их не с притоком нового населения, а с процессом христианизации «алано-готов», который датируют периодом с первой половины VIII в. (Веймарн, Айбабин 1993: 198).

[87] Ср. с этим горизонтом датировку византийской поясной гарнитуры из Врапа и Эрсеке: Werner 1989: 63 и далее (середина VII в.); Fiedler 1996: 260 (вторая половина VII в.).

[88] Ср.: Айбабин 1993: 133, рис. 2 (группа III/IV с датировкой VIII/IX — конец IX в.). Ч. Балинт относит завоевание Крыма хазарами к концу VII — началу VIII в. (Balint 1989: 44-73, 76).

[89] Авторы публикации конечную дату могильника связывают с салтовским горизонтом и относят к IX в. (Веймарн, Айбабин 1993).

// КСИА, вып.113. С. 10-23.
Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть I // СА. № 2. С. 96-123.
Амброз А.К. 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы Часть II // СА. № 3. С. 106-134.
Амброз А.К. 1973. Рецензия на книгу: I.Erdelyi, E. Ojtozi, W.Gening, Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1963. // СА. № 2. С. 288-298.
Амброз А.К. 1973а. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель 6-7 вв. // СА. № 4. С. 81-98.
Амброз А.К. 1982. О двухпластинчатых фибулах с накладками — аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.
Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
Амброз А.К. 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ, вып. 4. С. 31-89.
Борисова ВВ. 1959. Могильник у высоты «Сахарная Головка» // Хсб, вып. 5. С. 169-190.
Веймарн Е.В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР, т. 13. С.15-42.
Веймарн Е.В. 1979. Скалистинский склеп 420 // КСИА, вып. 158. С. 34-37.
Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.
Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М. С. 69-107.
Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, вып. 3. С. 23-105.
Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). Санкт-Петербург.
Зубар В.М. 1978. Склепи з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса // Археологія, 28. С. 36-45.
Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. Київ.
Зубар В.М., Костромічева Т.М. 1978. Склеп № 2 з некрополя Херсонеса // Археологія, 27. С. 36-45.
Зубар В.М., Магомедов Б.В. 1981. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія, 36. С. 71-79.
Зубар В.М., Рижов С.Г. 1983. Розкопки західного некрополя Херсонеса // Археологія, 39. С. 77-87.
Корпусова В.М. 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія, 8. С. 27-45.
Кропоткин ВВ. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА, вып. 100. С.108-115.
Лобода И.И. 1976. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. № 2. С.135-147.
Лобода И.И. 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. № 4. С.236-252.
Лобода И.И. 1992. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Маяк // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь. С.121-130.
Лобода И.И., Богданова Н.А., Гущина И.И. 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. № 4. С.121-130.
Лобода И.И., Чореф М.Я. 1974. Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА, вып. 140. С. 100-102.
Пудовин В.К. 1961. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550-650 гг.) // СА. № 1. С. 177-185.
Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев.
Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК, вып. 19. С.1-80.
Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД, вып. 27. С.101-148.
Репников Н.И. 1909. Разведки и раскопки на Южном Берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК, вып.30. С. 99-126.
Сазанов А.В. 1995. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ, вып. 4. С. 406-434.
Храпунов И.Н. 1995. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ, вып. 4. С.529-545.
Шкорпил ВВ. 1903. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК, вып. 7-9 . С. 73-177.
Шкорпил ВВ. 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК, вып. 17. С.1-76.
Шкорпил ВВ. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК, вып. 25 . С.1-66.
Шкорпил ВВ. 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК, вып. 30 . С.1-50.
Шкорпил ВВ. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК, вып. 35. С. 12-47.
Шкорпил ВВ. 1911. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК, вып. 40. С. 62-91.
Шкорпил ВВ. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1909 г. // ИАК, вып. 47. С. 1-41.
Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. С. 63-364.
Ajbabin A. 1994. I Goti in Crimea (secoli V-VII). // I Goti. Milano. P. 110-135.
Anke B. (im Druck). Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhundert. Berlin.
Bálint Cs. 1989. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Wolga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien, Köln.
Bálint Cs. 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üč Tepe // Awarenforschungen I. Wien. S. 309-496.
Bálint Cs. 1993. Probleme der archäologischen Forschung zur awarischen Landnahme // Ausgewählte Probleme der europäischen Landnahmen des Frühund Hochmittelalters I, Vorträge und Forschungen 41. Sigmaringen. S. 195-273.
Bierbrauer V. 1971. Zu den Vorkommen ostgotischer Bügelfibeln in Raetia II. // Bayer. Vorgeschbl. 36. S. 131-165.
Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grabfund Schatzfunde in Italien. Spoleto.
Bierbrauer V. 1980a. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Symposion Stift Zwettl 1978. Wien. S. 131-142.
Bierbrauer V. 1980b. Frühgeschichtliche Akkulturationskomplexe in den germanischen Staaten am Mittelmeer (Westgoten, Ostgoten, Langobarden) aus der Sicht des Archäologen // Atti del 6^0 congresso Internationale di Studi sull"alto Medioevo, Milano 1978. Spoleto. S. 89-105.
Bierbrauer V. 1985. Das Reihengräberfeld von Altenerding in Oberbayern und die bajuwarische Ethnogenese — eine Problemskizze // Zeitschr. Arch. Mittelalter 13. S. 7-25.
Bierbrauer V. 1987. Invillino-Ibligo in Friaul I. Die römische

Siedlung und das spätantik-frühmittelalterliche Castrum // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 33.

Bierbrauer V. 1989. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschr. Mitteldt. Vorgesch. 72. S. 141-160.

Bierbrauer V. 1991. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrb. RGZM 38 (1995). S. 541-592.

Bierbrauer V. 1992. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter, Symposium Karniowice bei Krakau 1990. Kraków. S. 263-277.

Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterl. Studien 28. S. 51-171.

Bierbrauer V. 1996. Romanen im fränkischen Siedelgebiet // Die Franken, Wegbereiter Europas. Ausstellungskatalog Mannheim. Mainz. S. 110-120.

Bóna I. 1990. Völkerwanderung und Frühmittelalter (271-895). // Kurze Geschichte Siebenbürgens. Budapest. S. 62-106.

Bortoli-Kazanski A., Kazanski M. 1987. Les sites archéologiques datés du IVe au VIIe siĉcle au nord et nord-est de la Mer Noire: État des recherches // Travaux et memoires, 10. Pp. 437-489.

Chrapunov I.N. 1995. Chrapunov Necropoli di Družnoe, distretto di Simferopol // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Katalog, Rimini 1995. Milano. S. 180-186.

Cnotliwy E. 1996. Der Herkunftsursprung der Kämme aus Bitola (Heraclea Lyncestis) in der Republik Makedonija // Studia Gothica 1. S. 101-109.

Csallany D. 1962. Byzantinische Schnallen und Gürtelbeschläge mit Maskenmuster // Acta Antiqua Hung. 10. S. 55-77.

Damm I. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrb. Vor- und Frühgesch. 21. S. 65-210.

Demandt A. 1989. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Handbuch der Altertumswissenschaft III.6. München.

Diaconu G. 1965. Tîrgşor, Necropola din secolele III-IV e.n. Bucureşti.

Fiedler U. 1992. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn.

Fiedler U. 1996. Die spätawarenzeitlichen Gürtelbestandteile vom Typ Vrap-Erseke aus Velino (Bez. Varna, Bulgarien) // Germania 74. S. 248-264.

Gajdukevič V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam.

Götze A. 1907. Gotische Schnallen. Berlin.

Gomolka-Fuchs G. 1995. Die Kleinfunde und ihre Aussagen zur Bevölkerung von Iatrus // Iatrus-Krivina Bd. 5. Studien zur Geschichte des Kastells Iatrus. Berlin. S. 81-105.

Harhoiu R. 1994. La Romania all"epoca degli Ostrogoti // I Goti. Katalog. Milano. S. 154-163.

Hayes J.W. 1972. Late Roman Pottery. London.

Heinrich A. 1990. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // Arch. Austriaca 74. S. 85-104.

Ioniţă I. 1986. Chronologie der Sîntana-de-Mureş-Černjachov-Kultur // Peregrinatio gothica (Archaeologia Baltica, VII). S. 295-351.

Ioniţă I. 1992. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in der Sîntana-de-Mureş-Černjachov-Kultur // Peregrinatio Gothica III. Kongreß Fredrikstad 1991. Oslo. S. 77-90.

Kazanski M. 1984. A propos de quelques types de fibules ansées de l'époque des grandes invasions trouvées en Gaule // Arch. Mediévale (Paris) 14. P. 7-27.

Kazanski M. 1991. Contribution a l"histoire de la defense de la frontičre pontique au Bas-Empire // Travaux et Memoires 11 (Paris). P. 487-526.

Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre le Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale (Paris) 22. P. 191-229.

Kazanski M. 1993. The sedentary elite in the «empire» of the Huns and ist impact on material civilisation in Southern Russia during the early middle ages (5th-7th century AD) // Cultural transformations and its interactions in Eastern Europe. Avebury. P. 211-235.

Kazanski M. 1994. Les plaques-boucles mediterraneennes des V.-VI. siécles // Arch. Mediévale (Paris) 24. P. 137-198.

Kazanski M., Legoux R. 1988 Contribution ŕ l'étude des témoignages archeologiques des Goths en Europe orientale ŕ l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Černjahov récente // Archéologie Médiévale (Paris) 18. P. 7-53.

Kokowski A. 1991. Lubelszczyna w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Lublin.

Kokowski A. 1993. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. T. I-III. Lublin.

Kokowski A. 1996. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowatą nóżką // Studia Gothica. 1. S. 153-184.

Kühn H. 1974. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Teil II, Bd 2. Graz.

von der Lohe K. 1995. Das Gräberfeld von Skalistoe. Untersuchungen zur Belegungsabfolge und Struktur. Mag. München.

von der Lohe K. (in Druck). Das Gräberfeld von Inkerman. Überlegungen zur Struktur, Chronologie und Bevölkerung // Die späte Kaiserzeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź.

Martin M. 1990. Awarische und germanische Funde in Männergräbern von Linz-Zizlau und Környe. Ein Beitrag zur Chronologie der Awarenzeit // A Wosinsky Mór Muzeum Évkönyve, 15. S. 65-90.

Martin M. 1991. Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'art des invasions en Hongrie et en Wallonie. Kolloqium Mariemont 1979. Mariemont. S. 31-84.

Martin M. 1994. Fibel und Fibeltracht // RGA 8. S. 541-582.

Martini W., Steckner C. 1993. Das Gymnasium von Samos. Das frühbyzantinische Klostergut // Samos. Bd. 17. Bonn.

Menghin W. 1994/95. Schwerter des Goldgriffspathenhorizontes im Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica 26/27. S. 140-191.

Prokop, De aedificiis Prokop: Werke. Griechisch-Deutsch ed. O. Veh, 5. Die Bauten. München 1977.

Pröttl Ph. 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrb. RGZM 35 (1991). S. 347-372.

Quast D. 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Bad.-Würtemberg 52. Stuttgart.

Riemer E. 1992. Romanische Grabfunde des 5. bis 8.

Jahrhunderts in Italien. Diss. Druck. Bonn.
Rusu M. 1959. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf (VI.-VII. Jh. u.Z) // Dacia, 3. S. 485-523.
Schmidt L. 1930. Zur Geschichte der Krimgoten // Schuhmacher Festschrift. Mainz. S. 332-336.
Schwarcz A. 1986. Bemerkungen zum historischen Forschungsstand in der Geschichte der Goten vom 4. Bis zum 8. Jahrhundert n.Chr. // Peregrinatio gothica (Archaeologia Baltica. VII). S. 105-124.
Somogyi P. 1987. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeschläge // Arch. Austriaca 71. S. 121-154.
Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Peregrinatio gothica (Archaeologia Baltica. VII). S. 175-238.
Tejral J. 1988a. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. Kolloqium Treuchtlingen 1987. Nürnberg. S. 11-46.
Tejral J. 1988b. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Arch. Austriaca 72. S. 223-304.
Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Symposium Karniowice bei Krakau 1990. Kraków. S. 227-248.
Treasure 1989. Treasure of Khan Kubrat. Culture of Bulgars, Khazars, Slavs. Katalog. Sofia.
Vagalinski L.F. 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der spąten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M.6.-7.Jh.) // Zeitschrift für Archäol. 28. S. 261-305.
Varsik V. 1992. Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // Slovenska Arch. 40. S. 77-108.
Vasiliev A.A. 1936. The Goths in the Crimea. Cambridge.
Vinski Z. 1968. Adlerschnallenfunde in Jugoslawien // Liber Iosepho Kostrzewski Octogenario A Veneratoribus Dicatus. Wroclaw, Warszawa, Krakow. S. 314-325.
Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz. S. 150-172.
Werner J. 1955. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt // Kölner Jahrb. Vor- und Frühgesch. 1. S. 36-48.
Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.
Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenska Archeologia 7. S. 422-438.
Werner J. 1964. Herkuleskeule und Donar-Amulett // Jahrb. RGZM 11. S. 176-197.
Werner J. 1972. Zwei prismatische Knochenanhänger («Donar-Amulette») von Zlechov // Časopis Moravskeho Musea/Acta Musei Moraviae 57. S. 133-140.
Werner J. 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La Civilta dei Longobardi in Europa. Roma. S. 109-139.
Werner J. 1989. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Beiträge zur Archäologie der Awarenzeit im mittleren Donauraum // Studien zur Archäologie der Awaren 2. Wien.
Wolfram H. 1979. Geschichte der Goten. München.
Zasetskaja I.G. 1994. Cripte della necropoli tardo-antica del Bosforo (Cimmerio) (ultimo quarto del IV — prima meta del V secolo d.C.). // I Goti. Milano. S. 114-129.

П.В. Шувалов

ВЕНЕДСКАЯ СЛАБОСТЬ И АНТСКАЯ СИЛА:

К вопросу об эпическом образе ранних славян[1]

P.V. Shuvalov. The Weakness of the *Venethi* and the Srength of the *Anti* : on the Question of the Epic Image of the Early Slavs.

According to Iordanus' (i.e. Cassiodorus') *Getica* the *Venethi* are very numerous, but very unwarlike, the *Anti* are very heroic and strong. The message of these phrases in Iordanus' text is based on the epic Gothic sources. I think these ideas of heroic *Anti* and unwarlike *Venethi* are the traces of some mythological or, better to say, epic '*topoi*' of the Gothic tradition. It is very intresting to add there that the image of unwarlike and numerous *Venethi* is twice accompanied in the text of *Getica* by mentionings of the Ocean, the Huns and the Aestians. These images of the *Venethi* and the *Anti* existed in the Gothic culture at the end of 5th – early 6th centuries too. May be the Gothic mercenaries and generals of Gothic origin in the East-Roman army knew about this tradition. Therefore the Gothic epic image of *Venethi* should influence over the lack of real interest of Justinian to save big armies against the *Sklavenoi* on the Eastern Balkans at the time of Gothic War. The image of heroic *Anti* should help Constantinople to elaborate the treaty with *Anti*.

О ранних славянах мы имеем весьма подробные сведения источников, однако большинство из них описывает славян тогда, когда славяне уже соседят с балканскими провинциями восточно-римской империи. Обстоятельства же появления славян у границ империи от нас скрыты. Дело в том, что рубеж между славянской праисторией и историей, т.е. между периодом ещё плохо и периодом уже хорошо освещённым в письменных источниках, проходит по тому времени, когда славяне уже слишком сильно беспокоят империю. Ранние славяне, как и многие другие варвары, проникают к нижнедунайской границе империи как бы втихую, не засвечиваясь в дошедших до нас письменных источниках. Тем не менее ясно, что в этом позднем периоде славянской праистории кроются корни многих особенностей последующей истории ранних славян.[2] К этому времени, как я попытаюсь показать ниже, восходят также и странные устойчивые представления о какой-то особенной невоинственности или невооружённости славян. Следы воздействия таких представлений ощущаются практически во всех текстах VI – VII вв. (см. напр. этнографический экскурс Прокопия Кесарийского, раздел о славянах у Псевдо-Маврикия).

Попробуем же разобрать наиболее ранние свидетельства этих представлений, содержащиеся в тексте «Гетики» Иордана (сост. в 551 г.), перелагающем текст «Готской истории» Кассиодора (сост. к 533 г.). Кассиодор же, по его собственным утверждениям (напр.: Cassiod. apud Iord. Get.28, 38), учитывал преимущественно те свидетельства готской эпической традиции, которые находили себе подтверждения в сочинениях его предшественников, в частности в тексте писавшего по-гречески Аблавия (нач.VI в.). Аблавий использовал, кроме сочинений Приска, Дексиппа и Диона Хризостома, также и какие-то книги по истории готов, написанные на готском языке (Анфертьев 1991: 100). В основе же последних несомненно лежали готские эпические предания. Именно оттуда, судя по всему, и происходят те свидетельства о ранних славянах, которые нас сейчас и будут интересовать.

Итак, интересующие нас свидетельства восходят к эпической традиции и, следовательно, не могут быть проанализированы привычными для историков методами. Между текстом нашего источника и древней реальностью стояли эпические образы, развивавшиеся по особым фольклорным законам и существовавшие в особом эпическом пространстве.

Показателен сюжет из т.н. саги о готском короле Винитарии (Jord. Get. 246-249), повествующей о войне Винитария с антами и о казни их короля (rex) Боза с сыновьями и семьюдесятью первенствующими антами для наведения ужаса (exemplum terroris – Jord. Get. 247) в последней трети IV в. Инициатором войны был Винитарий:

[1] Это часть большой работы, выполненной в рамках гранта № 841/1998 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation.

[2] Начальной истории славян посвящена обширная библиография. Отошлю читателя к некоторым работам, суммирующим результаты исследований на сегодняшний день: Свод..., т.1 1991; Щукин 1997: 110-147; Шувалов 1998: 5 - 28. Kazanski 1999.

© П.В.Шувалов, 2000.

война эта ему, по версии Кассиодора (в передаче Иордана), была нужна для того, чтобы продемонстрировать свою доблесть после позорного пребывания его народа под властью гуннов (aegre ferens Hunnorum imperio virtute subjacere, … suaque dum nititur ostendere virtute ... – ibid.). Следовательно, Винитарию в этой войне была важна в первую очередь, победа, а не выбор врага. А поскольку возмутителем спокойствия был сам Винитарий, то врага Винитарий выбрал сам, и при том наиболее подходящего. Выбирать же он мог из большого списка. Действительно, среди кандидатов могли быть и другие группы готов (напр., готы Гезимунда – Jord. Get.248), и аланы, и сами гунны, не говоря уже о более далёких соседях (вандалы, гепиды и т.д.). Враг должен был быть выбран для этой битвы не очень сильный (чтобы наверняка), но и не захудалый (чтобы всё-таки произвести впечатление). Значит, с точки зрения Винитария (точнее: с точки зрения этой готской саги) анты обладали к этому моменту некоторым и достаточно высоким военным престижем! Что, впрочем, и подтверждается ходом событий: в первом сражении анты таки разбили Винитария, уступив ему, однако, позже (Jord. Get. 247). Победа эта была столь внушительна, что дала Винитарию и его готам свободу (Jord. Get. 248: libertas) от гуннов, так что вождь гуннов Баламбер был вынужден для восстановления своего престижа и власти начать трудную войну против Винитария. Итак, готы Винитария показали, что они сильнее антов, что фактически стало означать, что они одновременно стали и не слабее гуннов. Иначе говоря, эти эпические анты по силе сравнимы с гуннами! Навряд ли такой поворот событий свидетельствует о каком-то союзе гуннов с антами, как считают некоторые исследователи (ведь это эпический источник, а не хроника!). Скорее, здесь опосредовано отражена эпическая (а м.б. и реальная [3]) шкала политического веса тогдашних народов и их правителей (что-то наподобие знаменитых тул англо-саксонского «Видсида»: Шувалов 1998: 25-30.). Принимать же предположение А.Н.Анфертьева (Анфертьев 1991: 159 комм.254.), что анты в данном эпическом контексте уже мыслились как какие-то великаны, а не как реальный народ, на мой взгляд, совершенно не обязательно.

Зато о венетах наш источник повествует иначе. Во-первых, венеты упомянуты в иордановом описании Скифии (Jord. Get. 34), где после упоминания гепидов и связанного с гепидами описания рек и границ траяновой Дакии, окружённой венцом Альп-Карпат (Jord. Get. 33 и начало 34), Кассиодор (в изложении Иордана) сообщает, что к северу от этих Альп, начиная от устья Вислы, на огромных пространствах расселён многочисленный народ венетов. После этого следует, по остроумному наблюдению Моммзена, вставка то ли Кассиодора в текст его источника, то ли Иордана в текст Кассиодора (Jord. Get. 34-35: quorum nomina ... ab invicem absunt). Основной текст, в который была осуществлена эта интерполяция, продолжается дальше (Jord. Get. 36) упоминанием Океана, видивариев и эстов. О том, кому мог принадлежать этот основной текст судить трудно. Но важно, что в нём основная черта венетов – их многочисленность: об этом прямо сказано в источнике (Jord. Get.34: natio populosa), и, кроме того, указаны границы огромной занимаемой ими территории (от Моравских Ворот по бассейну Вислы на север [4] – Jord. Get.34.). Важно, что эта территория очерчена иначе у этих венетов здесь (§ 34), чем очерчивается ниже территория склавинов и антов (§ 35). Так что это свидетельство о многочисленности венетов явно независимо от традиции о склавинах и антах. При этом в нём явно есть и отражение какого-то устойчивого образа многолюдности венетов, и конкретные реальные (с точки зрения автора текста) данные о величине их территории.

Во-вторых, в нить повествования т.н. саги о Германарихе (Jord. Get. 116-130) вплетён сюжет войны Германариха с венетами (Jord. Get. 119), следующий за описанием подчинения Германарихом герулов (Jord. Get. 117-118). Не вдаваясь в смысл этих походов Германариха, отмечу лишь одно важное обстоятельство. Здесь венеты презренны своей невооружённостью, но при этом сильны своей численностью (quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes). Однако и эта сторона ***«робких, слабых и невоинственных» (inbelles!) венетов ничего не значит (nihil valet multitudo inbellium)***, в осо-

[3] Ведь Винитарий — или его реальный исторический прототип — должен был основывать выбор врага для показательной войны, конечно же, на всё той же шкале эпических ценностей: навряд ли тогда у готов существовало какое-то иное восприятие окружающего мира, кроме эпико-мифологического.

[4] Не отголосок ли это старого янтарного пути? — Действительно, Кассиодор (Аблавий?) описал здесь карту, на которой были изображены, как значимые ориентиры Карпаты и истоки Вислы. Там же возможно был обозначен и старый янтарный путь на север к низовьям Вислы. Однако, описание венетов в этом месте (§ 34) не носит чисто картографического характера. Это является серьёзным доводом против гипотезы А.Н.Анфертьева о том, что источником описания венетов Кассиодором была только какая-то карта тацитовской традиции: на карте, которую использовал Кассиодор конечно же могли быть тацитовские венеты, но кроме неё у Кассиодора несомненно был ещё какой-то источник по венедам. При чтении этого отрывка трудно подавить ощущение того, что Кассиодор (Аблавий?) наложил здесь на данные карты дополнительную информацию, полученную им прямо или, скорее, опосредовано из современных ему источников. В частности, это касается темы многочисленности венетов. Таким образом, за текстом Иордана проступает присутствие реальных «венетов» на древнем янтарном пути уже во второй половине V — начале VI в. См. также: Шувалов 1989: 115—120.

бенности (praesertim ubi) когда против них выступает хорошо вооружённое войско с божьей помощью. Они пытаются сначала противостоять готам, однако оказываются, несмотря на свою многочисленность, бессильными против воли бога (Одина?), покровительствующего Германариху, и против готского войска.

Оба эти пассажа о венетах связаны друг с другом упоминанием рядом с венетами эстов, Океана и гуннов (Jord. Get. 36-37; 120-121). В обоих пассажах венеты многочисленны. Во втором – эта многочисленность является единственным качеством, которое могло бы как-то ещё скомпенсировать их неприспособленность к войне. Впрочем, ясно, что в данном случае эта слабость венетов явно не мыслится как следствие их, допустим, лёгкого вооружения [5]. Действительно, только что (Jord. Get. 118) речь шла о лёгком вооружении герулов, однако герулы, тем не менее, не презренны. Презренны только венеты.

Итак, в тексте Иордана вырисовывается совершенно различное отношение к антам и венетам. Анты котируются, и видимо являются, серьёзным военным противником, – с венетами же связано какое-то, видимо, широко распространённое мнение об их военной беспомощности, невооружённости и слабости, даже в случае серьёзного численного превосходства с их стороны. И при этом в том же источнике говорится, что анты и венеты (наряду со склавинами) происходят от одного корня! Это утверждение так или иначе напоминает знаменитое место у Прокопия Кесарийского о крайней схожести антов и склавинов, в результате чего возникает соблазн распространить эту схожесть и на венетов, не известных Прокопию. Получается, что столь схожие народы оказываются кардинально различными: одни доблестны, другие невоинственны. Чем же это различие можно объяснить? Рассмотрим возможные источники текста Иордана о венедах и антах.

Анты в рассмотренном пассаже несомненно происходят из готской эпической традиции. Без темы военного престижа антов нить саги о Винитарии разрывается. Следовательно, анты в этой саге исконны и не принадлежат к позднейшей интерполяции.

Пассаж с венетами и Германарихом также, скорее всего, происходит из текста готского предания. Венеты же в описании Скифии заслуживают особого внимания. Основной текст этого описания Скифии явно воспроизводит какую-то карту.[6] Не буду здесь вдаваться в её характеристику, укажу лишь, что, на мой взгляд, её описание попало в текст Кассиодора через посредство какого-то специального описания всей (!) евразийской Скифии (после?)-аттиловского времени (м.б. это Приск?). Трудно решить, было ли имя венетов на этой карте. С одной стороны, венеты в нашем описании карты трагически одиноки на территории к северу от Карпат, в то время как на карте скорее всего там была бы ещё масса других названий (вандалы, лугии, бургунды и т.д.). С другой стороны, они очень прочно связаны с географическим описанием. Для нас же важно, что в любом случае автор (Приск, Аблавий, Кассиодор?) явно выделил здесь венетов особо. Тема же многочисленности венетов, скорее, восходит не к карте, а является посторонним дополнением, взятым из какого-то иного источника. При этом, если какие-то венеты уже и были ранее на этой карте, то их наш автор успешно отождествил с другими известными ему венетами, знаменитыми своей многочисленностью. Прав А.Н.Анфертьев, что венеты карты могут восходить к воинственным венетам Тацита (Tac. Germ. 46,2), или по крайней мере, на нашем тексте чувствуется влияние образа тацитовских венетов. Однако, тацитовское описание принципиально (!) отличается от иордановского: там венеты не слабы, не презренны и не многочисленны. Следовательно, «многочисленные и презренные венеты» должны иметь иной источник. Не тот же ли это источник, что и источник венетов Германариха? Действительно, м.б. и здесь мы также имеем влияние той же готской эпической традиции: и здесь, и там просматривается явно один и тот же образ неких многочисленных, но презренных своей слабостью **winiðôs*, связанных в обоих случаях с эстиями, Океаном и гуннами.

Представляется возможным предложить следующую гипотезу. В восточно-германской (готской, в первую очередь) среде V века существовали устойчивые легендарные образы слабых венетов и сильных антов. Эти образы были связаны с реальными соседями готов: с реальными антами и может быть с какой-то частью будущих склавинов. Затем, когда античный мир впервые познакомился вплотную с этими раннеславянскими народами, то, естественно, в среде греко-римской политической элиты возник интерес к новым соседям. Поскольку прямую информацию в таких случаях бывает трудно получить по причине неналаженности контактов, то в дело вступает культура-переводчик. Эту роль, естественно, в начале VI века исполнили готы, составлявшие основу военной элиты на дунайском пограничье империи. В результате в греко-латинском мире укореняются два мало связанных между собою образа: слабых венетов и сильных антов. Это мы и видим в тексте Иордана (напр. во вставке то ли Кассиодора, то ли Иордана – Jord. Get.35: Antes vero, qui sunt eorum fortissimi...). Следует заметить, что этой готской эпической традиции не свойственно воспринимать антов и склавинов, как одно целое. Последних она, видимо, вообще не знает: место склавинов в ней занимают венеты.

[5] См., однако, возможность и противоположного объяснения: Шувалов 2001.

[6] См. разработки А.Н.Анфертьева (Анфертьев Иордан 1991).

Исток же распространённого в поздней античности представления о близости антов к склавинам явно иной: может быть, это сами славяне? или гунны?

Любопытны, однако, политические последствия таких представлений древних о венетах и антах. Эти образы очень сильно повлияли на реальную политику империи последующих десятилетий. Они, видимо, глубоко проникли в менталитет военно-политической элиты империи. Сила антов – общее место в историографии VI в. См. напр. о присущей антам доблести (τῇ σφετέρᾳ ἀρετῇ – Procop.Caes. bell. VII,22,5) и о том, что анты принадлежат к числу лучших и отборных варваров-наёмников (Procop. Caes. bell. VII,18,29; Иванов 1991: 233 комм.117). Поэтому-то Юстиниан, видимо, находясь под влиянием этого образа, и стремился заключить союз с сильными антами, и может быть заключил его в конце концов (Procop. bell. VII, 14, 32-33). Образ же склавинов формировался в сознании имперской военно-политической элиты под сильным влиянием готской традиции о презренных венетах, единственной сильной стороной которых была их многочисленность. Ясно, что не в традиции римской армии было уделять большое внимание фактору многочисленности врага. Поэтому-то и опасность со стороны склавинов (читай: венетов, с точки зрения готской традиции) Юстиниан явно недооценил, не позаботившись заранее о нейтрализации этой опасности. И вот, как только войско империи во время войны с готами в Италии начинает испытывать трудности, склавины переходят к глубоким разбойничьим рейдам на Балканы. Это вызывает не только какой-то странный паралич оборонительной системы империи на Балканах, но также и взбудораживает общественное мнение. Последнее нам известно по патетическому отношению Прокопия Кесарийского к этим склавинским рейдам. Но почему же оборона Балкан оказалась столь беспомощной, а склавины столь кровожадными (по Прокопию, по крайней мере)? – Напрашивается очевидное объяснение: в Константинополе недооценили реальный военный потенциал склавинов из-за того, что в среде военной элиты VI века господствовал эпический по своему происхождению образ слабых венетов, отождествлявшихся с реальными склавинами.

ЛИТЕРАТУРА:

Анфертьев А.Н. 1991. Иордан // Свод... т.1. С. 98-160.

Иванов С.А. 1991. Прокопий Кесарийский // Свод... т.1. С. 170-250.

Свод... т.1 1991 – Свод древнейших письменных известий о славянах / ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин, т.1, М.: Главная редакция восточной литературы.

Шувалов П.В. 1998. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания, языки балканского региона, ч. 2 (славянские языки) / ред.: А.В.Десницкая, Н.И.Толстой. СПб.: Наука. С.5 – 28.

Шувалов П.В. 1998. Структура «Видсида» и эпическое время // Ладога и эпоха викингов. 4-ые чтения памяти Анны Мачинской. Ст.Ладога 21-23 дек. СПб. С.25-30

Шувалов П.В. 2001. Оружие ранних славян // Сборник памяти Горюнова СПб., (в печати).

Щукин М.Б. 1997. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. СПб. С.110-147.

Kazanski M. 1999. Les Slaves: les origines (Ier-VIIe siécle aprés J.-C.). Paris.

З.А. Львова

ПОГРЕБЕНИЯ В МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЕ И ВОЗНЕСЕНКЕ И КУВРАТ, КАГАН ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ [1]

Z.A. Lvova. «Burials in Malaya Pereschepina and Voznesenka and Kuvrat, Kagan of Great Bulgaria»

In the article the author returns to I.Verner's interpretation of the Pereschepina complex of VII c. found in 1912 near Poltava, as a burial of Kuvrat, kagan of Great Bulgaria. The author uses Bulgarian chronicle Gazi-Baradge tarihy which was first published in 1993 and which tells that after the death of Kuvrat and collapse of Great Bulgaria Khazars had no domination in the area near the river Dnieper.

In this connection the author proposes to reconsider the interpretation of the monuments of the Pereschepina type which were considered to belong to Khazar rulers of Turk parentage. At the same time the author puts a question about connection with the burial of Kuvrat not of one but of two monuments of the Pereschepina circle – Pereschepina and Voznesensky.

В монографии 1984 года И.Вернера «Der rabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren» была впервые высказана версия об интерпретации найденного в 1912 г. под Полтавой Перещепинского комплекса (рис. 1) в качестве захоронения кагана Великой Булгарии VII в. Куврата (Werner 1984: 5–45). Профессор И. Вернер обосновал свое предположение, прежде всего, неимоверным богатством найденного сокровища, которое в VII в. могло принадлежать только правителю высшего ранга, у степных народов — кагану, и никому другому. Как известно, сокровище содержит множество золотых и серебряных вещей общим весом до 50 кг серебра и 25 кг золота, в том числе и 16 золотых и 19 серебряных сосудов.

О статусе погребенной в Перещепине персоны говорят, в частности, и те регалии, которые можно было получить только от Византии в качестве даров, которые в VII в. получали от нее наиболее сильные предводители степных народов в качестве ее потенциальных союзников.

В известном сообщении патриарха Никифора под 634–640 годами говорится о заключении императором Ираклием и Кувратом мира и союза, которое сопровождалось принятием сана патрикия и богатыми дарами (Патриарх Никифор 1980: 161). При заключении таких союзов предводители кочевников крестились. Однако, патриарх Никифор об этом не сообщает, так как Куврат был крещен ранее, в детстве, когда пребывал (в качестве почетного заложника?) в Константинополе при императорском дворе (Johannes von Nikion 1978: 230).

И.Вернер выделил среди предметов Перещепинского комплекса те из них, которые могли быть получены Кувратом от Ираклия при заключении мира в 634 — 640-х годах. К ним относятся золотые пряжка и наконечник от патрикианского пояса (1930/ 91, 92), два золотых браслета (1930/ 11, 12), меч с кольцевым навершием в золотой облицовке (1930/1, 135, 136), серебряное блюдо с крестом (w 824), на котором, предположительно, находились золотые византийские легкие солиды, отчеканенные в период правления Ираклия с сыновьями в 637–638 годы, а также золотой перстень с монограммой, которая читается как "ΧΟΒΡΑΤΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ" w 1053 (Werner 1984: 17–33, 44).

Особый акцент при публикации сокровища был сделан и на облицованном золотыми пластинами погребальном сооружении, зафиксированном Н. Е. Макаренко на месте находки в 1912 году (Макаренко 1912: 208).

Дальнейшей ступенью в изучении и интерпретации Перещепинского комплекса можно считать выход в печать в 1997 году монографии коллектива авторов — В. Н. Залесской, З. А. Львовой, Б. И. Маршака, И. В. Соколовой, Н. А. Фоняковой «Сокровища хана Кубрата [2]. Перещепинский клад» (Залесская и др. 1997).

Значение монографии, прежде всего, в подробном исследовании и публикации всех составляющих находку и сохранившихся вещей.

[1] В тексте будут приняты термины, соответствующие тексту булгарской летописи Гази-Барадж: булгары, булгарский, Великая Булгария. Исключение составляют отсылки к авторам (И.С.Чичурову и др.), употребляющим прежние термины.

[2] В настоящей статье принято написание «Куврат». Однако, встречающееся в литературе «Кубрат» также правомочно.

© Львова З. А., 2000.

Рис. 1. Перещепинский комплекс. Сокровище.

В монографии перечислены все имеющиеся точки зрения на возможный характер и происхождение публикуемого комплекса, и разные авторы придерживаются разного мнения относительно его возможной интерпретации (Залесская и др. 1997: 3, 4, 87–100). Однако, и в монографии, и в ряде вышедших до нее и одновременно с ней работ был сделан определенный сдвиг в развитии версии профессора И.Вернера. Более того, сегодня можно было бы констатировать, что время работает на концепцию И.Вернера даже тогда, когда опровергаются его отдельные частные положения.

Так, авторам удалось установить, что составляющие сокровище богатые наборы вооружения и снаряжения знатного кочевника были сделаны не одним мастером, как считал профессор И.Вернер, а многими (Залесская и др. 1997: 66–84). А это, в свою очередь, позволяет говорить о разном происхождении этих наборов, о разных путях их попадания в сокровище.

Наиболее важным для дальнейшего развития концепции И.Вернера кажется выделение предметов тюрко-согдийского круга и сделанных в византийской мастерской для кочевников.

Так, по некоторым данным можно думать, что предположительно подаренный Куврату Ираклием в 634–640-х годах меч с кольцевым навершием (с процарапанными греческими буквами на обороте рукояти — Львова, Семенов 1985: 77–87) (рис. 2) был ему вручен не один, а в составе целого набора предметов вооружения и снаряжения, предположительно сделанного в византийской мастерской, изготовлявшей такого рода наборы для знатных предводителей кочевников. Наборы предназначались для даров и контрибуций. В них входили мечи с кольцевым навершием, пояса, на которых они висели, и пояса с псевдопряжками, ритоны (Львова 1996: 19–33). В той же мастерской было изготовлено и парадное убранство коня из Перещепина (рис. 3–5) (Львова 1995: 104–109).

Давно известно, что такого рода наборы встречаются в богатых аварских погребениях Венгрии VII в., которые считаются могилами каганов Аварского каганата (László 1955; Toth, Horvath, 1992).

Но если их рассматривать как продукцию византийской мастерской, изготовлявшей дары для предводителей кочевников, то находки такого рода наборов в могилах каганов будут свидетельствовать не только об их богатстве, но и о могуществе, и о заинтересованности Византии в сохранении с ними мира.

А это позволяет думать, что в 634–640-х годах Куврат удостоился не только богатых даров императора, но регалий, которыми Византия одариваела таких могущественных соседей, как аварские каганы. Все сказанное подтверждает версию И.Вернера о принадлежности Перещепинского комплекса Куврату и говорит о восприятии этого государя в Византии в качестве персоны высокого ранга и серьезного союзника, и об его собственном стремлении во всем следовать традициям, принятым в ставке аварских каганов, с одним из которых Куврат полностью порвал дипломатические отношения в 634–640-х годах.

Однако, в перещепинском сокровище име-

Рис. 2. Перещепинский комплекс. Рукоять меча в золотой облицовке с кольцевым навершием (Инв. № 1930/1)

ется большая группа вещей тюрко-согдийского круга, которая до последнего времени рассматривалась как свидетельство принадлежности этого памятника предположительно завоевавшим Поднепровье еще в VII в. хазарам. Основанием этой версии является то, что правящая верхушка Хазарского каганата принадлежала к тюркскому роду Ашина. Сторонники этой версии согласны с тем, что в комплексе, действительно, имеются вещи кагана Куврата, но считают, что после его смерти ими мог завладеть хазарин — победитель тюркского происхождения.

Хазарская версия происхождения перещепинского сокровища прозвучала и в монографии 1997 г., и в то время для этого были достаточные основания (Залесская и др. 1997: 99, 100).

Однако, в последние годы стали известны данные, исключающие возможность хазарского господства в Поднепровье в VII в., и соответственно, позволяющие пересмотреть трактовку памятников перещепинского круга и принадлежность имеющихся в них предметов тюрко-согдийского происхождения.

Эти данные содержатся в булгарской летописи 1229–1246 гг. Гази-Барадж тарихы, входящей в свод 1680 г. Джагфар тарихы, появившийся в печати в 1993 г. (Бахши Иман 1993).

Однако, обстоятельства публикации этого источника не вполне безупречны. Утрата его подлинника вызвала вполне понятное недоверие тюркологов к летописям — в научной литературе они не упоминаются вовсе, за исключением тезисов И.А.Баранова (Баранов 1998: 19–21), из которых автору и стало известно об издании летописи. Общественность Татарстана, напротив, придает своду большое значение. И это не дает права его игнорировать.

Автор занимает в этом вопросе промежуточную позицию, считая, что булгарские летописи, безусловно, заслуживают пристального внимания. Но в связи с утратой их подлинника каждая фраза перевода и тем более пересказа утраченной части перевода (Бахши Иман 1994) должна быть серьезно проанализирована. И в первую очередь это относится к летописи XIII в. Гази-Барадж тарихы, так как именно в ней сохранились описания интересующих нас событий VII в.

Попытки реабилитации некоторых фрагментов летописи путем сопоставления описанных в них событий с данными византийских авторов — патриарха Никифора и Феофана Исповедника — говорят о том, что в опубликованных текстах Гази-Барадж наряду с возможными поздними включениями сохранилось ядро древнего письменного источника. Не вдаваясь в подробный анализ интересующих нас фрагментов летописи (он сделан в четырех еще не опубликованных статьях автора [3]), следует вспомнить ее наиболее важные данные о событиях VII в., так как некоторые из них полностью переворачивают наши представления о политической расстановке сил в южных районах Восточной Европы VII в., окончательно снимая существующие недоумения, вызванные неполными сведениями византийских авторов о населении этой территории.

Так, патриарх Никифор и Феофан Исповедник размещают Великую Булгарию у Азовского моря и в Прикубанье (Патриарх Никифор 1980:

[3] З.А.Львова. К вопросу об исторической интерпретации Перещепинского комплекса. Рукопись. Послана в 1999 г. в Болгарский ежегодник, г. Харьков.

З.А.Львова. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246 гг.). Вопрос о подлинности документа. Рукопись. Отдана в 1999 г. в АСГЭ № 36.

З.А.Львова. Христианизация предводителей кочевников Поднепровья в VII в. и ее характер. Рукопись. Отдана в Сборник статей по докладам конференции МАЭ, посвященной 2000 летию христианства — «Христианство в регионах мира».

З.А.Львова. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246 гг.) и ее данные о древних болгарах. Рукопись. Послана в 2000 г. в сборник, посвященный юбилею С.А.Плетневой.

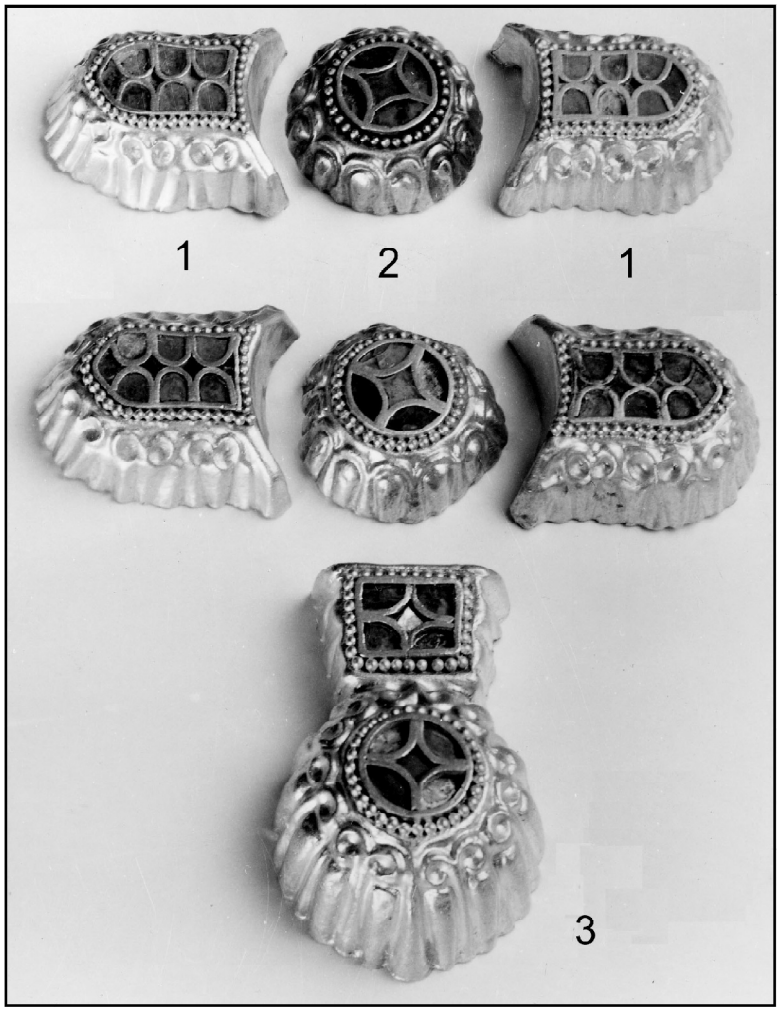


Рис. 3. Перещепинский комплекс.
Бляшки от широкого ремня задней сбруи и свисавший с него декоративный наконечник ремня. Лицевая сторона. Композиция из шести бляшек и наконечника повторялась по семь раз с каждой стороны задней сбруи.
1 — Инв. № 1930/143; 2 — Инв. №№ 1930/139, 140; 3 — Инв. № 1930/146.

162; Феофан Исповедник 1980: 60, 61; Чичуров 1976: 65–85; Залесская и др 1997: 142). Но это противоречит сообщению патриарха Никифора 634–640-х годов о грубом расторжении Кубратом союза с аварами (Патриарх Никифор 1980: 161) в силу отдаленности Приазовья и Прикубанья от Аварского Каганата. Последнее обстоятельство вызвало сомнение профессора М.И.Артамонова в достоверности сведений Никифора о событии 634–640 гг. М.И.Артамонову казалась более правдоподобным зависимость Кубрата не от авар, как сообщает Никифор, а от тюркютов (Артамонов 1962: 161). Л.Н. Гумилев по той же причине отождествляет дядю Кубрата Органу с одним из удельных ханов Западного Тюркского каганата — Моходу-Хэу (Гумилев 1967: 202). Территорию Поднепровья, где жили Западные булгары-кутригуры, М.И.Артамонов также включает в состав державы Кубрата, однако, считает, что эти земли не принадлежали его роду изначально, а были присоединены Кубратом позднее (Артамонов 1962: 160).

Данные летописи Гази-Барадж снимают эти противоречия, размещая кочевья Кубрата и его предков («землю предков») в непосредственной близости от авар, по Днепру. А завоеванные Кубратом земли не к западу, как было принято считать до сих пор, а к востоку от них (Бахши Иман 1993: 17).

Публикация летописи Гази-Барадж полностью перечеркнула и прежнюю трактовку Перещепинского сокровища автором данной статьи, считавшего ранее, что оно принадлежало не правившему в Приазовье и в Прикубанье кагану Великой Булгарии Куврату, а другому лицу — Куврату, племяннику Органы, государю унногундуров и другу Ираклия, не считая возможным его отождествление с Кубратом Великой Булгарии (Львова 1996: 29, 30).

Подтверждая, что известные византийским авторам и Иоанну Никиусскому государь унногундуров племянник Органы Кубрат и одноименный правитель Великой Булгарии, основные владения которой — «земля предков» — располагались в Поднепровье — одно и то же историческое лицо (Бахши Иман 1993: 17, 18 и др), летопись косвенно подтверждает и версию И.Вернера о принадлежности кагану Великой Булгарии Куврату найденного под Полтавой Перещепинского сокровища.

Более того, летопись Гази-Барадж является единственным письменным источником, называющим Кубрата каганом (Бахши Иман 1993: 18) и тем самым подтверждающим исто-

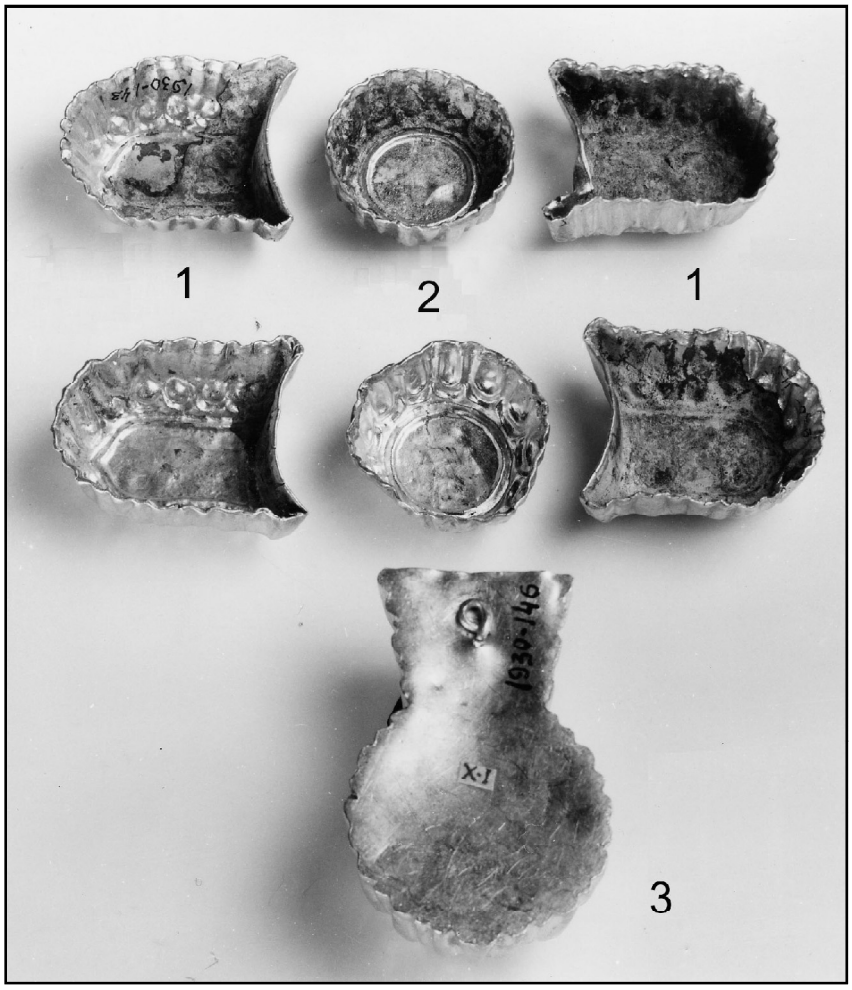


Рис. 4. Перещепинский комплекс.
Бляшки от широкого ремня задней сбруи и свисавший с него декоративный наконечник ремня. Оборотная сторона.
Восковое заполнение внутри бляшек и скобы полностью утрачены. В некоторых бляшках сохранилась бронзовая основа (см. № 1 две бляшки справа).
1 — Инв. № 1930/143; 2 — Инв. №№ 1930/139, 140; 3 — Инв. № 1930/146.

рическую интуицию профессора И.Вернера, считавшего его таковым.

Согласно данным летописи, Куврат родился в 600 году, став булгарским балтаваром в 620 году (Бахши Иман 1993: 17), после крещения в 619 г. в городе Кряшене (или в Византии, по патриарху Никифору — Патриарх Никифор 1980: 159) его дяди и предшественника Бу-Юргана (Органы) и его последующего свержения с трона недовольной его подчеркнутой провизантийской политикой знатью [4] (Бахши Иман 1994: 16). В 629–630-х годах Куврат провозглашает себя каганом и присоединяет к своим владениям часть земель распавшегося Западного Тюркского каганата, в 660 году умирает, прожив шестьдесят лет (Бахши Иман 1993: 17, 18).

Данные летописи Гази-Барадж о расположении кочевий кагана Великой Булгарии Кувата из тюркской династии Дуло и его сына Бат-Бояна в Поднепровье [5] , а также свидетельства Гази-Барадж о достаточно большой независимости от хазар и их данника Бат-Бояна (который умер в 690 г.) и его потомков — Бат-Тимера, Сулаби (умер в 727 г.), Авара и других, свидетельства о полном отсутствии в Поднепровье в конце VII — начале VIII в. каких-либо представителей хазар позволяют полностью отказаться от версии о господстве хазар в Поднепровье в этот период. А это, в свою очередь,

[4] О крещении Бу–Юргана сообщается не в переводе летописи (Бахши Иман 1993), а в статьях и заметках последнего владельца одного из текстов летописи Ф.Г.-Х.Нурутдинова, написанных на основе утраченной в начале 80-х годов прошедшего столетия части свода (Бахши Иман 1994: 16). Тираж этого издания 350 экз.

[5] В связи с тем, что Прикубанье и Приазовье по летописи оказываются включенными в державу Кувата вторично, приобретает особый смысл предположение Чичурова о том, что выражение «Великая Болгария» средневековых авторов должно было означать расширенную, увеличенную территорию Болгарии и в некоторых случаях употребляться по отношению к землям, которые были присоединены к прародине позднее (Чичуров 1980: 110, прим. 264). Но если следовать этому предположению, то традиционное размещение современными историками «земли предков» в Приазовье и в Прикубанье оказывается ошибочным. Она должна была находиться где-то в другом месте. И если под этим углом пересмотреть сообщения Патриарха Никифора и Феофана Исповедника, то их данные вовсе не означают, что земля предков, которую получил в наследство Бат-Боян, размещалась именно в Приазовье и Прикубанье (Феофан Исповедник 1980: 60, 61; Патриарх Никифор 1980: 162). Однако, до публикации Гази-Барадж уникальная догадка И.С.Чичурова оставалась незамеченной.

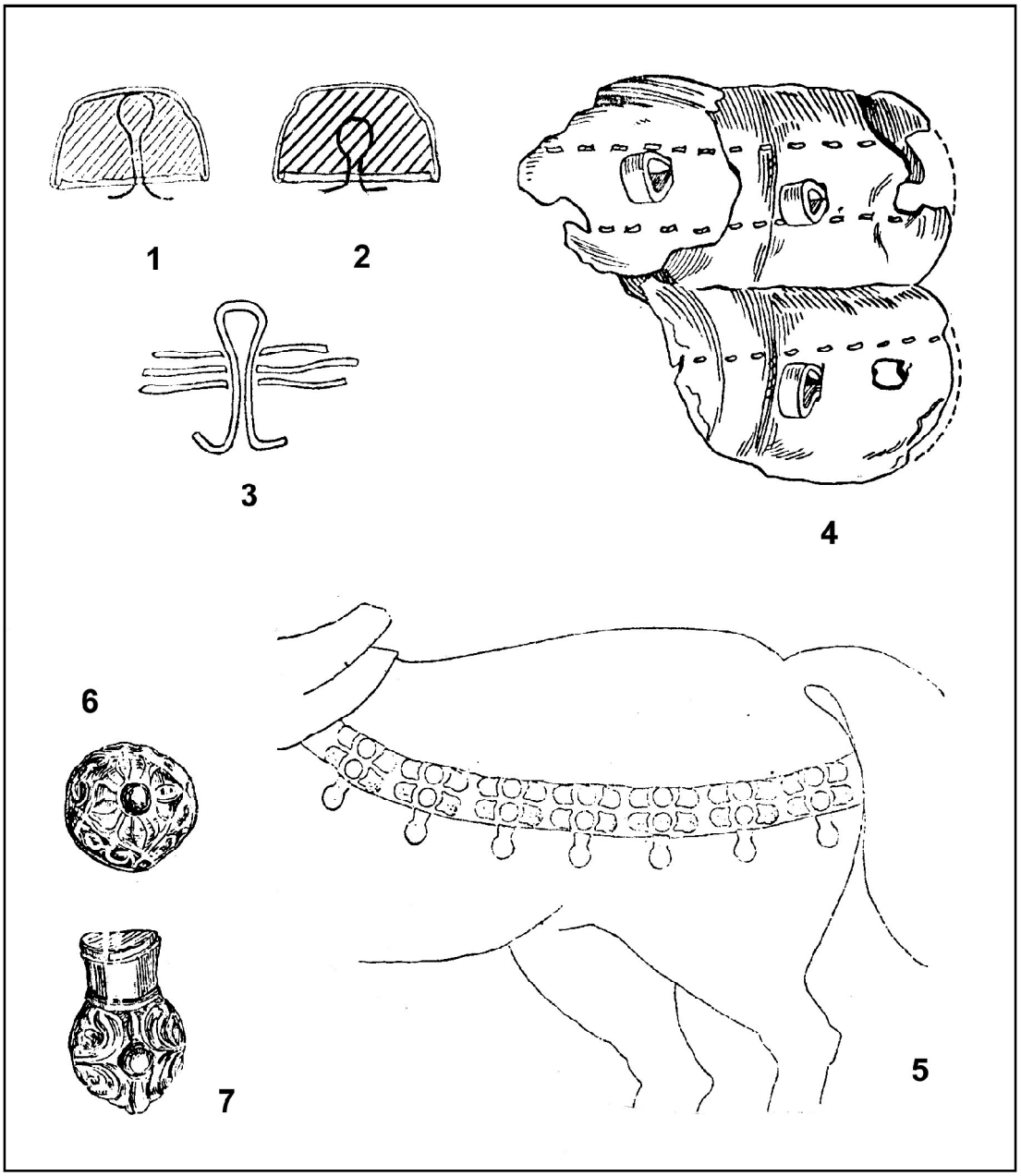


Рис. 5. Перещепинский комплекс.

1, 2 — Схематический разрез двухслойной полусферической бляшки со скобой для крепления на ремне и воскообразным заполнением; 1 — прежняя реконструкция автора; 2 — новая реконструкция автора; 3 — реконструкция расположения скобы на ремне; 4 — обрывок кожи от конской сбруи с отпечатками бляшек и скобами от утраченных бляшек (Инв. № 1930/167); 5 — реконструкция расположения на задней сбруе лошади композиции из шести золотых фигурных и полусферических бляшек и декоративного наконечника. Вознесенский комплекс. Украшения конской сбруи: 6 — бляшка; 7 — декоративный наконечник.

Воспроизведены иллюстрации В. А. Гринченко (Грінченко 1950: табл. III №№ 1, 2).

обязывает к тому, чтобы полностью пересмотреть этническую принадлежность целой группы памятников Поднепровья VII в. — памятников перещепинского круга.

Подробный анализ этой группы памятников М.И.Артамоновым позволил ему увидеть в них ряд особенностей, отличающих их от памятников пастырской (булгарской) культуры Поднепровья. Эти отличия сводятся к присутствию в памятниках перещепинского круга тюркского следа.

В период господства хазарской версии их происхождения, когда считалось, что после распада Великой Булгарии Поднепровье было полностью порабощено Хазарией, тюркский след в памятниках перещепинского круга объяснялся их при-

Рис. 6. Перещепинский комплекс.
Сосуды тюрко-согдийского круга.
1 — Золотая облицовка деревянного сосуда предположительно культового. Деревянная основа утрачена. (Инв. №№ 1930/5, 107); 2 — Серебряный сосуд. (Инв. № S 259).

надлежностью к правящей верхушке Хазарского каганата из тюркского рода Ашина (Артамонов 1970 (I): 127, 128; он же 1970 (II): 15–20).

Однако, уже десятилетие спустя после М.И.Артамонова, А.К.Амброз, анализируя материалы Вознесенского комплекса и прослеживая тюркский след в виде предполагаемых поминальных храмов кочевых народов, простирает свои параллели уже не только на восток от Поднепровья, но и на запад — от Монголии до Дуная. И уже не настаивает на конкретной этнической принадлежности этих памятников (Амброз 1982: 214).

Летопись Гази-Барадж позволяет пойти в этом направлении еще дальше и предположить, что тюркский след в Поднепровье в памятниках перещепинского круга был связан с господством Великой Булгарии, правящую верхушку которой составляла другая тюркская династия Дуло. О принадлежности к этой династии кагана Куврата говорит и Именник болгарских царей (Попов 1866: 26).

Соответственно и предметы тюрко-согдийского круга из Перещепинского комплекса заслуживают особого внимания, и их интерпретацию надо пересмотреть. Более того, заслуживают внимания и некоторые другие памятники перещепинского типа. На их новой интерпретации и на их возможной связи с Перещепинским комплексом также следует остановиться.

В монографии 1997 г. «Сокровища хана Кубрата» предметы тюрко–согдийского круга были опубликованы Б.И.Маршаком, который делит их на несколько групп.

Наибольший интерес представляют золотые тисненые пластины, использовавшиеся в качестве облицовки разных предметов. Прежде всего это деревянный сосудик с золотыми обкладками (рис. 6: *1*) и колчан (рис. 7). Облицовка этих вещей была прочно скреплена с утраченной когда-то основой гвоздиками. Не ис-

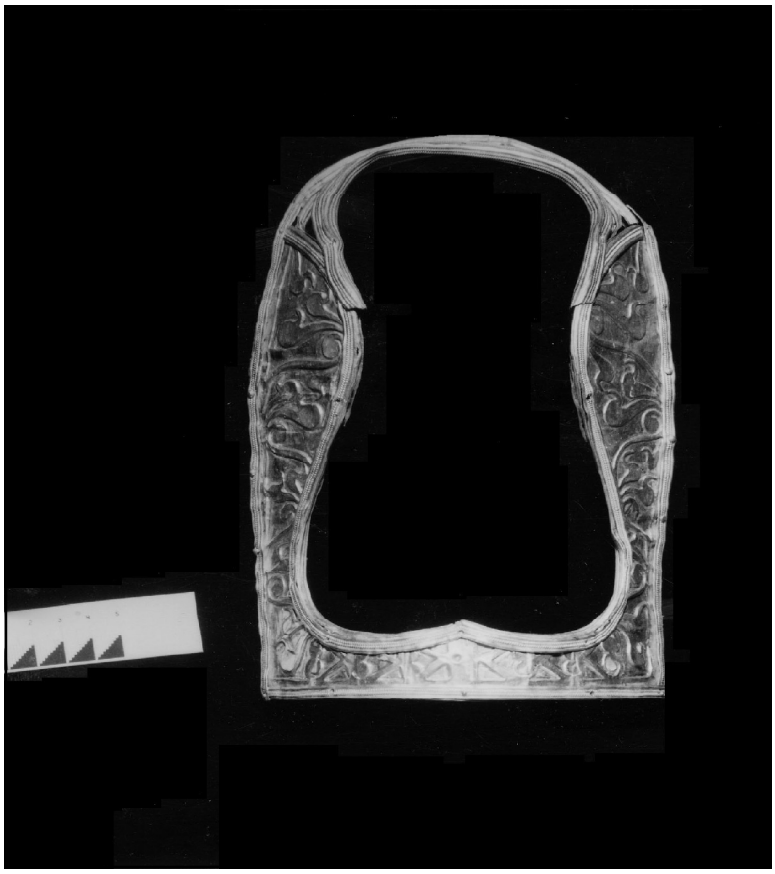


Рис. 7. Перещепинский комплекс.
Золотая облицовка колчана (Инв. № 1930/95, 115).

ключено, что сосудик мог быть ритуальным. Иначе трудно объяснить его присутствие в ставке его владельца наряду с кувшинами из серебра и золота, превосходящими его по красоте и богатству (рис. 6: *2*).

В отличие от колчана и сосуда, предполагаемая облицовка луки седла в виде двух дуговидных пластин и двух пластин в виде львов (рис. 8: *1, 2*) не имеет ни гвоздиков, ни следов какого-либо клеющего состава. Однако Б.И.Маршак считает, что дуговидные пластины могли крепиться на роговой или деревянной основе посредством загибания закраин (Залесская и др. 1997: 193–199, 209–213; к. №№ 70, 87–93).

Фигурки львов реконструируются по-разному. А.И.Семенов вслед за А.А.Бобринским считает их двумя сторонами одной и той же фигурки льва. Б.И.Маршак вслед за Д.Ласло трактует их как две симметричные фигурки, украшавшие луку седла (Залесская и др. 1997: к № 189: 212). Последняя реконструкция кажется более вероятной, если вспомнить о находках парных фигур львов в курганах тюрок юго-восточной Тувы (курган № 1 Сарыч-Булинского могильника), где эти фигуры-скульптуры предположительно стояли друг против друга (Кызласов 1979: 129, 130).

Следует также вспомнить еще один набор, состоящий из четырех золотых бляшек от пояса с аметистовыми и гранатовой вставками (1930/51–54) (рис. 9: *3*), фрагмента меча, который на нем висел (1930/2) (рис. 9: *1*), и пяти золотых накладок с аметистовыми и из горного хрусталя вставками (1930/55-58, 62) (рис. 9: *2*) от облицовки портупеи этого меча, а возможно, и от щита, как предполагает Б.И.Маршак (Львова 1994: 257-265, рис. 1, №№ 1, 2, 4; Залесская и др. 1997: к №№ 55–58, с. 172–179). Все эти вещи объединяет в единый набор, сделанный в одной и той же технике, орнамент из плоских золотых кружков, а накладки — аметистовые вставки кабошон в гнездах одинаковой конструкции («разрезной нахлест»).

Самым интересным предметом набора в аспекте данной работы можно считать фрагмент меча с облицованной золотом съемной рукоятью. Облицовка состоит из орнамента, составленного инкрустацией золота по железу — «насечкой», обведенного бордюром из золотых кружков. Орнаментация насечкой сближает меч с изделиями тюркского круга (Кисилев 1951: 519–525; Распопова 1980: 97), а изображения мечей с подобным перещепинскому по форме перекрестьем рукояти есть на серебряных сасанидских сосудах IV–VIII вв. и на росписях Пенджикента и Афрасиаба третьей четверти VII в. (Залесская и др. 1997: 172–174, к № 55).

Именно этот фрагмент меча отличается от других образцов перещепинского холодного оружия одной особенностью. Если его повесить, как принято, на левом боку лицевой стороной наружу, меч будет расположен в ножнах лезвием наверх. И, соответственно, если вых-

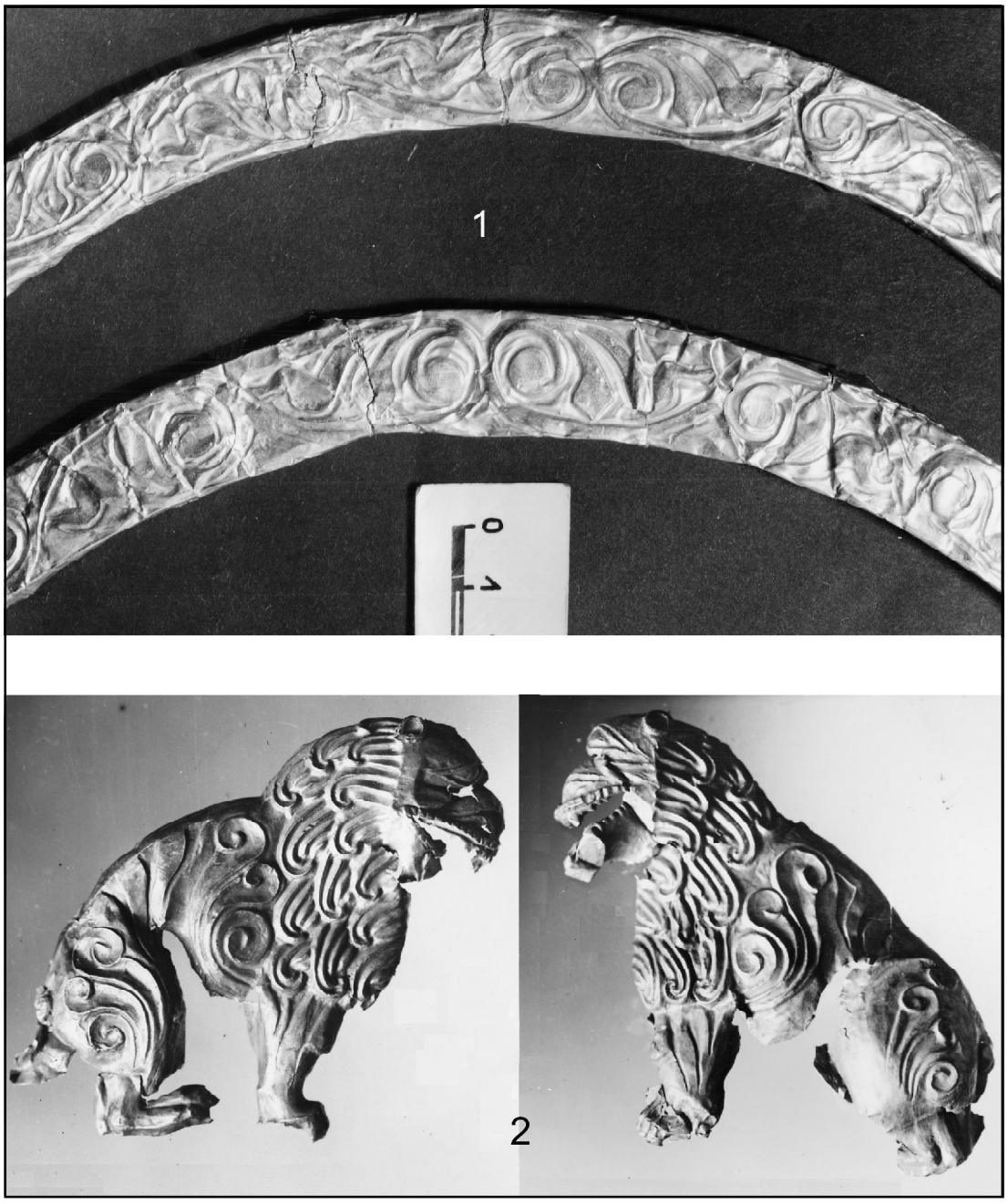


Рис. 8. Перещепинский комплекс.
Предполагаемая золотая облицовка дуги седла.
1 — Две дугообразные пластины, средняя часть, лицевая сторона. (Инв. № 1930/97 а, б); 2 — Две фигуры львов. Лицевая сторона. (Инв. № 1930/73 а, б).

ватить такой меч правой рукой из ножен, удар будет нанесен не лезвием, а тупьем. Значит, он должен был висеть не с левой, как обычно, а с правой стороны и, по первоначальной версии автора, предназначаться для левши (Львова 1994: 258, рис. 1, № 5а, 5б).

Однако, некоторые другие данные допускают и иное толкование — у меча могла быть перевернута съемная рукоять, чтобы он казался покойному оружием для левши и не мог быть использован им для нанесения вреда живым [6].

Аномалия перещепинского меча именно тюркского круга, то, что именно он воспринимался как личное оружие умершего и по какой-

[6] Меч с такой же аномалией известен из погребения VII в. в Уч-Тепе (Иессен 1965: 173–182). Но, в отличие от Перещепинского комплекса, в Уч-Тепе было трупоположение, костяк сохранился, и меч лежал у костей левой ноги. Его рукоять и остатки ножен и портупеи имеют лицевую и оборотную стороны, по которым видно, что меч и был предназначен для ношения на левом боку. Однако, его клинок был вложен в ножны лезвием к портупее. Но при этом он выглядел снаружи, как обычный меч – лицевые стороны и ножен, и рукояти расположены в одной плоскости

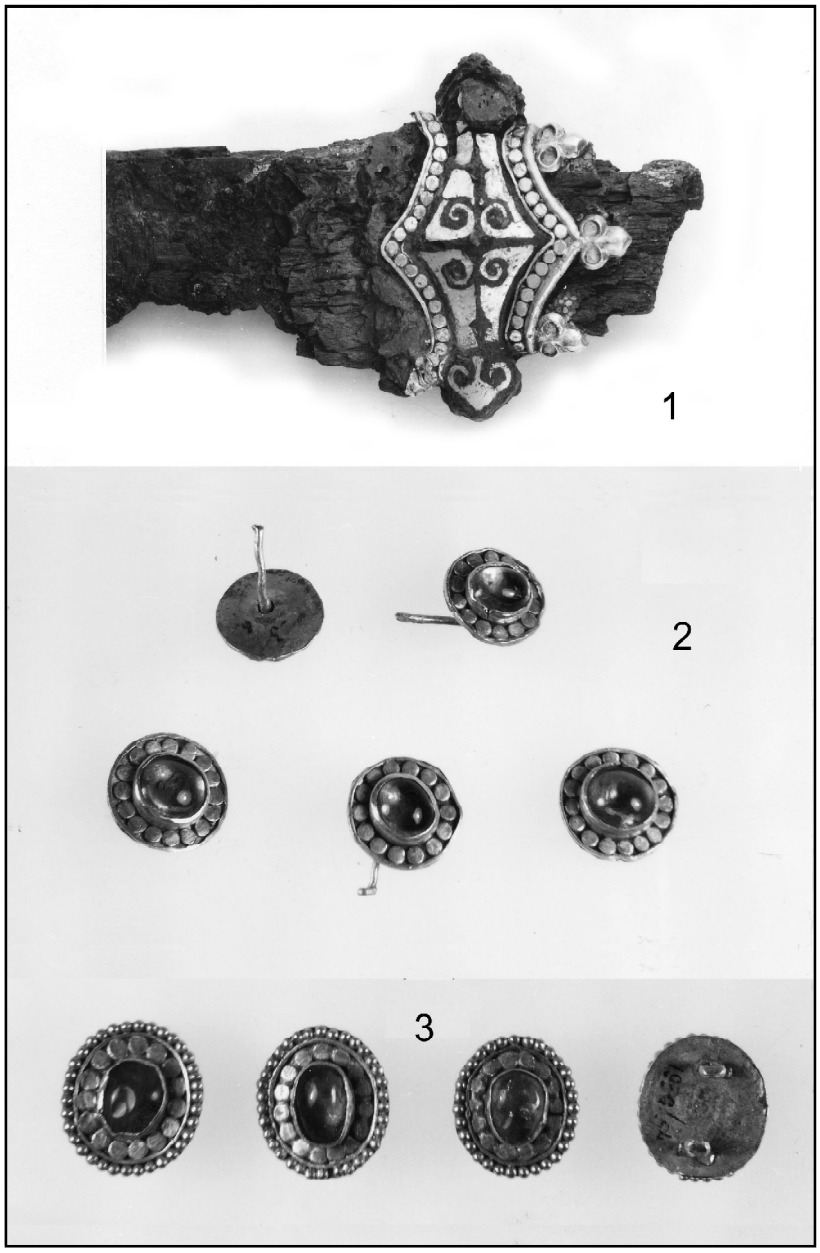


Рис. 9. Перещепинский комплекс.
1 — Фрагмент меча с золотой облицовкой съемной рукояти. (Инв. № 1930/2); 2 — золотые с аметистовыми и из горного хрусталя вставками накладки от облицовки портупеи меча или щита. (Инв. №№ слева направо: первый ряд 1930/62, 55; второй ряд 1930/57, 56, 58); 3 — золотые с гранатовой и аметистовыми вставками бляшки от пояса. (Инв. №№ слева направо 1930/53, 51, 52, 54).

то причине имел вид оружия для левши, говорит об особом к нему отношении. Вероятно, именно он сопровождал умершего в иной мир, в то время как другие образцы холодного оружия присутствовали в погребении только как свидетельство величия и богатства их владельца.

Таким образом, можно предполагать, что покойный каган должен был предстать перед верховным Божеством именно в тюркском облике. Он сидел на коне в седле, обложенном золотыми дуговидными и в виде львов пластинами, был перепоясан поясом, с которого свисал названный меч, был при нем и колчан, а также, вероятно, лук и стрелы, которые не сохранились. В руке — деревянная, обложенная золотыми пластинами, кружка со священным напитком. Не исключено, что атрибутом власти, который последовал за каганом в иной мир, был также и реконструированный А.И.Семеновым (Семенов 1991: 1012), деревянный посох или жезл в золотой облицовке (рис. 10). О такой возможности говорят данные об его возможном подновлении перед похоронами его владельца (Львова 1993: 113, 114).

Однако, аналогии этой регалии ни в аварских, ни в тюркских памятниках автору неизвестны.

Остальные предметы тюрко-согдийского круга — в том числе и золотая пряжка 1930/93 и части

(Иессен 1965: 173, 176, рис. 25, рис. 26 № 1). И это позволяет согласиться с Семеновым в том, что в подобных ситуациях мечи вкладывались лезвием к портупее, чтобы обезвредить покойного (Семенов 1987: 64, 65). Но одновременно с этим были перевернуты лицевой стороной наружу и съемные части их рукоятей — облицовка рукояти учтепинского меча и перекрестье перещепинского.

Рис. 10. Перещепинский комплекс.
Золотая облицовка посоха — набалдашника с частью древка. (Инв. № 1930/120, 121, 130 часть).

золотой облицовки оружия 1930/64, 66 а, б –71, 171 (Залесская и др. 1997: 205–211; к № 81–84, 86) по всей вероятности не имели непосредственного отношения к облачению умершего.

Богатая посуда — кружки, кувшины с ручками из шариков тюркского типа — золотая (z526) и две серебряные (s259 и 260), золотые (z529–539) и серебряные (s261–270), кубки (Залесская и др. 1997: 192, 193, 199–205; к № 69, 71–80), также, как и сосуды византийского и иранского происхождения и, вероятно, другая, не сохранившаяся утварь использовались на торжественных приемах.

Можно думать, что в ставке кагана Великой Булгарии приемы иностранных послов обставлялись не менее пышно, чем у тюрок.

Описание приема византийских послов тюркютским каганом есть у Менандра, который упоминает и облицованные золотом и шелком парадные юрты, их столбы и ложе для кагана, и золотые сосуды и скульптуру (Менандр 1860: 378, 379).

На первый взгляд, среди предметов Перещепинского комплекса, кроме золотых и серебряных сосудов, ничего не говорит о возможности такой роскоши в ставке его владельца.

Но о ней можно догадываться, исследуя остатки золотой облицовки предполагаемого погребального устройства в виде золотых ромбовидных пластин с длиною сторон от 6,8 до 7,2 см (рис. 11: *1, 2*). Пластины сохранились в количестве 230, но в момент раскопок их было больше (Залесская и др. 1997: 221–225; к № 99).

Неоднородность пластин по толщине и пробе золота позволяет предположить, что какая-то их часть могла использоваться при жизни кагана, возможно, для украшения его парадных покоев. А сохранившиеся на оборотной стороне шляпок железных гвоздей, крепивших на дереве золотую облицовку, отпечатки ткани свидетельствуют об использовании для украшения погребального устройства также и ткани (Львова 1993: 112; Залесская и др. 1997: 222).

Руководитель и участник раскопок Перещепинского комплекса Н.Е.Макаренко говорит и о характере этой ткани — она была шелковой и протканной золотыми нитями (Макаренко 1912: 208). Две кучки обрывков золотых нитей от парчи упоминаются и среди нескольких предметов перещепинской находки, переданных в Полтаву (Семенов 1986: 94).

Использование для убранства погребального устройства шелковых протканных золотом тканей не исключает, что она, также как и золотые облицовочные пластины, могла первоначально украшать парадные покои.

Таким образом, присутствие в Перещепинском комплексе предметов тюркского круга, по мнению автора, можно рассматривать как один из доводов в пользу принадлежности этого памятника кагану Великой Булгарии Куврату из тюркского рода Дуло. То же самое можно сказать и о способе его предполагаемого погребения.

Относительно способа захоронения в дюнах у села Малая Перещепина кагана Куврата авторами монографии 1997 г. была высказана версия об его возможном сожжении на стороне, при котором в саркофаг с сокровищами была всыпана часть золы и пережженных костей (Львова 1995: 104–112; Залесская и др. 1997: 108, 109). И в этом предполагаемом обряде также видится тюркский след, поскольку знатных тюрок и тюркских каганов вплоть до первой трети VII в. хоронили посредством сожжения (Бичурин 1991: 242, 267).

Однако, тайное захоронение в дюнах предполагаемых сожженных останков Куврата с принадлежавшими ему сокровищами исключало возможность массовых посещений этого места народом. А это предполагает существование какого-то другого места почитания умершего. Скорее всего, оно должно было чем-то напоминать тюркские поминальные храмы — оградки (Кызласов 1979: 121–140), хотя вряд ли можно думать, что тюрки из рода Дуло Поднепровья могли в точности воспроизводить обряды и обычаи тюрок Алтая и Тувы.

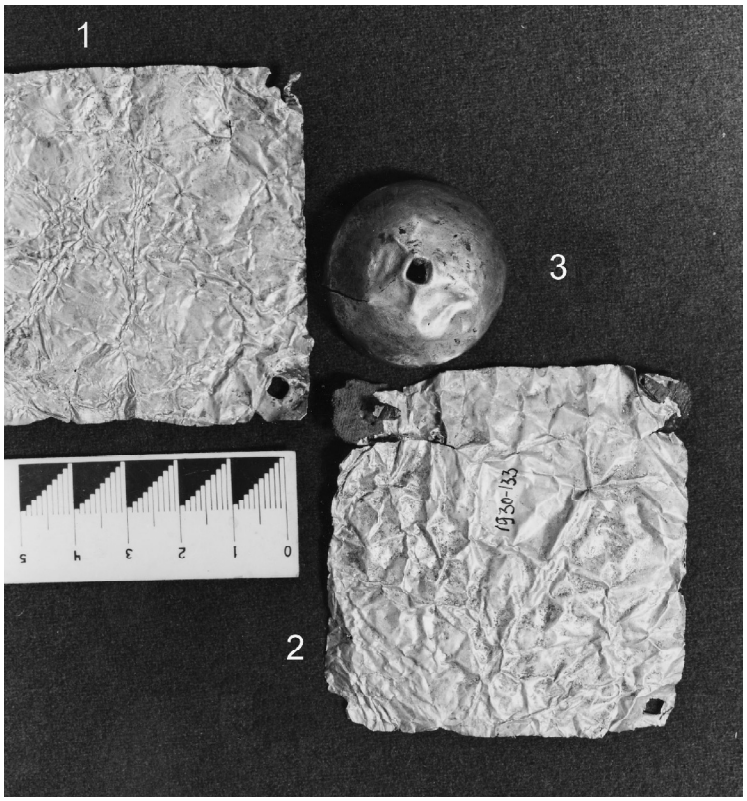


Рис. 11. Перещепинский комплекс. 1,2 — Части золотой облицовки предполагаемого погребального устройства с оборотной стороны. Сохранились квадратные отверстия, пробитые железными гвоздями с четырёхгранной ножкой, и шляпки от гвоздей с отпечатками ткани. (Инв. №;№ 1930/133, 134); 3 — золотая облицовка посоха — верхняя часть набалдашника, прибивавшаяся к основе гвоздём с четырёхгранной ножкой. (Инв. № 1930/121).

Не исключено, что в отличие от традиционных тюркских поминальных храмов место массового поминовения кагана Великой Булгарии было связано с местом его сожжения. И надо думать, что оно находилось в большом отдалении от тайного сокрытия его сокровищ. Кроме того, судя по богатству кагана, место его массового поминовения и поклонения должно было быть грандиозным.

В свете всего сказанного можно было бы предположить, что ритуальное сожжение останков Куврата и его последующие поминовения могли происходить на месте известного Вознесенского комплекса в Запорожье.

Первоначально Вознесенский комплекс считался местом коллективного захоронения погибшего в неудачном сражении отряда воинов, а занимаемая им достаточно большая площадь (вместе с валами 82х51 м), воспринималась как военный лагерь (Грінченко 1950: 37–39, 61, 62; Сміленко 1969: 166, 167).

А.К.Амброз убедительно опроверг эту версию и выдвинул новую, согласно которой территория, занятая Вознесенским памятником, являлась культовым местом наподобие тюркских поминальных храмов (Амброз 1982: 209–220). Тот факт, что она была ограждена не каменной стеной, как подобает военной крепости, а валом из каменной щебенки с землей, является одним из веских аргументов в пользу новой версии. Говорит об этом и использование для возведения вала щебенки из привозного гранита и известняка, и сравнительно небольшая концентрация находок, свидетельствующая о незаселенности территории комплекса. В то же время его огромные размеры и трудоемкость возведения вала говорят о назначении огороженной им площади для приема достаточно большого количества людей в течение долгого времени. И все эти и другие приводимые А.К.Амброзом доводы свидетельствуют в пользу его версии об использовании Вознесенского комплекса в качестве ритуального места, где происходили поминовения умершего знатного лица.

В этом отношении особенно убедительна трактовка А.К.Амброзом двух расположенных на территории комплекса ям. В одной из них (яма № 1) дружинники умершего оставили в качестве поминальной жертвы части своего воинского снаряжения. Слоистое заполнение другой ямы (яма № 2) и многочисленные остатки конских костей на близлежащей к ней территории комплекса свидетельствуют о последующих многократных поминовениях умершего знатного лица приезжавшими на священное место людьми (Амброз 1982: 42–57).

Тюркские поминальные храмы, с которыми А.К.Амброз сравнивает Вознесенский комплекс, он датирует концом VII–VIII вв. (Амброз 1982: 214–220). Л.Р.Кызласов относит их к более широкому периоду — VI–VIII вв. (Кызласов 1979: 121–143).

Данные последних лет позволяют несколько конкретизировать построение А. К. Амброза, связав комплекс у с. Вознесенки с предполагаемым захоронением в дюнах под Полтавой кагана Великой Булгарии Куврата. Но это предполагает присутствие или на площади по-

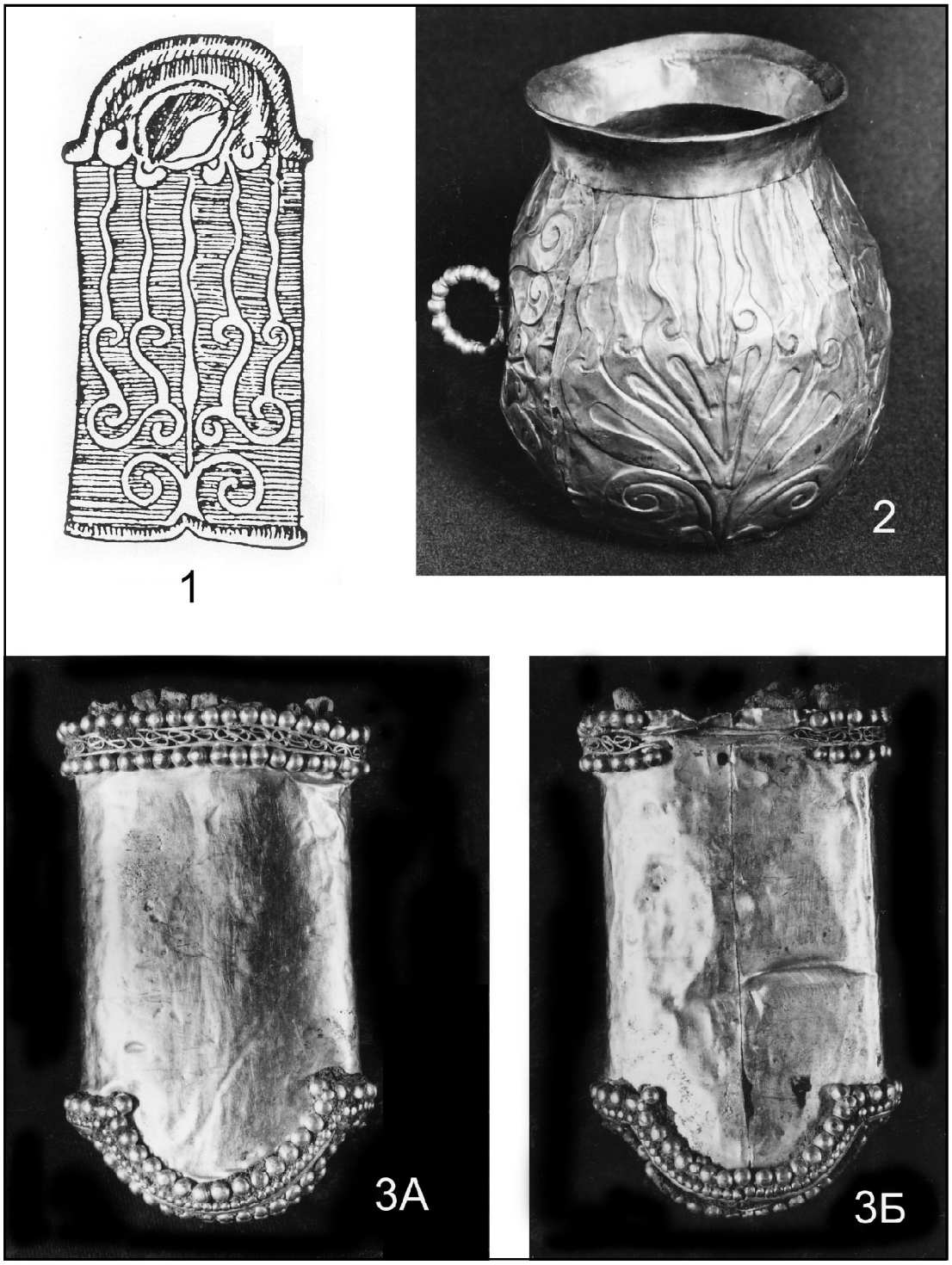


Рис. 12.

1 — Наконечник ножен меча из Вознесенского комплекса в перевёрнутом виде. Воспроизведена увеличенная иллюстрация В.А.Гринченко (Грінченко 1950: табл. IV № 9); 2 — золотая облицовка деревянного сосудика (дерево утрачено) из Перещепинского комплекса (инв. № 1930/5, 107). На одной из пластин изображение «Неопалимой Купины»; 3 — наконечник ножен меча с золотой облицовкой как у оружия из Глодос: пластина обёрнута вокруг основы до стыка концов на обороте. Перещепинский комплекс (инв. № 1930/3); а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

минального храма у Вознесенки, или где-то в непосредственной близости от него погребального костра, наличие которого А.К.Амброз полностью отвергает. Косвенным свидетельством того, что поблизости от Вознесенки должен был находиться погребальный костер, можно считать попорченные огнем золотые и серебряные вещи из жертвенной ямы № 1, а также находившиеся в ней пепел и угольки. По-видимому, перед возложением жертвенных вещей в яму они находились поблизости от огня, предположительно — погребального костра, который и оставил на них свой след.

Состоящая из двух пластин полая золотая облицовка рукояти сабли и остатки рукояти сабли такой же формы из ямы № 1, согласно В.А.Гринченко были заполнены углем и пеплом от сгоревшей части рукояти (Грінченко 1950: 49, 50, табл. IV, рис. 10). Внутри золотого наконечника в форме цилиндра с кольцом и девяти колоколовидных предметов из серебра из той же ямы также оказался уголь от сгоревшего деревянного заполнения (Грінченко 1950: 52, 53, 56, табл. V, рис. 1, табл. VI, рис. 5, 7). Попорчены огнем были и пять золотых накладок на ремень, массивная золотая пряжка и восемь четырехгранных наконечников (Грінченко 1950: 50, 52, табл. V, рис. 9). Сильно попорчены огнем были конической формы серебряная «дудочка» (Грінченко 1950: 56, табл. VI, рис. 8), прямоугольная пластинка с изображением львицы (Грінченко 1950: 54, табл. VI, № 1), а также серебряная фигура льва, от которой сохранились только голова, шея, часть передних ног и передняя часть туловища. Его задняя часть и ноги растопились и в виде глыбки прикипели к голове (Гріченко 1950: 48, рис. 6). Растоплена огнем была и вещь, первоначально имевшая форму полусферы с петлей на обороте и с кольцами. Был зафиксирован и обрывок фольги с приставшей к нему землей и углем и другие попорченные огнем предметы (Грінчегко 1950: 56). В то же время в слое между бляшками, особенно с западной стороны ямы, встречались небольшие кусочки угля и пепел, иногда заполнявший полости вещей. Известная серебряная фигурка орла с монограммой была немного попорчена огнем, а ее глаза и ноздри к моменту находки были заполнены пеплом (Грінченко 1950: 45, рис. 5). Сильно поврежденными огнем оказались и три золотые наконечника от ножен сабель. Однако, вряд ли можно согласиться с утверждением, что отсутствующие в их гнездах каменные вставки растопились огнем (Грінченко 1950: 49, табл. VI, рис. 6, 9). От огня могли бы растопиться стеклянные сосуды наподобие перещепинских кубков (Залесская и др. 1997: 240, 241, к № 126), превратившись в «сплав стекловидной массы с вкраплениями золотой зерни» (Грінченко 1950: 54).

Правдоподобной кажется и возможность выплавления воскового заполнения из бляшек конской сбруи. В самом нижнем слое ямы № 1 было найдено около 1400 золотых и серебряных штампованных бляшек разных форм, предназначавшихся для украшения одежды, ремня и лошадиной сбруи (Грінченко 1950: 42, 45, табл. III). Последние представляют особый интерес, так как по очертаниям (ср. рис. 5: *6, 7* и рис. 3: *2, 3*) и по конструкции аналогичны перещепинским.

Как и перещепинские, бляшки конской сбруи из Вознесенки состояли из бронзовой основы и верхней золотой или серебряной тисненой пластины, края которой загибались внутри. Крепление на ремне производилось «шпонами», или скобами. Они находились внутри бляшек и были прикреплены к их бронзовой внутренней поверхности. Выступающие наружу концы скоб продевались в отверстие на ремне и разводились в стороны (Грінченко 1950: 45, табл. III, №№1, 2).

По материалам Перещепина также известно, что для большей прочности внутренняя полость бляшек со скобами заливалась воском (Львова 1995: рис. 5: *4*) (рис. 5: *1, 3, 4*). Однако, за исключением одного случайно сохранившегося воскового заполнения с застрявшими в нем скобами (Львова 1995: рис 1: *5*) и его остатков в некоторой части других бляшек восковое заполнение и утопленные в нем скобы в большей части перещепинских бляшек не сохранились (Львова 1995: 105, рис. 1: *5*, рис. 5: *1, 2, 4*; Залесская и др. 1997: 165, 303, кат. №№ 50, 51, 52) (рис. 4: *1, 2*). Обстоятельства находки в селе М. Перещепине позволяли думать, что восковое заполнение бляшек было изъято находчиками для очистки золота от прочего материала. Однако, в бляшках из Вознесенки ни воска, ни скоб тоже не было, все скобы находились отдельно от бляшек — В. А. Гринченко их насчитывает около ста (Грінченко 1950: 45). А это позволяет предположить, что воск из вознесенских и перещепинских бляшек вытопился при одинаковых обстоятельствах, возможно, от жары погребального костра, вблизи которого они находились. Об этой возможности говорит и то, что часть вознесенских бляшек была так попорчена огнем, что их форму было трудно различить, а в слое между бляшками, особенно с западной стороны, встречались небольшие кусочки угля и пепел (Грінченко 1950: 45).

Следует добавить также, что в свете описаний В.А.Гринченко кажется более вероятным, что при изготовлении большей части и вознесенских, и перещепинских бляшек конской сбруи скоба не приваривалась к металлической основе, как казалось ранее (рис. 5: *1*), а просто втапливалась в восковое заполнение (рис. 5: *2*). Когда вытопился из бляшек воск, вместе с ним отделились от них и скобы.

Итак, присутствие в яме № 1 побывавших в огне предметов, а также угля и пепла говорит о том, что сложенные в неё вещи какое-то время находились поблизости от кострища, скорее всего, погребального. Не исключено, что оно

могло находиться на месте «великого кострища» на валу Вознесенского комплекса или где-то внутри территории, огражденной этим валом.

Не исключено и главное допущение автора — то, что Вознесенский поминальный комплекс был связан с погребением булгарского предводителя из тюркского рода Дуло, которым мог быть каган Великой Булгарии Куврат.

Таким образом, согласно предлагаемой автором реконструкции, при погребении Куврата его прах был сожжен на территории специально сооруженного поминального храма у Вознесенки в Запорожье или вблизи от него. Приближенными воинами были совершены посвященные ему приношения в виде оружия и военного снаряжения. До того, как вещи были сложены в яму и проткнуты тремя саблями, они, возможно, с частью личных вещей кагана находились поблизости от погребального костра. Одновременно с этим на огражденной валом территории рядом с первой жертвенной ямой было приготовлено место для последующих поминовений умершего. Судя по огромной огражденной валами площади предполагаемого поминального храма у с. Вознесенки, в них должно было участвовать много соплеменников. А одновременно с этим, на севере, у современного села Малая Перещепина у Полтавы, в дюнах в тайне были захоронены останки сожженного кагана в виде пепла и пережженных костей с принадлежавшими ему сокровищами в деревянном облицованном золотом погребальном сооружении.

Согласно предлагаемой реконструкции комплексы у Перещепина и Вознесенки были связаны с одним и тем же событием — с погребением создавшего Великую Булгарию, правившего в ней сорок лет, объявившего себя в 629 г. ее каганом и умершего в 660 году Куврата.

Однако, поиски точных аналогий между вещами этих памятников были бы не уместными. В Перещепине находились вещи кагана в виде почетных регалий, дорогой посуды для парадных приемов, принадлежащих по рангу только ему и членам его семьи украшений, возможно, ритуального набора предметов тюркского происхождения.

В поминальном храме у Вознесенки находились погребальные жертвы умершему составлявших его свиту воинов-тюрков. Поэтому присутствие в этом комплексе всего того, что мы видим в Перещепине, было бы просто невозможным. Но находки среди предметов вооружения и снаряжения воинов тюркских ножей и стремян с насечкой вполне объяснимо (Грінченко 1950: 42, 57, табл. II, рис. 4 табл VI рис. 9). То же можно сказать и о многочисленных частях убранства конской упряжки в виде полусферических бляшек и декоративных наконечников ремней. Судя по описанию В.А.Грінченко их устройства (Грінченко 1950: табл. III, №№ 1, 2; 42, 43 и др.), они могли быть сделаны в той же византийской мастерской, которая обслуживала знатных кочевников и Аварского каганата, и Великой Булгарии и ставку ее кагана (Львова 1995: 104–113; Львова 1996: 19–33).

Описание и иллюстрации золотой облицовки сабель из Вознесенки (Грінченко 1950: 42, 49, 57; табл. IV, рис. 6, 9, 10) (рис. 12: *1*) дает некоторое представление об их конструкции и позволяет предположить, что как и некоторые экземпляры перещепинского оружия (рис. 12: 3 А, Б) и оружия из Глодос они могли быть сделаны на месте, в ставке (Залесская и др. 1997: 159, 300; к № 42).

В.А.Грінченко подчеркивает также, что облицовка оружия из Вознесенки украшена «рельефным тисненым орнаментом» . По характеру его изображений он отдаленно напоминает двуплановое рельефное тиснение на вещах тюрко-согдийского круга из Перещепина (Залесская и др. 1997: к №№ 70, 87, 88, 89), о которых Б.И.Маршак говорит, что они были сделаны не для последнего владельца Перещепинского сокровища а, возможно, несколько раньше. По сравнению с ними некоторые изображения на рассматриваемых вознесенских облицовочных пластинах, которые могли изготовляться на месте в подражание тюркским образцам (Грінченко 1950: табл. IV, рис. 9), Б.И.Маршак квалифицирует как редуцированные (Залесская и др. 1997: 194, 210) (Ср. рис. 12: *1, 2*).

Вполне объяснимо и то, что не в Перещепине, а именно в Вознесенке в жертвенной яме № 1 находились предметы, которые и А.Т.Смиленко и А.К.Амброз квалифицируют как трофеи, которые «составляли собственность вождей и попали в могилу с их снаряжением». Это — пластины с изображением львов и фигура орла с монограммой на груди, с оплетающей его ноги змеей, которые могли быть навершиями военных штандартов (Амброз 1982: 208, 210). Один из этих предметов — фигурку орла, Л.А.Мацулевич датирует V в. (Мацулевич 1959: 185–199). Соответственно, в VII в. она была использована вторично. Но в чем-то, возможно, изображение орла с оплетающей его ноги змеей было созвучно некоторым булгарским мифическим представлениям, поэтому фигура орла V в. могла быть почитаемой и в кочевнической среде VII в. В статьях и заметках последнего владельца полного текста свода Бахши Имана Джагфар тарихы Ф. Г.-Х. Нурутдинова, написанных на основе материалов утраченной в начале 80-х годов XX в. части свода (Часть II. «Книга о национальных праздниках булгар») упоминаются имена булгарских духов — алпов, и, в частности, Хурса — сына Мара и Туран, которая часто выступала в облике змеи. Сам Хурса — алп Божьей вести о предстоящей смерти по воле Тангры — доставлял души умерших с земли на небо, принимая вид грифона, орла, беркута и других хищных птиц (Бахши Иман 1994: 61, 62).

Таким образом, в работе предлагается новая версия о возможной связи двух комплексов VII в. — Перещепинского и Вознесенского. Однако, она еще требует всестороннего пересмотра и тщательного обоснования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бахши Иман 1993. Джагфар тарихы. Свод булгарских летописей 1680 г. Том I. Издание подготовлено Ф.Г.-Х. Нурутдиновым. Редакция Вестника Болгарии. Оренбург.

Бахши Иман 1994. Джагфар тарихы. Том II. Статьи и заметки последнего владельца текста Ф.Г.-Х. Нурутдинова, написанные на основе материалов утраченной в начале 80-х годов нашего столетия части свода. Редакция Вестника Болгар Илле. Оренбург.

Менандр Византиец 1860. Отрывок // Дестунис С. Византийские историки: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. СПб.

Патриарх Никифор 1980. Бревиарий. Перевод и комментарии И.С.Чичурова // И.С.Чичуров. Византийские исторические сочинения. М.

Феофан Исповедник 1980. Хронография. Перевод и комментарии И.С.Чичурова // С.Чичуров. Византийские исторические сочинения. М.

Амброз А.К. 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Артамонов М.И. 1970 (I). Славяне и Болгары в Поднепровье. // Berichte űber der II Jnternationalen Kongreß fűr Slawische Archäologie. Band I, Berlin.

Артамонов М.И. 1970 (II). Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. // Доклады Географического общества СССР. Вып. 15.

Баранов И. 1998 г. Великая Болгария и Крым: итоги и проблемы изучения // Международная конференция «Византия и Крым» . Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь.

Бичурин Н.Я. (Иаканф) 1991. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии // Ради вечной памяти. Чебоксары.

Грінченко В.А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія, III. Київ.

Гумилев Л.Н. 1967. Древние тюрки. М.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. 1997. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. Славия, СПб.

Иессен А.А. 1965. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // Труды Азербайджанской экспедиции. Т. II (1956–1960 гг.). МИА № 25, М.-Л.

Киселев С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.

Кызласов Л.Р. 1979. Древняя Тува. М., МГУ.

Львова З.А., Семенов А.И. 1985. К проверке оснований реконструкции перещепинского меча // АСГЭ, 1985, № 26.

Львова З.А. 1993. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск III. Симферополь, Таврия.

Львова З.А. 1994. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, Таврия.

Львова З.А. 1995. Перещепинский набор конской упряжи // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь. «Таврия».

Львова З.А. 1996. Вещи из Перещепино, выполненные в византийской мастерской для кочевников // Византия и византийские традиции. Сборник трудов к XIX Международному конгрессу византинистов в Копенгагене, 18 — 24 августа 1996 г. СПб. Г. Э.

Макаренко Н.Е. 1912. Перещепинский клад // ИАК, прибавление к выпуску 46.

Мацулевич Л.А. 1959. Войсковой знак V в. // Византийский временник. Том XVI.

Попов А. 1866. Эллинский и римский летописец // Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1, М.

Распопова В.И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Семенов А.И. 1986. К реконструкции состава комплексов Перещепинского круга // АСГЭ. Вып. 27.

Семенов А.И. 1987. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-Тепе // КСИА № 192, М.

Семенов А.И. 1991. Византийские инсигнии кочевнических комплексов // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. II L. Z. М.

Сміленко А.Т. 1969. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне середньовіччя // Археологія, XXII.

Чичуров И.С. 1976. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М.

Johannes von Nikiou. 1978. // Beševliev. Zur Chronik des Johannes von Nikiou CXX 46–49. // Byzantino–Bulgarica. Sofia, T. V.

Làszló D. 1955. Etudes Archeólogiques sur l'histoire de la Société des Avars // Archaeologia Hungarica, S. N/N XXXIV. Budapest.

Toht E. H., Horvath A. 1992. Kunbabony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemet.

Werner I. 1984. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch–historische Klasse: Abhandlungen. Neue Folge, Heft 91. München.

С.С.Рябцева

ТРЕХБУСИННЫЕ КОЛЬЦА ОТ ВИСЛЫ ДО ВОЛГИ

S.S. Ryabtseva. Three-bead Rings from Vistula to Volga.

The article is dedicated to three-bead temple-rings and ear-rings – one of the few types of ancient Russian jewellery decorations, which are found both in hordes of the late XI-early XIII cc. and in urban layers and barrow antiquities. The article reviews types of these decorations, most typical of Rus', place of three-bead rings in the system of the ancient Russian urban jewellery set. It also draws a large number of analogues coming from a vast territory – from the Balkans to Kama. Special attention is paid to development of this type of decorations known from classical antiquity. Several possible schemes of regeneration and genesis of three-bead rings are proposed.

Most appropriate prototypes of the three-bead decorations found on Slavic sites of IX-XIII cc. are one- and three-bead rings (influenced by Byzantine and Iranian jewellery traditions), represented on Avars' sites of VII-VIII cc. On proper Slavic sites, the earliest finds of bead-rings dated by IX c., also stimulated by Byzantine models, are found on the territory of Histria and Dalmatia. The X c. sees bead-earrings with round embossed beads represented over the whole Balkan peninsula from Greece to Bulgaria. In the late IX – early X c. earrings with three filigree beads appear among the late Moravian antiquities. The XI-XII cc. see spread of the fashion for such three-bead decorations over territory of Poland. Since XIII c. three-bead rings with embossed and filigree beads, various in shape, become a dominating type over the whole Carpathian-Balkan territory, and tradition of such decorations does not interrupt in this region till XVII c. In the late X-early XI c. tradition of wearing three-bead decorations spreads in Russia and exists till XIV c.

To conclude, the author distinguishes a number of big territorial blocks characterised by common constructive and decorative features typical of various types of three-bead rings. The first block (probably original one for the reviewed period) **Byzantine-Iranian;** the second **– Carpathian-Balkan** one; the third **– Polish-Turingen** (actually, the territory of Czech was probably a bridge between the second and the third regions); the fourth **– Early Russian** one, which has common features with the second and the third blocks; the fifth – **Bulgarian one**, close to the second and fourth ones.

Трехбусинные кольца в системе древнерусских ювелирных уборов

Среди украшений, входивших в парадные ювелирные уборы древнерусского времени, выделяются типы, обязанные своим происхождением византийской, западнославянской и североевропейской традициям. Однако различаются составляющие этих уборов не только по происхождению. В парадных уборах присутствуют как типы, характерные только для убора знати, так и воспринятые городской культурой, а также отдельные редкие компоненты встречающиеся и в сельских памятниках.

Смена парадных ювелирных уборов, произошедшая в конце XI — начале XII вв., на наш взгляд, весьма четко отражает произошедшие в этот период изменения в ценностных приоритетах знати. Если в более ранний период (X-XI вв.) преобладала ориентация на западнославянские (Подунайские), Прибалтийские и Скандинавские образцы, то с конца XI в. основным становится византийское влияние. К переработке византийских образцов в древнерусском парадном уборе относятся колты с эмалью и чернью, роскошные княжеские диадемы – аналоги венцов византийских и европейских владык, дорогие оплечья-бармы, подвески-рясны, створчатые браслеты, витые и плетеные браслеты со щитками, декорированными сканью и зернью (Кондаков1896; Корзухина 1954; Макарова 1975; Бочаров 1984; Rjabceva 1997).

Находки перечисленных типов украшений, выполненных из драгоценных металлов, характерны, в основном, только для кладов. Для погребальных комплексов они являются редкостью. В то же время, практически все украшения этого круга послужили основой для создания городскими ремесленниками более дешевых аналогов. Для сельского населения подобный убор не был характерен вовсе.

Однако есть один тип украшений, явно выпадающий из этой довольно стройной картины. Этим типом являются трехбусинные височные кольца и серьги.

Как правило, мы наблюдаем тенденцию к движению украшений из парадного убора в повседневный. При этом происходит замена материала на более дешевый и упрощение тех-

© С.С. Рябцева, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

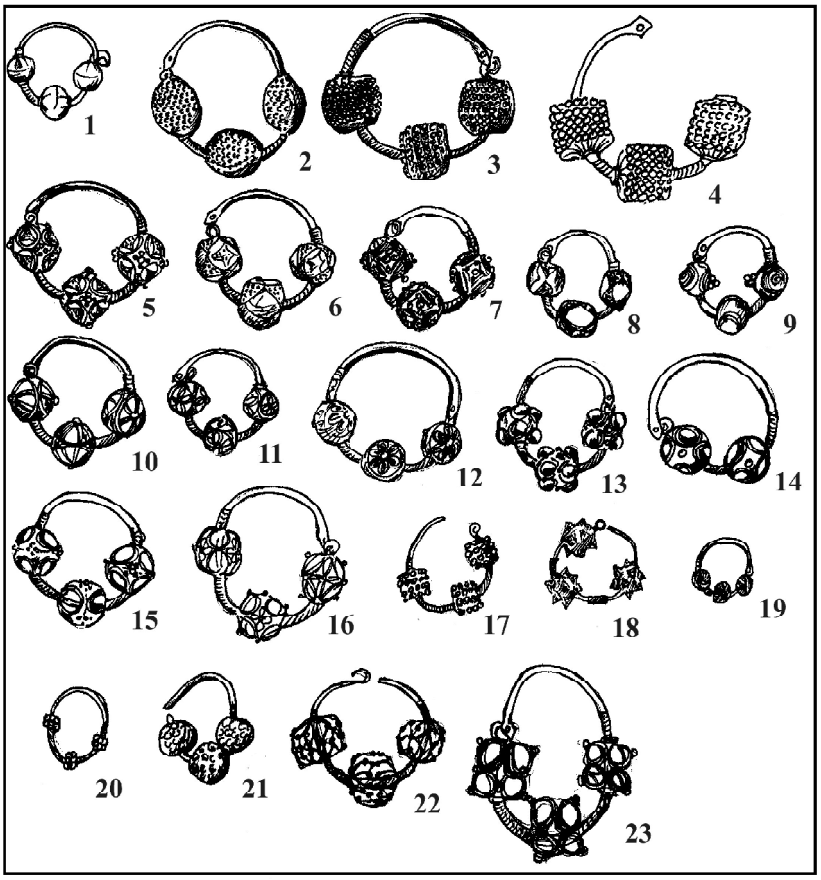


Рис. 1. Древняя Русь. XI-XIII вв. 1 — Новгород. Золото; 2, 3 — Киев. Клад 1904 г. ус. Софийского собора. Серебро; 4 — Киев. Клад 1909 г. ус. Десятинной церкви. Серебро; 5-16 — Киев. Клад 1885 г., из усадьбы Есикерского. Золото; 17-20 — Суздаль, курганы на Михайловской стороне. Серебро; 21 — Новгород. Бронза; 22 — кург. у с. Великая Фосня. Серебро; 23 — Киев. Клад 1909, г. ус. Десятинной церкви. Серебро (По: Кондаков 1896 г. Корзухина 1954, Седов 1982; Седова 1981, 1997). Масштабы разные.

ники изготовления (используется штамповка, литьё). Несколько иная картина с трехбусинными украшениями. Трехбусинные височные кольца и серьги прежде чем войти в убор в знати, представленный в древнерусских кладах XII-XIII вв., получили распространение в курганных древностях (Русанова 1966; Седов 1982: 114, таб. XXVII). Включение этого типа украшений в состав ювелирного убора городского населения уже в конце X- начале XI вв. документируется находкой в Новгороде в слое 989-1006 гг. бронзового трехбусинного кольца с узелковыми бусинами (Лесман 1990: 70). В данном случае мы говорим именно о знакомстве с формой украшения, а не о технологических или декоративных нюансах.

Есть еще одна особенность, отличающая эти украшения от других составляющих парадного убора этого периода. В XII-XIII вв. они не только в изобилии представлены в кладах, а в качестве отдельных находок — в городских слоях, их находят и в сельских некрополях. Хотя находки из кладов и сельских могильников безусловно отличаются как по материалу (золото — привилегия знати), так и по технике изготовления и декору.

В древнерусских материалах выделяются следующие типы трехбусинных колец :

— с тиснеными бусинами, бусины могут быть гладкими, ложчатыми, ажурными (с прорезными отверстиями);

— с каркасными бусинами (каркас мог быть рыхлым или плотным);

— с проволочными бусинами (ажурными и узелковыми);

— с бусинами, спаянными из крупной зерни (Левашова 1967: 18-23, Рябцева 2000: 70) (Рис.1).

Изредка бусины роскошных золотых трехбусинных колец дополнительно украшали жемчужинами, нанизывавшимися на тонкие золотые проволочки. Подобным образом декорированы, например, кольца с ажурными проволочными бусинами, происходящие из клада, найденного в 1957г. у южного фасада Борисоглебского собора в Чернигове (Холостенко 1962: рис. 4). Аналогичные украшения были в Киевском кладе 1906 г., найденном напротив гостиницы Михайловского монастыря (Корзухина 1954: 122) .

Наиболее характерной формой бусин является круглая, слегка овальная или боченкообразная. Как правило, все три бусины одинаковой формы и размера (рис.1). Г.Ф.Корзухина выделяла кольца с разными по форме, а зачастую и по орнаментации, бусинами как наиболее поздние, датируемые XIII вв. (Корзухина 1950: 228). Как мы увидим ниже, «разнобусинность» – признак не только хронологический, но и территориальный. Трехбусинные кольца с разными бусинами наиболее характерны для Карпато-Балканской ювелирной школы (рис.3, 4).

Дужки для бусинных серег выполнялись из круглого или прямоугольного в сечении дрота. Дрот изготовлялся в технике волочения или свертывался из листа металла. Наблюдать кольца с полыми свернутыми из листка серебра дужками нам приходилось, например, на материале киевского клада 1909 г., найденного при раскопках Д.В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви.

Концы дужки, как правило, раскованы, на одном пробито отверстие, второй – свернут в трубочку, отогнутую в наружную сторону. Закреплялись концы, по всей видимости, при помощи металлической нити. Подобное оформление застежки особенно характерно для колец, происходящих из кладов. У трехбусинных колец, находимых в сельских памятниках, как правило, иное завершение дужки — один конец обрублен, а на втором — спираль (или как вариант – крючок). Встречаются экземпляры, у которых обрублены оба конца дужек.

Исторически закрепившееся за этими украшениями название «серьги киевского типа» довольно условно. Часть трехбусинных украшений носилась как височные кольца, а часть действительно продевалась в уши как серьги. Ношение трехбусинных колец в качестве серег документировано, например, находкой из Поворотовских курганов бусинных колец, продетых в частично сохранившиеся ушные раковины (Рабинович 1940: 89). Могли использоваться бусинные украшения и полифункционально — и как серьги, и как височные кольца, причем, по-видимому, вне прямой зависимости от размеров украшений (Агапов, Сарачева 1997: 99-108).

Что касается «киевской» приуроченности данных украшений, то в настоящее время кроме киевского центра изготовления подобных колец выделяются еще, вероятно, центры Княжой Горы, Переяслава и Изяславля, работавшие в рамках киевской традиции. Мастера Старой Рязани и Владимира использовали технологические и декоративные приемы, несколько отличающиеся от киевских. Ювелиры Москвы и Твери работали, вероятно, в рамках владимирской школы (Жилина 1998: 311-312). Ограниченные подборки подобных украшений происходят и из других древнерусских городов — Новгорода, Суздаля, Ярополча Залесского, Серенска и т. д. (Седова 1981, 1997, 1972; Никольская 1986: рис.2; Зайцева 1997: 100-113).

В Новгороде найдено 20 экземпляров трехбусинных колец. Находки распределяются между 26 и 8 ярусами. Древнейшее бронзовое височное кольцо с узелковыми бусинами датируется концом X-началом XI вв., а самой поздней является литейная форма, происходящая из слоя 1369-1382 гг. (Лесман 1990: 70, рис. 8,5). Наибольшее количество находок приходится на слои XII-XIII вв. (Седова 1981: 14). По технике изготовления новгородские трехбусинные кольца (кроме древнейшего с узелковыми бусинами) делятся на кольца с тиснеными и литыми бусинами. Кроме колец с бусинами, литыми в разъемные каменные формы, встречаются и украшения отлитые целиком в имитационной форме (у таких колец полые не только бусины, но и дужки). В новгородской коллекции представлены литые кольца с гладкими, ложнозерненными и ложносканными бусинами (Рындина 1963: 251). Уникально для Новгорода миниатюрное золотое колечко или серьга с тиснеными бусинами (инв. Ил 12-24-93 — относится к 5-му горизонту, датируемому 1140-1150 гг. (благодарю за консультацию Ю.М. Лесмана)), характерное больше для кладов Киевщины (Седова 1981: 14, рис. 3, 13). Аналогичное колечко происходит, например, с Княжой Горы (Корзухина 1954: табл. L, 4).

Несколько иной набор бусинных украшений дают материалы Суздаля. В хорошо изученном городском некрополе Суздаля представлены следующие типы трехбусинных височных колец: с узелковыми бусинами; с тиснеными цилиндрическими бусинами, покрытыми рядами крупной зерни; с круглыми бусинами, украшенными пирамидками зерни; с бусинами, составленными из рядов зерни (Седова 1997: рис. 48, 50) (рис. 1,17-20).

Отдельные находки некоторых типов трехбусинных височных колец представлены и в сельских некрополях, особенно в Ростово-Суздальской земле, где они довольно широко встречаются с XI в. (Седова 1972: 70; 1981: 14). Так в материалах из раскопок А.С. Уварова и П.С. Савельева (ГИМ инв. 54746) представлены кольца с тиснеными бусинами, декорированными различными вариантами зерневых композиций (треугольники, крестики, линии зерни).

Количество трехбусинных серег в целом не велико на фоне других «сельских» украшений, однако, это — один из немногих типов украшений этого периода, характерный как для парадного и повседневного городского, так и для сельского убора. В городских комплексах представлено все многообразие типов бусинных колец. Для сельской округи характерны, в основном, кольца с тиснеными гладкими, гладкими литыми, узелковыми и бусинами, спаянными из крупной зерни. Реже встречаются кольца с тиснеными бусинами, украшенными зернью.

Головной убор с трехбусинными кольцами

В головном уборе бусинные украшения носили и как серьги, и как височные кольца на лентах и ремешках. Встречаются они и в составе сложных комбинированных уборов с другими типами височных колец (перстневидными, ромбощитковыми, браслетообразными). Причем более красивое трехбусинное кольцо могло свисать с импровизированной рясны, составленной из перстневидных колец (Сабурова 1974: 85-97) или вплетаться в волосы, в том числе и под перстневидными кольцами (Седова 1997: 154-157). Возможно трехбусинные кольца могли заменять колт на конце рясны из серебряных тисненых колодочек (Піскова 1988: 19, рис. 2).

Представление о городском уборе с трехбусинными кольцами дают, например, материалы кургана №6 из раскопок 1967 г. в Суздале. У висков погребенной с обеих сторон были вплетены в сохранившиеся волосы по 6 височных колец. С правой стороны — 3 перстневидных, под ними располагались друг над другом — трехбусинное кольцо с бусинами, составленными из одного ряда зерни, трехбусинное с узелковыми бусинами, трехбусинное с круглыми бусинами, декорированными пирамидками зерни. С левой стороны — 5 перстневидных колец, а нижнее – трехбусинное с цилиндрическими бусинами, покрытыми зернью (Седова 1997: 154, 155).

По материалам Суздальского могильника можно сделать некоторые выводы и о возрастной приуроченности головного убора с трехбусинными височными кольцами. В погребениях девочек 10-12 лет встречаются, в основном, в большом количестве перстневидные височные кольца, расположенные от висков до плеч (по всей видимости, вплетенные в волосы). В погребениях молодых женщин количество перстневидных колец сокращается и появляются трехбусинные кольца. Для захоронений молодух характерно сочетание перстневидных и трехбусинных височных колец, причем трехбусинные кольца располагаются ниже перстневидных, под ухом. В захоронениях пожилых женщин, как правило, представлено одно перстневидное колечко, располагавшееся на уровне уха (Седова 1997: 161). Таким образом, трехбусинные кольца, по всей видимости, в основном были привилегией возрастной группы молодых женщин. Практически аналогичные выводы были сделаны Б.А. Рыбаковым и на материалах Черниговского некрополя (Рыбаков 1949: 20).

Иной вариант городского «столичного» убора с трехбусинными кольцами (близкого к материалам кладов) дают материалы из раскопок Т.В. Кибальчича, производившихся в 1878 г. на Верхней Юрковице в г. Киеве (Восточные славяне 1999: рис. X-5). В этом уборе трехбусинные височные кольца с узелковыми бусинами, крепящиеся к расшитому головному убору, сочетаются с колтами и трехбусинными же сережками.

Если сами древнерусские трехбусинные украшения в отечественной литературе рассматривались и типологизировались (Левашова 1969; Жилина 1998), то вопрос об их происхождении и круге аналогов заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения. В нашей работе очерчивается география распространения аналогов древнерусским трехбусинным кольцам и предлагаются варианты путей сохранения (или возрождения) этого античного в своей основе типа украшений и включения его в состав древнерусского ювелирного убора.

География распространения бусинных височных колец

Трехбусинные височных кольца и серьги были весьма популярны в период средневековья не только на Руси. Пожалуй, ни один тип ювелирных украшений не характеризует с такой отчетливостью включенность древнерусского ювелирного убора в контекст евразийской моды. Аналоги этим украшениям происходят с обширной территории, простирающейся от Дунайской Болгарии до Волжской Булгарии, от Причерноморья до Вислы, от Тюрингии до Ирана.

При рассмотрении аналогий для древнерусских бусинных колец особое внимание нами уделялось таким конструктивным деталям, как форма дужки и характер оформления замка, форма, конструкция и размер бусины, соотношение центральных и боковых бусин, характер размещения бусин на кольце, наличие сканной или иной обмотки, разделяющей бусины. Эти признаки дают возможность выделить характерные особенности региональных ювелирных школ. Характер декора бусин — зернь, скань, тисненые колпачки, проволочные трубочки, каменные, стеклянные и пастовые вставки, жемчуг, — также являются хорошими индикаторами для выделения региональных и хронологических особенностей украшений.

На Балканах наиболее ранним временем — IX-XI веками — датируются бусинные серьги и височные кольца, происходящие из **Истрии, Далмации, Сербии и Хорватии** (Jurič 1993: 167-180; Čremošnik 1951: 243, tab. I, II, IV; Starohrvatski Solin t. XII).

В **IX-XI** вв. в этих регионах преобладают однобусинные, но встречаются и двухбусинные и трехбусинные кольца с овальными продолговатыми бусинами. Застежка (в крючок и петлю)

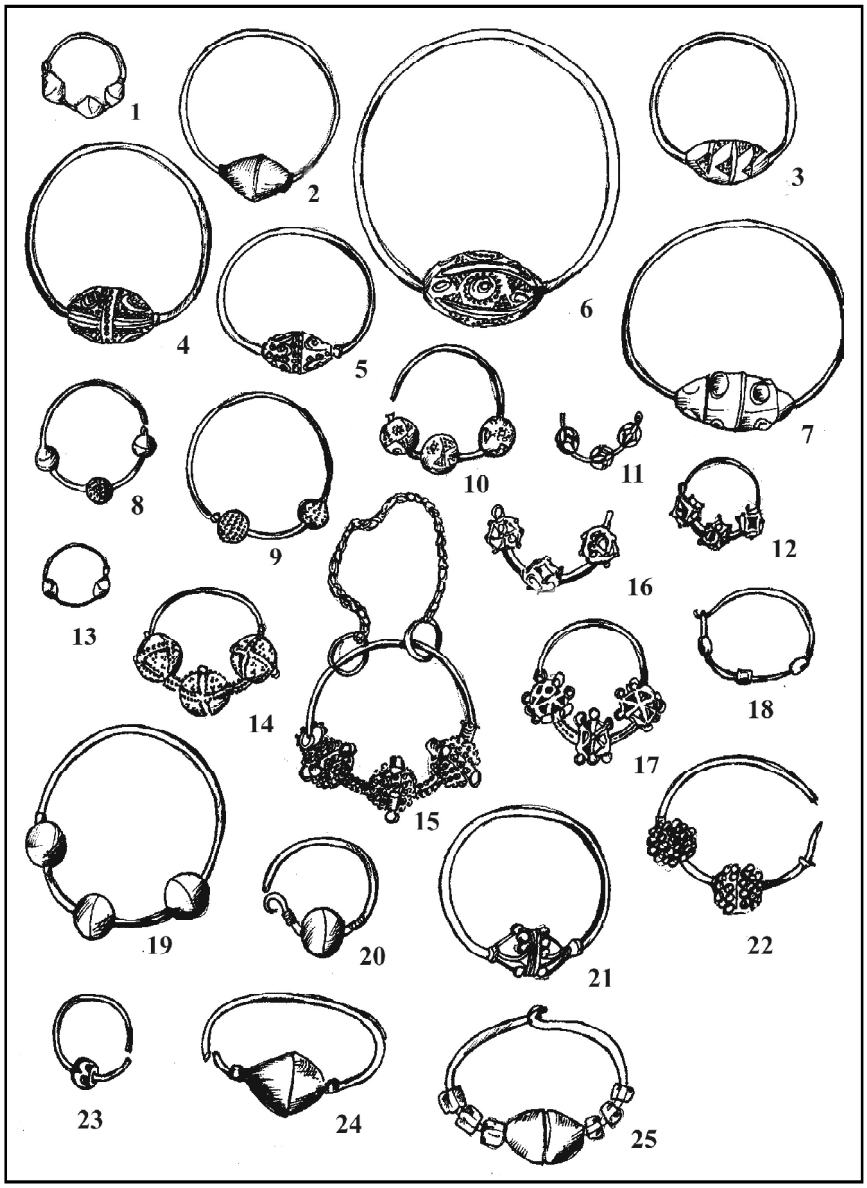


Рис. 2. Типы бусинных украшений, характерных для Истрии, Далмации, Сербии, Хорватии, Македонии. IX-XIV вв. 1 — Бискупия; 2 — Žminj; 3 — Колаяне; 4-6 — Križišće; 7-9, 12, 16, 19 — Сараево; 10, 11, 13 — Солин; 14 — Cetina; 15 — Придрага; 17 — Skradin; 20, 21 — Прилеп; 22 — Радомиште; 23 — Скопие; 24 — Охрид; 25 — Македония (По: Jurič 1986; Jurič 1993; Karaman 1956; Čremošnik 1951; Манева 1992). Масштабы разные.

располагается непосредственно рядом с бусиной. Если застежка отсутствует, то разлом кольца все равно располагается около бусины.

Весьма распространены кольца с тиснеными бусинами — гладкими или декорированными проволочными колечками, зернью, напаянными колпачками (Jurič 1993: t. I, II). Скань используется как накладная, так и ажурная (как правило, ею выкладываются композиции в виде розеток, отходящих от отверстия бусины). Характерно также обведение проволочных колечек и тисненых колпачков поясками зерни или размещение полос зерни наподобие сетки в промежутках между колечками или колпачками (рис. 2, *1-7*, рис. 12, *12*).

В более позднее время **(XII-XIV вв.)** на территории Далмации (Jurič 1993) распространены трехбусинные кольца с тиснеными и ажурными бусинами, внешне напоминающие древнерусские «киевские» серьги (рис.2, *10-12, 14-17*). При внешнем сходстве эти украшения отличаются устройством застежки, оформлением дужки и бусин. Застежка у балканских колец или не оформляется вовсе, или представляет собой крючок и петлю. Встречаются в этом регионе экземпляры с дужкой кольца, декорированной зернью (аналогично оформлялись дужки у более ранних «волынских» колец). У древнерусских образцов применялась только сканная или проволочная обмотка дужки.

В целом, для бусинных колец, изготовляемых в этот период на Балканах, характерно выделение средней части бусин (продольного или поперечного диаметра) при помощи напаянной проволоки или иных декоративных элементов. Еще одной особенностью бусинных украшений этого региона являются петельки или трубочки, припаявшиеся вдоль продольного диаметра. К таким пе-

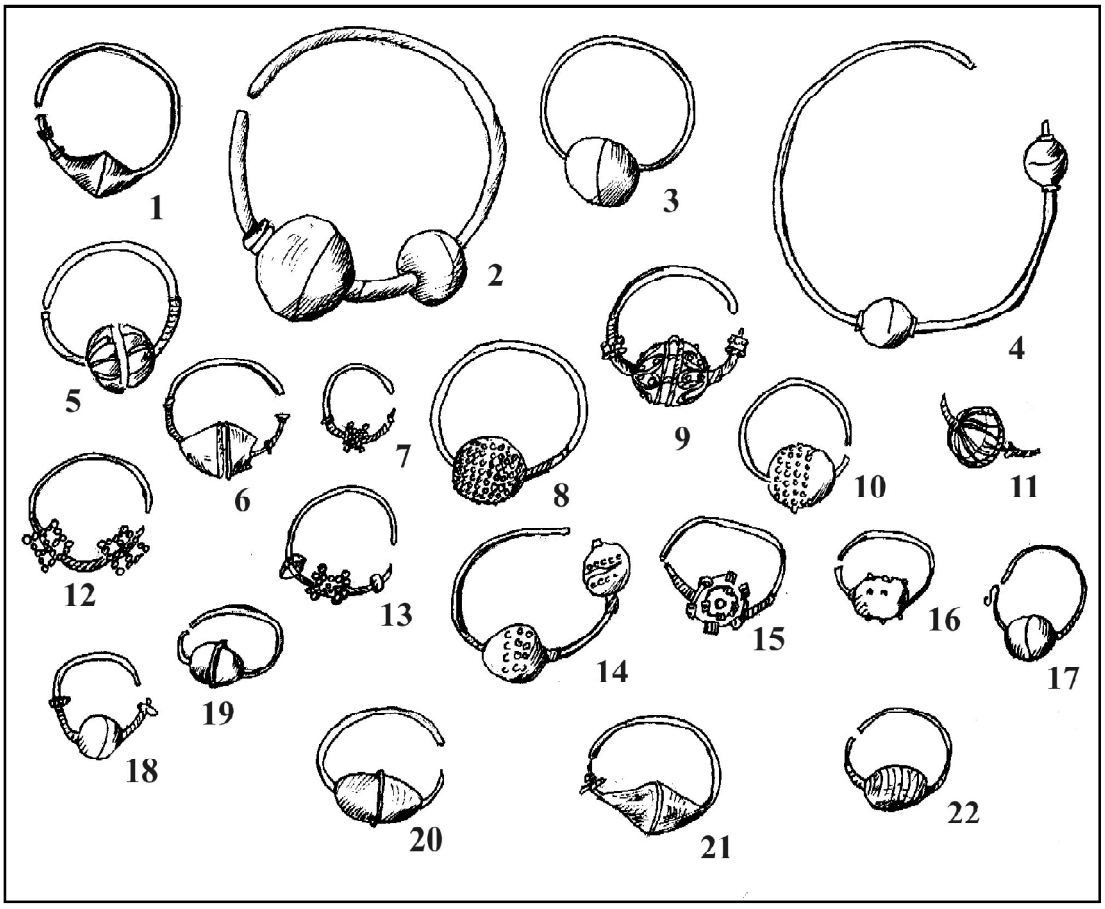


Рис. 3. Типы бусинных украшений. Болгария X-XIII вв. 1-3 — Мог. Нановец; 4 — Мог. Мнишевско; 5 — Болг; 6-11 — Мог. Ловеч; 12-22 — Мог. Луковит (По: Възжарова 1976; Гатев 1977; Георгиева, Пешева 1955. Јовановић 1987). Масштабы разные.

телькам возможно крепились цепочки, оканчивавшиеся различными подвесками. Подобный способ декорировки бусинных колец известен, например, на территории Болгарии. У серег с ажурными бусинами трубочки иногда заменяли крупную зернь в местах стыка проволочных «ячеек». В зерневом декоре тисненых бусин преобладают треугольники мелкой зерни или крупная зернь, припаянная к проволочным колечкам и покрывающая бусину целиком.

Бусинные кольца, находимые на территории **Македонии**, датируются, по всей видимости, не ранее **X-XI вв**. (Манева 1992: 48, рис. 58/7, 61/24, 86, 93.). Представлены кольца с ажурными-проволочными, литыми, тиснеными бусинами. Наиболее характерная форма бусин — овальная, круглая, биконическая. Тисненые бусины могут быть как гладкими, так и зернеными. Довольно распространены простые бронзовые серьги с тиснеными бусинами (одной или тремя), датируемые XI-XIII вв. (рис. 2, *20*). Зачастую встречается сочетание металлических и стеклянных или пастовых бусин, в ряде случаев на бронзовое кольцо нанизываются только пастовые бусины (рис.2, *23-25*). Дужки, как правило, выполняли из круглой проволоки. Разлом кольца или застежка в виде простого крючка с одной стороны располагаются довольно низко (у однобусинных практически над самой бусиной). Иногда применяется проволочная обмотка дужки кольца (Манева 1992: сл. 21, т. 18, 19, 20). Для ажурных колец, датируемых XII-XIII вв. (например, происходящих из «Циганski-Рид» или Варош-Прилепа), характерно выделение рядами проволоки средней части бусины (рис. 2: *21*). Серьги «токайского типа», находимые на территории Македонии, датируются XII (Скопие)-XIV вв. (Прилеп) (Манева 1992: т.20, 101, 21).

С **XIII-XIV вв**. на территории Македонии распространяются поздние варианты крупных трехбусинных колец с тиснеными бусинами, типичные для ювелирного убора этого периода во всем Карпато-Балканском регионе. Для этих украшений характерны крупные размеры, разная форма центральной и боковых бусин, наличие перекрученной верхней части дужки кольца (Манева 1992: т. 21).

На территории современной **Болгарии** найдено довольно большое количество бусинных серег и височных колец X-XVIII веков. Серьги носили, как правило, по одному экземпляру, в правом ухе и мужчины и женщины, более круп-

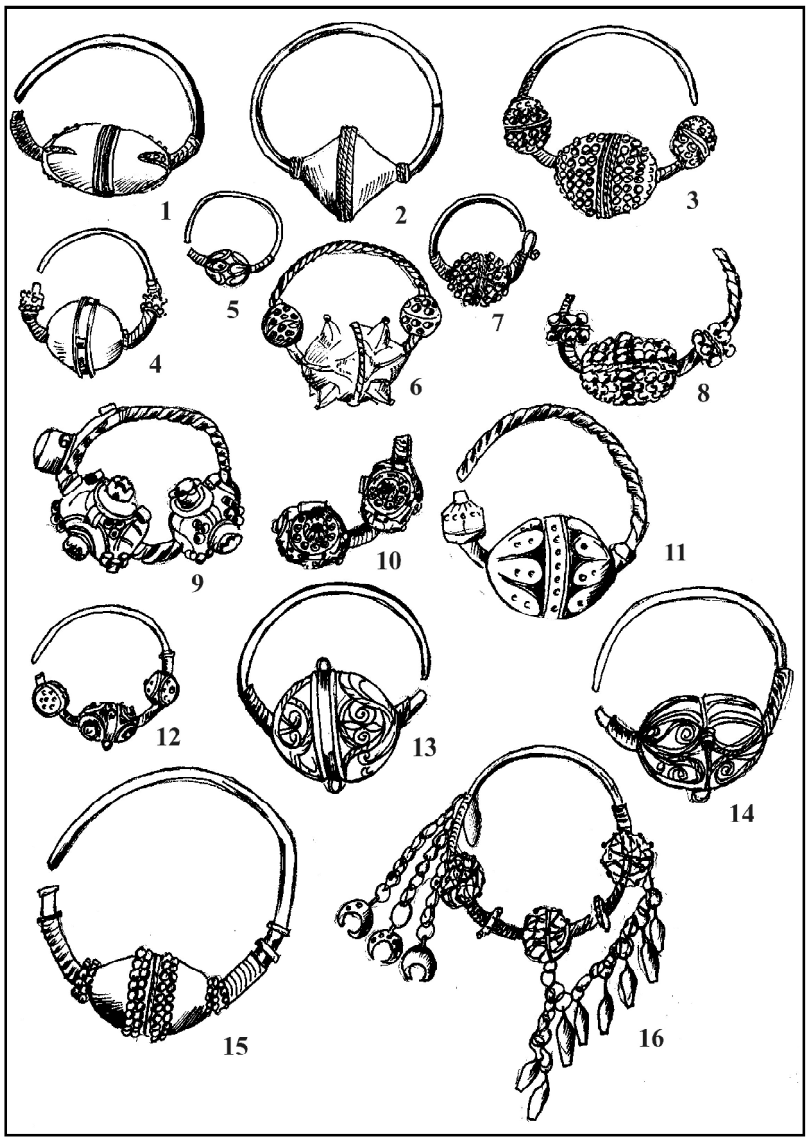


Рис. 4. Бусинные украшения XIII-XVII вв. из кол. Археологического и Этнографического музеев в г. София и музея г. Старая Загора (По: Мавродинов 1966; Друмев 1976). Масштабы разные.

ные височные кольца только женщины (Георгиева, Пешева 1955: 541).[1]

В **X-XIV вв**. на этой территории представлены кольца с круглыми и овальными бусинами, выполненными в технике тиснения или литья (Георгиева 1956: об. 3-6, 9, 10). Гладкобусинные кольца датируются здесь X-XIV вв., зерненые — XII-XIV вв. Биконические половецкие кольца распространены на территории Болгарии с середины-конца XI по XIV век.[2]

[1] По всей видимости для западных и южных славян характерно ношение височный украшений, серег и перстней именно с правой стороны. Такие наблюдения были сделаны, например, на материалах чешского могильника XII в., раскопанного в с. Радомышль (Беранова, Сметанка, Станя 1975: 170).

[2] В связи с тем, что на Балканах «половецкие» серьги с биконическими бусинами датируются XI в. (Гатев 1977:35), а в южнорусских степях только XII в. (Степи ... 1981: 216) возникает вопрос о том, в каком направлении распространялась мода на эти украшения. Появились ли они на Балканах с приходом туда половецих орд, или были позаимствованы половцами в Подунавье?

Для половецкого женского головного убора характерны три вида сережек: с маленькой круглой бусиной, расположенной у края дужки; с биконической бусиной (иногда бусина украшена сканью); с биконической бусиной, дополнительно декорированной конусами (в ряде вариантов присутствуют и округлые боковые бусины и сканно-зерневой декор).

В предшествующих собственно половецким древностях кимаков и кипчаков на Иртыше и в центральном Казахстане прототипы для этих типов серег отсутствуют. В захоронениях этих кочевников IX - X вв. встречаются серьги, напоминающие салтовские, а также простые перстневидные несомкнутые кольца. В это же время в Обь-Иртышском междуречье, в материалах сросткинской культуры, на сложение которой значительное влияние оказали кимаки, находят кроме простых перстневидных и салтовских еще и однобусинные серьги с бусиной, расположенной у разъема кольца (Степи ...1981:43 - 46, рис. 26, 27).

Таким образом, происхождение круглобусинных половецких колец, на наш взгляд, не связано с древнерусским влиянием, тем более что расположение бусины около разъема кольца для древнерусских

Кольца с ажурными сканными бусинами или литыми подражаниями им, выполненными в виде двух сопоставленных розеток, датируются началом XI-XIV веками (рис. 3). Встречаются и кольца «токайского» типа (Гатев 1977: 35).

Застежки у болгарских бусинных колец или отсутствуют вовсе, или представляют собой отогнутую наружу петлю, расположенную рядом с бусиной. Для украшений, происходящих из этого региона, характерно выделение средней уплощенной части бусин гладкой проволокой или рядами сканной нити. Типичен и розетчатый сканный декор бусин.

Поздние болгарские височные кольца и серьги, датируемые **XIV-XVII вв.**, отличаются крупными размерами и обилием декора. Как правило, центральная и боковые бусины у этих колец разного размера, причем средняя зачастую овальная. В этот период кроме гладких проволочных дужек колец встречаются и крученые, перевитые сканной нитью. Излюбленными приемами декорировки бусин являются крупная зернь, скань, напаянные конусы, зерневые пирамидки, розетки из крупной зерни или проволочных колечек, пирамидки из металлических трубочек, каменные или пастовые вставки в высоких карстах. Боковые бусины зачастую украшают и сквозными отверстиями, оправленными проволочными колечками (рис. 4).

На территории **Румынии и Молдовы** бусинные серьги появляются довольно поздно — в XII в. и существуют вплоть до XVII вв. Встречаются однобусинные, трехбусинные и многобусинные серьги и височные кольца, изготовлявшиеся из бронзы, серебра, позолоченного серебра и изредка — золота. Для этого региона характерны кольца с круглыми или овальными тиснеными бусинами, гладкими или покрытыми мелкой зернью. Довольно широко представлены украшения с тиснеными биконическими бусинами (близкими к половецким и токайским образцам). Одним из излюбленных приемов декорировки тисненых бусин являются колпачки, а в поздних вариантах — пирамидки из металлических трубочек. Встречаются в этом регионе и кольца с ажурными тиснеными и сканными бусинами, выполненными в виде сопоставленных розеток (рис. 5).

В XII в. дужки бусинных колец, как правило, гладкие, концы обрублены. Встречаются и кольца с застежками, выполненными в виде развернутой в горизонтальной плоскости петли, сквозь которую продевался другой конец дужки. Бусины на кольце зачастую разделены сканной или проволочной обнизью. Встречаются украшения, у которых проволочная обмотка кольца не прерывается возле бусины, а опоясывает ее и переходит затем на следующий участок дужки.

С XIII в. специфичными становятся кольца с перекрученной верхней частью дужки. Образовывавшаяся на конце дужки петелька, вероятно, могла служить застежкой. В этот период подобное оформление дужки типично и для бусинных колец, находимых на территории Болгарии и бывших Югославских республик.

серег и височных колец не характерно. Определяется оно собственными половецкими традициями, восходящими к моде времен Переселения народов. Поясок скани встречается и на более поздних образцах с биконической бусиной, появление которых С.А. Плетнева датирует по сопутствующему материалу XII веком (Степи ... 1981: 216, рис.84). Прототипов же для серег с биконической бусиной в сибирских материалах нет.

Серьги с биконическими бусинами встречаются в Приазовье, на Северском Донце и Нижнем Дону — в районах расселения половецких орд. Представлены они в землях южнорусских княжеств, с 1060 года подвергавшихся набегам этих степняков, а также в Карпато-Балканских землях. Их находки встречаются в Румынии, Словакии, Болгарии, Сербии, Македонии. В более позднее время (XIII-XV вв.) аналогичные украшения находят в древностях других кочевнических групп — например, черных клобуков (Нарожный 2000:139, рис. 1, 2, 4).

Как уже отмечено выше, в Болгарии появление сережек с биконической бусиной датируется третьей (а, предположительно, и первой) четвертью XI века (Гатев 1977:35). В очень усложненном пышном варианте дериваты подобных серег доживают на этой территории до XVI века. Поздние образцы этих украшений крупнее, обильно декорированы сканью, зернью, вместо конусов на них зачастую напаяны зерненые пирамидки.

Возможно, серьги с биконическими бусинами появились в костюме степняков именно во время походов половецких воинств на Болгарию и Византию, а затем распространились на территорию южнорусских степей. В начале 90-х годов XI века византийский император Алексей Комнин обратился к половецким ханам Боняку и Тугоркану за помощью в борьбе с печенегами. При заключении союза император осыпал половецких военачальников подарками (Плетнева 1990:47). Можно предположить, что среди этих даров были украшения, повлиявшие на появление у половцев серег интересующего нас типа.

Возможен и другой вариант их происхождения — первые образцы серег, ставших излюбленными украшениями половчанок, могли быть изготовлены в балканских ювелирных мастерских. Такими прообразами могли быть, например, находимые на территории Истрии и Далмации украшения IX - XI вв. с продолговатыми бусинами. Бусины на подобных кольцах бывают гладкие или декорированные зернью и сканью и, что особенно интересно, напаянными маленькими конусами. Декорировка же бусинных колец конусами весьма характерна для половецких украшений (рис. 12, *12* — кольцо из Солина; рис. 12, *20* — кольцо половецкого типа из Войнештского клада). Существовали, вероятно, и своеобразные гибридные варианты «токайских» и «половецких» колец, например, кольцо из Черновица (р-н Беча) с центральной овальной бусиной, украшенной конусами и боковыми — шаровидными покрытыми зернью (Ђоровић-Љубинковић 1954: 84, сл. 4).

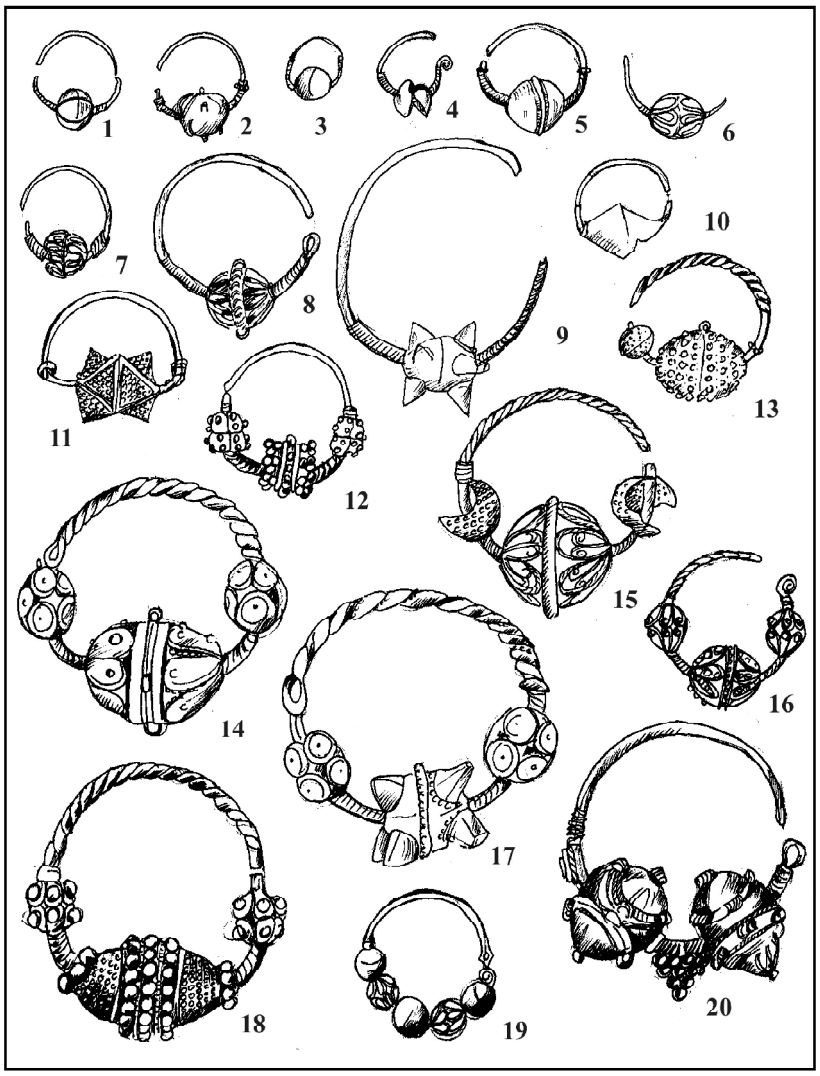


Рис. 5. Бусинные украшения. Румыния, Молдова, XII-XV вв. 1 — некрополь Портерешти, погр. 4. Серебро; 2 — некрополь Портерешти. Погр. 9. Серебро; 3, 5, 6, 10 — крепость Пэкуюл луй Соаре. Серебро; 4 —грот Тринка I. Бронза; 7 — Енисала «Паланка». Бронза; 8 — Енисала «Бисерика». Бронза; 9 — Нуфэру «Четатя». Бронза; 11-13 — Добешти Турну Северин и Орсова коллекция Истрати Капша. Серебро; 14, 17 — Пэкуюл луй Соаре. Клад. Серебро; 15 — Четэцень. Погр. 35. Серебро; 16 — Котул Мори. Серебро; 18 — Котнарь. Серебро; 19 — Сучава . Серебро позолоченное; 20 — Кол. Музея Искусств. Бухарест. Серебро (По: Dumitriu 1996; Борзияк, Рябой 1985; Popescu 1970). Масштабы разные.

В **XII-XIV вв**. довольно широко представлены однобусинные кольца с круглыми тиснеными или ажурными бусинами. Одним из излюбленных приемов декорировки тисненых бусин является гладкая или рубчатая проволока, напаянная по центру бусины. Иногда к этому пояску крепятся проволочные петельки. Основная масса однобусинных колец с тиснеными бусинами, украшенными колпачками, датируется XIII-XIV вв. К этому же периоду относятся и кольца с ажурной бусиной, состоящей из проволочных розеток или пирамидок зерни (Dumitriu 1996: 52-56). Для ажурных бусин также характерно выделение средней части сканной косичкой или пояском проволочных колечек.

В XIII-XIV вв. довольно популярны однобусинные и трехбусинные серьги с биконической бусиной (клады Войнешть, Оцелень, некрополи Баната и Трансильвании — Teodor 1961; Teodor 1964: 345, fig 2/6; Teicu 1993: 267, fig. 10/2). У трехбусинных колец с центральной биконической бусиной боковые бусины, как правило, более маленького размера, чем центральная и имеют округлую форму. Иногда центральная бусина украшалась поясками и треугольниками зерни. Дужки колец гладкие или с крученой верхней частью.

Этим же периодом датируются и другие разнообразные варианты трехбусинных колец, с тиснеными или ажурными бусинами. Тисненые бусины могут быть гладкими, ложчатыми, украшенными мелкой зернью, сканными колечками или тиснеными конусами. Как правило, центральная бусина крупнее боковых и другой формы. Верхняя часть дужки зачастую перевита. Встречаются трехбусинные серьги и подвески в комплексах XIII-XIV вв. — Пэкуюл луй Соаре, некрополи Худум, Енисала «Паланка», Цетэцени, кладах Войнешть, Шушица, аналогичный набор трехбусинных серег был найден в кладе в Черновцах (Dumitriu 1996: 57; Spinei 1994: fig. 19, 21, 30). Несколько трехбусинных серег с ажурными и тиснеными бусинами было найдено в составе клада, обнаруженного в крепости Пэкуюл луй Соаре совместно с витым трехдротовым браслетом с раскованными наконечниками, украшенными зернью и сканью (Dumitriu 1996: pl. 52) (рис. 5: *14, 17*).

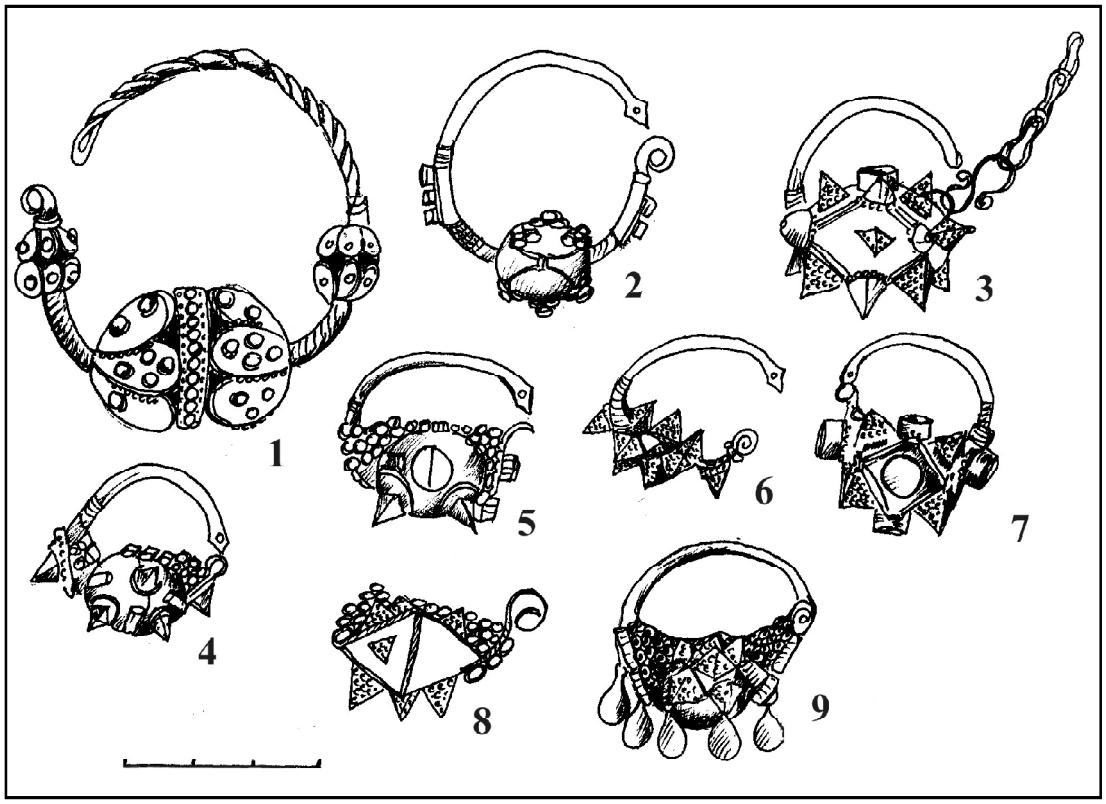


Рис. 6. Бусинные украшения. Молдова XV-начало XVII вв. 1 — с. Шаптебань. Случайная находка. Серебро; 2 — Грот Тринка I. Серебро; 3 — клад Старая Сахарна. Серебро; 4 — клад Сарата Алба. Серебро; 5, 6, 8 — Мусаидский клад. Серебро; 7, 9 — Балабанештский клад. Серебро (По: Tezaure ...1994).

Более поздним временем датируется находка пары бронзовых трехбусинных височных колец с тисненными бусинами и проволочной обмоткой, сделанная на территории Молдовы в могильнике у с. Старые Дубоссары. В могильнике найдена молдавская сероглиняная и красноглиняная керамика XV-XVI вв. (Кетрару 1961: 124,125, рис. 7).

Традиция ношения бусинных украшений не исчезает и позднее. На территории Румынии и Бессарабии известны роскошные образцы поздних бусинных серег **XV- XVII вв**. Они, как правило, декорированы зерненными пирамидками, металлическими трубочками, вставочками из полудрагоценных камней, пасты и стекла. Таковы серьги, происходящие из кладов Цифешть-Путна, Котул Морий, Олтении, Сарата Нова, Балцата, Мусаидского, Балабанештского, Старосахарнянского, местонахождения Тринка I (Popescu 1970: 19, fig. 11; Neamţu 1961: 286-287, fig. 3/1; Constantinescu, Untaru 1959: 500-501, fig. 2/3; Бырня, Нудельман, Рябой 1990: 240, рис. 1; Археологические исследования ...1985: 239-240; Tezaure ... 1994: tab. XVIII-XXII; Левинский, Рябой 1992: 252, рис. 2; Борзияк, Рябой 1985: 184, рис. 3: 12), а также из ряда случайных находок. Центральная бусина у этих колец шаровидной или биконической формы. Основными конструктивно-декоративными элементами, украшающими эти бусы, являются гладкие конусы или зерненые пирамидки, ажурные композиции из полых трубочек, гнезда с пастовыми вставками. Боковые бусины зачастую заменены пластинками металла, на которые напаяны металлические трубочки, скань и зернь (рис.6). В ряде случаев, например, у некоторых подвесок из Балабанештского клада (Tezaure ... 1994: tab. XVII, 4-6), в нижней части украшения подвешены к специальным петелькам плоские каплевидные подвески.[3]

Встречаются трехбусинные украшения с разными по величине средней и боковыми бусинами, выполненными из двух тисненых розеток. Практически одинаковые украшения этого типа происходят из случайной находки из с. Шаптебань (Молдова) (Кишинев. Археологический музей инв. 410) или клада Котул Морий (Румынская Молдова) (Neamţu 1961: 285, fig. 2) (рис.6: *1*).

О способе ношения подобных украшений может дать представление находка в Старосa-

[3] Приношу благодарность за возможность ознакомиться с коллекциями средневековых ювелирных украшений ст. н.с. Музея Института археологии и этнографии АН Молдовы А.И. Никулицэ и ст. н. с. Музея Природы и этнографии АН Молдовы Р.Д.Табулько.

харнянском кладе двух серебряных колец (рис. 6: *3*), соединенных длинной цепочкой с застежкой, украшенной шатоном для вставки, объединявшей в себе, по-видимому, функции рясен и налобного украшения (Левинский, Рябой 1992: 252, рис. 2).

В целом, как по морфологическим особенностям, так и по декору, бусинные украшения Румынии и Бессарабии тяготеют к Карпато-Балканской традиции. И даже та группа височных украшений из Войнештского клада, которую Дан Теодор с некоторыми оговорками отнес к изделиям древнерусских ювелиров (Teodor 1961: 514-516, рис. 8; 1-4, 8), гораздо ближе к изделиям мастеров Подунавья, чем Руси. В кладе к этой группе принадлежат трехбусинные серьги или височные кольца, выполненные из позолоченного серебра. На первый взгляд они действительно напоминают древнерусские, однако ряд конструктивных и декоративных особенностей свидетельствуют в пользу Карпато-Балканского, а не древнерусского их происхождения. К этим особенностям можно причислить яйцевидную форму центральной бусины с ярко выраженным акцентированием средней части при помощи сканной обмотки и напаянных проволочных петелек и декорировку боковых бусин мелкими сквозными отверстиями, оправленными проволочными колечками. Все перечисленные детали характерны именно для бусинных украшений, находимых в Карпато-Балканском регионе.

Однако для XIII в. известны и отдельные находки украшений древнерусского облика. В кладе Оцелень (Teodor 1964: 345, fig 2/5) найден фрагмент серебряного трехбусинного кольца с тисненой ажурной бусиной совместно с фрагментом серебряного колта с обнизью из крупных шариков и гравированным орнаментом на черненом фоне.

Для территории **Венгрии** характерен уже упоминавшийся выше тип «токайских» серег (Mesterhazy 1994: 105-111) (рис. 7). От других бусинных серег «токайский» тип отличает продолговатая форма центральной бусины, явное выделение ее уплощенной средней части, украшенной сканью и обведенной поясками зерни и металлических шариков. Аналогичные шарики расположены и по краям бусины у перехода к кольцу. Боковые бусины более маленького размера — круглые тисненые, украшенные мелкими отверстиями, или в виде сопоставленных ажурных розеток. В ряде случаев вместо боковых бусин применяются зерненые колечки. Верхняя часть дужки может быть гладкая или витая, между бусинами располагается проволочная обмотка. Данный тип трехбусинных серег датируется **X-XIV вв.**, а в этнографических материалах просуществовал и до XVIII в. Подобные украшения весьма распространены также в Сербии, Болгарии, Румынии, Молдове. На раннем этапе существования этих украшений представлен классический вариант подобных колец, известный по токайскому кладу. Постепенно, к XIII-XIV вв. в декоре бусин накапливаются новые элементы — сканные нити, тисненые конусы, пирамидки и треугольники зерни. Украшения становятся более крупными, появляются экземпляры с перекрученной верхней частью дужки (Ћоровић-Љубинковић 1954).

Существует два противоположных мнения об истории распространения этих украшений.

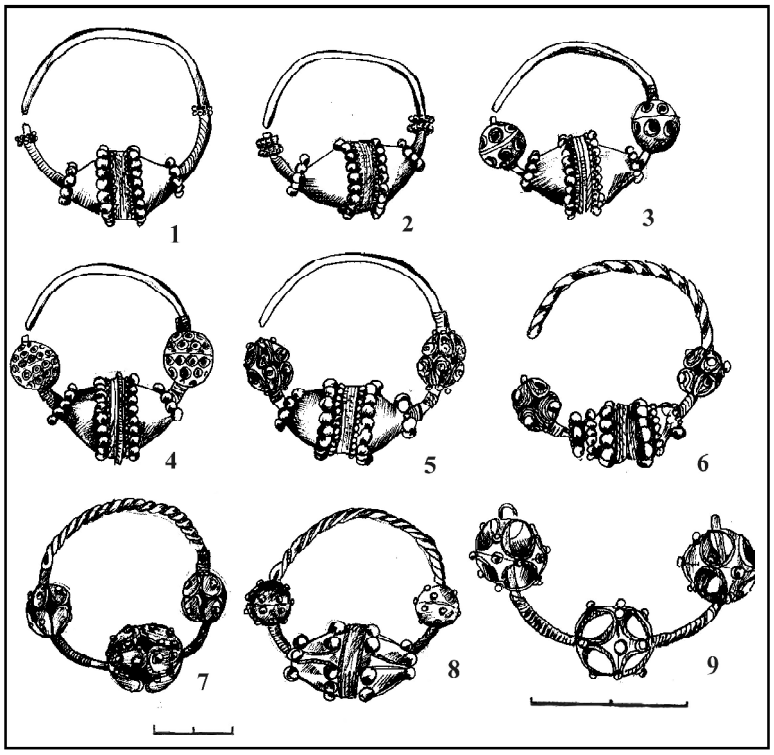


Рис. 7. Венгрия. 1-5 — Токайский клад. Серебро; 6 — Место находки не известно 1897 г. Серебро; 7-9 — Место находки не известно 1961 г. Серебро (По: Mesterhazy 1994).

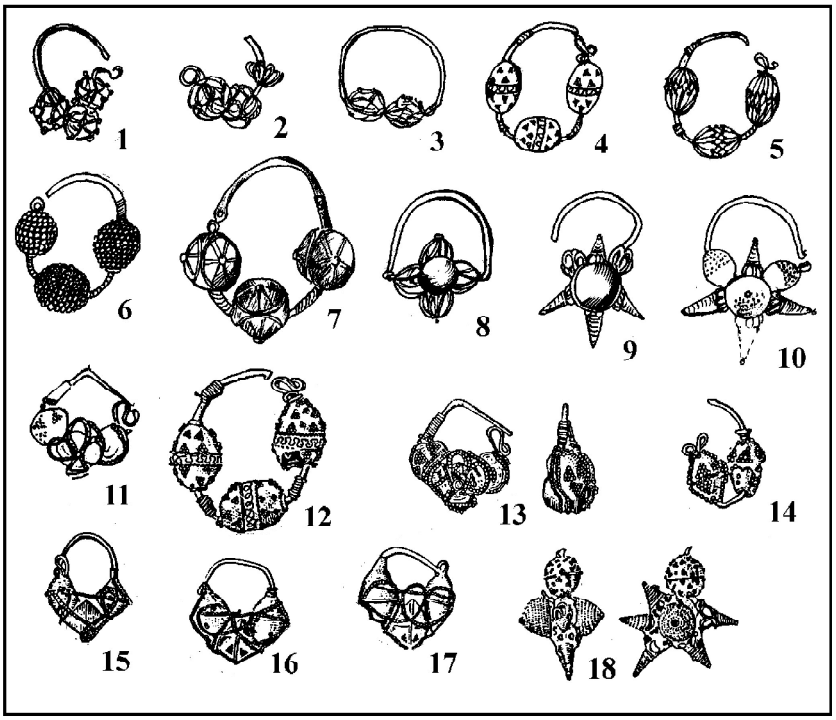


Рис. 8. Польша, Тюрингия. XI-XII вв. 1, 2 — клад Радзиков; 3 — Maniov; 4-6, 8 — Польша; 7 — клад Боруцин; 9 — Клад Радзиков; 10 — клад Майков; 11-18 — Тюрингия (По: Kocka-Krenz 1993; Stenberger 1947; Haisg, Kiersnowski, Reyman 1966; Brachman 1978). Масштабы разные.

Первое — они появились у паннонских славян в X в. на базе аваро-славянских украшений предшествующей эпохи (типа серьги из Регели рис. 12: *8*) и затем в X-XI вв. распространились на Балканы (Ћоровић-Љубинкковић 1954: 90, 91). Второе — на территорию Венгрии (и в Карпатский регион, в целом) эти украшения проникли, по всей видимости, с Балкан (Манева 1992: 48).

Кроме «токайских» встречаются на территории Венгрии и трехбусинные кольца с ажурными бусинами древнерусского облика (рис. 7: *9*).

На территории **Чехии и Словакии** в позднеВеликоморавских древностях трехбусинные украшения появляются чуть позже, чем на Балканах – в **к. IX — н. X вв.** и бытуют в чешских памятниках вплоть до **XII в.** (Krumphanzlova 1974: 45-49). Это кольца с ажурными проволочными бусинами, тесно сдвинутыми друг с другом (входящие в тип колец с «корзиночками»), происходящие, например, с городища Будеч (Šolle 1981: 189) (рис. 12: *16*). С X в. в чешских материалах появляются трехбусинные украшения с S-видным характером застежки. В целом, на фоне изобилия зерненых украшений, находимых в позневеликоморавских и чешских материалах, этот тип украшений представлен незначительно. Через Чехию мода на трехбусинные украшения, вероятно, распространяется и в Польшу, где они встречаются в кладах рубленого серебра XI-XII вв. (Krumphanzlova 1974: 45).

Для территории **Польши в XI-XII вв.** характерны несколько типов бусинных колец, ряд из которых находит довольно близкие аналоги на Руси. Широко распространены кольца с ажурными бусинами, выполненными в виде двух сопоставленных сканных розеток, в ряде случаев дополнительно украшенных зернью (рис. 8: *1, 2*). Внешне они напоминают древнерусские кольца с ажурными проволочными бусинами. Однако от аналогичных древнерусских украшений их отличает ряд конструктивных особенностей, прежде всего, в изготовлении дужки. Дужка древнерусских бусинных серег по форме близка к кругу, бусины размещены на кольце равномерно и, как правило, разделены сканной обнизью. У польского варианта дужка овальная, вытянутая в вертикальном направлении, бусины группируются в центре и не разъединяются сканью. Отличается и характер застежки — у польских колец один конец дужки продевался сквозь развернутую в горизонтальную плоскость трубочку, в которую был свернут второй конец. На территории Польши известно 60 местонахождений подобных украшений (в основном, в составе кладов, но есть и 7 находок в некрополях) (Kocka-Krenz 1993: mapa 16). В качестве импорта этот тип серег попадает и в Скандинавские страны (Kostrzewski 1962: 165, map. 7; Andersen 1984: 153, abb. 6).

Реже встречаются на территории Польши кольца с ажурными бусинами, украшенными по центру тремя рядами зерни (рис. 8: *5*). Бусины у этих колец разделены сканной обмоткой, один конец дужки слегка загнут, второй — отогнут в крючок (Kocka-Krenz 1993: mapa 19).

Специфичными для Польши являются бусинные кольца со средней звездчатой «бусиной» и тисненными или ажурными боковыми бусинами (рис. 8: *10*). Й. Костржевский приводит данные о 26 местонахождениях подобных колец (Kostrzewski 1962: 153, map. 3). В древнерусских материалах аналогичных бусинных

колец нет. Однако вся конструкция подобных звездчатых серег весьма напоминает звездчатые древнерусские колты (рис. 9). Возможно, что у этих украшений были общие прототипы.

На территории Польши известно 31 местонахождение трехбусинных колец с округлыми бусинами, сплошь покрытыми зернью, весьма близких и по форме бусин к древнерусским образцам (рис. 8: *6*). Польские и древнерусские образцы сближает то, что на кольце бусины разделяет сканная обнизь, а также особенности оформления замка (Kocka-Krenz 1993: mapa 14). Видимо, этот тип колец был характерен для польского населения — только половина находок приходится на клады, остальные — на погребения. Кроме того, здесь встречаются и типичные для Древней Руси трехбусинные кольца с тиснеными бусинами, украшенными вписанными в круг проволочными розетками (клады Обра Нова и Боруцин) (Stenberger 1947: abb. 55) (рис. 8: *7*).

Наиболее западной известной нам точкой распространения бусинных колец является территория **Тюрингии** (Bach, Dušek 1971; Brachman 1978: 112, 208). Ювелирные украшения, встречающиеся в этом регионе, в целом близки к польским. Здесь встречаются трехбусинные серьги с круглыми, овальными и бипирамидальными тиснеными бусинами, украшенными зернью и сканью (рис. 8: *11-18*). Отличительной особенностью данных украшений являются тесно сдвинутые в центре кольца бусины, обмотанные сверху сканной проволокой. Сканная обмотка дужки между бусинами у этого варианта колец не применяется. Сканью обматывается только часть дужки противоположная застежке. Застежка представляет собой оттогнутый наружу крючок. Зерневой декор, как правило, в виде треугольников.

Кроме того, встречаются и кольца с довольно крупными овально-яйцевидными бусинами, средняя часть которых украшена проволочным зигзагом, а боковые — треугольниками зерни. У этого варианта колец бусины разделены сканной обмоткой. Застежка также в крючок.

Представлены на этой территории и бусинные кольца, у которых средняя бусина заменена звездовидной подвеской.

Обратимся теперь к территориям к востоку от Руси. В **Волжской Булгарии в XI-XII вв.** было свое производство подобных украшений. Знакомство же с древнерусскими образцами документируется находкой двух серебряных трехбусинных височных колец древнерусского производства в составе Болгарского клада (Полубояринова 1993: 27, рис. 6). Булгарские мастера изготовляли бусинные кольца из золота, серебра и бронзы. Иногда при изготовлении дужки роскошного золотого украшения применялась золотая обкладка железного стержня. Застежки на дужке, как правило, отсутствуют, но встречаются и кольца с типом застежки, близким к характерному для древнерусских бусинных колец (однако спираль, как правило, отгибается не наружу, а вовнутрь). Дужка кольца иногда украшается сканной нитью. Наиболее характерны кольца с тиснеными бусинами округлой, слегка овальной или

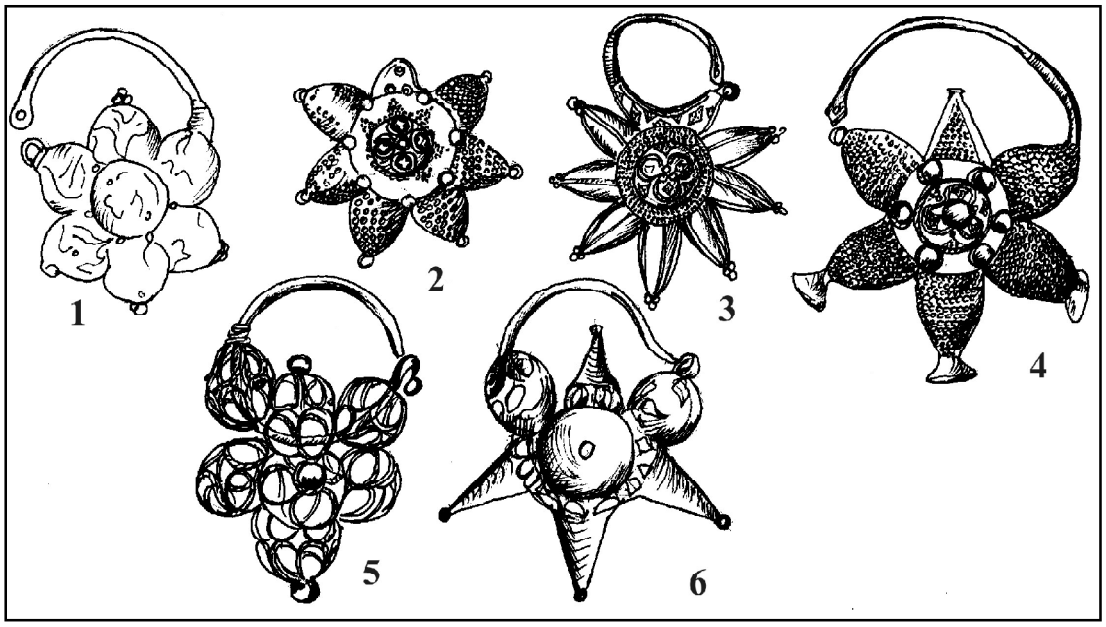


Рис. 9. Древнерусские звездчатые колты и их моравские и польские аналоги. 1 — клад Чернигов. Золото; 2 — Киев. Клад из ус. Лескова 1876 г. Золото; 3 — Киев. Клад из ус. Михайловского Златоверхого монастыря 1903. Серебро; 4 — Владимир. Клад 1837 г. Серебро; 5 — Ducové; (Чехия). Серебро; 6 — Maurzyc pod Lowicem (Польша). Серебро (По: Холостенко 1962; Кондаков 1896; Гущин 1936; Lewicke 1959; Dekan 1959). Масштабы разные.

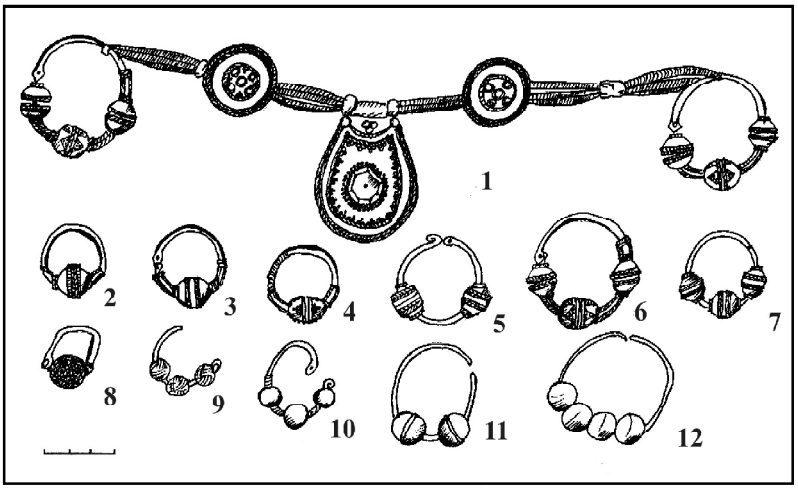


Рис. 10. Бусинные кольца булгарского и древнерусского производства из Вымских могильников (по Савельевой 1987); 1-9 — серебро; 10-12 — бронза (по Савельевой 1987).

желудеобразной формы. Изготовлялись и подвески с ажурными бусинами, визуально напоминающими древнерусские лопастные бусы, но отличающимися от них по технике изготовления. Центральная бусина зачастую украшается цепочками с бусинками на конце (ГИМ. Инв.12545, 4248). Излюбленными элементами декора бусин являются сканные пояски, акцентирующие среднюю часть украшения, и треугольники крупной зерни.

В целом Булгарские образцы и по форме и по декору бусин, и по традиции подвешивания к ним цепочек, ближе не к Древнерусским, а к Подунайским образцам. Возможно, общие прототипы существовали и у роскошных булгарских золотых трехбусинных подвесок, украшенных припаянной к средней бусине фигуркой уточки, и у моравских бусинных подвесок с фигурками животных (Левашова 1969: 125-130). Бусинные серьги и подвески, изготовлявшиеся мастерами Волжской Булгарии, распространялись и среди населения Поволжья, Прикамья и Приуралья, где их находят наряду с бусинными украшениями, тяготеющими к древнерусской ювелирной традиции (Рябинин 1986: таб.1; Савельева 1987: 123-125, рис. 33; Финно-угры 1987: таб. LXXI, XCI, XCII) (рис.10).

Возрождение или генезис?

Таким образом, можно констатировать факт, что география распространения аналогов древнерусским трехбусинным кольцам весьма широка. При этом выделяются территории, где подобные украшения появляются уже в конце IX в., а также области, где они не известны ранее XI-XII вв. Подобная ситуация делает правомочной постановку вопроса о некой искомой «прародине» данного типа украшений, из которой мода на них могла распространиться на остальные территории.

В литературе не раз выдвигалось предположение о византийском происхождении многих типов украшений, распространенных в западно- и восточнославянской среде (Niederle 1927, 1930; Comşa 1968: 446-460; Dekan 1966; Karaman 1956; Кондаков 1896; Корзухина 1946; Макарова 1975 и т.д.). Не было ли так в случае с бусинными серьгами? Однозначно на этот вопрос мы пока ответить не можем, так как нам не известны подобные украшения с территории собственно Византии. Но вот в древностях Ирана, ювелирное дело которого несомненно находилось под влиянием Византии, подобных украшений довольно много. И если отрешиться от некоторых сугубо местных особенностей — введения в композицию украшения полумесяцев, многогранных бусин или бусин в форме коранниц — читается знакомая форма бусинной серьги (рис. 11). Причем ряд украшений дает тот вариант колец с ажурной бусиной, выполненной в виде двух сопоставленных розеток, что так характерен для древностей Карпато-Подунавья (Gold and silver auction 1992: 219, p. 282). Встречаются и височные кольца с тиснеными бусинами, гладкими или зерненными. В устройстве дужки кольца зачастую используется шарнирное крепление, характерное в других регионах только для колтов.

Целая подборка золотых бусинных украшений Иранского производства представлена, например, в кладе ювелирных украшений, собранном на развалинах Гургана (Иванов, Луконин, Смесова 1984: 26, 27; Jenkins, Kenne: 48, p. 48) (рис. 11: *9-12*). В кладе найдены трехбусинная серьга с полиэдрическими бусинами, трехбусинные серьги с ажурными овальными бусинами, однобусинные серьги с жемчужной бусиной, серьги с овальной каменной вставочкой в высоком ажурном карсте.[4]

[4] Благодарю вед. н. с. Гос. Эрмитажа А.А. Иванова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами Гурганского комплекса.

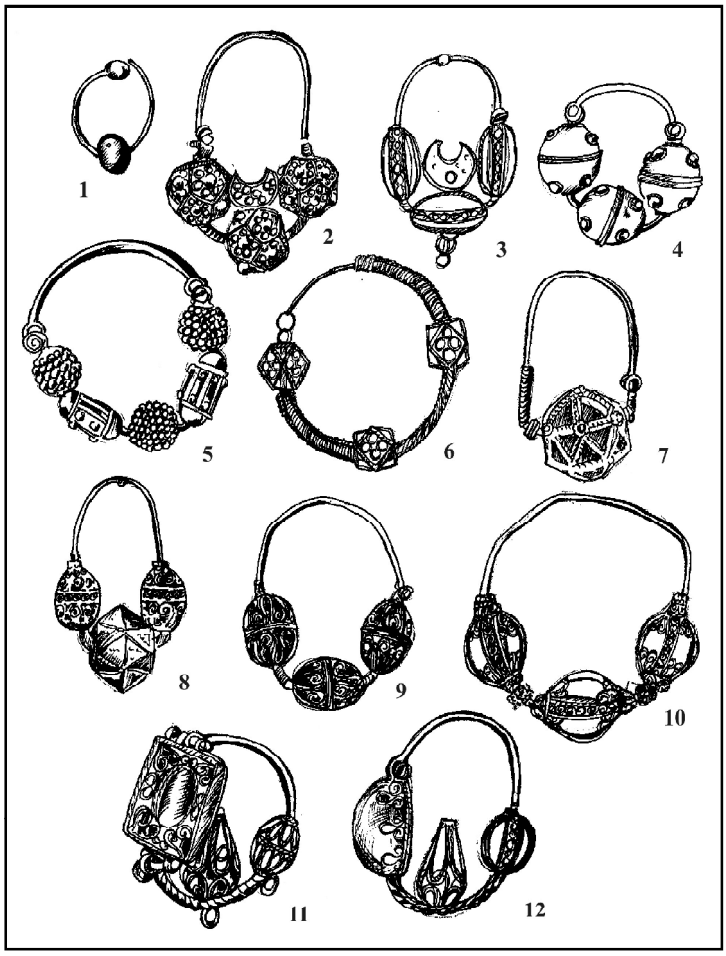


Рис. 11. Иран. 1 — IX в. Золото, сардоникс; 2-12 — XI-XII в. Золото. (По: Hasson 1987; Jenkins, Kenne; Иванов, Луконин, Смесова: 1984). Масштабы разные.

Однако нельзя не учитывать тот факт, что влияние Византии на ювелирное дело Ирана не было односторонним. Иранисты настаивают на том, что многие формы ювелирных украшений пришли в Византию с территории Ирана, а не наоборот. Действительно, кроме роскошных золотых сканных и зерненых бусинных серег XI-XIII веков (Hasson 1987: 33) (рис. 11), с территории Ирана происходят и более простые ранние образцы. Такова золотая серьга IX-X вв., происходящая предположительно из Нишхапура. Серьга представляет собой незамкнутое кольцо с одной золотой бусиной, напаянной возле разлома, и второй, выточенной из сардоникса, надетой на кольцо (рис. 11: *1*). Бронзовые же аналоги подобным серьгам известны на территории Ирана еще с V-IV веков до н.э. (Jenkins, Kenne: 36, p. 15). Таким образом, территория Ирана может оказаться искомой прародиной или одной из прародин для бусинных украшений.

Надо отметить, что в IX-XIII веках мы имеем дело со всплеском моды на украшения, хорошо известные еще в античности и популярные как у греков, так и у варваров. К подобным украшениям относятся и трехбусинные серьги. Серьги, украшенные пастовыми или керамическими бусинками, находят, например, в скифских курганах (КМИД инв. АЗС-1994; АЗС-2004).

В римское время (I-III вв. н.э.) были популярны золотые и серебряные трехбусинные серьги с металлическими ажурными проволочными или тиснеными бусинами, покрытыми зернью (рис. 12: *1, 2*). Подчас вместо металлических использовались пастовые, каменные или жемчужные бусины. О способе ношения подобных серег, при котором бусины располагаются не на нижней, а на боковой стороне кольца, прямо под мочкой уха можно судить по египетским портретам II в. н.э. (Jewelry 1991: 88, p. 194).

В Смолине (Чехия) (Svoboda 1957: obr. 3) в погребении IV было найдено золотое украшение, сочетающее в себе дужку, декорированную двумя тиснеными бусинами, и овальную пластину, украшенную тиснеными полусферами, конусами, свернутыми из проволочной нити и треугольниками зерни. В более позднее время мотивы шаровидной бусины и конуса объединятся, например, на кольцах из Истрии и Далмации (рис. 12: *12*). В том же захоронении в Смолине найден и другой вариант бусинной серьги — с многогранной бусиной, расположенной у разлома кольца (Svoboda 1957: obr. 2). Серьги с металлическими бусинами в виде полиэдров весьма распространены в к. IV-V вв. у дунайского и понтийского населения, в частности, у готов (Казанский 1997: 183). Бусины у та-

ких серег могут быть как гладкими, так и ажурными или украшенными альмандиновыми вставками, зернью (Germanen...1988: taf.17-20, 23) (рис. 12: *4-6*). Интересно спорадическое появление у этих украшений такого элемента как крученая дужка серьги (рис. 12: *5, 6*), с которым мы сталкиваемся в более позднее время только с XIII в. у бусинных украшений Карпато-Балканского региона. Полиэдрическая форма бусины тоже не исчезает бесследно, трехбусинные украшения с бусинами такой формы представлены в материалах Ирана XI-XII вв. (рис. 11: *6*).

Кроме дорогих бусинных украшений, выполненных из серебра или золота, довольно широко были распространены и бронзовые колечки с нанизанными на них пастовыми бусинами, характерные для материалов сарматских и черняховских некрополей (рис. 12: *7*). Так в погребении 34 Малаештского могильника (Молдова) в захоронении девочки 7-8 лет было обнаружено 3 целых и 1 фрагмент бронзового завязанноконечного височного кольца с нанизанными на них пастовыми бусинами. Височные кольца, также как и бусинные ожерелья, были обнаружены не на самой погребенной, а в одной из сопровождающих ее керамических мисок (Федоров 1960: 146, рис. 18). Ряд признаков, характеризующих это захоронение, могут свидетельствовать о сарматском происхождении умершей. К этим признакам может быть отнесена северная ориентировка захоронения, обилие керамических сосудов (12 шт.) и бус (18 плоских кольцевидных из красного сердолика и 17 синих пастовых). Вероятно, и сама традиция ношения перстневидных височных колец с бусинками могла быть перенята черняховцами от сармат.

В популярности мотива бусинного кольца нет ничего удивительного, форма украшения очень проста, а вместе с тем и декоративна. Стоит нанизать на металлическое колечко несколько бусин (стеклянных или металлических), и мы имеем дело с уже довольно нарядным украшением. Имело это украшение, вероятно,

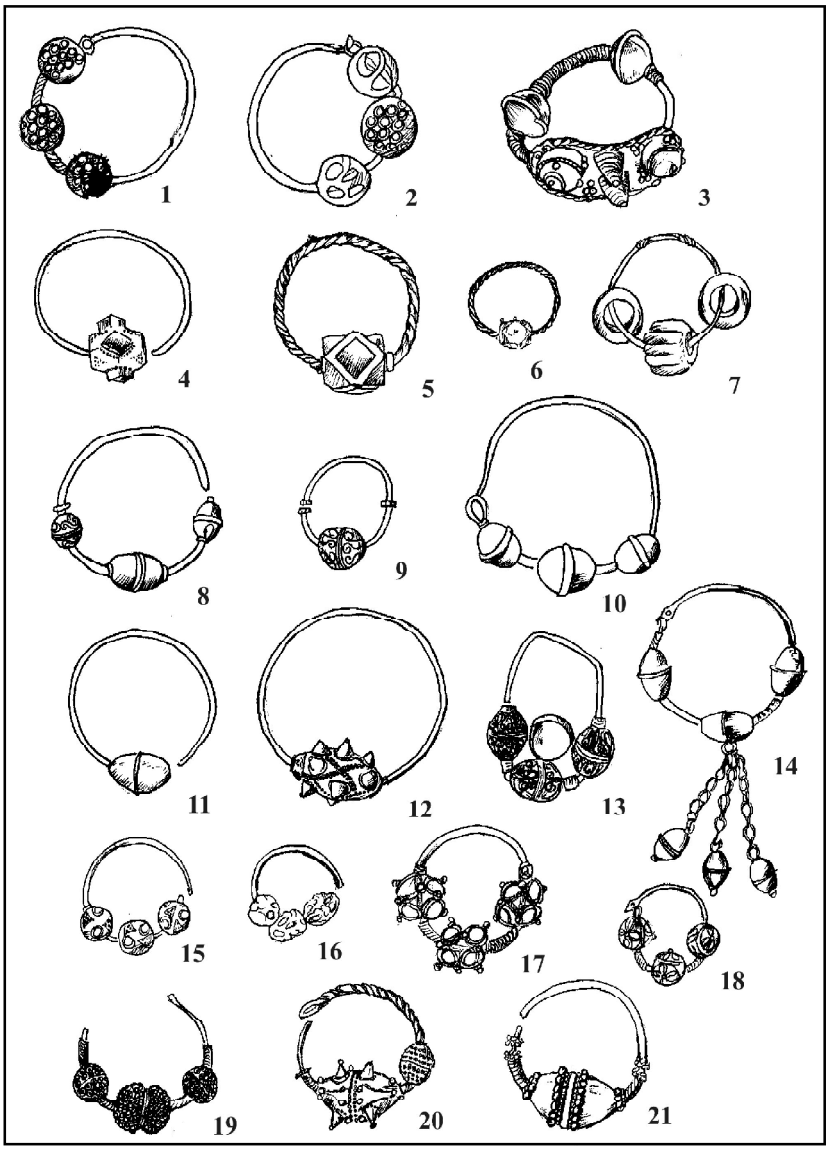


Рис. 12. Бусинные кольца I-XIII вв.
1, 2 — Thebes; 3 — Смолин; 4 — Суук-Су; 5 — место находки не известно; 6 — Керчь; 7 — мог. Малаешты; 8 — Регели; 9 — Kecel-Körtefahegy; 10 — Сирия (Кол. Ханенко); 11 — Žminj; 12 — Солин; 13 — клад Гурган (Таджикистан); 14 — Волжская Булгария; 15 — Солин сер.; 16 — гор. Будеч (Чехия); 17, 18 — Киев. Клад из ус Есикорского; 19-21 — Войнештский клад. (Румынская Молдова).
3-5, 8, 13, 14, 17, 18 — золото; 10-12, 15, 16, 19-21 — серебро; 7 — бронза, паста. (По: Hadacrek 1903; Hampel 1905; Garam, Kiss 1992; Федоров 1960; Svoboda 1957; Germanen... 1988; Ханенко 1907; Jurič 1986; Jurič 1993; Šaric 1993; Jenkins, Kenne; Šolle 1981; Корзухина 1954; Кондаков 1896; Teodor 1961). Масштабы разные.

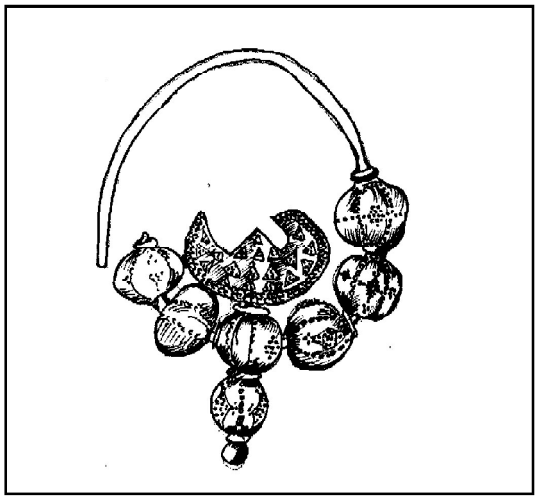


Рис. 13. Погр. 139. Мог. Старый Коуржим. Серебро. (По: Šolle 1959).

и семантическую нагрузку. Например, Б.А. Рыбаков связывает расположение бусин на кольце с движением солнца по орбите (Рыбаков 1987: 572-574).

Мы можем предположить два варианта решения проблемы происхождения (или возрождения) в IX-X вв. бусинных серег и височных колец:

1) В X веке происходит своеобразный Ренессанс античных техник (зернь, скань, плетение цепочек из тонкой проволоки), в изобилии применяемых ювелирами разных регионов на различных типах украшений (идея ювелирного Ренессанса X века принадлежит Г.Ф. Корзухиной — Корзухина 1954: 64 и др.). К украшениям, известным еще с периода античности (а, в ряде случаев, и с эпохи энеолита), относятся лунницы, круглые подвески, бусинные серьги, цепи и браслеты со змеиными и драконьими головками на концах. Надо отметить, что все перечисленные формы ювелирных украшений относятся к наполненным общечеловеческой семантической и декоративной ценностью и вполне могли независимо появляться у разных народов. В таком случае можно назвать ряд тесно связанных друг с другом и с античной традицией регионов, где такое возрождение могло произойти — это Византия, ее балканские провинции и Иран.

2) Второй вариант решения проблемы не противоречит первому, но лишь с известной долей гипотетичности дополняет его. Можно предположить, что перечисленные выше типы украшений, а, возможно, и некоторые другие, и не исчезали со времен античности. Традиция ношения таких типов украшений могла передаваться из поколения в поколение и переживать смену народов. При построении подобных цепочек неизбежны хиатусы, но они могут объясняться и неодинаковостью изученности материала, и возможным исчезновением на какое-то время и возрождением вновь перечисленных типов ювелирных украшений. Возможно, что если бы ювелирные украшения Ирана и, в еще большей мере, Византии не стали бы в свое время объектом переплавки, а потом и по сих пор, рьяного частного коллекционирования, такая более или менее непрерывная цепочка развития бусинных колец выстроилась бы на основе материалов, происходящих с этих территорий.

Необходимо отметить, что цепочки передачи «бродячих ювелирных сюжетов», к которым относятся, на наш взгляд, и бусинные серьги, могут быть двух видов:

1) Как правило, территория распространения ювелирных украшений во времени не остается постоянной, вместе с движением народов передвигаются и вещи. Такова, например, цепочка развития серег с биконическими бусинами, для построения которой необходимо рассмотрение материалов Прииртышья, Приазовья, Подонья, Поднепровья и Подунавья.

2) Есть территории, на которых формы ювелирных украшений как бы консервируются. В настоящее время можно выделить, по крайней мере, один такой регион, где традиция ношения бусинных серег практически не прерывалась с античности до современности — это территория Кавказа. Здесь бусинные серьги хорошо известны и в античных и средневековых памятниках, и в этнографических сборах XIX — начала XX веков. Естественно декор этих украшений претерпевал видоизменения, однако сама идея бусинного кольца сохранялась. Схожая консервативность прослеживается и в балканских материалах.

Можно ли проследить процесс появления и распространения бусинных колец в славянских древностях? С известной долей гипотетичности, пожалуй, можно. Но здесь надо сразу оговорить несколько условий. По всей видимости, мы имеем дело с несколькими взаимодополняющими друг друга процессами: 1) знакомство с формой украшения, 2) знакомство с техническими приемами, необходимыми для создания элементов декора, 3) выработка собственных своеобразных приемов создания конструкции и декора вещи, характерных для определенной ювелирной школы. Н.В. Жилина указывает на отсутствие в древностях Скандинавии или Великой Моравии «комплекса материала, который мы могли бы считать прототипами для них (трехбусинных колец из древнерусских кладов — С.Р.)» (Жилина 1998: 313). Но идентичных прототипов нет и для других типов украшений, возникших на базе византийских прототипов — ни для колтов, ни для створчатых браслетов. Однако весь круг аналогов для этих украшений весьма четко говорит об антично-византийском происхождении их формы и о распространении различных местных вариантов этих украшений на территории от Балкан до Руси.

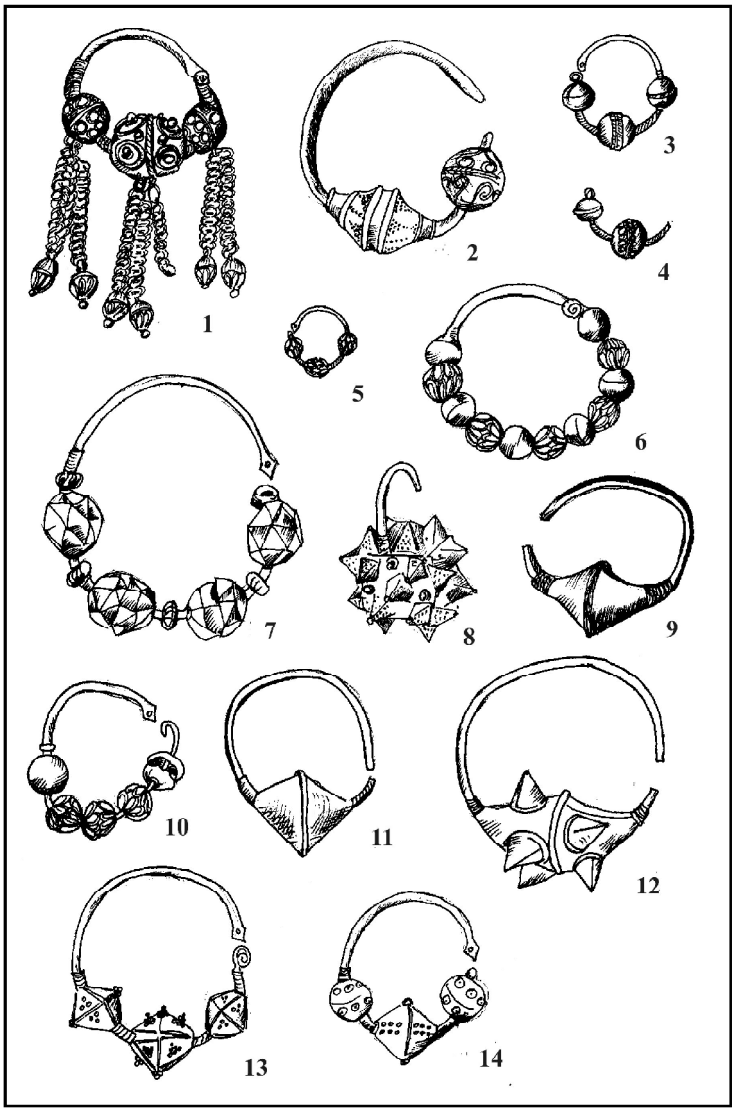


Рис. 14. Бусинные кольца с нетипичными для древнерусской традиции формой или декором бусины. 1, 8, 9 — Кол. КМИДа. Золото; 2 — Новгород. Медь; 3-5 — Старковский клад. Серебро; 6, 10 — Луцк. Серебро, позолота; 11 — клад Пивцы. Серебро; 12 — кол. ГИМ. Серебро; 13 — Подольская губерния. Серебро. 14 — Таврическая губ. Серебро (Седов В.В. 1982; Седова М.В. 1981; Корзухина Г.Ф. 1954; ОАК 1903). Масштабы разные.

Что касается формы бусинных серег, мы уже упоминали об античных, позднеримских и раннесредневековых вариантах этих украшений. Наиболее близкими прототипами для трехбусинных украшений, находимых в славянских памятниках IX-XIII вв., являются, на наш взгляд, одно- и трехбусинные кольца с тиснеными круглыми и овальными бусинами, представленные в аварских памятниках VII-VIII вв. в Венгрии (Hampel 1905: fig. 369, fig. 379; Krumphanzlova 1974: 48; Garam, Kiss 1992: 56). Среди них встречаются украшения как с круглой, так и с овальной яйцевидной формой бусин. Так, пара золотых серег с круглой тисненой бусиной, украшенной сканными волютами (вместо двух боковых бусин на дужку надеты колечки рубчатой проволоки), была найдена в венгерском могильнике Kecel-Kortefahegy в погребении 89 А, датируемом второй половиной VII в. (Garam, Kiss 1992: 56, abb. 63) (рис. 12: *9*). Появление подобных украшений в аварской среде, по всей видимости, связывается с византийской или арабской ювелирной традициями (Krumphanzlova 1974: 47). О близости с иранской традицией свидетельствует, например, общность декора в виде сканных волют, представленного на венгерской находке и в изобилии встречаемого на бусинных украшениях XI-XII вв. иранского происхождения (рис. 12: *9,13*; 11: *8-12*). О близости аварских и провинциально-византийских образцов может свидетельствовать характерная овальная форма бусин, украшенных по центру рельефным пояском, представленная на трехбусинных кольцах, находимых в Венгрии (рис. 12: *8*) и на аналогичных украшениях, хранившихся в коллекции Ханенко и происходивших, предположительно, из Сирии (рис. 12: *10*).

В собственно славянским памятниках наиболее ранние находки бусинных колец, датируемые IX в., возникшие также вероятно под влиянием византийских образцов, встречаются на территории Истрии и Далмации. Ранние формы бусинных колец, бытующие вплоть до XI в., украшены удлиненными овальными или круглыми тиснеными или ажурными бусинами,

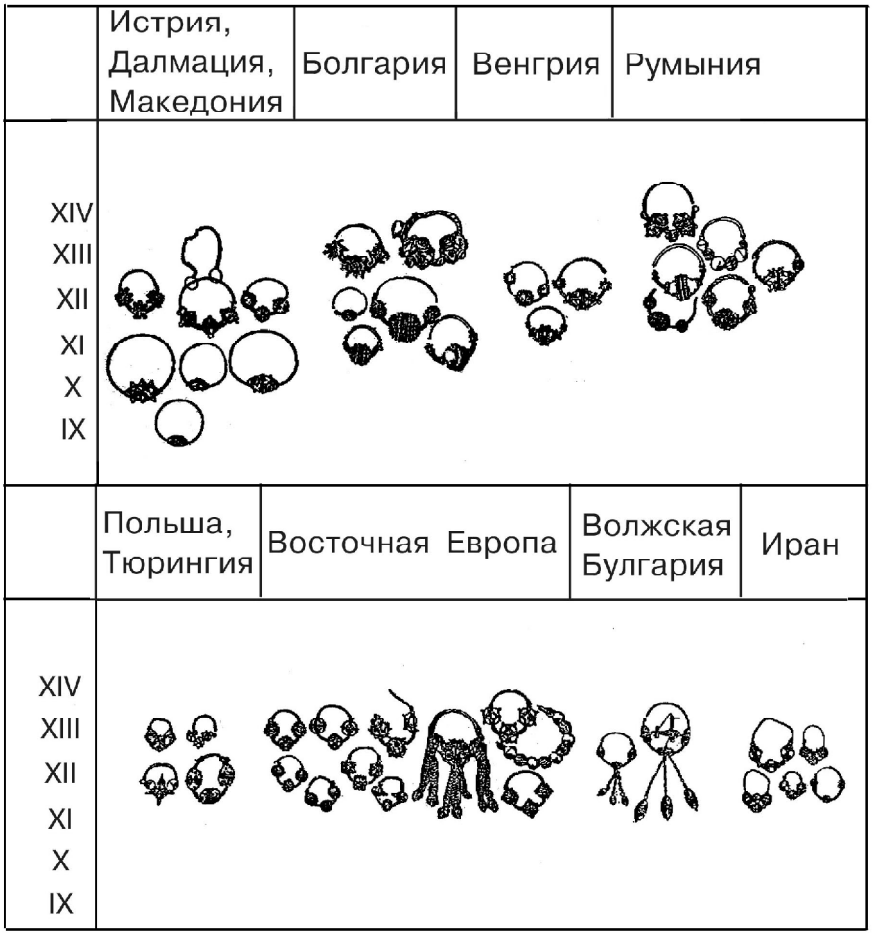


Рис. 15. Бусинные кольца IX-XIV вв.

декорированными проволочными колечками или тиснеными колпачками. Застежка зачастую расположена в нижней части украшения. В X в. бусинные украшения с круглыми тиснеными бусинами представлены на всем Балканском полуострове от Греции до Болгарии. В конце IX-начале X в. серьги с тремя ажурными бусинами появляются и в позднеморавских древностях. Вероятно, здесь мы имеем дело с синтезом моды на ношение трехбусинных украшений, возможно, пришедшей из южного Подунавья, с собственно моравскими, а также арабскими ювелирными традициями (Херман 1986: 28, 29). Близость моравских украшений к арабским образцам доказывается, например, включением лунниц в конструкцию височных подвесок, подобных найденным на городище Старый Коуржим (Šolle 1959: 413, obr. 57) (рис. 13). В поздневеликоморавских древностях в изобилии представлены серьги и височные подвески с ажурными или тиснеными бусинами, количество которых колеблется от 3 до 9 на одном кольце. Причем трехбусинные украшения среди них составляют небольшой процент. В XI в. мода на подобные трехбусинные украшения приходит на территорию Польши, где они встречены в XI-XII вв., как в материалах могильников, так и в составе кладов. Здесь трехбусинные кольца встречаются в большом разнообразии вариантов (как с тиснеными, так и с ажурными бусинами), чем в Чехии. Среди них выделяются украшения как характерные для местной ювелирной школы (например, с звездовидными бусинами), так и близкие чешским и древнерусским образцам. Трехбусинные украшения, аналогичные польским, распространены в этот период и в Восточной Германии.

Близость к древнерусским образцам в XII в. проявляется не только в материалах Польши, в этот период подобное сближение характерно и для балканских образцов. С XII в. и на территории Болгарии и бывших Югославских республик появляются различные варианты трехбусинных серег с круглыми бусинами, украшенными зернью, внешне похожие на древнерусские, но отличающиеся от них как конструктивными, так и декоративными особенностями. Ряд украшений этого периода из Сербии декорирован бусинами, напоминающими ажурные полиэдры готского времени (рис. 2: *12, 16*). Что касается типа токайских серег, распространенного в X-XIV вв. на всей территории Карпато-Подунавья, то он, на наш взгляд, стал одним из первых проявлений сложения весьма характерного для этого региона типа трехбусинных серег с разными по форме центральной и боковой бусинами. Для центральной бусины подобных украшений характерно выделение уп-

лощенной средней части. С XIII в. подобные кольца с разными по форме тиснеными и ажурными бусинами становятся превалирующими для всего Карпато-Балканского региона. Еще одной характерной деталью трехбусинных украшений этого периода является витая верхняя часть дужки. С XII в., целиком в рамках Карпато-Балканской традиции, развивается производство подобных украшений и в Карпато-Поднестровье. Традиция изготовления подобных украшений не прерывается в Карпато-Балканском регионе вплоть до XVII в., причем явно читается тенденция к укрупнению украшений, дополнению декора различными нюансами – каменными, пастовыми и жемчужными вставками, тиснеными колпачками, металлическими трубочками. Форма украшения становится весьма сложной и причудливой.

В конце X-начале XI в. традиция ношения трехбусинных украшений распространяется и на Руси. Возможно, здесь имеет место синтез двух традиций — южной и северной. Балканской традиции бусинной серьги с металлическими бусинами и скандинавской традиции круглопроволочных завязанноконечных подвесок к ожерельям со стеклянными бусинами (их находят, например, в Киевском некрополе в погребении X в. со скандинавскими скорлупообразными фибулами — Каргер 1958: табл. XXVIII).[5] Причем первоначально тип бусинных серег становится принадлежностью городской и сельской культуры. К концу XI в. формируются своеобразные варианты этих украшений, входившие в драгоценный парадный убор, представленный в четвертой группе кладов по Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1954: 30). Древнерусские мастера находят не только своеобразные решения для технического изготовления и оформления бусин (разнообразные варианты каркасных бусин, литых подражаний бусинным кольцам, специфические варианты розетчатого декора тисненых бусин), но и используют специфический вариант решения застежки.

В то же время знакомство Руси с балканскими образцами бусинных украшений документируется находками на территории Восточной Европы колец, по форме бусин или характеру декора тяготеющих к балканской традиции. К подобным предметам балканского импорта или украшениям, изготовленным на месте под влиянием привозных образцов, можно, на наш взгляд, отнести, например, бусинные кольца XII-XIII вв. из клада Старково (ГЭ. инв.1000/2-4), из слоев Новгорода (инв. 20-22-424), из находки неизвестного происхождения, хранящейся в Киеве в кол. КМИД (рис. 14: *1-5*). Так к балканским импортам, на наш взгляд, должно быть отнесено единственное новгородское бусинное кольцо, декорированное настоящей зернью и сканью, найденное в слое начала XII в. Кольцо это изготовлено из меди, украшено двумя бусинами разной формы. По мнению М.В. Седовой, кольцо первоначально было трехбусинным и изготовлено мастерами Волжской Булгарии (аргументация в пользу булгарского происхождения украшения — орнаментация его центральной бусины крупной зернью) (Седова 1981: 14, рис. 3: *10*). На наш взгляд, кольцо могло быть изначально двухбусинным и тяготеет к изделиям мастеров не Волжской, а Дунайской Болгарии. На это указывает разная форма бусин — средняя биконическая, боковая круглая (бусины у булгарских украшений, как правило, одинаковой формы), наличие центральной выделенной уплощенной части у этой биконической бусины, волютообразный декор боковой бусины. Для Придунавья кольца с двумя бусинами (причем, как правило, разного размера, а часто и формы) являются рядовой находкой. Разнобусинным является и массивное золотое кольцо из кол. КМИДа, которое, на наш взгляд, можно датировать XIII в. С балканскими образцами его связывает и декор в виде проволочных колечек, а особенно — наличие цепочек-подвесок. Близок к балканским аналогам и декор в виде пирамидок зерни, представленный на трехбусинных серьгах из Суздаля (рис. 1: *17*).

Собственное производство бусинных украшений в XIII-XIV вв. на Руси заканчивается, но вплоть до XV-XVI вв. продолжают спорадически встречаться украшения, изготовленные в поздней Карпато-Балканской традиции (рис.14: *6, 10, 13, 14*).

В XI в. мода на бусинные украшения распространяется дальше на восток, где на территории Волжской Булгарии создается свой центр их изготовления, снабжавший и финно-угорское население вплоть до Урала. Причем и по форме, и по декору бусин булгарские украшения ближе не к древнерусским или иранским (что можно было бы объяснить как результат торговых отношений), а карпато-балканским образцам, что является, вероятно, следствием общности подосновы культур. В то же время булгарские мастера в ряде случаев использовали тип застежки колец, характерный для украшений древнерусского круга.

Таким образом, тип бусинных серег демонстрирует обширность территории распространения европейской ювелирной моды периода средневековья, в контекст которого была прочно включена и Древняя Русь (рис.15). Причем на примере этого типа украшений читается еще одна интересная закономерность. Если в более ранний период (X в.) древнерусские ювелиры практически буквально заимствуют и форму и декор украшений (например, «волынские» кольца), то в XI-XII вв. заимствованная форма наполняется новым декоративным оформлением (колты, бусинные серьги, диадемы, рясны и т.д.). Возникает многообразие декоратив-

[5] Благодарю за консультацию по поводу этого типа бусинных колец Ю.М.Лесмана и В.Ю.Соболева.

ных решений при общности исходной формы украшения.

В случае с бусинными серьгами можно выделить ряд крупных территориальных блоков, совпадающих, по всей видимости, с территориями распространения продукции отдельных ювелирных школ, характеризующихся общностью как конструктивных, так и декоративных черт, присущих различным вариантам этого типа украшений. Первый блок (вероятно, для рассматриваемого периода исходный) — **византийско-иранский;** второй — **карпато-балканский;** третий **— польско-тюрингский** (территория Чехии являлась связующим звеном между вторым и третьим регионами); четвертый — **древнерусский**, в котором наблюдаются близкие черты и со вторым и с третьим блоком; пятый — **булгарский**, сближенный со вторым и четвертым.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов А.С., Сарачева Т.Г. 1997. О способах ношения височных колец. // РА. №1. С. 99-108.

Археологические исследования в Молдове.1985. Кишинев.

Бочаров Г.Н. 1984. Художественный металл Древней Руси. М.

Беранова М., Сметанка З., Станя Ч. 1975. Археологические исследования славянской эпохи в Чехии и Моравии в 1966-1974 г. // Pamatky archeologicke LXVI, 1. Стр. 154-243.

Борзияк И.А., Рябой Т.Ф. 1985. Средневековые находки в гроте Тринка I. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев. С. 180-188.

Бырня П.П., Нудельман А.А., Рябой Т.Ф. 1985. Два монетно-вещевых клада XVI-XVII вв. // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев 1990. с. 239-249.

Восточные славяне. Антропология и этническая история.1999. М.

Възарова Ж. 1976. Славяни и прабългари. София.

Възарова Ж. 1987. Славяне к югу от Дуная. // СА №4.

Гатев П. 1977. Накити от погребения от XI — XII в.// Археология кн.1. София.

Георгиева С., Пешева Р. 1955. Средневековен български некропол край гр. Ловеч и накити, намерени в него. // Археология кн. XX. София.

Георгиева С. 1956. Общността на накитите у славянските народи. Славяни XII, кн. 1. С.31-34.

Гущин А.С. 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. Л.

Друмев Д. 1976. Златарско изкуство. София.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 1997. Сканные и зерненые украшения из кладов Гнездова // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов. с. 24-26. СПб.

Жилина Н. В. 1998. Трехбусинные украшения древнерусских кладов XII-XIII вв. (типология, эволюция, технология и орнаментика). // Культура славян и Руси. М. с. 297-315.

Зайцева И.Е. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII-XIV вв.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии . Т. 2. М.1997. С. 100-113.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Л.С. Смесова. 1984. Ювелирные изделия Востока. Древний и средневековый период. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.

Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. // Stratum + ПАВ. СПб.-Кишинев. С. 181-193.

Каргер М.К. 1958. Древний Киев. М-Л.

Кондаков Н.П. 1896. Русские клады. СПб.

Корзухина Г.Ф. 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X-XII вв. // КСИИМК, вып. 13. С. 45-52

Корзухина Г.Ф. 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. // СА. XIV. С. 217-235.

Корзухина. Г.Ф. 1954. Русские клады. М-Л.

Левашова В.П. 1967. Височные кольца. // Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 7-54.

Левашова В.П. 1969. О сходстве височных колец волжских болгар с великоморавскими. // Древности Восточной Европы. МИА №169. С. 125-130.

Левинский А.Н, Рябой Т.Ф. 1992. Старосахарнянский клад XVII в. // АИМ. 1986. Кишинев. С. 248-254.

Лесман Ю.М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.). // Материалы по археологии Новгорода 1988 г. М.

Мавродинов Н. 1966. Старобьлгарското изкуство XI-XIII вв. София .

Макарова Т.И. 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.

Манева Е. 1992. Средневековен накит од Македонија. Скопје.

Миниђ Д. 1987. Спирално увијуна жица на средњовековном накиту из Србије.// Старинар. XXXVIII. Београд. С. 74-81.

Нарожный Е.И. 2000. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения. // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. С. 138-150.

Никольская Т.И. 1986. Новые данные к истории Серенска. // КСИА. Вып. 187. М. С. 41-51.

Плетнева С.А. 1990. Половцы. М.

Піскова Г.О. 1988. Скарби стародавнього Ізяславля. // Археологія. 61. С. 16-35.

Полубояринова М.Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.

Пушкина Т. А. 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18-25 сентября 1985 г. Т. III, вып. 1а, М. С. 50-57.

Рабинович М.Г. 1940. Курганы в Повровке. // Сборник научных студенческих трудов. Вып. II. История. М.

Рабинович Р.А, Рябцева С.С 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев. С. 236-245.

Русанова И. П. 1966. Курганы полян X-XII вв. САИ. М.

Рыбаков Б.А. 1949. Древности Чернигова. МИА. №11. М.-Л. С. 7-93.

Рыбаков Б.А. 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рындина Н.В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. МИА 117, М. С. 200-268.

Рябинин Е.А. 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябцева С.С. 1999. «Близнецы» или «двойники». О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег. // Stratum plus. №5. СПб-Кишинев-Одесса. С. 338-356.

Рябцева С.С. 2000. О территории распространения бусинных височных колец. // Ювелирное искусст-

во и материальная культура. Тезисы докладов участников седьмого коллоквиума.. С. 70-74. Гос. Эрмитаж. СПб.
Сабурова М.А. 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции). // СА. №2. С. 85-87.
Савельева Э.А. 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.
Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР. М.
Седова М. В. 1972. Ювелирные украшения из Ярополча Залесского // КСИА № 129. С. 70-76
Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV). М.
Седова М.В. 1997. Суздаль и его округа в X-XV вв. М.
Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. Археология СССР.
Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. Археология СССР. М.
Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. МИА. №89. М.
Фоняков Д.И. 1991. Цветной металл Торопца. (типология и технология). // СА. №2.
Ханенко Б.И.и В.И. 1902. Древности Приднепровья. т. 5. Киев.
Ханенко Б.И.и В.И. 1907. Древности Приднепровья. т. 6. Киев.
Херман И. 1986. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М. С. 8-122.
Холостенко Н.В. 1962. Клад вещей у Борисоглебского собора в Чернигове. // СА №3. С. 235-238.
Ћоровић-Љубинковић М. 1954. Наушнице т.з. токајског типа. // Рад Војвођанских музеја. Нови Сад 1954. С. 81- 92.
Andersen M.1984. Westslawisch Import in Dänemark etwa 950 bis 1200 – Eine Übersicht. // Zeitschift für Archäologie. № 18. S. 101-144.
Bach H., Dušek S. 1971. Slawien in Thüringen. Weimar.
Brachman H. 1978. Slawische Stämme an Elde und Saale zu ihren Geschichte und Kultur im 6 bis 10 Jahrhundert – auf Grund archäologische Quellen. Berlin.
Comşa M.1968. L'influence romaine provinciale sur la civilisation slave á l'époque de la formation des États. // Romanoslavica. T. 16, p. 446-460.
Constantinescu N., Untaru Gh. 1959. Podoabe feudale descoperite la Olteni.// Studii şi cercetări de istorie veche. № 2.
Čremošnik I.1951. Nalazi nakita u srednjekovnoj zbirci Zemaljskog muzeja u Sarajevu. // Glasnik zemaljskg muzeia u Sarajevu. Nova serija. T. VI. S. 241-270.
Danute A.-R. 1975. Wcresnosredniowieczny skrab srebrny z brozorova nowego pow. Pizasnyse. // Materiały starożytne i Wczesnosredniowieczne. T. III. S. 251-320.
Dekan J. 1966. Die Beziehungen unserer Länder mit dem spätantiken und byzantinischen Gebiet in der Zeit von Cyrill und Method. // Das Grossmährische Reich. Prag.
Dekan J. 1979. Wielkie Morawy. Epoka i sztuka. Bratyslawa.
Dumitriu L.M. 1996. Podoabe medievale la Dunărea inferioară în secolele XI-XV. Bucureşti.
Garam E. Kiss A. 1992. Goldfunde aus der Völkerwanderungszeit im Ungarischen Nationalmuseum. Budapest.
Germanen, Hunnen und Awaren. 1988. Germanisches Nationalmuseum, Nürnberg.
Gold and silver auction. 1992. New York.
Hadacrek K. 1903. Der Chschmuck der Griecken und Etrusken.
Haisg M., Kiersnowski R., Reyman J. 1966. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Malopolski, Śląska, Warmii i Mazur. Materiały. Wrocław – Warszawa – Kraków.
Hasson. R. 1987. Early Islamic jewellery. L.A. Mayer. Memorial Institute For Islamic Art.
Hasson. R. 1988. Schmuck der Islamischen Welt. Frankfurt am Main.
Jenkins M., Kenne M. б. г. Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art. New York.
Jewelry 7000 years. 1991. New York.
Јовановић В. 1987. Разматрањовелоној некрополи Луковит-Мушат код Ловеча у Бугарској. // Старинар. XXXVIII. Београд. С. 112-132.
Jurič R. 1986. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije. // Izdanja Hrvatskog arheoloskog drustva, 11/2 str. 245 – 289.
Jurič R. 1993. O Srednjovjekovnom nakitu kod Crkve Sv. Nikole u Solinu.// Vjesnik za arheologiju i historju dalmatinsku. № 85. Split. S. 167-180.
Karaman L. 1956. Glossen zu einigen Fragen der slawischen Archäologie.// Archaeologia Jugoslavica. T. 2, S. 101, ff.
Kocka-Krenz H. 1993. Biżuteria Północno-Zachodnio Słowianska we wczesnym średniowieczu. Póznań.
Kostrzewski J. 1962. O pochodzeniu ozdob srebrnych z polskich skarbów wczesnośredniowiecznych // Slavia Antiqua. T. IX. Póznań. S. 139-211.
Krumphanzlova Z.1974. Chronologie pohrebního inventáre vesnických hrbitovu IX-XI. Veku v Cechách // Památku archeologické. LXV, s. 34-110.
Lewicke T. 1959. Wcresnośredniowieczny skarb srebrny z Maurzyc pod Lowizrem. Wrocław-Kraków-Warszawa.
Mesterhazy K. 1994. Az un. Tokaji kincs revizioja. // Folia Archaeologica XLIII. Budapest.
Neamţu E. 1961. Obiectele de podoabă din tezaurul de la Cotul Morii.// Arheologia Moldovei. № 1.
Niederle L. 1927. Byzantské šperky v Cechah a na Morave // Památky archeologické, dil XXXV, 3, 4. Praze.
Niederle L. 1930. Prespevky k vyvoji Byzantikych sperky ze IV-X stolet. Praha.
Popescu M.M. 1970. Podoabe Medievale în ţările Române. Editura Meridiane.
Rjabceva S.S. 1997. Obiectele de podoabă din tezaurul de la Voineşti. In print.
Spinei V. 1994. Moldova în secolele XI-XIV. Chişinău.
Starohrvatski Solin. Split.
Stenberger M. 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, II. Stockholm.
Šaric A. 1993. Ranosrednjekovni i srednjovjekovni nalazi s podrucja Solina u archeploškom muzeju u Splitu. // Vjesnik za Arheologiju i Historiju Dalmatinsku. Sv. 85. Split.
Šolle M. 1959. Knižeci pohrebište na Stare Koužimi. // PA. S.353-506.
Šolle M. 1981. Slavanská pohrebište pod Budci.// Památku archeologické. LXXII, 1, s. 183-216.
Svoboda B. 1957. Šperky z XXXII. Hrobu ve Smolíne. // PA. XLVIII, 2. n. 463-348.
Teicu D. 1993. Necropole medievale (sec. X-XIV) din sudul Banatului // Banatica 12, 1. 229-271.
Teodor. Dan Ch. 1961. Раннесредневековый клад украшений найденный в Войнешты (Яссы).// Dacia, № 5 1961. P. 509-520.
Teodor Dan Ch. 1964. Obiectele de podoabă din tezaurul feudal timpuriu descoperit la Oţeleni // Arh. Mold. 2-3. 348-358.
Tezaure din muzeiele oraşului Chişinău secolele XVI-XVIII. 1994. Chişinău.
Vana Z.1954. Madari a slovane ve svete archeologickych nalezo X-XII stoleti.// Slovenska archeologia. Bratislava. S. 50 – 95.

Г.Атанасов

КЛАДЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОРУДИЙ ИЗ ЮЖНОЙ ДОБРУДЖИ (X — НАЧАЛО XI ВВ.)

G. Atanasov. Treasures of Agricultural Tools from Early Medieval Fortresses of Southern Dobrudja (X – early XI cc.)

The article is a publication of 7 collective finds from early medieval Bulgarian fortresses placed south of Dorostol-Silistra (see fig. 1). Each treasure contains few items: Sredishte I (6 items), Sredishte II (18 items), Okorsh III (11 items), Tsar Asen (3 items), Rujno V (7 items), Rujno VI (29 items), Poprusanovo VII (16 items). Or, the seven collective finds comprise all in all 87 iron wares, basically agricultural tools, but also instruments, weapons and household utensils. Among these there are ploughshares, coulters, pickaxes, iron ends for shovels, sickles, grape cutters, scythes, drills, pincers, axes, spear ends, guards of sabre handles, etc.

The fortresses, where the finds were discovered, evolved in the late IX – early X century and were apparently abandoned and destroyed in 1036. The sites (except Poprusanovo) have no cultural horizons and finds earlier than IX century and older than 1036. Therefore, all the finds should be attributed to the early Middle Ages. Apparently, collections of few items (Sredishte-1, Tsar Asen) used to be property of separate families, while richer treasures used to belong to several families, maybe to a whole kin. To my mind, all of them were hidden during a devastating invasion of the Petchenegers into the region in 1036.

A study of the tools suggests conclusion about a highly developed agriculture in the region. Attention is to be specially focused on complexes comprising asymmetric welded ploughshares and coulters. They witness transition from ard to plough in Dobrudja and Bulgaria in X century. It was a big contribution to a sharp increase in the level of agricultural production and provided food to relatively numerous population of Dobrudja in X c., who inhabited over 350 settlements and about 40 fortresses.

Земледельческие орудия не принадлежат к ярким археологическим находкам, но являются важным индикатором для определения степени хозяйственного развития и технических достижений средневекового общества. И это понятно, так как земледелие составляет основу средневековых цивилизаций в Европе и Азии и, в то же время, является важным фактором прочности государственных экономик на протяжении долгих исторических периодов.

Интересно то, что почти на всех изученных поселениях в Южной Добрудже (X-XI вв.) (Попина, Гарван, Кладенци, Нова Черна, Топола, Дончево) (Възарова 1956:24-29, обр. 14б, 21б, 22; Възарова 1986:56, обр. 52, 55; Ваклинов, Станилов 1981:71-72, обр. 60; Милчев, Ангелова 1970:68-69; Бобчева 1972:9) и крепостях (Силистра, Скала, Царь Асен, Дуранкулак, Одырци, Руйно, Окорш) (Йотов, Атанасов 1998:83-84, таб. IXVIII; Атанасов 1986:31, обр. 1; Тодорова 1989:183;Дончева-Петкова 1999:55-59) открыты многочисленные находки единичных сельскохозяйственных орудий. Почти на всех упомянутых памятниках зарегистрированы жернова и связанные с ними сооружения (мельницы). В частности, в Дуранкулаке и Одырцах мельницы обнаружены в более чем 50% жилищ (Тодорова 1989: 45-48; Дончева-Петкова 1999: 49-50).

Все это является серьезным основанием для вывода о существовании хорошо развитого и технически обеспеченного земледелия в Добрудже X-XI в. Это было несомненно основное занятие многочисленных обитателей, населявших в раннем средневековье около 350 поселений и 30 крепостей региона.

Новым источником информации о распространении и уровне развития земледелия в Южной Добрудже являются 7 коллективных находок земледельческих орудий [1], открытые в 5 крепостях, расположенных к югу от средневекового Доростола (нынешняя Силистра) – Средиште, Окорш, Царь Асен, Руйно, Попрусаново (рис.1). Наряду со всеми другими, рассматриваемые находки могут внести ясность в философию тезаврации орудий и уточнить датировку некоторых типов предметов. С одной стороны, они найдены в крепостях, которые существовали, начиная со второй половины IX в. и до 30-х годов XI в., а с другой, наряду с земледельческими орудиями в них содержится оружие, которое датируется точнее.

[1] Материалы, находящиеся теперь в Исторических музеях Силистры и Дулово, публикуются при любезном содействии их сотрудников. Особенную благодарность за оказанную помощь автор приносит г-ну Белчо Маринову.

© Г.Атанасов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

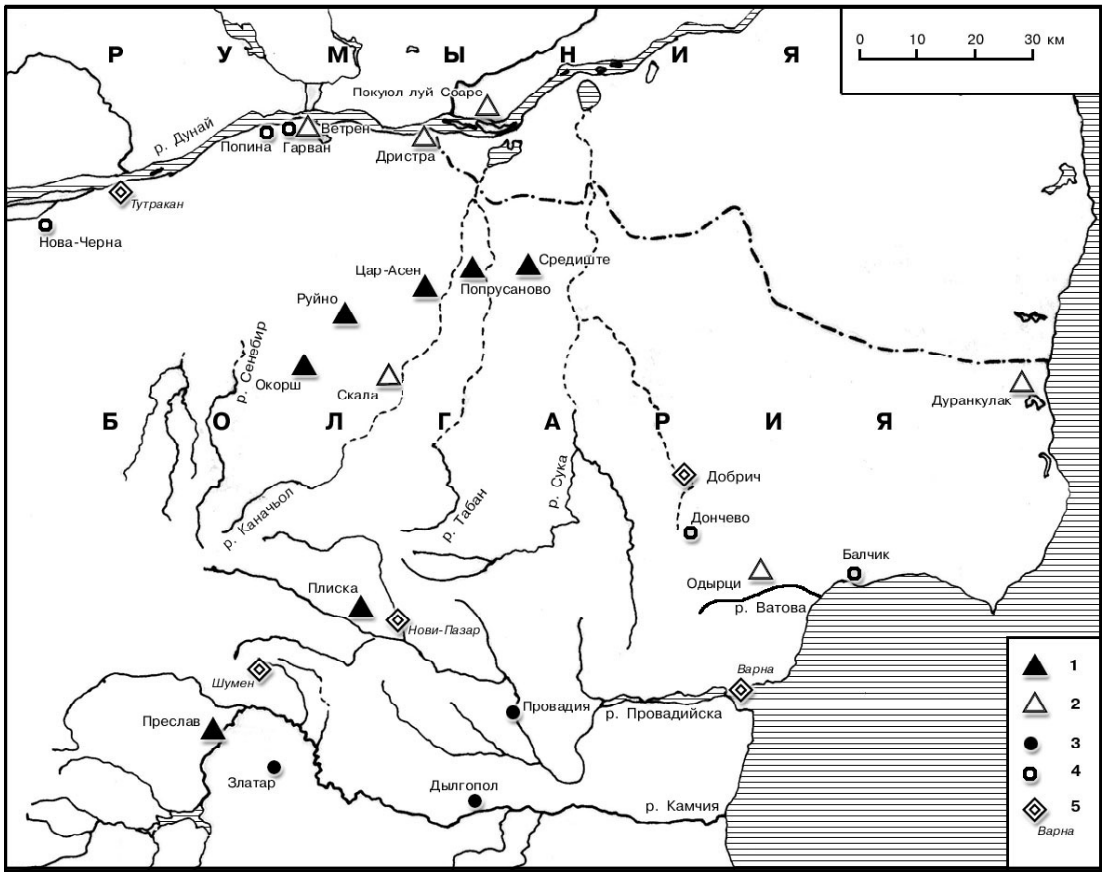


Рис. 1. Карта Южной Добруджи с крепостями и селищами X в., в которых открыты сельскохозяйственные орудия: 1 — крепости X в. с коллективными находками; 2 — крепости X в. с единичными находками; 3 — селища X в. с коллективными находками; 4 — селища X в. с единичными находками; 5 — современные города.

А. НАХОДКИ

I. Средиште-1. Клад открыт в крепости Средиште, расположенной примерно в 28 км юго-восточнее Силистры и около 30 км южнее Пэкуюл луй Соаре (рис. 1). Судя по зондажным исследованиям Р.Рашева, она была обитаема в IX-X в. (Рашев 1982:133-134) Однако, благодаря исследованию находок, точнее, анонимных византийских фолисов кл. А-2 (976-1034/35) и кл. В (1034/35-1042 по Гриерсену-Атанасову) (Атанасов 1999:111), верхняя граница жизни была уточнена и отнесена к 1036 г. — дате большого нашествия печенегов в Добруджу).

Коллективная находка Средиште-1 открыта в 1983 г. за пределами крепости недалеко от ее северо-восточного угла (Атанасов 1986: 24). Клад включает в себя два лемеха (кат. № 1 и 2), два чересла (кат. № 3 и 4, табл. III-3 и 4) и мотыгу (кат. № 5, табл.VI-5). На мой взгляд, большой симметричный лемех и большое чересло (кат. № 1 и 3) принадлежат ралу, а маленький асимметричный наварной лемех с маленьким изогнутым чересло принадлежит так называемому плужному ралу (кат. № 2 и 4) (Атанасов 1986: 24-33).

II. Средиште-2. Вторая коллективная находка из Средиште включает 19 предметов, найденных за пределами крепости примерно в 400 м от северной стены, на окраине современного с. Средиште. Клад состоит из двух лемехов (кат. № 6 и 7, табл. II-6 и 7), трех оковок для заступов (кат. № 8-10, табл. IV-8-10), трех малых мотыг (кат. № 11-13, табл. VII-11-13), двух серпов (кат. № 14 и 15, табл.VIII-14 и 15), одного виноградного ножа (кат. № 16, табл. XII-16), двух Г-образных топоров (кат. № 17 и 18, табл. IX-17 и 18), одного трапециевидного топора (кат. № 19, табл. X-19), двух маленьких боевых топоров (кат. № 20 и 21, табл. X-20 и 21), одного молотка (кат. № 22, табл. X-22) и одного наконечника боевого копья (кат. № 19, табл. X-19).

III. Окорш. Эта находка из крепости, находящейся близ с. Окорш, Дуловской общины (рис. 1), на расстоянии около 40 км юго-западнее Силистры (Рашев 1982: 141). Судя по данным стационарных археологических раскопок, проводившихся на этом месте автором настоящего исследования, жизнь на ней началась где-то во второй половине IX в. Крепость была разрушена в ходе вторжения русско-варяжского

князя Святослава и болгарско-русско-византийской войны 968-971 гг. Однако к концу X в. жизнь здесь возобновилась, о чем свидетельствуют находки керамики, изготовленной на быстром круге, и анонимные византийские фолисы кл. А-2 (раскопки Атанасова и Йотова 1997-1999 гг.). Крепость окончательно покинута населением и разрушена во время большого нашествия печенегов в 1036 г. (Diaconu 1970:46; Атанасов 1999: 111-118, таб. 1). При раскопках в виде изолированных предметов найдены несколько орудий (серп, топор, мотыга) и несомненные следы железообрабатывающей мастерской (крицы, шлаки, клещи).

Клад найден до начала раскопок примерно в 7 м южнее башни 2 северной крепостной стены. Он включает лемех (кат. № 24, табл. 11-24), три чересла (кат. № 25-27, табл. III — 25-27), две мотыги (кат. № 28, 29, табл. VI — 28, 29), два топора (кат. № 30,31 табл. IX — 30, X.-31), клин (кат. № 32, табл. XI -32) и два скребка для отчистки корыт от остатков теста (кат. № 33, 34 табл. XII — 33,34).

IV. Царь Асен. Эта находка из крепости, примерно в 30 км южнее Силистры (рис.1). По материалам археологических раскопок, проведенным там в конце 50-х годов, она была построена в конце IX- начале X в. и существовала до начала XI в. (Димова 1993:54-75; Материали... 1995: 289). Многочисленные монеты (самые поздние анонимные фолисы принадлежат кл. В) (Атанасов 1999: 116, таб. 1) и печенежская керамика датируют прекращение жизни нашествием печенегов 1036 г. Во время раскопок на памятнике найдено много сельскохозяйственных орудий, которые хранятся в музее г. Русе. Данная коллективная находка обнаружена кладоискателями в северо-западной части крепости и включает в себя лемех (кат. № 35, табл. I-35), мотыгу (кат. № 37, табл. X-37) и фрагмент топора (кат. № 37, таб. X-37).

V. Руйно-1. Находка из крепости в окрестностях с. Руйно Дуловской общины около 32 км юго-западнее Силистры и севернее крепости у с. Окорш (рис. 1) (Рашев 1982: 141-143). Как следует из материалов раскопок болгарско-молдавской экспедиции 2000 г., крепость построена во второй половине IX — начале X вв. и подобно Окоршу и Царь Асен сгорела во время походов русско-варяжского князя Святослава. После этого жизнь возобновилась, но судя по керамике и самым поздним монетам (анонимные фолисы кл. А-2 и В) (Раскопки под руководством Г. Атанасова и Н. Русева) окончательно оставлена жителями во время нашествия печенегов в 1036 г. (Атанасов 1999: 115-116; Материали... 1995: 271) При раскопках в виде индивидуальных находок найдены малая мотыга, серп и оковка для заступа. Первая коллективная находка орудий обнаружена в самой крепости недалеко от северо-западного угла. Она состоит из семи предметов: лемеха (кат. № 38, табл. II-38), малой мотыги (кат. № 39, табл. VII-39), виноградного ножа (кат. № 40, табл.XII-40), боевого топора (кат. № 41, табл. X-41), клещей (кат. № 42, табл. XI-42) и двух перекрестий сабель (кат. № 43 и 44, табл. XII — 43, 44).

VI. Руйно-2. Вторая коллективная находка найдена южнее крепости в границах средневекового поселения-предместья и включает 22 орудия: лемех (кат. № 45, табл. II-45), чересло (кат. № 46, табл. III-46), соскреб для отчистки металлических частей плуга от налипающей земли (кат. № 47, табл. XI-47), семь мотыг (кат. № 48-55, табл. V-49-55, VI-48, 53-55), две оковки для заступов (кат. № 56,57, табл. IV-56, 56), две мотыги (кат. № 58,59 табл. VII-58. 59), одно тесло (кат. № 60, табл. VII-60), шесть серпов (кат. № 61-66, табл. VIII-61-66), два Г-образных топора (кат. № 67,68 табл. IX-67,68), один трапециевидный топор (кат. № 69, табл. X-69), косу (кат. № 70, табл. XI-70), ложкарь (кат. № 71, табл. XI-71), молоточек (кат. № 72, табл. XI-72) и долото (кат. № 73, табл. XI-73).

VII. Попрусаново. Находка из района крепости около с. Попрусаново, расположенной на расстоянии 25 км юго-восточнее Силистры (рис. 1). По полевым наблюдениям — это ранневизантийское укрепление V-VI в., но на основе найденных здесь староболгарских обожженных украшений, крестов-энколпионов и анонимных византийских фоллисов кл. А-2 и В зафиксировано ее вторичное использование в X и начале XI в. (Атанасов 1984:31-35). Орудия найдены напротив крепости на левом берегу сухоречья Табан. По сведениям открывших их кладоискателей, вещей было много, но в музей г. Силистры поступили только 16: чересло (кат. № 74, табл. III-74), плужный соскреб (кат. № 75, табл. XI-75), оковка для заступа (кат. № 76, табл. IV-76), четыре малые мотыги (кат. № 77-80, табл. VII-77-80), два топора (кат. № 81 и 82, табл. IX-81, X-81), коса (кат. № 83, табл. XI-83), два сверла (кат. № 84, 85 табл. XII-84, 85), долото (кат. № 86, табл. XI-86), скребок (кат. № 87, табл. XII-87) и два наконечника копья (кат. № 88 и 89, табл. XII-88, 89).

Б. ОРУДИЯ

Семь коллективных находок из крепостей в Южной Добрудже включают практически весь ассортимент орудий труда, использовавшихся в средневековье и с некоторыми незначительными изменениями сохраненных до Нового времени. По уже принятой типологии они делятся на орудия для обработки земли и орудия для уборки сельскохозяйственной продукции.

Б-1. Орудия для обработки земли

1. Лемехи. Почти все коллективные находки включают лемехи, что объяснимо, так как это основные сельскохозяйственные орудия труда в эпоху средневековья (рало развивалось в плужное рало и плуг) (Атанасов 1986: 24-33). Всего в коллективных находках открыто 8 лемехов: в I — 2 экз. (Средиште — 1, кат. № 1 и 2), в II — 2 экз. (Средиште — 2, кат. № 6 и 7), в III (Окорш, кат. № 24), IV (Царь Асен, кат. № 35), V (Руйно-1, кат. № 38) и VI (Руйно-2, кат. № 45) — по 1 экз. Все относятся к рукавчатым втульчатым лемехам, между которыми отмечается сходство в размерах (обычная длина 16-20 см) и в форме. Близкие по форме и размерам лемехи найдены в большинстве изученных центров Первого Болгарского царства в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже — столицы Плиска и Преслав, Доростол, Попина, Нова Черна, Скала, Хума, Одырци, Ятрус, Капидава, Диногенция и пр. (Балабанов 1985:22-23, обр. 2; Чангова 1962:21-22; Витлянов 1988:26-30; Атанасов 1986: 31, обр. 1; Въжарова 1956:11, обр. 1970: 5; Милчев, Ангелов 1970: 43,181, таб. 38; Йотов, Атанасов 1998: 83-84; Рашев, Станилов 1987:70; Дончева-Петкова 1999: 55-56; Iatrus-Krivina 1986:150; Florescu, Florescu, Dinconu 1958:233, fig. 111/1; Ştefănescu, Barnea, Comşa, Comşa 1967:58, fig. 36/1). Как правило, они присутствуют и в раннесредневековых коллективных находках с сельскохозяйственными орудиями из Плиски, Преслава, Дылгополя, Златаря, Гроздево, Провадии (Балабанов 1985: 22; Витлянов 1998: 26-30; Златарски 1960:104; Тотев 1966: 33-35; Йотов 1992: 224-228; Антонова 1983: 264-266). По классификации Й. Хенинга большинство лемехов в коллективных находках из Южной Добруджи (кат. № 1, 6, 7, 24, 38 и 45) относятся к типу A-1 с левой асимметричностью (короткий левый выступ лопаты) до 1 см., а № 2 и 35 к типу A-2 с левой асимметричностью большей 1 см, а № 2 и 35 к типу A-2 с левой асимметричностью, большей 1 см. Оба типа немецкий исследователь относит к VIII-X в. (Henning 1987:55-57, taf. 14-18). Допускаю, что лемехи № 1, 7 и 24 почти симметричны. Это предполагает их использование в качестве рал, которые не были достаточно изношены. Большинство асимметричных лемехов имеют дополнительно приваренную V-образную полосу, что может быть результатом долгого использования и большого изнашивания, возникающего в результате кругового движения по полю ралом — справа налево. В то же время при дополнительном приваривании видно, что сама V-образная полоса специально изготовлена с левой асимметричностью (см. специально кат. № 2 и 35). Это предполагает сознательную деятельность кузнеца. Стало быть правомерно допускать, что на территории Добруджи в X в. появляется и входит в широкое употребление так называемое плужное рало (Атанасов 1986: 24-33). На данном типе асимметричных лемехов специально останавливается Ю.Краснов (Краснов 1982:63-80; Краснов 1979:56-70; Краснов 1987:25), по классификации которого кат. № 1, 7, 24 и 45 относятся к типу IB-2, а кат. № 2, 6, 35 и 38 к типу IB-4. Его датировка находится в широких хронологических пределах X-XIII в., но выводы о сознательной асимметричности как условии конструкции плуга не противоречат моим.

2. Чересла. Исключая комплексы Царь Асен и Руйно-1, чересла встречаются вместе с лемехами. Это подсказывает, что они использовались как основные узлы рал и плужных рал. Семь чересел происходят из коллективных находок I (Средиште-1, кат. №3 и 4), III (Окорш, кат. №25-27), VI (Руйно-2, кат. № 46) и VII (Попрусаново, кат. № 74). По классификации Й. Хенинга к типу E-1 относятся чересла длиной 30-38 см. (кат. № 4, 26, 46, 74), характерные для VIII-X в., а остальные три экземпляра (кат. № 5, 25 и 27) с размерами 45-53 см относятся к типу E-2, характерному для поздней античности (Henning 62-63, taf. 30-32). Утверждение Й. Хенинга о том, что длинные чересла не использовались в период средневековья, нуждается в коррекции, так как некоторые из рассматриваемых экземпляров происходят из крепостей, в которых нет позднеантичного слоя — Окорш и Средиште. Кроме того, чересла длиной 50 см найдены в точно датированных слоях IX-X в. в Ятрусе и Одырцах (Дончева-Петкова 1999: 141; Iatrus-Krivina 1953: 149-151, taf. 49/105-e). Ю. Красновым также предпринята попытка датировки чересел сообразно размерам. На его взгляд, позднеантичные (черняховские) экземпляры имеют длину 32,5 — 42 см, средневековые X в. — 36-46 см, а чересла XI-XIII в. — 36-55 см. (Краснов 1982: 72) — таким образом, его выводы противоположны высказанным Й. Хенингом. Очевидно, что длина чересел не является определяющей при датировке. По моему мнению, чересла средней длины (№ 4, 46 и 74) характерны для IX-X в., а остальные (№ 3, 25-27) — встречаются как на позднеантичных, так и на раннесредневековых объектах.

3. Плужные соскребы. Они использовались пахарями для очистки плужной доски и для управления запряженными в плуг животными. В публикуемых комплексах имеются два экземпляра этих изделий — в находке VI (Руйно-2 кат. № 47) и VII (Попрусаново, кат. № 75). Близкие аналогии происходят из памятников Плиска, Попино, Нова Черна, Дуранкулак, Скала, Одырци, Ятрус и пр. датируются IX-X в. (Балабанов 1985: 23-24, обр. 4/14-16; Въжарова 1956: 29, обр. 21; Милчев, Ангелов 1970: 69, № 172; Тодорова 183,

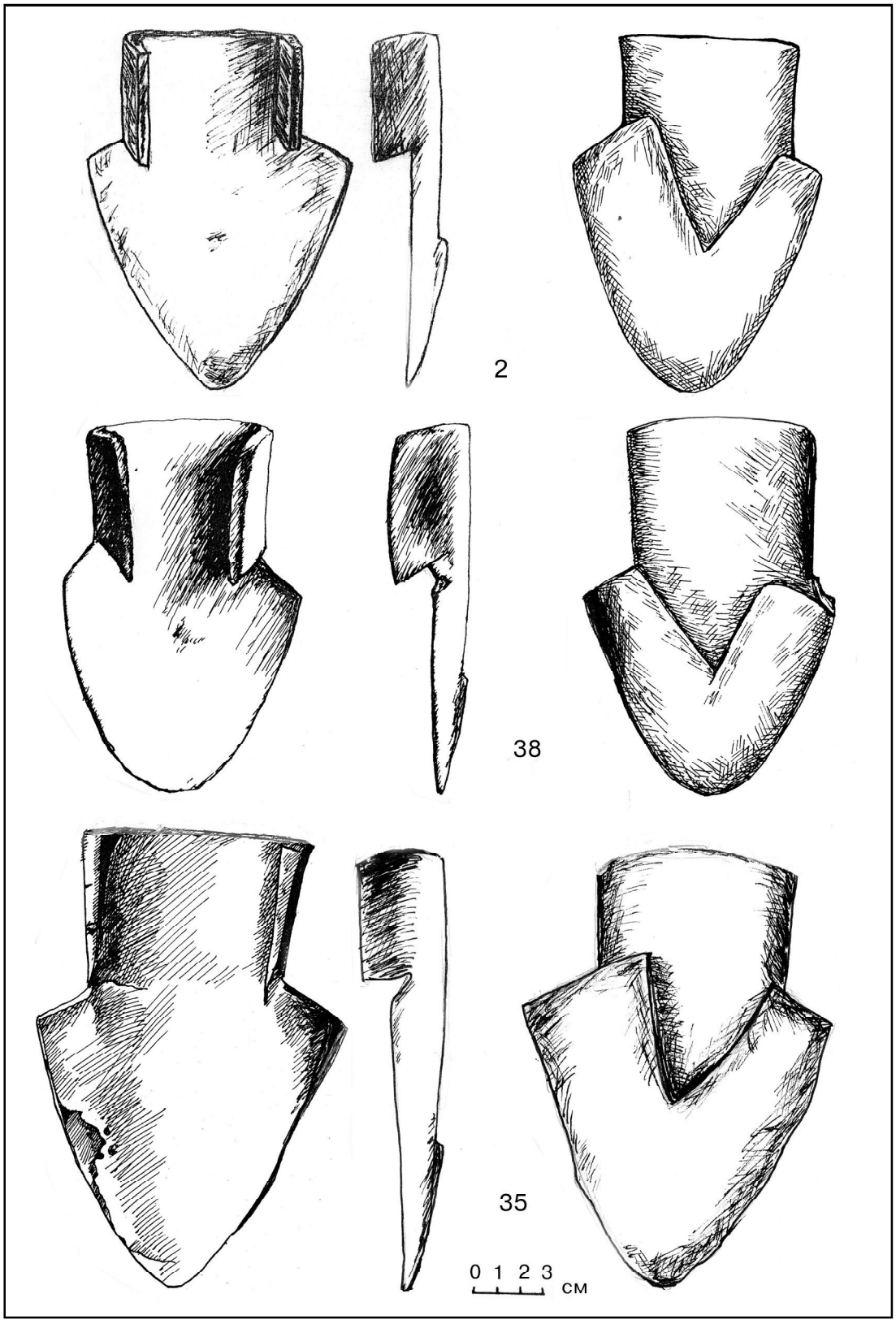


Табл. I. Лемехи. 2 — из кол. нах. I — Средиште-1; 35 — из кол. нах. VI — Царь Асен; 38 — из кол. нах. V — Руйно-1

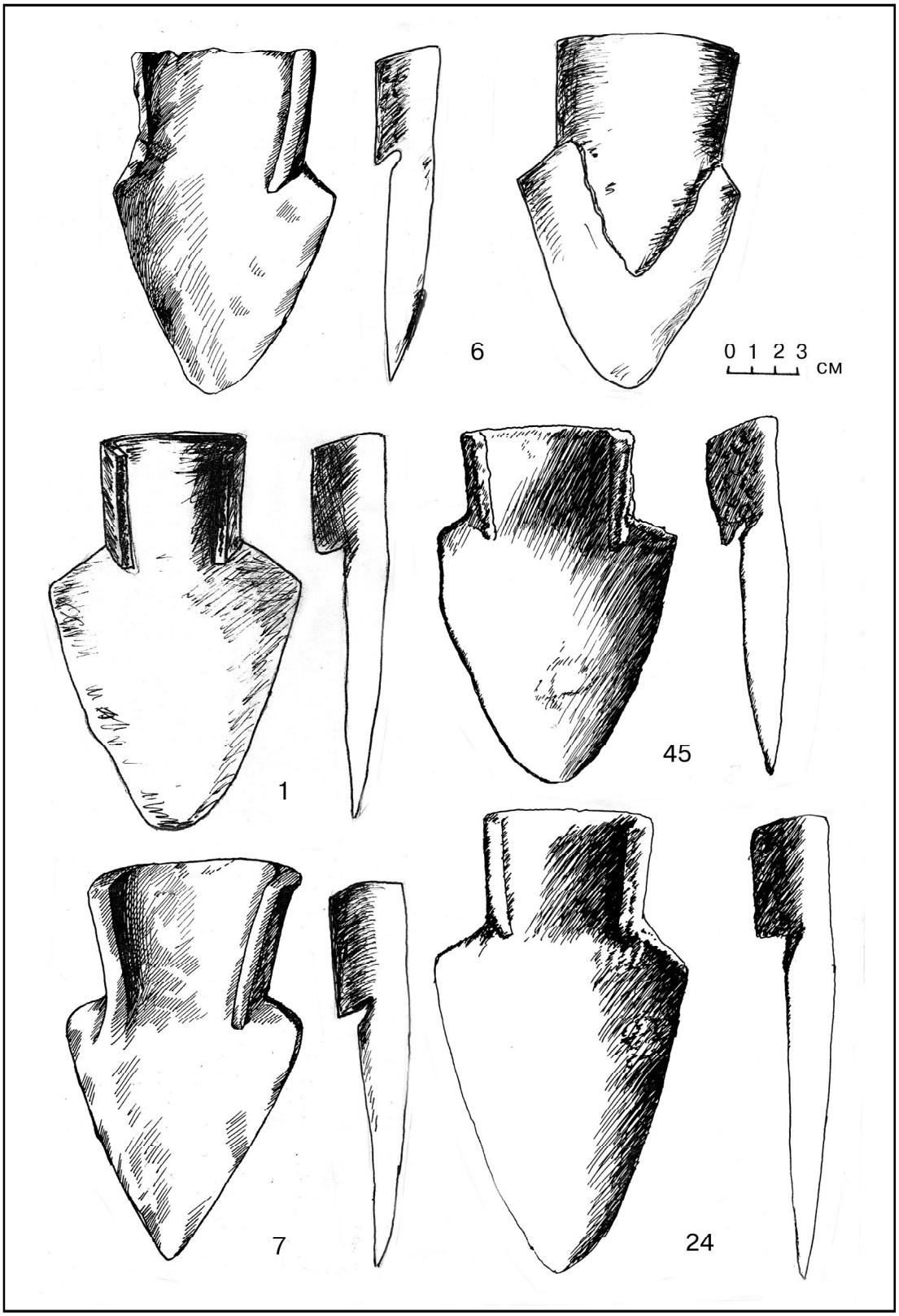


Табл. II. Лемехи. 1 — из кол. нах. I — Средиште-1; 6 — из кол. нах. II — Средиште-2; 7 — из кол. нах. II — Средиште-2; 24 — из кол. нах. III — Окорш; 45 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

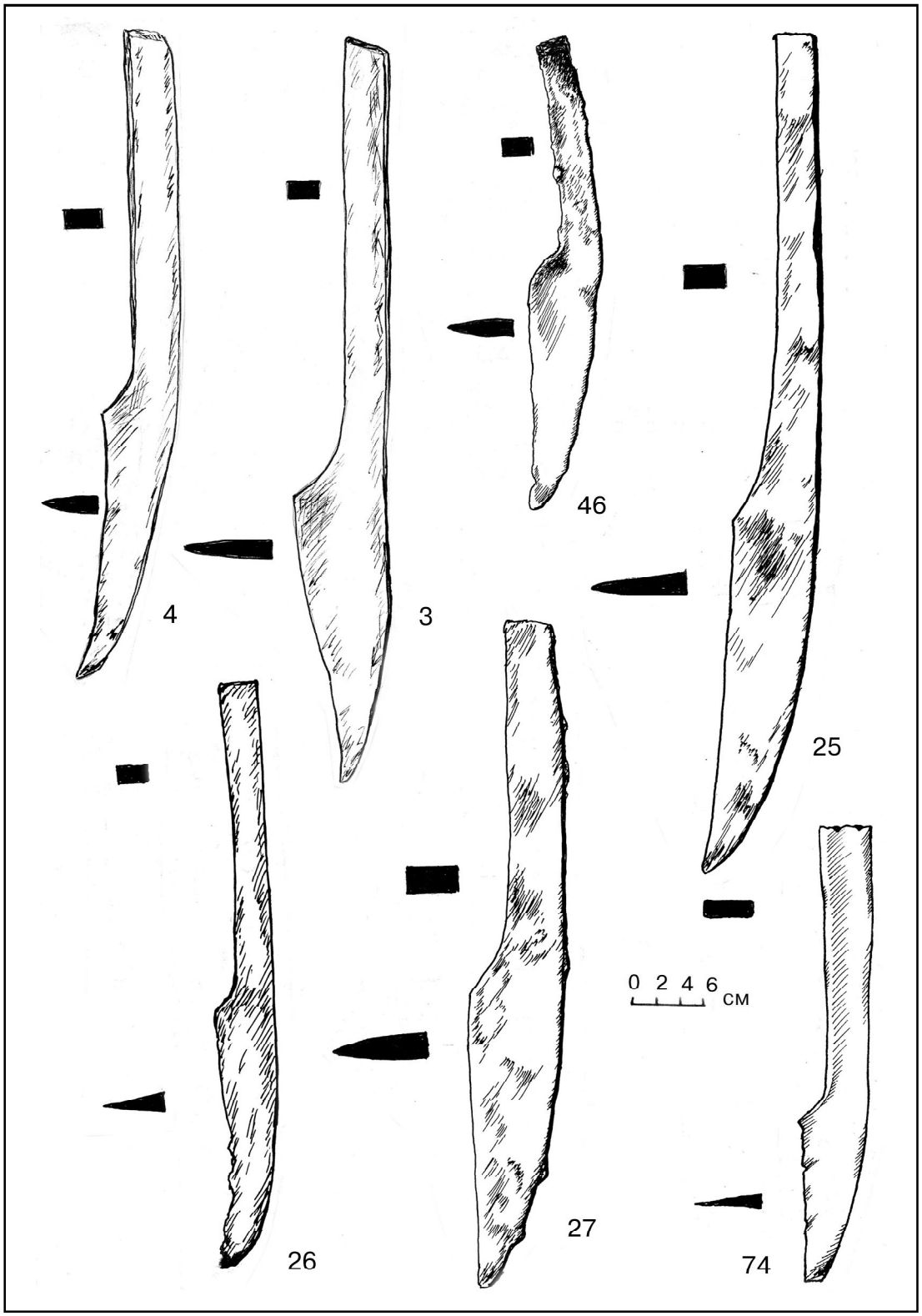


Табл. III. Чересла. 3 и 4 — из кол. нах. I — Средиште I; 25-27 — из кол. нах. III — Окорш; 46 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 74 — из кол. нах. VII — Попрусаново.

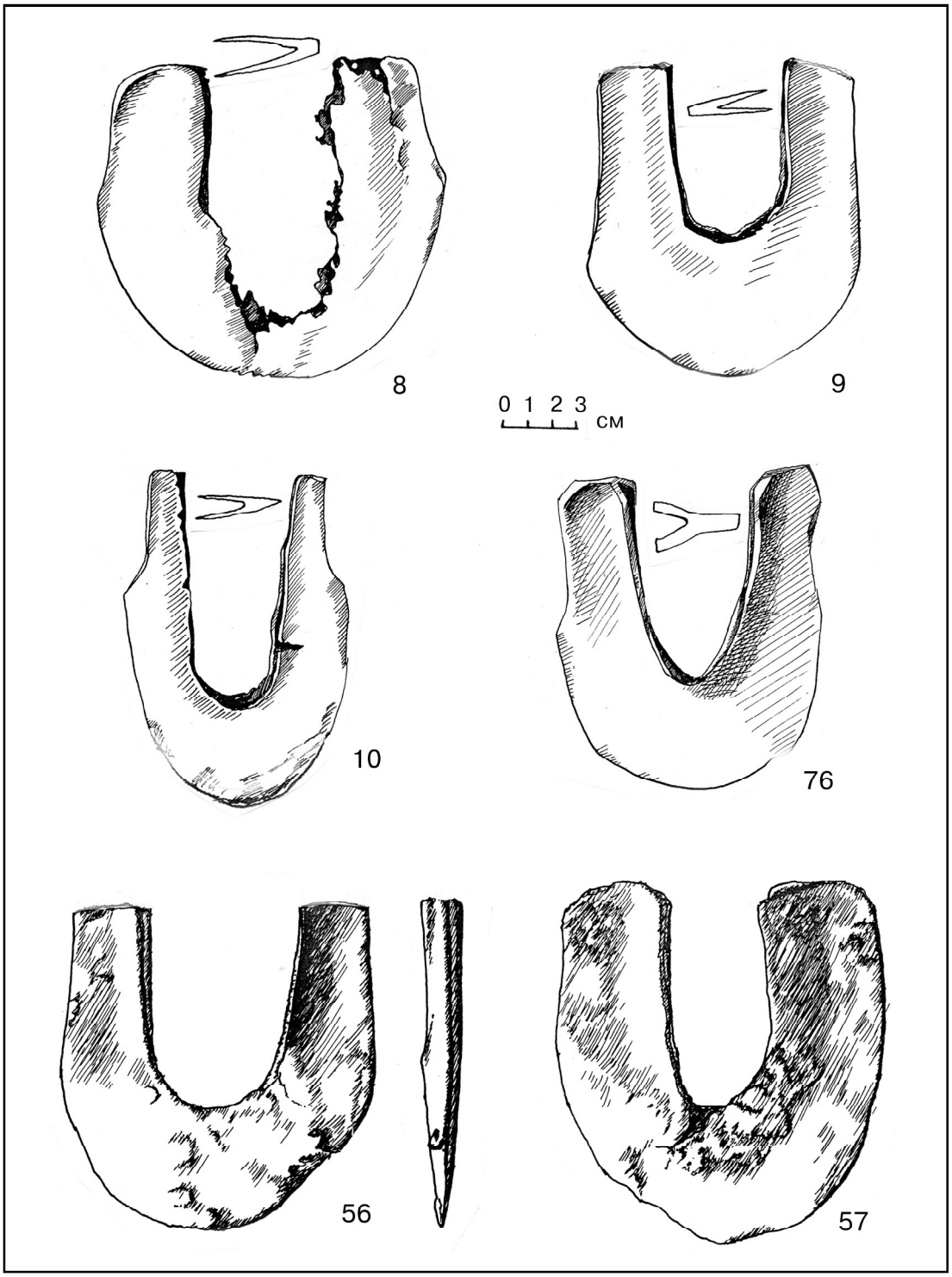


Табл. IV. Оковки для заступов. 8-10 — из кол. нах. II — Средиште-2; 56 и 57 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 76 — из кол. нах. VII — Попрусаново.

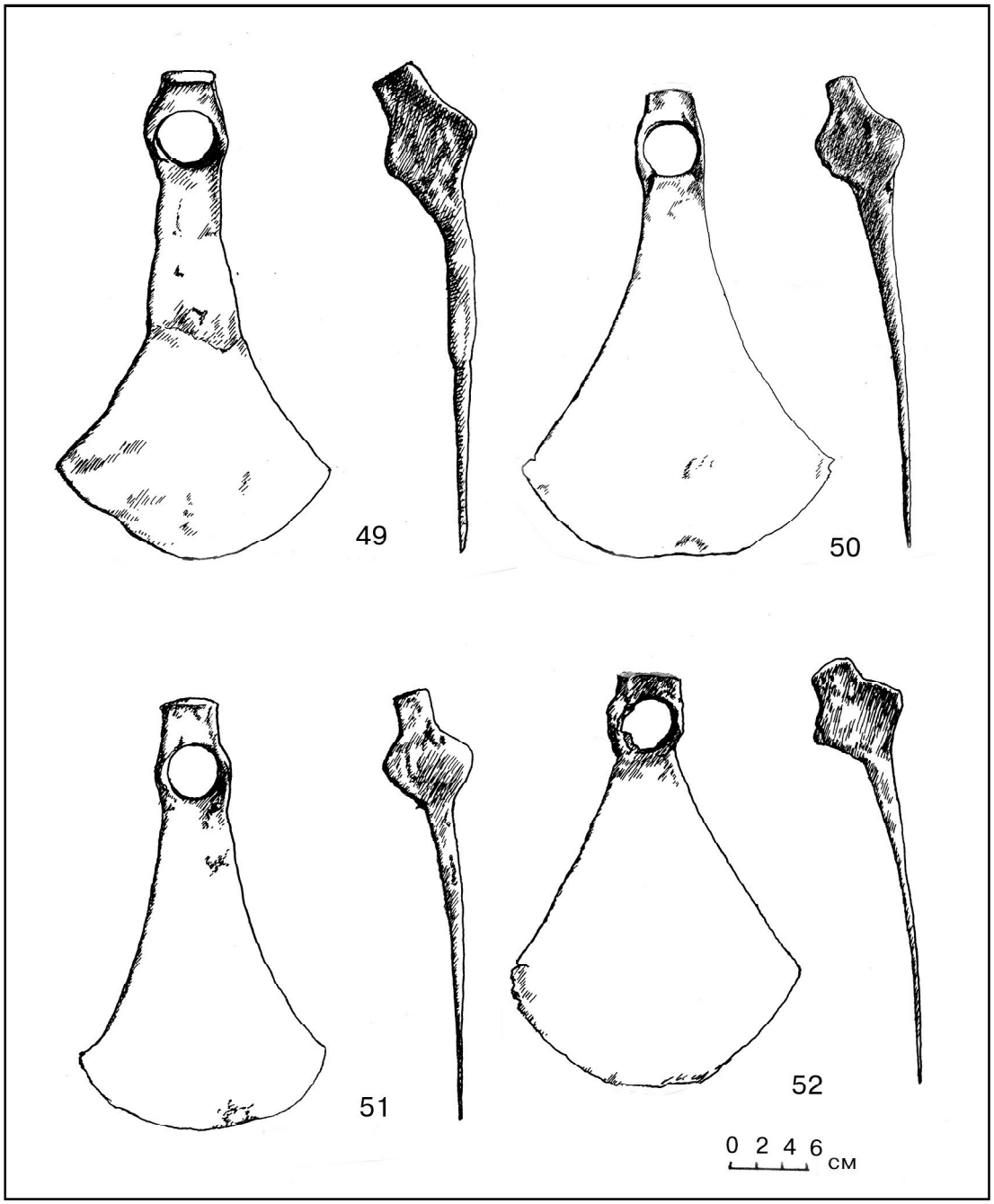


Табл. V. Мотыги. 49-52 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

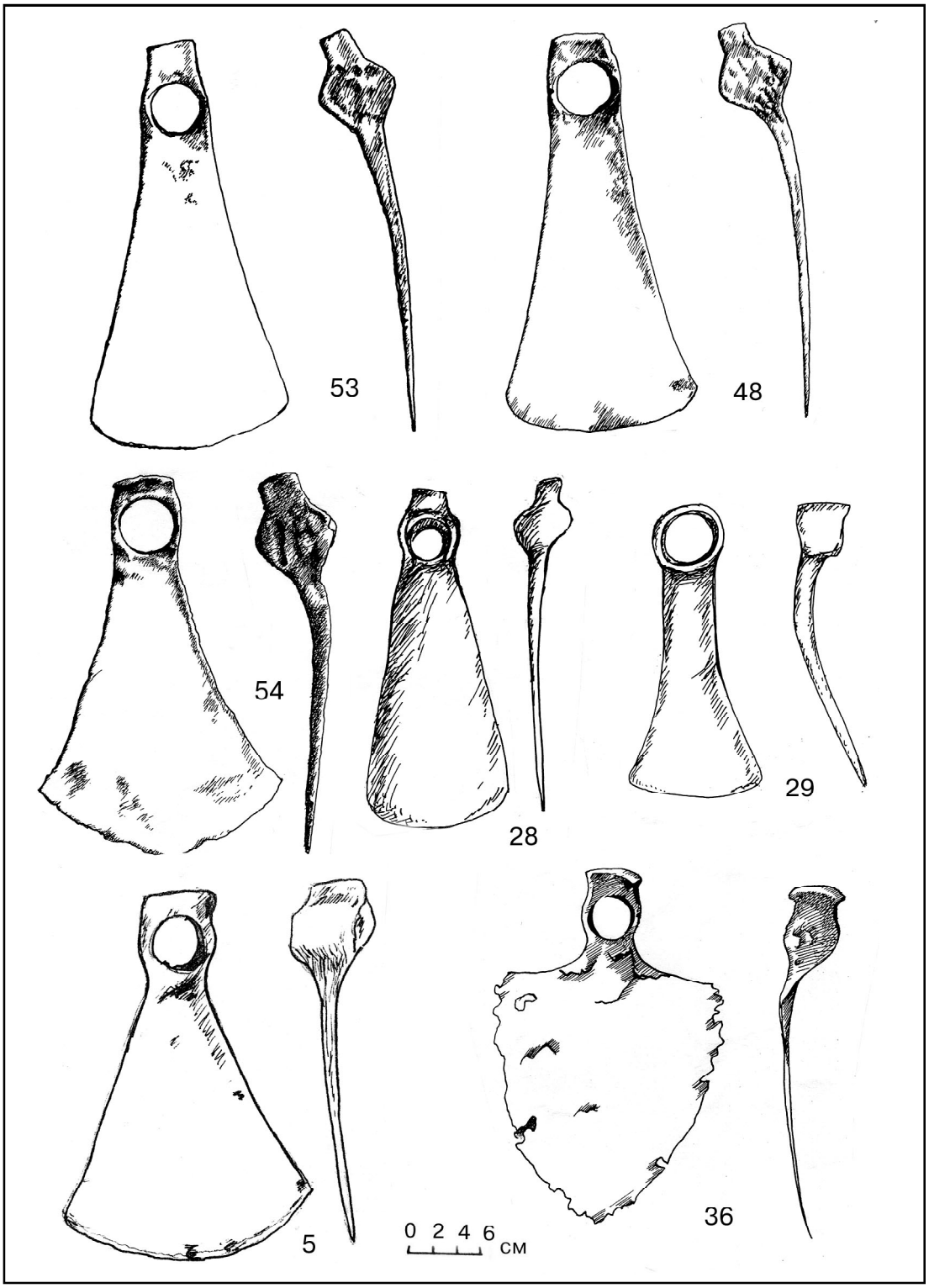


Табл. VI. Мотыги. 5 — из кол. нах. I — Средиште-1; 28 и 29 — из кол. нах. III — Окорш; 36 — из кол. нах. IV — Царь Асен; 48, 53 и 54 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

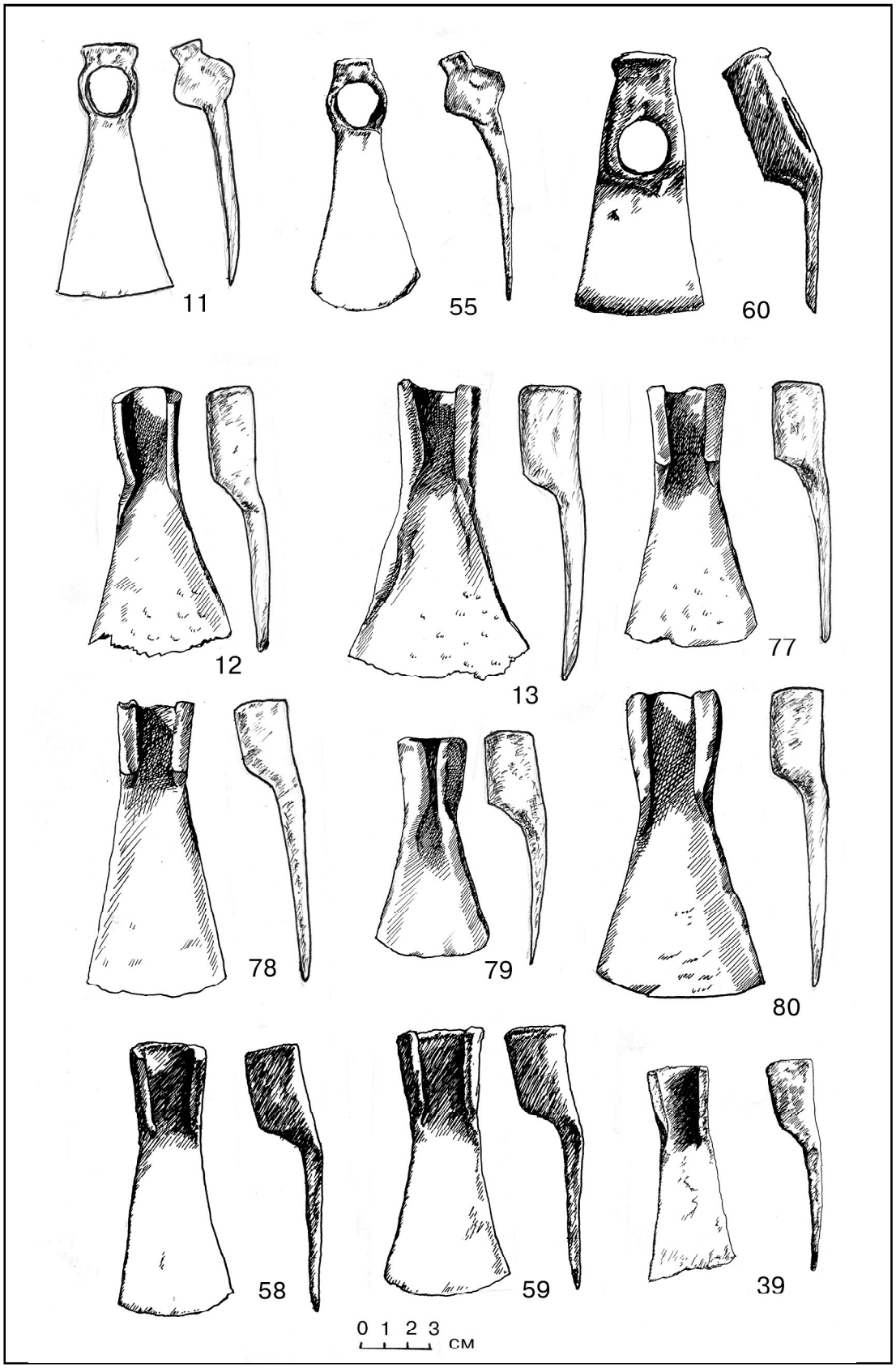


Табл. VII. Малые мотыги. 11-13 — из кол. нах. II — Средиште-2; 39 — из кол. нах. V — Руйно-I; 55, 58, 59 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 77-80 — из кол. нах. VII — Попрусаново; Тесла: 60 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

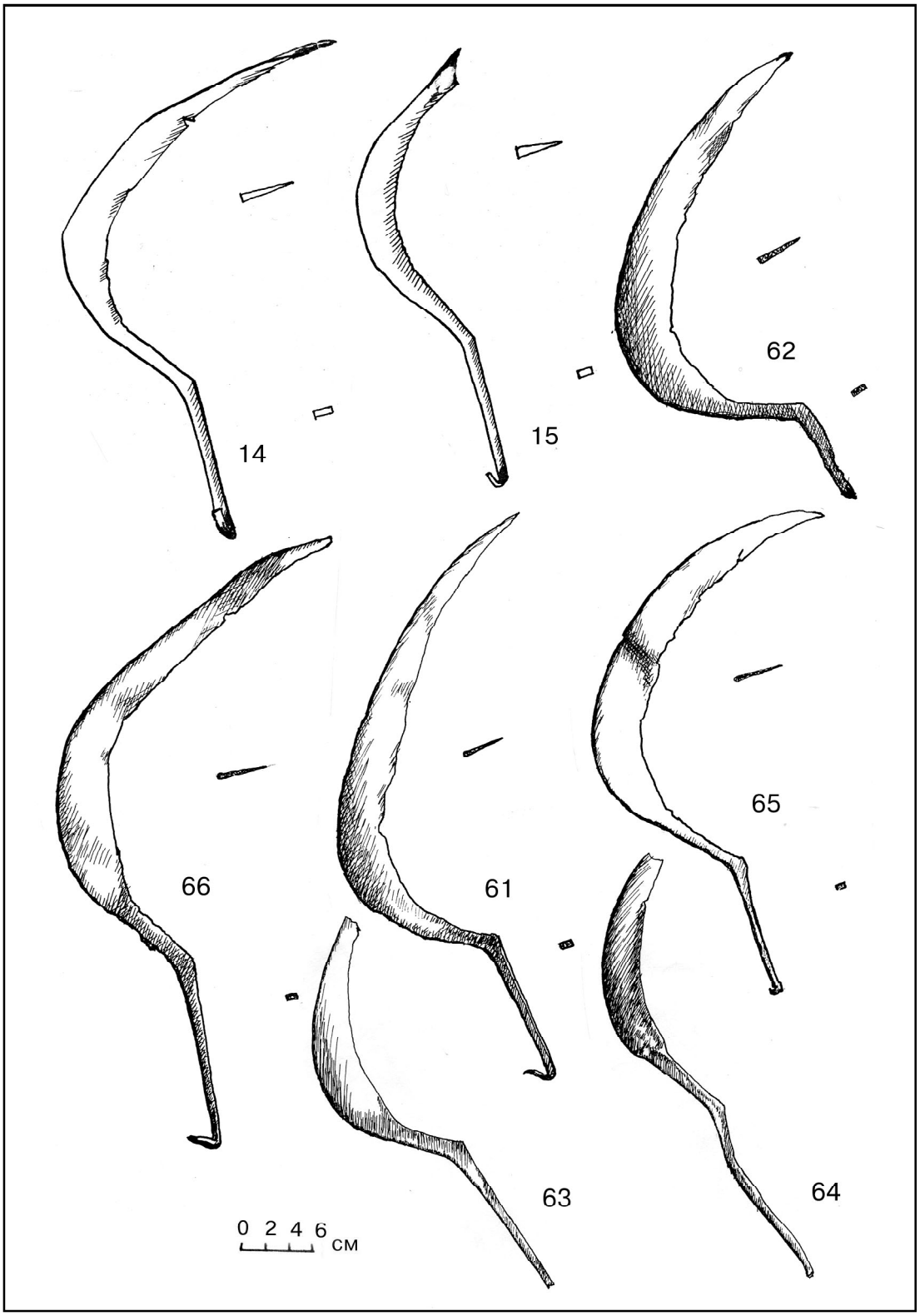


Табл. VIII. Серпы. 14 и 15 — из кол. нах. II — Средиште-2; 61-66 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

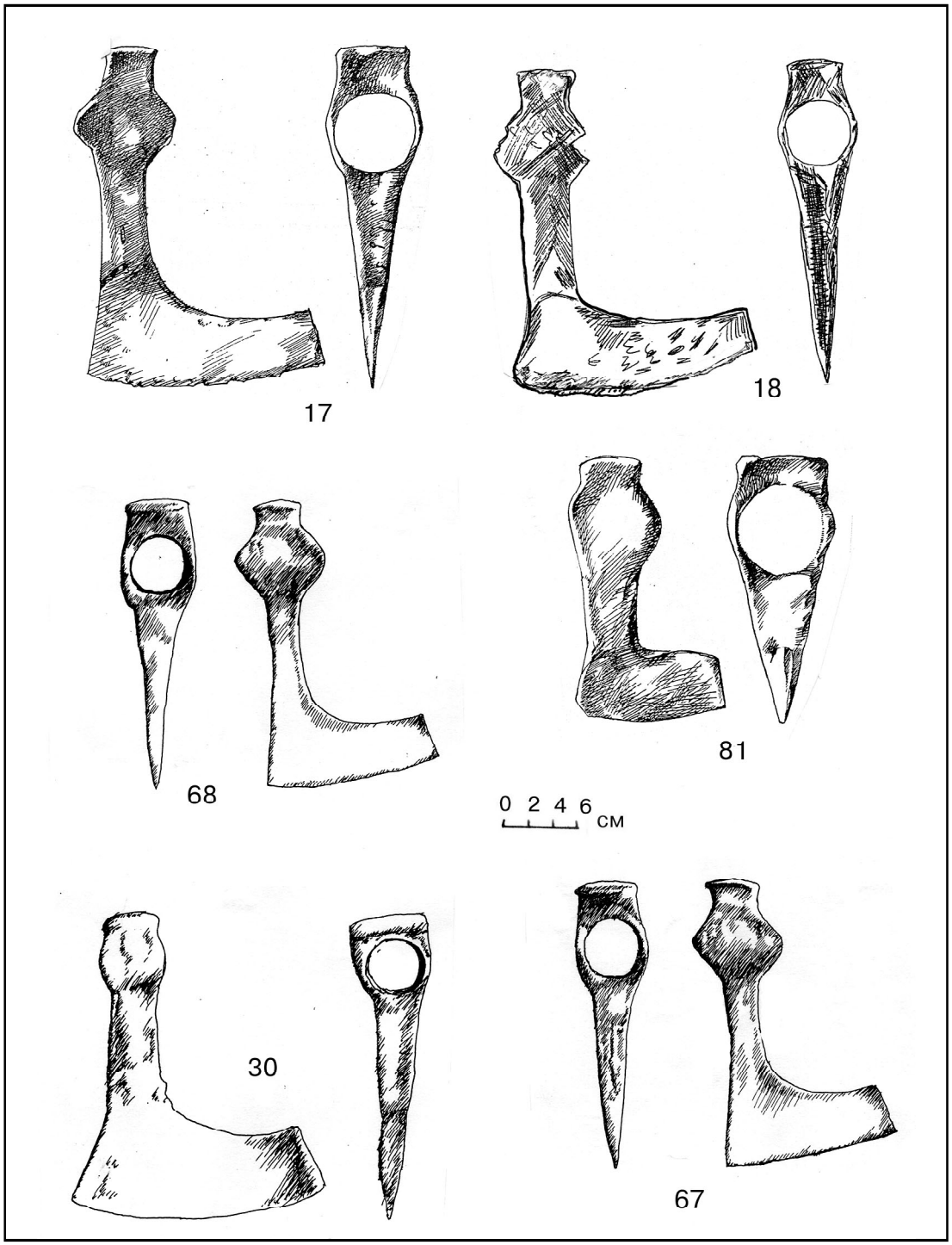


Табл. IX. Топоры. 17 и 18 — из кол. нах. II — Средиште-2; 30 — из кол. нах. III — Окорш; 67 и 68 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 81 — из кол. нах. VII — Попрусаново.

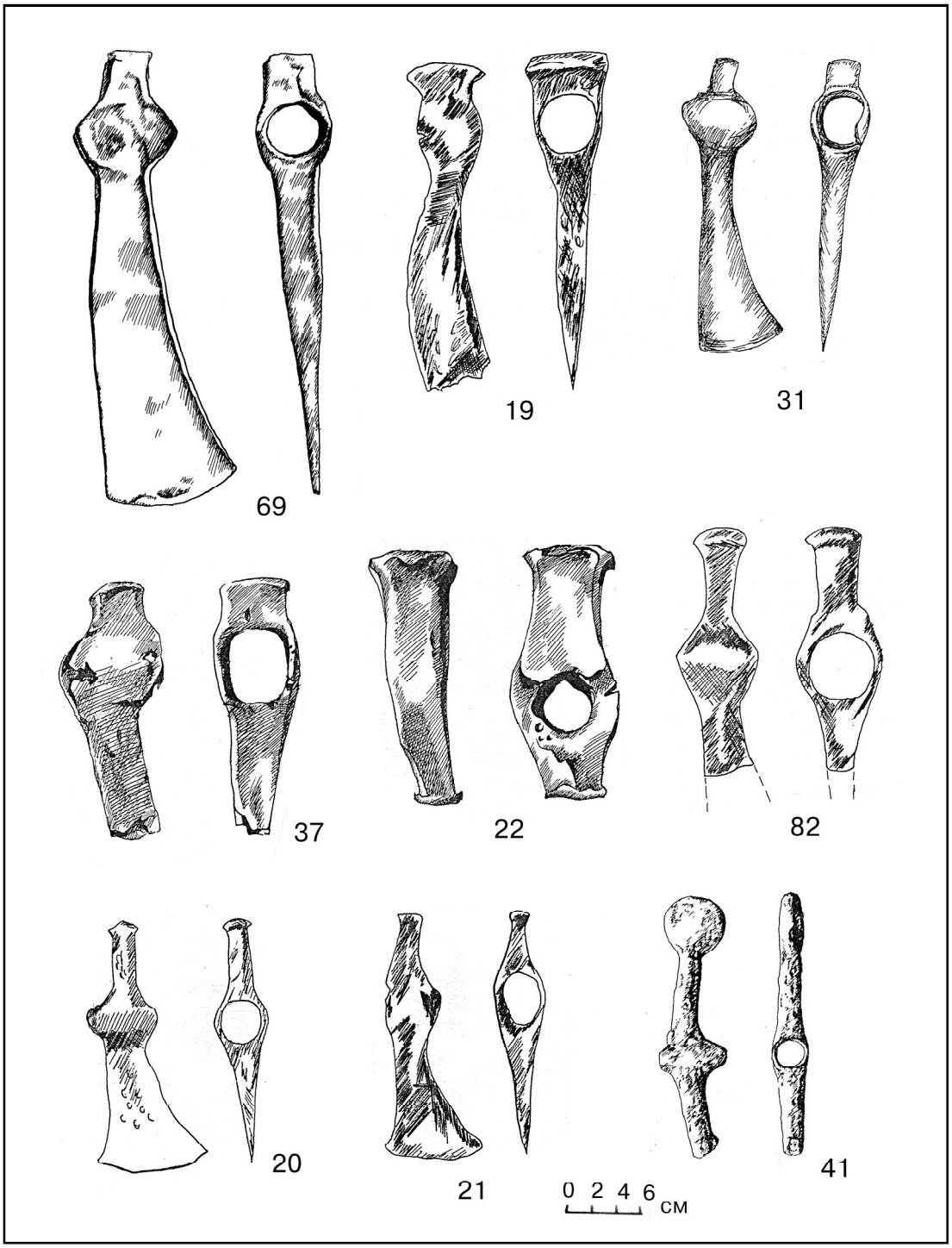


Табл. X. Топоры. 19 — из кол. нах. II — Средиште-2; 37 — из кол. нах. IV — Цар Асен; 69 — из кол. нах. VI — Руйно-2; Боевые топорики. 20 и 21 — из кол. нах. II — Средиште-2; 31 — из кол. нах. III — Окорш; 41 — из кол. нах. V — Руйно-1; 82-из кол. нах. VII — Попрусаново; Молоток. 22 — из кол. нах. II — Средиште-2.

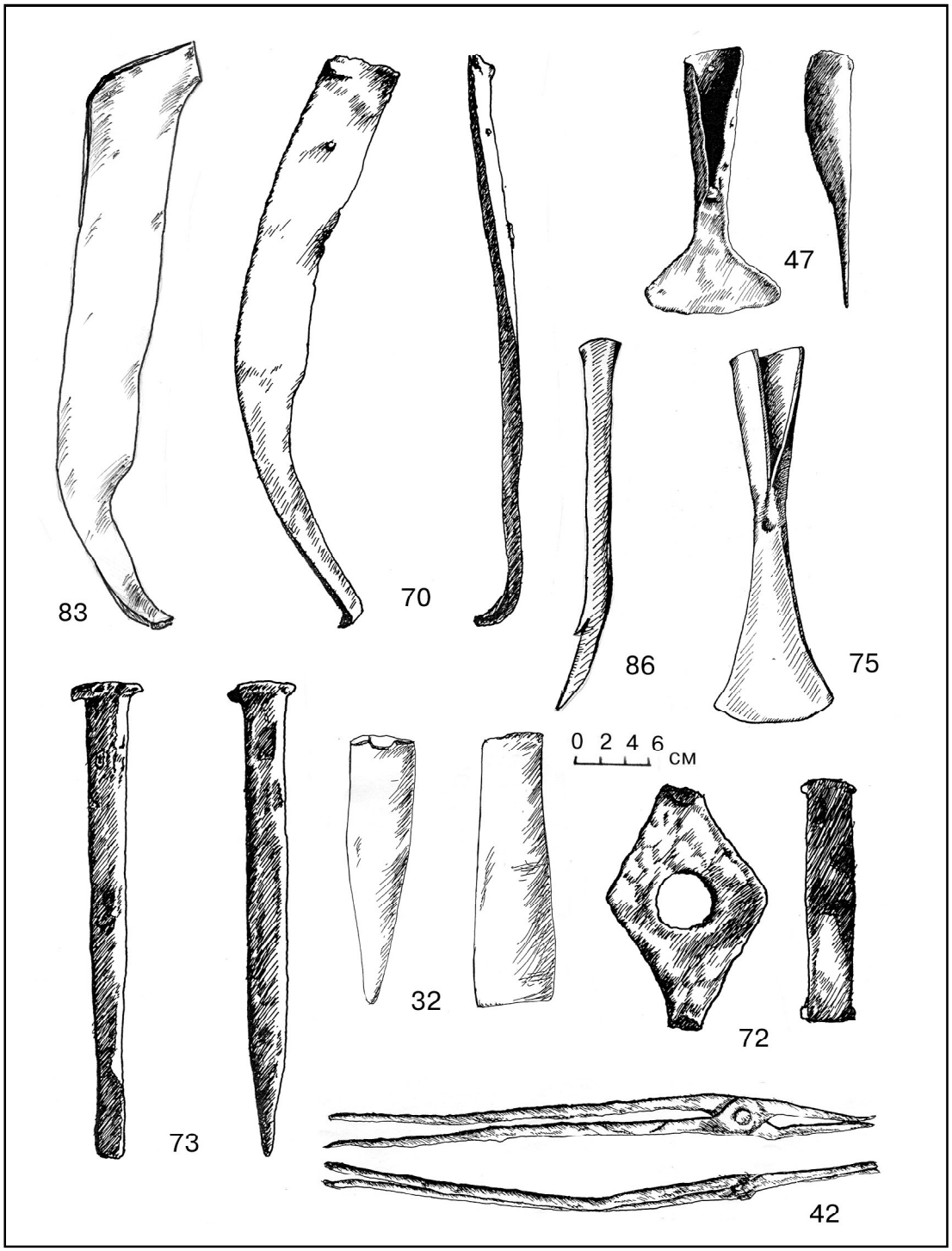


Табл. XI. Плужные соскребы. 47 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 75 — из кол .нах. VII — Попрусаново; Косы. 70 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 83 — из кол. нах. VII — Попрусаново; Долото. 73 — из кол. нах. VI — Руйно-2; 86 — из кол. нах. VII — Попрусаново; Клин. 32 — из кол. нах. III — Окорш; Клещи. 42 — из кол. нах. V — Руйно-1; Молоточек. 72 — из кол. нах. VI — Руйно-2.

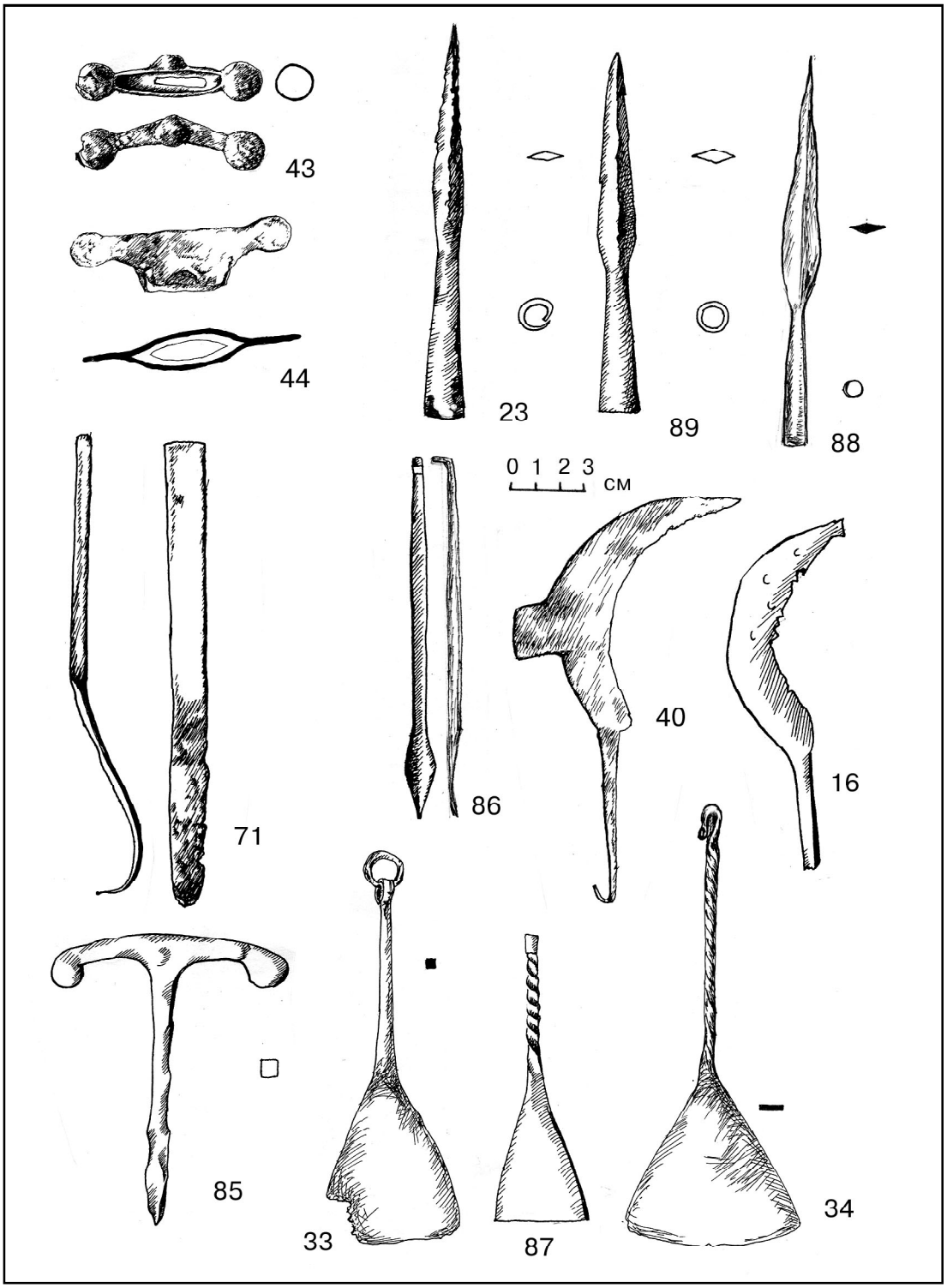


Табл. XII. Острия копий. 23 — из кол. нах. II — Средиште-2; 88 и 89 — из кол. нах. VII — Попрусаново; Перекрестия сабель. 43 и 44 — из кол. нах. V — Руйно-1; Косы. 16 — из кол. нах. II — Срдиште-2; 40 — из кол. нах. V — Руйно-1; Сверла. 85 и 86 — из кол. нах. VII — Попрусаново; Ложкарь. 71 — из кол. нах. VI — Руйно-2; Скребки. 33 и 34 из кол. нах. III — Окорш; 87 — из кол. нах. VII — Попрусаново.

таб. 11/14; Йотов, Атанасов 1998: 83, таб. IXVIII-8; Дончева-Петкова 1999: 56, таб. XIV/16, 17; Iatrus-Krivina 1953: 152, taf. 49/122). Особенно важны находки из поселений Дуранкулак и Нова Черна, верхняя граница обитания которых лежит в последней четверти X в. В то же время, похожий экземпляр из Дядово показывает, что эта устойчивая форма продолжает существовать в течение XI-XII в. (Borisov 1989:81, fig. 73).

4. Оковки для заступов. В коллективных находках Южной Добруджи имеются 6 оковок заступов: три из клада III (Средиште-2, кат. № 8-10), две — IV (Руйно-2, кат. № 56 и 57) и одна — VII (Попрусаново, кат. № 76). Высказанная в прошлом идея, что это наральники, давно отброшена. По классификации Й. Хенинга эти оковки относятся к типу D-1 и датируются VIII-X вв. (Henning 1987: 73-73, taf. 28-29) Находки из Плиски, Преслава и Диногеции — скорее к IX-X вв.(Балабанов 1985: 25, обр. 2/7-11; Чангова 1962: 27, обр. 7; Stefănescu, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 59-60, fig. 36-4) Специально нужно указать на оковки из памятников Одырци и Руйно, открытые в жилищах X в. (Дончева-Петкова 1999: 56, обр. 106). В закрытых комплексах VIII — первой половины IX в. такие оковки до сих пор не найдены.

5. Мотыги. Из 12 мотыг — одна найдена в кладе I (Средиште-1, кат. № 5), две — в III (Окорш, кат. № 28 и 29), одна — из IV (Царь Асен, кат. №36) и восемь — в IV (Руйно-2, кат. № 48-55). Они характеризуются сравнительно стандартной трапециевидной формой и втулкой для закрепления деревянной ручки. Средняя длина около 25 см. По классификации Й. Хенинга это легкие мотыги типа K-10 и 11, датируемого VIII-X вв. (Henning 1987: 81-83, taf. 51). Аналогии из Северо-Восточной Болгарии — Плиска, Преслав, Долгопол, Одырци и Ятрус (Балабанов 1985: 26; Чангова 1962: 27-28; Златарски 1960: 105; Дончева-Петкова 1999: 56-57; Iatrus-Krivina 1953: 149), в целом, датированы IX — началом XI вв. Единственная мотыга без втулки (кат. № 29) из Руйно-2, принадлежит другому типу и явно является более поздней. Действительно самый близкий ей аналог происходит из слоя крепости Скала, датированного началом XI в. (Йотов, Атанасов 1988: 83, таб. LXVIII-7).

6. Малые мотыги. В публикуемых кладах учтено 11 малых мотыг, относящихся к двум основным типам: а) кельтообразным; б) с втулками. Кельтообразные — из коллективных находок II (Средиште-2, кат. № 12 и 13), V (Руйно-1, кат. № 39), VI (Руйно-2, кат. № 58 и 59) и VII (Попрусаново, кат. № 79 и 80) встречаются и на раннесредневековых объектах IX-X вв. Плиска, Преслав, Гарван, Стырмен, Одырци, Руйно, Диногеция, Пэкуюл луй Соаре и пр. (Чангова 1962: 40; Вължарова 1986: 59, обр. 55/1; Михайлов, Джингов, Вълов, Димова 1982:51; Дончева-Петкова 1999: 57, обр. 108; Diaconu, Vilceanu 1972:169, fig. 68; Ştefănescu, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 58) Известны они и в коллективных находках в Долгополе и Гроздево (Златарски 1960: 106; Йотов 1992: 225, табл. 11/5, 6). Следует отметить их распространение в салтово-маяцких центрах в IX-X вв. (Плетнева 1967:146; Плетнева 1981:72, рис. 36) и в Девинской Новой Веси в VIII-IX в. (Bialekova 1981:102). Многочисленные находки в Одырцах Л. Дончева-Петкова попыталась типологизировать, распределив по трем типам (Дончева-Петкова 1999: 57-58). Если воспользоваться ее схемой, ко второму типу, характерному для IX в., нужно отнести малые мотыги кат. № 27 и 79. Остальные, более длинные малые мотыги принадлежат к первому типу, распространенному в конце X — начале XI вв. Возможно, речь идет о традиции, пришедшей в Добруджу с переселением проболгар из салтово-маяцких центров или, что более вероятно, к концу IX в. (Димитров 1987:176, 242-244, 274).

Малые мотыги с втулками почти повторяют по форме большие и, очевидно, являются их модификациями. К этому типу относятся два экземпляра из Средиште-2 (кат. № 11) и Руйно-2 (кат. № 55).

7. Топоры. В коллективных находках из Южной Добруджи встречаются три типа топоров: а) Г-образные топоры с широкой рабочей частью; б) удлиненные трапециевидные топоры с узкой рабочей частью; в) боевые топоры. Здесь более подробно нужно сказать о первых двух.

а) Г-образные топоры — 6 штук: два из коллективной находки II (Средиште-2, кат. № 17 и 18), один — III (Окорш, кат. № 30), два — IV (Руйно-2, кат. № 67 и 68) и один — VII (Попрусаново, кат. № 81). Их аналоги из Плиски, Хумы, Одырцев и Пэкуюл луй Соаре датируются IX-X вв. (Станчев 1960:35; Рашев, Станилов 1987: 71; Дончева-Петкова 1999: 111-112, обр. 138/65; Diaconu, Vilceanu 1972: 168, fig. 67) и относятся к типу VIII по классификации Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова 1999: 112). Не могу, однако, согласиться с тем, чтобы считать их боевыми. Рассуждения С. Станилова и В. Йотова о том, что на основе технических параметров нужно причислить эти экземпляры к топорам для рубки деревьев, кажутся мне более основательными (Рашев, Станилов 1987: 71, Йотов: в печати).

б) Трапециевидные топоры имеются в коллективных находках II (Средиште-2, кат. № 19), IV (Царь Асен, кат. № 37) и VI (Руйно-2, кат. № 69). По классификации Л.Дончевой-Петковой они относятся к типу III и датируются IX-X вв. (Дончева-Петкова 1999: 112) Аналогии им известны на памятниках Скала, Нова Черна, Стырмен, Одырци и Якимово. Они подтверждают эту хронологию и свидетельствуют о восприятии и развитии позднеантичной формы в раннем средневековье (Йотов, Атанасов 1998: 83, табл. XCVI/298; Милчев, Ангелова 1970: 197, таб. XXXVIII; Дончева-Петкова 1999: 112, обр. 138/748; Милчев 1964:25; Михайлов, Джингов, Вълов, Димова 1982: 55, обр. 56/11).

Б-2. Орудия для уборки урожая

1. Серпы. Восемь серпов происходят из коллективных находок II (Средиште-2, кат. № 14 и 15) и VI (Руйно-2, кат. № 61-66). По классификации Й. Хенинга они относятся к типам H-2 и H-4, характерным для раннего средневековья (Henning 1987: 90-91, taf. 40-41). Многочисленные параллели известны из раннесредневековых центров IX-X вв. — Плиска, Гарван, Скала, Одырци, Ятрус и пр. (Балабанов 1985: 26-27, обр. 4/1-7; Чангова 1962: 30; Възарова 1986: 56, обр. 52/1; Йотов, Атанасов 1998: 83, таб. LXVIII/6; Дончева-Петкова 1999: 60; Iatrus-Krivina 1953: 224, taf. 75)

2. Косы. Их только две, при этом они представлены фрагментами, косы происходят из коллективных находок VI (Руйно-2, кат. № 70) и VII (Пропусаново, кат. № 83) — типы I-5 по Й. Хенингу (Henning 1987: 92-93, taf. 45). Косы принадлежат к редко находимым сельскохозяйственным орудиям, но параллели, известные в Плиске, Дуранкулаке и Долгополе, фиксируют их употребление в IX-X вв. (Балабанов 1985: 28; Тодорова таб. 1/7; Златарски 1960: 107).

3. Виноградные ножи. Их два и происходят из коллективных находок II (Средиште-2, кат. № 16) и V (Руйно-1, кат. № 40). Первый без выступа на тыльной части расширения и считается, что имеет более универсальный характер, но в основном служит для уборки винограда — срезания гроздей, Й.Хенинг относит такие экземпляры к типу G-5 (Henning 1987: 95-96, taf. 38). Аналогии им известны из памятников Скала, Плиски, Дуранкулак, Одырци и Диногеция и датируются IX-X в. (Балабанов 1985: 28; Йотов, Атанасов 1998: 83, таб. LXVIII/1-5; Тодорова 183; Дончева-Петкова 1999: 58; Ştefănescu, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 59, fig. 36).

Виноградные ножи с выступом на тыльной части связаны с позднеантичной традицией, которая, судя по находкам из Плиски, Преслава и Златар, сохраняется в период раннего средневековья (Балабанов 1985: 28, обр. 4/10; Гатев 1985:196, обр. 13/1; Тотев 1966: 34). По Й. Хенингу экземпляр из Руйно-1 принадлежит типу G-4 (Henning 1987: 96, taf. 37).

Б-3. Инструменты и бытовые предметы

1. Молоток. Найден в коллективной находке II (Средиште-2, кат. № 22). Создается впечатление, что находился в долгом употреблении. Аналоги из Преслава и Ятруса датируются IX-X в. (Чангова 1962: 32, обр. 12/2; Iatrus-Krivina 1953: 225, taf. 77/60).

2. Молоточек. Из находки V (Руйно-2, кат. № 72). Судя по размерам, предположительно использовался в ювелирной мастерской. Похожий молоточек найден в Одырци (Дончева-Петкова 1999: 143, таб. XVIII/64).

3. Клещи происходят из клада V (Руйно-1, кат. № 42). Размеры также позволяют предположить, что они применялись в ювелирном деле. Известные аналогии IX-XI вв. происходят из Перника, Гарван и Пэкуюл луй Соаре (Чангова 1992:29, обр. 18/3; Възарова 1986: 58, обр. 54/1; Diaconu, Vilceanu 1972: 167, fig. 66/2).

4. Ложкарь входил в находку VI (Руйно-2, кат. № 71). Аналогии IX-X в. отмечены на памятниках Плиска, Дуранкулак, Перник и Одырци (Тодорова 186, таб. III/16, 17; Чангова 1962: 42, обр. 29; Дончева-Петкова 1999: 64).

5. Тесло из коллективной находки VI (Руйно-2, кат. № 60). На первый взгляд оно похоже на малую мотыгу, но большой наклон между ручкой и острием, как и массивная тыльная часть, оформленная в виде молотка, наводят на мысль, что речь идет о плотницком тесле. Сходное открыто в раннесредневековой крепости близ с. Одырци (Дончева-Петкова 1999: 62, таб. XVIII-68).

6. Сверла. Их два из находки VII (Попрусаново, кат. № 84 и 85). Как на близкие параллели можно указать на сверла X-XI вв. — Перник, Дуранкулак, Одырци, Дядово и Пэкуюл луй Соаре (Чангова 1962: 42, обр. 29/3-5; Тодорова 185; Дончева-Петкова 1999: 63; Diaconu, Vilceanu 1972: 160, fig. 68/1; Borisov 1989: 95).

7. Клин. Происходит из коллективной находки III (Окорш, кат. № 32) и, наверное, использовался для раскалывания стволов деревьев.

8. Долота. Два экземпляра происходят из коллективных находок VI (Руйно-2, кат. № 73) и VII (Попрусаново, кат. № 86). Они находят многочисленные параллели среди вещей IX-XI вв. — Хума, Одырци, Дуранкулак, Ятрус и Пэкуюл луй Соаре (Рашев, Станилов 1987: 71, таб. XIVIII-18, 19; Дончева-Петкова 1999: 63, обр. 112; Тодорова 185, таб. III/7-15; Iatrus-Krivina 1953: 153, taf. 51/132-136; Diaconu, Vilceanu 1972: 167, fig. 66/3).

9. Скребки. Три экземпляра отмечены в кладах II (Средиште-2, кат. № 33 и 34) и VII (Попрусаново, кат. № 87). Они использовались при чистке деревянных корыт для замешивания хлеба. Прямые аналогии им датируются X-XI вв. — Преслав, Виница, Дядово (Гатев 1985: 169, обр. 13/4; Алжанов 1985:170, таб. IV/9; Антонова 1967:2, таб. III/8, 9; Borisov 1989: 103, fig. 115).

Б-4. Оружие

В кладах сельскохозяйственных орудий обычно редки оружие и снаряжение. Однако речь не идет об отдельных прецедентах, поскольку в семи комплектах находок из Южной Добруджи в четырех есть боевые топорики, копья и перекрестия сабель.

1. Копья. Три экземпляра из коллективных находок II (Средиште-2, кат. № 23) и VII (Попрусаново, № 88 и 89). По форме, размерам имеют аналогии на памятниках Нова Черна, Плиска и Одырци (тип III по Л.Дончевой-Петковой) (Милчев, Ангелова 1970: 202, таб. XI/1-3; Дончева-Петкова 1985:114, обр. 42; Дончева-Петкова 1999: 111, обр. 137) и датируются IX-X в.

2. Перекрестия от сабель. Их два из коллективной находки V (Руйно-1, кат. № 43, 44). Одно (кат. № 43) относится к типу III по В. Йотову и очень напоминает перекрестия из Одырци и Дебрене, точно датированные концом IX в. (Йотов 1992:141-142, таб. I; Дончева-Петкова 1999: 110-111, таб. LVI-742). Второй экземпляр (тип I по В. Йотову) сходен с таковым у сабли из Разграда, датированной X в. (Yotov 1991:228, fig. 2).

3. Боевые топоры. Некоторые из трапециевидных топоров, как № 19 и 69, больших размеров, видимо, использовались для обработки и рубки деревьев и при необходимости в качестве оружия. Тем не менее, в коллективных находках есть топоры маленьких размеров, которые, несомненно, использовались только как оружие. Речь идет о топорах кат. № 20 и «1 из коллективных находок II (Средиште-2), кат. № 31, III (Окорш), кат. № 41 V (Руйно-1) и кат. № 82 VII (Попрусаново). По классификации В. Йотова топорики из Средиште (кат. № 20 и 21) относятся к легким топорам типа 2, вариант А, характерным и для X в. (Йотов: в печати). По-видимому, к этому типу принадлежит и топор кат. № 82 из Попрусаново, но он немного больше, а его лезвие обломано. Необходимо вспомнить близкие аналогии из салтово-маяцких центров VIII-IX в. (Плетнева 1981: рис. 36, 52)

Топорик из клада Окрош с кат. № 31 имеет параллель из Одырци Красен (Дончева-Петкова 1999: 111-112, обр. 138/747; Dimova 1987:386, abb. 5) и по классификации В. Йотова относится к типу 1, характерному для IX в. (Йотов: в печати)

Очень необычна форма топора из Руйно кат. № 41. Его тыльная часть сильно увеличена и закруглена, а острие почти полностью отсутствует, поэтому типологическое определение затруднено. И все же он близок типу 2-Б по классификации В. Йотова (Йотов: в печати).

В. Выводы и заключения

Количество и качество орудий из коллективных находок раннесредневековых крепостей в Южной Добрудже свидетельствуют о высоком уровне земледелия на северо-восточных территориях Первого Болгарского Царства.

1. Датировка. Сам факт, что находки происходят из крепости с terminus post quem обитания конец IX — начало X вв. и с terminus ante quem обитания — 1036 г. нашествие печенегов, уже дает общие хронологические границы изготовления, употребления и укрытия орудий и сопутствующих им инструментов, бытовых предметов и оружия. Впрочем, аналогии отдельным предметам из других хорошо датированных археологических объектов, также, в основном вмещаются в период с конца IX по начало XI в. По-видимому, самыми ранними являются боевые топорики кат. № 20, 21 и 31 и малые мотыги кат. № 79 и 80, обычно датируемые IX в., а самыми поздними — скребки кат. № 33, 34 и 87, которые как традиция появляются в X в., но бытуют и в XI в. Тем не менее, настоящий terminus ante quem отмечает малая мотыга без втулки кат. № 29 из Окорша — форма, появившаяся около начала XI в. Это напрямую связано с вопросом, о сокрытии орудий. Здесь явно идет речь об одном массовом явлении в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии, так как кроме представленных тут 7 коллективных находок, подобные найдены на памятниках Долгопол, Златар, Гроздево, Провадия, Плиска и Преслав. В общем, вопреки разнообразию во всех опубликованных до сих пор 13 коллективных находках из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи, имеются орудия и другие предметы, характерные только для раннего средневековья. На мой взгляд, можно назвать два события, которые могли заставить земледельцев этой зоны прибегнуть к крайней мере — укрытию сельскохозяйственного инвентаря. Это болгаро-русско-византийская война 968-971 гг. или большое нашествие печенегов 1036 г. Действительно, при исследованиях в крепостях Скала, Царь Асен, Руйно и Окорш обнаружены следы сильных пожаров и разрушений, связанных с походами русско-варяжского князя Святослава и военными действиями 968-971 гг. Однако есть и неопровержимые доказательства того, что потом население возвратилось и продолжало жить в укреплениях, где обнаружены коллективные находки (Йотов, Атанасов 1998 136; Димова 1993: 70; Атанасов 1999: 111). В этом смысле было бы логично полагать, что вернувшиеся болгарское население выроет или случайно найдет спрятанные во время войны орудия. Не стоит забывать, что клады из Окорш и Руйно найдены в обитаемых в начале XI в. частях крепостей в непосредственной бли-

зости к фортификационным сооружениям. Поэтому кажется более вероятным, что коллективные находки были закопаны во время нашествия печенегов в 1036 г., когда укрепления были взяты, сожжены и разрушены, а жители покинули их навсегда. На практике возможность того, чтобы обитатели крепостей вернулись (как после 971 г.) и нашли сокровища с орудиями, не существует.

2. О составе коллективных находок. Создается впечатление о двух типах коллективных находок — малые, состоящие из одного комплекта орудий (I — Средиште-1 и IV — Царь Асен) и большие — из нескольких комплектов орудий и инструментов, а также оружия и бытовых предметов (II, III, VI и VII). Трудно представить философию такого одномасштабного тезаврирования. Наличие ремесленных инструментов в некоторых больших находках (молоток из Средиште-2, клещи из Руйно-1, молоточек и долото из Руйно-2) могут означать, что речь идет о продукции железоделательной мастерской. Клещи и молоток, скорее всего, использовались мастерами по меди. С другой стороны, крицы и шлаки возле крепостных стен в Средиште и Окорше, несомненно, свидетельствуют о том, что в некоторых крепостях выковывались орудия и оружие. И все же клады — не продукция мастеров, потому что отсутствуют кузнечные инструменты, а следы износа очевидны. Наконец, трудно допустить, что одна семья (размеры землянок показывают, что в жилищах обитало не больше 5-7 человек) могла располагать 20-30 орудиями: 5-6 мотыгами, 6 серпами, 5 топорами, 3 оковками для лопат или 4 малыми мотыгами, как в находках из Средиште-2, Попрусаново и особенно Руйно-2. Поэтому для меня более вероятно, что малые находки из Средиште-1 (детали одного рала, одного плуга и мотыги) и Царь Асен (рало, мотыга и топор), спрятаны одним хозяином, а большие находки из Средиште-2, Руйно-2 и Попрусаново — собственность нескольких семей, или целого рода, живущего в нескольких соседних жилищах. При осаде крепостей ценные для земледельцев орудия, инструменты, оружие и бытовые предметы, видимо, были собраны старейшиной и спрятаны в ожидании того, что опасность минует. Однако, случилось по-другому — крепости были взяты, обитатели перебиты, пленены или разбежались и никогда больше не появились в этом районе (Атанасов 1991:75-79).

3. О происхождении орудий и предметов в находках. Археологические исследования на городищах Плиска, Стырмен, Диногеция, Окорш, Руйно и Средиште дают основание думать, что в больших крепостях Добруджи и Северо-Восточной Болгарии, откуда происходит множество орудий и коллективных находок, находились железоделательные мастерские для их изготовления (Балабанов 1985:34-37; Михайлов, Джингов, Вълов, Димова 1982: 53-58; Атанасов 1986: 31-32). Уже говорилось о том, что именно в Южной Добрудже железные крицы и большое количество шлака найдены на памятниках Окорш, Руйно и Средиште. Большие крицы из Окорша (приблизительно 20/20/15 см) дают возможность предположить, что местные кузницы закупали железо большими слитками из мест нахождения железной руды (Стара Планина и Карпаты) и обрабатывали их на месте. Действительно, около северной крепостной стены Окорша, помимо криц, найдено много шлака, но саму мастерскую обнаружить не удалось. Логично думать, что кроме орудий кузнецы делали и оружие, бытовые предметы, столярные инструменты и пр. Некоторые из орудий (так называемые кельтообразные малые мотыги и особенно боевые топоры из Средиште-2) «намекают» на традиции, связанные, в основном, с салтово-маяцкими центрами в Южной России, в которых жили преимущественно праболгары. Поэтому естественно было бы поставить вопрос, не являлись ли некоторые типы оружия добычей, не покупались ли (топорики кат. № 20 и 21 определенно различаются по технологии литья и ковки орудий) или не были ли принесены как традиция при миграции поздних волн староболгарского населения с севера в IX — начале X вв. (Димитров 1987: 244, 274).

4. Коллективные находки и уровень аграрной культуры в Добрудже. Из представленных памятников видно, что в X в. Добруджа находилась на достаточно высоком для данной эпохи уровне аграрного развития. В Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе IX — начале XI вв. мне не известны сельскохозяйственные орудия такого качества и в таком количестве, как на сравнительно ограниченной территории между Дунаем — Стара Планина, Черным морем и р. Лом (рис. 1). Это видно из монографии Й. Хенинга и Ю. Краснова (Henning 1987: 40; Краснов 1987: 25). Если судить по картине хозяйственной и экономической жизни в Западной Европе VIII-X вв., которую раскрывает в своей монографии Ж.Дюби: «Технический прогресс на Западе X-XI вв. связывается с производством оружия. Для плугов железа нет!» (Дюби 1994:20), то достижения Болгарии (Добруджи) выглядят действительно феноменальными!

Основой этого хозяйственного процветания (его можно уловить в экономических, культурных, военных и духовных достижениях Болгарского царства X в.) может быть введение так называемого плужного рала (Атанасов 1986: 28-34) . Симметричные лемехи или лемехи с небольшой асимметричностью до 1 см (кат. № 1, 7, 24) указывают на пользование одного усовершенствованного симметричного и асимметричного рала с череслом (Вакарелски 1929:60; Етнография на България 1974:115-117). Небольшая асимметричность лемеха у этих рал могла возникнуть из-за износа левого выступа,

так как при вспашке поля обходят слева направо (Атанасов 1986: 30).

При изнашивании левого выступа лемеха (около или больше, чем на 1 см) глубина борозд увеличивается, вследствие чего семена попадают на бóльшую глубину. При проведении второй борозды асимметричным лемехом происходит переворачивание пласта земли. Плевелы оказываются снизу и без доступа воздуха сгнивают, превращаясь в удобрение. При этом на дне борозды вместе с семенами оказывается верхний гумусный слой, наиболее богатый солями и естественными удобрениями. Урожаи повышаются вследствие лучшей мелиоратации и более глубоких борозд (при использовании симметричного лемеха борозды получаются мельче) и повышенной рыхлости почвы.

Как результат этих замеченных на практике качеств асимметричного лемеха (первоначально случайно полученных при срабатывании с ралом) на определенном этапе стали сознательно ковать лемехи с более широким правым выступом. Следовательно, можно принять точку зрения Ю. Краснова о случайно полученной асимметричности. Так было в начале (Краснов 1979: 56). В последствии это станет закономерностью, но определение точной границы между случайностью и преднамеренностью при изготовлении асимметричных лемехов относительно и трудно. Процесс продолжался несколько столетий — VIII-X вв. При этом, произошел переход от меньшей (случайной) к большей (преднамеренной) асимметрии и соответственно — от рала к плужному ралу. Настоящий плуг должен был бы родиться (по Краснову, на границе X-XI в.), когда к так называемому «плужному ралу» с чересломи и асимметричным лемехом была поставлена дополнительно отвальная доска, которая позволяла произвести переворачивание вспаханной почвы (Маринов 1963:115). К сожалению, о том, когда введена отвальная доска, можно только гадать, так как по объяснимым причинам деревянные конструкции, созданные 10 столетий назад, не сохранились. И все же столько раз повторяющаяся левая асимметричность с более узким и широким правым выступом лемеха (особенно, когда разница больше, чем 1 см) не случайна. Показательны в этом отношении лемехи кат. № 2 (Средиште-1), 6 (Средиште-2), 35 (Царь Асен), на которые после «левого» изнашивания дополнительно приварили V-образную полосу с ясно подчеркнутой левой симметричностью. Это заметно и по такого рода лемехам из Силистры, Нова Черна и Дончево (Атанасов 1986: 31, обр. 4).

Уже подымался вопрос о том, что до появления плуга (или, по крайней мере, называемого плужного рала) классическим ралом распахивали только самый верхний слой почвы. Это приводило к падению плодородия и к постепенному снижению урожаев. В мировой истории известны случаи (наиболее яркий пример — индейские цивилизации в Центральной Америке периода Средневековья), когда истощенные почвы становились причиной миграции населения целых регионов. Это, конечно, не относится к долинам больших рек (Нил, Тигр, Хуанхэ, Меконг, Инд, Ганг и др.), где эту проблему разрешали сезонные разливы или гидромелиоративные сооружения. Однако таких условий в средневековой Добрудже (особенно в ее внутренней части) не было. И все же здесь наблюдается «глубокий мир» и настоящий демографический бум между 896 и 968 гг. Археологические исследования зарегистрировали в Северной Добрудже свыше 100 поселений IX-X вв., а в Южной Добрудже их число превышает 250 (Barnea, Ştefănescu 1971, harta I, II; Custurea 1991:279-393, harta 1; Материали... 1995:158, карта 1). Это означает, что приблизительно на 20 000 км^2 жили около 100 000 обитателей (в среднем селища и крепости имели приблизительно 40 землянок, а в одной землянке на площади 10 м^2 жила семья из 6 человек) — т.е. около 50 жителей на 1 км^2 . Стоит отметить, что густота населения в регионе Плиска-Преслав еще больше! (Материали... 1995: 158). Очевидно, для прокорма такой большой по раннесредневековым стандартам массы населения (Дюби 1994: 8) необходимо значительно количество земледельской продукции. Вот почему, кроме характерных для эпохи интенсивных методов необходимы были и экстенсивные для повышения урожая. Таким методом, возможно, оказалось «плужное рало». Преимущество плуга выражается в значительном сокращении рабочего процесса, в хорошем проветривании почвы, как и в более интенсивном ее снабжении питательными веществами (Маринов 1963: 114-115). При этом с помощью плуга было возможно решить одну существенную проблему средневекового земледелия, связанную с обработкой некультивированных почв, с которыми рало не вполне могло справиться. По словам известного российского византиниста Г. Литаврина, в Византии оставалось много свободной земли, т.к. в то время освоение целины представляло трудность (Литаврин 1984:11). Эти рассуждения бесспорно справедливы и для Добруджи. Но большая концентрация обитателей подталкивала их к более эффективному земледелию. Очевидно, для этого были довольно благоприятными и климатические условия. Удочки и рыболовные снасти из крепостей, расположенных внутри Добруджи — Скала, Руйно, Одырци, Окорш, Царь Асен (Йотов, Атанасов 1998: 145, таб. LXXVIII-136-141; Дончева-Петкова 1999: 143, таб. XVII/56-58) показывают, что (рис.1) пересохшие теперь речные долины (Канагёл-Дристра, Сухая река, Сребница и Батова) были круглый год текущими реками с глубокими омутами (Атанасов 1984: 29-31). Это само по себе означает, больше дождей и лучшие ус-

ловия для развития земледелия, а также садоводства. Действительно, почти во всех коллективных находках, кроме орудий для распашки (лемехи, чересла и соскребы) и уборки урожая (серпы и косы) очень часто и в большом количестве встречаются мотыги, оковки заступов, маленькие мотыжки и виноградные ножи. Они свидетельствуют о развитии виноградарства и овощеводства. Если большие мотыги и заступы могли использоваться как при вскапывании нив, садов и виноградников, то малые мотыги определенно указывают на огородничество (производство овощей). Наносные почвы у рек определенно создали условия для новых занятий.

Таким образом, описанная картина не позволяет с уверенностью говорить, что трапеза средневекового болгарина в Добрудже и особенно в крепостях (своеобразные общинные административные, военные, экономические, культурные и религиозные центры) была богата и разнообразна. Кроме значительного количества животных белков и жиров (остеологический материал из Скала, Одырци, Хума, Окорш и Руйно фиксируют большое количество скота, свиней и овец, достаточно дичи и рыбы — Рашев, Станилов 1987: 173-180; Йотов, Атанасов 1998: 174-190; Дончева-Петкова 1999: 75; Тодорова 1989: 223), достаток в хлебе, средневековый болгарин имел возможность радоваться рыбе, домашним фуктам и овощам. По этой причине нас не должны удивлять большие достижения болгарского народа в X-XI в. как на поле боя, так в духовном и в культурном развитии. Истина заключается в том, что это был хорошо и качественно питавшийся по критериям раннего европейского средневековья народ. Не случайно, некрополи IX-X вв. свидетельствуют, что средний рост мужчин был выше 1,75 м, а рост женщин — выше 1,66 м! (Йорданов, Чолаков 1989:273; Йорданов 1980). Эти данные замечательны на фоне утверждения Ж. Дюби, что «в VIII-XI вв., люди на Западе живут в условиях перманентного голода. Урожаи зерна достигают 1:3 и, самое большее, 1:4 относительно засеянного» (Дюби 1994: 11).

Каталог находок

№	№ в находке	Железное орудие, описание	Размеры в см	Инв. №	Место находки	Таблица
1	2	3	4	5	6	7
I. Средиште-1				**Сс-III**		
1	I-1	Лемех. Рукавчатый, в форме языка	20 / 13,8	2061	Средиште	II-1
2	I-2	Лемех. Рукавчатый, в форме языка, приварен	16 / 11	2060	Средиште	I-2
3	I-3	Чересло. Массивный железный нож	47,5 / 7	2063	Средиште	III-3
4	I-4	Чересло. Массивный извитой железный нож	35 / 5,1	2062	Средиште	III-4
5	I-5	Мотыга. Трапециевидная, изогнутая, с втулкой	25 / 15,5	2059	Средиште	VI-5
II. Средиште-2				**Сс-III**		
6	II-1	Лемех. Рукавчатый, в форме языка, приварен	15,2 / 8,5	1515	Средиште	II-6
7	II-2	Лемех. Рукавчатый, в форме языка	19,8 / 10,2	1516	Средиште	II-7
8	II-3	Оковка для заступа. U-образная	12,4 / 14	1526	Средиште	IV-8
9	II-4	Оковка для заступа. U-образная	14,5 / 13	1527	Средиште	IV-9
10	II-5	Оковка для заступа. U-образная	18,2 / 12	1528	Средиште	VII-10
11	II-6	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой	12 / 5,5	1517	Средиште	VII-11
12	II-7	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой	12,5 / 5,8	1518	Средиште	VII-12
13	II-8	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой	13,6 / 6,9	1519	Средиште	VII-13
14	II-9	Серп. Выгнутый с ручкой, в хорошем состоянии	38 / 3,1	1513	Средиште	VIII-14
15	II-10	Серп. Выгнутый с ручкой, со сломанной верхушкой	31,5 / 3,0	1514	Средиште	VIII-15
16	II-11	Виноградный нож. Выгнутый с ручкой, в хорошем состоянии	11,5 / 1,7	1529	Средиште	XI-16
17	II-12	Топор. Г-образно выгнутый, с широкой рабочей частью. В хорошем состоянии, с втулкой	16 / 10,8	1521	Средиште	IX-17
18	II-13	Топор. Г-образно выгнутый, с широкой рабочей частью. В хорошем состоянии, с втулкой	16 / 11,4	1522	Средиште	IX-18
19	II-14	Топор. Трапециевидный с втулкой и скошенным верхом	16 / 4,8	1524	Средиште	X-19
20	II-15	Боевой топор. Трапециевидный с боевым тылом и с втулкой	14 / 5,6	1520	Средиште	X-20
21	II-16	Боевой топор. Трапециевидный с боевым тылом и с втулкой	13,4 / 5,1	1523	Средиште	X-21
22	II-17	Молоток. Массивный, притупленный	11,5 / 4,2	1525	Средиште	X-22
23	II-18	Верх острия копья. В полной сохранности, с четырьмя ребрами и втулкой	29 / 2,3	1531	Средиште	XI-23
III. Окорш				**Д-во**		
24	III-1	Лемех. Рукавчатый, в форме языка	24 / 13	236	Окорш	II-24
25	III-2	Чересло. Массивный железный нож	53 / 5,5	237	Окорш	III-25
26	III-3	Чересло. Массивный железный нож	37 / 4,5	238	Окорш	III-26
27	III-4	Чересло. Массивный железный нож	45 / 6,1	241	Окорш	III-27
28	III-5	Мотыга. Трапециевидная, с ушками	18 / 6,5	245	Окорш	IV-28
29	III-6	Мотыга. Трапециевидная, без втулки	22 / 10,7	246	Окорш	IV-29
30	III-7	Топор. Г-образно выгнутый, с широкой рабочей частью и втулкой	17,5 / 18	239	Окорш	IX-30
31	III-8	Топор. Трапециевидный с втулкой и узким острием	14,9 / 4,5	240	Окорш	X-31

№	№ в находке	Железное орудие, описание	Размеры в см	Инв. №	Место находки	Таблица
1	2	3	4	5	6	7
32	III-9	Клин. Трапециевидный с треугольным сечением	12 / 2,9	242	Окорш	XI-32
33	III-10	Скребок. Трапециевидный с ручкой	16,5 / 6,1	243	Окорш	XII-33
34	III-11	Скребок. Трапециевидный с ручкой	20,5 / 8,5	244	Окорш	XII-34
		IV. Цар-Асен		**Сс-III**		
35	IV-1	Лемех. Рукавчатый, в форме языка, приварен	18 / 10,5	1736	Цар-Асен	I-35
36	IV-2	Мотыга. Треугольная, заостренная, с втулкой	23 / 15,1	1738	Цар-Асен	VI-36
37	IV-3	Топор. Фрагмент верхней половины с втулкой	13 / 2,2	1739	Цар-Асен	X-37
		V. Руйно-1		**Д-во**		
38	V-1	Лемех. Рукавчатый, в форме языка, приварен	16,5 / 11	365	Руйно	I-38
39	V-2	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой	10,5 / 4,6	363	Руйно	VII-39
40	V-3	Виноградный нож. Серповидно выгнутый, с ручкой и чепом	27,1 / 4	366	Руйно	XII-40
41	V-4	Топор. Задняя половина хорошем состоянии, с тыльным расширением и втулкой	14 / 3,5	362	Руйно	X-41
42	V-5	Клещи. В хорошем состоянии	24,8 / 1,8	367	Руйно	XI-42
43	V-6	Перекрестие от сабли, в хорошем состоянии, с тремя сферическими расширениями	8,5 / 1,5	360	Руйно	XII-43
44	V-7	Перекрестие от сабли, в хорошем состоянии, с двумя круглыми расширениями на конце	10,3 / 2,5	359	Руйно	XII-44
		VI. Руйно-2		**Д-во**		
45	VI-1	Лемех. Рукавчатый, в форме язычка	18 / 10,5	101	Руйно	II-45
46	VI-2	Чересло. Массивный нож с короткой ручкой	29 / 5,1	102	Руйно	III-46
47	VI-3	Плужный соскреб, треугольный, с втулкой	11,5 / 5,2	103	Руйно	XI-47
48	VI-4	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	25 / 12,5	106	Руйно	VI-48
49	VI-5	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	30 / 16,5	107	Руйно	V-49
50	VI-6	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	28,2 / 18,2	108	Руйно	V-50
51	VI-7	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	27 / 15,2	109	Руйно	V-51
52	VI-8	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	26 / 18,2	110	Руйно	V-52
53	VI-9	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	27 / 12,4	111	Руйно	VI-53
54	VI-10	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	23,5 / 15,5	112	Руйно	VI-54
55	VI-11	Мотыга. Трапециевидная, выгнутая снизу	16,5 / 7,1	113	Руйно	VII-55
56	VI-12	Оковка для заступа. U-образная	13,4 / 11,5	122	Руйно	IV-56
57	VI-13	Оковка для заступа. U-образная	13,5 / 12,5	123	Руйно	IV-57
58	VI-14	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой для крепления к черенку	12,5 / 5,5	114	Руйно	VII-58
59	VI-15	Малая мотыга. Трапециевидная с втулкой для крепления к черенку	12,8 / 5,8	115	Руйно	VII-59
60	VI-16	Тесло. Трапециевидное с тыльным молотком	16,5 / 7,1	116	Руйно	VII-60

№	№ в находке	Железное орудие, описание	Размеры в см	Инв. №	Место находки	Таблица
1	2	3	4	5	6	7
61	VI-17	Серп. В хорошем состоянии, с ручкой	35 / 2,8	105	Руйно	VIII-61
62	VI-18	Серп. В хорошем состоянии, с ручкой	31 / 3,1	119	Руйно	VIII-62
63	VI-19	Серп. Ручка в хорошем состоянии, верх сломан	27 / 2,6	117	Руйно	VIII-63
64	VI-20	Серп. Ручка в хорошем состоянии, верх сломан	29 / 2,8	118	Руйно	VIII-64
65	VI-21	Серп. В хорошем состоянии, с ручкой	30 / 3,1	120	Руйно	VIII-65
66	VI-22	Серп. В хорошем состоянии, с ручкой	41 / 2,9	121	Руйно	VIII-66
67	VI-23	Топор. Г-образно изогнут, с широкой рабочей частью и хорошо сохранившейся втулкой	16,5 / 10	127	Руйно	IX-67
68	VI-24	Топор. Г-образно изогнут, с широкой рабочей частью и хорошо сохранившейся втулкой	18 / 10,8	128	Руйно	IX-68
69	VI-25	Топор. Трапециевидный, с узким острием и втулкой	27 / 6,8	129	Руйно	X-69
70	VI-26	Коса. Фрагмент со сломанным верхом	24 / 3,5	124	Руйно	XI-70
71	VI-27	Ложкарь. Длинная ручка с выгнутым верхом	21 / 1,6	104	Руйно	XI-71
72	VI-28	Молоточек. Ромбовидный, с круглым отверстием	5,2 / 3,4	126	Руйно	XI-72
73	VI-29	Долото. Четырехгранное, заостренное, с головкой	21 / 8	125	Руйно	XI-73
		VII. Попрусаново			**Сс-III**	
74	VII-1	Чересло. Массивный железный нож	31,5 / 4,1	2423	Попрусаново	III-74
75	VII-2	Плужный соскреб, трапециевидный, с втулкой	17,4 / 4,8	2410	Попрусаново	XI-75
76	VII-3	Оковка для заступа. U-образная	13,5 / 12,5	2411	Попрусаново	IV-76
77	VII-4	Малая мотыга, трапециевидная, с втулкой для прикрепления к черенку	11,8 / 5	2413	Попрусаново	VII-77
78	VII-5	Малая мотыга, трапециевидная, с втулкой для прикрепления к черенку	12,5 / 5	2414	Попрусаново	VII-78
79	VII-6	Малая мотыга, трапециевидная, с втулкой для прикрепления к черенку	10,5 / 4,8	2415	Попрусаново	VII-79
80	VII-7	Малая мотыга, трапециевидная, с втулкой для прикрепления к черенку	16 / 7,7	2416	Попрусаново	VII-80
81	VII-8	Топор. Г-образно выгнут, с широкой рабочей частью	13 / 7,2	2409	Попрусаново	IX-81
82	VII-9	Топор. Трапециевидный, с расширением в тыльной части	12,5 / 3,8	2408	Попрусаново	X-82
83	VII-10	Коса. Фрагмент с отломанным верхом	28,5 / 4,5	2412	Попрусаново	XI-83
84	VII-11	Сверло. Длинная ручка с выгнутым верхом	24 / 1,6	2417	Попрусаново	XII-84
85	VII-12	Сверло. Т-образной формы	14 / 11,2	2420	Попрусаново	XII-85
86	VII-13	Долото. Четырехгранное, загнутое вверх	17 / 1,7	2418	Попрусаново	XI-86
87	VII-14	Скребок. Треугольный с ручкой	12 / 3,9	2419	Попрусаново	XII-87
88	VII-15	Наконечник копья. Четырехгранный с втулкой	29 / 2,4	2406	Попрусаново	XII-88
89	VII-16	Наконечник копья. Четырехгранный с втулкой	25,5 / 2,8	2407	Попрусаново	XII-89

ЛИТЕРАТУРА

Алжанов Ж. 1985. Разкопки и проучвания на ранната северна крепостна стена на Велики Преслав. // Плиска-Преслав.
Антонова В. 1967. Средновековно селище в чашата на язовир «Виница», Шуменско // ИНМШ. IV.
Антонова В. 1983. Новооткрита находка от земледелски сечива при Плиска // Преслав. 3.
Атанасов Г. 1984. Към историческата география на Южна Добруджа // Добруджа. 4.
Атанасов Г. 1986. За прехода от рало към плуг. — Българска Етнография (БЕ). 2.
Атанасов Г. 1991. Етнодемографически промени в Добруджа X-XVI в. // ШПр. 2.
Атанасов Г. 1999. Анонимные византийские фоллисы класса «В» и нашествие печенегов в Добруджу 1036 г. // Stratum plus. 6., Спб. — Кишинев — Одесса.
Балабанов Т. 1985. Земледелски оръдия от Плиска (IX-XI в.) // Българска етнография. 2.
Бобчева Л. 1972. Оръдия на труда от средновековието в музея в Толбухин. // МПК. 12.
Вакарелски Хр.1929. Из веществената култура на българите // ИНЕМ. 8-9.
Ваклинов Ст., Станилов Ст. 1981. Кланденци. Ранносредновековно българско селище. Варна.
Витлянов Ст. 1988. Колективна находка от земледелски сечива в околностите на Преслав // Българска етнография, 1.
Възарова. Ж. 1956. Славяно-българското селище край село Попина, Силистренско. С.
Възарова Ж. 1956. Происхождения болгарских пахотных орудий. М.
Възарова. Ж. 1986. Средневековното селище с. Гарган, Силистренски окръг VI-XI в. С.
Гатев П. 1985. Северната крепостна стена на вътрешния град на Преслав по данн от разкопките (1973-1999) // Плиска-Преслав. 4.
Димитров Д. 1987. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. В.
Димова В. 1993. Ранносредновековната крепост до с. Цар Асен. Силистренско (Крепостни съоръжения, жилища и църковна архитектура // Добруджа. 10.
Дончева-Петкова Л. 1985. Разкопки на западна крепостна стена в Плиска // Плиска-Преслав. 4.
Дончева-Петкова Л. 1999. Одърци Т. 1. Селище от Първо българско царство. С.
Дюби. Ж. 1994. Европа в средние века. Смоленск.
Етнография на България. 1974. С.
Златарски Д. 1960. Колективна находка от славянски сечива от село Дългопол // ИВАД. 10.
Йорданов Й. 1980. Сравнителни данни за някои средновековни некрополи (IX-X в.) от Североизточна България. — IV конгрес по славянска археология. С.
Йорданов Й.,Чолаков В.1989 Антропологически данни от изследването на костните останки на погребаните в средновековния некропол до с. Дуранкулак //. В: Дуранкулак. I. С.
Йотов В. 1992. Находка от железни предмети от околността на с. Гроздево, Провадийско // ИНМВ. 28/43.
Йотов В. 1992. Сабя от ранносредновековно селище до с. Дебрене, Добричко // Добруджа. 9.
Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X-XI век до с. Кладенци, Тервелско. С.
Йотов В. Към типология и хронология на брадвите в средновековна България (под печат)
Краснов Ю. А. 1979. Средневековые плуги Восточной Европы // СА. 4.
Краснов Ю. А. 1982. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 3.
Краснов Ю. А. 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.
Литаврин Г. 1984. Как са живели византийците. С.
Маринов В. 1963. Дървения плуг в България. ИЕМ, 6.
Материали за картата на средновековна българска държава (територия на днешна Североизточна България). — Плиска-Преслав, 7, 1995.
Милчев А., Ангелов Ст. 1970. Археологически раскопки и проучвания в м. «Калето» при с. Нова Черна, Силистренски Окръг през 1967-1968 г. // ГСУ. ФИФ. 63.
Милчев Ат. 1964. Проучвания на раннославянската култура в България и на Плиска през последните двадесет години // Археология. 6.
Михайлов Ст., Джингов Г., Вълков В., Димова В. 1982. Ранносредневековното селище край с. Стърмен. С.
Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.
Плетнева С.А. 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
Рашев. 1982. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII-XI в.). В.
Рашев Р., Станилов. Ст. 1987. Старобългарското укрепено селище при с. Хума. Разградски окръг. (=РП, XVII). С.
Тотев Т. 1966. Колективна находка от средновековни оръдия на труда от с. Златар, Шуменско // Археология. 4.
Чангова Й. 1962. Средновековни оръдия на труда в България // ИАИ. 25.
Barnea I., Ştefănescu St. 1971. Din istoria Dobrogei. III. Bucureşti..
Bialecova D. 1981. Davne slovanske kovacstvo. Tatran.
Borisov B. 1989. Djadovo. Vol. 1 Medieval Settlement and Necopolis (11th-12th Century). Tokyo.
Cuctuzea G. 1991. Schimburile economice în regiunea Danubiano-pontică în secolele VIII-XI // Pontica, XXIV, 1991.
Diaconu P. 1970. Les pétchéneques du Bas Danube. Buc.
Diaconu P., Vîlceanu L. 1972. Păcuiul lui Soare. I. Buc.
Dimova V. 1983. Frühmittelälterliches bulgarisches Pferdegeschirr und Waffen in einem Crabfund bei Krasen. In: Studia in honorem Veselini Besevliev. S.
Henning I. 1987. Sudosteuropa reischen Antike und Mittelater. Berlin.
Iatrus-Krivina. 1953. Spatanike Befestigung und frühmittelälterliche Siedlung an der unteren Donau. III. Berlin.
Ştefanescu St., Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967. Dinogeţia. I. Buc.
Yotov V. 1991. Sur les sabres du Bas Danube // CCDJ. XIII-XIV.

В. Йотов

О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕЧЕНЕГОВ К ЮГУ ОТ ДУНАЯ — ЛИСТОВИДНЫЕ АЖУРНЫЕ АМУЛЕТЫ XI В.

V. Yotov. On Material Culture of the Petchenegers South of Danube: Leaf-shaped Open-work Amulets of XI Centure.

The article studies one of the aspects of archaeological culture of a nomadic people – the Petchenegers who lived on the territory of modern Bulgaria, south of Danube. It analyses a type of archaeological finds, and namely metal leaf-shaped open-work amulets belonging to the Petchenegers of XI century. The article contains data and gives a catalogue of 16 of such finds, defines chronology and area of their spread.

Материальной культуре печенегов в южнорусских степях и землях к северу от Дуная посвящено несколько значительных исследований, которые рассматривают ее в рамках археологического наследства кочевых народов, обитавших в этих степях в IX–XII в. (Плетнева 1958: 151-226; Diaconu 1970; Spinei 1985). Некоторые болгарские авторы уделяют внимание этим вопросам применительно к территориям к югу от Дуная в XI в., останавливаясь на «следах материальной культуры, в которой замечены номадские черты» (Въжарова 1983: 16-65), фрагменты и целые сосуды «номадской керамики» (Димитров 1975: 37-58), котлах с внутренними ушками (Дончева-Петкова 1993: 82-83, обр. 7), украшениях и амулетах (Атанасов 1986: 79, табл. II, 1, 4). О единичных захоронениях (Въжарова 1983: 62; Рашев 1983: 247-250) и отдельных некрополях (Дончева-Петкова 1993: 134-144) того времени так же было высказано мнение, что они были оставлены печенегами. Тем не менее, более целостное исследование вопроса отсутствует[1].

Первые сведения о контактах между болгарами и печенегами к югу от Дуная относятся к концу первой половины X в. Предполагается, что они, как союзники русского князя Игоря, напали на Добруджу в 943 г. после неудачного похода на Константинопль (Божилов 1973: 60). Печенеги были в войсках русского князя Святослава во время его походов к югу от Дуная в 968–971 гг. (Златарски 1991: 576). Не вызывает сомнений, что XI в. — это период в болгарской средневековой истории, связанный с печенегами. В первые два десятилетия этого столетия они — мирные соседи, живущие к северу от р. Дунай. Уже с конца 20-х годов XI в. их набеги через реку становяться регулярными, а начиная с середины века, засвидетельствованы и первые постоянные поселения печенегов в крае (Diaconu 1970; Тъпкова-Заимова 1976; Златарски 1991: 85-154). В течение почти пятидесяти лет после нашествия, удачных и неудачных сражений, переговоров, они стали периодически селиться в землях между Дунаем и Старой Планиной. В конце XI в. печенеги потерпели серьезное поражение в битве при Левунионе (1091 г.), и в XII в. упоминания о них становятся редкими.

О печенежской материальной культуре определенно следует говорить со всей условностью этнической и хронологической характеристик этого понятия. Однако одна группа интересных памятников металлопластики, датированных, в целом, X–XII в., так называемые «листовидные ажурные амулеты», привлекает внимание исследователей позднеономадской культуры (Плетнева 1958: 159, рис. 4/1; Diaconu 1987: 113, fig. 1-2; Spinei 1973: 277-316). Благодаря нескольким экземплярам из хорошо датированных комплексов их с достаточной точностью относят к печенегам (Spinei 1973: 277-316).

[1] В докладе «Печенеги к югу от р. Дунай в XI в. (опыт систематизации и топографии материальной культуры)» на научной конференции «Плиска и Первое Болгарское царство» в Шумене 13-14 октября 1999 г. я уделил специальное внимание этим вопросам. Однако считаю, что для публикации доклада необходимы дополнительные данные.

© В.Йотов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

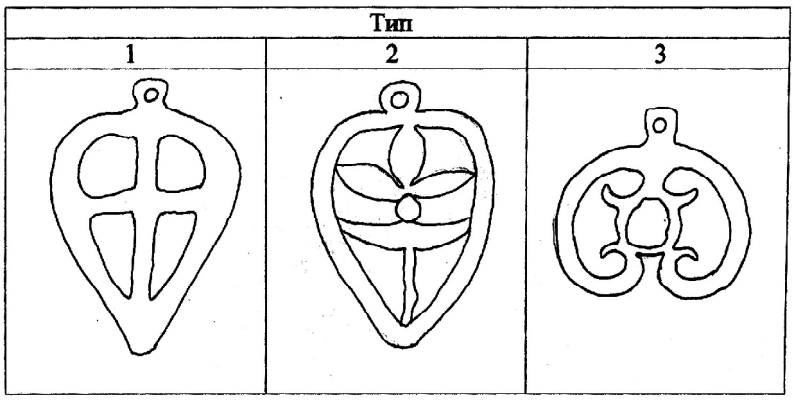


Рис. 1. Типы листовидных ажурных амулетов.

В Болгарии до сих пор были опубликованы два таких амулета из Силистры (Атанасов 1986: 79, табл. II,1,4), один из Плиски (Дончева-Петкова 1992: 141, обр. 40а) и один из крепости Скала (Йотов, Атанасов 1998: 120, обр. 86/1, табло CVI,364). Останавливаясь на вопросе о достоверных археологических материалах, связанных с печенегами (см. примечание 1), мне удалось собрать еще 12 находок этого типа, которые демонстрирую ниже вместе с уже опубликованными.

Каталог:

1. Варна. Район Римских терм. Археологический музей Варны, IV 5037, табл. I,1 (полуфабрикат).

2. Плиска, Малый дворец, пол. № 77, табл. I,2.

3. Северо-Восточная Болгария. Археологический музей Варны, неинвентаризован, табл. I,3.

4. Силистра, средневековый город (Атанасов 1986: 79, табл. II, 1), табл. I,4.

5. С. Долиште, Варненская область (м. Переклика), Археологический музей Варны, № IV-3255, табл. I,5.

6. Варна. Район Римских терм. Археологический музей Варны, IV 5038, табл. I, 6.

7. Варна. Район Римских терм. Археологический музей Варны, IV 5039, табл. I, 7.

8. С. Вылнари, Шуменская область. Археологический музей Варны, IV 5040, табл. I,8.

9. Скала. Крепость X–XI в., из материалов наземных жилищ (Йотов, Атанасов 1998: 120, обр. 86/1, табло CVI,364), табл. I,9.

10. Северо-Восточная Болгария. Частная коллекция, табл. I,10.

11. Северо-Восточная Болгария (район общины Нови Пазар (?). Археологический музей Варны, IV 4942, табл. I,11.

12. Плиска. Малый дворец, в проходе между помещениями, пол. № 105, табл. I,12. Еще один амулет тех же размеров и с теми же украшениями происходит из Диногеции (Ştefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 282, fig. 168/14.).

13. Плиска. Внутренний город. К северо-востоку от Малого дворца, пол. № 101, табл. I,13.

14. Силистра, средневековый город (Атанасов 1986: 79, табл. II,4), табл. I,14.

15. Варна. Район Римских терм. Археологический музей Варны, IV 5041, табл. I,15.

16. Плиска. Здания у южного сектора западной крепостной стены (Дончева-Петкова 1992: 141, обр. 40а), табл. I,16.

Амулеты имеют листовидную форму и следующие размеры: высота от 60 до 85 мм, широта от 30 до 55 мм и толщина 3 мм. В более широкой части имеют ушко для подвешивания, а узкая часть некоторых экземпляров имеет ромбовидное окончание. Внешняя линия завершает ажурную композицию вертикальным связывающим плечом, от которого отходят два или четыре горизонтальных плеча. Виды орнаментации различны: врезанные параллельно друг другу короткие и длинные линии, вогнутые круги, «птичий глаз», точки. Первый амулет сделан из свинца и является полуфабрикатом. Все остальные изделия вылиты из бронзы, в нескольких случаях с примесью олова.

В зависимости от размера и количества отверстий рассмотренные листовидные ажурные амулеты можно разделить на три типа (рис. 1). Тип 1 (№1-10) имеет небольшие размеры и четыре отверстия. Тип 2 (№11-15) характеризируется большими размерами и более сложной композицией вокруг шести отверстий. Тип 3 (№16) представляет собой частично закругленную композицию, для которой мне известны только один аналог из Молдавии и один — из Словакии (Bálint 1989: 143, Abb. 62/2; Hanuliak 1998: 60, obr. 3/37-b). По характеру материала, технике исполнения и украшению можно выделить несколько вариантов изделий. Для некоторых авторов ажурная композиция типов 1-2 представляет древо жизни, ящерицу или птицу с распростертыми крылями (Плетнева 1958: 159; Атанасов 1986: 79). Я считаю, что стилизованное изображение напоминает скорее птицу, которая известна по синхронным памятникам, в частности, наконечникам ножен мечей (Ениосова 1994: 104-107).

Амулеты найдены в Плиске (№ 1, 10-12), Силистре (№ 3, 13), Варне (№ 5, 6, 15), на поселениях и крепостях в Северо-Восточной Болгарии (№ 2, 4, 7-9, 14). Из византийских источ-

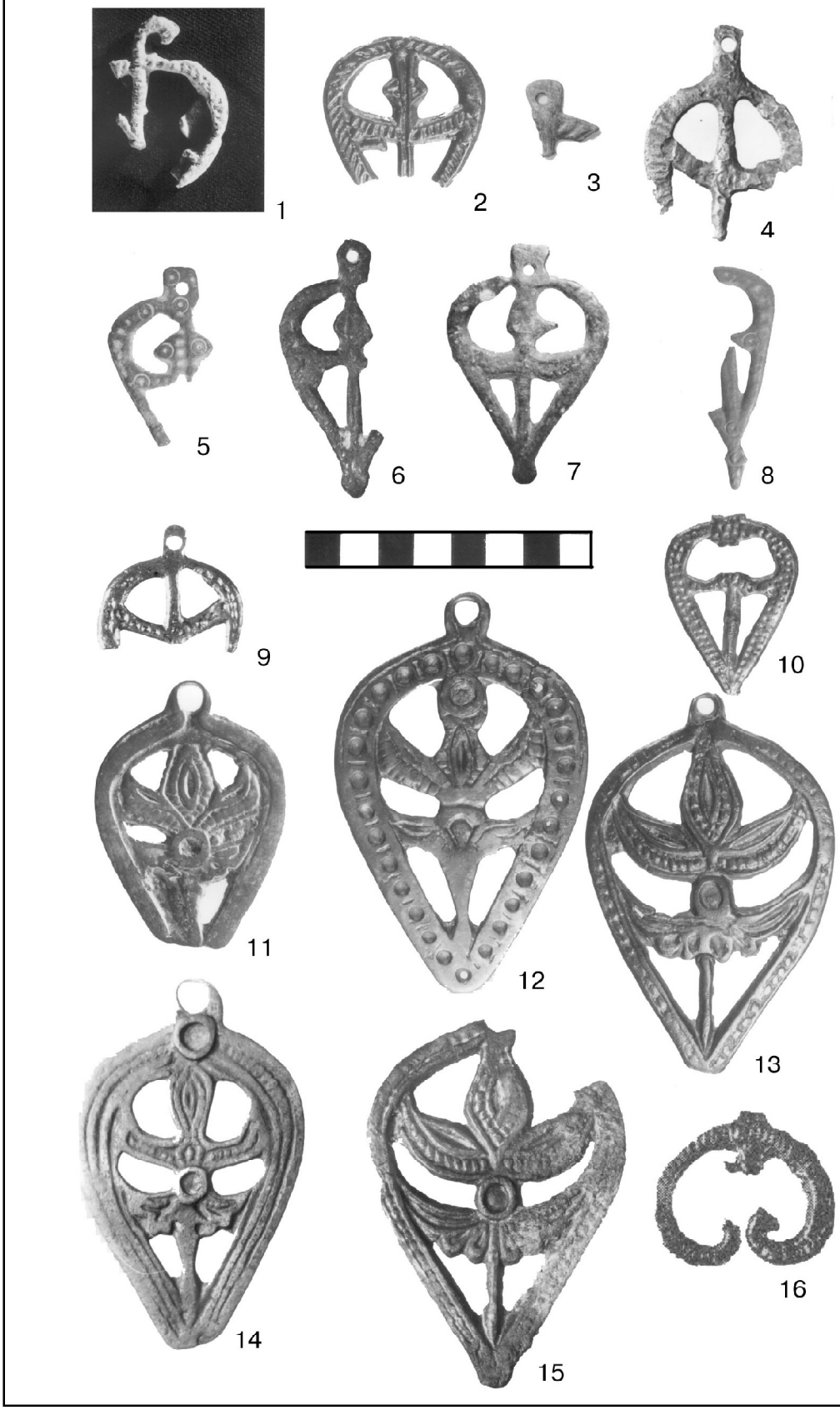


Таблица I. Листовидные ажурные амулеты.

ников известно, что с середины XI в. восточная часть земель между Дунаем и Старой Планиной заселены печенегами (Diaconu 1970; Тъпкова-Заимова 1976; Златарски 1991: 85-154). Наиболее вероятным центром их пребывания считается Плиска, в которой открыто много материальных свидетельств печенежского присутствия (Дончева-Петкова 1993: 82-83, обр. 7; Димитров 1995: 42-70). В Силистре также есть значительный культурный слой, оставленный печенегами (Атанасов 1986: 78-81). О Варне XI в. до недавнего времени не было известно ничего определенного или считалось, что она оставалась в стороне от печенежских нашествий (Кузев, Гюзелев 1981: 296). Однако, судя по записям исследователей жилищ в районе римских терм и находкам оттуда, в том числе, византийским монетам XI в., эти выводы следует корректировать. В староболгарских селищах в равнинных местах и на приречных террасах печенеги не селились. Известно, что большинство из них болгарское население покинуло в начале третьей четверти X в. Следов же материальной культуры, датированных XI в., на них не найдено (Материали за картата … 1995: 155-332). Не так обстоит дело со староболгарскими крепостями, расположенными на самом важном пути болгарского средневековья — из столиц к Силистре и селам на разрушенных позднеантичных крепостях. В большинстве из них найдено множество фрагментов печенежской керамики (Димитров 1975: 37-58; Йотов, Атанасов 1998: 67-69; Дончева-Петкова 1999: 68).

Мнение В. Спинея о датировке этого вида амулетов X–XII вв. связано с передвижением печенегов из степей России и Украины на юго-запад (Spinei 1973: 315-316). Для рассмотренных экземпляров можно предложить более точную датировку. Из письменных источников и археологического контекста, в котором они открыты, следует, что амулеты находились в употреблении, а некоторые производились на месте (см. № 1) в 30-90 гг. XI в.

Находки листовидных ажурных амулетов в Плиске, Силистре (средневековый Дръстър), в укреплениях, расположенных на средневековом пути от столиц Первого Болгарского царства к дунайскому городу Вылнари и Скала, также в крепостях в Северо-Восточной Болгарии, охватывают, в основном, территории, через которые, в основном, проходили набеги печенегов в земли южнее Дуная, и центры, в которых они обосновались.

ЛИТЕРАТУРА

Атанасов Г. 1986. Средновековни амулети от Силистра. // ИНМВ, 22 (37).

Божилов И. 1973. България и печенегите (896-1018). // Исторически преглед, 2.

Вължарова Ж. 1983. Славяни и номади на територията на днешните български земи от края на VI-XI в. // Плиска-Преслав, 3.

Димитров Д. 1975. Номадска керамика в Североизточна България. // ИНМВ, XI (XXVI).

Димитров Я. 1995. Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.). // Плиска-Преслав, 7.

Дончева-Петкова Л. 1992. Сгради при южния сектор на Западната крепостна стена на Плиска. // Плиска-Преслав, 5.

Дончева-Петкова Л. 1993. Нови проучвания край западната крепостна стена на Плиска. // Плиска-Преслав, 6.

Дончева-Петкова Л. 1993. Средновековен некропол при с. Одърци, Добричко (предварително съобщение). // Добруджа, 10.

Дончева-Петкова Л. 1999. Одърци. Селище от Първото българско царство, 1. София.

Ениосова Н. В. 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы. // История и эволюция древних вещей (сборник статей). МГУ, ИФ.

Златарски В. 1991. История на българската държава през средните векове, том I, 2, София.

Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София.

Кузев А., Гюзелев В. 1981. Български средновековни градове и крепости. Варна.

Материали за картата на средновековната българска държава. 1995. // Плиска–Преслав, VII. Шумен.

Плетнева С. А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. // МИА, 62, Москва-Ленинград.

Рашев Р. 1983. Късни номади в Плисковското поле. // Преслав, 3.

Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. София.

Bálint, C. 1989. Die Archäologie der Steppe. Wien.

Diaconu P. 1970. Les Petchénègues au Bas-Danube. Bucarest.

Diaconu P. 1987. Două pandantive foliforme de bronz de la Păcuiul lui Soare. // Cultura şi civililizaţie la Dunarea de Jos, Călăraşi.

Hanuliak, M. 1998. Reálne faktory a ich úcast prí vystrojovaní hrobov v 9. až 12. storoči. // SA, 1.

Spinei V. 1973. Découvertes de l“ étape tardive des migrations à Todireni (dep. de Botoşani). // Dacia, XVII.

Spinei V. 1985. Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională in secolele X–XIII. Iaşi.

Ştefan Gh., Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967. Dinogeţia, Bucureşti.

Н.Д. Руссев

«ЯКО ТУ ВСЯ БЛАГАЯ СХОДЯТСЯ»: АНТРОПОЛОГИЯ ДУНАЙСКОЙ ТРАГЕДИИ 968-971 ГГ.

N.D. Russev. "All the Wealth Flow Here": Anthropology of the Danube Tragedy of 968-971.

The article is an attempt to reconstruct events of 968-971 in the mouth of Danube, what was then the land of the First Bulgarian Kingdom. A careful research of records, including rarely referred to ones, sheds light on particpants (the Russian knyaz Svyatoslav, the Bulgarian king Boris II, Byzantine Emperor John Tzimisces, and the Pechenegs) and relations between them; attention is focused on Svyatoslav and what were his actual intentions in his tentative against Bulgaria. An interesting connection is made between these events and consecutive fall of the First Bulgarian Kingdom.

1. «Венок Дуная»

Отрывок из «Повести временных лет» о сказочном богатстве земель близ дельты Дуная, куда «все блага сходятся: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы» (ПВЛ 1996: 169), давно стал хрестоматийным. В том или ином виде он приводится в учебниках, как иллюстрация то ли неразумной алчности, то ли трезвого расчета киевского князя Святослава (945-972). Между тем, этот пассаж зафиксировал особенности исторической судьбы всего Карпато-Дунайско-Днестровского региона. Постоянно действующий фактор контактов непохожих миров обусловил неоднократную смену доминант культурно-исторической ориентации края, чересполосное развитие процессов общественной интеграции и дезинтеграции (см. Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995: 9-18).

Дело не только в том, что в регионе на протяжении веков сосуществовали многие народы, пересекались потоки миграций и сталкивались интересы враждебных политических сил. Более важным представляется способность местной действительности синтезировать из пестрой этнокультурной мозаики новые социальные феномены. Они складывались из ряда компонентов, но демонстрировали тот, который с наибольшим успехом обеспечивал устойчивое существование местного населения.

Балканские войны 968-971 гг. явились трагическим прологом гибели Первого Болгарского царства. В круговороте бурных событий болгары не смогли отстранить нависшую над их государственностью смертельную опасность. Военные поражения обескуражили наиболее активную часть болгарского общества. Она вынужденно металась между пришедшими в страну с юга и с севера, противостоящими друг другу завоевателями.

Сложные взаимодействия главных в течение нескольких лет сил логично рассматривать в координатах «свои — чужие» (см. Руссев 1996: 175-187; ср. Колесов 1986: 18-71). Речь шла о полных драматизма попытках запустить процесс освоения побежденного народа, который идет бок о бок с военным завоеванием, но затем может затянуться на многие десятилетия и даже столетия. В анализируемом случае следует говорить лишь о способах проведения такого рода политики и основах, на которые они опирались. Такого рода исследование испытывает недостаток сведений «первичных» источников, которые неодинаково освещают содержание деятельности участников рассматриваемых событий Приходится довольствоваться версиями византийских авторов и летописной «Повести временных лет», переработавшей немало произведений устного творчества.

© Н.Д. Руссев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотина, 2000.

2. «Нормальные герои всегда идут…»

В исторической драме 968-971 гг. были свои главные герои.

Центральной фигурой событий, безусловно, являлся Святослав Игоревич. Богатырь эпического склада «легко ходил в походах как пардус», бросая противнику знаменитый вызов: «Хочу на вас идти». Однако ни личное мужество князя, ни его военные и дипломатические успехи не принесли генеральной победы. Выпутавшись из почти безвыходного положения, Святослав сложил голову в стычке с печенегами. Вместе с ним «погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов». Парой-антиподом князю в истории с походом на Дунай является его мать, княгиня Ольга, фактически управлявшая в Киеве с 944 по 969 гг. Будучи не в силах удержать сына дома, она сказала ему в сердцах: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Убежденная христианка Ольга «светилась среди язычников, как жемчуг в грязи» (ПВЛ 1996: 169; Лев Диакон 1988: 79).

Два императора-полководца олицетворяли Византию. Никифор Фока (943-969) как пишет византийский автор, если бы смог дольше удержаться на троне, «ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала». Однако его, способствовавшего первому походу Святослава на болгар и сравниваемого с Гераклом, злодейски убили. Во главе переворота находился отстраненный им от армии военачальник Иоанн Цимисхий (969-976). Этот человек небольшого роста происходил из богатого армянского рода и был «жаден к телесным наслаждениям». Нового императора ромеев отличали геройская душа, гигантская сила и решимость вывести Византию из кризиса. Тем не менее, и он вскоре пал жертвой заговора — Иоанн умер «пожираемый ядом» в начале 976 г. (см. Лев Диакон 1988: 46-50, 52-55, 91-94).

Два царя представляли и Болгарию. Женатый на внучке византийского императора Петр (927-970) все свое долгое правление вел борьбу с внешними и внутренними врагами за сохранение царства. Ценой немалых уступок ему это удавалось. Его усилиями выросла быстро разлагавшаяся армия болгарских монахов. В противовес страну охватило движение богомилов — народная ересь, отрицавшая видимый мир как создание «злой силы». Потрясенный поражением в битве со Святославом Петр получил апоплектический удар и вскоре, успев принять схиму, умер. Этот царь, «счастливое время» которого впоследствии всячески воспевалось, был провозглашен святым. После смерти отца Борис II (970-971), с детства воспитанный окружением матери в византийском духе, вернулся из Константинополя, где находился в заложниках. Его краткое практически номинальное правление закончилось унизительным ритуалом детронации (Андреев 1992: 73-81; КК 1994: 40-42, 305-309).

Наконец, есть в дунайской трагедии и еще одно действующее лицо, мелькнувшее уже после того, как занавес был задернут. «Куря, князь печенежский», со своими людьми подстерег и убил весной 972 г. направлявшегося к днепровским порогам Святослава. Это седьмой герой дунайской истории.

«Антропология мыслит культуру не в единственном, а во множественном числе» (Дресел 1999: 81), а на семь культурных героев приходится в рассматриваемом случае четыре ведущих вектора исторической перспективы. Отношения внутри возникшего тогда военно-политического «квадрата» (болгары, византийцы, россы, печенеги) непрестанно меняли свою направленность, колеблясь от враждебных до союзных и обратно. В этой связи особенно интересны мотивировки действий каждой из сторон в объективных условиях данного момента времени. Без понимания их истинного или декларируемого смысла невозможно разобраться в политике как способе приспособления к себе реальных ситуаций общественной жизни и себя к ним.

3. «Хороша страна Болгария»

Со второй половины IX в. в жизни Болгарии происходили необратимые перемены. Хан Борис (852-889), провозгласил христианство византийского толка официальной религией государства. Крестившись в 864 г. вместе с приближенными, он принял имя своего крестного отца императора Михаила III (842-867), а вслед за тем обратил к Христу и весь народ (см. Гюзелев 1969; Андреев 1992: 48-60).

К этому времени христианство глубоко проникло как в славянскую, так и в болгарскую среду. Смешение тюрок со славянами вело к постепенному выравниванию этнического облика населения, что подтверждают данные археологии, антропологии и анализ имен аристократии. Новая религия отодвигала на задний план традиционные этнокультурные различия. Вопреки победе славянского языка на государственном уровне, страна именовалась Болгарией, а ее жители — болгарами. Название «болгары» стало означать всех подданных государства. По словам Д. Ангелова под знаком христианства возникла «новая, сложная и неоднозначная по содержанию и направленности историческая обстановка, характеризующая облик болгарского государства и болгарского об-

щества в конце IX и начале X вв.» (Ангелов 1992: 121, 127).

Христианизация Болгарии протекала болезненно. В 865 г. Борис-Михаил жестоко расправился с противившимися нововведениям приверженцами старых законов. Хан, принявший славянский титул князя, решился на полное уничтожение 52 родов болгарской знати. История повторилась при его сыне Владимире-Расате (889-893), которого удалившийся было в монастырь, отец лишил престола и ослепил за попытку вернуть страну к языческим порядкам (Андреев 1992: 60-61).

К концу IX в. христианство в Болгарии не только укрепилось, но и приобрело особенный облик (см. Литаврин 1988: 311-315). Благодаря деятельности последователей Кирилла и Мефодия, получившей большой размах с 886 г., славянский язык стал преобладающим во всех основных сферах жизни. Ключевые посты перешли в руки крещенной славянской и славянизированной верхушки. Разрыв с прошлым символизировало и перенесение столицы из Плиски в Преслав (893 г.). Однако с торжеством славянского богослужения христианизация уже не означала «ромеизацию». Впрочем, можно сказать и другое: Дунайская Болгария выиграла у Византии сражение за славян, подавив в себе нечто исконно славянское и исконно болгарское.

Воспитанный в Византии и слывший «полуэллином» болгарский князь Симеон (893-927) надолго устремил взор к Константинополю. Его идея создания болгарско-византийского государства стала обретать реальные очертания после смерти императора Александра (912-913), когда патриарх Николай I Мистик (901-907, 912-925) провозгласил Симеона царем болгар (Андреев 1992: 62-72; КК 1994: 340-345). Этот акт, на который вынужденно пошли византийские правители, превратил Болгарию в царство.

Получив широкое международное признание, Болгария вступила в период, который называют «золотым веком» Симеона (см. Божилов 1983). Как своего рода двойник Византии (Тойнби 1991: 326), она все более тяготела к Европе. Однако дипломаты Константинополя не без оснований видели в этом угрозу величию «второго Рима». Примириться с претензиями Симеона называться «василевсом греков» византийцы никак не могли. Показателем отношений соседей является предупреждение константинопольского патриарха царю болгар (конец 922 г.): императоры «не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно» (см. Тихомиров 1947: 137).

Серьезные испытания Болгария пережила уже в 894-896 гг. Пришедшие с востока венгры сначала разорили ее задунайские владения от Тисы до Днестра. Затем с помощью византийских кораблей они переправились через Дунай, опустошили Добруджу, и достигли болгарской столицы. Симеон, добившись мира с византийцами, в 896 г. вместе с печенегами нанес венграм сокрушительный удар. Они оставили места своих кочевий в междуречье Буга и Днепра — «Ателкузу» и навсегда ушли в Паннонию (Димитров 1998: 29-37).

В условиях натиска кочевников с востока болгарские владения за Дунаем, включая земли между Прутом и Днестром, стали дальней периферией державы. Их население, в большинстве случаев сохранявшее основу старого дохристианского уклада, все более обособлялось. Регион по-прежнему оставался на стыке Европы с языческим миром Азии, в лице славян и кочевников-тюрков. В X в. местное население стало все сильнее ощущать воздействие новых сил. Возросла роль печенегов, усилилось влияние племен уличей и тиверцев, включенных постепенно в сферу господства Древнерусского государства.

Начиная от Аскольда и Дира (середина IX в.), древнерусские летописи фиксируют военные действия киевских князей против болгар. В столкновении с ними погиб в 864 г. «Оскольдов сын» (ПСРЛ 1965: 9; ср. Соловьев 1988: 130). В силу изменившейся политической обстановки, а также этнокультурной близости славянское население Карпато-Днестровских земель довольно быстро стало участвовать в этих походах. Во всяком случае, если 885 г. князь Олег воевал с тиверцами, то в 907 г. они уже пошли с ним заодно «на греков… на конях и на кораблях» (см. ПВЛ 1996: 150, 152). Собранные Киевом дружины к середине X в. беспрепятственно проходили к устьям Дуная и не только морем, но и по суше.

4. «Ветры злые да с восточной стороны»

Оказавшись под действием двух деструктивных факторов сразу, болгары лавировали между противниками: единоверными византийцами этнически близкими варварами севера и кочевниками степей Евразии. Поэтому вопреки мирному договору Симеона с ромеями, болгары в 907 г. очевидно заключили тайное соглашение с руссами, пропуская их войска через свои территории (Сахаров 1977: 91-93). Вместе с тем, им не раз довелось сообщать византийцам о готовящихся вражеских походах на столицу империи. В 941 г. болгары сообщили императору, что Русь идет на Царьград на 10 тысячах судов. Так же они поступили и в 944 г., когда направлявшийся на Константинополь князь Игорь (912-945) привлек военные силы печенегов (ПВЛ 1996: 158-159; ср. Тихомиров 1947: 137). Однако есть основания думать, что

отряды некоторых представителей болгарской знати волей-неволей примыкали к проходившим через их земли войскам русского князя. Свидетельством этому является славянская надпись 943 г. на каменной плите из Мирча-Водэ (правый берег Дуная, недалеко от Чернаводэ в румынской Добрудже). Сохранившийся частично текст называет некоего «жупана Димитра». Не исключено, что носивший типично южнославянский титул князь являлся участником походов Игоря на византийцев — на плите читается слово «гьрецехъ» (Федоров, Полевой 1973: 320-321).

Наконец, болгары всячески стремились наладить добрые отношения и с кочевниками. В одном из своих писем Симеону (август 917 г.) константинопольский патриарх укоряет болгар за многократные и постоянные попытки добиться союза с печенегами «посредством браков своих детей» (МДСБ 1991: 83). Действительно, с конца IX в. Болгарию на северо-востоке упорно теснили кочевники. Подконтрольные болгарским правителям территории Северного Причерноморья сокращались; а их границы постепенно сдвигались с востока на запад в направлении Дуная. Этот процесс осветил император Константин Багрянородный (913-959), сообщивший о «турках» (венграх), некогда обитавших «в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов» (печенеги). Он также перечислил пять рек занятой ими местности, включая «Трулл» (Днестр), «Брут» (Прут) и «Серет». Совершенно ясно — к середине X в. кочевья печенегов находились совсем недалеко от Дуная. Об этом прямо говорит тот же автор: «Пачинакия отстоит… от Булгарии — на полдня» (Константин Багрянородный 1991: 41, 157, 163).

Характер отношений болгар с печенегами достаточно красноречиво отразили источники. В 944 г., чтобы остановить русско-печенежское вторжение, император послал остановившимся у Дуная дружинам Игоря «злато и паволоки». Конфликт удалось исчерпать мирными средствами, но князь велел печенегам напасть на Болгарскую землю (ПВЛ 1996: 159). По византийским данным печенеги, «могут легко выступать против Булгарии и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевать тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами» (Константин Багрянородный 1991: 41). Бесспорно, что всего за 50-60 лет расположение принадлежавшего печенегам «Ателкузу», сильно изменилось, ведь венгерские земли с тем же названием первоначально находились гораздо восточнее (Димитров 1998: 39-40).

О сокращении к середине X в. болгарских владений на северо-востоке может свидетельствовать еще один отрывок из сочинения императора Константина VII. У переправ через Днестр со стороны Болгарии ему поименно известны «пустые крепости», первая из которых «названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми». Другие пять «древних крепостей» перечислены под печенежскими названиями, хотя в них «обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение» (Константин Багрянородный 1991: 157). Очевидно, что автор не уверен в византийском прошлом запустевших сравнительно недавно крепостей. Вместе с тем, они локализуются в районе распространения приднестровской группы болгарских древностей (см. Козлов 1997). К тому же соотнесение «Аспрона» со средневековым Белгородом на Днестровском лимане (Божилов 1979: 57-71; Константин Багрянородный 1991: 391), а одной из оставшихся крепостей с городищем Калфа (см. Чеботаренко 1973) позволяет видеть в них систему пограничных укреплений Болгарии предшествующего времени. В какой-то мере эта ситуация подтверждается хронологией болгарских памятников региона, жизнь которых, по мнению ряда исследователей, прекращается к началу X в. (Рашев 1995: 91; Атанасов 2001: 189).

Можно предположить, что инфильтрация печенегов в северо-восточные пределы державы Симеона, а затем его преемника Петра (927-970) проходила в значительной степени мирно. Думается, что сообщения о браках со степняками в первую очередь отражают взаимосвязи остававшихся еще в степях Северо-Западного Причерноморья болгар-язычников с родственными по языку и культуре печенегами, с которыми на запад могли быть увлечены и отдельные группы болгар Хазарии. В частности, кавары, проигравшие войну хазарам, бежали и «поселились в земле пачинакитов» (Константин Багрянородный 1991: 163). Археологические исследования отмечают большую неоднородность древностей приморской полосы края. Ее причиной стал «постоянный приток к Дунаю новых групп населения — славянского, салтово-маяцкого и представителей иных этнических групп» (Смиленко 1991: 179). Происходившие перемены придали региону иной политический статус. В итоге к середине X в. рубежи противостояния христианского Болгарского царства с Востоком, несомненно, уже откатились к дунайским берегам.

Цивилизаторские процессы в Болгарии углубили противоречия между центром страны и провинциями. Для Карпато-Днестровских территории это означало еще большую автономизацию с ориентацией на Киевскую Русь для славян и на печенегов — для болгар. Название печенегов связывается с древнетюркским термином системы родства «баджанак», «баджинак», через который выводится этимология:

«племя, породненное посредством союза» (Spinei 1996: 52). Любопытно, что и в современном болгарском языке это слово, чаще употребляемое во множественном числе («баджанаци», «баджинаци»), служит для обозначения свояков (Бернштейн 1975: 24). Легко составить треугольник, две стороны которого образуют мужчины, женатые на родных сестрах, представляющих третью сторону — славян? В случае болгар этот термин, надо думать, свидетельствует не только об обычной практике взаимных браков среди разноплеменных народов Подунавья, но и указывает на существование какой-то древней генеалогической легенды, объясняющей близкое происхождение болгар и печенегов.

5. «С нашим атаманом не приходится тужить»

Пожалуй, трудно оспаривать тот факт, что в рассматриваемые годы в Подунавье столкнулись давние, неплохо знавшие друг друга партнеры и противники. Именно эта посылка была у истоков византийского сценария русского похода в Болгарию. Однако составленный константинопольскими дипломатами план не стал руководством для Святослава Игоревича. В битве под Доростолом (ныне Силистра) 60-тысячное войско киевского князя одолело 30-тысячную армию царя Петра. После этого Святослав стал хозяином положения на Нижнем Дунае, а местом своего пребывания сделал Переяславец — по всей видимости, город, находившийся у современного с. Нуфэру на рукаве св. Георгия в Румынии (см. Коновалова, Перхавко 2000: 55-57). Территории, расположенные севернее низовий Дуная, оказались ближним тылом русского войска.

По сообщению Скилицы, разбив болгарское войско, «народ росов, … покорил Болгарию и … не помышлял более о возвращении домой. … [Росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею. ... Росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу». Более того, они заключили соглашение «с порабощенными уже болгарами» (Скилица 1988: 121-122; ГИБИ-VI 1965: 260). Дело не только в том, что русский князь отверг договор с Никифором II Фокой и по «праву оружия» новые земли могли считаться его собственностью. Неожиданным кажется поведение Святослава, надо думать вынашивавшего свой замысел относительно Болгарии еще до визита Калокира в Киев. Исследователи отмечают, что ко времени прибытия византийской миссии на Русь решение о походе на Дунай уже созрело (Тихомиров 1947: 143-146; Сахаров 1982: 53-92).

Истинные намерения русского предводителя отражены в летописном рассказе: «Одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце». Еще яснее это сказано словами самого князя: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей» (ПВЛ 1996: 168, 169). Такое решение не встретило поддержки в верхах русского общества и особенно в Киеве. Дома, возвратившемуся в связи с печенежским набегом Святославу, знать заявила: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» (ПВЛ 1996: 169) То, что Святослав Игоревич считал уже своим, оставалось чужим для киевлян. Тем не менее, русское общество воспринимало князя как своего на правах отчича.

Представляется, что именно этот рассказ породил у Н.М. Карамзина противоречивую оценку личности Святослава: «Он славу побед уважал более государственного блага» (Карамзин 1989: 139). Такого рода взгляды бытуют на страницах научных изданий и до сих пор. Одни авторы видят в князе «в большей мере бродячего норманнского викинга, чем национального государя Русской земли». Для них он «типичный варяг-воин, дружинник» (Пушкарев 1991: 24; Платонов 1993: 100-102). Для других «Святослав — это крупный политический деятель», которым «интересуется весь тогдашний мир» (Греков 1953: 459, 466) или даже «настоящий запорожец на киевском престоле» (Грушевський 1994: 458). Однако «романтический» подход и категоричность оценок так и не преодолены. «Война была единственной всепоглощающей страстью Святослава. По имени славянин, по кодексу чести варяг, по образу жизни кочевник, он был сыном всей великой Евразии и вольно дышал в ее степях и чащах», — пишет О. Субтельный (Субтельный 1994: 39). В представлении Г. Цанковой-Петковой «Святослав проявил себя как принц-мечтатель», а «его отношение к взятым болгарским городам и особенно в Преславе и Доростоле было толерантным и демократичным» (Цанкова-Петкова 1986: 77-78). Думается, Святослав гораздо лучше, писавших многими столетиями позже авторов знал, не только чего хочет, но и на кого можно опереться в осуществлении своих замыслов.

Очевидное нежелание части русского общества поддержать начинание князя преодолевалось традиционным для всех эпох способом — к освоению новых земель Святослав привлек не имеющих престижного социального статуса дома, но полных «пассионарного порыва» людей. Византийский историк прямо говорит: «Сфендослав … поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким об-

разом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей» (Лев Диакон 1988: 44). Для восточных славян, а позднее русского общества (вспомним время Ермака Тимофеевича) подобные явления не были чем-то необыкновенным. Масштаб экспедиции Святослава обусловили личность князя и его положение в Киеве. Хотя официально он и считался главой страны, фактически управляла делами его мать, княгиня Ольга, а ключевые должности занимали преданные ей люди. Некоторые из них уже давно убелила седина — Свенельд, Добрыня, поскольку выдвинулись они еще во времена Игоря. Впервые внимание на названное обстоятельство обратил еще С.М. Соловьев: «Святослав никогда не имел на Руси значения князя: сначала это значение имела его мать Ольга, потом сыновья его» (Соловьев 1988: 161).

Куда же бросил собранные на обширных пространствах Восточной Европы военные силы князь? Опять же по традиционному для Древней Руси пути «из варяг в греки». Этот маршрут подробно описывает император Константин Багрянородный (944-959) как ежегодный, когда сообщает «о росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь». Вместе с росами «из разных мест» в этих путешествиях принимали участие и славяне, «их пактиоты, …и прочие Славинии» (Константин Багрянородный 1991: 45). По меньшей мере, с VI в. славяне стремились к Дунаю, и в этом отношении Святослав является продолжателем дела многих поколений славянских вождей, начиная от легендарного Кия. Святослав как последний язычник на киевском престоле был и последним из русских князей, столь последовательно проводивших линию своих предшественников. К тому же вряд ли можно найти принципиальное отличие в действиях Олега, захватившего в 882 г. Киев, и в имевших место почти столетием позже походах Святослава по завоеванию Нижнего Подунавья с Переяславцем. Итак, отряды русского князя пришли на Дунай наезженными давно маршрутами и через земли, знакомые им достаточно хорошо. По всей видимости, часть войска двигалась по суше через степи Северо-Западного Причерноморья.

Как раз через эти территории прокладывал путь Руси на Балканы князь Игорь. Здесь он покорил тиверцев, владения которых доходили до устий Днестра и Дуная. Открытие в последние десятилетия древности позволяют локализовать в этих местах болгарско-русское пограничье X в. (Смиленко 1991: 166-185). Археологический облик памятников региона не отличается однообразием и дает возможность утвердить тезис об относительно мирном сосуществовании на протяжении IX-X вв. в землях между низовьями Дуная и Днестра разнородных этнокультурных групп населения. Эта, надо думать, в основном славяно-тюркская среда едва ли могла определяться как однозначно «чужая» для прибывших сюда воинов Святослава. Неславянские элементы, по крайней мере, отчасти переживавшие состояние ассимиляции, отнюдь не отчуждались. Хотя главным образом войска набирались из восточных славян, в них, бесспорно, были и люди иного происхождения. В частности, заметную прослойку составляли варяги, в том числе славянизированные. Однородность отсутствовала и среди населения обоих берегов Дуная, между Карпатами и Балканами, а также в Добрудже. Хотя каждый из регионов и обладал своей спецификой, их общей чертой можно считать преобладание славянского компонента.

6. «Запорожец за Дунаем»

Под 967 г. Нестор сообщает, что после победы над болгарами Святослав стал править в Переяславце, а ромеев обложил данью (ПВЛ 1996: 168). Очевидное противоречие в тексте летописи снимается, если учесть, что византийцы после сражений оставались для киевского князя чужими, в то время как побежденные болгары были включены в круг своих, поскольку их земли достались ему по праву сильнейшего, доказавшего это сопернику оружием. По всей видимости, верным является то, что русский князь стремился непосредственно овладеть лишь Нижнем Подунавьем, а не всей Болгарией. В литературе высказано мнение о фактическом разделе Болгарского царства: во главе одного части находился русский князь, а другая была оставлена зависимому от него Борису II (Мутафчиев 1973: 248-249 и др.). Можно добавить еще и «третью Болгарию» — западные и юго-западные провинции страны, находившиеся в руках комитопулов. По некоторым данным русский князь находился в договорных отношениях с ними и вовсе не претендовал на подвластные им территории (Литаврин 1988: 321). Кроме косвенных сведений данных, об этих отношениях нет. Зато византийский источник свидетельствуют, что росы достигли согласия с другими варварами — «стали действовать совместно с порабощенными уже болгарами и присоединили в качестве союзников пацинаков и турок» (Скилица 1988: 122). Сохранение за болгарским царем титула, казны и столицы указывает на характер отношений двух правителей. Похоже, его смысл состоял не только в совместных действиях против византийцев. Действительно, рядом с Борисом в Преславе находился Сфенкел-Свенельд известный на Руси полководец старшего поколения. Он командовал отрядом, численно сопоставимым с войском Святослава, и действовал автономно.

url24

Приведенные факты легко вписываются в модель связей Древней Руси, где киевскому князю подчинялись племенные вожди. Своего рода федерацию, которою принес на Балканы Святослав, можно квалифицировать как возврат к общественному устройству эпохи язычества, когда хану Болгарии подчинялись князья Славиний. Между тем, византийские источники уже со второй половины IX в. перестали сообщать отдельно о «Болгарии» и «Славиниях» (Ангелов 1992: 134). В данном контексте уместна параллель с князем Малом. Во времена Игоря он сохранял свою власть в Древлянской земле и находился в столице Искоростене, а дань с его владений в пользу великого князя собирал с собственной дружиной тот же Свенельд (Свердлов 1992: 62-66). Если эти наблюдения и аналогии справедливы, то становится ясным ход многих событий, кажущихся на первый взгляд непродуманными и случайными. В изложении византийской «Истории» есть указание на осмысленность действий Святослава, который собирался в поход на Дунай уже «видя себя во сне владетелем страны мисян» (Лев Диакон 1988: 44). Однако вряд ли эти «мечты» появились у него лишь под воздействием прелестника Калокира, обещавшего ему неисчислимые сокровища.

Кроме царя, свои функции в зависимых от руссов землях продолжали исполнять и правители более низкого ранга. Судя по всему, русскому князю присягнули многие крепости на левобережья Дуная и Константия (по одной из версий на месте современной Констанцы в Добрудже). Посланники из них прибыли к византийскому императору Иоанну I Цимисхию, осадившему Святослава в Доростоле. «Они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны» (Скилица 1988: 128). Византийский писатель признался, что только страх перед ромеями вынуждал «пограничные варварские народы» отказывать в помощи заблокированным в крепости на Дунае дружинам Святослава (ГИБИ-VI 1965: 268, 270).

Огромный интерес для изучения темы представляет т.н. «Записка реческого топарха». Этот византийский источник, достоверность которого некоторые историки подвергают сомнению, повествует о времени Святослава или последовавших десятилетиях. Его сведения относятся к событиям, развернувшимся между Дунаем и Днестром, хотя и с этим согласны далеко не все исследователи (ср. Божилов 1979; Венедиков 1979: 106-108; Сахаров 1982: 112-127).

Отряд византийского военачальника, управлявшего землями к северу от устьев Дуная, попал под удары варваров. Он не смог противостоять врагу, установившим свою власть над Маврокастро (теперешний Белгород-Днестровский). Топарх отступил на восток в крымские владения византийцев (Божилов 1979: 57-71). В этом источнике болгары предстают соседями неназванного правителя, возглавлявшего общность того же этнокультурного круга. В ходе военных действий жителей края обвинили в клятвопреступлении и сделали «добычей насилия и меча». Более десятка городов обезлюдели и не менее 500 сел были превращены в пустыню. В поисках выхода из сложнейшей ситуации топарх лично побывал у того, «кто правил к северу от Дуная». Варвар-победитель, сопоставляемый с русским князем, к удивлению ромея принял его с почетом и вернул ему управление областью «Климаты» (ГИБИ-V 1964: 299-302; см. Тъпкова-Заимова 1976: 44-51; Божилов 1979: 41, 43 и др.; Сахаров 1982: 113).

Более того, он сделал на первый взгляд неожиданно щедрый жест в пользу византийца: «Прибавил целую сатрапию и дал мне значительные ежегодные доходы в своей земле» (см. Тъпкова-Заимова 1976: 44-51; Божилов 1979: 43; Сахаров 1982: 114). Сам «греческий топарх» говорит, что враждебные империи варвары, прежде настолько славились справедливостью и законностью, что «и города, и народы добровольно присоединялись к ним» (Божилов 1979: 41; Сахаров 1982: 113).

7. «Да, скифы мы!»

Однако контакты прибывшей на территорию Болгарии армии Святослава не ограничились связями с правящей элитой. Есть основания полагать, что население покоренной страны довольно быстро выработало линию поведения с завоевателями. Несмотря на то, что немало историков определяли деятельность Святослава и его сподвижников как бродячей дружины варягов, эта оценка ни в коей мере не соответствует действительности.

Византийские авторы стремились изобразить росов вроде диких зверей, нарисовать жестокие сцены массовых расправ. Например, взяв Филиппополь (совр. Пловдив), Святослав по сообщению источника «посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность» (Лев Диакон 1988: 56). Однако, даже если такого рода известия и имеют под собой основание, пребывание отрядов киевского князя не было похоже на походы Игоря, Олега и их предшественников в эти земли. Тем более, завоевание Святослава не походило на вторжения скандинавов в западноевропейские пределы, где возникла знаменитая молитва: «Избави нас, Боже, от дьявола и от норманнов» (ИЕ 1992: 528-530 и др.).

Свидетельства источников дают примеры

совместных действий русских и болгарских военных отрядов против Византии. Лежащий на поверхности ответ о том, что такой союз держался исключительно на принуждении и на общей ненависти к империи явно упрощен. Описание действий антивизантийских сил в сочинении Иоанна Скилицы таково: «Варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и патцинаки выступали отдельно» (Скилица 1988: 123). Исследователи обратили внимание на возможность такого объединения болгар и русов благодаря двум обстоятельствам — сходству военной организации и общности языка. Эти точки соприкосновения и делали боевое взаимодействие вчерашних врагов эффективным (Тихомиров 1947: 149-150). Хотя греческие источники и называют фантастические цифры вражеских войск — 308 тыс., можно думать, что основную часть болгарских подразделений составляли не профессиональные воины, а ополчение. В рядах воинов и делались первые шаги к взаимному узнаванию культурного родства. Болгарско-русское объединение имело ярко выраженную антивизантийскую платформу, поэтому его особенно поддерживали силы, не желавшие ни под каким предлогом допускать гегемонии империи. Высказано мнение о существовании в Болгарском царстве двух партий — прорусской и провизантийской. О представителях первой П.О. Карышковский писал: «Болгары видели в русском князе своего вождя против ненавистной Византии, а Святослав чувствовал себя в некоторой степени преемником политических заветов Симеона» (Карышковский 1951: 104-105). Действительно, источники сохранили «указание» князя в адрес императора: «Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых стращают всякими пугалами». Святослав не останавливается перед прямыми угрозами: «Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия… и покажем ему на деле, что мы… мужи крови, которые оружием побеждают врага» (Лев Диакон 1988: 58). Могли ли такие намерения оставить равнодушными те слои болгарского общества, в которых жила слава побед царя Симеона (893-927)?

Трудно отрицать роль войн Святослава в развитии болгарско-русских культурных связей, на которую указывают историки (Михайлов 1986: 69). Они несомненно открывали и болгарам, и русским близость их обычаев, древних общеславянских обрядов. На эту основу отношений указывает «греческий топарх», в записках которго местные жители «были соседями царствующего к северу от Дуная, … не отличались по обычаям от тамошних жителей в собственном быту». В этом обстоятельстве византиец видит одну из причин, толкнувших прежде подвластных империи людей перейти на сторону варваров-победителей: «Они решили заключить с ними договор и передаться ему и сообща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое» (Божилов 1979: 43; Сахаров 1982: 114).

О близости нравов болгар и русских того времени говорят конкретные примеры. По сообщению Константина Багрянородного росы «приносят в жертву живых петухов… Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми» (Константин Багрянородный 1991: 49). Жертвоприношения петухами, упомянутые как русский обряд и в связи с походами Святослава: «Они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (Лев Диакон 1988: 78; Симеонова 1992: 306-312). Приведенные данные, отчасти находят соответствия в этнографии северо-восточной Болгарии. Знаменательно, что такая жертва приносится в честь мальчиков, мужчин (Генчев 1979: 21-37). Обращено внимание и на общность клятвы оружием, в частности мечами. У болгар она называется в ответах на вопросы папы Николая I (Тихомиров 1947: 139-149; Петрова 1992: 38-39). Если же говорить о сходствах народных праздников, древних поверий и т. п., то эти аналогии можно представить в виде очень длинного списка. Они прослеживаются вплоть до XX в. и не приходится сомневаться, что 1000 годами ранее их родство являлось еще более очевидным. Столетие христианства в Болгарию в условиях существования известных болгарско-славянских противоречий и широкого распространения богомильства не могло оттеснить, а тем более стереть в сознании населения традиций славянского язычества. Не это ли единство подразумевали в Византии, когда оба народа именовали «скифскими»? При этом далеко не всегда из греческих текстов понятно идет ли речь только о болгарах, только о росах или о тех и других вместе.

8. «Воссия мирови свет разума»?

Отличие болгар и россов в принципе можно вписать в антитезу «христиане — язычники», разыгрываемую в событиях 968-971 гг. Византийской империей. Однако такая постановка вопроса справедлива лишь отчасти. Конечно, на уровне отношений священников и жрецов — это антагонизм, тогда как в бытовом общении низов данное противоречие может сглаживаться до минимума. Для настоящей работы как раз и важно установить повседневность отношений рядовых участников событий. А она предстает в следующем виде. По замечанию византийского историка, во время осады Преслава «погибло также множество мисян, сра-

жавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов» (Лев Диакон 1988: 72). К этому отрывку по смыслу, по всей видимости, примыкает эпизод, связанный с осадой Доростола, когда положение войска Святослава стало безнадежным. «Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев» (Скилица 1988: 130). Скорее всего, это были болгарки из числа тех, кто до конца был с русскими. В дни мира эти контакты являлись еще более тесными.

Неожиданный бросок через Балканы армии Иоанна Цимисхия произошел накануне Пасхи. Это стало возможным, по словам Льва Диакона из-за беспечности «скифов», не перекрывших «ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы». По мнению императора «их обмануло приближение святой пасхи, они не преградили дороги, не закрыли пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны». Получив известие, что «пока еще скифы бездействуют», император предложил: Мы …сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, покуда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах» (Лев Диакон 1988: 69-70). Этническая терминология позволяет находить в лице врагов империи и болгар, и росов, так или иначе сообразующих свои действия с христианскими праздниками. С другой стороны известно описание время провождения в лагере Святослава под Аркадиополем, где россы и болгары составляли одно целое. «Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках» (Скилица 1988: 122). Возьмемся предложить, что болгары не отличались в своей массе преданностью христианству, а росам вероучение Христа не было абсолютно чуждым.

Об отношении россов к христианству во второй половине X в. свидетельствуют целый ряд данных. Имеются сведения о крещении части восточных славян, а возможно и варягов еще в 860 г., то есть примерно в одно время с принятием христианства болгарами. О существовании в Киеве церкви Св. Ильи при князе Игоре, в дружине которого было немало христиан, также хорошо известно. Яркий пример тому показала и княгиня Ольга, в крещении Елена — мать Святослава. Чтобы приобщиться к новой вере, она специально приехала в Византию, где ее крестным отцом стал сам император. Правда, существует мнение, что она приняла христианскую религию еще до визита в Константинополь. Будучи ревностной христианкой, Ольга-Елена воспитала таким внука — наследника Святослава, князя Ярополка (ИУ 1981: 352-353). О личной позиции Святослава летопись сообщает: «Учила его мать принять крещение, но он и не думал и не прислушивался к этому: но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем». Однажды он как будто бы даже заявил Ольге: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться» (ПВЛ 1996: 167).

Очевидно, христианство вошло в киевский княжеский дом едва ли не одновременно со славянством, ведь Святослав был первым представителем династии Рюриковичей, носившим славянское имя. Но не слышатся ли в имени княжича, названного «Святославом», христианские аллюзии? Стоит подчеркнуть, что Ольга указывала путь христианизации сыну, убеждая его: дружина последует примеру князя! Однако суровый воин, судя по всему, считал поклонение христианским святыням, отправление новых обрядов и исповедование ценностей «всеобщей любви» не мужским делом. Последующее плотное общение с болгарами показывало возможность быть христианами восточного обряда и не идти на поклон к византийцам. К тому же этот шаг был подготовлен и существованием к середине X в. славяноязычной христианской литературы. В сущности, Русь шла одной дорогой с Болгарией, но вслед за ней. В какой-то мере это понимало или скорее чувствовало воинство Святослава, собиравшееся навсегда осесть со своим князем в Подунавье. Иначе трудно понять, почему росы почти благоговейно относились к христианским храмам, не подвергая их разграблению.

9. «Велика Россия, а отступать некуда!»

Военные победы византийцев стали главной причиной краха замыслов Святослава. После падения Преслава в руках императора оказались «многие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев» (Лев Диакон 1988: 73). Инициатива перешла к провизантийской партии, за которой устремилась и дезориентированная обещаниями византийцев-единоверцев рядовая часть болгарского общества.

Русский князь, находившийся тогда в Доростоле, вынужден был попытаться остановить развал единства антивизантийских сил репрессиями. Как сообщает источник, первыми жертвами пали его болгарские сторонники из Доростола и окрестных земель, которые могли стать на путь измены. «Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ро-

меям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму» (Лев Диакон 1988: 73).

Святослав Игоревич принял чрезвычайные меры: «Находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи». Запертые в крепости Доростола с суши и реки росы потеряли надежду на подкрепление извне. «Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке» (Скилица 1988: 127, 130). Этот пассаж любопытен своей откровенностью. Выясняется, что только страх перед византийцами и удерживал варваров от солидарности друг с другом. Произошедшим расколом в полной мере воспользовались ромеи.

Уход Святослава из низовий Дуная выглядит довольно странным. Во-первых, он настаивал на борьбе с ромеями даже тогда, когда уже не оставалось шансов на успех. Во-вторых, вопреки данному обещанию не приходить с войсками в Болгарию, он к этому и стремился. «Пойду на Русь, приведу еще дружины» (ПВЛ 1950: 249), — передает его слова русский летописец. Далее князь отправился на Русь морем, хотя Свенельд советовал ему идти по суше. Еще более странным выглядит решение Святослава зимовать на Белобережье — близ устий Днепра, а не возвращаться поскорее в Киев. Только ли печенеги явились виновниками той голодной зимы?

По имеющимся материалам так нельзя сказать, поскольку Свенельд вполне благополучно добрался домой. Значит, князь нарочно медлил, а печенежские заставы являлись лишь благовидным поводом для заминки. В то же время получается, что умудренный опытом полководец Свенельд бросил на произвол судьбы своего господина. По средневековым законам такой поступок приравнивался к предательству и должен был караться смертью. Действительно, в литературе существует и такая трактовка. Однако в нее поверить трудно (Рыбаков 1964: 47). Более правдоподобна, на мой взгляд, версия С.М. Соловьева, который подчеркивал, что Святослав «отправился навсегда в Болгарию, свою страну». После серьезной неудачи на Дунае князь принужден был «возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья: в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае, ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место: притом как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну, для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную землю» (Соловьев 1988: 160).

Святославу Игоревичу, находившемуся в расцвете лет неукротимому воину, такой поворот судьбы казался немыслимым. По всей видимости, он ждал на пол пути между Переяславцем и Киевом прихода Свенельда с вновь набранными на Руси отрядами. Князь верил в свою звезду и жаждал реванша. Однако к весне так и не подоспели дружины, на которые он возлагал все свои надежды.

Можно догадываться, кто воспрепятствовал организации нового похода. Скорее всего, решающую роль в этом сыграла основательно укрепившаяся в Киеве за время отсутствия Святослава боярская группировка, от имени которой правил юный князь-христианин Ярополк Святославич. Она более, нежели территориальным расширением Руси, интересовалась установлением стабильных границ и внутреннего порядка. Для нее устремления сына Ольги оставались чуждыми, ибо в основном эта знать происходила из местных, привязанных традицией к своим землям родов. Находившиеся у власти люди не обладали мобильностью купцов и воинов севера. В Поднепровье конца IX — середины X вв. данный тип представляли главным образом пришельцы. Они зачастую и составляли основу дружинной верхушки, ратовавшей за организацию дальних походов. Что касается молодежи, то ее наиболее активная часть покинула родные места несколькими годами раньше — в начале первого и второго походов на Балканы. Уже по этим причинам неистовый князь-воин Святослав оказался обреченным…

Дело довершили печенеги, направленные против росов то ли болгарами-«переяславцами» (ПВЛ 1996: 171), то ли византийцами – специальное посольство Феофила, архиепископа Евхаитского, побывало у кочевников (Скилица 1988: 132; ГИБИ-VI 1965: 274). Собственно говоря, эта хитрость, направленная на физическое устранение Святослава, является едва ли не самым замысловатым ходом империи в отношениях с росами. В других случаях Константинополь действовал достаточно прямолинейно. Когда привлеченные для нападения на Болгарию силы варваров обосновались на Нижнем Дунае, от них потребовали немедленно уйти «в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям и издавна считается частью Македонии» (Лев Диакон 1988: 56). Отказ однозначно фиксировал начало боевых действий. В дальнейшем ультиматумы чередовались военными столкновениями.

Правда, люди императора напоминали русскому князю о договоре, заключенном с его отцом, Игорем, и осада Доростола завершилась подписанием аналогичного документа. Любопытен факт признания самими греками

высокой цены этого соглашения. Императору якобы помог в критический момент Св. Феодор Стратилат, но для убедительной победы сил не хватило. Поэтому когда послы росов пришли договариваться о мире, предъявив ряд своих требований, император «с радостью принял эти условия» (Лев Диакон 1988: 81). При всем этом Святослав и его воины оставались для греков свирепыми полудикими существами.

10. «При красоте такой, была бы ты у нас…»

По отношению к болгарам византийцы занимали двоякую позицию. С одной стороны, ромеи не хотели «как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени», которое подчиняется «вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу». Не случайно Лев Диакон описывает варварскую страну словами Гомера, утверждая от имени императора, что в этой земле «беда за бедою восстала». Болгары на взгляд византийцев слабые воины, поскольку при нападении росов «не выдержали первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле». С другой стороны, тот же автор пишет: «Мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию», а их царя Петра знает как «мужа боголюбивого и благочестивого». Он же называет только трех императоров, совершивших победные походы в Болгарию. «История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле» (Лев Диакон 1988: 36, 44, 45, 56). Последнее обстоятельство вовсе не мешало ромеям считать Мизию своим владением.

Византия в сложные для себя времена особенно усиленно эксплуатировала тему единой веры. На религиозной платформе строился союз против росов еще при Никифоре Фоке. Император через своих послов, припомнив болгарам о христианских идеалах, «попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами». Мисяне с радостью откликнулись на сделанное предложение. Они послали к василевсу «девиц царской крови…, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить повисшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее». В другом месте автор повторяет, что болгары «простирали с мольбой руки, заклиная императора прийти к ним на помощь» (Лев Диакон 1988: 45-46). Однако наметившееся болгаро-византийское объединение не состоялось.

Новый правитель ромеев Иоанн Цимисхий действовал уже против болгарско-русского союза. Чтобы расстроить его требовалась впечатляющая военная победа и потому император заявил: «С первого же приступа овладеем городом Преславой, столицей мисян, а затем … легко обуздаем безумие росов». Византийская армия устроила в болгарской столице настоящую резню: «Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро» (Лев Диакон 1988: 69,72). Царь Борис II был пленен и приведен к Цимисхию. «Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески» (Скилица 1988: 125-126). Разумеется, такая дипломатия, направленная на раскол в среде союзников, являлась верхом лицемерия. Высокая риторика на фоне трупов совсем не убеждала в искренности намерений византийцев, но открывала путь в их лагерь для соглашателей из числа болгар. Эта тропка мостилась рассуждениями о единоверцах — «спасителях» и «спасенных». Однако реальные события совсем скоро полностью развенчали лживость имперских деклараций.

Греческие историки сами рассказывают о кощунствах, которые совершил в болгарских церквях магистр-пьяница Иоанн Куркуас: «Говорят, что он разграбил в Мисии много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды» (Лев Диакон 1988: 78).

Финальным аккордом византийской освободительной эпопеи явился триумф в Константинополе. Император на века прославил себя тем, что «всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию» Жители столицы, поднесли ему дорогие «венцы и скипетры», «украшенную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми. …Устлав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и венками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение богородицы… Сам он следовал на резвом коне сзади». Затем Иоанн Цимисхий отправился в императорский дворец, «ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, …багряницы и красных полусапог» (Лев Диакон 1988: 82-83).

Бегство Бориса II около 977 г. из ромейского плена обернулось несчастным случаем. У границы родной земли царь-неудачник был убит одним из своих воинов. Пограничная стража приняла одетого в византийское платье человека за чужого… (Андреев 1992: 81; КК 1994: 41-42).

11. «Конец хоть не трагичный, но досадный»

Несмотря на очевидную близость по ряду этнокультурных характеристик болгар и росов, они не могли стать друг для друга своими. Кроме военных поражений, этому сильно препятствовала значительная разность уровней общественного развития. Русская полуварварская государственность, сохранявшая традиционное устройство и управление своих составных, главным образом выражалась в их даннической зависимости от центра. В Болгарии такого рода отношения были изжиты с ликвидацией Славиний еще в IX в. Кроме того, в Подунавье уже дал свои зримые плоды славяно-болгарский синтез. Сложился отдельный этнос в какой-то мере противостоящий восточнославянскому типу. Святослав, похоже, не учел всех возможностей Византии и не сразу увидел ограниченности своей власти в распоряжении людским потенциалом Руси. В результате он очень быстро исчерпал экспансионистские резервы восточных славян. Оторвавшись от Поднепровья, князь перестал там восприниматься в Киеве как свой, в сущности, лично отказавшись от этого статуса. Способы освоения Подунавья, проводимые русским князем, в сочетании с постоянным противодействием другого претендента на эту роль в лице императора Византии дезориентировали болгар. Ромеи действовали более изощренно, эксплуатируя христианское сознание населения Болгарии. Это помогло им нейтрализовать единоверцев, а затем ценой чрезвычайных усилий вытеснить войско Святослава Игоревича из района Нижнего Дуная. Вслед за тем пришел черед своих-чужих болгар, страна которых стремительно была превращена в провинцию империи.

Кажется из столкновения Руси с Болгарией выиграли только греки, в руках у которых при императоре Иоанне Цимисхие опять оказалась вся северо-восточная Болгария, включая земли по обе стороны от устья Дуная. Кратковременный успех Болгарского царства на северо-востоке после смерти Иоанна Цимисхия не изменил общий ход событий — самостоятельного существования государства были сочтены. В 1018 г. страна полностью лишилась независимости и почти на два столетия попала под власть Византии. Ранее других эта участь постигла земли по обе стороны Нижнего Дуная, где была создана стратегически важная для империи фема Паристрион, то есть «Подунавье». Ее центром стала крепость Дуросторум (Силистра), где находился глава провинции (ИБ 1982: 23).

Святослав остался в памяти русского народа как герой легендарный. По некоторым данным былинный Дунай Иванович, он же Дунай Переславьев есть никто иной, как отважный киевский князь (см. Коновалова, Перхавко 2000: 61). У настоящего же Святослава печенеги «взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» (ПВЛ 1996: 172). Когда-то в 811 г. болгарский хан-язычник Крум (802-914) угощал славянских князей из подобного сосуда, бывшего до поры черепом поверженного византийского императора Никифора I (Андреев 1992: 31; КК 1994: 228).

Что касается земель Нижнего Подунавья, то их богатства по-прежнему вызывали восторг всего мира. В середине XII в. арабский автор ал-Идриси о здешних «цветущих» городах, что в них имеются «высокие здания и постройки с широкими сводами». Они отличались большими размерами, «многолюдными и изобильными базарами», многочисленными полями вокруг и низкими ценами на зерно (Коновалова 1999: 153-154, 159-160; Коновалова, Перхавко 2000: 203). Формально здесь правили византийцы, фактически диктовали свои условия степняки, среди населения преобладали болгары, а русские князья и в XII в. мечтали переселить к себе «болгар дунайских» да не очень успешно назначали «посадников по Дунаю» (ПВЛ 1996: 251, 267-268). Близ устья великой реки как и прежде сходились «все блага».

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов Д. 1992. История на средновековната българска държава и право. София.

Андреев Й. 1992. Българските ханове и царе VII-XIV век. София.

Атанасов Г. 2001. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието // Studia balcanica. 23. София. С. 185-214.

Бернштейн С.Б. 1975. Болгарско-русский словарь. М.

Божилов И. 1979. Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София.

Божилов И. 1983. Цар Симеон Велики (893-927): Златният век на Средновековна България. София.

Венедиков И. 1979. Военното и административното устройство на България през IX и X век. София.

Генчев Ст. 1979. Общи елементи в обичайната система на българи и руси // Българска етнография. IV. Кн. 2. София. С. 21-37.

ГИБИ 1964. — Гръцки извори за българската история. Т. V. София. (Лъв Дякон. История. С. 245-276; Записка на готския топарх. С. 296-302).

ГИБИ 1965. — Гръцки извори за българската история. Т. VI. София. (Кедрин — Скилица. Кратка история. С. 199-340).

Греков Б.Д. 1953. Киевская Русь. Л.

Грушевський М.С. 1994. Історія України-Руси. Т. 1. Київ.

Гюзелев В. 1969. Княз Борис I. София.

Димитров Х. 1998. Българо-унгарски отношения през средновековието. София.

Дресел Г. 1999. Историческа антропология. Въведение. Благоевград.

ИБ 1982. — История на България. Т. 3. Втора българ-

ска държава. София.
ИЕ 1992. — История Европы. Т. 2. М.
ИУ 1981. — История Украинской ССР. Т. I. Киев.
Карамзин Н.М. 1989. История государства Российского. Т. I. М.
Карышковский П.О. 1951. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. № 8.
Козлов В.В. 1997. Славяно-болгарская колонизация степного междуречья Дуная и Днестра в раннем средневековье // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Т. 3. М. С. 99-115.
КК 1994. — Андреев Й., Лазаров И., Павлов П. Кой кой е в средновековна България. София.
Колесов В.В. 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л.
Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.
Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. Дневняя Русь и Нижнее Подунавье. М.
Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей. М.
Лев Диакон. 1988. История. М.
Литаврин Г.Г. 1988. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Как была крещена Русь. М. С. 309-323.
МДСБ 1991. — Международни договори на средновековна България (681-1396). София.
Михайлов Е. 1986. Киевска Русия и България през X в. // Руско-български връзки през вековете. София. С. 62-70.
Мутафчиев П. 1973. Русско-болгарские отношения при Святославе // Избр. произведения. Т. 2. София. С. 233-254.
ПВЛ 1996. — Повесть временных лет. СПб.
Петрова Г. 1992. Престъпленията в средновековна България. София.
Платонов С.Ф. 1993. Сочинания в 2-х томах. Т. 1. СПб.
ПСРЛ 1965. - Полное собрание русских летописей. Т. IX: Патриаршая или Никоновская летопись. М.
Пушкарев С.Г. 1991. Обзор русской истории. М.
Рашев Р. 1995. Североизточната археологическа граница на Първото Българско царство // БСП. Т. 4. С. 89-95.
Руссев Н. 1996. Българи, византийци и руси по долното течение на Дунав през 968-971 г. // БСП. Т. 5. С. 175-187.
Рыбаков Б.А. 1964. Первые века русской истории. М.
Сахаров А.Н. 1977. Поход Руси на Константинополь в 907 году // История СССР. № 6. С. 72-103.
Сахаров А.Н. 1982. Дипломатия Святослава. М.
Свердлов М.Б. 1992. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М.
Симеонова Л. 1992. Лъв Дякон и човешките жертво приношения край Доростол: мит или действителност // България, Балкани и Европа. Велико Търново. С. 306-312.
Скилица. 1988. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. М. С. 121-133.
Смиленко А.Т. 1991. Спорные вопросы в изучении древностей VIII-X вв. Северо-Западного Причерноморья // Древности юго-запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э). Кишинев. С. 166-185.
Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Соч. Кн. I. Т. I. М.
Субтельный О. 1994. Украина: история. Киев.
Тихомиров М.Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVI в. // Славянский сборник. М. С. 125-201.
Тойнби А.Дж. 1991. Постижение истории. М.
Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на X-XII в. София.
Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
Цанкова-Петкова Г. 1986. Културни и политически връзки и отношения между България, Киевска Русия и Византия през ранното средновековие // Руско-български връзки през вековете. София. С. 71-81.
Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. 1995. Nonarchaelogycal theory and problem of cultural Heritage // World Archeological Bulletin. № 8. P. 9-18.
Spinei V. 1996. Ultimele valuri migratoare la nordul Mării Negre şi al Dunării de Jos. Iaşi.

И.Г.Коновалова

ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА «ХАЗАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО»

I.G.Konovalova. The oriental policy of Svjatoslav in the context of international struggle for «khazarian heritage».

The eastern campaign of Svjatoslav is commonly viewed as a matter of bilateral Rus-Khazar relations that put an end to Khazarian state. Meanwhile the study of muslim sources containing information about the collapse of Khazaria and the international situation in the Lower Volga region in the second half of the Xth century shows that the disappearance of Khazaria from the political map of Eastern Europe exceeded the limits of bilateral Rus-Khazar relations. It was a result of interaction of several forces involved in the struggle for «khazarian heritage» – the Rus, Khwarezm, the Volga Bulghars, the Turks, Sharvan. Svjatoslav managed to draw the western regions of Khazaria into the zone of russian influence but his further extention to the east was only a relative success and in the end did not lead to the strengthening of the Rus in the Lower Volga region.

Походу Святослава на Хазарию посвящена обширная историография, в которую внесли свою лепту как историки-русисты, так и востоковеды и археологи. При этом, если в работах ориенталистов делались попытки обратить внимание на международную обстановку, сложившуюся в то время в районе Нижней Волги благодаря политике соседних с Хазарией стран (Marquart 1903: 474–475; Бартольд 1963: 847–851; Validi Nogan 1939: 319; Артамонов 1962: 426–431; Калинина 1976: 90–101; Новосельцев 1990: 219–231), то специалисты по истории Древней Руси предпочитали рассматривать восточный поход Святослава, главным образом, как факт двусторонних русско-хазарских отношений, их, так сказать, финальный аккорд, положивший конец Хазарскому каганату как государству (Греков 1953: 334–335, 456–460; Пашуто 1968: 93–95; Гадло 1971: 59–63; Сахаров 1991: 40–48, 91–97). Задачи нашего исследования требуют сочетания обоих подходов к проблеме, что позволит оценить восточную политику Древней Руси как элемент системы международных отношений второй половины X в.

В изучении конкретных вопросов, связанных с походом Святослава на Хазарию, до сих пор есть немало неясностей. В частности, нет единства мнений относительно того, сколько раз ходили русы на хазар — один или два; какие цели преследовал Святослав, посылая войска на восток; каким образом это военное предприятие повлияло на взаимоотношения Руси с кочевниками, Волжской Булгарией, народами Северного Кавказа, Византией; какую роль в падении Хазарии сыграли ее соседи — Булгария, Хорезм, Ширван и кочевники.

Круг источников, традиционно привлекаемых для разработки этого сюжета, после публикации И.Х.Крамерсом в 1938–1939 гг. более полной редакции труда Ибн Хаукала по стамбульской рукописи 1086 г. остается практически неизменным — это Повесть временных лет и сочинения арабских географов и историков Ибн Хаукала и ал-Мукаддаси (X в.), Ибн Мискавайха (XI в.) и Ибн ал-Асира (начало XIII в.). Сообщение Ибн Хаукаля вкратце пересказывает Ибн Са'ид (вторая половина XIII в.), а к труду Ибн ал-Асира восходят известия ад-Димашки (первая треть XIV в.). Сведения источников в отдельных — причем весьма существенных — деталях расходятся между собой. Например, под 965 г. Повесть временных лет говорит о походе Святослава на хазар (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53), а Ибн Мискавайх и Ибн ал-Асир — о нападении на хазар каких-то тюрок (Ибн Мискавайх: 209; Ибн ал-Асир. Т. VIII: 418); Ибн Хаукал сообщает о том, что пришедшие «из Рума», то есть из Византии, русы обрушились на хазар и их соседей в 358 г.х. (с 25 ноября 968 по 13 ноября 969 г.) (Ибн Хаукал/Крамерс: 393, 397; Ибн Хаукал: 286), а согласно Повести временных лет, Святослав провел все это время в Киеве подле умирающей матери, поглощенный своими планами о перенесении столицы государства с берегов Днепра в Нижнее Подунавье (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–69; Т. II. Стб. 53–56).

В связи с необходимостью как-то объяснить столь разноречивые данные был высказан целый ряд соображений: так, предлагалось допустить, что под «тюрками» арабских авто-

© И.Г.Коновалова, 2000.

ров на самом деле скрываются русы (Бартольд 1963: 847–852; Dunlop 1954: 244; Артамонов 1962: 431), или рассматривать этих «тюрок» — печенегов либо огузов — в качестве союзников Святослава (Validi Togan 1939: 319; Толстов 1948: 252; Калинина 1976: 94; Плетнева 1986: 71–72; Новосельцев 1990: 225–226), или считать, что в 969 г. из Киева на Волгу было послано войско, которым Святослав лично не командовал (Калинина 1976: 97; Новосельцев 1990: 9, 226–227), или полагать, будто датировка похода в Повести временных лет целиком соответствует действительности, а дата Ибн Хаукаля относится не ко времени похода, а к моменту записи ученым рассказов хазарских беженцев (Бартольд 1963: 849–850; Якубовский 1946: 470–471; Артамонов 1962: 427; Минорский 1964: 26; Сахаров 1991: 45). Нетрудно заметить, что попытки примирить данные различных источников опираются на априорное представление о том, что в сообщениях древнерусского летописца о походе Святослава, с одной стороны, и рассказах арабских ученых о военных действиях русов на Нижней Волге — с другой, всякий раз говорится об одном и том же событии, в котором должны были принимать участие одни и те же действующие лица. Между тем даже беглый взгляд на источники информации как летописи, так и арабских авторов предостерегает от прямого сопоставления сведений этих двух групп источников.

Собственно говоря, идея о том, что в древнерусских, с одной стороны, и в восточных источниках — с другой, может идти речь о разных событиях, не нова. Она была предметом оживленной научной полемики в первой трети прошлого столетия. Ф.Вестберг, Й.Маркварт, Э.Квален утверждали, что поход Святослава на хазар в 965 г. был никоим образом не связан с экспедицией на Нижнюю Волгу в 969 г., которую, по мнению этих ученых, совершили не киевские русы, а скандинавские норманны (Marquart 1903: 474; Вестберг 1908: 5; Kvalen 1931: 3); в настоящее время сходную точку зрения отстаивает Р.Г.Скрынников (Скрынников 1995: 32–33). С предположением о том, что было два похода на Хазарию, участники каждого из которых прибыли из разных мест, согласился В.А.Мошин (Мошин 1933: 193–195). Он в то же время не поддержал мысль о появлении на Волге скандинавов, сославшись на то, что «ни один источник не называет скандинавских норманнов X века — русью». Поход 969 г. В.А.Мошин приписывал азово-черноморским русам (Мошин 1933: 196–206), что уже ранее было высказано В.А.Пархоменко (Пархоменко 1924: 53, 90). Сторонники обеих изложенных точек зрения, таким образом, только поход 965 г. рассматривают как элемент государственной политики Древней Руси, а в событиях 969 г. главную роль отводят независимым от Киева отрядам норманнов, пришедших на Волгу либо из Скандинавии, либо из Приазовья или Византии.

В дальнейшей историографии вопрос о том, откуда пришли русы в Нижнее Поволжье в 969 г., долгое время обходили стороной, причем опровержением уже высказанных на этот счет взглядов не занимались. Молчаливо предполагалось, что русы могли появиться на Нижней Волге только из Киева, а полемика свелась, в основном, к вопросу о том, сколько состоялось походов — один или два (Греков 1953: 456; Рыбаков 1966: 495; Пашуто 1968: 93; Гадло 1971: 59–61; Сахаров 1991: 91–97). Вместе с тем в ряде исследований, выполненных за последние два десятилетия, наметился отход от попытки однозначного определения политической принадлежности русов, нападавших на города Нижнего Поволжья. Не сомневаясь в том, что поход на Волгу 969 г. следует рассматривать в рамках внешней политики Древнерусского государства, Т.М.Калинина и А.П.Новосельцев допускают, что к войскам из Киева могли присоединиться и отдельные отряды норманнов (Калинина 1976: 98; Новосельцев 1990: 229–230).

Составитель Повести временных лет, хотя и очень кратко, но излагает все наиболее важные события восточной кампании Святослава: он говорит о направлении похода, о состоявшемся сражении, о взятии хазарской крепости, о покорении ясов и касогов и о последующем возвращении князя в Киев (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53). Никаких видимых лакун в изложении нет. Географический ареал указанных сведений Повести охватывает Подонье, Приазовье и Прикубанье. В то же время ни об одном политическом событии, имевшем место в районе Нижней Волги не только в 60-е гг. X в., но и вообще на всем протяжении IX–XII вв., древнерусский летописец нигде не сообщает. Да и о самом Нижнем Поволжье автор летописи знает только то, что Волга «течет на восток в часть Симову» и «впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 7; Т. II. Стб. 6). Что же касается арабских авторов, то их данные о связанных с русами событиях 965–969 гг. весьма отчетливо локализуются как раз в Нижнем Поволжье, но вместе с тем в мусульманских источниках отсутствуют указания, которые позволили бы безоговорочно отождествить этих русов с воинами Святослава.

Согласно Повести временных лет, ближайшей целью похода Святослава на Хазарию было стремление подчинить себе вятичей, являвшихся в то время данниками хазар. Недаром летописную статью 965 г., повествующую о победе над хазарами, ясами и касогами, обрамляют известия о походах князя к вятичам: первый раз — в 964 г., когда он узнал о том, что вятичи платят дань хазарам, и вторично — в 966 г., когда Святослав сам возложил на вятичей дань (ПСРЛ. Т. I.

Стб. 64–64; Т. II. Стб. 52–53). В дальнейшем, по данным летописи, внешнеполитические интересы Святослава полностью сосредоточились на балканском направлении, если не считать вынужденного отражения печенежского нападения на Киев в 968 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–67; Т. II. Стб. 53–55). Таким образом, географической ареной его действий в 964–966 гг. были, во-первых, бассейн Оки, где обитали вятичи, во-вторых, Подонье, где им была взята хазарская крепость Саркел, и в-третьих, Прикубанье — земли алан (ясов) и адыгов (касогов). Все эти территории либо со временем вошли в состав Древнерусского государства, либо были весьма тесно с ним связаны. Поэтому восточный поход Святослава 965 г., судя по сообщениям Повести, был хорошо продуманным и результативным предприятием.

В Повести временных лет нет упоминаний ни о походах Святослава на Нижнюю Волгу, ни о посылке в этот район каких-либо военных отрядов из Киева. Волга (к тому же не Нижняя, а Средняя) упоминается лишь в статье 964 г., где говорится о том, что Святослав «пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53). Следуя таким маршрутом, Святослав должен был бы выйти к Волге где-то в районе Волжской Булгарии, что, возможно, и могло входить в его первоначальные намерения, но, скорее всего — судя по контексту сообщения, — он ограничился знакомством с бассейном Оки, где проживали вятичи. Не исключено, как это предполагал А.П.Новосельцев, что дальнейшему продвижению Святослава на восток в 964 г. помешали хазары, чем отчасти и спровоцировали его поход 965 г. (Новосельцев 1990: 225).

Отсутствие в Повести временных лет каких-либо сведений о действиях Святослава, локализуемых в низовьях Волги, представляется не случайным прежде всего по той простой причине, что трудно вообразить, зачем вообще мог понадобиться правителям Киева тотальный разгром торговых городов Итиля и Самандара, страшную картину обезлюдения которых рисует со слов самих хазарских беженцев Ибн Хаукал. Русские купцы начали осваивать бассейн Каспийского моря еще в IX в., а к середине X в., по словам арабского энциклопедиста ал-Мас'уди, в Итиле уже имелась колония русов и славян, которые компактно проживали в восточной, купеческой, части города и пользовались судебным иммунитетом (Мас'уди/Мурудж: 11). Положение русских торговых людей в столице Хазарии в середине X в. было, по всей вероятности, вполне благоприятным, ибо, согласно тому же ал-Мас'уди, русы и славяне служили в войске хазарского царя, а также входили в состав его челяди (Мас'уди/Мурудж: 12). Численность славяно-русской гвардии, по приблизительным подсчетам, могла составлять около 5 тысяч воинов[1].

Русские купцы посещали и Булгар, который, по данным ал-Истахри, был связан с Киевом сухопутным маршрутом (Истахри: 225; Ибн Хаукал/Крамерс: 397). Экономическое присутствие русских на Нижней Волге было столь значительным, что Ибн Хаукал называл Атил-Волгу «Русской рекой» (Ибн Хаукал/Крамерс: 388). Захват западных областей каганата, прежде всего Тамани и Нижнего Подонья вместе со стратегически важным Саркелом, открывали перед Русью новые перспективы по эксплуатации Волго-Донского пути, вследствие чего и Киев, и жители русской колонии в Итиле были больше заинтересованы в стабильном функционировании Волжского торгового пути, чем в разрушении хазарской столицы. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, захват русами богатого закавказского города Бердаа в первой половине 40-х гг. X в. наглядно продемонстрировал, что в политике русов (как бы ни решался вопрос о том, откуда они пришли) явно наметился переход от разбойных набегов на области Прикаспья к попыткам обеспечить эффективное управление завоеванной областью при сохранении привычного образа жизни для местного населения (историографию см.: Половой 1961: 100–102). Таким образом, причины разгрома Итиля следует искать, на наш взгляд, не столько в гипотетических действиях Святослава, сколько в той политической обстановке, которая сложилась на Нижней Волге в середине — второй половине 60-х гг. X в.

Представители русской колонии в Итиле были не единственной экономической и политической силой в городе. Помимо самих хазар, в Итиле находилось большое число выходцев из стран ислама — купцов и ремесленников, всего около 12 тысяч человек, по данным ал-Истахри (Истахри: 221). В это число не входили члены мусульманской гвардии хазарского царя, которая комплектовалась за счет выходцев из окрестностей Хорезма и в арабских источниках носила название *ал-ларисийа* или *ал-арсийа* (Мас'уди/Мурудж: 10–12). В.Ф.Минорский предложил толковать это наименование как указание на то, что гвардейцы происходили из алан, издавна обитавших в Средней Азии (Минорский 1963: 194). Мусульманская гвардия насчитывала в середине X в., по данным ал-Мас'уди, около 7 тысяч всадников в кольчугах и

[1] Арабские авторы первой половины X в. (ал-Истахри и ал-Мас'уди) сообщают, что хазарское войско насчитывало в общей сложности 12 тыс. человек, из которых мусульманские воины составляли около 7 тыс. Поскольку известно, что хазарское войско комплектовалось также за счет русов и славян, то можно предположить, что численность последних была около 5 тыс. человек (см.: Новосельцев 1990: 121).

панцирях, вооруженных луками (Мас'уди/Мурудж: 11), и была достаточно автономным от центральной власти образованием. Гвардейцы как члены мусульманской общины подчинялись ее главе, который избирался каганом из состава гвардии и осуществлял, помимо функций имама, также практическое руководство делами общины, обладавшей правом судебного иммунитета. Последнее обстоятельство заключало в себе возможность самостоятельных выступлений гвардии на политической арене. Тому пример — события 912/913 гг., когда мусульмане Итиля вынудили хазарского царя позволить им жестоко расправиться с возвращавшимися из каспийского похода русами (Коновалова 1999: 116–118); понятно, что боеспособной частью итильских мусульман были именно гвардейцы-*ларисийа*.

Попытаемся восстановить последовательную картину событий в Хазарии в 965–969 гг. так, как она вырисовывается по всем известным на сегодняшний день источникам.

О том, что случилось в 965 г., говорится в Повести временных лет, а также в сочинениях Ибн Мискавайха и следовавшего за ним в изложении событий Ибн ал-Асира. Оба арабских автора сообщают о состоявшемся в этом году[2] нападении на страну хазар некоей группы (*таифа*) тюрок, обращении хазар за помощью к правителю Хорезма, который прогнал тюрок, после того как хазары согласились принять ислам. Ибн Мискавайх говорит о принятии ислама всеми хазарами, за исключением царя, а по утверждению Ибн ал-Асира, мусульманином стал также и хазарский царь (Ибн Мискавайх: 209; Ибн ал-Асир. Т. VIII: 418).

Следующее датированное известие принадлежит Ибн Хаукалу, в сочинении которого трижды говорится о разгроме Хазарии. Сообщения Ибн Хаукала неоднократно переводились, в том числе совсем недавно (Калинина 1976: 91–95; Новосельцев 1990: 221–222), поэтому отметим только основные упоминаемые им факты. В 358 г.х., т.е. в период с 25 ноября 968 по 13 ноября 969 г., русы захватили земли булгар, буртасов и хазар, опустошив города Булгар, Хазаран, Самандар и Итиль, после чего разделились на две группы и отправились в Византию (*ар-Рум*) и Испанию (*ал-Андалус*). Жители Итиля и Самандара, спасаясь от русов, покинули свои города, причем люди из хазарской столицы нашли убежище на островах Баб ал-абваб и Сийах-кух[3]. Большинство беженцев позднее вернулись в Итиль и Хазаран при содействии ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Йазиди (981–991) (Ибн Хаукал/Крамерс: 14, 393, 397; Ибн Хаукал: 286).

Наконец, имеется еще одно недатированное сообщение ал-Мукаддаси, которое в некоторых деталях существенно отличается от известий прочих авторов. Ал-Мукаддаси, ссылаясь на дошедшие до него слухи, пишет: «Я слышал, что ал-Ма'мун напал на хазар со стороны ал-Джурджанийи, покорил их и призвал к исламу. Еще потом я слышал, что войско из ар-Рума, которых зовут ар-Рус, напало на них и овладело их страной» (Мукаддаси: 361; Мукаддаси/Сериков: 288).

Даже беглого взгляда на приведенные данные источников достаточно, чтобы увидеть, что падение Хазарии выходит за рамки двусторонних русско-хазарских отношений. Исчезновение каганата с политической карты Восточной Европы было системным явлением, результатом политического взаимодействия нескольких сил — Хазарии, Руси, Хорезма, кочевников-тюрок, Ширвана.

В связи с анализом названных источников встает ряд вопросов, принципиально важных для толкования содержащихся в них сведений. Это, во-первых, локализация событий во всех источниках (кроме сочинения Ибн Хаукала, четко называющего место действия); во-вторых, идентификация народа, обозначенного у Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира как «тюрки»; в-третьих, хронология сообщения ал-Мукаддаси; в-четвертых, определение того, что за русы напали на Хазарию в 969 г. Мы не будем специально рассматривать вопрос о количестве походов русов на Хазарию, так как считаем, что гипотеза о том, что состоялись два похода, в 965 и 969 гг., является достаточно аргументированной после исследований Т.М.Калининой (Калинина 1976: 91–93) и А.П.Новосельцева (Новосельцев 1990: 225–227).

Начнем с событий 965 г. Повесть временных лет, как мы уже выяснили выше, повествует о состоявшемся в этом году походе Святослава на Дон и в Приазовье, арабские же авторы говорят о вторжении неких «тюрок» в «страну хазар», не указывая, где конкретно появились нападавшие. Однако из их дальнейшего повествования становится ясно, что внезапное появление тюрок поставило под угрозу само существование Хазарского государства, поэтому мы вправе предположить, что тюрки угрожали Итилю, где находилась резиденция кагана. На мысль о том, что описываемые в

[2] Ибн Мискавейх специально не датирует известие, но помещает его среди событий 354/965 г.

[3] Топоним «Баб ал-Абваб» («Ворота ворот») — одно из названий г. Дербента, крупного торгового порта на западном побережье Каспия. По предположению В.Ф.Минорского, Ибн Хаукал мог иметь в виду какой-то участок земли в устье Терека (Минорский 1963: 152). Название «Сийах Кух» в переводе с персидского означает «Черная гора». Арабо-персидские географы X в. использовали это наименование для обозначения гористого полуострова Мангышлак, а также лежащего к востоку от него плато Устюрт. Как полагают, в таком же значении употребляет этот топоним и Ибн Хаукал (Минорский 1963: 152; Новосельцев 1990: 246, прим. 615).

арабских источниках события 965 г. разворачивались в районе Нижней Волги, наводит и упоминание об исключительной роли Хорезма в отражении набега тюрок на Хазарию. По всей видимости, к Хорезму, тесно связанному с Нижним и Средним Поволжьем (Коновалова 2001в: 183–190), и восходили источники сведений Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира. Если древнерусский летописец описывал падение Хазарии, глядя с запада, то арабские авторы имели возможность наблюдать за событиями с востока. Таким образом, в 965 г. военные действия на территории Хазарии охватывали, с одной стороны, низовья Дона и Приазовье, куда отправился Святослав, а с другой — Нижнее Поволжье, куда вторглись некие «тюрки».

Вопрос о том, кто скрывается под напавшими на Хазарию в 965 г. «тюрками», до сих пор вызывает споры в историографии. Предлагаются следующие варианты идентификации: русы (Бартольд 1963: 847–852; Dunlop 1954: 244), печенеги (Якубовский 1946: 470–472), огузы (Validi Togan 1939: 319; Толстов 1948: 252; Пашуто 1968: 91; Плетнева 1986: 71–72[4]; Чарный 2000: 29–30). М.И.Артамонов и Т.М.Калинина усматривают в «тюрках» совокупное обозначение русов и их возможных союзников — печенегов и (или) огузов (Артамонов 1962: 431; Калинина 1976: 94).

Отождествление «тюрок» Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира с русами основывается на уверенности в том, что Повесть временных лет и оба арабских автора описывают одни и те же события, в то время как это еще надо доказывать. Хотя отдельные мусульманские авторы относили русов к тюркской этнической общности (Коновалова 2000: 240; Коновалова 2001б: 98), маловероятно, чтобы такой писатель, как Ибн Мискавайх, мог принять русов за тюрок. В том же Хорезме, к которому восходят источники информации Ибн Мискавайха о Хазарии, тюрки были прекрасно известны и их не путали с другими народами. Ибн Мискавайх был младшим современником событий, приведших к падению Хазарии; он знал русов как отдельный народ, имел представление об их месте жительства и о совершаемых ими экспедициях на Каспий — достаточно вспомнить его подробный рассказ о пребывании русов в Бердаа в первой половине 40-х годов X в. (Коновалова 1999: 118–119).

Участие печенегов в качестве самостоятельной силы в событиях 965 г. на Нижней Волге представляется невозможным по той причине, что к этому времени основная арена деятельности печенежских племен находилась далеко к западу от Волги. К тому же печенеги как раз в это время являлись объектом византийской дипломатии, отнюдь не заинтересованной в усилении Руси за счет Хазарии (Константин: 36–45).

Наиболее обосновано предположение о появлении в Нижнем Поволжье тюркского племени огузов (араб. *гузы*), и раньше беспокоившего своими набегами как Хазарию, так и Хорезм. В X в. кочевья огузов занимали обширную территорию Приаралья и Восточного Прикаспья, гранича на востоке с Северным Хорезмом, а на западе — с хазарами и буртасами на Волге. О вражде хазар и огузов есть сведения у Ибн Фадлана, который упоминает содержавшихся у хазар пленников-огузов, а также пишет о связях огузов с соперниками Хазарии — волжскими булгарами (Ковалевский 1956: 127–128). По данным ал-Мас'уди, огузы в первой половине X в. нередко вторгались в пределы Хазарии, доходя до Таманского полуострова (Мас'уди/Мурудж: 19). Следует заметить, что о вторжении «тюрок» говорят лишь те арабские источники, в которых подробно рассказывается о роли Хорезма в событиях на Волге, и это, скорее всего, не случайно. Обращение хазар за помощью против огузов именно к Хорезму было естественным, поскольку хорезмийцы и сами сильно страдали от ежегодных набегов этих тюркских племен.

Действовали ли огузы в 965 г. самостоятельно, или же они являлись союзниками Святослава? Дать определенный ответ на этот вопрос, наверное, не удастся, вследствие полного молчания наших источников, хотя сама по себе одновременность нападения наводит на мысль о возможной согласованности действий русов и огузов (известных на Руси под названием «торков»). Как уже отмечалось в литературе, в пользу союза косвенно может свидетельствовать развитие русско-торческих отношений в более позднее время (Новосельцев 1990: 227). В этой связи обычно вспоминают сообщение Повести временных лет под 985 г. о походе Владимира на болгар, осуществленном при помощи торков (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84; Т. II. Стб. 71), а также имевшее место много позже вхождение части торков в дружественный Киеву союз Черных клобуков (Плетнева 1990: 74–78). Еще одним аргументом в пользу договоренности Киева с огузами о совместном выступлении против Хазарии служат результаты археологических исследований на территории Саркела–Белой Вежи, благодаря которым установлено, что часть населения крепости в древнерусский период ее истории составляли именно огузы (Артамонов 1962: 316; Плетнева 1986: 67; Она же 1996: 137). Писавший незадолго до похода Святослава Константин Багрянородный, оценивая расстановку политических сил на юге Восточной Европы, отмечал, что огузы (греч. *узы*) способны воевать с хазарами (Константин: 50–51).

Датированные 965 г. сообщения Ибн Мис-

[4] В другой своей работе С.А.Плетнева пишет, что в походе Святослава принимали участие печенеги (Плетнева 1990: 17–18).

кавайха и Ибн ал-Асира о помощи хазарам со стороны Хорезма, по всей вероятности, отражают события, на самом деле охватывавшие куда более длительный промежуток времени. В 965 г., как справедливо предположила Т.М.Калинина, хазары обратились, скорее всего, не непосредственно в Хорезм, а к расквартированной в Итиле хорезмийской гвардии, которая вполне могла своими силами справиться с набегом кочевников-тюрок (Калинина 1976: 94).

Чтобы восстановить дальнейший ход событий на Волге, стоит отметить две детали в сообщении ал-Мукаддаси, благодаря которому сложившаяся в Нижнем Поволжье ситуация предстает в новом свете по сравнению с тем, как ее рисуют другие арабские авторы. Во-первых, в отличие от Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира, называющих в качестве действующих лиц тюрок и хорезмийцев, ал-Мукаддаси говорит о Хорезме и русах. Во-вторых, он недвусмысленно пишет о завоевательном характере похода хорезмийского эмира ал-Ма'муна и совершенно умалчивает о том, что завоеванию Хазарии Хорезмом предшествовала просьба самих хазар о помощи, в то время как это всячески подчеркивают Ибн Мискавайх и Ибн ал-Асир.

К сожалению, сообщение ал-Мукаддаси с трудом поддается датировке из-за того, что мы не знаем точные годы правления ал-Ма'муна ибн Мухаммада, эмира Северного (а с 995 г. — также и Южного) Хорезма[5]. Проанализировавший рассматриваемое известие ал-Мукаддаси А.П.Новосельцев обратил внимание на то, что оно находится в составе общего описания Хазарии, где изложение часто ведется с нарушением хронологии (Новосельцев 1990: 227). Поэтому можно допустить, что и в нашем сообщении имеет место хронологическая неувязка и сообщение о приходе русов следует отнести к их появлению на Волге в 969 г. Последнее тем более вероятно, что ал-Мукаддаси ссылается на то, что пишет на основании дошедших до него слухов, и, видимо, поэтому никак не датирует вторжения хорезмийцев и русов. Строго говоря, из самого рассказа ал-Мукаддаси не вытекает, что нашествие из Хорезма обязательно имело место до нападения русов, или наоборот: выражающее временные отношения слово, употребленное ал-Мукаддаси — «потом», — относится не к последовательности событий, а к тому, в каком порядке он получил сведения о них: «Я слышал, что ал-Ма'мун напал ... Еще потом я слышал, что войско из ар-Рума ...». Единственной имеющейся в нашем распоряжении реальной датой для определения времени нападения хорезмийцев на хазар остается время написания сочинения. Сам ал-Мукаддаси сообщает, что закончил свой труд в 375 (985/986) г.; знакомый с рукописью его произведения арабский ученый-энциклопедист первой трети XIII в. Йакут приводит другую, но близкую к первой, дату — 378 (988/989) г. Сохранившиеся до нашего времени два манускрипта труда ал-Мукаддаси представляют, по заключению исследователей, две редакции сочинения, датируемых в соответствии с указаниями ал-Мукаддаси и Йакута (Крачковский 1957: 211). Поскольку сообщение о походе из Хорезма на хазар содержится в обеих рукописях, завоевание Хорезмом Нижнего Поволжья должно быть отнесено ко времени до 985 г.

Таким образом, следующим после набега тюрок 965 г. событием на Нижней Волге следует признать появление здесь русов в 969 г., о котором пишет Ибн Хаукал. Откуда пришли эти русы? По словам Ибн Хаукала, разорив приволжские города, русы «отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус», то есть в Византию и Испанию. Указание ал-Мукаддаси на то, что напавшие на Хазарию русы представляли собой «войско из ар-Рума», дает, как нам кажется, основания для сопоставления данных этого автора с вышеупомянутым сообщением Ибн Хаукала. Получается, что пришедшие в Поволжье из Византии русские воины туда же обратно и ушли, а другие русы — неизвестно, откуда взявшиеся, — отправились из Итиля в Испанию. В сообщениях восточных авторов есть и еще одна деталь, достойная внимания, а именно — войско русов не было единым, но состояло из отдельных отрядов, достаточно автономных друг от друга. Подобная практика была обычным явлением на Руси, и в Повести временных лет как раз для рассматриваемого нами периода имеются примеры автономных от центральной власти действий дружин Претича и Свенельда (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–66, 74; Т. II. Стб. 53–55, 61–62). Таким образом, мы можем сделать первый вывод из анализа наших источников: неоднородность войска русов, напавшего на Нижнее Поволжье в 969 г.

Резонно предположить, что русские воины «из Византии» имели отношение к военным действиям Святослава на Балканах. В 969 г. на болгарском фронте царило затишье, сам Святослав прибыл в Киев в 968 г., чтобы отразить набег печенегов. Единственным отмеченным летописцем военным предприятием русов в 968–969 гг. была борьба с печенегами, что не могло не привлечь внимание Святослава к положению дел на восточных рубежах своего государства, тем более, что незадолго до этого они были им существенно расширены. Вряд ли Святослав мог направить на восток значительные силы после того, как годом раньше убе-

[5] Ал-Мукаддаси называет хорезмшаха Ма'муна ибн Мухаммада просто ал-Ма'муном, что побудило отдельных исследователей (А.Я.Гаркави, Й.Маркварт, Б.Н.Заходер) пытаться отождествить последнего с аббасидским халифом ал-Ма'муном (813–833). Ошибочность этой точки зрения была раскрыта В.В.Бартольдом и Д.М.Данлопом (историографию см.: Dunlop 1954: 246–247).

дился, сколь опрометчиво было бы оставлять Киев без должной защиты.

Нам, к сожалению, ничего не известно о том, что происходило в самой Хазарии и, в частности, в Итиле в период 965–969 гг. Из сообщений Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира следует, что требование о принятии хазарами ислама как непременном условии помощи против тюрок было предъявлено хазарам хорезмийцами уже в 965 г. Учитывая большой удельный вес мусульманской общины среди населения города, а также то, что наиболее значительной военной силой в Итиле были именно воины-мусульмане, можно полагать, что начало превращению Итиля в чисто мусульманский город было положено именно в 965 г. Естественно, принятие ислама хазарами не было единовременным актом и вызвало определенное замешательство при дворе, став, возможно, предметом торга между правящей верхушкой Хазарии и Хорезма. Ибн Мискавайх пишет, что ислам приняли все хазары, за исключением царя, а Ибн ал-Асир добавляет, что и царь принял ислам после того, как хорезмийцы прогнали тюрок.

В этих условиях дальнейшее пребывание в Итиле проживавших там русов могло стать весьма проблематичным. Если торговцы и ремесленники могли свернуть свои дела и покинуть Итиль, то отряду славяно-русских наемников, служивших хазарскому царю, по-видимому, предстояло сменить хозяина в связи с тем, что правитель Хазарии уже перестал быть реальной политической силой. На практике это означало, что и членам славяно-русской гвардии, скорее всего, предложили бы принять ислам. О том, что подобные попытки обратить в ислам наемников-русов, служивших тем или иным мусульманским правителям, имели место, мы знаем на примере поддерживавших в 987–989 гг. дербентского эмира Маймуна воинов-русов, которые были поставлены перед выбором — ислам или смерть (Минорский 1963: 68). Поэтому в сложившейся обстановке альтернативой продолжению службы, но уже на новых условиях, для русов и славян (или какой-то их части) мог быть либо добровольный уход из Нижнего Поволжья, либо попытка поставить город под свой контроль. Многочисленная славяно-русская гвардия, по всей видимости, не должна была сильно пострадать в ходе боевых действий, которые велись в 965 г. Маловероятно, чтобы славяно-русские воины были брошены на защиту Саркела, где им предстояло сражаться со своими единоплеменниками; набег же тюрок отражали хорезмийцы. Следовательно, у местных русов было достаточно сил для того, чтобы, если и не обратить ситуацию в свою пользу, то хотя бы, раз уж приходилось покидать Нижнее Поволжье, пограбить Итиль и другие хазарские города. Поэтому второй составной частью русского войска, напавшего на Хазарию в 969 г., наряду с отрядами из Киева, была, на наш взгляд, местная славяно-русская гвардия из Итиля.

В связи с событиями на Нижней Волге в 60-х гг. X в. уместно вспомнить о составе участников каспийских экспедиций русов IX — первой половины X в. Предпринятое нами недавно рассмотрение устных преданий, сохранившихся в скандинавской и древнерусской традиции, позволяет полагать, что основными участниками каспийских походов были, с одной стороны, норманны, приходившие непосредственно из Скандинавии, а с другой — обитатели Верхней Руси: скандинавы, славяне и финно-угры, фигурирующие в мусульманских источниках под названием «русы» (Коновалова 2001а: 164–172).

Таким образом, в 969 г. нападение на города Хазарии, как нам представляется, совершили разные отряды русов — пришедшие из Киева воины Святослава, находившиеся в то время в Итиле гвардейцы утратившего власть хазарского царя, а также группы воинов из Верхней Руси. Каково было соотношение сил между разными отрядами русов и существовала ли какая-то координация их действий, данных нет.

Судя по сообщению Ибн Хаукала, русы обрушились на совершенно беззащитные земли хазар, буртасов, а также булгар, под которыми по контексту могут подразумеваться только волжские булгары. Достоверность сообщения Ибн Хаукала о разорении русами Волжской Булгарии оспаривается многими исследователями, не без оснований полагающими, что это упоминание о булгарах могло быть просто отражением весьма смутных данных о балканской кампании русов, которые дошли до ученого (Калинина 1976: 94–97; Новосельцев 1990: 225). Как явствует из всех рассказов Ибн Хаукала о походе 969 г., русы не встретили никакого сопротивления ни со стороны местных жителей, ни со стороны соседних государств, о позиции которых в связи с нападением русов вообще ничего не говорится. Создается впечатление, что в 969 г. русы были единственной реальной политической силой, способной влиять на ситуацию в Нижнем Поволжье. На это можно было бы возразить, что Ибн Хаукал, по его собственному утверждению, информацию о походе русов получил из уст хазарских беженцев, каждый из которых по понятным причинам вряд ли отчетливо представлял себе полную картину происшедшего, поскольку был участником или свидетелем лишь каких-то локальных событий. Эту особенность сведений Ибн Хаукала, конечно, не стоит сбрасывать со счетов, однако, следует также иметь в виду, что между его пребыванием в Южном Прикаспье, где ученый встречался с хазарскими беженцами, и созданием его сочинения прошло, как минимум, более десяти лет, в течение которых фактическое содержание труда продолжало пополняться. В частности, органической час-

тью одного из сообщений Ибн Хаукала о походе русов являются данные о возвращении беженцев в Хазарию при ширваншахе Мухаммаде ибн Ахмаде ал-Йазиди, правившем в 981–991 гг. Это говорит о том, что Ибн Хаукал и после своего посещения Прикаспья продолжал интересоваться состоянием дел на Нижней Волге и вносить соответствующие заметки в свое сочинение. Поэтому, как нам представляется, молчание Ибн Хаукала относительно роли Хорезма следует понимать буквально, то есть как свидетельство военного невмешательства Хорезма в политическую ситуацию, складывавшуюся вокруг Хазарии, по крайней мере, до начала 80-х годов X в.

О том, как развивались события в Хазарии после похода русов 969 г., сколько-нибудь внятной информации источники, к сожалению, не содержат. Мы знаем только, что воины из Киева ушли обратно на Балканы, а один отряд русов отправился в Испанию. Если судить по данным Ибн Хаукала, то получается, что русы — во всяком случае, какая-то их часть — оставались в Нижнем Поволжье и после похода 969 г. По всей вероятности, костяк оставшихся составили бывшие гвардейцы хазарского царя, хорошо знакомые с местной обстановкой. В одном из своих сообщений о походе русов Ибн Хаукал пишет: «Не осталось в наше время почти ничего от булгар, буртасов и хазар, так как напали на них русы и захватили все их области, те же, кто спасся, рассеялись по соседним областям, надеясь, что [русы] заключат с ними договор и они смогут вернуться, [поселившись] под их властью» (Ибн Хаукал: 286). Хазарские беженцы, согласно тому же Ибн Хаукалу, сумели вернуться в Итиль только в 80-х годах X в., причем их возвращение, по всей вероятности, проходило в отнюдь не безмятежной обстановке. Беженцам пришлось прибегнуть к содействию ширваншаха, который, по утверждению Ибн Хаукала, выступал гарантом их безопасности: «Дошло до меня, что большинство из них вернулись в Итиль и Хазаран при могущественном Мухаммаде ибн Ахмаде ал-Азди, владетеле ширваншахе, который оказал им помощь мужами и людьми, и они надеялись, просили, чтобы [те] заключили с ними договор и они были бы покорны им (ширванцам) за благодеяния по отношению к ним» (Ибн Хаукал/Крамерс: 393, 397).

Из приведенных выше двух отрывков можно заключить, что в 80-х годах X в. беспрепятственное возвращение хазарских беженцев в Нижнее Поволжье было невозможным, поскольку этот район находился под контролем русов. Характерно, что в изображении древнерусских и иных источников как раз период 80-х годов X в. отмечен активизацией русско-восточных контактов. Так, в Повести временных лет под 985 г. рассказывается о походе Владимира Святославича в союзе с торками «на болгар» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84; Т. II. Стб. 71), в которых усматривают волжских или приазовских булгар (Новосельцев 1990: 227). Иаков Мних сообщает (без даты) о походе того же Владимира против хазар (Зимин 1963: 66–75). В 986 г., согласно Повести временных лет, Владимир принимал послов из Волжской Булгарии (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84–85; Т. II. Стб. 71–73). По данным арабских источников, в 987–989 гг. отряд русов принимал участие в политической борьбе, развернувшейся в Дербенте между эмиром Маймуном, на стороне которого выступали русы, и городскими старейшинами (Минорский 1963: 68). Понятно, что обращение Маймуна за помощью к русам могло иметь какой-то практический смысл лишь при условии возможности их скорейшего появления в Дербенте. Русы прибыли в Дербент на 18 судах, и это указывает на их приход со стороны Волги, устье которой они сами, по-видимому, и контролировали. Возможно, что именно с интенсификацией политических контактов Руси на восточном направлении следует связывать повышенный интерес, который проявили к принятию христианства Древней Русью в 988 г. арабские и персидские авторы, приводящие в своих сочинениях сообщение о посольстве Владимира в Хорезм (Коновалова 1997: 67–73).

Таким образом, политический вакуум, сложившийся в Нижнем Поволжье в связи с падением Хазарского каганата в 969 г., был вплоть до 80-х годов X в. заполнен русами. В период с 981 по 991 гг. в ситуацию на Нижней Волге вмешался Ширван под предлогом оказания помощи хазарским беженцам, стремившимся вернуться в родные места. При этом ширваншах Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди руководствовался, в первую очередь, своими собственными политическими интересами, объективно делавшими его противником русов, которые поддерживали традиционного врага Ширвана — эмиров Дербента.

В 969 г., когда русы захватили Нижнее Поволжье, власть в Ширване перешла в руки Ибрагима ибн Марзубана, который приходился сыном Марзубану ибн Мухаммаду, воевавшему с русами в Бердаа еще в 944 г. Ибрагим сразу же развязал военные действия против Дербента, продолжавшиеся вплоть до 971 г. Усилия Ибрагима не увенчались успехом, так как эмиру Дербента Ахмаду удалось объединиться с горцами Сарира, а также привлечь воинов «из отдаленных областей» (Новосельцев 1990: 228). Т.М.Калинина и А.П.Новосельцев не без оснований полагают, что в число этих воинов, которых упоминает местная дербентская хроника, могли входить и русы (Калинина 1976: 98; Новосельцев 1990: 228). Это предположение основывается не только на том, что начиная с 969 г. русы находились на Нижней Волге, то есть сравнительно недалеко от Дербента, но и на дальнейшем развитии русско-дербентских отношений. Как мы уже упоминали, в 987 г.

военную опору эмира Дербента Маймуна (между прочим, сына вышеупомянутого эмира Ахмада) составляли отряды русов.

А.П.Новосельцев пишет, что «вероятно, надежды хазар на ширваншаха не оправдались и тогда они обратились к правителю Гурганджа» (Новосельцев 1990: 229). Однако в сообщении Ибн Хаукала о возвращении беженцев в Итиль оба употребленных им глагола — «вернулись» и «оказал помощь» — являются глаголами совершенного вида (как их, кстати, и переводит сам А.П.Новосельцев), что, скорее, говорит о том, что содействие ширваншаха хазарам было в какой-то степени эффективным. Обратиться же к Хорезму могли те беженцы, которые укрылись не в юго-западных областях каганата, а к востоку от него, на Мангышлаке и Устюрте.

С.П.Толстов датирует нападение Хорезма на хазар 985 г., считая его ответом на поход Владимира против булгар (Толстов 1948: 255). Доказать существование причинной связи между этими двумя событиями на материале сохранившихся источников невозможно. Однако совершенно очевидно, что именно в 80-е годы X в. развернулся новый (после 965–969 гг.) виток борьбы за обладание бывшими хазарскими землями, в который включились, помимо Хорезма, и другие стороны. Как мы уже говорили выше, ширваншах пытался распространить свое влияние на примыкавший к Нижнему Поволжью с юга Дагестан. С запада наступал великий князь киевский Владимир Святославич, совершивший походы на булгар и хазар. Поход Владимира на хазар, о котором сообщает Иаков Мних, в источнике не датирован, однако, принимая во внимание географию военных предприятий Владимира: 981 г. — походы на поляков и вятичей, 982 г. — вторичный поход на вятичей, 983 г. — поход на ятвягов, 984 г. — поход на радимичей (ПСРЛ. Т. I. Стб. 82–84; Т. II. Стб. 69–71), можно с уверенностью предполагать, что против хазар Владимир должен был отправиться не ранее 985 г. Логично было бы предположить, что походы на хазар и булгар могли состояться одновременно, то есть в 985 г., так как, по данным Повести временных лет, начиная уже со следующего, 986 г., Владимир был целиком поглощен религиозной реформой, в связи с чем, в изображении летописца, на первый план для Древней Руси вышли отношения с Византийской империей.

На каких хазар ходил Владимир и как далеко зашел он на восток, не вполне ясно. Маловероятно, чтобы его целью было Нижнее Поволжье, скорее, речь идет о бывших хазарских землях в Подонье и Приазовье, которые попали в сферу влияния Руси после похода Святослава и где еще, несомненно, должно было сохраниться какое-то хазарское население. Необходимость похода Владимира на восток диктовалась не в последнюю очередь стремлением не допустить, чтобы зависимые от Руси земли Хазарского каганата были втянуты в орбиту мусульманизации, которая при поддержке Хорезма (а возможно, и Волжской Булгарии) заметно усилилась в районе Нижнего Поволжья. Уже ал-Мукаддаси сообщал, что в Итиле «много мусульман» (Мукаддаси: 360; Мукаддаси/Сериков: 288).

По всей видимости, Хорезм, рассчитывая закрепиться на Нижней Волге, пытался завязать более тесные отношения с Русью, что было бы естественным шагом с его стороны, поскольку оба государства являлись торговыми партнерами (Konovalova 1998: 48–56; Коновалова 2001в: 183–190). В этой связи сообщение Повести временных лет о прибытии в Киев в 986 г. послов из Волжской Булгарии (являвшейся перевалочным пунктом на пути из Хорезма в Восточную Европу) с предложением принять ислам выглядит не просто элементом композиции рассказа об «испытании вер», но, возможно, и отражением действительно имевшего место факта. В пользу нашего предположения о намерении Хорезма сблизиться с Русью говорит и тот огромный интерес, с которым было воспринято крещение Руси в исламских странах и, в частности, в Хорезме, где это важнейшее событие в жизни Древнерусского государства получило оригинальную интерпретацию (Коновалова 1997: 67–73).

Таким образом, восточный поход Святослава и последующая политика Древнерусского государства на восточном направлении являлись частью общего движения, в результате которого Хазария была поглощена соседними державами. В борьбу за «хазарское наследство», помимо Руси, включились Хорезм и тесно связанная с ним Волжская Булгария, Ширван и кочевники-огузы. Святославу удалось обратить западные земли Хазарского каганата в зону влияния Руси, а его дальнейшее продвижение на восток имело лишь относительный успех и в конечном итоге не привело к закреплению русов на Нижней Волге. Появление же хорезмийцев в Нижнем Поволжье способствовало постепенному вытеснению русов из этого района. Во всяком случае, когда в 30-х годах XI в. русы вновь, как и в 987 г., стали участниками междоусобной борьбы на Кавказе, они прибыли туда не через устье Волги, а по суше (Минорский 1963: 70–71).

ИСТОЧНИКИ

Ибн ал-Асир — Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.J.Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1866. T. VIII.

Ибн Мискавайх. — The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi ... / Arabic text, ed. H.F.Amedroz. Oxford, 1921. T. II.

Ибн Хаукал — Kitab al-masalik wa-l-mamalik auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni

Batavorum, 1873.
Ибн Хаукал/Крамерс — Opus geographicum auctore Ibn Haukal ... ed. J.H.Kramers. Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938.
Истахри — Viae regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.
Константин — Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1989.
Мас'уди/Мурудж — Macoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. II.
Мукаддаси — Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
Мукаддаси/Сериков — Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим ... ад-Дайлам и ар-Рихаб / Пер. с араб. (под ред. В.М.Бейлиса), введ., коммент., указ., карты, табл. Н.И.Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. С. 268–333.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I; 1998. Т. II.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
Бартольд В.В. 1963. Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения. М. Т. II (1). С. 810–858.
Вестберг Ф. 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. Новая сер. Ч. XIV. № 3–4. С. 1–52.
Гадло А.В. 1971. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутороканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л. С. 59–67.
Греков Б.Д. 1953. Киевская Русь. М.
Зимин А.А. 1963. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. № 37. С. 66–75.
Калинина Т.М. 1976. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М. С. 90–101.
Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
Коновалова И.Г. 1997. Принятие христианства Древней Русью и страны Востока // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Доклады Второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. первая. М.; Иркутск; Тэгу. С. 67–73.
Коновалова И.Г. 1999. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто. М. С. 111–120.
Коновалова И.Г. 2000. Библейские генеалогии народов Центральной Азии в арабо-персидской литературе домонгольского времени // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы межд. науч. конфер. Улан-Удэ. Т. III. С. 237–241.
Коновалова И.Г. 2001а. Русы на Каспии в IX — первой половине X в. (К вопросу о составе участников каспийских походов) // Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола и Межд. науч. семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань. С. 164–172.
Коновалова И.Г. 2001б. Функции этногенеалогий в средневековых арабо-персидских источниках // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. Материалы конфер. М. С. 94–99.
Коновалова И.Г. 2001в. Хорезм и Восточная Европа // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А.Мельниковой. М. С. 183–190.
Крачковский И.Ю. 1957. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л.
Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.
Минорский В.Ф. 1964. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М. С. 19–27.
Мошин В. 1933. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakovianum. T. VI. Praha. C. 187–208.
Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
Пархоменко В.А. 1924. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.
Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
Плетнева С.А. 1986. Хазары. 2-е изд. М.
Плетнева С.А. 1990. Половцы. М.
Плетнева С.А. 1996. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж.
Половой Н.Я. 1961. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // ВВ. Т. XX. С. 90–105.
Рыбаков Б.А. 1966. Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М.
Сахаров А.Н. 1991. Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М.
Скрынников Р.Г. 1995. Войны Древней Руси // ВИ. № 11–12. С. 24–38.
Толстов С.П. 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.
Чарный С.А. 2000. Восточный поход Святослава Киевского // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 16. С. 26–32.
Якубовский А.Ю. 1946. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Изв. АН СССР. Сер. ист. и философ. № 5 (Т. 3). С. 461–472.
Dunlop D.M. 1954. The History of the Jewish Khazars. Princeton.
Konovalova I. 1998. Khwarezm and Eastern Europe in the IX–XIII Centuries (according to written sources) // Information Bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia. Moscow. Issue 21. P. 48–56.
Kvalen E. 1931. Det norske gardariki. Oslo.
Marquart J. 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig.
Validi Togan A.Z. 1939. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig.

В.В. Майко

ХАЗАРО-РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ X В. И КРЫМСКАЯ ХАЗАРИЯ

V.V. Majko. Chazarian-Russian-Bizantine Relation in the Second Half of X c. and Crimean Khazaria.

The middle of X c. in Crimea saw appearance of a new material culture with no genetic basis in previous Old Bolgarian antiquities of the peninsula. Most of the settlements of Crimean variant of Saltovo-Majaki culture perishes or is deserted; instead, material finds, new for Tavtica, are fixed in stratigrafical sections of the sites. At the same time, these new cultures have a number of features inherent to early medieval Turk cultures of East Europe and Northern Caucasus. Its last occurrence on the peninsula is connected with migration of the North Caucasus Turks to Crimea after the campaign of 941 under leadership of Pesach. It is described in Cambridge Anonim. This culture of the second half of X – begining of the XI c. appears to be an archaeological equivalent of Crimean Khazaria of the second half of X c.

Одной из важных и принципиальных проблем раннесредневековой истории и археологии Восточной Европы является вопрос о гибели Хазарского каганата. Для большинства археологов это связано с гибелью салтово-маяцкой археологической культуры, бывшей археологическим эквивалентом и в какой-то степени нивелирующим инструментом этнически пестрой Хазарии. Для многих историков это событие связано с известным походом киевского князя Святослава 965 г., хотя, по справедливому замечанию А.П. Новосельцева, в ПВЛ речь идет только о поражении хазарского войска, потере Саркела и военных действиях против ясов и касогов, в это время практически независимых от каганата (Новосельцев 1990: 220)[1]. Составной частью этой кардинальнейшей проблемы, является вопрос о времени и причинах прекращения существования салтовской культуры Крыма. В свою очередь эта последняя проблема для полуострова, как ни для какого-либо другого региона Хазарии, неразрывно связана с вопросом о культуре сменяющей крымскую праболгарскую салтовскую. Исходя из этого в предлагаемой работе эти две взаимосвязанные кардинальные проблемы археологии и истории раннесредневековой Таврики будут рассматриваться в комплексе.

Начнем с очень беглого обзора источников и краткой историографии, так как, во-первых, эта работа в значительной степени была проделана как отечественными, так и зарубежными специалистами в области истории, источниковедения и археологии. Во-вторых, подробный анализ всего комплекса первоисточников — тема специального комплексного исследования. Относительно общей проблемы гибели Хазарского каганата, существует достаточно известный комплекс письменных источников, как древнерусских, так и византийских, еврейских и особенно арабских. Последние детально проанализированы в монографии А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990: 221-222). Часть из них не только частично раскрывает картину похода или походов киевского князя Святослава против хазарского государства, но и свидетельствует о существовании хазар и хазарского царства после 60-х гг. X в. Однако, приведенные данные письменных источников ничего не сообщают о причинах и времени гибели Крымской Хазарии. Ценнейшим и практически единственным источником, проливающим свет на этот вопрос, является т.н. Кембриджский Аноним, речь о котором пойдет ниже. О дальнейшей судьбе Крымской Хазарии можно почерпнуть ценную информацию из нескольких древнерусских (ПВЛ, Память и похвала... Иакова Мниха), византийских (Константин Багрянородный, Лев Диакон, Скилица и Кедрин) и, особенно, упомянутого комплекса еврейских письменных источников. Напомним, что в этот сложный и неоднозначный комплекс письменных источников входят не только документы знаменитой еврейско-хазарской переписки и т.н. Киевское письмо, впер-

[1] Несколько более масштабную картину похода рисуют арабские письменные источники, что послужило поводом для известной дискуссии о количестве походов Святослава на Хазарию. Ее рассмотрение не входит в задачи нашей работы.

© В.В.Майко, 2000.

вые опубликованное Н. Голбом и О. Прицаком (Golb, Pritsak 1982: 240), но и целый ряд т.н. Приписок на полях Крымских библий (Хвольсон 1866: 20-188), как проанализированных с критических и не вполне объективных позиций (Гаркави 1876: 1-28), так и упомянутых и частично проанализированных в литературе (Баранов 1990: 153; Ачкинази 1994: 83-84; Ачкинази 1997: 17-18; Ачкинази 2000: 46-53; Майко 1999а: 176-181), а также сообщения еврейских путешественников более позднего времени (Новосельцев 1990: 8; Ачкинази 2000: 5). Их детальный источниковедческий анализ, в частности и вопросы доказательства подлинности или фальсификации, тема отдельной масштабной и далеко не завершенной работы[2].

Историография проблемы гибели Хазарии на основании письменных источников, как указывалось выше, коротко, но емко рассмотрена А.П. Новосельцевым, что избавляет от излишних повторений (Новосельцев 1990: 222-223). Литература проблемы гибели Крымской Хазарии в конспективном виде рассмотрена в ряде работ К. Цукермана, что также избавляет от повторений (Цукерман 1998а: 676). В настоящее время, в историографии именно этой последней проблемы, как и в целом проблемы гибели государства можно выделить несколько основных направлений. Это традиционное — «печенежское», новое — «венгерское» и комплексное, провозглашенное И.А. Барановым. Согласно последнему исследователю главной причиной гибели сатово-маяцкой культуры Крыма была сложность и противоречивость хазаро-русско-византийских отношений X в. Однако, автор совершенно не расшифровывает этот верный, на мой взгляд, для середины X в. тезис. Можно было бы выделить и четвертое направление — «русское», но необходимо сразу оговориться, что по справедливому мнению большинства специалистов, рассматривавших эту проблему, поход Святослава 965 г., катастрофические последствия которого для Хазарии несколько преувеличены, не затронул юго-восточную Таврику и связывать с ним гибель салтовской культуры полуострова нет оснований. Более того, нет абсолютной уверенности в том, что войска киевского князя вошли в Тмутаракань, и тем более овладели Боспором. Совершенно молчат об этом и письменные источники. Вероятнее всего, будучи в этот период союзником Византии, Святослав не собирался пока сталкиваться с империей на «крымской» почве. Так что, вероятнее всего, эта традиционная точка зрения о гибели Хазарии, для Таврики не приемлема.

Среди общих историографических замечаний отметим сильно затрудняющий решение этого кардинального вопроса факт традиционного признания ослабления Хазарского государства, раздираемого центробежными тенденциями, в первой половине X в. Отмечается ослабление политической и экономической активности Хазарии даже на территории Северного Кавказа. Исходя из этого признаются заведомо приувеличенными сведения хазарского царя Иосифа о границах Хазарии в середине X в. К сожалению, и в данном случае, и практически во всех остальных, сторонники всех направлений, среди которых немало археологов, практически не приводят данных археологических раскопок в пользу своих научных построений. Что касается Таврики, письменные источники, за редким исключением, используются не полностью, тенденциозно и отрывочно.

Что касается второй составной части проблемы, т.е. вопроса о дальнейших судьбах Хазарии в том числе и Крымской после крушения каганата, то он волнует историков и археологов на протяжении уже не одного столетия. Поиск хазарских наследников, продолжающийся и сейчас, к сожалению, зачастую приобретает и политический характер. Так или иначе, эта сложнейшая проблема, запутанная в течение как минимум двух столетий до невероятных пределов, поднималась практически во всех более или менее обобщающих работах, посвященных Хазарии. Многие авторы и раньше (Новосельцев 1990: 52,112), и сейчас, часто не утруждая себя поиском доказательств, в этой связи упоминают Крымский полуостров как одну из главных территорий концентрации хазарского этноса после политического краха каганата. Приходится констатировать, что и здесь авторы, среди которых археологов значительно меньше, за редким исключением не привлекают материалы археологических раскопок. Вопрос о материальной культуре «хазарских наследников» вообще не стоит на повестке дня, даже среди тех исследователей, в том числе и историков, которые признают факт существования этих наследников. Значительно усложняет эту часть проблемы, во-первых, бесспорный факт свидетельствующий о том, что археологические памятники салтово-маяцкой культуры, являющейся археологическим эквивалентом населения Хазарского каганата, за исключением отдельных северо-кавказских

[2] В недавно вышедшей монографии И.В. Ачкинази упоминает еще один интересный комплекс источников (Ачкинази 2000: 47). Это свидетельства ученых-караимов X-XI вв., происходящие из караимских кругов времени существования Хазарии и характеризующие, пусть и не всегда объективные, представления о хазарском прозелитизме этого периода. Помимо ценной информации о караимской или ортодоксально иудейской сути хазарского иудаизма, они содержат некоторые косвенные данные и о самой Хазарии этого времени (Ankori 1959). Данные источники, как и предшествующая работа, коротко проанализированы и в статье С. Шишмана (Szyszman 1993: 55-75). Однако поиск именно этой последней информации — тема отдельного исторического и филологического исследования.

поселений, не существуют позже середины X в. Во-вторых, невозможность выделения надежного археологического эквивалента и этнического индикатора т.н. этнических хазар на всем протяжении существования государства. Наконец, не в полной мере используются и данные письменных источников.

Рассмотрим основные аргументы сторонников каждой из трех основных точек зрения о гибели салтовской культуры Таврики и дальнейших судеб Крымской Хазарии.

Во-первых, до сегодняшнего дня немало специалистов, с различного рода оговорками, склонно считать главной причиной гибели салтово-маяцкой культуры Крыма нашествие печенегов. Среди последних работ, где конспективно изложена историография печенежской концепции гибели салтовской культуры Крыма, можно назвать статьи К. Цукермана и Т.А. Макаровой (Цукерман 1998а: 676; Макарова 1982: 99), что избавляет от излишних повторений. Добавим, что эта точка зрения, от долгого повторения превратившаяся в аксиому, правда несколько модифицированная, получила распространение и среди зарубежных археологов. Так, по мнению Ил. Димитрова, после 889 г. над праболгарскими поселениями в Подонье и Крыму разразилась тяжелая катастрофа, связанная с нашествием печенегов. После этого протоболгарские поселения больше не возобновлялись. Праболгары бежали в Черноморское добруджанское побережье (Димитров 1992: 19-24). Относительно последнего замечания, о бегстве в Болгарию надо отметить, что оно может оказаться и верным, только с учетом предлагаемой мной хронологии событий. Ведь именно в середине и второй половине X в. в памятниках эпохи первого болгарского царства появляется технологически абсолютно схожая кухонная посуда.

В качестве примера традиционно приводятся хорошо известные данные середины X в. Константина Багрянородного о пачинакитах, соседствующих с Херсоном и склонных выполнять различные поручения императора (Константин Багрянородный 1989: 37). Однако, археологические исследования предшествующего времени и последних лет красноречиво свидетельствуют о том, что, во-первых, в стратиграфии большинства праболгарских памятников юго-восточной части полуострова отсутствуют следы пожаров и разрушений, связываемых с нашествием печенегов (Кропоткин 1958: 218). Во-вторых, печенежские погребения в Крыму единичны. Лишь в Присивашье в насыпях более ранних курганов выявлены могилы, условно связываемые с печенегами (Айбабин 1999а: 6; Ajbabin 1995: 211). Погребенные захоронены головой на запад с поясными бляшками, саблями и украшениями X в. В одной из них рядом с погребенным лежали череп и кости коня. Типологически эти погребения имеют общие черты с захоронениями печенегов, обнаруженными в Причерноморье (Орлов 1999: 174-185). Нет печенежских материалов, за исключением единичных экземпляров керамики, в городских слоях середины X — начала XI вв. По справедливому мнению специалистов, печенеги только ненадолго заходили со своими стадами в Крымскую степь (Айбабин 1999а: 6), а их кочевья располагались к северу от полуострова (Константин Багрянородный 1989: 282-283, прим.14). По мнению последнего автора, печенеги, вклинившись между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, лишь ненадолго прервали их экономические связи (Константин Багрянородный 1989: 282, прим.14).

О крымских печенегах говорится в т.н. Приписке 59 на полях Крымских Библий, уже рассмотренной в литературе (Баранов 1990: 152), где упоминается захваченная печенегами хазарская Сугдея (Хвольсон 1866: 66-67). Но, во-первых, событие датируется 70-ми гг. X в., во-вторых, отмечена именно хазарская Сугдея, т.е. имеющая хазарскую администрацию. Очевидно, воспользовавшись номинальной властью Византии, город захватывают печенеги. Однако власть последних была не только номинальной, но и кратковременной, не связанной с изменениями этнического состава населения (Майко 1999а: 180).

В последнее время К. Цукерманом, а следом за ним и А.И.Айбабиным выдвинуто предположение, поддержанное без всякой критики некоторыми специалистами (Сорочан 1998: 46) о вытеснении венграми хазар из юго-восточного Крыма во второй половине IX в. Критика предложенной интересной и новаторской концепции авторов была высказана мной практически сразу после ее обнародования и тезисного опубликования на Украине (Мастыкова, Гавритухин, Казанский 1999: 244). Затем коротко рассмотрена в ряде работ. Еще раз отмечу, что самым главным является, на мой взгляд, то, что все праболгарские комплексы этой части полуострова существуют без видимых изменений всю вторую половину IX и первую половину X вв. В стратиграфии заполнения объектов периода их функционирования, в том числе и раскопанных А.И.Айбабиным в Керчи, отсутствуют следы каких-либо пожаров или разрушений, неизменными остаются основные компоненты материальной культуры, в том числе и керамического комплекса. Более того, в слое разрушения салтовских построек в портовой части, где и обнаружены монеты Константина VII и Романа II. С другой стороны, во-первых, весьма проблематично, несмотря на предпринимаемые в литературе попытки, выделение археологических материалов, являющихся этническим индикатором венгров как второй половины IX в., так и всего периода «завоевания Родины». Во-вторых, в Крыму действительно выделяется группа по-

гребений аналогичных мадьярским захоронениям Приуралья, Прикамья и Прикубанья с погребальным инвентарем, включающим торевтику урало-сибирского круга. Однако, указанные погребения уникальны для салтово-маяцких могильников полуострова и датируются не позднее середины VIII в. Впускные же кочевнические погребения Причерноморья и Карпатского региона, связываемые с венграми середины X в., в Крыму до сегодняшнего дня пока неизвестны.

Исходя из важности и масштабности выдвинутой К. Цукерманом и А.И. Айбабиным «венгерской» концепции, коротко рассмотрим и исторические аргументы авторов в пользу ее защиты. Во-первых, даже если факт выдачи в жены царю венгров Леведии знатной хазарки и означал признание права венгров на захваченные земли, то скорее всего это была вынужденная политическая мера и речь шла о причерноморских степях, к этому времени достаточно прочно захваченных мадьярами. Именно там и локализует Константин Багрянородный страну Леведию. Во-вторых, сведения Константина Философа о хазарской армии, осадившей христианский город в период подготовки отъезда миссионера из Херсона в Хазарию, отнюдь не свидетельствуют о том, что эта армия была венгерской, прямых или даже косвенных упоминаний в тексте Жития этого факта мы не находим. Другой пассаж Константина Философа о нападении на его миссию разбойных отрядов, не свидетельствует в пользу предложенной концепции. В тексте четко говорится о переговорах Философа с хазарским воеводой Фулл, что естественно предполагает наличие в городе хазарской администрации. Напавшие на Константина разбойники могли быть кем угодно. Возможно и частью хазарского населения, недовольного христианизацией жителей городища. В этой связи интересным и проливающим некоторый свет на проблему выглядит предположение И.А. Баранова. Суть его сводится к тому, что сама миссия Константина Философа была инспирирована хазарской партией, лояльной к Византийской империи и противопоставлявшей себя правящей хазарской верхушке, принявшей иудаизм (Баранов 1999: 6-7). Это было политическое противостояние с традиционным для средневековья использованием религиозных методов.

Важным аргументом в концепции авторов является приводимые арабским историком Ибн-Русте сведения о том, что мадьяры уводят пленных славян в Карх, в стране Рум. Даже если локализовать Карх в Керчи, то присутствие там славянских пленников, выставленных для продажи, не является даже косвенным аргументом в пользу предположения о венгерском протекторате над городом и отсутствии там в третьей четверти IX в. хазарской администрации. Керчь, как известно, являлась одним из крупнейших торговых городов Таврики и наличие там большого количества купцов, в том числе и венгерских, не удивительно. Отлично известно, что хазары всячески поощряли развитие торговых отношений с различными странами и племенами. Необходимо вспомнить и о сведениях других арабских историков (Ибн Хордадбеха и Ибн-ал-Факиха), приводимые А.П. Новосельцевым, согласно которым район Керченского пролива в IX в. несомненно находился в руках хазар (Новосельцев 1990: 133).

Сложнее обстоит дело с неоднократно упоминаемым письмом патриарха Фотия к Антонию архиепископу Боспора. Авторы датируют его 873 г. Речь в документе, как известно, идет не о возможности, а скорее о желательности обращения в христианство иудеев Боспора. На этом основании делается вывод о том, что Керчь-Боспор уже не принадлежал хазарам. Во-первых, из этого совершенно не следует, что он принадлежал или контролировался венграми. Во-вторых, Керчь-Боспор был отнюдь не единственным и основным хазарским бастионом в Крыму. К сожалению, археологическая аргументация за или против этого предположения в силу объективных причин далеко не достаточна. До сегодняшнего дня фортификационные сооружения города VIII — первой половины X вв. изучены слабо и представлены фрагментом крепостной стены. Значительно лучше исследована хазарская фортификация Сугдеи, позволяющая предполагать наличие здесь одной из самых мощных хазарских крепостей в Крыму, отнюдь не уступающей Боспорской. В-третьих, на всей территории юго-восточного Крыма, особенно в городских центрах, как свидетельствуют разнообразные археологические материалы, именно в это время идет активный процесс христианизации местного населения носителей крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Это была дипломатическая победа Византии и хазарская администрация в силу объективных и субъективных причин, относилась к этому неизбежному явлению спокойно. Ненасильственная естественная христианизация воспринималась нормально и хазарской верхушкой. Другое дело, если христианизация иудеев, предпринятая Романом I значительно позже, в 40-е гг. X в., на территории Византии, была явно направлена против Хазарии, являясь политическим шагом, повлекшим за собой целый ряд исторических последствий. В том числе, по сообщению Аль-Масуди, и переселения части евреев на территорию каганата. В дальнейшем сами авторы признают, что предполагаемое ими венгерское господство в Крыму было, мягко говоря, своеобразным. Последние не пытались контролировать городские пункты и внедрять там свою администрацию и гарнизоны. Полуостров представлял для них побочный интерес.

Вопрос о гонениях иудеев Боспора рассматривается И.В.Ачкинази на основании т.н. Приписки из Карасубазарской синагоги, датируемой 905-909 гг. Временем изгнания иудеев из этого города в начале X в. датирует автор и время прекращения хазарского господства на Боспоре и переход его под власть Византии (Ачкинази 1994: 84). Однако трудно предположить, что потеряв контроль над Боспором, Хазария контролировала остальные крымские территории, куда и бежали, по мнению автора, изгнанные. Вероятнее всего, в документе речь идет действительно об изгнании общины иудеев, а не о хазарском населении, принявшем иудаизм. Напомним, что в подавляющем большинстве приписок этого хронологического периода четко различаются «братья наши кадарии» и иудейские общины полуострова.

Исходя из всего вышесказанного, в заключение этого небольшого историографического обзора отметим, что вряд ли сложные, противоречивые и неоднозначные политические взаимоотношения Венгрии с Хазарией вылились в последней четверти IX в. в какие-либо события, связанные непосредственно с Крымским полуостровом. Точно так же недоказуемым выглядит пока тезис о ликвидации венгерского владычества в Таврике печенегами в конце 80-х гг. IX в. Даже если предположить, что ликвидирована была только хазарская администрация, то несомненно местное население, подчиненное Хазарии, не могло остаться в стороне. Такие масштабные для полуострова события должны были, как отмечалось выше, как-то фиксироваться археологически.

Особую позицию занимает в этом вопросе И.А.Баранов. По его мнению, гибель салтовской культуры Крыма связана со всем комплексом русско-византийско-хазарских отношений середины X в. Правда автор не уточняет, что именно имеется в виду. Тезис о том, что праболгары, носители крымского варианта салтовской культуры стояли на пути как византийских, так и русских интересов (Баранов 1990: 152-153), нуждается в дополнительной аргументации. В докторской диссертации автор несколько конкретизирует свою точку зрения, считая началом гибели салтовской культуры полуострова поход Святослава 965 г. Воспользовавшись его последствиями и последующей гибелью князя, империя полностью вытесняет хазар из Крыма, уничтожая местное население при проведении боевых действий (Баранов 1994: 37). Отметим, что аргументация высказанного положения в автореферате работы, как и в самой диссертации отсутствует. Еще раз напомним в этой связи, во-первых, удивительное молчание византийских, впрочем как и всех остальных письменных источников о столь внушительных военных действиях середины X в. в Крыму. Это при том, что походы Святослава и действия Иоанна Цимисхия описаны Львом Диаконом достаточно подробно. Во-вторых, местное население, как указывает И.А. Баранов, будучи христианизированным, тесно контактировало с византийским, подвергаясь греко-малоазийскому влиянию (Баранов 1994: 36). Какой же смысл был уничтожать в ходе крупной военной компании[3] своих союзников?

Что касается историографии проблемы дальнейших судеб Крымской Хазарии второй половины X в. «хазарского наследия», то археологические реалии свидетельствуют о том, что в середине X в. в юго-восточном Крыму появляется совершенно новая материальная культура, не имеющая генетической подосновы в предшествующих салтово-маяцких древностях полуострова. Возникновение жилых комплексов, уникальных культовых сооружений, содержащих совершенно новый керамический комплекс, на основании нумизматического материала и данных стратиграфии четко датируется именно серединой X в.

И.А. Барановым впервые было высказано предположение, что фиксируемая на полуострове культура связана с тюркскими древностями Северного Кавказа и Прикаспия (Баранов 1994: 6). Но при этом, во-первых, автор рассматривает эту новую культуру как один из вариантов государственной культуры Хазарского каганата. Во-вторых, по его мнению, она генетически связана со склепами хазарской знати середины VIII в., принявшей иудаизм, которые были исследованы в Сугдее. В-третьих, именно она, существенно отличаясь от салтовской, является материальной культурой неуловимых археологически т.н. этнических хазар. В-четвертых, исходя из вышесказанного, она датируется в рамках IX — первой половины X вв. Ввиду принципиальности вопроса остановимся на каждом утверждении отдельно. Что касается первого, то оно верно, если речь идет о данной культуре до переселения ее носителей на Крымский полуостров. На территории же Таврики памятники этнически неоднородных переселенцев, смешавшихся еще более в процессе переселения, имеют ряд закономерных отличий. Они связаны, во-первых, с новым этапом их исторического развития, во-вторых, с новым этническим окружением, новой исторической ситуацией. Таким образом, анализируемая культура северо-кавказских тюрок, переселившихся в Таврику, является своеобразным симбиозом археологических культур населения Северного Кавказа середины X в. и Византийских центров. В новых условиях раннесредневековой Таврики переселенцы создали новую культуру, впитавшую в себя культурные элементы, характерные для нескольких культур различных регионов Северного Кавказа. Очевидно, в Крыму они сме-

[3] Автор связывает с ней наличие повсеместных пожаров середины X в. на салтовских памятниках полуострова.

няют праболгарские памятники салтово-маяцкой культуры. Как показывают данные стратиграфии и хронологические разработки, между ними практически нет точек соприкосновения. Таким образом, перед нами самостоятельная тюркская культура Таврики, только на первых порах связанная с Хазарским каганатом. После его распада она становится культурой населения юго-восточного Крыма второй половины X в. и существует без видимых изменений до начала XI в. Безусловно, очень сильное влияние на анализируемую культуру оказало византийское окружение, проявившееся как в области материальной, так и духовной культуры. Во-вторых, хронологическая разница между склепами хазарской знати, принявшей иудаизм, исследованными в Сугдее, и памятниками рассматриваемой материальной культуры почти 200 лет.

Сложнее выглядит вопрос этнической атрибуции новой материальной культуры как хазарской. В археологической литературе предпринимались неоднократные попытки выделить археологические памятники, принадлежащие именно этническим хазарам. Причем, эта проблема остается актуальной не только для территорий Подонья, Приазовья и Крыма, но и для самого Северного Кавказа. По мнению А.В. Гадло, передвижение собственно хазарских групп в период образования каганата и совместная борьба с северо-кавказскими племенами против арабов, привела к их политической и этнической интеграции (Гадло 1994:42). На основании изучения погребального обряда салтово-маяцкой культуры выработалась своеобразная аксиома, согласно которой грунтовые ямные погребения относят к праболгарскому, катакомбные — к аланскому, а подкурганные — к хазарскому вариантам этой культуры. Выработаны и своеобразные критерии хазарских погребений (невысокая курганная насыпь над подбойной могилой, ограниченной часто ровиками, погребение в подбое коня, относительное богатство погребального инвентаря и т.д. (Плетнева 1990: 82). В последнее время выделяется даже археологическая культура курганов с квадратными ровиками, вместе с тем, отмечается сложный этнический состав и неоднородность оставившего их населения (Семенов 1997: 63; Сорокин 1997: 64). Однако, во-первых, все известные к этому времени подбойные подкурганные захоронения, в том числе и крымские (Айбабин 1975: 199; Баранов 1990: 113), датируются не позднее середины VII в. Во-вторых, наличие в подбое коня, по справедливому замечанию Ч. Балинта, поддержанному И.А. Барановым (Баранов 1990: 115), позволяет говорить скорее о социальной, нежели этнической характеристике погребенных. В-третьих, в настоящее время не определены особенности хазарского антропологического типа, не проведено сравнительного антропологического анализа данной группы погребений. Все это, вместе с разрушенностью и разграбленностью многих захоронений, сильно затрудняет их датировку и этническую атрибуцию. В любом случае, даже если и некоторые из них принадлежат этническим хазарам, они характеризуют хазарское общество на предшествующем нашему, историческом периоде.

То же можно сказать и о погребальных памятниках этнических хазар Крыма, выделяемых И.А. Барановым. В настоящий момент, ввиду отсутствия антропологических исследований, на основании его изучения, в качестве главного критерия выделения крымских памятников, оставленных этническими хазарами или населением, в состав которого они входили, можно предложить наличие целого комплекса различных иудейских элементов в тюркской материальной культуре. Напомним, что в указанной культуре они безусловно имеются (Майко 1999в: 72-73), но наряду с христианскими и зороастрийскими элементами. Таким образом, считать рассматриваемую культуру, сменяющую салтовскую, принадлежащей только этническим хазарам нет оснований.

Если, следуя за некоторыми исследователями, считать появляющуюся культуру чисто византийской, то кроме отсутствия прямых аналогий на территории империи, невозможно найти в письменных источниках объяснение факта массового заселения византийцами юго-восточного Крыма в середине X в. и гибели в связи с этим праболгарских памятников полуострова. Тем более, что, согласно археологическим источникам, сильно византинизированные и христианизированные праболгары и так поддерживали империю. Их зависимость от каганата была номинальной и завоевывать их не было смысла.

Одной из отличительных особенностей этой культуры является наличие в наиболее ранних археологических комплексах относительно большого процента находок древнерусского (киевского) производства. Для комплексов Сугдеи это шиферные прясла, относящиеся по своим параметрам к наиболее ранним экземплярам (Сагайдак 1991: 92), несколько фрагментов стеклянных витых браслетов (Сагайдак 1985: 156, рис. 17), два керамических яйца-писанки, одно из которых, обнаруженное в заполнении могилы 4 некрополя Судак-II, имеет прямые аналогии с экземпляром, найденным при раскопках древнего Киева (Брайчевська, Михайлов, Сагайдак 1993: 228,рис. 10, *1*). При этом отметим, что начало производства писанок относится к X-XI вв. (Боровський 1992: 110), а массовый импорт только к середине XI в. (Брайчевська, Михайлов, Сагайдак 1993: 227). Уникальным является фрагмент ручки грушевидной крупной рифленой амфоры с массивными уплощенными ручками, отходящими непосредственно от края венчика, имеющего ярко выраженный

паз для крышки. Практически целый экземпляр подобной амфоры обнаружен в комплексе второй половины X в. в Херсонесе и неоднократно опубликован (Якобсон 1950: 117, рис.38, 7; Якобсон 1979: 72, рис.43, 7). Данные амфоры редки для Таврики и существуют, вероятно, с рубежа IX-X вв. до середины XI вв. На фрагменте толстой линией четко прочерчены буквы А (Аз) и Б (Буки) (Баранов 1991: 156-157). И.А. Баранов датировал граффити второй половиной IX в., связывая его появление с миссией Константина Философа в Крыму по христианизации хазар полуострова. Однако, во-первых, ручка амфоры, на которой зафиксировано граффити, не принадлежит т.н. амфорам с венчиком в виде «отложного воротничка», хотя и они появляются в юго-восточном Крыму не ранее середины X в. Во-вторых, исходя из хронологии описанных выше амфор, датировки объекта, где был обнаружен артефакт, и палеографического анализа самих букв, граффити, на наш взгляд, датируется серединой X в. Хочется еще раз подчеркнуть, что в данном случае рассматриваются только древнерусские находки, происходящие из закрытых комплексов указанной новой материальной культуры, которые достаточно четко датируются серединой — второй половиной X в. Безусловно, наличие остальных немногочисленных материалов древнерусского производства известных в археологических комплексах Таврики более позднего времени XI-XIII вв. (Фронджуло 1974: 145, рис.8; Юрочкин 1997: 110-112), является следствием как торговых контактов населения Крымского полуострова с Русью, так и других экономических и политических причин. Их рассмотрение не является задачей данного исследования. Объяснение факта наличия в комплексах указанной культуры раннего древнерусского материала напрямую связано с реконструкцией некоторых аспектов хазаро-византийско-русских отношений в середине X в.

Возвращаясь к главному вопросу нашей работы, еще раз подчеркнем, что именно обострение этих отношений трех крупнейших государств юго-восточной Европы и было главной причиной гибели салтовской культуры Крыма и Крымской Хазарии VII — первой половины X вв. Попытаемся доказать и расшифровать это принципиальное положение, выдвинутое И.А.Барановым на основании комплексного анализа данных письменных источников и археологических исследований.

Главным письменным источником, позволяющим проиллюстрировать и конкретизировать этот тезис, на наш взгляд является прежде всего уже упомянутый т.н. Кембриджский Аноним. Его краткой источниковедческой оценке был посвящен ряд отдельных работ (Коковцев 1932: 117-120; Новосельцев 1990: 216-217; Голб, Прицак 1997: 140-146; Zuckerman 1995: 237-270; Майко 1997: 109-121), что избавляет от необходимых повторений. Упоминается он с 1912 г. практически во всех работах, так или иначе связанных с Хазарией. Отметим, что интерес к документу с течением времени не ослабевает и все большее число специалистов, несмотря на живучесть некоторых старых скептических оценок (Новосельцев 1990: 217) считает его полноценным историческим документом. При этом, многие выводы исследователей, в том числе и предлагаемые в данной работе, строятся на основании анализа не только самого источника и исторической ситуации, но и археологического материала.

Нельзя не отметить, что существует не менее значительная по объему историография попыток исторического истолкования изложенных в документе событий (Ю.Д. Бруцкус, В.А. Мошин, Н.Я.Половой, И.А. Баранов, К. Цукерман), частично изложенная в работе Б.Г.Горянова (Горянов 1945: 262-277). Отметим, что при этом все исследователи относились к документу как к историческому источнику. Однако, никем из них, за исключением отдельных замечаний Ю.Д. Бруцкуса, не ставились в зависимость изложенные в Кембриджском Анониме события середины X в., повторю даже теми, кто признавал их историчность, и гибель праболгарской салтовской культуры Крыма.

Как известно, Кембриджский Аноним содержит зачастую уникальную информацию практически по всем ключевым моментам политической и идеологической истории Хазарии. Прежде всего документ привлекался для анализа причин и механизма принятия иудаизма Хазарией и его караимской или раввинистической формы. Для нашей темы представляет интерес именно тот небольшой по объёму отрывок Анонима, где повествуется о русско-хазаро-византийских отношениях в середине X в. и о событиях, происшедших в это время на полуострове. Разбор других событий, изложенных в документе, в частности о времени принятия хазарами иудаизма, тема отдельного исследования. Отмечу лишь, что свидетелем их в отличие от конфликта середины X в. автор документа не был.

Процитируем еще раз перевод источника, сделанный П.К. Коковцовым (Коковцов 1932: 120) с некоторыми современными вставками и реконструкциями: «...(Так же и) во дни царя Иосифа, моего господина, аланы были[4] (*В.М.*)

[4] Предложенная на основании археологической и исторической ситуации реконструкция подтверждается и независимыми филологическими исследованиями. Так, в последнем издании русского перевода текста Кембриджского Анонима (Голб, Прицак 1997: 141) данный пропуск реконструируется Н. Голбом как «... И еще, в дни Иосифа царя, моего господина, (он искал) его помощи, когда гонение обрушилось во время дней Романа злодея. ...» По мнению автора, реконструировать с полной вероятностью, связано ли подлежащее (он) с царем алан или же с самим Иоси-

(ему подмогой), когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа. (И когда стало известно это) дел(о) моему господину, он ниспроверг множество необрезанных. А Роман (злодей послал) так же большие дары Х-л-гу царю Руссии, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пошел он ночью к городу С-м-к-раю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, т.е. досточтимому Песаху[5] и пошел он во гневе на города Романа и избил и мужчин и женщин. И взял он три города, не считая большого количества селений[6]. И оттуда он пошел на (город) Шуршун... и воевал против него...».

Во-первых, если принять предложенную реконструкцию текста, в данном отрывке Кембриджского Анонима речь идет о союзе хазар с аланами после хазаро-аланской войны 932 г., поводом для которой было распространение христианства в аланской среде. Разрушение в это время христианских храмов в аланском царстве подтверждают и археологические раскопки (Каминский, Каминская 1996: 175). Этот алано-хазарский союз ярко иллюстрируют рассмотренные в отдельных работах керамические комплексы населения юго-восточной Таврики середины X в., где наряду с кухонной посудой присутствует лощеная столовая керамика, связанная с северо-кавказскими аланами (Баранов, Майко 2000: 292-295). Данные комплексы, существовавшие без видимых изменений как минимум всю вторую половину X в., подтверждают и предложенную нами реконструкцию текста Анонима, в которой речь идет о союзе алан с хазарами и во времена хазарского царя Иосифа. С точкой зрения о существовании алано-хазарского союза в 40-е гг. X в. полностью согласен и Н.Я. Половой, считая этот вопрос ключевым для хазарской дипломатии (Половой 1960: 347). Как уже указывалось, косвенным подтверждением этого является и известное сообщение Константина Багрянородного об отсутствии союза алан с Византией в середине X в., тщательно проанализированное в указанной выше работе (Половой 1960: 348).

Во-вторых, одним из важнейших моментов при реконструкции текста документа, доказательства его подлинности и историчности является атрибуция имени одного из главных действующих лиц Анонима — князя русов Helgou. Решение этой давней проблемы имеет, на наш взгляд, первостепенное значение и для объяснения наличия описанного выше древнерусского материала в археологических комплексах населения юго-восточного Крыма, появляющихся в первой половине 40-х гг. X в. Как уже указывалось, в историографии идентификации имени Х-л-гу выделяется три основных направления[7]. Основоположники первого, С. Шехтер и П.К. Коковцов, считали, что Х-л-гу есть скандинавская форма имени Олега Вещего (Коковцов 1913: 152-153). Используя различную аргументацию, эту точку зрения поддержал и поддерживает целый ряд специалистов. Среди новых работ можно назвать капитальное исследование Н. Голба и О. Прицака, переизданное в 1997 г. на русском языке с новыми комментариями и послесловием В.Я. Петрухина (Golb, Pritsak 1982: 137; Голб, Прицак 1997: 240), а также отдельные пассажи, монографии А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990: 35, прим.22). Отдельного рассмотрения заслуживает обширная статья К. Цукермана, опубликованная в 1995 г. во Франции и переизданная позже в более краткой редакции в России (Zuckerman 1995: 259-270; Цукерман 1996: 68-80). Автор вновь возрождает это, уже несколько подзабытое, направление. Главным аргументом исследователя является предположение о том, что киевский князь Олег правил с 911 по 941 гг., что совершенно не соответствует данным ПВЛ. Согласно предлагаемой концепции во время похода Руси 941 г. существовало двоевластие, нашедшее, по мнению К. Цукермана, отражение в письменных источниках. После поражения от византийцев «Олегова» Русь не вернулась в Киев, а совершила поход на Бердаа. Согласно предлагаемой хронологии Игорь, таким образом, правил всего пять лет 941-945 гг. (Цукерман 1996: 73-77). Вместе с тем, исследователь сам отмечает, что не известно, как установилось это двоевластие, примеры подобного двоевластия в русской истории отсутствуют и совершенно не отражаются в письменных источниках, так что предложенная новаторская концепция, влекущая за собой практически полный пересмотр всей первоначальной русской истории,

фом, не представляется возможным (Голб, Прицак 1997: 146, прим.48). Однако, и такая реконструкция, построенная исключительно на логических выводах, не исключает нашего варианта, а, наоборот, подтверждает его. Это тем более вероятно, что сами авторы говорят об укреплении хазаро-аланского союза в период правления Иосифа (Голб, Прицак 1997: 132).

[5] Историография идентификации вероятнее всего должности Песаха коротко рассмотрена в указанных работах П.К. Коковцова, М.И. Артамонова, Н.Голба и О.Прицака, А.П. Новосельцева. На мой взгляд, исходя и из археологической ситуации наиболее приемлемая точка зрения, связывающая должность Бул-ш-ци с главой прикубанских болгар (Артамонов 1962: 371). Исходя из этого, не исключено, что Песах действительно был правителем области, включавшей прежде всего Тмутаракань, а также юго-восточный Крым и Керченский пролив. К. Цукерман прямо заявляет, что он был правителем Боспора (Цукерман 1996: 70).

[6] Использован перевод А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990:115), больше отвечающий археологическим реалиям Таврики середины X в. У Н. Голба «деревень» (Голб, Прицак 1997: 141).

[7] Обзор основной литературы см.: Половой 1961: 99-100.

нуждается в более серьезной дополнительной аргументации. Второе направление представлено точкой зрения Ю. Бруцкуса. Автор видел в Х-л-гу киевского князя Игоря, современника описываемых событий и действительно князя Киевской Руси в период правления Романа I. По мнению автора, имени Игорь соответствовала полная скандинавская форма Helgu Inger, т.е. Хельги Младший, в отличие от Хельги Старого т.е. Олега Вещего (Буцкус 1922: 31). Представители третьего направления видят в Х-л-гу князя т.н. Причерноморской Руси (основную литературу см.: Половой 1961: 99-100). В рамках этого направления высказана наиболее обоснованная, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой Х-л-гу являлся либо воеводой в дружине Игоря, либо вождем наемной варяжской дружины в войске Игоря (Половой 1961: 100; Артамонов 1962: 377). В последнее время она поддержана В.Я. Петрухиным. По мнению автора, отождествление Олега и Xelgou, основанное на сходстве имени и отдельных мотивов нарративных источников, можно отнести к историографическим недоразумениям. Отсутствие упоминания Xelgou в договоре Игоря 944 г. объясняется тем, что его в это время уже, вероятно, не было в живых (Петрухин 1998: 107). Автор совершенно справедливо подчеркивает, что имена Олег и Игорь были распространены часто одновременно и в русских, и в скандинавских княжеских родах. О том, что у руссов при Олеге и Игоре было несколько князей «архонтов», свидетельствует текст договоров 911 и 944 гг. и сведения, сообщаемые Константином Багрянородным: «...Когда наступает ноябрь месяц, тот час архонты (*В.М.*) их выходят со всеми родами из Киева и отправляются в полудия...» (Константин Багрянородный 1989: 50-51). Яркой иллюстрацией этой практики служит факт одновременного собирания дани с древлян дружиной Игоря и Свенельда (Петрухин 1995:145). Вероятно, Х-л-гу играл в истории Руси ту же роль, что после него и Свенельд.

Основываясь на изложенных выше двух моментах и учитывая подлинность и достоверность источника, можно предположить следующую реконструкцию событий. После преследований христиан, начатых хазарским царем Иосифом в ответ на гонения иудеев в Византии при императоре Романе I Лакапине, последний договаривается с киевским князем Игорем о совместных антихазарских действиях. Соблюдая союзнические обязательства, Игорь, скорее всего в 940 г., посылает своего воеводу Helgou с дружиной не только разгромить хазарские владения в Крыму, но и попытаться закрепиться на полуострове. По мнению Л.Н. Гумилева, не подкрепленному, правда историческими документами, но не лишенному логики, война Византии против Хазарии началась в 939 г. В 939 или в начале 940 г. Хелгу внезапным ночным нападением взял С-м-край. В то же время, другая русская рать под предводительством Свенельда покорила уличей, находившихся в союзе с Хазарией. Взят город Пересечен после трехлетней осады и уличи обложены данью в пользу Свенельда. Таким образом, поход Хельгу в Крым рассматривается автором как одно из звеньев продуманной политики Руси (Гумилев 1993б: 193). Предположение выглядит интересным, так как в конце 30-х гг. X в., по мнению О.В. Сухобокова и С.П. Юренко, от Киева отсоединяются восточные северяне и радимичи левобережной Днепровской лесостепи, находившиеся в непосредственной близости к Хазарии. Окончательное их присоединение к Киевской Руси происходит только в период княжения Владимира (Сухобоков, Юренко 1999: 288). В русле этого, логичным выглядит предположение Н.Я. Полового о том, что, вероятно с ведома киевского князя Игоря, этот поход носил завоевательный характер. По мнению ученого, русы оставались в Таврике как минимум осень-весну 940/941 гг. (Половой 1961: 99). Логично предположить, что, воспользовавшись просьбой Романа I, Игорь при помощи дружины Helgou намеревался закрепиться на Крымском побережье, значительно расширив сферу влияния молодого древнерусского государства. Аналогичный характер носил и предпринятый при Игоре поход русов 943 г. в Бердаа под руководством Свенельда, где русы выступали уже союзниками Хазарии и Алании (Половой 1960: 349-350). Именно последние два похода по мысли исследователя послужили основанием для известного запрещения каганом Иосифом «пропускать русские корабли».

Несколько другая реконструкция событий предложена была в свое время Ю.Д.Бруцкусом, В.А. Мошиным, И.А. Барановым и В.Л. Мыцом. Согласно мнению первого, поход Helgou, поддержанный христианизированным местным тюркским населением полуострова, датировался 932 г., а ответная карательная акция Песаха 935 г.(Бруцкус 1922). И.А. Баранов считает, что поход Песаха датируется также 935 г. и служит продолжением военной кампании Хазарского каганата против византийских войск Романа I, начатой разгромом последних под стенами Валендара в районе Тамани или Боспора в 933/34 гг. (Баранов 1990: 152). В русле этой концепции выглядят и исторические построения В.Л. Мыца и С.Б. Адаксиной, правда не такие категоричные как у предшествующих авторов. По мнению исследователей, поход Х-л-гу на Тамань датируется 932 г. В 933/34 г. Роман I в ответной акции постарался овладеть в Таврике Климатами, но потерпел поражение под крепостью Вилендар от тюрок, обитавших к западу от Алании. В 935 г. состоялся поход черных булгар, союзников хазар, под ру-

ководством Песаха, а в 940 г. русы совершили набег на Боспор и захватили крепость Самкерц (Мыц, Адаксина 1999: 125). Предложенная концепция выглядит стройной и логичной за исключением того, что о факте существования двух походов русов в Таврику, умалчивает даже Кембриджский Аноним.

С другой стороны, на чем основана локализация И.А. Барановым города В-л-н-д-р, остается не ясным, поскольку у Аль-Масуди указание о его месторасположении очень неопределенное «на северных границах империи, между горами и морем» (Минорский 1963: 193). Из текста первоисточника совершенно ясно другое. Во-первых, это греческий город, где располагался и византийский гарнизон. Во-вторых, туда беспрепятственно можно было послать подкрепление. И, наконец, в третьих, речь идет о нападении четырех тюркских племен во главе с царем печенегов. Этническая атрибуция нападавших до конца не выяснена, но речь идет в основном о независимых или частично зависимых от Хазарии племенах, и собственно хазары, отлично известные арабским историкам, среди них не указаны (Новосельцев 1990: 107-108). Исходя из этого, его связь города В-л-н-д-р с Боспором или Таманью представляется маловероятной. На мой взгляд, эти события, очевидцем которых Аль-Масуди, безусловно, не был и черпал информацию из других рук (Новосельцев 1990: 218), мало связаны с событиями, описанными в Кембриджском Анониме.

По мнению В.А. Мошина, основанному на сообщениях Аль-Масуди о преследованиях евреев Романом I в 943 г., поход Helgou датировался именно этим годом. Будучи, по мнению автора, князем Причерноморской Руси, последний осадил, соответственно, не С-м-к-р-ц, а К-р-ц-Керчь, взял ее и вернулся в свои владения (Mosin 1931: 309-325). Как уже указывалось, обе даты похода Helgou противоречат точному описанию Анонимом похода русов на Византию 941 г.

Вероятнее всего, большая часть практически полностью христианизированных к этому времени праболгар Таврики, недовольных гонениями христиан, начатых Иосифом, и находившихся, с одной стороны, в номинальной зависимости от Хазарии[8], с другой — под идеологическим влиянием Византии, поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. На мой взгляд, именно по этой причине в Кембриджском Анониме под «городами Романа» понимаются не византийские владения в Таврике, а сильно византинизированные праболгарские салтово-маяцкие города и поселения полуострова. Помимо этого, по мнению С.Б. Сорочана, события, происходившие в Таврике в начале VIII в., свидетельствуют о существовании соглашения о кондоминиуме между империей и Хазарией, когда жители полуострова обязывались не поддерживать ни греков, ни хазар в случае обоюдного противостояния. Примером этому служит аналогичное соглашение о Кипре между Византией и Арабским халифатом, упоминаемое Аль-Масуди (Сорочан 1998: 43). При этом, касательно Крыма, тем более юго-восточного, вопрос о службе «двойного подчинения» (Сорочан 1998: 43) более сложен и не столь однозначен. Исходя из этого логично предположить существование подобного варианта соглашений и в середине X в. Об этом косвенно свидетельствует не только указанная выше сильная естественная византинизация праболгар Крыма, но и целый ряд косвенных аргументов, в частности сфрагистические материалы византийских чиновников, обнаруженные в портовой части хазарской Сугдеи. В добавление к этому, по мнению А.П. Новосельцева, основанному на сообщениях Аль-Истархи, в середине X в. шел процесс децентрализации, и на местах некоторые наместники становились даже самостоятельными правителями (Новосельцев 1990: 144). Таким образом, во время рассматриваемого похода Helgou праболгары полуострова в силу субъективных и объективных причин нарушили возможно существовавшее и в это время соглашение о кондоминиуме между Византией и Хазарией, чем и спровоцировали, помимо всего прочего, взрыв возмущения правящей верхушки каганата и карательный поход хазарского полководца Песаха.

Воспользовавшись внезапностью и стремительностью нападения, Helgou удалось захватить город С-м-к-рай. О проблеме локализации этого города, коротко рассмотренной А.П. Новосельцевым (Новосельцев 1990: 132-133), упомянутого и в т.н. Пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа Хаздаю-ибн-Шафруту, высказано в основном две точки зрения. Согласно первой, признаваемой большинством специалистов, он располагался на берегу Керченского пролива (Гумилев 1993: 193), точнее на месте Тмутаракани (Коковцов 1913: 12; Бруцкус 1922: 52; Артамонов 1962: 373; Новосельцев 1990: 133; Цукерман 1996: 70). А.В. Гадло считает, что это еврейско-хазарская передача названия Тамтаракай-Тмутаракань (Гадло 1989: 15). И.А. Баранов, согласно упомянутой Пространной редакции, справедливо разделяет К-р-ц и С-м-к-р-ц, локализуя их соответственно на двух берегах Керченского пролива (Баранов 1994: 13-14). С другой стороны, ряд авторов связывает его с предместьем Керчи (Mosin 1931: 320), что связано с предлагаемой концепцией атрибуции князя русов Helgou Анонима, или не-

[8] По мнению И.В. Ачкинази, талмудический запрет прозелитизма у хазар-иудеев второй половины IX — первой половины X вв. предоставил большие возможности для работы христианских миссионеров (Ачкинази 2000: 49). Естественно, что активнее всего этот процесс шел в Таврике.

посредственно с остатками фортификационных объектов на территории упомянутого города (Макарова 1982: 99).

Не исключено, что именно благодаря этому, как выясняется, достаточно продолжительному походу, часть древнерусских вещей и попала в указанные ранние комплексы населения юго-восточной Таврики середины X в. Наличие среди них не только бытовых, но и культовых вещей (яйца-писанки) косвенно свидетельствует именно в пользу их проникновения на полуостров вместе с их носителями, а не благодаря торговым операциям. Именно так объясняется наличие определенного количества древнерусских культовых вещей на территории конкретных шведских городов и крепостей (Андрощук 1999: 161-162). Чрезвычайно интересным археологическим свидетельством похода Helgou является обнаруженный совсем недавно при раскопках христианского храма на восточных склонах г.Аю-Даг фрагмент столового кувшина, характерного именно для середины X в., с процарапанным граффити в виде корабля. Автор находки видит в нем стилизованное изображение корабля викингов (Тесленко, 2000). Вероятнее всего именно на них и попадали на полуостров войска Helgou[9].

В-третьих, относительно недавно В.Н. Залесской обнародованны старые материалы раскопок комплекса одной из гробниц предела церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Согласно исследовательнице, инвентарь погребения состоит из украшений, распространенных в X в., и янтарного крестика с иконографическими деталями, встречающимися на скандинавских надгробьях (Залесская 1997: 17). Датируется комплекс в широких хронологических рамках середины второй половины X в., и совершенно не обязательно связан с походом 1043 г.

Каганат ответил карательной акцией под предводительством полководца Песаха, армия которого состояла из северо-кавказских тюрок и союзных им алан. Интересно отметить, что, согласно исследованиям, именно в это время отряды алан выступают союзниками Хазарии при проведении военных действий вне пределов Алании. Войска алан становятся профессиональными, в случае войны дополнительно набирается военное ополчение (Каминский 1993: 92). Такая незамедлительная реакция Хазарского каганата вызвана была и тем, что Керченский пролив и Кубанская дельта играли исключительную роль для Хазарии, особенно на последних этапах ее существования (Гадло 1989: 15). По сообщению Аль-Масуди, даже в случае временного захвата переправ с одного берега на другой, происходящих во время сезонных перекочевок степняков-гузов, сюда устремлялись хазарские войска (Гадло 1989: 15).

Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай, который оказал Helgou сопротивление, разгромить большинство праболгарских поселений и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Это ярко иллюстрируют археологические раскопки Сугдеи. Вероятно, праболгары полуострова либо были уничтожены, либо были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома, что также подтверждается археологическими исследованиями (Баранов, Майко 1996: 71-88; Баранов, Майко, Джанов, 1997: 38-45). Большинство праболгарских комплексов города носили следы гибели (слои пожаров, перекрывающие разрушенные жилые салтовские праболгарские постройки в портовой части Сугдеи) или брошенности. Совершенно аналогичная картина гибели салтово-маяцких городов и поселений юго-восточной Таврики наблюдается при анализе стратиграфии заполнений жилых и хозяйственных построек наиболее изученного поселения Кордон-Оба и городища Тепсень. Так, в стратиграфии заполнения усадьбы поселения Кордон-Оба четко прослежен слой значительного пожара, датируемого на основании керамического комплекса именно серединой X в. (Баранов 1990). Анализ многолетних раскопок Тепсеньского городища свидетельствует о том, что жизнь здесь прекращается также в середине X в. (Майко 1998).

О масштабности и катастрофических последствиях этого похода не только для юго-восточной, но и для южной Таврики свидетельствуют зафиксированные и в стратиграфии Алустона следы пожаров, перекрывших некоторые жилые постройки городища. В настоящее время их зафиксировано 4, хронологически трудно различимые и датируемые со второй четверти X по 60-е гг. X в. За пределами крепости — 1 слой пожара X в. (Мыц, Адаксина 1999: 125). На мой взгляд, их связь с нашествием печенегов проблематична и трудно доказуема. В тоже время, один из слоев пожара, а не исключено, что и первоначальный пожар можно связать именно с походом хазарских войск Песаха[10]. Вместе с тем следует отметить, что такой характерной для юго-восточного Крыма принципиальной смены материальной культуры в южной части полуострова не происходит. Правда, полностью исчезают из обихода причерноморские амфоры местного производства, происходит смена и кухонной посуды. Стратиграфически аналогичная картина зафиксирована Е.А. Паршиной и при раскопках Партенит, где материалы салтово-маяцкого времени четко отделены от последующих древностей, аналогичных материалам Сугдеи и Алустона (Паршина 1991: 78) и датируемых также серe-

[9] С предположением о передвижении войска Х-л-гу на кораблях полностью согласен К. Цукерман (Цукерман 1996: 70).

[10] Выражаю искреннюю признательность В.Л. Мыцу за устное сообщение, не отраженное в публикации.

диной X в. В это время на памятнике фиксируются разрушения, связываемые автором раскопок со стихийным бедствием, возможно землетрясением (Паршина 1991: 95), доказательств чему практически никаких пока не приведено.

Не исключено, что с этим походом связаны и аналогичные пожары середины X в., фиксируемые в стратиграфии Херсонеса, хотя некоторые из них могут иметь отношение к осаде города войсками Владимира. Расчленить их стратиграфически достаточно сложно, мало помогают археологические материалы и нумизматические находки. Общеизвестно, что проблема соотнесения «слоев разрушения и пожаров X в.» (Романчук 1989: 187) с конкретными историческими событиями, в частности с походом киевского князя Владимира, одна из наиболее сложных, тенденциозных и запутанных. Существует немало работ, посвященных уже историографическому анализу, историографических работ (Романчук 1989: 182-188; Беляев 1990: 153-164). Точки зрения абсолютно полярные, концепции разнообразные. Безусловно, решение этой сложнейшей проблемы зависит от тщательности стратиграфической фиксации и анализа всего комплекса находок[11] и прежде всего керамического материала. Именно такой подход пропагандируется на протяжении многих лет экспедицией М.И. Золотарева, в том числе и при изучении объектов интересующего нас хронологического периода (Золотарев, Ушаков 1997: 36). Нет смысла рассматривать этот вопрос подробно без соответствующего анализа огромного накопленного материала именно с такой точки зрения. Предварительно, в качестве постановки вопроса можно сказать, что некоторые элементы керамических комплексов, появляющихся в юго-восточном Крыму в середине X в. сразу после гибели салтовской культуры полуострова, в это же время фиксируются и в комплексах Херсонеса, в том числе и в слоях пожаров, являясь своеобразным хронологическим, а, возможно, и этническим индикатором. При таком подходе, на мой взгляд не исключена постановка вопроса об археологических свидетельствах похода на Херсонес хазарского полководца Песаха. Напомню, что об этом событии, несмотря на некоторые утерянные места, совершенно определенно идет речь в упоминавшемся Кембриджском Анониме. Причем, в отличие от нескольких описаний похода Владимира, Кембриджский Аноним недвусмысленно говорит о штурме и взятии города хазарскими войсками. В последнее время реконструировать данный отрывок упомянутого документа попытался К. Цукерман (Цукерман 1996: 70-71). Согласно автору, из описания осады Херсона можно сделать заключение об использовании военной хитрости осажденными византийцами, военном столкновении и заключении мира на условиях выплаты контрибуции. В русле предложенной реконструкции текста (Цукерман 1996: 71), не исключено, что состоялось и какое-то военное столкновение с оставшимися отрядами Хе-л-гу, искавшими защиты у византийцев за стенами Херсонеса.

Следы гибели именно середины X в. носят и некоторые памятники салтовского времени юго-западного Крыма. Во-первых, речь идет о времени прекращения существования долговременных склеповых могильников типа Скалистого. Корреляция наиболее поздних датирующих находок позволяет утверждать, что позже общепринятой даты существования салтовской культуры полуострова они не функционируют. Время их гибели на основании имеющегося материала также можно определить серединой X в. Некоторыми исследователями это справедливо связывается с походом хазарского полководца Песаха (Юрочкин 1997: 75).

Во-вторых, в качестве постановки проблемы можно рассмотреть вопрос о «неясных» слоях сильных разрушений на Мангупе, датируемых в целом второй половиной X в. (Герцен 1993: 61), и связать их с походом хазарских войск Песаха. К сожалению материала для обоснования этого предположения пока недостаточно[12]. Однако, даже опубликованные на сегодняшний день археологические находки, в частности керамический комплекс из усадьбы подножия Мангупа (Науменко 1997: 324-340), несмотря на его естественное своеобразие, типичен для середины IX — второй четверти X вв., с чем

[11] В этой связи интересно отметить, что при исследованиях Л.В. Седиковой в южном районе Херсонеса на участке т.н. терм в 1999 г. в цемянковом полу помещения 1 была исследована хозяйственная яма № 3, прорезавшая его (Седикова 2000). Археологический материал, происходящий из заполнения ямы, аналогичен Судакскому, появляющемуся в юго-восточном Крыму в середине X в. Ярким подтверждением этому является и обнаруженный здесь же нумизматический материал. Из 7 монет пять датируются 40-ми гг. X в. Это по две монеты совместных выпусков Константина VII и Романа I (924-944 гг.) и Константина VII и Романа II (945-959 гг.) и одна неопределимая монета X в. (Седикова 2000, опись монет). При этом только одна монета Романа I и Константина VII происходит из засыпи объекта, остальные обнаружены на дне ямы. Самое важное, что монет позже этого времени в данном закрытом комплексе не обнаружено. Вероятнее всего права Л.В. Седикова, связывающая появление данного комплекса с прекращением функционирования и гибелью перестроенного монументального здания терм.

[12] Смею надеяться, что в ближайшее время археологические материалы именно середины X — первой половины XI вв. из многолетних раскопок этого уникального памятника будут введены в научный оборот, что в значительной степени позволит продвинуться вперед в решении вопроса о разрушениях на Мангупе второй половины X в. и подтвердить или опровергнуть высказанное предположение.

согласны и авторы исследований (Науменко 1997: 334). Еще раз подчеркнем, что в юго-восточном Крыму типологически близкие комплексы с кухонной салтово-маяцкой керамикой прекращают свое существование именно в конце второй четверти X в.

На мой взгляд, более ясна ситуация с датировкой времени разрушения т.н. второй оборонительной линии Баклинского городища и синхронных ей жилых и хозяйственных построек (так называемый зеленоватый слой). Нижняя его хронологическая граница — середина IX в. — достаточно аргументированно обоснована А.В. Сазановым (Сазанов 1994: 42-46). Относительно времени прекращения существования и гибели оборонительной линии и сооружений согласиться трудно. По мнению автора, это происходит в середине XI в. и связано с разрушениями на Мангупе (Сазанов 1994: 54-56). В качестве хронологических индикаторов приводится тщательный разбор времени существования высокогорлых кувшинов, ойнахой т.н. баклинского типа и поливной белоглиняной керамики, причем последняя выступает в роли одного из главных хронологических индикаторов (Сазанов 1994: 46-53).

Во-первых, верхняя дата существования высокогорлых кувшинов действительно спорна. Однако, в юго-восточной и южной Таврике они не доживают до середины XI в., о чем свидетельствуют многолетние раскопки Сугдеи, Алустона, Партенит. Схожая ситуация наблюдается для Херсонеса и памятников юго-западного Крыма. В Тмутаракани они не могут сосуществовать с т.н. веретенообразными амфорами с гребенчатым рифлением и весокоподнятыми ручками. За пределами крымского полуострова и Тамани эти импортные для данных территорий сосуды, возможно, доживают и до начала XII в., что, во-первых, нуждается в дополнительных доказательствах, а, во-вторых, не может быть хронологическим индикатором для памятников Таврики.

Во-вторых, верхняя дата существования ойнахой баклинского типа, как и время начала их производства, также спорны. Тем не менее, совершенно очевидно, что они не могут существовать дольше времени функционирования печей, их производивших. Эти печи, где обжигались и местные амфоры причерноморского типа, прекращают свое существование примерно в середине X в., что, как уже отмечалось, также связано с походом хазарского полководца Песаха.

В-третьих, большинство выделенных типов белоглиняной византийской поливной керамики появляется в Таврике примерно в середине IX в., с чем согласен и наш оппонент. Более поздним временем датируется время появления всего двух из тринадцати типов и одного варианта (Сазанов 1994: 52-53). Рассмотрим их подробнее. Выделенный тип (Талис 1976: рис.1,10), как и остальные фрагменты к нему относимые, встречены в надежно стратифицированных горизонтах портовой части Сугдеи как второй половины IX — первой половины X вв. (Майко 1998: 139, рис.1), так и в более поздних слоях второй половины X — начала XI вв. Керамика следующего типа (Талис 1976: рис.1,2) появляется в юго-восточной и южной Таврике (Сугдея, Алустон) в закрытых, датированных монетами комплексах именно в середине X в. и существует до начала XI в. (Баранов, Майко 1998: 23, рис.1,*1-8*). Подчеркну, что ее наличие является аргументом в пользу датировки слоев разрушения именно серединой X в. И, наконец, следующий тип (Талис 1976: рис.3,7) представлен белоглиняными сосудами, достаточно хорошо известными в Таврике. С описанной выше посудой они схожи только цветом глины и традиционно датируются в юго-восточной и южной Таврике не ранее середины — второй половины XIII в. (Семин 1998: 179-181). Относительно выделенных А.В. Сазановым двух типов т.н. расписной белоглиняной керамики (Талис 1976: рис.2,3,4; Сазанов 1994: 53) можно заметить следующее. В упомянутых горизонтах портовой части Сугдеи второй половины IX — первой половины X вв. они также присутствуют, причем есть и типологически схожие формы, имеющие сходный орнаментальный мотив (Майко 1998: 1, 8). Безусловно все перечисленные типы поливной керамики существуют в большем или меньшем процентном составе и в комплексах второй половины X — начала XI вв., однако отсутствие в рассматриваемом зеленоватом слое периода функционирования и гибели второй оборонительной системы городища Бакла византийских амфор с воротничковым венчиком, кухонной и столовой посуды, типичной для этого времени, не позволяет согласиться с предложенной А.В.-Сазановым датой гибели городища в рамках середины XI в. Приведенные материалы, на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют о том, что разрушения на Баклинском городище в принципе аналогичны разрушениям в Сугдее, по основным показателям близки и археологические комплексы. Вероятно, если действительно синхронны Мангупским, датируются также серединой X в. и связаны с походом хазарских войск Песаха.

Практически все более или менее исследованные сельские праболгарские памятники Керченского полуострова носят следы гибели именно середины X в. По мнению А.В. Гадло, основанному на корреляции амфорного материала, изученные лучше чем остальные Пташкинское и Героевское салтово-маяцкие поселения прекращают свое существование именно в первые десятилетия X в. (Гадло 1980: 141). Сказанное подтверждают и небольшие работы на салтовском поселении Опук, проводимые в течение двух лет экспедицией В.К.Голенко. Там, при раскопках, в слое

разрушения жилой постройки, сложенной техникой кладки «в елку», встречены фрагменты византийской амфоры с воротничковым венчиком. Авторы раскопок датируют время разрушения сооружения 30-40-ми гг. X в.[13] Наличие на них фрагментированных археологических материалов более позднего времени лишь позволяют уточнить время разрушения объектов, а не является аргументом в пользу передатировки импортных византийских амфор второй половины X — XI вв.

Отдельного рассмотрения заслуживают синхронные материалы Боспора-Керчи. В последнее время этой проблемой занимался А.И.Айбабин. Согласно его концепции, опирающейся на датировки Т.И.Макаровой (Макарова 1982: 91-107) и отрывочные сведения письменных источников (Цукерман 1998: 663-688) хазарская цитадель была разгромлена еще в третьей четверти IX в., а сам город стал византийским в последней четверти этого столетия (Айбабин 1999б: 222). Однако, во-первых, ссылаясь на материалы раскопок Т.И. Макаровой, в том числе опубликованные сравнительно недавно в самом большем объеме (Макарова 1998: 344-393), А.И. Айбабин не подвергает их критическому анализу. А между тем стратиграфическая ситуация и археологический материал, к сожалению, практически не приведенный, совсем не так однозначны и не дают четкой хронологической даты. Прежде всего, не подлежит сомнению, что салтовские постройки городища как и сама цитадель гибнут в крупном пожаре, носящим тотальный характер (Макарова 1982; Макарова 1998: 357). При этом датировка его первой половиной IX в. не окончательна и полностью не доказана. Более ясная, на мой взгляд, картина с перекрывающим салтовские постройки слоем нивелировки и застройки хазарской цитадели. Исследованный на этом участке квартал, состоящий из пяти домов, расчлененных улицами, судя по амфорному материалу (наличие амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», которые появляются в юго-восточной Таврике в середине X в.), кухонной, белоглиняной поливной керамике и индивидуальным находкам датируется второй половиной X — началом XI вв. Интересно отметить, что стены некоторых зданий сложены с использованием элементов кладки «в елку» (Макарова 1991: 127). Совершенно аналогичная ситуация характерна и для жилых комплексов Сугдеи, возникающих в середине X в. и существующих до XI в., исследованных в портовой части городища (Баранов, Майко, Джанов 1997: 38-42). Время гибели Боспорского квартала, на мой взгляд, синхронно Сугдейскому. Это начало XI в., о чем речь будет идти в конце работы.

[13] Приношу глубокую благодарность В.К. Голенко и А.В.Джанову за возможность использования материалов раскопок.

Вышеизложенные соображения полностью подтверждают приведенные А.И. Айбабиным данные раскопок в районе Кооперативного переулка 1990/91 гг. Они однозначно, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что типичный праболгарский дом, сложенный техникой кладки «в елку» (Айбабин 1999б; Юрочкин 1994: 27-29) перекрыт слоем, содержащим лощеный кувшин с характерным прорезным орнаментом (Айбабин 1999б: 223, рис. 87, *6*). Этот сосуд связан с той частью т.н. слоя сероватокоричневого суглинка в заполнении помещения 1, исследованного в 1990-1991 гг., где обнаружен достаточно выразительный комплекс находок второй половины X — начала XI вв. (коллекция амфорного материала, представленного выразительными фрагментами амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», в том числе с разнообразными граффити, ранними константинопольскими с т.н. клиновидным венчиком, характерной тонкостенной кухонной керамикой и высокогорлыми кувшинами). Данный керамический набор является характерным для юго-восточного Крыма именно этого времени, что подтверждают датированные монетами синхронные закрытые комплексы Сугдеи. Поскольку этот материал происходит из слоя перекрывающего постройку, то совершенно понятно наличие в нем некоторого фрагментированного материала более раннего времени, в частности, фрагментов амфор причерноморского типа и наиболее поздних кухонных салтовских горшков. Что касается лощеного кувшина с прорезным орнаментом то, на основании археологических материалов многолетних раскопок Сугдеи, подобные кувшины совершенно не характерны для салтовской культуры полуострова. Они появляются в Крыму, юго-восточной и восточной Таврике только в середине X в. (Баранов, Майко 2000: 292-295). Как уже указывалось, не ранее этого времени датируются аналогичные сосуды из Херсонеса и Таманского городища. Сосуществование их с салтовской керамикой невозможно.

Несколько другая ситуация характерна для Саркельского городища, где подобные лощеные кувшины с характерным орнаментом, обнаруженные в очень небольших количествах, наверняка сосуществуют с классической салтово-маяцкой керамикой. Данная ситуация и позволила С.А. Плетневой в свое время, не имея достаточно представительной коллекции, провозгласить их типично салтовскими. С легкой руки известной исследовательницы эту идею подхватили некоторые специалисты, совершенно не учитывая Крымскую ситуацию и стратиграфические данные обнаружения рассматриваемых лощеных кувшинов в Таврике.

На мой взгляд, ситуацию объяснить можно следующим образом. Дело в том, что стратиграфически оба оранжевоглиняных саркельских

кувшина (Плетнева 1959: 213, рис. 1,*1,2*; Шелковников 1959: 279, рис. 3), не считая крайне небольшого количества фрагментированных сосудов, происходят из слоя середины X в. (обнаружены в заполнении хозяйственных ям, отнесение которых к первоначальному периоду в истории города проблематично)[14]. Во-первых, согласно высказанной концепции (Майко 1997; Майко 1999) в юго-восточном Крыму они появляются в 40-е гг. X в. после похода Песаха. Там же только с этого времени начинается их местное производство вновь прибывшим населением и возможный импорт в Херсонес, Боспор, Партенит и на Таманский полуостров. Во-вторых, согласно установившейся традиции разрушение Саркела связывают с походом Святослава 965 г. В связи с изменением исторической ситуации претерпевает заметные перемены и облик материальной культуры городища. Таким образом, логично предположить импорт в Саркел, один из крупнейших торговых пунктов на Дону, на т.н. Шелковом пути указанных лощеных столовых, достаточно парадных сосудов из Крыма именно в промежуток 40-60-х гг. X в. до катастрофических последствий похода. Это тем более вероятно, что облик материальной культуры Саркела середины X в. имеет и другие общие черты с материальной культурой населения юго-восточной и южной Таврики середины X в. Наряду с салтовской кухонной и столовой керамикой, имеющей тенденцию к постепенному уменьшению в процентном соотношении, в Саркеле в т.н. втором пласте (Плетнева 1959: 266-268) обнаружены те же типы импортных константинопольских амфор. Известных в Саркеле в предшествующее время импортных причерноморских амфор и т.н. ойнахой баклинского типа крымского производства в этом слое практически нет, т.к. прекращение их выпуска в основном совпало с гибелью салтовской культуры Крыма. Та же ситуация с тарной керамикой, как уже отмечалось, характерна и для юго-восточного Крыма. В этом же втором пласте Саркела, помимо высокогорлых кувшинов, обнаружены и типичные для юго-восточного Крыма кухонные горшки с уплощенным отогнутым венчиком и ленточной ручкой, аналогично ручкам высокогорлых кувшинов (Плетнева 1959: 247, рис. 33, *1*; 267, рис.31, *1*). Они достаточно полно описаны и опубликованы (Баранов, Майко 1997; Баранов, Майко 2000). Таким образом, можно говорить о стратиграфическом слое Саркела, в своем роде уникальном, как и сам памятник, где наряду с салтовской керамикой местного населения встречены импортная тара (константинопольские амфоры, в отличие от причерноморских, импортные лощеные кувшины с врезным орнаментом в виде кружков и линий, высокогорлые кувшины и отдельные нехарактерные типы кухонной керамики). На основании схожести керамического комплекса этого стратиграфического горизонта и восточно-крымских городов его можно датировать в рамках 40-60-х гг. X в.

В русле вышеприведенных соображений следует рассматривать и появление на территории Подонья на одном из поселений Левобережного цимлянского городища уникального лощеного зооморфного сосуда, изготовленного из оранжево-бежевой глины, нехарактерной для основной массы лощеных сосудов, т.н. аланского варианта салтовской культуры (Артамонов 1935: 23, рис. 9; Талис 1982: 124, рис. 15). Напомним, что он обнаружен еще в 1887 г. Н.И. Веселовским. Сопровождавший находку археологический материал оказался либо не выразительным, либо имеющим очень широкие хронологические рамки бытования и чисто условно датировался в рамках VIII — IX вв. (Талис 1982: 63). Сосуд-водолей выполнен в виде стилизованной вытянутой птицы на трех ножках, имеющей аккуратную шейку и ойнахойевидный венчик с носиком слива. Орнаментация водолея в виде прорезных кружков и линий совершенно идентична орнаменту на лощеной керамике, бывшей предметом пристального рассмотрения выше, что уже отмечалось исследователями (Баранов 1990: 99). В литературе утвердилась точка зрения о том, что рассматриваемая уникальная находка связана с известными салтовскими водолеями в виде птиц местного производства, обнаруженными при раскопках т.н. мастерской IX — X вв. Баклинского городища (Баранов 1990: 97, рис. 33,*10,11*). И.А. Баранов согласно типологии салтовской керамики полуострова объединяет их в один тип (Баранов 1990: 99)[15]. Безусловно, генетическая их связь очевидна. Можно согласиться с точкой зрения Д.Л. Талиса о том, что, согласно технологическим особенностям, Баклинские водолеи местные, изготовленные гончаром по примеру и под влиянием северокавказских керамических традиций. Однако цимлянский водолей им не синхронен, он отличается и технологически и элементами морфологии иной системой орнаментации. Его появление в Крыму связано, однако, именно с той северо-кавказской средой, керамические традиции которой послужили основой Баклинским водолеям. В этой связи интересно отметить, что истоки прорезного орнамента в виде сочетания концентрических кружков и линий, часто заполненных белой краской, находятся также вероятно на территории Северного Кав-

[14] Ошибочность выделения т.н. ямного слоя Саркела была недавно еще раз подчеркнута А.В. Сазановым и подтверждена С.А. Плетневой (Сазанов 1994: 45). Как выясняется, ямы были просто опущены в материк с высоты культурного слоя второй половины IX — 930-965 гг.

[15] К сожалению, мне ничего не известно о находке водолея в виде птицы на территории городища Сугдеи (Баранов 1990: 99).

каза, о чем упоминалось в литературе. Прямыми аналогиями могут быть фрагменты керамики, полученные при обследовании средневековых городищ Ставропольщины (Минаева 1949: 156, рис. 3 в; 160, рис. 7, г, м), датировка которых сарматским временем аргументирована недостаточно при том, что на указанных городищах присутствует и средневековый слой. Возвращаясь к цимлянскому водолею, отметим, что датируется он, как и оранжево- и желтоглиняные кувшины Саркела, о которых шла речь выше, серединой — второй половиной X в. и является предметом импорта. Очевидна связь его с упомянутым слоем Саркельского городища 40-60-х гг. X в. Добавим, что в материалах раскопок т.н. Судакского зольника середины-второй половины X в. удается выделить целую группу зооморфных лощеных сосудов, схожих с цимлянским водолеем по целому ряду морфологических и технологических признаков (Баранов, Майко 2000).

Возвращаясь к материалам раскопок в Кооперативном переулке, отметим, что в стратиграфии этого участка праболгарская кухонная керамика относится к заключительному периоду функционирования дома, сложенного «в елку». Археологические же материалы, о которых шла речь выше, в том числе и лощеный кувшин с врезным орнаментом в виде кружков и линий из раскопок в Кооперативном переулке, связаны со следующим за салтовским периодом в жизни средневековой Керчи, представленным упомянутым выше жилым кварталом, расчлененным улицами, исследованным Т.И. Макаровой. С этим периодом можно связать и часть жилых сооружений, исследованных А.И. Айбабиным. В частности, возможно остатки помещения 13 и частично сохранившийся прямоугольный дом, состоящий из одного помещения с использованием элементов кладки «в елку», уходящий юго-восточным краем в южный борт раскопа 1991 г.

Таким образом, как мы постарались показать, материалы археологических исследований в Кооперативном переулке также свидетельствуют о гибели салтовских объектов городища в середине X в. Отметим, что в своих последних работах А.И. Айбабин согласился с точкой зрения о гибели салтовских праболгарских памятников полуострова в связи с походом Песаха, который он датирует широкими хронологическими рамками 920-940 гг. (Айбабин 1999а: 7; Айбабин 1999б: 227).

Совершенно сходная картина наблюдается при анализе материалов из раскопок Фанагорийского и Тмутараканского городищ. И в первом и во втором случае салтово-маяцкие материалы существуют именно до середины X в. и отделены от последующих слоем пожара (Кропоткин 1958: 218). Особенно ярко это иллюстрируют раскопки Тмутараканского городища, что полностью соответствует данным Кембриджского Анонима (Кропоткин 1958: 218; Богословская, Богословский 1992: 8-9; Макарова 1998: 357). Анализируя керамический комплекс Таманского городища, С.А. Плетнева пришла к заключению о существовании нескольких периодов в его истории. Однако, выделение исследовательницей третьего периода X — XI вв., начало которого приходится на 965 г., на мой взгляд, проблематично и не доказуемо (Плетнева 1962: 68-69). Керамический комплекс этого периода так же имеет много общих черт с набором посуды городищ юго-восточного Крыма середины X — начала XI вв. Сказанное касается и амфорного материала, в частности численно преобладающих византийских амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», датировка которых сильно завышена (Плетнева 1963: 53, рис.32). Напомним, что в комплексах юго-восточного Крыма позже второй четверти XI в. данные амфоры мне неизвестны. Только в этом слое появляется лощеная столовая керамика с врезным орнаментом в виде кружков и линий (Плетнева 1963: 41, рис. 24, *10*) и некоторые формы кухонной посуды (Плетнева 1963: 45, рис. 27, *2,6,7*), имеющие прямые аналогии в керамических наборах середины X — начала XI вв. юго-восточного Крыма. Исходя из высказанных ранее соображений и исторической ситуации, указанный стратиграфический горизонт и, соответственно, период жизни Тмутараканского городища следует датировать со времени карательного похода Песаха. Вероятно, материальная культура этого периода в истории Тмутаракани не претерпела в отличие от юго-восточного Крыма серьезных изменений в течение всего существования русского Тмутараканского княжества, что является отдельной темой исследования. Как показывают многолетние раскопки на территории Фанагорийского городища, стратиграфически, и здесь слой VIII — первой половины X вв. отделяется от горизонта второй половины X — XI вв. (Долгоруков 1975: 57-59).

Схожие процессы происходят в первой половине X в. в Подонье. По мнению А.В. Гадло, прекращение существования салтово-маяцкой культуры на этой территории, связываемой с западной группой т.н. асов, результат не столько нашествия печенегов, сколько карательной акции против расселенных в свое время на границах каганата вассальных племен объединенного хазаро-аланского войска. Покоренные асы-асии были расселены хазарами в верховьях Кубани, откуда их предки были расселены вдоль западных границ каганата (Гадло 1994: 22). Совершенно справедливо полагают исследователи, что в первой половине X в. собственно Асия и Алания Северного Кавказа были отдельными государствами (Гадло 1994: 22; Цукерман 1998: 96-97), имевшими и отличительные особенности материальной культуры. Последние связаны в том числе и с наличием у

аланского варианта определенного типа курильниц (Каминский, Цокур 1998: 19), имеющих аналогии в материальной культуре и юго-западного Крыма. Политическую активность хазар в первой половине X в. подтверждают и другие письменные источники, зафиксировавшие участие хазарских отрядов и в военных операциях правителей политических образований Дагестана (Гмыря 1996: 60-61). С другой стороны, в 20-е гг. X в., согласно данным письменных источников, происходит несколько военных столкновений между адыгами и хазарами. Последние руками усмиренных до этого в 932 г. алан покоряют адыгов и пытаются поставить там хазарского ставленника. Часть адыгского населения устремляется к морскому побережью (Гадло 1989: 14).

Нам представляется вполне логичным, что воспользовавшись походом и победами Песаха, в Крым переселяется значительная масса сложного в этническом плане тюркского городского населения с северо-кавказских и прикаспийских территорий. Как уже отмечалось, именно в середине X в. происходит поднятие уровня Каспийского моря, затапливавшего земли, населенные северо-кавказскими тюрками (Гумилев 1993а: 516). Конечно, это не решающая причина, но совершенно отбрасывать ее также нельзя. С другой стороны, нарастающая опасность со стороны печенегов тоже стимулировала процесс переселения в более спокойные места. Дополнительным аргументом в пользу возможного переселения является справедливое мнение А.В. Гадло, согласно которому именно в 40-60-е гг. X в. в Северо-кавказской степи полностью исчезают следы оседлости, ее население отходит в предгорья, заметим, достаточно плотно заселенные и до этого. Нарушается устоявшаяся система взаимоотношений, нарушается годичный отгонный цикл (Гадло 1998: 99). В заключение отметим, что факт переселения 3 тыс. хазарских семей, правда в более позднее время в 1064 г., из страны хазар в г. Кахтан известен по письменным источникам (Новосельцев 1990: 193-194). Исходя из всего вышесказанного и учитывая политическую и экономическую нестабильность на Северном Кавказе, с одной стороны, и политическую активность Хазарии в первой половине X в., с другой, поход и победы Песаха были серьезным поводом для переселения. Именно после этого, на полуострове появляется совершенно новая материальная культура, имеющая тем не менее определенные тюркские и аланские черты.

Таким образом, можно считать установленным, что описываемые в Анониме события исторически верно соответствуют первому походу князя Игоря на Византию 941 г. и предшествовавшему ему набегу киевской варяжской дружины под предводительством Х-л-гу на хазарские владения в Крыму и на Тамани. В связи с этим нет оснований сомневаться и в походе Песаха на Таврику, имевшем для полуострова очень серьезные последствия. Во-первых, именно в это время гибнет большинство салтово-маяцких праболгарских поселений Таврики, во-вторых в Крыму появляется совершенно новая материальная культура, имеющая некоторые общие черты с тюркскими культурами Северного Кавказа и Прикаспия. Не исключено, что войска Песаха двигались в Крым с этих территорий. Воспользовавшись их победой, в силу ряда объективных и субъективных причин, на полуостров в середине X в. переселяется часть северо-кавказского населения, остававшегося в юго-восточной Таврике всю вторую половину X в.

После успешной военной экспансии, приведшей к выгодной для Хазарии международной расстановке сил, именно в 40-е — 50-е гг. X в. территория каганата достигает максимальных размеров. Все это делает совершенно справедливым рассказ хазарского царя Иосифа о столь обширных границах своего государства.

Исходя из археологического материала и сообщений письменных источников, дальнейшие судьбы северо-кавказских переселенцев во второй половине X — начале XI вв. можно представить следующим образом. После гибели и упадка Хазарского каганата, особенно после ускорившего это событие похода Святослава 965 г., территория юго-восточной Таврики, где в основном и проживали северо-кавказские переселенцы, вероятно в начале 70-х гг. X в. переходит под власть Византийской империи, выгодно использовавшей новую международную расстановку сил. Видимо в южной Таврике это произошло еще раньше, чему, по мнению В.Л.Мыца, способствовали военные успехи Никифора Фоки на Востоке, создавшие необходимый базис для закрепления империи в этой части полуострова. Именно второй половиной 60-х гг. X в. датируется система мероприятий по восстановлению цитадели Алустона (Мыц, Адаксина 1999: 126). Очевидно уже при Иоанне Цимисхии вся Таврика с разной степенью самостоятельности переходит под протекторат империи. Благоприятствовали этому и военные поражения Руси и гибель киевского князя Святослава.

Все эти события мало повлияли на изменение этнического состава населения юго-восточной Таврики. Как уже указывалось, археологические комплексы северо-кавказских переселенцев существуют без видимых изменений всю вторую половину X в. Об этом свидетельствуют и уже коротко проанализированные т.н. Приписки на полях крымских Библий, собранных А.Фирковичем. Они как раз и фиксируют присутствие в Таврике во второй половине X в. тюркского населения, среди которого отмечают этнических хазар. Отметим, что Приписок, повествующих именно об этом, достаточно много. В этой связи не исключено, что авторы Приписок под хазарами понимали не только самих этнических хазар, но и сложное в

этническом плане городское северо-кавказское население, переселившееся в Крым и приверженное иудаизму. В этой связи интересно замечание А.В. Гадло, согласно которому после похода Святослава хазарский этнос утратил свое единство и начал концентрироваться в виде отдельных локальных сообществ на наиболее удобных для него окраинах бывшего государства: на Тамани, в низовьях Терека и Сулака, вблизи Самандара, в Крыму (Гадло 1994: 71).

Существование и окончательное оформление археологических комплексов северо-кавказских переселенцев именно во второй половине X в. при практически полном отсутствии в юго-восточной Таврике в данный хронологический период византийских археологических комплексов наводит на мысль, что, вероятно, сразу после подчинения, а точнее сказать переподчинения Византии, юго-восточная Таврика представляла собой своеобразный реликт Хазарского каганата, находившийся под контролем империи.

Для реконструкции политической и экономической структуры этого «реликта» каганата в юго-восточном Крыму важное значение имеют данные А.В. Гадло о подобной системе, существовавшей в Тмутаракани до похода Владимира «на козар», который автор датирует 986/87 гг. (Гадло 1990: 23). Основываясь на известной притче о полянской дани хазарам, исследователь считает, что Таманское государственное образование управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, существовало свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийским), основывается автокефальная епархия (Гадло 1990: 22). С присоединением Тмутаракани к Руси, положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опиравшуюся на поддержку местного населения и являясь основными владетелями прилегавших к городу обрабатываемых земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя (Гадло 1992: 6-7).

В этой связи чрезвычайно интересен вывод А.В. Гадло, согласно которому и в более позднее время сутью интриги, развернувшейся в Тмутаракани в 60-е гг. XI в. и связанной с междуусобной борьбой Ростислава и Олега, в которую активно вмешивалась Византийская империя, было стремление населения, не порывая с русской княжеской династией, восстановить политическую независимость, придав новому образованию облик разрушенной в 965 г. Хазарии (Гадло 1990: 11-12). Недаром эти события нашли, как уже отмечалось, отзыв на страницах русских летописей.

Вероятнее всего, применяя сравнительный метод, можно утверждать, что в юго-восточном Крыму, очевидно близкому этнически к Тмутараканскому государственному образованию, в данный хронологический период сложилась схожая ситуация с той лишь разницей, что вместо русского князя до 965 г. существовал хазарский наместник, а после этого и до 1015 г. византийский стратиг. В состав местной византийской администрации, номинально подчиненной империи, входили представители тюрко-хазарского происхождения. Не исключено, что будучи лояльными к империи, они занимали и ключевые посты. Данная ситуация находит отражение в письменных источниках. Среди них особо следует выделить уже проанализированный т.н. Манджелисский свиток. Становится понятным, почему автор одного из документов, входящего в свиток, говорит о царстве «братьев наших хазар» в Крыму в 80-е гг. X в. (Хвольсон 1866: 75-80) и о хазарском царе Давиде, принявшем послов киевского князя Владимира, прибывших для знакомства с иудейской религией перед крещением Руси. Последнее обстоятельство находит отражение и в древнерусских летописях (ПВЛ 1978: 121). В настоящей работе мы не будем детально анализировать старую и сложную проблему достоверности этого сообщения[16] и проблемы происхождения иудейского посольства. Не вдаваясь в подробности, отметим, что наряду с киевской (Толочко 1990: 52) и тмутараканской (Гадло 1990: 22-23) версиями существует точка зрения о том, что это посольство

[16] Коротко отметим, что резкая критика документа А.Я. Гаркави построена в основном на признании фальсификацией первой составной части этого сложного источника, логически и хронологически не связанной с рассказом о посольстве к Владимиру. Во-вторых, при анализе Свитка автор основывается на умозрительном заключении о низком уровне развития Хазарии и ее политической слабости в X в., о невозможности контроля над Матархой, несоответствия города Сафарад Боспору и некоторых названий, не современных дате источника (Гаркави 1876: 26-28). Что касается основных посылок, то они слабо подкреплены как письменными источниками, так и анализом исторической ситуации. Относительно последних замечаний, можно отметить, что они являются по мнению А.Я. Гаркави второстепенными и последуют как дополнение к основным. Объективную оценку им могут дать только специалисты семитологи. Не являясь специалистом в этой области, от себя могу добавить, что нельзя провозглашать фальсификацией все наследие А.С. Фирковича, также как неосторожно считать аутентичными абсолютно все документы. Специальный анализ, проведенный В.В. Лебедевым, доказал взаимосвязь подделки дат в некоторых документах, непосредственно со средневековой историей Крыма не связанных (Лебедев 1974: 8). Вполне вероятно и логично, что, во-первых, они были куплены А.С. Фирковичем у собственника, подделавшего документ из корыстных соображений, во-вторых, некоторые даты исправлены переписчиками за сотни лет до Фирковича, в-третьих, сфальсифицированное удревнение даты рукописи не всегда влекло за собой изменение сути описываемых в документах событий (Вихнович, Лебедев 1992: 139). Необходимо обратить внимание, что из 15000 рукописей, составляющих две коллекции, только несколько десятков выглядят поддельными (Вихнович, Лебедев 1992).

было крымским. В этой связи нельзя не отметить, что все прибывшие к Владимиру посольства, в том числе и иудейское, представляли именно государственные религии.

Подчинение, хоть и номинальное, юго-восточной Таврики Византийской империей в правление Иоанна Цимисхия, выразилось в создании в этой части полуострова двух новых фем. В то же время возникновение множества мелких фем было типичным для Византии второй половины X в. Так, согласно данным «Эскориального Тактикона» 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом, преимущественно небольших фем и городов (Степанова 1995: 14; Бибиков 1976: 88). Но, иногда, как в случае с Георгием Цуло, даже стратиги их, не говоря о более мелких руководящих должностях византийской администрации, были представителями местной тюрко-хазарской знати. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица — фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В Тактиконе, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 80-тым гг. X в., упоминается еще одна фема Таврики — фема Боспора (Oikonomides 1972: 268-269). Реальное ее существование подтверждается находками печатей уже упоминавшегося Георгия Цуло. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в. (Georgius Cedrinus 1838: 232). В этом же Тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время — морская фема Понта Эвксинского. Некоторые исследователи склонны локализовать центр ее в Сугдее (Баранов 1989: 54; 1990: 154; Степаненко 1992: 128-129). Последний автор считает, что это произошло в период правления Иоанна Цимисхия и связано было с восстановлением контроля над городом (Степаненко 1993: 254). Н.Икономидис, напротив, предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывает, что византийские военно-морские силы в IX — X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском Понте в середине 80-х гг. X в., судя по дате Тактикона Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н.Икономидис склонен видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря.

В решении вопроса о существовании фемы в Сугдее в последней трети X — начале XI вв. решающее значение имеют сфрагистические материалы. В последние годы при проведении подводных исследований в портовой части Сугдеи были обнаружены три одинаковые печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия (Степанова 1995: 13-15; Баранов, Степанова 1997: 83-87).

Таким образом, вполне вероятно, что после подчинения Византией юго-восточной Таврики во второй половине X в. на этой территории возникают две новые фемы — Боспора и Понта Эвксинского. Пока трудно с полной уверенностью констатировать, что центр последней находился в Сугдее. Не исключено, что существовала и третья Сугдейская морская фема. Данное явление, как уже отмечалось, было типичным для Византийского государства в последней трети X в. Еще раз подчеркнем, что основным населением, проживавшим на территории этих фем, особенно фемы Сугдеи, были северо-кавказские тюрки, переселившиеся на полуостров в середине X в. Подчинение этих территории Византии было номинальным, в состав местной администрации входили представители тюрко-хазарского происхождения. Номинальное подчинение этих территорий Византийской империи косвенно подчеркивает тот факт, что во второй половине X в. Сугдея переходит под власть печенегов. Это вытекает из известной Приписки 59 (Хвольсон 1866: 66-67), датированной 977 г., в которой речь идет о том, что Иосиф, учитель иудаизма и переписчик Библии из Сугдеи, закончил переписывать одну из них в Сугдее под «владычеством печенегов, которые покорили (это место) наших братьев кадариев (хазар)» (Баранов 1990: 152-153). Скорее всего, эта зависимость была кратковременной и тем более номинальной, не связанной с изменениями этнического состава населения. По единодушному мнению исследователей, основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова. В пользу этого свидетельствует и отмеченное отсутствие археологических материалов, связываемых с печенегами в юго-восточной Таврике второй половины X в.

Таким образом, подводя некоторые итоги можно отметить, что юго-восточный Крым с особой материальной культурой, отличной от салтово-маяцкой, представлял во второй половине X в. своеобразный реликт хазарского каганата. После его возникновения после похода Песаха 941 г. и до падения Хазарии после похода Святослава 965 г. местное население подчинялось ставленнику каганата. При этом разгром киевским князем хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулись Крымского полуострова и лишь только оборвали и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. При этом присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае это не нашло отражения ни в Повести Временных Лет, ни в византийских, ни в

арабских источниках. В начале 70-х гг. X в. юго-восточная Таврика переходит под власть Византийской империи, использовавшей гибель Святослава и временное ослабление активности в Причерноморье и на Балканах молодого Древнерусского государства. После похода Владимира «на козары» 986/87 гг., т.е. против Тмутараканского княжества, и последующего взятия Херсонеса ситуация для юго-восточного Крыма, в отличие от Тмутараканского княжества меняется не значительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, естественно, влияние Руси на юго-восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество усиливается. Вероятно между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум, о котором для более раннего периода речь шла выше. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата — Крымской Хазарии. Вероятнее всего, в этой политике активную моральную и экономическую поддержку не без ведома Руси оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка, как уже указывалось, на первых порах существования реликта каганата в юго-восточном Крыму была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40-50 и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием (Константин Багрянородный 1989: 170-171), балансировавшим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией (Гадло 1990: 21; Новосельцев 1990: 133). В этой связи интересен обоснованный А.П. Новосельцевым на основании данных письменных источников тезис о существовании хазарской государственности и в 80-90е гг. X в., связанной с территорией Поволжья (Новосельцев 1990: 230).

Материальная культура выделяемой Крымской Хазарии второй половины X — начала XI вв. изучена пока далеко недостаточно. Пока можно с уверенностью утверждать, что это городская полиэтничная культура, сильно подверженная византийскому влиянию, но, во-первых, с минимальным присутствием как и в предшествующее время импортных византийских изделий, во-вторых, имеющая и ряд северо-кавказских тюркских и аланских элементов, проявившихся в составе набора посуды. В данной работе я не буду подробно останавливаться на анализе жилых, хозяйственных, культовых и погребальных сооружений этой культуры, что является темой отдельной обширной работы. В тезисном плане отмечу следующее.

Сейчас в Крыму исследовано около десяти жилых объектов (Боспор, Сугдея, Алустон, Партениты), имеющих в заполнении археологический материал, характерный для этой культуры (Баранов, Майко 1994; Баранов, Майко, Джанов 1997; Паршина 1991). Известны как случаи использования новым населением оставленных праболгарами жилых домов, сложенных техникой кладки «в елку», так и случаи возведения новых, но аналогичных домов.

Культовые сооружения — совершенно нового типа. Это земляные святилища-зольники, обнаруженные в Сугдее и Алустоне (Баранов 1994; Мыц 1988: 315; Адаксина и др. 1994: 10-15)[17]. В них отмечены искусственные горизонтальные площадки, использовавшиеся, возможно, для жертвоприношений. Погребальные объекты представлены в основном плитовыми могилами, большая часть которых исследована в Сугдее. Некоторые из них имеют иудейские и языческие черты.

Наиболее выразительной чертой этой культуры является своеобразный керамический комплекс. Отдельные, представляющие его сосуды, происходящие из Сугдеи (Баранов 1991: 153, рис. 5, *4*), Алустона (Мыц 1991: 84, рис. 33, *1,2,5,6*), Партенит (Паршина 1991: 82, рис.7), Херсонеса (Якобсон 1979: 79, рис. 48; Якобсон 1950: 117, рис. 38, *2*; Романчук 1976, рис. 2, *10*; Седикова 1993: 386, рис. 3, *9-13*), некоторых южнобережных памятников (Якобсон 1970: 42, рис. 10, *2,4*; Паршина 1974: 65, рис. 8, *4*), частично опубликованы, сделаны и попытки его типологического членения (Borisov 1989: 135-260; Димитров 1993: 113; Баранов 1994; Баранов, Майко 1997; Майко 2000).

Уже не раз отмечавшаяся номинальная зависимость юго-восточной Таврики, населенной северо-кавказскими тюрками, от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и, соответственно, Кедриным восстание 1015 г. под предводительством Г. Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г. (Joannis Scylitzae 1973: 354; Georgius Cedrinus 1838: 464).

Попытаемся доказать выдвинутый тезис путем более подробного рассмотрения этой проблемы, являющейся заключительной при

[17] В 1999 г. Горно-Крымской археологической экспедицией при исследованиях Алуштинского зольника было зачищено еще несколько достаточно выразительных ритуальных площадок. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность И.Б.Тесленко и А.В.Лысенко за предварительную устную информацию о неопубликованных результатах работ.

анализе вопроса о дальнейших судьбах Крымской Хазарии и времени окончательной ликвидации самостоятельности юго-восточной части полуострова и полного подчинения этой территории Византийской империи. Для начала процитируем еще раз это сообщение: «Император вернулся в Константинополь, в месяце январе 6524 года направил флот в Хазарию, экзархом его был Монг, сын Андроника, дуки Лидии. При содействии Сфенга, брата Владимира, (который был зятем императора), он подчинил страну, пленив (захватив) архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении».

В историографии этой проблемы, уже коротко рассмотренной в литературе (Соколова 1971: 68; Степаненко 1992: 125-126), традиционно выделяется две основные точки зрения.

Сразу оговоримся, что, во-первых, относительно места восстания большинство специалистов в настоящее время согласно с выдвинутым предположением о том, что византийский флот застал мятежников не в Херсонесе, а на Боспоре (Степаненко 1992: 125-133). В пользу этого свидетельствуют неоднократно использованные данные сфрагистики и упоминание в тексте Хазарии, локализация которой в византийском Херсонесе в начале XI в. невозможна, но реальна, с чем полностью согласен и я, в юго-восточной части полуострова. Развивая это предположение, М.Н. Богданова отмечает, что херсонеситы в лице Георгия Цулы испугались хазарского засилья (Богданова 1991: 118). На основании уникальной находки печати турмарха Готии, Н.А. Алексеенко поддерживает вывод о сложной военной обстановке, сложившейся в Таврике к началу XI в. (Алексеенко 1998а: 233).

Во-вторых, также уже достаточно давно нет споров об этническом происхождении руководителя восстания Георгия Цуло. Это историческое лицо известно нам помимо данного письменного источника также по находкам печатей, на которых он назван в одном случае — стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а затем, в том же ранге стратигом Боспора (Соколова 1971: 68-74; Соколова 1983: 164; Степаненко 1992: 126-127; Алексеенко 1995: 85). Большинство исследователей со времени М.И. Артамонова поддерживает его местное тюркское, возможно, праболгарское происхождение (Артамонов 1962: 436). Длительность нахождения представителей рода Цул среди высших византийских сановников подтверждается целым рядом находок моливдовулов как второй половины X, так и начала XI в. Хронологическое членение моливдовулов, предложенное И.В. Соколовой и уточненное Н.А. Алексеенко, является ярким подтверждением этому (Соколова 1971: 68-74; Алексеенко 1995: 85).

Относительно сущности восстания ряд авторов как раньше, так и сейчас считает, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму[18]. Эта точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте источника Хазарии и хазарского военачальника Георгия Цуло, поддерживается не только специалистами, но преобладает и в научно-популярной и этнографической литературе (Андреев 1997: 85; Брюсова 1991: 39; Караимская энциклопедия 1995: 61-62). Наиболее обстоятельно она изложена в работах А.В. Гадло. По мнению авторитетного автора, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. восстанием, которое мы сейчас анализируем. Действия Цулы являлись реакцией на кризис на Руси в связи со смертью Владимира (Гадло 1990: 26). При этом отметим, что византийский император Василий II был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны были существовать чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы (Богданова 1991: 156). Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов — ответная реакция на окончательное подчинение империи юго-восточного Крыма (Гадло 1990: 26). Исходя из этого автор убедительно датирует его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг.

Представители второй точки зрения видят в мятеже Г. Цулы обычное восстание в византийской провинции, возможно с целью усиления самостоятельности в управлении Херсоном. Наиболее полно данная точка зрения изложена в ряде работ В.П. Степаненко. По мнению автора, Византия владела Крымом, в том числе и юго-восточным, задолго до договора 989 г. События 1016 г., по мнению В.П. Степаненко, это восстановление позиции империи, владения которой в регионе граничили с Тмутараканским княжеством задолго до 1016 г. О завоевании империей Крыма в связи с подавлением восстания, говорить не приходится (Степаненко 1993: 255). В духе русско-византийских договоров 944 и 971 гг. киевские князья были обязаны «воевать» Корсунскую землю, если она перестанет быть покорной империи. В то же время киевский князь был обязан защищать Херсон и Крымские владения империи. Отношения Византии с пограничными владениями определялись характером отношений с Киевом (Степаненко 1993: 258-259), что естественно и логично для северной окраины империи.

[18] Более подробно эта точка зрения рассмотрена у В.П. Степаненко (1992: 125-126).

Однако, если придерживаться этой точки зрения, то необходимо указывать причину восстания именно в это время именно в Крыму. Нельзя не отметить, что представители и первой и второй точек зрения совершенно не используют в своих построениях данные археологии, уделяя главное внимание сфрагистическим материалам (Алексеенко 1998а: 701-743).

Собственно говоря, две эти полярные точки зрения на сущность восстания, на мой взгляд, отражают происходившие события односторонне. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшему. С другой стороны, юго-восточная Таврика с местным населением, исторически связанным с Тмутараканскими козарами, и управляемая местной тюркской администрацией, не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что скорее всего речь идет о предоставившейся возможности ликвидировать крепнущий и все более набирающий самостоятельности реликт хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно с открытым противостоянием империи Византия смириться уже не могла.

Для подавления мятежа помимо византийского отряда были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. По мнению специалистов, последний являлся либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо, что более вероятно, независимым варяжским воеводой на византийской службе (Гадло 1971: 26; Степаненко 1993: 258), возможно и посланным Владимиром по договору с Империей, как это было в случае с подавлением известного мятежа Варды Фоки. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976-1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Вполне возможно, что именно с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов северо-кавказских тюрок Таврики и своеобразной материальной культуры, бывшей археологическим эквивалентом Крымской Хазарии второй половины X — начала XI вв. Последняя, как мы попытались показать выше, была оригинальным реликтом каганата в юго-восточной части Таврики, номинально подчиненной Византийской империи. Видимо, часть местного население вынуждена была, так же как в свое время и праболгары, в спешке бежать, часть осталась на полуострове, послужив одной из составляющих при формировании этнически сложного населения средневековой византийской Таврики XI — XIII вв.

Выше уже отмечалось, что в решении вопроса о сущности и исторических последствиях восстания Георгия Цуло в Крыму совершенно не используются данные археологии. И как указывалось, эта проблема напрямую связана с вопросом о верхней хронологической дате существования рассматриваемой материальной культуры, сменяющей в юго-восточном и южном Крыму салтово-маяцкую.

Сразу отметим, что археологического материала пока недостаточно. Однако в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. Это, например, анонимный фоллис класса A-II времени правления Иоанна Цимисхия (Толстой 1991: 139, табл. 79, *7/1*). Подобные монеты обнаружены и в закрытых комплексах Партенит (Паршина 1991: 88). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники, оставленные северо-кавказскими тюрками, переселившимися в Крым, функционировали во второй половине X в. Уточнить верхнюю хронологическую границу позволяют данные стратиграфических наблюдений, проведенных во время раскопок в портовой части Сугдеи на территории раннесредневекового городища (раскоп III М.А. Фронджуло). Стратиграфические разрезы показывают, что византийские объекты второй половины XI — XII вв. и связанные с ними культурные горизонты перекрывают слои, содержащие археологический материал, принадлежащий северокавказским тюркам, переселившимся в Крым, без стерильной прослойки. Особо необходимо подчеркнуть, что иногда они разделены слоем пожара толщиной 5-10 см (Джанов, Майко 1998). В этой связи отметим, что в византийских керамических комплексах Сугдеи середины XI — XII вв., содержащих амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» самого позднего варианта, керамика, типичная для этой культуры, представлена единичными фрагментами. Таким образом, верхней хронологической границей существования анализируемой культуры может быть первая половина, а точнее — первая четверть XI в.

Кроме этого интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал интересующего нас времени состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, я считаю, что время гибели квартала датирует как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в. (Макарова 1998: 363). На мой взгляд, это разрушение также связано с подавлением византийско-русскими войсками восстания Г. Цулы на Боспоре в 1015 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи наконец ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности какой-либо реставрации Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова. Вероятно, вскоре была ликвидирована и фема в Сугдее, в ней отпала необходимость и она была просто соединена с фемой Херсона. Об этом свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата, именуемого в ней стратигом Херсона и Сугдеи одновременно (Латышев 1896: 16-18).

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. 1994. Исследования крепости Алустон // АИК 1993 г. Симферополь.

Айбабин А.И. 1975. Погребение хазарского воина // СА №3.

Айбабин А.И. 1997. Крым под властью Хазарского каганата // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. Симферополь.

Айбабин А.И. 1999а. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь.

Айбабин А.И. 1999б. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Алексеенко Н.А. 1995. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности.-Т.2. Харьков.

Алексеенко Н.А. 1998а. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // Херсонесский сборник. Вып.IX. Севастополь.

Алексеенко Н.А. 1998б. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ. Вып.VI. Симферополь.

Андреев А.Р. 1997. История Крыма. М.

Андрощук Ф. 1999. Древнерусские вещи Швеции (попытка предварительной оценки) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Ачкинази И.В. 1994. Об иудейских памятниках конца IX — начала X в. из Крыма // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV-IX вв.). Симферополь.

Ачкинази И.В. 1997. Условия формирования иудейских общин на территории Крыма в хазарский и послехазарский периоды // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.

Ачкинази И.В. 2000. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь.

Баранов И.А. 1988. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888 — 1988 гг. Тез. докл. Севастополь 1988.

Баранов И.А. 1989. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XI — XVI вв. Ростов-на-Дону 1989.

Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.

Баранов И.А. 1991. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София.

Баранов И.А. 1994а. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // АИК 1993 г. Симферополь.

Баранов И.А. 1994б. Таврика в составе Хазарского каганата. Автореф. дис. д.и.н. К.

Баранов И.А. 1999. Миссия Константина Философа в Крым и Хазарию // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь 1999.

Баранов И.А.,Майко В.В. 1994. Раскопки в портовом районе Судакской крепости // АИК 1993 г. Симферополь.

Баранов І.А.,Майко В.В. 1996. Деякі питання типології і технології виготовлення кухонного посуду X-XI ст. з Судака // Українське гончарство. Кн.3.К.

Баранов И.А., Майко В.В. 1997. Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.

Баранов И.А.,Майко В.В. 2000. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X в. // Херсонесский сборник. Т.X. Севастополь.

Баранов И.А., Майко В.В. 1999. Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // Stratum plus. Время денег. СПб., Кишинев, Одесса. №6.

Баранов И.А.,Степанова Е.В. 1997. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма.1. Симферополь.

Беляев С.А. 1990. Поход князя Владимира на Корсунь // ВВ. Т.51.

Бибиков М.В. 1976. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Богданова Н.М. 1991. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.

Боровський Я.С. 1992. Світогляд давніх киян. К.

Брайчевська О.А., Михайлов П.С., Сагайдак М.А. 1993. Дослід-женнділянки Подолу по вул. Спаській у 1988-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984 —1989 рр. К.

Брун Ф.К. 1884. Кто были четыре тюркские племени, которые разбили, по свидетельству Масуди, греков в 934 г. под стенами Валандара, и где находился этот город? // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани в 1877 г. Т.I. Казань.

Бруцкус Ю.Д. 1924. Письмо хазарского еврея от X в. Новые материалы по истории южной России времен Игоря. Берлин.

Брюсова В.Г. 1991. Поражение или победа? (О русско-византийской войне 1040-х годов) // Брега Тавриды. N 1 (1б). Симферополь.

Вихнович В.Л., Лебедев В.В. 1992. Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. Т.II. Симферополь.

Гадло А.В. 1971. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России. Л.

Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л.

Гадло А.В. 1980. К истории восточной Таврики в VIII — X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск.

Гадло А.В. 1994. Этническая история Северного Кавказа X — XIII вв. Л.

Гадло А.В. 1989. Тмутараканские этюды. II. // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.3.

Гадло А.В. 1990а. Тмутараканские этюды.III.// Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.2.

Гадло А.В. 1990б. Тмутараканские этюды.IV. // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.4.

Гадло А.В. 1992. Тмутараканские этюды. VII. // Вестник СПбГУ. Сер.2. Вып.2.

Гаркави А.Я. 1874. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб.

Гаркави А.Я. 1876. По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам // Известия русского археологического общества. Т. VIII. СПб.

Герцен А.Г. 1993. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь.

Герцен А.Г. 1998. Крепость Дорос: Византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.

Гмыря Л.Б. 1996. Хазария и политические образования Прикаспийского Дагестана в VII — XII вв. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). М.

Голб Н., Прицак О. 1997. Хазаро-еврейские документы X в. Москва-Иерусалим.

Горянов Б.Т. 1945. Византия и хазары (обзор иностранной литературы) // Исторические записки. Т.15. М.

Грушевський М. 1914. Новий хазарський текст про війни Олега // Україна. Кн. IV. Київ.

Гумилев Л.Н. 1993а. Древняя Русь и Великая Степь. М.

Гумилев Л.Н. 1993б. Ритмы Евразии. М.

Джанов А.В., Майко В.В. 1998. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI — XII вв. // Херсонесский сборник. Вып.IX. Севастополь.

Димитров Д.Ил. 1992. Этнические и культурные связи населения северо-западного Причерноморья в эпоху раннего средневековья // Bulgaria Pontica Medii Aevi. T. III. Sofia.

Долгоруков В.С. 1975. Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА.-Вып. 143.

Залесская В.Н. 1997. Западные варвары в Византийской Таврике по данным двух забытых крымских кладов // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего Отечества. Тез. докл. М. 1997.

Златоструй. Древняя Русь X-XII вв. 1990. Состав., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю.Карпова. М.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. 1997. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.) // Херсонесский сборник. Вып.VIII. Севастополь 1997.

Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я. 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. К.

Каминский В.Н. 1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Т. 1. Краснодар.

Каминский В.Н., Каминская И.В. 1996. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. №2. Армавир — Москва.

Каминский В.Н., Цокур И.В. 1998. Из истории аланских племен северо-западного Кавказа // Древности Кубани. Вып.8. Краснодар.

Караимская народная энциклопедия. 1995. Т. 1. М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. М.

Коковцов П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.

Кропоткин В.В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. Т. XVIII.

Лавровський Л.Я. 1931. Олег і Хальгу хазарського документу // Київські збірники історії і археології. Т. 1. К.

Латышев В.В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Лебедев В.В. 1974. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича // Доклад прочитанный в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина 11 марта 1974 г.

Майко В.В. 1997. Крим и Северен Кавказ през периода от средата на X — до началото на XI в. (проблеми на етнокултурните връзки) // Българите в Северното Причерноморие. Т.VI. Велико Търново.

Майко В.В. 1998а. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом у VII — X ст. Автореф. дис. к. і.н. К.

Майко В.В. 1998б. Поливная керамика второй половины IX — первой половины X вв. из Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.

Майко В.В. 1999а. Приписки на полях Крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь.

Майко В.В. 1999б. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. №2.

Майко В.В. 1999в. Иудейские элементы в материальной культуре населения юго-восточной Таврики второй половины X в. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.

Майко В.В. 1999г. К вопросу о гибели салтово-маяцкой культуры Крыма // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.

Макарова Т.И. 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. №4.

Макарова Т.И. 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. К.

Макарова Т.И. 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып.VI. Симферополь.

Мастыкова А.В., Гавритухин И.О., Казанский М.М. 1999. Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь 1997) // РА. №1.

Минаева Т.М. 1949. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.1. Ставрополь.

Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента. М.

Мошин В.А. 1938. Хельгу Хазарского документа // Slavia. T.XV.-2.

Мыц В.Л. 1988. Исследования Горно-Крымской экспедиции // АО 1986 г. М.

Мыц В.Л. 1991. Укрепления Таврики X-XV вв. К.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1999. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // Stratum plus. Время денег. СПб.-Кишинев-Одесса. №6.

Насонов Д.Н. 1940. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. №6.

Науменко В.Е. 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Орлов Р.С. 1999. Про час появи печенігів на території України // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н.е. Київ-Львів.

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. 1978. М.

Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. К.

Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К.

Петрухин В.Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX — XI веков. М.

Петрухин В.Я. 1998. Хазария и Русь: источник и историография // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез.докл. СПб.

Плетнева С.А. 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. №75.

Плетнева С.А. 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. №2.

Плетнева С.А. 1996. Беспокойное соседство // Родина. №12.

Плетнева С.А. 1997. Князь и каган // Родина. №3-4.

Половой Н.Я. 1960. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. // Записки Одесского археологического общества. Т.I (34).

Половой Н.Я. 1961. К вопросу о первом походе Игоря // ВВ. Т.XVIII.

Романчук А.И. 1989. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе // ВВ. Т.50.

Романчук А.И. 1990. Западный загородный храм // ВВ. Т.51.

Сагайдак М.А. 1991. Давньокиівський Поділ. К.

Сазанов А.В. 1994. К хронологии цитадели Баклинского городища IX — XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.

Седикова Л.В. 1999. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. // Архив КФ ИА НАНУ.

Семенов А.И. 1997. К поискам наземных признаков поминально-погребальных сооружений раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков.

Семин С.В. 1998. Поливные белоглиняные сосуды второй половины XIII — первой половины XIV в. из Алустона // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X — XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.

Соколова И.В. 1971. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток. Вып.23 (86).

Соколова И.В. 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.

Сорокин Ю.В. 1997. К вопросу о составе лепной керамики из курганов с квадратными ровиками хазарского времени // Проблемы истории и археологии Украины.Тез.докл. Харьков.

Срочан С.Б. 1998. Византия IV — IX веков: этюды рынка. Харьков.

Степаненко В.П. 1992. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. Барнаул.

Степаненко В.П. 1993. К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. // МАИЭТ. Вып.III. Симферополь.

Степанова Е.В. 1995. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. 1999. Історія лівобережної України I тис. н.е. в етнокультурно-археологічному аспекті // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ-Львів.

Талис Д.Л. 1974. Поливная керамика Баклинского городища // СА. №4.

Талис Д.Л. 1982. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IX — IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Тесленко И.Б. 2000. Изображение корабля на стенке средневекового сосуда из раскопок христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг в Крыму (на болгарском языке) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. В. Тырново.

Толочко П.П. 1990. Літописна повість про хрещення Русі // Археологія. №2.

Толстой И.И. 1991. Византийские монеты. Вып. 10. Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой. Барнаул.

Фронджуло М.А. История Восточного Крыма с V по X вв. (рукопись).

Хвольсон Д.А. 1866. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма... . СПб.

Цукерман К. 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и ранее новое время. М.

Цукерман К. 1997. Венгры в Крыму // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.

Цукерман К. 1998а. Венгры в стране Ливедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.

Цукерман К. 1998б. Страна Азия Константина Багрянородного и Асия Кембриджского Анонима // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.

Шишман С. 1993. Караимы Византии // Бюллетень. Этюды о караимах. Т. 3.

Юрочкин В.Ю. 1994. Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV — IX вв.). Секция охраны памятников археологии. Симферополь.

Юрочкин В.Ю. 1997а. Новые находки древнерусской керамики в Крыму // Проблемы греческой культуры. Симферополь.

Юрочкин В.Ю. 1997б. Этнические компоненты населения Крыма IV — X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Якобсон А.Л. 1950. Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА. Вып.XXXV.

Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. №168.

Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Ajbabin A. 1959. Peceneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Elekta.

Ankori Zvi. 1959. Karaites in Bizantium. The formative years, 970-1110. New-York. Columbia universsity press.

Georgius Cedrinus. 1838-1839. Joannis Scylitzae ope ab J.Bekkero suppletus et emendatus. I,II. Bonnae.

Golb N., Pritsak O. 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca-London.

Joannis Scylitzae 1973. Synopsis Historiarum //Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol.5.

Mosin V. 1931. Les Khazares et les Byzantins d'apres le Anonime de Cambridge // Byzantion. VI. Bruxelles.

Oikonomides N. 1972. Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles. Paris.

Sazanov A. 1996. Les niveaux de la premiere moitie du XI e siecle a Kerch (Crimee) // Anatolia Antiqua. IV.

Schechter S. 1912. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. T.III. 2.

Zuckerman C. 1995. On the date of the khazars conversion to judaism and the chronology of the kings the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. T. 53.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Р.А. Рабинович

ИСКУШЕНИЕ «ВОЛОШСКИМ ОРЕХОМ», ИЛИ БАЛКАНСКИЕ ВОЛОХИ И РУССКИЕ ВОЛХВЫ

R.A. Rabinovich. Tempted by "Nux Gallica", or the Balkan Wallachians and the Russian Magi (*volkhvy*).

To oppose dominating theories of Thraco-Romanian ethnic origin of the Wallachians ("Carpathian" and "Balkan" and their multiple synthetic and local varieties), the author advances a hypothesis that the Wallachians, a medieval ethnicity known as the closest ancestors of the modern Romanians, Moldovans, Moravian Vlachs and other east-Roman nations and ethnographic groups, were not originally autochthonous people in the Carpathian-Balkan region, but rather came here from the Eastern Europe in the epoch of the Great Migrations. The research relies on analysis of numerous Greek, European Latin, Old Russian and Oriental written records, while special attention is paid to evidences of those medieval authors, who are known to scholars, but who are traditionally ignored, because they contradict theories of Traco-Roman and Celtic-Roman origin of the Wallachians.

The essence of the advanced hypothesis may be reduced to the point that the Wallachians are foreign to the Carpathian-Balkan region, and in this regard they join numerous migratory peoples who happened to be in this region in the early medieval period – the Slavs, early Bulgarians, Hungarians. But like in the case of other migratory peoples, not every one of the Wallachians had moved to the west. The remaining Wallachians in the Eastern Europe faced their own different historical destiny. We know their descendants in the early Russian period from various written records where they are called *volkhvy* (the magi), in the Russian literature, *blokumenn* (in Scandinavian literature), *ulah* (in Oriental literature), etc. The *volkhvy* had to play a very important role in the history of the Old Russia where, as the main pillar of paganism, they conducted a ferocious fight against the Kiev *knyazs*, who wanted to force Christianity into the country.

The essence of this hypothesis has conditioned the structure of the paper – two main chapters dedicated to the history of the Wallachians in the west and in the east in perspective of the hypothesis advanced by the author. The third chapter attempts to outline searches for ancestors of the historical Wallachians (connections of the Wallachians' origin with the Celtic-German world on the turn of eras), as well as to consider and to coherently combine evidences of all so far known written records in one reconstruction of the early Wallachians' history. The fourth chapter treats the issue of date when the Wallachians first appeared in Moldova. Based on the analysis of the available written records, the author makes conclusion that one can assert existence of the Wallachians in this region only as early as XII-XIII c.; there is no evidence to prove their existence here in an earlier period. The key-note of the paper is the author's idea that any answer to the issue of the ethnic genesis and the early history of the Wallachians shall always remain only a reconstruction due to scarce and fragmentary data; in other words, it will always remain only a hypothetical construction, more or less grounded but always debatable.

Этногенез волохов – твёрдый орешек!
Введение

«Разве грецкий орех – это орех? Ботаники считают, что это костянка, т.е. такой же плод, как вишня, слива и персик. Косточка у них окружена толстой сочной оболочкой. И у грецкого ореха точно так же. Ведь на дереве плод созревает в мягкой оболочке. Осенью, после созревания, косточки этих плодов (это мы их привыкли называть грецкими орехами) выпадают из наружной мягкой оболочки...»

«Я познаю мир. Детская энциклопедия».

«В 1637 г. несколько подвод "волошских орехов" вез во Львов стрыйский купец. Поскольку с него был удержан таможенный сбор, он подал жалобу городским властям Львова, указывая, "что, хотя эти орехи волошские, но он, как стрыйский гражданин, не должен платить никакого таможенного сбора"»

Подградская Е.М. «Торговые связи Молдавии со Львовом»

Наверное, зрители среднего поколения еще помнят заставку научно-популярного киножурнала для юношества «Хочу всё знать». Подъезжает на ракете любознательный подросток к плавающему в открытом космосе грецкому ореху (по всей видимости, сделанному из «гранита науки») и со словами:

© Р.А.Рабинович, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

«Орешек знаний твёрд, но всё же
Мы не привыкли отступать.
Нам расколоть его поможет...» и т.д., –

раскалывает при помощи молотка сей твердый орешек. Но это в фильме. Для детей. В жизни и для взрослых всё сложней. Хотя любопытство орешек знаний, впрочем, как и обыкновенный орех, разжигает буквально детское: «Эй, не хочешь посмотреть, что внутри меня!?». Особенно, если это орех грецкий. Или волошский. На Руси его первоначально называли волошским, многие славянские народы и теперь так называют. Почему!? Пастухи-волохи и какие-то орехи[1]. А если вспомнить, что «волошский орех» – это и знаменитый NUX GALLICA (в современных английском и немецком языках его название восходит к слову «кельтский»), а грек Теофраст – автор самого древнего труда по ботанике (IV-III вв. до н.э.) – называл его персидским, то голова начинает идти кругом. Этот «волошский орех», который и не орех вовсе, очень напоминает загадочный и неуловимый этногенез самих волохов.

Где же они столетиями скрывались от пристального взгляда византийских писателей в собственной стране? Под именем каких народов? И КТО они?! Романизованные фракийцы или балканизированные итальянцы? А может, все-таки и романизованные, и балканизированные, но кельты? Несмотря на все достижения в изучении вопроса и кропотливый труд историков, лингвистов и археологов, проблема этногенеза волохов, которая начала обсуждаться исторической наукой чуть ли не с момента ее собственного рождения, мало продвинулась вперед по пути продуктивных решений. Изменились только формулировки. «Откуду есть пошла Молдавская земля и откуду Молдавская земля стала есть». Примерно так сформулирована проблема и в первых молдавских летописях, да и у деятеля Возрождения XV в. Энея Сильвия, будущего папы Пия Второго. С тех пор и начала свой отсчет времени историография по проблеме происхождения восточнороманских народов и истории их появления в Карпато-Дунайских землях и на Балканах. Современная наука формулирует «этногенетические» вопросы, конечно, по-другому. Но этногенез волохов остается почти столь же неуловимым.

Сама историография вопроса о происхождении восточнороманских народностей не раз становилась предметом детального исследования. Простое ее повторение заняло бы, наверное, не одну сотню страниц. Наиболее удачными в этом плане мне представляются аналитические обзоры Ф. Успенского еще в XIX в., а среди современных исследователей – Н.А. Мохова, Г.Г. Литаврина, Л.Л. Полевого (Успенский 1879: 88-108; Мохов 1964: 90-94; Кекавмен 1972: 519-522; Полевой 1972: 46-91). Поэтому я очень коротко, буквально – «в двух словах», напомню основные давно существующие в литературе гипотезы происхождения восточных романцев. Эти «два слова» – «автохтонная» и «миграционная», поскольку популярных, главных, «принципиальных» версий две.

Автохтонная, или, как ее еще называют, «карпатская», или теория «непрерывности», говорит о формировании восточнороманского этноса в Карпато-Дунайских землях, т.е. там, где позже и возникла государственность у восточных романцев. Истоки этой теории – еще в молдавском и валашском летописании (Полевой 1972: 47), но впервые детальное научное обоснование она получила у немецкого ученого И. Юнга (Jung 1877). Миграционная или, как еще ее называют, «балканская» теория говорит о формировании восточнороманского этноса на Балканском полуострове, а затем перемещение его на север от Дуная. Истоки ее также достаточно древние, но впервые детальное научное обоснование она получила у другого немецкого ученого Р. Рёсслера (Rössler 1871).

Практически сразу после работ Рёсслера и Юнга стали возникать многочисленные «синтезные» и «местные» теории, которые их развивали или пытались совместить в той или иной степени и ту и другую. Часто они строились по принципу: формирование народа шло в Карпато-Подунавье, но был приток восточнороманского населения и с правого берега Дуная. Роль и значение каждого из этих слагаемых определялись согласно «вкусам» автора. Как разновидность и карпатской, и балканской версии можно рассматривать периодическое возрождение теории кельто-романского происхождения (Шафарик 1848; Толстов 1948). Недавно она возродилась с очень серьезными изменениями недавней работой С.Е. Эрлиха (1997)[2]. Последней по времени появилась «восточно-

[1] Возможно, «волошский» от названия местности, из которой орехи привозились. Но, может быть, из-за суеверий, связанных с ореховым деревом. Жрецы Вавилона, если верить Геродоту, запрещали простым людям употреблять орехи. У некоторых народов на Балканах нельзя сажать орех внутри двора, нельзя возле него сидеть или играть детям. Орех могут посадить только пожилые люди, потому что, как только ствол дерева сравняется по толщине с шеей человека, его посадившего, этот человек может умереть (Любезное сообщение Н.Д. Руссева) (ср. «ауру» ореха с темой влашского дьяволизма, вампиризма и лингвистической родственности слов волохи-волхвы).

[2] Сергей Эрлих, опираясь на «три факта» (1. «Сходство имен “волох”-“волхв”»; 2. «Соответствие пастушеского образа жизни волохов и культа жреческого покровителя “скотьего бога” Велеса»; 3. «Сообщения “Повести временных лет” о покорении волохами славян во время пребывания последних на Дунае» – Эрлих 1997: 150-151), выдвигает следующую гипотезу: карпато-балканские волохи, народ кельтско-романского происхождения, захватывает власть над славянами, пришедшими на Дунай, путем инкорпорирования в их среду. «Отме-

альпийская» гипотеза М.Е. Ткачука (1999), связывающая район Восточных Альп (Юго-Восточная Швейцария, горная часть Австрии, северо-итальянские области Ломбардия и Венеция) с этногенезом восточнороманских волохов и миграцией их в раннесредневековое время в Карпато-Балканское пространство[3].

Поскольку почти вся румынская историография и значительная часть современных молдавских исследователей полагают, что на территории Карпато-Поднестровья восточнороманское население проживало «всегда» и, более того, на этой территории оно формировалось как этническая общность, я также не устоял перед соблазном «волошского ореха» и уделил «волошской» проблеме значительное внимание.

Углубившись в проблему происхождения восточнороманского этноса, я убедился, что современная историография по этому вопросу добилась определенного паритета между двумя традиционно главными вышеуказанными направлениями. Паритет заключается в том, что «каждая сторона» давно уже не слушает, что говорит «другая», что «каждая сторона» давно уже знает, что предлагает другая, аргументы каждой из них прекрасно известны. Эти аргументы давно уже «разобраны» и сами уже обросли обширной историографией. «Спорные» аргументы, «как одеяло», перетягиваются с одного берега Дуная на другой в зависимости от того, на каком «берегу» находится исследователь. Если изредка и появляется что-то «новое» в аргументации одной из сторон, то это лишь слегка подправляет, корректирует давно заданное направление. Данные письменных источников, традиционно привлекающиеся, стали хрестоматийными.

Но что любопытно. При такой «плотности» исследовательского интереса к данным письменных источников, некоторые из них игнорируются, а то и вовсе не замечаются ни одной из сторон. Причина простая – они не могут аргументировать заданное направление и даже ему противоречат. Не устраивая никого, они оказались необъясненными. При попытке объяснить их я пришел к убеждению, что «местное» происхождение восточнороманского этноса вообще в Карпато-Балканском пространстве, независимо от «берега Дуная», не так уж и бесспорно, как может показаться на первый взгляд. Данные письменных источников позволяют, помимо карпатской и балканской фрако-романских версий, базирующихся на изначально противоречивом сведении Кекавмена (волохи – это одновременно и даки и бессы), аргументировать еще две – «восточно-альпийскую» (Ткачук 1999) и «восточную» (Рабинович 1997).

По поводу «восточной». Некоторые данные письменных источников (содержащиеся, например, у Рубрука, Бэкона, Гази Барадж, Ширакаци, Вардана, Феофана, в венгерских хрониках, скандинавских памятниках, и др.) если не говорят, то намекают: волохи – народ пришлый в Карпато-Балканском пространстве, подобно славянам, болгарам, венграм. Под влиянием этих данных у меня сформировалась «наиболее миграционная» (если так можно выразиться) гипотеза происхождения волохов и появления их в Карпато-Балканском регионе. Изложение ее составляет содержание данной работы. Название гипотезы «восточная», как это будет видно из работы, довольно условно и всего лишь задает смысловой контекст. Хотелось бы сразу предупредить читателя, что я не ставил своей целью критику существующих версий волошского этногенеза, при том, что их отдельные элементы нашли свое место в рамках «восточной» гипотезы.

Цель моей работы – привлечь внимание исследователей к некоторым игнорируемым до сих пор данным письменных источников, спорным «темным» необъясненным моментам истории волохов. Цель – предложить такую реконструкцию этногенеза волохов и ранних этапов их исторической жизни, которая бы учитывала, по возможности, все имеющиеся данные. Задача моей работы, которая, по мнению знакомых с ней коллег, не избежит обвинений в «экстравагантности» и даже «провокационности», – вызвать исследовательский диалог, вытащить его из набившей оскомину «старой колеи» на «новые рельсы».

Основная суть предлагаемой гипотезы сводится к тому, что влахи – известный в Карпато-Балканском регионе в период средневековья народ – не является «изначально» автохтонным на этой территории, он пришлый в данном регионе. И в этом смысле он присоединяется к многочисленным народам-мигрантам, оказавшимся в раннесредневековый период в Карпато-Балканском пространстве – славянам, болгарам, венграм. Но так же, как и в случае с другими народами-мигрантами, не все волохи переместились на запад. У оставшихся в Вос-

---

ченное Нестором господство волохов над славянами носило преимущественно жреческий характер, ... в результате этого господства жреческое сословие славян получило наименование волхвов» (Эрлих 1997: 151). Волохи, выступая как этносословие, «способствуют» в создании первых славянских государств в Центральной и Юго-Восточной Европе (1997: 166 и сл.), а также возглавляют и «возвращение славян с Дуная» в Восточную Европу, занимая господствующее положение и в восточнославянском обществе и выступив со временем на страницах летописи в качестве «волхвов» (Эрлих 1997).

[3] «Восточно-альпийская» гипотеза М.Е. Ткачука опубликована автором в устной форме в виде доклада «О миграции романцев во второй половине I тысячелетия н.э.», прочитанного 26 сентября 1999 года на научно-практической конференции в Высшей Антропологической школе (Кишинев, Молдова).

точной Европе волохов была другая историческая судьба, и их потомков по данным разных письменных источников мы знаем в древнерусский период под именами «волхвы», «блакумены», «улах» и т.д. Волхвам было суждено сыграть значительно более важную роль в истории Древней Руси, чем представлялось исследователям до сих пор. Суть гипотезы обусловила и структуру работы – две основные главы, посвященные волохам и на западе, и на востоке с точки зрения «восточной» гипотезы. В третьей небольшой главе делается попытка на альтернативной основе наметить контуры поисков предков исторических волохов, а также учесть все известные нам данные письменных источников, проливающие свет на их происхождение. Содержание четвертого раздела работы, который может рассматриваться как приложение и который посвящен вопросу о времени первого появления волохов на территории Молдовы, не имеет прямого отношения к проблеме этногенеза волохов. Вернее, кажется, что не имеет. Для современной молдавской историографии «борьба» «карпатской» и «балканской» линий не актуальна, в этом ее особенность. Поэтому вряд ли можно ожидать от нее публично выраженного внимания и к кельто-романской версии С.Е. Эрлиха или к «восточно-альпийской» гипотезе М.Е. Ткачука. Ведь здесь «борьба» между автохтонизмом и миграционизмом, в основном, «проходит» по Восточным Карпатам, а вернее – по Пруту. Современные местные патриотически настроенные исследователи создают «местные» разновидности «карпатской» теории, которые, вопреки фактам, объявляют местом рождения «местных» волохов территорию Восточной Молдовы (Хынку 1974; Postica 1995; и др.). Так или иначе, исследователи истории Карпато-Поднестровья – и историки, и археологи – оказываются втянутыми в проблему «происхождения» и в проблему «появления» этого этноса на данной территории. Одни говорят, что восточные романцы здесь формировались, а значит, и были здесь «всегда», или, в крайнем случае, «издавна» и «раньше». Их оппоненты, вынужденные доказывать обратное, также волей-неволей втягиваются в решение этой проблемы. Этим объясняется присутствие данной темы и в этой работе.

И ещё. Мы сравнили решение проблемы этногенеза волохов с раскалыванием твердого орешка. Необходимо помнить о том, что, в отличие от ситуации с раскалыванием настоящего ореха, раскалывание волошского «орешка знаний» всегда будет реконструкцией – гипотетической конструкцией, построенной чаще на относительно аргументированных предположениях, чем на абсолютно доказанных фактах. Удачной или неудачной, достаточно аргументированной или мало обоснованной, но реконструкцией. И всегда спорной. На то этот орешек и волошский.

Следует оговорить и еще один момент, касающийся данной работы. Она основана на преимущественном изучении данных письменных источников, обращение к материалам археологии носит эпизодический и в основном иллюстративный характер. При этом автор прекрасно осознает, что собственно археологическое исследование, особенно это касается реалий I-V веков в Восточной Европе и на Балканах (III глава) и раннесредневековых древностей Волго-Окского междуречья (II глава), возможно, значительно бы усилило или наоборот опровергло выдвинутые в работе те или иные положения. Возможно, подобные исследования покажутся интересной перспективой в будущем, но в задачи данной работы не входят.

И последнее. Предлагаемое исследование происхождения волохов ведется мною с некоторыми перерывами с 1996 г. Значительная часть достигнутых в начальный период результатов вошла в кандидатскую диссертацию, выполненную в Славяно-финском секторе Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге (Рабинович 1997), и обсуждалась на руководимом М.Б. Щукиным семинаре «Хронограф». Спустя три года работа в дополненном виде была представлена на заседании Отдела античной и средневековой археологии Института археологии и этнографии АН РМ. За прошедшее время с ней в том или ином виде, целиком или по частям, ознакомилось довольно много людей. Я считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность коллегам, которые ее читали, обсуждали, конструктивно и остро критиковали, к которым я приставал с вопросами, и наконец, тем, которые просто терпеливо выслушивали меня: П.П. Бырне (ныне, увы, покойному), С.В. Белецкому, А.П. Городенко, В.Д. Гукину, О.М. Иоанисяну, О.М. Козику, А.А. Липатову, И.В. Манзуре, Л.А. Мосионжнику, А.А. Песковой, А.А. Романчуку, Н.Д. Руссеву, Т.Ф. Рябой, С.С. Рябцевой, А.В. Савченко, Н.П. Тельнову, Ю.Д. Тимотиной, М.Е. Ткачуку, О.В. Шарову, П.В. Шувалову, О.А. Щегловой, М.Б. Щукину, С.Е. Эрлиху. Особую признательность хотелось бы высказать и коллективу замечательной библиотеки ИИМК РАН в Санкт-Петербурге (во главе с Л.М. Всевиовым и лично Р.Ш. Левиной), а также А.П. Городенко, С.Г. Кляшторному, А.А. Липатову, З.А. Львовой, Л.А. Мосионжнику, А.А. Песковой, Н.Д. Руссеву, Ю.Д. Тимотиной, С.В. Томсинскому за помощь в получении необходимой литературы, без которой данная работа не состоялась бы.

I. Волохи на западе в свете «восточной» гипотезы

«Племя земли молдавской откуда происходит?
Из римских стран, всяк человек знает.
Траян, первый император, покорил даков,
Драгош потом в молдован превратил влахов».

Мирон Костин. «Летопись земли Молдавской»

«Собственные их летописи начинались с заселения Хоббитании, и даже самые старые хоббитские были восходят к Дням Странствий, не ранее того. Однако же и по этим преданиям, и по некоторым словечкам и обычаям понятно, что хоббиты, подобно многим другим народам, пришли когда-то с востока».

Дж.Р.Р.Толкиен. «Хранители»

Вопрос о происхождении карпато-балканских волохов, как уже отмечалось, имеет давнюю и огромную историографию. Если в историографии XIX – начала XX в. за терминами «волохи», встречающимися, например, в недатированной части «Повести временных лет» или венгерских хрониках, пытались увидеть разные народы, то по отношению к волохам, упоминаемым позже в Карпато-Балканском пространстве, например, византийскими источниками, практически всегда видели романизованное автохтонное фракийское население. Как разновидность «автохтонной» для Карпато-Балканского пространства можно рассматривать периодически возникающую в историографии версию романо-кельтского происхождения влахов (Толстов 1948; Эрлих 1997).

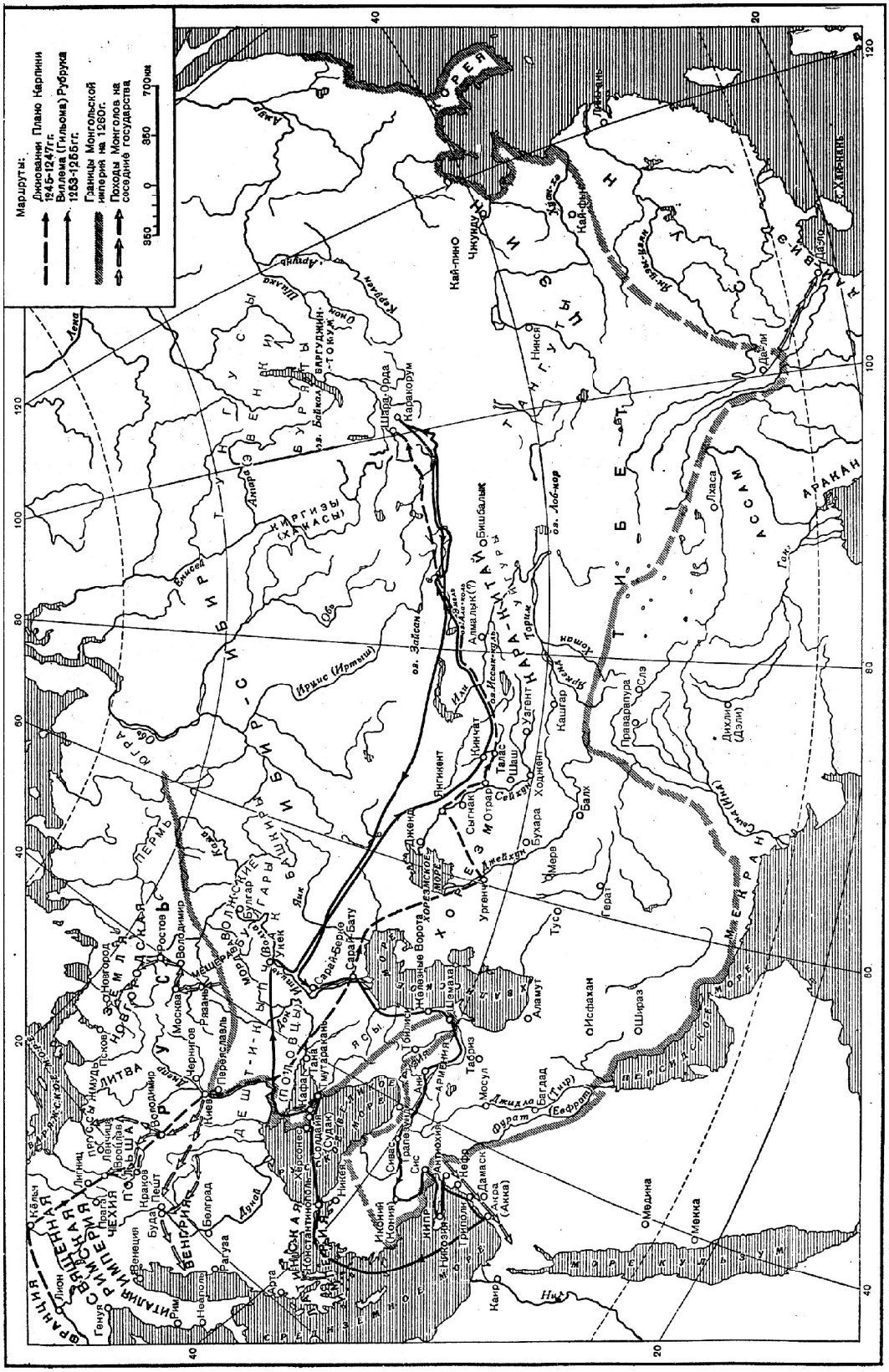
Тот факт, что ни один источник не называет влахов применительно к этой территории ранее V века (а о V веке говорят только не внушающие некоторым исследователям большого доверия в плане достоверности венгерские хроники, самые ранние из которых составлены в середине XI века, и «Песнь о Нибелунгах», другие источники упоминают их еще позже), хотя фракийцы и кельты были известны в этом регионе, по меньшей мере, за тысячу лет до этого, да и романизация давно должна была пройти свой «пик», насколько мне известно, не обсуждался. Поскольку влахи применительно к Карпато-Балканскому региону ранее V века (поверим «сомнительным» венгерским хроникам) не упоминаются, попробуем предположить, что их в этом регионе до этого просто не было. А раз так, то попробуем найти источник, данные которого бы это подтвердили.

I.1. Гильом Рубрук – «возмутитель спокойствия»

Особую ценность для нас в плане нашего поиска имеет источник, автор которого не только знает волохов в Карпато-Балканском регионе, не только располагает информацией о прежнем месте обитания народа с таким же именем, но и, что важно, подтверждает, что подобное переселение было. Речь идет о Гильоме Рубруке, отправившемся в 1253 г. с миссией к монголам (рис. 1). Его сообщение о «восточных» волохах давно известно всем специалистам по этногенезу и истории волохов, но воспринимается ими достаточно неадекватно. Одними – как откровенная нелепица, ошибка, несуразность, поскольку оно вычеркивает волохов из списка коренных жителей Карпато-Балканского региона. Другими, в основном западными, исследователями признается достоверность сведений о размещении каких-то волохов где-то на востоке, но эти сведения не помещаются в контекст происхождения волохов (см. Ciocâltan 1987: 19-26). Третья группа исследователей, представленная, как правило, румынскими авторами, пытается объяснить это сообщение, например, контаминацией сведений о средневековых кочевниках, например, башкирах, оказавшихся в Карпато-Балканском пространстве (Ciocâltan 1987: 19-26; Spinei 1994: 275-279).

Итак, что Рубрук сообщает о волохах в своих записках о путешествии в главе «О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране»? Приведем этот фрагмент полностью:

«*Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак (соврем. Урал); она течет с севера из земли Паскатир и впадает в вышеупомянутое море (Каспийское – Р.Р.). Язык Паскатир и Венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Болгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли Паскатир вышли гунны, впоследствии Венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также*


Маршруты:
Джованни Плано Карпини 1245-1247гг.
Вильгельма (Гильома) Рубрука 1253-1255гг.
Границы Монгольской империи на 1260г.
Походы Монголов на соседние государства
950 0 950 700км
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА
ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА
ЦЕНТРАЛЬНО-СИБИРСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ НАГОРЬЕ
ТУРАНСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ
ТИБЕТ
ИРАНСКОЕ НАГОРЬЕ
ЗАКАСПИЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ
ПОЛЬША
ЧЕХИЯ
ВЕНГРИЯ
ЛИТВА
ПЕРМЬ
ВОЛОДИМИР
МОСКВА
ЯРОСЛАВЛЬ
НОВГОРОД
ПСКОВ
ТВЕРЬ
ЧЕРНИГОВ
КИЕВ
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
ВОЛГА
ДНЕПР
ДОН
ОКА
ЯИК
ЯЗЫК
ВОЛГО-УРАЛЬСКИЕ БОЛГАРЫ
ПОЛОВЦЫ
ДЕШТ-И-КЫПЧАК
ЗОЛОТАЯ ОРДА
Сарай-Берке
Сарай-Бату
Новые Сарай
Хаджи-Тархан
Азов
Таганрог
Керчь
Кафа
Судак
Херсонес
Константинополь
Никея
Трапезунд
Синоп
Сис
Антиохия
Тарсус
Дамаск
Акра (Акка)
Тана
Мадара
Белград
Буда
Прага
Краков
Рагуза
Венеция
Генуя
Рим
Неаполь
Лион
Кёльн
Любек
Магдебург
Лейпциг
Прусы
Ятвяги
Ливы
Чудь
Ижора
Корела
Ладога
Новгород
Псков
Смоленск
Рязань
Муром
Суздаль
Переславль
Ростов
Белоозеро
Углич
Кострома
Нижний Новгород
Городец
Булгар
Самара
Саратов
Астрахань
Хорезм
Ургенч
Отрар
Сыгнак
Янгикент
Кенджек
Ак-Орда
Сарайчик
Ак-Сарай
Ак-Кермен
Ак-Тюбе
Кызыл-Орда
Аральское море
Каспийское море
Черное море
Азовское море
Балхаш
Иссык-Куль
Алматы
Ташкент
Шымкент
Туркестан
Сайрам
Тараз
Джамбул
Кастек
Бишбалык
Алмалык
Кульджа
Или
Чинчат
Талас
Ошаш
Уйгентарс
Кашгар
Ходжент
Бухара
Балх
Мерв
Тегеран
Тусо
Исфахан
Алашкерт
Ширваз
Багдад
Тигр
Евфрат
Мосул
Тавриз
Ван
Ниневия
Вавилон
Ктесифон
Басра
Ормуз
Мекка
Медина
Аден
Оман
Хормуз
Кашмир
Пракарапура
Сла
Дихли (Дэли)
Сиваликские горы
Гималаи
Гоккар
Лахса
Ассам
Аракан
Бенгалия
Нанкин
Чикунджин
Кай-пинго
Кай-фын
Хуанхэ
Хуанхэ
Хэнань
Хэнань
Дадзю
Дадзю
Дарми
Дарми
Хэйлунцзян
Хэйлунцзян
Ляохэ
Ляохэ
Ляодунский п-ов
Ляодунский п-ов
Корея
Корея
Желтое море
Желтое море
Восточно-Китайское море
Восточно-Китайское море
Японское море
Японское море
Японские о-ва
Японские о-ва
Тихий океан
Тихий океан
Индийский океан
Индийский океан
Красное море
Красное море
Персидский з.
Персидский з.
Оман
Оман
Аравийское море
Аравийское море
Бенгальский з.
Бенгальский з.
Индия
Индия
Индокитай
Индокитай
Малакка
Малакка
Суматра
Суматра
Ява
Ява
Борнео
Борнео
Филиппинские о-ва
Филиппинские о-ва
Новая Гвинея
Новая Гвинея
Австралия
Австралия
Тасмания
Тасмания
Новая Зеландия
Новая Зеландия
Каролинские о-ва
Каролинские о-ва
Марианские о-ва
Марианские о-ва
Маршалловы о-ва
Маршалловы о-ва
Гилберта о-ва
Гилберта о-ва
Соломоновы о-ва
Соломоновы о-ва
Новые Гебриды
Новые Гебриды
Фиджи
Фиджи
Тонга
Тонга
Самоа
Самоа
Таити
Таити
Маркизские о-ва
Маркизские о-ва
Пасхи о-в
Пасхи о-в
Галапагосские о-ва
Галапагосские о-ва
Перу
Перу
Чили
Чили
Аргентина
Аргентина
Уругвай
Уругвай
Парагвай
Парагвай
Боливия
Боливия
Бразилия
Бразилия
Гвиана
Гвиана
Суринам
Суринам
Венесуэла
Венесуэла
Колумбия
Колумбия
Эквадор
Эквадор
Панама
Панама
Коста-Рика
Коста-Рика
Никарагуа
Никарагуа
Гондурас
Гондурас
Сальвадор
Сальвадор
Гватемала
Гватемала
Мексика
Мексика
Гавана
Гавана
Ямайка
Ямайка
Гаити
Гаити
Доминиканская Республика
Доминиканская Республика
Пуэрто-Рико
Пуэрто-Рико
Виргинские о-ва
Виргинские о-ва
Малые Антильские о-ва
Малые Антильские о-ва
Большие Антильские о-ва
Большие Антильские о-ва
Багамские о-ва
Багамские о-ва
Бермудские о-ва
Бермудские о-ва
Канарские о-ва
Канарские о-ва
Мадейра
Мадейра
Азорские о-ва
Азорские о-ва
Исландия
Исландия
Гренландия
Гренландия
Баффинова Земля
Баффинова Земля
Лабрадор
Лабрадор
Ньюфаундленд
Ньюфаундленд
Канада
Канада
США
США
Аляска
Аляска
Гавайские о-ва
Гавайские о-ва
Мексиканский з.
Мексиканский з.
Карибское море
Карибское море
Саргассово море
Саргассово море
Северное море
Северное море
Балтийское море
Балтийское море
Ирландское море
Ирландское море
Ла-Манш
Ла-Манш
Бискайский з.
Бискайский з.
Средиземное море
Средиземное море
Адриатическое море
Адриатическое море
Эгейское море
Эгейское море
Мраморное море
Мраморное море
Черное море
Черное море
Азовское море
Азовское море
Каспийское море
Каспийское море
Аральское море
Аральское море
Балхаш
Балхаш
Иссык-Куль
Иссык-Куль
Алматы
Алматы
Ташкент
Ташкент
Шымкент
Шымкент
Туркестан
Туркестан
Сайрам
Сайрам
Тараз
Тараз
Джамбул
Джамбул
Кастек
Кастек
Бишбалык
Бишбалык
Алмалык
Алмалык
Кульджа
Кульджа
Или
Или
Чинчат
Чинчат
Талас
Талас
Ошаш
Ошаш
Уйгентарс
Уйгентарс
Кашгар
Кашгар
Ходжент
Ходжент
Бухара
Бухара
Балх
Балх
Мерв
Мерв
Тегеран
Тегеран
Тусо
Тусо
Исфахан
Исфахан
Алашкерт
Алашкерт
Ширваз
Ширваз
Багдад
Багдад
Тигр
Тигр
Евфрат
Евфрат
Мосул
Мосул
Тавриз
Тавриз
Ван
Ван
Ниневия
Ниневия
Вавилон
Вавилон
Ктесифон
Ктесифон
Басра
Басра
Ормуз
Ормуз
Мекка
Мекка
Медина
Медина
Аден
Аден
Оман
Оман
Хормуз
Хормуз
Кашмир
Кашмир
Пракарапура
Пракарапура
Сла
Сла
Дихли (Дэли)
Дихли (Дэли)
Сиваликские горы
Сиваликские горы
Гималаи
Гималаи
Гоккар
Гоккар
Лахса
Лахса
Ассам
Ассам
Аракан
Аракан
Бенгалия
Бенгалия
Нанкин
Нанкин
Чикунджин
Чикунджин
Кай-пинго
Кай-пинго
Кай-фын

все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали большим могуществом, чем нынешние Татары. С ними боролись Валахи, булгары и Вандалы. Ибо те Булгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи Паскатир живут Иллак, что значит то же, что Блак, но Татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют Иллак. Язык Русских, Поляков, чехов (Boetorum) и Славян один и тот же с языком Вандалов, отряд которых всех вместе был с Гуннами, а теперь по большей части с татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран... То, что я сказал о земле Паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами. Другое можно узнать из летописей, так как известно, что области за Константинополем, именуемые ныне Булгарией, Валахией и Склавонией, были областями Греков. Венгрия, таким образом, была Паннонией...» (Рубрук 1993: 107-108).

Комментаторы сочинения Рубрука отмечают, что название Паскатир, или Баскарт (оно несколько раз встречается и у Плано Карпини), употреблялось арабскими и персидскими авторами для обозначения Венгрии, что и явилось причиной употребления этого термина Карпини и Рубруком (Рубрук 1993: 190, 210).

Итак, какую информацию предоставляет в наше распоряжение Рубрук?

Во-первых, информация о гуннах и о борьбе с ними валахов, булгар и вандалов. Рубрук говорит о земле Паскатир, откуда гунны вышли, добавляя, что из этой же земли впоследствии вышли и венгры. Свою информацию о гуннах Рубрук дополняет сведениями Исидора Севильского (570-636) о завоеваниях гуннов в Азии. Рубрук употребляет термин «валахи». О каких валахах идет речь? Упоминание о вандалах предположительно говорит о том, что имеются в виду валахи, живущие в «*области за Константинополем*», бывшие «*областями Греков*». То, что под гуннами подразумеваются именно гунны, а не болгары, венгры или другие кочевники, как это часто бывает в архаизированной средневековой европейской и византийской историографии, употребляющих античные этнонимы для обозначения современных авторам этносов, видно из всего контекста сообщения. Итак, в гуннский период этнос под именем «валахи» существовал и оказывал сопротивление гуннам.

Во-вторых, родственность дунайских болгар и болгар волжских, а также указание на то, что булгары дунайские «вышли из Великой Булгарии». Факт родственности и общего происхождения болгар дунайских и волжских уже не требует ни доказательств, ни особого внимания. Но он для нас важен тем, что усиливает степень достоверности всего того, что сообщает Рубрук.

И, наконец, в-третьих, сведения о волохах. Рубрук говорит, что вблизи земли Паскатир живет народ Блак (по-татарски произносится «Иллак») и от него произошли те, кто живет в земле Ассана, то есть на территории Второго Болгарского царства, где правит династия Асенидов. Рубрук подчеркивает, что татары и тех дунайских, и тех, кто живет вблизи земли Паскатир, именуют одинаково – Иллак. Румынский исследователь В. Чокылтан объясняет с точки зрения лингвистики достоверность того, как восточное произношение имени волохов «улак»/«улах» превратилось у татар в «иллак» (Ciocâltan 1987). Рубрук знает и несколько раз употребляет этноним «блаки» («валахи»). В первой главе своего труда он говорит о дунайской «*Валахии, земле принадлежащей Ассану*» (в некоторых рукописях Рубрука – Блакия) (Рубрук 1993: 77, 203). В двадцатой главе путешественник сообщает о христианах, едущих ко двору Батыя, среди которых упоминает валахов (Blacorum) (Рубрук 1993: 102).

Этноним «блаки», под которым подразумевались влахи византийских источников, был прекрасно известен европейцам. Блаки, возглавляемые «*королем Блакии и Бугрии*» – Иоаннитцей (Калояном) – младшим из братьев-боляр Асенидов, влахов по происхождению, оказали основное сопротивление крестоносцам после завоевания ими Константинополя. Эта борьба – один из мотивов книги соотечественника и старшего современника Рубрука – Виллардуэна (Виллардуэн 1993). Вообще весь пассаж Рубрука, побывавшего на востоке Европы и узнавшего о «местном» – восточном происхождении ряда знакомых ему современных европейских народов – болгар, венгров и волохов, воспринимается как своего рода манифест об их восточном происхождении. Но восточное миграционное происхождение первых двух народов подтверждено данными других письменных источников, да и свидетельствами археологии, а в отношении волохов данный вопрос даже не позиционируется.

Роджер Бэкон также пишет о восточных влахах: *«И близ земли Паскатир находятся балхи из Великой Балхии, откуда пришли балхи в землю Ассана между Константинополем и Болгарией и Малой Венгрией. Ведь народ этот тартары называют ныне илак, что значит то же, что и блак. Но тартары не умеют произносить звук “б”»*. Безусловно, источником сведений о влахах для английского автора послужило сочинение Рубрука, с которым он был лично знаком (Матузова 1979: 216, 231). Но сведения о «Великой Влахии», которых нет у Рубрука, заставляют предполагать, что или Рубрук в этой главе не написал

всего, что знал о восточных волохах, или у Роджера Бэкона был и другой источник информации. К сообщению знаменитого англичанина мы еще вернемся, а пока отметим, что на основании сведений, сообщаемых Рубруком, мы можем полагать:

1) волохи Балканского полуострова и волохи, жившие в свое время «близ земли Паскатир», имеют общее этническое происхождение. Исходя из контекста сообщения Рубрука и маршрута его путешествия, можно предполагать, что волохи живут скорее к северу или северо-западу от «Земли Паскатир», то есть реальнее всего их искать в Волго-Уральском регионе. Точнее локализовать место, исходя только из сообщения Рубрука, где именно проживали волохи на востоке, невозможно. Мы это сделаем в следующей главе работы;

2) народ под именем «волохи» уже существовал в период гуннских завоеваний и передвижений в Европе и был вовлечен в политические события, связанные с гуннами, наряду с болгарами и германскими народами.

На основании сообщения Рубрука нельзя придти к выводу ни по поводу этнического происхождения народа восточных волохов, ни по поводу языка, на котором они говорили. Рубрук прекрасно осведомлен, как это видно из всего сочинения и из концовки приведенного фрагмента, о Валахии как «*области за Константинополем*» и о ее населении. Но он ничего не говорит ни о происхождении волохов, ни об их языке. Из контекста ясно, что их язык не похож на язык русских, поляков, чехов, славян даже в той мере, в какой похож на них язык вандалов. Если принимать во внимание точку зрения, что язык волохов был романский, то как объяснить, что Рубрук, европеец, француз по происхождению, не выразил никакого интереса к их языку? Для европейских информаторов Рубрука, «братьев-проповедников», язык волохов близ земли Паскатир ничем не выделялся среди языков соседних народов Урало-Поволжья.

I.2. Загадки Гази-Бараджа и «случайное» имя савирского вождя

В недавно опубликованной булгарской летописи Гази-Барадж Тарихы, написанной в первой половине XIII в. и вошедшей в Свод булгарских летописей Бахши Имана «Джагфар Тарихы», составленный в 1680 году (Бахши Иман 1993), содержатся немногочисленные, но любопытные сведения о волохах. Судьба этих летописей непроста и даже трагична. Хотя еще в начале XX в. оставался известен список этого документа на тюркском языке и булгаро-арабском шрифте, на сегодня сохранилась только часть перевода летописи на русский язык. Неудовлетворительная сохранность и некоторые особенности текста вызвали вполне понятные сомнения некоторых ученых относительно его подлинности (Львова 2001:105). Однако стараниями исследователей и, прежде всего З.А.Львовой (пользуясь случаем, хотелось бы высказать Злате Александровне глубокую признательность за возможность ознакомиться с текстом летописи) в целом цикле работ, убедительно показано, что этот памятник заслуживает самого пристального внимания, а сведения, сообщаемые им – определенного доверия. (Львова 2001:105-106).

Волохи выступают в переводных текстах булгарских летописей под этнонимом «улаг»/«улак», что близко звучанию этого этнонима в восточной средневековой литературе. По мнению комментатора источника, территория волошских княжеств в летописях обозначена термином Кара-Улаг, Молдовы, в частности и Улаг-Кашан, а для Дунайской Болгарии, наряду с распространенным названием Бурджан, используется и термин Улак-Булгар/Улаг-Булгар (Бахши Иман 1993: 22, 100, 365, 380). Но к этим названиям мы вернемся чуть позже.

Первое упоминание о волохах летописью Гази-Барадж относится к 60-80-м гг. VII в. Напомним, для более раннего времени (V в.) волохи отмечены только в венгерских хрониках, Русском хронографе и эпосе «Песнь о Нибелунгах». Булгарский летописец говорит о волохах применительно к Карпато-Дунайскому региону в связи с деятельностью сына хана «Великой Болгарии» Кубрата, известного нам как Аспарух. Гази-Барадж предоставляет довольно подробную информацию о «*младшем сыне Кубрата, Атилькэсэ по прозвищу Аспарух*» (Бахши Иман 1993: 20). После конфликта со своим братом Бат-Бояном Аспарух со своей ордой откочевывает на запад к Дунаю, в местность Улаг-Кашан. «*Это чрезвычайно укрепленная область, с трех сторон окруженная реками Бурат* (предположительно, Прут – Р.Р.), *Сула* (идентифицируется с Дунаем) *и Аудан-су, а с четвертой – Улагскими горами* (идентифицируются с Карпатами) *... Атилькэсэ провел здесь – в качестве бека своих булгар, местных ульчийцев* (предположительно, ультинзуры/ульцингуры Агафия Миринейского/Иордана – будущие уличи «Повести временных лет» - Р.Р.) *и улагцев – несколько лет в полной безопасности. Только враждебные действия против него авар и союзных с ними румцев заставили его покинуть эту область и уйти в Искандеровы горы. Там он образовал свое царство, которое назвал Бурджан – в память о своем прежнем владении»* (Бахши Иман 1993: 22).

Этот рассказ удивительно точно напоминает описание обстоятельств возникновения Дунайской Болгарии в конце VII в. в византийских сочинениях IX в. Особенно это касается характеристики места, где пребывал со своей ордой

Аспарух, - знаменитого Онглоса трудов Феофана и Никифора (Чичуров 1980), но при этом дополняется рядом очень важных деталей. Совпадение в главном заставляет нас с определенным доверием отнестись к этим очень важным для нас деталям, а именно упоминанию о волохах в Карпато-Дунайской области.

Однако сторонникам автохтонной версии происхождения волохов вряд ли удастся безмятежно порадоваться столь раннему упоминанию волохов в Карпато-Дунайских землях. Дело в том, что Гази-Барадж, а также автор другой, более поздней булгарской летописи Бу-Юрган (1551 г.) упоминают о существовании на территории Северо-Восточной Руси этноса под тем же наименованием – «улак» (?!!!) (Бахши Иман 1993: 87, 205, 380). То, что в «русском» этнониме «улак» вместо буквы «г» присутствует буква «к», никак не может являться аргументом отличия этих двух названий, поскольку, например, название Дунайской Болгарии в летописи «Гази-Бараджа» - «Улак-булгар» - используется не менее 5 раз и только с буквой «к» в конце (Бахши Иман 1993:100). Видимо для автора летописи и ее переводчика на русский язык «оба» этнонима – и в Карпато-Подунавье и в Северо-Восточной Руси – звучали сходно, если не идентично. Вряд ли с этнонимом «улак» на северо-востоке идентифицируется славянорусское население, поскольку для обозначения последнего постоянно и чрезвычайно часто используется название Балын или Ак-Балын.

Впервые этноним «улак» на востоке Европы упомянут булгарской летописью в связи с попыткой киевского князя Игоря получить «дополнительную» дань с князя древлян Мала. Эти события хорошо известны по рассказу «Повести временных лет». После того, как Игорь погиб от руки древлян, овдовевшая княгиня Ольга, согласно булгарской летописи, двинулась на их землю с «*новым балынским войском из галиджийцев*» (Бахши Иман 1993: 87). Под последними в летописи понимались жители Северной Руси (Ладоги, Новгорода или Галича Мерского в зависимости от контекста). Мал был побежден и оказался «*в плену у улакцев*» (Бахши Иман 1993: 87). Название «Улак» было также упомянуто булгарской летописью Бу-Юргана среди 14 местностей и городов Северо-Восточной Руси (Владимир, Суздаль, Москва и др.), которые были захвачены татарами в 1292 году в ходе их карательного похода на Русь в ответ на мятеж одного из русских князей (Бахши Иман 1993: 205). Упоминание булгарской летописью местности «Улак» рядом с Москвой для периода второй половины XIII в. подтверждается данными независимого от нее армянского источника, к анализу которого мы обратимся во второй главе.

Итак, помимо очень важного упоминания волохов применительно к Дунайскому региону (Онглос византийских источников - ?!) во второй половине VII в. летопись Гази-Барадж «в нагрузку» задает нам и первую любопытную загадку: что за «тёзка-двойник» оказался у волохов на северо-востоке Руси? Идет ли речь о чисто формальном созвучии этнонимов, или этнической родственности двух народов в двух далеко отстоящих регионах?

О том, что речь не идет о случайном созвучии свидетельствует и следующая деталь в летописи Гази-Барадж – способ употребления «географическо-цветовой» характеристики географической номенклатуры, связанной с волохами. «Улак-Булгар» - название Дунайской Болгарии в летописи применительно к событиям пребывания киевского князя Святослава на Дунае в 968-971 гг. (Бахши Иман 1993: 100) – напоминает о другом, позднее распространенным в Византии названии, по-видимому, означавшем то же – «земля волохов и болгар» и не вызывает особого недоумения. Другое дело – название «Кара-Улаг». По мнению переводчика и комментатора текста летописи, этим названием обозначалась территория Румынии (Бахши Иман 1993: 365), под которой, по всей видимости, понималась территория расселения восточнороманских волохов. Название «Кара-Улаг» напоминает, вернее, фактически идентично названию «Кара-Ифлака» (kara aflak), которым иногда называли в турецких документах Молдавию и которое трактуется как “Черная Влахия” (Мохов 1964: 76; см. и Фасмер 1996: I,269), а также еще ранее встречающемуся в известном сюжете сочинения персидского историка Рашид ад-дина (1247-1318) «Джами-ат-Таварих».

Приведем его: *«Бучек* (военачальник Батыя – Р.Р.), *пройдя по дороге Караулаг через горы, разбил те племена Улаг. И оттуда он вошел в лес и горы Япрак-так до пределов Мишелава и разбил неприятелей, ожидавших его там»* (Цит. по: Руссев 1999: 380). Этот фрагмент, вернее, интерпретация встречающихся в нем этнических и географических названий, вызвали активную дискуссию в историографии (о различных мнениях см.: Параска 1981: 25-30; Руссев 1999: 380). Название «Караулаг» летописи Рашид ад-дина Н.Д.Руссев интерпретирует как «черные влахи» или даже «Черная Влахия». Привлекая ордынские представления о цветовой символике (в соответствии с ними белый цвет ассоциировался с западом, синий или голубой – с востоком, красный – с югом, а черный – с севером), он полагает, что в данном контексте речь идет о «северных влахах» или «Северной Влахии» (Руссев 1999: 380).

Вполне логичное объяснение, которое, казалось бы, можно применить и к названию «Кара-Улаг» летописи Гази-Барадж. Однако это невозможно сделать, поскольку цветовая символика обозначения сторон света булгар не соответствует ордынской. Автор летописи Гази-Барадж специально обращает внимание читателей на это несоответствие: «*Западных же булгар Боян-Чельбира, оставшихся в зависи-*

мости от аварских хаканов, стали называть кара-булгарами. То есть западными, а не черными, как разумели тюрки. Ведь булгары называли запад "кара", восток – "ак", север – "кук", а юг – "сара" или "сары"…» (Бахши Иман 1993: 16). Цветовая символика сторон света булгарской летописи следующая: черный цвет – запад; белый (ак) – восток; голубой (кук) – север; белый/желтый (сара/сары) – юг (Бахши Иман 1993: 16, 348, 365, 366, 375). Очень обширная географическая номенклатура булгарской летописи довольно строго выдержана в соответствующем употреблении соответствующих и необходимых прибавлений к этногеографическим терминам, их нельзя считать случайными. Тогда стоит задаться вопросом: если «Кара-Улаг» обозначает не просто волохов, а волохов – западных (?!), то как же обозначены волохи вообще и на какой территории они этой летописью изначально локализуются? Можно этот вопрос считать второй загадкой, но ответ почти очевиден: это «улак», связываемый летописью Гази-Барадж с территорией Руси. Более того, возникает предположение о том, что и в летописи Рашид ад-дина название «Караулаг» несет смысловой контекст «западные», а не северные. О преемственности своего образования и литературных традиций с современными ему восточными писателями автор летописи «Гази-Барадж пишет неоднократно, поэтому последнее наше предположение не столь уж необоснованно, как может показаться на первый взгляд. Крайне любопытно, что по представлению булгарского летописца, волохи произошли от одной из групп мурдасов, ушедших на запад, в Волго-Уральский регион, под давлением финно-угорских народов, теснимых с востока, из Зауралья, гуннами (см. главу 3, прим. 3) (Бахши Иман 1993: 311-312). Пожалуй, это пока всё, что хотелось отметить по поводу «волошских» сюжетов в летописи «Гази-Барадж», а сейчас для развития нашей темы обратимся к данным других источников, которые выглядят в историографии по этногенезу волохов не столь экзотично-шокирующими.

В плане нашего исследования представляется важным сообщение в «Хронографии» Феофана Исповедника (ок. 760-818) и сообщение в «Хронографии» Иоанна Малалы (конец V в. – ок. 565 г.), послужившее одним из источников для соответствующего сообщения Феофана. Феофан под 528 г. сообщает о следующем:

«...Пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха». Далее, в этом сообщении говорится, что Боарикс нанесла поражение двум царям другого племени гуннов, которые были союзниками персов и хотели оказать им военную помощь против ромеев. «*Таким образом*, – продолжает Феофан, – *она стала союзницей и [была] в мире с императором Юстинианом»* (Чичуров 1980: 50). В отличие от Малалы, Феофан в этом фрагменте опускает характеристику Боарикс, сообщение о том, что она привела с собой двух сыновей, о дарах Юстиниана I Боарикс. В отличие от Малалы, у Феофана сообщение о союзе гуннов Боарикс с византийцами помещено не в начале, а в конце повествования. В то же время Феофан вносит уточнения, каких не было у Малалы, но которые сопоставимы с данными такого автора, как Иоанн Никиусский (Чичуров 1980: 77).

В этом фрагменте нас привлекает в первую очередь имя гуннского вождя – Валах. Греческие списки «Хронографии» Феофана дают только чтение «Валах». Списки хроники Малалы дают чтение «Блах/Влах» (Чичуров 1980: 78). Имя «Валах», как это ни странно, не вызвало какого-либо заметного интереса у исследователей. И.С. Чичуров привел мнение Д. Моравчика, считающего это имя тюркским и выводящего его из Balaq/Malaq (Чичуров 1980: 78). Имя «блах/влах» Малалы, видимо, также не удостоилось большого внимания исследователей, чего нельзя сказать об имени вдовы Валаха – Боарикс.

Греческие рукописи и латинские переводы «Хронографии» Феофана дают довольно отличающиеся между собой чтения. У Малалы чтение – «*царица Боа*». И.С. Чичуров затрудняется ответить на вопрос о написании имени (слитном или раздельном) у Феофана. Этимология этого имени спорна. Долгое время в историографии существовали только тюркская и среднеперсидская этимологии. И.С. Чичуров критикует среднеперсидскую и вносит новые аргументы в пользу доказательства тюркской этимологии. Он приводит слова Иоанна Никиусского, указывающего на «варварское» происхождение имени – *«женщина, называемая на языке варваров Боарекс»*. Последнее, по словам комментатора, предполагает этимологию скорее тюркскую, чем среднеперсидскую (Чичуров 1980: 77-78).

Для того, чтобы внести ясность в этимологию этого имени, И.С. Чичуров приводит сообщения Прокопия Кесарийского. Последний при географическом описании Кавказа говорит о реке Боас, берущей начало поблизости от Кавказских гор, и далее добавляет, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабиры. Таким образом, заключает И.С. Чичуров, имя царицы сабиров связывается с названием реки, у которой они обитали, и, может быть, происходит от него (Чичуров 1980: 77-78). Также необходимо отметить и кельтскую этимологию имен Валах и Боарикс, высказанную С.Е. Эрлихом (1997: 158), имя Bojo-rix встречается среди кельтских королевских имен (Эрлих 2002 – в печати). Кельтская этимология имени Валах, на мой взгляд, даже предпочтительна, учитывая комплекс исследований В.В. Иванова и В.Н. Топорова, связанных с индоевропейским корнем-ми-

фологемой *uel-/*uol- (Иванов, Топоров 1979). Столь позднее ее возникновение в литературе, видимо, можно объяснить тем обстоятельством, что традиционно в этническом плане савиры, несмотря на индоевропейское происхождение этнонима, связываются с тюрко-болгарским или финно-угорским миром.

Имя савирского вождя «влах/блах/валах» конечно же, не позволяет утверждать, что савиры и есть искомые влахи. Однако распространение «влашских» имен в среде савир может говорить о том, что, если последние и не являются влахами, то, возможно, родственны им в этническом или культурном плане.

Позволим себе сделать небольшое отступление в историю савир. В науке принято считать, что савиры (сабиры) – это родственное болгарам, или тюркское, или финно-угорское, племя, подвергнувшееся тюркизации, входившее в эпоху раннего средневековья в различные кочевые объединения, известные по письменным источникам как гуннские (Степи Евразии в эпоху средневековья 1981: 65, 93; Артамонов 1962: 62, 65, 69-78). Кроме Феофана и Малалы, о савирах упоминали Приск, Кассиодор, Иордан, Прокопий и др. авторы. Сведения о них чрезвычайно скудные и отрывочные. Впервые они упомянуты Приском. По Кассиодору, гунны-савиры перед глазами византийцев предстали еще в IV в. (Свод I: 109, 128, 131, 141). Последнее свидетельство о савирах в византийских источниках относится к 578 г. (Чичуров 1980: 96).

До IV века савиры, как полагают исследователи, размещались за Уралом. Оттуда они были вытеснены, по-видимому, аварами и переместились в степные районы Каспийско-Азовского междуморья и в Восточное Предкавказье (Степи Евразии... 1981: 93, 97; Артамонов 1962: 69; Прокопий из Кесарии 1950: 381; Чичуров 1980: 76, 121). Поселившись в Восточном Предкавказье, савиры в V и особенно в VI в. приняли активное участие в борьбе византийцев с персами, поддерживая обоих противников, совершали нападения на владения Ирана и малоазийские провинции Византии (Прокопий из Кесарии 1950: 407). Однако они были достаточно активны и в Европе не только в период Аттилы, но и в период, когда гуннский союз распался и часть гуннов возвратилась в Северное Причерноморье (Чичуров 1980: 76). В это время и приходит Боарикс к Юстиниану со стотысячной ордой. На рубеже VI – VII вв. савиры принимали участие в аваро-византийских войнах. С.А. Иванов, анализируя фрагмент из сочинения Феофилакта Симокатты, посвященный описанию боя на реке Тисе между войсками византийского полководца Приска и войсками аварского кагана, приходит к выводу, что в составе войска кагана принимали участие и савиры как подневольные аварам (Свод II: 62).

Возможный след савир на Дунае продолжается в истории загадочного племени Северов (Себеров), с которыми столкнулся Аспарух, когда в 680 г., по сообщениям Феофана и Никифора, переправился через Дунай на правый берег и подчинил *«...из живущих там племен славинов так называемые семь родов, северов...»* (Чичуров 1980: 62). Этноним «северы» исследователи связывают с азиатским племенем сауриах, с уральскими савирами и, конечно, с северянами «Повести временных лет» (Трубачев 1974: 62). Большинство ученых видят в северах 680 г. славянское племя, но некий неуловимый «восточный налет» чувствуется во многих интерпретациях. К. Шкорпил видит в «северах славянское племя, подвергнувшееся тюркизирующему влиянию болгар... в конечном счете, племя, потомки которого составляют современное турецкое население на Восточных Балканах» (цит. по: Чичуров 1980: 122). Все же необходимо учитывать особенности использования этнонимов в византийских источниках, в данном случае, этнонима «славяне». Это третий по емкости (после «скифов» и «гуннов») собирательный термин, использование которого подразумевало не этнические особенности, а указание на территорию (обозначение народов Восточной и Юго-Восточной Европы) и «обособленное длительное развитие социально-общественной организации в недрах каждого из племен» (Литаврин 1976: 213). Данное обстоятельство было одной из причин того, что в византийских источниках, например, в сочинении Константина Багрянородного, иногда ставился знак равенства между славянами и аварами.

Стоит, наверное, обратить внимание и на следующее. Аспарух разделил славянские племена на две группы – северов и «семь родов» и расселил их в разных местах. В отличие от «семи родов», северы, видимо, оставались независимыми, хотя и были расселены на территории государства Аспаруха: они не платили дани, долгое время жили под властью своего князя (как минимум до 765 г.) (Чичуров 1980: 122). Болгарский исследователь И. Дуйчев даже полагает, что «племя северов при появлении болгар на Дунае завязало с ними союзнические отношения и, возможно, содействовало покорению болгарами других славянских племен и их расселению по полуострову» (цит. по: Чичуров 1980: 122).

Можно, конечно, задаться вопросом: только ли предательством по отношению к «другим славянам», если оно действительно имело место, заслужили северы у Аспаруха и последующих болгарских ханов указанные привилегии? Из трех существующих, упоминавшихся этимологий названия «северы» лишь одна – «славянская». Только одна схожесть этнонимов, казалось бы, разных по происхождению народов – весьма зыбкая почва для исторических реконструкций. Но если признать реальной

связь «северы-савиры», то можно предположить следующий ход событий: Племя савиров (вернее, их часть) в результате бурных событий V-VI вв. оказывается на Дунае в пределах Византийской империи. Возможно, это и произошло в 528 г., когда орда, ведомая Боарикс, пришла к ромеям. До прихода орды Аспаруха оставалось 150 лет. Всю вторую половину VI в. славяне неоднократно вторгались на территорию империи и оседали здесь, в начале следующего столетия этот процесс принял глобальный характер. При таком течении событий трудно сказать, были ли славянизированы (если да, то в какой степени?) савиры к моменту прихода Аспаруха. Возможно, «славянизация» северов-савиров, проходившая ускоренными темпами, была «генеральной репетицией» перед приходом орды Аспаруха. Как известно, изживание этнического дуализма в Первом Болгарском царстве происходило чрезвычайно быстро. С.А. Плетнева считает, что уже во второй половине VIII в. нельзя говорить о праболгарах как об отдельно существующем этносе. По ее мнению, «слияние этих двух этносов (славян и праболгар) в одну этническую общность протекало очень стремительно» (Плетнева 1982: 50). Можно предположить, что окончательная славянизация северов произошла только в ходе общей славянизации праболгарских племен. И тогда вполне допустима мысль, что мягкое отношение Аспаруха к народу под именем «северы» было продиктовано, как лояльным отношением северов к новой власти, так и в какой-то степени осознанием общего родства или общностью исторической судьбы.

Возможное тождество «влахов» Рубрука с савирами или родственными им племенами не может быть скомпрометировано тем обстоятельством, что Рубрук явно отделяет гуннов от влахов, а в византийских источниках савиры представлены как гуннское племя. Прокопий Кесарийский говорит, что «*сабиры являются гуннским племенем... Племя это очень многочисленное, разделенное, как и полагается, на много самостоятельных колен*» (Прокопий из Кесарии 1950: 407). Иордан (его сообщение восходит к Приску и Кассиодору) сообщает: «...*хунны, словно плодороднейший дерн, [порождающий] могущественнейшие народы, разрастаются двумя свирепыми народами – ныне одни называются альтциагирами, другие – савирами; однако они имеют различные места обитания...*» (Свод I: 109).

А.Н. Анфертьев, комментируя данный фрагмент, убедителен в утверждении, что «не следует думать, что альтциагиры и савиры выступают здесь как две “ветви” гуннов... Образ здесь иной: как из дерна, из сплетения корней, вырастают могущественнейшие народы, два из которых автор счел здесь нужным упомянуть» (Свод I: 141-142). Тот же Прокопий говорит о множестве гуннских народов – *«множество гуннских племен», «огромная толпа гуннов»* и т.д. (цит. по: Иордан 1960: 223). Несмотря на общее название, в некоторых случаях, безусловно, собирательное, гунны в византийских источниках предстают разнородными отличающимися народами – болгарами, аварами, турками, венграми, сабирами, готами и др. (Литаврин 1976: 212-213). Авторы знают «Гуннов внешних» и «Гуннов внутренних», гуннов восточных и гуннов западных, гуннов-массагетов и гуннов-савир, гуннов-тюрков и гуннов-эфталитов, гуннов белых... и т.д. Н. Пигулевская писала: «Говорить о расе “гуннов”, пробившихся в Европу в IV в., не приходится: это была “смесь народов”, этнический конгломерат» (Пигулевская 1941: 30). Практически все народы, вовлеченные силой или добровольно в русло походов гуннов в Европе (многие народы индоевропейского, финно-угорского, тюркского происхождения), стали называться византийскими авторами гуннами. Даже после распада «государства Аттилы» остготы, совершающие во второй половине V в. походы на балканские провинции Византии, в источниках именуются гуннами (Чичуров 1980: 74-75).

Тот факт, что волохи, «пришедшие с востока», не называются собственным именем византийскими источниками при описании событий в гуннское или близкое к нему время, объясняется архаизацией в византийской литературе. Современные авторам самоназвания народов употреблялись ими крайне редко и скрывались, как правило, под архаичными античными – скифами, киммерийцами, мисянами, гетами, даками и др. (Бибиков 1984: 30-34). Этноним «гунны», войдя в обиход византийских историков еще в V веке, сразу же приобрел характер архаизма и употреблялся до XV в. В VI-X вв. византийские авторы гуннами называли, в основном, болгар, болгарских оногуров, утигуров и кутригуров, аваров, венгров, тюрков (Чичуров 1980: 97). «Гунны» – второй по емкости и многозначности после «скифов» собирательный этноним в византийской литературе – в своем формировании основывался на нескольких принципах: принадлежность племенам, двигавшимся вглубь Европы, и «свирепость», «вандализм». Этнические особенности имели второстепенное значение, и поэтому среди «собственно гуннов» византийских источников мы видим не только авар, но и германских гепидов, готов и т.д. (Литаврин 1976: 212-213). Учитывая подобную архаизацию, было бы трудно угадывать в информации византийских авторов об «очередных гуннах» теоретически возможные сообщения о волохах в Карпато-Балканском регионе в ранний период их пребывания – в гуннское и постгуннское время (к этому вопросу вернемся чуть позже). Поэтому обратимся к венгерским хроникам, тому источнику, который и сообщает о волохах в гуннское время в Среднем Подунавье.

I.3. «Темные места» венгерских хроник

Речь идет о хрониках венгерского Анонима, «Деяния венгров» Симона Кезаи (или магистра Акоша) последней четверти XIII в., протографом которой послужило сочинение с одноименным названием середины XI в. и другие более поздние венгерские источники. Венгерские хроники XI-XIII вв. уже давно пользуются «плохой репутацией» у некоторых исследователей вследствие «гиперкритического» подхода к ним. Их авторов обвиняли в перенесении современной им ситуации в более раннее время, недостоверности и мотивированной фальсификации, некритическом использовании народных преданий (История Венгрии 1971: 268-285; Шушарин 1961: 131-148; 1965: 431-434, 441-442; Полевой 1972: 86-87; Извори 2001: 48). Правда, заметим, что именно у некоторых исследователей, поскольку у других они пользовались доверием, подчас абсолютным (об этом см. Полевой 1972: 78, 81 и др.). Попробуем проанализировать информацию Кезаи (магистра Акоша) о волохах.

Кезаи в начальной части хроники, которая называется «Деяния гуннов», излагает бытовавшее тогда предание о происхождении секеев от гуннов и сообщает, что *«секеи имеют свою долю [земли] не на равнине Паннонии, но вместе с влахами – в горах порубежья* (т.е. Трансильвании)». Далее, *«здесь (в Трансильвании) секеи, смешавшись с влахами, пользуются их письмом [буквами]».* Следующее, важное для нас сообщение: после гибели сыновей Аттилы *«Паннония оставалась десять лет без короля, когда в ней пребывали только влахи, греки, пришельцы мисяне [болгары], немцы, изгнанники-славяне, которые служили Аттиле».* (В другой группе рукописей: *«только славяне, греки, влахи, пришельцы-немцы, мисяне»*; в третьей – *«пришельцы-влахи»*). И, наконец, последнее свидетельство: *«...города Паннонии, Памфилии, Фригии, Македонии и Далмации, которые были изнурены частыми осадами гуннов, покинув родную землю, испросив разрешения Аттилы, отказавшись служить Аттиле и оставив стада скота, перешли в Апулию через Адриатическое море. Влахи же, которые были их колонами и пастухами, добровольно остались в Паннонии»* (История Венгрии 1971: I, 276; см. также Извори 2001: 23, 69, 70, 75, 82, 102).

«Главное обвинение» в адрес венгерских хронистов всегда заключалось в том, что они пытались удревнить и героизировать историю венгров, связать их с гуннами Аттилы. Поэтому мы оставляем без внимания тезис о происхождении секеев от гуннов и переходим сразу к влахам. О том, что влахи уже жили в Трансильвании к моменту прихода туда венгров, говорят не только другие, независимые от хроники Кезаи венгерские источники («Деяния венгров» Анонима – королевского нотария и др.), но и такой источник, как «Повесть временных лет» (ПВЛ 1950: I, 21).

Упоминание о *«горах порубежья»*, то есть скорее о западных Карпатах, согласуется с историческим фактом, что секеи жили в западных районах Трансильвании и только в начале XIII в. были переселены венгерским королем в Юго-Восточную Трансильванию (История Венгрии 1971: I, 144). Любопытно, что автор венгерской хроники вовсе не говорит о том, что секеи пришли в Трансильванию вместе с влахами. Более того, из его второго сообщения о том, кто жил в Паннонии после смерти сыновей Аттилы, вовсе не следует, что в этот период ее населяли и гунны. В разных редакциях перечисляются народы: влахи, греки, германцы, болгары и славяне. Гуннов среди них нет. Об этом говорит выражение: *«когда в ней пребывали только...»*. «Пришельцами» объявлены поочередно влахи, германцы и болгары.

Если представить, насколько нам позволяют данные других, «более достоверных» письменных источников, историческую ситуацию в Среднем Подунавье, то станет ясно, что пребывание этих народов на этой территории и в указанный период вполне реально. Правдивость хрониста доказывается тем, что в списке народов нет собственно гуннов, в чем он, казалось бы, должен быть заинтересован. Вполне понятно, что Кезаи и, соответственно, автор протографа венгерских летописей пользовался трудами своих «иностранных» предшественников (Иордан, Хроника аббата Регино и его Продолжателя, Алтайхские анналы, сочинения других латинских и греческих авторов раннего средневековья – История Венгрии 1971: I, 101-103; Шушарин 1965: 432). Любопытно, что в этой фразе в разных редакциях болгары выступают под именем мисян. Этот архаический этноним, причем относящийся только к болгарам, стал использоваться византийскими авторами с VIII в., так как болгары заняли на Балканах территорию древней Мисии (Литаврин 1976: 214). Остается предположить, что венгерский автор при написании вышеупомянутого фрагмента пользовался соответствующими византийскими источниками, доверия к которым у исследователей гораздо больше, чем к венгерским. Особого внимания требует фраза венгерского хрониста, что *«здесь секеи, смешавшись с влахами, пользуются их письмом»*. Наш главный специалист по венгерским источникам В.П. Шушарин видит в этой фразе доказательство полной некомпетентности автора хроники, который не знает «общеизвестных исторических фактов: секеи и влахи жили рядом, но не были этнически смешаны, секейское же письмо (руны) – тюркского происхождения» (История

Венгрии 1971: I, 276).

Эта тема требует особого обсуждения. Автор венгерской хроники, один из образованных придворных клириков Венгерского королевства, вряд ли был настолько полным невеждой, чтобы не отличить латинский язык и соответствующую ему графику от тюркского рунического письма. Поэтому сам придумать выше прозвучавшую фразу он не мог. Совершенно очевидно, что в таком случае он пользовался каким-то письменным источником, откуда и переписал эти сведения, хотя они и противоречили современной ему исторической действительности.

Вряд ли хронист при написании этого сюжета пользовался современным ему народным преданием. Венгерские авторы этого времени признаются на страницах своих произведений (Аноним), что они используют сведения, услышанные от сказителей, но отношение к ним у авторов при этом довольно критическое. «*Лживые сказки крестьян*» – заявляет Аноним по поводу народных преданий, сведения которых, переработав, использует (История Венгрии 1971: I, 106; Извори 2001: 15). Думается, хронист воздержался бы от использования и известия об употреблении секеями влашского (рунического?) письма, если бы оно отсутствовало в рукописной традиции. Никакой, в том числе и политической, выгоды он в этом видеть не мог, а с точки зрения исторической данное известие должно было выглядеть бессмысленным.

Но, защищая венгерского хрониста от обвинений в некомпетентности, становится необходимым объяснить эту непонятную фразу. Она вполне логично объясняется, если принять к сведению, что влахи в Карпато-Балканском регионе – это народ пришлый, пришлый с востока Европы – региона, для культурной жизни которого руническое или руноподобное письмо вполне характерно.

И уж совсем спорно утверждение В.П. Шушарина, что руническое письмо влахов и секеев – тюркское. Руническим или руноподобным фоносиллабическим письмом пользовались не только германцы (древнегерманские, англо-саксонские, шведские, датские, норвежские) и тюрки (орхонские, енисейские, семиреченские). Выделен еще один культурно-исторический ареал рунической письменности (Кляшторный 1964: 50; Щербак 1971). Территориально он распадается на две части, два региона – первый, восточный, представлен находками памятников подобного письма на Северном Кавказе, Подонье и Поволжье, второй – находками в Северо-Восточной Болгарии, Добрудже, румынском и венгерском Банате. Первый связан с культурно-историческим миром алан, праболгар, булгар, хазар и мадьяр, а связь второго с первым А.М. Щербаку «не совсем ясна» (1971: 76-77). Однако особой сложности мы здесь не видим, поскольку именно в указанных на западе местах и оседали приходящие с востока праболгары, аланы и мадьяры. Стоит обратить внимание и на фрагмент из летописи Гази-Барадж, который возможно имеет непосредственное отношение к затрагиваемому вопросу. Летописец пишет о том, как переводилась официальная письменность Волжской Булгарии *«со старых булгарских знаков “куниг” на арабское письмо, но хазары, анчийцы, балынцы и неверные из кара-булгар продолжали пользоваться “кунигами”»*. (Бахши Иман 1993: 34).

Но вернемся конкретно к «письму секеев». С момента находок текстов рунического письма в Венгрии большинство специалистов при признании, что оно относительно позднего происхождения, стало высказываться в пользу тюркского происхождения так называемых древневенгерских рез, имелись лишь частные расхождения либо по поводу количества рун, либо начертания отдельных знаков (Щербак 1971: 80-81). Однако сразу же возникли и сомнения в этом, в частности, у Ю. Немета при попытке дешифровать и проанализировать рунические надписи на сосудах из знаменитого клада Надьсентмиклоша (совр. рум. Сынниколау Маре) с учетом их предполагаемой принадлежности тюркам. Последующие находки рунических надписей, в том числе и в Средней Азии, подтвердили догадку, что существует отдельный самостоятельный вид рунического или руноподобного письма, только внешне похожий на орхоно-енисейский алфавит (Щербак 1971: 81; Németh 1932: 17-44, 61-84). Крупнейший специалист в этой области С.Г. Кляшторный отмечает: «Своеобразный вариант рунического письма пережиточно сохранился в X-XI вв. у некоторых тюркоязычных племен Восточной Европы, возможно, послужив моделью древневенгерского письма (так называемые “древневенгерские резы”)» (Кляшторный 1964: 50). По мнению этого исследователя, письмо секеев руноподобно, но не имеет ничего общего по происхождению с собственно тюркским руническим письмом. Последнее могло использоваться секеями прямо или опосредованно через кого-то как визуальный образец, как модель для создания собственной письменности [1].

Итак, можно полагать, что если сведения венгерского хрониста о передаче письменности от влахов к секеям достоверны, то они указывают на связь влахов с болгаро-алано-хазарско-мадьярской культурной и этнической средой Поволжья и Северного Кавказа. Это обстоятельство, конечно, не может служить прямым доказательством того, что влахи были по своему происхождению выходцами из этой среды. Но тот факт, что они этой письменностью владели, красноречиво свидетельствует о ме-

[1] Выражаю глубокую признательность С.Г.Кляшторному за консультацию и помощь в подборе литературы.

сте, откуда они прибыли. Влахи, контактировавшие с секеями, свою письменность «позабыли», но секеи, или народ, которому секеи обязаны своим происхождением, ее сохранили. Этническое происхождение секеев до сих пор не получило удовлетворительного объяснения (Извори 2001: 54-55). Существует, например, мнение, что «в число секеев могли входить потомки самых разных народов, расселенных в различные времена на границах королевства» (Князький 1980: 248-249). Поселения секеев возникли в западных районах Трансильвании, затем в начале XIII в. они были поселены венгерским королем в юго-восточной Трансильвании. Секеи до позднего средневековья жили изолированно, замкнутыми общинами, сохраняя этнические отличия от остального населения Венгерского королевства и особые привилегии, данные им королевской властью (История Венгрии 1971: I, 144).

Обвинение В.П. Шушариным венгерского хрониста в том, что он не знает «общеизвестных исторических фактов – секеи и влахи жили рядом, но не были этнически смешаны» – не обосновано. Если исходить из имеющихся данных письменных источников, то мы должны констатировать, что секеи оказались рядом с влахами – в Юго-Восточной и Восточной Трансильвании, Восточном Прикарпатье – только в начале XIII в. В отношении и тех, и других источники свидетельствуют, что оба народа были недавними пришельцами на указанной территории. Секеи были переселены венгерским королем. Влахи, указанные в этом районе в документах папско-венгерской переписки начиная с первых десятилетий XIII столетия, почти наверняка были пришельцами с правого берега нижнего Дуная. Об этом говорит их православная вера, а также именование в ранних венгерских грамотах «блаками», как было принято именовать балканских влахов европейскими латиноязычными хронистами (об этом см. в IV главе работы). Естественно, оба народа в указанное время на указанной территории представляются «несмешанными» этническими общностями.

Но секеи прибыли из западных районов королевства, где влахи фиксируются и в значительно более раннее время (период от гуннов до прихода венгров – хроника Кезаи, венгерский Аноним, Повесть временных лет, «Еллинский летописец», «Песнь о Нибелунгах» и т.д.). И это была группа влахов с другой исторической судьбой, возможно, никак не связанная с более поздними переселенцами-волохами с Балканского полуострова. Естественным и правдоподобным в свете сообщения Кезаи выглядит предположение, что именно тогда и на той территории, когда и где происходил этногенез секеев, *«секеи смешались с влахами»* и благодаря этому воспользовались *«их письмом»*.

И, наконец, последнее сообщение о переходе части городского населения из-за гуннской угрозы (вряд ли следует понимать, что реально все население городов покинуло обжитые места) через Адриатическое море в Италию. В самом факте перемещения больших масс населения с балканского побережья на Апеннины нет ничего необычного. Об этом сообщает и Павел Диакон в своей «Истории лангобардов» (Свод II: 487-493), и Антонио де Бонфини («История венгров») (Извори 2001: 123-124). И если уж не активность «бича божьего», то что же еще может вызвать бегство и массовые перемещения населения? В этом фрагменте влахи названы «*их пастухами*». Но существует еще один источник, также венгерский, но независимый от хроники Кезаи – «Деяния» Анонима, нотария короля Белы III, написавшего свой труд в 1196-1203 гг., в котором употреблено это же выражение. Это указание Анонима на то, что территорию Паннонии к моменту прихода венгров населяли славяне, болгары, влахи, «*пастухи римлян*» и «*римляне*».

Вопрос, кто скрывается за последними тремя названиями, стал предметом очень жарких дискуссий. В историографии в них, как и в волохах недатированной части «Повести временных лет», видели римлян Траяна, кельтов, болгар, гетов, готов, восточноевропейское романизованное население, франков, итальянцев и т.д. Из специальных исследований данной проблемы выделяется точка зрения В.Д. Королюка, который видит под именем влахов, «римских пастухов» и «римлян» в хронике Анонима контаминацию трех понятий: волохи – древние римляне, волохи – ромеи, подданные Восточно-Римской империи, и волохи – восточнороманское пастушеское население (Королюк 1979: 5-6; 1985: 169-170, 200). Если признать во всех трех указанных группах влахов, то необходимо также объяснить, в чем их различие в глазах хронистов: может, это были разные группы влахов с разной исторической судьбой, при этом не все из них могли быть романизованными.

Сведения Анонима о составе населения Паннонии к моменту прихода венгров в целом нисколько не противоречат сведениям Кезаи. Но выражения «римские пастухи» и «их (римлян, латиноязычных жителей вышеупомянутых городов) пастухи» встречаются только в венгерских источниках, созданных независимо друг от друга, но восходящих, как полагают, к общему протографу. Можно предположить, что термин «римские пастухи» – устойчивое выражение. Попробуем «вычислить», когда оно могло появиться.

До прихода венгров территория Паннонии не представляла собой мирного пастбища и уголка стабильности. Скорее, это «аварская пустыня», в которую превратили земли аварского каганата разрушительные походы на авар франков Карла Великого и болгар ханов Крума и Омуртага (Сьоке 1989: 105-116). После распада аварского каганата ожесточенную борь-

бу за его территорию вели Великоморавское княжество и Первое Болгарское царство. В эту же борьбу вмешивались и франки. Бесконечные войны на «ничейной земле» и превратили ее в «аварскую пустыню». Вряд ли в «аварской пустыне» могли «родиться» «римские пастухи». Авары «сели» в Паннонии в 568 г. Граница между Византией и Аварским каганатом проходила, в основном, по Дунаю и его крупным правобережным притокам – Саве и Западной Мораве. Ромеи совершали лишь эпизодические военные походы на аварскую территорию. С конца VII в. правобережье Нижнего Дуная было отрезано от Византии Аспарухом и Первым Болгарским царством.

Исходя из всего вышеизложенного, можно признать, что, скорее всего, выражение «римские пастухи» возникло в аварский или еще гуннский период. Хронист сообщает, что жители городов при переезде оставили стада скота. Трудно предположить, что эта фраза придумана для того, чтобы как-то объяснить выражение «римские пастухи» или тот факт, что влахи «добровольно» остались в Паннонии.

В.П. Шушарин, «критикуя» венгерского хрониста за «попытку объяснить причины исчезновения в V в. одних народов и сохранение других», обвиняет его в «утверждениях, ничего общего не имевших с исторической действительностью». Но ведь венгерский автор называет целый ряд народов, живущих в Паннонии в гуннский период, а «объясняет сохранение» только одного – влахов. Придется констатировать, что венгерский летописец пристрастен и неравнодушен именно к этому народу.

В «пристрастии» (возможно, невольном), видимо, следует упрекнуть самого В.П. Шушарина. Вероятно, он просто поддался обаянию венгерской историографии (нарочито критически относящейся к собственным источникам), которая уже давно «борется» с не менее обаятельной румынской в выяснении вопроса, кто же раньше оказался в Трансильвании – венгры или румыны (волохи), у кого больше или древнее исторические права на эту землю (о «борьбе» двух историографий см. Мохов 1964: 92-94; Полевой 1972).

Кроме Рубрука и венгерских хроник, существуют и другие источники, упоминающие влахов в гуннское время. Речь идет о сообщении Русского хронографа («Елинский летописец») о том, что, когда Аттила умер в Италии, недалеко от Рима, *«...вои же его, вземши тело его, несоша сквозе волохы и немци и положиша в земли Угорьстеи»* (Творогов 1975: 138) и в какой-то мере подтверждающие его упоминания о волохах и герцоге волохов Рамунке в германском эпосе «Песнь о Нибелунгах» (Panaitescu 1969: 130; Ştefănescu-Drăgăneşti 1986: 40; Эрлих 1997: 158). Данные известия, подкрепляя «восточно-альпийскую» гипотезу волошского этногенеза М.Е. Ткачука (1999), относят, на наш взгляд, появление волохов под их собственным именем к гуннскому времени. А.Б. Черняк полагает, что в указанном сюжете «волохи – это итальянцы, как в словенском, венгерском, чешском и польском» (Черняк 1991: 139). Безусловно, такая вероятность существует, но, учитывая и другие сообщения, аргументирующие «восточно-альпийскую» гипотезу (сведения Киннама, Кекавмена, «Жития Мефодия», легенды славяно-молдавской летописи о Романе и Влахате), можно полагать, что в данном случае речь идет о волохах.

Итак, есть основания считать, что в V в. в Карпато-Балканском регионе уже был известен народ под именем «влахи». Также есть основания полагать, что этот народ не был автохтонным в этом регионе, а переселился из более восточных районов Европы. Нет никаких определенных данных (кроме упоминаний Рубрука) о взаимоотношениях влахов и гуннов. Очевидно, влахи разделили судьбу других народов и подчинились гуннскому господству.

I.4. По дорогам новой родины

Итак, переселившиеся с востока волохи оказались на западе, в Карпато-Дунайско-Балканском пространстве. Но где конкретно: в Карпато-Дунайских землях или на Балканском полуострове? К ответу на этот вопрос с точки зрения «восточной» гипотезы этногенеза волохов, вероятно, внимательно отнесутся сторонники и «карпатской» автохтонной, и «балканской» миграционной гипотез. Хотя вся эта «восточная» гипотеза для них – экстравагантная чушь, но при этом и для тех и для других, наверное, все-таки важно, где все же впервые оказались те мифические волохи, которые пришли с мифического востока. И здесь придется поддержать в борьбе по «перетягиванию одеяла через Дунай» автохтонистов: все сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что раньше волохи оказались в среднедунайской области, а не на Балканах.

Рассмотрим данные письменных источников о локализации влахов уже непосредственно в Карпато-Балканском регионе. Хроника «Деяния венгров» Кезаи (или Акоша) локализует влахов в гуннское время в Паннонии. Если сведения «Русского хронографа» и «Песни о Нибелунгах» достоверны, то и они локализуют влахов в это время ближе к Среднему Дунаю (в восточно-альпийской области), а не к Балканам. Летопись Гази-Барадж знает о волохах в VII в. в районе Карпат. Хроника венгерского Анонима, независимая от хроники Кезаи, размещает влахов к моменту прихода венгров, то есть к концу IX в., в Трансильвании. На Среднем Дунае в бассейне Дуная, Тисы и Савы локализует

влахов в это время Анонимное Географическое Описание Восточной Европы, датируемое началом XIV в. и перекликающееся, но не совпадающее с венгерским «Анонимом» (Литаврин 1972: 138) [2]. За «горами Угорскими» размещает влахов ко времени прихода венгров и «Повесть временных лет».

Как видим, все источники независимо друг от друга локализуют влахов в гуннское время и до прихода венгров на Среднем Дунае. Особого внимания в этой связи заслуживает сообщение византийского автора XI в. Кекавмена. Он говорит: *«...Ведь влахи являются так называемыми даками и бессами. Раньше они жили близ рек Дуная и Саоса, который ныне мы называем Савой, где теперь живут сербы в безопасных и недоступных местах. Они прикидывались друзьями и рабами древних римских императоров и, выходя из своих укреплений, разоряли земли римлян. Поэтому-то римляне, разгневавшись на них, разгромили их. Уйдя из тамошних мест, влахи рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе...»* (Кекавмен 1972: 269-271).

Это сообщение (единственное из данных письменных источников, которое может как-то свидетельствовать в пользу фракийского происхождения влахов), так туманно и противоречиво «проливающее свет» на происхождение влахов, стало предметом многочисленных исследований. Особые возражения у представителей балканской миграционной теории вызывает утверждение Кекавмена, что даки – предки влахов. Не уделяя специального внимания этому сюжету, выскажем предположение, что данная традиция могла возникнуть в связи с тем, что в архаизированной византийской этнонимии термином «даки» обозначалось население левобережных областей нижнего Дуная вплоть до XIV – XV вв. (Литаврин 1972: 137). Кекавмен мог соединить сведения об исторических даках и их борьбе с римлянами со сведениями о борьбе влахов, которых книжная традиция могла так же называть, тоже с «римлянами», но более поздними.

Исследователями отмечены несообразности этого сообщения (к примеру, как могут быть влахи одновременно и даками, и бессами), сводящие на нет доверие к достоверности этого сообщения (Кекавмен 1972: 519-522, 560-564, Литаврин 1972: 137). Однако эти противоречия снимаются при следующем объяснении этого сообщения: в какой-то период волохи жили в одном регионе «близ Дуная и Савы», затем оттуда расселились и на территорию бывшей Дакии, и на Балканы, где ранее зафиксированы бессы, и таким образом «заработали» себе в архаизированной византийской этнонимии одновременно имя и даков, и бессов.

Я согласен с мнением М.Е. Ткачука (1999) о том, что данное известие Кекавмена указывает на «восточно-альпийский» этап жизни волохов перед заселением ими Балканского полуострова. Это мнение подтверждается данными других, частично уже приводившихся нами независимых источников. На них не очень любят обращать внимание сторонники и карпатской, и балканской версий, поскольку они им противоречат, но они не могут не выступать аргументами в версии М.Е. Ткачука о восточно-альпийском происхождении волохов. Таковы, например, легенда Славяно-молдавской летописи 1359-1504 гг. о Романе и Влахате (*«От града Виницеи приидоша два брата Роман да Влахата...»* – Королюк 1979: 10) или очень конкретное и ясное сообщение Иоанна Киннама. Византийский автор второй половины XII в. Киннам, рассказывая о походе византийского полководца Льва, по прозвищу Ватац, против венгров, упоминает в составе его войска *«дружину Валахов, которые почитали себя древнейшими выходцами из Италии»* (Киннам 1859: 288). Речь идет о некоей устной традиции среди влахов XII в., то есть времени, не столь уж отдаленного от времени Кекавмена. Сами себя влахи даками не считали, а считали себя, согласно Киннаму, «*выходцами из Италии*», римлянами, то есть, по сути, врагами даков. Далеко не теоретически допуская «восточно-альпийский этап» в истории волохов, пришедших сюда с востока Европы (об этом мы поговорим позже, в III главе), следует признать, что их путь из Северной Италии на Балканы проходил через среднедунайские земли.

На основании анализа всех приведенных сведений письменной традиции местом первоначальной локализации прибывших в гуннское время с востока влахов можно считать бассейн Среднего Дуная. Уже позже часть влахов, видимо, живущая в районах Восточных Альп и истоков Савы, переместилась на юг, на Балканы. Г.Г. Литаврин полагает, что миграцию влахов в южном направлении внутрь Балкан следует датировать временем не позднее конца VIII – первой половины IX в., но еще вероятнее – эпохой заселения Балкан славянами (Литаврин 1972: 138). Возможно, косвенным подтверждением этому может рассматриваться единственное

[2] Арабский автор Мутаххар ал-Макдиси в сочинении «Книга творения и истории» (966 г.), упоминает о немногочисленном народе «валадж», который соседил с «турками» и размещался где-то по дороге из Хорезма в Булгар. В.М. Бейлис полагает, что под народом «валадж» следут понимать влахов, живших в Паннонии (Бейлис 1969: 308-310). В историографии никто почти не оспорил валашскую идентификацию этого этнонима (Эрлих 1997: 158), несогласие было высказано по поводу его локализации. Некоторые размещали его на территории Румынии (Decei, Ciocâltan 1974: 49-54). Я полагаю, что народ «валадж», под которым действительно следует видеть волохов, размещался гораздо восточнее – в Поволжье, как считал и К. Юар (Dvoicenco-Marcov 1984). Подробнее об этом в следующей главе работы.

упоминание влахов в «Летописи попа Дуклянина» как мавровлахов, которое содержится в рассказе о вторжении на Балканы болгар в конце VII в., но место локализации рассказываемых событий в литературе оспаривается (Наумов 1981: 197). М. Дьони датирует это событие концом IX – началом X в. Если не забывать, что речь идет о перемещениях влахов из среднедунайской области, где, по сообщению «Повести временных лет», влахи господствовали над славянами (ПВЛ 1950: I, 21) до прихода венгров, то мысль М. Дьони логична: влахи могли быть просто вытеснены на юг венграми. Об этом как будто прямо и говорит «Повесть временных лет» *(«..Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту... “*) (Литаврин 1972: 138). Если же прав Г.Г. Литаврин, то речь может идти только о части влахов, живущих в Среднем Подунавье, поскольку, как отмечалось, венгерский Аноним и «Повесть временных лет» говорят о влашском населении там (по крайней мере, в левобережной области Среднего Дуная) к моменту прихода венгров.

Реальные реконструкции перемещений влахов в Карпато-Балканском регионе, на мой взгляд, должны учитывать их реальную «полиэтничность» (ср. многообразие этнографических групп влахов, которое фиксируется уже начиная с XIV-XV вв. или различающиеся группы влахов по венгерским источникам). Различные группы влахов оказались не одновременно в разных местах Карпато-Балканского пространства, соответственно, у них была разная историческая судьба.

I.5. От «влашского» к латинскому

Если принять гипотезу миграционного восточного, а не автохтонного происхождения влахов в Карпато-Балканском пространстве, то возникает вопрос: когда и каким образом влахи, «забыв» свой язык и письменность, перешли к латыни и только ли к латыни?

Приход гуннов в Европу привел к появлению народов, вытесненных гуннами со своих прежних мест обитания и присоединенных к своим ордам. Вся эта разноплеменная масса должна была общаться между собой и с местными народами в Европе в тех местах, куда их завела экспансия гуннов. Благодаря известному сюжету в рассказе Приска, побывавшего в 448 или 449 году в составе византийского посольства в ставке Аттилы, исследователи знают, на каких языках общались разноплеменные народы гуннской орды. Приск сообщает: *«представляя собой разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, стремятся овладеть либо гуннским, либо готским, либо еще и авзонским (латинским), если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, уведенных из Фракии и из приморского Иллирика»* (Свод I: 87).

«Смысл “авзонской” части пассажа Приска, – считает А.Б. Черняк, – сводится к тому, что варвары в придачу к своему собственному языку, помимо готского и гуннского, стремились усвоить еще и латинский, а именно те из них, кому приходилось общаться с римлянами» (Черняк 1991: 137-138). Единственным дипломатическим и международным языком этнического конгломерата гуннов был латинский. Латынь во времена Приска, – считает известный чешский ученый К. Иречек, – употреблялась повсюду и на Балканах в качестве обиходного и разговорного языка (цит. по: Черняк 1991: 135). Греческий язык стал государственным языком Византийской империи – наравне с латинским – лишь при Юстиниане, через 100 лет. Даже провинции Нижняя Мезия и Скифия были преимущественно романоязычными (Черняк 1991: 136, 139-141).

Возможно, процесс латинизации языка влахов происходил довольно быстро благодаря внедрению их в хозяйственную структуру местного латиноязычного общества («пастухи римлян») и по темпам сопоставим со славянизацией болгар Аспаруха в Первом Болгарском царстве. При этом надо иметь в виду, что «болгары Аспаруха», несомненно, представляли верхний, доминирующий этнокласс в своем государстве, в то время как с определением роли влахов в хозяйственной и особенно социально-политической структуре общества в самый ранний период их пребывания на западе очень сложно. С одной стороны, невысокий социальный статус («пастухи римлян»), но с другой, сведения Повести временных лет о том, что волохи господствовали над славянами в Трансильвании, когда туда пришли венгры, и такой «историографический фантом», как пресловутые влахо-славянские княжества Глада, Гелы, Менуморута в Карпато-Дунайских землях, которым румынской историографией придается значение первых волошских государств.

Известный румынский лингвист А. Филиппиде, сторонник миграционной теории появления волохов к северу от Дуная и потому свободный от «чар» автохтонизма, проделавший основательный лингвистический анализ данных «вульгарной» латыни и восточнороманского языка, его диалектов, связей с албанским и другими балканскими языками, пришел к очень важному для нас выводу: «романизации подверглось как коренное фракийское население, **так и пришельцы (аланы, гунны, авары и др.)**» (выделено нами – Р.Р.) (цит. по: Полевой 1972: 84-85). Итак, согласно данным лингвистики, волохи могли быть пришельцами с востока, подвергнувшимися здесь, на западе, латинизации.

Вопрос, каков был язык влахов на протяже-

нии раннего периода их истории, очень сложен из-за почти полного отсутствия каких-либо данных по этому поводу в письменных источниках. Однако те скудные крохи информации, которые все же есть в нашем распоряжении, предстают в любопытном свете с точки зрения «восточной» миграционной гипотезы происхождения волохов.

Г.Г. Литаврин приводит свидетельство византийского автора XII в. Никиты Хониата об особом «*влашском*» языке, на котором один из пленных византийцев просил царя Асеня отпустить его ради «*единоязычия*». Г.Г. Литаврин полагает: «Хониат мог иметь в виду и не собственно влашский, а болгарский язык» (Литаврин 1972: 96). Предположение исследователя вполне логично (Г.Г. Литаврин не считает Асеня «безоговорочно» влахом – см. Литаврин 1972: 127). Асень – влах (об этом свидетельствуют не только византийские, но и независимые от них западноевропейские источники – см. Виллардуэн 1993: 52), но болгарским владел свободно и мог считать его даже родным языком.

Но почему этот язык Хониат определяет словом «влашский»? Даже если под «влашским» языком Хониата подразумевались языки болгарский или латинский, трудно поверить, чтобы факт именно такого «единоязычия» мог быть серьезным основанием для Асеня отпустить византийца. Рискну предположить, что под «особым» «влашским» языком у Хониата мог подразумеваться некий третий язык, обоюдное знание которого и Асенем, и пленным византийцем могло представлять собой значимость и ценность в глазах обоих. Если это так, то в свете предлагаемой гипотезы о миграционном происхождении влахов в Карпато-Балканском регионе можно полагать, что, возможно, это был в своей основе язык влахов долатинского периода, возможно, родственный языку болгар в период, когда они еще не смешались со славянами на Нижнем Дунаем. Косвенным подтверждением существования особого «влашского» языка служит уже приводившиеся данные венгерской хроники о руническом письме влахов и его связи с болгаро-алано-хазарско-мадьярской культурной и этнической средой на востоке.

Живя постоянно в условиях иноязычной среды, влахи не могли не испытывать ее влияния. Некоторые исследователи полагают, что влахи сохраняли одноязычие, пока являлись этнически особой группой. Другие считают, что для них были характерны билингвизм или даже терциолингвизм, но это не являлось непременным показателем их ассимиляции (об этом см. Литаврин 1972: 124-125). Например, Г.Г. Литаврин присоединяется ко второй группе исследователей, но признает несомненным наличие ассимиляционного процесса среди балканских влахов уже в X-XIII вв. (1972: 124-125).

С точки зрения «восточной» гипотезы заслуживает внимание вопрос о том, какие имена носили влахи. Казалось бы, романские имена влахов должны свидетельствовать об автохтонном происхождении их носителей в Карпато-Балканском пространстве, по крайней мере, они должны были быть местными жителями к тому времени, когда началась и проходила романизация. Но заслуживает внимания факт, что в XIII в. «влахи в Сербии носили не только романские имена, но и славянские (точно также, как и влахи в Фессалии во второй половине XI в.)» (Наумов 1981: 200). Но значительное влашское население достоверно появилось в Сербии только в конце XII в., а многочисленным стало в XIII-XIV вв. (Наумов 1981: 200). В материалах симпозиума балканистов 1975 года, посвященного проблемам истории и этнографии отгонного скотоводства, есть любопытные сведения о том, что когда-то, во время перегонов овечьих отар при переходе через мусульманские села, православные чабаны меняли свои имена на «турецкие» (Фрейденберг 1979: 208)

Так о чем говорят романские имена влахов? Не о том, что влахи – это потомки фракийцев, испытавших влияние романизации, равно как и их славянские имена не свидетельствуют о вкладе славян в их этногенез, а о том, что влахи были очень пластичны в восприятии языков и имен соседних народов. Касаясь вопроса о романоязычии волохов, нужно иметь в виду и разные исторические судьбы различных групп влахов. Романизации, безусловно, подверглись влахи, оказавшиеся в районе Восточных Альп. В отношении других групп влахов ситуация могла быть и иной: они могли подвернуться ассимиляции (савиры-северы?) и слиться с другими народами, восприняв и язык этих народов. Позднее мы еще раз затронем вопрос о языке балканских влахов, когда коснемся проблемы религии влахов и их языка богослужения.

I.6. Пастушество волохов в свете гипотез их происхождения

Данный раздел сам по себе не имеет самостоятельного значения в плане аргументации «восточной» гипотезы. Но даже такая, вроде бы, казалось, бесспорная область научного исследования, как хозяйство волохов, не предоставляет бесспорных оснований, чтобы судить об автохтонности волохов по отношению ко всему Карпато-Балканскому пространству.

Пастушеству волохов, особенностям их хозяйственной жизни уделялось столько внимания в научной литературе, что последняя по своей обширности может смело сравниваться с историографией этногенеза. Однако при всей своей необозримости это историографическое

море объективно ограничено отсутствием или крайней малочисленностью каких-либо конкретных сведений о хозяйственном укладе, особенностях экономики волохов вплоть до XIII-XIV вв. как по письменным источникам, так и по данным археологии. Отсутствие последних связано с чрезвычайно подвижным образом жизни волохов, известия письменных источников по этому вопросу, как правило, не дают возможность однозначной интерпретации (вспомним, например, знаменитое многозначное сообщение Анны Комнин (1859: 374) о том, что влахи – кочевники, или любые кочевники – влахи?). Попробуем взглянуть на хозяйственную жизнь волохов с точки зрения «восточной» гипотезы.

Какое место заняли пришлые влахи в социальной и хозяйственной структуре на новой родине? Славянские народы, совершавшие походы на империю ромеев и заселившие Балканский полуостров вплоть до Пелопоннеса, вели на территории империи оседлый образ жизни. Праболгары, отобравшие у византийцев в конце VII в. нижнедунайские земли и основавшие там свое государство, в результате ассимиляционных процессов и принятия христианства прочно осели и создали оседлую экономику. Типологически близкой выглядит ситуация в Паннонии с приходом венгров. Но в Карпато-Балканском регионе наблюдался и феномен иного плана – волохи. С того момента, как сведения о волохах в источниках мы можем считать абсолютно достоверными, они предстают носителями кочевого образа жизни. Тип хозяйства – пастушеское отгонное скотоводство. Весной волохи покидали родные поселки и уходили в высокогорные районы до осени. Для волохов в любом регионе их обитания характерен именно такой тип экономики и такой образ жизни. Кочевали волохи обязательно семьями (Кекавмен 1972: 259; Анна Комнина 1859: 374).

Даже среди этнографов, имевших возможность обменяться взглядами и придти к определенному согласию на упоминавшемся симпозиуме балканистов 1975 г., выявились резкие расхождения в мнениях по поводу того, следует ли людей, занимавшихся отгонным скотоводством, относить к числу кочевников. Д. Антониевич, например, всех их безоговорочно зачисляет в разряд номадов. А по мнению И. Трифуносского, подлинными кочевниками на Балканах являются только некоторые категории влахов и та небольшая этническая группа, которая обитает в районе горного хребта Пинд в Северной Греции, в южных районах Албании и бывшей Югославии и известна под именем «цинцаров», «аромун» или «куцовлахов». Остальные категории скотоводческого населения участники симпозиума предлагают именовать «полукочевниками» (Фрейденберг 1979: 212). М. Дьони полагает, что «влахи – подлинно пастушеский, кочевой народ, часто менявший как трассы сезонных кочевий, так и районы летних и зимних становищ, воздвигая себе осенью каждый раз новые жилища, чтобы весной навсегда забросить их» (цит. по: Литаврин 1972: 105-106). Возможно, эта точка зрения справедлива по отношению к более раннему периоду пребывания влахов в регионе. Исследователи сходятся в мысли, что уже в X-XI вв. трассы их сезонных кочевий и зимних стоянок были, как правило, традиционными.

По мнению ученых, для волохов с течением времени стала намечаться тенденция к определенной оседлости. На основании сообщения Кекавмена о влахах-горожанах (1066 г.) Г.Г. Литаврин полагает, что какая-то часть волошского населения на Балканах в середине XI в. не только обрела оседлость, но и жила в городах. Причем среди горожан-влахов были довольно состоятельные и видные лица, стремящиеся играть активную роль в политической жизни (Кекавмен 1972: 527). В XI-XII вв. в Византийской империи появляются крупные чиновники, военачальники и деятели церкви из числа влахов. Усилению тенденции к постепенной оседлости влахов на территории Карпато-Балкан, помимо имущественного расслоения и появления «собственной аристократии», способствовали: передел и формирование новых государственных границ в связи с беспрерывными войнами и формированием новых государственных образований; вытеснение волохов оседлым населением из удобных для земледелия долин в «неудобные» высокогорные районы и в связи с этим сокращение зимних пастбищ; включение влахов в социальную структуру государств и в связи с этим «включение» в выполнение многочисленных повинностей по отношению к государству: налоги, военная служба, дорожные, почтовые и т.д. повинности; рост феодальной зависимости влахов от частных лиц и монастырей.

Со временем эта тенденция ко все большей оседлости волохов крепла, несмотря на процессы колонизации новых, не освоенных ими ранее районов. Но даже с созданием своей государственности в Дунайских княжествах, в частности в Молдавском, основным занятием сельского населения оставалось не земледелие, а животноводство, причем пастушеского типа, когда животных выгоняли пастись даже в леса (т.н. бранищное хозяйство). Стоит отметить один любопытный момент: с одной стороны, экономика волохов, их хозяйственно-культурный тип производят впечатление очень традиционных, закостеневших, достаточно древних и не поддающихся или плохо поддающихся новациям и влиянию внешнего мира; с другой, их способность легко эволюционировать, приспосабливаясь к новым природным условиям. Например, в поисках новых пастбищ, колонизируя территорию современной Молдовы, волохи легко пере-

шли от горного отгонного пастушества к пастушескому скотоводству в условиях лесостепи, развивая при этом и земледельческое хозяйство. Откуда такая легкая приспособляемость в такой традиционной области? Невольно напрашивается предположение: во-первых, такая пластичность должна быть характерна для «недавних» мигрантов; во-вторых, «генетические» навыки лесостепного скотоводства с элементами земледельческого хозяйства могли быть получены совсем в другом месте. Навыки «лесного», «лесостепного» скотоводства в сочетании с незначительным развитием земледельческих элементов в раннесредневековую эпоху можно наблюдать у народов лесной зоны Восточной Европы – балтов и финно-угров.

Так как до появления волохов (или до их фиксации в письменных источниках) в Карпато-Балканском пространстве не известны этносы с подобным специфическим типом экономики и образом жизни, то можно предположить, что волохи в этом регионе народ пришлый. Два региона, в таком случае, могут претендовать на роль «прародины» – восток Восточной Европы и восточно-альпийские районы традиционного горного отгонного пастушества. Последние исторически связаны с Transhumance – отгонным скотоводством кельтов (Щукин 1994: 16). Учитывая роль кельтов в формировании самого этнонима «волохи» (Иванов, Топоров 1979), определенное сходство их типов пастушества вряд ли покажется случайностью. В то же время пластичность волохов при переходе от отгонного горного пастушества к «лесному» создает впечатление, что они этот переход уже один раз «репетировали», и наиболее подходящее для этого место – на востоке Европы.

Таким образом, пастушество средневековых волохов Карпато-Балканского региона как специфические хозяйственно-культурный тип и образ жизни, отвергая и «карпатскую», и «балканскую» теории фрако-романского происхождения, свидетельствуют об их миграционном происхождении в этом регионе, скорее внося аргументы в пользу гипотез «восточного», «кельто-романского» и «восточно-альпийского» происхождения.

I.7. Под чужим именем

Если влахи находились в Карпато-Балканском регионе уже в гуннскую эпоху, то почему об этом сообщают поздние авторы венгерских сочинений и Рубрук, но ничего не говорят византийские источники? Даже если принять датировку Г.Г. Литаврина миграции влахов внутри Балкан на юг не позднее конца VIII – первой половины IX в., а еще вероятнее – эпохой заселения Балкан славянами, то есть первой половиной VII вв., все равно византийские авторы должны были бы сообщать о влахах на аваровизантийском пограничье – в Посавье и на территории Первого Болгарского царства в VIII-X вв.

Первые два достоверных упоминания влахов в византийской литературе находим у авторов второй половины и конца XI в. – Кекавмена и Скилицы, описывающих события не ранее второй половины 70-х гг. X в. (Литаврин 1972: 93-95). Причем сообщение Кекавмена, относящееся к X в., представляет собой фрагмент из подлинного документа, вышедшего из константинопольской правительственной канцелярии. В отличие от нарративных источников, в официальных византийских актах и документах к архаизации, как правило, не прибегали и называли этносы их живыми реальными названиями. Такие компетентные авторы X в., как Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана, Лев Диакон и др., влахов в своих сочинениях не упоминают. Появившись у авторов в XI в., этноним стал часто употребляться уже в XII-XIII в., в сочинениях Анны Комнин (Анна Комнина 1859: 235, 374 и др.), Никиты Хониата (Акомината) (Хониат 1860: 166-167), Иоанна Киннама (Киннам 1859: 288) и др. авторов.

Проблема имеет два решения. Первое: влахи в период «молчания» византийских источников территориально находились далеко от греческих авторов (Трансильвания, Паннония, Восточно-альпийская область, где о волохах сообщают, как мы видели, другие многочисленные источники) и не попали в орбиту их интересов. Когда волохи стали совершать миграции на юг, в глубь Балкан, тогда о них и заговорили византийские авторы. Косвенным аргументом может служить и мнение исследователей, что византийская литература очень чутко реагировала на появление новых народов в поле своего зрения. «…Именно византийцы первыми вплоть до XII в. давали письменную характеристику любому новому народу, появлявшемуся в Европе (не говоря уже о Передней Азии и Африке)», – пишет Г.Г. Литаврин (1976: 210). Конечно, отсутствие не является доказательством, но, тем не менее, можно предположить, что о волохах византийские авторы не писали, поскольку или до X в. их попросту не было на территории Империи (савиры-северы, о гипотетической, предположительной связи которых с волохами мы говорили, были на территории Болгарии), или они были сравнительно немногочисленны (ср. ситуацию XI-XIII вв., когда волохи зафиксированы в большинстве балканских провинций – Литаврин 1972; 1976: 201).

Второе: разгадка кроется в самом характере использования этнонимов в византийских источниках. Поговорим об этом. О том, что архаизация – типичная черта византийской этнонимии, хорошо известно исследователям. Г.Г. Литаврин убедительно показывает причи-

ны этого явления, его связь с тенденцией «аттикизации» в византийской литературе (1976). Авторы нарративных сочинений, за редчайшим исключением, не использовали действительные и современные этим авторам названия народов. Вместо них современные этнонимы заменяли обязательным архаическим наименованием, как правило, античным. В результате византийская история вплоть до XV в. переполнена «скифами», «киммерийцами», «персами», «гипербореями», «пеонцами», «гепидами», «мисийцами», «гуннами», «даками», «гетами», «трибаллами» и т.д. Это явление получило название «литературный атавизм» (Бибиков 1984: 33).

Но выбор архаичного этнонима для обозначения современного реального этнонима вовсе не случаен, а несет определенную нагрузку. Этнонимы в византийской литературе – это чаще всего собирательные термины, представляющие собой родовые понятия, охватывающие четыре основных критерия – этногенетический, политический, конфессиональный и географический (Литаврин 1976: 210). Таким образом, «прикрепленные» к тому или иному этносу архаичные наименования-«этикетки» (выражение М.В. Бибикова) «не являются категорией, обозначающей только этническую принадлежность, но и содержат в себе общее, закрепленное традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, нравах народа». Этнонимы в византийских сочинениях, – соглашается с Г.Г. Литавриным М.В. Бибиков, – не являются этнонимами в строгом смысле слова, но несут обширный комплекс географических и культурно-бытовых характеристик (Бибиков 1984: 34).

Этноним «влахи» стал употребляться византийскими авторами только к концу XI в. Может, ранее это было название «живое», реальное, но к концу XI стало «этикеткой»? Г.Г. Литаврин считает, что «лишь к XIII в. на Балканах слово “влах” стало терять этническое содержание и указывать на род занятий людей – пастушество» (Кекавмен 1972: 527). Правда, в другой работе, вышедшей в том же 1972 г., Г.Г. Литаврин пишет, что «вплоть до конца XIII в. ни одно известие о влахах не дает оснований к тому, чтобы усматривать в этом термине указание не на определенную этническую группу на Балканах, а лишь на слой населения, занятого по преимуществу специфическим, кочевым или полукочевым скотоводством» (Литаврин 1972: 96). В свете отмечавшейся тенденции перехода к оседлому (в том числе и городскому) образу жизни части волошского населения уже в середине XI в. можно предположить, что уже раньше слово «влах» стало терять строгое этническое содержание [3].

Возможно, об этом свидетельствует ставшая хрестоматийной фраза из сочинения Анны Комниной. Во время всплеска активности «скифов» император Алексей Комнин поручил одному из наместников во Фракии собирать войска из населения – в том числе *«...и из тех, которые вели кочевую жизнь (в просторечии обыкновенно называют их Валахами)...»* (перевод В.Н. Карпова – Анна Комнина 1859: 374). В переводе Я.Н. Любарского этот фрагмент звучит так: *«...новобранцев из числа болгар и кочевников (их в просторечии называют влахами)»* (Анна Комнина 1996: 232).

Как считает М. Дьони, Анна Комнина допустила в этой фразе небрежность: она хотела сказать, что влахи кочевой народ, а не то, что любые кочевники – влахи. Он обосновывает данное положение тем, что далее, обращаясь к официальным актам, она использует этот термин в его точном этническом значении (см. Литаврин 1972; Комнина Анна 1996: 507). Но ведь в официальных документах правительственной канцелярии этнонимы всегда употреблялись реальные, соответствующие действительности; архаизации, подобной в нарративных источниках, в них не допускалось (Бибиков 1984: 31). В «нарративной» же части своего труда Анна и допустила «знак равенства» между терминами «кочевники» и «влахи». Перечитывая свой труд, Анна не исправила допущенную небрежность. А это говорит о том, что «нарушение нормы» было в рамках допустимого. Видимо, это было только начало тенденции, которая особенно проявит себя уже в XIV в.

Возможно, на наш взгляд, и другое толкование знаменитой фразы византийской принцессы, если полагать более точным ее перевод Я.Н. Любарским. Г.Г. Литаврин в специальном исследовании об использовании этнонимов в византийской литературе отмечает, что термин «кочевники» выступает синонимом собирательному этнониму «скифы» в более узком значении. Последним термином обозначались кочевые и некочевые народы, происходящие (или, по крайней мере, появившиеся пред глазами византийцев) из Восточной Европы – гунны, хазары, болгары, венгры, авары, русские, печенеги, узы, половцы, монголы. Например, византийские авторы не называли скифами сербов и арабов. Г.Г. Литаврин считает даже возможным допустить наряду с другими аспектами и этническое содержание понятия «скифы», и даже весьма спорное указание на тюркоязычность (в списке народов не только тюрки, но и финно-угры, и славяне) (Литаврин 1976: 211-212). И если считать, что Анна Комнина использовала слово «кочевники» как собирательный этноним, а не указание на профессиональный

[3] Ср. с мнением В.В. Иванова и В.Н. Топорова, которые полагают, что слово волохи/валахи изначально нарицательное, указывает на пастушеский, скотоводческо-кочевой тип хозяйства населения, а уж затем на этнос. Последний получает это имя именно вследствие соответствующего типа хозяйства и образа жизни (Иванов, Топоров 1979: 74).

онально-хозяйственную общность, занимавшуюся кочевым скотоводством, то налицо еще один аргумент в пользу «восточной» гипотезы.

Итак, среди большинства исследователей распространено мнение, что понятию «влах» в византийских источниках до конца XII в. был присущ строго этнический аспект (ср. с упоминавшимся мнением В.В. Иванова и В.Н. Топорова – Иванов, Топоров 1979: 74-75). Как полагает Г.Г. Литаврин, в его содержание не входило и представление об определенной территории как особом государственном объединении, этническое наименование большинства подданных которого могло быть перенесено и на иноэтничные группы в его пределах (Литаврин 1972: 96).

Давно отмечена так называемая «экспансия» имени «влахи» в византийских источниках конца XII – начала XIII в. Видимо, это связано с учреждением в конце XII в. провинции «Влахия» или «Великая Влахия», так стала именоваться Фессалия, где влашское население было очень значительным, а главное, возросшей ролью влахов в политической жизни государства, в том числе активное участие в двух восстаниях – 1066 года и в 80-х гг. XII в. Последнее, как известно, привело к созданию Второго Болгарского царства, возглавляемого влахами-Асенидами. После образования этого государства византийские авторы употребляют термин «влахи» то для определения отличного от болгар народа, то для указания на все население Второго Болгарского царства (Литаврин 1972: 97, 104, 135). Можно, однако, предположить, что термин «влахи» еще до окончательной победы восстания Асеня стал употребляться в византийских нарративных сочинениях для общего названия жителей этой области.

Мне представляется неслучайным совпадение во времени появления этнонима «влах» в византийских источниках и процесса потери этим этнонимом в византийской этнонимии собственного этнического содержания. Когда название «влах» стало соответствовать нормам «этикетки» (стало обозначать определенную совокупность культурно-хозяйственных характеристик) или удовлетворять собирательному территориальному принципу, оно и «всплыло» в византийской этнонимии.

Таким образом, рассмотрение и второго направления в объяснении позднего появления этнонима «влахи» в византийской литературе показывает возможность допущения того, что молчание византийских источников о влахах до XI в. не означает, что они не были известны авторам и не «проходили» в сочинениях под другими более архаичными именами-«этикетками». Например, Ф. Успенский полагает, что под «даками» Анны Комнин, рассказывающей о нападении венгров на Византию в 1087 г., союзниками которых они были, следует понимать именно влахов (Анна Комнина 1996: 203; Успенский 1879: 97-99).

Отвлекаясь от двух предложенных вариантов решения вопроса, стоит предположить, что само по себе относительно позднее начало употребление этнонима «влахи» в византийской этнонимии свидетельствует об относительно «недавнем» появлении этого народа в Карпато-Балканском пространстве. Вполне сопоставимая ситуация с употреблением этнонимов славян, болгар и венгров. Если соотнести время появления в Карпато-Балканском регионе славян, болгар, венгров, печенегов, половцев и т.д. и время и характер использования их этнонимов в византийской литературе, то «место» влахов среди расставленных по времени прибытия народов будет: после славян или одновременно с ними; одновременно или позже болгар; раньше венгров и других кочевников. Сознавая очевидную искусственность приведенного сопоставления, все-таки сложно объяснить с точки зрения автохтонного происхождения влахов (фрако-романского или кельто-романского) тот факт, что само имя влахов стало употребляться в византийской литературе так поздно.

Говоря об употреблении имени «влах» в византийских источниках, необходимо обратить внимание и на другой момент. Кроме присвоения живым реальным этносам архаизированных этнонимов, М.В. Бибиков отмечает и другую особенность византийских наименований народов: «риторическому стилю повествования присуща замена этнонимов описательными выражениями», которые так же, как и архаизированные этнонимы, несут определенный комплекс различных характеристик. Например, «северный» может обозначать русских, «миксоварвары» – нижнедунайское население, употребителен общий термин «кавказцы» и т.п. По наблюдениям М.В. Бибикова, описательное выражение «западные племена» объединяет тюркских кочевников, болгар и влахов (Бибиков 1984: 32).

Состав группы говорит сам за себя. Можно предположить, что влахов объединяет с участниками их группы не только (или не столько) подвижный образ жизни (например, болгары быстро перешли к оседлости), но и возможная родственность или «место прародины». Объединение влахов с «турками» в одну группу – явление не редкое, как мы увидим далее, в византийских документах. Даже включение влахов в группу, общность, называемую термином, образованным от географических понятий, согласно исследованию таких терминов Г.Г. Литавриным, может свидетельствовать о многом. Он пишет, что «географические» термины или чрезвычайно конкретны, указывая в пределах небольшой территории на точное место поселения народа (например, «вардариоты» или «вардарские турки» – венгерская колония на р. Вардаре), или, наоборот, «крайне неопреде-

ленны и свидетельствуют почти о полной неосведомленности византийцев о населявших данные места народов» (Литаврин 1976: 215-216). В такой ситуации естественно возникает вопрос: если волохи – автохтонный народ в Карпато-Балканском пространстве, потомки романизованных фракийцев, то, стало быть, они, как коренные жители, должны были быть прекрасно известны византийским авторам и не включаться ими в общность с описательным названием, свидетельствующим о неопределенности их знаний.

Стоит задуматься и над другим вопросом: если влахи – коренные жители Карпато-Балканского региона, потомки местного фракийского населения, то почему их имя в нарративных сочинениях вообще заменялось именем-«этикеткой», почему оно архаизировалось? Архаизация этнонимов, как отмечалось выше, связана с аттикизирующей тенденцией в византийской литературе и особенно проявилась в последние столетия византийской истории – в прямом противоречии с углублением конкретных знаний византийцев о других народах. Сами византийцы объясняли свою приверженность этой моде нежеланием *«осквернять»* свои повествования *«варварскими именами и названиями»* (Анна Комнина, Феофилакт Ифест), то есть причиной архаизации, как отметил Г.Г. Литаврин, было сознательное стремление унизить, оскорбить враждебный империи народ (Литаврин 1976: 216-217). Тогда закономерен вывод: если влахи – коренные жители Карпато-Балканского региона, потомки местного фракийского населения, истинные ромеи, а не варвары, то архаизации своего имени вряд ли бы «удостоились», следовательно, влахи для византийцев – «варвары», мигранты, пришлое население. И отношение византийских писателей к влахам, о котором мы будем говорить в следующем разделе работы, посвященном образу влахов в системе этнических представлений карпато-балканского населения, служит тому подтверждением.

I.8. Черные бесы Византийской империи

Тема – образ влахов в системе этнических стереотипов населения Карпато-Балканского региона – невообразимо сложна и вряд ли реально решаема на основании тех данных, которыми исследователи в настоящее время располагают. Однако даже те немногие факты, которые есть в нашем распоряжении, не только требуют осмысления, но могут интерпретироваться в духе определенной концепции происхождения влахов и их роли в регионе.

Какое место занимал образ «влаха» в системе этнических стереотипов региона? В нарративных сочинениях XI – XIII вв. мы очень часто встречаем отрицательную характеристику влахов как этнической группы. Г.Г. Литаврин, который считает, что «раздражительное» отношение высказывается византийскими авторами ко всем «варварам» – сербам, болгарам, венграм, франкам и т.д., вынужден признать: «именно относительно влахов эти ремарки особенно выразительны. Они заслуживают внимания историка при всей их тенденциозности, ибо на неприязнь греков к влахам намекает и абсолютно в данном случае беспристрастный еврейский путешественник Вениамин Тудельский» (Литаврин 1972: 121).

Сообщениями о «*влахах-предателях*», служащих проводниками у вторгающихся на земли империи кочевников, у мятежников или «*убийцах*» (Литаврин 1972: 95, 121-123; Анна Комнина 1996: 268, и др.) полны византийские сюжеты этого времени. Любопытно, что образ влахов – предателей-убийц мы встречаем и в европейских источниках. Например, памятник скандинавской рунической письменности середины или второй половины XI в., посвященный Хродфосу, которого «*обманом убили валахи (?) (blakumen) в далекой поездке*» (Мельникова 1977: 65-66). В следующей главе мы попытаемся обосновать мнение, что Хродфос встретился с волохами в другом регионе, на территории Руси, но сам отрицательный этнический стереотип волохов для скандинавов мог сложиться и при других обстоятельствах. Поскольку скандинавы совершали многочисленные длительные поездки в Византию с различными целями, в том числе и для найма на военную службу, этот этнический стереотип мог сложиться в скандинавском обществе непосредственно благодаря людям, достаточно долго находившимся в Византии.

С подлинным «манифестом» неприязни к влахам выступает Кекавмен. В своих «Советах» он посвятил этому народу специальный параграф «О характере, происхождении и повадках влахов», в котором дал очень отрицательную характеристику влахам, обвиняя их в природном коварстве и неверности (Кекавмен 1972: 268-271). Г.Г. Литаврин безусловно прав, полагая, что крайняя предвзятость, тенденциозность и лицемерность заявлений Кекавмена очевидна. Отношение Кекавмена исследователь объясняет тем, что полководец лично сталкивался с влахами неоднократно. А в целом неприязнь византийского общества он, вслед за М. Дьони, объясняет «реальными причинами – особенностями их хозяйственного быта, сопряженного с необходимостью перегонять стада на большие расстояния, зачастую – по густо заселенным земледельческим районам. Во время этих перегонов конфликты с местным населением были неизбежны» (Литаврин 1972: 122-123).

Думается, что подобные конфликты дей-

ствительно могли иметь место, особенно в период, когда влахов стали вытеснять из долин, но они не могли сформировать тот устойчивый отрицательный этнический стереотип влахов, который мы наблюдаем и у писателей, и у простого населения. Они могли его только поддерживать. Из истории других регионов прекрасно известно, что в «мирные» периоды земледельцы и скотоводы занимают разные «ниши» в эколандшафтных системах жизнеобеспечения, сосуществуя и взаимодополняя друг друга. Данные о том, что влахи и земледельческое население «экономически дополняли друг друга», поставляя продукты своего производства, известны (Византийская книга Эпарха 1962: 201, 216-217). Сведения же о конфликтах между земледельцами и влахами в источниках отсутствуют. Наоборот, они друг друга поддерживают во время волнений и восстаний (Кекавмен 1972: 256; Успенский 1879: 101).

Даже печенеги, потомки двух орд Кегена и Тираха, поселенных во второй половине XI в. императором на правобережье Дуная, так и не перешедшие к оседлости, грабившие византийские балканские провинции и приносящие другие «неприятности» византийцам (Васильевский 1872: 116-165; 243-332) не заслужили в литературе характеристик, подобных тем, что «имеют» влахи. Они были просто врагами, отношение к ним очевидно и выражалось в простой, обычной для византийских сочинений форме.

В византийских сочинениях существовал четкий и очень устойчивый стереотип изображения «варваров». «Варвары» не знают ни законов, ни государственности, они вероломны, коварны, лживы, жадны, невежественны. Единственный способ держать их в повиновении – сила оружия. Но ведь к «варварам» относили фактически всех «не ромеев», то есть невизантийцев (Продолжатель Феофана 1992: 268-269). Понятие «византиец», «ромей» было полиэтничным, имперским, до XII в. не включало никакого этнического содержания (Литаврин 1974: 155; 1976: 202-203). Византия была империей с ярко выраженным космополитизмом. Представители каких только этносов не занимали византийский престол, не говоря уже о более низких ступенях византийского общества. «Смешанное происхождение не считалось недостатком, а наоборот, достоинством и причиной энергии и ума. Византийцам была чужда этническая антипатия, – считают М.Я. Сюзюмов и С.А.Иванов, – свое превосходство над “варварами” они усматривали только в культурно-государственной сфере» (Лев Диакон 1988: 28, 178).

Тогда объясняются нелицеприятные характеристики, встречающиеся в византийских сочинениях по отношению к франкам, венграм, сербам, болгарам (к двум последним – в периоды их независимости от Империи), но не объясняется гораздо более отрицательное отношение к влахам в литературе и у населения (Вениамин Тудельский). Ведь влахи были «своими», вернее, должны были быть своими, ромеями, то есть, как все византийцы, – римлянами, наследниками Рима (Литаврин 1976: 202-203). В период Кекавмена из среды влахов выделяются не только богатые горожане, но и крупные военачальники, чиновники, иерархи церкви (Литаврин 1972: 118). Включенность влахов в жизнь страны очевидна. Но, тем не менее, мы должны признать, что в обществе «византинизма» – этого «интернационально-космополитического эллинизма» (выражение А.П. Рудакова, цит. по: Литаврин 1974: 155), – лишенном резкой этнической антипатии, по отношению именно к влахам сформировался устойчивый этнический стереотип. Попробуем разобраться в причинах этого явления.

Как мы знаем, нет народов хороших и плохих, добрых и злых, а есть устойчивые этнические характеристики, «собственно этнические признаки», по выражению В.Ф. Генинга, наиболее четко отличающие один этнос от другого и которые на уровне отражения их в этническом самосознании воспринимаются этносом как этноразличительные и этнозначимые (Генинг 1970; Крюков 1976; 1986). При соседстве этносов и формировании соответствующих этнических стереотипов по отношению друг к другу эти этнозначимые и этноразличительные признаки воспринимаются как глубоко чуждые, помогающие обоснованию противопоставления «мы» – «они», они фиксируются и надолго закрепляются, создавая подчас «нелицеприятный» психологический портрет этноса – соседа (Поршнев 1966: 95). При формировании этнических стереотипов «соседями» в первую очередь обращается внимание на такие компоненты этнического самосознания, как имя, происхождение, язык (если он иной), затем особенности культуры, образа жизни и социально-бытовых характеристик.

Влахов от большинства ромеев, конечно же, отличал кочевой образ жизни и особенности культуры. Но мы уже отмечали «включеность» влахов в жизнь государства. Имперский народ ромеев формировался за счет непрерывного притока новых народов-мигрантов как в западные, балканские, так и в восточные провинции. Трудно представить, как влахи, если бы они действительно были потомками романизированных фракийцев или кельтов, то есть теми самыми, что ни на есть истинными, ромеями задолго до появления славян и болгар, сумели не только создать, но и сохранять на протяжении столь долгого времени устойчивый этнический стереотип в стране, которая «переварила» столько народов-мигрантов. Однако «восточная» гипотеза происхождения влахов в Карпато-Балканском пространстве этот факт в состоянии непротиворечиво объяснить. В ос-

нове устойчивого этнического стереотипа влахов могли присутствовать как ярко выраженное отличие внешнего облика, так и отличия в образе жизни, обычаях, обрядах, бытовой культуре. Но думается, что большое значение могла иметь особая роль влахов (реальная или приписываемая им) в духовной сфере.

Попробуем разобраться в этих элементах.

Источники не предоставляют в наше распоряжение никаких прямых данных о внешнем облике влахов. Однако, возможно, мы сможем его частично реконструировать по косвенным сведениям. К заслуге Г.Г. Литаврина надо, безусловно, отнести подмеченную им связь между «*мавровлахами*» и «*пигматицами*» западных хронистов. Западные хронисты, сообщая о продвижении крестоносцев на Балканах во время первого крестового похода, упоминают о неких «*пигматицах*» (темнокожих) в византийских областях. Г.Г. Литаврин видит в «пигматицах» влахов и соотносит их с мавровлахами Летописи попа Дуклянина (Наумов 1969: 105-108; Литаврин 1972: 132). В Летописи попа Дуклянина сказано, что обитатели области, лежавшей к югу от Савы (Е.П. Наумов оспаривает мнение Г.Г. Литаврина о том, что речь идет о территории к югу от Савы, считает таковой территорию Болгарского государства – Наумов 1981: 197) некогда «*назывались римлянами, потом же мавровлахами, т.е. "черными латинянами"*» (Литаврин 1972: 132). Г.Г. Литаврин приводит и следующий любопытный факт: топонимы и личные имена (причем подлинно влахов) с корнем «мавр» (черный) особенно широко распространены в средневековых памятниках, относящихся к территории Македонии, Фессалии и Южного Эпира (1972: 132).

Предложенный сюжет может иметь два объяснения.

Первое. Раз есть влахи «черные», то, согласно нормам средневековой этнонимии, в другом месте должны были находиться и влахи «белые». При этом Влахия Белая или Великая должна была существовать раньше, и именно из нее должны были происходить влахи «черные». То есть, модель, сходная с Великой Хорватией, Великой Сербией, Великой Болгарией, Великой Венгрией и т.д. Однако у нас нет сведений о Великой и «первоначальной» Влахии (Великая Влахия – Фессалия конца XII вв. в византийских документах, естественно, не в счет), за исключением сообщения Роджера Бэкона. Но весь контекст сообщения последнего не позволяет располагать «Великую Влахию» на Балканах. Поскольку мавровлахи указаны и в Среднем Подунавье, нам трудно вообще в этой части Европы отыскать место для «Великой Влахии» [4].

В этой связи интерес представляют уже упоминавшиеся нами названия «Черная», встречающиеся в некоторых документах эпохи ранней истории Молдавии, например, «Кара-Ифлака» (kara aflak) и «Кара-Улак» в летописях Гази-Бараджа и Рашид-ад-дина. В связи с мавровлахами и пигматицами возникает ассоциация и с еще одними «черными» – савирами, поскольку, по крайней мере, один из вождей последних носил имя «Влах».

В плане поиска места «Великой Влахии» может иметь значение оппозиция мавровлахов, «черных латинян», и латинян «белых». Напомню, «латиняне» у византийцев – обобщающий термин, указывающий прежде всего на конфессиональную принадлежность. Так ромеи называли жителей современной им Италии (и вообще жителей Западной Европы), придерживавшихся христианства западного толка (Литаврин 1976: 203, 215). Тогда это дает интересное направление связей влахов с восточно-альпийской областью (гипотеза М.Е. Ткачука – 1999), но не открывает перспективы в поиске места для «Великой Влахии» Роджера Бэкона. Если последняя находилась в восточно-альпийской области, то трудно объяснить, каким образом часть ее населения оказалась в первой половине XIII в. в Волго-Уральском регионе. Место «Великой Влахии», скорее всего, на востоке, где-нибудь поближе к «Великой Венгрии» и к «Великой Болгарии».

Второе объяснение. Были влахи – смуглолицые, темнокожие («пигматицы») и получили поэтому такое имя. Западные крестоносные хронисты называют их темнокожими. Если считать, что влахи – это потомки романизированных фракийцев или кельтов, трудно представить, чтобы они могли отличаться смуглым цветом кожи от также не очень светлых греков и болгар. Обилие топонимов и личных имен с корнем «мавр», на мой взгляд, не свидетельствует в пользу ни одного из предложенных объяснений. Термины «Великая» и «Черная» – книжные. Тот факт, что топонимы и личные имена с корнем «мавр» особенно широко распространены на юге Балкан, согласуется с фактом миграции влахов на юг Балкан из области Среднего Дуная. Возможно, жителей южных областей поразила смуглость пришельцев, и за ними закрепилось имя, чуть не этническое, «черные». Примеров, подобных этому, можно привести немало и из современной истории.

Таким образом, влахи могли быть смуглолицым народом, отличающимся от других народов Балканского полуострова более темным цветом кожи. Но если исходить из того, что за выражением «черные влахи» не стоит определенный физический облик, искать влахов «белых» и, соответственно, Великую Влахию, вероятнее всего, следует на востоке. Данное объяснение представляется мне гораздо более реалистичным и перспективным в плане

[4] В следующих главах работы мы попытаемся обосновать локализацию «Великой Влахии» Роджера Бэкона на территории Восточной Европы.

дальнейших исследований, в том числе и тех, которые касаются изучения следов волохов на востоке.

Отдавая предпочтение этому объяснению, надо все же признать, что на формирование устойчивого этнического стереотипа влахов могло повлиять резко выраженное отличие их внешнего облика от «других ромеев». О том, как одевались влахи, письменные источники не сообщают. Однако есть упоминание, чрезвычайно интересное с точки зрения предлагаемой гипотезы. Оно содержится в документе, составленном на основе переписки императора Алексея I Комнина и патриарха Николая, и сообщает, что жены влахов носили мужскую одежду (Литаврин 1972: 113). Как тут не вспомнить классическое описание монгольских женщин у Плано Карпини (1993)!

Видимо, в ранний период своего пребывания в регионе влахи сильно отличались по образу жизни, обычаям, обрядности и бытовой культуре. Современная этнографическая культура и фольклор современных румын и молдован свидетельствует об активном участии влахов в ассимиляционных процессах. Уже первые упоминания о влахах говорят, например, о сильных славянских влияниях (Литаврин 1972: 124-125). Нас интересуют те особенности, которые еще не несут налета «балканизма», которые достоверно были присущи влахам «изначально». Письменные источники скупы на такие данные. Но, тем не менее, мы знаем, что влахи были пастушеским кочевым народом. Что жены их были работниками на летних пастбищах (См. Литаврин 1972: 114-115). Даже Асень, как сообщает Робер де Клари, охранял императорские табуны лошадей и по требованию императора ежегодно являлся ко двору, а он был, как заметил Ф. Успенский, не «простым пастухом», а «пастырем народов (жупаном)» (Робер де Клари 1986; Успенский 1879: 105).

Но «номадизм» влахов имеет и свои особенности. В сведениях, сообщающих о воинской доблести влахов, об активном их участии в византийской армии, в народных восстаниях, в отрядах наемников в Сербии, Польше («тибияны» польских хроник) и Руси («блокумены» скандинавских саг), нет известий о конных влахах. Но (см. выше) влахи содержали и табуны лошадей. Известна древняя поговорка: «нет ничего прекраснее молодого турка на молдавском коне», есть вариант той же поговорки о молодом персе, но, удивительно, нет поговорок, прославляющих всадническую доблесть у волохов. Можно предположить, что верховая езда не была в большой мере развита у влахов в раннесредневековый период (впоследствии ценностный статус всадника в народном сознании вырос). Возможно, это связано с развитием у влахов культа сакральной власти, для которого, как считают некоторые исследователи, характерна «особая роль» коня (Эрлих 1997; об амбивалентном – солярном и хтоническом – характере коня см., например, Кардини 1987: 63-64; Попович 1985; Мачинский 1986).

И здесь можно перейти к той особой роли влахов (реальной или приписываемой им) в духовной сфере, которая и могла в наибольшей мере повлиять на создание устойчивого нелицеприятного стереотипа влахов в византийской литературе и в византийском обществе.

В своем исследовании С.Е. Эрлих, собрав и проанализировав сведения о влахах, пришел к убеждению о глубочайшей сакральности, присущей этому народу в период раннего средневековья. По его мнению, влахи, «незаметно» инкорпорируясь в различные этнические общности, сумели создать целый ряд предгосударственных и государственных образований в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. С.Е. Эрлих предполагает, что влахи, внедряясь в славянское общество в слой жречества, делают в нем главным культ бога, покровительствующего сакральным силам (Велесу), а не воинам (Эрлих 1997; 1999).

Давно отмечено чрезвычайное распространение в древнем влашском фольклоре темы дьяволизма и злых духов. Это привело некоторых исследователей к предположению о значительном влиянии на влахов богомильства (Литаврин 1972: 136). Возможно ли обратное воздействие религиозных представлений влахов на возрождение дуалистических религиозных представлений на Балканах в виде учений богомилов? К этому вопросу мы вернемся позже. Так может быть, убеждение в «колдовской сущности» народа привели к устойчивому недоброжелательному этническому стереотипу у его соседей? В данном контексте очень важен вопрос о принятии влахами христианства.

Источники не предоставляют данных, когда влахи приняли христианство. Ф. Успенский писал: «Не касаясь вопроса о времени принятия румынами христианства, заметим, что в начале XIII в. они представляются еще необращенными» (Успенский 1879: 101). Г.Г. Литаврин полагает, что начало христианизации влахов на Балканах следует относить ко времени христианизации прочих этнических групп (в частности, славян). Исследователь приводит свидетельство уже упоминавшейся Летописи попа Дуклянина о том, что «мавровлахи» были христианами уже во время вторжения в их земли болгарского царя Радомира, т.е. в 1014-1015 гг. Летописец представляет влахов-христиан этих мест и воинов болгарского царя исповедующими разную веру (Литаврин 1972: 133). Г.Г. Литаврин считает, что Дуклянин или его переводчик перенесли представления своего времени [5] о разногласиях между «католиками» и «православными» на начало XI в., поскольку

[5] Летопись доводит описание событий до середины XII в. (Наумов 1969: 105-108).

«провинция» «мавровлахов» в их эпоху входила в область распространения христианства по западному образцу, а места обитания болгар лежали в «православном» мире (Литаврин 1972: 133). Следует учитывать и мнение Е.П. Наумова о том, что речь в этом фрагменте летописи идет о территории Болгарского государства, а не о территории, лежавшей к югу от Савы (Наумов 1981: 197).

Думается, что летописец все же не ошибался, когда говорил о различиях в христианстве болгар и влахов. И это могли быть отличия другого рода, выходящие за рамки несовпадений западного и восточного христианства [6].

О том, какое христианство исповедовали влахи, могут говорить следующие факты. По сообщению Никиты Хониата, Асень построил в Тырнове церковь св. Димитрия для «*обоих народов*», т.е. для болгар и валахов, которые посещали ее вместе и одновременно (цит. по: Литаврин 1972: 135). На основании этого сообщения можно сделать два очень важных предположения. Во-первых, в конфессиональном отношении влахи не представляются автохтонным (потомками фракийцев, задолго до болгар принявшими христианство) населением. Складывается впечатление, что влахи приняли христианство не раньше болгар, что почти исключено, если придерживаться автохтонных гипотез их происхождения. Во-вторых, это дает основание судить о языке влахов вообще и принятом у них языке богослужения в частности.

Известно, что главную ассимиляционную роль в Византийской империи играло христианство. В местах проживания новоокрещенного населения службы в церквях велись только на греческом языке. В то же время в некоторых крупных областях, которые в прошлом имели политическую независимость и обладали своей собственной письменностью, например, в Сербии, Грузии, Армении богослужение велось на родном языке. Попытка изменить эту ситуацию в Болгарии закончилась крахом и там также после падения Первого царства богослужение велось не на греческом, а на родном языке (Литаврин 1976: 209). Нет сомнения, что в церкви, построенной Асенем для *«обоих народов»,* языком богослужения был славянский, а это ставит под сомнение романоязычность по крайней мере некоторых групп влахов на Балканском полуострове. И возвращаясь к более ранним сюжетам работы, можно поставить вопрос о языке влахов следующим образом: влахи, изначально пришлый народ в Альпийско-Карпато-Балканском пространстве и обладавший отличным от латыни языком, в разных районах в силу различных исторических условий в результате ассимиляционных процессов не только латинизировались, но и в некоторых случаях славянизировались.

Но вернемся к вопросу о христианстве влахов. В конце XI или первой половине XII в. (по М. Дьони – до 1087 г.) в Македонии возникла особая епископия для влахов. Г.Г. Литаврин задается вопросом, каков смысл создания особой епископии для влахов? Действительно, если исходить из того, что влахи – это потомки романизированных фракийцев или кельтов, то трудно представить, чтобы спустя столько времени после их христианизации потребовалось создавать для них особую епископию. Однако если вспомнить, как создавались отдельные епископии для кочевников в Карпато-Балканском пространстве, то сразу приходит мысль, что и влахам для отправления их религиозных христианских служб потребовались особые организационные условия. Попытку создать отдельную епископию для влахов на территории Венгерского королевства, по-видимому, намеревалась предпринять и римско-католическая церковь [7].

В этом контексте тогда становится понятным и сообщение Никиты Хониата о постройке церкви для обоих народов как событии выдающемся. Знаменательно, что эту церковь строит Асень, влах по происхождению, ставший основателем нового государства, реальную роль влахов в истории которого еще предстоит оценить.

Видимо, отступление христианства влахов от ортодоксального было достаточно заметным для современников. Кекавмен говорит о неверности влахов богу. Вениамин Тудельский отмечает, что влахи часто дают детям иудейские имена (Литаврин 1972: 136). Справедливо возникает вопрос: не связано ли «христианство влахов» с дуалистическими вероучениями, разновидности которых получали время от времени распространение в различных областях Византии? Возможно, не случайно совпало по времени создание в Македонии епископии для влахов и активизация манихеев в этом регионе – в частности, захват знаменитым Манихеем Травлом со своими приверженцами горной крепости Белятове. Манихей Травл вступил в союз с правителями непокорных придунайских городов и печенегами, кочевавшими поблизости от Дуная, стал совершать походы на города. Борьба с ним императора Алексея Комнина была очень упорной (Комнина Анна 1859: 265) [8].

[6] Е.П. Наумов и др. исследователи отвергают бытовавшее в литературе мнение об интерполированности либо значительно более позднем времени составления Летописи попа Дуклянина (Наумов 1981: 186).

[7] Существует мнение о том, что так называемая Милковская католическая епископия, созданная папской курией на юге Восточного Прикарпатья в период между 1234 и 1241 гг., предназначалась специально для волохов (Параска 1981: 20-22). Об этом см. 4 главу данной работы.

[8] Имя Манихея Травла не может не напоминать другого героя византийской истории – императора

На связь манихейства с кочевниками (в частности, половцами) византийских пределов обратил внимание В. Васильевский (Васильевский 1872: 149-151). Следует отметить, что после завоевания императором Василием II Болгаробойцей Первого Болгарского царства в сигиллии от 1020 г., выданном им Болгарской архиепископии, говорится, что влахи впредь должны быть также подчинены в церковном отношении и уплачивать каноникон архиепископу Болгарии, как это было еще при Петре (927-969 гг.) и Самуиле (976-1014 гг.). Интерес же представляет тот факт, что в сигиллии из этнических или конфессиональных групп особо (и рядом, вместе) отмечены только влахи и «турки» (Литаврин 1972: 133-134).

Общение (соседство) влахов и христиан, даже ревностных, не всегда оказывало на последних благотворное влияние. В 1105 г. влашская община (катун) в количестве 300 семей была изгнана с Афона вместе с их стадами. Об этом говорится в документах и переписке императора Алексея Комнина и патриарха. Из документов следует, что пребывание влахов экономически было очень выгодно монахам. *«Но вошел ведь дьявол в сердца влахов»*, – сокрушались монахи, а что *«сотворил дьявол»* через жен влахов, *«недозволено было пересказать на письме»*. «Растление» монахов влахами оказалось делом серьезным. *«Отправились же вместе с влахами и вся толпа монахов к князю тьмы, и печаль наполнила сердце наше…»*, – сокрушался один из адресатов (Литаврин 1972: 113).

Думается, что «вхождение дьявола в сердца влахов» было процессом не одноразовым, и сама эта фраза была своеобразным клише церковников по отношению к «не совсем ортодоксальным» христианам – влахам. Мы можем вполне реально задуматься, не приписывалась ли народу с отличающимся внешним видом и образом жизни колдовская (дьявольская) сущность. На эту мысль наводит и странное «совпадение» архаизированного имени «бессы», имени «Бессены» (=«бессермене»?), под которыми в источниках византийских и западных, возможно, скрывались влахи, и термина «бесы» как олицетворения злых духов, демонов.

Существует вероятность того, что этноним «влахи», пока не выступил в этнонимии византийских нарративных сочинений под собственным именем, скрывался под архаизированным именем фракийского племени бессов. Вспомним, Кекавмен говорит: *«Ведь влахи являются так называемыми даками и бессами»* (Кекавмен 1972: 269). Феофилакт Болгарский упоминает о некоем пострадавшем от чиновничьего произвола бессе – Михаиле Лампине (Литаврин 1972: 131-132). Свидетельством того, что влахи могли скрываться под этим именем, и причем, возможно, не только в книжной традиции, служит известие Феофана Исповедника в его «Хронографии»: византийский император, снарядив войско в 711/712 г. против непокорных херсонесцев, командование им поручил патрикию Мавру Бессу (Чичуров 1980: 64-65). Имя «Мавр» напоминает о мавровлахах.

О бессах (вессах) известно, что это ветвь фракийского племени сатров, жили они вдоль горного течения реки Гебр (совр. Марица) (Кекавмен 1972: 561; Чичуров 1980: 134). Выше приводившееся свидетельство Кекавмена, как известно, разделило всех сторонников фракороманского происхождения влахов на два лагеря: одни в предках всех валахов видят даков Траяновой Дакии на левобережье Дуная; другие таковыми считают бессов, живших в центральных областях Балкан. Впервые гипотеза происхождения влахов от бессов прозвучала у выдающегося чешского ученого В. Томашека (Успенский 1879: 89-93).

Вызывает интерес подмеченная В. Томашеком связь между подвижным образом жизни бессов и влахов. Он пишет: «Старые бессы был народ, занимавшийся горным делом; под именем metallarii, aurileguli, они оставляли часто, подобно нынешним цинцарам и седмиградским цыганам, свою родину и селились на чужих землях, чтобы разрабатывать металлические богатства» (цит. по: Успенский 1879: 92). В. Томашек не объясняет, каким образом металлурги-бессы превратились в скотоводов-влахов [9].

В науке уже стало широко принятым благодаря данным письменных, археологических и этнографических источников мнение о глубокой сакральности, присущей металлургии у многих народов в разные исторические эпохи вплоть до позднего средневековья. Колдовские чары, магия издавна приписывались металлургам, кузнецам как представителям «огненных профессий», как демиургам, творцам, созидателям нового и поэтому приближающимся к богам (Вельмезова 1999) (более подробно мы об этом поговорим во второй главе). Можно предположить, что имя народа «бессы» стало нарицательным из-за приписываемых его носителю свойств колдовства и магии. Общеславянское слово «бес» (праслав. besь) обозначает злых духов, демонов (Аверинцев 1991: 169-170; Белова 1995: 164; Фасмер 1996: 1, 160). Влахи могли получить «имя-этикетку» «бессов» в византийской книжной традиции в

Михаила II Травла (820-829), который и *«христианское учение извратил и иудейское замарал»*. Как известно, император Михаил был ревностным сторонником еретического вероучения афинган, совершающего обряды, *«приобщающие к спасительной божьей купели»* и обряды «*по Моисееву закону»* (Продолжатель Феофана 1992: 23, 273).

[9] Как не объясняет В. Томашек и противоречие своей теории распространения влахов из Балкан по направлению к Среднему Подунавью тому направлению миграции, на которое указывает Кекавмен.

силу кочевого образа жизни и присущей пастушеству сакральности. Последняя не могла не вызывать у иноэтничных соседей стереотипов колдовства, чар, магии даже после принятия влахами христианства. Традиция называть бессами влахов, возможно, характерна не только для Византии, но и для европейских авторов. Развитие и связь с этой традицией исследователи видят в употреблении этнонима «Бесены» (=«Бессермены»). В связи с этим важным представляется следующий сюжет.

В сообщениях западных хронистов о продвижениях крестоносцев на Балканах во время первого крестового похода часто упоминаются некие «*пинценаты*» или «*пинценарии*» – византийские воины на границах империи близ Савы и Западной Моравы. Эти воины *«населяют Болгарию, бродя во множестве в самой чащобе деревьев и кустов без управления и вдали от общества»*; они вместе с греками и болгарами обходят границы империи и нанимаются за деньги на службу к катепанам пограничных районов; вооруженные латами, деревянными и роговыми луками, они проворны в бою, перед нападением «пиценаты» прикрепляют к древкам штандарты; владеют они и искусством плавания на лодках. В 1096 г. они, как наемники, находились в войсках катепана Белграда и Ниша и участвовали в столкновениях с крестоносцами (Литаврин 1972: 130-131).

В историографии по поводу идентификации «пинценатов» сложились две точки зрения.

Первая: это «пачинаки» византийских источников, т.е. печенеги. Долгое время она господствовала в историографии. Совершенно справедливо Г.Г. Литаврин высказался в плане ее критики. Он считает, что мало согласуется с образом жизни и привычками печенегов характеристика их как жителей чащоб Болгарии (1972: 131-132). В плане критики печенежской идентификации можно добавить указание на «искусство плавания в лодках», в то время как печенеги переправлялись через реки при помощи кожаных мешков, как и прочие кочевники. Также нет ни малейшего намека на то, что «пинценаты» ездили верхом, хотя перечислены все их воинские достоинства.

Вторая: под «пинценатами» скрываются влахи. Она основана на том, что в венгерских хрониках «пинценати» называются «бессами»-«бессенами» (Извори 2001: 7, 35, 85, 91 и др.) (исследователями толкуется как искаженное «бессермене»), которые связываются, в свою очередь, с «бессами» архаизированной византийской традиции. Предполагают, что именно «бессов» катепанов Белграда и Ниша называл «бессенами» автор общевенгерского летописного свода Я. Туроци. В анонимном житии венгерского короля Стефана I (997-1038 гг.) сообщается об эмиграции около 1001 г., то есть тотчас после принятия Стефаном христианства, из болгарских земель, разоренных войнами с Византией, 60-ти «бессенов» («биссенов»), искавших убежища в Паннонии (Литаврин 1972: 131-132; Извори 2001: 7). На основании именно этого сообщения болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова, в отличие от других болгарских коллег (Извори 2001: 7 и др.), сделала вывод, что под «бессенами» и соответственно «пинценатами» скрываются влахи, а не печенеги. Так как во времена крещения Стефана печенеги в пределах Болгарии еще не известны, то под биссенами (венгерских хроник) – «пинценати» западных хронистов последней трети XI в. не могут соответственно скрываться печенеги (Литаврин 1972: 131-132).

Можно добавить. Было бы странно, учитывая затянувшуюся, так и не удавшуюся христианизацию печенегов, поселившихся на территории Византии в середине и второй половине XI в. (Васильевский 1872: 124-129), если бы даже небольшая часть из них мигрировала в Паннонию, как только там было принято христианство. В то же время для влахов-христиан, да еще «неортодоксального» (западно-римского?) толка, это могло быть вполне объяснимым.

Я не случайно уделил столько внимания этому сюжету, поскольку он представляется важным с точки зрения аргументации предлагаемой миграционной гипотезы происхождения влахов.

Во-первых, вряд ли можно признать случайным тот факт, что западные крестоносные хронисты перепутали влахов с печенегами, приняли первых за вторых. Данная ошибка не представляется чем-то невероятным. «Можно привести немало примеров, – пишет по этому поводу Г.Г. Литаврин, – когда иноземные хронисты не всегда умели различить представителей разных, но сходных по образу жизни этнических групп» (1972: 131). Возможно, что в данном случае ошибка была допущена не только из-за сходства образа жизни и внешнего вида («пигматицы» – «темнокожие» крестоносных хронистов), но и реальной или кажущейся общности происхождения. Любопытно, что более поздние крестоносные хронисты уже не путают влахов с печенегами, но также отмечают их «меньшую цивилизованность» по сравнению с другими народами европейской части Византии. В известной «Истории похода императора Фридриха», или так называемой хронике Ансберта, описывающей путь по Балканам крестоносцев Фридриха Барбароссы, в эпизоде, посвященном переходу немецкого войска в июле 1189 г. по северной Сербии, хронист указывает, что «божьих воинов» на этом пути подстерегали в засадах *«греки, болгары, сербы и влахи полуварвары»*, нападавшие по приказу византийских властей (Наумов 1981: 197-198).

Во-вторых. Возможная связь и возможная преемственность в этнонимах бессы – бессены (=бессермены?). Слово «бес» (бесс) при-

сутствует во всех славянских языках. Значит, оно появилось у славян еще в период существования территориально и в языковом отношении единой (пра)славянской общности. Лингвисты считают исконно родственным ему литовское baisus, «страшный» и, в конечном итоге, полагают, что оно восходит к индоевропейскому bhoidho-s, «вызывающий страх, ужас» (Аверинцев 1991: 169). Этому термину посвящена огромная литература. Образ беса со временем менялся, развивался (Аверинцев 1991: 169-170; Белова 1995: 164-166).

В народной демонологии представления о бесе развивались под влиянием книжной (церковной) традиции, сближались с поверьями о черте, дьяволе. Первоначально на Руси его образ присутствовал как книжный персонаж в летописи и житийной литературе и определялся как языческий бог, идол. Пребывание в язычестве рассматривалось как состояние под властью беса, а принятие христианства – как освобождение от нее. Важным представляется наиболее раннее отождествление с бесом именно языческого бога Велеса («Житие Авраамия Ростовского» – Повесть 1860), поскольку именно Велес и его культ, как мы увидим в ходе нашего исследования во второй главе, связаны с волхвами/волохами, что с точки зрения лингвистики (общее происхождение слов Велес, волохи/валахи/влахи/ волхвы от исходной индоевропейской мифологемы) аргументируется весьма обосновано (Иванов, Топоров 1979; и др. работы этих авторов). Это дает основание усилить предположительный вариант объяснения, почему влахов византийцы могли называть бесами (по созвучию с бессами-фракийцами). С принятием христианства влахи, видимо, не сразу изжили языческие реликты, это, вероятно, сказалось и в близости влахов манихеям и богомилам, и в сохранении у иноэтничных соседей стереотипа влахов как «колдовского» народа. Это и отразилось в книжной византийской традиции, называвшей влахов бессами, а возможно, и не только книжной, учитывая распространенность этого термина во всех славянских языках, что указывает на давность употребления этого термина. Связь между бессами как этнонимом и термином «бес» как олицетворением колдовских демонических сил является только предположением, возможное обоснование которого выше приводилось.

Связь между бессами византийских источников и бессами-бессенами венгерских, безусловно, не представляется (да и вряд ли вообще такое возможно) доказанной. Однако в ее пользу приведены исследователями аргументы, она логична. Гораздо проблематичней видится связь между терминами «Бессены» и «Бессермены». Достаточно осторожный исследователь Г.Г. Литаврин по этому поводу сказал только следующее: «ныне это (термин бессены – Р.Р.) толкуется как искаженное “бессермене”» (Литаврин 1972: 131).

Можно понять осторожность уважаемого ученого. Об этногенезе и этнониме бесермян, «загадочной народности», этнической группы, проживающей в настоящее время в Удмуртии на реке Чепце, пришедшей в этот район с юга и отличающейся по этническому происхождению от удмуртов и татар, образовалось такое обилие мнений, такая огромная историография, что без дополнительной специальной проработки вопроса согласиться с выше прозвучавшим суждением о связи бессены – бесермены, в какой-то мере, рискованно. Бесермены отличаются от удмуртов и в культурно-этнографическом плане, и в антропологическом, испытав в свое время сильное влияние индоевропейских племен южных степных районов (Атаманов 1987: 96; Лебедев, Атаманов 1987: 114-115, 149; Фаттахов 1982: 75; Марк 1987: 39-40, 47). В Венгрии и сейчас проживает особая этническая группа под названием böszörmény (Тепляшина 1970: 177).

В настоящее время можно считать полностью доказанной неправомерность существовавшего долгое время в историографии мнения об отождествлении самостоятельно и ранее появившегося этнонима «бесермены» с русским словом «басурман», обозначавшим мусульманина, нехристя (Тепляшина 1970). В качестве этнонима, соответствующего определенному народу, выступают «бесермены» в сочинении Плано Карпини (Путешествия 1957: 57). В ранних памятниках русской литературы, в том числе и летописях, слово «бесермены»/ «бессермены», как правило, служит для обозначения определенной народности и отличается по смыслу от слова «басурман», хотя со временем налицо тенденция их сближения (Тепляшина 1970). В своде булгарских летописей, составленном в 1680 г., в том числе вошедшей в него летописи XIII в. Гази-Барадж, по мнению их переводчика и комментатора, слово «бесермены» употребляется в трех значениях: 1) одно из названий булгар, всегда остававшихся в Волго-Уральском регионе; 2) массагетско-туркменское прозвище булгар, воспринятое затем русскими, кыпчаками и монголами; 3) так как булгары были мусульманами, то название «бесермен» получило еще одно значение – «мусульманин» (Бахши Иман 1993: 354). И в «Казанском летописце» слово «бесермяне» также, по-видимому, выступает в двух значениях: строго этническом (название поволжской народности) и в конфессиональном (мусульмане) (Казанская история 1954: 83, 129).

В следующей главе мы специально обратим внимание на вопрос о перемещении волохов уже непосредственно на территории Восточной Европы, но уже сейчас можно осторожно высказать гипотетическое предположение о том, что если историческая связь бессы/влахи – бессены – бессермены реальна, то существует вероятность, что в лице бессерменов

можно видеть потомков восточных волохов, о которых писал Рубрук. В случае реальности связи бессы – бессены – бессермены ее наличие может выступать еще одним аргументом в защиту гипотезы о миграционном, восточном происхождении влахов в Карпато-Балканском пространстве. Случайно или нет этническая группа под «родственным» именем живет в Урало-Поволжье, возможно, покажет дальнейшее исследование вопроса в следующей главе.

* * *

Подведем итоги. Суть предлагаемой гипотезы состоит в том, что волохи, известный в Карпато-Балканском регионе в период средневековья народ, не является изначально автохтонным на этой территории (как предполагают теории фрако-романского происхождения). Влахи здесь – народ пришлый, и в этом смысле он присоединяется к другим народам-мигрантам, оказавшимся в раннесредневековый период в Карпато-Балканском пространстве – славянам, болгарам, венграм.

– Прямым доказательством о переселении части волохов из Восточной Европы в Карпато-Балканское пространство можно считать сообщения Гильома Рубрука и Роджера Бэкона. На основании их сведений можно сделать следующие выводы:

а) волохи Балканского п-ова и волохи, жившие на востоке, «близ земли Паскатир», т.е. места, относительно близкого к Уралу, имеют общее происхождение;

б) народ под именем «волохи» уже существовал в период гуннов в Европе и упоминается наряду с болгарами и германскими народами.

– Сведения булгарских летописей о существовании народа или народов с этнонимом «Улак», то есть «волохи», как в Карпато-Дунайском регионе, так и на территории Северо-Восточной Руси. Характер географической номенклатуры булгарских летописей, свидетельствующий о том, что карпато-дунайские волохи представлялись их авторам более западными по отношению к неким другим волохам, более восточным.

– Сообщение Иоанна Малалы, Феофана Исповедника о том, что вождя савир звали Валах (Блах/Влах). Распространение «влашских» имен в среде савир может говорить о том, что последние родственны им в этническом плане.

– Сообщения хроники Кезаи (или магистра Акоша) о руническом письме волохов и Никиты Хониата об особом «влашском» языке. Данные сообщения не дают оснований судить, к какой группе языков относился первоначальный язык волохов. Однако они указывают на его «необычность» в Карпато-Балканском регионе и происхождение, связанное с алано-болгаро-мадьярско-хазарской этнической и культурной средой на востоке Восточной Европы.

– Сведения письменных источников об экономике и образе жизни волохов не позволяют считать их «изначально» автохтонным народом в Карпато-Балканском регионе.

– Относительно позднее начало употребления этнонима «волохи» в византийской литературе и сопоставление данной ситуации с наблюдениями над употреблением этнонимов славян, болгар и венгров свидетельствует об относительно «недавнем» для византийцев появлении самого этого народа в Карпато-Балканском пространстве. Сложно объяснить при условиях автохтонного происхождения волохов тот факт, что само имя волохов стало употребляться в византийской этнонимии так поздно.

– В устойчивых «описательных выражениях», собирательных архаических этнонимах-«этикетках», которыми часто заменяются реальные имена народов в византийской этнонимии и которые обязательно несут определенный комплекс различных характеристик (этнических, политико-географических, культурных), волохи входят в группы, объединяющие мигрантов с Востока Европы, кочевников. Можно предположить, что раннесредневековых волохов в глазах современников объединяет с участниками их группы возможная культурная родственность, общность этнического происхождения или место прародины.

– Судя по известиям западных авторов, волохи отличались от других народов Балканского полуострова своим внешним видом. Западные хронисты, столкнувшись с волохами, перепутали их с печенегами. Возможно, что в данном случае ошибка была допущена не только из-за сходства образа жизни и внешнего вида, но также и из-за реальной или кажущейся общности происхождения.

– Нельзя исключить, что происхождение названия «мавровлахи» может быть связано с внешним видом волохов. Но если за этим выражением не стоит определенный физический облик и выражение «черные» является устойчивой этногеографической формулой, что представляется гораздо более вероятным, то искать влахов «белых» и соответственно первоначальную Великую Влахию предпочтительнее на востоке.

– Сведения письменных источников, имеющие отношение к христианству волохов, говорят о том, что в конфессиональном отношении это была выделяющаяся среди остального населения группа, тяготеющая к дуалистическому религиозному мировоззрению, возможно, по своему статусу приближающаяся к положению кочевников-христиан в Карпато-Балканском пространстве.

– Если предполагающаяся некоторыми исследователями связь между наименованиями «влахи», «бессы», «бессены» и «бессермены» реально существовала, то это может быть еще одним аргументом в пользу восточного миграционного происхождения волохов в Карпато-Балканском пространстве.

II. Волохи на востоке в свете «восточной» гипотезы

«...Поживу я, воля Божья, у румын.
Говорят, они с Поволжья, как и мы».

Владимир Высоцкий

«Знала ли что? Или в Бога ты верила
Что нам услышать из песней твоих
Чудь начудила, да Меря намерила...»

Александр Блок. «Родина»

II.1. Где могли жить волохи на востоке: предварительные наметки

II.1.1. По дороге католических миссионеров

Логичнее всего для выяснения этого вопроса прежде всего обратиться к нашему «первоисточнику», «возмутителю спокойствия» Гильому Рубруку, к главе его сочинения «О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране». По интересующему нас вопросу он сообщает, что волохи, от которых «*произошли те, кто живет в земле Ассана*», живут вблизи земли Паскатир (Рубрук 1993: 107-108). Сам Рубрук в земле Паскатир не был. Он сообщает, что достиг реки Ягак (совр. Урал), которая течет с севера из земли Паскатир. Паскатир соприкасается с запада с Волжской Булгарией. При этом миссионер признает, что та значительная и интересная информация о земле Паскатир, которую он сообщает, получена от *«братьев-проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами»* (Рубрук 1993: 107-108).

Исходя из контекста описания всего путешествия Рубрука (рис. 1), можно с определенной долей уверенности считать, что искомые волохи во время его поездки вряд ли находились вблизи южных пределов земли Паскатир. Наиболее вероятным можно полагать северное и северо-западное направления, то есть территории современных Удмуртии, севера Башкирии и Пермской области Российской Федерации. Но попытаемся обратиться за информацией к «братьям-проповедникам».

В примечании к сочинению Рубрука комментаторы пишут: «Об этих первых проповедниках, принадлежавших к доминиканскому ордену, имеется только одно упоминание в “Хронике” Albert Trium Fontium под 1237 г.: *“Распространились слухи, что татары намереваются захватить Команию и Венгрию, поэтому четыре проповедника путешествовали в течение ста дней и дошли до Старой Венгрии и, вернувшись, они утверждали, что татары уже вторглись в Старую Венгрию и подчинили ее своему господству*”. Судя по словам Рубрука, были и другие попытки доминиканцев проникнуть на восток Европы» (Путешествия 1957: 231).

О том, что есть только одно упоминание о миссионерах, достигших «Старой Венгрии», говорить, конечно, не приходится. С.А.Аннинский справедливо отметил, что о нашествии монголов на половцев и затем на Русь на Западе узнали очень быстро. И именно стремление узнать побольше о новом азиатском «биче божьем» вызвало в 30-50-е годы XIII в. специальные путешествия на восточную окраину Европы, а затем и в монгольские степи. Из дошедших до нас описаний подобных путешествий наиболее полные оставили Плано Карпини и Гильом Рубрук (1245-1247 и 1253-1255 гг.). «Но первыми были не они», – замечает исследователь (Аннинский 1940: 71).

Предположительно в 1231-1232 гг. венгерские доминиканцы, зная из хроник, что где-то на востоке есть их единоплеменники – венгры-язычники, отправили на их поиски четырех миссионеров. Трое из них погибли в трехлетних странствиях, но четвертый монах по имени Отто вернулся, правда, безнадежно больным. Через несколько дней он умер, рассказав перед смертью о пути в «Великую Венгрию». Он побывал, по-видимому, в степях Нижнего Поволжья, но самой «Великой Венгрии» ему достичь не удалось (Аннинский 1940: 72).

Через несколько лет, а именно в 1235 г., по следам Отто на поиски «Великой Венгрии» отправляется новая венгерская миссия из четырех человек, включающая доминиканца Юлиана. Несмотря на все препятствия, Юлиану удалось добраться до «восточных соплеменников» – «Великой Венгрии». В 1236 г. он вернулся домой, а в 1237-1238 гг. Юлиан совершил второе путешествие на восток. Об этих путешествиях рассказывают две записи: 1) запись рассказа Юлиана о первом путешествии, сделанная позднее в Риме другим доминиканцем Рихардом; 2) письмо Юлиана о втором путешествии, предназначавшееся

174).

епископу Перуджи (Аннинский 1940; Антонов, Иванов 1999; Извори 2001: 63-66). О личной встрече с Юлианом упоминает и автор булгарской летописи XIII в. Гази-Барадж (Бахши Иман 1993: 173-174).

К сожалению, в описаниях путешествий Юлиана нет упоминаний о влахах [1]. Но с точки зрения локализации волохов Рубрука нам важно, как проходил маршрут венгерского доминиканца. Маршрут первого путешествия: Венгрия – Константинополь, затем морским путем до Матрики (Тамань), затем по равнине Кубани в Аланию, из Алании – в страну Вела (заволжские степи, предположительно между реками Уралом и Эмбой), оттуда миссионеры отправились в Волжскую Болгарию и уже с территории последней добрались до реки Белой и «Великой Венгрии» – земли Паскатир Карпини и Рубрука. Возвращался Юлиан домой через Волжскую Булгарию, «царство мордванов», то есть, территорию Мордвы, далее Русь и Польшу. Каков был маршрут второго путешествия, Юлиан не пишет, но по всей видимости, он должен был повторить первый, однако до пункта назначения Юлиан не добрался: узнав, будучи во Владимиро-Суздальском княжестве, что «Великая Венгрия» уже занята монголами, доминиканец вернулся назад (Аннинский 1940: 83,89-90; Антонов, Иванов 1999: 202).

Принимая тезис «Argumentum ex silentio non est argumentum» (Юлиан не знает о волохах на востоке, поэтому о них не сообщает), приходим к выше высказанному предположению, что волохов Рубрука следует с большой вероятностью искать вблизи северных и северо-западных пределов земли Паскатир.

Еще один источник может косвенно свидетельствовать, что искомых восточных волохов следует искать к северу и северо-западу от Волжской Булгарии и Великой Венгрии – «История Монгалов» Плано Карпини. Его маршрут хорошо известен (рис. 1). О волохах ему, как будто, ничего не известно. По представлениям Карпини, к северу от Волжской Булгарии и Великой Венгрии живут племена Паросситов (Борасситов). Борасситами арабские и европейские авторы называли пермяков, вотяков и другие племена финского происхождения, занимавшие огромную территорию Среднего и Верхнего Поволжья и Предуралья (Путешествия 1957: 48, 57, 211 и др.). Тот же Карпини называет народы, которые, возможно, могут рассматриваться как подразделения этого огромного массива под общим названием паросситы, например, «корола». Исследователи предполагают, что «корола» Карпини тождественна народу «Coreli», которых называет Альберт Кампенский, как *«народ, соседний с башкирами»* [2] (Путешествия 1957: 57,214).

Итак, ни Отто, ни Плано Карпини не могли быть информаторами Гильома Рубрука по интересующему нас вопросу. О том, что были и другие «братья-проповедники», побывавшие в «Великой Венгрии», свидетельствует уже приводившееся ранее упоминание под 1237 г. из «Хроники» Альберта. Маловероятно, чтобы речь в данном случае шла о втором путешествии Юлиана: во-первых, путешествия Юлиана и Рубрука разделяют почти два десятилетия; во-вторых, Альберт указывает несколько легендарные сроки путешествия – 100 дней, которые трудно уложить в «осень-весна» второго путешествия Юлиана. Маловероятно, но все же отрицать такую возможность полностью нельзя.

Информация о восточных волохах не исчерпывается тем, что сообщает в своих записях Рубрук. Напомню, что Роджер Бэкон также пишет о восточных влахах: *«И близ земли Паскатир находятся балхи из Великой Балхии, откуда пришли балхи в землю Ассана между Константинополем и Болгарией и Малой Венгрией. Ведь народ этот тартары называют ныне илак, что значит то же, что и блак. Но тартары не умеют произносить звук "б"»* (Матузова 1979: 216,231). Безусловно, источником сведений о влахах для английского автора послужило и сочинение Рубрука, особенно в сведениях о трудности произношения монголами имени валахов. Роджер Бэкон и Гильом Рубрук были хорошо знакомы. «О встречах с Рубруком пишет английский ученый Роджер Бэкон, познакомившийся с ним в Париже. Бэкон, по его собственному признанию, "прилежно просмотрел книгу" Рубрука. Он использовал данные его путешествия для географического обозрения и описания современного ему положения Центральной Азии. Сравнение текста сочинения Бэкона с текстом Рубрука, а также терминология, употребляемая английским ученым, позволяет считать, что основным материалом для указанной части «Opus Majus» был отчет нашего путешественника» (Путешествия 1957: 15).

В целом, конечно, нельзя не согласиться с прозвучавшим выше мнением. Однако, есть одно «но» – отличия у Бэкона и Рубрука в сюжете о волохах. Во-первых, упоминание у Бэкона Великой Влахии, чего нет у Рубрука. Во-вторых, из текста Бэкона не следует, что Великая Влахия находится «близ земли Паскатир». По Бэкону, Великая Влахия (а значит, и первона-

[1] О степени аутентичности, вернее, степени фальсифицированности отчета Юлиана, допущенной Рихардом при его записи см. Антонов, Иванов 1999: 203-212. Авторы справедливо замечают, что запись была сделана в Ватикане, там же заинтересованных лиц волновали только сведения о восточных венграх («юлиановских венграх») – потенциальных католиках и монголах – потенциальных противниках. При «редактировании» устного отчета Рихард опустил сведения, касающиеся других этнических групп близ «Великой Венгрии», в частности, даже таких крупных, как башкир.

[2] Я не затрагиваю сюжеты Карпини, связанные с упоминанием им Бисерминов, которые, как уже отмечалось, возможно, имеют прямое отношение к волохам.

чальная «историческая родина» волохов) – это то место, откуда переселились волохи и в земли Ассана, и в земли близ Паскатир [3]. В-третьих, упоминание Роджером Бэконом некоей Малой Венгрии на Балканах.

Совершенно очевидно, что Бэкон существенно дополняет важной информацией сюжет о волохах у Рубрука. Возникает, правда, вопрос: эти важные дополнительные сведения Бэкон получил именно от Рубрука во время их парижских встреч, или же для известного своей образованностью английского мыслителя существовал и другой, независимый от Рубрука, источник информации, например, информация «братьев-проповедников», ходивших в Великую Венгрию и ближайшие к ней районы? Независимо от ответа на этот вопрос, очевидно: Бэкон своим сообщением подкрепляет достоверность информации Рубрука.

Итак, исходя из анализа доступных нам сообщений венгерских миссионеров, Плано Карпини, Гильома Рубрука и Роджера Бэкона, можно придти к следующей реконструкции. В начале XIII в. в Восточной Европе, близ земли Паскатир, к северу или северо-западу от нее (предположительно, современные Удмуртия и Пермская область), проживал народ, родственный балканским волохам и точно так же называвшийся у других народов, в частности, у монголов. И в район близ земли Паскатир, и на Балканы волохи попали из так называемой Великой Влахии, также находящейся в Восточной Европе, но более точную локализацию которой нам еще предстоит выяснить.

А теперь обратимся к данным других источников с целью собрать сведения о локализации волохов на востоке Европы.

II.1.2. «Неизвестная» земля на востоке Европейской Сарматии

В ходе дальнейшего исследования я бы хотел остановиться на данных письменных источников, привлечение которых носит в румынской и русскоязычной литературе по волошской проблеме в какой-то мере экзотический характер. Речь идет о некоторых памятниках армянской, арабской и скандинавской средневековой письменности. Почему их использование – экзотика? Потому что эти сведения носят всего лишь характер приправы в кулинарных рецептах кухни восточнороманского этногенеза. И дело не в том, что эти сведения скудны и неполны. В отличие от сообщений Рубрука и Бэкона, прямо говорящих о восточном происхождении карпато-балканских волохов, сообщения, которые мы рассмотрим дальше, страдают географической неопределенностью и потому обычно смело привлекаются исследователями: ведь допустимо, что место их действия могло разворачиваться в области традиционного пребывания волохов или «поблизости» от этой области.

Особенно справедливо все сказанное в отношении «Географии», сочинения выдающегося армянского ученого-энциклопедиста VII в. – математика, астронома, космографа, метеоролога и геолога – Анания Ширакаци. По мнению многих исследователей, под названием «Палах» («Балак») Анания скрываются волохи (Spinei 1994: 104-106; Constantiniu 1997: 50). С сочинением «География» («Ашхарацуйц») этого автора в историографии приключилась почти детективная история. В первых изданиях этот памятник стал известен в приложении к трудам армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци под заглавием «Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци». Несмотря на то, что исследователи замечали некоторые анахронизмы в тексте, до появления перевода и исследований выдающегося мхитариста, профессора Санкт-Петербургского университета К.П. Патканова (Патканяна) авторство «Ашхарацуйц» приписывалось Мовсесу Хоренаци. К.П. Патканов, проанализировав многочисленные списки «Географии» и выявив привнесенные переписчиками искажения, доказал, что оригинал «Ашхарацуйц» составлен в первой половине VII в. (Абрамян, Петросян 1970: 32, 128-130).

С новой силой спор об авторстве «Ашхарацуйц» вспыхнул в 1934 г., когда академик Я.А. Манандян выступил в защиту старой версии авторства с той существенной разницей, что Хоренаци является автором не V, а IX века. Последовавшие источниковедческие исследования показали несостоятельность этого мнения. Однако, пользуясь своим авторитетом и академическим статусом, Манандян в 1947 г., не замечая аргументов коллег, вновь выступил с новой статьей с подтверждением старой идеи. Последовали новые исследования. Например, А.Г. Абрамян показал, что «Ашхарацуйц» стали приписывать Хоренаци только в XVII в. Новые «раскопки» древних рукописей в Матенадаране также не подтвердили мнение Манандяна. Вся послевоенная и современная армянская историография относит время жизни Мовсеса Хоренаци к V в., а авторство «Ашхарацуйц» – к VII в. (Абрамян, Петросян 1970: 132-139).

Тем более курьезным, если не досадным недоразумением выглядит мнение, высказываемое без соответствующих пояснений, некоторых современных румынских и молдавских историков об авторстве и датировке «Ашхара-

[3] Позже я приведу данные совершенно независимого от Бэкона письменного источника о переселении этнической группы, предположительно волохов, с более западных территорий Восточной Европы на восток, на земли Среднего Поволжья, которые подтвердят справедливость утверждения английского автора.

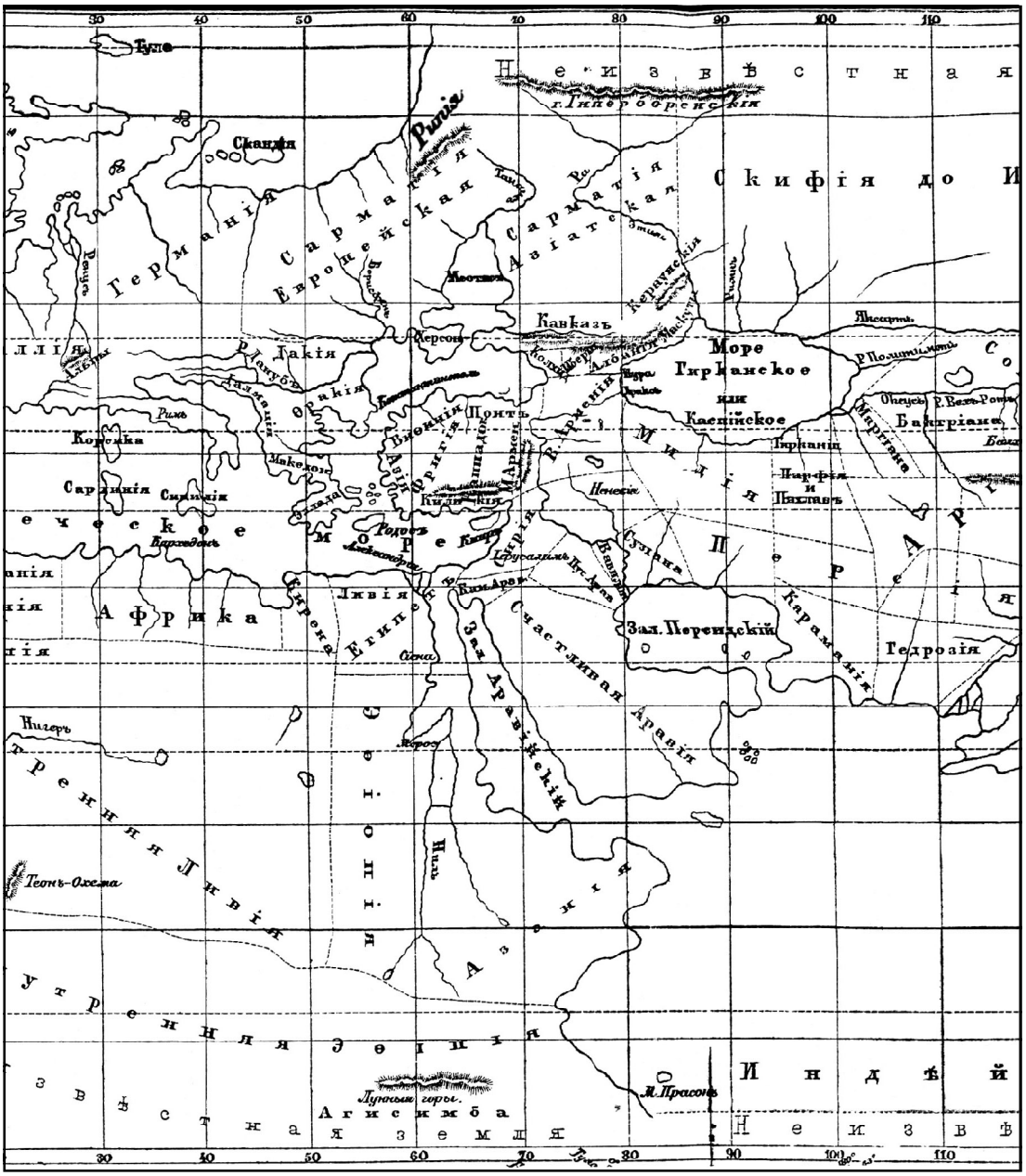


Рис.2. Фрагмент карты Птолемея (по: Патканов 1877)

цуйц». «Самое древнее упоминание о румынах, – по мнению Флорина Константиниу, – встречается в «Географии» армянина Мойсе Хоренаци, написанной во второй половине IX в.» (Constantiniu 1997: 50). Такое же мнение на страницах школьного учебника высказывают и молдавские историки Д. Драгнев и Г. Гонца (Драгнев, Гонца 1999: 174).

Я не случайно уделил столько внимания вопросам датировки и происхождения «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци, поскольку чрезвычайно важен вопрос об источниках сочинения древнеармянского автора и хронология интересующего нас фрагмента этого сочинения. Основным источником Ширакаци была «География» Клавдия Птолемея, пользовался он и сведениями не дошедшего до нас труда «Землеописание» Папа Александрийского, современника императора Диоклетиана. Некоторые исследователи полагают, что на Анания повлияли труды Матиноса, Страбона, Геродота и др. Предполагается, что армянский географ использовал сведения античных географов в тех случаях, когда у него не было под рукой более современных и достоверных местных материалов. В таких случаях его описание становится вполне самостоятельным. К.П. Патканов неоднократно показывал, что некоторые части «Географии», например, описание стран Передней Азии, заимствованы Ананием не из Птолемея, а из восточных источников. Важна и следующая особенность труда Ширакаци: при описании отдельных стран он брал за основу не административное деление, а этнический со-

став и естественно-природные условия. «С этой точки зрения армянская “География” представляла ценный первоисточник для составления этнической карты в древние времена» (Патканов 1877: VII-XIII; Он же 1883; Абрамян, Петросян 1970: 141-143).

Обратимся к анализу интересующего нас сюжета. Из современных исследователей на него наибольшее внимание обратил Виктор Спиней. Приведем его мнение: «...Информация относится к “неизвестной” стране Balak, находящейся в близости “страны сарматов” и Загурией Болгар. Первый из указанных для Balak реперов был взят из античной топонимии..., другой из современной номенклатуры. Согласно географии Птолемея, широко распространенной в средневековом мире, западные пределы Сарматии достигали Тираса (Днестра) и границ с Дакией. Загора была одним из названий Болгарии, расположенной между Балканами и Дунаем, т.е. бывшей Мезии, так обозначалась в некоторых византийских, сербских, итальянских и болгарских источниках, в основном после образования государства Асеней. На основе указанных географических реперов... страну Balak нужно искать между Днестром и нижним течением Дуная и идентифицировать ее со страной валахов. Пассаж, в котором ее упоминают, явно не мог принадлежать Ананию Ширакаци, а является более поздней интерполяцией, возможно, сделанной позднее конца XII в.» (Spinei 1994: 104-105; перевод наш – Р.Р.).

Я согласен с Виктором Спинеем только в одном – идентификации Balak с волохами. По поводу более поздней интерполяции по сравнению с изначальным текстом VII в.: рациональность этой идеи, к сожалению, не подкрепляется аргументами даже на уровне высказывания гипотезы. Датировать интерполяцию периодом Второго Болгарского царства, называвшегося, как известно, в источниках и *«страной валахов»*, только потому, что Загора в Болгарии – широко известный топоним, на мой взгляд, неправомерно. Загора, Загорье и т.д., то есть место за горой или за горами, в славянском мире – широко распространенный топоним в горных местностях и даже там, где гор вообще нет. Размещать страну Balak на Нижнем Дунае нет никаких оснований. Для того, чтобы удостовериться в справедливости этих слов, достаточно обратиться к карте и описанию Птолемея (рис. 2) и тексту Анания Ширакаци.

Для начала приведем фрагмент из описания Ананием Ширакаци Германии: «*Германия (Ptol.II.10), к востоку от Галлии, у Северного океана, простирается до гор Сарматских и Дануба...*» (Патканов 1877: 19). Далее, армянский географ, следуя птолемеевской схеме описания, так располагает Европейскую Сарматию: «*Сарматия, часть (или половина, то есть, европейская) которой лежит к востоку от Германии, тянется по Северному океану до Неизвестной земли и до горы Рипия, из которой вытекает река Тонавис...*» (Ptol.III.5,6; Патканов 1877: 21; 1883: 26-27). Тот же фрагмент по так называемому Новому списку: *«Девятую страну Европы составляет (Европейская) половина Сарматии, к востоку от Германии, начиная от реки Вистулы и гор, носящих то же название (то есть, Сарматских). Она простирается по берегу Северного океана до неизвестной страны и до восточных оконечностей горы Рипа, откуда истекает река Танаис, которая, направляясь на юг, разделяет Сарматию на две части: на восточную в Азии и на западную в Европе...*» (Патканов 1883: 27). И, наконец, наиболее интересующий нас фрагмент. В текстах Вистонов и Сен-Мартена в описании Европейской Сарматии вместо «*от Германии*» стоит: «*Сарматия находится к востоку от Загурии, то есть, Германских Булгар, тянется по Северному океану до неизвестной земли, называемой Палах и до горы Рипия, и пр.*» (Патканов 1877: 21; Он же 1883: 26-27).

Теперь небольшой комментарий. Выглядит странно, что румынские коллеги не обратили внимание на тот недвусмысленно и прямо вытекающий из прочтения указанных фрагментов разных списков «Географии» факт, что Загурия, она же «Германские Булгары», находится на границе Германии и Европейской Сарматии, а отнюдь не вблизи Дакии или Фракии. Совершенно очевидно, Загурия в данном случае – это место за так называемыми «Сарматскими горами», то есть в районе Северного Прикарпатья и бассейна реки Вислы. Кстати, по поводу выражения «Германские Булгары» у меня есть гипотетическое объяснение [4], но дело вовсе не в спорности локализации Загурии. Ведь из контекста всего описания Европейской Сарматии, по Птолемею и Ширакаци, совершенно ясно, что *«неизвестная земля Палах»* находится в противоположной от Загурии и от западной части Европейской Сарматии – в восточной части Европейской Сарматии. До земли Палах нужно было преодолеть значительное расстояние вдоль Северного Океана, она находится гораздо ближе к горам Рипии (Рифейские горы – Урал) (если не прямо примыкает к ним), чем к Загурии (рис. 2).

[4] Выражение «германские булгары» очень кратко попытаюсь объяснить, исходя из предложенной в моих работах реконструкции истории происхождения племени уличей и их этнонима. Вильцы, родственные и одноименные уличам племена, занимали до перехода в районы бассейна Одера и Хафеля районы Северного Прикарпатья. Ультинзуры, ближайшие предки уличей, входившие в состав «гуннских» орд, и будущие вильцы, вполне вероятно, могли рассматриваться Ананием Ширакаци или его переписчиками как болгары или родственные им. О том же могли говорить и наблюдения над этнонимом. (см. Рабинович 1997; 1997а).

Исходя из описания Анания Ширакаци и географии Птолемея, землю Палах следует искать в районе, включающем Верхнее, Среднее Поволжье и примыкающее к ним Предуралье. Сузить район возможной локализации земли Палах, исходя только из сведений Анания Ширакаци, на мой взгляд, вряд ли корректно. Но можно отметить, что локализация Палах вполне соотносима и не противоречит ни сведениям Рубрука о размещении волохов вблизи Паскатир, ни сведениям Бэкона о Великой Влахии. Не представляется невероятным, что Великая Влахия Бэкона и Палах Анания Ширакаци представляли нечто единое. Достоверная хронология существования Палах с точностью не определима, поскольку действительно нельзя исключить более поздней вставки в текст Ширакаци. Возможно, скорректировать данные Ширакаци могли бы сведения другой «Географии» и другого армянского автора, но только XIII в. (ум. 1271 г.) Вардана. К их анализу и приступаем далее.

II.1.3. «По соседству с Москвой»

Еще более экзотичным выглядит упоминание волохов в сочинении XIII в. - «География» Вардана из Киликии. К сожалению, полный перевод пассажа, где Варданом упомянут народ «Улах» (Ulakh-ii), для меня остается недоступным. Однако даже доступные фрагменты дают основание считать этот источник очень важным с точки зрения раскрытия нашей темы. Многие румынские авторы приводят это свидетельство как доказательство проживания в XIII в. волохов к востоку от Карпат и северу от Дуная. «Короткое свидетельство о румынах в середине XIII в. встречается в “Географии” армянского ученого Вардана, где показано, что род волохов (“Улахаць”) встречается вблизи русских, данное уточнение приводит к мысли, что местность находится к востоку от Карпат» (Spinei 1994: 103; 1999: 261; см. также Шушарин 1972: 176).

Я не против мнения о размещении волохов в этот период в указанном регионе, но не могу согласиться, что это мнение может подкрепляться данным упоминанием. И поэтому я только отчасти согласен с В.П. Шушариным, который, критикуя точку зрения Штефана Паску, пишет: «Это во многом неопределенное упоминание не содержит оснований для такого его изложения, согласно которому Вардан локализует “румын из области севернее Дуная по соседству с русскими во второй половине XIII в.”».

Думаю, что «неопределенным» это упоминание кажется В.П. Шушарину только потому, что не соответствует традиционному взгляду на размещение волохов. Соседить с русскими в Европе в XIII в. можно было не только с запада по отношению к ним, но и с востока, то есть в районах Поволжья и Поочья (рис. 3; 4). И русскоязычных, и румынских исследователей смущает размещение Варданом народа «*Улах*» *«по соседству с Москвой»* (Шушарин 1972: 176). Армянский автор, а еще вернее, поздние переписчики его сочинения, могли отождествлять район бассейна Москвы-реки и город Москву. Но непосредственно город Москва даже для XIII в., когда русская колонизация активно развивалась в направлении на окраины Ростово-Суздальской (Владимирской) земли, оставался если уже не в гуще, то действительно «по соседству» с неславянским (ассимилирующимся русскими финно-угорским, балтским) населением. Размещение волохов по «соседству с Москвой» отвечает гипотезе восточного размещения волохов, и можно считать, что в указанном фрагменте речь идет не о карпато-балканских волохах, а о волохах, проживавших в это же время на востоке Европы. Связывать Москву и русское население Карпато-Днестровских земель в XIII в. нет совершенно никаких оснований. Пройдет не одно столетие, пока Москва, Московия и юго-западные русские земли будут ассоциироваться современниками в едином географическом контексте.

Можно частично согласиться с Виктором Спинеем, который пишет: «так как в пассаже уточняется факт, что город Москва – столица русских, возникает вопрос, не является ли этот пассаж более поздней, чем XIII в., вставкой» (Spinei 1999: 261). Но не логичнее ли предположить, что такой вставкой является не весь сюжет, а только это уточнение? Переписчику захотелось или понадобилось уточнить или напомнить читателю, что малоизвестная в XIII в. Москва в его время – уже столица. Но даже если весь пассаж – более поздняя вставка, принципиально, с точки зрения восточной локализации упомянутых Варданом волохов, это ничего не меняет. В. Спиней заметил, что «Вардан упоминает об Ulakh-ii (=валахи) к северу от Дуная, соседящих с русскими, но не делает никаких указаний о куманах» (Spinei 1999: 261). Действительно, если речь идет о нижнедунайском регионе, где соседят волохи и русские, то третьим непременным соседом должны были бы выступить куманы. «Под Москвой» же половцам в это время делать было бы нечего. Сведения армянского географа подтверждаются уже приводившимися нами ранее известиями булгарских летописей, причем, например, в летописи Бу-Юргана Москва и Улах даже соседствуют в списке: татары в ходе карательной экспедиции 1292 года на Русь захватили, цитирую, «вначале Булымер (*Владимир*), а затем Балын (*Суздаль*), Джурги, Мер-Сулу, Амат, Улак, Мосху (*Москву*), Гулям – всего 14 городов» *(Бахши Иман 1993: 87, 205)*.

Несмотря на скудость и фрагментарность, информация Вардана о народе «Улах» логично и непротиворечиво ложится в общий ряд сведений о волохах на востоке Европы.

II.1.4. Кто скрывался под «Севером» ал-Калкашанди

«Специфика» арабской географической литературы, подчас перерастающая в полную географическую неопределенность, особенно когда описываются далекие от авторов страны, общеизвестна. На это традиционно жалуются многие исследователи, но, тем не менее, продолжают этими трудами пользоваться. Продолжу эту традицию и я, и обращу внимание на фрагмент сочинения каирского автора ал-Калкашанди (1355-1418). Его сведения не часто становились предметом изучения исследователей, занимающихся историей волохов. Для того, чтобы охарактеризовать сочинения ал-Калкашанди, будет достаточно привести не-

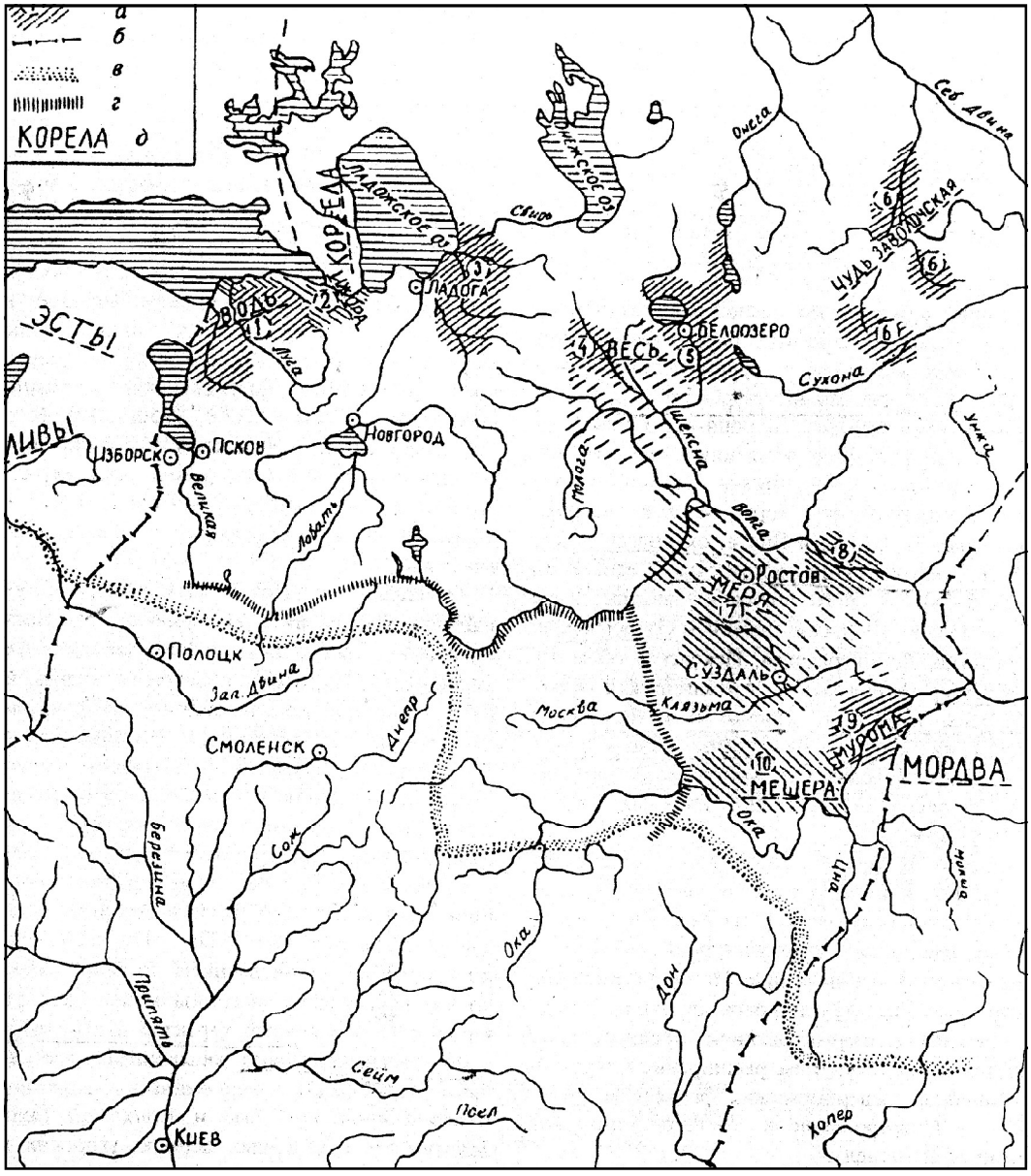


Рис.3. Этнокультурная ситуация в землях славяно-финского расселения конца I – начала II тыс.н.э. (по: Рябинин 1997).

а – археологические регионы (1 – ареал водских и славяно-водских памятников; 2 – район распространения памятников ижоры; 3 – курганная «чудская» культура Юго-Восточного Приладожья; 4 – ареал памятников веси в Юго-Западном Белозерье; 5 – то же, в Восточном Прионежье; 6 – локальные подразделения чуди Заволочья; 7 – территория мерянского и славяно-мерянского расселения в Волго-Клязьминском междуречье; 8 – ареал славяно-финской курганной культуры Костромского Поволжья; 9 – область муромы; 10 – район распространения памятников мещеры); б – границы Руси XII-XIII вв.; в – южная граница древней финно-угорской гидронимии (по В.В.Седову); г – северная граница балтского гидронимического ареала (по В.В.Седову); д – финно-угорские племена.

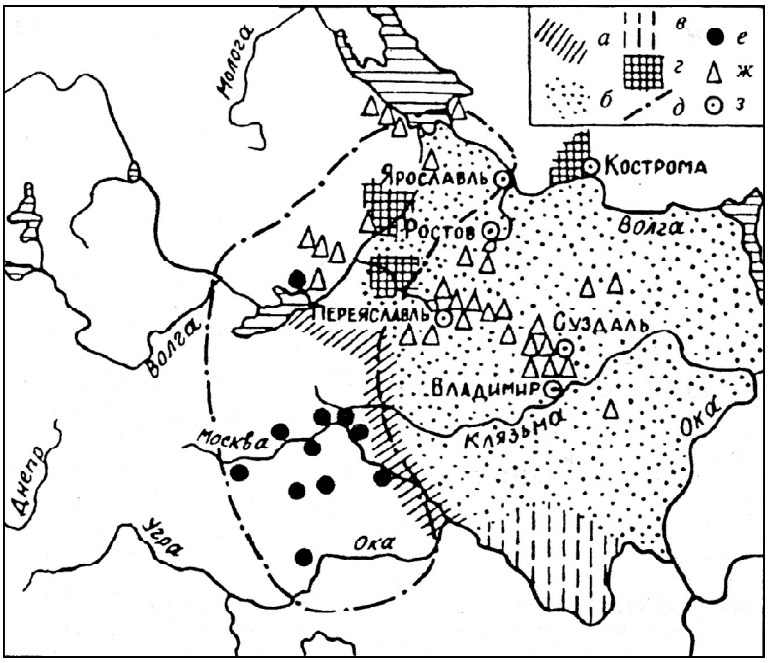


Рис.4. Этнокультурная и этнолингвистическая ситуация в Волго-Окском междуречье во второй половине I – начале II тыс. н.э. (по: Рябинин 1997).

а – восточная граница балтской гидронимики; б – ареал мерянской гидронимики в пределах Междуречья (по М.Фасмеру); в – ареал мордовской гидронимики левобережья Оки; г – средневековые Мерские станы; д – ареал дьяковской культуры (по И.Г.Розенфельдт); е – позднедьяковские племенные украшения – серьги; ж – этноопределяющие мерянские украшения; з – городские центры Ростово-Суздальской земли (а-в – по [В.В.Седов 1971, рис.3]; д – по [И.Г.Розенфельдт 1974, рис. 48; 1982, рис. 39]).

сколько цитат из специальной работы А.Н. Поляка: «...Хотя географические данные Ал-Калкашанди о Золотой Орде частично стали известны со времен Тизенгаузена, а И.Ю. Крачковский обратил внимание и на приводимый Ал-Калкашанди перечень народов на север от Константинополя, тем не менее, громадная энциклопедия этого автора осталась и поныне почти не использованной...»; «Его склонность возвращаться и в этих описаниях не раз к одному и тому же народу, заменяя часть прежних данных новыми, и новизна введенной географической номенклатуры помешали использованию этого сочинения другими авторами. Характерно, что даже такой блестящий знаток арабской литературы, как И.Ю. Крачковский, читая у Ал-Калкашанди имена народов, живших на севере от Константинополя, воздержался от расшифровки части их (там упомянуты валахи, австрийцы, новгородцы, а также Вятская земля и Югра)» (Поляк 1964: 33). Эту задачу частично взял на себя сам А.Н. Поляк. Его перевод и интерпретацию я использую далее.

Интересующие нас сведения содержатся в списке «*стран к северу от Константинополя*». Список «*стран к северу от Константинополя*», составленный «в соответствии с опытом мусульманских купцов, пользовавшихся Булгарской областью как базой», разделен на четыре земли: 1. Вятская земля – «*страна Афтакун, северная соседка страны Булгарии. Их главный город – небольшой Афтакун*»; 2. Страна саклабов (славян, вообще жителей северных лесов) – общее обозначение для территорий, через которые проезжали из Вятской земли в собственно Новгородскую. «*Часть, смежная с самим путем, была известна как земля С-б-ра-в-ир*»; 3. Земля Новгорода (Джулман в литературно-арабском выговоре, но Голман в египетском, легко могло быть первоначально Холман), «*великий перекресток мировых путей: Путешественник, отправляющийся от Голмана на восток, доедет до города Каракорум*». «*Купцы, посещающие египетские города, не едут дальше страны Булгара, оттуда возвращаются, а купцы Булгара едут оттуда в страну Голмана, купцы же Голмана едут в страну Югру, дальше которой населенных мест нет*»...; 4. Югра. Ал-Калкашанди сообщает, что её внешняя торговля в руках новгородцев, несмотря на исламизацию Башкирии и пребывание мусульман где-то на севере земли С-б-ра-в-ир. На север от Югры «*нет населенных мест...; еще севернее нет уже наконец прохода, а только Тьма, вечно снег и холод*» (Поляк 1964: 35-36).

Из названий, употребляемых в данном списке ал-Калкашанди, неизвестным является название С-б-ра-в-ир. Описание ал-Калкашанди отрывочно и скудно, но в силу того, что мы приблизительно знаем, как взаимно располагались Новгород, Вятская земля, Югра, Булгария и Башкирия, можно приблизительно представить, где размещалась земля С-б-ра-в-ир. Из описания второй, так называемой «земли саклабов» (славяне и финно-угры Северной Руси), лежащей между Новгородом и Вятским регионом, вытекают два варианта размещения С-б-ра-в-ир – в северной или в южной части «земли саклабов». Однако упоминание о том, что внешняя торговля с Югрой находится «в руках новгородцев, несмотря на исламизацию Башкирии и пребывание мусульман где-то на севере земли С-б-ра-в-ир», дают основание предпочесть второй, «южный» вариант. Итак, упоминаемая ал-Калкашанди земля С-б-ра-в-ир находилась в пределах Волго-Камского регио-

на. Малоизвестность земли, вернее, названия С-б-ра-в-ир в арабской литературе объясняется тем, что основные торговые операции с ней осуществляли новгородские купцы.

Однако у читателя возникает вопрос, чем примечательно для нас наличие в Волго-Камском регионе, где-то между Новгородом, Волжской Булгарией и Приуральем земли, вроде ничем не примечательной. А.Н. Поляк интерпретирует название С-б-ра-в-ир как «Север». А это не может не вызывать у нас ассоциации с савирами царицы Боа и балканскими Северами. Арабские авторы неоднократно пользуются обозначением севера, когда хотят сказать об малоизвестной им области, где, по их представлениям, царит вечный холод, тьма. Параллель «тьма, чернота – север» характерна и для других языков и народов (Попович 1985). Но в данном контексте речь у ал-Калкашанди идет не об абстрактном «*царстве мрака и холода на краю земли*», а о конкретном географическом названии. А.Н. Поляк предполагает, что, может быть, географ имеет в виду Русский Север: «Русский Север? Тогда, очевидно, область, где русский язык был уже обиходным» (Поляк 1964: 36). Не рановато ли? Но тогда почему Русский Север оказывается южнее торгового пути Новгород – Вятка?! Судя по описанию ал-Калкашанди, под С-б-ра-в-ир вряд ли следует понимать и землю северян с Черниговом (отдаленность географическая; хронологически отдалены летописное племя северян и арабский автор; пребывание мусульман на севере земли С-б-ра-в-ир, что маловероятно для летописных северян), хотя полностью исключить этого нельзя. Но ведь других «черных», других северов-северян мы в этой части Восточной Европы не знаем. Так очень ли фантастично предположение, что савиры, став на Балканах северами, ту же эволюцию проделали и на востоке Европы, а ал-Калкашанди зафиксировал это под названием С-б-ра-в-ир – Север. Если для Карпато-Балканского региона гипотетическая связь савиры – влахи реконструируется через имя вождя одного из племен савиров, то для востока у нас подобных возможностей нет. Однако доводом в пользу нашего предположения следует считать локализацию земли С-б-ра-в-ир, которая, исходя из того, что сообщает арабский автор, не противоречит, а соотносится с уже анализировавшимися данными других источников.

Известием о влахах на востоке, а конкретнее, в Поволжье, следует считать и сообщение другого, более раннего, восточного автора X в. Мутаххара ал-Макдиси о народе валадж, о котором мы уже упоминали раньше (Бейлис 1969). Можно добавить по этому поводу следующее. Соседить с тюрками волохи-валадж могли в том самом месте «близ земли Паскатир» (о ранних этапах тюркизации Волго-Уральского региона см. Кузеев 1974; Антонов, Иванов 1999; Казаков 1999), где о них знает Рубрук. Если представить схематично территориальное расположение народов, соседящих с тюрками, по ал-Макдиси, то оказывается, что все указанные народы расположены по отношению к тюркам с запада, юга и востока. Не логично ли предположение, что с севера тюрки (древние башкиры?) соседили с таинственным народом «валадж»?

В свете «восточной» гипотезы любопытно и сообщение Гардизи (X в.) о Н-н-д-р, *«народе из румийцев»*, вероятно, проживавшем в Поволжье (Эрлих 1997: 159). Но его сложно однозначно интерпретировать в виду его почти полной неопределенности.

II.1.5. «Черные люди» исландских саг

Подобно тому, как освещенный лучом света с непривычной стороны предмет дает новую незнакомую тень, так и рассмотрение данных традиционно используемых письменных источников о волохах с точки зрения кардинально другой гипотезы их происхождения может неожиданно дать качественно новую трактовку «старым», уже знакомым данным. Свидетельства источников скандинавского происхождения о волохах часто упоминаются исследователями ранней истории румын. Рассмотрим их.

На острове Готланд была обнаружена плита, рунический текст на которой датируется серединой или второй половиной XI в. Надпись гласит следующее: *«Хродвисл и Хродельв, они велели установить камни по трем [своим сыновьям]: этот по Хродфосу. Его обманом убили валахи (?) (blakumen) в далекой поездке. Да поможет бог душе Хродфоса. Отомсти, боже, тем, кто его обманом убил»* (Мельникова 1977: 65-66). Исследовательница памятника Е.А. Мельникова, равно как и многие другие авторы, считает, что слово blakumen (blǫkumenn) является этнонимом, и отождествляет его с этнонимом «валах», «влах». «Надпись при этом рассматривается как свидетельство о существовании торгового пути по Бугу или Днестру, где могла произойти встреча Хродфоса с валахами» (Мельникова 1977: 66). На карте Е.А. Мельникова вписала этноним blǫkumenn между Бугом и Сиретом (1977: 37, карта 2).

Этноним blǫkumenn несколько раз встречается в сагах. Наиболее определенное упоминание в королевской саге «Прядь об Эймунде Хрингссоне или Сага об Эймунде». Сага описывает деятельность скандинавской наемной дружины Эймунда на Руси во время Ярицлейва (Ярослава Мудрого). Время ее создания дискуссионно, наиболее вероятной выглядит дата конец XIII в. (Джаксон 1994: 87-119). В одном из сюжетов саги, рассказывающем о борьбе Ярослава Мудрого с Бурицлейвом (Святополком?

Борисом? [5]), blǫkumenn называются наемниками Бурицлейва, участвовавшими в одном из сражений с Ярославом Мудрым.

Е.А. Мельникова, Е.А. Рыдзевская, Т.Н. Джаксон и др. наиболее предпочтительной считают валашскую идентификацию blǫkumenn (Мельникова 1977: 199-200; 1978: 289-295; Рыдзевская 1978: 97; Джаксон 1994: 87-119, 168). В отличие от современных исследователей, А.И. Соболевский в свое время предполагал, что blǫkumenn в сагах названы половцы. Он связал первую часть этнонима Blaku (blǫku-) с немецким названием Blawen, Blauen, обозначавших половцев (Мельникова 1977: 199). Точка зрения А.И. Соболевского не нашла признания в историографии, и не столько из-за лингвистической спорности, сколько потому, что половцы, судя по летописям, появились на Руси позднее. Я также присоединяюсь к сторонникам валашской идентификации Blǫkumenn, Blakumen: трудно не видеть сходства между последними и блаками (влахами) европейских источников. Другой вопрос, где локализуются упомянутые в скандинавских источниках блакумены.

Я не могу согласиться с Е.А. Мельниковой, что надпись с Готланда может рассматриваться как свидетельство торгового пути по Бугу или Днестру, тем более торгового пути, активно использовавшегося скандинавами. Нам хорошо известны и по письменным, и по археологическим памятникам два основных торговых пути, которыми двигались варяги в Восточной Европе: «из варяг в греки» по Днепру (о котором сообщают Повесть временных лет и Константин Багрянородный) и Балтийско-Волжский путь и его ответвления (Славяне и скандинавы 1986; Булкин, Мачинский 1986; Дубов 1989). Продвижение скандинавов, их торговые экспедиции на юг прекрасно иллюстрируются несопоставимо многочисленными кладами восточного серебра, вещами скандинавского и восточного происхождения, поселениями и могильниками вдоль рек. Ничего подобного нет по Южному Бугу и Днестру, хотя последний как торговая артерия, связывающая Черное и Балтийское моря, активно функционировал (Рабинович 1999а).

Гораздо логичнее предположить, что с влахами Хродфос встретился не в Восточном Прикарпатье (а тем более, в Буго-Днестровском междуречье – ?!), где их пребывание в это время еще не доказывается данными письменных источников [6], а на территории к югу от нижнего Дуная, где и локализуют это население византийские источники. Поездки скандинавов в Византию известны.

Однако, если посмотреть на надпись с о. Готланд с точки зрения гипотезы восточного пребывания волохов, пребывания их на востоке Европы, то в целом ее текст наполняется даже более реальным содержанием. Локализация волохов где-то на северо-востоке Руси и в Поволжье объясняет место, где в далекой поездке встретил Хродфос свою смерть. Район восточной локализации волохов – район, исключительно богатый пушниной. И именно пушнина была главной целью торговых операций варягов, она была одним из главных стимулов их векового традиционного движения в Аустрвег. Готланд был традиционно ориентирован на Восточный путь (Лебедев 1985; Славяне и скандинавы 1986; Кулаков 1999). В Византию варяги с о. Готланд, безусловно, ездили, но добирались туда по Восточному пути. (Да и слышали ли вообще рядовые скандинавы, заказывающие надгробие по своим сыновьям, что-нибудь о далеких византийских влахах? На этот вопрос пока нет ответа). В любом случае, при наличии гипотезы о восточной, а не только карпато-балканской локализации волохов, учитывая традиционность, обычность и многочисленность «далеких поездок» скандинавов в Аустрвег, вероятность встречи Хродфоса именно с восточными волохами становится гораздо предпочтительнее.

А теперь под углом восточной гипотезы и соответствующей локализации волохов посмотрим на сюжет «Саги об Эймунде». Русская летопись неоднократно сообщает о наемниках на службе русских князей: это варяги, печенеги, позднее половцы. Но, как правило, наемники были не издалека. Место действия событий интересующего нас сюжета «Саги об Эймунде» – Новгород и его округа. Набирал Бурицлейв своих наемников, согласно саге, в Бьярмаланде и в Тюркланде. Где были набраны печенеги, понятно. Где блакумены – нет. В начале XI в. карпато-балканские влахи были территориально очень далеки от Киева. Их разделяли юго-западные русские земли, печенеги и только что павшая под ударами византийцев Болгария. Участие наемников из далекой «Греческой земли» в войске Святополка или Бориса было бы слишком экзотичным, его бы, наверное, отметили летописцы при их ревностной откровенной неприязни к «окаянному» Святополку. Обыденное же участие «неисторических» соседей внимание не привлекло. Логично, что Святополк, а тем более Борис, если это был он («сидел» в Ростово-Суздальской земле), идя походом на Новгород, где укрепился Ярослав, нашел соратников в ближайшем соседстве с Русью: с юга – печенегов и с востока – блакуменов. В любом случае, при наличии гипотезы о восточной, а не только карпато-балканской локализации волохов, учитывая традиционность и обычность привлечения в качестве на-

[5] Позже мы вернемся к вопросу, кто же скрывается в саге под именем Бурицлейв – см. Ильин 1957; Кузьмин 1988: 49, 221; Котляр, Смолий 1990: 83-96; Данилевский 1999: 336-354).

[6] О времени появления волохов на территории Молдовы см. главу IV данной работы.

емников и участия или втягивания в военный конфликт ближайших соседей, вероятность участия в войске Бурицлейва именно восточных волохов становится гораздо предпочтительнее. Более того, как будет показано позже, факт участия восточных волохов в этом конфликте Ярослава и его противника мог носить идеологический оттенок, связанный с борьбой христианства и язычества на Руси.

И последний пока момент в связи с упоминаниями волохов скандинавскими источниками. Этноним «блакумен» не может не вызывать ассоциацию «черные люди»: с «блаками», «мавровлахами», «черными латинянами», «пигматицами», «савирами», «северами», «северянами» и т.д. Хотя вполне возможно допустить, что в данном случае мы фиксируем результат процесса сближающихся или вновь возникавших этимологий, столь характерный для средневековой эпохи.

II.1.6. Волошская «география» «Повести временных лет»

Все упоминания о волохах-волхвах «Повестью временных лет» четко распадаются на три группы: 1) упоминания волохов, безусловно, как этноса на западе, в Карпато-Балканском пространстве; 2) упоминания слова «волхв» как синонима слову «жрец», «язычник-колдун» в рассказах, не связанных с сюжетами летописи и не привязанных географически к Руси; 3) упоминания слова «волхвы» в контексте сюжетов, связанных с историей Руси.

Первая группа упоминаний: 1) Волохи – потомки Иафета (ПВЛ 1996: 144); 2) *«Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их...»* (ПВЛ 1996: 144); 3) сообщение под 898 г. о захвате славянской земли за Карпатскими горами волохами и о том, как последних выгнали затем угры (ПВЛ 1996: 151).

Вторая группа: 1) Упоминание о волхве Аполлонии Тианском в царствование Домициана (ПВЛ 1996: 157); 2) упоминание о Симоне Волхве под 912 г. в связи с рассказом о смерти Олега (ПВЛ 1996: 157); 3) повторное, более пространное упоминание в связи с сюжетами о волхвах 1071 г. о Симоне Волхве, который творил чудеса еще *«при апостолах»* (ПВЛ 1996: 215). Правда, судя по контексту и написанию, Симон Волхв – имя собственное, вторая часть которого образовалась от использования слова «волхв» в профессиональном или этническом смысле.

Третья группа, самая многочисленная: 1) волхвы в рассказе о смерти Олега. Место действия неопределенное, вероятнее, Новгород или Киев; 2) Под 1024 г. Восстание волхвов в Суздале (ПВЛ 1966: 202); 3) Под 1044 г. Обстоятельства рождения *«не милостивого на кровопролитие»* князя Всеслава Брячиславича (ПВЛ 1996: 205). Место событий неясно, но из контекста летописных рассказов о Всеславе, например, в связи с Волховом и Новгородом (под 1063 г.), вероятнее всего, что действие происходило в Северной Руси; 4) Под 1071 г. Приход волхва в Киев (ПВЛ 1966: 213); 5) Под 1071 г. Приход во время голода в Ростовскую землю волхвов из Ярославля, их поход по Волге и Шексне, приход на Белоозеро (ПВЛ 1996: 213-215); 6) Под 1071 г. Приход новгородца к волхву в Чудскую землю (ПВЛ 1996: 215); 7) Под 1071 г. Приход волхва в Новгород при князе Глебе Святославиче (ПВЛ 1996: 215-216); 8) Под 1091 г. Приход волхва в Ростов (ПВЛ 1996: 229). По мнению некоторых исследователей, эта третья группа сведений до помещения в «Повесть временных лет» представляла собой единое, тематическое и идейное целое, существовавшее отдельно произведение «Повествование о волхвах» (Мильков, Милькова 1997: 203-204, 231, там же литература).

Из подобной группировки сведений ПВЛ о волохах-волхвах вытекают два наблюдения. Во-первых, о волохах балканских говорится только в самом начале летописи, что приурочено к географическому описанию и к «дунайскому» эпизоду в истории славян. Все остальные многочисленные упоминания связаны с историей Руси. Во-вторых, за исключением эпизода, связанного с Киевом (а это столица), все остальные сообщения о волхвах, сообщения при этом многочисленные, приурочены к Северной Руси (Новгород, Новгородская земля, Северо-Восточная Русь). Наверное, уже сейчас стоит обратить внимание читателя, что наиболее часты упоминания в связи с Ростовско-Суздальской землей. И в других произведениях древнерусской литературы, в которых волхвы принимают участие в событиях русской истории, например, в «Сказании о построении града Ярославля» (Рапов 1988: 317-320), мы имеем указания на этот регион.

* * * *

Пожалуй, теперь можно подвести некоторые итоги в этом разделе. Судя по данным европейских, русских и восточных источников, волохов на востоке можно предварительно, в первом приближении, локализовать в районе, ограниченном: с востока – Приуральем; с юго-востока и юга – средневековой Башкирией (Паскатир), Волжской Болгарией и Мордвой; с запада – Северо-Западной Русью; с севера – полосой земель, протянувшихся от Вятки до Новгорода. Ве-

роятно, в пределах этого региона локализация волохов со временем претерпевала изменения. Трудно сказать, в пределах ли очерченного региона находилась т.н. Великая Влахия Роджера Бэкона, из которой впоследствии волохи переместились частью на запад, на Дунай, а частью на восток, в земли, близкие к области Паскатир. Дальнейшее уточнение восточной локализации волохов будет предложено позже в связи с разработкой других вопросов.

II. 2. Чудные соседи

II.2.1. «Встреча Руси и Чуди»

На самом деле, если «подкорректировать» это знаменитое выражение В.О. Ключевского, то надо было бы написать не «встреча», а «встречи». Сущность проникновения волхвов-волохов в славяно-русскую среду и та роль, которую они в этой среде играли, может быть понята только через преломление концептуальной идеи В.О. Ключевского о «колонизации страны как основном факте русской истории», рассматривающего «периоды русской истории как главные моменты колонизации». Первый период (из четырех), по В.О. Ключевскому, период Руси Днепровской, связан с колонизацией славянами Поднепровья. Второй период – это период Верхневолжской Руси, время освоения и колонизации русскими Волго-Окского междуречья (Ключевский 1993: 19-23).

В первый период славяне, «пришедшие с Дуная», осваивая Поднепровье и северо-запад будущей Руси, столкнулись с иноэтничным населением. Нас, конечно же, прежде всего, в свете упоминаний волхвов в связи с Новгородом и его округой интересует Озерный край (современные Ленинградская, Псковская и Новгородская области России). У исследователей нет сомнения, что до прихода славян в этом регионе проживало достаточно многочисленное прибалтийско-финское население (рис. 3) (Седов 1982; 1990; 1990а; Рябинин 1997; Финно-угры и балты 1987).

Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о времени появления славян в регионе и этнической принадлежности открытых здесь археологами древностей третьей четверти I тысячелетия (Мачинский 1981а; 1986; Седов 1982; 1990а; 1999; Кузьмин 1998), обратим внимание на огромный пласт финно-угорских названий в топонимике Озерного края. Все крупнейшие озера – Ладожское, Онежское, Чудское, Псковское, Белое (перевод с финно-угорск. «воугед») озеро, Ильмень, Селигер – и все крупные реки и их притоки – Нева, Ладога (Ладожка), Свирь, Ловать, Шелонь, Мста, Луга, Великая (перевод с фин.), Пскова, Шексна, Оять, Паша, Сясь, наконец, «говорящее название» Волхов (считается, от финск. Olhava) [7] и др. – финно-угорского происхождения (Попов 1981; Фасмер 1986: I, 346; см. также этногеографический справочник в: Джаксон 1993: 244-245). В то же время, большинство названий городов в крае – русского происхождения, и это понятно, поскольку возникновение городов связано уже со временем славян и варягов. Но обращают на себя внимание и исключения: такие важные исторические названия, как Ладога (Старая Ладога), Руса (Старая Русса) и Псков (от реки Пскова) – также финно-угорского происхождения (Попов 1981: 69-72; Джаксон 1993: 244-245). И название летописного Изборска, по мнению Д.А. Мачинского (1986: 20), претендует на финское происхождение.

Огромный пласт сохранившейся на Северо-Западе топонимики финского происхождения не может не свидетельствовать о длительном периоде совместного, вероятно, чересполосного проживания славян и чуди. Совместно, но также, скорее всего, чересполосно, то есть, отдельно по концам, кварталам, улицам и т.д., проживали они и в городах. Об этом говорят известные нам названия того времени: Неревский конец и Чудинцева улица в Новгороде, Чудской конец в Пскове.

О совместном проживании славянского и финно-угорского населения на Северо-Западе сообщает и Повесть временных лет. По Сказанию «о призвании князей из-за моря», известно, что еще до Рюрика другие варяги брали дань со словен новгородских, кривичей и финно-угров (меря, весь). Совместная акция последних заставила уйти варягов, но затем между ними начались ссоры, усобицы, и в результате совместное славянско-финское посольство обращается к Руси, варягам, с приглашением *«владеть ими»*. Присутствие послов от чуди говорит о союзных и относительно мирных отношениях (хотя бы временно) последней со словенами. Поскольку, как только Рюрик и его братья, едва «сев», принялись *«города рубить и воевать всюду»*, то, полагает В.О. Ключевский, они «призваны были оборонять туземцев от каких-то внешних врагов, как защитники населения и охранители границ» (Ключевский 1993: 119). Среди этих внешних врагов, видимо, были и какие-то финно-угорские племена, не вошедшие в словено-финское сообщество, но соседящие с ним.

Каковы были взаимоотношения между славянами и чудью на Северо-Западе до прихода Руси и образования славяно-варяжских кня-

[7] Версия, что Волхов-река названа по имени легендарного Волхова, сына Словена – вождя ильменских славян, основавшего город Словенск (Новгород), и ей подобные, – позднего происхождения, появляются в хронографах XVI-XVII вв. – Попов 1981: 80.

жеств в Ладоге, Изборске и Пскове – вопрос важный с точки зрения раскрытия нашей темы. В научной литературе, как это видно и из очерка в монографии Е.А. Рябинина 1997 года, посвященного «Проблеме “встречи Руси и чуди” в отечественной историографии», главное внимание всегда уделялось взаимоотношениям славян, русских с финно-уграми уже в период после прихода Рюрика (Рябинин 1997: 9-15). Прямых свидетельств об отношениях славян и чуди в дорусский период нет. Упоминание о ссорах и усобицах среди местных славян и чуди в период между изгнанием «первых» варягов и приходом Руси Рюрика, возможно и вполне вероятно, не отражает характер этих взаимоотношений в период, предшествующий появлению «первых» варягов. Тем не менее, следует отнести его скорее к косвенным признакам изначально не совсем мирного характера взаимоотношений словен и чуди.

Возможно, о не совсем мирном характере этих взаимоотношений свидетельствует известие еврейского автора середины X в. Ибрагима ибн Якуба, сохранившееся в сочинении арабского автора XI в. аль-Бекри. Ибрагим писал о славянах: *«И завладели племена севера некоторыми из них и обитают по сие время между ними. <...> И главнейшия из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, как например племена ал-Тршкин и Анклий и Баджанакия и Русы и Хазары»* (Куник, Розен 1878: 46,54). В.О. Ключевский полагает, что под упомянутыми племенами севера в данном случае идет речь о варягах Руси, подчинившей местные славянские племена (Ключевский 1993: 118-119). Однако, кто же еще, кроме Руси?

Сообщение Ибрагима, лично не бывавшего, как считают исследователи, в Восточной Европе, обязывает причислить в данном случае к северным народам, покорившим славян и воспринявшим их язык, кроме Русов, и целый ряд других народов, в том числе и фактически никак не идентифицируемых ал-Тршкин и Анклий. Причем восточный автор показывает, что указанными народами список не исчерпывается. А. Куник гипотетически связывает Анклий с уграми (Куник, Розен 1878: 107). По звучанию Анклий Ибрагима несколько напоминает (ин)-аунксов-aunxis готского историка Иордана в указанном им перечне подчинившихся Германариху северных народов (в числе которых чудь-thiudos, меря-меренс, мордва-морденс, весь-васинабронки). Размещались аунксы, по мнению исследователей, в восточном Приладожье (Иордан 1960: 89, 265-266; Браун 1899: 255; Мачинский 1986: 4; Леонтьев 1996: 19-20; Рябинин 1997: 149).

А. Куник пишет, что Ибрагим ибн Якуб не имел точных сведений о различии европейских и степных народов. Однако, судя по описанию географических условий, в которых жили упомянутые народы, речь может идти только о севере Восточной Европы (Куник, Розен 1878: 107, 54). Часто под «племенами севера» арабскими авторами понимались народы финно-угорского происхождения Восточной Европы, Русского Севера, Югры. И если в данном сообщении речь идет именно о них, то мы имеем уникальное, чуть ли не единственное известие о захвате власти какой-то неславянской этнической группой, возможно, чудью, над какой-то группой славян [8].

Однако каковы аргументы в пользу мнения о «чисто» мирном характере взаимоотношений словен и финно-угров в период, предшествующий и синхронный утверждению варяжской Руси на Северо-Западе? Может ли выступить аргументом наблюдение В.О. Ключевского об извечно миролюбивом характере финнов? Давая характеристику процессам русской колонизации Волго-Окского междуречья во второй период русской истории, он писал: «Встреча Руси и Чуди. Как они встретились, и как одна сторона подействовала на другую? Вообще говоря, встреча эта имела мирный характер. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданьях великороссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами. Самый характер финнов содействовал такому мирному сближению обеих сторон. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характеристической чертой – миролюбием, даже робостью, забитостью. Тацит в своей “Германии” говорит о финнах, что это удивительно дикое и бедное племя, не знающее ни домов, ни оружия. Иорнанд называет финнов самым кротким племенем из всех обитателей европейского Севера. То же впечатление мирного и уступчивого племени финны произвели и на русских» (Ключевский 1993: 261).

Еще до В.О. Ключевского сходную точку зрения высказывали С.М. Соловьев и другие историки, а вот с именем А.И. Соболевского связано появление и противоположной позиции в

[8] Можно сомневаться, что ибн Якуб под «племенами севера» имел в виду только варягов или именно варягов, как полагает В.О. Ключевский. Арабским авторам норманны были прекрасно известны, в том числе и под этим именем (Минорский 1964: 25), не говоря о том, что и Русь они хорошо знали (не понаслышке, как Ибрагим ибн Якуб) под ее собственным именем по торговым и военным акциям на Волге и Каспии. Позже у нас будет возможность обсудить проблему характера власти чуди над славянами. Думается, что их взаимоотношения не определяются, по крайней мере, полностью не исчерпываются смысловой оппозицией «мирные – враждебные». Сообщение ибн Якуба вполне может допускать и несветский характер власти неславянских волхвов как профессиональных языческих жрецов в среде некоторых групп местных славян.

оценке славяно-чудских контактов (Рябинин 1997: 9-11). Даже отмечая чересчур идиллический характер оценки В.О. Ключевского, необходимо признать: источники не предоставляют данных о враждебных отношениях русских и чуди. В антифеодальных и антихристианских акциях чудь и русские выступают совместно, нет признаков движений «национально-освободительного» характера. Письменные источники сообщают о бегстве чуди на восток в Заволжье (позже мы обратимся к этим сообщениям), но причиной бегства называется христианизация, а не колонизация.

Такой мирный характер «встречи Руси и Чуди» в период колонизации Верхнего Поволжья, конечно же, наводит на мысль, что «первая встреча» на Северо-Западе в период появления там славян могла происходить по тому же сценарию, то есть могла быть своеобразной «генеральной репетицией» событий X-XIII вв. Напомним о последствиях и ходе русской колонизации региона бассейнов Оки и Верхней Волги.

Последствия этого процесса столь значительны и всеобъемлющи для русской истории, что их даже трудно мысленно охватить. Формирование великорусской народности и становление исторического Центра Великороссии – прямые его следствия. Проникновение славян на территорию Волго-Окского междуречья началось еще в IX веке спустя какое-то время после вхождения последнего в состав Древнерусского государства, к X в. относятся данные о массовом появлении славян в отдельных районах Ростовской земли, русская колонизация поначалу шла преимущественно из новгородских земель и в меньшей степени – земель кривичей (Рябинин 1997: 165-166; Леонтьев 1996: 192, 271; Финно-угры 1999: 55). До середины XII в. не было даже прямой дороги из Киева на отдаленный суздальский Север. Владимир Мономах с трудом, но все же проехал из Киева в Ростов через дремучие леса «*сквозь вятичей*». Но уже его сын Юрий Долгорукий водил по прямой дороге из Киева в Ростов целые полки. При нем и Андрее Боголюбском на далеком северо-востоке один за другим возникают новые города. Колонизация носила не только городской, но и, как отмечал В.О. Ключевский, а позднее и другие исследователи уже на основе археологических данных, массовый сельский крестьянский характер (Рябинин 1997: 241). Далеко идущие политические последствия колонизации привели к тому, что главный политический центр русских земель перемещается на Верхнюю Волгу, «долго блуждает между Ростовом, Суздалем, Владимиром и Тверью, наконец, утверждается на реке Москве» и становится главным центром «собирания земли русской» и формирования новой русской государственности – будущего Московского царства (Ключевский 1993: 253 и сл.). Следствием русской колонизации Волго-Окского междуречья стало исчезновение проживавших здесь финно-угорских народов – мери, муромы, мещеры, полностью ассимилированных пришельцами.

«Вопрос о взаимодействии руси и чуди, о том, как оба племени, встретившись, подействовали друг на друга, что одно племя заимствовало у другого и что передало другому, принадлежит к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории» – пишет В. О.Ключевский. Во влиянии финнов на пришлую Русь он видит «этнографический узел вопроса о происхождении великорусского племени, образовавшегося из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого. Это влияние проникало в русскую среду двумя путями: 1) пришлая русь, селясь среди туземной чуди, неизбежно должны была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта, 2) чудь, постепенно русея, всею своею массою, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и **верованиями**. (выделено нами – Р.Р.) входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов» (Ключевский 1993: 263). И другие исследователи отмечали чрезвычайную значимость чудского вклада в русскую историю. Например, Н.И. Костомаров считал, что вопрос о чудском субстрате – «один из важнейших в русской истории» (цит. по: Рябинин 1997: 11).

В.О. Ключевский, а с ним согласны и современные ученые, видит несколько аспектов наиболее ощутимых финских влияний на русских: 1) в образовании антропологического типа великороссов; 2) в изменении древнерусского говора, в фонетике сформировавшихся великорусских диалектов; 3) в области поверий, религиозных верований, в формировании «пестроты религиозного сознания» великороссов. Взаимоотношение встретившихся племен в этой области выступает, по его мнению, наиболее отчетливо. «Здесь замечаем следы живого обмена, особенно с финской стороны. Народные обычаи и поверья великороссов доселе хранят явственные признаки финского влияния» (Ключевский 1993: 259-273; Леонтьев 1996: 5; Рябинин 1997: 243). Кроме В.О. Ключевского, финское влияние на религиозную жизнь русских и в языческий, и в христианский периоды отмечали многие исследователи, обращавшиеся и до, и после него к истории русского язычества и раннего христианства (Гальковский 1916; Голубинский 1901; Аничков 1914; Фроянов 1986; Кузьмин 1988; и др.). Несколько позже мы затронем вопрос, как, в силу каких условий и при каких обстоятельствах происходило внедрение финно-угорских элементов в духовный мир восточнославянского, древнерусского общества. А сейчас перейдем к вопросу о мистической роли чуди в глазах соседних народов.

II.2.2. Колдовских дел мастера

Кто в детстве не переживал за сказочных героев Г.Х. Андерсена, вступивших в неравную борьбу со злой Снежной королевой из ледяной Лапландии, или не сочувствовал старому доброму Финну, помогающему в силу своих скромных возможностей доблестному Руслану вызволить из беды свою Людмилу?! Выбирая реальную «национальность» своим волшебникам, скандинавские или русские писатели нового времени были не так уж свободны в выборе, как может показаться. Обращаясь к «сказочно-сюжетному» средневековью, и те, и другие видели по соседству со своими собственными народами только один народ с «колдовской» репутацией – финнов. И репутация эта корнями уходит в седую древность.

Исландские саги буквально переполнены сообщениями о финнах-колдунах [9]. Например, в Саге о Харальде Прекрасноволосом – третьей саге Круга Земного Снорри Стурлусона – упоминается Мётула, *«конунг финнов, который был всех искуснее в колдовстве»* (Джаксон 1993: 77). По мнению Т.Н. Джаксон, имена финнов в сагах – «говорящие», с семантической «нагрузкой», часто относящейся к теме зимнего холода (1993: 229). Упоминания Finnland – буквально «Земля финнов» в сагах двояки: либо он оказывается в числе других земель, лежащих по «Восточному пути», либо связывается с рассказами о колдовстве. ...Если реальный Финнланд является частью «Восточного пути», то эпический Финнланд входит вместе с Финнмарком, Бьярмией, Белым морем в некое «мифическое северное царство» (Джаксон 1984: 56).

Очень показательна в этом отношении «Сага об Инглингах», северо-скандинавской династии, двух представителей которой, согласно рассказу Снорри Стурлусона, приводят к гибели поездки в Финнланд. Один из них, Ванланди, побывав в этой стране, женился там на местной девушке Дриве, затем уехал и много лет не возвращался. Дрива подкупает знакомую колдунью Хульд [10], чтобы та либо заманила Ванланди в Финнланд, либо убила его. В конечном счете колдунья убивает жертву во сне, явившись к ней в виде ночного кошмара. Любопытно, что незадолго до смерти, когда у Ванланди «вдруг» появилось желание поехать в Финнланд, *«его друзья и советчики помешали ему и сказали, что желание его, возможно, вызвано колдовством финнов»* (Джаксон 1984: 57), то есть колдовство финнов, в представлениях скандинавов, – «обычная», возможная вещь.

Этнический стереотип финнов как колдунов, жителей мифического «царства вечной зимы и холода», был настолько развит у скандинавов, что скальды, составители и редакторы саг даже не давали в них своим «финнам» финские имена. «Априорное предположение, что рассмотрение встречающихся в саге “финских” имен позволит пролить свет на этническую природу этих “финнов”, не подтверждается, – пишет Т.Н. Джаксон. – ...Все “финские” имена саги оказываются словами скандинавского происхождения» (1984: 56, 58). И что еще важно, словами «говорящими».

Например, имя Сньяра Старого, отца Дривы, который вроде сам обычный человек, переводится как «Снег», «Снегопад, Дождь со снегом». Имя хёвдинга финнов в другом сюжете «Саги об Инглингах» – Фрости, который тоже вроде не сверхъестественен, – означает «Мороз» [11]. Правда, имя дочери Фрости – Скьяльв – что означает «дрожащая, трясущаяся» – вроде бы «намекает» на шаманские профессиональные навыки. Ведь сумела Скьяльв справиться с нелегким для девушки делом – повесить чуть ли не в присутствии всей его рати норвежского конунга Агни, другого представителя династии Инглингов, опустошившего набегом Финнланд и погубившего ее отца.

Т.Н. Джаксон полагает, что имя Скьяльв, возможно, означает «дрожание от холода» и содержит намек на холодный климат Финнланда (1984: 58). С этим трудно согласиться. Не пристало дочери «Мороза» дрожать от холода в стране, где отец – правитель. Да и имя ее брата Логи – «огонь», «пламя», «повелитель огня» (Джаксон 1984: 60), – дополняющего состав имен этой необычной семейки, как будто этому противоречит. Подводя итог этому сюжету, можно констатировать, что финны в глазах скандинавов в эпоху раннего средневековья выступали в виде обобщенного образа представителей колдовского народа, населяющего царство вечного холода.

А каково же было отношение русских к представителям финно-угров в свете рассматриваемого вопроса? Многочисленные примеры обращения к волхвам из сообщений письменных источников, когда связь последних с финнами

[9] О многочисленных финнах-колдунах в средневековых источниках – см. Джаксон 1984: 56 и сл.; Она же 1993: 77-78.

[10] Слово скандинавского корня, означает «колдунья». Из него происходят ряд слов в совр. норв., исланд. – «злая фея, ведьма», «покров, тайна» (Джаксон 1984: 60).

[11] Как тут не вспомнить Снежную королеву Андерсена, прибывающего из далекой Лапландии каждый новый год, Санта-Клауса и его русского «коллегу» Деда Мороза, который обитает не в Лапландии, а в других местах (российская «прописка» Деда Мороза помещает его за Урал – в земли «русских финнов» ханты-манси), но, вероятно, также связанных с царством холода финнов.

можно только предполагать, мы не будем приводить. В этом нет и необходимости. Ведь есть сюжет из «Повести временных лет» под 1071 г. Новгородец, причем крещеный, пришел в землю Чудскую к кудеснику, *«прося волхвования его»* (ПВЛ 1996: 215). Чрезвычайно интересно и описание действий волхва, типичных для шамана в традиционных культурах, и «богословский» разговор, состоявшийся между волхвом и новгородцем, к которому мы еще вернемся. Начало летописного рассказа – *«...случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую...»* и т.д. не отражает удивления летописца и предполагает, что хождение к волхвам в Чудь было обычным для того времени. Крупнейший специалист по истории борьбы христианства с язычеством в Древней Руси, Н.М. Гальковский пишет: «...В древней домонгольской Руси русские люди ходили гадать к финнам, следовательно, признавали их более искусными в волшебстве, чем своих доморощенных знахарей и колдунов» (Гальковский 1916: 249).

Этот же исследователь проследил в соответствующих документах разных эпох, насколько живучей на протяжении последующих веков оказалась вера русских в колдовское мастерство финнов. «Великий князь Василий Иванович верил волхованию: женившись на молодой Елене Глинской, он, будучи стар, искал чаровников отовсюду, да помогут ему ко плодотворению; он посылал за чаровниками "*тамо и овамо, аж до Корелы, еже есть Филя*" (т.е. Финляндия), которых оттуда и привозили. И вот по произволению презлому, а не по естеству от Бога вложенному, уродилися ему два сына: *"прелютый и кровопийца"* Иван Грозный и бездарный Юрий...» (Гальковский 1916: 217, 249). Любопытно, что даже само его рождение враги Ивана Грозного связывали с волхованием финнов.

Нельзя не видеть параллели этого сюжета с «фактом» рождения от волхвования также *«не милостивого на кровопролитие»* князя Всеслава Брячиславича Полоцкого (ПВЛ 1996: 205), волхва-князя в «Слове о полку Игореве», оборачивающегося волком, рыскающего от Киева до Тмутаракани, «*перебегая путь великому Хорсу*» (Слово 1995: I).

И родившийся «от волхвования» Иван Грозный, как и его отец, верил в колдовской профессионализм финнов, посылал за ними на север. «Иоанн Грозный, как пишет Джером Горсей, перед своею смертью посылал за колдунами на северный берег между Холмогорами и Лапландией. Их привезли в Москву и поместили под стражей. Любимец царя Богдан Бельский совещался с ними ежедневно. Гадатели только указали день его смерти, и их предсказание исполнилось» (Гальковский 1916: 219, 249). В связи с этими сюжетами привлекает внимание в русской рукописи – Псалтыри XV в. – заговор, в котором упоминаются чудские и карельские колдуны. В Олонецком сборнике заговоров среди русских текстов представлены и заговоры на вепсском языке, причем последние сопровождались русскими описаниями сопутствующего обряда (Топорков 1993: 59-72; Турилов, Чернецов 1997: 105-106).

И в более поздних «рукописных безыменных памятниках также отмечается финское влияние. Так, в рукописи Московской Синодальной типографии, XVIII века, обличающей волшебство, упоминаются лопари и самоядь. А в рукописи Черниговской семинарии, начала XIX века, кроме лопарей, упомянуто "кудесничество во огне"», сопровождающееся впадением шаманов в особое экстатическое состояние [12] (Гальковский 1916: 249).

Как дань признания колдовской репутации чуди русскими можно рассматривать происхождение таких сакрально-значимых слов в русском языке, как например, «чудо», «чудеса», «чудовище», «чужой» и т.д. (Агеева 1970) или «месть» (финск. musta – черный). И это при том, что в русском языке немного слов финского происхождения (Ключевский 1993).

II.3. Под знаком Велеса

II.3.1. Волхвы и Чудь

До этого момента в нашей работе связь карпатских волохов с русскими волхвами, а последних – с финно-угорским миром Восточной Европы нами просто предполагалась. Настало время попытки ее аргументировать, и сделать это можно сквозь призму рассмотрения взаимосвязей в своеобразном треугольнике: Волхвы – Чудь – Велес. Первой рассмотрим связь волхвов с чудью.

Хотелось бы сразу предупредить читателя об авторской позиции по одному принципиальному вопросу. Формулировка «связь волхвов (и волохов) с финно-угорским миром» вовсе не сводится мной к пониманию, что волхвы-волохи – это этническая группа обязательно (или изначально) финно-угорского происхождения, хотя не могу исключить ситуации, что в момент знакомства с ними пришлых славян они могли уже мало отличаться от чуди даже в плане этнического самосознания.

[12] Н.М. Гальковский пишет: «Волхование, гадание при посредстве огня распространено среди финнов. Оно заключается в следующем. Ребенка-подростка, чаще всего девочку, заставляют смотреть пристально в ярко пылающее пламя. Ребенок впадает в особенное состояние и на предлагаемые вопросы дает ответы на основании того, что он видит в огне» (1916: 250).

Любопытно, что в современной историографии, когда речь идет о язычестве и волхвах, вопрос о «национальной принадлежности» последних как-то сам собой выпадает. Как бы само собой подразумевается, что волхвы летописей и древней русской литературы – это восточные славяне, русские (Рыбаков 1981; 1987; Рапов 1988; и др.) (за редким исключением: см. Фроянов 1986: 35, 36; Кузьмин 1988: 177; Рябинин 1997: 178). Но в досоветской научной литературе высказывались, а временами даже преобладали совсем иные мнения по этому поводу. Первым, как кажется, на связь летописных волхвов с финно-уграми обратил внимание Д.А. Корсаков в своей книге «Меря и Ростовское княжество», увидевшей свет в 1872 г. (см. Леонтьев 1996: 7). Е.В. Аничков в книге «Язычество и Древняя Русь» пишет: «Волхвы такое явление нашего язычества, которое, если и не заимствовано от финнов, то развивалось, несомненно, под их влиянием» (Аничков 1914: 276). Но этот же исследователь обращал внимание на «самые прямые указания на связь их (волхвов – Р.Р.) с Чюдью». Финские волхвы «являлись учителями» славян, «отсюда и волхвование, – считает Аничков, – вообще стало казаться по преимуществу финским» (Аничков 1914: 277). Современные Аничкову исследователи были еще более радикальны в определении финской принадлежности волхвов. «Описанные летописью волхвы были финны-язычники», – пишет Н.М. Гальковский (1916: 136). Но наиболее последователен в аргументации «чудской» природы волхвов В.О. Ключевский. И он же указывал на их принадлежность к ростовской мере (Ключевский 1993: 268).

Итак, каковы прежние, уже выдвигавшиеся в историографии, и новые аргументы связи волхвов, упоминаемых в наиболее ранних летописных известиях, с финно-уграми? Рассмотрим их.

Во-первых, само происхождение слово «волхв». В.В. Иванов и В.Н. Топоров слово «волхв» (древнерусс. вълхвъ; русск. диал. волхун, волхитка и т.д.) считают родственным этнониму «волох» и происходящим от общеславянского или праславянского *volхъ, которое в свою очередь (самостоятельно и независимо от родственных кельтских и германских этнонимов) происходит от индоевропейской праформы *uel-/*uol-. Этим корнем, по мнению этих исследователей, обозначалась исходная индоевропейская мифологема, содержащая основные элементы загробной жизни (загробный мир, подземный мир – пастбище ‘обиталище мертвых’, где пастух – бог подземного царства, скотом, который он пасет, являются души умерших, а также сам скот, которым питались в подземном царстве), органично соединяющая темы смерти и скотоводства (Иванов, Топоров 1979).

Однако, сознавая всю сложность и дискуссионность вопроса, судя по литературе, слово «волхв», похоже, может реально претендовать и на финно-угорское происхождение. Например, кроме уже упоминавшейся финской этимологии Волхова (Olhava – Попов 1981: 57; Фасмер 1986: I, 346), существует и финская «говорящая» этимология «волхва» у И.И. Срезневского: от Welho – колдун. А.Л. Погодин объясняет имя Волха Всеславьича «весьма древним заимствованием в фин. Velho (*вълх) «чародей, волхв», velhoa (заниматься волшебством и т.д.)». Н.М. Шанский приводит еще одну этимологию: «К корню, общему для финно-угорских и индоевропейских языков: *uel, *uol, *ul – «предсказываю, вижу», возводит это слово Младенов, сопоставляя его с готским wulwa «разбойник». Наиболее популярна этимология – от древнесеверогерманского volva (volhtva) – пророчица (Миклошич, Вондрак). (Цитировал по: Эрлих 1997: 150; там же разбор мнений и литература).

В связи с вышеизложенными разнообразными, отвергающими друг друга точками зрения необходимо подчеркнуть, что в свете именно нашего исследования между ними, как кажется, нет непроходимой пропасти. В случае, если предположить, что волхвы-волохи оказались в очень ранний период инкорпорированы в среду финно-угров на территории Восточной Европы и привнесли в их язык слова, происходящие от указанной выше В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым «исходной индоевропейской мифологемы, главный герой которой обозначается корнем *uel-/*uol-» (Иванов, Топоров 1979: 76). В связи со специфической ролью волохов-волхвов в чудском мире и возникли в его языке родственные слова со значением «колдовать», «ворожить» и т.д.

Во-вторых, происхождение и использование в древнерусской литературе слов, однокоренных и имеющих общее происхождение со словом «чудь». Этимология слов «чудо», «чудеса» и т.д., упоминаемых в связи с волхвами, как кажется, прозрачна (Агеева 1970), но также любопытно слово «кудесник». Н.М. Гальковский по поводу слов «кудесы» и «кудесник» пишет: «На церковно-славянском языке “коудес”, “коудесник” — значит magus, чаровник, волхв; древнерусское куд – очарование, волшебство; русское – окуда, окудник (Рязан. губ.) – колдун, волхв, проказник; кудесить – колдовать, ворожить; кудесы – чары» (1916: 207). Судя по ранним летописным текстам, например, преданию о смерти Вещего Олега, слово «кудесник» уже в долетописный период могло быть синонимом слова «волхв» (ПВЛ 1996: 156). Но из-за перехода звуков «к» и «ч» в славянских языках слово «чудо», например, звучало как «кудо». Некоторые исследователи полагают, что «кудесник» – старая форма слова «чудесник», «чудотворец» (Успенский 1971: 558), но, учитывая этническое значение слова «чудь», можно предположить, что изначально слово «кудесник» могло означать не только род занятий («чудотворец»), но и указывать на этни-

ческую принадлежность к чуди.

В-третьих, уже приводившаяся география упоминания волхвов в древней русской литературе и летописях. Она приурочена только к северной Руси, то есть районам соседства славян и чуди или непосредственного проживания чуди. Единственное упоминание о волхве, пришедшем в Киев, под 1071 г. (ПВЛ 1996: 213) говорит о нем скорее как о пришельце. Но прийти он мог как к коренным киевлянам «с проповедью», так и к «местной» киевской чуди. Ведь по летописи известно, что еще Владимир в ходе борьбы с печенегами, жалуясь на малочисленность городов около Киева, ставил города вокруг последнего и заселял их *«славянами, и кривичами, и чудью, и вятичами»* (ПВЛ 1996: 191).

В-четвертых, ритуальные действия волхвов во время голодных волнений и обстоятельства их казни. «Повесть временных лет» под 1071 г. сообщает: *«Во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что "мы знаем, кто запасы держит". ...И, куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та – мед, а та – рыбу, а та – меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих жен, а имущество их забирали себе»* (ПВЛ 1996: 213).

Непонятный, кажущийся фантастическим ритуал, необъяснимый на славянской, русской почве, но легко вписывающийся в обычаи финно-угров. Еще в XIX в. у мордвы зафиксирован обряд, напоминающий о действии летописных волхвов. Н.М. Гальковский со ссылкой на этнографические исследования приводит его: «Когда мордвины готовятся совершать свое общественное богослужение, по дворам ходят избранные люди для сбора жертвенных припасов. В каждом доме старшая замужняя женщина берет обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывает его через голову назад за голые свои плечи и не оглядываясь, задом подходит к сборщикам. Сборщик, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз колет подошедшую в обнаженные плечи и спину, читая при этом молитву, а потом перерезывает тесемки, и сумка падала в подставленную для того кадку» (Гальковский 1916: 140-141). Таким образом, действия волхвов можно охарактеризовать как облеченную в ритуальную форму «экспроприацию» продуктовых запасов у имущих людей на общественные нужды во время голода [13].

Фантастичность летописного рассказа, по мнению И.Я. Фроянова, – «результат совмещения в летописном повествовании двух разных ритуалов, бытовавших в Ростовской земле и знакомых автору Повести временных лет понаслышке. Один из них ... ритуал сбора припасов для общественных жертвоприношений и празднеств. Другой указывает на практику ритуальных убийств женщин, подозреваемых в пагубном "влиянии" на урожай» (Фроянов 1986: 37). Первый прямо указывает на связь с финно-угорским миром, второй – убийство женщин, обвиненных в колдовстве, навлечении голода и прочих несчастий, – универсальный, характерный для многих народов.

И обстоятельства казни волхвов, описанные летописью, дают основания связывать их с финно-уграми. Волхвов убили и повесили на дубе. Почему? Традиционно историография объясняла этот момент – повешенье трупов волхвов – как своеобразное продолжение их казни. Проанализировав, вслед за Н.Н. Ворониным, возможные интерпретации данного случая, И.Я. Фроянов отмечает: «...Остается признать, что мертвых волхвов не повесили на дубе, а похоронили среди его ветвей. К этой мысли склонялся и крупный знаток ранней истории финно-угров П.Н. Третьяков, для чего у исследователя были серьезные причины. Поскольку погребение на деревьях широко бытовало у многих народов Сибири и Поволжья. ...Захоронение на священном дереве – факт примечательный, говорящий о почести, оказанной волхвам» (Фроянов 1986: 46-47). Как свидетельствует летопись Гази-Барадж, повешенье на дереве считалось большой честью в языческой поволжско-финской среде, её удостаивались только очень достойные противники (Бахши Иман 1993: 49,54). С точки зрения связи волхвов с финно-угорским миром непротиворечиво происходит и дальнейшее событие: а на другую ночь на дуб медведь влез, *«угрызъ ею и снесть»* (ПВЛ 1996: 77). И.Я. Фроянов убедительно доказывает, что понимать данный эпизод надо следующим образом: «...Мы не можем присоединиться к историкам, рассматривающим поведение летописного медведя с точки зрения гастрономической. Ведь зверь "угрыз" не живых людей, а мертвых и затем "снесть" их. ...Съесть и унести трупы медведь одновременно не мог. Вот почему под словом "угрыз" следует разуметь нечто иное, чем съел, а именно: отгрыз, перегрыз (в Летописце Переяславля Суздальского вместо "угрыз" ПВЛ читаем "*отгрызоста*". Версия ЛПС приобретает еще большую убедительность, если вспомнить, что медведи мертвечиной не питаются). В результате становится понятной проделка медведя, который, будучи священным животным, перегрызает веревки и уносит мертвых

[13] Сводку мнений по поводу объяснений этого эпизода см. ПВЛ 1996: 498, 630; Фроянов 1986. Д.А. Мачинский видит в этом сюжете аналогию поведению склавинов в известном пассаже из произведения греческого автора VI в. Псевдо-Кесария, в котором они поедают женские груди и убивают грудных младенцев (Свод: I, 254; Мачинский 1981: 124; Малингудис 1991). По нашему мнению, аналогии здесь нет, а поведение склавинов связано с распространением в славянской среде молодежных воинских братств, исповедующих культ волка (Рабинович 1997а).

волхвов в иной мир, где их ожидают перевоплощение и жизнь, но уже в новом свойстве. Это – своего рода “воскресение” и “вознесение” на языческой почве...» (Фроянов 1986: 48).

Даже при признании того, что медвежий культ не являлся принадлежностью только финских племен, а характерен для представлений и других народов на севере Европы, для последних он все же не играл такой значительной роли, как для финно-угров (Воронин 1960; Дубов, Седых 1992: 121-123, там же литература). А учитывая весь «финский» контекст летописного сообщения, «участие» медведя во всей этой истории, возможно, указывает на связь упомянутых в нем волхвов с финно-угорским миром.

В-пятых, в известном пересказе В.Н. Татищевым фрагмента Иоакимовской летописи, рассказывающего об обстоятельствах крещения новгородцев, упоминается *«высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей»*, который *«вельми претя люду покоритися»*. При подчеркнутом недоверии некоторых исследователей к достоверности сведений Иоакимовской летописи, Богомил в научной литературе трактовался и как славянин, и как верховный жрец славян, что по контексту не одно и то же (Кузьмин 1988: 192-194). При любом толковании допустимо, что, по крайней мере, часть русских летописных волхвов была неславянского происхождения.

В-шестых, интересные и важные сведения, проливающие свет на инородную, чудскую природу русских волхвов, предоставляют летописные рассказы под 1071 г. Один из них – о приходе некоего новгородца в чудскую землю к волхву – прямо указывает на «национальность» волхва. Но это упоминание при желании можно объяснять и как вероятность того, что летописец мог называть волхвами не только чудских, но и русских колдунов, то есть, как термин для обозначения профессионального шамана независимо от его этнической принадлежности. Это так, но вот разговор волхва и новгородца о различии «наших» и «ваших» богов, а также легенда о сотворении человека, рассказанная ростовскими волхвами Яну Вышатичу, воеводе великого князя Святослава Ярославича, во время голодного мятежа, о котором мы только что упоминали, дают возможность В.О. Ключевскому, А.Н. Веселовскому, Н.М. Гальковскому, И.Я. Фроянову и др. исследователям ответить на вопрос о связи волхвов с финнами достаточно убедительно. На этом сюжете стоит остановиться поподробнее.

Легенды о сотворении мира и человека, или почему летописцы «не замечали» неславянства волхвов

Итак, летописный рассказ под 1071 г. передает диалог Яна и выданных ему белозерцами волхвов. *«И сказал им: “Чего ради погубили столько людей?”. Те же сказали, что “они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобой вынем жито, или рыбу, или что другое”. Янь же сказал: “Поистине ложь это; сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только Бог знает”. Они же сказали: “Мы знаем, как человек сотворен”. Он же спросил: “Как?”. Они же отвечали: “Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю идет тело, а душа к Богу”. Сказал им Янь: “Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?”. Те же ответили: “Антихристу!”. Он же сказал им: “Где же он?”. Они же сказали: “Сидит в бездне”. Сказал им Янь: “Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а Бог на небесах, восседает на престоле... Один из ангелов был свергнут – тот, кого вы называете антихристом... и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба Бог”».* Беседа еще некоторое время продолжалась, после чего волхвы были казнены (ПВЛ 1996: 214).

Интерпретация этого диалога и выводы из нее предложены В.О. Ключевским. Он пишет: «Эти волхвы – финны из ростовской мери. Легенда о сотворении человека, рассказанная ими Яну, доселе сохранилась среди нижегородской мордвы, только в более цельном и понятном составе, без пропусков, какие сделал киевский летописец, передавая ее со слов Яна, и с очевидными следами христианского влияния» (Ключевский 1993: 268).

Содержание легенды: *«У мордвы два главных бога, добрый Чам-Пас и злой Шайтан (сатана). Человека вздумал сотворить не Чам-Пас, а Шайтан. Он набрал глины, песку и земли и стал лепить тело человека, но никак не мог привести его в благообразный вид: то слепок выйдет у него свиньей, то собакой, а Шайтану хотелось сотворить человека по образу и подобию Божию. Бился он, бился, наконец, позвал птичку-мышь – тогда еще мыши летали – и велел ей лететь на небо, свить гнездо в полотенце Чам-Паса и вывести детей. Птичка-мышь так и сделала: вывела мышат в одном конце полотенца, которым Чам-Пас обтирался в бане, и полотенце от тяжести мышат упало на землю. Шайтан обтер им свой слепок, который и получил подобие Божие. Тогда Шайтан принялся вкладывать в человека живую душу, но никак не умел этого сделать и уж собирался разбить свой слепок. Тут Чам-Пас подошел и сказал: “Убирайся ты, проклятый Шайтан, в пропасть огненную; я и без тебя сотворю человека’. – “Нет, – возразил Шайтан, – дай я тут постою, погляжу, как ты будешь класть*

живую душу в человека; ведь я его работал и на мою долю из него что-нибудь надо дать, а то, братец Чам-Пас, мне будет обидно, а тебе нечестно". Спорили, спорили, наконец, порешили разделить человека; Чам-Пас взял себе душу, а Шайтану отдал тело. Шайтан уступил, потому – Чам-Пас не в пример сильнее Шайтана. Оттого, когда человек умирает, душа с образом и подобием божиим идет на небо к Чам-Пасу, а тело, лишаясь души, теряет подобие божие, гниет и идет в землю к Шайтану» (Ключевский 1993: 268-269; см. также Гальковский 1916: 136; Фроянов 1986: 35-36).

Картину взаимоотношений и соседства «наших» и «ваших» богов, рисуемую ростовскими волхвами, дополняет уже знакомый нам волхв в Чудской земле, к которому пришел новгородец. *«Затем новгородец стал спрашивать кудесника: "Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?". Он же сказал: "Это знамение небесного бога, которого наши боги боятся". Новгородец же сказал: "А каковы боги ваши, где живут?'. Кудесник же сказал: "В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов; Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших (наши – это чудь, волхвы? – Р.Р.) умирает, его несут к нашим богам в бездну". Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами»* (ПВЛ 1996: 215).

Н.М. Гальковский по поводу последнего сюжета остроумно заметил: «В описи чудина своих богов легко узнать нашего народного чорта, который не соответствует христианскому диаволу, так как не имеет закоренелой злобы. Чорт наших народных рассказов глуп и честен: умный мужик всегда его надувает» (1916: 134).

Из анализа «богословских» диалогов летописных рассказов, помещенных под 1071 г., некоторыми исследователями делаются три важных вывода-направления.

Первое. Волхвы, упоминаемые в них, относятся к этнической среде, близкой к финно-угорскому миру.

Второе. Они дают возможность судить о сближении и взаимодействии русских пришельцев и ассимилировавшихся финнов в области религиозных воззрений, самом механизме этого сближения.

В.О. Ключевский пишет по этому поводу: «Сближение обеих сторон и в этой области было столь же мирно, как и в общежитии: вражды, непримиримой противоположности своих верований не почувствовали встретившиеся стороны... То и другое племя нашло в своем мифологическом созерцании подобающее место тем и другим верованиям, финским и славянским, языческим и христианским. Боги обоих племен поделились между собою полюбовно: финские боги сели пониже в бездне, русские повыше на небе, и так, поделившись, они долго жили дружно между собою, не мешая одни другим, даже умея ценить друг друга. Финские боги бездны возведены были в христианское звание бесов и под кровом этого звания получили место в русско-христианском культе, обрусели, потеряли в глазах Руси свой иноплеменный финский характер: с ними произошло то же самое, что и с их первоначальными поклонниками финнами, охваченными Русью. Вот почему русский летописец XI в., говоря о волхвах, о поверьях или обычаях, очевидно финских, не делает и намека на то, что ведет речь о чужом племени, о чуди: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимает племенное происхождение или этнографическое различие языческих верований. По мере сближения обоих племен это различие, очевидно, все более сглаживалось и в сознании смешанного населения, образовавшегося вследствие этого сближения» (Ключевский 1993: 269-270).

В качестве доказательства «племенного безразличия верований» для русских авторов В.О. Ключевский приводит сохранившийся в рукописи Соловецкого монастыря рассказ о построении первой церкви в Белозерье, в стране летописной веси, на реке Шексне, в котором «нет и намека на что-либо инородное, чудское». Содержание рассказа: Церковь была построена на месте языческого мольбища, посвященного камню и березе – предметам финского культа. Когда церковь *«свящали да учали обедню пети»*, грянул гром *«и ту березу вырвало и с корнем, да и камень взяло из земли да в Шексну и потопило»* (Ключевский 1993: 271) [14].

[14] Как глубоко укоренились в духовной культуре Руси именно близкие к финским языческие элементы, показывает даже то обстоятельство, что не «индоевропейский» и «славянский» дуб, а «финская» береза стала культовым деревом России. В этом плане весьма любопытен и следующий пассаж из книги А.Г. Кузьмина: «...В 1636 году нижегородские священники жалуются на свою паству, празднующую Семикрусалии, приспособленный к христианству как Троицын день: *«В седьмой четверок по Пасце собираются жены и девицы под древа, под березы, и приносят, яко жертвы, пироги и каши и яичницы, и поклоняясь березам, учнут походя песни сатанинские приплетая пети и дланми плескати, и всяко бесятся»* (Кузьмин 1988: 231-232). Некоторые исследователи видят возможность отнесения «бесовских игр», «сатанинских песен и плясаний», когда отсутствуют «дополнительные разъяснения, позволяющие более или менее полно восстановить их сущность», не к языческим обрядам, а к явлениям «третьей» ахристианской культуры (Данилевский 1999: 216). Но в данном случае «дополнительные разъяснения» в виде упоминаний о жертвах и поклонению березам имеются.

Взаимодействие двух этносов в области поверий привело к сложению и господству на Руси в первые века христианства уникальной религиозной системы. «Для мешавшегося русско-чудского населения христианство и язычество – не противоположные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга части одной и той же веры, относящиеся к различным порядкам жизни, к двум мирам, одна – к миру горнему, небесному, другая – к преисподней, к “бездне”» (Ключевский 1993: 271);

Обоюдное признание чужих верований в период колонизации бассейна Верхней Волги способствовало не только бытовой ассимиляции чуди и аккультурации (о которой пишут современные исследователи – Леонтьев 1996: 187; Рябинин 1997: 241; Финно-угры 1999: 49), но, как считает В.О. Ключевский, и успехам христианства среди инородцев. «Чудь незаметно переступала раздельную черту между христианством и язычеством, не изменяя своим старым родным богам, а русь, перенимая чудские поверья и обычаи, добросовестно продолжала считать себя христианами... Принятие христианства становилось не выходом из мрака на свет, не переходом от лжи к истине, а, перечислением из-под власти низших богов в ведение высших, ибо и покидаемые боги не упразднялись как вымысел суеверия, а продолжали считаться религиозной реальностью, только отрицательного порядка. Эту путаницу, происходившую от переработки языческой мифологии в христианскую демонологию, уже в XI в., когда она происходила внутри самой Руси, можно ... назвать двоеверием» (Ключевский 1993: 273).

Другие исследователи – историки русской церкви также характеризовали эту систему как двоеверие. Например, Е.В. Аничков только в нем и видел индикатор язычества: «Главный показатель язычества восточного славянства – двоеверие Руси, а само язычество, более древнее и непочатое, незатронутое вовсе христианским влиянием, должно еще долго оставаться для нас искомым; еще долго должны мы ясно сознавать, насколько наши данные – вовсе не известия о язычестве, а известия о двоеверии» (Аничков 1914: 259).

Феномен «двоеверия» в современной науке иногда рассматривается как более сложное явление, чем простое взаимодействие дохристианских языческих и христианских элементов. Сравнительно недавно получила развитие идея распространения в древней Руси и так называемой «третьей» ахристианской (не христианской, но вместе с тем и не антихристианской) культуры. Многие современные авторы полагают неправомерным само употребление термина «двоеверие», но при этом все же слышны призывы вести полемику не по этому поводу, а по таким вопросам, как динамика соотношения разнородных элементов (включая и проявления «третьей» культуры) этого синкретического явления и механизмы их взаимодействия между собой (Кузьмин 1988: 183, 200; Толстой 1996: 146-148; Беляев 1997; Турилов, Чернецов 1997: 109; Данилевский 1999: 212-226).

И, наконец, **третье** направление, которое задал анализ летописных сюжетов, помещенных под 1071 г. Это возможная, гипотетическая связь дуалистических легенд финно-угров и богомильских сказаний.

Поднятием этого вопроса мы обязаны Булашеву, А.Н. Веселовскому и Н.М. Гальковскому. Волхвы, судя по летописям, придерживались дуалистических или дуальных взглядов по поводу творения человека, но летописи не предоставляют прямых данных об их взглядах на происхождение мира. Н.М. Гальковский полагает, что они близки финской легенде о миротворении, и со ссылкой на этнографические исследования народов Поволжья передает ее содержание:

«Плывший по водам Чам-Пас плюнул с досады на свое одиночество. Из этого плевка образовался огромный бугор, в котором скрывался Шайтан. Чам-Пас послал Шайтана на дно моря за песком, чтобы из него сотворить землю, и заповедал Шайтану помянуть его Чам-Пасово имя. Шайтан не сразу исполнил повеление Чам-Паса и, только в третий раз, помянув его имя, мог достать песку, но при этом часть песка скрыл во рту. Чам-Пас разбросал песок, который стал расти; образовалась земля. Вместе с этим рос песок, скрытый во рту Шайтана, причиняя ему страшную боль. Шайтан должен был признаться в своем поступке. Чам-Пас приказал Шайтану выплюнуть изо рта скрытый песок, отчего образовались бугры, горы и холмы. А до того земля была ровная и гладкая. Чам-Пас проклял Шайтана и изгнал его в преисподнюю» (Гальковский 1916: 136-137).

Н.М. Гальковский (со ссылкой на Булашева, «Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях, вып. 1, Киев, 1909, с.69-88) отмечает аналогичность содержания и «дуалистического миросозерцания» в малороссийской легенде о миротворении (1916: 137). В то же время сам Булашев, пишет Гальковский, отмечает сходство малороссийских рассказов о миротворении с соответствующими легендами карелов Олонецкого края. Еще более удивительным кажется сходство сюжетов с балканскими памятниками, например, с сербской народной песней «Цар Дуклиian и креститель Iован» (1916: 137-139). И уже перестает удивлять отмеченное Булашевым «сходство украинских сказаний дуалистически-космогонического характера» с богомильскими апокрифами «Свиток божественных книг» и «Беседа трех святителей» (Гальковский 1916: 139).

И если связь украинских сказаний о миротворении с богомильством исследователями

объясняется влиянием апокрифов, книжного влияния богомильства, то влияние последнего на финнов, причем географически разбросанных: и на карелов, и на мордву, и марийцев и т.д., выглядит гораздо сложнее и запутаннее.

По этому поводу Н.М. Гальковский размышляет: «Но как сложился ... финский рассказ о сотворении мира, проникнутый дуализмом, ... богомильством? Мордовский рассказ записан в XIX столетии. Возможно, что мордва позаимствовала легенду у русских и переработала ее сообразно своему миросозерцанию. В таком случае и мордовский рассказ является отражением книжного апокрифа. Но как объяснить сходство русского летописного рассказа под 1071 г. с мордовской легендой? Решить этот сложный и темный вопрос нелегко» (1916: 139).

Вполне реалистический ответ на вопрос о «богомильстве русских финнов», на мой взгляд, предложил А.Н. Веселовский. Он «сильно сомневался в исконно-славянском характере дуалистического мифа о мироздании», «склонен признать дуализм ростовских кудесников ... в основе своей финским». «Возможно, – пишет он, – что черемисская, мордовская и т.д. и южнославянская легенды принадлежали первично одной и той же полосе развития и религиозного миросозерцания; богомилы лишь внесли в круг своих дуалистических мифов, может быть, не славянское представление, отвечавшее их целям, а черемиссы получили обратно свой старый космогонический миф в освещении христианской ереси и апокрифов» (цит. по: Гальковский 1916: 139-140). По мнению А.Н. Веселовского, и космогоническая легенда, изложенная в апокрифических вариантах «Беседы трех святителей» и в народных сказаниях, восходит к финно-угорской мифологии» (Цит. по: Мильков, Милькова 1997: 222).

В связи с «богомильством» русских летописных волхвов совершенно другой смысловой контекст могут приобрести известия так называемого «Обстоятельного повествования о том, как крестился народ Росов» – греческого сказания о крещении князя Владимира и Руси [15]. В произведении есть следующий эпизод. Князь Владимир дивился и недоумевал, видя многочисленный русский народ *«преклоняющимся туда и сюда и упорствующим ради учения и служения их... поелику одни лобызали и чтили (веру) Евреев как величайшую и древнюю, а другие ублажали веру Персов и к ней прилеплялись, и другие веру Сирийцев, и иные веру Агарян, и было во всех сих величайшее смешение и любопрение об их учении и вере»* (Голубинский 1901: 248). И еще один близкий по смыслу эпизод: *«Народ их* (русский – Р.Р.) *погрязает в весьма многих верах и учениях...»* (Голубинский 1901: 249).

Фактическая достоверность данного известия из-за отмечаемой им же тенденциозности произведения категорически отвергается О.М. Раповым. Он пишет: «Автор “Обстоятельного повествования...” показывает полное незнание славянского язычества, господствовавшего на Руси до принятия христианства. В сказании Русы представлены нелепым народом, не имеющим собственного вероучения и заимствующим религиозные воззрения у жителей других стран»; «Сказание носит ярко выраженный прогреческий и антирусский характер» (Рапов 1988: 113-114).

Отметим, что десятки исследователей в свое время признавали и сегодня продолжают признавать, что мы доподлинно не знаем славянское язычество, поскольку судим о нем и сведения о нем черпаем из более поздней и, естественно, тенденциозно, антиязычески настроенной христианской традиции (Аничков 1914: 259; Топоров 1996: 161; Левкиевская 1996: 175: Данилевский 1999: 192-194). Но попробуем, преодолев чувство «за державу обидно», взглянуть на это сообщение с точки зрения «национального состава» пантеона языческих богов Владимира 980 г. и мировоззрения волхвов. Достаточно прозрачно можно определить, кто на Руси в языческий период придерживался «*веры Евреев*» и «*веры Агарян*». Но как быть с «*верой Персов*» и «*верой Сирийцев*»? Можно согласиться с И.Н. Данилевским, что предположение В.Н. Топорова о том, что включение в Пантеон 980 года двух иранских богов, Хорса и Симаргла, было связано с попыткой Владимира привлечь от хазар на свою сторону хорезмийскую гвардию, вызывает сомнения, поскольку Хорс упомянут как в одиночку, так и рядом с Перуном не только в ПВЛ, но и в ряде других произведений литературы Древней Руси (Топоров 1995: 508-516; Данилевский 1999: 197-198). Сам В.Н. Топоров отмечает этноконфессиональную чуждость Хорса древнерусскому населению (Топоров 1995: 515-516). К сожалению, датировка памятника затруднена, но все же выскажем предположение, что связь языческого населения Руси с *«Персами»* и *«Сирийцами»* – это всего лишь гипотетическая, логическая, вероятно, имеющаяся только в голове автора сказания, связь древнерусских волхвов с дуализмом зороастризма, манихейства, павликианства и богомильства. Ведь на момент создания «Обстоятельного повествования...» богомильская ересь была уже хорошо известна в Византии. Не лишним будет предупреждение, что это была всего лишь гипотетическая попытка объяснить непонятный эпизод из греческого сказания.

Я сознательно не хочу вторгаться в такую сложную тему, как истоки формирования бого-

[15] Сказание было найдено в XVIII в. в Парижской королевской библиотеке в отрывках словацким ученым А. Бандурием. В 1886 г. полный текст произведения найден русским ученым В.Э. Регелем. Опубликовано в кн: Голубинский 1901: 248-252; см. также Рапов 1988: 107, 113-114.

мильской ереси на Балканах, но в свете затрагиваемой нами проблемы взаимосвязи балканских волохов и русских волхвов не могу не высказать следующего соображения. В первой главе мы уже говорили о «неправильном христианстве» византийских волохов, о «влашском дьяволизме», о стереотипе «колдовского народа» в глазах соседей и т.д. Рискну предположить, что волохи, народ, по нашей гипотезе, прибывший с востока и как-то связанный с финно-угорским миром, оказавшись в свое время на Балканах, внес свою «мировоззренческую лепту» в формирование богомильской ереси. И именно этим, возможно, и объясняется сходство апокрифов и проникнутых богомильством легенд с легендами о миротворении и у некоторых финно-угорских народов, и у волхвов в Древней Руси.

Может, этим объясняется упоминавшееся уникальное свидетельство новгородского епископа Иоакима Корсунянина, называвшего главного волхва в Новгороде именем Богомил. Именно он в 988 г. призвал новгородцев выступить против крещения за сохранение старой веры (Боровский 1982: 32; Кузьмин 1988: 193). При всей дискуссионности достоверности известий, приписываемых Иоакиму, необходимо признать: даже если волхва и не звали Богомилом, даже если это результат более поздней выдумки переписчика [16], какой мотив у последнего называть волхва Богомилом? Вероятный мотив – реальная или кажущаяся, приписываемая его современниками связь волхвов с богомильством.

Однако, говоря о направлении в историографии, связывающем летописных волхвов с финно-угорским миром и приписывающем им дуалистические, в частности, богомильские представления, необходимо отметить и то обстоятельство, что оно, кроме работ, в которых вообще игнорируется вопрос о славянстве или неславянстве волхвов, конечно же, вызывает и критику в свой адрес. В этом плане показательна недавняя работа В.В. Милькова и С.В. Мильковой (1997).

Эти авторы полагают, что при составлении летописного «Повествования о волхвах» имело место сильное влияние апокрифов. Источником рассказа новгородского кудесника о путешествующих между небом и землей бесах, по мнению этих исследователей, является апокрифическое сочинение «О Соломоне и Китоврасе», отразившее древнюю иудейскую легенду об Асмодее. Поскольку названный апокриф появился на Руси в XV-XVII вв., то В.В. Мильков и С.В. Милькова предполагают, что какой-то общий с этим апокрифом источник находился в руках составителя «Повествования о волхвах» (1997: 210-211). Речи волхвов о сотворении мира эти авторы считают смесью языческой мифологии (признавая ее либо славянской, либо финно-угорской) и преданиями апокрифической литературы. Последние, по их мнению, затемнили сам смысл пересказываемого мифа. Упомянутую мордовскую легенду о миротворении В.В. Мильков и С.В. Милькова считают «вторичным продуктом, возникшим в результате влияния письменной культуры на устную», правда, оговариваются: «но для того, чтобы выяснить, что первично, а что вторично, нужно поднять весь цикл мифологических сказаний финно-угорского ареала» (1997: 211-212, 239).

Оговорка существенна, поскольку сами авторы отмечают легенды неславянских народов, аналогичные древнерусским мифо-апокрифическим сказаниям, и приводят, к примеру, распространенные у черемисов (1997: 222). Авторы убеждены, что «при реконструкции языческих представлений нельзя безоговорочно доверять древнерусским информаторам: следует делать поправку на переработку апокрифов в процессе приспособления их для передачи мифологической идеи», и критикуют тех исследователей, которые оценивают мировоззрение волхвов по летописи, и тех, кто идеологию волхвов воспринимают как результат влияния идей богомильского дуалистического учения, шедших из Болгарии.

В.В. Мильков и С.В. Милькова полагают, что: 1) правильнее говорить не о мировоззренческом дуализме волхвов, а о дуальности основных понятий языческой космологии; 2) для славян дуализм не был характерен; 3) дуализм волхвов в летописи объясняется двоеверием в древнерусском обществе (1997: 224-229).

Хотелось бы заметить следующее. Сомнений нет, что летописцы не передавали в «чистом», не «переработанном» виде взгляды волхвов. Отпечаток эпохи двоеверия и борьбы с реминисценциями язычества, собственного мировоззрения летописцев и близкой им литературы, конечно же, присутствовал. Но это признание не снимает проблему сходства мифологических представлений летописных волхвов и финно-угров. Более того, необходимо помнить, что именно то финно-угорское население, чьи взгляды могли отражать волхвы, было полностью ассимилировано и обрусело. Поэтому, даже если «поднять весь цикл мифологических сказаний финно-угорского ареала», другие точные аналогии мы можем и не найти.

[16] Даже скептически относившийся к достоверности Иоакимовской летописи А.А. Шахматов полагал, что Иоаким Корсунянин в самом деле является автором древнейшей Новгородской летописи, и рассказ о крещении новгородцев, входивший в состав этого «новейшего сочинительства», был создан современником и участником обращения в христианство новгородцев – именно епископом Иоакимом на грани X и XI вв. Доводы, приведенные А.А. Шахматовым и В.Л. Яниным в пользу древности рассказа Иоакимовской летописи о крещении Новгорода, убедительны (Рапов 1988: 257-258; Кузьмин 1988: 194).

При характеристике дуализма волхвов авторы как бы подспудно мыслят их как представителей славянского этноса, для которого, по их мнению, дуализм в мировоззрении не характерен. Необходимо напомнить: очень сильна вероятность того, что волхвы, описанные в летописи, по отношению к восточным славянам были иноэтничными.

II.3.2. Волхвы, чудь и Велес

Темы, посвященные Велесу (Волосу), – его происхождение и место в индоевропейской и славянской мифологии, роль Змея в Основном мифе, функции, связанные с его ролью в загробном мире (пастырь – пастух мертвых душ, связь со смертью и рождением, болезнью и исцелением, золотом и богатством), водной стихией, покровительством скотоводству, торговле, прядению и ткачеству, поэзии и искусству, функции христианских заместителей Велеса и др. – настолько часто и полно исследовались в специальных работах, что мы не будем касаться этих вопросов, а затрагивать их только в случае необходимости (Иванов, Топоров 1965; 1974; 1976; 1979; Мачинский 1981; Рыбаков 1981; 1987; Успенский 1982; Попович 1985; Фаминцын 1995; Топоров 1995, 1996; Писаренко 1996; Эрлих 1997; Данилевский 1999; и др.).

Связь русских летописных волхвов именно с Велесом (Волосом) также многократно, давно отмечалась исследователями как с точки зрения лингвистики (общего происхождения слова «волхвы» и имени бога Велеса от исходной индоевропейской мифологемы *uel-/*uol-; одним из аргументов в пользу этой связи служит одна из форм имени «волхв» – «волъсви», «волсви»), так и с точки зрения функций и действий волхвов (Иванов, Топоров 1979: 73; Успенский 1982: 64-65; Попович 1985: 93; Эрлих 1997: 151).

Прямым доказательством того, что люди, называемые летописью волхвами, были если не служителями, то поклонниками «скотьего бога» Велеса, является свидетельство одного из интереснейших произведений древнерусской литературы – «Сказания о построении града Ярославля». Оно рассказывает о нескольких попытках Ярослава Мудрого привести в повиновение и насадить христианство среди ростовской чуди в местечке Медвежий угол в начале XI в., о возникновении нового города Ярославля (Рапов 1988: 317-320).

Однако необходимо обратить внимание на очень важный вопрос: верующими в каких богов были летописные волхвы, были ли они служителями культа именно и только Велеса (Волоса)? На первый взгляд (и здесь сказывается влияние на нас возникшего еще в Древней Руси понимания термина «волхвы» как профессиональных шаманов, колдунов, жрецов и т.д.), кажется, что летописные волхвы уже изначально связаны не только с Велесом, но и с другими языческими божествами Древней Руси, а сам Велес с самого начала связан не с чудью, а со всей Русью.

Но обратимся к данным древнейших письменных источников, поскольку в более поздних свидетельствах, в частности, уже этнографического характера и слово «волхвы», и Велес (Волос) приобретают гораздо более широкое «общенациональное» звучание. Волхвы, когда речь идет о событиях русской истории, очень редко упоминаются в Начальной летописи. Еще реже упоминается здесь Велес (Волос), всего лишь два раза – в договорах Олега и Святослава с греками:

1) Под 907 г.: Поход Олега на греков… *«...Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир»* (ПВЛ 1996: 153).

2) Под 971 г.: *«... Я Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир... ...Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем»*. (ПВЛ 1996: 171).

Из этих двух упоминаний трудно определить, в отличие от ситуации с Перуном, кого представлял в клятвах Велес. В договоре Олега подразумевается только лишь то, что Велес – это не бог Олега и «его мужей». Клятва же Святослава дает больший простор для размышлений. Перун – это «бог, в которого веруют» сам Святослав, а также те, «кто со мною» (со Святославом) – то есть «подданные ему русские, бояре». Велес, «скотий бог» – это бог остальных «подданных», бог «прочих», – это, по всей видимости, бог не тех, «кто со мною», а тех кто, «подо мною», то есть тех, кто покорен Святославом.

Есть только два претендента на роль последних – славянские племена и чудь. Поскольку в тексте договоров, кроме Перуна и Велеса, не упомянуты другие языческие божества, которые могли бы претендовать на роль славянских и чудских богов, предполагается, что в период первых варяжских князей для неваряжского населения Руси главным «официальным» богом был Велес. В.Н. Топоров, исходя из анализа летописных текстов клятв Олега и Святослава, а также упоминаний в других про-

изведениях, полагает, что «Волос понимается как покровитель Руси, более того, как некий персонифицированный образ Руси в ее материальном благополучии» (Топоров 1995: 503). Необходимо попытаться выяснить, только ли для славян на Руси был характерен культ Велеса или для чуди также? В случае подтверждения последнего стоит задаться вопросом: перенимала ли чудь культ Велеса непременно у пришлых в регион славян?

Для нашей историографии такие вопросы могут показаться странными. Исследователи достаточно едины в признании балто-славянского или чисто балтского происхождения на Руси главенствующей противоборствующей пары богов – Перуна и Велеса (балтские прототипы Перкунас и Вельс/Вяльняс) (Мачинский 1981; 1986: 19; Кузьмин 1988: 12; Иванов, Топоров 1979: 69-71; Топоров 1995: 521, 526, 531). В целом, с этим можно согласиться. Однако балтское происхождение Велеса вовсе безоговорочно не означает, что славяне передали его чуди, «принеся» его культ с собой, или что не могло быть посредства чуди или тесно связанной с ней местной неславянской (балтской?) группы населения для передачи его пришедшим на север славянам. Например, А.Г. Кузьмин, указывая на происхождение и распространение культа Перуна, отмечает, что, несмотря на относительную популярность в славянском мире, культ Перуна «общеславянским, да и вообще славянским, видимо, не был» (Кузьмин 1988: 12). В.В. Иванов и В.Н. Топоров, говоря о комплексе представлений и обрядов, связанных с корнем *uel- в религии ранних балтийских племен и отмечая его отражение в общеславянских представлениях о боге с именем *Vel(e)sъ, признают, что это отражение было особенно сильно у восточных славян, причем на севере Руси (Иванов, Топоров 1979: 71-72; см. также Топоров 1995: 521).

Несколько парадоксальной выглядит ситуация, что имени Велеса мы не видим в чрезвычайно развитом язычестве балтийских славян, которое и лучше всего известно благодаря многочисленным письменным источникам, но встречаем у восточных на севере Руси. Почему же именно здесь получил распространение культ Велеса? Возможны два варианта объяснения этой ситуации. Один предложен Д.А. Мачинским. Он видит в летописных кривичах балтский этнос с высокой степенью сакрализованности и полагает, что «древнерусская пара богов Перун-Волос/Велес является специфическим севернорусским образованием и могла сложиться лишь в областях, где славяне и скандинавы издавна соприкасались с балтами (имеются в виду кривичи – Р.Р.)» (Мачинский 1986: 19). Этот вариант, на наш взгляд, гипотетически достоверен, но при условии следующего добавления: кривичи должны были «передать» Велеса не только пришедшим на Северо-Запад словенам, но и чуди, как местной, так и той, что проживала на территории Ростово-Суздальской земли. Чуть позже мы убедимся в необходимости такого добавления. Второй возможный вариант: на территории будущей Северной Руси еще до прихода сюда славян культ Велеса получил распространение благодаря тесному соседству или даже инкорпорированию в состав чуди региона этнической группы индоевропейского происхождения, возможно балтского, которая известна источникам под именем волхвов (волохов). К приходу славян в регион волхвы уже могли восприниматься ими как представители одного из чудских народов.

На возможное участие именно чуди в распространении у славян севера культа Велеса наталкивает давно подмеченное исследователями своеобразное размежевание сфер влияния Перуна и Велеса в древней Руси: первый был популярен и оставил наиболее ощутимые следы в топонимике и поверьях в Южной Руси, второй – в Северной (Иванов, Топоров 1979: 72; Мачинский 1986: 19; Петрухин 1995: 138-141; Фаминцын 1995: 37-38; Данилевский 1999: 200). Перун, как известно, соотносится с богом-громовником славян, указанным Прокопием Кесарийским, однако для славян «дунайского» периода следы культа Велеса или другого родственного по функциям бога не известны. Распространенность в Северной Руси – Новгородской и Ростово-Суздальской землях – топонимики, связанной с Велесом (Иванов, Топоров 1979; Мачинский 1986: 19; Петрухин 1995; Фаминцын 1995: 37-38; и др.), не предоставляет возможности судить о первичной «этнической принадлежности» последнего из-за этнического многообразия этого региона и не исключает возможности того, что культ Велеса мог быть распространен у местного финно-угорского населения.

В поздней Густинской летописи «среди “идолов русских” вместе с Волосом перечислены Перун, Позвид, или Похвист, Ладо, Купало, Коляда, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь. В “Синопсисе” в статье *“о идолах Владимировых”* упоминаются те же божества, и кроме того, Лель и Полель – дети Лады» (Гальковский 1916: 6; ПСРЛ, 2: 257). Из этих перечислений исконно-славянское происхождение Велеса никак не следует, поскольку видим в списке явно инородных Хорса, Симаргла, возможно, Мокошь и т.д. То же самое можно сказать и о другом источнике: в известном в переводе XII в. с греческого популярном на Руси апокрифическом произведении «Хождение Богородицы по мукам» переводчик «внес имена, по его мнению, славянских богов: Трояна, Хорса, Велеса, Перуна». Ни один из них не может претендовать на исконное славянство (Гальковский 1916: 8 и сл.; Апокрифы 1997: 81-84). Велес упомянут в «Слове о полку Игореве»: вещий певец Боян назван внуком Велеса (Слово 1995:

I, 9). И это упоминание не определяет этнически последнего, так как у Велеса одна из его «интернациональных» функций связана с покровительством поэзии, песням, искусству (Гальковский 1916: 28; и др.).

Обратимся к сочинению неизвестного автора, по всей видимости, грека, «Житию блаженого Володимера». Памятник сообщает, что во время Владимира в Киеве на Подоле стоял идол Волосу. Во время крещения киевлян Владимир *«Волоса идола, его же именоваху скотья бога, веле в Почайну реку въврещи»* (Голубинский 1901: 231; Рапов 1988: 40-41). «Учитывая, что в христианские времена Велеса сменил культ св. Власия, также покровителя скота, – пишет Я.М. Боровский, – исследователи размещают капище Велеса на месте церкви св. Власия (ведь по летописи, церкви строились на месте языческих капищ). Церковь св. Власия, сгоревшая в 1651 г., находилась в северной части Подола, приблизительно за ул. Нижний вал, возле деревянной церкви Введения Богородицы. Предполагают, что нынешняя Волошская улица на Подоле в древности подходила к капищу Велеса, откуда и получила свое название» (Боровский 1982: 22).

При всей заманчивости и реальности подобной реконструкции никаких определенных выводов о исконном славянстве или неславянстве Волоса применительно к территории Руси сделать нельзя. Киев был столицей полиэтничного государства и не мог не быть «многонациональным» городом. Тем более, речь идет о Подоле, где и по археологическим данным известно, что там жили ремесленники – представители самых разных этносов и конфессий (Килиевич, Орлов 1985: 61-76).

Киевские материалы, может, и не свидетельствуют ни о славянской, ни о чудской принадлежности Велеса и волхвов, но косвенным образом подтверждают, что летописные волхвы не были служителями культа Перуна. Вспомним известный летописный сюжет: после победы Владимира над ятвягами в 983 г. и когда он *«пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими»*, жребий быть принесенным в жертву пал на сына одного варяга-христианина. Варяг *«не дал сына своего бесам»*. Фанатичная толпа убила их обоих. Крайне важно, что летописец при довольно большом по объему рассказе ни разу не упомянул про волхвов. Как отметил В.М. Бейлис, на необходимость жертвы князю указывают, *«старци и боляре»*, а не волхвы (ПВЛ 1996: 175; Бейлис 1974: 79).

Существуют только два памятника древнерусской литературы, которые более или менее определенно указывают на этническую «привязку» Велеса – «Сказание о построении града Ярославля» и «Повесть о водворении христианства в Ростове» (Житие св. Авраамия Ростовского). И оба памятника связывают Велеса (Волоса) именно с чудью Ростовской земли. Первый из них прямо указывает и на то, что служителями культа Велеса были волхвы.

Итак, уже упоминавшееся «Сказание о построении града Ярославля». Описываемые события произошли в интервале времени 988-1010 гг. Оценка специалистами достоверности сообщаемых памятником сведений высокая (см. Рапов 1988: 317-318). Исследователи полагают, что «в основе этого памятника лежит древняя запись, которая хотя и подновлялась позднее, но, тем не менее, в достаточной степени отразила истинный ход событий» (Рапов 1988: 317).

В «Сказании» повествуется о борьбе Ярослава Мудрого с жителями *«селища рекомое Медвежий угол, в нем же паселенцы – человецы поганыя веры – языцы, зли сущи». Язычники занимались скотоводством, а также грабили тех, кто передвигался по путям. «Идол, ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем бес живя, яко и страх многи твори, стояше среди логовины, нарицаемой Волосовой, отселе же и скотии на пажити изгоняше. Сему же многоказненному идолу и керметь* (капище – О. Рапов) *створена бысть и волхов вдан, а сей неугасимый огнь Волосу держа и жертвенная ему кури. Тако когда прииде первый спут* (выгон – О. Рапов) *скотия на пажити, волхов закла ему тельца и телицу, в обычное же время, от диких зверей жертвенное сожига, в неких больных* (тяжелых случаях – О. Рапов) *– от человек. Сей волхв, яко пестун диавола, мудрствуя силою исконного врага, по исходищу воскурению жертвеннаго разумева и вся тайная и глагола словеса приключившимся ту человецем, яко словеса сего Волоса. И вельми почтен бысть сей волхв у языцев. Но люто и истязуем бываше, егда огнь у Волоса преста: волхва по тем же дне и часе реши кермети, и по жребию избра иного, а сей закла волхва и, ражже огонь, сожига в сем труп, яко жертву точию дьяволу возвеселити сего грозна бога. Тако исконный враг рода человеческаго омрачи сердца человеков, и тако сии человеци жиша мнози леты»* (цит. по: Рапов 1988: 318).

В ходе борьбы с язычниками князь Ярослав несколько раз приходил в Медвежий угол, пытаясь обратить их в христианство, заложил здесь новый город, назвав его своим именем, привез сюда мастеров, построил церковь Илии Пророка, но язычники *«не приобщишеся граду, живяше особь и кланяшеся Волосу»* (цит. по: Рапов 1988: 319). Христианизация в этих местах победила значительно позднее, и еще в 70-е годы XI в, как мы видим из рассказа «Повести временных лет», местные волхвы пользовались влиянием, подняв во время голода восстание по Волге, Шексне и Белозерью. В плане живучести в этих местах культа Велеса и его дальнейшей трансформации любопытно, что в XIX в. местный приход назывался Власьевским

(см. ссылку О. Рапова на работу А.Н. Лебедева «Храмы Власьевского прихода в Ярославле» – Рапов 1988: 318).

Второй памятник – «Повесть о водворении христианства в Ростове» (Житие св. Авраамия Ростовского) (Повесть 1860) переносит нас в Ростов 1073-1077 гг. Это дата предлагается В.О. Ключевским, проделавшим блестящий анализ памятника в известной работе «Древнерусские Жития Святых как исторический источник» (Ключевский 1988: 37). Первый, интересующий нас рассказ Жития, повествующий о борьбе Авраамия с ростовским язычеством и об основании им монастыря, сообщает в легендарной форме, как считают исследователи памятника, реальные исторические факты (Ключевский 1988: 35; Рапов 1988: 312-316).

Авраамий появился в Ростове еще до крещения ростовцев и начал борьбу с идолом последних. *«Видел же преподобный прелесть идольскую соущу, (в Ростове) не оубо бе еще прияша святое крещение, но чюдескый конец поклоняшеся идолу камену* (но по др.редакции: *«Но чюдскый конец единаче поклоняшеся идолу камену* – Р.Р.); *омрачени бо суть сердце их, бесу злу живущу...»* Авраамий встречает старца, который его спрашивает, отчего он *«ради скорбя седиши близ страстного сего идола Велеса?* (др.вариант: *Близь многострастного сего идола окаянного Велеса)»* (Повесть 1860: 221). Благодаря помощи Иоанна Богослова Авраамию удалось уничтожить каменного кумира тростью, а на его месте он построил монастырь.

Таким образом, два указанных памятника древнерусской литературы не оставляют сомнений, что в Ростовской земле в конце X в. – 70-х гг. XI в. Велес действительно был божеством местной чуди, а служителями его культа были волхвы. Признавая распространение культа Велеса у славян, говорить все же о том, что ростовская чудь «переняла» Велеса у соседних, пришлых в регион славян (когда и при каких условиях?), в этом случае нет оснований, поскольку ни один известный памятник пока не предоставляет нам для этого данных. По-видимому, процесс мог иметь на севере и противоположное направление: заимствование шло от чуди или, что более вероятно, иной этнической группы, тесно с ней связанной, к соседнему славянскому населению Руси. Данное предположение, во-первых, не отменяет факта «исконного» происхождения Велеса и его популярности в целом в славянском мире, а во-вторых, делает актуальным вопрос: когда, на какой территории, при каких контактах индоевропейцев и финно-угров, у некоторых из последних появился культ Велеса?

Конечно же, то, что данная проблема носит «глобальный» характер, давно ощущалось многими исследователями. Например, еще Е.В. Аничков, отмечавший связь летописных волхвов с финнами, при этом заметил, что Велес – «распространеннейшее название Злого Духа: Вельзевул – имя бога одного из народов, с которыми сталкивались древние Иудеи» (Аничков 1914: 109). Действительно, в Ветхом Завете Веельзевул – бог филистимлян, «бог мух» (IV Цар. 1:2,3,6,16; Матф. 10:25, 12:24,27; Мар. 3:22; Лук. 11:15,18,19), особо почитаемый в Аккароне и связанный не только с охраной от мух, но и с врачеванием. В Новом Завете Вельзевул трансформировался в *«начальника злых духов, князя бесовского, которого сам Господь называет сатаною»* (Библейская энциклопедия 1990: 111-112). Учитывая противопоставление Велеса Перуну на Руси и распространенность их культа у балтов (Иванов, Топоров 1979: 70-71; Мачинский 1986: 19; Кузьмин 1988: 12; Топоров 1995: 526; 1996: 173), можно подозревать, что Велес оказался связанным с чудью на будущей территории Руси или через посредство имевших место балтско-финно-угорских контактов [17], или в результате еще более ранних контактов индоевропейцев и финно-угров (рис. 4).

То, что у одной из финно-угорских этнических групп на Руси самостоятельно, без посредничества именно славян мог возникнуть культ Велеса – божества индоевропейского происхождения, не является фактом исключительным. Например, обские угры, как показывает В.Н. Топоров, заимствовали иранское божество: известный на Руси Хорс и обско-угорское божество Kurəs, Kworəs, Korəs имеют общий иранский источник (Топоров 1995: 521, 525).

Можно указать еще на ряд моментов (к сожалению, не бесспорных) в пользу связи культа Велеса (Волоса) с финно-угорским миром на территории Руси.

В уже анализировавшемся летописном рассказе о казни волхвов во время мятежа 1071 года именно медведь снимает с дерева и уносит их тела, что, как мы видели, некоторыми исследователями характеризуется как ритуал языческого «вознесения» (Фроянов 1986: 48). Однако, как соотносится медвежий культ, чрезвычайно развитый (даже по сравнению со славянами лесной полосы Восточной Европы) у финно-угров и продемонстрированный в данном летописном рассказе, и тесная связь культа медведя (лешего) с Велесом и его христианскими заместителями Николаем Угодником и Власием (Иванов, Топоров 1979: 72; Успенский 1982: 85-111; Топоров 1996: 168)?

[17] Данные археологических исследований (особенности происхождения и распространения дьяковской культуры, продвижение ее носителей в районы Ярославского Поволжья и Волго-Клязьминского междуречья) (Горюнова 1961; Третьяков 1966; 1970; Седов 1971; 1982; 1990; 1999; Розенфельдт 1982; Голубева 1987; Леонтьев 1996; Рябинин 1997; Финно-угры 1999) предоставляют возможность судить о балтско-финно-угорских контактах, в результате которых у части поволжской чуди мог получить распространение культ Велеса.

Возможно, такое тесное сближение Велеса с медвежьим культом, придание медведю черт Велеса (черта, лешего и ведьмака-ведьмедя) в восточнославянских поверьях и архаических ритуалах произошло под влиянием, по всей видимости, опосредованным, балто-финно-угорской среды (ведь именно «для севера Руси характерно переплетение культа Велеса-Власия с почитанием медведя как хозяина животных» – Иванов, Топоров 1979: 72). В какой-то мере об этом свидетельствует и следующий сюжет.

В специальной работе О.Б. Ткаченко [в которой предлагается возможная ныне попытка системной реконструкции (на всех уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом) мерянского, мертвого и бестекстного финно-угорского языка, распространенного в прошлом в Центральной европейской части России: полностью – Ярославской, Ивановской, Костромской; частично – Калининской, Московской (за исключением юго-западной части), Владимирской (к северу от Клязьмы и отчасти к югу от нее, за исключением земель другого финно-угорского племени муромы)] нельзя не обратить внимание на слово Ёлс – «леший, черт». Слово распространено на территории (Ярославская, Ивановская, Костромская обл.), занятой в прошлом мерей. Д.К. Зеленин и М. Фасмер считают «ёлс» преобразованным «табуизированным» славянским «Велес» (Ткаченко 1985: 147). Табуированным обозначением Велеса считает слово Ёлс и В.Н. Топоров (Топоров 1996: 169). Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров в более ранней работе пишут: «В своей языческой функции Волос-Велес воспринимается позднейшей православной традицией (в той мере, в какой она его не ассимилировала, отождествив со св. Власием) как ‘лютый зверь’, ‘черт’, откуда костромское диал. ёлс <*вол(о)с ‘леший, черт, нечистый’, диал. ‘волосатик, волосень, нечистый дух, черт’» (Иванов, Топоров 1979: 72).

О.Б. Ткаченко совершенно справедливо задается вопросом, почему только на бывшей мерянской территории сохранилась эта предполагаемая славянская табуизированная форма, и предлагает следующее решение: «Русское диалектное ёлс является отражением мерянского слова, возникшего на основе заимствованного в мерянский для передачи этого важного религиозного понятия греческим διάβολος “дьявол”»; «С греческим языком меря столкнулась в связи с христианизацией. Отсюда, видимо, первыми миссионерами-греками заимствовались термины, связанные с христианской религией διάβολος» (Ткаченко 1985: 147, 186).

Гипотеза О.Б. Ткаченко интересна, но порождает и много вопросов. Действительно, если имя Велес (Волос) славянского происхождения (а О.Б. Ткаченко, как и Д.К. Зеленин и М. Фасмер, считает именно так), вернее, было распространено только у славян, то почему только на постмерянской территории сохранился его отголосок – Ёлс? Пресловутые «греки-миссионеры» обращали в христианство, по всей видимости, также не только на территории мери. Противоречия снимаются, если признать, что русское диалектное Ёлс – «леший, черт» – это отражение распространения языческого культа Велеса (Волоса) у мери, который, по крайней мере, для этой территории зафиксирован и отражен в сообщениях письменных памятников.

Исходя из общеисторических соображений, замечу, что передача греками мери слова «дьявол» в первые века христианизации в «обход» древнерусской демонологии маловероятна. Слово Ёлс демонстрирует связь Велеса на Руси с мерей. Созвучие Волоса с «дьяволом», случайное или закономерное (см. выше), выводит нас на более общую проблему – происхождение слов, связанных с терминами сакральной и военной власти (см. Эрлих 1997: 156-157), а также с восприятием языческого Велеса в русском обществе накануне и в период христианизации.

Отметим, связь Велес/Волос – дьявол просматривается не только на «библейских» и русских материалах. Например, старочешское (встречается в текстах XV-XVI вв.) Veles означает ‘черт, злой дух, демон’ (Иванов, Топоров 1974: 66; 1979: 72). На чешские проклятия, как содержащие единственные за пределами Руси упоминания имени Велеса в связных текстах и сопоставляющие его со змеем и чертом, обратил внимание и Д.А. Мачинский (1981: 128-129). Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что Велес в Чехии может быть связан с так называемыми моравскими влахами, чей этногенез неясен, время и обстоятельства появления на территории Чехии дискуссионны и могут относиться к раннеславянской эпохе (Грацианская 1975: 80-86).

Возможно, существованием культа Велеса у чуди объясняется тот факт, что культ св. Николая Угодника (христианского заместителя Велеса) «приобрел самое широкое распространение среди чувашей и финно-угров Поволжья, угорских народов Сибири и на Русском Севере, совмещая функции и черты многих христианских святых, а также самого Христа» (Вовина 2002: 47).

Можно указать еще на один момент, возможно характеризующий связь чуди с Велесом на Руси – его «семейное положение». По народным представлениям, спутницей или подругой Велеса считалась богиня Мокошь (Макошь, Мокша) (Боровский 1982: 21) – единственная дама в языческом пантеоне Владимира. Образ и функции Мокоши, как замечает И.Н. Данилевский и на что не всегда обращают внимание исследователи, могут быть восстановлены лишь гипотетически (Данилевский 1999: 202). Согласно В.Н. - Топорову, только Перун, Велес и Мокошь наиболее достоверно принадлежат к самому древнему архаическому балто-славянскому слою и «только они входят в реконструируемую сюжет-

ную схему “основного” мифа как персонажи, находящиеся между собой в брачных отношениях» (Топоров 1995: 526). Этот автор полагает, что Мокошь «может быть введена в сюжет “основного мифа” в функции жены громовержца, воплощения хтонической стихии, земли и воды» (Топоров 1996: 167).

Однако в том, что Мокошь была женой Перуна, исходя даже из тех материалов, которые предоставлены В.Н. Топоровым (1996: 167), можно усомниться. И стихии, которые Мокошь представляет, и функции, которые она выполняет, скорее делают ее заместителем Велеса. Возможно, по этой причине, чисто формальной, Велеса нет, а Мокошь присутствует в пантеоне Владимира 980 г. Исследование Д.А. Мачинским мифо-эпических связей женщины и воды, женщины и змея (1981: 124-126, 133) не оставляет сомнений в том, что Мокошь могла быть связана брачными узами с Велесом, а не Перуном. Вообще распознавание брачно-семейных уз в такой тонкой и деликатной а, главное, малодоступной для нас (из-за катастрофической недостаточности информации) области, как славянский языческий пантеон – дело весьма сложное [18]. Учитывая те функции и стихии, которые представляет Мокошь, ее «брак» с грозным громовержцем почти автоматически перевел бы конфликт «основного» мифа в семейный.

М. Фасмер связывает этимологию имени Мокоши со словом «мокрый» или праславянским *Mokos, «прядение» (Данилевский 1999: 202), но надо признать, что чрезвычайно многочисленные попытки объяснить это имя, этимологизируя его на славянской почве, выглядят в большинстве случаев искусственно.

Интерес представляет замечание М. Власовой: «…Ведьма, наделяемая способностью влиять почти на все существенные стороны жизни (особенно на влагу, воду, плодородие), возможно, была связана и с высшим женским божеством восточнославянского пантеона – Мокошью (древнерусское “мокшить” значит “колдовать”, а “мокоша” – “ворожащая женщина”)» – Власова 1995: 75. Однако не имеем ли мы здесь дело с «обратным движением»: слово «мокшить» стало означать «колдовать» от уже «готового» имени Мокша и Макошь. Если же это не так, то в имени Мокша мы имеем синоним слову Волох-Волхв, которое в некоторых этимологиях содержит значение «колдун», «пророчица» и т.д. и которое еще раз указывает на близость Мокши к Велесу, собственно с которым волхвы и были связаны.

Несмотря на индоевропейское происхождение и популярность Мокоши у славян, ее достаточно вероятную связь с финно-уграми нельзя игнорировать хотя бы потому, что она носит в качестве имени индоевропейское по происхождению название финно-угорского народа – ветвь мордвы (Попов 1973: 103). Финской богиней ее считают Е.В. Аничков (1914: 275-276), В.В. Мавродин (1945: 317).

Состав пантеона Владимира 980 года и перечисления языческих богов в наиболее ранних литературных произведениях в Древней Руси, например, в «Хождении Богородицы по мукам» в историографии часто рассматриваются с точки зрения этнического представительства. Разные названия одного и того же божества – Хорс и Дажьбог – объясняют, например, полиэтничностью славяно-русского общества (см. комментарий В.В. Милькова в: Апокрифы 1997: 84; Топоров 1995: 508-516). Какие боги представляют скандинавов (балто-славянский аналог Тора – Перун), славян (Дажбог и Стрибог) и иранский этнический элемент (Хорс и Симаргл), нам с большей долей вероятности известно. Но какой бог представлял в пантеоне и этих перечислениях многочисленную чудь? Мокошь из всех богов пантеона 980 года наиболее вероятно представляла финно-угорский мир, что, возможно, не мешало ей одновременно быть популярной у славян.

С Велесом Мокошь связывают и многие атрибуты и функции. В поверьях они вместе противостоят противнику Велеса (Змея) – Перуну (Громовержцу). Это боевое содружество сохранилось и в действиях их христианских заместителей – Николы Угодника и Параскевы Пятницы против св. Георгия (одного из христианских заместителей Перуна) (см. Успенский 1982: 134-137; там же литература по данным вопросам). Подобно Велесу, Мокошь была теснейшим образом связана с овцеводством (Боровский 1982: 21; Рапов 1988: 40) (Велес же покровитель скотоводства, пастушества) и прядением пряжи и рукоделием, в народных поверьях предстает как богиня-пряха и покровительница торговли (Рапов 1988: 40). (Но и в функции Велеса, «скотьего бога», как считают исследователи, входило покровительство купцам, поскольку скот ассоциировался с богатством).

Мокошь Пятница в христианскую эпоху трансформировалась в Святую Пятницу или Параскеву Пятницу (Успенский 1982: 134-137). О.М. Рапов пишет: Макоши Пятнице «был по-

[18] Велес был не только богом-пастухом в Нижнем мире, подземном царстве, но и в Верхнем царстве, на небе, он в виде небесного пастуха Месяца, также связанный со смертью, пас небесные стада звезд (Волосыни, Власи, Влашкови звезди, Влашкова кола и т.п.) (Иванов, Топоров 1979: 75). И в связи с этим и его отношением к Мокоши вызывает интерес брачный выбор китайского мифологического «коллеги» Велеса – Ню-Лана (Небесный пастух, Волопас, китайская астрон. звезда Пастух/Альтаир в созвездии Орла). По древнейшей легенде, наиболее раннее изложение которой относится к II-I вв. до н.э., Ню-Лан взял в жены Чжи-Нюй (Ткачиха, небесная фея) (Юань Кэ 1987: 108-109, 294-295; Ню-Лан 1983: II, 868). (Благодарю за любезное сообщение Л.А.Мосионжника). Видимо, традиционное притяжение мифолог. Пастуха и Ткачихи шире даже рамок индоевропейской мифологии.

священ пятый день недели, в который, по славянским поверьям, нельзя было начинать никакого дела, ибо в противном случае это дело будет "пятиться". Работа в пятницу считалась грешным делом. В пятницу можно было лишь торговать» (Рапов 1988: 40). Почитание пятницы в христианское время, конечно же, отголосок язычества. Н.М. Гальковский отметил общераспространенность почитания этого дня на Руси и предположил, что «на выработку такого представления оказали влияние финны. У мордвы пятница – нерабочий день, посвященный Шкаю – солнцу. По верованиям чувашей, «Эрие ватта», «недельная старуха» смотрит за соблюдением пятницы» (Гальковский 1916: 98-100) [19]. В случае, если бы в северных районах древней Руси бытовали представления об изначальной разноэтничности Велеса и Мокоши, трудно было бы ожидать между ними дружбы, отраженной в поверьях.

II.4. «Мерьский» народ

II.4.1. Волхвы и волохи

Несмотря даже на чисто визуально кажущуюся лингвистическую родственность слов «волхвы» и «волохи», исследователи пытались их сблизить нечасто. И это понятно. Во избежание обвинений в дилетантизме и поверхностности. В научном сообществе уже стало нормой приличия считать, что созвучность или даже одинаковость слов в совершенно разных, не контактирующих между собой культурах, иногда даже называющих одно и то же явление, – случайность. Но излишние недоверие и критичность могут привести и к тому, что «вместе с водой будет выплеснут и ребенок». Волхвы и волохи были лишены в глазах исследователей мало-мальски вероятной исторической связи, и поэтому вопрос об их общности затрагивали в основном только с точки зрения лингвистики (Иванов, Топоров 1979). Последним и, как кажется, первым о существовавшей реальной исторической связи между волохами и волхвами писал С. Эрлих в статье 1997 г. Он привел и мнения лингвистов о родственности этой пары.

Сергей Эрлих пишет: «Рискну предположить, что «волхв» не происходит от «волох» – это различные формы написания изначально единого понятия. (Ср. "волъхва", "волъхве" как обозначение волохов и написание волхвов – "волъхвов", "два волъхва", "волхву' (ПВЛ-1: 10, 29, 117; ПВЛ-2: 184); другие написания волохов – "волхом", "волъхи", "волхи" и имя былинного волхва Волха Всеславича (ПВЛ-1: 11,21; ПВЛ-2: 184).)» (Эрлих 1997: 150) [20]. Исходя из факта самостоятельного контекста исторического развития в раннесредневековую эпоху Карпато-Балканского и Волго-Уральского регионов, можно присоединиться к гипотезе С. Эрлиха. В любом случае, безотносительно, что появилось раньше [21], лингвистическая связь «волохи-волхвы» поддерживается в историографии (Иванов, Топоров 1979: 73).

Связь «волхвы – волохи» поддерживается не только на уровне лингвистики. Отмечая отношения волхвов с Велесом (Волосом), необходимо вспомнить и о роли Велеса в Карпато-Балканском регионе, о соответствии «скотьего бога» и пастушества волохов. Словацкая песня «Пасли овец велесы», записанная в прошлом веке, отражает это соответствие (здесь велесы это – волохи? пастухи? боги волохов и/или пастухов?), но далеко не исчерпывает связь Велеса с волохами. Она реализуется и через общее происхождение от индоевропейской мифологемы, о которой уже говорили, представленной корнем *uel-/*uol- (Иванов, Топоров 1979), через соответствие Велеса – бога дюмезилевских «колдунов» – и «повышенной» сакральности волохов (Эрлих 1997; там же литература). О последней мы уже также говорили. Пастушество – один из наиболее сакрализованных видов хозяйственной деятельности, но отнюдь не повсеместно, где оно было распространено. Репутацию колдунов в Европе имели пастухи в двух непохожих, и казалось бы, ничем не свя-

[19] Нельзя не обратить внимание в связи с этим на культ Святой Пятницы у карпато-балканских волохов. Параскева Пятница – одна из главных святых во Втором Болгарском царстве (благодарю за сообщение Н.Д. Руссева). Святая Пятница часто упоминается в румынских сказках, причем в некоторых из них («Дочь старухи и дочь старика») в качестве ее «деток» выступают драконы и змеи (тьюторская работа студентки IV курса Высшей Антропологической школы В.А. Топоривской). В Молдове и сегодня существует масса поверий в связи с пятницей, часто вплетенных в христианский культ (Благодарю за сообщение А.П. Городенко).

[20] Любопытно, что принципиально далекий от идеи связи финно-угров с волохами-волхвами С.Е. Эрлих приводит чрезвычайно показательный в этом плане пример рассуждений А.Л. Погодина об этимологии названия «Волховой остров Кургуево» (земля Ижоры): «Таким образом, Волховой остров Кургуев был, собственно, островом Волха Кургуя. Именно эту форму, параллельную к рус. Волхв, засвидетельствованную былинным Волхом Всеславьичем и глаголом "волшити", и предполагает весьма древнее заимствование в фин. Velho (*вълх) "чародей, волхв", velhoa (заниматься волшебством и т.д.)» (цит. по Эрлих 1997: 150-151).

[21] Возможно, корректной будет параллель с парой этнонимов «словенцы» и «словаки», несомненно, родственной с более ранним «славяне» («склавины»).

занных, регионах: Балкано-Карпато-Альпийском и северном Волго-Уралье.

Сакрализацию пастушества в первом объясняют, например, влиянием кельтов (Эрлих 1997), но как же быть со вторым? [22] Гипотеза общего происхождения волохов и волхвов позволяет этот факт объяснить. Приводимую В.И. Далем русскую поговорку «Бог создал Адама, а черт – молдована» (Даль 1994: 220), С. Эрлих считает «далеким отголоском воспоминаний о волохах-колдунах» (1997: 160). Если так, то остается только узнать, когда же русские с последними познакомились? Во время «карпатской», «дунайской» стоянок славян? Слишком рано: еще не было русских как славянского этноса, да и нет соответствующих поговорок у других восточнославянских народов. После включения Бессарабии в состав Российской империи? Чересчур поздно. Я предполагаю, что эта поговорка отражает дуалистические представления летописных волхвов, представления о верхних и нижних богах, «обслуживавших» свою, этнически строго определенную «аудиторию», и она же опосредованно свидетельствует об очень давних представлениях русских и/или обрусевших финнов об общности происхождения волхвов, каким-то образом связанных с чудью, и волохов.

Сергей Эрлих обратил внимание на соотнесение дат упоминания волохов и волхвов в «Повести временных лет»: «волохи в последний раз упоминаются под 898 г., а волхвы впервые под 912 г. Вероятно, в этом отразилась эволюция понятия “волох”/“волхв” – от этнического к профессиональному» (Эрлих 1997: 151; противоположное мнение см. Иванов, Топоров 1979: 74). Не могу не согласиться с его мнением об эволюции, которую проделало это первоначально этническое имя. Тем более что подобную эволюцию, и именно этнонима «волохи», мы видим на Балканах. Но только там новый смысл означал не «колдун, чудотворец, шаман» и т.д., а другой профессиональный контекст – пастуха, человека, ведущего кочевой образ жизни (вспомним упоминавшийся пассаж из сочинения Анны Комниной). И время этого перехода от этнического к профессиональному (судя по письменным источникам) и на востоке, и на западе – в Византии – примерно одно и то же: не позднее XI-XII вв.

Возникает вопрос, почему на западе у этнического «волох» появился смысл, значение «пастух», а на востоке оно переросло в значение «колдун»? Можно предложить следующее его решение. На востоке волхвы были «хозяевами» и оказали на «гостей» – славян огромное влияние именно в религиозно-духовной сфере. Поэтому этническое имя стало нарицательным именно с указанной спецификой. В Карпато-Балканском пространстве, регионе постоянной «повышенной сакральности», волохи-гости столкнулись с чрезвычайно развитой системой религиозных воззрений местного населения, и на первый план в их этническом стереотипе для соседей вышел именно их образ жизни и вид производственной деятельности. (При этом, как мы видели, колдовской стереотип волохов на Балканах был очень ощутим, и, возможно, что и они привнесли свой дуалистический колорит в формирование местных ересей и поверий).

В качестве возможно корректной параллели взаимного перекрывания названий и их содержания – этнического и колдовского, можно привести «свежий» пример стереотипа цыган. Например, в XIX в., когда говорили «гадалка», могли подразумевать не только цыганку. Но при слове «цыганка» почти всегда наряду с этническим смысловым контекстом возникал и контекст «гадалка». Думается, что нечто подобное происходило со словом «волхвы» в древнерусском обществе. И чем раньше памятник, упоминающий о волхвах в контексте русской истории, тем больше вероятность того, что наряду с профессиональным присутствует и этническое, а в некоторых случаях его полностью перекрывает.

Рассмотрим под этим углом зрения указанные летописные сообщения. Итак, в «Повести временных лет», под 912 г., в рассказе или предании о смерти Вещего Олега впервые упоминаются волхвы. *«...Спрашивал он волхвов и кудесников... И сказал ему один кудесник... Неверно говорят волхвы...»* (ПВЛ 1996: 156). Чрезвычайно интересный фрагмент Начальной летописи, иллюстрирующий борьбу двух начал – светского и духовного – у истоков русской государственности, вероятно, имеющий сложную временную стратиграфию. Тем не менее, использование то слова «кудесник», то «волхв», то сначала вместе «волхвы и кудесники», а напоследок только «волхвы» внушает сомнение в чисто профессиональном значении слова «волхвы».

Следующее упоминание под 1024 г.: *«...Восстали волхвы в Суздале... избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил...»* (ПВЛ 1996: 202). На основании этого фрагмента трудно сказать, кто здесь волхвы – жрецы, колдуны или этническая группа. Возможно и то, и другое. Сама формулировка «восстали волхвы», а не «восстала меря», или «восстали смерды» и т.д., скорее свидетельствует в пользу предположения об этнической группе. Летописец не сообщает, сколько восстало волхвов. Не говорит он,

[22] Едва уловимый, скорее призрачный чем реальный, кельтский «след» время от времени всплывает в виде последствий гораздо более ранних контактов индоевропейцев и финно-угров в Восточной Европе, но разговор об этом еще впереди.

как будет в других случаях, и о том, что волхвы откуда-то пришли. Контекст первого предложения подразумевает, что волхвы – местные жители в Суздале. Их было достаточно много, чтобы они сами избивали старшую чадь и чтобы применить к ним разные меры наказания. И еще. Ярослав лично пришел в Суздаль. Но для этого он отвлекся от чрезвычайно важной для него борьбы с братом Мстиславом Тмутараканским, который сначала пошел к Киеву, а затем «сел» в Чернигове. Значит, опасность, исходившая от волхвов, была очень велика. Ясно, что речь не может идти о небольшой группе. Но шаманов, жрецов, колдунов и т.д., как представителей единственной в то время «интеллигентной» профессии, не могло быть вместе много. На основании фрагмента под 1024 г., и учитывая информацию других фрагментов о волхвах, можно придти к предположению, что волхвы в 1024 г. в Суздальской земле были местной этнической группой, вероятнее всего, инкорпорированной в иную этническую среду, а именно финно-угорскую.

Сообщение под 1044 г. о том, что Всеслав Брячиславович родился от волхвования. Волхвы присутствовали, по крайней мере, один раз, когда ребенок уже родился, и они разговаривали с его матерью. О волхвах говорится во множественном числе, и создается впечатление, что они или кто-то из них присутствовал при родах. Вероятно, это были «богомерские бабы», о которых мы поговорим попозже.

Первый из сюжетов, помещенных летописцем под 1071 г., рассказывает о приходе волхва в Киев (ПВЛ 1996: 213). Следовательно, он не был местным жителем, и потому мы вправе рассматривать его не только как профессионального колдуна, но и как инородца.

Следующее сообщение под 1071 г. – о *«неурожае в Ростовской области»* (ПВЛ 1996: 213-215). Мы этот сюжет уже подробно рассматривали. Итак, в Ростовскую область (сам Ростов не указан) пришли два волхва из Ярославля. После чего они пошли по Волге и Шексне. Когда волхвы пришли в Белоозеро, с ними было *«людей 300»*. Летописец называет их то волхвами, то кудесниками, говорит, что *«два кудесника убили уже много жен по Волге и Шексне»*, но люди сами приводили к ним своих *«сестер, матерей и жен»*. При этом волхвы, как сказал Ян Вышатич, были смердами его князя и его собственные. Этот сюжет непротиворечиво соотносится с уже разбиравшимся «Сказанием о построении града Ярославля» (Рапов 1988: 317-320), где волхвы в это же время (70-е гг. XI в.) – жители Медвежьего угла – места, где был построен Ярославль. Вероятность того, что летописец под волхвами подразумевал этническую группу, а не профессиональных колдунов, достаточно велика.

События можно реконструировать следующим образом. Во время голода из одной части Ростовской земли (Ярославль) в другую пришли два волхва. Подняв мятеж, они, спровоцировав голодающих людей, возглавили их движение по Волге, Шексне и на Белоозеро. Все свои «мероприятия» (*«прорезание за плечами»* и ритуальное убийство женщин, обвиненных в колдовстве и наведенной на урожай порче) волхвы могли проводить в весьма им близкой, привычной, если не «адекватной» этнической среде. Показательно, что волхвы были выданы Яну Вышатичу белоозерцами (летописная весь?), а не представителями ростовской мери. К объяснению этого момента мы позднее вернемся.

Третий сюжет под 1071 г. о новгородце, пришедшем в Чудскую землю к *«кудеснику, прося волхвования его»* (ПВЛ 1996: 215). Может вызвать удивление тот факт, что летописец на протяжении длинного рассказа ни разу не назвал кудесника волхвом. Но ведь последний – волхв, его дуалистические представления о размещении богов – «наших» и «ваших» до мелочей совпадает с представлениями волхвов из предшествующего эпизода. Логичным выглядит следующее объяснение: волхв потому не назван волхвом, поскольку это излишне. Если новгородец пошел в чудскую землю к кудеснику для гадания, то читателю и так ясно, что этот кудесник – волхв, причем именно (или и в том числе) в этническом смысле [23]. Вероятно, по этой же причине, волхвы не названы в упоминавшемся сюжете из «Жития св. Авраамия Ростовского». Раз речь шла о Чудском конце в Ростове, то это было не обязательно.

Например, в четвертом, последнем сюжете о волхвах под 1071 г., когда волхв «объявился» в Новгороде при князе Глебе Святославиче (ПВЛ 1996: 215-216), волхв выступает под этим именем, поскольку население города полиэтнично. В данном случае мы можем опять подозревать летописца в придании слову «волхв» и колдовского, и этнического смысла. Причем, быть может, даже с перевесом на второе, этническое, значение, поскольку им не используется кажущееся более профессиональным слово «кудесник».

И наконец, последнее сообщение «Повести временных лет» о волхвах под 1091 г. *«В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб»* (ПВЛ 1996: 229). Речь идет в целом обо всем городе, а не о Чудском конце. Прошло уже два десятилетия после бурных событий начала 70-х гг. За это время русская часть населения города, конечно же, увеличилась. К тому же, как мы увидим позднее, письменные источники сообщают о бегстве ростовской чуди от христианизации на восток – в Приуралье и Сред-

[23] Обыденный пример: если вам сообщают, что ваш соотечественник поехал к какому-то нужному ему человеку в чужую страну, например, в Англию, и не говорится о национальности этого человека, то в таком случае само собой вы подразумеваете, что указанный человек – англичанин.

нюю Волгу (Казанская история 1954). Об оттоке чудского населения центральной части Ростовской земли на ее окраины, в Заволжье свидетельствуют и археологические данные (Рябинин 1986; 1997; Леонтьев 1996).

Итак, можно видеть в упоминаниях летописцами волхвов определенную зависимость. Зависимость от места. Когда есть вероятность, что волхвов могут принять за местных кудесников, слово «волхвы» обязательно используется. Из анализа и летописных сюжетов и «Сказаний» вытекает предположение, что волхвы являются местными для определенной части Ростовской земли – Суздаля, Ярославля, вероятно, самого Ростова и т.д. Изначально слово «волхвы» имело не профессиональный смысл (или не только профессиональный), но и этнический. Мы можем предполагать, что волхвы в самый ранний период русской истории – это не каста колдунов, а вполне определенная этническая группа. Попробуем далее показать, что волхвы были инородцами для русских, на материалах изобразительного характера, на примере миниатюр Радзивиловской летописи.

II.4.2. Враги-инородцы на миниатюрах Радзивиловской летописи

В плане этнического и колдовского портрета летописных волхвов в глазах современников особый интерес представляют их изображения на миниатюрах Радзивиловской летописи. К сожалению, изображения все-таки не современные описываемым событиям, а скопированные с миниатюр XIII в. или изначально сделанные позже – во второй половине XV – начале XVI вв. (о датировке Радзивиловской летописи см.: Сизов 1905; Артамонов 1931; Подобедова 1965; Мачинский 1981; Рыбаков 1994; там же материалы дискуссии по этому поводу). Даже если прав А.А. Шахматов, предполагая, что Радзивиловская летопись представляет копию более древней лицевой летописи XIII в. (критика этой точки зрения – Артамонов 1931: 9-11), все равно ее создателей отделяет от интересующих нас событий одно, а то и два столетия. Тем не менее, миниатюры представляют огромную ценность, поскольку отражают стереотип восприятия летописных волхвов хоть и для своей, но весьма отдаленной от нас эпохи.

Еще на один момент нужно обратить внимание, прежде чем перейдем к рассмотрению миниатюр. Считается доказанным, что миниатюры создавались не одним мастером. Многие из них частично или полностью перерисовывались. Прежде исследователи четко разделяли «руку» двух мастеров, современные исследователи миниатюр различают несколько больше. Но в плане наших ожиданий от этого источника данное обстоятельство не имеет большого значения, поскольку всеми признано, что мастера работали в одной мастерской и «относительно синхронно» (Артамонов 1931: 14-15; Кукушкина и др. 1994: 310 и др.).

Первая интересующая нас миниатюра – №43 (рис.5) (Радзивиловская 1994: I, л.19). Большинство исследователей полагают, что на ней изображен летописный эпизод беседы Олега со старшиной конюхов о любимом княжеском коне. Однако некоторые авторы, например Я.Е. Боровский, полагают, что на миниатюре изображена беседа князя Олега и волхва, предсказывающего смерть от коня, что было бы логично (Кукушкина и др. 1994: 304-397; Рыбаков 1994: 285; Боровский 1982: 33). Действительно, кажется странным, что для художников разговор Олега с конюхом оказался важнее разговора (собственно предсказания) с волхвом. Изображение «конюха» ничем не примечательно, одет он так же, как и другие люди на миниатюрах.

На одежды в Радзивиловской летописи следует обратить внимание особо. Например, на миниатюре №5 (Радзивиловская 1994: I, л.5) изображено приношение Руси дани разными народами. Эти народы в летописи перечисляются: чудь, весь, меря, мурома, черемиса, ям, мордва, печера и т.д. И у всех этих неславянских народов одежда такая же, как и у славян, такая же, как у «конюха» с миниатюры №43.

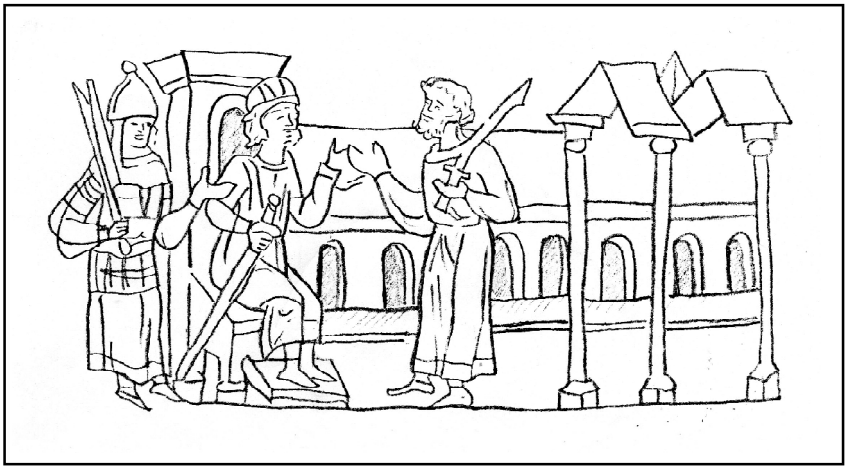


Рис.5. Радзивиловская летопись, м. 43 (прорисовка).

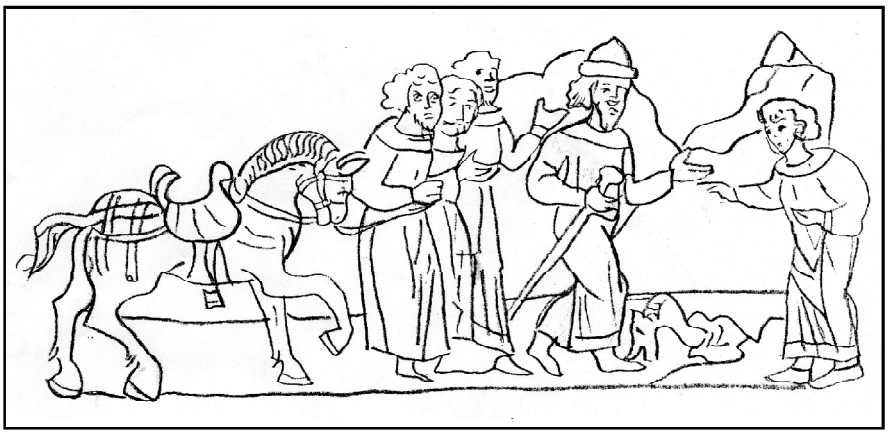


Рис.6. Радзивиловская летопись, м. 44 (прорисовка)

Значит, одежда «конюха» не может быть аргументом интерпретации его ни как волхва, ни как конюха. Одежда в миниатюрах стандартизирована, выделяется только одежда князей, иногда воинов в облачении и с оружием. Одежда и оружие у славян, угров, болгар, авар в летописи одинаковы. Существует только одно исключение (м.241), о котором, в силу его важности, скажем позднее.

Но есть одна «спорная» деталь и в изображении «конюха». Он изображен с саблей, причем не в ножнах, а наголо. По мнению исследователей, миниатюра №43 создавалась несколькими мастерами. Сабля – отдельная поздняя прорисовка (Кукушкина и др.1994: 310). Зачем она была прорисована? Для создания большего динамизма? Или для придания большей убедительности образу «конюха», которая вообще-то не нужна? Убедительность, равно как и агрессивность, в глазах мастера должна быть присуща врагу Олега – волхву (?).

Несколько слов о следующей, 44 миниатюре (Радзивиловская 1994: I, л.19 об.), изображающей смерть Олега от укуса змеи (рис.6). Вызывает недоумение фигура, располагающаяся справа на миниатюре. Кто посмел стать лицом к лицу с Олегом в такой важной сцене? Лицом к лицу с Олегом, но позади змеи, то есть будучи с последней заодно (?!). Змея тесно связана с культом сакральной власти, Велесом и волхвами (ПВЛ 1996: 229; Мачинский 1981; Эрлих 1997; там же литература). Рука этой загадочной фигуры указывает не на змею (предупреждая князя об опасности), а на князя. Как на врага. В летописном рассказе о смерти Олега в момент последней волхвы непосредственно не присутствуют. Но они присутствуют незримо, и возможно, это и попытался изобразить художник.

Если на 43 и 44 миниатюрах присутствие волхвов можно только подозревать, то на миниатюрах с 235 по 241 они, без всякого сомнения, изображены (Радзивиловская 1994: I, лл.102 об.; 103; 104; 104 об.; 105 об.; 106). Их темы: Расправа волхвов-ярославцев в голодное время в Ростовской земле с женщинами, *«прятавшими»* съестные припасы (м.235); Расправа Яна Вышатича и его отроков в лесу под Белоозером со смердами, присоединившимися к волхвам (м.236); Наказание волхвов по приказу Яна Вышатича (м.237); Расправа населения с волхвами по приказанию Яна Вышатича (м.238); Приход новгородца в Чудскую землю к кудеснику с просьбой поволховать ему и волхование кудесника (м.239); Поддержка Глебом Святославовичем новгородского епископа, призывающего народ верить кресту, а не волхву (м.240); Приход Глеба Святославича

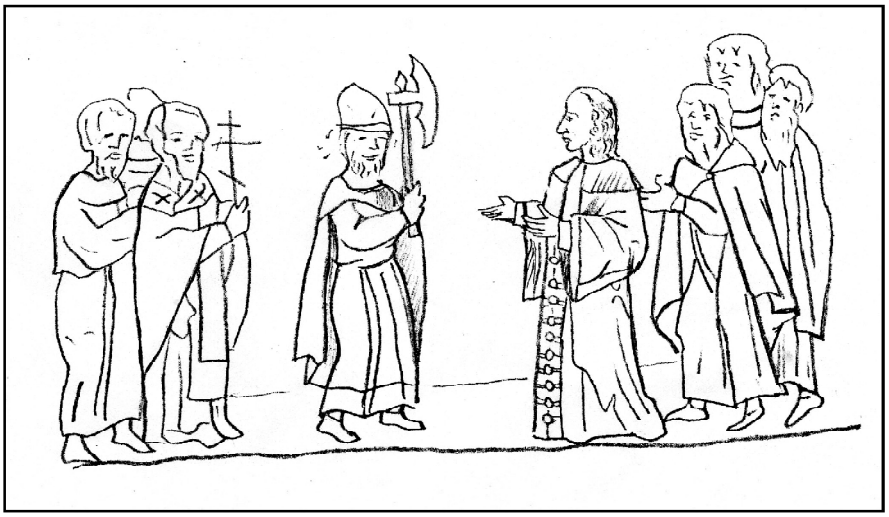


Рис.7. Радзивиловская летопись, м. 241 (прорисовка)

Новгородского к волхву для беседы и убийство волхва Глебом (м.241) (Кукушкина и др.1994).

На всех миниатюрах за исключением последней, волхвы изображены одинаково, неярко, внешним видом никак не выделяются. Совершенно другим предстает волхв на миниатюре №241 (рис.7), и об этом стоит поговорить особо.

Волхв на этой миниатюре резко отличается своим видом не только от других волхвов, но и от других героев миниатюр. Длинноволосая прическа, очерченное лицо, прямой крупный нос, отсутствие бороды, и главное, странное одеяние не в византийском и древнерусском каноне, а напоминающее одежду западного немецкого покроя. Современные исследователи полагают, что над этой миниатюрой работали два мастера (Кукушкина и др. 1994: 342). Так же считали и другие авторы – В.И. Сизов, М.И. Артамонов, и др., уделившие анализу этой миниатюры большое внимание (Сизов 1905: 8; Артамонов 1931). Д.В. Айналов, В.И. Сизов увидели в этой миниатюре следы влияния немецкой живописи и графики. Проникновение западных элементов в русскую живопись XIV-XVI вв. отмечалось неоднократно (Артамонов 1931: 21). Д.В. Айналов принял волхва за изображение немецкого пастора (Айналов 1909), В.И. Сизов решил, что второй мастер, приложивший руку к миниатюре, – немец (Сизов 1905). Немецкое влияние на Радзивиловскую летопись исследователи объясняли и местом ее изготовления – Суздальская Русь (Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачов, Д.В. Айналов), Новгород (В.И. Сизов), Смоленск (М.И. Артамонов). В частности, тем, что Смоленск в начале XV в. перешел к Литве, М.И. Артамонов объясняет западное (немецкое) влияние при создании миниатюр (Артамонов 1931: 23-25).

Для того, чтобы понять, почему волхв на 241 миниатюре изображен так «странно», есть смысл обратиться к чрезвычайно интересной работе М.И. Артамонова «Миниатюры Кенигсбергского списка летописи» (1931). Итак, по М.И. Артамонову, все миниатюры выполнены двумя мастерами. Второй мастер перерисовал большую часть миниатюр, сделанных первым мастером, часть нарисовал заново, и они принадлежат только ему. По целому ряду элементов миниатюры, сделанные первым мастером, ближе стоят к памятникам византийско-русского стиля XIII-XIV вв., которые имеют ближайшие аналогии как в византийских, так и в южнославянских лицевых рукописях. У второго мастера (которого М.И. Артамонов, в отличие от В.И. Сизова, не считает немцем) «западные формы занимают видное положение, определяют стиль, несмотря на наличие элементов византийско-русского стиля. Мастер овладел западными формами точно так же, как владеет формами византийско-русскими, включил их в состав тех шаблонов, которыми он располагает, переработав все в духе собственной индивидуальности» (Артамонов 1931: 5-21).

«Различие между обоими мастерами, – по мнению М.И. Артамонова, – особенно ясно сказывается в их отношении к западным образцам. Влияния западного искусства коснулись и первого мастера, но воспринял он их чисто механически. Некоторые фигуры и детали его миниатюр явно выдают свое иноземное происхождение. Например, на л.106 фигура волхва (она целиком сохранилась от первого мастера) с безбородым лицом, с длинными волосами, в шубе немецкого покроя» (Артамонов 1931: 22).

М.И. Артамонов приводит еще один подобный пример работы первого мастера на миниатюре №219 (рис. 8) (Радзивиловская 1994: I, л.96 об.). Миниатюра иллюстрирует летописный эпизод, помещенный в «Повести временных лет» под 1066 г., об отравлении князя Ростис-

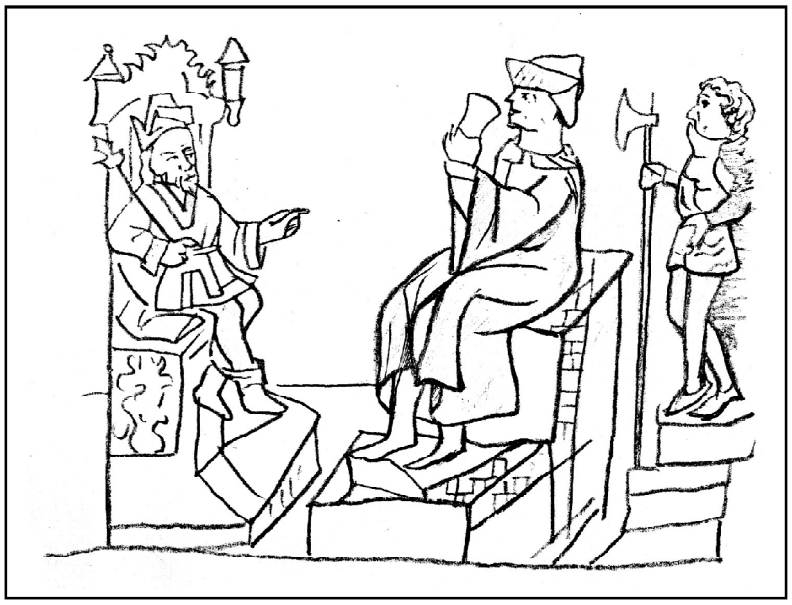


Рис.8. Радзивиловская летопись, м. 219 (прорисовка)

лава Владимировича Тмутараканского бывшим у него в гостях, специально *«подосланным с обманом греками»*, греческим котопаном (стратигом) (ПВЛ 1996: 210). М.И. Артамонов пишет: «Фигура Котопана, изображенного сидящим на богатом кресле, поражает своей несоразмерностью по сравнению с фигурой сидящего напротив князя. Он мал, почти безбородый, в типе лица чувствуется слишком много индивидуальности, заимствованной с чужого, не русского рисунка и потому совершенно случайной. Шапка его чисто немецкая, условно вычурная, потому что лопасти ее отгиба превращены в завитки. Наконец, самое готическое кресло с высокой спинкой и весьма характерным для Запада навесом определенно свидетельствует, что вся эта часть скопирована с немецкого оригинала» (Артамонов 1931: 22).

Чрезвычайно важные для нас наблюдения, но в завершение приведем еще и вывод М.И. Артамонова по отмеченному им факту своеобразного пользования первым мастером западными образцами: «...Неуверенность (заимствованных рисунков – Р.Р.) свидетельствует о том, что дело копирования западных образцов для мастера непривычное, новое, с которым он не знает, как справляться. Рисунков первого мастера, в которых сказываются следы западного влияния, – немного и чрезвычайно интересно, что **ОН ПОЛЬЗУЕТСЯ ИНОЗЕМНЫМИ ОБРАЗЦАМИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ: ВОЛХВА, ИНОЗЕМЦА** (выделено нами – Р.Р.). То же может быть замечено и в других русских миниатюрах» (Артамонов 1931: 23). Теперь стоит задаться следующими двумя вопросами: что общего между греческим котопаном и волхвом с миниатюры № 241 и чем отличается указанный волхв от волхвов предшествующих миниатюр?

Начнем поиск ответов со второго вопроса. Откровенных конфликтов между волхвами и власть предержащими, мятежей, спровоцированных ими, летопись знает немного, но во всех случаях волхвы на страницах летописи и Сказаний выступают обезличенно. Их всегда несколько. Они как бы вместе отвечают на вопросы Яна Вышатича. Персонифицированным, индивидуализированным предстает только один волхв – тот самый, который вступил в диалог и конфликт с Глебом Святославичем. Возможно, по этой причине именно этот волхв так выделяется по сравнению с другими волхвами на миниатюрах. Ведь он – один из двух главных героев этой сцены, если вообще не единственно главный герой на этой миниатюре. Волхвов-героев предшествующие миниатюры не знают. А теперь ответим на вопрос, что общего между этим волхвом и котопаном. М.И. Артамонов прав, указав на них обоих как на отрицательных персонажей. Но ведь летопись знает немало и других отрицательных героев, но никто из них в иноземном виде не изображен. Думается, что для того, чтобы *быть изображенным* таким показательным иноплеменником, необходимо было *быть* показательным иноплеменником, и плюс к этому отрицательным персонажем.

Первый мастер обладал определенным знанием об инородности волхва, его неславянства, его нерусскости, и показал это, увидев его сходство с инородным врагом – отравителем котопаном. Волхв на миниатюре 241 – это не только злой колдун, жрец-язычник, но и злой «иностранец». Иностранец, инородец, «не наш» не может быть добрым. Этот стереотип издревле существовал во многих культурах, и для его существования есть объективные психологические основания: необходимость консолидации своей этнической общности (Поршнев 1966). Отсюда легким был переход: недобрый, нехороший и т.д. – это инородный. Традиционный момент и в русских летописях, и в иностранных средневековых хрониках – констатация: за грехи посылает Бог иноплеменников. Для Руси летописцы отмечают в качестве таких посланцев половцев, позже монголов. Исследователями отмечалось сближение в древнерусской литературе внешнего облика дьявола и иноплеменников. Сергию Радонежскому демоны являлись *«в шапках литовских островерхих»* (Федотов 1990; Турилов, Чернецов 1997: 106). Характерен пример из «Повести временных лет». В одном из сюжетов о Печерском монастыре под 1074 г. говорится: *«...Был ...старец именем Матвей: был прозорлив. Однажды увидел обходившего их беса, в образе поляка...»* (ПВЛ 1996: 219). Было бы странно, если бы было написано: «старец увидел беса в образе русского». Такое невозможно. Перефразируя известное выражение не столь давних времен, можно сказать: колдовское бесовское содержание требовало «интернациональной» формы. Для «черных» заговоров и в XVIII в. характерно наделение дьявола этноопределяющими названиями (Турилов, Чернецов 1997: 106). И позднее, в русских суевериях XIX-XX вв. бес (нечистый дух; демон; черт) часто принимает форму либо какого-нибудь животного, либо иноземца (эфиопа, «черного мурина», поляка, литовца) (Власова 1995: 55).

Существует еще один момент, объединяющий волхва и котопана. Последний – не просто убийца-отравитель. Зная время, когда наступит действие яда (не позднее седьмого дня), он *«вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди...»* (ПВЛ 1996: 210). Это было не только подлое убийство, но и прогноз, предсказание, это было нечто из ремесла волхва.

И, наконец, последнее предположение по поводу двух указанных миниатюр. Мог ли русский мастер в конце XV в. или в XVI в. где-ни-

будь в Смоленске или Новгороде знать или считать общим происхождение «своих» волхвов и балканских, т.е. «византийских» волохов? Тогда, изобразив в виде «заграничного немца» византийца на 96 л., он через некоторое время, переходя к работе над миниатюрой на 106 листе, изображая волхва, решил показать подобным же образом отношение к Византии (существование которой было для мастера историческим прошлым) и волхва в Новгороде.

II.4.3. Волхвы и Меря

Итак, мы попытались показать вероятность того, что волхвы – это первоначально этническое название, а не профессиональное. Волхвы ранних летописных сюжетов, связанных с событиями русской истории, – это этническая группа или непосредственно финно-угорского происхождения, или, что кажется более вероятным, изначально иного происхождения, но уже инкорпорированная в указанный период в финно-угорскую среду. Вряд ли следует смущаться тем обстоятельством, что слово «волхвы» в летописи не упомянуто как этноним в перечислениях народов и племен. А.И. Попов пишет, что отсутствие многих наименований прибалтийских финских племен (корела, ижора, водь) в Начальной летописи, но их упоминание в Новгородской Первой «показывает, что известия летописцев о разных племенах вообще имели довольно случайный и фрагментарный характер» (Попов 1973: 70).

Сложно определить иерархическое место этнической общности «волхвы» по отношению к другим известным нам этническим общностям Древней Руси. После всего изложенного, кажется вполне очевидным, что этноним «волхвы» относился к «сфере» чуди, но занимал подчиненное положение по отношению к этому этнониму в его широком понимании (Агеева 1970; 1990; Леонтьев 1996: 23; Рябинин 1997: 9). И вряд ли этноним «волхвы» при этом таксономически равноценен таким этническим названиям как, например, весь, мурома, мордва, и т.д., хотя совсем исключить такую возможность нельзя. Скорее всего, волхвы, будучи отдельной этнической единицей, выступали в какой-то период времени как подразделение одного из известных нам по летописи больших чудских народов, хотя и отличались от них своеобразием происхождения. И если это так, то тут уж, без всякого сомнения, волхвы связываются именно с мерей.

На мерю непосредственно указывает география упоминаний слова «волхвы» в контексте событий русской истории, о которых мы уже неоднократно говорили: Ростово-Суздальская земля – районы Суздаля, Ярославля, Ростова; Новгородская земля. Соседство с Новгородом давало новгородцам и волхвам возможность взаимных посещений, о которых сообщает летопись. Волхвы периодически продолжали посещать Новгород даже в XIII в. (ПСРЛ: X, 94; Гальковский 1916: 241-242). Сообщение армянского географа Вардана также помещает волохов в это время в Ростовско-Суздальскую землю. Для современных исследователей не характерно мнение о локализации мери (по археологическим данным) в западной части Волго-Окского междуречья, однако, выражение Вардана *«по соседству с Москвой»* реально может означать гораздо более тесное соседство с бассейном Москвы-реки, чем предполагается. «В документах XIV-XVI вв. отмечены несколько селений с названием Меря на речке Вохонке (Волохонке? Волхонке? – Р.Р.), впадающей в Клязьму близ Павловского Посада, и на северном притоке Москвы-реки р. Мерьской (Нерской). По мнению М.К. Любавского, они фиксируют “несомненный обруселый остаток финского племени” с соответствующим этнонимом. А.И. Попов также усматривает в названии р. Мерьской явный мерянский гидроним» (Рябинин 1997: 180; см. также Любавский 2000: 98).

Как полагает Е.А. Рябинин, эти данные являются косвенным указанием на проникновение мерянских племенных групп к югу от Клязьмы, т.е. за пределы традиционного размещения мери в Волго-Клязьминском междуречье (Рябинин 1997: 180). В предшествующих разделах отмечалась связь Волхвы – Велес. «Житие Авраамия Ростовского» прямо указывает на то, что идол Велеса стоял на Чудском конце Ростова, а «Повесть временных лет» несколько раз сообщает, что коренным населением в Ростове была меря (ПВЛ 1950: I, 209, 215). Правоту летописи подтверждают и данные археологических изысканий (Леонтьев 1996: 273, 280-281; 1997; Рябинин 1997: 170; Финно-угры 1999: 61). По мнению А.И. Попова, доказательством того, что чудь «Чудского конца» в Ростове была мерей, является и «топонимика, значительно отличающаяся от прибалтийско-финской (например, речка Пижерма в самом Ростове)». Судя по упоминанию в Писцовой книге Ростова Великого, Чудской конец в Ростове еще в XVII в. сохранял свое название (Попов 1973: 99). По мнению некоторых археологов, и город Суздаль (место восстания летописных волхвов) начинался как славяно-мерянский поселок (Рябинин 1997: 170; но см. Леонтьев 1996: 285).

Меря издавна привлекала внимание ученых фактом своего участия в самых ранних и очень важных событиях русской истории и своей таинственностью, вызванной скудостью летописной информации о ней. «Меря остается совершенной загадкой», – писал А.А. Спицын, учитывая опыт предшествующих исторических исследований и раскопок археологических памятников, приписываемых мери (цит. по: Голубева

1987: 68). С конца XIX – начала XX вв. в исследованиях по мери стали преобладать археологические изыскания, поскольку постоянно возрастает только фонд археологических источников, способных пролить свет на историю этого племени (Рябинин 1997: 5). В настоящее время наука накопила достаточно большой объем знаний о различных аспектах исторической жизни этой этнической общности, отраженный в огромном количестве публикаций и целой серии монографических и обобщающих работ (Горюнова 1961; Третьяков 1970; Голубева 1987; Рябинин 1986; 1997; Леонтьев 1996; Финно-угры 1999).

Судя по данным письменных, топонимических и археологических источников, меря в период наибольшего распространения занимала восточную часть Волго-Окского междуречья, области между Волгой и Клязьмой, Ярославского и Костромского Поволжья. Эти территории не были равномерно и сплошь заселены мерей: между обжитыми ею районами существовали очень значительные по площади земли. Еще со времени выхода в 1961 г. монографии Е.И. Горюновой, посвященной исследованию этнической истории Волго-Окского междуречья, вслед за ней ученые разделяют мерянский массив на два больших поселенческих анклава – центральную (или владимирскую) мерю и северо-восточную (или костромскую) мерю, хотя со временем сами критерии для подобного разделения периодически пересматриваются. На основании региональных особенностей А.Е. Леонтьев выделяет четыре основных района мерянской территории: бассейны озер Неро и Плещеево, Суздальско-Юрьевское ополье, Западное Поволжье, Костромское Заволжье (Горюнова 1961; Голубева 1987; Леонтьев 1996; Рябинин 1997).

Возможно ли допустить, чтобы одним из подразделений мери были вероятно отличающиеся в целом от нее своим этническим происхождением волхвы? Понимание современными исследователями структуры и характера мерянской этносоциальной общности как будто не противоречит подобному мнению. А.Е. Леонтьев пишет: «выделение особой “мерянской” области на этнической карте второй половины I тыс. н.э. отражает историческую реальность этого времени. Тем не менее, не решенной до конца остается проблема этнической целостности финского населения этой территории»; «Сложившаяся в третьей четверти I тыс. н.э. мерянская этническая общность включала различные по происхождению, уровню социального развития и особенностям культуры группы населения, которые в рамках всей общности можно рассматривать как субэтносы»; «Нет оснований полагать, что племенная организация летописной мери была единой для всей мерянской земли. Скорее, речь может идти о сосуществовании субэтнических групп в рамках более крупной общности, выделявшейся и, возможно, выделявшей себя среди соседних народов. В ряду таких субэтносов занимая особой положение по численности и уровню социального развития, была летописная меря» (Леонтьев 1996: 270, 292; Финно-угры 1999: 42).

Сходные взгляды демонстрируют и другие исследователи. Л.А. Голубева пишет об отдельных «племенных группах» мери, а также: «…меря, очевидно, состояла из нескольких групп родственных племен» (Голубева 1987: 70). Е.А. Рябинин видит в мере «особое этносоциальное образование», географически, этнически и культурно разделяющееся на «локальные группы», «отдельные племенные образования», «малые племена» и т.д. (Рябинин 1997: 160, 163, 177, 192 и др.). Например, костромская меря, по Е.А. Рябинину, – это «племенное новообразование с незавершившимися даже в эпоху распространения курганного обряда этническими процессами. […] Сам этноним “меря” появился здесь значительно позднее, чем в зоне обитания летописной группировки». Формирующийся «новый» мерянский этнос составили переселенцы из ареала центральной мери и прибалтийско-финских областей (Рябинин 1997: 195, 236 и др.; 1986: 97-130).

Вероятность того, что в состав мерянской этносоциальной общности оказалась инкорпорированной инородная этническая группа, возможно и не финно-угорского происхождения, обусловлена обстоятельствами чрезвычайно сложной этнокультурной ситуации в I тыс.н.э. в Волго-Окском междуречье. Эта ситуация, как пишет Е.А. Рябинин, «во многом остается неясной» для исследователей. Она выражается и в дискуссионности проблем этногенеза мери (включая его автохтонные и миграционные версии), соотношения мери с носителями дьяковской культуры, участия в генезисе последней балтов и продвижения их на территорию мери – в восточную часть Волго-Окского междуречья и Ярославское Поволжье. Как подытожил в конце монографии «Археология мери» А.Е. Леонтьев, «в процессе работы выявился ряд новых проблем, решение которых затруднено из-за недостатка источников. Наиболее важным является вопрос о происхождении мери» (Горюнова 1961: 22-25, 54, 68-82, 132, 138, 184; Третьяков 1966: 237-239, 286-287, 289-290; 1970: 41, 111-150; Седов 1971: 99-113; Розенфельдт 1982: 175-177; Голубева 1987: 69; Леонтьев 1996: 11-17, 35, 42, 45, 221-225, 238, 249-250, 267-269, 292-294; Рябинин 1997: 150-152, 156, 158, 163, 177, 184-185 и др.; Финно-угры 1999: 21-25, 30, 39, 42).

Таким образом, данные современной науки позволяют гипотетически предполагать внедрение в мерянскую этносоциальную общность иноэтничной, вероятно, балтской по происхождению, группы. Стоит напомнить, что летописные волхвы – поклонники Велеса, индо-

европейского по происхождению божества, особо популярного в балтском мире.

Несколько слов о языке и этнониме мери. А.И. Попов пишет, что, несмотря на сходство с другими финно-уграми, меря «значительно отличается от всех них в языковом отношении». Он считает, что никак нельзя отождествить мерю с марийцами, как делают многие, в том числе М. Фасмер. «Мерянские диалекты были близки в одних отношениях к прибалтийским финнам, в других – к мордве и марийцам» (Попов 1973: 101, 106; см. также Ткаченко 1985: 9-11).

О.Б. Ткаченко, специально посвятивший книгу изучению ныне мертвого языка мери, полагает, что мерянский язык образует собой звено, некогда связывавшее ряд финно-угорских языков, прежде всего прибалтийско-финские, мордовский и марийский. В нем обнаруживаются следы длительных и непосредственных контактов с угорскими языками, в частности венгерским. Автор указывает на «тесную связь мерянского с финно-пермскими языками... Мерянский язык в лексическом отношении можно определить как финно-пермский, преимущественно финский, поскольку наибольшие связи у него обнаруживаются с прибалтийско-финскими и мордовскими языками». Специфика мерянского словаря создается наличием в нем лексических заимствований и субстратных включений, не известных другим финно-угорским языкам. Для нас важны и отмеченные О.Б. Ткаченко источники заимствований и включений из других не финно-угорских языков, в частности булгарского (понятия, относящиеся к занятиям молочным скотоводством) и индоевропейского (от индоевропейского населения в области Волго-Окского междуречья – носителей фатьяновской культуры). Он пишет: «У индоевропейцев-фатьяновцев с их близкими к протославянским идиомами, вошедшими частью элементов в мерянский как его субстрат, меряне заимствовали лексику, связанную с новыми для них видами хозяйственной деятельности (оседлое скотоводство). От них же были усвоены слова и фразеология, относящиеся к **ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, ОБЫЧАЯМ** (выделено нами – Р.Р.)» (Ткаченко 1985: 129, 185-188, 190-192).

По мнению А.Е. Леонтьева, «исторические выводы О.Б. Ткаченко небесспорны». В частности он пишет: «Сомнительна вероятность контактов мери (или протомери) с индоевропейцами (фатьяновцами) и праславянами. Эти выводы основаны лишь на гипотезе о полной автохтонности мери, проживавшей в своей области, по крайней мере, с рубежа эпох неолита и бронзы» (Леонтьев 1996: 16). Хронология (абсолютная) и пространственное помещение наблюдаемых ими языковых контактов (лингвисты часто исходят из современного территориального размещения носителей этих языков) – традиционно слабые места лингвистических исследований (Щукин 1997: 119), но для нас в свете нашей работы важно, что индоевропейские заимствования в области духовной жизни в языке мери весьма ощутимы. Имеет значение и то, что этноним «меря», так же как названия и некоторых других финно-угорских народов Поволжья, по мнению А.И. Попова, ведет свое «происхождение из индоевропейских языковых данных» (Попов 1973: 105, 106; см. также Ткаченко 1985: 9-11). Возможно, они это имя действительно получили от индоевропейцев-фатьяновцев, которые, как полагают некоторые исследователи, были вытеснены и ассимилированы финно-уграми, предками мери (Ткаченко 1985: 6).

Меря очень рано оказалась вписанной в контекст европейской и русской истории. Первым упоминанием о мере считают уже приводившееся сообщение Иордана, в котором меря (Merens) перечислена среди народов, покоренных королем готов Германарихом (Иордан 1960: 89). По мнению некоторых исследователей, именно меря упомянута под именем народа «Mirri» в хронике Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви», где имеются сведения о Восточной Европе и о торговых путях скандинавов (Латиноязычные источники 1989: 139-144; Назаренко 1993: 37-38; Леонтьев 1996: 25).

Согласно летописи, меря (и это для нас принципиально важно) приняла участие в самых ранних событиях русской истории. После упоминания в недатированной части «Повести временных лет» в списке *«инии языци»*, она упомянута уже под 859 г. среди тех, с кого брали дань *«варяги из заморья»*, еще до прихода руси Рюрика (ПВЛ 1950: I, 18, 214). Меря упомянута в «Повести временных лет» семь раз, последний раз под 907 г., как участник похода Олега на греков (ПВЛ 1950: I, 23, 220). Среди других важных летописных известий о мере – ее участие в изгнании варягов, утверждение в Ростове (862 г.) одного из мужей Рюрика, участие в походе Олега на Смоленск и Киев (ПВЛ 1950: I, 18, 20). В целом меря выглядит в летописи как самостоятельный участник важнейших событий начальной русской истории и таковой представляется исследователям (Леонтьев 1996: 24; Рябинин 1997: 238).

Здесь необходимо обратить внимание на один очень важный момент с точки зрения последовательности в аргументации «восточной» гипотезы. Летописные волхвы географически во многих случаях связываются с ростовской мерей, но в ряде случаев – и с Новгородской землей. Связанная с волхвами и Велесом топонимия присутствует и в Ростовской, и в Новгородской земле (в последней – например, р. Волхов). Если верна наша гипотеза, то вероятнее, что во взаимодействие с пришлыми славянами волхвы-этнос вступают еще на Северо-Западе, в Новгородской земле. Несмотря на ак-

тивное участие ростовской мери в событиях начальной русской истории, ее роль в этом плане может показаться достаточно скромной из-за некоторой территориальной отдаленности.

Поэтому особый интерес вызывает исследование Д.А. Мачинского, акцентирующего внимания на одной из этнических групп на Северо-Западе, известной под именем нерева/мерева/норова/морева/морова (Мачинский 1986). На изложении его точки зрения стоит остановиться чуть подробнее. Нерева, о которой напоминает целый район средневекового Новгорода, по недоразумению долгое время связывалась с жившей в Эстонии чудью – еревой. Д.А. Мачинский показывает, что нерева/мерева – отдельная этническая группа, «оставившая заметные следы как в этнотопонимии XII-XV вв., так и в топонимии современной. Ее локализация на р. Великой и в восточном Причудье несомненна»... и широким полукругом охватывает озеро Ильмень с запада, юга и востока. Исследователь связывает с неревой/меревой город Изборск и культуру длинных псковско-боровичских курганов V-VIII вв. (отдельные курганы известны и для IX-X вв.), памятники которой окружают зону расселения словен с запада, юга и востока. Небольшая их группа известна и севернее Ильменя, в микрорайоне Ладоги (рис. 9) (Мачинский 1986: 7-12).

Нерева/мерева играла значительную роль на начальных этапах создания русской государственности, входила в известную триаду этногрупп, «призывавших варягов», она часто упоминается в новгородском летописании, но под именем «мере». Д.А. Мачинский считает, что нерева/мерева в новгородских летописях превратилась в «мере» под влиянием киевско-переяславских редакций «Повести временных лет», которые неоднократно упоминают о ростовской мере в связи с «рассказом о призвании». В то же время автор допускает: «Не исключено и бытование на Северо-Западе укороченного этнонима типа мере/нере» (Мачинский 1986: 19-20).

Учитывая все уже сказанное о волхвах и в связи с географией их упоминаний, вряд ли

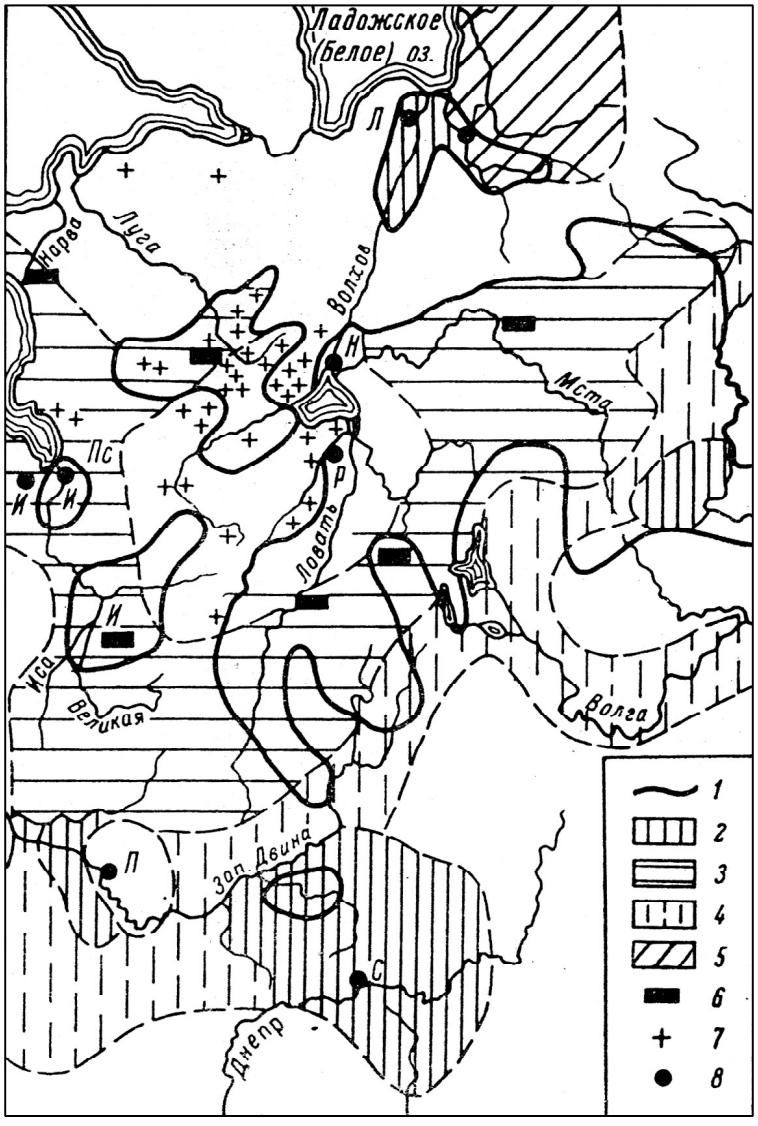


Рис.9. Северо-Западная Русь в VIII-IX вв. (по: Мачинский 1986).

1 – граница культуры сопок VIII-X вв. (зона сложения севернорусского протогосударства); 2 – культура смоленских длинных курганов конца VII-X вв. и аналогичные древности на средней Зап.-Двине, верхней Волге и нижнем Волхове (кривичи); 3 – культура длинных псковско-боровичских курганов V-IX вв. (чудь норова/мерева); 4 – зона длинных курганов неопределенной культурной принадлежности; 5 – культура юго-восточного Приладожья конца VIII-XII вв. (колбяги); 6 – этнотопонимы типа норова/морева по источникам IX-XV вв.; 7 – топонимы и гидронимы на –гост/-гощ западнее Ловати, Ильменя, Волхова (по А.М.Микляеву – зона первичного расселения словен ильменских); 8 – крупнейшие населенные пункты: Л – Ладога, Г – городище на р. Сясь, Н – Новгород («Рюриково городище»), Р – Руса, И – Изборск и предполагаемое его местонахождение в IX-X вв., Пс – Псков, П – Полоцк и зона отсутствия длинных курганов вокруг него (по В.А.Булкину), С – Смоленск (Гнездовское поселение).

покажутся просто созвучными этнонимы «мере» и меря. Более того, не во всех летописных эпизодах при упоминании этнонима меря всегда ясно: идет ли речь о ростовской мере или о новгородской «мере».

Размышляя об этнониме «мере», Д.А. Мачинский пишет, что «этнонимы и топонимы с этим корнем с одинаковым успехом выводятся из финского noro ("низкий", "болотистый") или meri ("большое озеро", "море"), но они же имеют убедительные аналогии в балтийской топонимике. Летописная норова объединялась именем и общностью погребальной обрядности, что еще не говорит о ее полном языковом единстве» (Мачинский 1986: 20). Последняя ремарка автора позволяет рассуждать о возможности присутствия балтских элементов в языке новгородской «мере», носителями которых могли быть волхвы и с которыми связано появление Велеса в культуре этой финно-угорской этнической группы.

Важно и то, что и вне территории, обычно приписываемой мере (в традиционном понимании этого этнонима), по мнению лингвистов, «имелись группы носителей мерянских диалектов или близкородственного мерянскому языка» (Ткаченко 1985: 5). Возможно, среди этих групп была и «мере»/мерева/нерева, на которую обратил внимание Д.А. Мачинский.

Ассимиляция мери славянским населением, судя по данным археологии, в некоторых районах проходила довольно быстро и завершилась в домонгольское время, но в ряде мест своего проживания меря сохраняла свой этноязыковой облик еще в XV-XVI и даже в XVII в. (Попов 1973: 99; Ткаченко 1985: 6-7; Рябинин 1997: 238-244). По данным археологии, часть мери была вытеснена из исконных мест своего обитания в Заволжье (Рябинин 1986: 97-129; 1997: 236; Леонтьев 1996: 247-254). И этот факт соотносится с данными письменных источников, что часть мери, а именно «ростовской мери», бежала от христианизации на восток к родственным ей народам Урало-Поволжья (Казанский летописец 1954: 48; Ключевский 1993: 263,273; Попов 1973: 105). Случай в истории русской колонизации территории европейской части России уникальный, видимо, связанный с особой сакральной ролью мери, вернее, той ее части, которая могла быть связана с волхвами и/или именоваться волхвами.

Об этой роли мы можем говорить не только на основании раскрытия связей в треугольнике – волхвы, Велес, меря (некоторые из них – реконструкции, которые сами нуждаются в доказательствах), но и по тому возможному следу, который оставила меря в русском языке. Еще В.О. Ключевский отмечал, что в отличие от широко распространенной финно-угорской топонимики в центральной части Великороссии, «чудских» слов в русском языке на удивление мало (см. Ключевский 1993: 266). Хотя бы поэтому стоит обратить внимание на немногочисленные слова реконструируемой О.Б. Ткаченко лексики мерянского языка. Их немного, поскольку чрезвычайно сложно восстановить первоначальный облик мерянских слов на основе диалектизмов русского языка на постмерянской территории. Исследователю пришлось вначале приводить этимологическое доказательство мерянского происхождения ряда слов, а уже только затем заниматься рассмотрением мерянской лексики как системы с точки зрения ее происхождения, в том числе взаимосвязи с другими финно-угорскими (и уральскими) языками в ее исконных элементах (Ткаченко 1985: 132). В свете затрагиваемых в работе вопросов мое внимание, помимо уже упоминавшегося слова «Ёлс» (черт, леший), привлекли еще несколько русских диалектизмов на постмерянской территории, происходящих, по мнению О.Б. Ткаченко, от мерянских слов: «елманский» язык, «мерекать», «колема» и возможно связанное с последним слово «коронить».

Русское диалектное (Костромская обл.) «колема», «колемка», «колемать» – «болезнь», «болеть, хворать». О.Б. Ткаченко считает это слово субстратным включением из мерянского языка, в основе которого лежит мерянское *kolema «умирание, смерть; тяжелая болезнь». От него происходит и слово «колеть» – «умирать (о скотине)», вошедшее, как мы знаем, и в литературный русский язык (1985: 156-157). Конечно, последний факт можно связать с развитием скотоводства у мери и в целом заимствованием ее скотоводческой терминологии русскими, но не стоит забывать, что смысловой контекст мерянского *kolema «умирание, смерть; тяжелая болезнь» и сохранение в виде диалектизма (ведь речь идет о людях) в Костромском Поволжье невольно напоминает о профессиональных функциях волхвов.

Близко связанное по смыслу «коронить»: 1) «прятать» (Ярославская, Костромская, Московская, Владимирская области); 2) «погребать, хоронить» (Ярославс.); кориться – «прятаться» (Владимирск., Ярославск., Костромск., Нижегородск.). Принимая во внимание, что финно-угорским языкам чужд русский (славянский) звук «х» (они произносят вместо него «к»), О.Б. Ткаченко предполагает, что данные глаголы на постмерянской территории были усвоены еще мерянским языком и включены в русский язык из мерянского при окончательной его утрате. «Есть основания предполагать, – пишет он, – существование в мерянском языке глагола *koroni-(ms) "прятать; хоронить, погребать", принятию которого отчасти способствовало и то, что он был связан с новым христианским обрядом похорон, пришедшим с религией восточных славян» (Ткаченко 1985: 157-158).

Не могу оспорить сказанное с лингвистической точки зрения. Но хотелось бы внести уточ-

нение по следующим пунктам:

Во-первых, можно заметить, что с археологической точки зрения данная версия нуждается в серьезной и даже принципиальной корректировке. Например, А.А. Фролов, исследовавший особенности погребальной обрядности периода первых веков христианства на Руси, показал на материалах по всей ее территории, что до середины XII в., по крайней мере для сельской местности, «язычество сохраняло безраздельное господство», причем «не только в области ритуала, но и сфере представлений о смерти» (Фролов 1997: 305 и др.). Появление нового слова в такой сакрализованной области, наверное, можно было бы связать с кардинальным «сдвигом» в сознании, внешне проявившимся в изменении погребального обряда, но, опять же, кроме ситуации в отдельных больших городах, подобное изменение (например, переход в обряде от кремации к ингумации) нельзя связывать с христианством: данные археологии свидетельствуют, что «переход к трупоположению следует считать развитием языческой традиции», причем, как показывает этот автор на многочисленных материалах и других археологических исследований, эта языческая традиция была не славянской, а «славяно-финской», находилась под сильным балто-финским влиянием (Фролов 1997: 284 и сл.).

Судя по археологическим данным, изменение погребального обряда на мерянской территории демонстрирует сложный процесс аккультурации (избирательного усвоения новых культурных элементов) мери и, в конечном счете, ее ассимиляции славянами, ее обрусения. Для мери изначально были характерны биритуальные грунтовые могильники на территории центральной (владимирской) мери и моноритуальные (кремации) грунтовые могильники в Костромском Поволжье. Курганный обряд принесли в ходе колонизации на мерянскую территорию славяне. Более поздние курганные захоронения с многочисленными финно-угорскими элементами рассматриваются исследователями как принадлежащие ассимилируемой или уже ассимилированной мере. Учитывая появление в курганах к концу X в. ингумаций, которые в XI-XII господствуют, многочисленные и очень важные «системообразующие» мерянские субстратные черты в погребальной обрядности древнерусского населения на этой территории (Голубева 1987: 74-77; Леонтьев 1996: 74, 99, 187, 249-250, 268, 286; Рябинин 1997: 153, 156, 160, 174-175, 241-242), вовсе не представляется, что влияние славян на мерю в области погребальной обрядности и связанной с ней идеологии, а значит и соответствующей лексикой, было односторонним. В таких условиях передача каких-либо слов, терминов, связанных с погребальным обрядом и вообще с представлениями о смерти и загробном мире, от мери и неславянских этнических групп, с нею связанных, к славянам вполне возможна и логична.

Во-вторых, колонизация славянами мерянской территории и ассимиляция, и христианизация мери на каком-то этапе были процессы параллельные, синхронные, но только на каком-то этапе. Христианизировали не только мерю, но и пришедших на мерянскую территорию славян.

В-третьих, слово «хоронить» почти не встречается в ранних русских письменных памятниках (в «Повести временных лет» Лаврентьевской летописи трижды – ПВЛ 1996: 32, 81), обычно используется слово «погребать», или реже «погрести» (в «Повести временных лет» 16 раз – ПВЛ 1996: 20, 27, 32, 35, 41, 43, 54, 71, 81, 84, 91, 95, 97, 108, 114, 125)(см. также: Срезневский 1989: т.II, ч.2, 1019, 1021-1022, 1317-1318; т.III, ч.2, 1387-1388). Родственное слово «погребват» распространено, например, у современных болгар (также используется слово-синоним «заровят», но нет слов подобных «хоронить», «хранить» и т.д. в погребальном контексте – любезное сообщение Н.Д.Руссева). Слово «хоронить» в погребальном контексте распространено только в русском и украинском языках, во всех остальных славянских языках оно используется только в значениях «хранить, беречь, защищать, кормить, корм, пища» (Фасмер 1987: IV,266). Присутствие этого слова в современном украинском языке может объясняться влиянием русского. Например, в тех украинских селах в Молдове, где сохранились в языке русинские архаизированные формы, говорят не «хоронить», а «поховаты» (любезное сообщение М.Е.Ткачука). Создается впечатление, что слово «хоронить» поначалу было распространено именно у русских и его появление связано не с христианизацией, хотя в христианскую эпоху оно оказалось востребованным и, вероятно, даже наполнилось новым смыслом, а со сменой погребального обряда, переходом от кремации к ингумации: требовалось не сжигать, а «сохранять» тело покойного. Слово же «погрести», как справедливо заметил Н.Д.Руссев, как нельзя лучше соотносится, с контекстом погребального костра и, видимо, даже более древнее, чем слово «погребать».

Все сказанное позволяет допустить гипотетическое предположение о том, что слово «хоронить», как раз наоборот, могло попасть к русским от мери или этнической группы индоевропейского происхождения, с нею связанной. Если так, это, конечно же, ни в коем случае не говорит о том, что слово «хоронить»/«хранить» финно-угорского происхождения. Возможно, повторяется ситуация со сближением слова Велес/Волос и греч. διάβολος), и мерянское *koroni-(ms) имеет общее происхождение со славянским «хранить/охранять» и знаменитым Хароном. Внедрить же это слово могли волхвы

в ходе ритуальной практики. Не лишним будет отметить, что речь идет о чисто умозрительном предположении.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну пару русских диалектных слов: «мерекать» и «елманский» (язык).

Мерекать – «говорить» (Костромск. обл.), зафиксировано только на бывшей мерянской территории. Стоит совершенно изолировано среди русской диалектной лексики. О.Б. Ткаченко связывает его с записанным в Сибири «мерекать» со значением «бестолково объяснять», «говорить на непонятном языке, с большим количеством непонятных слов». Находит наиболее близкое соответствие в эрзя-мордовском *меремс* «сказать; приказать» и мокшамордовском *мярьгомс* «сказать, велеть, приказать, распорядиться».

Исследователь полагает, что слово «мерекать» – это мерянское явление, близкое к аналогичным фактам мордовских языков (Ткаченко 1985: 161-162). Можно задаться вопросом, только ли о давней практике совместного проживания русских и мери может говорить подобный диалектизм? Кажется, ответ прост и утвердителен. Но обратимся к слову «елманский» и приведем пространный, посвященный ему пассаж О.Б. Ткаченко.

Итак, он пишет: «Елманский – “древний галицкий язык” (имеется в виду язык жителей Галича Мер(ь)ского мерянский, а позже связанное с ним арго части из них) (Костромская губ. – Галич), елыман (бран.) “дурак, болван” (там же), ёлыма, ёлыман “человек, говорящий по-елыманski” (Там же), ёлыманский “условный язык галичан” (там же), алман “язык как орган в полости рта” (Там же), алманский “условный язык галичан”, алманский язык “условный язык галичан” (Там же), по-елмански “на елманском языке” (Там же), елманское наречие “условное наречие галичан”, Галивонские Алеманы “галицкое наречие” (условный язык) (Там же). А.И. Попов справедливо сближает русс. елманский с марийским йылме “язык” (в анатомическом и лингвистическом смысле). Речь в данном случае идет о языке как органе речи, название которого, очевидно, в мерянском, как и в марийском, было перенесено на речь. Впоследствии елманским называли условный язык, распространенный в Галиче и некоторых других местах бывшей мерянской языковой территории, с грамматической основой уже не финно-угорской, а славяно-русской. Это было всего лишь социальное русское арго, лексика которого, однако, состояла из нерусских, и в том числе местных субстратных мерянских, элементов. Ёлыма(н) стал называться человек, говорящий на этом условном языке. Значение “дурак, болван” < “непонятливый”, имеющееся у слова елыман, которое представляет собой лишь разновидность предыдущего, очевидно, относится к тому периоду, когда так называли последних людей, говоривших еще на мерянском языке и плохо понимавших русский язык или совсем не понимавших его. На фоне подавляющего большинства русского или обрусевшего мерянского населения, возможно, почти забывшего свой язык, подобные люди могли производить впечатление бестолковых, глупых, в связи с чем данное слово, по-видимому, и приобрело этот уничижительный, бранный оттенок. Фиксация форм слова и их производных на бывшей мерянской территории дает основание считать данные слова – отражением пережитков мерянского языка. Предполагаемое мерянское слово имеет ряд соответствий в финно-угорских языках с явно “восточной” (в прошлом) ориентацией, восходя вместе с ними к финно-угорскому праязыку (возможно, лишь в его восточных говорах, ср. отсутствие соответствий в прибалтийско-финских, пермских и мордовских языках)» (Ткаченко 1985: 145-146).

Объяснение О.Б. Ткаченко по поводу инвектив «дурак», «болван», связывающее слово «ёлыман» со смыслом «непонятливый» можно, наверное, признать, удовлетворительным. Но как объяснить само существование «условного галицкого языка», который был «всего лишь социальным русским арго, лексика которого, состояла из нерусских, местных субстратных мерянских, элементов» (интересно это соотнести с предшествующим словом «мерекать» с контекстом «говорить на непонятном языке»)? Есть ли еще примеры подобных «условных» языков на других колонизованных русскими территориях – арго «этнического» происхождения? Хочу предложить следующий ход рассуждений: Существование инвективного плана объективно предполагает его амбивалентную сторону – существование когда-то и плана сакрализованного. Профанации подвергаются сакрализованные области (Подобная инверсия в связи с оппозицией «верха» и «низа» соотносится с идеей пороговых смыслов М.Е. Ткачука – 1996: 131-172). Следовательно, было время, когда алман (галицкий язык) был священен, сакрализован, пользовался особым статусом и публично выражаемым уважением. То, что слово «елыман» стало означать и «дурак, болван» [24], (то есть вошло в область смешного), возможно, означает, что ког-

[24] Кстати сказать, слова «болван», «истукан» прекрасно демонстрируют этот переход от сакрального к осмеиваемому: слова, обозначавшие идолов языческих богов, трансформировались в инвективы. В этой связи можно обратить внимание и на слово «олух». В этимологических словарях часто отмечается и «собственно русский» характер его происхождения, и в то же время неясность этого происхождения. Любопытно, А.И. Соболевский полагал, и с ним согласился М. Фасмер (1986: I, 345-346; 1987: III, 136-137), что «олух» возник из «волуха», которое возникло по модели слова «пастух» (пастух волов) (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 308). На сакрально-пастушеское происхождение как

да-то оно могло означать «мудрец», «посвященный», «носитель высшего знания». Подобную реконструкцию можно соотнести со сведениями Жития епископа Стефана Пермского, составленного Епифанием Премудрым, где «галичане упоминаются как особый иноязычный (неславянский) народ» (Попов 1973: 99; Епифан Премудрый 1993: 19-20).

Ответ на вопрос, мог ли использоваться нерусский язык в качестве особого, священного, языка волхвов, «языка богослужения» в среде русского и обрусевшего (бывшего мерянского) населения, как мне думается, содержится в уже ранее частично привлекаемом пассаже из работы А.А. Турилова и А.В. Чернецова. Ссылаясь на материалы И.И. Срезневского (1913: 196-201), эти авторы пишут: «...В Олонецком сборнике заговоров среди русских текстов представлены также иноязычные, на вепсском языке. Заговоры, несомненно, бытовали в русской среде – иноязычные заклинания сопровождаются русскими описаниями сопутствующего обряда. А в данном случае вепсский язык выступил в роли тайного, чародейского. Неслучайно он сосуществует в той же рукописи с тайнописью» (Турилов, Чернецов 1997: 106).

И раз галичане представлялись особой неславянской этнической группой, то ее язык мог быть «условным», или со временем таковым стать. И здесь мы вплотную подошли к загадке Галича Мерьского, о котором нужно поговорить особо.

Да, само существование в земле мери города под названием «Галич» представляет собой загадку. В ранних памятниках русской письменности (например, под 1238 г. в Симеоновской летописи; также упоминание «церкви Георгиевской, что в Мерском» – Леонтьев 1996: 25, 246; Финно-угры 1999: 19) он носил название Галич с прибавлением «Мерьский» (мерский, мерьскый, мерськый и т.д.) – видимо, для того, чтобы его отличать от Галича на юго-западе русских земель. В.О. Ключевский объясняет наличие тезки южного Галича на северо-востоке Руси колонизацией: славянские переселенцы из Галицкой земли в память о своем городе дали такое же название новому городу на востоке (Ключевский 1993).

Данное объяснение нуждается в подтверждении данными археологии (по тем данным различных источников, которые имеются на сегодняшний день, они появились относительно синхронно – в XII в.), задача которой отметить на своих материалах факт подобной миграции. К тому же топонимы с корнем «гал» в Урало-Поволжье распространены. Еще Ф. Браун, собравший «коллекцию Галичей» в Европе и связывавший распространение этих топонимов с кельтами-галатами, писал: «“Мерский” Галич Костромской губернии сюда не относится. Его имя, вероятнее всего, финского происхождения и лишь переделано на славянский лад русскими завоевателями по образцу или в честь днестровского Галича». Он же привел примеры, что «в Костромской губернии кроме мерского Галича и Сольгалича имеется 3 селения с названием Галашино, одно село Галанино, дер. Галецкая и Галецкое» (Браун 1899: 167).

Мерский Галич очень долго оставался островком чудского населения и язычества. А.И. Попов пишет: «Ученик преподобного Сергия Радонежского Авраамий застал в XIV в. “чудь” на Чухломском озере, в Галиче, на реке Воче и возле нее (“Чудской городок”) с еще сохранившимися тогда языческими верованиями. Это делает понятным то обстоятельство, что галичане упоминаются как особый иноязычный (неславянский) народ в житии епископа Стефана Пермского, составленном Епифанием Премудрым»; «Чудь, упоминаемая в XIV в. у Галича Мерьского, по-видимому, была одним из мерянских племен» (Попов 1973: 99; см. Епифан Премудрый 1993).

А.К. Байбурин со ссылкой на этнографические источники отмечает любопытные факты, что у русского крестьянского населения XIX – начале XX вв. плотникам приписывались тайные способности, знания, связи с «нечеловеческой природой», «лесом» и т.п. и считалось, что чем выше их мастерство, тем сильнее их скрытые способности: «Особенно дурной славой пользуются те из плотников, которые известны своим искусством, вроде костромских галичан...» (Байбурин 1983: 56-57). Косвенно это свидетельствует о том, что в период язычества и раннего христианства на Руси Галич, вероятно, мог быть одним из центров волхвов. К этому предположению мы чуть позже вернемся. Колдовской арсенал плотников был довольно разнообразен, они, например, могли пойти даже на такое серьезное действие, как «посадить в дом кикимору, которая выживет хозяев из дому» (Байбурин 1983: 57).

А теперь мы вступаем на зыбкую почву реконструкции возможной связи мерского Галича и южного Галича, исходя из того, что созвучие их названий – не просто совпадение. Но вначале обратимся к сведениям, собранным Ф. Брауном, о топонимах «Галич». Их оказалось немного [25]: Галич на Днестре, Малый Га-

будто намекает и характер употребления этого слова, ср. бытовавшие устойчивые выражения: Олух Царя Небесного; мухи летают (ср. Вельзевул – «бог мух») – олухов оплетают; вислоухий олух; олух на олухе едет, олухом погоняет (Даль 1955: II,672). Итак, всем известный «олух», переживший инверсию из области сакрального в область смешного, свое происхождение, возможно, ведет от очень уважаемого в языческий период «волхва» («волоха»).

[25] Мы умышленно обратили внимание только на те топонимы, которые представляются полностью идентичными русскому «Галич», для того, чтобы не попасть в более широкую сеть европейских топонимов с корнем «гал» заведомо «кельтского» происхождения.

лич (Галац) [26], Halić и Welka Halić (венг. Gacs и Gacsfalva) в Венгрии (Браун 1899: 167). К ним можно прибавить также горы Галичица, недалеко от современной границы между Албанией и Македонией, место Галиче в Болгарии в районе Враца и др. Можно заметить, что все западные топонимы «Галич» встречаются на той территории, где можно предполагать присутствие волохов. Это уже второе совпадение. В данном случае не имеет значения вопрос, когда, например, появились волохи на Буковине и в Молдове. На этот вопрос мы постараемся ответить в последнем разделе работы.

Мог ли населенный пункт с названием «Галич» претендовать на роль сакрального центра? В связи с этим вопросом крайне любопытны два сюжета в Галицко-Волынской летописи.

Первый под 1226 г. рассказывает о следующем. Венгерский королевич Андрей женился на младшей дочери галицкого князя Мстислава Удалого, а затем, поддавшись на провокацию одного из бояр, бежал в Венгрию, собрал там войско и пошел на Галич. *«...И послал своих воинов к Галичу, а сам не посмел поехать к Галичу: предсказали ему волхвы угорские, что если он увидит Галич, не быть ему в живых. Из-за этого он не смел идти к Галичу, потому что верил волхвам. Днестр наводнился, и нельзя было его перейти»* (здесь и далее перевод О.П. Лихачевой; Галицко-Волынская 1981: 264-265). Однако предсказанию волхвов все же было суждено сбыться. Произошла битва, в которой Мстислав победил, но по совету бояр отдал Галич Андрею, и последний с 1226 по 1234 гг. – князь галицкий. Но в 1234 г. Андрей, оказавшись в осаде в Галиче, *«изнемогал от голода»* и умер. В историографии существует мнение, что Андрей был отравлен (Галицко-Волынская 1981: 580). Этот рассказ напоминает предание о смерти Вещего Олега. Что заменило змею из черепа убитого коня в этом рассказе? Уж не Галич ли, святое для волхвов место?

Второй сюжет под 1250 г. рассказывает о поездке князя Даниила Галицкого в Орду к Батыю на Волгу. *«Когда он хотел идти на поклон к нему, пришел человек Ярослава Соногур и сказал: “Твой брат Ярослав кланялся кусту, и тебе придется поклониться”. Даниил сказал: “Дьявол говорит твоими устами. Пусть Бог заградит уста твои, чтобы слово твое не было слышно”. В это время его позвали к Батыю, и он был избавлен богом от злого их волшебства* [27] *и кудесничанья»* (Галицко-Волынская 1981: 312-315). Великий Суздальский князь Ярослав был отравлен в Орде, и приход Соногура нельзя расценить иначе, чем злорадство и по поводу участи самого Даниила. Однако чьего *«бешения»* и *«кудесничанья»* убоялся галицкий князь? В разговоре участвует один Соногур, а в летописи говорится «*их волшебство*», то есть речь идет о какой-то группе. По всей видимости, Соногур – это суздальский волхв, а его интерес к Даниилу не в последнюю очередь вызван тем, что тот – князь Галича. Так это было или не так, но мы должны отметить присутствие южного Галича в контексте о волхвах. Читателю решать, можно ли считать это третьим совпадением.

Среди попыток исследователей все же найти общее между Галичем Мерским и южнорусским отметим этимологию топонима все того же Ф. Брауна, который предложил считать его происходящим от «общеиндоевропейского hal<*sal – соль». «Район костромского Галича напоминает Галичину и богатством соли» (Браун 1899: 167-168). Может быть, действительно происхождение названия «Галич» уходит в давний период контактов финно-угорских предков мери с индоевропейцами и, в частности, с кельтами, у которых деятельность, связанная с добычей и торговлей солью, была на особом положении (Щукин 1994: 16)?

Как уже не раз отмечалось, В.В. Иванов и В.Н. Топоров показывают общее происхождение слов, родственных и связанных со словами Велес, волхвы-волохи и т.д., от древнейшей индоевропейской формы *uel-, в связи с чем пишут: «Согласно одной из точек зрения название самой крупной кельтской территории – Галлии объясняется именно из этого корня, трансформировавшегося в германском заимствовании из кельтского, которое вернулось к кельтам и римлянам (лат. Gallia). В таком случае название Галлия было бы западноевропейским эквивалентом восточно-европейского названия того же корня Валахия» (Иванов, Топоров 1979: 73).

Исследователи отмечают, что существует и другая точка зрения на происхождение названия Галлии и соответствующего этнонима: из и.-евр. *gal- или *ghal- ‘мочь’ далее в кельтских и романо-кельтских языках значение ‘сила’, ‘мощь’ (Иванов, Топоров 1979: 73, 83). Исходя из обеих этимологий (а также того, что говорилось раньше по поводу Галича Мерского), вырисовываются две интерпретации названия как Галича Мерского, так и Галича на Днестре: первая – Галич – Город (поселение и т.д.) Волохов/Волхвов; вторая – Галич – Город (поселение) Силы, конечно же, силы сакральной, силы и могущества волхвов. (Сравните с названием города Вильнюс от литов. мифолог. персонажей Velnias, Velines, Velinas и т.д., балтийских тезок древнерусского Велеса? – см. Иванов, Топоров 1976: 126; 1979: 69-71). Таким образом, само название города Галича Мерьского,

[26] Вопрос о том, существовал ли город Малый Галич, идентифицирующийся с современным румынским Галацем (тесно связанный с проблемой достоверности сведений т.н. Грамоты Ивана Берладника 1134 г.), рассмотрен нами в работе – Рабинович 1999.

[27] Перевод О.П.Лихачевой слова «бешения».

вероятно, свидетельствует о тесных связях мери и волхвов/волохов.

То, что название Галич может связываться с волохами, говорит и следующее обстоятельство. Город Галич на Днестре впервые упомянут под 1140 годом в русской летописи и в 1134 г. в Грамоте Берладника. В этой же грамоте под этим же годом фиксируется и Малый Галич на юге Молдовы. Первое достоверное сообщение о волохах на территории Молдовы (византийского автора Никиты Хониата) датируется 1164 годом. Близость этих дат между собой и ко времени волошской колонизации территории Восточного Прикарпатья, Буковины (и, возможно, Волыни – Болоховская земля? – Дашкевич 1878; Spinei 1994) делают «волошскую» интерпретацию Галича более убедительной (см. Рабинович 1999 и IV главу работы). Напомню, что существуют и версия Е.М. Ткачука о волошской идентификации галицких выгонцев, получивших, по его мнению, это название от занятий пастушеством, и предположение А.П. Городенко о том, что Галицкая Русь была первым славяно-волошским государственным образованием в Карпато-Днестровских землях.

Теперь можно наметить еще один момент возможной связи двух Галичей. Первые упоминания Галича Мерьского в письменных источниках, как отмечалось, относятся к 30-м гг. XIII в., но археологические исследования установили наличие в нем культурных отложений XII в. (Рябинин 1996: 186). В литературе существует мнение, что при определенной разнородности этнических компонентов (центрально-мерянских, прибалтийско-финских, камско-финских и т.д.), участвующих в целом в этногенезе костромской мери, в сложении археологической культуры именно «галичской» мери, оставившей поселения у с. Унорож на северном берегу Галичского озера и в верховьях реки Вексы – округе Галича Мерьского, главным компонентом были выходцы из ареала центральной (владимирской), и даже более конкретно, летописной (ростовской) мери, мигрировавшие или просто вытеснявшиеся под давлением древнерусского освоения Ростово-Суздальской земли на ее окраины (Рябинин 1997: 160-163, 186-196, 236; Леонтьев 1996: 290-291; Финно-угры 1999: 40-42, 59-61). Таким образом, вероятен момент сходства в обстоятельствах возникновения названий обоих пунктов: они могли появиться в ходе волошской колонизации и их существование, возможно, должно было нести определенную идеологическую и символическую нагрузку.

Впрочем, вероятна и другая, более «сложная» версия объяснения. Ведь значительно раньше, чем в русских летописях (1140 г.) и у Яна Длугоша и В.Н. Татищева (1125 г.) (Рабинович 1999), Галич упомянут в хронике Венгерского Анонима: путь одной из групп венгров, «обретающих родину», возглавляемой вождем Альмошом, проходил через Галич, где ему местный князь оказал гостеприимство (Эрдели 1967). Данное упоминание Галича, приуроченное к событиям конца IX – начала X вв., многими исследователями трактовалось как типичный анахронизм (Шушарин 1961; 1965; Извори 2001), однако другие, например, В.В. Аулих, видят подтверждение ему в открытом в окрестностях древнего Галича погребении богатого венгерского всадника, датированного X в. (Аулих 1986: 287). Проблема осложнена и определенной дискуссионностью местонахождения летописного Галича. В настоящее время многими археологами принята «в качестве рабочей гипотезы» идентификация древнего Галича с Крылосским городищем, расположенным в 5 км к югу от современного Галича, на котором выявлен в качестве самого раннего горизонт VIII в. (Аулих 1986: 287-295). Таким образом, появление южного Галича, вернее, его названия (пока не ясен вопрос, какое название появилось раньше – Галич или Галицкая земля? – Аулих 1986: 287), может быть связано не с волошской колонизацией, исходящей с дунайского византийского правобережья XII-XIII вв., а с той группой влахов, которая оказалась в Подунавье еще в гуннское время и встретила в IX в. в Трансильвании венгров, «обретающих родину» (см. разделы III и IV данной работы). В свете возможных связей двух Галичей и волхвов/волохов интересны предания о южном Галиче в северорусских былинах, в частности Онежских (Аулих 1986: 287).

В нашем распоряжении есть еще один «лингвистический» аргумент, который позволяет, как кажется, «связать» воедино мерю, волхвов и волохов. Неоднократно в литературе приводились многочисленные примеры слов (связанных происхождением с упомянутым индоевропейским корнем, общеславянской формой *volxъ или соответствующей ей более глубокой реконструкцией), которые стали обозначать волохов, румын и итальянцев, их этническую принадлежность и их страны практически во всех славянских, греческом, венгерском и немецком языках (Иванов, Топоров 1979: 61-62; Королюк 1979; 1985; и др.). Среди этих слов наше внимание привлекают слова, которые, по мнению О.Н. Трубачева, происходят «от названия валахов, бродячих пастухов-румын в районе Карпат, занимавшихся также кастрированием животных» (цит. по: Иванов, Топоров 1979: 78). В.В. Иванов и В.Н. Топоров обращают внимание и на древнерусские слова «с явным влиянием этнонима» – волохъ, валохъ и валухъ, что означает ‘кастрированный жеребец’, а также на «немецкое Wallach ‘мерин’, восходящее к славянскому источнику типа русск. волох...» (Иванов, Топоров 1979: 62, 78; но см. Фасмер 1986: II, 604). Не будем касаться конкретного момента сакрализации в деятельности, связанной со скотоводством (кастрирование животных могло носить оттенок сакральности в

языческий период), но обратим внимание на другое. Итак, в западнославянских и немецком языках наименование кастрированного животного происходит от имени карпато-балканских волохов. Допустим, что древнерусские соответствующие понятия перенесены с запада, хотя такая вероятность и вызывает сомнения. Но вот созвучие мери и мерина, образующих точно соответствующую параллельную пару понятий на востоке славянского мира – на Руси, – вряд ли можно посчитать случайностью. Можно предположить, что волхвы/волохи, инкорпорированные в среду мери, занимались кастрированием животных, и в связи с этим в русском языке появилось слово «мерин», сумевшее вытеснить более «интернациональные» древнерусские синонимы.

Скотоводство (разведение лошадей, крупного рогатого скота) было важной, если не главной отраслью хозяйства мери, особенно на раннем этапе ее истории, в период, предшествующий массовому появлению славян, также приносивших навыки развитого земледелия на ее территории (Рябинин 1997: 241), подобно тому, как это было до этого на Северо-Западе. По данным письменных источников: скотоводство – главное занятие жителей Медвежьего угла в сказании о возникновении Ярославля. «*Конокормцы*» – определение финно-угров Поволжья в «Летописце Переяславля Суздальского» начала XIII в. (Рябинин 1997: 236; ПСРЛ 41). По данным археологии, мнения о преобладающей над земледелием роли скотоводства у мери придерживаются Е.И. Горюнова, Л.А. Голубева (Горюнова 1961; Голубева 1987). По Е.А. Рябинину, скотоводство – главное занятие костромской и клещинской групп мери, а в ранний период и для ростовской (Рябинин 1997: 158, 163, 236-237, 241). Отличается точка зрения А.Е. Леонтьева: признавая для отдельных мерянских поселений преимущественное развитие скотоводства, он говорит о ведущей роли пашенного земледелия в целом у ростовской мери, хотя главным аргументом для этого утверждения выступает приуроченность мерянских поселков к землям, удобным для использования в этих целях (?!) (Леонтьев 1996: 42-45). Тем не менее, и этот автор указывает на преобладание крупного рогатого скота и значительное поголовье лошадей на мерянских поселениях (меря конину употребляла в пищу) (Леонтьев 1996: 43).

Появлению русского «этноговорящего» слова «мерин» способствовал и чрезвычайно развитый культ коня у мери. Присутствие останков коня в погребениях – характерная деталь мерянского погребального обряда. На культ коня указывают и специфические мерянские племенные украшения, выполнявшие роль амулетов, а именно коньковые подвески, отличающиеся от зооморфных украшений других финских племен своей реалистичностью и многообразием вариантов (Голубева 1976; 1987: 79; Леонтьев 1996: 186; Финно-угры 1999: 46). По мнению некоторых исследователей, почитание коня сопряжено с культом Велеса (Мачинский 1981; Успенский 1982). По археологическим данным у мери прослеживается и культ змеи (распространенные находки – стилизованные изображения змей), а некоторые авторы полагают, и культ медведя (находки амулетов – медвежьих клыков и когтей, глиняных лап) (Голубева 1987: 77; Леонтьев 1996: 176, 186, 286-287; Рябинин 1997: 183-185; Финно-угры 1999: 46, 59). Связь Велеса с культом змеи бесспорна, о связи Велеса с культом медведя уже упоминалось. Таким образом, причины возможного происхождения слова «мерин» от этнонима «меря» обусловлены глубинными связями, и их лингвистическое сходство нельзя признать случайным.

Но вернемся к особой роли мери на Руси, вернее – той ее части, которая, возможно, была связана или именовалась «волхвами». Об этой роли мы можем говорить не только на основании раскрытия связей между волхвами, Велесом и мерей и реконструкции значения выше упоминавшихся сакрально значимых мерянских слов. В нашем распоряжении есть аргумент, представляющий собой, по сути, уже не реконструкцию, а факт, реально свидетельствующий об этой роли.

После принятия христианства на Руси стали появляться поучения в связи с борьбой с язычеством и языческими реминисценциями среди русского и русифицировавшегося неславянского населения. Среди них «Слово некоего христолюбца», «Слово о том, как первое погани суще язици кланялися идолом», «Вопрошание Кириково», «Поучение» новгородского архиепископа Илии-Иоанна» и др. (Аничков 1914: 26-80; Гальковский 1916: 109-111). В этих сочинениях, в житийной литературе, а также в Уставах князей, определявших область церковного суда, который был одним из средств борьбы против язычества, мы встречаем устойчиво повторяющееся выражение «богомерьскый». Например, в одном из так называемых «Исповедальных вопросов» священник должен спрашивать: «ли сплутила еси з бабоми богомерьскыя блуды...» (Цит. по: Аничков 1914: 267). Видимо, дело лингвистов объяснить, как со временем «богомерьскый» стал «богомерзким». Для нас важно другое: язычество на Руси его противниками связывалось с Мерьским Богом, Богом Мери.

После того, что было изложено в этой работе, у меня нет сомнений, что упомянутым Богом Мери был Велес/Волос, ставший после «демонизации» языческих богов (Топоров 1996: 174) христианским дьяволом, бесом. Только языческий бог мери удостоился упоминания этнической принадлежности. Напряжение борьбы с «чужим» языческим богом было

столь велико, что даже слово «мерьский», нейтрально выражавшее этническую принадлежность, со временем превратилось в «мерзкий» в современном понимании. «Мерзкий» – это не просто плохой, это что-то очень плохое, низменное, гадкое, такое же гадкое, как змея волхва, убившая Вещего Олега. Чуть дальше мы увидим, что слово «мерьскый» приобрело смысловой оттенок «плохой», возможно, еще раньше, до официального принятия христианства на Руси.

Любопытно взглянуть на соотношение существующей в науке этимологии слова «мерзкий» с только что представленной. Н.М. Шанский полагает, что слово «мерзкий» образовалось от прилагательного «мьрзъ», которое «первоначально имело только значение "холодный". Значение "мерзкий, отвратительный" является вторичным, возникшим на основе значения "холодный", т.е. неприятный по впечатлению, ощущению» (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 262). Л.В. Успенский также пишет о родстве слова «мерзкий» со словами «мёрзлый, мерзлота, мерзнуть, мороз» и т.д. и поэтически объясняет: «язык отмечает... очень тонкие проявления чувств: нечто очень отвратительное может вызвать такую же внутреннюю дрожь, легкий озноб, как и холод» (Успенский 1971: 577). Красивая этимология, но, учитывая то обстоятельство, что первоначально встречается слово «богомерьскый», а затем уже, позднее – богомерзкий (мерзкий, устойчивые выражения вроде «мерзость языческая»), возможно, носящая вторичный характер и настойчиво напоминающая о колдовской роли финнов в глазах соседей и их «царстве вечного холода».

А.Е. Леонтьев, справедливо в целом критикуя опыт сплошного картографирования топонимов с основой «мер», продемонстрированный А.С. Уваровым (1871) в книге, посвященной археологии и истории мери, пишет: «Многие названия типа известных "Мериново" и "Мерзляково" никакого отношения к мере не имеют» (1996: 6). В свете всего изложенного хотелось бы уточнить, что само появление подобных названий и конкретно указанных топонимов с учетом того, когда и при каких обстоятельствах они появились, может, очень дальнее, опосредованное, но отношение к мере все же имеет.

И еще один сюжет, но уже в связи с «богомерьскими бабами». Как случилось, что со временем «богомерьских» волхвов заменили «богомерьские бабы»? Исследователи традиционно, вслед за соответствующими письменными памятниками, отмечали особую приверженность волхованию женщин. Они не только чаще мужчин ходили к волхвам, но и, «пропагандируя их учения», составляли последним конкуренцию, особенно в такой области, как знахарство и ворожба (Аничков 1914: 280-281; Боровский 1982: 33-34). У многих народов, в частности и у финно-угорских, пожилая женщина, старуха – это ведьма, колдунья и т.д. Устойчивое выражение «богомерские бабы», ходившее на Руси, вызывает ассоциации с приводившимся случаем из жизни византийских влахов и их женщин на Афоне. Возможно, речь идет о явлениях одного порядка.

Е.В. Аничков считал, что на Руси (начиная с XI-XII вв.) в связи с упадком роли волхвов выдвигается «исконная носительница тайных знаний» – женщина, «ведовство же становится семейным, домашним» (Аничков 1914). Даже в XIX-XX вв. в особо важных или критических случаях (при эпидемиях, падежах скота) ворожат, колдуют обычные крестьянки. При этом их облик, действия часто повторяют облик и действия ведьм: «женщины в рубахах, без поясов, с распущенными волосами, на кочергах и помелах обходят, опахивают село во время эпидемий, преграждая путь болезни, отгоняя нечистую силу, старясь "оградить", сохранить в доме достаток, благополучие» (Власова 1995: 75-76). Н.Н. Велецкая, дополняя высказанное Е.В. Аничковым, полагает, что «более стойкая сохранность архаических ритуалов в женской среде, большая устойчивость женской обрядности, а также переход на женскую среду обрядности, составляющей прежде мужскую компетенцию, – характерные процессы при деградации ритуального действа» (Велецкая 1978: 68).

Данные археологии косвенно позволяют предполагать, что выражение «богомерьские бабы» – раннего происхождения и связано с мерей. Для мери, как и для ряда других поволжско-финских народов в ранний период, характерен такой своеобразный феномен, как «женское ремесленное литье» с индивидуальным характером изделий, не рассчитанных на серийное производство, только в X в. ювелирное дело переходит в руки профессиональных ремесленников-мужчин. Обнаружены многочисленные женские погребения с соответствующим инвентарем и даже погребения девочек-литейщиц (Голубева 1987: 74, 80; Голубева 1988: 31-34; Рябинин 1997: 158). Б.А. Рыбаков объясняет этот феномен тем, что восковые модели для литья изготовлялись из провощенных нитей, и это занятие было близко традиционным женским занятиям – вязанию, ткачеству и т.д., а сам процесс литья проходил у домашнего очага (Рыбаков 1948: 90-94).

Не лишним будет напомнить, что металлургия, как «огненная профессия» – одна из самых сакрализованных сфер деятельности в древности и средневековье, она наиболее связана с колдовством. Согласно Мирче Элиаде, в традиционных культурах она в этом отношении следует сразу за ремеслом шаманов (Вельмезова 1999: 104-108). Возможно, девочек с раннего детства готовили к своеобразной роли «демиургов» и посредников между волхвами-шаманами и потусторонними стихиями. Вспом-

ним уже упоминавшийся нами, приведенный Н.М. Гальковским (1916: 250) пример впадения смотрящих на огонь девочек в экстатическое состояние при выполнении специальных шаманских ритуалов у финнов.

О своеобразной роли женщин в мерянском обществе свидетельствует и традиция захоронения их с оружием и ритуальными погребениями коней. В то же время отмечается и присутствие женских украшений в мужских погребениях, причем эти украшения иногда были не просто положены в погребения, а надеты на мужчин (Голубева 1987: 80; Рябинин 1997: 158, 174-175).

Как отмечалось, по данным археологии во многих районах прослеживается ассимиляция мери древнерусским населением еще в домонгольский период. Одна из ее черт – исчезновение в погребениях улавливаемых археологически элементов мужской мерянской субкультуры. Е.А. Рябинин пишет: «…Процесс поглощения одного этноса другим идет в значительной степени путем заключения смешанных браков. Инициативной стороной в установлении кровнородственных связей выступали славяне, нарушившие свойственную мере племенную эндогамность. Смешанные браки меняют традиционный быт одного из супругов, попавшего в иноплеменную обстановку. При патрилокальных браках в такой ситуации оказывались женщины. В данном случае это означало появление мерянских женщин в древнерусских общинах. Являясь основными носителями этнических традиций, мерянки сохраняли в чуждой среде этническое самосознание, которое и отразилось в улавливаемых археологией элементах женской субкультуры». На примере данных одного из поселений в ареале клещинской группы мери Е.А. Рябинин показывает, что «приток мерянских женщин в поселок был наиболее значителен на раннем этапе существования древнерусской общины (вторая половина X – начало XI в.) и предположительно определялся необходимостью ее демографического воспроизводства. Брачные связи продолжались и в XI – начале XII в., но в достаточно ограниченном масштабе» (Рябинин 1997: 177-179).

Смешанные браки пришлых славян и мерянок вели не только к ассимиляции мери, ее обрусению и постепенной утрате ею своей этнической идентичности, но и к внедрению элементов духовной культуры мери в славянскую среду. Женщина – как носитель этнических традиций – передает самые значимые элементы своих духовных ценностей своим детям, которые первые годы своей жизни находятся целиком под влиянием матери. Таким образом мог действовать и механизм внедрения культа Велеса и элементов финского язычества в славянскую среду, таким образом и могло появиться у первых древнерусских книжников выражение «богомерьские бабы».

Особая сакральная роль мери и волхвов, «первого поколения русских колдунов» (Эрлих 1999) [28], была подхвачена последующими «поколениями» и реализовывалась уже в другом качестве. В.О. Ключевский писал, как повлияла на великорусский национальный характер великая русская колонизация (Ключевский 1993). Возможно, уникальное русское явление – интеллигенция (с ее постоянным культом избранного предназначения – беззаветным служением своему народу) [29] – архетипическое наследие древнерусских волхвов. Но как случилось, что волхвы под знаменем Велеса стали «первой русской интеллигенцией», каким образом волхвы/волохи захватили духовное первенство над восточными славянами, реализовали свое превосходство в этой области? Попытка ответить на этот вопрос – содержание следующего раздела.

II.5. Волхвы в русской истории: Поражение Перуна и стойкость Велеса

II.5.1. Славяно-финская «земля наша»

Отношения восточных славян и волхвов (не в конфессиональном, а в этническом значении) можно рассматривать как отношения переселенцев и автохтонов, колонизаторов и аборигенов, ассимилирующих и ассимилируемых. Но если рассуждать на тему о влиянии и роли волхвов в древнерусском обществе в его языческий и раннехристианский периоды с точки зрения противопоставления языческого и пришедшего ему на смену христианского, то мы придем лишь к общеизвестной схеме: язычество – пантеон Владимира 980 г. как попытка реформировать язычество и приспособить его к нуждам молодого государства, – принятие христианства. Эта схема позволяет объяснить многое, но далеко не все.

Вовсе не случайно в историографии советского периода, в отличие от дореволюционной, за редким исключением не обращалось внимания на неславянство летописных волхвов. Другой этнос – другая культура, и если внимание все-таки обратить, то, конечно же, возникает вопрос, кто на кого влиял в такой «полити-

[28] Идею о трех поколениях русских колдунов см. Эрлих 1999.

[29] Михаил Ардов пишет: «В разговоре о склонности великих русских писателей переходить от литературы к прямому проповедничеству Ахматова сказала: – По-моему, это только у русских. Коля Гумилев называл это “пасти народы”. Он говорил мне: “Аня, отрави меня собственной рукой, если я начну пасти народы”» (Ардов 1994: 20).

чески» важной и тонкой, деликатной области, как религия. Уже нельзя будет отделаться стереотипным заключением (как в популярных рассуждениях об экономическом аспекте соприкосновения культур), что более прогрессивная земледельческая культура славян повлияла (и, в конечном счете, «победила») на более отсталую культуру «очередных» кочевников и аборигенов. Это привело бы к сбою в отлаженной машине выполнения идеологических задач, стоящих перед наукой в имперском многонациональном государстве. Практически не подчеркивалось в послереволюционной историографии (за исключением немногих работ уже в «мягкое» брежневское время, например, В.В. Иванова, В.Н. Топорова 1974, Б.А. Успенского 1982, М.В. Поповича 1985), что волхвы Начальной летописи связаны именно с Велесом. Волхвы представлялись как профессиональные работники в сфере обслуживания религиозных нужд всех древнерусских «граждан» независимо от их «конфессий». И такой подход в советской историографии был естественен в условиях сильного тоталитарного государства, где духовная творческая жизнь под контролем.

Вопрос – как складывались отношения между славянами и неславянскими волхвами/волохами, в том числе и в области религиозной жизни, между последними и властью Древнерусского государства, – может исследоваться и в другой плоскости – сквозь призму такого феномена, как универсальный по своему характеру конфликт светской и духовных ветвей власти в любом обществе.

При этом мы исходим из трех взаимосвязанных оснований.

Первое: концепция «исходного основного мифа славянской мифологии», как отражение «основного индоевропейского мифа», разработанная В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым (Иванов, Топоров 1974: 164; 1979; 1987: 530; Топоров 1995: 526; 1996: 173), показывает в качестве «основного» конфликт Перуна и Велеса: Громовник-Перун поражает змееподобного врага – «мифологическое существо, которому соответствует Волос-Велес»;

Второе: противник бога воинской функции Перуна – Велес – носитель функции сакральной, а их поединок иллюстрирует древнейший конфликт исполнителей этих двух функций (Попович 1985: 93; Эрлих 1997: 151-154);

Третье: реальная возможность того, что в отдельные периоды истории представители сакральной ветви власти доминировали в восточнославянском обществе над представителями власти светской (или, по крайней мере, жестко и на равных друг с другом конкурировали), когда соотношение влияния дюмезилевских «колдунов» и «воинов» было в пользу первых (Эрлих 1997: 152-153) [30]. В качестве примера таких обществ можно привести Египет и кельтов в некоторые исторические периоды и соседей-современников древней Руси – балтов, проживавших на территории Самбии и древней Литвы (Кузьмин 1988; Щукин 1994: 15-18; Кулаков 1987: 100-101; Охманьский 1987: 91).

Итак, рассмотрим конфликт Перуна и Велеса, «воинов» и «колдунов» на примере истории взаимоотношений первых русских князей и волхвов/волохов. Не будем при этом забывать, что в «извечной» борьбе двух сословий за власть над обществом каждое из них стремится параллельно с сохранением за собой своих собственных функций хотя бы частично узурпировать функции конкурента (Эрлих 1999): церковь и интеллигенция периодически осуществляют попытки «хождения во власть», а государственная власть стремится подчинить себе церковь и «лучшие умы». Присутствие в русской истории князя, названного Вещим (а в русской мифологии и фольклоре «вещий» однозначно понимается как «колдун», «ведун», «предсказатель» – см. Власова 1995: 83 и сл.), как мы увидим далее, не случайно. Предлагаемая ниже реконструкция, возможно, огрубленно и схематично, но намечает основные вероятные тенденции в развитии взаимоотношений восточнославянского общества и неславянских волхвов.

Первые контакты славян с волхвами имели место на севере будущей Руси еще до появления и первых варягов, и варягов Рюрика. Об этом недвусмысленно напоминает характер дославянского пласта топонимии, в том числе название Волхова и герой былины с именем Волх Всеславич, а также, как можно предположить, и данные, связываемые с пребыванием этногруппы «мере»/мерева/нерева. О взаимодействии пришедших в регион словен новгородских с местными финнами говорят параллели в новгородском и финском эпосе.

По этому поводу приведем соответствующий сюжет из сочинения В.О. Ключевского: «В эпосе западных прибалтийских более развитых финнов (Калевале) встречаем образ водяного царя. Этот старик с травяной бородой, в одежде из пены; он повелитель вод и ветров, живет в глубине моря, любит подымать бури и топить корабли; он большой охотник до музыки, и, когда герой Калевалы, мудрец Вейнемейнен, уронил в воду свою арфу (кантеле), водяной бог подхватил ее, чтоб забавляться ею в своем подводном царстве. Эти черты живо напоминают образ водяника, или царя морского, в извест-

[30] О периодах господства «колдунов» и Велеса в восточнославянском обществе могут свидетельствовать и амбивалентность образа змея в славянской мифологии и фольклоре и особенности ее отражения в археологических материалах (Мачинский 1981: 169; Велецкая 1988: 206-211; Власова 1995: 152-164; Топоров 1996: 168; Рябцева 1999: 228-240), да и происхождение самого слова «власть» и его производных от имени Велеса/Волоса (Эрлих 1997: 152-153, там же литература).

ной новгородской былине о Садко, богатом госте-купце и гусляре, который со своими гуслями попал в подводное царство водяника и там развеселил его своею игрой до того, что водяник пустился плясать, позабыв свое царское достоинство. Сама физиономия водяника, как она описана в новгородской былине, весьма похожа на облик водяного бога Калевалы. Водяного знают и в других краях России; но приведенный миф о водянике встречаем только в Новгородской области» (Ключевский 1993: 267).

Конечно, данный сюжет не указывает на длительные и глубокие контакты новгородцев именно с летописными волхвами и мерей, но следует учитывать тот момент, что в этноязыковом плане членение празападнофинской общности и отмежевание прибалтийско-финских племен от поволжско-финских начало происходить относительно незадолго до появления в регионе славян (Седов 1990). Но вот интересное известие из этнографических сборов прошлого века. Именно в Новгородской области «в некоторых крестьянских версиях повествования о миротворении Дьявол (Сатана) принимает участие в создании мира, например, он достает из-под безбрежных вод землю, будучи проклят Богом (за попытку утаить часть земли) творит болота, рытвины, а также полчища демонов и мороз» (Власова 1995: 141). Нельзя не заметить сходства даже в деталях с приводившимися нами ранее рассказами о миротворении волхвов и мордвы. Тот факт, что подобные рассказы сохранились именно на Северо-Западе, а не на северо-востоке России, подвергнувшемся глубокой славянской колонизации позднее, может косвенно свидетельствовать о том, что влияние волхвов в Поволховье имеет более древнюю и более ощутимую традицию по сравнению с северо-восточной Русью (из-за давности не отметившуюся в летописях, которая помнит события русской истории только начиная с варяжского периода).

Но каков был характер взаимоотношений словен новгородских и волхвов? Он определялся только лишь неформальным авторитетом искусных в колдовстве шаманов-инородцев, или отношениями неравенства двух соседних, живущих бок о бок, чересполосно, смешанно, этносов. Стоит еще раз напомнить об известии Ибрагима ибн Якуба, писавшего в 60-х годах X века, что племена севера завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, усвоили их язык и смешались с ними (Куник, Розен 1878: 46, 54). Даже В.О. Ключевский, полагавший, что в этом сюжете идет речь о варягах Руси, тонко замечает, что Русь «в числе их», оставляя места среди «победителей» славян и другим северным народам (Ключевский 1993: 118-119).

Намек на то, что до прихода варягов на севере Руси существовала какая-то протогосударственная общность славян и финнов с возможным доминированием в ней последних, содержится в порядке упоминания Начальной летописью их этнонимов. Девять раз в ней упоминается чудь и семь раз – меря.

В недатированной части «Повести временных лет», когда рассказывается о «странах Иафета», первыми названы русские, второй – чудь, третьей – меря, затем – остальные финно-угорские и балтские народы (ПВЛ 1950: I, 206). Также в недатированной части в перечислении неславянских народов, дающих дань Руси, первой названа чудь, второй – меря, затем другие народы (ПВЛ 1950: I, 209-210). Под 859 г. в сюжете о взимании дани «варягами из заморья» и хазарами первой названа чудь, вторыми – славяне, третьими – меря, далее все остальные (ПВЛ 1950: I, 214).

Следующее, очень важное для нас сообщение под 862 г. «о призвании варягов» процитируем: *«...Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”»* (ПВЛ 1950: I, 214). Напомню, что в новгородских летописях, обладающих более достоверной информацией о том, что происходило тогда на Северо-Западе, вместо чуди упоминается «*мере*», и как «убедительно показал А.А. Шахматов, появляющаяся в Новгородской первой летописи младшего извода в отдельных эпизодах “чудь” представляет позднейшую вставку, возникшую, возможно, под влиянием киевской версии» (Мачинский 1986: 14). В жарких дискуссиях по норманнскому вопросу это летописное известие давно приобрело характер хрестоматийного, однако, как кажется, не обращалось должное внимание на порядок упоминания этнонимов. Первыми названы послы чуди, вторыми – послы от славян, третьими и четвертыми – от кривичей и веси. Вряд ли летописец средневековой эпохи, когда общество пронизано иерархичностью и сословностью, был равнодушен к порядку этого перечисления [31]. Эта мысль подтвердится при анализе следующих упоминаний. По сообщению же 862 г. можно сделать предположение, что в неком сообществе («*земля наша*»), объединявшем соседящих между собой славян, кривичей, весь и чудь («*мере*») и раздираемом междоусобиями («*порядка в ней нет*»), доминировала все же чудь («*мере*»). Другой вопрос, каков был характер этого лидерства.

Очередное сообщение о чуди под 882 г. рассказывает о ее участии в знаменитом походе князя Олега на Смоленск, Любеч и на Киев. Олег *«взял с собой много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей»* (ПВЛ 1950: I, 216). Конечно же, не случайно на первом месте стоят варяги (дружина князя), но и чудь по-

[31] Об иерархичности в употреблении летописцем «Повести временных лет» этнонимов см. работы Д.А. Мачинского (1981а) и Г.С. Лебедева (1983).

прежнему сохраняет лидерство по отношению к славянам, хотя последние уже оттеснили мерю.

Вот следующее сообщение о походе Олега 907 г. на греков фиксирует очередное важное изменение в этой своеобразной иерархии: «*варяги, славяне, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы*» (ПВЛ 1950: I, 220). Чудь уже на третьем месте после преданных Олегу словен новгородских, а меря, пропустив вперед кривичей, все же опережает в этом списке длинное перечисление славянских племен, подчинившихся Олегу позднее мери или находившихся с ним в союзнических отношениях. При этом Ростов в числе немногих городов получил часть византийской дани.

Следующее, седьмое известие о чуди под 980 г. сообщает об ее участии в походе Владимира на Рогволода: *«Владимир собрал много воинов – варягов, славян, чуди и кривичей»* (ПВЛ 1950: I, 252). Как мы видим, ничего в летописной «табели о рангах» по сравнению с 907 г. не изменилось. Варяжская дружина – главная опора, вторые по значению – славяне, затем чудь и аутсайдер – кривичи.

Но вот последнее интересующее нас сообщение под 988 г. о том, как Владимир забеспокоился в связи с печенежской угрозой, что «*мало городов около Киева*», и стал их ставить и населять их «*мужами лучшими от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей*» (ПВЛ 1950: I, 282) зафиксировало дальнейшее снижение статуса чуди. Теперь она пропустила вперед кривичей, вероятно, более лояльных по отношению к княжеской власти. Возможно, такое место чуди в перечне уже вызвано и борьбой Владимира с языческими волхвами в период его попыток реформирования старого язычества, а после неудачи последних – и принятия христианства. Именно в 988 году после очень долгого перерыва упоминается Ростов: Владимир отдал его во владение Ярославу.

Под 1030 г. чудь упоминается в Начальной летописи в последний раз и «в одиночестве»: *«...ходил Ярослав на чудь, и победил их»* (ПВЛ 1950: I, 301), но об особых отношениях Ярослава с чудью разговор еще впереди.

Итак, порядок перечисления чуди и словен в «Повести временных лет» указывает на то, что в доваряжский период и в период появления первых варягов и варягов Руси на севере существовало некое сообщество, территориальное единство местной чуди и славян, возможно, носившее потестарный характер. В политике «собирания земель» восточных славян первые русские князья опирались на чудь не в меньшей мере, чем на словен новгородских. Возможно, варяги не только привлекали воинские контингенты, набиравшиеся из чуди, но и учитывали или опирались на какие-то не упомянутые летописью отношения, сложившиеся еще до их появления между словенами и чудью.

Вряд ли эти отношения были равноправные. О том, что на севере мог существовать некий славянско-чудской политический организм, в котором верховенствовала чудь (и скорее всего, это была меря), кроме очередности упоминаний этнонимов и «глухого» упоминания Ибрагима ибн Якуба, свидетельствует еще ряд косвенных признаков.

Меря признается исследователями самостоятельным равноправным участником событий, предшествовавших появлению Русского государства, она обладала определенным военным и экономическим потенциалом. По данным археологии, в период не позднее начала IX в. меря уже была вовлечена в активную международную торговлю с балтийским регионом и скандинавами. Последние даже проживали в сезонных лагерях «гостей» на территории ее племенных центров, например, на Сарском городище (Голубева 1987: 81; Леонтьев 1996: 90-103, 176, 186, 209; Рябинин 1997: 163-165, 237). То обстоятельство, что меря отмечена большей долей внимания летописцев, нежели другие финские племена, А.Е. Леонтьев объясняет использованием авторами ПВЛ каких-то ранних источников ростовского происхождения (Леонтьев 1996: 24). Но вполне возможно и то, что это внимание было обусловлено (из-за давности – может, и опосредованно) очень важной ролью мери в событиях начальной истории.

Включение мери в состав державы Рюрика еще не означало начала славяно-русской колонизации ее территории. Массовое появление здесь славян археологически фиксируется с X в. (Леонтьев 1996: 192). Создается впечатление, что до 988 года, когда Владимир направил в Ростов Ярослава, меря, хоть и платила дань, определенную уставом князя Олега 882 года, но сохраняла определенную самостоятельность, социальную структуру и выступала целостной территориально-этнической единицей. На это указывает и то, что Ростов с 907 г. (когда он получил часть византийской дани!!! За что?! За участие вроде бы подвластной мери в походе?!) и по 988 г. не фигурирует в событиях политической жизни страны, и то, что одновременно сосуществуют до начала XI в. (по-видимому, до событий 1024 года), причем в территориальной близости друг от друга, два центра: Ростов – первый древнерусский город Северо-Востока и Сарское городище – племенной центр летописной мери.

Анализируя территориальную взаимосвязь мерянских и древнерусских поселений и вообще расположение последних (например, они почему-то возникают не в свободных, не обжитых мерей, но удобных землях, а по соседству с мерянскими поселениями), А.Е. Леонтьев пришел к выводу, что у мери существовало определенное земельное устроение, с которым по-

началу приходилось считаться и древнерусским поселенцам (Леонтьев 1996: 284). Может быть, в связи с этим устроением и определенной автономией мери связано возникновение в таком неудобном месте Ростова как древнерусского города, представляющего в земле мери киевский центр.

Ростов возник на месте мерянского поселка, но в совершенно неподходящей для древнерусского города местности, на низкой озерной заболоченной террасе, где совершенно невозможно было сооружение земляных фортификационных сооружений. А.Е. Леонтьев, обращаясь к сюжету о странном выборе местоположения Ростова, в нескольких работах повторяет, что выбор места был определен какими-то субъективными, малопонятными современному исследователю причинами (Леонтьев 1996: 273, 280, 281; 1997; Финно-угры 1999: 56, 61). Собственно городской древнерусский слой Ростова начинается с середины X в. (еще до появления в нем Ярослава), и можно предположить, что такая «субъективная» причина в выборе исходила от «администрации» мери, которая не желала укрепления обороноспособности русского города на ее территории. Этносоциальная племенная структура мери и особое земельное устроение на ее территории просуществовали до начала XI в. В 1024 году Ярослав Мудрый, подавив восстание в Суздальской области, ввел, как сообщают летописи, новый устав, который и узаконил отторжение исконных мерянских земель, меря в этом сообщении даже не упоминалась (Леонтьев 1996: 282; Рябинин 1997: 173, 178-179; Финно-угры 1999: 57-58).

Но если в первое столетие русской государственности мерянская этнотерриториальная общность пользовалась авторитетом и определенной автономией, то логично предположить, что такое положение вещей связано с авторитетом и положением мери в предшествующий период, когда государство Рюрика только возникало. Этот авторитет и положение мери, безусловно, могли реализовываться только в той «разноэтничной федерации» (*«земля наша»*), которая и решала вопрос о приглашении варягов. В состав этой федерации входили, как отмечалось, меря (=чудь ПВЛ), словене, кривичи и весь. Участие последней в «федерации» многими исследователями ставится под сомнение (Мачинский 1986: 14; Рябинин 1997: 237). Но некоторые археологические данные позволяют поставить вопрос и о реальном участии веси в «федерации», и о лидирующей роли мери в этой «федерации», по крайней мере, в той ее части, которая представлена весью.

Например, Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев показывают на археологических материалах пребывание групп мери (ростовской – по А.Е. Леонтьеву) в бассейне Шексны и Белоозера еще в дорусский период в IX веке и связывают этот факт с развитием пушной торговли по Волжскому торговому пути. Эти связи сохранились и позднее, когда меря влилась в древнерусское население (Леонтьев 1996: 246). Именно этим обстоятельством А.Е. Леонтьев объясняет вхождение Белоозерья в состав Ростовского княжества. Приведем его мнение более пространно:

«Не принимая в расчет связи мери с населением бассейна Шексны, невозможно объяснить изначальное вхождение Белозерья в состав Ростовского княжества. Согласно летописи, эта территория веси, которая на равных, как и меря, союзничала со славянскими племенами. В исторической ситуации IX-X вв. естественный ход событий, казалось бы, предполагал либо самостоятельное политическое развитие весской земли, либо ее вхождение в область приоритета Новгорода, чьи земли окружали район Шексны и Белого озера. Тем не менее, на карте Древней Руси образовался северный выступ Ростовских земель с городом Белоозеро. **Было бы неосторожным полагать, что еще до становления Древнерусского государства у мери и у веси существовали отношения подчиненности политического свойства. Но, очевидно, фиксация дани, с помощью которой шло формирование государственной территории при первых князях, в первую очередь распространилась на земли со сложившимися в предшествующее время связями**» (выделено нами – Р.Р.) (Леонтьев 1996: 290).

И в дополнение небольшой фрагмент из другой работы этого же автора: «...Не принимая в расчет давние связи мери с населением бассейна Шексны, трудно объяснить изначальное вхождение в состав Ростовского княжества Белоозерья. **События собственно русской истории IX-XI вв. не дают возможности понять, каким образом мог отойти г. Ростову этот северный край, окруженный владениями Новгорода»** (выделено нами – Р.Р.) (Финно-угры 1999: 56-57).

Комментарии фактически излишни. Вместе, как единый социально-политический и даже единый этнический организм («шуд*», «*шудцы*»), воспринимают мерю и весь булгарские летописи (Бахши Иман 1993: 63, 385 и др.).* Итак, меря занимала одну из лидирующих позиций в «федерации», приглашающей варягов, возможно – главную лидирующую позицию, и это видно из политической подчиненности ей белоозерской веси еще в дорусский период. Позднее на эти отношения и опирались первые русские князья. Становится понятным и продвижение восставших ярославских волхвов на Шексну, и неблаговидная выдача белоозерцами волхвов представителю князя Яну Вышатичу.

Если действительно существовал некий единый словенско-чудской политический организм, в котором лидировала чудь, то закономерен вопрос о характере этого лидерства. Попробуем его определить.

II.5.2. Чьи боги сильнее?

Письменные источники еще со времен Тацита отмечают миролюбивый, невоинственный характер финно-угорского населения, проживавшего на территории Восточной Европы. У нас нет оснований полагать, что чудь захватила власть над славянами на севере будущей Руси в традиционном, прямом, военно-административном смысле. Формально отношения между двумя этносами могли быть и, скорее всего, были равными, ровными и мирными. Лидерство чуди реализовалось в иной плоскости – духовной, религиозно-сакральной. И тому были свои причины.

Многие исследователи отмечают, что у восточных славян языческая религия не достигла развитых форм, сравнимых, например, с положением язычества у западных славян или у других народов. Восточные славяне не знали храмовых учреждений и жречества, и летописные волхвы не были жрецами в традиционном понимании профессиональных служителей культа. Существует мнение, что даже идолов, кумиров восточные славяне стали воздвигать относительно поздно, незадолго до принятия христианства (Аничков 1914: 264; Гальковский 1916; Голубинский 1901; Нидерле 1956; Кузьмин 1988:9-10) [32]. Славяне поклонялись духам предков и живой природы. Эти авторы пишут, что функции знахарей и даже колдунов исполняли старшие в роде, деды. В то же время у финнов была значительно более развитая система религиозных представлений. Авторитет финнов как «колдовского народа» еще долго будет неизмеримо высок. Финны были более искусны в знахарстве и колдовстве, их боги были более могущественны, чем собственно славянские божества, поэтому славяне, пришедшие с запада, стали пользоваться их услугами в этой столь важной в обществе области. Таково традиционное объяснение Е.В. Аничкова, Н.М. Гальковского и др.

Я к этому объяснению присоединяюсь, но не считаю его достаточно исчерпывающим. Из этнографических исследований следует, что на территории бывшей Южной Руси среди крестьян в большой мере сохранялись языческие реминисценции, имеющие отношение к Перуну, а на территории Северной Руси – к Велесу (Иванов, Топоров 1974: 55; Петрухин 1995: 138-141; Данилевский 1999: 200). В распоряжении исследователей есть известие Прокопия Кесарийского (III,14) о боге «*творце молний*» у славян, которого многие авторы связывают с Перуном пантеона Владимира 980 г. В какой-то мере сообщение Прокопия объясняет популярность Перуна на юге будущей Руси и реакцию печали киевлян на крушение идола Перуна в 988 г., прямо противоположно отличающуюся от реакции злорадствующих по аналогичному же поводу новгородцев. Заметим также, что славян, «вернувшихся с Дуная», встретила невраждебная, знакомая им природа южной Руси и родственное (а если и иноэтничное, то немногочисленное) население.

Кардинально другой была ситуация на севере. Славяне, придя в Озерный край и на Русский Север, встретились с чужой, дикой и непривычно суровой природой. Чужие, местами непроходимые лесные чащобы и чрезвычайно многочисленные реки и водоемы, главные пристанища и «аккумуляторы» мифологических существ, незнакомых и потому еще более страшных, не могли не вызвать естественного желания обратиться к знатокам местного пантеона, к местной чуди, чьи колдуны и шаманы выступали не только «экспертами», но и реальными посредниками и даже заступниками в общении с этими духами. В.О. Ключевский отмечает, как сильно повлияла на формирование характера великоросса новая и поначалу враждебная для славянина природа Волго-Окского междуречья (Ключевский 1993: 274-280). И это при том, что колонизация Северо-Восточной Руси первоначально шла не из южных областей Киевской Руси, а осуществлялась выходцами из Новгородской земли, уже подготовленных опытом предшествующих поколений, осваивавших Озерный край. Можно только догадываться, какова была реакция на природу славян, впервые появившихся на Северо-Западе. Поэтому, думаю, не только «мастерство» и знания волхвов, но и сам «природный» фактор заставил славян признать авторитет и лидерство чуди в религиозной области.

Возможно, еще один фактор повлиял на признание славянами сакральной власти связанных с чудью волхвов. Среди причин, толкавших славян на освоение Озерного края, исследователи называют разные: и жажда новых охотничьих угодий для добычи пушнины, и поиск земель, пригодных для сельхозобработки и т.д. Но независимо от решения вопроса о времени появления славян на Северо-Западе, в целом не стоит забывать, что северо-запад будущей Руси был конечным пунктом их длительного исторического пути «возвращения с Дуная», а само возвращение было вызвано какими-то чрезвычайными для них обстоятельствами («примучивания» волохов, авар, болгар и т.д.). Заряд пассионарности к этому времени уже мог иссякнуть. Так высока ли степень со-

[32] Е.В. Аничков пишет: «В самой середине XI в. лет через пятьдесят после крещения было распространено среди русских книжников мнение, по которому идолопоклонство, требы кумирам представляются явлением более поздним, не изначальным» (Аничков 1914: 264).

противляемости чужой природе, населенной чужими враждебными духами, у уставших от долгого пути? Может быть, и это обстоятельство сыграло свою роль. С течением времени местная чудь на Северо-Западе была в значительно степени ассимилирована, но мифологические представления последней глубоко проникли в религиозное сознание местных крестьян и слились с исконно славянскими представлениями.

Итак, до прихода варягов Руси и Рюрика на Северо-Западе существовало некое славяно-чудское единство, политический организм, который, быть может, даже не достиг стадии протогосударства. Скорее всего, это был весьма аморфный конгломерат славянских и чудских общин, возглавляемых военными вождями, но реальная власть которых была сильно ограничена властью и влиянием волхвов. Обращенные к варягам и переданные летописцем слова финско-славянского посольства (*«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»*) могли быть вызваны не столько противоречиями между этническими общинами (которые неминуемо должны были бы принять характер вооруженных столкновений, которые бы особо отметила летопись), сколько конфликтами между военными вождями и волхвами. Но приглашение варягов обусловило кардинальную перестановку сил и специфическую роль волхвов в истории восточных славян.

II.5.3. «Двоевластие»

Как известно, движение викингов коренным образом повлияло на историю средневековой Европы, и в частности Европы Восточной (Ловмяньский 1985; Лебедев 1985; Славяне и скандинавы 1986; Клейн 1999). Не вдаваясь в различные стороны норманнского вопроса, обратим внимание только на один из аспектов восточного движения викингов – изменения, которые они внесли в религиозную жизнь восточнославянского общества.

Понятно, что скандинавское общество в этот период было чрезвычайно динамичным, мобильным, исповедующим культ воинской силы и сильной светской власти. Набеги и походы, формирование новых государств и захват «старых», торговые экспедиции воинов-купцов и освоение торговых путей. «Воинский» идеал в скандинавском обществе – главный. Присутствие в сагах колдунов-финнов только подчеркивает слабость своих собственных. Последнее связано и с тем, что функции жрецов, колдунов, знахарей, видимо, частично брали на себя и представители светской власти – военные предводители, которые свою власть ни с кем не хотели делить. Известно, что чем больше успех военного вождя, тем больше он стремится вольно или невольно узурпировать и приобрести функции и атрибуты «духовного» сословия. Тем больше ему молва приписывает «колдовских» черт. Именно поэтому ведьмами, колдунами и т.п. слыли Жанна д'Арк, С. Разин, Е. Пугачев, А.В. Суворов и т.д. (Власова 1995: 186). В сагах часто присутствуют мотивы колдовства и знахарства конунгов. Например, знаменитый конунг Олав Святой оказался даже причастен к четырем чудесам на Руси (Джаксон 1994: 44, 81-83, 180-181, 188, 191-192).

Варяжские князья на Руси также стали брать на себя функции «колдовского» сословия. Судя по прозвищу, первым на роль князя-жреца, по-видимому, претендовал уже Олег, и безусловно прав Д.А. Мачинский, заметивший, что Олег сосредоточил в своих руках не только светскую, но и отчасти сакральную власть (Мачинский 1986: 28). Олег, по летописной версии, был прозван Вещим после того, как отказался от отравленных византийцами приношений, правда, в Новгородской Первой летописи и эта мотивировка отсутствует (Петрухин 1985: 141). Поскольку реально Олег оказался слабее, «непрофессиональнее» волхвов в непростом ремесле прорицания и предвидения, что следует из летописного рассказа об обстоятельствах его смерти, можно подозревать, что переданное летописью имя «Вещий» говорит скорее о его функциях, чем о способностях в этой области. Возможно, что Олег, как это делал Владимир, только на семь десятилетий позднее, руководил жертвоприношениями языческим идолам. Ведь о Владимире «Повесть временных лет» сообщает под 983 г., что он *«пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими»* (ПВЛ 1996: 175). Такие же сведения о Владимире предоставляют и скандинавские источники (Боровский 1982: 34).

Видимо, сама принадлежность к княжескому роду давала возможность реализовать «колдовские» функции. Даже женщинам. Например, мать Владимира, как сообщает «Большая Сага об Олаве Трюгвасоне», *«обладала даром провидения... как многие те язычники, о которых говорили, что они предсказывают еще не наступившие и сомнительные события»* (Джаксон 1993: 174). На то, что князь уже с момента рождения мог претендовать и на частичное или полное исполнение сакральных функций, как будто указывает и имя Святослав.

В.Н. Топоров, исследовавший вопрос о происхождении и содержании понятия «святость» на Руси, пишет: «Эти и подобные им имена, как бы не осмыслялись они позже и как бы ни настаивало большинство специалистов на трактовке *Svet- как "святой", в своих истоках... сохраняют еще в доступной для восприятия степени архаичное значение элемента *Svet-, вы-

ступающего в контексте обозначений жизненной силы, роста, плодородия». По этому автору, имя Святослав означает того, у кого слава (имеется в виду воинская) возрастает, близко к нему имя Святополк (возрастает полк, дружина) (Топоров 1995: 487-488 и др.). Однако анализировавшиеся В.Н. Топоровым далее в этой же работе особенности употребления еще в языческий период элемента *Svet- при имени Велеса и родственных ему персонажей в балтийской традиции, а также показанная им же связь понятия воли как жизненной силы и свободы и как смерти, ее царства и ее обитателей, сопоставляемой с индоевр. элементом *uel-/*uol- («пастбище» загробного мира, от которого и происходит и Велес, и волохи/волхвы – см. Иванов, Топоров 1979), как будто все-таки предоставляют гипотетическую возможность рассматривать такие имена, как Святослав и Святополк, в качестве «говорящих», соединяющих вместе два смысловых контекста. Первая часть имени обозначала сакральные функции князя, вторая – светские, воинские. В этом плане любопытно взглянуть на сюжет с богом балтийских славян Свентовитом в другой работе В.Н. Топорова (1996). Он пишет, что в этом имени «... обнаруживается элемент *svet ‘святой’ в языческом понимании этого слова», но при этом «нет сомнения, что со Свентовитом связывались две функции – воинская и магико-юридическая» (Топоров 1996: 170).

Придя к славянам, где сильным было влияние волхвов, варяжские «князья-колдуны» должны были неминуемо вступить с последними в конфликт. Но, нуждаясь в привлечении местных словен, кривичей и чуди в качестве военной силы для решения внешнеполитических задач собирания новых земель, Олег, как пишет Д.А. Мачинский, «принял вместе с “пришлой Русью” местную славяно-русскую религию, основанную на культе Перуна и Велеса» (Мачинский 1986: 28). Борьба с влиянием волхвов не могла не сопровождаться стремлением варягов «убрать» Велеса из славянского языческого пантеона, куда он попал стараниями волхвов. Отсутствие Велеса в возведенном Владимиром официальном Пантеоне 980 г. на Киевской Горе и ряд сопутствующих этому обстоятельств, но упоминание Велеса до этого в клятвах Олега и Святослава, говорят о том, что наиболее радикальные формы борьба волхвов и киевских князей приняла при Владимире. Но, судя по некоторым признакам, противостояние волхвов и князей, частично узурпировавших или стремящихся узурпировать функции первых, еще до Владимира носило ожесточенный, хотя внешне, может быть, выглядящий мирным характер.

Летописный рассказ о смерти Олега не указывает, что его убили волхвы, но «фольклорные – эпические или даже мифо-эпические истоки летописных преданий о Вещем Олеге давно считаются более или менее очевидными» (Петрухин 1995: 129). И если присутствие змеи на миниатюре Радзивиловской летописи (Рис.6), когда она выползает из черепа коня и жалит князя, можно при желании понимать только в буквальном и непосредственном смысле (змея на миниатюре – только змея, случайно оказавшаяся в черепе того коня, от которого волхвы предрекли смерть князю), то присутствие змеи на миниатюре, на которой воспроизведена клятва мужей Олега, позволяет считать, что змея на обеих миниатюрах символизирует змееподобного Велеса (Волоса) (Мачинский 1981: 127-128; Топоров 1996: 168).

Д.А. Мачинский аргументировано показывает, что змея на первой, предшествующей сцене смерти, миниатюре изображает, согласно летописному рассказу, двух упомянутых в клятвах богов – антропоморфного Перуна и змееобразного Велеса (Мачинский 1981: 127-128). Он полагает, что на миниатюре изображен и приносящий клятву Олег. В.Я. Петрухин с последним суждением не согласен (Петрухин 1995: 140), но если Олег в изображенной сцене и не участвует, то это еще больше убеждает в закономерности появления змеи – змееобразного Велеса, второго божества, которому приносят клятву мужи Олега (рис. 10). Д.А. Мачинский, как и ряд других исследователей, полагает, что миниатюры Радзивиловской летописи скопированы с миниатюр Владимирского свода 1212 г., и пишет: «Несомненно, летописец и художник начала XIII в. были уверены в антропоморфности кумира Перуна и змееобразности Волоса. Вероятно, миниатюрист также полагал, что Волос-змей, покровитель скота и особенно коней, и змея, жившая в черепе коня и ужалившая Олега, – существа тождественные или родственные» (Мачинский 1981: 127).

Предположение о том, что змея, ужалившая Олега, – это орудие убийства в руках волхвов, уже высказывалось в литературе. Например, В.Я. Петрухин пишет: «Если признать, что Олег был первым, кто оказал предпочтение Перуну, обосновавшись в Киеве и оторвавшись от изначальной столицы в Новгороде, от опоры на словен, то его “эпическая” смерть от змеи может выглядеть как некая “расплата” со стороны словенского Волоса» (Петрухин 1995: 141). Не стоит смущаться тем, что В.Я. Петрухин называет Волоса словенским. Этот же автор признает, что культ Велеса (Волоса) был широко распространен и на русском севере среди словен новгородских, и на этнической территории другого племени «новгородской конфедерации» – мери (Петрухин 1995: 138-139).

Смерть Олега от рук мстящих ему волхвов (?) напоминает ситуацию с погибелью новгородского князя Глеба Святославовича, который, как мы помним из сообщения под 1071 г., убил пришедшего в Новгород волхва. В извес-

Рис. 10. Клятва мужей Олега. Миниатюра Радзивиловской летописи (прорисовка).

тии под 1078 г. летопись сообщает: *«В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же милостив к убогим и любил странников, радел о церквях, горячо веровал…»* (ПВЛ 1996: 223). Думается, что Е.В. Аничков, Е.Е. Голубинский и др. не столь уж далеки от истины, предполагая, что убийство Глеба заволочской чудью – это месть за убийство волхва в Новгороде (Голубинский 1901: 214; Аничков 1914: 276). Ведь летопись ни разу не сообщает об убийстве чудью каких-либо конкретных лиц, это известие единственное, и вряд ли следует считать случайным совпадение, что погиб в Заволочье именно тот человек, князь, представитель власти, на которого волхвы «имели зуб». Да и созданный летописцем образ князя, который «горячо веровал», напоминает ореол великомученика, пострадавшего за истинную веру от рук язычников, и возможно, намекает на причины его гибели.

Легендарный характер летописного сказания о смерти Олега как бы подводит итог поединку между волхвами и им. Возможно, Олег захотел изменить своеобразную систему «двоевластия» Перуна и Велеса, сложившуюся (или продолжавшую существовать) в его время на Руси в религиозной области, которая фиксируется сообщением о присяге Олега и его мужей после победоносного похода на греков: *«...Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота...»* (ПВЛ 1996: 153).

По поводу упоминаний Велеса в клятвах русичей Д.А. Мачинский пишет: «Приводя данные, доказывающие реальность давно намеченной связи Волос-змей-конь, приходится признать, что эта сакральная связь мало объясняет то высокое положение, которое занимает (в паре с Перуном) фигура Волоса в текстах договоров Олега и Святослава с греками и не отвечает на вопрос, почему фигура “скотьего бога”, не допущенного в официальный пантеон Киевской Руси в эпоху самого яркого (и последнего) расцвета язычества при Владимире (980-988 гг.) и не упомянутого в тексте подобного договора и клятвы Игоря с дружиной (944-945 гг.), была столь актуальной при заключении договоров с греками Олега (907 г.) и Святослава (971 г.)» (Мачинский 1981: 128).

Сам Д.А. Мачинский предложил следующее объяснение высокого положения Велеса в договорах Олега и Святослава: он указал на связь Велеса с водной стихией и с морем. Русичам предстояло еще совершать сложные морские переходы, возвращаясь домой, и своей клятвой они пытались заручиться благоволением у «морского» бога (Мачинский 1981: 128-129). Гипотеза интересная и подкрепленная исследователем целым рядом наблюдений, она показывает, как могло быть, но не убеждает, что так все и было. Сомнительно, чтобы варяги, «морские волки», использовали в качестве покровителя в море все же чуждого им Велеса, даже если принять реконструкцию «скотьего бога» как бога «морского скота» (Мачинский 1981: 126-133).

Связь Велеса с водной стихией безусловна и очень архаична, но может, перспективнее обратиться к факту: «скотий бог» – устойчивое выражение, оно встречается по отношению к Велесу-Волосу также и в случаях (более частых), явно лишенных «морского» контекста, например в «Житии блаженного Владимира», «Слове св. Григория», «Златой Чепи», да и прочие упоминания Велеса, например, в Житии Авраамия Ростовского, лишены морского контекста (Голубинский 1901: 231; Гальковский 1916: 28; Фаминцын 1995: 40).

При всей возможной широте мнений о трактовке выражения *«скотий бог»* перспективней, как кажется, обратить внимание на его связь с пастушеством. О сакральности пастушества мы уже говорили. «Сказание о возникновении града Ярославля» прямо указывает на связь волхвов со скотоводством, это основное занятие местных жителей, и если рассуждать о волхвах этого источника как об этнической группе, то, очевидно, что волхвы – это прежде всего скотоводы, пастухи. Каким образом,

бог скотоводов, бог, популярный у (или в том числе и у) чуди, мог бы стать главным богом для не столь активно тогда занимавшихся скотоводством славян на севере, предположение уже высказывалось.

Достаточно традиционно объяснение выражения «скотий бог» от занятия скотоводством, при признании, что скот был главным богатством (усиливает последний момент и А.Г. Кузьмин, приводя редко встречающееся объяснение: «скотий бог» – бог богатства от кельтского «скотт», «скутти» – деньги – Кузьмин 1988: 12).

В отличие от бытовавших еще со времен авторов XIX в. представлений, что Велес – бог скота, а значит, и богатства, в современной литературе встречаем уже признание и в их безусловной ошибочности (Мачинский 1981: 127). Для X-XI вв., судя по летописным текстам, на роль главных богатств русской земли и предметов ее экспорта, прежде всего, претендуют меха, челядь, мед, воск, но никак не скот. И археологические данные не говорят о превалировании у славян скотоводства, например, над земледелием. Славяне не выплачивали дань скотом ни варягам, ни хазарам. Нет о нем упоминаний и в договорах с греками. Н.И. Толстой отмечает: «Названия звездного неба отражают древние аграрные и в меньшей мере скотоводческие представления славян, близкие к представлениям других индоевропейских народов» (Толстой 1996: 149). У славян не столь распространены и, главное, лишены глубинного смысла загадки, в которых ночное небо кодируется в скотоводческо-пастушеских терминах (Иванов, Топоров 1979: 84).

И все, что мы знаем о Велесе и волхвах, также не свидетельствует о его и их личных притязаниях на богатство, хотя золото и рассматривается некоторыми исследователями и как атрибут Велеса и позднее Николы Угодника (Успенский 1982: 56-63, 70-79) (ср. сюжет с золотом в «Житии Авраамия Ростовского). По мнению Д.А. Мачинского, золото не являлось атрибутом Велеса. Действительно, если Велес в языческий период был богом богатства, то почему его идол стоял не на Горе (пусть вне Пантеона, но все же на Горе), где жили знать и богатые купцы, а на «демократическом» Подоле? Функцию покровителя богатства Велес, похоже, приобрел позднее, уже в христианский период при осмысливании функций, связанных со скотоводством, плодородием и обилием.

Ответ на вопрос о том, что же могло означать выражение *«скотий бог»*, встречающееся в древнерусской литературе, не может быть сегодня бесспорен. Нужно учитывать, что его смысл мог со временем и меняться. Думаю, с учетом того, что было высказано в историографии (и в частности, по поводу комплекса представлений, связанных с индоевропейской мифологемой, от которой происходят слова Велес, волхвы, волохи и т.д.), можно предложить следующие «альтернативные» варианты его значения:

Велес – Бог волохов-пастухов; Велес – Бог загробного мира, Пастух мертвых душ; Учитывая противопоставление громовержцу Перуну: Велес – Бог Нижнего, подземного мира; Велес – Небесный Пастух звездных стад. Учитывая связь кельтского мира с указанной индоевропейской мифологемой, осмелюсь высказать совершенно «фантастическую» гипотезу: изначально это выражение могло означать буквально «бог скоттов» (то есть «бог кельтов»). В древнерусское время первоначальный, этнический, смысл этого выражения, скорее всего, мог быть безвозвратно утерян. Эта ситуация может быть подобна современному употреблению таких выражений, как «Скотланд Ярд», «английская булавка», «французская булка», «коса-литовка» и др.

Независимо от того, что значило выражение *«скотий бог»*, необходимо признать высокое положение Велеса на Руси в период заключения договоров. В договорах Олега и Святослава упоминаются вместе и Перун, и Велес. Учитывая официальность подобных клятв, нужно полагать, что на Руси в период Олега и Святослава главными богами в государстве власть признавала именно Перуна и Велеса. Текст клятвы ясно дает понять, что Перун – бог князя и дружины [33], «громовник», бог войны и воинов. Велес – бог «прочей Руси», причем, по-видимому, не только для чуди, мери и словен новгородских, но и для других славянских племен, подчиненных князю, участвовавших или не участвовавших в его походе. Ведь это о них говорится в клятве Святослава: *«Я Святослав князь, русский, ... подтверждаю клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир... Если же не соблюдем мы чего-либо... пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота...»* (ПВЛ 1996: 171).

Очевидно, что Волос в клятве – это бог «*прочих*», бог тех, кто «*подо мною*» – то есть покоренных Святославом славян и чуди. Характерно, что, кроме Перуна и Волоса, в клятвах Олега и Святослава другие боги, в том числе исконно славянские, не упоминаются, хотя мы знаем их по Пантеону Владимира 980 г. и по многим другим источникам. Официально, на международном уровне государство представляли только Перун и Волос. Они делили власть в высшем эшелоне древнерусского пантеона в тот период.

Для восточного славянства изначально они оба предстают привнесенными, инородными.

[33] Исследователи давно высказывают мнение о принадлежности Перуна к «обслуживанию» именно и только элитарных слоев древнерусского общества – князя и его окружения, дружины, бояр (Аничков 1914: 319-325; Кузьмин 1988: 12-13,186; Топоров 1995: 515).

Большинством исследователей они связываются с влиянием балтов на славян. Различие в том, что некоторые авторы появление этой пары богов у славян связывают со временем существования древнейшей балто-праславянской общности, а другие говорят о более позднем времени, о том периоде славянской истории, когда на славян, «вернувшихся с Дуная» в Восточную Европу, воздействовали балты (Иванов, Топоров 1979; Мачинский 1981; Кузьмин 1988; Топоров 1995; 1996).

Перун – бог воинов, по своим функциям напоминающий громовержцев скандинавов, греков, римлян и других народов. Перуну приносились в жертву люди, а собственно славянское язычество человеческих жертвоприношений не знало. Несмотря на известность культа Перуна от Восточной Балтики до Чехии и Сербии, по своему значению «он не был ни общеславянским, ни вообще славянским» (Кузьмин 1988: 10-12). О чуждой славянам этимологии имени Перун рассуждают уже давно (см. например, Гальковский 1916: 20). В беседе трех святителей он назван «*еллинским старцем*» (Гальковский 1916: 24; Топоров 1995: 515; Данилевский 1999: 198).

Независимо от дискуссий по поводу происхождения имени Перуна и вообще аналогичного ему божества у славян и неславян (Николаев, Страхов 1987), необходимо помнить: летопись свидетельствует, что в Новгороде его кумир воздвигли только в 980 г. (ПВЛ 1996: 174), а издевательства над ним со стороны новгородцев в 988 г., когда его свергнули в связи с крещением, говорят, что культ Перуна в Новгороде так и не приобрел большого значения. Его насаждали силой. Даже для недавнего времени для крестьян Илья-пророк (христианский заместитель Перуна) оставался, прежде всего, карателем за какие-то прегрешения. Заступничества же искали у Богородицы и Николы Угодника (христианского заместителя Велеса) (Кузьмин 1988: 186). Перун был принят варяжскими князьями, поскольку он полностью отвечал функциям освящения идеала светской власти варяжской Руси, как господствующего княжеско-дружинного слоя в новом государстве, а также, возможно, потому, что походил и на бога славян VI в. – «*метателя молнии*», описанного Прокопием Кесарийским, и на собственного громовержца Тора.

Велес также изначально инороден для восточных славян. Кого же он представляет в договорах русских князей с греками? Как ни интерпретировать списки имен мужей Олега, Игоря, Святослава, подписавших договора, все же надо признать, что среди них практически нет бесспорно славянских, но есть германо-скандинавские и финно-угорские, и даже, по мнению некоторых исследователей, имена, имеющие параллели в кельтской и иллиро-венетской традиции (Ключевский 1993: 143; Мачинский 1986: 21-22; Кузьмин 1988: 139-140; Петрухин 1995: 137; и др.; ср. Иловайский 1882; Ловмяньский 1985: 220). Велес – «скотий бог», но у нас, как мы уже отмечали, практически нет данных ни археологических, ни письменных источников, которые бы свидетельствовали о реальном доминировании скотоводства в славянской экономике. Другие высказывавшиеся исследователями объяснения выражения «скотий бог» еще меньше предоставляют возможности связывать Велеса со славянами или только со славянами. «Скотий бог» – изначально чужой для восточных славян и был ими воспринят в тот исторический период, когда установилось над ними господство волхвов в сакральной области.

Договоры Олега и Святослава зафиксировали состояние в религиозной жизни древнерусского общества в период их пребывания у власти, и это состояние можно охарактеризовать как систему своеобразного «двоевластия». Возможно представить несколько гипотез в интерпретации этого феномена:

1. Перун – бог князей и дружины, а Велес – высший, возвышающийся над многочисленными местными пантеонами, бог всей остальной Руси – славянских и неславянских племен, входивших в состав государства;

2. Перун – бог южной Руси, а Велес – бог северной Руси;

3. Перун – бог в той религиозной системе, в которой функции руководителей – идейных, а может быть, и фактических, брали на себя князья, а Велес – бог, соответственно, в той, в которой в качестве таковых доминировали волхвы.

На мой взгляд, наиболее предпочтительна первая из перечисленных версий, но более вероятно, что в реальности имели место и взаимодополнялись все три явления, обусловившие «двоевластие» в сакральной области. Итак, первые варяжско-русские князья с целью снизить, снивелировать роль иноэтничных волхвов с пропагандируемым ими культом Велеса в среде восточных славян выдвинули на первый план, усилили позиции в качестве альтернативного Велесу «руководителя» общерусского пантеона «своего», более удобного для себя бога – Перуна. На какое-то время на Руси в верхних эшелонах сакральной власти установилось господство двух богов – Перуна и Велеса, возвышавшихся над всеми остальными многочисленными местными божествами. Такая система продержалась до начала правления князя Владимира, до 980 г., когда с официальным провозглашением нового пантеона на Руси перешли в наступление на Велеса и волхвов.

II.5.4. От культа Перуна к принятию христианства

В научной литературе создание Владимиром пантеона 980 г. в Киеве *«на холме за теремным двором»* (причем, судя по летописи, это чуть ли не первое, что он сделал, начав княжить в Киеве) называют «загадкой эпохи» (Кузьмин 1988: 9). Особенно загадочным представляется состав пантеона: в нем отсутствуют некоторые исконно славянские божества, но присутствуют совершенно чуждые и неславянские по происхождению. Как справедливо заметил В.Н. Топоров, «не хватает ясности не только в определении состава богов... но и в выяснении принципов организации пантеона» (1996: 164).

Неоднократно делались попытки объяснить состав пантеона идеей объединения под властью великого киевского князя всех восточнославянских и неславянских племен Руси, как собрание главных богов племен, подчиненных Владимиру. Однако встречаются непреодолимые затруднения в том, как этнически верно «распределить» этих богов по племенам. Само создание нового единого пантеона в столице большинством исследователей рассматривается как религиозная реформа, как попытка модернизации языческой религии для приспособления ее к внутриполитическим условиям в новом складывающемся государстве или как попытка преодоления кризиса самого язычества, кризиса, вызванного обострением противоречий и межплеменных, и социальных в древнерусском обществе (Кузьмин 1988: 11, 13)

О.М. Раповым была высказана и другая точка зрения по поводу создания пантеона 980 г. По его мнению, речь идет не о реформе язычества, а просто о строительстве нового капища там, где его до этого не было. Владимир не пытался в данном случае создать единый пантеон всех языческих богов. Об этом, по О.М. Рапову, «свидетельствует отсутствие на новом святилище статуи Волоса и ряда других славянских языческих богов» (Рапов 1988: 209-211). Это суждение вряд ли можно признать логически корректным: реформа, модернизация для того и осуществляется, чтобы что-то изменить, какого-то бога «изъять», а какого-то возвести в ранг повыше.

Из сообщения «Жития блаженного Владимира» мы точно знаем, что во время крещения киевлян *«Волоса идола, его же именоваху скотья бога, веле в Почайну реку въврещи»* (Голубинский 1901: 231). То есть идол Велеса в Киеве все же стоял, но на Подоле, а не в центре столицы в официальном пантеоне. А.С. Фаминцын высказал предположение, что Велеса нет в пантеоне 980 года по ошибке (1995: 37), но это предположение вряд ли можно признать убедительным. То, что Велесу не нашлось место на главном капище, этом своеобразном древнерусском «политбюро», нельзя назвать случайностью: ведь меньше десяти лет назад до этого в договоре Святослава Велес присутствует в тандеме с Перуном. Но в 980 г. Перун сохранил свои позиции и, судя по упоминанию первым и описанию его пышного вида (он с серебряной головой и золотыми усами; он единственный удостоился описания летописцем), даже еще более упрочил свои лидирующие позиции. Создание нового пантеона наиболее естественно можно расценить как усиление в нем позиций Перуна, и такое мнение поддерживается и историографией.

Например, В.Н. Топоров пишет: «Несмотря на несколько волюнтаристский (с установкой на синтезирование, носящей оттенок нарочитости) характер религиозной реформы Владимира 980 г., затемняющей отчасти истинное положение вещей, можно говорить о ведущей роли Перуна, главы киевского пантеона...» (1996: 164). Все правильно, но мы полагаем: возвышение Перуна в новом пантеоне – это не цель, а средство – средство наступления Владимира на позиции волхвов и Велеса в древнерусском обществе.

Возможно, характер компромисса, частичной уступки сторонникам Велеса носит появление в пантеоне 980 г. Мокоши. Она – подруга или, по крайней мере, «коллега» Велеса по выполнению целого ряда функций. К тому же она вместе с Перуном и Велесом входит в троицу наиболее архаичных по происхождению богов, уходящих корнями в индоевропейскую эпоху (Топоров 1995: 526, 531; 1996: 173), и потому могла представлять в пантеоне не только славянское население. Присутствие в пантеоне неславянских богов, например, по мнению В.Н. Топорова, носило окказиональный, чисто ситуационный характер (1996: 163). Заслуживает внимания его реконструкция появления в пантеоне 980 года иранского по происхождению, еще одного (один в пантеоне уже был – Дажбог) солнечного бога – Хорса. В соседстве Хорса с Перуном В.Н. Топоров видит противопоставление другой паре – Перуну и Велесу (1995: 515).

Как заметил И.Н. Данилевский, эта замена, не привлекающая должного внимания исследователей, может быть вызвана двумя указанными В.Н. Топоровым причинами: 1) замена Велеса Хорсом была связана с попыткой Владимира привлечь на свою сторону хорезмийскую гвардию, приглашенную в то время Хазарским каганатом, 2) поскольку Перун и Велес соотносятся с некими социальными признаками и их носителями (дружина – народ; воины – работники и т.д.), то «выдвижение в соседство с Перуном Хорса (вместо вытесняемого Волоса) могло пониматься как оттеснение социальной проблематики более архаичной природно-

космологической (гром-молния /Перун/ – солнце /Хорс/». В.Н. Топоров считает более реальной первую причину, что, как полагает И.Н. Данилевский, вызывает большие сомнения (Топоров 1995: 515; Данилевский 1999: 198-199).

Я думаю, что, скорее, могло «сработать» второе, но не в качестве движущей причины, а в виде формального идеологического прикрытия. Реальной же, первичной целью было убрать из пантеона Велеса, а из духовной жизни древнерусского общества – волхвов.

В связи с реконструкцией В.Н. Топоровым замены Велеса на Хорса в пантеоне 980 года возникает еще один интересный контекст. Этот автор полагает, что слово «хороший» родственно имени Хорс (1995: 524). Но тогда, учитывая упоминавшуюся ранее эволюцию выражений «богомерьский/богомерзкий» и «мерский/мерзкий», можно предположить, что слово «мерский/мерзкий» стало означать «плохой» еще до принятия христианства. Мерский стало означать плохой, потому что плохим был Велес, бог мери, из-за чего он (в отличие от «хорошего» Хорса) и не был допущен в Пантеон.

Несмотря на присутствие Дажбога в пантеоне и упоминания этого славянского по происхождению бога в древнерусской литературе, его влияние на Руси было достаточно скромным по сравнению, например, с влиянием Перуна и Велеса. Славяне не знали развитого солярного культа, не принимали его в качестве главного божества, в отличие от луны, с солнцем не было связано специальных магических действий (Толстой 1996: 149). Хорс был чужим на Руси и в отношении этническом, и в отношении конфессиональном. В «Беседе трех святителей» он назван «*Хорс жидовин*» (Топоров 1995: 515; Данилевский 1999: 198).

Предложенная В.Н. Топоровым «природно-космологическая» версия замены в Пантеоне Велеса на Хорса, на мой взгляд, перспективна и в следующем плане: ведь, кроме как в Подземном царстве, Нижнем мире, Велес выступает и в Верхнем царстве, на небе, как небесный пастух Месяц, также связанный со смертью. Он пасет небесное стадо звезд (Влашкови звезди, Влашкова кола, Власи, Влашићи, Волосыни и т.п.), выступает в обрядах окликания звезды, в сюжетах превращения девушек и женщин в звезды, созвездия, обычно именно в Плеяды, обозначаемые корнем *Vols- (Иванов, Топоров 1979: 75,84). Так что Велес-Месяц мог выступать серьезным конкурентом Хорсу-Солнцу, и его замена в пантеоне могла носить логический и идеологический характер. Удвоение солнечных богов в пантеоне предполагает некоторую насильственность действий Владимира в навязывании культа Хорса на Руси, возможно, придавшей смысловой оппозиции «хороший-мерзкий» в тот период религиозно-идеологический и морально-этический характер.

Так или иначе, присутствие в пантеоне неславянских богов должно было ослабить позиции Велеса, возможно, воспринимавшегося частью населения как также изначально неславянский. Как бы то ни было, Перун, получив в «союзники» еще пять богов, перешел в решительное наступление на Велеса.

И в этой связи логичным и последовательным выглядит следующий шаг Владимира: едва сев в Киеве, он тут же посылает в Новгород своего дядю Добрыню, и тот ставит там кумира Перуна (ПВЛ 1996: 174). Идол держал тяжелый дубовый посох и смотрел на восток (Боровский 1982: 17) (угроза чудскому миру волхвов и Велеса?).

Можно согласиться с Е.В. Аничковым, который по поводу действий Добрыни в Новгороде пишет: «В этом обстоятельстве можно видеть доказательство того, что Перуна не знали в Новгороде, а его культ должен был сплотить юг и север или, во всяком случае, оба главных города, оба главных оплота власти и влияния Владимира». Он же приводит данные о насильственном насаждении культа Перуна даже в среде дружинников, варягов и абсолютно безразличном отношении новгородцев к поверженному Перуну во время крещения (Аничков 1914: 262-263). Вспомним, один из новгородцев кричал идолу, что тот *«досыта поел и попил»*, издевался над его позором, и «случай» с перуновой палицей свидетельствует о враждебных отношениях новгородцев к Перуну (Боровский 1982: 17).

Прямо противоположное отношение к поверженному кумиру в Киеве: когда его сбросили в Днепр (по другим данным, в Почайну – см. Рапов 1988: 248), *«оплакивали его неверные»* (ПВЛ 1996: 189), язычники бегали следом и кричали: *«Выплывай, боже, выплывай»* (Боровский 1982: 16).

Но в связи с этим обстоятельством встает вопрос, какому главному богу поклонялись простые новгородцы до прихода Добрыни? Наиболее естественный ответ, учитывая все то, о чем до этого говорилось, напрашивается один – Велесу! Это не значит, что новгородцы не поклонялись и другим божествам, по иерархии более низкого ранга, а княжеские дружинники и варяги не поклонялись Перуну, но не Перун определял духовную стратегию, главную тенденцию в духовной жизни, верованиях простых жителей города и его округи. Вероятнее всего, с именем Велеса новгородцы так упорно впоследствии сопротивлялись крещению.

Как неоднократно отмечалось в литературе и в нашей работе, топонимика Новгородской земли и самого Новгорода несет отчетливые следы развитого культа Велеса (Мачинский 1986: 19; Фаминцын 1995: 37-38; Петрухин 1995: 138-141; Данилевский 1999: 200). И помимо часто обращавшего на себя внимания факта своеобразного распределения сфер влияния в Руси – Велеса на севере и Перуна на юге, –

стоит отметить очень интересное и важное наблюдение В.Н. Топорова. Он пишет: «Только на севере Руси сохранились отчетливые следы мифологических мотивов, восходящих к "основному" мифу и связывающих в едином сюжете Перуна и Волоса (топонимические данные говорят о том же). При этом важно, что Перун (как впрочем, и Волос) сохраняет здесь в значительной мере свои "природные" функции, не засвидетельствованные в описаниях "киевского" Перуна – покровителя княжеской дружины и, следовательно, связанного с воинской функцией» (Топоров 1995: 521).

Возможно, данное наблюдение многое и объясняет: и разное отношение в Киеве и Новгороде к возвышаемому и поверженному Перуну, и ожесточенное сопротивление христианизации именно на севере. На юге Руси, где влияние волхвов было не столь сильным, противоборство Перуна и Велеса не носило столь выраженного и острого идеологического характера. В южных районах Перун, по всей видимости, воспринимался большинством славянского населения как некое продолжение славянского бога «*метателя молний*» (о котором упоминал Прокопий Кесарийский) и, может быть, отчетливо им и не мыслился как непременный противник Велеса, хотя последнего вообще-то знали.

В связи с этим стоит обратить внимание на замечание Д.А. Мачинского, в какой-то мере соотносящееся с наблюдением В.Н. Топорова: «Для славян характерна относительно слабая структурность представлений. В частности, нечеткая выраженность идеи борьбы положительного и отрицательного начал, представленная в ряде индоевропейских традиций мифом о борьбе бога грозы со змееобразным противником. Этот сюжет наряду с другими существовал и у славян, но, вопреки существующему мнению, вряд ли был "основным мифом" славянской мифологии. Образ змея (змеи) в славянской традиции не воспринимался изначально как безусловно отрицательный, и мотив "змея-предка", "змея-помощника" не уступал по значению мотиву "змееборчества". В ряде обрядовых ситуаций происходила нейтрализация оппозиции антропоморфного громовержца и мифического змея, выступавших уже как взаимодополняющие силы. Мотив змеборчества, вероятно, усилился в среде восточных славян под влиянием скандинавской традиции, а затем христианства, превратившись в доминирующий сюжет в эпосе...» (Мачинский 1981: 168-169).

Иллюстрацией к подобному замечанию может служить характер использования образа змей и драконов в ювелирном деле средневековой Восточной Европы. Эти образы были очень популярны у германцев эпохи Великого переселения народов, у скандинавов эпохи викингов, у соседних со славянами балтов и финно-угров, но чрезвычайно редки у славян в период до XI в. (Рябцева 1999). Отдельные экземпляры браслетов, украшенных змеиными головками, встречаются в первой группе кладов «древностей антов», но именно в этой группе исследователями отмечается готское влияние (Щеглова 1999; см. также Казанский 1997: 185). Распространение «змеиных» сюжетов в древнерусских ювелирных украшениях С.С. Рябцева связывает с влиянием на славянское ювелирное дело скандинавов и (что для нас имеет особое значение) балтов (Рябцева 1999). Возможно, данный факт отражает влияние волхвов на северных славян и внедрение в их среду балтского культа змееобразного Велеса и сюжета «основного мифа».

Вопрос о принятии Владимиром христианства имеет давнюю и огромную историографию. Объяснение причин, по которым Владимир принял христианство, давно стало хрестоматийным. Тем не менее, в свете нашего исследования, возможно внести определенные коррективы, новые нюансы в подобные объяснения. По всей видимости, придав ранг государственного только культу Перуна, Владимиру так и не удалось сделать его действительно главным, самым чтимым богом всей Руси. Видимо, не получилось окончательно сломить позиции Велеса, уже неформальные, в общерусском пантеоне, как не получилось уничтожить «вторую силу» – существенно снизить роль волхвов в обществе, особенно на севере страны.

Принятие христианства Владимиром, независимо от объективно существовавших для этого предпосылок, условий, потребностей молодого государства, которому было тесно, невозможно, неперспективно и т.д. развиваться в идеологических рамках старого язычества, реально могло быть мотивировано в первую очередь тем же, что и реформа 980 г. Княжескодружинной власти необходимо было уничтожить конкурентов – волхвов. Их было невозможно лишить власти, формально волхвы ею не обладали. Их было бессмысленно физически уничтожать, на их место встали бы новые, получившие в наследство от старых ореол героев и мучеников. Стала необходимой качественно новая религиозная система, профессиональные служители которой были бы под контролем князя и работали бы на освящение государственной власти. Волхвов можно было только заменить новыми идеологами, «своими» волхвами, вписанными в систему управления обществом, и которые бы выступили для общества новыми колдунами, авторитетными носителями «высших и сокровенных знаний». И поэтому заменить так, чтобы стало понятно, что «старые» языческие волхвы служат не просто богу Велесу, они служат свергнутому, униженному, «ухудшенному», «демонизированному», «падшему» богу – в новом качестве бесу христианской религии.

В литературе существует много объяснений, почему Владимир принял именно христианство, зачем в летописи присутствует сюжет «об испытании вер». Ведь реально, вопреки летописи, Владимир отверг ислам, иудаизм, выбирал ту или иную религию исходя не из личного неудовольствия запретами (когда власть предержащим религиозные запреты всерьез мешали?), а из анализа международной обстановки и сложившейся ситуации в религиозно-духовной сфере и социально-политической жизни внутри страны.

В книге «Святость и святые в русской духовной культуре» В.Н. Топоров подметил поразительную черту в деятельности Владимира: «...Князь Владимир великий мастер смелых, почти авантюрных решений, которые в конце концов оказываются мудрыми компромиссами...» (Топоров 1995: 518). В случае с принятием христианства в качестве новой государственной религии Русской державы выбор Владимира, конечно, тоже можно признать чрезвычайно смелым, переломным решением, но которое, в какой-то мере, обернулось компромиссом. Кое-что в христианстве Владимиру показалось чрезвычайно удобным, что и обусловило, наряду с прочими факторами, выбор в его пользу.

Не отрицая всех прочих объяснений в выборе Владимира в пользу христианства (особенно того обстоятельства, что христианство уже пустило корни на Руси и даже непосредственно в княжеской семье), можно задуматься над следующим. Ведь в системе мироздания волхвов, как ее описывает летопись, находят место и христианский Бог вверху, и свои боги – бесы (черти), и среди последних и «антихрист» Велес – будущий дьявол, бес христианской демонологии.

Отождествление языческих богов с бесами, безусловно, традиционный мотив христианской литературы, восходящий к апокрифической легенде о свержении с небес ангельского чина Сатаны (Апокрифы 1997: 87). И христианство оказалось привлекательным потому, что в нем уже было указало на место «внизу» бывшему языческому могущественному хтоническому богу: придание в новозаветной традиции богу филистимлян Вельзевулу облика Дьявола, уподобление Дьявола Змею, восходящее к Книге Бытия (3, 1-5) (Апокрифы 1997: комм.52). Нельзя исключить, что Владимир мог принять именно христианство потому, вернее, кроме всего прочего и потому, что хотел «включить» Змееобразного Велеса – в «систему», показать его «ухудшенное», низкое, нижнее, низменное, мерзкое, адское и дьявольское место. Тогда устранялась ошибка реформы 980 г., когда культ Перуна в итоге не помешал параллельному существованию культа Велеса.

Поэтому выбор Владимира в пользу христианства в какой-то мере можно признать компромиссом с язычеством, чего бы не могло бы быть при другом его выборе. Самые популярные на Руси христианские святые – Никола, Власий, Георгий, Илья, Параскева Пятница – по своим функциям заменили самых архаичных, главных языческих богов Велеса, Перуна и Мокошь – участников действий «Основного мифа».

Благодаря этому компромиссу и возникло то «народное христианское мировоззрение», включавшее языческих мифологических персонажей в качестве отрицательного духовного начала, придав им статус «нечистой силы». Результатом компромисса стало то обстоятельство, что «христианство, – как признает Н.И. Толстой, – лишь частично уничтожило свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей», потеснив язычество в сфере народной культуры и заняв в ней доминирующие позиции, «способствовало при этом и известной унификации, и внутренней систематизации языческих верований». Этот автор убедительно показывает примеры систематизирующего воздействия христианства на язычество (Толстой 1996: 146-147, 155-157).

Употребляя слово «компромисс», мы прекрасно осознаем, что это было одностороннее действие власти, принявшей, в какой-то мере, компромиссное решение, но с которым, конечно, не могли мирно и охотно согласиться язычники. Но какой силе в язычестве Руси предназначалась уступка Владимира? Это не было язычество именно, или только, Перуна, бога дружинников и знати, которого за восемь лет до этого приходилось кое-где навязывать силой, хотя в общем потоке это коснулось и его (В.Н. Топоров (1996: 164) отмечает: «образ Ильи-пророка как громовержца – результат исторического компромисса с новой системой»). Это могло быть в большей мере язычество, которое стояло за Велесом, богом всей прочей Руси.

Современниками Владимира, причем и христианами и язычниками, языческий Велес мог восприниматься как главный бес, дьявол в христианстве. О гипотетически возможной связи Велеса-Волоса с Дьяволом мы очень осторожно уже рассуждали в связи с обозначением Велеса – Ёлс, библейским сближением и отождествлением Змея и Дьявола, Вельзевула и Дьявола, распространением суеверий, связанных с дьяволом именно на севере Руси, новгородской легендой о миротворении. Характеристика восточнославянского язычества, предлагаемая в работах последних лет, предоставляет гипотетическую возможность так считать.

Например, Н.И. Толстой пишет: «славянское язычество являлось неоднородной открытой системой, в которой новое уживалось со

старым, не отметало его, а постоянно дополняло, образуя целый ряд напластований. <...> К VI веку славяне... были близки к монотеизму, к верованию в верховного, еще не христианского, единого бога. <...> **Язычество и его элементы не следует воспринимать как нечто совершенно чуждое христианству, как его антипод во всех отношениях и компонентах** (выделено нами – Р.Р.). Язычество... еще в дохристианскую эпоху эволюционировало и во многом сохраняло наслоения разных периодов. Эволюция славянского паганизма привела его к особой форме монотеизма, уживающегося с политеизмом» и т.д. (Толстой 1996: 145-146,160).

О направлении в развитии славянской языческой религиозной системы к монотеизму писал и В.Н. Топоров (1996: 164-165), но сейчас более конструктивно обратить внимание на следующие его замечания: «Новая христианская святость утверждается не в стороне от языческой “святости”, но именно на ней, в самой ее сердцевине. Христианские святыни, не случайно, воздвигаются на месте языческих»; и в связи с сюжетом из «Сказания о построении града Ярославля» – «...Прежняя “святость” языческого Волоса, понимаемая как необузданная сила, возрастающая в пагубах, трансформируется в святость, на этот раз подлинную, христианскую, соименного ему Власия; происходит своего рода “переосвящение” Волоса во Власия» (Топоров 1995: 487).

Наверное, стоит обратить внимание, что при наличии очень популярных святых, христианских заместителей у всей троицы – Перуна, Мокоши и Велеса, последний на особом положении: при обязательных после принятия христианства «демонизации», «ухудшении» всех троих языческих богов только Велес избежал «деноминации» при рождении своего христианского заместителя – Власия.

Мы уже отмечали, что ареной деятельности Велеса, помимо Нижнего мира, являлось и Верхнее царство, где он в виде небесного пастуха Месяца пас небесные стада звезд (подробно см. Иванов, Топоров 1979: 75). Можно предположить, что свержение с небес Сатаны могло восприниматься язычниками и христианами-неофитами как изгнание Велеса из Небесного царства и последующее пребывание его только в Нижнем мире (ср. с картиной размещения богов «ваших» и «наших» летописных волхвов). Как следствие компромисса с язычеством можно рассматривать ту черту раннего русского христианства, которая отмечалась и дореволюционными, и современными исследователями: понимание языческих богов как бесов, оригинальность древнерусского беса, его конкретизированность и антропоморфизм, подчеркивающие родство с языческими божествами (Мильков, Милькова 1997: 212-217, и др.).

Возможно, еще одним аргументом в пользу мнения, что принятием христианства Владимир сделал компромиссный шаг навстречу именно Велесу, может служить следующее обстоятельство. По материалам погребальных памятников известно, что в сельской древнерусской культуре (в области ритуала и сфере представлений о смерти) до середины XII в. безраздельно господствовало язычество, поначалу лишь внешне осваивая элементы христианства. Об этом говорят инвентарь в погребениях, включение оберегов инородной охранной силы, ненормативное использование крестов и иконок и т.д. (Фролов 1997: 283-309). Особый интерес представляет обычай класть в гроб «разрешительные грамоты», написанные духовным лицом, где свидетельствуется христианское вероисповедание усопшего и отпускаются те грехи, в которых человек не успел исповедаться при жизни. Эти письма-грамотки адресованы Николаю Чудотворцу, христианскому заместителю Велеса, вобравшему многие его черты (Фролов 1997: 304-305; Успенский 1982). А.А. Фролов аргументировано связывает этот обычай с культом Велеса, бога подземного мира и страны мертвых (Фролов 1997: 305).

О том, что Велес и после принятия христианства, в образе своих христианских заместителей, воспринимался очень могущественным и, главное, даже независимым от христианства богом, к которому обращаются тогда, когда христианская церковь и священник уже не в силах помочь, говорит и следующий обряд, зафиксированный К.В. Максимовым. С иконой св. Власия «**обходят без священника** (выделено нами – Р.Р.) больных; овцу, лошадь и корову, связанных хвостами и выведенных на деревенскую площадку. По отходе зараженных гонят их за село в овраг и там в память языческих обрядов побивают животных камнями и припевают... Затем на трупы забрасывают столько щепы и соломы, чтобы сделать костер, способный спалить всех жертвенных животных без остатка» (цит. по: Иванов, Топоров 1979: 71). Сравнив этот обряд с литовскими, индоиранскими, греческими и хеттскими параллелями, В.В. Иванов и В.Н. Топоров считают его «исключительно древним» (Иванов, Топоров 1979: 71).

Итак, все сказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что одной из причин выбора Владимира в пользу христианства было то, что оно, в отличие от других религий, предполагало (или позволяло) включение языческого (очень популярного на Руси, но мешающего княжеской власти) бога Велеса во вновь принимаемую систему на условиях отождествления его с падшим ангелом, Дьяволом, Сатаной. Выбор Владимиром другой религии ничего бы не изменил в ходе его борьбы с волхвами и проповедуемым ими культом Велеса.

В связи с крещением Руси стоит обратить внимание еще на некоторые моменты. Где на территории Руси было оказано христианству наибольшее и упорное сопротивление?

Судя по летописям, «Сказанию о возникновении града Ярославля», «Житию Авраамия Ростовского» и другим источникам, в Северной Руси – Новгородской и Ростовско-Суздальской землях, в тех регионах, где наиболее сильным было влияние волхвов и распространен культ Велеса.

Мы уже неоднократно говорили о разной реакции киевлян и новгородцев на низвержение Перуна, но обратим внимание еще на одно обстоятельство. Официальное крещение в Киеве, Новгороде и Ростове, хотя проходило в разные годы, было назначено на пятницу (см. Рапов 1988: 250, 271, 310). Не на четверг – день Перуна (Кузьмин 1988: 12; Топоров 1996: 165), что было бы логично, учитывая государственную официальность его культа, а на пятницу – день, твердо связываемый с Мокошью и, очень вероятно, с Велесом. Традиционно этот факт в литературе объясняется тем, что пятница – выходной и торговый день на Руси. Но, возможно, дополнительной, а может, и главной причиной является то обстоятельство, что крестить и таким образом показать бессилие Велеса хотели в самый могущественный для него день, в день его наибольших возможностей. Крестив в пятницу, Владимир испытывал Велеса на прочность, унижал его в глазах поклонников, демонстрировал им его немощь, бессилие – и силу, и торжество новой религии.

Эта ситуация напоминает часто встречающуюся в летописях и сказаниях деталь в сюжетах о волхвах. Волхвам, зная, что их после этого разговора немедленно убьют, предлагают продемонстрировать свои пророческие способности на предмет своего личного будущего. Соотносится подобное объяснение и с подмеченной в научной литературе чертой, присущей летописцам в период первых веков существования христианства на Руси: летописцы считали для себя очень важным скомпрометировать наиболее яркие присущие волхвам черты – дар провидения (см. Фроянов 1986: 40, там же литература).

II.5.5. Поражение волхвов

В историографии вопроса достаточно противоречивы оценки того, оказали ли в целом языческая религия и волхвы на Руси активное сопротивление христианству. Исследователи при этом склонны говорить о преобладании пассивных форм борьбы [34], о том, что волхвы открыто почти не выступали против властей, по крайней мере, под лозунгами религиозного характера, о сложении и бытовании в течение очень долгого времени системы «двоеверия», которая подпитывалась существованием огромных масс «нетвердых в вере» неофитов – новокрещенной чуди, проживавшей на территории Севера и Великорусского исторического центра и подвергнувшейся ассимиляции, в том числе и религиозной. Конечно, трудно провести грань между сопротивлением активным и пассивным, когда дело касается сферы сакрального, но думается, что имело место и то, и другое. Волхвы сопротивлялись и христианству, и государству, которое это христианство насаждало.

На страницах летописей и сказаний волхвы в этом плане выступают в двух ролях: 1) *являются* в Киев, Новгород, Ростов и т.д., прорицая грядущие беды и тем самым поднимая свой вес в глазах слушателей; 2) провоцируют и возглавляют голодные мятежи на территории чуди, где проходит активная русская колонизация. Судя по событиям в Ростове, Суздале, Ярославле, сопротивление волхвов вряд ли можно назвать пассивным, причем в некоторых случаях, как мы отмечали, можно предполагать, что под волхвами имеется в виду не конфессиональная, или не только конфессиональная, а этническая группа.

Ни к первой, ни ко второй группе нельзя безоговорочно отнести сообщения летописи и других источников о событиях, связанных с восстанием киевлян в 1068 г., которое возглавил *«рожденный от волхования»* князь-волхв Всеслав Полоцкий. Восстание, по мнению ряда исследователей, носило антихристианский характер и даже завершилось возвратом к язычеству (Мильков, Милькова 1997: 207, 235-236, там же литература). Даже если такая оценка событий 1068 года верна, все равно надо признать, что первые активные выступления волхвов выпадают на время Ярослава Мудрого.

Взаимоотношения Ярослава Мудрого с языческими волхвами и чудью – это особая тема. Как мы уже отмечали, в 988 году Владимир отдает ему во владение Ростов. Было ли это мероприятием, связанным с принятием христианства и направленным на борьбу с языческими волхвами, трудно сказать. В любом случае, это был шаг, направленный на ограничение самостоятельности мерянской общности, но меря еще какое-то время сохраняла традиционную социальную структуру. Возможно, истоки конфликтов между волхвами и Ярославом и относятся к «ростовскому» периоду жизни последнего.

Со времени принятия Русью христианства церкви часто возводили на месте языческих капищ, но только при Ярославе с этой практикой было покончено, и даже одноименные храмы при нем возводились на иных местах (Кузьмин 1988: 189). В отличие от других князей, Ярослав,

[34] Конечно, не имеется в виду очень распространенное в историографии советского периода мнение о выступлениях волхвов, как проявлениях классовой борьбы, антифеодальных восстаниях, «перераставших» в работах некоторых ученых даже в грандиозные крестьянские войны. Как попытку преодоления подобного подхода см. Фроянов 1986.

судя по Начальной летописи, никогда ни в одном конфликте или походе – ни против других русских князей, ни против печенегов – не набирал в свое войско воинский контингент из чуди (хотя активно использовал дорого ему обходившихся скандинавских наемников). При этом в походы на чудь Ярослав ходил (ПВЛ 1996: 203).

Уже отмечалось, как во время восстания волхвов в Суздале Ярослав отвлекся от важной для него борьбы с братом Мстиславом Тмутараканским и сразу же явился сюда, чтобы принять решительные меры для подавления мятежа. Введенный им устав узаконил отторжение исконных мерянских земель и окончательно разрушил племенную социально-территориальную структуру (Леонтьев 1996: 282; Финно-угры 1999: 58). Еще больше усилий, и опять же при личном участии, Ярослав затратил, чтобы привести в повиновение волхвов Медвежьего Угла у будущего Ярославля. Создается впечатление, что чудь, а вернее, волхвы – давний, традиционный противник этого князя. Русские летописи никак не освещают этот вопрос, но если мы обратимся к скандинавским источникам, то, может быть, найдем разъяснение по этому поводу.

Исландская королевская сага «Прядь об Эймунде Хринссоне или Сага об Эймунде» описывает деятельность на Руси дружины скандинавских наемников под предводительством Эймунда на службе Ярослава Мудрого (в саге – конунга Ярицлейва). Время создания саги дискуссионно, вероятная дата – XIII в. (Джаксон 1994: 87-119). В ней подробно описывается борьба Ярицлейва, то есть Ярослава, с неким Бурицлавом. Сам факт борьбы Ярослава со своими братьями, например, со Святополком или Мстиславом, придает сообщению саги достоверность. Но вопрос, кто скрывается под именем Бурицлав, вызывает острые споры.

Часть исследователей ранее традиционно отождествляла его с братом Ярослава – Святополком (Окаянным), бывшим с 1015 по 1019 гг. киевским князем. Ожесточенная борьба братьев, предшествовавшая утверждению Ярослава в Киеве, прекрасно известна по летописи, поэтому не позволяет этим исследователям сомневаться в подобном отождествлении (Джаксон 1994: 162-163, 169-170). Но еще с 1950-х гг. в историографии возникло направление, отождествляющее Бурицлава с другим братом Ярослава – Борисом. Замечу, что в связи с нашим исследованием вопрос, какой из братьев Ярослава выступает в саге его противником в борьбе за власть, может иметь дополнительное и даже существенное значение. Поэтому отвлечемся на небольшой историографический экскурс.

Отождествление Бурицлава с Борисом имеет в историографии тесную связь с решением вопроса о реальной роли Ярослава и Святополка в гибели Бориса и Глеба. Уже после выхода в 1957 году книги Н.Н. Ильина «Летописная статья 6523 года и ее источник» мнение о достоверности летописной версии этих событий, ставшее официальным и господствующим в научной литературе, было поставлено под сомнение. Н.Н. Ильин показал, что источником соответствующей летописной статьи послужило анонимное «Сказание об убиении Бориса и Глеба», составленное (под сильным литературным влиянием известных на Руси легенд о чешских святых X в. Людмиле и Вячеславе) в 1072 году при Изяславе Ярославиче и носящее соответствующий отпечаток политической ситуации. Передаваемые «Сказанием» обстоятельства гибели Бориса и Глеба – чисто литературного происхождения, а при внесении текста «Сказания» в «Начальный» летописный свод оно подверглось переработке, придавшей повествованию видимость реальных исторических событий и т.д. По мнению Н.Н. Ильина, в смерти братьев был виноват сам Ярослав, а не Святополк, на которого вина была возложена задним числом с целью обелить Ярослава и придать легитимность праву на престол ему самому и его потомкам (Ильин 1957: 209 и др.).

Как заметил И.Н. Данилевский, выводы Н.Н. Ильина в то время звучали «еретически, опровергать их никто не стал, но и не использовал». Но постепенно намечался отход от политизированных официозных оценок и стереотипов. В 1969 году В.Л. Янин высказывается в печати о возможности того, что к Борису подослал убийц не Святополк, а Ярослав (см. Данилевский 1999: 346). Уже в «перестроечное» время к этой теме возвращается А.Г. Кузьмин, он поддерживает, развивает выводы Н.Н. Ильина и пишет: «...В реальной борьбе за власть действительно участвовали трое: Борис, Святополк и Ярослав. У Святополка были права старшинства, у Бориса, возможно, отеческое завещание и княжеская дружина, Ярослав не имел никаких прав» (Кузьмин 1988: 49, 221-222). После выхода работ Н.Ф. Котляра, В.А. Смолия и И.Н. Данилевского, проведших тщательное исследование всех обстоятельств гибели Бориса и Глеба, предлагаемых летописной версией, соотнесения их с проанализированными ими же данными других источников, в том числе германских и скандинавских (Котляр, Смолий 1990: 83-96; Данилевский 1999: 336-354), в дискуссии можно поставить точку. По крайней мере, пока не появились другие исследования, которые бы опровергли или хотя бы оспорили выводы этих авторов. Более того, введение в научный оборот новых источников, похоже, больше представляет данных для разрушения традиционной гипотезы. В булгарской летописи Гази-Барадж события представлены так: находившиеся в сговоре Ярослав и Мстислав непосредственно повинны в гибели своих братьев Глеба и Бориса (Бахши Иман 1993:108). Итак, Ярослав в борьбе за киевский великокняжеский престол вступил в конфликт с Борисом, и потому упоминание последнего в саге в качестве противника Ярослава вполне достоверно.

Вернемся к содержанию нужного нам сюжета «Саги об Эймунде». Ярицлейву, новгородскому князю, угрожает Бурицлав. Ярицлейв собирает силы для отпора. У него на службе варяжская дружина Эймунда. Спустя какое-то время после первого сражения, в котором Ярицлейв и Эймунд одержали победу, Эймунд сообщает Ярицлейву, что Бурицлав в сражении не погиб, а также: *«Мне говорили, что Бурицлав конунг жил в Бьярмаланде зимой, и узнали мы, что он собирает против тебя великое множество людей»* (Джаксон 1994: 110). Последовало второе сражение под стенами Новгорода, в котором опять одержали победу Ярицлейв и Эймунд. Судьба Бурицлава опять неизвестна Ярицлейву. Эймунд после сражения пытается получить жалование для дружины у новгородского князя. Тот не хочет больше платить, так как считает, что опасности больше не предвидится. Тогда Эймунд говорит Ярицлейву, что Бурицлав все еще жив и *«он опасен, и был в Тюркланде зимой, и намерен еще идти войной на вас и у него с собой войско, которое не станет бежать, и это тюрки и блокумен и многие другие злые народы. И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства, и собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас Гардарики. А если будет так, как он задумал, то скорее всего можно ждать, что он с позором выгонит из страны всех ваших родичей»* (Джаксон 1994: 112).

Какие народы упоминаются в сюжете? Мы уже подробно разбирали существующие мнения по поводу интерпретации таинственных «блакуменов». «Тюрки» саги – общее название для кочевников южнорусских степей (Джаксон 1994: 168; Мельникова 1986: 218). Несколько противоречиво выглядит интерпретация «бьярмов» и «Бьярмаланда» у комментаторов этого текста. Они видят в «бьярмах» именно этого сюжета печенегов (Джаксон 1994: 166). Совершенно очевидно, что это стремление вызвано тем обстоятельством, что русские летописи в качестве союзников Святополка называют печенегов (ПВЛ 1996: 200-201).

Во-первых, достаточно сложно, а по сути, невозможно отождествить битвы Святополка и Ярослава, описанные летописцем, с двумя битвами, упомянутыми в саге. Последние относятся к тому периоду, когда Ярослав еще «сидел» в Новгороде. Во-вторых, в саге печенеги и так фигурируют под именем «тюрки», «Тюркланд». В-третьих, бьярмы и Бьярмаланд и в этой саге, и в других упоминаются настолько часто, когда говорится о движении викингов в Аустрвег (Джаксон 1993; 1994), что нет никаких оснований видеть в бьярмах именно этого сюжета печенегов.

В целом интерпретация «Бьярмаланда», «Биармии» скандинавских источников в научной литературе спорна, но предлагаемые версии территориально ограничены Финляндией, Карелией, Русским Севером, Северо-Восточной Русью (Агеева 1990: 59-60), но никак не территориями и этносами более южными. Например, А.И. Попов и другие исследователи убедительно сближают Бьярмаланд, Биармию с Пермью: Пермь из рега-maa – отдаленная, задняя, северная земля, Заволочье (Попов 1973: 110-111). Если эта версия верна, то вероятно и соответствие «Бьярмаланда» другой северной земле, «С-б-ра-вир». Финский исследователь К.Ф. Мейнандер, соглашаясь, что слово bjarm родственно слову Пермь, тем не менее, пишет: «...Центральный район страны биармов находился на месте нынешнего Ярославля; отсюда биармы совершали дальнейшие путешествия с торговой целью к побережью Ледовитого океана и в северную Скандинавию» (цит.по: Агеева 1990: 60). Итак, Бьярмаланд – Северо-Восточная Русь, Русский Север.

Бурицлав дважды подряд собирает войско против находившегося в Новгороде Ярицлейва. В первом случае говорится, что он провел зиму в Бьярмаланде и собирал (видимо, там же) большое войско, во вторую зиму он побывал в Тюркланде, а также собрался привести *«войско, которое не станет бежать»*. Во втором походе названы в числе участников *«тюрки и блокумен и многие другие злые народы»*. Нет сомнений, что в составе войска Бурицлава были печенеги. Блокумены – это волохи/волхвы и, скорее всего, из земли бьярмов. В случае победы Бурицлав собирался поделить страну между «этими злыми народами». По контексту слов Эймунда, Гардарика, которую хочет отнять у Ярицлейва Бурицлав, – это в первую очередь Северная Русь. Но в любом случае печенеги вряд ли претендовали бы на русский север, на новгородские и соседние земли. Блакумены – соседи и выступают естественными противниками Ярицлейва (Ярослава) и потому участвуют в походах. Если признать, что под именем Бурицлав подразумевается Борис, а не Святополк, достоверность сообщения саги усиливается. В момент смерти Владимира в Киеве Борис находился в походе на печенегов. Вероятно, именно тогда у него и установились с ними связи, сделавшие возможными последующее привлечение Борисом печенегов в борьбе с Ярославом. Что же касается привлечения Борисом таинственных блакуменов из страны бьярмов – волохов, то оно выглядит чуть ли не просто закономерным. Волохи проживали на территории Ростово-Суздальской земли, а Борис в предшествующее смерти Владимира время занимал княжеский стол не где-нибудь, а в Ростове. Поэтому привлечение им местных жителей – блакуменов-волохов в борьбе с Ярославом выглядит вполне естественным.

В сюжете, который мы анализируем, есть и гораздо более необычное сообщение, чем о возможном разделе Руси союзниками Бурицлава. Можно предположить, что платой за уча-

стие в походе *«злых народов»* будет то, что Бурицлав *«отступится от христианства»*. Совершенно очевидно, что речь идет о возврате к язычеству. Язычеству волхвов/волохов – блакуменов скандинавских источников. Других претендентов среди *«злых народов»* из тех, что участвовали в походе, чтобы распространить свою веру на всю Русь, нет. Исторический пример балтийских славян показывает, что возврат к язычеству был вполне возможен. Со времени крещения Руси Владимиром не прошло жизни и одного поколения. Борис и даже Святополк (если бы это он скрывался под именем Бурицлав) могли пойти на сговор с волхвами, с тем, чтобы заручиться поддержкой чуди и языческого, неокрепшего еще в христианской вере русского населения, чтобы выиграть борьбу с Ярославом. И из-за этого даже предать дело отца.

Любопытно, что история предоставляет нам подобные примеры. Владимир, сын царя Бориса, официально принявшего христианство в Болгарии, при восшествии на престол попытался отречься от христианства и вернуть страну к язычеству. Борису пришлось вернуться к делам и посадить на болгарский престол уже второго, младшего, сына – Симеона (Раннефеодальные государства 1985: 166). Фактически попытку вернуться на языческие «круги своя» совершил и венгерский король Ласло IV. Примеры можно было бы продолжить. Как ранее мы отмечали, в историографии существует поддерживаемое многими авторами мнение, что киевское восстание 1068 года носило антихристианский характер и завершилось «переворотом в пользу языческой старины» (Мильков, Милькова 1997: 207, 235-236, там же литература).

О «напряженных» отношениях брата Ярослава, Бориса и христианской церкви, возможно, свидетельствует любопытный пассаж из книги А.Г. Кузьмина: «В Печерском патерике со ссылкой на “Летописец старый Ростовский” (видимо, середины 12 века) отец и сын – варяги признаются первыми русскими святыми, а “третьим” назван ростовский епископ Леонтий. Здесь почему-то игнорировали Бориса и Глеба, канонизированных задолго до Леонтия» (Кузьмин 1988: 52). Но если сообщение Саги о намерении Бориса вернуть Русь к язычеству достоверно, то тогда понятно, почему ростовские авторы отказались признать его святым. Особенно если учитывать отмеченные в историографии особенности мифотворчества в Ростово-Суздальской земле, связанные с выпячиванием и преувеличением заслуг Ростовской земли в деле крещения вообще Руси (Кузьмин 1988: 206, там же литература).

Таким образом, если предложенная интерпретация рассмотренного сюжета «Саги об Эймунде» верна, то в поле зрения появляется еще один, до сих пор остававшийся не известным, важный и крайне любопытный аспект борьбы Бориса и Ярослава Мудрого. Этот аспект касается религиозной жизни современного им русского общества. Участие волхвов (блакуменов) в акциях против Ярослава, да еще под знаком возврата к язычеству, в период его борьбы с братьями за главный киевский стол объясняет их дальнейшие взаимоотношения: неучастие неблагонадежной чуди в походах Ярослава и быстрое, решительное, личное реагирование последнего на любые выступления волхвов в период своего правления. И после смерти Ярослава уже в 70-е гг. открытые выступления волхвов были жестоко подавлены. Решительные действия Глеба Святославовича, Яна Вышатича и тому подобные, видимо, были нормой поведения с волхвами, примером которого служат действия Ярослава Мудрого.

С конца XI в. со страниц древнерусской литературы исчезают сведения о выступлениях волхвов. Последнее известие, относящееся к 1227 г. (Гальковский 1916: 241-242), говорит о появлении волхвов в Новгороде. Их участь была печальна. Волхвы потерпели поражение и должны были освободить историческую арену для нового поколения русских «колдунов». Результатом их поражения явился уникальный случай в истории Древней Руси, зафиксированный письменными источниками, – миграция языческой мери, бежавшей от крещения, на восток.

А.И. Попов обратил внимание на сведения о миграции мери в источниках XVI в. «Автор Казанского Летописца, пробывший долгое время в татарском плену, писал: *“Черемиса, зовемая Отяки* (т.е. удмурты, вотяки – А.И.Попов) – *тое ж глаголють Ростовскую чернь, забежавши тамо от крещения Русково...”»* (Попов 1973: 105; см. также Казанский летописец 1954: 48). О языческом мерянском населении Ростовской земли, убегавшем от «русского крещения» на Волгу к этнически родственным народам, писал, ссылаясь на предание, записанное, правда, в XVII в., В.О. Ключевский (Ключевский 1993: 263, 273). Также ссылаясь на источник XVII в., на возможность ухода части мери в Заволжье, указывал и Д.А. Корсаков (Леонтьев 1996: 7).

Наверное, речь идет все же об одном и том же источнике – «История о Казанском царстве или Казанский летописец». К сожалению, протограф «Казанского летописца» не сохранился, а ни один из известных в настоящее время списков не отражает полностью состав его текста (Дубровина 1989: 177-178). Изначально информация о судьбе бежавшей от крещения на восток «ростовской черни» в «Казанском летописце» могла быть более полной. Источники русского происхождения ничего не сообщают о подобных случаях, да и «Казанская история» имеет «в основе не русские письменные или устные источники, а казанские преда-

[35] Контекст деятельности волхвов в «Казанском летописце» интересен и достоин отдельного специального рассмотрения. Здесь же хочется от-

ния и легенды…» [35] (Казанский летописец 1954: 178).

Итак, значение сообщения «Казанского летописца» очень важно.

Во-первых, уникальность случая в древнерусской истории, когда этническая группа покидает место жительства вследствие ее подчинения княжеской власти, русской колонизации или христианизации [36]. Во-вторых, указывается, что от крещения убегает именно ростовская меря. Подобной информации у нас нет в отношении других этнических групп Древней Руси. А ведь именно меря более других связана с волхвами и Велесом. Вряд ли подобное совпадение можно назвать случайным. Меря, а вероятнее всего, та ее часть, которую называли волхвами или которая с волхвами связывалась, была наиболее твердой в языческой вере и потому оказывала наиболее упорное сопротивление христианизации. Подобно будущим русским раскольникам и разного толка еретикам, языческие волхвы бежали от властей на восток.

Есть и третье очень важное для данной темы наблюдение, позволяющее уточнить локализацию волхвов/волохов на востоке. По разным источникам вырисовывались два места их обитания: более западное (Новгородская и Ростово-Суздальская земля) и более восточное (Удмуртия, Северное Предуралье). Лишь сообщения Рубрука и Бэкона содержат информацию о двух местах обитания одной и той же менявшей их группы населения (Великой Влахии, откуда волохи переселились на земли близ земли Паскатир). Братья-проповедники застали близ земли Паскатир волохов, еще сохранивших память о миграции со своей прежней, по-видимому, находящейся к западу, родины. Сообщение о бегстве на восток языческой мери позволяет, с одной стороны, подтвердить сообщение Рубрука и Бэкона о переселении волохов на земли близ Паскатир, а с другой, связать воедино все рассматривавшиеся ранее сведения об их локализации в Восточной Европе. Итак, известная нам в качестве первоначальной локализация волохов связана с каким-то регионом (или регионами) на территории Северной Руси («Великая Влахия»?!). Из этого региона в период христианизации Руси часть волохов переместилась на восток, на земли «близ Паскатир».

Конечно, представить данные в пользу гипотезы о миграции части ростовской мери на восток, наверное, могут результаты археологических изысканий, как на исходной территории миграции, так и на территориях вероятного оседания летописной мери к востоку от мест первоначального обитания. Еще А.А. Спицын на основе археологических данных пришел к выводу, что меря была вытеснена славянами на северо-восток, в Заволжье (Голубева 1987: 68). Современные исследователи, например, А.Е. Леонтьев и Е.А. Рябинин, неоднократно отмечали, что часть мери оставалась на своих исконных местах и была ассимилирована, а часть мигрировала на окраины Ростово-Суздальской земли, в Заволжье, и результатом этой миграции стало возникновение некоторых групп археологических памятников так называемой костромской мери в Заволжье (Рябинин 1986; 1997; Леонтьев 1996; Финно-угры 1999).

Некоторые косвенные данные можно интерпретировать как свидетельство того, что не вся костромская меря в Заволжье была ассимилирована и что часть ее могла мигрировать еще дальше на восток. Например, «если в антропологическом типе населения курганной эпохи ощущаются отчетливо выраженные черты сильного финно-угорского субстрата, то позднее картина резко меняется. Материалы свидетельствуют об отсутствии преемственности между следами субстрата и антропологическим типом северных великорусов» (Рябинин 1997: 196). Е.А. Рябинин (1997: 196) справедливо объясняет этот факт дополнительными славянскими миграциями, протекавшими в послемонгольский период (начиная с середины XIII в.), однако эти же самые миграции могли вызвать новый отток чудского населения в другие регионы и объяснить указанное отсутствие преемственности.

Н.А. Макаров в качестве стимулов для колонизации северных окраин Древнерусского государства называет такие факторы, как перенаселенность Новгородской и Ростово-Суздальской земель (откуда и шли попеременно, то усиливаясь, то ослабевая и сменяя друг друга, основные колонизационные потоки) и перспективами пушного промысла (Макаров 1997: 18-20, 162-163). Значительное увеличение в культуре Белоозерья поволжско-финских украшений (шумящие и зооморфные подвески, хорошо известные по мерянским памятникам X-XI вв.), немногочисленных здесь до этого, в середине XII – начале XIII вв. указывает на усиление поволжской – ростово-суздальской колонизационной волны (Макаров 1997: 147-148, 160, 166-167), в соста-

метить, что с волхвами связано легендарное *«первое начало Казанского царства»* (когда некий волхв уморил всех змей в *«змииском жилище <...> и на том месте поставили город Казань»*), с ними же связано и трагическое событие... – волхвы предрекали взятие Казани Русью. Знаменательно было их заявление по этому поводу: *«... горе же и нам, яко волхвования наша с нами исчезают»* (Казанский летописец 1954: 47, 90).

[36] В историографии существует мнение, на мой взгляд, ошибочное (опирающееся на крайне противоречивое сообщение некоторых летописей) о том, что племя уличей переселилось в первой половине X в. с Днепра на территорию между Бугом и Днестром именно вследствие намерения киевских князей подчинить их своей власти и взятия воеводой князи Игоря, Свенельдом, одного из городов уличей – Пересечена (см. Рабинович 1997: 4).

ве которой были и группы мери.

В свете указанного сообщения Казанского летописца о бегстве мери любопытны археологические реалии к востоку от Ростово-Суздальской земли. По наблюдениям археолога А.М. Белавина, в XII в. этнический состав населения Предуралья существенно изменился. Начиная с этого времени «здесь идет достаточно быстрый процесс смены материальной культуры и погребальной обрядности, отражающий смену населения. Угры Предуралья оказались частично вытесненными в Зауралье, в Волжскую Болгарию... Смена материальной культуры выразилась в исчезновении Пермского звериного стиля, сокращении и изменении украшений костюма, появлении вещей древнерусского и западнофинского облика и пр... Пришельцы финны, вероятно, имели устойчивые связи с Русью, видимо, еще задолго до своего появления в Предуралье» (Белавин 1999: 65-66). В другой работе А.М. Белавин пишет о том, что «финно-язычное население северо-восточной окраины древнерусских земель, испытывая на себе всевозрастающее давление со стороны новгородских разбойников-ушкуйников, властей Новгорода и Владимирско-Суздальского княжества, начинает смещаться восточнее и южнее, проникая в Северное и Пермское Предуралье... Недаром большинство исследователей отмечают для этого времени увеличение количества вещей прибалтийско-финского и восточно-финского происхождения в древностях Предуралья» (Белавин 2000: 142). А.М. Белавин приводит и мнения других исследователей о широком участии в процессе русской колонизации и финского населения Северной Руси, в частности, костромских финнов, среди волжско-финских украшений, найденных в регионе, присутствуют и типичные мерянские (Белавин 2000: 137-148, 154). Среди причин, заставивших часть мери и волхвов-волохов покинуть свои исконные территории, главной могло быть религиозное притеснение со стороны церкви и властей.

Мигрировала на восток только часть волхвов/волохов. О пребывании волохов («улах») где-то еще неподалеку от Москвы в XIII в., как помним, свидетельствует сообщение армянского географа Вардана и топонимы, связанные с мерей, известные по документам XIV-XVI вв. (Рябинин 1997: 180).

Такова роль волхвов-волохов в русской истории. После принятия христианства волхвы, как писал Е.В. Аничков, переродились. Причем и в этническом плане также, разделив судьбу почти всего остального неславянского мира Северной Руси. Возможно, культурные «гены» нерусских волхвов не пропали даром, и именно они придали загадочность великорусскому национальному характеру, уникальность – народу, стране, цивилизации, последняя из которых так и не стала и, видимо, никогда и не станет ни Западом, ни Востоком. Быть может, «генотип» волхвов, переждав второе поколение «колдунов» – православного духовенства, – сформировал мессианскую русскую интеллигенцию, которая стремится спасать свой народ и стремится ему проповедовать, но меньше всего стремится служить государству.

* * *

Итак, можно **подвести итоги** нашего исследования во второй главе.

Так же, как и в случае с другими народами-«мигрантами» – славянами, болгарами, венграми, – оказавшимися в раннесредневековый период в Карпато-Балканском пространстве, не все волохи переместились на запад. У оставшихся в Восточной Европе волохов была другая историческая судьба. Их потомков по данным разных письменных источников мы знаем в раннесредневековый период под именами «волхвы» (в древнерусской литературе), «блокумены» (в скандинавской литературе), «валадж», «палах», «улах» и т.д. (в восточной литературе).

Сведения различных по происхождению письменных источников (Гильом Рубрук, Роджер Бэкон, Ананий Ширакаци, Вардан из Киликии (XIII в.), Муттахар ал-Макдиси, ал-Калкашанди, памятники скандинавской культуры, «Казанский летописец», русские летописи и другие сочинения древнерусской литературы) дают возможность уточнить локализацию волохов на востоке. По разным источникам вырисовываются два основных места их обитания в Восточной Европе: территории Северной Руси (Новгородская и Ростовско-Суздальская земли) и более восточные области за Верхней Волгой – территории («близ земли Паскатир») Северного Предуралья, Удмуртии, граничащие или входившие в область влияния Волжской Булгарии. Сообщение «Казанского Летописца» о бегстве ростовской мери на восток и археологические свидетельства о миграции поволжско-финского, мерянского населения в Заволжье дают некоторые основания предполагать, что в более восточные районы («близ земли Паскатир») волохи попали с территории Северо-Восточной Руси. Однако остается открытым вопрос, можно ли отождествлять земли Северной Руси с «Великой Влахией» Роджера Бэкона, поскольку трудно аргументировать предположение о том, что именно с территории Северной Руси волохи и осуществили в близкое к гуннскому периоду время переход в Карпато-Балканское пространство.

Волохи на территории Восточной Европы были известны славянам под этнонимом «волхвы». Данные лингвистики и анализ известий письменных источников позволяют предполагать, что значение слова «волхвы» в русской культуре со временем менялось: изначально оно было этническим понятием, но со временем вследствие

специфической роли волхвов в русской истории приобрело чисто профессиональный смысл.

Волохи на востоке Европы представляются неславянской этнической группой индоевропейского происхождения, наиболее вероятно, балтского, но в раннесредневековое время уже тесно связанной с финно-угорским миром, инкорпорированной в этносоциальную структуру летописной мери.

Для волохов-волхвов был присущ особый тип сакральной власти. Благодаря своему включению в структуру мерянской общности, волохи-волхвы внедрили в духовную жизнь местной чуди в качестве одного из главных культ бога Велеса, особо популярный в балтском мире. Популярность Велеса у мери оказалась столь велика и настолько его культ впоследствии с мерей связывался, что у русских книжников появилось связанное с ним устойчивое выражение «богомерьский».

С появлением на территории будущей северной Руси славян здесь возник протогосударственный социально-политический организм (славяно-финская *«земля наша»*), с лидирующим положением в нем чуди (летописной мери) и особым положением волхвов. Последние осуществляли сакральное руководство, выступали как особое духовное сословие, оказали мощное влияние на формирование язычества местных славян, на внедрение в их среду культа Велеса.

С появлением на Севере варягов Руси Рюрика ситуация изменилась. Первоначально варяжские князья опирались на сложившиеся политические и социальные отношения между местными славянами и чудью и использовали их в своих интересах. Позднее, когда было создано единое Русское государство с центром в Киеве, духовное доминирование волхвов в местном славянском обществе стало невыгодным для княжеской власти. Уже со времени Олега обостряется противостояние волхвов и князей. Князья стремятся ослабить влияние волхвов и узурпировать их функции. С этой целью властью все более позиционируется традиционный антипод и «соперник» Велеса – Перун, освящающий культ военной, светской, государственной власти.

При Владимире борьба княжеской власти с волхвами приняла систематический, организованный характер. В 980 г. он проводит религиозную реформу: Велес «изгоняется» из главного пантеона страны, в свою очередь резко усиливаются позиции Перуна. Культ последнего силой насаждается на севере страны, где особенно сильны были позиции Велеса.

Однако реформа 980 г. не принесла желаемых результатов. Утверждение в качестве государственного культа Перуна не помешало параллельному существованию культа Велеса и, соответственно, не уменьшило существенно роль волхвов в обществе. Владимир не желает мириться с существованием «второй» власти и делает новый, еще более кардинальный шаг – принимает в качестве государственной религии христианство. Не преуменьшая значения всех других объяснений по поводу принятия новой религии, да и самого выбора Владимиром именно христианства, мы пришли к предположению, что помимо всего прочего, христианство как религиозная система позволяло включить в эту систему влиятельного местного языческого бога Велеса, причем на правах падшего, ухудшенного, демонизированного отрицательного «персонажа» – беса, дьявола. Соответственно, волхвы ставились вне закона как «слуги сатаны». С этого времени борьба княжеской власти с волхвами приняла особо ожесточенный и открытый характер.

Своего апогея борьба с волхвами достигла при Ярославе Мудром. Противник Ярослава в борьбе за киевский стол, князь Борис, использовал вооруженный контингент волохов-волхвов («блокуменов»), и возможной платой им за участие в борьбе, согласно Саге об Эймунде, был отказ ростовского князя от христианства и возвращение Руси к язычеству. Заняв великокняжеский стол в Киеве, Ярослав Мудрый продолжил борьбу с волхвами: им был нанесен удар по все еще сохранявшейся автономии мери, жестоко подавлялись восстания волхвов.

Уже после смерти Ярослава, в 70-е гг. XI в. крупные волнения волхвов также жестоко и успешно подавлялись. Волхвы-волохи потерпели поражение и были вынуждены уйти с исторической арены, уступая в новых условиях место для следующих поколений русских «колдунов». Волхвы-волохи в этническом плане совершили очередное «перевоплощение» и разделили историческую судьбу мери: славянизировались и приняли участие в формировании великорусской народности.

III. «Восточная» гипотеза в контексте других гипотез. О путях поиска предков исторических волохов (контуры одной концепции)

«Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире! <...> Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами»

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

«Врешь! – Нет, не вру. Ошибаюсь...»

Илья Ильф «Записные книжки»

После прочтения предыдущих глав предвижу более чем справедливые вопросы читателя: Кто же волохи по своему этническому происхождению? Как волохи оказались в Карпато-Балканском и Волго-Окском регионах, откуда они в эти регионы пришли? Первые вопросы легко догоняет и следующий: «Как соотнести прочитанное с данными других письменных источников о волохах и лингвистическими исследованиями или, другими словами, как соотносится «восточная» гипотеза волошского этногенеза с другими существующими гипотезами и мнениями на этот счет?

Этногенез любого народа представляет собой сложную, по сути, «неисчерпаемую», научную проблему даже в тех редких случаях, когда варианты ее решения представляются исследователям достоверными, бесспорными и более или менее ясными в основных чертах. Этногенез же волохов в этом смысле еще более выделяется своей запутанностью и, пожалуй, не имеет себе равных ни в многообразии противоречащих друг другу данных источников, ни в многообразии гипотез происхождения, базирующихся на этих данных. Как отмечалось во введении, со времени начала научного изучения этногенеза волохов возникло множество гипотез: кельтская и кельто-романская (Шафарик 1848; Толстов 1948; Эрлих 1997); две основные фрако-романские – «балканская» (Rössler 1871) и «карпатская» (Jung 1877) и их многочисленные «синтезные», «компромиссные» и «местные» разновидности (Успенский 1879: 88-108; Мохов 1964: 90-94; Кекавмен 1972: 519-522; Полевой 1972; Рикман 1976; Грацианская, Королюк 1976; Наумов 1978; Ştefănescu-Drăgăneşti 1986; Федоров 1999; Postică 1995); «восточно-альпийская» (Ткачук 1999). В научной литературе неоднократно интерпретировались упоминания волохов в русской летописи, венгерских хрониках и других письменных источниках как относящиеся к франкам (Шахматов 1919; Петрухин 1995), готам и лангобардам (Кузьмин 1988), аварам, болгарам (Иловайский 1882; Ляпушкин 1968), латиноязычным византийцам и романизированному населению отдельных районов и всего Карпато-Дунайско-Балканского региона (Мачинский 1981; Королюк 1979; 1985) и т.д. В этой работе на Ваш суд вынесена и гипотеза происхождения волохов, которую мы условно назвали «восточная».

Естественно, каждая из этих гипотез обладает разной степенью обеспеченности источниками и доказательности, но есть и один общий, объединяющий их все момент. Это момент их ущербности: они друг друга по сути игнорируют, ведь каждая из них не замечает, не учитывает те данные источников, которые ей противоречат.

Принцип исследовательского доверия к источнику при одновременном признании необходимости строгой процедуры его критики требует не «закрывать глаза» на те данные, которые противоречат всему высказанному до сих пор, а попытаться объяснить их с точки зрения достоверности того, что они сообщают. Таким образом, я должен коснуться вопроса о том, как соотносятся «восточная» гипотеза и все остальные. Такой подход, как мне кажется, поможет не только снивелировать именно те справедливые претензии, которые возникают по отношению к «восточной» гипотезе у сторонников других мнений, но и видимо наметить возможные пути поиска предков исторических волохов.

Напомню: к концу первой главы мы пришли к выводу о миграционном происхождении волохов в Карпато-Балканском пространстве, о том, что они прибыли сюда с востока, предположительно, с Волго-Уральского региона. В связи с «руническим письмом» карпатских волохов было высказано предположение, что они в этнокультурном плане были связаны с болгаро-алано-мадьярско-хазарской средой, а распространение этого типа письма указывает на регион Восточной Европы, приблизительно очерченный Доном, Волгой и Северным Кавказом.

В результате исследования вопросов, связанных с волхвами/волохами восточными (вторая глава), мы пришли к выводу о их локализации в летописный период на территории Северной Руси – в Озерном крае и Волго-Окском междуречье. Возможно, именно из этого региона они частично переместились еще дальше на восток и оказались в районе «*близ земли Паскатир*». В этническом плане восточные

волохи (летописные волхвы) в древнерусский период предстают тесно связанной с финно-угорским миром (мерей), инкорпорированной в финно-угорскую среду этнической группой индоевропейского происхождения, наиболее вероятно, балтского. На это указывает и культ Велеса, особо популярный у балтов, присущий им сакральный тип власти и другие моменты, рассмотренные в нашей работе, а также и археологические свидетельства балтского присутствия (элементов дьяковской культуры) в ареале мери, например, в Ярославском Поволжье.

Итак, к IX-X вв. мы видим на западе волохов латиноязычных (представленных восточноромanскими этническими группами), а на востоке – балтским (на позднем этапе, видимо, уже балто-финским) этносом. В любом случае, нет сомнений как в индоевропейском происхождении этого этноса в целом, так и его этнонима в частности. Но именно лингвистические исследования, связанные с этнонимом, подсказывают мысль, что в данном случае мы видим некие последние звенья в цепи этнических «реинкарнаций» волохов, результат очередного этнического перевоплощения и наполнения «старого» этнонима «новым» этническим содержанием, которое в двух отдаленных регионах в силу исторического своеобразия оказалось разным [1].

Лингвистические исследования этнонима «волохи» и связанных с ним названий других народов – романских, кельтских – в славянских, немецком и венгерском языках заставляют предполагать, что в цепочке этнических «реинкарнаций» волохов «романскому» и «балтскому» звеньям предшествовали звенья «кельтское» и «германское». Попробуем реконструировать эту цепочку. Но предлагаемой далее реконструкции исторического пути этнонима «волохи» хотелось бы предпослать слова В.В.Иванова и В.Н.Топорова, посвященные актуальности и плодотворности подобных исследований. Размышляя об индоевропейской этнонимии Европы, связанной происхождением с постоянно упоминавшимся нами древнейшим индоевропейским корнем-мифологемой *uel-/*uol-, они пишут, что исследование этнического имени волохов-влахов сулит большие открытия в области древней индоевропейской этнонимии и топонимии в связи с более общими культурно-лингвистическими проблемами. И далее: «Особо следует подчеркнуть настоятельность самых широких и полных исследований всей старой индоевропейской территории с точки зрения этнонимии и топонимии. Можно думать, что единство этой территории в указанном отношении гораздо сильнее, чем это предполагалось до сих пор. Известная трудность в различении генетически общих или типологически сходных элементов едва ли может существенно отразиться на результатах этнонимических исследований». (Иванов, Топоров 1979: 77, 86).

Итак, что свидетельствует о «кельтском» и «германском» этапах в истории этнонима «волохи». Нет смысла даже вкратце повторять все то, что собрали в плане доказательств сторонники «кельтской» гипотезы (Толстов 1948; Эрлих 1997). К сожалению, нет данных письменных источников, которые бы прямо подтвердили ее правоту, поэтому главными аргументами выступают сам этноним, сакрализованность восточно-романских волохов и присущий им тип отгонного скотоводства, «кельтские» черты, характерные для волхвов и раннего русского христианства. Наиболее аргументированная и наиболее популярная в научном сообществе этимология этнонима волохи связывает его с кельтским этнонимом римской эпохи «вольки» (Volcae у Тита Ливия и Цезаря), древнерусские (славянские) формы традиционно выводятся из германского источника – др.-в.-нем. walah, walh, средне-в.-нем. walch ‘кельт’, ‘представитель романских народов’, ‘чужеземец’, которые сами являются заимствованиями из упомянутого кельтского этнонима, латинская форма которого Volcae (Иванов, Топоров 1979: 62-63; Ştefănescu-Drăgăneşti 1986: 33; Фасмер 1986: I, 345; Кузьмин 1988: 102; и др.).

Любопытно совпадающее, параллельное, буквально дублирующее этнонимию распространение названия грецкого ореха – «кельтского»/«волошского» – у некоторых славянских народов, венгров, в английском и немецком языках. Румынский исследователь В.Штефэнеску-Дрэгэнешть уделил связи волохи – «волошский орех» специальное внимание: английское walnut происходит от среднеанглийского walnot, которое в свою очередь от староанглийского wealhhnutu: wealh=кельт, чужстранец + hnutu=орех; немецкое Walnuß, где корень wal – старонемецкое означает «чужой», «иностранный» (Ştefănescu-Drăgăneşti 1986: 33-35).

В.В. Иванов и В.Н. Топоров, как мы уже в работе отмечали, предполагают самостоятель-

[1] Ситуация, напоминающая исторические судьбы болгар и венгров: пришедшие с востока болгары смешались на Балканах с местными славянами, славянизировались, превратились в новый южнославянский «титульный» этнос со старым этнонимом. Болгары, пребывающие на востоке, например, создавшие Волжскую Булгарию, тюркизировались, стали одним из главных компонентов для формирования нескольких поволжских народов; венгры, «обретшие родину на западе, сформировались как отдельный «титульный» этнос с соответствующей государственностью, а на востоке «венгры Юлиана» (венгры «Великой Венгрии») растворились в других этнических общностях. Полагаем, что с волохами произошла аналогичная ситуация: оказавшиеся на западе латинизировались и оказались, в результате, представлены отдельными восточноромanскими народами и этнографическими группами; оставшиеся на востоке, в конечном итоге, славянизировались и влились в состав великорусской народности.

ное, не связанное с германским посредничеством, развитие праславянской формы *volxъ от исходной индоевропейской мифологемы, от которой происходят славянские, германские и кельтские этнонимы. При этом В.В.Иванов и В.Н.Топоров подчеркивают, что специалисты, пытаясь объяснить славянские формы из германских, привлекают лишь гипотетически мыслимую, но нигде реально не засвидетельствованную готскую форму *Walhs. Они делают следующее важное заявление: «Лишь готское посредничество могло бы удовлетворительно объяснить славянские формы, но именно готские факты, к сожалению, отсутствуют» (Иванов, Топоров 1979: 63). Не забывая, что отсутствие не является доказательством, отметим: о «неминуемости» готского посредничества говорят и другие исследователи (Ştefanescu-Drăgăneşti 1986; Фасмер 1986: I, 345).

Итак, готское посредничество. Возможно ли оно? Где, когда и при каких обстоятельствах реализовалось? Попытку отождествить волохов «Повести временных лет», совершавших насилие над славянами, с готами предпринял А.Г. Кузьмин, но ее вряд ли можно назвать достаточно обоснованной (Кузьмин 1988: 103-104). Но вот исследование В.Н. Топоровым уникального мифо-эпического сюжета «людей и скота под землей», дает возможность перекинуть «мостик» между готами (рассказанный Иорданом случай произошел с готами в землях Скифии – знаменитом Ойуме), восточнороманскими волохами и балтами (Топоров 1987) (ср. с комплексом представлений, связанных с индоевропейской мифологемой *uel-/*uol- – Иванов, Топоров 1979).

Попытка реконструкции связи изначально кельтского этнонима с германцами, а затем взаимодействие «продукта» реализации этой связи с балто-финским миром, как кажется, неминуемо заставляет нас обратиться к историческим событиям эпохи Великого переселения народов и даже ранее – рубежа эр. Ход истории Европы на рубеже эр определялся, по мнению крупнейшего исследователя политической и культурной истории этого периода М.Б.Щукина, взаимодействием семи выделяемых им культурных «миров» (Щукин 1994). Нас в плане выполнения нашей задачи интересует взаимодействие некоторых из них, а именно «мира» Второго («кельты – исчезнувшая цивилизация Европы»), Третьего (латенизированных культур «полей погребений» и лощено-хроповатой керамики) и двух «миров» лесных культур Восточной Европы (Четвертый – балты и Пятый – финно-угры).

В характеристике Второго «мира», данной М.Б.Щукиным, имеют значение следующие моменты: превалирование в кельтском обществе сакрального типа власти над светским и роль в нем надплеменной корпорации друидов; высокое развитие комплекса религиозно-магических, духовных аспектов культуры; специфика экономической жизни – отгонное горное скотоводство и передвижения по Кельтике артелей бродячих мастеров (деятельность которых была сакрализована), торговцев (особенно торговцев солью), друидов; «историческая экспансия» кельтов (с начала IV в. до н.э.) и в ходе ее огромные территориальные завоевания в Европе; «промышленная революция» и «торговая экспансия» кельтов – «вуаль» кельтского культурного влияния на всех варварских культурах от Скандинавии и до Днепра (Щукин 1994: 15-18).

В описании Третьего «мира»: это «мир» варварских племен Центральной и Северной Европы, латенизированных культур; многочисленные дальние переселения обитателей Третьего «мира»; по целому ряду формальных признаков к Третьему «миру» относится и зарубинецкая археологическая культура, существовавшая в Припятском Полесье и на Днепре; на вопрос об этническом составе населения Третьего «мира» однозначно ответить нельзя, это были народы «*между германцами и кельтами*»; носителем древностей зарубинецкой культуры, по мнению М.Б.Щукина, был этнос, известный по письменным источникам под именем «бастарны» (Щукин 1994: 18-21; 1999).

Осмелюсь выдвинуть предположение, что именно где-то в ареале зарубинецкой культуры или поблизости от него, в зоне пограничья Третьего и Четвертого «миров», где соприкасались народы «*между германцами и кельтами*» и балты, и нужно искать носителей этнонима, который спустя столетия трансформируется в «волохи».[2]

Два грандиозных события привели к тому, что носители прежней зарубинецкой культуры двинулись в разных направлениях, в том числе далеко на восток – на Оку и Волгу.

Первое событие. В середине I в. н.э. мощное движение сармат разрушило зарубинецкую культуру. Одновременно, вельбаркский толчок на западе и возникновение группы Одры-Венсёры вызвало по принципу «падающего домино» целый ряд последовательных перемещений носителей различных этнокультурных групп, в том числе балтских. Эти два одновременных толчка с юга и с запада вызвали брожение, перемещения, активизацию культурогенетических процессов в среде лесных культур. В течение «темного» II в. происходит трансформация остатков зарубинецкой культуры, культуры третьего «мира», в новое культурное единство, относящееся по своей структуре и облику уже к четвертому, лесному «миру» (Щу-

[2] Хочу специально обратить внимание на то, что предлагаемая гипотеза, безусловно, учитывающая результаты нашего исследования в двух предыдущих главах, может выступать всего лишь одной из многих возможных на нелегком пути поиска предков исторических волохов.

кин 1994: 279-281). М.Б.Щукин пишет, что «исследователи неоднократно отмечали воздействие постзарубинецкой культуры на жителей лесной зоны, но полностью остается не исследованным процесс обратный, не выявлена роль населения лесной зоны на формирование новой культуры» (Щукин 1994: 281). Возможно, что еще к «доготскому» периоду относится активное этнокультурное взаимодействие балтов и потомков народа «*между германцами и кельтами*», носителя этнического имени, ведущего свое происхождение от упомянутой индоевропейской мифологемы.

Второе событие. В конце II – начале III в. переселение готов на юг, в Поднепровье (переселение готов в страну Ойум, по Иордану). Движение готов задело население Четвертого «мира», вызвало новые перемещения на восток позднезарубинецких племен.

С этими перемещениями связывают исследователи увеличение процента лощеной керамики в дьяковской культуре, возникновении мощинской культуры на Оке, в бассейне Хопра появляются памятники, сходные с древностями позднезарубинецкой и киевской культуры (Щукин 1994: 283; Седов 1982: 43-45). По мнению Г.И. Матвеевой, возникновение именьковской культуры в Поволжье связано с передвижением постзарубинецкого населения, вызванным нашествием готов. Она считает, что на Среднюю Волгу, Нижнюю Каму и далее на восток до р.Белой продвинулась столь значительная масса постзарубинецкого населения, что оно сохраняло в ареале классического варианта именьковской культуры свое этническое своеобразие, в то время как на Верхнем Днепре и Оке эта масса оказалась не столь большой и была ассимилирована местными племенами (Матвеева 1981: 52-73).

Это мнение не противоречит мнению В.В.Седова о генезисе и этнической интерпретации мощинской культуры: несомненное участие позднезарубинецких элементов и балтская, в целом, этническая принадлежность (Седов 1982: 43-44). Готское влияние на лесной «мир» усилилось после известных событий в IV вв., когда, согласно Иордану, венеты и целый ряд *«северных народов»*, включая мерю, мордву, весь, были подчинены королем готов Германарихом. В конце IV в. под ударами гуннов «держава Германариха» распалась, и, по образному выражению М.Б. Щукина, «южная стенка “венетского котла” оказалась разбитой, его содержимое выплеснулось наружу» (Щукин 1994: 286; 1997).

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что именно в период между появлением готов и нашествием гуннов (период, когда могло реализоваться готское посредничество), в результате мощного влияния балтов на некую группу постзарубинецкого населения происходила кристаллизация этноса, который, перефразируя письменный источник, можно назвать «между кельтами, германцами и балтами», этноса, ставшего известным под именем волохи.

В этой связи любопытно мнение румынского лингвиста В.Штефэнеску-Дрэгэнешть о том, что венгерское слово «olah» (означающее «влах») могло быть заимствовано только из немецкого языка и только догуннского периода, а также отмечаемое им волошское посредничество в передаче венграм целого ряда слов кельтского происхождения (Ştefănescu-Drăgăneşti 1986: 33-44). Исходя из того, что венгры появились в Среднем Подунавье только в IX в., мы можем интерпретировать его как еще один аргумент упомянутого германского посредничества, происходившего именно на востоке Европы в догуннский период. V веком датируется появление волохов на исторической арене под своим собственным именем (венгерские хроники, Русский хронограф, «Песнь о Нибелунгах», сообщения Рубрука и Бэкона). Движение гуннов увлекло часть волохов на запад, подобно тому как это произошло с болгарами, аланами, германцами и десятками других народов [3]. С этого времени исторические пути двух групп волохов, оставшихся и мигрировавших, разошлись.

О волохах восточных. В свете обсуждаемых во второй главе проблем нас, конечно же, интересует вопрос, когда и на какой территории возник контакт между волохами (носителем к этому времени балтских культурных традиций) и мерей. Совершенно очевидно, что это произошло до появления «вернувшихся с Дуная» славян, возможно, в эпоху существования «державы Германариха», и почти наверняка в период, когда этносоциальная и территориальная структуры мери еще складывались. Не обращаясь специально к проблеме этногенеза мери и вероятному участию в нем носителей элементов дьяковской культуры,

[3] В какой-то степени отражением ситуации этнического взаимодействия германцев, балтов, финно-угров и волохов, живших на востоке Европы, резко активизировавшегося в период движения гуннов, представляется следующий отрывок из булгарской летописи Бахши Имана: «*Так как хоны* (гунны-Р.Р.) *обещали дать им большую часть покоренной ими земли, то моджары (*мадьяры) *проявили рвение и заняли область Сэбэра. Жившие здесь ары* (финноязычные племена) *в ужасе бежали еще дальше на запад, в область Ура* (Волго-Уральский регион). *Моджары последовали за ними. Появление огромных толп… произвело панику в среде мурдасов. …мурдасы стали группами отступать на запад. Карасакланы не пропустили их через свои степи, и мурдасам пришлось пробираться дремучими лесами. От первой группы мурдасов, ушедших на запад, произошли улагцы* (волохи), *от второй – альманцы* (германцы), *от третьей – артанцы* (балты, прибалты, литовцы), *от четвертой – ульчийцы* (ульцингуры Иордана)…» (Бахши Иман 1993: 311-312).

сейчас необходимо вновь обратить внимание на два момента: 1) пребывание носителей позднедьяковской культуры в ареале мери, например, в Ярославском Поволжье, где, к примеру, на поселении, предположительно идентифицирующимся с Медвежьим углом (место, где по письменным источникам, волхвы наиболее определенно выступают как этническая единица), нет мерянских культурных остатков, но есть дьяковские (Леонтьев 1996: 238, 242); 2) Согласно гипотезе А.Е. Леонтьева, меря в VI-VII веках продвинулась в занятое в предшествующее время племенами дьяковской культуры Волго-Клязьминское междуречье из бассейна Оки (Леонтьев 1996: 293-294) – региона, находившегося в зоне взаимодействия (или в близости от нее) пришлых позднезарубинцев и местных балтов. По-видимому, еще до миграции мери в ее племенную структуру и была включена, инкорпорирована этническая группа волохи/волхвы. Но нельзя исключить и ситуации, при которой данное внедрение произошло уже на местах новой локализации мери. Более определенно ответить на вопрос о времени и местах контактов и взаимодействий балтских волхвов и финно-угорской мери, наверное, по силам только археологическим исследованиям.

О волохах на западе. Обстоятельства бурной эпохи Великого переселения при отсутствии прямых указаний письменных источников затрудняют выяснение маршрутов волохов, оказавшихся в гуннскую эпоху в итоге на западе. При своем движении, по крайней мере, часть из них была в тесном соседстве с аланоболгаро-хазаро-мадьярской культурной средой (сюжет о рунической письменности волохов). Можно предполагать, что уже во время Аттилы и даже раньше волохи оказались в Восточно-Альпийской зоне (Юго-Восточная Швейцария, горная часть Австрии, северо-итальянские области Ломбардия и Венеция/Фриулия, Словения), с которой М.Е. Ткачук и связывает и само происхождение волохов и место, откуда они, по его мнению, и мигрировали в Карпато-Балканское пространство (Ткачук 1999). Об этом свидетельствуют сообщение Русского хронографа («Еллинский летописец») о том, что когда Аттила умер в Италии, недалеко от Рима, *«... вои же его, вземши тело его, несоша сквозе волохы и немци и положиша в земли Угорьстеи».* (Творогов 1975: 138), подтверждающие его сюжеты эпоса «Песнь о Нибелунгах», включая сведения о герцоге Рамунке из земли валахов, в какой-то мере («по аналогии») известия венгерской хроники Кезаи о переселении «*городов Паннонии, Памфилии, Фригии, Македонии и Далмации... в Апулию через Адриатическое море...*» (История Венгрии 1971: I, 276). Полагаю, что даже если рассматривать как легендарное сообщение о том, что Аттила умер в Италии, то это не означает саму невозможность его гипотетического маршрута в Паннонию «*сквозь волохы и немцы*» (например, Константин Багрянородный также пишет о том, что «*Аттила дошел вплоть до Рима*» – 1991:107). Само по себе это сообщение можно интерпретировать, как сообщение об «итальянцах и немцах» (как это и делает А.Б.Черняк – 1991:139), но в совокупности с другими известиями предполагает, что волохи в данном случае – это действительно волохи, а не итальянцы.

И имеющиеся сообщения о событиях в последующие столетия также косвенно подтверждают саму возможность перемещения волохов, оказавшихся в гуннское время в Нижнем и Среднем Подунавье, в Восточно-Альпийскую область. После того, как в 567 году авары в союзе с лангобардами разгромили гепидов и обосновались в Паннонии, на следующий год лангобарды ушли в Италию, и вместе с ними туда же переместились и другие народы – гепиды, сарматы, болгары (Менандр, Павел Диакон, Антонио де Бонфини сирийские источники) (Артамонов 1962: 111; Извори 2001: 123-124). Согласно Павлу Диакону и Фредегару, и в первую треть VII в. в результате междоусобной войны в Аварском каганате часть населения покинула его территорию и осела, в результате, в области лангобардов. И в 70-гг. этого же столетия новые волнения в каганате привели к новым миграциям его населения (Артамонов 1962: 112, 167; Сентпетери 1989). Легенда о пяти сыновьях Кубрата, кагана Великой Болгарии, переданная Феофаном, говорит о том, что пятый сын совершил с подвластным ему народом переход в Италию (Чичуров 1980).

Итак, можно предполагать, что часть волохов, увлеченных гуннским движением на запад, в конечном счете, переместилась в восточно-альпийскую зону, включая и примыкающую область северо-западных Балкан. Именно эта часть волохов и подверглась романизации и, видимо, стала основой для дальнейшей кристаллизации восточнороманского этноса волохов. К ее судьбе мы вернемся чуть позже, а сейчас поговорим о той части волохов, которая, оказавшись на Дунае, не перемещалась в область Восточных Альп.

Видимо, потомки именно этой части волохов и проживали в Трансильвании, как об этом свидетельствуют венгерские источники и «Повесть временных лет», именно эти волохи и передали свое «руническое письмо» секеям. Очень сложен вопрос о так называемом «господстве» волохов над славянами, которое, согласно русской летописи, и вызвало «возвращение славян с Дуная». Не обращаясь к упоминавшейся историографии проблемы, выскажу мнение, которое в какой-то степени поддерживает и дополняет мнение И.И. Ляпушкина (1968: 14): под волохами, творящими насилие над славянами и вызвавшими уход славян на восток, надо прежде всего понимать авар и

достаточно вероятно болгар (и волохов?!), составлявших вместе с аварами высший, господствующий «этнокласс» в Аварском каганате (Сентпетери 1989).

Если проанализировать всю совокупность данных письменных источников – византийских, русских (включая эпизод с «дулебскими женами»), венгерских, то мы увидим только один этнос, который реально господствовал над славянами – авар. Неудача осады Константинополя в 626 году ознаменовала смену направлений активности авар, которые теперь гораздо больше были нацелены на восток (Федоров, Полевой 1973). До венгров в Трансильвании господствующим над местными славянами этносом могли быть только авары. Для раннесредневековых авторов было характерно смешанное восприятие всех трех этнических групп – авар, болгар и волохов и периодическое отождествление их с гуннами и даже славянами, что демонстрируют многие источники, например, Константин Багрянородный (см. первую главу). Во многих случаях под аварами в сочинении последнего можно предполагать не собственно авар, а волохов и болгар.

Обращаясь к сюжету первой главы о савирах, можно себе представить не случайными и имена Валаха и его вдовы Боарикс (в плане происхождения влаха/валаха от древнейшей индоевропейской мифологемы нельзя не обратить внимания на «кельтоидность» / *«между германцами и кельтами»*/ и имени Боарикс) и вероятное «продолжение» савир в северах раннего периода истории Первого Болгарского царства. Можно предположить, что многие волошские группы, оказавшиеся на Балканах, «растворились» в других общностях, были ассимилированы, но некоторые из них, видимо, сохранились, и, может, этим объясняется то поразительное разнообразие многочисленных этнографических групп влахов на Балканах в более позднее время. То есть, можно предполагать, что и в постгуннскую эпоху периодически происходило переселение новых групп волохов с востока в Карпато-Балканский регион, как мы это можем видеть на примере болгарских племен.

Важным этапом в истории волохов явилось «обретение родины» венграми. Письменные источники говорят о том, что венгры «*прогнали волохов*». Трудно сказать, всех ли? Но можно предположить, что изгнанники нашли убежище в восточно-альпийской области у родственных влахов. По-видимому, уже в X в. начинается (согласно гипотезе М.Е. Ткачука – 1999) массовое движение восточно-альпийских романизованных влахов на Балканский полуостров. Об этом движении свидетельствуют известия Кекавмена (*«Ведь влахи раньше жили близ рек Дуная и Саоса»)* (Кекавмен 1972: 269-271), Киннама (волохи – «*древнейшие выходцы из Италии*») (Киннам 1859: 288), сюжет христианских учителей «*из Влах*» в «Житии Мефодия» (Королюк 1979:9; Кузьмин 1988: 99). Другое направление восточно-альпийской волны романизованных волохов – Карпатский регион, о котором свидетельствует легенда Славяно-молдавской летописи 1359-1504 гг. о Романе и Влахате (*«От града Виницеи приидоша два брата Роман да Влахата»* (Королюк 1979:10). В XII-XIII вв. значительная часть балканских влахов (православных – см. IV раздел работы) перемещалась на левый берег Дуная и оказывалась в Трансильвании, Молдове и на Буковине. На этих территориях произошло смешение не менее двух групп волохов, что еще больше затруднило задачи исследователей в решении такой сложнейшей научной проблемы как этногенез волохов.

* * *

Итак, **подведем итоги.** Решая проблему поиска предков исторических волохов, мы выдвинули гипотезу о цепочке этнических перевоплощений народа, носителя этнонима «волохи». Народ «между германцами и кельтами» оказался в зоне контактов с «лесным» миром Восточной Европы и в силу различных обстоятельств, в том числе движения готов («готское посредничество»), испытал его сильнейшее влияние. Нашествие гуннов привело к тому, что волохи разделились: часть осталась в Восточной Европе, часть двинулась на запад, к Дунаю. Оставшихся, окончательно принявших балтский «облик», судьба связала с мерей, с пришедшими в регион славянами и Древнерусским государством. Оказавшиеся на западе волохи частью осели в Карпато-Балканском регионе, где, по-видимому, были ассимилированы, а частью передвинулись в Восточно-Альпийскую область. Через несколько столетий последние, уже будучи латиноязычными, мигрировали и в область Карпат и на Балканы, где и стали хорошо известны, как знакомые нам восточнороманские волохи.

Такова предлагаемая в данной главе гипотеза происхождения волохов. Мы сделали попытку совместить в единой реконструкции все имеющиеся сведения о волохах, как бы противоречиво они не выглядели в глазах исследователей. В этой главе мы стремились учесть все наиболее аргументированные моменты других гипотез, мнений и исследований по данной проблеме. Предлагаемая концепция, конечно же, предполагает обязательное возникновение в научной литературе и альтернативных ей, особенно, в плане возможных объяснений и поиска кельто-германского «следа» в цепи этнических «перевоплощений» народа, носившего имя «волохи».

IV. О времени появления волохов в Карпато-Днестровских землях

«...Сторонники и противники миграций или автохтонного развития отстаивали свои объяснения как принцип и начисто отвергали конкурентное объяснение, тогда как надо было лишь определить условия, при которых оказывается актуальным то или иное».

Л.С.Клейн. «Функции археологической теории».

«Куда пропал? Да не было в живых!»

В.Вишневский. «Одностишия».

IV.1. Предварительные замечания

Вопрос – когда появились волохи в Карпато-Поднестровье? – возможно, с научной точки зрения не так уж и сложен, но поскольку он является предметом самых острых болезненных споров в «местной» историографии, решение его затруднено подчас чересчур «эмо(на)циональным» политизированным восприятием исследователей. Любопытно, что если в целом в европейской историографии о волохах эпицентр споров приходится на такие вопросы, как: где находился первоначальный очаг волохов – на Среднем Дунае или на Балканах, и каково направление миграций волохов – с севера на юг или с юга на север (восходящие к спорам Рёсслера и Юнга), то в историографии румынской и молдавской этот вопрос не актуален. Акцент ставится на другом: волохи – народ автохтонный или пришлый на территории исторической Молдовы.

Исследователи-автохтонисты, в зависимости от их «порта приписки», полагают, что волохи формировались на базе романско-фракийского синтеза: или только в Трансильвании, в Трансильвании и Валахии, или одновременно еще и на территории и Западной (Румынской), и Восточной Молдовы, то есть в границах современных восточнороманских государств, немало не смущаясь тем обстоятельством, что земли к востоку от Карпат лежали за пределами римской провинции Дакия. Для них пребывание на этих землях славян и других народов в «темные» (с IV по XIII) века было временным явлением, глубоко не сказавшимся на «непрерывной» исторической жизни восточных романцев в регионе (о взглядах автохтонистов и критику последних см.: Бырня, Рафалович 1978; 1983; Ткачук 1991; Федоров 1999; Федоров, Негруша 1979; Хынку 1972; 1974; Чеботаренко 1979; 1982; 1983; Armbruster 1972; Berciu 1975; Constantiniu 1997; Panaitescu 1969; Postica 1994; 1995; Ştefănescu-Drăgăneşti 1986).

Миграционисты, даже не ставя проблему, когда и при каких обстоятельствах волохи оказались в Карпато-Дунайских землях, и этим как бы соглашаясь с точкой зрения, восходящей к теории Юнга, что волохи формировались именно в этом регионе, озабочены лишь одним вопросом – когда пришли волохи на земли исторической Молдовы, а в большинстве случаев даже более узко – когда они появились на территории Восточной Молдовы – Бессарабии? В отличие от автохтонистов, они опираются на даты, предлагаемые письменными источниками, и в этом смысле их построения выглядят корректными.

Из-за чрезвычайной скудости письменных источников по этой проблеме главные баталии автохтонистов и миграционистов развернулись на археологическом «фронте». Автохтонистов никак не могут устроить поздние для них даты волошской колонизации Карпато-Поднестровья, предлагаемые письменными источниками. И поскольку они убеждены, что «местное» романское население жило здесь непрерывно, они в поисках положительных ответов обращаются к археологическим источникам. Миграционисты, принимая навязываемые им правила игры, также обращаются к археологии за подтверждением: «Вот, видите, нет материалов, подтверждающих непрерывное пребывание восточнороманского элемента на этой территории». «Безмолвный» археологический материал позволяет и тем, и другим получать положительные ответы на свои вопросы.

В этой главе, являющейся, скорее, приложением к основному тексту работы, мы рассмотрим данные письменных памятников, которые могут свидетельствовать о пребывании волохов в наиболее раннее время на территории исторической Молдовы. Необходимо сразу же оговорить следующее принципиальное условие. Письменные памятники – русские, греческие и латинские – называют в Карпато-Поднестровье, кроме волохов, различные группы населения, выступающие под именем уличей, тиверцев, берладников, бродников, галицких выгонцев и т.д. Часть исследователей склонна видеть в некоторых из них восточнороманское (волошское) или смешанное волошско-славянское население (Хынку 1972; Balan 1928; Boldur 1968, 1974, 1975, 1992; Iorga 1927-1928; Papacostea 1993; Istoria României 1962: II; Popa-Lisseanu 1938; Rosetti 1889, 1890; Spinei 1986, 1994). Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, сразу определимся: нами будут рассмотрены только те данные, которые непосредственно говорят о волохах под их собственным именем.

IV.2. Таинственные «тибианцы» польских хроник

До IX в. волохи в Карпато-Днестровских землях под своим собственным именем в письменных памятниках не зафиксированы (если не принимать во внимание уже упоминавшийся и цитировавшийся фрагмент летописи Гази-Барадж о пребывании волохов в составе конгломерата Аспаруха, размещавшегося где-то между Карпатами и Дунаем, накануне создания им нового болгарского государства – Дунайской Болгарии). Как уже упоминалось, они отмечены западнее – в Трансильвании и Паннонии. Венгерский Аноним отмечает присутствие волошского населения в Паннонии, в бассейне Дуная и Тисы к моменту прихода сюда в конце IX в. венгров (Шушарин 1961: 140-141). Сведения Анонима о волошском населении западнее Карпато-Поднестровья подтверждает «Повесть временных лет» в известном пассаже об уграх под 898 г.: *«Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше къ Днепру сташа вежами; беша бо ходяще аки се половци. Пришедше от въстока и устремишася чересъ горы великия яже прозвашася горы Угорьскиа, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску. Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту...»* (ПВЛ 1950: I, 21).

Таким образом, оба эти источника независимо друг от друга сообщают о влахах «по ту сторону угорских гор», но не дают никаких оснований полагать, что волохи в это время находились и в Карпато-Поднестровье. Венгерский Аноним до того, как вождь Альмош «*со своими людьми*» покинул галицкую землю, пока не прошел через лес Ховощ и не достиг границы Унга, говорит только о Руссах (см. Шушарин 1961: 140-144). «Повесть», как известно, размещает в Карпато-Поднестровье племена хорватов, уличей и тиверцев. После описания событий, связанных с приходом венгров в Паннонию, надолго исчезают сведения о волохах и в Паннонии.

Некоторыми исследователями для доказательства пребывания волохов в X-XI вв. в Карпато-Поднестровье используются так называемые «глухие», другими словами, далеко не бесспорные известия. Одно из них – уже упоминавшаяся скандинавская руническая надпись XI в. с острова Готланд об убийстве валахами Хродфоса (Мельникова 1977: 65-66). Мы уже подвергали анализу этот сюжет. Следует напомнить: принимая тождественность валахи – «blǫkumenn», даже если считать, что в данном случае идет речь о волохах карпато-балканских, все равно нет абсолютно никаких оснований считать, что встреча Хродфоса с валахами произошла в области между Карпатами и Днестром, а тем более между Бугом и Сиретом (Мельникова 1977: 37, 66), поскольку все достоверные известия о них в этот период упоминают их только на правобережье Дуная. Упоминания «blǫkumenn» в скандинавских сагах, в частности, в «Саге об Эймунде» (Мельникова 1977: 199-200; 1978: 289-295; Рыдзевская 1978: 97; Джаксон 1994: 87-119, 168), сюжеты которой мы подробно также анализировали ранее, ни в коей мере не могут свидетельствовать о пребывании волохов в указанный период именно в Карпато-Поднестровье.

Существуют в польской средневековой литературе еще более спорные известия о военных столкновениях на территории Руси и Польши, в которых в качестве наемников, по мнению некоторых исследователей, принимали участие волохи. Поскольку в нашей работе эти известия до сих пор не упоминались и не анализировались, и исследователи к ним обращаются крайне редко, остановимся на них чуть подробнее. Необходимо учитывать преемственность в развитии польской средневековой историографии. Великопольская хроника (нач. XIV в.) вобрала в себя основополагающие сочинения Галла Анонима (XII в.) и Винцентия Кадлубка (1160-1223), но также содержит значительный новый материал. Появление Великопольской хроники стало важным предшествующим этапом в создании «Истории Польши Яна Длугоша», использовавшего как непосредственно материалы этой хроники, так и сочинения предшествующих историографов Польши (Галл Аноним 1961: 5-20; Щавелева 1990: 76-140; Великопольская хроника 1987: 8-18).

Сюжет, о котором идет речь, связан с событиями похода краковского князя Казимира Справедливого (1138-1194) на г. Берестье. Великопольская хроника в главе 39 сообщает об этом походе: *«Случилось так, что город Руси Берестье, отказавшись от повиновения Казимиру, перестал выплачивать... подати и стал готовить оружие для сопротивления Казимиру. Последний, собрав отряд воинов, в году от Р.Х. 1182 пошел против него и его князя и ...его [город] атаковал и захватил. ...И двинулся лагерем в направлении к Галичу, намереваясь восстановить в Галицком королевстве сына своей сестры, некогда изгнанного вместе с отцом. Всеволод, белзский князь, вместе с князем владимирским и галицкой знатью, а также с многочисленными отрядами избранных* ***тибианцев*** *и парфян ...храбро на него нападает...»* (Далее хронист рассказывает о победе, которую одержал Казимир) (Великопольская хроника 1987: 122).

Данное сообщение хроники путаное, спутаны место и время описываемых событий. Автор хроники смешивает события: повествуя о походе на Берестье (1182 г.), переносит дей-

ствие на Галич, в то время как поход на Галич Казимир Справедливый совершил в 1188 г., чтобы утвердить там племянника Романа Мстиславича. В русских источниках о подобных событиях сведения отсутствуют (Великопольская хроника 1987: 225). Нас интересует вопрос, кто подразумевается под «тибианцами» польского хрониста. Н.М. Карамзин в тивианцах (тибианцах) видит тиверцев Повести временных лет (Карамзин 1989: I, 194-195). Так же считает Г. Энгел. П. Шафарик привел данные древнейших польских историков о тибианцах, однако не решился высказывать твердые суждения по этому поводу (Шафарик 1848: т.II, кн.I, 213). Х. Тунман же считает, что под тибианцами надо подразумевать валахов (волохов), называемых по-тюркски «тьюбан» (чобань, чубань – «пастух») (Карамзин 1989: I, 194-195; Шафарик 1848: II, I, 213).

Со времени Н.М. Карамзина и П. Шафарика вопрос об идентификации загадочных «тибианцев» почти не затрагивался, да и сам поход Казимира на Берестье и Галич не пользовался особым вниманием исследователей. Например, это сообщение не рассматривалось в статье Н.И. Щавелевой, посвященной древнерусским известиям Великопольской хроники (Щавелева 1976: 54-66). В изданиях же переводов польских источников слово «тибианцы» или «выпадало», или не комментировалось.

В Хронике Винцентия Кадлубка сообщение о походе Казимира присутствует в книге IV, главе 14. Вот как звучит в переводе и комментарии Н.И. Щавелевой интересующая нас фраза: *«А на помощь городу подходит князь Всеволод Белзский с князьями владимирскими, с галицкими мужами, с отборными наемными войсками, с тысячами партов»* (Щавелева 1990: 106, 130). Как видим, тибианцы здесь не упомянуты, вместо них используется выражение «*наемные войска*». Почему же слово «тибиянцы» заменено на «наемные войска»? Н.И. Щавелева об этом не пишет. Непосредственное обращение к тексту, кажется, определило источник подобного перевода. В одном из первых польскоязычных изданий Хроники Винцентия Кадлубка в Словнике к хронике говорится: *«tibianei – rodzaj zaciaznego wojska»* (Дашкевич 1878: 93-94). Значит ли это, что тибианцы – слово нарицательное, а не собственное, и действительно означает род наёмного войска?

Возможно, не лишним будет вспомнить, как звучит эта фраза из той же главы 14 книги IV Кадлубка в своде «Истории Яна Длугоша»: *«Adeft namque Dux Belzii Vfeuooldus, cum principibus Laodomirienfium, cum Halicienfium pricipuis, cum electis* ***Tibianorum*** *turmis, cum Parthorum millibus vrbis fubfidio»* (Ioannis DŁugossi 1712: 787). Достаточно очевидно, что слово «тибияны» или «тибианцы» является именем собственным – названием с конкретным политическим или этническим содержанием, не уступающим в равноценности слову «Parthorum» – «парфяне», «парты».

В выше приведенном отрывке Великопольской хроники, переведенным Л.М. Поповой и комментированным Н.И. Щавелевой, присутствуют оба слова – и «тибиянцы», и «парфяне». Комментируется только слово «парфяне»: «так хронист называет половцев и ятвягов» (Великопольская хроника 1987: 225). Видимо, только неопределенностью и загадочностью слова «тибиянцы» можно объяснить нежелание исследователей хоть как-то обращать на него внимание. Тибиянцы еще до эпизода с походом на Берестье в 1182 году дважды упомянуты Винцентием Кадлубком: в 1096 г. они вместе с венграми помогали польскому князю Владиславу против взбунтовавшегося сына князя – Збигнева; а в 1145 г. осаждали с князем Владиславом II Познань (Шафарик 1848: II, I, 213).Оба сообщения не дают повода сомневаться, что под тибиянами (тибиянцами) надо понимать определенную этническую группу населения.

Поскольку возникшие почти двести лет назад гипотезы Х. Тунмана и Н.М. Карамзина по поводу идентификации тибиянцев и не отвергаются, и не обсуждаются современной наукой, то до появления новых гипотез остается предполагать, что в приведенных отрывках из произведений раннепольской хронографии действительно речь идет или о тиверцах, или о волохах. Не берусь судить о лингвистической доказательности предложенных вариантов, но в историческом плане волохи представляются гораздо более предпочтительной «кандидатурой», чем тиверцы. Тиверцы, как и их соседи уличи и целый ряд других племен «Повести временных лет», после середины X века уже не упоминаются, поэтому сомнительно их упоминание польскими источниками применительно к событиям конца XII в. Что же касается волошской идентификации тибиянцев, то она представляется более убедительной, учитывая предлагаемую этимологию названия от слова «пастух», время упоминания (близкое, как мы увидим далее, к датам, предлагаемым другими источниками), исторический контекст и места событий. Упоминание о волохах как наемниках не противоречит другим данным о них, например, уже приводились факты найма волохов в вооруженные силы катепанов Белграда и Ниша (Литаврин 1972: 130-131). Если тивианцы польских источников тождественны волохам, то факт участия их в качестве наемников в «польских» событиях не может служить доказательством их проживания непосредственно в Карпато-Поднестровье, хотя упоминание волохов в контекстах союзничества с венграми и походах на Галич (см. соответствующий сюжет во 2-й главе) делает сугубо предположительную локализацию волохов в указанное время непосредственно в Карпато-Днестровских

землях более убедительной.

Еще один сюжет из польской средневековой хронографии, сочинения Яна Длугоша, требует нашего рассмотрения, поскольку некоторыми румынскими учеными он приводится для обоснования мнения о пребывании волохов на территории исторической Молдовы в XI в. (Istoria României 1962: II, 68; Шушарин 1972: 173-174). Я. Длугош рассказывает под 1070 г. о том, что князь Всеслав, готовясь к борьбе с князем Изяславом и польским князем Болеславом, набрал войско *«из русов, печенегов и валахов»* (Ioannis DŁugossi 1711: t. I, col. 265). Но, как пишет В.П. Шушарин, после этой публикации труда польского хрониста все следующие издания, где учтены другие рукописи, в рассматриваемом месте сохранили свидетельство не о валахах, а о варягах в составе войск Всеслава (Шушарин 1972: 174). Но даже если первый вариант ближе к исторической истине, тем не менее этот сюжет, как в случае и с «тивианцами», не может свидетельствовать о пребывании волохов в Карпато-Поднестровье. Скорее он напоминает участие восточных волохов (блакуменов) в борьбе против Ярослава Мудрого в сюжете «Саги об Эйдмунде»

IV.3. Где Андроник Комнин «попался в сети ловцов»

Для решения вопроса о времени наиболее ранней фиксации волохов в Карпато-Днестровских землях теперь обратимся к византийским источникам. Анна Комнина сообщает о вторжении на территорию Византии печенежского хана Челгу, который вел «*смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов, вождем которых был Соломон»* (Анна Комнина 1996: 203) (в другом переводе*: «...савроматов, скифов и из дакийского ополчения...»* – Анна Комнина 1859: 331). Достаточно сложный для исследования фрагмент. Точная дата похода неясна. Годы правления венгерского короля Соломона – 1063-1074, о походе Соломона на «*греческого царя»* в хронике Бернольда сообщается под 1087 г. (Анна Комнина 1996: 530-531). Известно, что в архаизированной византийской этнонимии даками было принято называть население левобережья Дуная. Мнения о том, кто скрывается под даками этого эпизода сочинения Анны Комниной, разделились. Одни исследователи видят в них венгров, другие – валахов. И та, и другая мотивировка небесспорны (Успенский 1879: 97-99). Поэтому данное сообщение нельзя признать достоверным известием о валахах к северу от Дуная в конце XI в. Но именно византийские сочинения дают нам наиболее достоверные сведения о волохах в XII в. к северу от Дуная. Это сведения Иоанна Киннама и Никиты Хониата.

В сочинении Иоанна Киннама «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180)» есть эпизод, в котором рассказывается о замыслах похода императора Мануила против венгров в 1166 г. Одно войско он отправил к берегу Дуная, которое *«теперь должно было показать вид Гуннам (*венграм – Р.Р.*), что хочет напасть на них опять из прежних, обыкновенных военных пунктов»*. Но главный и неожиданный удар должно было нанести другое войско. *«С этой целью он приказал Льву, по прозвищу Ватац, зайти с другой стороны и ведя другое, тоже значительное войско, вместе с дружиною Валахов, которые почитали себя древнейшими выходцами из Италии, вторгнуться в землю Гуннов из мест лежащих у так называемого Евксинского понта, откуда никто никогда, с первых веков, не нападал на них».* (Киннам Иоанн 1859: 288) Замысел Мануила полностью удался.

Мнения исследователей по поводу того, с какого берега Дуная – левого или правого – была набрана валашская дружина Льва Ватаца, разошлись. По византийским источникам известно об обязательной службе влахов империи, то есть живущих к югу от Дуная, в ее армии и участие в многочисленных войнах, которые империя вела. Но в составе войск Мануила, воевавших с венграми, влахи упомянуты лишь один раз в походе на левый берег Дуная (Литаврин 1972: 102). На некоторых исследователей, видимо, повлияло известие о влахах в связи с бегством Андроника Комнина в сочинении Никиты Хониата, которое случилось всего на два года раньше похода Ватаца (оно будет рассмотрено ниже). Именно этим мы объясняем интересное мнение Г.Г. Литаврина. Он, так же как и многие другие авторы, видит во влахах Ватаца не жителей дунайского левобережья, привлеченных к походу византийцев, а влахов – жителей империи, т.е. живущих к югу от Дуная. Но причины привлечения влахов он видит в следующем: «Мануил сосредоточил влашские контингенты для похода Ватаца с той целью, чтобы его воины, имея языковой контакт с местным населением на левом берегу Дуная, в районах, мало знакомых византийцам, легче и успешнее справились с поставленной перед ними задачей». (Литаврин 1972: 101-102). Другими словами, правобережные византийские влахи были привлечены в войско для того, чтобы наладить контакт со своими левобережными соплеменниками.

При решении вопроса, было ли в XII в. валашское население на левом берегу Дуная, наиболее жаркие дискуссии возникают в основном при интерпретации ключевого момента из «Истории» Никиты Хониата, к которому мы и обратимся. Речь идет об отрывке, в котором рассказывается о бегстве в 1164 г. из константинопольского заточения двоюродного брата византийского императора Мануила Комнина – Андроника Комнина, впоследствии

также ставшего императором. Андроник – сильная и авантюрная личность в византийской истории. Это был не единственный случай, когда ему приходилось убегать от своего «царствующего брата». Обстоятельства этого побега нас интересуют особо, поскольку Андроник убегал в Галицкую Русь и на своем пути повстречал влахов.

Рассмотрим этот отрывок. Итак, из Константинополя Андроник бежит в Меливот и далее: *«Достигши Меливота, он ... бежит прямо в Анхиал* (недалеко от соврем. Бургаса – Р.Р.)... *По прибытии сюда, открывается Пупаки* (его сообщник – Р.Р.)... *и, получив от него съестные припасы на дорогу и проводников, отправляется в Галицу. Но когда Андроник считал уже себя вне опасности, так как уже скрылся от преследователей и достиг пределов Галицы, куда стремился, как в спасительное убежище, тогда-то именно он и попадается в сети ловцов. Влахи, предупрежденные молвою о его бегстве, схватили его и опять повели назад к царю...»* (Хониат Никита 1860: I, 165-166). Далее рассказывается, как по пути Андроник обманул своих сторожей и бежал от них. Следует фраза: «...*Но он* (Андроник – Р.Р.) *обратился назад и другим путем направился в Галицу...*» (Хониат Никита 1860: I, 167).

Нас, конечно же, интересует центральный вопрос: на каком берегу – левом или правом – был схвачен Андроник влахами. Мнения ученых по этому поводу давно разделились. Думается, что сама фраза Хониата, что Андроник *«достиг пределов»* Галиции, не может не свидетельствовать о том, что поимка беглеца произошла уже на левом, северном берегу Дуная. Поэтому я присоединяюсь к тем исследователям, которые считают, что речь идет о левом береге Дуная. Полагаю, что прав Г.Г. Литаврин, когда говорит, что суть вопроса заключается в другом – в определении, кто были эти влахи: «сторожевые воины империи, посланные на левый берег, представители ли власти местных вассальных империи топархов или попросту влашские жители, населявшие районы по левому берегу Дуная и схватившие Андроника в надежде на щедрую награду за его поимку (весть об обещанной награде действительно достигла их еще до появления самого беглеца)?» (Литаврин 1972: 103).

Те исследователи, которые полагают, что беглеца схватили на правом южном берегу, мотивируют свое мнение тем, что граница между империей и Галицким княжеством проходила по Дунаю и что на левом берегу уже никто не смог бы арестовать Андроника. Эти исследователи видят во влахах Хониата жителей области Болгарии. Нетрудно заметить, что эти авторы исходят из посылки, которая сама нуждается в доказательствах, но проходила ли в 1164 г. южная граница Галицкого княжества по Дунаю?

Сами византийские памятники, например, сообщение Киннама о походе Мануила против половцев в 1148 г., говорят о том, что владения Галицкого княжества не доходили на юге до Дуная (Киннам 1859: 102). Мануил преследовал половцев на левом берегу реки в течение половины дня, преодолел несколько рек, добрался до «горы» и лишь затем оказался в соседстве «тавроскифских пределов» (Киннам 1859: 102). Русские источники, за исключением «Слова о полку Игореве», не дают никаких оснований полагать, что южной границей Галицкой земли был Дунай (Котляр 1985: 98-109). За несколько лет до бегства Андроника на нижнем Дунае буйствовал враг галицкого князя знаменитый князь-скиталец Иван Берладник.

Думается, что мнение некоторых историков о локализации влахов, схвативших Андроника, на византийском правобережье Дуная продиктовано откровенным желанием «не замечать» влахов на его левом берегу. Чтобы не быть голословным, приведу пример. В.П. Шушарин пишет: «...Заблуждение Андроника относительно того, что он “достиг пределов Галицы”, нельзя принимать за свидетельство о том, что он был схвачен на территории Галицкого княжества, которая, безусловно, располагалась севернее Дуная. Это обстоятельство не позволяет локализовать места обитания влахов, схвативших Андроника, севернее Дуная» (Шушарин 1972: 174-175). Судя по контексту сообщения, это заблуждение (если бы оно имело место) нужно было бы скорее приписать самому Никите Хониату, чем Андронику, но это в принципе и не важно. А могло ли быть вообще заблуждение у Андроника относительно того, что он достиг «*пределов Галицы*»? Да, наверное, могло, но только уже на левом берегу Дуная, где он, возможно, мог слабо ориентироваться, и это было бы естественно. Но пока Андроник не достиг Дуная (северной границы империи), а перепутать его он не мог ни с какой другой водной преградой, лежащей на его пути к Дунаю (чтобы убедиться в этом – достаточно взглянуть на карту), заблуждения в отношении «*пределов Галицы*» у него возникнуть не могло. Но ведь, по В.П. Шушарину, влахи схватили Андроника на правом, византийском берегу. К тому же Никита Хониат не дает оснований для вывода, что Андроник был схвачен на территории Галицкого княжества, речь идет о «пределах», то есть о границе. Этот вывод делает сам В.П. Шушарин, поскольку пишет, что территория Галицкого княжества располагалась севернее Дуная. Однако, может быть, исследователь подразумевает, что эта граница не проходит непосредственно по Дунаю, а располагается еще севернее? Но такому пониманию мешает следующая фраза о том, что «это обстоятельство не позволяет локализовать места обитания влахов, схвативших Андроника, севернее Дуная». Значит, при анализе данного фрагмента «Истории» Никиты Хониата В.П. Шушарин

высказывает мнение о том, что южная граница Галицкого княжества проходила непосредственно по Дунаю. Что ж, это его право так считать, и никто это его право оспорить не может... Кроме него самого.

Парадоксально, но в этой же самой статье, где В.П. Шушариным анализировался упомянутый фрагмент из сочинения Никиты Хониата, исследователь неоднократно касался вопроса о южной границе Галицкого княжества. Он подчеркивал, что на юге Галицкая земля граничила с Куманией, Карпато-Днестровские земли в Галицкое княжество не входили, южная граница Галицкого княжества, как и указывали русские летописцы, проходила по верховьям Прута и реке Ушице, южнее которой располагалась уже Кумания, протянувшаяся на юг до Дуная и т.д. Река Олт и южные Карпаты служили границей между владениями Венгрии и Кумании. (Шушарин 1972: 169-171). Комментарии, как говорится, излишни.

Есть еще одно сообщение Никиты Хониата, свидетельствующее о волошском населении на левом берегу Дуная. Он сообщает о том, что в 1199 г. половцы *«вместе с отрядом влахов переправившись через Истр»*, оказались на Балканах и приняли участие в борьбе Иоанницы (Калояна) против византийцев (Литаврин 1972: 104). Тот факт, что Никита Хониат иногда называет влахами все население Второго Болгарского царства, а не только влахов, в данном случае не может ставить под сомнение участие в этом событии именно влахов, поскольку, как справедливо заметил Г.Г. Литаврин, какие же это болгары, отряд которых мог прийти с левого берега реки? (Литаврин 1972: 104). Влахи, если они населяли уже в это время левый берег Дуная, естественно, могли прийти на помощь своим соплеменникам на Балканах, принимавшим самое активное участие в восстании и борьбе Ассенидов против империи (Успенский 1879: 88-108).

Таким образом, комментируемые отрывки из сочинений Иоанна Киннама и Никиты Хониата свидетельствуют, на наш взгляд, о пребывании волохов на левобережье Дуная не позднее, чем с середины XII в. Вопроса о том, были ли эти волохи недавними переселенцами с правого византийского берега Дуная или потомками волохов, которые находились в Трансильвании и Паннонии к моменту прихода венгров, мы коснемся позже. Попробуем выяснить, находились ли волохи в рассматриваемое время (вторая половина XII в.) уже непосредственно в Карпато-Днестровских землях.

Сообщение Никиты Хониата о переходе влахов в 1199 г. вместе с половцами через Дунай делает предположительным мнение, что эти влахи были с территории, расположенной не западнее реки Олт, поскольку последняя была более или менее постоянной западной границей половецких кочевий (Шушарин 1972: 171). Мнение это может быть лишь предположительным, поскольку нельзя исключить и валахов, проживавших и на территорий венгерских владений. В любом случае, это сообщение ни в коей мере не может указывать на влахов из Карпато-Поднестровья, чего нельзя сказать о влахах сообщения о бегстве Андроника.

Поскольку Андроника связывали очень теплые, дружеские отношения с галицким князем (Хониат 1860: 167), он не стал бы бежать в Галицкую землю кружным путем, через территорию враждебного галичанам Венгерского королевства, вероятнее бы, предпочел путь восточнее венгерских владений, а именно через Карпато-Днестровские земли. Трудно сказать (учитывая возможность отмеченного В.П. Шушариным «заблуждения» Андроника), насколько далеко на север ушел беглец. Видимо, недалеко, поскольку *«молва о его бегстве»* вряд ли преодолела бы очень большое расстояние на чужом, уже не византийском берегу. Поэтому мы можем предположить, что влахи задержали Андроника в районе, близком к востоку Валахии и югу Запрутской Молдовы. Другими словами, вероятность того, что влахи присутствуют в середине XII в. на юге Запрутской Молдовы, достаточно велика.

Если Г.Г. Литаврин прав в объяснении причин использования валашской дружины Львом Ватацом («контакт» валахов Ватаца с валахами Дунайского левобережья), то из контекста сообщения Киннама следует, что «контактеры» должны были проживать где-нибудь на востоке Мунтении и юге Запрутской Молдовы. Правда, при этом нельзя исключить, что «валахи Ватаца» с этой же целью могли понадобиться уже в Трансильвании.

Таким образом, византийские источники предоставляют нам возможность полагать, что во второй половине XII в. волохи могли пребывать на юге Запрутской Молдовы. Это положение может подкрепляться данными венгерских и папских документов о волошском населении в предгорьях и отрогах Восточных Карпат в Запрутской Молдове уже в первой половине XIII в.

IV.4. Walathi папской грамоты 1234 года

Первым достоверным сообщением о волохах на западе Карпато-Днестровских земель – между отрогами Восточных Карпат и рекой Сиретом – является упоминание о них в документе 1234 г. Еще ранее, с 1222 г. в венгерских и папских грамотах упоминаются волохи в Трансильвании (История Венгрии 1971: I, 144). Грамота 1223 г. позволяет считать волохов в Трансильвании уже сравнительно давними поселенцами (Успенский 1879: 100).

Документ от 14 ноября 1234 г. – это послание папы Григория IX младшему венгерскому

королю Беле, будущему королю Венгрии (1235-1270). Контекст этого документа не будет ясен, если не рассматривать его в связи с политической ситуацией в Восточном Прикарпатье в первой половине XIII в.

Фактически до конца XII в. Восточные Карпаты были «естественной» политической границей Венгерского королевства на юго-востоке, отделяя Трансильванское воеводство от территории политического господства куманов. К концу XII в. резко возрастает активность куманов в области нижнего Дуная. Активизируется и политика венгерских королей и римских пап в этом регионе. С 1211 по 1225 г. в Юго-Восточной Трансильвании, в т.н. «земле Бырсы», по приглашению короля и с согласия папы размещался Тевтонский орден, основной задачей которого было противостояние половцам и «освоение» (*«вырывание этих земель из рук язычников»*) новых территорий на юг и юго-восток от Трансильвании. Когда активность половцев заметно упала, король силой изгнал в 1225 г. тевтонских рыцарей, а его войска заняли завоеванные Орденом территории – к югу от Карпат по реке Олт до Дуная, а к востоку до реки Сирет (Параска 1975: 36-41; 1981: 16-17; Шушарин 1978: 40-41).

Одним из главных направлений политики пап и венгерских королей было стремление включить в лоно своего влияния половцев, кочевья которых располагались в Южном и Юго-Восточном Прикарпатье. Главным инструментом для этого служила их христианизация. С этой целью на территории Восточного Прикарпатья в 1227/1228 г., по мнению П.Ф. Параски и И.О. Князького, или даже ранее 20-х гг. XIII в., по мнению В.П. Шушарина, была основана Половецкая епископия (Параска 1981: 18; Князький 1980: 244-248; Шушарин 1978: 47) [1].

Первые же акции по массовому крещению половцев «внешних», т.е. половцев придунайской Кумании, были предприняты после 1226 г. в связи с приходом на запад половцев, более «покладистых» после их поражения от монголов в битве на Калке в 1223 г. (Шушарин 1978: 47). Крещение половцев, даже в пределах Половецкой епископии, не привело к их оседлости, к чему стремились и папская курия, и король с целью взимания с них десятин, налогов и прочих доходов. Значительные незаселенные оседлым населением территории имелись в Трансильвании. С целью получения постоянных доходов с неосвоенных земель и удержания половцев в повиновении папская и королевская власть стали поощрять переселение в Трансильванию и соседнее Восточное Прикарпатье оседлого населения с территории Венгерского королевства и из других католических областей Европы (История Венгрии 1971: 144).

Первым свидетельством о ходе и первых результатах заселения и является указанный документ 1234 г. – послание папы Григория IX венгерскому королю Беле IV. Приведем из него те фрагменты, которые могут нас заинтересовать в контексте истории волохов: *«...В епископии половцев, как мы узнали, проживают некие люди, называемые Walati, которые, хотя их и считают христианами, имея при одной вере различные обряды и обычаи, совершают такое, что враждебно этому имени. Ибо презирая римскую церковь, они воспринимают все церковные таинства не от почитаемого брата нашего... епископа половцев, который является главой данного диоцеза, а от неких псевдоепископов, придерживающихся обрядов греков, и некоторые люди из королевства Венгрии, как венгры, так и немцы и другие католики* (П.Ф. Параска вместо слова «католики» переводит словом «правоверные» – Параска 1981: 19) *вместе с ними сами переходят к тем же самым людям для проживания и таким образом вместе с ними, поскольку они образуют одну паству с теми же Walathi, считая это маловажным, воспринимают указанные таинства к огромному позору для католиков и к немалому ограничению христианской веры».*

Далее папа сообщал, что он отдал письменное распоряжение епископу половцев назначить в качестве его викария католического епископа для этой этнической общности (illi nationi). Он напоминал младшему королю Беле, что тот обещал *«принудить указанных Walathi принять этого епископа... и выделить ему из доходов, которые ты с них получаешь, достаточный и приличный доход»* (Шушарин 1978: 49).

Среди исследователей не возникло разногласий по поводу отождествления Walathi с волохами, хотя в более ранних венгерских грамотах 20-х гг. влахи обозначались как «Blaci», «Blacci», «Blachi» (Шушарин 1978: 51). В.П. Шушарин полагает, что документ 1234 г. говорит и о стихийной, и о целенаправленной, поощряемой королевской властью, колонизации Восточного Прикарпатья всеми тремя указанными этническими общностями – венграми, немцами и волохами. При этом он считает, что грамота позволяет говорить о «двух категориях старовосточнороманского населения: одна группа до 1234 г. уже проживала в пределах епископии, а другая приходила из королевства вместе с венграми и немцами» (Шушарин 1978: 51). По В.П. Шушарину, и те волохи, которые уже

[1] И.О. Князький привел ряд убедительных аргументов в пользу того, что половецкая епископия, о существовании которой (возникшей ранее 20-х гг.) говорит В.П. Шушарин на основании документов 1217 и 1218 гг., находилась совершенно в другом месте. Это была епископия для так называемых «внутренних» половцев Венгерского королевства, она располагалась в центральных районах Венгрии между Дунаем и Тисой вблизи города Калочи (Князький 1980: 244-248).

проживали в указанном районе до 1234 г., также вместе с венграми и немцами (то есть в рамках этой же колонизации) «приходили с территории королевства». До этого «более ранние памятники локализуют здесь только печенегов и половцев». (Шушарин 1978: 50).

Высказанные В.П. Шушариным по поводу волохов суждения вызвали, на мой взгляд, справедливую в некоторых моментах критику П.Ф. Параски. Я согласен с последним, что документ не содержит даже намека на то, что упомянутые волохи прибыли с территории королевства (Параска 1981: 19). Сообщение о «греческом обряде» христианства действительно этому противоречит. Грамота 1234 г., по мнению П.Ф. Параски, указывает на то, что волохи были постоянными жителями Восточного Прикарпатья к моменту колонизации. В колонизации участвовали «*правоверные*», т.е. католики. Волохи в ней не участвовали. Сама колонизация, по мнению исследователя, происходила стихийно, а не была вызвана совокупностью мер королевской власти (Параска 1981: 19-20).

Споры П.Ф. Параски и В.П. Шушарина по различным вопросам истории Восточного Прикарпатья имеют давнюю традицию, начало которой восходит к публикациям еще начала 70-х гг. В пылу спора конкретно по поводу волохов грамоты 1234 г. исследователи, как мне кажется, недооценивают один важный момент. Папа Григорий IX, когда говорит *«как о венграх, так и немцах, и других католиках»*, действительно причисляет их к *«некоторым из королевства Венгрии»*. Волохи, если судить по документу, в их число не входят. А в отношении волохов папа говорит, что «*проживают*» они «*в епископии половцев*». То есть замечание о «греческом» обряде волохов папа мог отнести к волохам, проживающим на всей территории епископии, а не только к волохам Восточного Прикарпатья. Более того, он и мог иметь в виду только волохов, живущих в королевской, трансильванской части епископии. Тогда наличие волошского населения в Восточном Прикарпатье по данным грамоты 1234 г. формально вообще может быть поставлено под сомнение.

И В.П. Шушарин, и П.Ф. Параска отводят место для жительства православным волохам грамоты 1234 г. в Восточном Прикарпатье. В.П. Шушарин пишет: старовосточнороманская этническая общность, венгры и немцы, упоминаемые в грамоте 1234 г., проживали не в той части епископии, которая располагалась в королевстве, а вне его границ – в восточных предгорьях Карпат западнее р. Сирет. Сюда же они приходили с территории королевства» (Шушарин 1978: 50).

К сожалению, исследователь не аргументирует высказанное положение. Он никак не объясняет, каким образом православные волохи (а ведь В.П. Шушарин имеет в виду именно их), если они происходили с территории королевства (но не из юго-восточной Трансильвании, входившей составной частью в территорию Половецкой епископии), проживали до своего перехода на восток в более западных (более доступных в плане информации и королю, и папе) католических областях, оставаясь незамеченными ревностной по отношению к «*греческим псевдоепископам*» католической церковью. Оставим пока этот вопрос без ответа.

Определимся с границами Половецкой епископии. По свидетельству памятника, составленного около 1234 г., в это время в епископию половцев входила земля Бырса на юго-востоке Трансильвании с городом Кронштадтом (Брашов) (Шушарин 1978: 50; Параска 1981: 20-21). На основании документа – послания половецкого епископа Теодорика деканам секейских общин в 1228 г. историки полагают, что «земля секеев» (полностью или ее часть), расположенная в Трансильвании к северу и северо-востоку от земли Бырсы, вошла в состав половецкой епископии (Князький 1980: 249; 1988: 27; Параска 1981: 21).

Нас особенно интересуют восточные границы епископии. На 1234 г. данных нет, но есть известия современника Рогерия, что в 1241 г. восточные рубежи епископии проходили западнее реки Сирет (Параска 1981: 21). Южная граница Половецкой епископии определяется исследователями на основании известий о волохах в Южных Карпатах. Основной источник – послание папы Иннокентия IV венгерскому королю Беле IV в 1247 г., согласно которому волошское население проживало в западной части Южных Карпат между Северином и течением реки Олт южнее Хацега (Князький 1980: 28). Это сообщение 1247 г. и позволяет многим исследователям размещать волохов, упомянутых в грамоте 1234 г., в Южном Прикарпатье в районе реки Олт. (Сводка мнений по этому поводу – см. Князький 1980: 28-30).

Как мы видим, большая часть территории епископии на 1234 г. приходится на владения, которые располагались в королевстве, а именно в юго-восточной Трансильвании и в Южном Прикарпатье. Попробуем предположить вполне вероятную вещь, что папа Григорий имел в виду волохов, проживавших на всей территории епископии, а не только на территории Восточного Прикарпатья, как ему приписывают В.П. Шушарин и П.Ф. Параска. Посмотрим, какова историческая ситуация с волохами в Трансильвании.

В.П. Шушарин указывает на пять самых ранних достоверных известий о влахах в Трансильвании, приходящихся на первую половину XIII в., – две грамоты 1222 г., другие, соответственно, 1223, 1224, 1250 гг. Эти известия довольно четко локализуют влахов в Трансильвании, указывают на существование здесь «*земли влахов*» в районе Фэгэраша. Известен также «*лес влахов*

и печенегов» в горах Себена (История Венгрии 1971: I, 144-145). Указанные районы находятся в юго-восточной и южной Трансильвании, где и располагалась часть епископии, район Фэгэраша непосредственно соседствует с Брашовом, одним из предполагаемых мест резиденции половецкого епископа (Параска 1981: 21).

Итак, что мешает нашему предположению, что папа Григорий IX в грамоте 1234 г. мог иметь в виду влахов всей епископии, а не только Восточного Прикарпатья? Думается главным аргументом «против» может быть обозначение волохов юго-восточной Трансильвании в более ранних венгерских грамотах 20-х гг. такими терминами, как «Blaci», «Blacci», «Blachi» (Шушарин 1978: 51). Такими терминами обозначались в этот период влахи Балканского полуострова в европейской латинской литературе. Благодаря крестоносным хроникам и рыцарским романам они стали широко известными в Европе после взятия крестоносцами Константинополя и борьбы влахов под руководством Иоанницы с «божьими воинами».

Грамоты 20-х гг. впервые упоминают влахов на территории Венгерского королевства, и можно предположить, что влахи, упоминаемые в них, были сравнительно недавними пришельцами. Естественно, что королевская канцелярия в этих первых грамотах – официальных документах – называет их книжным традиционным термином, давно известным в Европе. В.П. Шушарин указывает на употребление этнонимов «Blaci», «Blacci», «Blachi» только в ранних грамотах 1222-1224 гг. (Шушарин 1978: 51). Название Walathi (Walati), употребляемое папой в письме, по звучанию близко к «живому» этнониму – валахи. Видимо, информант папы о волохах непосредственно с ними общался.

Судя по тексту послания 1234 г., папа Григорий IX и король Бела IV далеко не в первый раз обсуждали вопрос о Walathi. Папа уже успел отдать письменное распоряжение епископу половцев в отношении них, а король еще до письма папы не только знал об этом решении, но и обещался (вероятно, в письме к папе) заставить волохов принять назначенного им епископа и *«выделить ему из доходов, которые король с них получает»*. Однако в нашем распоряжении нет ни одного источника, указывающего на волохов именно в Восточном Прикарпатье в этот и предшествующий периоды, а есть упоминания о них только по отношению к трансильванской части епископии. Естественен вывод, что папа имел в виду волохов, уже упоминаемых книжным традиционным термином на территории епископии в официальных актах.

Территория епископии была королевским доменом. Поэтому не случайно именно Бела должен был выделить будущему новому епископу часть доходов, которые король лично получает с волохов. В.П. Шушарин указывает, что грамоты 20-х гг. говорят о феодально зависимом волошском населении в Трансильвании (Шушарин 1978: 51; История Венгрии 1971: 145). Указание на доходы короля, получаемые с волохов, заставляет предполагать, что речь идет, скорее, о феодально зависимом населении королевского домена в Трансильвании, а не о населении в пограничной с вольными куманскими кочевьями полосе. Не стоит забывать, что волохи вели в это время если не кочевой, то еще полукочевой образ жизни.

Осмелюсь предположить, что идея В.П. Шушарина и П.Ф. Параски «разместить» волохов грамоты 1234 г., а также венгров и немцев, переселяющихся из королевства, в Восточном Прикарпатье возникла под влиянием их ощущения, что остальная и основная часть епископии, располагающаяся в юго-восточной Трансильвании, была в полной мере освоена и колонистами, и королевской властью, и католической церковью. Данные письменных источников это опровергают.

Освоение королевской властью полупустынных областей в юго-восточной и восточной Трансильвании активно началось еще с 40-х гг. XII в., когда в районах между реками Мурешом, Олтом и Тырнавой Маре началось поселение госпитов из Фландрии, Люксембурга и Саксонии, которые позже все стали именоваться саксами (Голубовский 1889: 3; История Венгрии 1971: 144). Но в конце XII в. эти территории все еще представляются пустынными. В документе 1189 г., относящемся к переселенцам из Фландрии, вызванным венгерским королем Гёзой II, прямо говорится о предоставленной им пустыне Себиньской (Грот 1889: 46, 57; Батюшков 1892: 36). В начале XIII в., как уже указывалось, в этот район были переселены секеи (История Венгрии 1971: 144).

Однако в конце первого десятилетия XIII в. на юго-восточные провинции Венгрии стали совершать опустошительные набеги половцы. И, как следствие, документ, относящийся к 1211 г., характеризует землю Бырсы как «*пустынную и необитаемую*». В 1213 г. о ней говорится как о «*земле, залитой кровью*». Несмотря на приглашение в 1211 г. королем Тевтонского ордена «*в земли, которые более всех в охране границ нуждаются*», в 1223 г. земля Бырсы все еще «*из-за вторжения язычников... разоренной и пустынной остается*» (цит. по: Князький 1988: 25).

Надо полагать, что только провозглашение сюзеренитета Венгрии над Куманией в 1226 г. и образование Половецкой епископии в 1227/1228 г., когда полностью миновала половецкая опасность для этого района, способствовали тому, что в нем начались активные колонизационные процессы. Трудно представить, что понадобилось меньше десяти лет, чтобы колонизация освоила разоренные половцами зем-

ли юго-восточной Трансильвании и «перемахнула» через восточные Карпаты по направлению к Сирету. У нас и нет письменных источников, подтвердивших бы присутствие в первой половине XIII в. венгерско-немецкого населения в полосе между Карпатами и Сиретом. (П.Ф. Параска ссылается на археологические материалы, добытые «возле» городища Бытка-Доамней – Параска 1981: 23).

Посмотрим, насколько была «освоена» католической церковью и остальная территория епископии, и почему мы должны считать, что волохи, так возмутившие папу своим «*греческим обрядом*» и нежеланием «*воспринимать таинства от епископа половцев*», обращающие в свою веру приходящих из королевства католиков, должны непременно жить в Восточном Прикарпатье. Важен вопрос: какого обряда – православного или католического – придерживались волохи на остальной части епископии?

У нас нет прямых данных письменных источников по этому вопросу, но есть ряд известий, которые косвенно свидетельствуют и о православии епископских волохов, и об «*единой пастве*» с остальным населением, и, в конечном счете, о «слабости» католичества в восточных областях Трансильвании в этот период.

Когда создавалась епископия половцев, в состав ее территории вошла и «земля секеев». Секеи были недовольны этим обстоятельством, а еще более – наплывом половцев на земли епископии и огромными привилегиями, которыми их наделяла королевская власть с целью создания целого класса своих сторонников и усиления королевского войска. Половцы принимали католичество. Даже рядовые половцы были приравнены к венгерским дворянам – вассалам короля (Шушарин 1978: 48). На территории епископии шла напряженная, возможно, в некоторых случаях и с применением силы, борьба между половцами и прежними ее обитателями. Об этом нам дает возможность судить документ – послание половецкого епископа Теодорика деканам секейских общин в 1229 г.

Епископ обращается к вожакам секеев со словами: *«...Зачем противодействуете перемене названия и таким образом предстоите против епископии народов и народов ваших разумных и доблестных? Ведь в божьей церкви христовой волк и ягненок вместе пасутся! Почему же так не поступают секеи, половцы и волохи? Не оглядываются на лик божий!»* Епископ призывал прислушаться к словам апостола: *«нет* (перед богом – Р.Р.) *ни грека, ни иудея, ни варвара, ни скифа»* (цит. по: Князький 1980: 249).

На основании этого сообщения, а также сообщения грамоты 1234 г. в историографии давно уже поставлен вопрос о религиозной борьбе между католичеством и православием на территории епископии (Князький 1980: 250). Пред лицом пришельцев – новообращенных католиков – половцев, которых поддерживала католическая церковь, создавался единый антикатолический фронт, в том числе и из венгров и немцев, переходящих в православие. Внимание привлекает и следующее известие о том, что ишпан области Себен («*лес влахов и печенегов*» в горах Себена) в 1210 г. помогал болгарскому царю Борилу Асеню, *«присоединив к себе саксов, влахов, секеев и печенегов»* (цит. по: История Венгрии 1971: 145). В этом сообщении нужно подчеркнуть участие вместе с влахами секеев и саксов, подтверждающее слова папы в грамоте 1234 г. в том, что венгры и немцы переходят к волохам в «*одну паству*».

Причина обращения в православие колонистов-католиков, конечно, не только в ущемлении их прав половцами. Ее остроумно сформулировал П.Ф. Параска: «переселенцы довольно легко отказывались от католичества, стремясь не столько избавиться от своих грехов, сколько от церковных десятин» (Параска 1981: 20). О слабости католичества в половецкой епископии в 1234 г. говорит хотя бы такой факт, что даже у епископа не было церкви (Параска 1981: 19).

Косвенным свидетельством о распространении православия у трансильванских волохов, возможно, является известие грамоты 1223 г. В ней «подтверждался за монастырем св. Михаила прежний дар, состоявший в земле, отнятой у валахов» (Успенский 1879: 100). Из истории Балкан и Среднего Подунавья известно, что монастыри старались удержать волохов поблизости, экономически это было им очень выгодно. Папская власть делала все возможное, чтобы укрепить «материальную базу» католической церкви на землях епископии, увеличить там количество католического населения, неоднократно призывала ценой отпущения грехов основывать и строить церкви, города и села. При наличии пустых территорий странно выглядело бы отнимание земли у волохов, если бы они были католиками. В этом был смысл только в том случае, если бы волохи были православными.

В тесной связи с грамотой 1234 г. и волошской колонизацией Восточного Прикарпатья стоит вопрос о так называемой Милковской епископии. Поднятием такого вопроса историография обязана П.Ф. Параске. Ссылаясь на грамоту 1234 г., в которой папа сообщает, что он отдал распоряжение епископу половцев назначить католического епископа для волохов, исследователь выдвинул предположение о создании отдельной Милковской католической епископии для волохов (Параска 1981: 20-24).

Предположение, безусловно, интересное. Полагаю, что епископом половцев Теодориком, возможно, и были предприняты шаги к созданию специальной епископии для волохов. Но у

нас нет никаких данных о ее реальном существовании, а тем более для отождествления ее именно с Милковской епископией. Система доказательств П.Ф. Параски строится на том основании, что нельзя отождествлять епископию Половецкую и Милковскую, что это два разных объединения, созданных по соседству.

Мнение о синонимичности этих названий, обозначающих одну и ту же епископию под разными сменяющими друг друга названиями, восходит еще к историкам XVIII в., которые сделали такой вывод на основании документов XIII-XVI вв. В последующей историографии и по сегодняшний день Милков считается центром Половецкой епископии, получившей в документах официальное название «Милковской» после ее разрушения во время монгольского нашествия. Взгляды исследователей расходятся только непосредственно по поводу локализации Милкова (Князький 1988: 29; Пашуто 1968: 268-274).

Точка зрения П.Ф. Параски подверглась, на мой взгляд, справедливой, но недостаточно полной и аргументированной критике (Князький 1988: 29). Я бы хотел обратить внимание на следующее. Ссылки П.Ф. Параски на «разное время создания» епископий некорректны, поскольку рубежом, когда прекратила существование одна (Половецкая) и «вроде бы» начала деятельность другая (Милковская), является один и тот же небольшой достоверный отрезок времени – в 1241 г. В 1279 г., когда впервые упоминается название «Милковская» епископия, папа не был уверен, утвердился ли обычай иметь милковского епископа. По мнению П.Ф. Параски, такая неуверенность не могла относиться к главе епископии половцев, так как она давно существовала. Да, но в 1241 г. ее уже не было. (Если следовать логике П.Ф. Параски, что их было какое-то время две, то все равно надо признать, что они обе были разрушены монголами). А неуверенность пап по отношению к Милковской епископии чувствовалась и дальше: в 1332 г. папа упоминает о по-прежнему остающемся в руинах после монгольского нашествия 1241 г. центре Милковской епископии. Поскольку есть информация современника разрушения, что Половецкая епископия (другие не названы) была разрушена монголами в 1241 г., а затем на протяжении нескольких столетий сообщается о разрушении монголами одной и той же, остающейся в руинах Милковской епископии, то, видимо, можно поверить документам более позднего времени, что Милковская епископия – это просто другое, более позднее официальное название епископии Половецкой.

Смена названий, кстати, вполне объяснима. Мы уже говорили о том напряжении, какое вызывал наплыв половцев на земли епископии у местного населения. Во время монгольского нашествия и непосредственно перед ним произошло массовое переселение половцев во внутренние районы Венгрии (Голубовский 1889). Естественно, епископия была переименована. Вспомним (послание Теодорика в 1229 г.), какое недовольство вызывало у секеев только ее название.

Но на этом наиболее сильная сторона доказательств точки зрения П.Ф. Параски заканчивается. Он говорит о том, что территория Половецкой епископии была поделена на две части: для Половецкой им «была оставлена» область между Карпатами и Дунаем восточнее реки Олт и юго-восточная Трансильвания; для Милковской – Восточное Прикарпатье. (Письменные источники не содержат даже намека ни на подобное деление, ни на возможность одновременного функционирования Половецкой и Милковской епископий.). Согласно взглядам П.Ф. Параски, складывается впечатление, что и после монгольского разрушения Половецкая епископия, вернее, епископия под таким названием, продолжала функционировать. Исследователь сам же себе противоречит, поскольку приводит сведения документа 1518 г. о том, что в ареал власти милковского епископа наряду с югом Восточного Прикарпатья входила юго-восточная Трансильвания (Параска 1981: 21-22). Но и без этого противоречия было бы странно, что все варианты локализации Милкова располагают его в Половецком епископстве, а не на территории Милковского. Странно и то, что исследователь не замечает того факта, что Милковская епископия охватывала огромный район с полиэтничным населением. Соответственно, нет оснований считать, что она является «волошской»? Других нет, да и название у нее вполне нейтральное – неэтническое.

Где же проживало, по П.Ф. Параске, волошское население Милковской епископии? Он говорит о районе – Пятра-Нямц, Роман, Бакэу, Тротуш, «где и позже установлен факт совместного проживания волошского и венгерского населения» (Параска 1981: 20). Таким образом, по мнению этого автора, получается, что грамота 1234 г. «уже установила факт (?!!! – Р.Р.) совместного проживания» указанных народов в указанных районах. Комментарии излишни.

Факт назначения специального епископа для волохов на территории Половецкой епископии, безусловно, заслуживает внимания (особенно в свете затрагиваемого в 1 главе сюжета о христианстве и специальных епископиях волохов). Однако грамота 1234 г. не дает нам оснований даже полагать, что вновь назначенный епископ приступил к своим обязанностям. Королю Беле IV нужно было еще «*принудить принять*» волохам нового епископа и выделить ему, что не так уж легко для королей, «*приличный доход из своих собственных доходов, которые он с них получал*». Может быть, здесь и кроется одна из причин неудач нового епископа, раз у нас нет данных о его реальной деятельности. Интересы пап и венгерских королей

не всегда совпадали. В отличие от ситуации с христианизацией половцев, католизация волохов в том виде, в каком она предлагалась папой, грозила королю только убытками.

Нельзя не учитывать напряженную политическую и религиозную обстановку в юго-восточной Трансильвании накануне монгольского нашествия. Православие упомянутых в грамоте волохов поддерживалось крепко организованной церковной структурой – наличием не одного, а нескольких «псевдоепископов» (Князький 1980: 250). Исход борьбы католицизма и православия за души христиан в этом регионе неизвестен, свои коррективы в нее внесло нашествие монголов. Весьма любопытно, что в 1332 г., ссылаясь на судьбу, постигшую Милковскую епископию в связи с нашествием монголо-татар, и выражая намерение возродить ее, папа отмечал, что владения, имущество и права епископии были захвачены «*сильными тех мест*» (Параска 1981: 22). Возможно, возрождение католической Милковской епископии задерживалось вследствие по-прежнему сильных позиций в этом регионе православия, главным носителем которого были волохи.

Итак, на основании анализа данных грамоты 1234 г. мы можем сделать следующие выводы:

1. Сведения грамоты о волохах не дают веских оснований считать, что волошское население пребывало в Восточном Прикарпатье к 1234 г. Это можно **только предполагать**, причем исходя только из того, что восточный рубеж Половецкой епископии по данным на 1241 г. проходил западнее реки Сирет. Все вышеприведенные аргументы свидетельствуют в пользу того, что в грамоте шла речь о волохах, живущих в другой части епископии – в юго-восточной Трансильвании.

2. Данные о православии волохов, упомянутых в грамоте, а также привлечение других источников говорит о том, что волохи представляли собой довольно сильную в конфессиональном отношении группу, привлекавшую в православие католиков – колонистов на территории епископии.

3. Нет оснований считать, что Милковская епископия была специально созданной после 1234 г. «волошской» епископией, существовавшей параллельно с Половецкой, охватывающей только территорию Восточного Прикарпатья.

4. Православие указанных в грамоте волохов, а также именование в венгерских грамотах волохов «блаками», то есть терминами, которыми пользовались в Европе для обозначения балканских влахов, свидетельствуют о миграции указанных в этих грамотах волохов с правобережья Нижнего Дуная. Этому не противоречит и мнение некоторых исследователей о волошском населении в Южном Прикарпатье, возможно, в составе Половецкой (затем Милковской) епископии.

На последнем пункте я бы хотел остановиться особо. Г.Г. Литаврин пишет, что «византийские источники не дают возможности говорить о каких-либо значительных перемещениях или изменениях в плотности влашского населения на Балканах в XI-XII вв., как не оправдывают эти данные и теорию о передвижении в этот период влахов с Балкан за Дунай» (Литаврин 1972: 138). Не вдаваясь в аргументацию «балканской» или «синтезных» версий происхождения молдавского и валашского народов, можно признать, что данные грамоты 1234 г. свидетельствуют о перемещениях влашского населения с правобережья Дуная на его левый берег независимо от того, какую роль оно затем сыграло в окончательном сложении восточноромансских народностей.

Сведения о волохах в Карпато-Днестровских землях предоставляет интереснейший корпус источников – арабоязычные сочинения конца XIII – XIV вв. Но ни один из арабских авторов не сообщает о волохах в Карпато-Поднестровье ранее XIII в., хотя арабская историография, по крайней мере, не позднее X в. («валадж» Мутаххара ал-Макдиси) знает о волохах и указывает на их нахождение в других регионах (Коновалова 1991: 84-92; Бейлис 1969: 308-310).

* * *

Подведем итоги исследования в четвертой главе. Итак, мы рассмотрели на основании данных письменных источников вопрос о пребывании выступающего в письменных источниках под своим собственным именем волошского населения на территории Карпато-Днестровского региона. Эти данные свидетельствуют о том, что во второй половине XII – первой половине XIII вв. мы можем достаточно доказательно предполагать наличие волошского населения на юге Запрутской Молдовы и в Карпато-Сиретском пространстве. Но ни один из известных на сегодняшний день письменных памятников не позволяет утверждать о постоянном наличии в Карпато-Днестровских землях волошского населения раньше этого времени. Это не отвергает факта и более раннего пребывания волохов на территории, например, соседней Трансильвании (венгерские и древнерусские источники). В то же время некоторые спорные, т.н. «глухие» известия (о «тибиянцах» в польской средневековой литературе) или сообщение булгарской летописи Гази-Барадж позволяют выдвигать сугубо пока гипотетическое предположение о более раннем, чем XII столетие, времени появлении волошского населения на севере Карпато-Поднестровья, например, в районе Галича или эпизодическое пребывание волохов на юге этого региона еще раньше, во второй половине VII в., в связи событиями, предшествующими образованию Первого Болгарского царства.

Вместо заключения

Подвести черту всего исследования* хотелось бы высказыванием польского автора Хенрика Ягодзиньского: «Наука не отвечает на все вопросы, это верно; но зато помогает понять бессмысленность многих из них». Хочется верить, что после выхода данной работы, хотя бы часть исследователей, занимающихся проблемами этногенеза и ранней истории волохов, бросит «перетягивать одеяло» и обратит надлежащее внимание на малоизвестные и несправедливо обделенные заинтересованностью ученых факты исторической жизни волохов. Автор с благодарностью примет все критические конструктивные замечания по поводу высказанного в этой работе и с удовольствием примет участие в дискуссии, если подобная возникнет, поскольку в таком случае и посчитает цель своей работы достигнутой.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамян А. Г. 1962. Мовсес Хоренаци. Ереван.

Абрамян А. Г., Петросян Г. Б. 1970. Анания Ширакаци. Ереван, Издательство Ереванского университета.

Аверинцев С. С. 1991. Бесы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. I, М., «Советская Энциклопедия», с. 169-170.

Агеева Р. А. 1970. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., «Наука», с. 194-203.

Агеева Р. А. 1990. Страны и народы: происхождение названий. М., «Наука».

Айналов Д. В. 1909. О некоторых сериях миниатюр Радзивиловской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, СПб., т. 13, кн. 2.

Алешковский М. Х. 1971. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., «Наука».

Аничков Е. В. 1914. Язычество и Древняя Русь. СПб.

Аннинский С. А. 1940. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив, М., III, с. 71-95.

Антонов И. Г., Иванов В. А. 1999. Этнический состав населения Южного Урала в эпоху монгольского нашествия (по средневековым письменным источникам) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, Издательство «Самарский университет», с. 202-215.

Апокрифы 1997 – Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. 1997. М., «Наука».

Ардов М. 1994. Легендарная Ордынка // Новый мир, 4, с. 3-43.

Артамонов М. И. 1931. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. X, вып. 1, Л., 28 с.

Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л., Издательство Государственного Эрмитажа.

Атаманов М. Г. 1987. Расселение удмуртов по данным этнотопонимики // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, с. 80-103.

Аулих В. В. 1986. Галич // Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, «Наукова думка», с. 286-295.

Байбурин А. К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., «Наука».

Барсов Н. П., 1885. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2. Варшава.

Батюшков П. Н. 1892. Бессарабия. Историческое описание. СПб.

Бахши Иман 1993. Джагфар тарихы. Том I. Свод булгарских летописей 1680 год. Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное И. М. -К. Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург, Редакция вестника «Булгария».

Бейлис В. М. 1969. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара-ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., т. 2., с. 304-311.

Бейлис В. М. 1974. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3. М., «Наука» с. 72-89.

Белавин А. М. 1999. Этнические проблемы археологии Предуралья эпохи железа // Проблемы первобытной и средневековой археологии. ТД Первых Халиковских чтений 12-13 октября 1999 года. Казань, с. 64-66.

Белавин А. М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.

Беляев Л. А. 1997. Проблема христианского и языческого в погребальном обряде средневековой Москвы: семантические элементы надгробий XIII-XIV вв. // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., «Русский мир», с. 30-46.

Белова О. В. 1995. Бес // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. I, М., «Международные отношения», с. 164-166.

Бибиков М. В. 1983. Новое издание латинских и византийских источников // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 г. М., «Наука», с. 213-218.

Бибиков М. В. 1984. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., «Наука», с. 30-34.

Библейская энциклопедия. 1990. М., «Терра».

Боровский Я. М. 1982. Мифологический мир древних киевлян. Киев, «Наукова думка».

Браун Ф. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. СПб.

Булкин В. А., Мачинский Д. А. 1986. Русь конца VIII – начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар, с. 13-26.

Бырня П. П., Рафалович И. А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского между-

* Основные выводы работы содержатся в конце каждой из глав.

речья X-XII вв. и балкано-дунайская культура // Известия АН МССР, I, с. 65-75.
Бырня П. П., Рафалович И. А. 1983. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I-начале II тысячелетия н. э // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, «Штиинца», с. 79-98.
Васильевский В. 1872. Византия и печенеги (1048-1094) // ЖМНП, ч. CLXIV ноябрь, с. 116 – 165;декабрь, с. 243-332.
Велецкая Н. Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., «Наука».
Велецкая Н. Н. 1988. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М., «Наука», с. 206-211.
Великопольская хроника 1987 – «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв., 1987 (Перевод и комментарии). Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., Издательство Московского ун-та.
Вельмезова Е. В. 1999. «Кузнечные заговоры» и текст кузнеца в чешской фольклорной традиции // Славяноведение, No 6, с. 104-108.
Веселовский А. Н. 1900. Из истории древних германских и славянских передвижений // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. т. V. СПб., с. 1-35.
Византийская книга Эпарха. 1962. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., Издательство восточной литературы.
Виллардуэн, Жоффруа де. 1993. Завоевание Константинополя. Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М., «Наука».
Власова М., 1995. Новая Абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., «Северо-Запад».
Вовина О. П. 2002. Чувашская кириметь: традиции и символы в освоении сакрального пространства // Этнографическое обозрение, № 4, с. 39-65.
Воронин Н. Н. 1960. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в // Краеведческие записки, вып. 4, Ярославль.
Галицко-Волынская летопись 1981. Подготовка текста, перевод и комментарий О. П. Лихачевой // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., «Художественная литература», с. 236-425.
Галл Аноним 1961. Хроника и деяния князей или правителей польских. (Предисловие, перевод и примечания Л. М. Поповой). М., Издательство АН СССР.
Гальковский Н. М. 1916. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, Епархиальная типография.
Генинг В. Ф. 1970. Этнический процесс в первобытности (Опыт использования закономерности зарождения и раннего развития этноса). Свердловск.
Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. 1987. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».
Голубева Л. А. 1976. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА, No 2, с. 60-77.
Голубева Л. А. 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., «Наука», с. 67-80.
Голубева Л. А. 1988. Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. М., «Наука», с. 31-34.
Голубинский Е. Е. 1901. История русской церкви. Т. I. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома (часть 1). Издание 2, исправленное и дополненное. Москва, Университетская типография.
Голубовский П. В. 1889. Половцы в Венгрии. Исторический очерк // Известия Киевского Университета 1889 года, с. 1-28.
Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА СССР, No 94, М., «Наука».
Грацианская Н. Н. 1975. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М., «Наука».
Грацианская Н. Н., Королюк В. Д. 1976. Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., «Наука», с. 250-257.
Грот К. Я. 1889. Из истории Угрии и Славянства в XII веке (1141-1173). Варшава.
Даль В. И. 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. И-О. М., Госиздательство иностр. и нац. словарей.
Даль В. И. 1994. Пословицы русского народа. М.
Данилевский И. Н. 1999. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). Курс лекций. М., «Аспект Пресс».
Дашкевич Н. П. 1878. Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи // Труды Третьяго Археологическаго Съезда въ Россіи, бывшаго въ Кіеве въ августе 1874 года. Томъ второй, Кіевъ, с. 69-129.
Диакон Лев 1988. История. Перевод М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, М., «Наука».
Джаксон Т.Н. 1984. «Финны» в «Саге об Инглингах» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. М., «Наука», с. 56-61.
Джаксон Т. Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».
Джаксон Т. Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., «Ладомир».
Драгнев Д., Гонца Г. 1999. История средних веков. История румын. VI класс. Кишинэу, «Civitas».
Дубов И. В. 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., «Наука».
Дубов И. В. 1989. Великий Волжский путь. Л.
Дубов И. В., Седых В. Н. 1992. Новое исследование Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб., «Наука», с. 115-123.
Дубровина Л. А. 1989. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. Киев, «Наукова думка».
Епифан Премудрый. 1993. «Житие Стефана Пермского». Сыктывкар, Коми книжное издательство.
Иванов В.В., Топоров В.Н. 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1974. Исследования в области славянских древностей. М.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1976. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древней истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., «Наука», с. 109-128.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1979. К вопросу о происхождении этнонима «Валахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и сред-

ние века. М., «Наука», с. 61-85.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1995. Волх // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., «Эллис Лак», с. 108-110.
Извори 2001 – Извори за Българската история. XXXI. Латински извори за българската история. V. Унгарски латиноезични извори. Ч. I. Наративни извори. 2001, София, Академично издателство "Проф. Марин Дринов".
Иловайский Д. И. 1882. Разыскания о начале Руси. М., 2 изд.
Ильин Н. Н. 1957. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). М., Издательство Академии Наук СССР.
Иордан 1960. О происхождении и деяниях гетов. Getica. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., Издательство Восточной литературы.
История Венгрии. В трех томах. 1971. т. I, М., «Наука».
История Молдавской ССР. 1987. В 6 т., т. 1, Кишинев, «Картя Молдовеняскэ».
Казаков Е. П. 1999. К проблеме тюркизации Урало-Поволжья и Прикамья // Проблемы первобытной и средневековой археологии. ТД Первых Халиковских чтений 12-13 октября 1999 года. Казань, с. 59-61.
Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные// Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, с.181-193.
Казанский летописец 1954 – Казанская история. История о Казанском царстве или Казанский летописец. М. -Л., 1954, Издательство АН СССР.
Карамзин Н.М. 1989. История государства Российского . В 12 т. Т.1., М., «Наука».
Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. Сокращённый пер. В.П.Гайдука. М. «Прогресс».
Карпини Джиованни дель Плано, 1993. История Монгалов // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, «Гылым», с. 20-74.
Кекавмен. 1972. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. 1972. М., «Наука».
Килиевич С. Р., Орлов Р. С. 1985. Новое о ювелирном ремесле Киева X в // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, Наукова думка», с. 61-76.
Киннам Иоанн 1859. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180). Труд Иоанна Киннама. Пер. под редакцией проф. В. Н. Карпова. -Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной Академии. СПб.
Клари, Робер де. 1986. Завоевание Константинополя. Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М., «Наука».
Клейн Л. С. 1999. Норманизм-антинорманизм: конец дискуссии // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб. -Кишинев-Одесса, с. 91-101.
Клейн Л. С. 1999а. Функции археологической теории // Stratum Plus , No 3 «Скифский квадрат», СПб-Кишинев-Одесса, с.8-25.
Ключевский В. О. 1988. Древнерусские Жития святых как исторический источник. М., «Наука».
Ключевский В. О. 1993. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга Первая. М., «Мысль».
Кляшторный С. Г. 1964. Древнетюркские руничесские памятники как источник по истории Средней Азии. М., «Наука».
Князький И. О. 1980. О половецких епископиях // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев, «Штиинца», с. 244-251.
Князький И. О. 1983. Письменные источники о кочевниках в Днестровско-Карпатских землях XI-XII вв // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, «Штиинца, с. 5-23.
Князький И. О. 1988. Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII-первых десятилетиях XIII в // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, «Штиинца», с. 22-32.
Комнина Анна 1859. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). Перевод под редакцией проф. В. Н. Карпова. Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной Академии [кн. 2]. СПб.
Комнина Анна 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского, М.
Комнина Анна 1996. Алексиада (Перевод с греческого Я. Н. Любарского). Серия Византийская библиотека. СПб., «Алетейя».
Коновалова И. Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год. М., «Наука», с. 5- 115.
Константин Багрянородный 1991. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд. 2., М., «Наука».
Королюк В. Д. 1979. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., «Наука», с. 5-17.
Королюк В. Д. 1985. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., «Наука».
Котляр Н. Ф. 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, «Наукова думка».
Котляр Н. Ф., Смолий В. А. 1990. Святополк – «окаянный»? // Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. Киев, Наукова думка, с. 83-96.
Крачковский И. Ю. 1958. Избранные сочинения. М. ;Л., т. 4: Арабская географическая литература.
Крюков М.В. 1976. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы, No 6, с. 42-63.
Крюков М.В. 1986. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография, No 3.
Кузеев Р. Г. 1974. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., «Наука».
Кузьмин А. Г. 1988. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., «Молодая гвардия».
Кузьмин С. Л. 1998. О времени, характере и обстоятельствах славянского расселения на Северо-Западе // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., с. 8-15.
Кукушкина и др. 1994 – Кукушкина М.В., Белоброва

О.А., Анюсов А.А., Сергеева И.Н. Описание миниатюр Радзивиловской летописи // Радзивиловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. 1994. СПб., «Глаголъ», М., «Искусство», т. II., с. 304-397.

Кулаков В. И. 1987. Земля пруссов и «прусские земли» // Балто-славянские исследования, 1985, М., 1987, «Наука», с. 95-101.

Кулаков В. И. 1999. Балтийский вариант движения викинов // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб.-Кишинев-Одесса, с. 148-151.

Куник А., Розен В. 1878 – Известия ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Часть 1. (Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена). Приложение къ XXXII тому Записокъ Императорской Академии Наукъ. No 2, Санкт-Петербургъ, 1878.

Кызласов И. Л. 1999. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА, No 4, с. 99-108.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в., 1989. Составление, перевод, комментарий М. Б. Свердлова. М. -Л.

Лебедев Г. С. 1983. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., Издательство ЛГУ, с. 103-112.

Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л.

Лебедев С. Х., Атаманов М. Г. 1987. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, с. 112-150.

Левкиевская Е. Е. 1996. «Низшая мифология славян» – в Очерке 3 «Религиозные верования древних славян» // Очерки истории культуры славян. М., «Индрик», с. 175-195.

Левкиевская Е. Е. 1997. Славянская мифология: проблемы диалектного членения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., «Русский мир», с. 99-110.

Леонтьев А. Е. 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., «Геоэко».

Леонтьев А. Е. 1997. Ростов в X-XI вв // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 2. Славянский средневековый город. М., с. 210-217.

Литаврин Г. Г. 1972. Влахи византийских источников X-XIII вв // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, Штиинца, с. 91-138

Литаврин Г. Г. 1974. Как жили византийцы. М., «Наука».

Литаврин Г. Г. 1976. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., «Наука», с. 198-217

Ловмяньский Х. 1985. Русь и норманны. М., «Прогресс».

Львов А. С. 1975. Лексика «Повести временных лет». М., «Наука».

Львова З. А. 2001. Летопись Гази-Барадж Тарихы (1229-1246) и ее данные о древних булгарах // Археология восточноевропейской лесостепи. Выпуск 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, с.105-110.

Любавский М.К. 2000. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., «Лань».

Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР, 152, Л., «Наука».

Мавродин В. В. 1945. Образование Древнерусского государства. Л.

Макаров Н. А. 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., «Скрипторий».

Малингудис Ф. 1991. К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария // Византийский временник, 51, с. 86-91.

Марк К. Ю. 1987. Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, с. 37-48.

Матвеева Г. И. 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, с. 52-73.

Матузова В. И. 1979. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».

Мачинский Д. А. 1981. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Ленинград, Наука, с. 110-171.

Мачинский Д. А. 1981а. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., Наука, с. 31-52.

Мачинский Д. А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Ленинград, Наука, с. 3-29.

Мельникова Е. А. 1977. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».

Мельникова Е. А. 1978. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., «Наука», с. 289-295.

Мельникова Е.А. 1986. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».

Мильков В. В., Милькова С. В. 1997. Апокрифическое выражение мифологических воззрений // Древняя Русь: пересечение традиций. М., «Скрипторий», 203-249.

Минорский В. Ф. 1964. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., «Наука», с. 19-28.

Мифы народов мира 1991. Энциклопедия в двух томах. 2 изд., М., Советская Энциклопедия, т. 1. А-К.

Мохов Н. А. 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ».

Мохов Н. А., 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ».

Назаренко А. В. 1993. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».

Наумов Е. П. 1969. Новое издание «Летописи попа Дуклянина» (Пересмотр прежних представлений и гипотез) // СС, No 4, с. 105-108.

Наумов Е. П. 1978. Волошская проблема в современной югославской историографии. (Проблемы этнической и социальной истории средневековых влахов) // Славяно-волошские связи (сборник статей). Кишинев, «Штиинца», с. 199-217.

Наумов Е. П. 1981. Процессы формирования сред-

невековой сербской народности и балканские влахи в XII-XIII вв // Формирование раннефеодальных славянских народностей, М., «Наука», с. 186-203.

Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М., Издательство иностранной литературы.

Николаев С. Л., Страхов А. Б. 1987. К названию богагромовержца в индоевропейских языках // Балто-славянские исследования, 1985, М., 1987, «Наука», с. 149-163.

НПЛ 1950 – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. Под ред., предислов. А. Н. Насонова. М. -Л., Издательство АН СССР.

Ню-Лан 1983 – Ню-Лан // Большой китайско-русский словарь. т. II, М., «Наука», «Главная редакция восточной литературы».

Охманьский Е. 1987. Неизвестный автор «Описания земель» второй половины XIII в. и его сведения о балтах // Балто-славянские исследования, 1985, М., 1987, «Наука», с. 89-95.

Параска П. Ф. 1975. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, «Штиинца», с. 33-54.

Параска П. Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, «Штиинца».

Патканов К. П. 1877. Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб.

Патканов К. П. 1883. Изъ новаго списка Географіи, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения, 1883, март, с. 21-32.

Пашуто В. Т. 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., Издательство АН СССР.

Пашуто В. Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М. «Наука».

Петрухин В. Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск, «Русич»;«Гнозис».

Пигулевская Н. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М. -Л., Издательство АН СССР.

Писаренко Ю. Г. 1996. Велес-Волос в язичницькому світогляді Давньой Русі. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук., Київ.

Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., «Наука».

ПВЛ 1950 – Повесть временных лет, 1950. ч. I, II. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М. -Л., Издательство АН СССР.

ПВЛ 1996 – Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Издание второе исправленное и дополненное. 1996, СПб., «Наука».

Повесть 1860 – Повесть о водворении христианства в Ростове. Память праведного отца нашего Аврамия архимандрита Богоявленского Ростовского // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Том I, выпуск первый. Санкт-Петербург, 1860, с. 221-225.

Подобедова О. И. 1965. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М.

Полевой Л. Л. 1972. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. (Феодальная и буржуазная историография XVII – перв. пол. XX в.) // Юго-Восточная Европа в средние века, Кишинев, «Штиинца», с. 46-91.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. 1962. т. II. Ипатьевская летопись. М., Изд-во восточной литературы, 938 с. ; 1856. т. VII «Летопись по Воскресенскому списку», СПб, 345 с. ; 1965. т. IX «Патриаршая или Никоновская летопись», М., Наука, 256 с. ; 1994. т. 39 «Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского». М., Наука, 204 с. ; 1995. т. 41 «Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., Археографический центр, 167 с.

Поляк А. Н. 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., «Наука» с. 29-66.

Попов А. И. 1973. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., «Наука».

Попов А. И. 1981. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., «Наука».

Попович М. В. 1985. Мировоззрение древних славян. Киев, «Наукова думка».

Поршнев Б. Ф. 1966. Социальная психология и история. М., «Наука».

Продолжатель Феофана 1992. Жизнеописания византийских царей. Перевод, статья, комментарий Я. Н. Любарского, СПб, «Наука».

Прокопий из Кесарии 1950. Война с готами. Перевод с греческого С. П. Кондратьева. Вступительная статья З. В. Удальцовой. М., Издательство АН СССР.

Путешествия 1957 – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция. Вступительная статья и примечания Н. Л. Шастиной. М., Государственное издательство географической литературы.

Рабинович Р. А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб.

Рабинович Р. А. 1997а. «Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи») // Стратум: Структуры и Катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., «Нестор», с. 178-199.

Рабинович Р. А. 1999. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб. – Кишинев – Одесса, с. 357-378.

Рабинович Р. А. 1999а. Дирхемы в Молдове: культурно-исторический контекст // Stratum Plus, No 6 «Время денег», СПб. – Кишинев – Одесса, с. 263-275.

Радзивиловская 1994 – Радзивиловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. 1994 (1995), СПб, «Глаголъ»; М., «Искусство», Т. I. 251 лист факсим. ; Т. II 415 с.

Раннефеодальные государства 1985 - Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв., 1985. М., «Наука».

Рапов О. М. 1988. Русская церковь в IX-первой трети XII вв. Принятие христианства. М., «Высшая школа».

Раткош П. 1985. Великая Моравия - территория и общество // Великая Моравия и ее историческое

и культурное значение. М., «Наука», с. 81-95.
Рикман Э. А. 1976. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии (О древних источниках румынской народной культуры) // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., «Наука», с. 232-249.
Розенфельдт И. Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., «Наука».
Рубрук Гильом 1993. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, «Гылым», с. 76-173.
Руссев Н. Д. 1999. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum Plus, №5, СПб.-Кишинев-Одесса, с. 379-407.
Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М., «Наука».
Рыбаков Б. А. 1984. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., «Наука».
Рыбаков Б. А. 1987. Язычество Древней Руси. М., «Наука».
Рыбаков Б.А. 1994. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X-XIII веков // Радзивиловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. 1994, СПб, «Глаголъ»; М., «Искусство», Т. II, с. 281-301.
Рыдзевская Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М., «Наука».
Рябинин Е. А. 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., «Наука».
Рябинин Е. А. 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета.
Рябцева С. С. 1999. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле средневековья // Stratum Plus, No 3 «Скифский квадрат», СПб. -Кишинев-Одесса, с. 228-240.
Свод I, II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.), 1991, М., «Наука», 472 с. Т. II (VII-IX вв.), 1995, М., «Восточная литература», 590 с.
Седов В. В. 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. МИА СССР, No 184, М., «Наука».
Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР. М., «Наука».
Седов В. В. 1990. Прибалтийские финны // Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Выпуск I, Москва, с. 8-26, 34-35.
Седов В. В. 1990а. Древности Северо-Западной части Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э // Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Выпуск I, Москва, с. 26-33.
Седов В. В. 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., «Языки русской культуры».
Сентпетери Й. 1989. О позднеаварских и раннеболгарских связях // Проблеми на прабългарската история и култура. София, с. 117-123.
Сизов В. И. 1905. Миниатюры Кенигсбергской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, СПб., т. 10, кн. 1.
Славянская мифология 1995. Энциклопедический словарь. М., «Эллис Лак».
Славянские древности, 1995. Этнолингвистический словарь в пяти томах. М., «Международные отношения».
Славяне и скандинавы 1986 – Славяне и скандинавы. М., «Прогресс».
Словарь 1988-1989 – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). В 10 томах. М., «Русский язык».
Слово 1995 – Энциклопедия «Слова о полку Игореве», в 5 томах. 1995, СПб.
Срезневский И.И. 1989. Словарь Древнерусского языка. Репринтное издание. В 3 томах, 6 частях. М., «Книга».
Степи Евразии 1981 - Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР., 1981. М., «Наука».
Сьоке Б. 1989. О северной границе Первого Болгарского государства в IX веке // Проблеми на прабългарската история и култура. София, с. 105-116.
Татищев В. Н., 1963; 1964. История Российская. В 7 томах. М. -Л., Издательство АН СССР, т. 2;3.
Тепляшина Т. И. 1970. Этноним бесермяне // Этнонимы. М., «Наука», с. 177-188.
Творогов О. В. 1975. Древнерусские Хронографы. Л., «Наука».
Ткаченко О. Б. 1985. Мерянский язык. Киев, «Наукова думка».
Ткачук М. Е., 1991. Континуитет и стадиальность: Некоторые альтернативы идее этнокультурной непрерывности // Древности Юго-Запада СССР (I – середина II тысячелетия н.э.). Кишинев, «Штиинца», с. 3-22.
Ткачук М.Е. 1996. Археология свободы. Опыт критической теории. Кишинев, «Stratum».
Толстов С. П. 1948. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае (Из историко-этнографических комментариев к Нестору) // Советская этнография, No 2.
Толстой Н. И. 1996. «Язычество древних славян» – в Очерке 3 «Религиозные верования древних славян» // Очерки истории культуры славян. М., «Индрик», с. 145-160.
Топорков А. Л. 1993. Заговор из псалтири XV в // Тезисы докладов конференции «Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.
Топоров В. Н. 1987. Об одной готско-румынско-южнобалтийской параллели (мотив людей и скота под землей) // Балто-славянские исследования, 1985, М., 1987, «Наука», с. 163-168.
Топоров В. Н. 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. Том I. Первый век христианства на Руси. М., «Гнозис».
Топоров В. Н. 1996. «Боги древних славян» – в Очерке 3 «Религиозные верования древних славян» // Очерки истории культуры славян. М., «Индрик», с. 160-174.
Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. -Л.
Третьяков П. Н. 1970. У истоков древнерусской народности. МИА СССР, No 179, Л.
Трубачев О. Н. 1974. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ, No 6, с. 48-67.
Турилов А. А., Чернецов А. В. 1997. К характеристике народных верований восточных славян (по данным письменных источников) // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., «Русский мир», с. 99-110.
Успенский Б. А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая

Мирликийского). М., Издательство Московского университета.
Успенский Л. В. 1971. Слово о словах. Очерки о языке. Л., Детская литература».
Успенский Ф. 1879. Образование Второго Болгарского царства, Одесса.
Фаминцын А. С. 1995. Божества древних славян. СПб., «Алетейя».
Фасмер М. 1986-1987. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н.Трубачева. Издание второе. В четырех томах. М., «Прогресс».
Фасмер М. 1996. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Перевод О. Н. Трубачева. СПб., Издательство «Азбука», Издательский центр «Терра».
Фаттахов Р. М. 1982. О состоянии антропологического решения проблемы происхождения удмуртского народа // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, с. 72-80.
Федоров Г. Б. 1999. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб. -Кишинев-Одесса, с. 14-75.
Федоров Г. Б., Негруша В. М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., «Наука», с. 48-56.
Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. 1973. Археология Румынии. М., «Наука».
Федотов Г. Ф. 1990. Святые Древней Руси. Предисловие Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Комментарии С. С. Бычкова. М., «Московский рабочий».
Финно-угры и балты 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. 1987. М., «Наука».
Финно-угры 1999 – Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
Флоря Б. Н. 1981. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., «Наука», с. 97-130.
Фрейденберг М. М. 1979. Проблемы отгонного скотоводства в современной балканистике // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., «Наука», с. 204-216.
Фролов А. А. 1997. Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь: пересечение традиций. М., «Скрипторий», с. 283-309.
Фроянов И. Я. 1986. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., Наука, с. 30-49.
Хабургаев Г. А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М., МГУ.
Хониат Никита 1860. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Том I (1118-1185). Перевод под редакцией профессора В. И. Долоцкого. - Византийские историки. СПб.
Хынку И. Г., 1972. К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, «Штиинца», с. 159-175.
Хынку И.Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры // Древняя культура Молдавии. Кишинев, «Штиинца».
Чеботаренко Г. Ф. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев. М., «Наука», с. 86-105.
Чеботаренко Г. Ф. 1982. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. Кишинев, «Штиинца».
Чеботаренко Г. Ф. 1983. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдован. Кишинев, «Штиинца», с. 58-79
Черняк А. Б. 1991. Византийские свидетельства о романском (романизованном) населении Балкан V-VII вв // ВВ, 51, с. 132-141.
Чичуров И. С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., «Наука».
Шанский Н. М. 1968. Этимологический словарь русского языка. Вып. 3-В. М.
Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. 1971. Краткий этимологический словарь русского языка. М., «Просвещение».
Шафарик П. Й. 1848. Славянские древности. Т. I. Книги I и II; Т. II. Книги I, II и III. М. «Университетская типография».
Шахматов А. А., 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград.
Шушарин В. П. 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., Изд-во АН СССР, с. 131-180.
Шушарин В. П. 1965. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., «Наука», с. 420-452.
Шушарин В. П. 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья IX-XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, «Наукова думка», с. 166-179.
Шушарин В. П. 1978. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР, No 2, с. 38-53.
Щавелева Н. И. 1976. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники. 1976. М., «Наука», с. 54-66.
Щавелева Н. И. 1990. Польские латиноязычные средневековые источники. М., «Наука».
Щеглова О. А. 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», с. 287-312.
Щербак А. М. 1971. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // Советская тюркология, 1971, No 4, с. 76-82.
Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., «Фарн».
Щукин М. Б. 1997. Рождение славян // Стратум: Структуры и катастрофы. Сборник символической индо-

европейской истории. СПб., «Нестор», с. 110-148.
Щукин М. Б. 1999. Забытые бастарны. // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб. - Кишинев-Одесса, с. 75-90.
Эрдели И. 1967. Извлечения из хроники Венгерского Анонима // Вопросы археологии Урала. Вып. 7, с. 173-181.
Эрлих С. Е. 1997. Поклонение волхвам. (Опыт динамического структурализма) // Стратум: Структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., «Нестор», с. 148-177.
Эрлих С. Е. 1999. Россия колдунов-2 (Раскопки сакрального текста) // Stratum Plus, No 5 «Неславянское в славянском мире», СПб. – Кишинев – Одесса, с. 469-499.
Эрлих С. Е. 2002. Поклонение волхвам. (Опыт динамического структурализма) – в печати.
Юань Кэ. 1987. Мифы древнего Китая. М., «Наука», «Главная редакция восточной литературы», (отв. редактор и автор послесловия и комментариев Б. Л. Рифтин), Изд. 2.
Ярославское Поволжье 1963 – Ярославское Поволжье в X-XI вв. 1963, М.
Armbruster A. 1972. Romanitatea românilor. Istoria unei idei. Bucureşti.
Balan. T. 1928. Berladnicii. Cernăuţi.
Berciu D. 1975. Probleme privind formarea poporului romîn in lumina cercetărilor arheologice recente // Revista de istorie, t. 28, 8, p. 1155-1169.
Boldur A. V. 1968. The enigma of the Ulichy-Tivertsy people // Balkan studies, v. 9, Tessaloniki, 1.
Boldur A. V. 1974. Ţara Bîrlad, numele şi unele momente din istoria ei // Revista arhivelor, an LI, XXXVI, 3, p. 429-436.
Boldur A. V. 1975. Ţara «brodnicilor» intre lumina nouă // Revista arhivelor, an LII, XXXVII, 2, p. 191-197.
Boldur A. V. 1988. Teritoriul Moldovei faţă de principatele de Kiev şi Halici // Arh. Mold., Buc., Iaşi, XII, p. 225- 232.
Boldur A. V. 1992. Istoria Basarabiei. Vol. I. Epocile vechi (până la sec. XVII). Chişinău, 1937, p. 7-262; Vol. II. Sub dominaţiunea rusească (1812-1918). Chişinău, 1940, p. 265-410.
Ciocâltan V. 1987. Informaţiile lui Guillaume de Rubruck despre români şi başkiri in lumina izvoarelor orientale // Români în istoria universală, 1987, II, Iaşi, Universitatea «Al. I. Cuza», p. 19-26.
Constantiniu F. 1997. O istorie sinceră a poporului Român. Bucureşti, Unuvers Enciclopedic.
DŁugossi Ioannis 1712 - DŁugossi Ioannis sev longin Historiae Polonicae. Tomus Secundus. Lipsiae. Anno MDCCXII, 1944 p.
Dvoichenko-Markov D. 1984. The Vlachs: The latin speaking population of Eastern Europe // Byzantion Revue Internationale des Etudes Byzantines. V. LIV (1984), 2, p. 508-526.
Iorga N. 1927-1928. Brodnicii şi romanii // Analele Academiei Române, Memorile secţiunii istorice, seria III, VIII, p. 147-174.
Istoria României 1960; 1962 - Istoria României, vol.I, Buc. 1960; vol.II, Buc. 1962.
Jung I. 1877. Römer und Romänen in der Donauländer. Insbruck.
Németh J. 1932. Die Inschriften des schatres von Nady-Szent-Miclos. II. Die ungarische Kerbschrift // Bibliotheca Orientalis Hungarica II. Budapest-Leipzig, p. 61-84.
Panaitescu P. P. 1969. Introducere la istoria culturii româneşti. Buc.
Papacostea S. 1993. Românii în secolul al XIII-lea intre cruciata şi imperiul Mongol. Bucureşti.
Popa-Lisseanu G., 1938. Brodnicii. Izvoarele istoriei românilor, ed. Popa-Lisseanu, XII, Bucureşti.
Postică Gh. 1994. Românii din Codrii Moldovei in evul mediu timpuriu. (Studiu arheologic pe bază ceramicii din aşezarea Hansca). Chişinău, Universitas.
Postică Gh. 1995. Civilizaţia veche românească din Moldova. Chişinău, «Ştiinţa».
Rosetti R. 1889. Statul berladean // Revista nouă, II, 11-12, p. 464-472.
Rosetti R. 1890. Brodnicii // Revista nouă, III, 1, p. 55-61.
Rössler R. 1871. Romänische Studien. Untersuchungen zur alteren Geschichte Romäniens. Leipzig.
Spinei V. 1986. Moldova in the 10th-14th Centuries. Bucureşti.
Spinei V. 1994. Moldova in secolele XI-XIV. Chişinău, Universitas.
Spinei V. 1999. Marele migraţii din estul şi sud-estul Europei in secolele IX-XIII. Iasi.
Ştefănescu-Drăgăneşti V. 1986. Romanian Continuity in Roman Dacia. Linguistic Evidence. Romanian Historical Studies. Miami Beach, Florida.
Tentiuc I., 1996. Populaţia din Moldova centrală in secolele XI-XIII. Ed. Helios.

АРХЕОЛОГИЯ ЗОДЧЕСТВА

И.О. Попов

КНЯЖЕСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ:
ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

I.O. Popov. Residences of Knyaz in pre-Mongol Russia: chronicles and archaeological reality.

Making a synthesis of written records, illustrations and archaeological evidence, the author of this article distinguishes five groups of features in the residential complex of Russian Knyaz in the pre-Mongol period.

The first group unites features of representative nature meant for Knyaz's ceremonies, receptions and feasts. A stone or wooden *terem* was an architectural dominant of a Knyaz's court and represented a tower-like building with golden tent-like top. Remains of monumental stone features were found in Chernigov, Polotsk, Grodno and Bogolyubov; wooden ones – in Novgorod, Staraya Ryazani, Vzhich and Lyubech. Knyaz *gridnitsa* represented a large (possible two-storey) building with a vast throne hall and many windows. It seems that all Kiev palates, as well as buildings in Peremyshl', Zvenigorod, Kholm are all stone *gridnitsas.* Traces of wooden *gridnitsas* were found in Novgorod, Lyubech and Belgorod. A porch – *seni* – was a large light unheated premise built on pillars. All the listed types of buildings had a typically rich interior and decorated with luxurious utensils.

The second group of buildings – dwelling proper of Knyaz's residence – "*khoromy",* which make a whole complex of buildings. *Khoromy* could comprise heated *izbas* (houses), cold *gornitsas-"povalushi"* (rooms), small sleeping rooms – "*lozhnitsas"*, poly-functional *"kleti"* (storeroom), baths – "*istopki*", luxurious "*polati"*, prisons –"*poruby"*.

The third group of buildings of Knyaz's court included household constructions (various storerooms, cellars, granaries).

The fourth group of buildings was of military and defence use; it seems that it was represented by buildings of tower-like type.

The fifth group of features in a Knyaz's residence included court temples.

Летопись — важнейший источник для изучения древнерусской истории. В теме настоящей статьи это особенно важно: малочисленность археологических материалов заставляет с большим вниманием относиться ко всем летописным известиям, связанным с постройками «княжьего двора». Основная цель данной работы — рассмотреть летописные упоминания, связываемые с княжескими резиденциями, и попытаться соотнести их с археологическими материалами, имеющимися на сегодняшний день. В качестве дополнительного материала привлечены некоторые миниатюры и иллюстрации, помня, конечно, о специфике подобного рода источников. При этом, предпринята попытка классифицировать постройки княжеского двора, учитывая специфику каждой из групп.

Начать рассмотрение стоит с **терема.**

Он впервые упомянут летописью под 945 г., в рассказе о мести княгини Ольги древлянам: «Над горою был теремной двор — был там каменный терем» (Лавр. лет.: 945 г.). Особо следует отметить, что этот «терем» — единственное каменное здание, упоминаемое летописью в языческой Руси. Откуда появились на Руси традиции каменного строительства до принятия христианства, сказать пока невозможно.

В этом же тереме сидит княгиня Ольга в ожидании древлянских послов, которых несут в ладье, чтобы сбросить в яму, выкопанную «на дворе теремном вне града». Видимо, именно этот терем изображен на миниатюре Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи (рис. 1). В том же тереме (по мнению М.К.Каргера) князь Владимир принимал Ярополка, которого тут же в дверях два варяга «подъяста мечьми под пазусе» (Лавр. лет.: 980 г.).

Что же представлял из себя этот «терем»? Сначала стоит остановиться на этимологии этого слова. М.К. Каргер в своей монографии, посвященной древнему Киеву (Каргер 1961), выделяет две основные точки зрения:

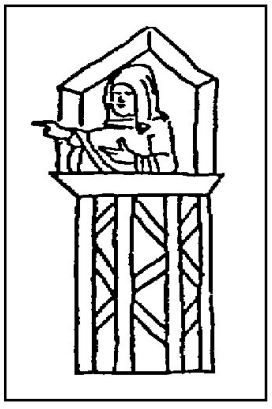


Рис. 1. «Терем княгини Ольги» (Радзивилловская летопись)

Рис. 2. «Терем» (Радзивилловская летопись)

© И.О.Попов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

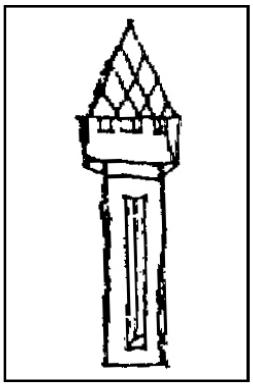


Рис. 3. «Терем» (Радзивилловская летопись)

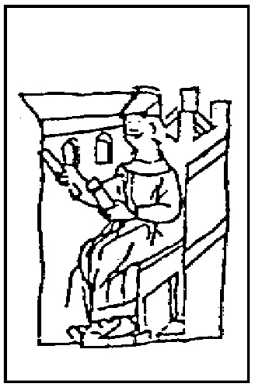


Рис. 4. «Терем» (Радзивилловская летопись)

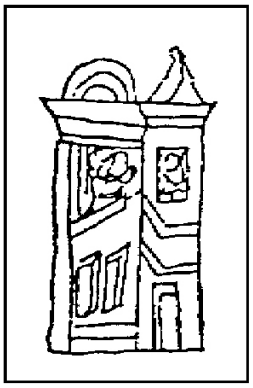


Рис. 5. «Терем» (Радзивилловская летопись)

Рис. 6. «Терем» (Радзивилловская летопись)

— «терем» — византийского происхождения (точка зрения Ф. Миклошича, Л. Нидерле) — от греческого teremnon;

— «терем» — общеславянского происхождения (точка зрения Г. Ильинского): общеславянская основа этого слова — болгарское *тръемъ,* сербское *трijем,* польское *trzem*, словенское *trem*, восходящие в своей основе к индоевропейскому корню tereb — «дом» (Ильинский 1909: 370-373).

Несколько особняком стоит мнение К.А.Иностранцева, который сближает славянский *терем* с распространенным на мусульманском Востоке *таримом* (легкая каркасная постройка тип балдахина), связующим звеном между которыми исследователь считает византийский τερεμνον (Иностранцев 1913: 37-38).

Если обратиться к миниатюре Кенигсбергской летописи, то можно сказать, что Ольга изображена сидящей в верхней части высокой башни с шатровым верхом (рис. 1). И.Д. Мансветов, изучая миниатюры тверской рукописи Георгия Амартола, пришел к выводу, что словом «терем» называлось помещение в верхнем этаже дома, устроенное в виде столпа или башни с шатровым верхом (Каргер 1961: 79). Однако, привлекая летописные миниатюры, следует отметить их особенность как исторического источника, показанную О.И.Подобедовой: миниатюры, иллюстрирующие ранние летописные тексты в соответствии с лаконичной погодной записью, воспроизводят ее содержание в наиболее краткой форме, прибегая к приему передачи общего через частное или целого через часть (Подобедова 1961: 8). Исследовательница даже выделяет особую группу изображений, касающихся именно архитектуры. «Мастер-миниатюрист стремится ввести конкретное историческое событие в определенное пространство, вводя действие в овал или многоугольник крепостных стен. Художник применяет ряд приемов, характерных для таких изображений: помещает на фасаде здания те предметы, которые должны находиться внутри; охватывает всех участников событий грандиозной палатой, дверные и оконные проемы которой превращаются в арки, описанные над и вокруг человеческих фигур; иногда позади толпы показывает заднюю стенку помещения или выносит вперед столпы, поддерживающие перекрытия» (Подобедова 1961: 22). Все изображения архитектуры делятся на три группы:

— реально наблюдаемые формы архитектурных сооружений;

— архитектурные формы, близкие эллинистической или византийской миниатюре;

— изображения, впитывающие в себя, помимо эллинистических и византийских, источники собственно русские — древнейшие лицевые жития и своды летописей (Подобедова 1961: 23).

Изучая миниатюры хроники Георгия Амартола и Радзивилловской летописи, О.И.Подобедова отметила, что довольно часто эти три группы взаимно сочетаются и разделить их крайне сложно. Как мы видим, миниатюры — очень специфический источник и делать на их основе собственно архитектурные реконструкции — крайне сложно. Исходя из этого, изображения летописей и хроник будут использоваться в качестве дополнительного материала при работе с более конкретными археологическими или летописными источниками.

Возвращаясь к реконструкции облика «терема», следует отметить, что исходя из контекста летописных сообщений, терем является доминирующей постройкой княжеского двора, т.к. сам двор называется «теремным». Ю.П.Спегальский считал, что терем представлял собой отдельное самостоятельное здание, связанное с другими хоромами князя переходами, причем он был единственной каменной постройкой на княжеском дворе (Спегальский 1972: 249).

Мнения о том, что терем был отдельным зданием придерживался и Н.В.Холостенко (Холостенко 1963: 15-16).

Необходимо помнить, что златоверхие терема - обычное место действия былин киевского цикла. Однако, как отмечал С.К.Шамбинаго, ис-

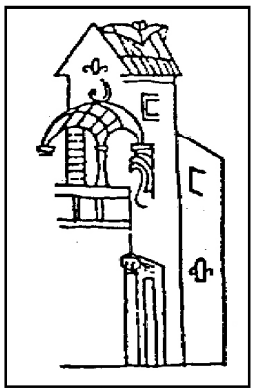


Рис. 7. «Терем» (Радзивилловская летопись)

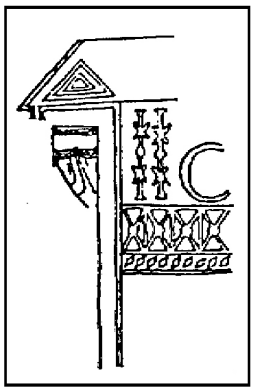


Рис. 8. Фреска Киевского Софийского собора.

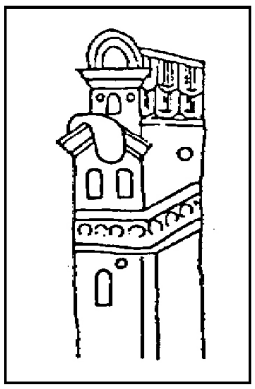


Рис. 9. «Терем» (Радзивилловская летопись)

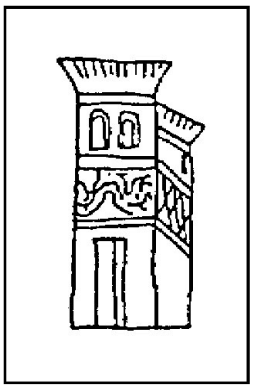


Рис. 10. Хроника Георгия Амартола

пользовать былинные описания для реконструкции архитектурного облика теремов практически невозможно, т.к. они отражают более поздний, московский этап строительства (Шамбинаго 1900: 129-149). По самому характеру фольклорного произведения, передаваемому из уст в уста, былины представляют собой сложный источник, в создании которого кроме автора первоначального текста, принимали участие и все последующие исполнители, жившие в разные эпохи на разных территориях. Каждый из них по-своему воспринимал как содержание былины в целом, так и художественные подробности, снабжая ее новыми, более близкими его времени деталями. Не только основной сюжет, но и многие детали первоначального текста сохранялись при этом с глубокой древности, но приукрашивались деталями, иногда совершенно чуждыми древнему тексту (Рабинович 1978: 76-80). И хотя Б.А. Рыбаков считает возможным выделять «древнейший» пласт в былинах, и даже делает на их основе разнообразные реконструкции (Рыбаков 1963: 4-180), источниковедческая база такого исследования довольно слабая, а сами реконструкции — крайне спорные[1]. Исходя из этого, имеет смысл привлекать былины, как и миниатюры, в качестве дополнительного, а не самостоятельного источника. В качестве примера путаницы и смешения терминов в былинах можно привести былину о боярине Ставре, где одно и то же помещение названо «гридней», «палатой белокаменной», «хоромами и «дворцом» (Липец 1969: 167). Однако факт «покрытия златом» теремов во всех былинах говорит о том, что терем являлся доминантой княжеской резиденции, возвышавшейся над остальными постройками. Исходя из того, что терем был каменным, многие исследователи (Ю.П.Спегальский, Н.В. Холостенко, П.А.Раппопорт и др.) считали, что он служил не для жилья, а только как нарядное помещение. И действительно, обеспечить в условиях древней Руси те же удобства в каменных помещениях, что и в деревянных, было практически невозможно (Раппопорт 1975: 115-116). В подтверждение монументальности терема говорит и сообщение «Слова о князьях» — произведения неизвестного автора XII-XIII вв., где говорится о смерти черниговского князя Давида Святославича (ум. в 1123 г.): «... единого расседеся верх теремця, и вси ужосошася, и взлете голубь бел, и седе ему на грудех: и князь душу испустил». Именно выражение «расседеся верх теремця» указывает, по мнению В.А.Богусевича и Н.В.Холостенко, на то, что терем был построен из камня (Богусевич, Холостенко 1952: 33).

О высоте терема и его доминирующем значении в ансамбле княжеской резиденции говорится в хронике Георгия Амартола, относящейся к XIII в.: «Обрете дом, яко терем высок» (Срезневский 1912: 952). Подтверждают башнеобразность терема и многочисленные изображения Радзивилловской летописи, хроники Георгия Амартола и некоторых других источников (рис. 9, 10). Это вполне согласуется с выводами, что терем был «златоверхий» — украшать позолотой навершие крыши имело смысл лишь у высокой постройки, видной издалека (Спегальский 1982: 251). Важнейшим доказательством этого служит найденная при раскопках в Новгороде модель из дерева, датирующаяся второй половиной XI в. (рис. 11а) (Колчин 1971: 29). На основании пазов между первыми и вторыми ярусами Ю.П.Спегальский предлагает реконструкцию, правда, довольно гипотетичную, где терем соединен переходами с другими частями ансамбля (рис.11б).

Завершение терема, скорее всего, было шатровым. Об этом говорит описание в «Путешествии Антония в Царьград» — «теремом великим» именуется купол храма (Иностранцев 1913: 36).

Вошедший в церковную архитектуру термин «терем» был перенесен и на лестничные башни — «столпы всходные» (Воронин 1961: 250). Уже в 1902 г. А.А.Потапов писал, что «... у многих древних церквей существовали ранее баш-

[1] Благодарю за консультацию к. фил. наук А.А.Панченко.

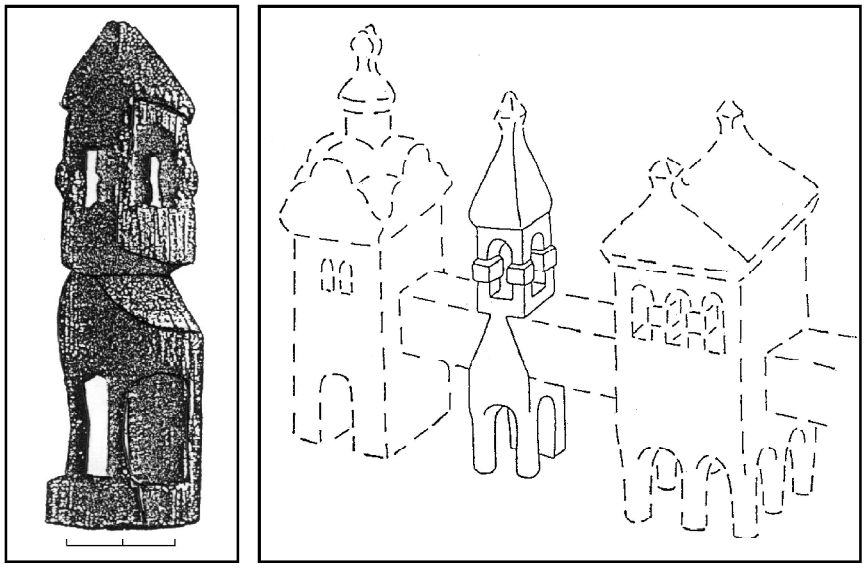


Рис. 11. «Терем» из раскопок в Новгородье и реконструкция «дворцового комплекса» Ю.П. Спегальского.

ни-терема, впоследствии отломанные» (Потапов 1902: 40-41). Таким образом сходство внешнего вида этих построек привело к некоторой путанице. Так, Н.Н.Воронин при анализе Боголюбовского ансамбля писал: «... изобразительный комментарий к описанным паломниками сооружениям типа теремцов-киворие в дают памятники древнерусской живописи и миниатюры» (Воронин 1961: 255). Здесь теремом называют киворий. Так они называются и в комментариях к миниатюрам славянской Хлудовской псалтири второй половины XIII в., изображающей шатровые киворий. Основанием к этому послужила, видимо, схожая архитектура этих зданий: они представляли из себя достаточно высокую башнеобразную постройку с шатровым верхом. Однако, если «терем» мог быть и деревянным, включенным в состав и боярских усадеб (Новгород, Рязань, Вщиж), то лестничная башня, пристроенная к храму, должна была быть только монументальной. В более позднее время, когда исчезла традиция сооружать «всходящие столпы» и вход на хоры стали сооружать в лестничной башне внутри самого храма, терем стал чисто гражданской постройкой. Хотя не исключен и вариант, когда в едином комплексе княжеской резиденции терем иногда являлся одновременно и лестничной башней (например, в Боголюбово), связующими звеньями между дворцом и дворцовым собором, и, таким образом совмещал функции собственно терема и лестничной башни. Еще позже, к XIV в., теремами начинают называть навесы для водосвятия, напрестольные сени и вообще многие висячие постройки в составе усадьбы.

Однако на X-XII вв., на основе дошедших до нас материалов, можно реконструировать терем, как высокую, башнеобразную (до трех этажей, по Н.В. Холостенко) постройку светского назначения, с купольным шатровым навершием, покрытым позолотой; это здание являлось доминантой княжеской резиденции и было соединено переходами с другими частями дворцового комплекса, Опираясь на это определение, можно выделить следующие археологические признаки терема: достаточно небольшое сооружение, состоящее из одной (или нескольких небольших) камер, прямоугольное или квадратное (круглое сооружение следует назвать башней или ротондой — Иоаннисян 1994: 100-148) с достаточно богатой отделкой, находящееся на территории княжеского двора. Причем эти терема могут быть и деревянными. На сегодняшний день можно назвать терема в следующих пунктах:

— монументальные: постройки в Чернигове, Смоленске, Полоцке, Гродно и Боголюбово;

— деревянные: в Новгороде, Старой Рязани, Вщиже, Любече.

Наиболее широкое распространение деревянные терема получили в Новгороде. Г.В.Борисевич, посвятивший им отдельные работы (Борисевич 1982: 269-295), показал, что уже в XI в. в Новгороде выработался специальный тип усадьбы с возвышающимся над остальными постройками теремом (рис. 12).

Как мы видим, здесь терем получил более широкое распространение, и он отнюдь не являлся привилегией князя. Это, по-видимому, связано как с особым развитием новгородского строительства, так и со спецификой его политического устройства — феодальная республика. Логично предположить, что княжеская резиденция на Рюриковом Городище по своей планировке мало чем отличается от богатых усадьб Новгорода, например, знаменитой усадьбы начала XII в., т.н. «хоромы феодала» (Засурцев 1967: 111-112).

Монументальные же терема были, видимо, обязательной принадлежностью лишь княжеских резиденций, да и то далеко не всегда. По своей структуре и топографии Полоцкий, Черниговский и Смоленский терема достаточно похожи. Лишь размерами, да и то не намного

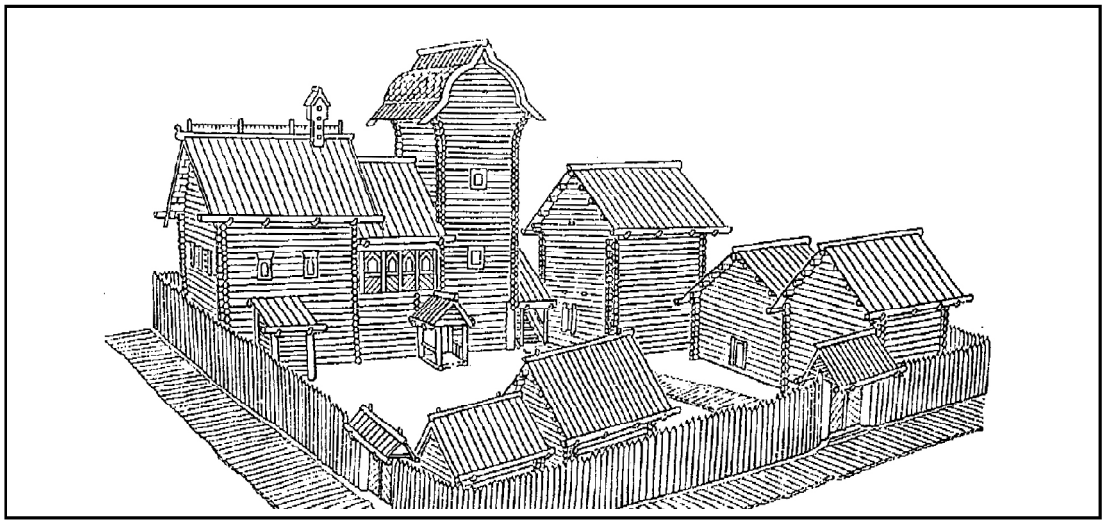


Рис. 12. Хоромы с «теремом» Олисея Гречина, конец XII века. (По Г.В.Борисевичу)

отличается от них Гродненский. Скорее всего, это обусловлено специфичностью терема — он должен был доминировать над остальным ансамблем. Его место в структуре дворцового комплекса тоже определено довольно точно — терем располагается в детинце, неподалеку от дворцовой церкви, стоит на краю берегового обрыва, соединен переходом с остальными частями ансамбля. Однако, следует признать, что все же определяющим в данном случае является не материал, из которого создан терем, а его функции и общий облик. В древней Руси терема были как каменные, так и деревянные, но чисто функционально они выполняли во многом одни и те же задачи.

Второй, не менее важный термин летописи, **гридница**.

В самом конце X в. гридница первый раз упоминается Летописью в рассказе о пирах князя Владимира: «... по всея неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и гридем, и съсцьским, десяцьким, и нарочитым мужем при князи и без князя» (Лавр. лет.: 996 г.). Как отмечал М.К. Каргер, уже из этого первого упоминания следует, что гридница представляет из себя парадное зальное помещение огромных размеров, служившее, по-видимому, только для торжественных приемов (Каргер 1961: 79).

Во второй раз летописец упоминает гридницу под 1097 г.: князь Василько Ростиславич Теребовльский, прибывший «в мале дружине» на киевский княжеский двор, был встречен там Святополком «и идоша в гридницю и прииде Давид и седоша в истобце» (Ипат. лет.: 1097 г.).

В XII-XIII вв. Гридница упоминается несколько раз с совершенно новыми функциями — как место заключения знатных узников.

— В «Слове о полку Игореве» гридница киевского князя Святослава — в ней оказывается половецкий хан Кобяк — «и падеся Кобяк в граде Киеве в гриднице Святослава» («Слово о полку Игореве»: 18).

— В 1216 г., по известию Новгородской I летописи «Ярослав выбег в Переяславль, повеле выметати в погреб, что есть новгородьць, а иных в гридницу» (НПЛ: 1216 г.).

— В 1223 г. в НПЛ: «Изъима пльсковцы и посади я на Городищи в гридници» (НПЛ: 1223 г.).

Крайне важно для реконструкции облика гридниц сообщение Ибн-Фадлана, относящееся к 20-м годам X в.: передавая сведения о князе русов, Ибн-Фадлан писал, что во дворце с князем находятся 400 человек из храбрых соподвижников его и верных ему людей. Эти 400 человек сидят под его престолом; престол же велик и украшен драгоценными камнями... Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает он на престол» (Гаркави 1870: 101). Вряд ли стоит сомневаться, что речь идет о гриднице.

Сам термин «гридница» — один из наиболее архаичных и значимых элементов архаической традиции в русском эпосе. Слова, аналогичные по звучанию и семантике древнерусской «гриднице», имеются в ряде славянских и летто-литовских языков (польское hrydnia, литовское grinica — Срезневский 1912: 36). Это позволило Р.С.Липец предположить общеславянскую основу этого слова (Липец 1969: 155). Другая группа исследователей относит слово «гридница» к скандинавским заимствованиям (от древнескандинавского gred — меч и grid — дом). Однако следует заметить, что собственно в древнескандинавских сагах для обозначения дворца короля или ярла применялось слово holl, а жилая часть дворца называлась skali, eldhus (Глазырина 1996: 102). К тому же, учитывая высокую мобильность варяжских военных контингентов на Руси, вряд ли можно допустить, что из их субкультуры в древнерусскую перешло обозначение монументальной парадной постройки. В то же время, наличие уже в санскрите слова griha, означающего «дом» с

Рис. 13. «Гридница» (Радзивилловская летопись)

Рис. 14. «Гридница» (Радзивилловская летопись)

различными производными показывает, что для выяснения истоков этого термина необходимо спуститься в более древние, чем средневековье, исторические слои (Липец 1969: 155).

Для расшифровки понятия «гридница», конечно, нужно учитывать семантику слов «гридин» и «гридень», собирательное «гридьба», в основном воин, дружинник.

Неоднозначно определение гридницы и в работах историков разных времен: Н.М. Карамзин считал ее «прихожей дворца князя Владимира»; С.М. Соловьев — «комнатой между другими покоями дворца для пиров и советов»; И.Е.Забелин — «обширной клетью в составе княжого двора»; Б.А. Рыбаков — «общественным зданием, и канцелярией, и местом для собраний; Ф. Горностаев — «обширными сенями, родом приемной»; Н.Е. Онучков — «комнатой для собрания дружины»; С.К. Шамбинаго — «приемной палатой в княжеских палатах» (Липец 1969: 162-164).

Из многочисленных упоминаний «белодубовых гридниц» в различных былинах (былина о Ставре, Чурине и госте Терентьище, об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче и др.) можно заключить, что гридница представляла собой отдельное, достаточно большое здание на княжеском дворе. В большинстве случаев в былинах гридница упоминается во дворе у князя Владимира, реже — у князя черниговского, иноземных королей (Ляхоминского, Василия Окульевича и др.), у различных бояр (Ставра, Чурилы и др.). Гридниц, принадлежавших городской общине, по былинам не известно (Липец 1969: 153-154). Видимо, именно гридницами следует считать изображения Радзивилловской летописи, иллюстрирующей советы в Киеве (рис. 13-14), а также миниатюры из рукописи Иоанна Скилицы, изображающей свидание князя Святослава с Иоанном Цимисхием (рис. 15).

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что под гридницей в X-XIII вв. подразумевалось большое здание на территории княжеской резиденции с огромным тронным залом, большим количеством окон, возможно, двухэтажное, с богатым интерьером, чаще всего монументальное. По-видимому, именно гридницами следует считать все Киевские дворцы (Каргер 1961: 82), возможно, постройки в Перемышле, Звенигороде и Холме. Не менее богатые гридницы, но из дерева существовали в Любече, Белгороде, Новгороде (Рыбаков 1964: 23; Полонской 1911: 234; Засурцев 1967: 28-30). Однако высказывалось мнение, что руины построек у Десятинной церкви могли быть уже не собственно гридницами, а «дворцовыми зданиями переходного типа от гридниц к характерному трехчленному комплексу феодальных хором» (Воронин 1958: 222). На основании археологических и летописных данных можно попытаться реконструировать внешний облик и интерьер гридницы (рис.16).

Архитектурный облик гридниц и их назначение позволяют, по мнению М.К.Каргера, усматривать в этом типе построек княжеского двора отпечаток патриархальной старины и военной демократии (Каргер 1961: 82). Такого же мнения придерживается и Ю.П.Спегальский (Спегальский 1982: 256-258).

В более позднее время, в XIV-XV вв., гридни-

Рис. 15. «Гридница» («Хроники» Георгия Амартола)

цами называли большие общественные помещения, предназначенные для сходок и братчин.

Важно, что гридница была не собственно жилым помещением, а «определенным типом дворцового здания — отдельной постройкой, не связанной собственно с жилым дворцом» (Воронин 1958: 221). И действительно, ни в одном из археологически зафиксированных случаях обнаружения «гридниц», остатков печей для отопления жилого помещения (без которых в X-XII вв. нельзя представить жизнь в каменном здании) не было зафиксировано. Хотя, возможно, гридница была соединена переходами с другими зданиями княжеского двора.

Функции гридниц, по мнению Н.Н. Воронина, наследуют **сени** — еще один летописный термин.

Первый раз наряду с гридницами они упоминаются в конце X в.: в рассказе об убийстве толпой язычников варяга-христианина в Киеве говорится, что варяг с сыном «стоя на сенях», а в ответ на отказ варяга отдать сына в жертву языческим богам, киевляне «посекоша сени под нима и тако побиша я» (Лавр. лет.: 983 г.).

Во второй половине XI и XII вв. сени, как важнейшая часть княжеского дворца, упоминаются еще несколько раз:

— во время восстания в Киеве в 1058 г.: киевляне ворвались на княжий двор, а князь Изяслав «седящу на сенех с дружиною своей»; затем князь вел переговоры толпой «из оконца зрящу» (Лавр. лет.: 1058 г.);

— в рассказе об убийстве Итларя в Переяславле: « Итларяви в ту нощь лежащу на синице у Ратибора» (Ипат. лет.: 1095 г.);

— в сообщении о прибытии князя Василько Ростиславича «в мале дружине» на княжий двор в Киеве упоминаются «сене» (Лавр. лет.: 1112 г.).

Два наиболее важных упоминания о сенях, позволяющих определить их место и значение в составе княжеских резиденций, находятся в описании убийства князя Андрея Боголюбского в 1174 г. и в рассказе о приеме киевского посла князем Владимиром Галицким в 1152 г. В них сообщается:

Под 1174 г. (по Ипат. лет. «Повести об убиении Андрея Боголюбского):

— «... И идуще им [убийцам] к ложнице его [кн. Андрея] и приея е страх и трепет, и бежаша с сеней, шедше в медушу и пиша вино ... и тако, упившеся вином, поидоша на сени... [Израненный князь Андрей] во торопе выскочив по них ... иде под сени... и рече один [из заговорщиков]: «Стоя, видех яко князя идуща с сеней долов [т.е. с сеней вниз] ... и сидящу ему [Андрею] за столпом всходным [где он был добит...] и оттуда идоша [убийцы] на сени и вынимаша золото, и каменье дорогое, и жемчюг, и всяко узорочье, и до всего любимого имения...»;

— «[Заговорщики] придоша иде те бе блаженый князь лежа в ложници [перед тем] силою отложиша двери у сений... он же [князь] подъбежа под сени ... налезоша и под сеньми лежаща...»;

— «... И пришед [заговорщики] по двору [т.е. по дворцу] княжю, избиша сторожи дворные... и пришед к сени силою двери выломиша и пришедше к ложнице его ... князь же во торопе вскочив на них... и иде под сени. И рече един: «Видех, яко князя идуща с сеней долов»... и наидоша [его] по крови, сидяща за столом всходным и ту приконча его. Во утрии же найдоша князя лежаща мертвым под сеньми».

Под 1152 г. (по Ипат. лет.):

— «... И яко же съеха Петр с княжи двора и Володимер поиди к божницем святому Спасу на вечерню, и якоже бы на переходех до божници и ту види Петра едуща и поругася ему...»; когда Владимир возвращался из церкви, то «на том месте, на степени, идеж поругася Петрови», с ним случился удар. Князя перенесли «в горенку» и послали вернуть изяславова посла. «И ту снидоша ему с сеней слугы княжи вси в черных мятлих и видив се Петр и подивися: «Что се есть?». И яже взиде он на сени, и види Ярослава седяща на отним месте в черни мятли и клобуце.»

Исходя из анализа этих сообщений, Н.Н.Во-

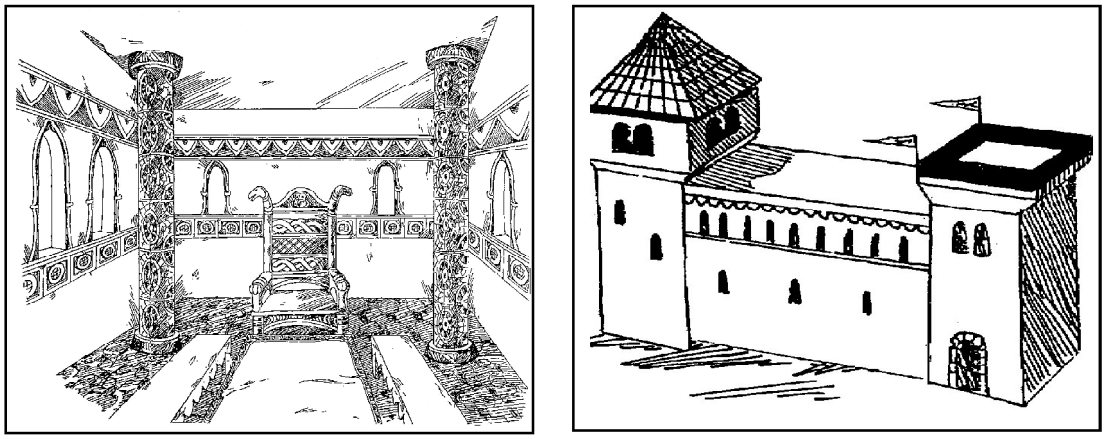


Рис. 16. Внешний вид и интерьер «гридницы». (Реконструкция автора. По археологическим и летописным данным.)

ронин и О.М.Иоаннисян предложили, соответственно, реконструкции структуры дворца в Боголюбово и в Галиче (Воронин 1961: 247-249; Иоаннисян 1982: 82-85).

Не вызывает сомнений, что сени находились на втором этаже дворцового комплекса, куда вела лестница (Каргер 1961: 84; Воронин 1961: 247-248; Спегальский 1972: 238-241). Исходя из контекста летописных сообщений, где дважды встречается выражение «подсечь сени», а также «под сени», можно точно сказать, что сени опирались на какие-то опорные столбы. Именно так они изображены на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ об убийстве варягов (рис.17).

Н.Н.Воронин считал сенями второй этаж лестничной башни в Боголюбово (Воронин 1961: 247). Возражая ему, Ю.П.Спегальский писал: «сени были богатейшим образом украшены и обставлены драгоценной утварью. Невозможно представить себе, что все это богатство украшало тесные, отнюдь не парадные помещения, лестницы и переходы, а также ясно, что сени являлись большим импозантным помещением, а не закоулком в лестничной башне» (Спегальский 1972: 243). Помимо этого, исследователь отмечал, что лестничная башня, сохранившаяся до наших дней, сопоставима с «столпом всходным» и летописец четко разделял его и «сени».

Существенно подчеркнуть, что в древнерусском деревянном строительстве сени занимали серединное положение между двумя клетями, так же как они были средней частью трехчленной русской избы, где по сторонам сеней располагались теплая изба и холодная клеть, служившая кладовой и «чистой» парадной половиной дома для приема гостей (Воронин 1961: 248).

Ю.П.Спегальский, изучавший богатые жилища Новгорода, реконструирует сени как отдельно стоящее помещение, на опорных столбах, с двухскатной крышей и открытым вторым этажом (рис. 18). Исходя из того, что сени всегда были соединены переходами с другими частями резиденции, с такой реконструкцией согласиться довольно сложно. Да и сам исследователь признавал, что «далеко не всегда в домонгольской Руси сени устраивались таким образом».

Наиболее вероятна реконструкция сеней, как обширного, холодного и светлого помещения, достаточно прочного и надежного, предназначенного для приема гостей в торжественных случаях. Можно думать, что имелась тенденция к сокращению площади сеней. Для больших совещаний могли использовать теперь хоры дворцового собора (об этом говорят описания 1174 и 1152 гг.). Сени же служили местом собрания избранной части дружины и бояр (Каргер 1961: 240). В тех случаях, когда сени были обширны, как, например, во дворце в Белгороде, они назывались «сенницей» по аналогии с «гридницей» (Воронин 1961: 249).

Вообще необходимо отметить, что некоторые исследователи идентифицируют сени с гридницей (В.Ф.Ржига, Л.Нидерле, М.Н.Тихомиров). Об ошибочности такого подхода писала О.И.Подобедова: «в былинах, — отмечала исследовательница, — «гридница» и «сени» никогда не подменяют друг друга». И летописец тоже не путает эти термины: так в рассказе Ипатьевской летописи 1097 г. о князе Василько Теребовльском есть упоминание, что Святополк, вышедший «из гридницы» под предлогом распорядиться о завтраке, «стоить на сенях» (Ипат. лет.: 1097 г.). Таким образом мы видим, что гридница и сени — различные помещения, хотя и соединенные между собой переходами.

Многие исследователи, начиная с времен И.Е.Забелина, придерживались мнения, что сени занимали промежуточное место между жилыми помещениями, соединяя их между собой, как и в хоромах XVI-XVII вв. Н.Н. Воронин даже предполагал, что «княжеские хоромы по композиции основных помещений являлись по-

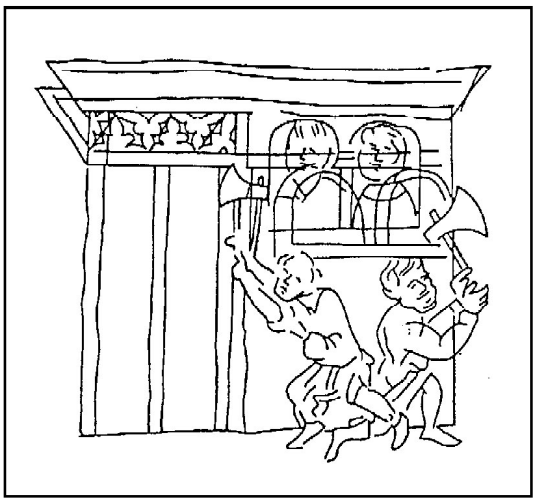


Рис. 17. «Сени варяга». (Радзивилловская летопись)

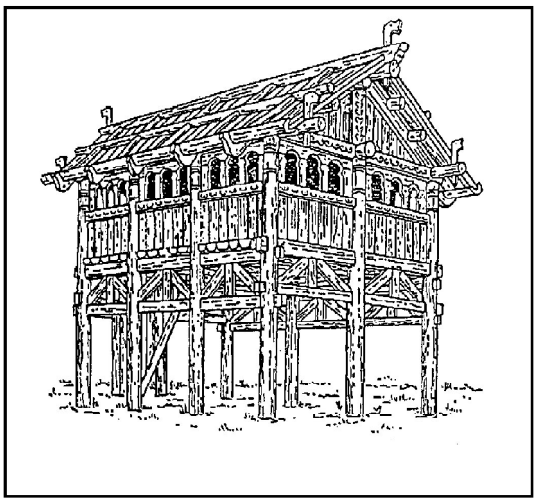


Рис. 18. «Сени в Новгороде» (Реконструкция Ю.П.Спегальского)

вторением крестьянской избы-шестистенки, и княжеский дворец представлял собой единое здание, состоявшее из покоевых помещений по двум сторонам сеней, занимавших середину этого здания» (Воронин 1961: 219-220). В общем, такая структура вызывает некоторые возражения: доминантой дворцового комплекса являлись гридница или терем, но не собственно сени. Однако необходимо сделать важную оговорку: семантика слова «сени» очень ёмкая, и поэтому могла применяться как к отдельному зданию на опорных столбах, так и к помещению на втором этаже (терема или лестничной башни) (Подобедова 1969:166).

Любопытные сведения о сенях мы получаем из одной из скандинавских саг («Сага о Магнусе»): в ней говорится, что великий князь Ярослав хвалился перед Ингигерд великолепием своей вновь выстроенной залы, на что супруга возразила, что зала у Олава Харальдсона еще лучше, хоть и стоит на одной колонне (Рыдзевская 1978: 46). Датируется это сообщение 1018-1019 гг. Мы видим, что обычай сооружать парадные помещения на опорных столбах был распространен не только на Руси. Это подтверждают и изображения вышивок известного ковра из Байо, где пирующие изображены в сооружении, высоко поднятом на столбах, с ведущей наверх лестницей и шатровой высокой крышей, покрытой чешуйчатой кровлей (Спегальский 1972: 262). Хотя необходимо помнить, что сообщения многих саг о реальной действительности весьма приукрашены, и принимать их буквально нельзя[2].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить: под сенями в X-XII вв. на Руси понимали достаточно просторное (но гораздо меньше гридницы) помещение парадного характера, светлое, не отапливаемое, поднятое на столбах высоко над землей, с богатейшими внутренними покоями, соединенное переходами с другими частями княжеской резиденции. Иногда под сенями подразумевали второй этаж терема или лестничной башни.

Археологически выявить такие постройки крайне сложно. На сегодняшний день мы можем (если принять точку зрения Н.Н. Воронина) сопоставить с сенями лишь второй этаж лестничной башни в Боголюбово. В то же время наличие сеней практически во всех княжеских дворцах сомнений не вызывает. Таким образом, единственный наш источник представления о сенях в ансамбле резиденций князей — летописные известия.

Как мы видим, и терем, и гридница, и сени — помещения парадного (или светского) характера. На этом основании их можно объединить в первую группу построек, составляющих княжескую резиденцию. Все они могли быть как каменными, так и деревянными — определяющими являлись функции и внешний вид; для них характерна доминирующая роль в ансамбле, богатое убранство, впечатляющий внешний облик и отсутствие отопления. Собственно жилыми они не являлись.

В своей работе, посвященной древнему Киеву, М.К.Каргер писал: «... на княжеских дворах, кроме парадных приемных помещений были и жилые хоромы» (Каргер 1959: 242). Рассмотрим, где же мы встречаемся с термином **«хоромы»**:

— в 1016 г., когда князь Ярослав с войском новгородцев пришел к Днепру, где они три месяца стояли против войск Святополка, то воеводы Святополка «укоряли» новгородцев: «Что придосте с хоромьцем сим, а вы плотницы суще? А приставили вы хоромовъ рубити кахихъ» (Лавр. лет.: 1016 г.);

— в рассказе о наводнении 1129 г. упоминается «хором», который был спасен половодьем (Ипат. лет.: 1129 г.);

— в описании пожара во дворце Владимиро-Суздальской земли: «Тое же зимы, месяца генваря в пятый день, в канун Богоявления сгорели хоромы княжи и церкви две» (Ипат. лет.: 1128 г.).

— в рассказе о загородной усадьбе князя Мстислава около города Луцка: «... место же то красно виденьем и устроено различными хоромы, церкви же бяше в немъ предивна, красотою сияющи, тем же угодно бысть князю пребывать в немъ» (Ипат. лет.: 1189 г.).

О размере княжеских хором можно судить по свидетельству летописи о торжестве, которое в 1189 г. князь Рюрик Ростиславич устроил в Белгороде на свадьбе своего сына: «Створил вельми сильну свадьбу, аки же несть бывала на Руси; была на свадьбе князи многа, за 20 князей». Как справедливо отметил М.К.Каргер, чтобы пригласить столько гостей, разумеется, надо иметь огромные хоромы (Каргер 1961: 85).

Важные сведения о хоромах имеются в одной из статей древнейшей «Русской правды», а также в двух списках «Пространной правды» (нач. XII в.). Статья «Русской правды» начинается словами: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежать в хором». В «Пространной правде» есть статья, трактующая о том случае, когда хозяин разыщет своего холопа в чьем-либо городе или в «хороме». Что это за «хором», где может найти убежище холоп; «хоромы», которые сопоставляются с «градом»? Б.Д.Греков считает, что «хоромы — укрепленное место, поменьше города, принадлежащие определенному владельцу». «Может быть, — продолжает свою мысль исследователь, — некоторые хоромы — укрепленные места находились в черте самого города. «Мужи» древнейшей «Правды» — это владельцы хором, где живут они сами, окруженные челядью, обязанной их кормить, одевать, обувать, а в случае необходимости –защищать. Что это, как не двор средневе-

[2] Благодарю за консультацию д.и.н. Т.Н.Джаксон

кового рыцаря, живущего в своем фамильном гнезде — замке?» (Греков 1954: 41-42).

Как мы видим, хоромы — это комплекс жилых построек, находящихся на княжеском дворе. Само слово «хоромы», видимо, связано с первоначальной округлостью их плана, расположения по радиусу резиденции — от древнерусского «хоро», «поло» — круг (Рыбаков 1985: 94). М.К. Каргер называл княжескими и боярскими хоромами «сооружения, состоящие из нескольких клетей, соединенные между собой переходами» (Каргер 1961: 85). Ю.П. Спегальский реконструировал хоромы как единый, довольно сжатый комплекс построек, состоящий из разных частей, расположенных на разной высоте, с галереями разного устройства и разной фактурой стен (Спегальский 1972: 262; рис.19). Таким образом хоромы в таком случае — комплекс деревянных жилых построек. Хотя не исключено, что в княжеских дворах какие-то части «хором» могли быть построены из камня. Возможно, остатки таких каменных хором Константина Всеволодовича были открыты в Ростове Великом (Попов 1998:201-203).

Какие же постройки входили в состав хором? Это «клети» (1015 г.), «полати» (1156 г.), «ложница» (1174 г.), «покоище» (1097 г.), «плотница» (1175 г.), «истопка» / «исдобка» (945, 1095, 1097, 1102 гг.), «поруб» (1036, 1067 гг.), «повалуша» (1178 г.).

«Клеть» упоминается летописью в 1015 г., в связи с кончиной князя Владимира: ночью его тело «межи клетми проимавше полост» завернули в ковер и опустили на землю. Происходило это в Берестовском дворце (Лавр. лет.: 1015 г.). Как мы видим, клеть входила непосредственно в состав резиденции. Само слово «клеть» является собственно древнерусским (от древнего глагольного корня kleu — «сжимать», «теснить»; отсюда «клетка») (Колесов 1986: 202). Существовали клети и в составе боярских усадеб (Засурцев 1967: 113). Наиболее вероятно, что клеть — это срубная постройка квадратной или прямоугольной формы. Служила она летней спальней или помещением для хозяйственных нужд. В некоторых случаях при переводах могла быть синонимом «ложнице» (Колесов 1986: 203).

Собственно «ложница», как и «покоище», «плотица» — обозначали спальню князя. Именно в «ложнице» спал князь Андрей (1174 г.), где произошла его первая встреча с убийцами. Видимо, «ложница» находилась в основном объеме дворца, и поэтому археологически локализовать их не представляется возможным. Что же касается локализации «клетей», то хотя на княжеских дворцах их почти не обнаружено (за редким исключением, например, Любеч, Полоцк, Вщиж), представляется вполне корректным использовать в качестве аналогий для княжеских «клетей» постройки боярских усадеб Новгорода, достаточно полно исследованных и реконструированных (П.И.Засурцев, Г.В.Борисевич, В.П.Тюрин, Г.П.Чистяков, Ю.П.Спегальский). Чисто конструктивно они мало чем отличались от княжеских построек (разве что размеры их могли быть большими). Это подтверждают и постройки, открытые в Любече и Полоцке (Рыбаков 1964: 22; Раппопорт, Шолохова 1981: 92). Очевидно также, что функции клетей могли быть очень разнообразны — как непосредственно жилье, так и хозяйственные. Наличие подобного рода построек в составе любой кня-

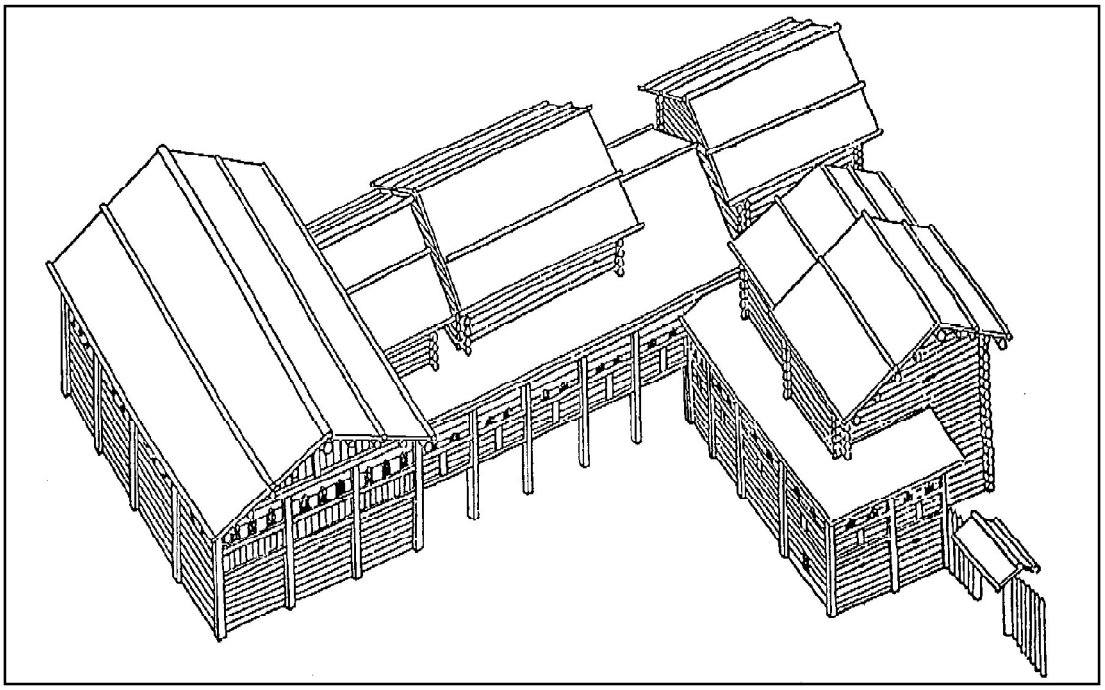


Рис. 19. «Хоромы» в ярусе 23. Новгород. (Реконструкция Ю.П.Спегальского)

жеской резиденции сомнению не подлежит.

В составе хором, несомненно, находились и **полати**. В описании «Летописью» постройки Андреем Боголюбским своей резиденции говорится «и град заложи в Боголюбове» (Ипат. лет.: 1158 г.). Более подробно об этом событии говорит «Краткий Владимирский летописец»: «и потом приде от Киева Андрей Юрьевич и сътвори Боголюбный град испом осыпа, и постави две церкви каменны и ворота каменны, и полати» (Вл. летописец: 1156 г.). В данном контексте «полати» трактуются как непосредственно дворец князя, т.е. постройка, конструктивно связанная с церковью и воротами.

В 1174 г., после убийства князя киевлянин Кузьмище, причитая над телом убитого князя, вспоминал: «... бывало когда и гость приходеж из Цесарягорода и от иных стран из Русской земли, и аче Латинин и до всего хрестьянства и до всее погани и рече (князь Андрей): "Ввьедете и в церковь и на полати да видять истинное хрестьянство и крестятеся"» («Повесть об убиении Андрея Боголюбского»: 323). В этом контексте под «полатями» следует понимать хоры дворцового собора (Воронин 1961: 228).

Как в случае с «теремом» мы наблюдали перенос термина из дворцовой архитектуры в церковную. Видимо, это связано с функциональной связью этих помещений: они означали покои на уровне второго этажа в составе княжеской резиденции. «Наиболее вероятно, как считал И.Е.Забелин, что «полати» — это внутренние покои дворца, располагавшиеся на втором этаже. Причем они могли быть как непосредственно жилыми в составе хором, так и светскими в составе дворцового храма (Забелин 1990: 97). Позже, когда роскошные дворцы с «хоромами» и «полатями» исчезли, исчез и сам термин «полати», а в церковной архитектуре утвердился термин «хоры». Под «полатями» же в первую очередь современные исследователи понимали «каменные помещения княжеского дворца» (Воронин 1961: 235). По своему происхождению же наиболее вероятно заимствование термина «полати» от греческого palatsium — дворец (Колесов 1986: 207). Былины же в данном случае не дают информации для сопоставлений, т.к. в них постоянно происходит смешение терминов «гридня», «палата белокаменная», «хоромы», «дворец» — под всеми ними подразумевается одно и то же роскошное помещение на княжьем дворе (Липец 1969: 157).

«Истопка» упомянута в «Летописи» в разных контекстах — как баня или отапливаемая изба:

— в 945 г. Ольга заперла в «истобке» древлянских послов [велев им «измывшеся придите ко мне»], а затем сожгла их (Ипат. лет.: 945 г.);

— в 1095 г., при убийстве половецкого князя Итларя люди боярина Славяты «възлеше на истобку, прокопаша верх» и перебили всех половцев из луков (Ипат. лет.: 1095 г.);

— в 1097 г. в «ыстобце» на княжом дворе в Киеве ведут беседу князья Святополк и прибывший к нему Василько Ростиславич (Лавр. лет.: 1097 г.);

— в 1102 г. при приеме князем Владимиром новгородского князя Мстислава «сели съвещиться в истобке» (Ипат. лет.: 1102 г.).

Как видно из контекста сообщений, под «истопкой» подразумевали отапливаемое помещение — теплую избу или баню (Каргер 1961: 85). Разумеется, такие постройки были необходимы для жизни — в условиях суровой русской зимы жить в каменных не отапливаемых помещениях было практически невозможно. Таким образом можно сделать вывод: «истобка» («издобка») была обязательной принадлежностью княжеской резиденции. К сожалению, археологических материалов, связываемых на княжеских дворах с такими постройками, нет. Но, как и в случае с «клетью», им несложно найти аналогии в древнерусских городах (Новгород, Рязань, Киев и др.). Однако необходимо сделать одну оговорку (в связи с интерпретацией «истопки» как бани): один раз в «Летописи» упоминается строение банное, под 1089 (1090) г. сообщается:

«В се же лето священа бысть церквы святаго Михаила Переяславскоя Ефремом, митрополитом тоя церквы, юже бе создал велику сую, бе бо пряже в Переяславле митрополья, и пристроил ю великую, украсив ю всякою красою, церковными сосудами. Сий бо Ефрем скопец, высок телом. Бе бо тогда много зданья въздвиже: доконьчив церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротех гродных во имя святаго мученика Феодора, и по семь святаго Андрея у церкве отворот, и строенье банное нашено, сего же не бысть прежа в Руси» (Ипат. лет., 1090 г.). По поводу этого загадочного строенья существует целая литература (Асеев, Сикорский, Юра 1967: 199). Наиболее вероятно, что оно отождествляется с двухкамерной постройкой, исследованной в Переяславле Хмельницком в 1962 г.

О чрезвычайно богатом убранстве помещения говорит и археологический материал: были обнаружены инкрустированные мозаикой шиферные полы, многочисленные обломки мраморных деталей: полок, плит, карнизов; фрагменты инкрустации их различных пород цветного мрамора; поливные керамические плитки; т.н. «флорентийская мозаика» из восьмиугольных и квадратных кубиков брекчевидных мраморных известняков, многочисленные кубики смальты от настенных мозаик, а также целая капитель из проконесского мрамора. В подтверждение «банного» назначения постройки говорят находки 5 обломков керамических водопроводных труб, а также полное отсутствие фресковой росписи. Хотя сами авторы раскопок весьма осторожно подходили к интерпретации исследованного комплекса как «строения банного»: «Какое отношение имеет

наша постройка к летописному строению, — считали они, — неизвестно, т.к. данных о всем комплексе Епископского дворца еще очень мало» (Асеев, Сикорский, Юра 1967: 214). Однако П.А.Раппопорт убедительно показал, что «это остатки бани, строительство которой отмечено в летописи под 1089 г.» (Раппопорт 1982: 35). Известно, что в Вагаршападе у церкви Звартонц, построенной в 625 г. католикосом Нерсесом Строителем, находился епископский дворец, в составе которого была и богато украшенная баня (Раппопорт 1982: 36). Таким образом отождествление постройки в Переяславле Хмельницком с летописным «строением банным» сомнений практически не вызывает.

Похожая по назначению постройка была открыта в Киеве, на территории Софийского заповедника. Первоначально М.К.Каргер интерпретировал ее как печь (Каргер 1959: 458-461), однако позже В.А.Богусевич убедительно доказал, что данное сооружение — не печь, а баня (Богусевич 1961: 105-106; Раппопорт 1982: 14). Летописных соответствий у нее нет, но ясно, что это баня, как и переяславская, входила в комплекс митрополичьего двора. Однако таких каменных бань на Руси было немного — видимо, лишь единицы. Они являлись исключением, а не правилом. Деревянные же бани носили, как уже говорилось выше, название «истопки».

В составе резиденции князя существовали и темницы **— «порубы»**. В него в 1036 г. Ярослав «всадил» своего брата Судислава в Пскове; в «порубе» на Брячиславле дворе в Киеве в 1067 г. сидел полоцкий князь Всеслав (Лавр. лет.: 1036, 1067 гг.). Наиболее вероятно, что «порубы» представляли собой темные небольшие помещения типа погреба с массивными дверьми и минимумом внутреннего убранства. Археологического соответствия таким постройкам не существует. Скорее всего они были из дерева и чисто археологически мало чем отличались от разнообразных «клетей» и других хозяйственных построек. Однако, как мы видим, в состав княжеской резиденции входили и тюрьмы — «порубы», позже их функции наследовали «гридницы».

В составе древних хором существовали и **«повалуши»** — по М.К.Каргеру, холодные горницы, иногда богато расписанные (Каргер 1961: 85). Об этом свидетельствует описание роскошных хором в «Слове о богатом и убогом», сохранившемся в рукописном сборнике XII в. библиотеки Троице-Сергиевской лавры. Обращаясь к богатому владельцу хором, автор поучения говорил: «Ты же жив дому, повалуше испысав, а убогый не пмать негде главы подъкложити» (Срезневский 1863: 993.) Часто как горницы они упоминаются и в былинах (Липец 1969: 165-180). Именно повалушей является постройка в Новогрудке, богато украшенная фресковой росписью (Гуревич 1964: 98). Возможно, остатки постройки подобного типа существовали и в Киеве, на усадьбе Петровского (Каргер 1959: 462), где так же в остатках деревянной постройки были обнаружены остатки фресковой росписи. Разумеется, «исписываться» повалуши могли не только фресками, но и более простыми рисунками. Не исключено, что они существовали и в Новгороде, Любече, Рязани и других городах.

Как мы видим, жилые постройки, входившие в состав хором, были довольно разнообразны: это и отапливаемые избы, и холодные горницы — «повалуши», и небольшие спальни — «ложницы», и полифункциональные «клети», и бани — «истопки», и роскошные «полати», и тюрьмы — «порубы». Всех их можно объединить во вторую группу построек, входящих в состав княжеской резиденции.

Однако, как считает В.Ф.Ржига, тщательно изучивший письменные источники о древнерусских дворцах, «все летописные свидетельства древнейшего времени, взятые вместе, не дают цельной картины княжеского дворца киевской эпохи» (Ржига 1929: 15). Для более точного определения состава построек следует обратиться к описанию «княжеских дворов»:

— в 1096 г. половцы сожгли двор Всеволода Ярославича: «Тогда же зажгаша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемом Выдобичи, то все окоянии половци запалиша огнем» (Лавр. лет.: 1096 г.);

— в 1146 г. в «Летописи» читаем рассказ о двух княжеских дворах Ольговичей, разгромленных Изяславом Мстиславичем: «Идоста на Игореве сельце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизны много; в бретьяницах и в погребах вина и медове, и что тяжкого товару всякого до железа и до меди, и тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы, собе и воем, и потом повелеста затечи двор и церковь святаго Георгия, и гумно его, в нем же бе стогов девятьсот» (Ипат. лет.: 1146 г). В том же году вслед за взятием Путивля подвергся разгрому большой двор князя Святослава Ольговича. По сведениям летописца, «и ту двор Святославль раздели на 4 части, и котнице, и в погребех было 5000 берковськов меду, а вина 80 корчаг, и церковь святаго Георгия всю облупиша» (Ипат. лет.: 1146 г.).

Во многих упоминаниях (1068, 1147, 1149, 1158, 1174 г. и др.) именно «княжеский двор» является местом грабежа, из чего можно сделать вывод о его богатстве.

А вот как характеризует «феодальный замок» и вотчину XI в. Б.Д.Греков на основе анализа древнейшей «Правды»: «… В “Правде” Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской.

Центром этой вотчины является «княж двор», где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные пост-

ройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, и, в частности, сохранность вотчинного имущества. При нем, по-видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъездной княж». Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т.е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Дальше следуют княжеские старосты — «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Таким образом мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды Ярославичей». Тут называются клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским хозяйством мы видим также борти, которые так и названы «княжими», а «в княже борте 3 гривни, либо пожгуть, либо изудруть».

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это рядовичи, смерды и холопы. Их жизнь расценивается в пять гривен.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом говорит наличие в вотчине охотничьих псов и обученных для охоты ястребов и соколов...

Первое впечатление от «Правды Ярославичей», как, впрочем, и от «Пространной Правды», получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы; владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают крупного собственника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.» (Греков 1949: 140-143).

Как видно из всего вышеизложенного, на территории княжеского двора существовал целый ряд разнообразных хозяйственных построек. Это: «медуша» (997, 1174 гг.) «медьвеница» (1175 г.), «бретьяница» (1146 г.), «бражница» (1239 г.), «скотница» (996 г.), «житница» (1168 г.), «погреб» (1136 г.).

«Медуша» — погреб для хранения вареного меда в Игореве сельце — заставляет вспомнить более ранний летописный рассказ о белгородском киселе: «... и повеле искати меду, они же подше взяша меду лукно бе бо погребенов княже медуши» (Лавр. лет.: 997 г.). «Медуша» упомянута и в летописном повествовании об убийстве Андрея Боголюбского — убийцы «шедше в медушю и пиша вино» (Ипат. лет.: 1174 г.). Видимо, «медуша» близка по значению к «медьвенице», «бражнице» — хозяйственные помещения для хранения меда и различных вин.

Слово «бретьяница» И.Е.Забелин считает названием погреба с бортевым медом (Забелин 1990: 64-65). И.И. Срезневский полагал, что оно обозначает вообще погреб или кладовую (Срезневский 1912: 178).

На дворе Святослава Ольговича упомянута, кроме бретьяницы, еще и «скотница». По объяснению И.И.Срезневского, так называлось казнохранилище (Срезневский 1912: 179), И.Е.Забелина — кладовая со всякой казной (Забелин 1990: 179). О существовании «скотницы» уже в древнейшее время на дворе киевских князей известно из летописного рассказа о широком гостеприимстве князя Владимира Святославича: «Повеле выску нищу у убогу призодити на двор къняжь и възимати всяку потребу, житие и ядоше, и от скотъниц купами» (Лавр. лет.: 996 г.).

Нельзя не обратить внимание на изобилие разнообразных запасов, в том числе и «тяжкого товару всякого, до железа и меди», хранившихся на княжом дворе. Видимо, все эти товары находились в разнообразных «погребах» и «клетях» в зависимости от своего характера. Помимо всего этого, существовал и целый ряд других построек: княжеская конюшня, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр. Разумеется, все эти постройки находились не на переднем плане, а несколько обособленно.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что «княж двор» был достаточно обширен. Несмотря на то, что на дворе находились разнообразные постройки, оставалась еще просторная площадь, на которой толпился народ, вершился княжеский суд (на что указывает «Русская Правда»), и даже устраивались конские ристалища (Каргер 1961: 279).

Таким образом, можно выделить третью группу построек княжеского двора — хозяйственные. Археологических соответствий у них нет, но

общий их характер легко установить по аналогиям, обнаруженным в различных древнерусских городах (многочисленные хозяйственные ямы в самых разнообразных частях Киева, Новгорода, Пскова, Чернигова и др.) . Все они были приспособлены для определенных целей, в соответствии с местными традициями.

Четвертую группу построек, несколько условно, можно назвать военно-оборонительными. К ним в первую очередь относятся Волынские башни, а также некоторые постройки, возведенные в «градах-замках» (Вщиж, Любеч). Не исключено, что подобного рода постройки входили и в состав загородных резиденций — Боголюбово, Кидекша, Рюриково городище. Такого рода постройки представляли из себя башни из камня или дерева, нередко, соединявшиеся со стенами или самим дворцом разнообразными переходами.

Возможно, с некоторыми из них можно соотнести термин «вежа». Хотя, как отмечал, А.А.Шенников, в русской письменности до XIV в. слово «вежа» имело несколько значений. Так назывались поселения и жилые постройки у степных полукочевников — половцев, татар. В XIII в. так названа оборонительная башня в городе Холм. Иногда вежами назывались крепостные башни за пределами Руси. В X в. так называли башни в Искоростене, несколько раз они упомянуты как хозяйственные сооружения в монастырях и усадьбах, а летом 1228 г. финны-емь после неудачного нападения на Русь «попрятались в лесе ли, или на ниве, или в вежах» (Ипат. лет.: 1228 г.; Шенников 1974: 73; Срезневский 1860: 78). Б.А.Рыбаков считает, что «вежа» обозначает прежде всего дозорную башню (Рыбаков 1953: 81). Возникнув как оборонительные сооружения городища родовой общины, вежа как уже сложившийся тип крепостной башни органично вошла в состав княжеских и боярских хором (Борисевич 1982: 281). Наиболее яркое описание вежи содержится в Ипатьевской летописи: в 1259 г. в замке Холм Даниилом Галицким «вежа же среде града высока якоже бити с нея окрест града. Создана камнем в высоту 58 локот, создана же сама древом тесаным, и убелена, яко сыр, светящися на все стороны» (Ипат. летопись, 1259 г.).

В понятии XI-XII вв. «градами» называли не только города, но и небольшую укрепленную усадьбу, которая часто имела боевую башню — «вежу». Такая «башня-вежа» была реконструирована Б.А.Рыбаковым в Любече (Рыбаков 1964: 22-23). Позже, вежа как «храмина» на Обонежской половине хором упомянута в «Сказании о Борисе и Глебе». Таким образом, жилище и двор, дополненные вежой, получив новые оборонительные функции, стали «основой личной безопасности и независимости его владельца» (Воронин 1958: 18-19).

Такое разнообразное употребление термина «вежа» говорит о том, что он относился к объектам, сходным не по конструкции; возможно, постройки, которые были увенчаны «связанным шалашом» (Шенников 1974: 74).

Г.В.Борисевич сопоставляет с вежами легендарные дворы Искоростеня (Борисевич 1982: 281-281). Исследователь считает, что как архитектурный тип вежа сложилась на боярском дворе еще до X в., а затем получила широкое распространение. Более того, по мнению Г.В.Борисевич, «бесспорно генетическое и функциональное родство терема в хоромах с башней при соборе, называемой вежой, теремом, столпом с сенями просто и сенями со столпом всходным» (Борисевич 1982: 282). Такое смешение разных типов построек представляется неправомерным. Хотя нельзя отрицать, что все башнеобразные здания были очень похожи, и в более позднее время часто «смешивались» (например, в былинах — Липец 1959: 172).

Таким образом военно-оборонительные сооружения башнеобразного типа («вежи», «донжоны», «башни», «столбы (столпы)», входящие в структуру стен, защищающих княжескую резиденцию, и часто связанные переходами непосредственно с дворцом, составляют, на мой взгляд, отдельную группу построек. Однако конструктивные решения были различны в зависимости от региональных условий. Например, по сведениям П.А.Раппопорта, у башни в Каменец-Литовске (по документу 1742 г.) рядом находился дворец Владимира Васильевича (Раппопорт 1952: 42-43). Вся территория юга была подвержена нападениям кочевников и поэтому такие «боевые» башни были просто необходимы и, разумеется, входили в состав княжеских замков. На Севере же чисто функциональный аспект был не столь важен, и башни могли использовать и как хозяйственные сооружения, и как нарядные светские постройки.

И, наконец, пятую группу построек княжеской резиденции составляли дворцовые храмы. Из них следует в первую очередь назвать Десятинную церковь в Киеве (989-996 гг.), ц. Бориса и Глеба в Ростове (1214-1218 гг.), Дмитриевский собор во Владимире (11891-1193 гг.), ц. Рождества Богородицы в ансамбле дворца Боголюбово (1158-1166 гг.), ц. Бориса и Глеба в Кидекше (1152 г.), ц. Благовещения на Рюриковом городище (1103 г.), Никольский собор на Ярославовом дворище в Новгороде (1113 г.), Успенский собор в Ярославле (1215 г.), Преображенский собор в Переяславле-Залесском (1152 г.), ц. Петра и Павла в Смоленске (середина XII в.) и др. (даты даны по: П.А.Раппопорт 1982). Разумеется, существовали и другие дворцовые храмы. Однако их рассмотрение является темой другой работы, т.к. они сооружались в рамках определенных архитектурных школ со своими особенностями и по своим законам (см. работы М.К.Каргера, Н.Н.Воронина, П.А.Раппопорта). Для нас наиболее важно, что локали-

зация «княжих дворов», а во многих случаях и расположения самого дворца, возможна именно благодаря наличию храма, так как «Летопись» тщательно сообщала об обстоятельствах, месте и дате его закладки. Немаловажно, что церковь должна была составлять единый ансамбль с дворцом, и сохранившиеся церкви позволяют нам судить о его структуре. Так О.М-.Иоаннисян, рассматривая дворцовую церковь в Галиче, установил, что дворец состоял из трех основных объемов: жилой половины, храма и лестничной башни. А такая структура предполагает единственную возможность композиции комплекса в целом: все составляющие должны были находиться на одной оси, которая проходила бы через западное членение храма, где располагались хоры (Иоаннисян 1982: 12).

Как мы видим, церкви составляли важнейшую часть княжеской резиденции, и выделение их в отдельную группу абсолютно правомерно.

Интересно еще одно обстоятельство: как мы видим, собственно в «Летописях» нет термина «дворец» (Попов 1997: 144). Однако термин «дворцовый комплекс» и «дворцовый ансамбль» часто применяются исследователями. Вот что говорит нам «Архитектурный словарь — глоссарий» (Плужников 1995: 53).

«Дворец — это:

— монументальное представительное здание, принадлежащее лицу из высших слоев общества и предназначенное, в частности, для торжественных приемов;

— крупное общественное здание, функция которого выражена в названии (например, Дворец Правосудия);

— путевой дворец;

— задний двор крестьянской усадьбы, предназначенный для скота;

— хутор, обособленная усадьба;

— земледельческое или скотоводческое хозяйство монастыря; (Плужников 1995: 28).

О.Н.Мораховская, рассмотрев историю названий усадебных участков, отмечает: «дворец может в некоторых говорах выступать в значении «двор», «небольшой двор», а также в значении «дом» (Мораховская 1995: 92-93).

Как мы видим, термин «дворец» очень неоднозначный. В контексте данной статьи наиболее вероятно определения «дворца»/«дворцового комплекса» как всего комплекса княжеского двора, близкого по значению «хоромам» или «палатам». Вся же территория, занимаемая «дворцовым ансамблем», наиболее точно сопоставима с термином «княж двор».

А в заключение мне хотелось бы привести слова замечательного историка, исследователя русских древностей, И.Е.Забелина:

«Общая характерная черта в устройстве древнего княжего двора, как и всех других богатых и достаточных дворцов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клети ставились хотя и по две, и по три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусе всех построек. Некоторые из древнейших княжих дворов по красоте своей, а может быть и по красивому местоположению, назывались красными» (Забелин 1990: 59). На мой взгляд, это описание удивительно точно отобразило понимание И.Е.Забелиным всей структуры княжеской древнерусской резиденции X — начала XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А. 1967. Памятник гражданского зодчества в Переяславле Хмельницком // СА, № 1.

Богусевич В.А. 1961. Спорда у двері кипвського митрополита // Археологпя, т. 13, Киев.

Богусевич В.А., Холостенко Н.В. 1952. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. // КСИАУ, вып. 1.

Борисевич Г.В. 1982. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник, М.

Воронин Н.Н. 1958. Зодчество северо-восточной Руси. Т. I, М.

Воронин Н.Н. 1961. Зодчество северо-восточной Руси. Т. II, М.

Гаркави А.Я., 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. Р.Х.), СПб.

Глазырина Г.В.,1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.

Греков Б.Д. 1949. Киевская Русь. М.

Гуревич Ф.Д. 1964. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. // КСИА, № 99, М.

Забелин И.Е. 1990. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец М.

Засурцев П.И. 1967. Новгород, открытый археологами. М.

Ильинский Г. 1909. Заимствовано ли название «терема» в славянских языках? // Харьковское историко-филологическое общество, т. XVIII, Харьков.

Иностранцев К.А. 1915. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // ЗОРСА, т. IX.

Иоаннисян О.М. 1982. Галицкое зодчество XII — первой половины XIII вв. Автореферат дисс. ...кандидата исторических наук. Л.

Иоаннисян О.М. 1994. Храмы-ротонды в Древней Руси. // Иерусалим в русской культуре. М. с. 100-148.

Каргер М.К. 1959. Древний Киев, т. 1. М.-Л.

Каргер М.К. 1961. Древний Киев, т. 2. М.-Л.

Колесов А.В. 1986. Мир человека в слове о Древ-

ней Руси. М.
Колчин Б.А. 1971. Новгородское резное дерево. САИ Е1-55. М.
Липец Р.С. 1969. Эпос и Древняя Русь. М.
Мораховская О.Н. 1996. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М.
Плужников С.А. 1995. Архитектурный словарь-глоссарий. М.
Полонский Н.Д. 1911. Археологическія раскопки В.В.Хвойко 1909-1910 годов в м. Белгородкъ // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Т. 1 М.
Потапов А.А. 1902. Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности ТМАО, вып. 1, т.XIX.
Попов И.О. 1997. Дворцовые комплексы Древней Руси X — начала XIII вв.: взаимодействие художественных и строительных традиций // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской, СПб.
Попов И.О.,1998. Княжеский двор в древнем Ростове // Поселения: среда, социум, культура. СПб.
Подобедова О.И. 1961. Миниатюры русских исторических летописей. Автореферат ... докт. ист. наук. М.
ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись. Л. 1962.
ПСРЛ, т. 2. Ипатьевская летопись, М. 1964.
Рабинович М.Г. 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М. 2.
Раппопорт П.А. 1952. Волынские башни. // МИА, № 31, М.
Раппопорт П.А. 1975. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32.
Раппопорт П.А. 1982 Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. САИ, вып. Е1-47, М.
Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. 1981. Дворец в Полоцке // КСИА, № 164. М.
Ржига В.Ф. 1929. Очерки по истории быта домонгольской Руси. // РГИМ, вып. 5, М.
Рыбаков Б.А. 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.
Рыбаков Б.А. 1964. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. // КСИА, № 99. М.
Рыдзевская Е.В.,1978. Древняя Русь и Скандинавы в IX-XIV вв.: материалы и исследования. М.
Спегальский Ю.П. 1972. Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв. Л.
Срезневский Ю.П. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3, СПб.
Холостенко Н.В. 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // АН, № 15. М.
Шамбинаго С.К. 1900. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского этноса) // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М.
Шенников А.А. 1974. О значении термина «вежа» // Культура средневековой Руси. М.

Н.В. Новоселов

ПЛИНФА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII В.

N.V. Novoselov. Plyntha of the Novgorod Land in the First Half of XII Century.

Study of plyntha found in the temples of the Novgorod land and dated by the first half of XII century, pursued following the methodology developed by the staff of the Sector of Architectural Archaeology of the State Hermitage, enabled the author to suppose that a number of groups of plyntha creators were active on this territory.

Plynthas of St. George's Temple of Yuriev's Monastery, Nikolo-Dvorishchenskii Temple, Ioanna-na-Opokah Church were attributed by the author as creation of the first group of masters; the second group created plynthas for the Church of Annunciation on Gorodishche, Christmas Temple, and, possibly, dining-hall of St. Antonio's monastery.

Construction of Joanne's Temple in Pskov probably used two types of plynthas. Masters used plynthas cast in both dismantling and hard forms. The first type of plynthas of Joanne's Temple seems to evolve from traditions of the first group of Novgorod plyntha creators of the first half of XII century, while the second one can be compared with the Novgorod plynthas of the late XII century, as well as with plynthas from temples on Old Ladoga. It seems that the church of St. Dimitri Solunski in Pskov was built by masters who had not worked on Novgorod territory before.

It appears that the sites on the Old Ladoga saw a mixture of various traditions in plyntha creation typical of Novgorod land in XII century.

В 1995-1997 гг. автором настоящей статьи было предпринято сравнительное изучение плинфы новгородских памятников первой половины XII в. В ходе этой работы была проанализирована плинфа, хранящаяся в фондах Новгородского государственного музея-заповедника (НГМЗ), Псковского государственного музея-заповедника (ПГМЗ), Старо-Ладожского государственного музея-заповедника (СЛГМЗ). Предметом рассмотрения являлась также плинфа, находящаяся в раскрытых участках кладки Георгиевского собора Юрьева монастыря, Рождественского собора Антониева монастыря и Николо-Дворищенского собора[1] (Новгород), Иоанновского собора и собора Мирожского монастыря (Псков), церкви Успения и Никольского собора (Старая Ладога). Также была осмотрена плинфа, примененная во вторичном использовании для закладки амбразур Климентовской башни староладожской крепости, относящаяся к церкви Климента. Ряд сведений о плинфе памятников новгородской архитектуры был взят из публикаций и отчетов об архитектурно-археологических и реставрационных работах. Некоторые наблюдения были любезно сообщены различными специалистами[2]. Полученные данные были частично опубликованы (Новоселов 1995, 1998).

Из всех строительных материалов плинфа является самым массовым и, пожалуй, самым информативным. В последнее время интерес к плинфе как к источнику заметно повысился, что было вызвано, главным образом, работами П.А. Раппопорта, посвященными технологической стороне плинфяного производства (Раппопорт 1977, 1989, 1994). В 1970-е П.А.Раппопортом было выдвинуто предположение, подтвержденное практическими исследованиями, о постепенном уменьшении основного формата плинфы в памятниках смоленского зодчества (Раппопорт 1976). Такое же предположение относительно новгородских памятников было высказано Г.М. Штендером (Штендер 1977, 1980). Позднее изменение основного формата плинфы новгородских памятников было рассмотрено в работах П.А. Раппопорта и Н.Н. Демичевой (Раппопорт 1982; Демичева 1984). На основе сделанных наблюдений была предпринята попытка датировать памятники новгородской архитектуры по данным об изменении основного формата плинфы. Однако, если датировка смоленских памятников по формату плинфы дала положительные результаты, то о положительных результатах применения данной методики к памятникам нов-

[1] Плинфа в кладке Николо-Дворищенского собора (Новгород), ц. Успения и Никольского собора (Старая Ладога) изучалась в местах реставрационных раскрытий.

[2] Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленную информацию С.В.Белецкому, В.А.Дружинину, С.В.Лазарову, Н.К.Стеценко, С.П.Михайлову.

© Н.В.Новосёлов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

городского зодчества вряд ли можно говорить: отдельные памятники выпадают из общей картины эволюции, к тому же эволюцию основного формата плинфы остальных памятников, вероятно, нельзя рассматривать как постепенные изменения, происходящие в русле одной традиции; можно говорить лишь об общей тенденции к уменьшению формата. Кроме того, данная методика, по мнению ее авторов, может давать погрешность в 10-15 лет (Раппопорт 1982: 199; Демичева 1984: 220), что ограничивает возможности ее применения к новгородским памятникам, которые в настоящее время более или менее точно (примерно с такой же погрешностью) датируются на основании других данных.

На наш взгляд, отсутствие строгой закономерности в изменении формата плинфы новгородских памятников объясняется двумя причинами. Во-первых, формат плинфы в новгородской архитектуре не играл существенной роли, он не был архитектурным модулем, поэтому трепетного отношения к формату плинфы со стороны ее изготовителей не существовало, как не существовало и определенного стандарта на плинфу. Изготовление плинфы того или другого формата определялось прежде всего традицией, характерной для той или другой группировки плинфотворителей. В рамках этой традиции могли происходить изменения, носящие случайный характер. Во-вторых, изменение формата плинфы может объясняться участием в новгородском строительстве разных группировок плинфотворителей, которые, вливаясь в новгородскую строительную организацию, вносили технологические изменения в производство плинфы.

Однако, если данные о формате плинфы достаточно часто фигурируют в публикациях, то другие характеристики большинством исследователей, как правило, не учитываются. Между тем, такие характеристики как состав керамического теста, следы на поверхностях, деформированность, наличие закраин (натека керамического теста) и особенности их расположения являются важнейшими параметрами для изучения технологических особенностей плинфяного производства. Именно этими характеристиками (а не форматом) определяется та или иная традиция производства плинфы, «почерк» различных группировок плинфотворителей. Поэтому особое внимание при анализе плинфы Новгородской земли нами уделялось не формату (хотя он, безусловно, учитывался), а именно этим характеристикам. Основой для этого анализа являлась схема описания основных параметров плинфы, разработанная сотрудниками сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, основной акцент в которой делается на вышеназванные характеристики[3].

[3] Автор выражает благодарность О.М. Иоаннисяну и Е.К. Торшину за ознакомление с этой методикой.

Новгород. Церковь Благовещения на Городище

В ходе исследования нами была рассмотрена плинфа этого памятника, полученная при раскопках М.К.Каргера 1969-1970-х гг. и хранящаяся в фондах НГМЗ (всего 21 экземпляр, из них 6 целых).

Осмотренная плинфа имеет формат 35-37 × 20-22 × 3,5-5 см[4]. Помимо плинфы этого формата в коллекции был встречен фрагмент плинфы, имеющей размеры ? × 14,5 × 5-5,5 см, который по остальным характеристикам может быть отнесен к той же группе, что и плинфа основного формата (НВ 20060-50). Возможно, этот фрагмент «зубчика», использовавшегося для украшения карнизов закомар или арматурного пояса барабанов.

В этой же коллекции имеется один экземпляр плинфы, имеющей формат 27,5 × 17 × 4-4,5 см, с отпечатками травы на нижней постели, который, судя по своим характеристикам, относится ко второй половине XII в. и был использован при одном из поздних ремонтов храма (КП 33676-10).

Плинфа основного формата отличается грубой формовкой. Чрезвычайной шероховатостью отличается не только нижняя постель, но и торцы плинфы. Судя по ряду признаков — закраины на торцах только со стороны нижней постели, закраины на верхней постели со стороны торцов, изогнутость (вогнута верхняя постель) — осмотренная плинфа была сформована в жесткой рамке, не имевшей дна. Возможно, в некоторых случаях борта рамки находились не строго перпендикулярно, а под углом к поверхности формовочного стола, однако шероховатость торцов плинфы не позволяет с уверенностью говорить об этом.

Во многих случаях на нижней постели плинфы заметны отчетливые отпечатки песка.

Плинфа имеет светло-коричневый цвет, встречаются пережженные и недожженные плинфы. В качестве отощителя, помимо песка, в некоторых случаях в тесте присутствуют мелкие камни (фракции до 1,5 см). В изломе часто встречаются небольшие пустоты.

Новгород. Николо-Дворищенский собор

Плинфа Николо-Дворищенского собора, судя по экземплярам, хранящимся в НГМЗ и находящихся в раскрытых участках кладки, отличается четкой формовкой (во взвешенном состоянии осмотрено 6 экземпляров, из них 2 целых). Верхняя постель плинф гладкая, нижняя слегка шероховатая. На верхней постели

[4] Полученные данные несколько расходятся с данными П.А.Раппопорта (35-38 × 20-23 × 4-5,5) и Г.М. Штендера (33,5-38 × 21-23 × 4,5-5,5) (Раппопорт 1982: 198; Штендер 1977: 443).

часто встречаются следы скольжения правила. Закраины на верхних постелях осмотренных плинф со стороны поперечных торцов больше, чем со стороны продольных (в последнем случае закраины часто вообще отсутствуют). Закраины на поперечных торцах со стороны нижней постели больше, чем на продольных. В двух случаях на верхней постели в 0,5-1 см от продольного торца имеется отпечаток ребра доски, расположенный почти параллельно торцу (НИАП 15908; КП 33676-11). Эти особенности дают основание предполагать, что осмотренная плинфа была сформована в разъемной рамке. Поперечные борта этой рамки входили в пазы, сделанные в продольных бортах и были выше последних; после того, как сырец был сформован, поперечные борта поднимались вверх, а продольные отнимались в стороны. Не исключено, что рамка состояла из нескольких секций.

Плинфу, осмотренную во взвешенном состоянии и в кладке, по формату можно разделить на две группы (наблюдения автора и В.А.Дружинина). Плинфа первой группы имеет формат 37-37,5 × 21-21,5 × 4-5,5 см, второй – 32,5-33 × 15-16 × 4-5,5 см (плинфа последней группы встречается преимущественно в барабанах).

Пятиугольные плинфы-«зубчики» имеют такие же общие размеры, как и плинфа второй группы при длине клина 15,5-16 см; угол клина равен примерно 40-45°, а его вершина часто бывает усеченной. Осмотренные плинфы-«зубчики» имеют закраины на верхних постелях со стороны торцов лишь за пределами клина. Это говорит о том, что «зубчики» изготовлялись в два этапа: вначале формовался прямоугольный сырец, затем у него отрезались два противолежащих угла по линиям, соединяющим середину поперечной стороны с серединами продольных.

Плинфа Николо-Дворищенского собора имеет ровный светло-коричневый или оранжевый цвет. В одном случае на верхней постели были замечены следы дождя, говорящие о том, что плинфа сушилась под открытым небом (КП 33676-11).

Новгород. Рождественский собор Антониева монастыря

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа из фондов НГМЗ (13 экземпляров, фрагменты) имеет размеры ? × 20-22 × 4-5,5 см. В раскрытых участках кладки встречается плинфа, имеющая размеры 20-22 × 7-8 см (по выступающей на поверхности стороне)[5].

Вся осмотренная во взвешенном состоянии плинфа отличается грубой формовкой. Многие плинфы имеют изогнутость (вогнута верхняя поверхность), почти на всех плинфах есть закраины со стороны торцов на верхней постели и на торцах со стороны нижней постели. Это может говорить о том, что осмотренная плинфа была сформована в жесткой рамке. В двух случаях были отмечены следы скольжения правила на верхней постели (НВ 22-61-27; НВ 20188-57). Часто встречаются недожженные плинфы. Судя по всему, вся осмотренная плинфа демонстрирует одну традицию плинфотворения, соответствующую традиции мастеров церкви Благовещения на Городище.

К сожалению, малая информативность плинфы в раскрытых участках кладки не позволяет пока идентифицировать с ней плинфу, хранящуюся в фондах НГМЗ. Также не удалось сделать каких-либо выводов о сходстве или различии плинфы в разных частях здания, следовательно, вопрос о времени возведения нартекса храма и о возможном участии в строительстве основного объема храма и нартекса разных мастеров остается открытым.

Между тем, хранящиеся в фондах НГМЗ три фрагмента плинф-«зубчиков» этого храма могут свидетельствовать об участии в его строительстве двух группировок плинфотворителей. Один фрагмент «зубчика» (НВ 22061-25) имеет такие же размеры и пропорции, как «зубчики» Николо-Дворищенского собора (длина клина 16 см, угол клина 45°, максимальная ширина 16 см). Два других фрагмента «зубчиков» (НВ 22061-27; НВ 22061-29) имеют угол клина, близкий к 80° при длине клина 9,5 см; максимальная ширина 14-15 см. По свои параметрам они близки фрагменту «зубчика» церкви Благовещения на Городище (НВ 20060-55) и «зубчикам» более поздних храмов, например, церкви Успения и церкви Георгия в Старой Ладоге.

Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря

Плинфа этого храма была осмотрена лишь в раскрытых участках кладки. Осмотренная плинфа имеет размеры ? × 20-21,5 × 4-5 см (по выступающей на поверхности стороне)[6]. Насколько об этом можно судить, плинфа Георгиевского собора по своим характеристикам напоминает плинфу Николо-Дворищенского собора.

Новгород. Церковь Иоанна на Опоках

Осмотренную во взвешенном состоянии плинфу этого храма из фондов НГМЗ можно разделить на две группы. Плинфа первой группы относится к строительству 1127 года (6 экземпляров, фрагменты), плинфа второй группы – к строительству 1184 года (4 экземпляра, из

[5] По данным Г.М.Штендера, плинфа этого храма имеет размеры 32,5-35 × 21-23 × 4,5-8 см (Штендер 1977: 443)

[6] По данным Г.М.Штендера, плинфа этого храма имеет размеры 35,5-38 × 21,5 × 4,4-5 см (Штендер 1977: 443).

них 1 целый). Плинфа первой группы имеет размеры ? × 20,5-21,5 × 4-5,5 см (один фрагмент (НВ 17569-12) – ? × 23 × 4 см). Плинфа второй группы имеет размеры 25,5 × 17-18 × 4-5 см[7].

Плинфа первой группы отличается четкой формовкой. Несмотря на ее чрезвычайную затертость, вероятно, вследствие повторного использования, некоторые ее особенности позволяют предположить, что она была сформована в разъемной рамке, аналогичной рамке, в которой была сформована плинфа Николо-Дворищенского собора. Какие-либо следы на поверхности этой плинфы отсутствуют.

Плинфа второй группы отличается грубой формовкой. Ряд признаков свидетельствует о том, что она была сформована в жесткой рамке. На нижней постели эта плинфа имеет отпечаток травы.

Новгород. Трапезная Антониева монастыря

Трапезная Антониева монастыря, упомянутая в летописи под 1127 годом, в настоящее время археологически не выявлена. Однако экспедицией Вал.А. Булкина в 1987 году был зафиксирован развал строительных материалов, возможно, относящихся к этой постройке. Фрагменты плинфы, происходящие из этого развала, отличаются грубой формовкой и имеют толщину 3,5-5-5 см (Булкин 1988, Л.7).

Новгород. Церковь Успения на Торгу

Плинфа церкви Успения на Торгу, по данным ее исследователей, имеет размеры 32-34,5 × 21-22 × 4,5-5 см (Пескова, Раппопорт, Штендер 1982: 42). Данные о других характеристиках плинфы этого памятника отсутствуют.

Новгород. Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне

Выявленные в ходе археологических исследований следы построек домонгольского времени в церкви Федора на Софийской стороне и в церкви Федора на Ручью, побуждали многих исследователей к поиску археологических свидетельств, позволяющих соотнести один из этих храмов с церковью Федора Тирона, упомянутого в летописи под 1115 годом (Штендер 1977; Булкин 1994, 1995; Булкин, Турова 1997).

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа церкви Федора Стратилата на Софийской стороне из фондов НГМЗ (8 экземпляров, фрагменты) по комплексу признаков относится к концу XII в. Осмотренная плинфа имеет размеры ? × 18-19 × 3-5 см и ? × 16-17 × 4-5 см. Фрагмент «зубчика» (КП 37312-8) имеет ширину, равную 12 см, высоту 4 см, длину клина 7 см, угол клина равен примерно 80°. Плинфа отличается грубой формовкой. Ряд признаков свидетельствует о том, что она была сформована в жесткой рамке. На верхней постели часто встречаются следы дождя, на нижней – отпечатки травы.

Псков. Церковь Дмитрия Солунского

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа этого храма, хранящаяся в фондах ПГМЗ (10 экземпляров, фрагменты), имеет светло-коричневый или оранжевый цвет. Формовка осмотренной плинфы достаточно четкая, хотя о способе формовки, ввиду фрагментарности материала, что-либо сказать невозможно. С осмотренных экземпляров удалось снять лишь один размер – высоту (3,5-5 см)[8]. Некоторые плинфы имеют отпечатки песка на нижней постели. В одном случае на верхней постели были замечены следы дождя (ПД 65/К62 ПИХМ 5149/9). Отличительной особенностью плинфы этого храма является наличие в керамическом тесте кирпичной крошки. Многие из осмотренных плинф имеют клейма на нижней постели.

Псков. Троицкий собор

По способу формовки и составу теста плинфа этого храма напоминает плинфу церкви Дмитрия Солунского. Ее отличительная черта – наличие в керамическом тесте кирпичной крошки[9]. Многие плинфы имеют почти квадратные пропорции (Белецкий 1996: 101).

Псков. Иоанновский собор

При строительстве Иоанновского собора использовалась плинфа различного формата: длина от 33 до 39 см и ширина от 23 до 25 см, кроме того, в верхних частях здания использовалась плинфа формата 3,5-6 × 15-17 × 22-23 см (Михайлов 1982: 77). Такой разброс размеров позволяет предположить, что плинфа Иоанновского собора представлена несколькими видами. Осмотр плинфы в раскрытом участке кладки западной стены показал, что большая часть плинфы имеет на торце закраины со стороны обеих постелей. Это говорит о том, что рамка, в которой формировалась данная плинфа, была разъемной. Однако другая группа плинфы этого же участка кладки имеет закраину лишь со стороны одной постели или вовсе не имеет закраины: возможно, ее формировали в жесткой рамке.

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа из фондов ПГМЗ (3 экземпляра, из них 1 целый) имеет размеры 34-34,5 × 22-23 × 4-5,5

[7] По данным П.А.Раппопорта, плинфа первой группы имеет размеры 35-36 × 22-24 × 5-5,5 см, второй группы 27-28 × 18-19 × 4-4,5 см (Раппопорт 1982: 198).

[8] По данный В.Д.Белецкого, средние размеры плинфы этого храма 31-32,5 × 23-24 × 4,5-5 см (Белецкий 1971: 272).

[9] Сведения С.В.Белецкого.

см. Расположение закраин на осмотренных экземплярах свидетельствует о том, что данная плинфа была сформована в разъемной рамке, похожей на рамку, в которой формировалась плинфа Николо-Дворищенского собора.

С.П.Михайловым было замечено, что некоторые плинфы собора имели на постельной стороне отпечатки травы. Отмеченная особенность представляется очень существенной так как отпечатки травы на постельной стороне являются отличительным признаком церкви Успения, ц. Георгия и ц. Петра (на р. Ладожке) в Старой Ладоге (Новоселов 1995: 93), а также новгородских храмов второй половины XII в. (Штендер 1977: 443). Плинфа ладожских храмов с отпечатками травы была сформована в жесткой рамке (Новоселов 1995: 93). Эта особенность позволяет сопоставить ее с плинфой церкви Благовещения на Городище и Рождественского собора Антониева монастыря и видеть в ней результат эволюции плинфы этих памятников, где отпечатки травы являлись своего рода технологическим нововведением. Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа Иоанновского собора была сформована в разъемной рамке и не имела на поверхностях отпечатков травы. Все это дает основание предполагать, что при строительстве Иоанновского собора использовалась плинфа двух видов: сформованная в разъемной рамке и сформованная в жесткой рамке, имеющая отпечатки травы на одной из постелей.

Псков. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа этого храма из фондов ПГМЗ имеет размеры ? × 20,3-20,5 × 5-6 см (два экземпляра, фрагменты). По данным Н.Н. Демичевой, плинфа, находящаяся в раскрытых участках, имеет размеры: 35 × 23 × 5,2; 33 × 23 × 5,5; 33 × 23 × 5,5; 33 × 23 × 5,5;38,5 × ? × 5,5; ? × 21,8 × 5,3; ? × 16 × 6; ? × 19,5 × 6; ? × 23 × 5; ? × 17,3 × 5,3 см (Демичева 1989: 114)[10].

Осмотренная во взвешенном состоянии и в кладке плинфа имеет ровный красно-коричневый цвет и отличается четкой формовкой. О способе формовки на основании имеющегося материала судить невозможно.

На торцах трех плинф, находящихся в кладке ложной межапсидной стенки есть изображения четырехконечных и восьмиконечных крестов. Одно из них можно охарактеризовать как клеймо; остальные — граффити.

Старая Ладога. Церковь Климента

Осмотренная во взвешенном состоянии плинфа этого храма из фондов СЛГМЗ (всего 20 экземпляров, из них 3 целых) отличается четкой формовкой. Плинфа имеет светло-коричневый или оранжевый цвет. Изредка встречаются пережженные и недожженные плинфы. В изломе часто встречаются небольшие пустоты. Почти вся осмотренная плинфа имеет изогнутость (вогнута верхняя постель) и небольшие закраины на верхней постели со стороны торцов. Это может свидетельствовать о том, что рамка, в которой формировалась плинфа, была жесткой. Закраины на торцах со стороны нижней постели свидетельствуют о том, что рамка не имела дна. Верхняя постель всех плинф достаточно гладкая, нижняя – слегка шероховатая. В двух случаях (СЛМ 18850; СЛМ 18848-18851) на нижней постели плинф были замечены незначительные отпечатки травы, вероятно, случайные.

По формату всю осмотренную плинфу можно разделить на три группы:

1. 31,5-32 × 19-20,5 × 4,5-5 см;
2. 33,5 × 14,5-15 × 5 см;
3. 35 × 21-22,5 × 6-6,5 см.

Старая Ладога. Церковь Успения

Осмотренная во взвешенном состоянии и в кладке плинфа этого храма имеет формат 30-32 × 17-18 × 4,5 см (во взвешенном состоянии осмотрено 12 экземпляров, фрагменты). Также выявлена плинфа дополнительного формата: 20-24 × 4,5 см (по выступающей на поверхности стороне). Сотрудниками НИИ «Спецпроектреставрация» в ходе исследования памятника найдено несколько фрагментов плинф-«зубчиков» и один целый «зубчик». Размеры «зубчиков» 31-31,5 × 11-13 × 4-5,5 см.

Плинфа церкви Успения имеет светло-коричневый или оранжевый цвет. Иногда встречаются недожженные плинфы. Изогнутость многих плинф (вогнута верхняя постель) и характер расположения закраин говорят о том, что осмотренная плинфа была сформована в жесткой рамке. Многие плинфы имеют на нижней постели отпечатки травы. Встречаются плинфы с отпечатками песка на нижней постели.

Старая Ладога. Церковь Георгия

Плинфа церкви Георгия по цвету, способу формовки и составу керамического теста похожа на плинфу церкви Успения (во взвешенном состоянии осмотрено 7 экземпляров, из них 3 целых). Многие плинфы имеют отпечатки травы на нижней постели. Основной формат плинфы церкви Георгия: 28-31 × 17-18,5 × 4-4,5 см (Петрунина 1988, Л. 38; Воинова, Лалазаров 1992, Л. 8,16,18). Выявлена также почти квадратная плинфа: 17-18,5 × 14-18 см (Петрунина 1988, Л. 38). Плинфы-«зубчики» имеют размеры 28 × 10-11 × 4-4,5 см (Воинова, Лалазаров 1992, Л. 8); длина клина 9,5 см.

[10] По данным М.И.Мильчика и Г.М.Штендера, основной формат плинфы этого храма 38 × 22-23 × 4,5-6,5 см (Мильчик, Штендер 1988: 77).

Старая Ладога. Церковь Петра (на р. Ладожке)

О плинфе этого храма можно судить лишь по экземплярам, хранящимся в СЛГМЗ (два экземпляра, из них один целый). Размеры плинфы: 29,5 × 17,5 × 5 см. По способу формовки, составу теста эта плинфа похожа на плинфу церкви Успения и церкви Георгия. На нижней постели осмотренные экземпляры имели отпечатки травы.

Старая Ладога. Церковь Воскресения (на Волхове)

О плинфе этого храма можно судить лишь по данным Н.Е.Бранденбурга и В.В.Суслова. По их данным, плинфа этого храма имеет размеры 7 × 4 × 1 вершок, то есть 31,5 × 18 × 4,5 см (Бранденбург 1896: 319). На торцах некоторых плинф имеются выпуклые изображения четырехконечных крестов (Бранденбург 1896: 126); это дает возможность предположить, что плинфа была сформована в разъемной рамке.

Старая Ладога. Никольский собор.

Осмотренную во взвешенном состоянии плинфу Никольского собора из коллекции СЛГМЗ по формату можно разделить на две группы. Плинфа первой группы имеет размеры ? × 19-20 × 4-5 см (9 экземпляров, фрагменты). Плинфа второй группы имеет размеры ? × 24-24,5 × 4,5-6,5 см (4 экземпляра, фрагменты). Представленные в единственном экземпляре целые плинфы формата 23 × 17 × 5 см (СЛМ 63734) и 24 × 23 × 4,5-5 см (СЛМ 63736) также, вероятно, могут быть отнесены ко второй группе.

Плинфа первой группы имеет светло-коричневый цвет, второй — оранжевый или красно-коричневый. Формовка плинфы обеих групп достаточно четкая, изогнутой плинфы не наблюдалось; очень вероятно, что осмотренная плинфа формовалась в разъемной рамке. В некоторых случаях на верхней постели и на торцах заметны следы скольжения правила; другие следы на поверхностях отсутствуют. В керамическом тесте некоторых плинф присутствует кирпичная крошка, что сближает плинфу Никольского собора с плинфой церкви Дмитрия Солунского и Троицкого собора в Пскове.

Плинфу, описанную в отчете об исследованиях памятника в 1978 году, также можно разделить на две группы: 1) 26-29 × 17-18 × 6-7,5 см; 2) 21-23,5 × 18,5-19 × 4,5-5 см с отпечатками травы, применена во вторичном использовании при закладке крестчатой формы юго-западного столба (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1979, Л. 2,10,11).

* * *

Сравнительное изучение плинфы Новгородской земли первой половины XII века позволяет предположить существенную дифференциацию в сфере ее производства. Различия в традициях плинфотворения позволяют говорить, что уже в начале XII в. в новгородском строительстве были задействованы две группировки плинфотворителей, одна из которых участвует в возведении Николо-Дворищенского собора и Георгиевского собора Юрьева монастыря, а другая — церкви Благовещения на Городище и Рождественского собора Антониева монастыря. В конце 20-х годов XII в. первая группировка плинфотворителей принимает участие в строительстве церкви Иоанна на Опоках, а вторая, возможно, в строительстве трапезной Антониева монастыря.

При строительстве Иоанновского собора в Пскове, вероятно, использовалась плинфа двух видов: 1) сформованная в разъемной рамке, традиция производства которой, возможно, восходит к мастерам Николо-Дворищенского собора, Георгиевского собора и церкви Иоанна на Опоках, 2) сформованная в жесткой рамке с отпечатками травы на поверхности, сопоставимая с плинфой церкви Успения, церкви Георгия и церкви Петра в Старой Ладоге и с плинфой новгородских храмов конца XII в.

Плинфа церкви Дмитрия Солунского в Пскове по ряду характеристик отличается от плинфы других храмов Новгородской земли. Возможно, в строительстве этого храма участвовали плинфотворители, ранее на территории Новгородской земли не работавшие. Наличие в керамическом тесте плинфы церкви Дмитрия Солунского кирпичной крошки позволяет соотнести ее с плинфой Троицкого собора в Пскове и Никольского собора в Старой Ладоге.

Плинфу церкви Климента в Старой Ладоге можно соотнести с плинфой собора Мирожского монастыря в Пскове, которая по ряду характеристик похожа на плинфу первого вида Иоанновского собора в Пскове, плинфу Николодворищенского собора, Георгиевского собора и церкви Иоанна на Опоках. Однако в отличие от плинфы этих памятников, плинфа церкви Климента была сформована, по-видимому, в жесткой рамке.

В условиях ладожского строительства середины XII века происходит, вероятно, слияние различных традиций плинфотворения, так как во всех известных нам новгородских храмах конца XII века используется плинфа, сформованная в жесткой рамке с отпечатком травы на поверхности.

Особенности плинфы различных памятников Новгородской земли первой половины XII века позволяют, таким образом, предположить деятельность в Новгородской земле в это время нескольких группировок плинфотворителей. Это в свою очередь ставит вопрос об участии в новгородском строительстве в это время нескольких строительных артелей.

Плинфа Новгородской земли 1100-х – 1160-х годов из музейных коллекций

Новгород. Церковь Благовещения на Городище. НГМЗ

Инв. №	Формат (см)	Расположение закраин	Деформированность	Примеси в керамическом тесте	Следы на поверхностях
1	2	3	4	5	6
КП 33676-2	36 × 21 × 4,5-5	На верхней постели	Вогнута верхняя постель		
КП 33676-3	35-35,5 × 21,5 × 4,5-5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели	Вогнута нижняя постель	Камни	
КП 33676-4	36 × 21-22 × 4	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель; торцы расположены под острым углом к нижней постели		
КП 33676-7	36-37 × 20,5-21,5 × 4	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
КП 33676- 10	27,5 × 17 × 4-4,5	На верхней постели со стороны продольных торцов; на торцах со стороны нижней постели	Вогнута нижняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
НП 20069-72	? × 20-20,5 × 4-4,5	На верхней постели	На поперечном торце со стороны нижней постели прорезана закраина		Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-53	? × 21 × 4,5	На верхней постели			
НВ 20060-54	? × 21,5 × 4-4,5	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели			Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели

1	2	3	4	5	6
НВ 20060-55	? × 14,5 × 5-5,5 «зубчик»?	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели			Следы песка на нижней постели
НВ 20060-56	? × ? × 3,5-4	На торце со стороны нижней постели		камни	
НВ 20060-57	? × 21 × 4,5-5,5	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны			Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-58	? × 20 × 5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели	Вогнута нижняя постель		
НВ 20060-59	? × 20 × 3-4	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-60	? × ? × 3,5				Следы песка на нижней постели
НВ 20060-61	? × ? × 4,2	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели		камни	Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-62	? × ? × 4,2	На торце со стороны нижней постели		камни	Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-62	? × ? × 4,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели		камни	Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели

1	2	3	4	5	6
НВ 20060-66/67/68	? × 22-23 × 3,5-4,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			
НВ 20060-69	? × 19 × 4-4,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели		камни	
НВ 20060-70	? × 20 × 3,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			Следы правки на верхней постели; следы песка на нижней постели
НВ 20060-72	? × 20-20,5 × 3,5-4	На верхней постели			Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели

Новгород. Николо-Дворищенский собор. НГМЗ

НИАП 15908	? × 21,5 × 4-4,5	На верхней постели, на продольном торце со стороны верхней постели	На одном поперечном и на одном продольном торцах со стороны нижней постели подрезана закраина		Следы скольжения правила на верхней постели; следы песка на нижней постели
КП 33676-11	35-35,5 × 15,5-16 × 4,5	На продольных торцах со стороны нижней и верхней постелей; на поперечных торцах со стороны нижней постели			Следы дождя на верхней постели
НВ 18648	«зубчик» высота 4,5-5,5; длина клина 15,5; угол клина 40º	На верхней постели, на торцах со стороны верхней и нижней постелей			
НВ 18649	«зубчик» высота 4,5; ширина 18; длина до клина 19,5				

1	2	3	4	5	6
НВ 20060-271	«зубчик» высота 4,5; ширина 16; длина клина 15,5; угол клина 40º	На верхней постели, на торцах клина со стороны верхней и нижней постелей.			

Новгород. Рождестенский собор Антониева монатыря. НГМЗ

НВ 22061-25	«зубчик» высота 4,5-5,5; длина клина 16				
НВ 22061-27	«зубчик» высота 5; длина клина 9,5; угол скруглен				Следы скольжения правила на верхней постели
НВ 22061-29	«зубчик» высота 4-4,5; длина клина 9,5				
НВ 22061-37	Высота 5,5				
НВ 20188-52	? × 21 × 4,5	На продольном торце со стороны нижней постели		Шамот	
НВ 20188-53	? × 20,5 × 4-4,5	На верхней постели, на поперечном торце со стороны верхней постели			
НВ 20188-54	? × 21 × 4,5-5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			
НВ 20188-55	? × 22 × 5-5,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели		Шамот	
НВ 20188-56	? × 20,5 × 4-4,5				
НВ 20188-57	? × 21-21,5 × 5-6	На верхней постели со стороны продольных торцов			Следы скольжения правила на верхней постели
НВ 20188-58	? × 21,5 × 4-4,5				
НВ 20188-59	? × 20 × 5-5,5	На верхней постели	Вогнута нижняя постель		

1	2	3	4	5	6
НВ 20188-60	? × 21 × 4,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			

Новгород. Церковь Иоанна на Опоках. НГМЗ

НВ 17569-1	Высота 5				
НВ 17569-2	? ×21,5 × 4,5	На верхней постели со стороны поперечных торцов; на продольных торцах со стороны нижней постели			
НВ 17569-3	Высота 4,5				
НВ 17569-4 (а,б,в)	? × 20,5 × 4	На верхней постели, на продольном торце со стороны нижней постели			
НВ 17569-5	? × 17-17,5 × 4-4,5	На торцах со стороны нижней постели	Вогнута нижняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
НВ 17569-6	? × 18 × 4-4,5	На верхней постели			Отпечатки травы на нижней постели
НВ 17569-7	Высота 4-4,5	На верхней постели			Отпечатки травы на нижней постели
НВ 17569-8	25,5 × 17 × 4-5	На торцах со стороны нижней постели			Отпечатки травы на нижней постели
НВ 17569-9	Высота 5,5				
НВ 17569-12	? × 23 × 4		Вогнута верхняя постель	Шамот	

Новгород. Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне. НГМЗ

КП 37312-1	Высота 3,5-4	На верхней постели			Отпечатки травы и щепы на нижней постели
КП 37312-2	Высота 4,5				Отпечатки травы на нижней постели

1	2	3	4	5	6
КП 37312-3	? × 18,5-19 × 5	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели			Следы дождя на верхней постели
КП 37312-4	? × 18 × 4.5-5	На верхней постели			Отпечатки травы на нижней постели
КП 37312-5	? × 18-19 × 3-3,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			Следы скольжения правила на верхней постели, отпечатки травы на нижней постели
КП 37312-6	? × 17-16,5 × 4	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели			Отпечатки травы на нижней постели
КП 37312-7	? × 16-17 × 5	На верхней постели со стороны продольных торцов, на поперечных торцах со стороны нижней постели			На верхней постели следы дождя; отпечатки травы на нижней постели
КП 37312-8	«зубчик» высота 4; длина клина 7; ширина 12				На верхней постели следы дождя; отпечатки травы на нижней постели

Псков. Церковь Дмитрия Солунского. ПГМЗ

ПД65/К62 ПИХМ 5149/9	Высота 4,2-4,5				Следы дождя на верхней постели
ПД65/К73 ПИХМ 5149/10	Высота 4,5			Кирпичная крошка	Клеймо на нижней постели
ПД65/К86 ПИХМ 5149/11				Кирпичная крошка	Метка
ПД65/К94 ПИХМ 5149/12	Высота 3,5	На торце со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Следы скольжения правила на торце; клеймо на нижней постели

1	2	3	4	5	6
ПД65/К99 ПИХМ 5149/13	Высота 4,2-4,7				Клеймо на нижней постели
ПД65/К104 ПИХМ 5149/14	Высота 3,5-4,5				Клеймо на нижней постели
ПД71/82 ПИХАМ 37377	Высота 4-4,2	На верхней постели	Подрезка закраины на торце со стороны нижней постели	Кирпичная крошка	Следы песка на нижней постели и на торце
ПД71/89 ПИХАМ 37377	Высота 4-4,5				Следы песка на нижней постели
ПД71/95 ПИХАМ 37377				Кирпичная крошка	Следы песка на верхней постели
ПД71/96 ПИХАМ 37377	Высота 4-5	На верхней постели			Следы песка на нижней постели и на торце

Псков. Иоанновский собор. ПГМЗ

	34-34,5 × 23 × 4-5,5	На верхней постели со стороны продольных торцов, на поперечных торцах со стороны верхней и нижней постелей	Подрезка закраины на поперечном торце со стороны нижней постели		
	? × 23 × 5	На продольном торце со стороны верхней постели			
	? × 22 × 4-5,5	На верхней постели			
	? × 20,5 × 6		Вогнута верхняя постель		Следы скольжения правила и метка на верхней постели
	? × 20,3 × 6		Верхняя постель выпуклая		

Старая Ладога. Церковь Климента. СЛГМЗ

СЛМ 62075	? × 19,5 × 6-6,5		Вогнута верхняя постель		
СЛМ 62073	35 × 21-22,5 × 6				

СЛМ 62075	? × 21,5 × 6-6,5		Вогнута верхняя постель		
СЛМ 62076	? × 21-21,5 × 6-6,5	На поперечном торце со стороны верхней постели			
СЛМ 18857	? × 19,5 × 5		Вогнута верхняя постель		
СЛМ 756473	? × ? × 5,5-6				
СЛМ 7975	? × 14,5 × 5,5		Вогнута верхняя постель		
СЛМ 7976	? × 20 × 5,5	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели	Подрезка закраины на поперечном торце со стороны нижней постели		
СЛМ 18850	33,5 × 14,5 × 5	На верхней постели, на продольном торце со стороны нижней постели	Подрезка закраины на поперечном торце со стороны нижней постели		Незначительные отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 18849 18851	31,5-32 × 20 × 4-4,5	На верхней постели, на продольном торце со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Незначительные отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 18852	? × 21 × 5				
СЛМ 18853	? × 19,5 × 4,5	На верхней постели			
СЛМ 18855	? × 19 × 4,5	На верхней постели	Вогнута верхняя постель		
СЛМ 18856	? ×15 × 5				
СЛМ 21164	? × 19-20 × 4,5				
СЛМ 21165	? × 20,5-21 × 5	На верхней постели	Вогнута верхняя постель		
СЛМ 21166	? × 20 × 4,5-5	На верхней постели, на продольном торце со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		
СЛМ 21167	? × 18,5-19,5 × 5-5,5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Следы песка на нижней постели
СЛМ 21168	? × 20 × 4,4-5	На поперечных торцах со стороны нижней постели			Следы скольжения правила на нижней постели

Старая Ладога. Церковь Успения. СЛГМЗ

1	2	3	4	5	6
СЛМ 90241	? × 17,5 × 4,5		Вогнута верхняя постель		
СЛМ 90242	? × 18 × 4,5-5,5		Подрезка закраины на торце со стороны нижней постели		Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 90243	? × 17,5 × 5,6		Вогнута верхняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 90244	? × 17 × 4	На верхней постели со стороны продольного торца			Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 90245	Высота 4,5				
СЛМ 90246	? × 16 × 4-4,5	На верхней постели со стороны поперечного торца			
СЛМ 90247	? × 17 × 4,5	На верхней постели со стороны поперечного торца, на продольном торце со стороны нижней постели			
СЛМ 90248	Высота 5,5	На верхней постели со стороны поперечного торца			Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 90249	Высота 4,5-6,5		Вогнута верхняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 90250	Высота 3,5-4,5	На верхней постели			
СЛМ 96150	Высота 4-4,5	На верхней постели			
СЛМ 96153		На торце со стороны верхней постели			

Старая Ладога. Церковь Георгия. СЛГМЗ.

СЛМ 8001	? × 20 × 4	На продольном торце со стороны нижней постели			

1	2	3	4	5	6
СЛМ 8002	23 × 11,5 × 4				
СЛМ 96151	30 × 17,5-18 × 4,5-5	На верхней постели, на поперечных торцах со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 96151	25,5 × 10,5-11 × 5	На продольном торце со стороны нижней постели	Вогнута верхняя постель		Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 7969	«зубчик» высота 4; ширина 10; длина клина 9,5				
СЛМ 7972	? × 17,5 × 4	На верхней постели, на продольном торце со стороны нижней постели			Отпечатки травы на нижней постели, следы скольжения правила на верхней постели
СЛМ 7973	«зубчик» высота 4; ширина 10; длина клина 9,5				Следы скольжения правила на верхней постели

Старая Ладога. Церковь на р. Ладожке. СЛГМЗ

СЛМ 7977	Высота 5				Отпечатки травы на нижней постели
СЛМ 7978	29,5 × 17,5 × 5				Отпечатки травы на нижней постели

Старая Ладога. Никольский собор. СЛГМЗ

СЛМ 63725	? × 19,5 × 4,5-5	На верхней постели со стороны поперечного торца			
СЛМ 63727	? × 19 × 4-5			Кирпичная крошка	
СЛМ 63278	? × 19 × 4,5-5				
СЛМ 63729	? × 19,5 × 4-4,5	На верхней постели со стороны поперечного торца		Кирпичная крошка	

1	2	3	4	5	6
СЛМ 63730	? × 19 × 4-5	На верхней постели со стороны поперечного торца			
СЛМ 63731	? × 19 × 4-5	На верхней постели со стороны поперечного торца, на продольном торце со стороны нижней постели.			
СЛМ 63733	Высота 5-5,5				
СЛМ 63734	23 × 17 × 5	На верхней постели, на торцах со стороны нижней постели			
СЛМ 63735	«зубчик»? ? × 15 × 4,5	На верхней постели со стороны поперечного торца, на продольном торце со стороны верхней и нижней постелей			Следы скольжения правила на верхней постели
СЛМ 63736	24 × 23 × 4,5-5	На продольном торце со стороны нижней постели		Кирпичная крошка	Следы скольжения правила на верхней постели
СЛМ 63737	? × 24,5 × 4,5-5	На продольном торце со стороны нижней постели			
СЛМ 63738	? × 20 × 5-5,5	На верхней постели со стороны поперечного торца		Кирпичная крошка	
СЛМ 63739	? × 24,5 × 5-6,5	На продольном торце со стороны верхней и нижней постели		Кирпичная крошка	
СЛМ 63740	? × 20 × 5-5,5				
СЛМ 63741	Высота 4-4,5	На продольном торце со стороны нижней постели			
СЛМ 7974	? × 24 × 5-6,5		Подрезка закраин на торце со стороны нижней постели. Вогнута нижняя постель		Следы скольжения правила на торцах

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий В.Д., 1971. Клейма и знаки на кирпичах конца XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове / / СА, № 2.

Белецкий С.В., 1996. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.

Бранденбург Н.Е., 1896. Старая Ладога. СПб.

Булкин В.А., 1988. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониевом монастыре. Л. // Архив НГМЗ.

Булкин В.А., 1994. Два эпизода из истории новгородского зодчества XII в. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

Булкин Вал.А., 1995. Новгородское зодчество начала XII в. по археологическим данным // Искусство Руси и стран византийского мира XII века. Тезисы докладов. СПб.

Булкин Вал.А., Турова Е.А., 1997. Церковь Феодора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде. Архитектурно-археологические исследования 1988-1991 гг. // Памятники старины. СПб, Псков, т.1

Воинова И.Л., Лалазаров С.В., 1992. Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия XII в. Научно-проектная документация. Т.3, кн.6, ч.4. Л. // Архив НИИ «Спецпроектреставрация».

Гусева О.Г., Иоаннисян О.М., Стеценко Н.К., 1979. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Никольском соборе в Старой Ладоге и камеральной обработке коллекции. Т.3, кн.2, Л. // Архив НИИ «Спецпроектреставрация».

Демичева Н.Н., 1984. Исследование памятников новгородского зодчества XII – начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича // СА, № 1.

Демичева Н.Н., 1989. О датировке памятников домонгольского зодчества в Пскове // КСИА, вып. 198.

Мильчик М.И., Штендер Г.М., 1988. Угловые камеры собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. М.

Михайлов С.П., 1982. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове // КСИА, вып. 172.

Новоселов Н.В., 1995. Плинфа Старой Ладоги // Древние культуры и технологии. СПб.

Новоселов Н.В., 1998. Храмы «мастера Петра» // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб.

Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1982. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА, № 3.

Петрунина И.А., 1988. Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Научно-проектная документация. Т.3, кн.11, ч.1. Л., // Архив НИИ «Спецпроектреставрация».

Раппопорт П.А., 1976. Метод датировки памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА, № 2.

Раппопорт П.А., 1977. Знаки на плинфе // КСИА, вып. 150.

Раппопорт П.А., 1982. Археологические исследования памятников новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник, № 1, Л.

Раппопорт П.А., 1989. Кирпич Древней Руси. // Памятники науки и техники (1987-1988). М.

Раппопорт П.А., 1994. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. СПб.

Штендер Г.М., 1977. О ранних Феодоровских храмах древнего Новгорода // Памятники культуры. Новые открытия. М.

Штендер Г.М., 1980. «Деисус» мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI-XVII вв. М.

Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров

ОБ АТРИБУЦИИ ОДНОЙ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦЕРКВЕЙ ФЕОДОСИИ

E.A. Aibabina, S.G. Bocharov. On Attribution of a Medieval Church in Feodosia.

The article is a research of origins and attribution of one of the four preserved Medieval churches in Feodosia (Crimea). The scientific literatures has various opinions on the name of the church, time of its foundation and ethnic belonging. Some believe that it has Greek origin, others support its Armenian provenance. The main debates about the confessional attribution of the temple are stirred not by its architecture, but rather by the frescos covering its interior. These frescos find numerous analogues among the sites of east-Byzantine regions in Asia Minor. The authors conclude that the studied site is in fact St. Dimitrii' church (XIV-XV c.) which belonged to the Greek community of Kaffa.

Месторасположение средневековых греческих церквей — один из менее изученных аспектов исторической топографии Каффы — Кефе (конца XIII — XVIII вв.). Точная локализация храмов, принимая во внимание тезис о «демотопографической» организации фактории (Balard, Veinstein 1981: 89) (город разделялся на кварталы — контрадо, которых насчитывалось около шестидесяти (Balard 1979: 207), и каждый квартал имел свою определенную этническую доминанту), позволяет определить городские районы, где большую часть населения составляли представители греческой общины Каффы, и время заселения этих районов.

Настоящая статья посвящена одному из четырех сохранившихся до наших дней храмов Феодосийского Карантина. Церковь находится на северо-восточном участке средневекового городища, на небольшой возвышенности, расположенной между двумя водоотводными каналами, в пределах внешнего оборонительного кольца (1383 — 1389 гг.), в 35 м к северу от куртины В XX (Айбабина, Бочаров 1996: 69) (рис. 1; 2; 3).

Храм представляет собой простую прямоугольную в плане постройку с выступающей апсидой, имеет два хорошо выделенных объема: полукруглую апсидную часть и прямоугольный неф (размеры: по внешнему периметру 12,0 х 8,7 м, по внутреннему 10,5 х 6,9 м) (рис. 4; 5; 6). Стены храма сложены из разномерного известняка с лицевой подтеской на известковом растворе, замешанном на крупном морском песке, все углы здания сложены вперелет. Толщина северной и южной стен — 0,9 м, западной — 0, 8 м. Высота стен — 5,8 м. Вход расположен в западной стене (ширина — 0,9 м, высота — 1,9 м), над входом находится арка тимпана (рис. 7). В церкви было пять окон, из которых два (размером 0,8 х 1,2 м) находились в северной стене в 2,2 м над полом, два в западной: одно над дверью (размером 0,3 х 0,5 м), другое (размером 0,6 х 0,7 м) справа от дверного проема на высоте 1,2 м от уровня пола, пятое окно (размером 0,2 х 0,4 м) расположено по центру апсиды. Пол храма выложен из разномерных плит песчаника. Апсида полукруглая, выступающая из толщи стены на 2,6 м. Плечи апсиды выделены не очень сильно (внутренняя ширина плеч — 0,8 м, внешняя — 0,9 м). Толщина стены апсиды 0,7 м. Свод церкви стрельчатый, почти полукруглый, высота от пола до шелыги — 7,2 м. Крыша двухскатная, покрыта черепицей.

В научной литературе нет единого мнения о названии этой церкви, времени ее основания и этнической принадлежности.

По ведомости митрополита Игнатия в конце XVIII века в городе существовало одиннадцать греческих церквей: Пресвятой Богородицы, св. Николая, св. Варвары, Преображения Христова, Вознесения Господня, св. Георгия, св. Георгия, св. Дмитрия, св. Параскевы, св. Феодоров Тирона и Стратилата и Успения Пресвятой Богородицы (Лашков 1886: 140-141). На 8 гене-

© Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

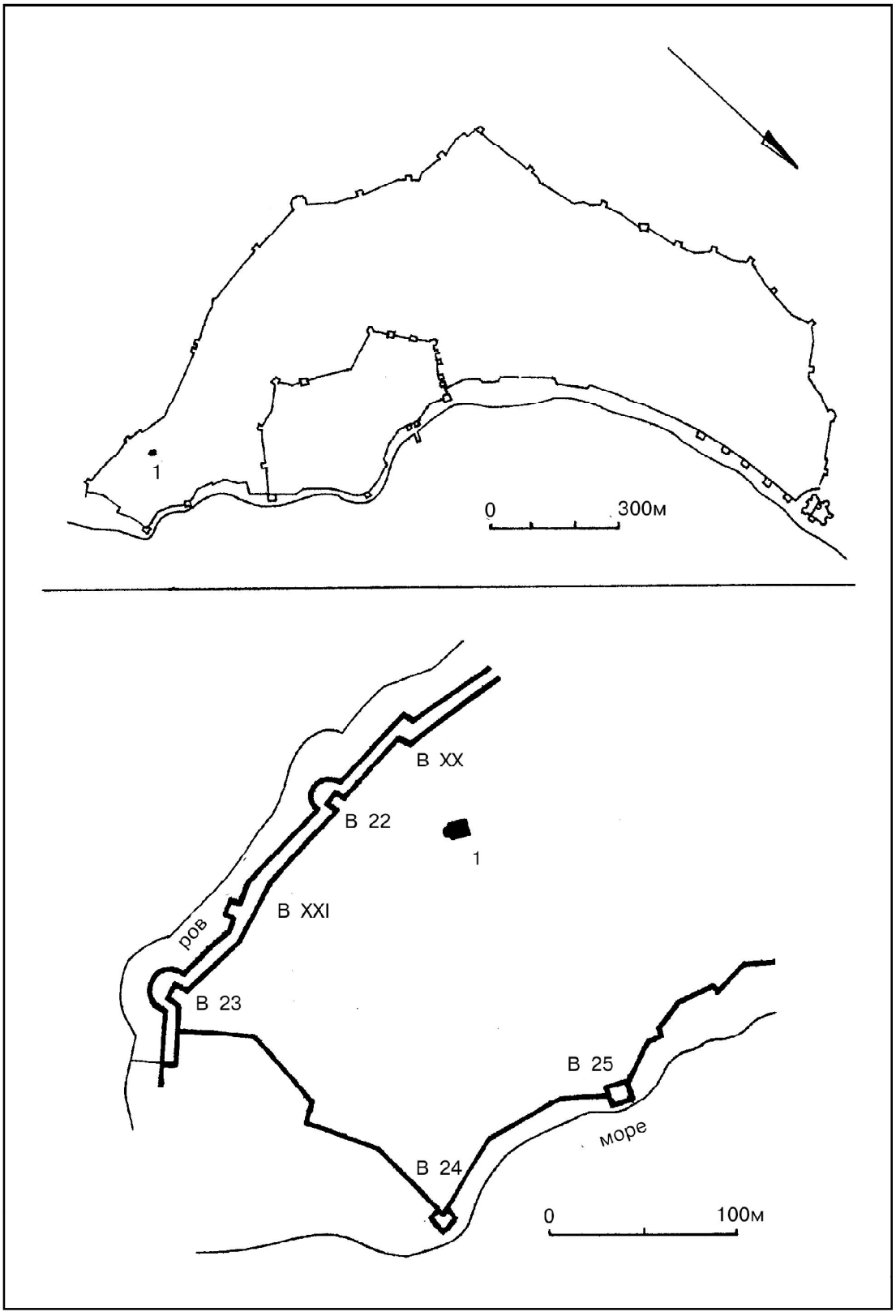


Рис. 1. Местоположение церкви Св. Димитрия в Каффе.
1 — церковь Св. Димитрия; В 22, В 23, В 24, В 25 — крепостные башни; В XX, В XXI — куртины.

Рис. 2. Церковь Св. Димитрия (вид с северо - востока).

Рис. 3. Церковь Св. Димитрия (вид с северо - запада).

ральных планах Каффы — Феодосии конца XVIII в. храм отмечен как греческий, на одном из них указано и его название — церковь св. Димитрия (Халпахчьян 1979: 35-49).

В начале XIX века Гавриил Айвазовский приводя описание храма, называет его греческой церковью святого великомученика Димитрия и отмечает, что в ней содержатся карантинные арестанты (Айвазовский 1846: 321-322).

В 1872 году М. П. Погодиным был опубликован «План города Каффы 1784 г.» (крайне схематичный и малоинформативный), в настоящее время копия этого плана хранится в Феодосийском краеведческом музее (ФКМ. КП 57/1. Д 3431). На экспликации к плану исследуемая церковь указана как «Армянская церковь св. Стефана с фонтаном 1491 г.» (Погодин 1872: 301-307. Таб. IV). Происхождение этого плана неясно, его исполнение не имеет ничего общего с планами, снятыми российскими военными топографами в конце XVIII века (Халпахчьян 1979: 35-49), кроме того, обращают на себя внимание явные ошибки в экспликации: греческая церковь св. Параскевы названа армянской, а храм св. Феодоров Тирона и Стратилата [1] назван греческой церковью св. Петра (Погодин 1872: Таб. IV).

В работе Х.Кучук-Иоаннесова об армянских рукописях Южной России и Крыма, изданной в 1892 году, храм уже называется армянским (Кучук-Иоаннесов 1892: 35).

Церкви св. Димитрия была полностью посвящена статья Д.Маркова, опубликованная в 1912 году. Автор уже не знал названия этой церкви, но ее греческая принадлежность не вызывала у него сомнений (Марков 1912: 184-195). Он выделяет семь признаков ее «греческой принадлежности»: незначительные размеры храма; незначительный выступ алтарной апсиды; низкая высота двухскатной крыши; свод, который имеет форму правильного полукруга; незначительная высота алтарного возвышения; внешний вид и внутреннее содержание фресок в византийском стиле; надписи на фресках на греческом языке (Марков 1912: 194-195). Время постройки храма определено им «... никак не ранее XV столетия» (Марков 1912: 195).

В конце 1911 и в 1912 году в церкви проводились ремонтные работы. Цель ремонта заключалась в том, чтобы освободить северную стену от деревянных подпорок, которые ее поддерживали, и заполнить камнями и строительным раствором щели, образовавшиеся в западной и восточных стенах. Северная и южная стены были скреплены четырьмя железными связями, при этом использовался порох, которым пробивались отверстия в стенах для крепления связей (Марков 1912: 185-186).

[1] В 1996 году храм св. Феодоров Тирона и Стратилата был исследован Феодосийской археологической экспедицией. Смотри: Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1996 а.

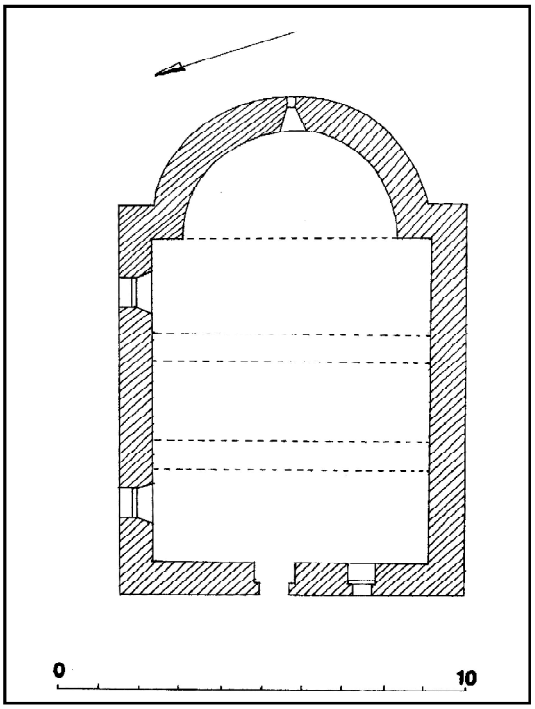


Рис. 4. План церкви Св. Димитрия.

В путеводителе по Феодосийскому музею Н.Барсамов и П.Заболоцкий упоминают о «... древне-греческой церкви св. Стефана (в Феодосийском карантине)» (1927: 16).

Фресковые росписи церкви были обследованы И.Грабарем, в своем письме из Феодосии, датированном 6 мая 1927 года, он отмечает: «Фрески, предположительно приписывавшиеся на основании моего “Феофана Грека” — Феофану, оказались его времени, но совершенно другого мастера» (Грабарь 1966: 258).

В том же 1927 году А.П.Смирновым в Академии истории материальной культуры был прочитан доклад «О росписи Феодосийской карантинной церкви». На основании анализа фресковой росписи храма автор считает, что датировать этот памятник необходимо XVI веком (Залесская 1991: 310-311).

А.Л.Якобсон вслед за М.П.Погодиным называет храм церковью св. Стефана, датируя его XIV веком, но придерживается мнения о греческой принадлежности храма. О фресковых росписях он замечает : «... выполнены они с большой экспрессией и свидетельствуют о незаурядном мастерстве греческих художников Каффы, находившихся на уровне высокой живописной культуры Византии XIV в.» (Якобсон 1964: 117).

В монографии, опубликованной в 1966 году и посвященной средневековым фрескам Крыма, О.И.Домбровский пишет о храме св. Стефана и не оспаривает его греческого происхождения (Домбровский 1966: 61).

В.А.Микаелян лишь упоминает о сохранившемся в Феодосии здании церкви св. Степаноса (Микаелян 1974: 130).

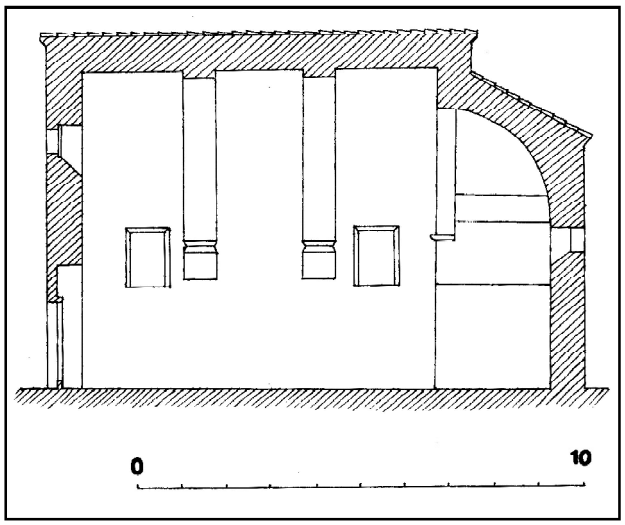


Рис. 5. Церковь Св. Димитрия. Разрез.

Э.М.Корхмазян относит исследуемую церковь к армянским памятникам Каффы, опираясь на план, опубликованный М.П.Погодиным, называет ее церковью св. Стефана и строительство храма относит к первой половине XV века (Корхмазян 1975: 90).

Как видно из приведенных выше данных, все исследователи (за исключением Д.Маркова) вслед за М. П.Погодиным называют изучаемый храм церковью св. Стефана (сделанное ранее Г.Айвазовским описание церкви осталось не востребованным). Относительно ее конфессиональной принадлежности существуют две точки зрения. В пользу греческого происхождения выступали Д.Марков, Н.Барсамов и П.Заболоцкий, А.Л.Якобсон, О.И.Домбровский, Н.Салько. В пользу армянского — М.П.Погодин, Х.Кучук-Иоаннесов, В.А.Микаелян, Э.М.Корхмазян.

Первое известное нам упоминание греческой церкви св. Димитрия известно в массариях Каффы и относится к 1386 году (Balard 1978: 213). Сведения о ней есть и в XV веке (Balard 1987: 229).

Основные споры по поводу конфессиональной принадлежности храма вызывает не его архитектура, а фрески, покрывавшие его внутреннюю часть. Первое подробное описание их сделано Д.Марковым, хотя ранее они были упомянуты М.П.Погодиным. Наиболее обстоятельный искусствоведческий анализ росписей и их научно-обоснованная датировка осуществлены О.И.Домбровским. Э.М.Корхмазян отмечает разницу в стиле изображения сцен Деисуса и Евхаристии (Корхмазян 1978: 105-106).

Фресковые росписи покрывали, очевидно, весь внутренний объем храма. В настоящее время они сохранились в конхе апсиды, на арке, справа от алтаря на простенке, на пилястре ближайшей ко входу арки северной стены, на западной стене. Наиболее значительные остатки фрески — в апсиде и на западной стене (рис. 8-10; 14). Фреска делилась на ярусы красной полосой: сохранились росписи двух ярусов и следы третьего в виде маленьких фрагментов в нижней части конхи. В конхе апсиды помещен Деисус: Христос, сидящий на троне, и стоящие слева и справа от него Богоматерь и Иоанн Предтеча. Композиция Деисуса, занимающая верхний ярус — самое значительное по расположению и наибольшее по площади место, написана в свободной живописной манере. Сохранилась бóльшая часть фигуры Христа в хитоне и гиматии с Евангелием в левой руке (рис. 8). Над головой его украшенные драгоценными камнями и жемчугом нимб с крестом. Под ногами плоская скамеечка. Стоящая слева фигура Богоматери с приподнятыми и протянутыми к Христу руками, повернута к нему (рис. 8). Над головой Марии нимб. Справа от Христа Иоанн Предтеча в голубом плаще с крестообразным посохом. Фигуры композиции помещены на фоне драпировки с узором. Фигуры статичны, торжественны, складки одеяний свободно спадают вниз. Тонко прорисованы детали одежд, трона Иисуса Христа, узорчатые ткани. Колорит фрески выдержан в синих, серо-голубых, голубых, а также коричнево-золотистых, красных, оранжево-красных густых и насыщенных тонах.

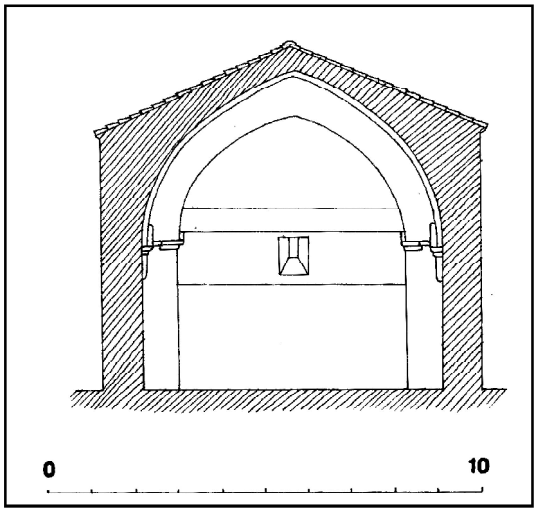


Рис. 6. Церковь Св. Димитрия. Разрез.

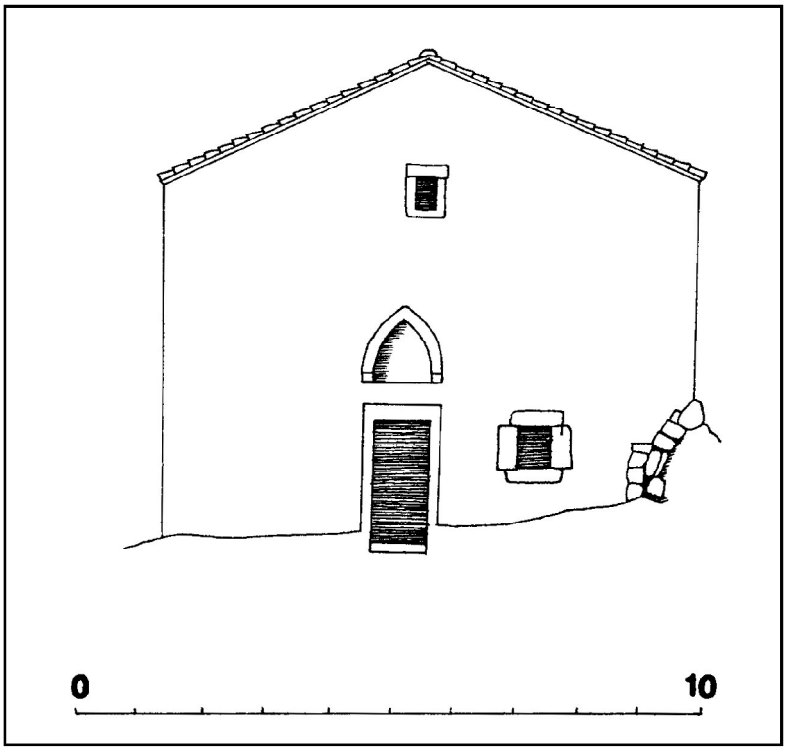


Рис. 7. Церковь Св. Димитрия. Фасад западной стены.

Во втором ярусе в центре апсиды находился образ Знамения с изображением Божьей Матери с младенцем Иисусом, ныне полностью утраченный (Домбровский 1966: рис. 30). Слева и справа сцены Евхаристии с двойным изображением Христа; справа — сидящего за трапезой с чашей в руке, с шестью апостолами, слева, дающего хлеб и благословляющего шестерых других апостолов (рис.10). Изображения Христа плохо сохранились, по контуру рисунка можно предположить, что лик его повернут к апостолам. Фигуры апостолов направлены к центру композиции. Они представлены в движении с протянутыми вперед руками, повернутыми и поднятыми к Христу ликами. Над головами апостолов изображены нимбы, очерченные красно-белой линией и написанные охрой. Коренастые фигуры апостолов облачены в гиматии красновато-коричневых тонов. Композиция симметрична, но не однообразна: различное положение рук, шагающих ног, развевающихся складок одежд, разные позы святых придают фреске динамичность.

Христос изображен сидящим за престолом, покрытым свисающим до полу платом с рисунком из украшенных жемчужинами и сетчатым узором крестов, создающим впечатление богато расшитой ткани темно-оранжевых, охристых тонов (рис. 10). На престоле перед Христом (левая часть сцены) стоит дискос с дарами. Правая сторона фрески полностью утрачена, видны лишь полустертые куполообразная сень кивория, голова Христа и кровля рядом находившегося портика.

Значительная часть фрески в центре апсиды утрачена в результате осыпания штукатурки, помимо этого все лики изображенных персонажей намеренно стерты, что сильно затрудняет атрибуцию живописи.

Фреска Евхаристии феодосийской церкви в основном повторяет схему, представленную в изображении Евхаристии в Софийском и Михайловском соборах в Киеве. В мозаичных композициях Софийского и Михайловского соборов, в отличие от феодосийской фрески, в сцене причащения по обеим сторонам престола изображены ангелы с рипидами. Иисус Христос представлен стоящим и подающим апостолам вино и хлеб. Все фигуры Михайловской и Софийской мозаик примерно равновелики, в Софийской — святители с поклоном принимают благословение. Фигуры апостолов феодосийской фрески более подвижны, в изображении их видна некоторая диспропорция: тела приземисты, головы крупные. Изображение святых апостолов с нимбами соответствует традиции и встречается в ряде византийских монументальных памятников (Лазарев 1966: 42). Святые как бы выдвинуты на передний план, в то время как фигуры сидящего за престолом под сенью кивориев Иисуса Христа находятся в отдалении, возвышаясь над ними. Это придает изображению Христа торжественность и некоторую отстраненность. Кивории, как и фигуры Христа симметричны, высокий округлый купол поддерживается тонкими колоннами, между которыми развеваются легкие узорные волюмы. Третий, нижний ярус росписи апсиды, по реконструкции Д.Маркова, составляли изображения святых. От росписей этого яруса остались лишь небольшие

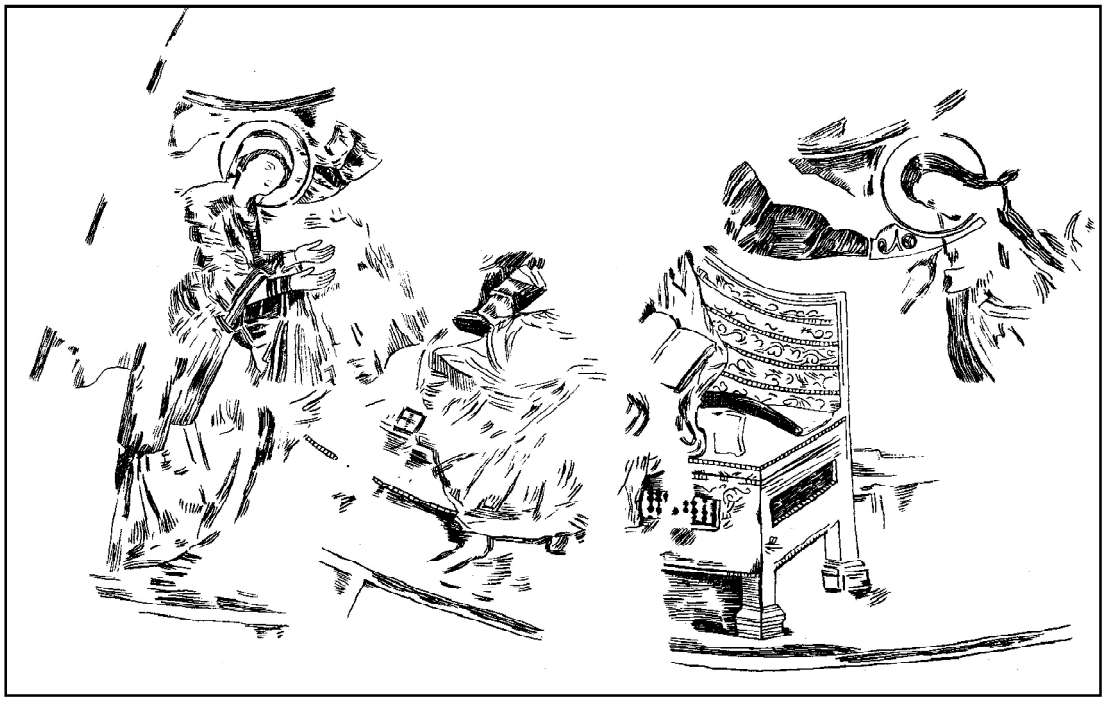


Рис. 8. Церковь Св. Димитрия. Деисус. Изображения Иисуса Христа на троне, Богоматери (слева) и Иоанна Предтечи (справа) (прорисовка).

фрагменты фрески, по которым невозможно судить об их сюжете. Фреска, сохранившаяся в конхе феодосийской церкви, полностью совпадает с росписью Трапезундского храма св. Софии (Hagia Sophia, Tower chapel, 1250–1270 гг.) (Bryer, Winfield 1985: 231-236, fig 69, pl 179a) по сюжетам двух верхних ярусов, по их соразмерности, аналогичны также позы изображенных фигур. Сцена Евхаристии построена по подобной схеме, но в трапезундской фреске изображения Христа поставлены в один ряд с апостолами, по обе стороны от алтаря, за которым стоят ангелы. Фигуры апостолов более статичны. Некоторые из них повернуты друг к другу в беседе. В этой сцене Христос обращен к апостолам, более приближен к ним, в то время как на феодосийской фреске на Христе сосредоточено все внимание апостолов. Она передает чувство единого порыва, искренней и несомненной веры. Изображения святых апостолов приближаются также к образам мозаики храма св. Софии в Салониках, росписей древнерусской Спасо-Нередицкой церкви (Домбровский 1966: 64-65). Как считает О.И.Домбровский, по живописным приемам и композиции феодосийские фрески находят аналогии в росписи XIII в. храма в Сопочанах и церкви XIV — XV вв. в Мало-Малово в Западной Болгарии (Домбровский 1966: 66). Они совпадают даже некоторыми деталями изображений — ликов, пропорциями фигур, трактовкой одеяний. В ликах святых, в передаче поз, манере и стиле изображений

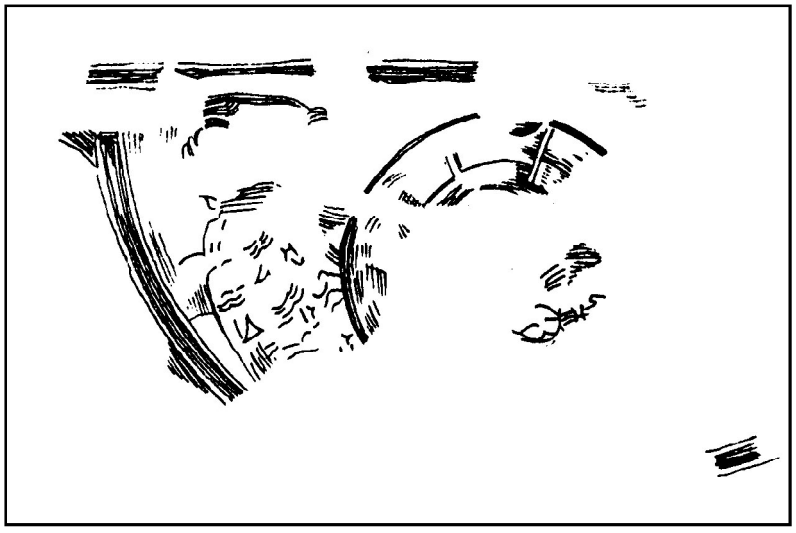


Рис. 9. Церковь Св. Димитрия. Изображение Спаса Нерукотворного (прорисовка).

Рис. 10. Церковь Св. Димитрия. Евхаристия (левая сторона) (прорисовка).

О.И.Домбровский видит несомненно греко-византийские черты и традиции и датирует их ранним XIV в. (Домбровский 1966: 68).

Подобным образом фрески атрибутирует Н.Салько (1973: 29). Оба исследователя считают, что они созданы под влиянием византийского искусства конца XIII — XIV вв., распространившимся в восточно-византийском регионе, в том числе и Крыму.

Э.М.Корхмазян фрески феодосийского храма сопоставляет с армянской миниатюрной и фресковой живописью коренной Армении и Крыма: миниатюрами Аракела, фресками храмов Татевского монастыря и на о. Ахтамар. В облике святых Евхаристии, в их ликах, по ее мнению, просматриваются восточные черты, а в колорите фресок используются голубые и охристые тона, широко применяемые крымскими миниатюристами (Корхмазян 1978: 104-105).

На заднем плане над головами святых апостолов видны вытянутых пропорций строения, которые Д.Марков считает изображением Иерусалима (Марков 1912: 190), О.И.Домбровский (1966: 64) называет их киворіями и архитектурными портиками (рис. 10). Они образуют в сцене Евхаристии третий план, находясь за спиной Иисуса Христа, что придает изображению большую пространственную глубину. Постройки с арочными входами, плоскими и двускатными крышами украшены орнаментами, подразумевающими, вероятно, каменный резной декор, и развевающимися легкими узорчатыми волюмами. По краю кровли ближайшего к Христу портика (левая часть сцены) идет рисунок из спиралевидных завитков. Аналогии орнаментальным украшениям «портиков» феодосийской фрески находим в декоре архитектурных сооружений, изображенных на миниатюрах «Евангелия Хитрово», создание которых связано с греческой традицией (Лазарев 1956а: рис 25, 27). Портики отделены от фигур апостолов широкой полосой с орнаментом из параллельных линий разного цвета.

Над сценой Деисуса в полукруге, отделенном красной полосой, находится изображение Спаса нерукотворного (рис. 9). Лик Спаса, полностью утраченный в результате вывала штукатурки, окружен темно-оранжевым нимбом с крестом и написан на светло-голубом узорчатом плате на темно-оранжевом золотистом фоне. Крест украшен орнаментом. Рисунок тонкого воздушного плата таков же, как на волюмах Евхаристии: отрезки тройных волнистых линий, между ними фигуры в виде небольших треугольников с точками на углах. Рисунок некрупный, но частый, нанесен темно-красной краской. Подобное изображение Спаса нерукотворного находится в центре тябла над апсидной аркой Мангупского пещерного храма, где оно датировано XV в (Домбровский 1966: 83-84, рис 50).

Фрески конхи, вероятно, представляли собой иконостас, в нижнем ярусе могли быть изображения святых и двунадесятых праздников (Марков 1912: 193). Композиция сверху обрамлена радужной аркой, состоящей из трех разделенных белой линией зигзагообразных полос, изломы которых окрашены в разные цвета (Домбровский 1966: 63). Подобные орнаментальные обрамления композиции Деисус, проведенные по арке алтарной апсиды, встречаются в храмах Каппадокии: Гореме (Goreme 19), Элмали-Килисе (Elmali kilise) (конха центральной апсиды), Гореме (Goreme 29a) (апсида), а также в обрамлении центральных апсид церкви св. Фе-

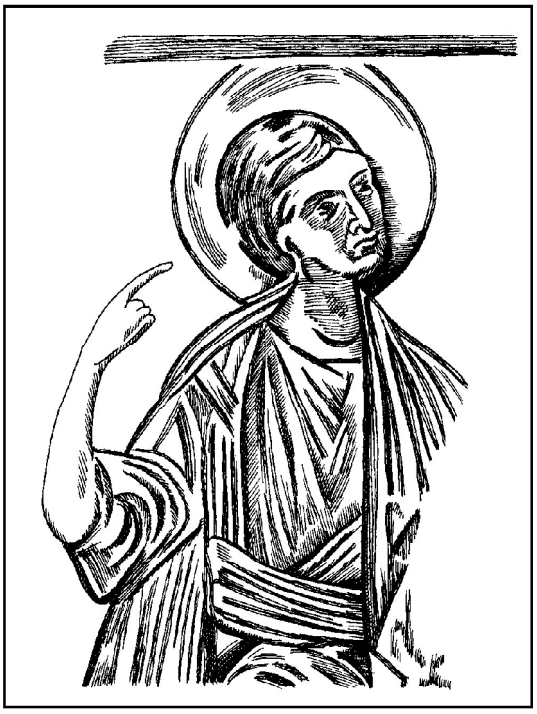


Рис. 11. Церковь Св. Димитрия. Изображение пророка Аввакума (прорисовка).

одора и Комлекси-Килисе (Comlekci kilisesi), заключающих композиции: Иисус Христос среди четырех символов, в Яланли-Килисе (Yilanli kilise) с композицией Христос во Славе в храме св. Георгия, фрески апсиды которого почти полностью утрачены (Jolivet-Levi 1991: pl 45, fig 1; pl 75, fig 1, 2; pl 89; pl 132, fig 1, 2; pl 161, fig 1; pl 169). Росписи этих храмов датируются с X по XI вв., Элмали-Килисе (Elmali kilize) — XI-XIII вв (Jolivet-Levi 1991: 60, 125, 143, 224, 295, 310). Подобные орнаменты, обрамляющие арку апсиды, широко известны. В сохранившейся части росписей храма не встречается декоративных элементов в стиле сельджукской орнаментики, широко распространившейся в архитектурном декоре полуострова с XIV в. Напротив, все мотивы имеют византийское происхождение.

На восточной стене, помимо многоцветного геометрического узора на арке апсиды, радужной небесной сферы, сохранилось поясное изображение пророка Аввакума с хартией в руке и под ним еще один портрет молодого пророка, по-видимому, Давида (Марков 1912: 192) (рис. 11). Лик его обращен к алтарной апсиде, правая рука поднята в крестном знамении. Оба портрета поясные, под изображением пророка Давида находится выступающая консоль апсидной арки. Колорит фрески с нижней фигурой детально описан О.И.Домбровским (1966: 63, рис 34). Верхняя фигура написана в тех же красных и оранжевых тонах, голова — на тускло-синем фоне.

На простенке справа от апсиды видны остатки стоящей в полный рост фигуры святого в темно-красном плаще и голубой тунике (сохранилась только левая сторона). На уровне головы полоса тускло-синего фона.

На ближайшей ко входу пилястре северной стены, над сталактитовой консолью изображен портрет святого воина в доспехах, надетых поверх туники и наброшенном на плечи плаще (голова не сохранилась) (рис. 12). Четко виден контур рисунка, но красочный слой сохранился плохо. Здесь, как и в алтарной фреске, используются насыщенный темно-красный цвет плаща, охристые и оранжево-красные тона лат, туники, обутых в сапожки с острыми носками ног. На груди — широкая голубая полоса. Пилястра по контуру была обведена темно-красной полосой, на боковых сторонах видны остатки сине-красного орнамента из треугольников, изображенных зигзагообразной линией.

Большой интерес представляла собой фреска на южной стене: круп белого коня и ноги сидящей на нем фигуры в плаще, под ногами коня — изображение человека (Марков 1912: 189) (рис. 13). Человек одет в широкое облачение, на голове — остроконечный монашеский клобук, на плечах гиматий. Он изображен лежащим на спине, с поднятой правой рукой. Предположив в этой фреске Георгия Победоносца, Д. Марков тут же себя опровергает: направление коня влево не соответствует обычно принятому (1912: 194). Вероятно, это сюжет сцены мученичества какого-то святого. В настоящее время фреска полностью утрачена.

Значительный фрагмент фрески западной

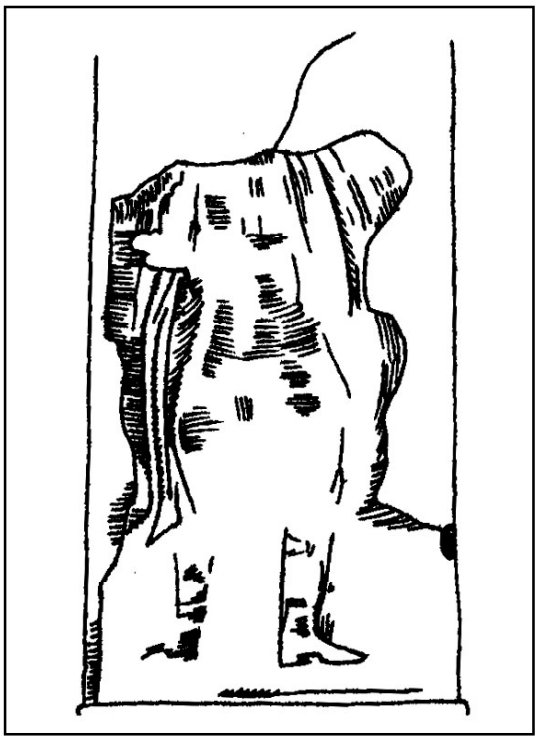


Рис. 12. Церковь Св. Димитрия. Изображение Св. воина на передней поверхности подпружной арки (прорисовка).

стены слева от входа представляет сцены «Страшного суда» и ада (рис. 14). Над входом просматриваются остатки этимасии и фигуры стоящего слева ангела (?) в светлом, видимо розовом одеянии, серафима, фигуры в светлом хитоне с молитвенно сложенными руками (сохранилась центральная часть). Здесь же были изображения обнаженной фигуры в набедренной повязке и нескольких фигур в одеяниях. Слева от входа сохранилась фреска с фигурой Сатаны, Иуды и мучающихся в аду грешников, в виде множества ликов (значительно более мелких по сравнению с фигурой Сатаны) среди огненных потоков. Фреска, как и в апсиде, была разделена на ярусы красной полосой. Полукруглая арка входа была обведена такой же темно-красной полосой. В нижнем ряду ранее различались фрагменты нимба, оперения, неясных ликов. По описанию де Вильнева на западной стене направо от входа было изображение Богоматери с младенцем Христом (Марков 1912: 186).

На западной стене, под самым сводом на светлом, серовато-голубом фоне сохранился нанесенный темно-красной краской рисунок с проросшим крестом и двумя стоящими симметрично по сторонам креста голубками. Орнамент из гибких стеблей и полупальмет, в основном, утрачен. Подобный крест с расширяющимися в стороны крыльями представлен на фресковой росписи апсиды Мангупского пещерного храма (Домбровский 1966: рис 50).

Фрески сопровождаются множеством греческих надписей.

В армянском зодчестве применялась система росписей в конхе апсиды, состоящая из центральной сцены Вознесения с Христом во Славе (Татевский монастырь, храм на острове Ахтамар), а не Деисуса (Манукян 1978: 5-6). Под ней располагались изображения апостолов, ниже — святителей. Фигуры Богоматери и Иоанна Предтечи помещались не в конхе апсиды, а в непосредственной близости от нее, на стенах. В этом отличие системы росписей в конхе храмов коренной Армении, сложившейся к X в. И наоборот, изображение Деисуса в конхе более характерно для византийских памятников. В церквях Каппадокии сцена Деисуса с тремя главными персонажами, а также с архангелами, стоящими вокруг Христа или за фигурами Марии и Иоанна Предтечи, является весьма распространенным в IX — XI вв. и дожившим до XIII в. мотивом росписи первого яруса апсиды (Jolivet-Levi 1991: pl 57, 59, 78, 80, 89, 90, 97, 121, 127, 130, 143, 147, 169, 180). Иногда эта сцена дополняется погрудными изображениями двух святых в круглых клеймах, серафимов и даже фигурами апостолов, окружающих вместе с Марией и Иоанном трон Христа. Композиция Деисус XIII в. и XIV в. украшает конхи храмов провинции Понт (Pontos) — церкви в Сашное (Sachnoe) (Bryer, Winfield 1985: V 1, 277; V 2, pl 215 a,c) и храма св. Софии в Трапезунде (Bryer, Winfield 1985: fig 69). Полная система росписи конхи, как она представлена в феодосийской церкви, известна в каппадокийских и трапезундских храмах (Jolivet-Levi 1991: pl 96-98, 147), а также и в Крыму, в храме Донаторов и с. Верхоречье (Домбровский 1966: 23, рис 4; 52, рис. 25). Крымские фрески близки по времени (XIV в.), но иконография и художественная манера исполнения феодосийских и западнокрымских росписей различна.

Интересно отметить, что в находящемся рядом армянском храме Иоанна Предтечи в Феодосии система архитектурного декора, выполненного, правда, не во фресковой живописи, а в рельефе, более характерна для армянских храмов: здесь представлен Христос Пантократор (высоко, почти в куполе), ниже — изображения двенадцати апостолов. По бокам от них на стенках экседры рельефы с изображением св. Иоанна Крестителя и св. Георгия (Якобсон 1956: 183).

Фресковая живопись храма находит множество аналогий среди памятников провинциальных, главным образом восточно-византийских, малоазийских областей. Как известно, религиозно-культурные связи полуострова с этим регионом были весьма тесными в предшествующее время. Здесь, по-видимому, и в XIV–XV вв. продолжают жить традиции восточно-византийской фресковой живописи, сохраняющиеся в православных греческих центрах полуострова. Вероятно, что в XIV в. сохранялись непосредственные контакты между православными центрами полуострова и Византией, которая в последующее время еще сохраняла свое религиозно-культурное влияние на прилегающие регионы (Курбатов 1991: 218). Известен случай приглашения знаменитого греческого мастера Феофана Грека для росписи храмов Великого и Нижнего Новгорода и Москвы, который «собственною рукой расписал много различных церквей». В списке городов, где он работал, упоминается и Каффа (Лазавев 1956: 245, 248). По-

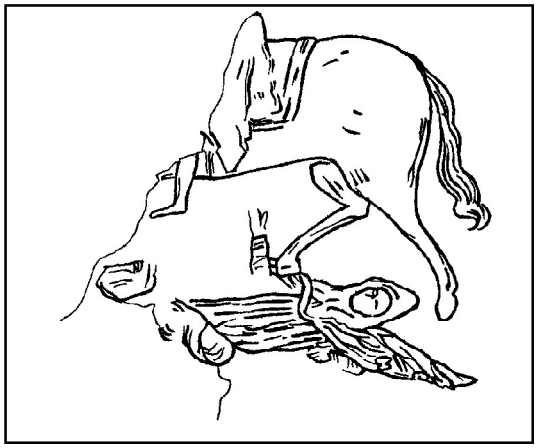


Рис. 13. Церковь Св. Димитрия. Фреска на южной стене (прорисовка).

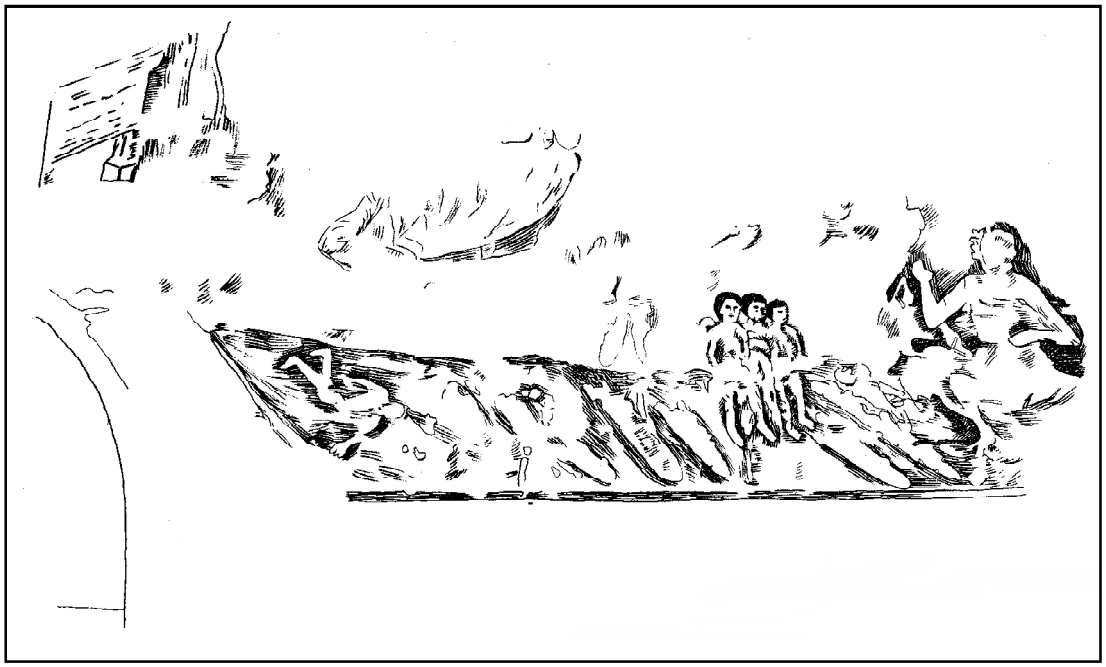


Рис. 14. Церковь Св. Димитрия. Фрески западной стены (прорисовка).

добные факты могли быть не единичны, мастера из Византии и ее провинций приносили свои живописные традиции в отдаленные районы, такие как Крым.

Рассмотрев всю сумму фактов, изложенных выше, мы полагаем, что исследуемый памятник архитектуры — церковь св. Димитрия, принадлежал греческой общине Каффы — Кефе.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1996. Церковь Св. Димитрия в Феодосии. // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі новых досліджень. Тез. док. Київ.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1996 а. Отчет об археологических исследованиях средневековой Каффы в 1996 году. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ.

Айвазовский Г. 1846. Остатки христьянских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД. Т. 1.

Барсамов Н., Заболоцкий П. 1927. Путеводитель по Феодосийскому музею. Археологическое отделение. Феодосия.

Домбровский О.И. 1966. Фрески средневекового Крыма. Киев.

Залесская В.Н. 1991. Архив А.П.Смирнова в Государственном Эрмитаже // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII.

Корхмазян Э.М. 1975. О времени постройки армянской церкви Св. Стефана в Феодосии.// ВОН. № 2.

Корхмазян Э.М. 1978. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). Ереван.

Курбатов Г.Л. 1991. Византия во второй половине XIII — середине XV вв. // Культура Византии. М.

Кучук-Иоаннесов Х. 1892. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму. М.

Лазарев В.Н. 1956. Этюды о Феофане Греке // ВВ. Т. 7.

Лазарев В.Н. 1956а. Этюды о Феофане Греке // ВВ. Т. 8.

Лазарев В.Н. 1966. Михайловские мозаики. М.

Лашков Ф. 1886. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. Т. 14.

Манукян С. 1978. Сложение системы росписей армянского храма // Тезисы II международного симпозиума по армянскому искусству. Ереван.

Марков Д. 1912. Древне греческая церковь в Феодосийском карантине // ИТУАК. Т. 48.

Микаелян В.А. 1974. На крымской земле. Ереван.

Погодин М. 1872. Феодосия и Судак // ЗООИД. Т. 8.

Салько Н. 1973. Унікальна пам'ятка живопису XIV століття // Образотворче мистецтво. Київ. № 1.

Халпахчьян О.Х. 1976. Этапы планировки и застройки Феодосии // АН. № 25.

Якобсон А.Л. 1956. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. Т. 8.

Якобсон А.Л. 1964. Средневековый Крым. М.-Л.

Balard M. 1978. La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siecle). Roma, Genova. T. 1.

Balard M. 1979. Les Génois en Crimée aux XIIIe — XIVe siecles. // Arceion Pontou. Ajhnai.

Balard M. 1987. Les Orientauő a Caffa au XV e siecle. // Byzantinische Forschungen XI. Amsterdam.

Balard M.,Veinstein G. 1981. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa GénoisÍ et Ottomane.// Le Paysage urbain au Moyen Age.Lyon.

Bryer A, Winfield D. 1985. The Byzantine monuments and topography of the Pontos // Dumbarton Oaks Library and Collection. Washington.

Jolivet-Levy C. 1991. Les Eglises Byzantines de Cappadoce /le programme iconographique de l' abside et de ses abords/. Paris.

Г.И. Кантакузино

ЦЕРКОВЬ-МАВЗОЛЕЙ XV ВЕКА: СТРОЕНИЕ СТЕФАНА ВЕЛИКОГО ИЗ РЭЗБОЕНЬ

Gh. I. Cantacuzino. A Mausoleum Church of XV Century Founded by Stefan cel Mare in Razboieni.

The church in Razboieni was erected by Stefan cel Mare in 1496 to commemorate the warriors perished in the battle at Valea Alba on July 26, 1476 against a strong Ottoman army led by the sultan Mehmed II. During this battle the Moldavian army suffered heavy losses. An inscription on the church tells about these events in very expressive words.

Archaeological research pursued in Razboieni in 1973 revealed large quantity of re-inhumated bones forming a stratum of 0.40 m lying in the altar part and in the median part of the nave at the distance of approximately 1 m from the lateral walls. In front of the altar, a second stratum of bones overlying the first one was discovered on a somewhat smaller area. Thus, the finds prove truthfulness of Grigore Ureche's information given in his chronicle, where he wrote that the church in Razboieni was erected over the bones of soldiers perished at Valea Alba.

Bones of those who died to protect their country and Christian faith, placed under and in front of the altar, similar to martyr's relics placed in crypts under the palaeo-Christian sanctuaries, make the church in Razboieni a unique example of ecclesiastic edifice of Romanian medieval architecture meant to honour the memory of heroes fallen in the battle for their country's independence.

Известная надпись Стефана Великого в церкви, построенной в Рэзбоенах, отмечает важный момент в истории Молдовы 1476 года: **…въ дьни благочьстиваго и христолюбиваго господина, Iw Стефана воєводи, божїею милостїю господарѣ земли Молдавскои, сына Богдана воєводи, к лѣто ѕцпд, а господства єго к лѣто текъщее, въздвиже сѣ силнїи Махмет, царь Тѹрскїи, съ въсѣми своими въсточними сїлами; єщеже и Басараб воєвода, названїи Лаїшта, прїиде с ним съ въсем своем Басарабскоѧ землем. И прїидоша плѣнити и прѣмти землю Молдавскои; и дондоша до зде на мѣсто нарицаемое Бѣлим Поток. И мы, Стефан воєвода, и съ сыном нашим Алеѯандром изидохом прѣд нимї зде и сътворихом съ ними великїи разбои, мѣсеца юлїа, кѕ; и попѹщенїем божїем побѣждени быша христїане wт поган. И падоша тѹ много множество wт Молдавскиx воеx Тогдаже и Татаре ѹдариша землю Молдавскою wт том страни. Того ради благопроизволи Iw Стефан воєвода благим своим произволенїем и създа съ храм въ имѣ архистратига Михаила и въ молвь севѣ и госпожди своеи Маріи и сыном Алеѯандрѹ и Богданѹ, и въ памет и въ задѹшїе въсѣx православниx христиан иже зде потрѣбившиx сѧ к лѣтw зд; а господска єго лѣто м текъщее мѣсеца ноємврїа и.** (Repertoriul: 143). Слова надписи уточняют памятный характер строения, предназначенного для увековечивания памяти о воинах, павших в битве, происходившей поблизости двумя десятилетиями раньше.

Дата сооружения этого храма точно указана в надписи. Различные перестройки и достройки, которые как-либо изменили первоначальный вид памятника, были хорошо заметны при исследовании его строений. Потому археологические исследования, проведенные в связи с восстановительными работами в августе 1973 года, носили более краткий характер. Исследования были сконцентрированы исключительно внутри церкви и дали новые подробности о ее сооружении. Раскоп состоял из траншеи шириной в 1 м, заложенной к югу от длинной оси церкви, пересекая пронаос, наос и восточную часть алтаря, к которой была добавлена прирезка в южной части наоса, к западу от оси окна.

Было выяснено, что церковь — это первое здание, воздвигнутое на данном месте, в верхней части предматерикового слоя чернозема серого цвета с коричневым оттенком. Уровень сооружения здания можно восстановить по остаткам расколотых камней. В процессе строительства, по мере поднятия стен внутри (в интерьере), были применены последовательные нивелировки из слоев земли, разделенные между собой следами раствора, до уровня дневной поверхности, отмеченного каменными ступеньками обрамлений входов в пронаос и наос, находящихся более чем на 0,70 м выше, по сравнению с внешним. Первые нивелировки были проведены до завершения строительства. Столбовые ямы некоторых столбов от лесов строительства (подмосток) диаметром 0,2-0,4 мм, заполненные землей вперемешку с щебнем и колотым камнем и расположенные на расстоянии 3,1-3,5 м друг от друга и 1,8-1,9 м от стен

© Г.И. Кантакузино, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

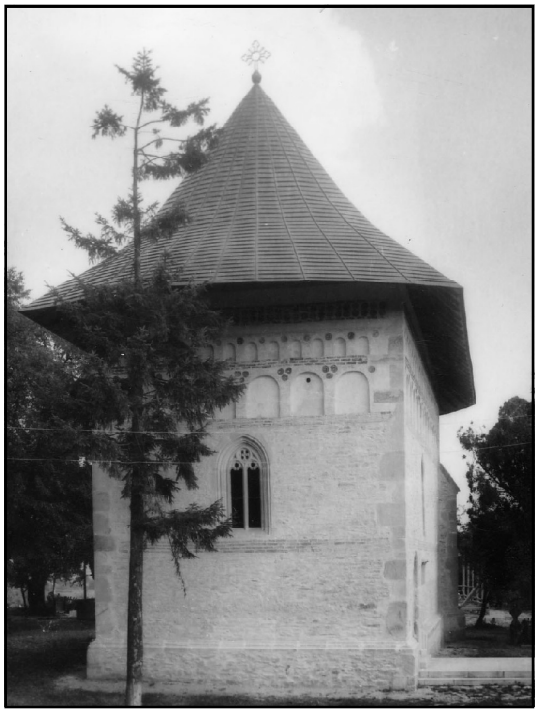


Рис. 1. Церковь Штефана чел Маре в Рэзбоень (после реставрации).

перезая нижние слои нивелировки, и были закрыты лишь последними слоями нивелировки толщиной в 0,2-0,3 м.

В наосе и алтаре были отмечены некоторые интересные особенности строительства этой церкви. Вдоль площади, предназначенной для алтаря и наоса, была вырыта яма прямоугольной формы длиной 10,5 м, шириной 3,5 м и глубиной 1-1,2 м. Западная граница этой ямы не превышает западную границу наоса. На дне ямы, в слое толщиной от 0,35-0,4 м, беспорядочно залегали перезахороненные останки. Они были покрыты слоем земли желто-коричневого цвета, который заполнял яму до определенного уровня. В этом слое также было найдено несколько костей. Над ним была обнаружена тонкая, почти непрерывная прослойка золы. Сквозь этот слой проходит столб, толщиной 0,2-0,3 м, вбитый очень глубоко; близкое расположение столба к западной стене наоса (0,3-0,35 м до края) и стратиграфическая ситуация, предшествующая строительству и первому слою нивелирования, показывают, что речь идет не о столбе подмосток, а, вероятно, о приспособлении, связанном с предшествующими строительству работами.

В восточной части наоса на расстоянии примерно в 2 м от иконостаса, были выявлены остатки другой ямы, которая начинается над прожогом, отмеченным над слоем земли, который покрывает толстый слой перезахороненных останков. На дне этой ямы, глубиной всего в 0,5 м, находились остатки досок, на которых в беспорядке также были сложены перезахороненные кости. Таким образом, в этой зоне на двух различных уровнях существуют перезахороненные кости.

Стены строения являются более поздними, чем эти погребальные ямы. Нужно отметить, что на исследуемом пространстве отсутствовали черепа; вероятно, они находятся на еще не раскопанном пространстве (возможно, напротив алтаря или к западу от него). То, что церковь возникла позднее большой погребальной ямы, равно как и остатков костей над ней, доказано и стратиграфически, и тем, что между камнями в фундаменте находились несколько фрагментов костей. Слой погребенных костных остатков в пронаосе отсутствует. На западном краю этого сектора, в южной части разреза, появился край ямы погребения более познего времени, в которой встречались фрагменты поливной керамики, относящейся к XVIII-XIX векам.

Таким образом, после археологических исследований 1973 года было установлено существование на поверхности, под алтарем и наосом, за исключением двух боковых полос шириной в 1 м, компактного слоя, в котором были перезахороненны костные остатки в период до сооружения церкви. Между покрытием ямы с костными остатками и началом строительных работ прошел некоторый, не обязательно длинный, интервал времени, в течение которого по-

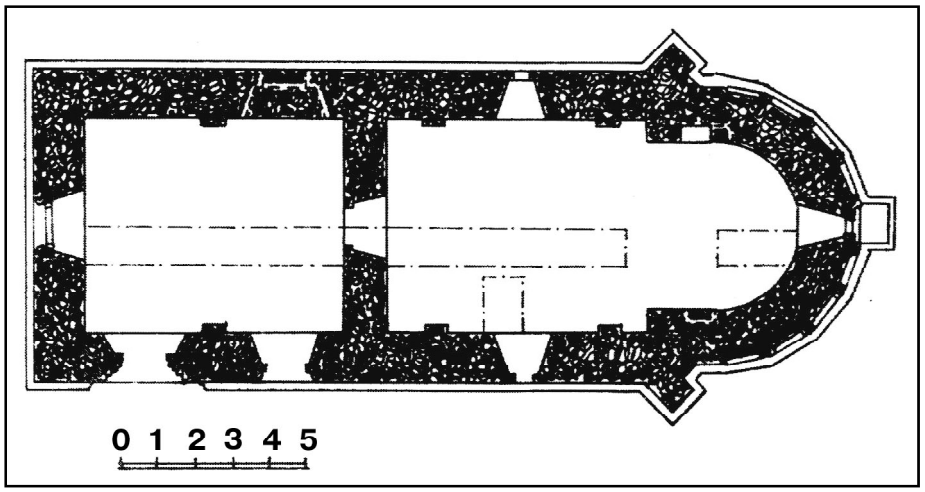


Рис. 2. Церковь Штефана Великого в Рэзбоень. План археологических раскопок 1973 г.

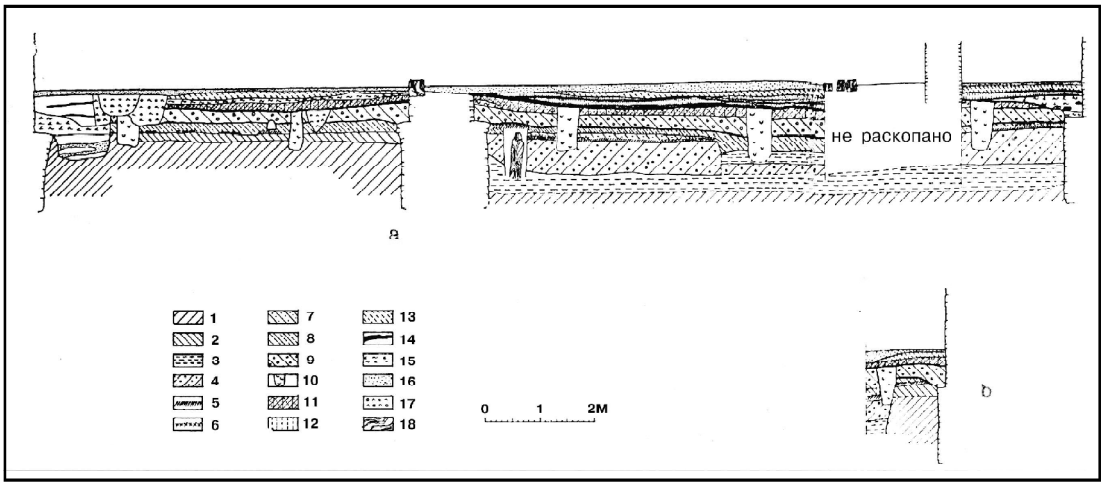


Рис. 3. Церковь Штефана чел Маре в Рэзбоень. Северный профиль продольной траншеи и восточный профиль траншеи из южной части наоса. Условные обозначения: 1 — желтый материковый грунт; 2 — коричнево-серый грунт; 3 — слой перезахороненных костей; 4 — желтовато-коричневый грунт; 5 — прожог; 6 — уголь; 7 — серо-желтый грунт; 8 — желтовато-коричневый грунт с небольшими вкраплениями угля и следами кирпича; в основании слоя — остатки колотого камня; 9 — красновато-коричневый грунт со слабыми следами строительного мусора; 10 — столбовая яма от лесов; 11 — серо-коричневый компактный грунт со слабыми следами строительного мусора; 12 — светло-серый компактный грунт; 13 — серый, сильно гранулированный грунт со следами строительного мусора; 14 — раствор; 15 — строительный мусор, битый кирпич; 16 — песок, заполнение над дощатым полом; 17 — заполнение поздних ям; 18 — дерево.

явился, упомянутый выше тонкий слой прожога. Сооружению храма непосредственно предшествовала укладка костных остатков в яму меньших размеров и глубины на деревянном настиле.

Церковь из Рэзбоень, является, таким образом, настоящим мавзолеем, мемориальным памятником, сооруженным в честь павших в битве в июле 1476 года у Валя Албэ. В хронике Григорие Уреке отмечается: «*Позже, после отхода недругов и врагов из страны, собравши Стефан водэ тела мертвых, и курган сделавши из мертвых, а потом построил над их костями церковь, где бытует и по сей день память об их душах*» (Grigore Ureche 1958: 104). Повествование летописца, которое представляет собой либо упоминание содержания исчезнувшей хроники, либо повествование еще живой устной традиции, основывается, как видно, на реальных фактах. Археологические наблюдения исследования, предоставляют больше подробностей в этом смысле, оставляя все-же и некоторые нерешенные проблемы.

Пассаж из хроники относительно строительства церкви, даже если и следует сразу после упоминания о битве от 26 июля 1476 года и перед рассказом о последующем развитии кампании, имеет однако отношение к более поздним событиям. Из этого не следует понимать, что церковь была сооружена именно на месте битвы, над захоронениями павших, а, вероятно, об акте перезахоронения, после которого был построен храм. Археологические исследования показали, что такая интерпретация соответствует тексту летописца. Костные остатки, раскопанные после достаточно длительного периода времени (факт который вытекает и из качества их консервации), были собраны и перезахоронены в яме больших размеров, на месте, где должна была быть сооружена церковь.

Зная дату сооружения церкви — 1496 год, через 20 лет после битвы, в честь которой она была сооружена, — следует задаться вопросом, когда было произведено перезахоронение остатков. Было сказано, что кости были покрыты слоем, в котором отсутствуют следы строительных работ, то есть, до начала строительных работ. Слой прожога, находившийся над слоем заполнения ямы, указывает на прошествие некоторого периода времени (не обязательно длительного) между перезахоронением и строительством храма. Можно предположить, что по времени перезахоронение немногим предшествовало началу строительных работ, а слой прожога, вероятно, относится к предварительным операциям. Под знаком вопроса остается и наличие верхнего слоя костных остатков, под которым

Рис. 4. Перезахороненные кости у основания алтарной апсиды.

Рис. 5. Перезахороненные кости в наосе.

был настил из досок. Если не исключать возможности более поздней эксгумации костных остатков, то их центральное положение и состояние, в котором они лежали, делают вероятней гипотезу о их принадлежности участникам с высоким статусом или сыгравшим наиболее важную роль в битве.

По представленным характеристикам церковь из Рэзбоень занимает особое место не только среди многих других храмов, построенных Стефаном Великим, но и, в общем, среди всех культовых сооружений в румынских княжествах в эпоху средневековья. Ни до сооружения церкви, ни после этого нет аналогичного примера строительства храма, «в память и для поминания» героев, павших в битвах, и в котором хранились бы их останки. Некоторые примеры более позднего времени, крестов, на местах погребения убитых в битве — крест Леона Водэ возле церкви Слобозия в Бухаресте (1631) и крест воинов Матея Басараба у Фунден (1632) (Stoicescu 1961: 334) или крест Ференца у окраин Ясс (1717) (Drăghiceanu 1913: 154-157, рис. 8-12) — представляют лишь памятные кресты над общими могилами, значительно отличающиеся от интересующей нас церкви.

Место в Рэзбоенах, где вторично были погребены костные остатки — в алтаре и в средней части наоса — представляется, в любом случае, исключительным для погребений. В определенных случаях могли быть погребены останки более почитаемых церковных особ. Идея, которая привела к строительству церкви в Рэзбоенах над останками, помещенными в алтаре и наосе, является продолжением существующего еще с раннехристианского периода обычая возведения алтаря некоторых культовых храмов над склепами, в которых хранились останки мучеников; можно полагать, что Стефан Великий сопоставлял тех, кто отдал жизнь в борьбе против «неверных» — мученикам периода раннего христианства.

Уникальный характер ктиторства Стефана Великого из Рэзбоень был выявлен археологическими исследованиями. Эти данные лучше освещают некоторые моменты правления великого воеводы. Тот факт, что битва при Валя Албэ послужила причиной сооружения подобного памятника, показывает значение, которое имела эта битва. Хотя она и закончилась безуспешно, способствовала достижению окончательной победы в войне, которая по праву считается самой тяжелой в истории Молдовы, и которая закончилась отступлением армии во главе с великим завоевателем Константинополя. Битва 26 июля 1476 года остается памятной датой благодаря тяжести потерь — «огромное множество воинов Молдовы». Если по поводу такого числа участников и павших в битве сведения противоречивы, то впечатляющее число костей, перезахороненных в церкви, является доказательством большого числа погибших. Среди них находились многие из «великих бояр» и «добрых витязей» (Grigore Ureche 1958: 104), из самых приближенных к господарю.

Основывая церковь в Рэзбоень, Стефан Великий принес дань уважения памяти тех, кто пожертвовал жизнью ради защиты родной земли.

ЛИТЕРАТУРА

Drăghiceanu V., 1913. Cetaţuia din Iaşi. Studiu arheologic.// BCMI, an VI, f. 24.

Grigore Ureche, 1958. Letopiseţul ţării Moldovei. ed. P.P.Panaitescu, ediţia II, Bucureşti.

Repertoriul monumentelor de artă din timpul lui Stefan cel Mare. 1958. Bucureşti.

Stoicescu N., 1961. Repertoriul monumentelor şi obiectelor de artă din timpul lui Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1958.

ОСМАНСКИЕ КРЕПОСТИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Г.О. Аствацатуров

ПОЧЕМУ МОЛЧАЛ БОПЛАН?

G.O. Astvatsaturov. Why Beauplan kept silence?

"Description of the Ukraine" by G. Beauplan is one of the most popular records among those who study medieval Eastern Europe. A question appears, however, why notes on Bujak are so scarce in this fundamental work? The author of this article, based on a complex analysis of already known documentary records explains this fact by a peculiar situation in this region: there, under leadership of Kantemir-murza, a new military-predatory nomadic union of Budjak Horde was formed, which was closed to the external world.

Необходимость комплексного основательного археологического исследования Бендерской крепости уже давно всем очевидна. Предварительные раскопки И.Г. Хынку осенью 1969 года (Хынку 1970; Hâncu 1993: 7-8; Hâncu 1996: 43-44) оставили больше вопросов нежели ответов. Внешний осмотр крепости, проведенный несколькими исследователями, в том числе и автором этих строк, мало эффективен. Между тем, находясь между уже известными археологам Старым Орхеем и Аккерманом, Бендеры представляют заметный интерес для ученых. Помимо ряда других проблем, раскопки могли бы пролить свет на этапы перестройки крепости, где еще много неясностей. Если последняя фундаментальная реконструкция начала XVIII столетия достаточно отражена письменными источниками, то не менее серьезные строительные работы начала XVII века фактически нигде не описаны. Из письменных источников того времени, близких по географии, наиболее заметный интерес представляет такое уникальное издание, как «Описание Украины» Боплана (Боплан Гійом де Лавассер 1990). Невольно напрашивается вопрос: почему Боплан, находившийся на Украине около 17 лет (1630-1647) и оставивший довольно подробное описание городов и местностей севернее и южнее Буджака, о Бендерах и его окрестностях не сообщает нам фактически ничего. Лишь на подробной карте он использует, видимо, заимствованные из более ранних источников, сведения и отмечает «Tikin» с окрестными селами. Впрочем, само описание Бопланом Буджака довольно образно представляет ситуацию, возникшую в южной части Прутско-Днестровского междуречья, «где собираются и прячутся татары-бунтовщики, которые не признают ни хана, ни турка...» и «...постоянно совершают набеги на Дикое Поле, чтобы брать в плен христиан и продавать их на галеры» (Боплан Гійом де Лавассер 1990: 48). 20 — 30-е годы XVII в. чрезвычайно сложны для исследования истории Нижнего Поднестровья в связи со значительной ограниченностью источников И это объясняется, прежде всего, своеобразными условиями в этом регионе. Именно в данное время закладывались основы Буджакской орды, одним из основателем которой можно по праву считать деятельного Кантемира-мурзу из рода Мансуров, объединившего разрозненные ногайские племена в мощное военно-грабительское государство. Такой «герой-объединитель» понадобился Турции именно в начале XVII столетия в связи с некоторым ослаблением ее позиций в Буджаке. Это был период наивысшей активности запорожского казачества, сотрясавшего османский трон своими дерзкими рейдами вплоть до стен Константинополя. Украинские казаки, фактически не встречая сопротивления, легко преодолевали причерноморские степи и чуть ли не ежегодно сжигали посады турецких крепостей. В польском Сейме укрепились позиции «партии войны» с Османской империей. В этих условиях турок больше не устраивала роль Бугско-Днестровско-Прутского междуречья в качестве своеобразной малозаселенной буферной зоны между Османской империей и Речью Посполитой. Постоянные взаимные набеги казаков и татар приводили, в конечном счете, к обострению турецко-польских противоречий. Повысившаяся активность кочевников в непосредственной близости от южных границ не могла не встревожить Речь Посполитую. Непоследовательная политика Я. Замойского в конце XVI века вместо ожидаемого успокоения привела к усилению татарских набегов на польские и украинские земли. Особенно тревожной для поляков сложилась обстановка после того, как Кантемир-мурза, объединив буджакских ногайцев, стал совершать глубокие рейды в пределы Польши. В ис-

© Г.О. Аствацатуров, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

торической литературе имеются отрывочные сведения об этом предводителе буджакцев, фактически ставшим первым руководителем новой орды, называемой поляками белгородской. В основном, для характеристики этой исторической личности используются традиционные польские и турецкие источники (Османская империя 1984: 22-23). В то же время фактически ускользают от внимания исследователей любопытные подробности из историко-географических трудов молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Имеющиеся в его сочинениях явные ошибки привели к определенному недоверию специалистов к тем весьма ценным данным, которые встречаются только у Д. Кантемира. Но их сопоставление с другими источниками помогает существенно дополнить наши представления о периоде турецко-татарского присутствия в Северо-Западном Причерноморье, вообще, и в Нижнем Поднестровье, в частности. Именно от молдавского господаря мы узнаем любопытные подробности о месте и роли полулегендарного ногайского воителя в турецкой внешней политике начала XVII столетия. Появление во главе Буджакской орды Кантемира-мурзы, в известной мере, способствовало значительному изменению военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье. Кантемир занялся активным заселением Прутско-Днестровского междуречья. Всего лишь за несколько лет количество кочевников в этом регионе увеличилось с 5-6 тысяч до 20 тыс.(Османская империя 1984: 160). В 1612 году буджакцы при молчаливом согласии турок двинулись к Каменцу-Подольскому и сожгли по дороге более 30 украинских и польских селений. В начале сентября 1615 г. крымско-буджакские войска, ведомые ханом Девлет-Гиреем и Кантемиром, дошли до Львова (Османская империя 1984: 23). Во время одного лишь этого набега в Крым и Турцию было угнано 30 тыс. пленников, ставших важным средством обогащения кочевников. В период появления весьма активного Кантемира-мурзы казацких набегов на Бендеры и его окрестности не наблюдается. Лишенные такой возможности запорожцы изменили маршрут своих набегов и совместно с донскими казаками предприняли несколько успешных рейдов на Черном море. Попытки турецкого султана и польского короля совместно прекратить казацко-татарскую войну закончились неудачей. К концу второго десятилетия XVII в. возникли серьезные предпосылки для большой польско-турецкой войны. В сентябре 1618 г. силистрийский бейлербей Искандер-паша собрал в Бендерах военный совет, на который кроме турецких военачальников, крымцев и буджакцев были приглашены и господари Молдовы и Валахии (Corfus 1983: 94). В свою очередь новый коронный гетман Речи Посполитой С. Жолкевский в начале 1619 г. представил Сейму большой план военных действий, согласно которому намечалось захватить черноморское побережье, Белгород, Бендеры, Килию (Грушевський 1909: 378). Однако, воспользовавшись нерешительностью поляков, буджакцы во главе с Кантемиром-мурзой и крымчаки во главе с ханом Девлет-Гиреем вновь проникли далеко в пределы Речи Посполитой, нанеся ей огромный ущерб (Османская империя 1984: 27). Последний рейд крымцев и буджакцев привел к резкому обострению польско-турецких отношений. Разгоревшаяся Хотинская война началась с позорного поражения Польши в 1620 г. на полях Цецоры (на берегу р. Прут вблизи Ясс) и трагической гибели командующего польской армией С. Жолкевского. Дальнейшие военные действия велись в районе Хотинской крепости. Бендеры были недалеким и тревожным тылом. В многочисленных документах и воспоминаниях о Хотинской войне почти нет упоминаний Бендер. Однако после окончания войны они неоднократно упоминаются в польско-турецких переговорах. Согласно мирному договору от 9 октября 1621 г., Польша и Турция брали на себя взаимные обязательства по пресечению как казацких, так и татарских рейдов. Однако Кантемир-мурза проигнорировал условия польско-турецкого соглашения и вновь совершил глубокий рейд в Речь Посполитую, дойдя до Люблина, а затем безнаказанно вернулся в Буджак с богатой добычей и пленными, которые впоследствии были дорого проданы в Крыму и Стамбуле. Султан Турции Мурад III не только не наказал Кантемира за самоуправство, но и назначил его силистрийским бейлербеем, что, по мнению поляков, превращало мирный договор в фикцию. В Стамбул было направлено посольство во главе с коронным конюшим К. Збаражским. Глава польской делегации добивался от турецкой стороны смещения Кантемира-мурзы с должности бейлербея Силистры и конкретизации второго пункта договора о татарских набегах. В связи с тем, что местные беи, в том числе и бендерский, часто совершали самостоятельные вылазки на польские и украинские земли без ведома султана, а также потворствовали татарским отрядам, К. Збаражский настоял на том, чтобы включить в новый договор 1623 года упоминание об обязательствах беев не только Очакова, но и «Добруджи, Аккермана, Тегина» пресекать татарские набеги со своих территорий. В договоре несколько раз упоминаются «тегинцы», то есть татары, живущие вокруг Тигины (Бендер): «Ни молдаване, ни татары добруджские, белгородские, тегинские, килийские, очаковские, крымские не должны причинять какой-либо ущерб замкам, городам, селам, скоту, имуществу в землях короля и Речи Посполитой». У нас есть все основания предполагать, что резиденцией Кантемира-мурзы в должности силистрийского бейлербея, а возможно, и намного раньше, были Бендеры. Реп-

лика Д. Кантемира о том, что его предок получил от турок должность двухбунчужного бея, «имея в своих руках город Бендеры с окрестными степьми» (Беер 1783: 19), подкрепляется целым рядом косвенных фактов из польско-турецкого договора. В его 20-м пункте читаем: «Силистрийский и белгородский беи, пограничные и приморские начальники, а также начальники, охраняющие порядок в городах, кроме слуг и невольников нашей Порты и купцов обеих сторон, никого в польское государство через Днестр пропускать не должны» (Османская империя 1984: 194). На первый взгляд, выглядит странным отсутствие упоминания о бендерском бее и, наоборот, перечисление силистрийского бея среди ответственных за охрану границы на Днестре. Однако если признать, что Кантемир-мурза в качестве силистрийского бейлербея действительно обосновался в Бендерах, то все становится на свои места. Вероятнее всего, под руководством Кантемира-мурзы и была проведена значительная реконструкция крепости, обнесенной земляным валом с башнями и артиллерией. Именно такой она предстала несколько позже перед Э. Челеби, который высказал в адрес бендерских укреплений немало лестных эпитетов. «Кровавый меч» (с тюркского «Кантемир» — Г.А.) из Бендер, еще около пятнадцати лет тревоживший польские рубежи, отнюдь не являлся послушным орудием в руках Османской Порты. Ногайцы совершали смелые рейды вглубь султанских владений вплоть до стен Константинополя. Буджакская орда в период правления Кантемира-мурзы окончательно оформилась в типичное военно-грабительское кочевое объединение, в жизни которого регулярные набеги на соседние государства занимали важнейшее место. Дальнейшая судьба Кантемира-мурзы также является типичным примером тактики османского двора. Столь самостоятельный и непослушный буджакский предводитель оказался неугодным турецкому султану. Несколько карательных экспедиций в Буджак закончились пленением Кантемира. В 1637 г. могущественный мурза «посажен в оковы и умервщлен был» (Беер 1783: 19), — сообщает явно симпатизировавший ему Д. Кантемир. Таким образом, значительный период времени Буджакская орда, воевавшая против всех, была закрыта не только для пытливого Боплана, но и фактически для всех приграничных государств, и ограниченность письменных источников в таком случае находит свое объяснение.

ЛИТЕРАТУРА

Беер. 1783. История о жизни и делах молдавского князя Константина Кантемира. М.

Боплан Гійом де Лавассер. 1990. Опіс України. Київ.

Грушевський М.С. 1909. Історія України-Руси. Т. VII. Київ-Львів.

Османская империя в первой четверти XVII в. 1984. Сборник документов и материалов. М.

Хынку И.Г. 1970. К древней истории Бендер // «Советская Молдавия» от 10 декабря 1970 г. Кишинев.

Corfus I. 1983. Documente privitoare la istoria Romîniei culese din arhivele Polone. Secolul XVII-lea. Bucureşti.

Hâncu I.Gh. 1996. Stravechi monumente din Republica Moldova. Chişhinău.

Hâncu I.Gh. 1993. Cetaţi antice şi medievale timpurii din Republica Moldova. Chişhinău.

И.В.Бруяко, И.В.Сапожников

БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАК ПАМЯТНИК ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА
(ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КОНЦА XIV - НАЧАЛА XIX ВВ.)

Bruyako I.V., Sapozhnikov I.V. The Belgorod-Dnestrovskiy Fortress as a Model of Military and Engineering Art: Main Stages of History - late XIV - early XIX c.c.

The article overviews main stages in history of a uniquely preserved Belgorod-Dnestrovskiy (Akkerman) fortress in perspective of achievements of military fortification of late Middle Age and New Time. It is known that the fortress was almost completed by 70s of XV century by the Moldavian builders. At the same time already, however, its main features did not comply with the advanced military engineering ideas. Next stage in existence of the fortress is connected with the period of Ottoman Rule (1484-1806). During almost the entire period, the Turks did not introduce any absolutely new elements in its main constructive features; rather, they limited their activities mainly to small reconstruction of separate sections and structures, repairs and cleaning of the ditch. It was only in 1793 that a French engineer Cauffer designed a number of projects aimed at renovation of the Akkerman fortress, and it seems that one of them could be partly realised. Some works to enhance the fortress were conducted by the Russian engineers in 1813-1814, but even they did little to change the general look of the fortress and its defence capacity. Consequently, the fortress of Belgorod-Dnestrovskiy built in XV century AD is a typical model of classical European (and Byzantine) fortresses of XII-XIV cc.

Белгород-Днестровская крепость, в первую очередь благодаря своей сравнительно хорошей сохранности, представляет собой безусловно уникальный памятник военно-инженерной мысли эпохи позднего средневековья. Следует сразу же подчеркнуть, что именно с этой точки зрения крепость была вплоть до недавнего времени незаслуженно обойдена вниманием исследователей. Интерес к истории крепости и города несколько оживился всего два-три года назад в связи с празднованием 2500-летнего юбилея города Тиры - Белгорода-Днестровского и здесь надо всячески приветствовать выход в свет фундаментальной монографии молдавского ученого Марианны Шлапак, в которой значительное место отведено характеристике крепости как архитектурно-фортификационного сооружения (Şlapac 1998).

Нельзя не заметить, что Белгород-Днестровской крепости как военно-инженерному объекту своего времени в определенном смысле не повезло. Длительный, более чем 80-летний период ее строительства пришелся как раз на рубежный этап в истории фортификации и развития военного дела в целом. Сооружение крепости началось в конце XIV столетия от Р.Х., в эпоху, когда в Европе еще безраздельно господствовали традиции строительства типичных средневековых крепостей так называемого классического начертания: внешняя каменная ограда в виде многоугольника с тупыми углами, внутренним двором и цитаделью-донжоном. Завершение ее строительства в 70-е годы XV в. происходило уже в совершенно иных условиях, когда в Западной Европе начинает активно внедряться бастионная система укреплений, развитие которой было вызвано появлением и совершенствованием в XIV-XV вв. артиллерии, главным образом осадной. Именно этот фактор способствовал тому, что уже в XV в. профили крепостных оград приобретают принципиально иное начертание (рис. 1, а). При этом, общую тенденцию строительства крепостей этого времени можно охарактеризовать как начало постепенного «вжимания» сооружений в рельеф местности, стремление максимально слиться с ним. Высокие стены и башни, которые в доартиллерийскую эпоху являлись символами неприступности, теперь представляют собой слишком явную и хорошо поражаемую орудиями цель. С крепостных стен убираются зубцы и брустверы, которые из укрытия превращаются в источник опасности для обороняющихся, поскольку практически любые попадания пушечных ядер в эти надстройки давали массу дополнительных поражающих осколков. Сами стены становятся значительно ниже и с внутренней стороны укрепляются мощной земляной насыпью (валганг). Для защиты подошвенной части стены снаружи существенно расширялась берма, на которой возводят вначале дополнительную каменную стенку, а позднее

© Бруяко И.В., Сапожников И.В., 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

земляную насыпь, так называемую фоссебрею (Яковлев 1995 : 39; рис. 1, а).

Если рассматривать Белгород-Днестровскую крепость с точки зрения этих нововведений XV в., то надо признать, что она, конечно же, больше тяготеет к предыдущей эпохе (рис.1,в). Так, цитадель и стены гарнизонного двора являются классическими образчиками фортификации XII-XIV вв. Более совершенной выглядит ограда гражданского двора. Вероятно, это вполне объяснимо длительным периодом строительства крепости, во время которого ее основные элементы сооружались в строгой последовательности. Цитадель и ограда гарнизонного двора приобрели завершенный вид в 40-50-е годы XV в., хотя М.Шлапак считает, что цитадель могла быть построена еще в XIV в. (Şlapac 1998: 36-37, 204). По целому ряду данных, ограда гражданского двора была закончена в конце 70-х годов XV в. и поэтому именно в этой линии обороны можно увидеть явные признаки попытки учета возможностей тогдашней артиллерии. В то же время, нас не покидает ощущение, что все эти усовершенствования носили какой-то незавершенный, возможно, поспешный характер. Длинные куртины внешней ограды укрепляются ломаными выступами-ронделями, верхние площадки которых, по-видимому, были открытыми и предназначались для установки орудий. Сами стены уже достаточно низкие, даже по сравнению со стенами цитадели и гарнизонного двора. На перспективном плане крепости 1770 г. отчетливо видна каменная стена - продолжение эскарпа, которую можно считать фоссебреей (рис. 2). Вполне вероятно, что этот защитный элемент был возведен на завершающем этапе строительства, то есть в 70-х годы XV в.

Впрочем, названными признаками практически и исчерпывается соответствие Аккерманской крепости конца XV в. наиболее передовым военно-инженерным сооружениям Западной и Центральной Европы. Мы не видим здесь внутренней грунтовой подсыпки под ограду (валганг), которая все еще остается достаточно высокой. Сейчас трудно судить о том, когда именно с куртин внешней ограды были убраны зубцы. Однако ясно, что во время завершения строительства этих стен гражданского двора, они предусматривались. Даже на упомянутом плане 1770 г. их, похоже, нет только на южной куртине. Тонкая каменная фоссебрея на очень узкой берме вряд ли могла предотвратить или даже задержать на длительное время бреширование ограды осадными орудиями. Она могла уберечь укрывавшихся за ней защитников крепости лишь от ружейного огня и стрел (рис.1, в).

Тем не менее, для XV и даже начала XVI вв.

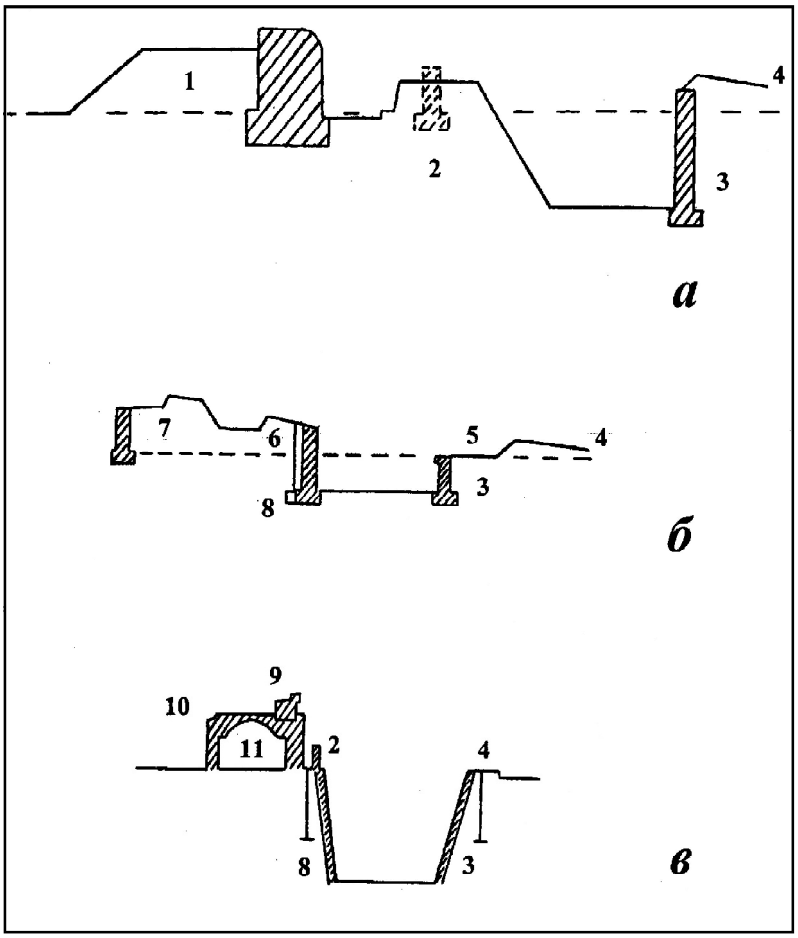


Рис. 1. Профили крепостных оград XV-XVI вв. а — профиль образцовой крепостной ограды XV в. (Яковлев 1995: Фиг. 33); б — профиль образцовой крепостной ограды XVI в. (Яковлев 1995: Фиг. 33); в — профиль через западную куртину Белгород-Днестровской крепости с плана «d'Ackerman ou Bielgorod» 1793 г. (1 - валганг; 2 — фоссебрея; 3 — контрэскарп; 4 — гласис; 5 — прикрытый путь; 6 — главный вал; 7 — кавальера; 8 — эскарп; 9 — брустверр; 10 — главная ограда; 11 — галерея-каземат; копия в фондах ОИКМ).

Аккерманскую крепость с военной точки зрения еще нельзя назвать полностью устаревшей. Не исключено, что при более упорной обороне Баязид II, осаждавший ее в 1484 г., то есть вскоре после завершения строительства, имел бы здесь гораздо больше проблем, даже учитывая тот факт, что турецкая армия в то время располагала одной из сильнейших в Европе осадной артиллерией. Однако, к концу XVI в. Аккерманская крепость уже явно уступала постоянно совершенствовавшимся бастионным укреплениям Европы[1]. Если рассмотреть образцово-типичный профиль бастионной системы второй пол. XVI в. (рис. 1, б), мы увидим следующую картину. Первоклассные крепости окончательно лишаются каменных оград, возвышающихся над рельефом местности. Гласис отодвигается от контрэскарпа таким образом, что между ними образуется так называемый прикрытый путь. Назначение последнего было двояким. С одной стороны, он был призван затруднить штурмующим подход к главной линии укреплений, так как ранее штурмовые лестницы опускались в ров непосредственно с гласиса. Теперь, прежде чем достичь крепостного рва, нападавшие должны были сначала преодолеть пространство прикрытого пути, где они попадали под ружейно-пушечный огонь главного вала. С другой стороны, осажденные при вылазках за пределы крепости имели возможность сосредотачиваться и перегруппировываться на прикрытом пути, будучи защищенными от огня неприятеля гребнем гласиса.

Ничего подобного в Аккерманской крепости мы не видим (рис. 1, в) и в принципе, не можем согласиться с мнением М.Шлапак о том, что эта крепость не уступала современным ей фортификационным сооружениям Европы, исходя хотя бы из двух существенных обстоятельств. Во-первых, Восточная Европа в развитии военно-инженерной мысли значительно, по В.В.Яковлеву, примерно на 100 лет, отставала от Западной (Яковлев 1995 : 54). Достаточно вспомнить, что в то время, когда Западная Европа параллельно осваивает бастионную систему и развивает осадную артиллерию, в Москве Иван III в конце XV в. строит нынешний Кремль — классический образец средневековой фортификации. Во-вторых, после 1484 г. Аккерманская крепость входит в состав приграничных укреплений Османской империи. Дальнейшее расширение зоны турецкой экспансии в XVI в. к северу вплоть до Подолья (Хотин) привело к тому, что Аккерман оказался если и не в глубоком тылу, то во всяком случае, достаточно далеко от границы. Роль опорного пункта на Днестре постепенно переходит к Бендерам, расположенным севернее и к тому же вблизи традиционного места переправы. В год взятия Аккермана, как пишет Эвлия Челеби, в Бендерах на месте переправы была построена башня, впоследствии разрушенная казаками. Однако, уже при Сулеймане I Великолепном, здесь строится сильная крепость — оборонительный узел Очаковского вилайета (Евлія 1997: 17). И если в XVI веке Аккерману еще время от времени угрожала опасность осады и штурма (например, во время событий 1574 г.), то в XVII в. все основные события в Причерноморье происходили достаточно далеко от города. Обстановка здесь, по-видимому, была вполне мирной, если не считать периодические набеги запорожцев, которые с завидной регулярностью жгли и грабили городские предместья, однако для самой крепости серьезной угрозы не представляли, прежде всего из-за отсутствия осадной артиллерии. Вся тяжесть обороны северных и восточных рубежей Османской империи в Причерноморье в XVI-XVII вв. приходится на линию крепостей Бендеры — Очаков — Азов.[2].

Турки, постепенно продвигавшиеся в Центральную Европу, должны были быть знакомы с новейшими достижениями военно-инженерной мысли. Однако, собственным крепостям, расположенным в глубине своей территории, до поры до времени не уделяли должного внимания. Эвлия Челеби, посетивший Аккерман в 1650-х годах и очень подробно описавший саму крепость и ее историю, ничего не говорит о каких-либо существенных перестройках, за исключением восстановления стен сразу же после осады 1484 г. и неоднократных работах по очистке рва. Заметим, что, по мнению путешественника, именно глубокий ров, а не стены, делали эту крепость неприступной (Евлія 1997: 9-12). Такое отношение к Аккерманской крепости отчасти вполне объяснимо, исходя из общей военно-политической ситуации. В течение всего XVI в. Османская империя ведет непрерывное наступление практически на всех направлениях — в Европе, в Азии и в Африке. Только в конце XVII в., после неудачной осады Вены в 1683 г. и поражения при Зенте в 1697 г., турки переходят в Европе к стратегической обороне. Начинается их постепенное вытеснение с завоеванных территорий, в том числе и из Северного Причерноморья.

В этих условиях вполне логичным выглядит появление в начале XVIII в. проектов перестрой-

[1] Впрочем, история дает нам примеры весьма успешной обороны подобных устаревших крепостей и в XVI, и даже в XVII вв. Достаточно вспомнить хотя бы неудачную осаду Пскова армией Стефана Батория в 1581 г. или оборону Троице-Сергиевой лавры в 1608-1610 гг.

[2] О том, что крепости, располагавшиеся в наиболее важных стратегических местах на границах Порты Оттоманской, оборудовались по последнему слову инженерной техники, свидетельствует пример Азова. Эту крепость в XVII в., судя по опубликованным планам, безусловно следует считать одной из сильнейших в Северном Причерноморье (Перепечаева 1995 : 31).

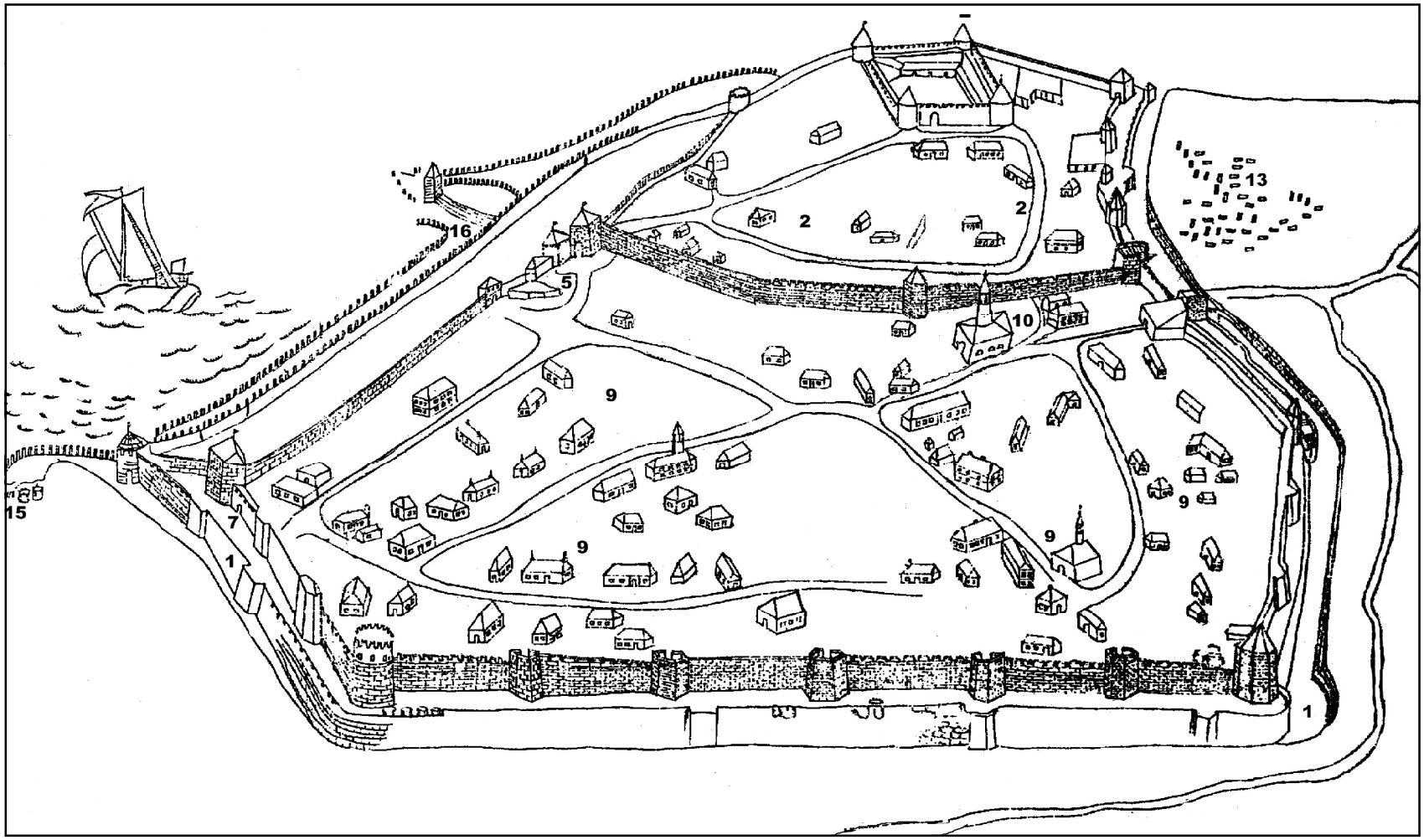


Рис. 2. «Проспект Аккерманской крепости, состоящей в Безарабии, в каком состоянии ныне по взятии российскими войсками от турок находится, то есть от 1770 году» (1 — крепость Аккермана; 2 — Замок; 3 — внутренний замок; 4 — пороховой погреб; 5 — цейхгауз артиллерийский; 6 — главные ворота; 7 — палитий или проходы на фособрей; 8 — мечети, в коих содержался провиант; 9 — жилое строение в крепости и вне крепости; 10 — бывшая полковая церковь; 11 — бывшая турецкая баня; 12 — во время осады сожженное строение; 13 — кладбище; 14 — разлив реки Днестра; 15 — при конце рва батареи; 16 — водяные ворота; копия в фондах ОИКМ).

ки некоторых, стратегически наиболее важных, крепостей Причерноморья и, в частности, Бессарабии. Наряду с Килией и Бендерами, схожий проект крепости бастионного очертания существовал и для Аккермана. М.Шлапак полагает, что все названные проекты были осуществлены в натуре (Şlapac 1998 : 36,48). По поводу Бендерской крепости мы не располагаем информацией кроме той, что к моменту ее осады и взятия русскими войсками в 1770 г. ...крепость представляла собой если и не первоклассный, то, по крайней мере, вполне современный фортификационный объект. Что касается Аккермана, то имеющиеся в нашем распоряжении реальные, а не проектные планы крепости второй половины XVIII в.[3], в том числе и те, что опубликованы в работе М.Шлапак, явно противоречат ее же мнению.

Так, на упомянутом выше плане-перспективе крепости 1770 г. мы не видим никаких признаков наличия бастионной системы (рис. 2). Ничего иного, кроме привычной центральной ограды, нет и на других планах 1770, 1774 и 1789 гг. (рис. 2-3; Şlapac 1998 : Fig. 33-34, 39). М.Шлапак полагает, что вновь построенные бастионные укрепления были срыты после взятия Аккерманской крепости бригадиром русской армии Игельстремом в 1770 г. В таком случае следует допустить, что целый ряд планов 1770 г. был снят русскими топографами уже после того, как земляные бастионы были уничтожены. Заметим, что такое предположение полностью противоречит обычной практике русских топографов, которые снимали план захваченной крепости буквально сразу же после ее взятия для как можно более скорого его представления к императорскому двору. Кроме того, как бы тщательно не уничтожалась бастионная линия, ее следы должны были бы отобразиться в рельефе местности и, соответственно, на названных планах крепости. И уж совсем необъяснимым выглядит наличие старого городского кладбища справа от входа в Килийские ворота крепости, где, согласно проекту, должен был находиться земляной редут или бастион (рис. 2-3). Добавим, что на известном документе «Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова с показанием Новой Сербии...», основа которой была снята известным французским военным инженером на русской службе Д.Дебоксетом еще в 1744-1745-х годах, где обозначены все мало-мальски значительные крепости нового бастионного начертания, на месте Аккермана помещен значок, указывающий на наличие здесь только крепости с центральной оградой (Скальковский 1837).

[3] Мы имеем в виду 7 фотокопий планов и проектов Аккермана из Военно-исторического архива Москвы, которые хранятся в фондах Одесского археологического музея (Рис. 5; Фонды ОАМ. - № 90807), копии трех планов крепости из того же архива в фондах Одесского историко-краеведческого музея (ОИМК; Рис. 1, в; 2, 6), а также оригинал плана 1770 г. в Национальной библиотеке Украины в Киеве (Рис. 3).

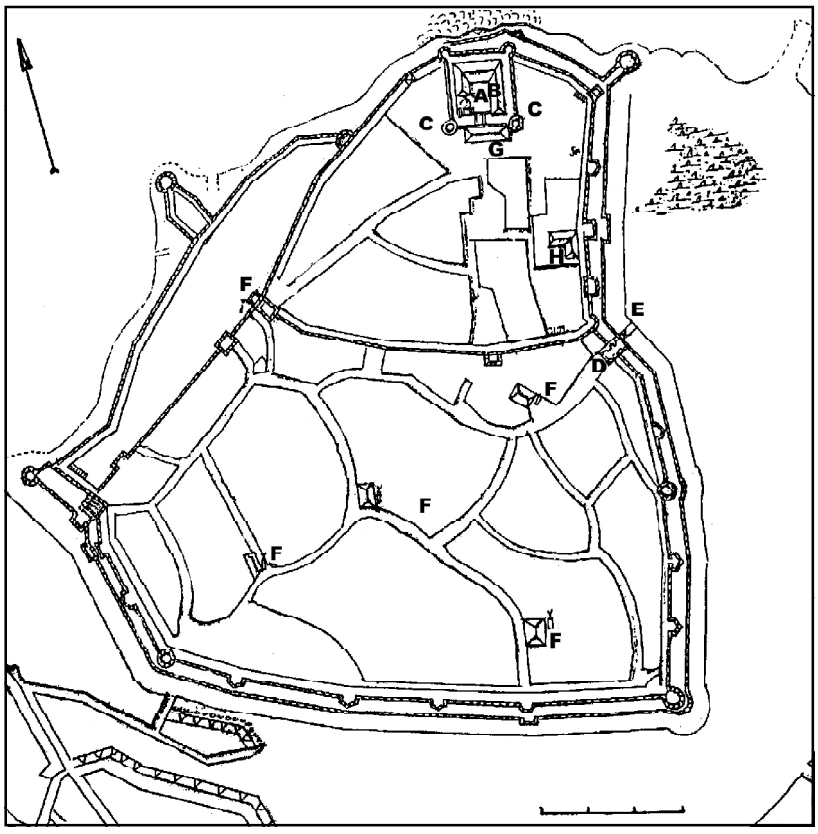


Рис. 3. «План крепости Аккерман или Белгород, лежащей вблизи Аравии по реке Днестру, с показанием веденной на оной атаки российскими императорскими войсками, сделанной от Первой армии деташментом под командою г-на бригадира и кавалера Игельстрема» 1770 г. (A — Замок; B — магазейны со всяким артиллерийским и фортификационным припасом и инструментом; C — башни, в которых порох содержится; D — ворота; E — выходы; F — мечети; G — пашинский дом; Фонды Национальной библиотеки Украины им.В.Вернадского в Киеве. № 12267).

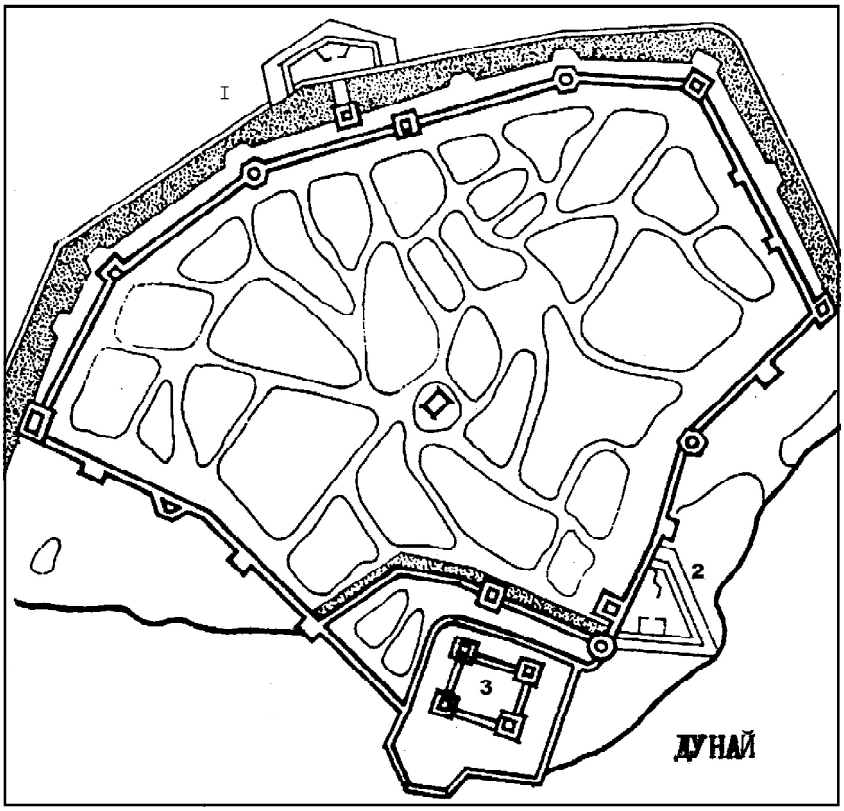


Рис. 4. План крепости Килия 1790 г. (Şlapac 1998: Fig. 94); 1 — редут, 2 — бастион, 3 — цитадель.

Таким образом, мы утверждаем, что проект перестройки Аккерманской крепости 1707 г. так и остался на бумаге. Более того, сказанное почти полностью относится и к проекту перестройки Килийской крепости. Так, на ее плане 1790 г., помимо старой ограды, можно увидеть лишь два небольших сооружения, которыми, скорее всего, и исчерпалась упомянутая перестройка. Это бастион, прикрывавший цитадель со стороны Дуная, а также редут, вынесенный за крепостной ров перед главными воротами (рис. 4).

Гораздо сложнее оказалось разобраться с реальными и проектными планами реконструкции крепости в конце XVIII - самом начале XIX вв. Для начала охарактеризуем ее состояние в 1784 г. с точки зрения одного из наиболее крупных французских военных инженеров того времени Лафитта-Клаве, по проектам которого Оттоманская Порта накануне и в ходе второй русско-турецкой войны перестроила целый ряд своих фортификационных сооружений, в том числе укрепления Босфора, Очаковскую и Измаильскую крепости (Петров 1894: 131; Сапожников 1999 : 7, рис. 1-3, 17). Лафитт-Клаве писал: «Аккерман… город, обнесенный двойной каменной оградой со рвом и зубцами по турецкому обычаю. Он имеет от 300 до 400 туазов длины и 200 ширины. С северной и восточной стороны он обращен к реке, которой крутой и неровный внизу берег возвышается от 25 до 30 футов. Днестр или озеро образуют на северной части большой залив, делающий половину ограды сего города неприступной; остальная же часть весьма худо защищена и не может сопротивляться первым пушечным выстрелам. В нем находится древний замок, окруженный с боков 4 или 5 маленькими покрытыми башнями и служащий крепостцою, также несколько табиасов или батарей, рассеянных по разным местам на удачу и выстроенных с саппами или амбразурами из плетня». Примечательно, что французский инженер считал эту крепость настолько устаревшей, что даже не попытался дать какие-либо рекомендации по ее усилению (Сапожников 1999: 18-20, 51).

Тем не менее, позднее, уже после сдачи турками Аккерманской крепости без боя «на капитуляцию» русским войскам в 1789 г., планы по ее перестройке все-таки возникли. Все они связаны с именами двух военных инженеров. Француз Кауффер, находившийся на турецкой службе, предложил в 1793 г. несколько проектов ее реконструкции. Любопытно, что им же в 1796 г. был составлен план новых укреплений вокруг Измаила. Е.Ферстер (Фернштер), инженер-генералмайор русской армии, известный своими планами Одессы (Сапожников, Сапожникова 1998 : 92-94, рис. 13-14), в 1807 г. также предложил свою схему обновления Аккерманской крепости, отличавшийся от планов Кауффера[4].

[4] М.Шлапак опубликовала еще один эскизный проект 1789 г. (1998: Fig. 32). Он предусматривал строительство гласиса и прикрытого пути, а также вынесение мощной редутной оборонительной линии на границу застройки города Аккермана. Судя по всему, он был составлен русскими инженерами, но не только не был осуществлен, но, как увидим ниже, даже не рассматривался серьезно.

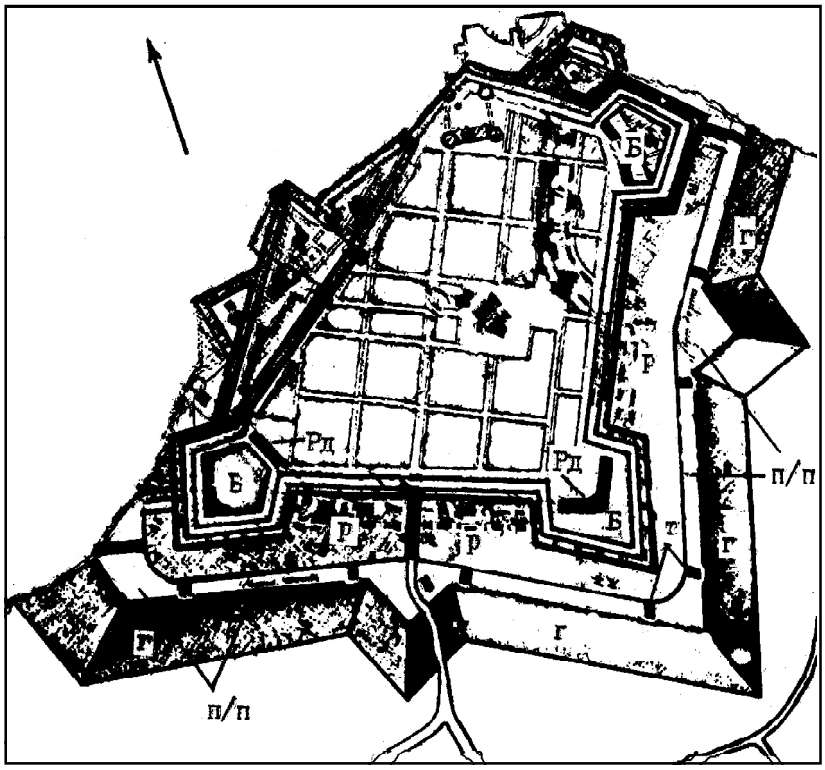


Рис. 5. Проспект реконструкции Аккерманской крепости Кауффера 1793 г. (Фрагмент; Фотокопия в ОАМ НАНУ. — № 90807-10); г — гласис, п/п — прикрытый путь, т — траверс, р — ров, Б — бастион, Рд- редут; (пунктиром обозначена старая средневековая ограда).

М.Шлапак полагает, что какой-то из этих проектов, а может быть и несколько, были реализованы в определенной последовательности. Так, она пишет о том, что план крепости 1793 г. содержит в себе проект постройки трех линий бастионов, а на плане 1807 г. видно, что укрепленные бастионы уже сконструированы (Şlapac 1998: 37).

Сопоставляя реальные и проектные планы крепости конца XVIII - начала XIX вв. мы приходим к выводу, что ни проекты, разработанные Кауффером (1793 г.), ни план Е.Ферстера (1807 г.) никогда не были осуществлены в полном объеме[5]. Наша позиция по этому вопросу строится на следующих наблюдениях. Согласно М.Шлапак, Кауффером были разработаны три проекта Аккерманской крепости: 1. трехбастионный, 2. пятиреданный, 3. тенального начертания. Для начала заметим, что первый и третий варианты являются ничем иным, как одним общим проектом. Это отчетливо видно даже на том чертеже, который приведен самой М.Шлапак (Şlapac 1998: 50, fig. 27). Не говоря уже о том, что к концу XVIII в. бастионные крепости давно приобрели тенальные начертания, и употреблять эти характеристики в отношении крепостей по отдельности было бы неверно. Как могла выглядеть Аккерманская крепость, если бы проект Кауффера был осуществлен, видно на рис. 5. Нетрудно заметить, что фактически перед нами так называемая простая система Вобана, получившая распространение еще в конце XVII в. (Яковлев 1995: 62-63). В нашем случае одним из ее важнейших признаков следует считать наличие траверсов на прикрытом пути. Однако, наряду с относительно свежими инженерными идеями (если так можно назвать достижения столетней давности), Кауффер оставлял бастионную систему тенального начертания, которая к тому времени уже устарела. В конце XVIII в. в Западной Европе начинается переход от тенальной к полигональной (капонирной) системе Монталамбера. И, наконец, подчеркнем, что радикальный проект Кауффера предусматривал полный снос старой, средневековой линии укреплений, поскольку было совершенно ясно, что приспособить ее каким-то образом к современным условиям было уже практически невозможно.

Второй проект того же инженера был гораздо более простым, а потому мало способствовавшим существенному усилению Аккерманской крепости. По сути дела, речь шла всего лишь об обустройстве прикрытого пути (опять-таки, при помощи траверсов) и, соответственно, вынесении гласиса подальше от основного рва (рис. 6). Какой-либо перестройки главной ограды при этом, судя по всему, не предусматривалось. Возможно, была проведена грунтовая подсыпка внутренней подошвы стен гражданского двора, которую, впрочем, можно считать лишь отдаленной имитацией настоящего валганга. Тем не менее, мы допускаем, что именно этот, второй, проект Кауффера и был претворен в жизнь.

[5] Даже несмотря на упоминание Н.Н.Мурзакевича о том, что в 1800 г., якобы, в крепости проводилась переделка валов и бастионов, поддержанная господарем К.Ипсиланти (Мурзакевич 1848: 483).

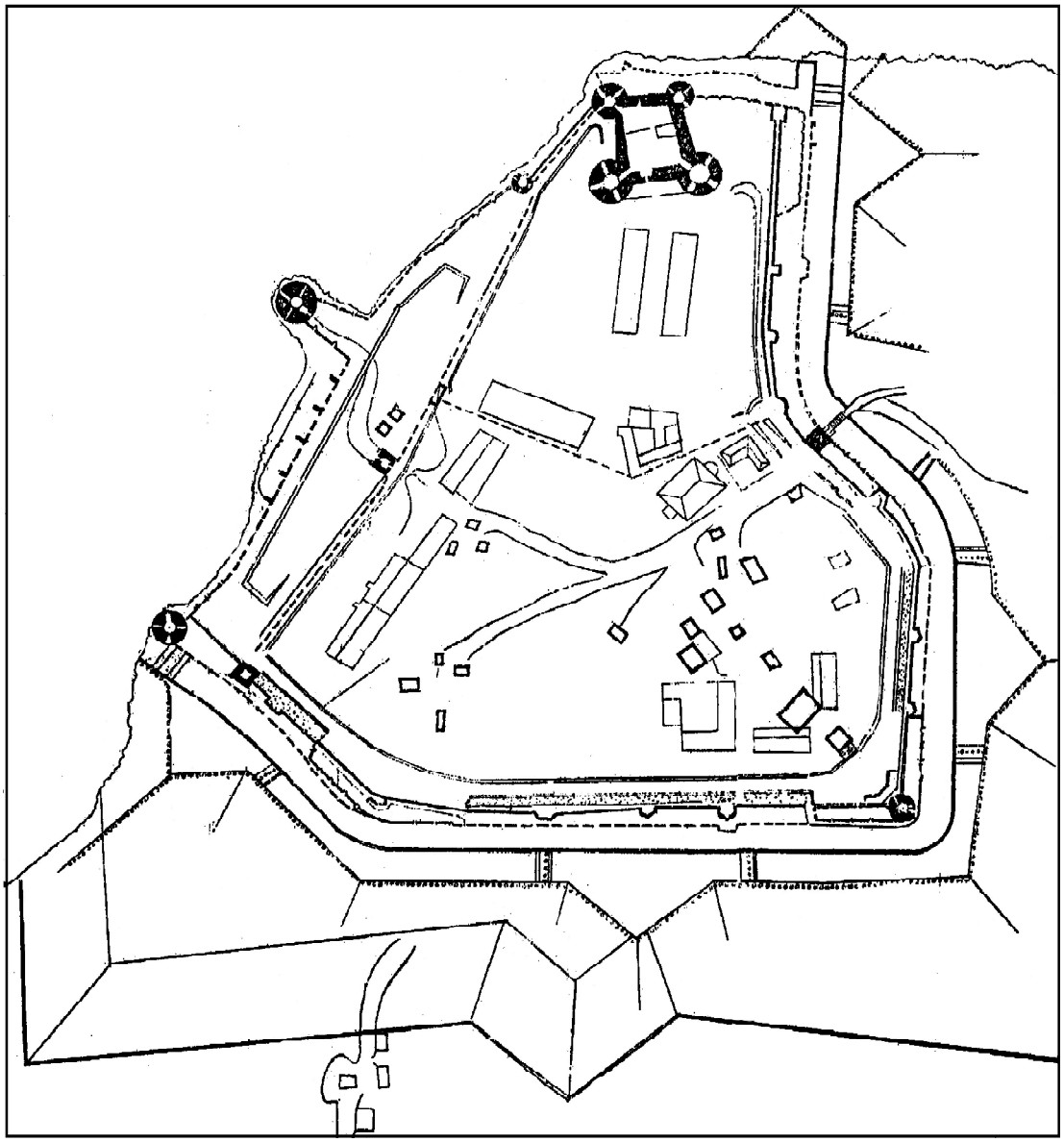


Рис. 6. Проект реконструкции Аккерманской крепости Кауффера 1793 г. (Копия в фондах ОИКМ).

Правда, в этом случае остается неясным, когда именно это произошло. Либо этот проект осуществил сам Кауффер, либо это было сделано позднее русскими военными строителями. Пока второе предположение кажется нам более предпочтительным, так как мы знаем, что инженер Мартос дал свое заключение о строительных работах, произведенных в Аккермане в 1813-1814 гг. (Мартос 1893: 519), но его содержание пока остается неизвестным.

Что касается проектного плана Е.Ферстера, то фактически это был рабочий эскизный чертеж (рис.7). Он не проработан в деталях и не дает окончательного представления о том, каким образом Е.Ферстер все-таки планировал перестроить старую крепость в целом. На плане отсутствует начертание новой внешней ограды, но очевидно, что было предусмотрено строительство нового рва, вынесенного на 30-40 м впереди существующего. Во рву должны были быть устроены два равелина, которые М.Шлапак называет редутами, причем в горже южного равелина предусматривался то ли редут, то ли капонир, фланкировавший главный ров (Şlapac 1998: 49, fig. 30). Мы думаем, излишне говорить о том, что осуществление подобного проекта на практике, даже при условии сохранения средневековой ограды, как это было предусмотрено планом Е.Ферстера, привело бы к грандиозным изменениям всего ландшафта, примыкающего к крепости (рис. 7).[6]

Так или иначе, мы должны благодарить судьбу и за то, что не был осуществлен план полного срытия Аккерманской крепости, предложен-

[6] Е.Ферстер известен и как строитель Овидиопольской (Аджидерской) крепости, напротив Аккермана, на противоположном берегу Днестровского лимана (Тимофеенко 1984: 73).

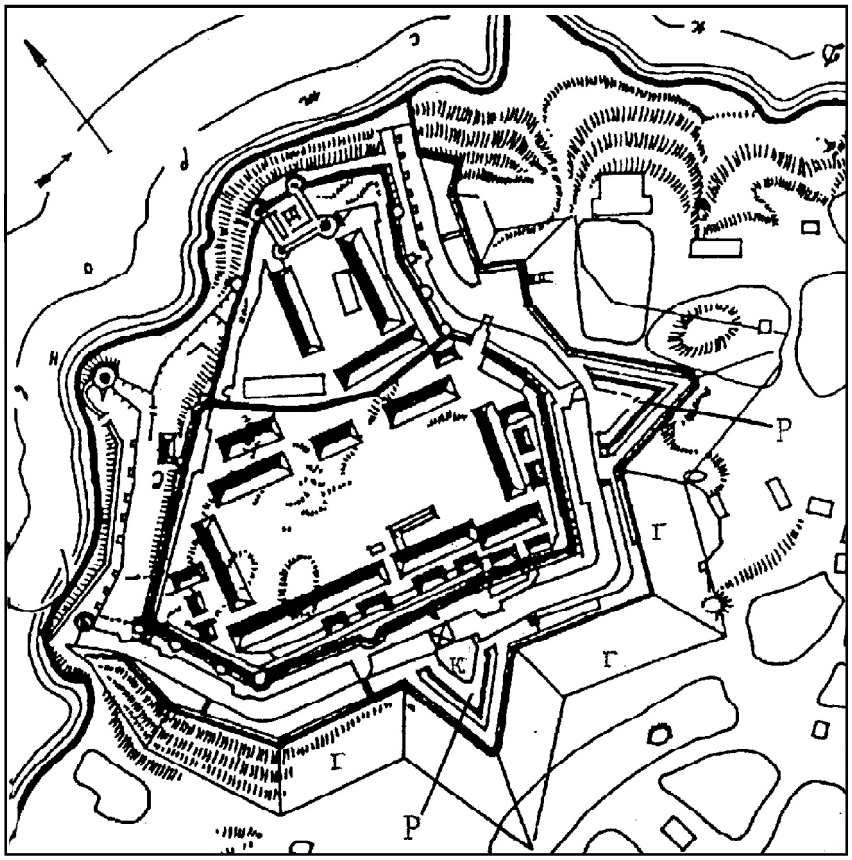


Рис. 7. План реконструкции Аккерманской крепости Е.Ферстера (Şlapac 1998: Fig. 30); г — гласис, к — капонир, Р — равелин.

ный Г.А.Потемкиным ее коменданту М.И.Кутузову в июне 1790 г. (Сапожников 1999а: 38), также, как и упомянутые проекты ее кардинальной перестройки 1793 и 1807 годов. В противном случае, мы лишились бы сейчас одного из немногих существующих в Восточной Европе бесспорных образцов военного фортификационного искусства XII-XIV вв.

Таким образом, основные этапы строительства Аккерманской крепости следует отнести к молдавскому периоду и датировать самым концом XIV - 70-ми годами XV вв. Можно согласиться с М.Шлапак, что в ее проектировании принимали участие византийские инженеры (Şlapac 1998: 206). На протяжении всего турецкого периода (1484-1806 гг.), крепость практически не перестраивалась, хотя турки, по-видимому, проводили неоднократные, не очень существенные реконструкции и ремонты ее отдельных участков, а в конце XVIII в. — работы по сооружению валганга. В 1807 г. русские инженеры предложили свой вариант (или варианты) усиления крепости, который на практике свелся к устройству гласиса и прикрытого пути, а также незначительным досыпкам под внутреннюю подошву стен на южном и восточном участках гражданского двора. Вскоре, после выхода России к Дунаю, Белгород-Днестровская крепость окончательно утратила свое военно-инженерное и стратегическое значение, что спасло ее от полного разрушения после поражения в Крымской войне и подписания в марте 1856 г. Парижского мирного договора.

ЛИТЕРАТУРА

Евлія Челебі 1997. Книга подорожі: Північне Причорномор'я. - «Гермес», Одеса.

Мартос 1893. Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича: 1806-1822 // Рус. архив. - Т. XXXI. № 8. С. 449-542.

Мурзакевич Н. 1848. Аккерманские греческие надписи // ЗООИД. Т. II. С. 480-483.

Перепечаева Л.Б. 1995. Крепость и посад Азов: конец XVI - начало XVII вв. Азов.

Петров А.Н. 1894. Влияние Турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. 2. СПб.

Сапожников И.В. 1999. Описание Одессы и Северного Причерноморья 1780-х годов: к 210-й годовщине штурма Хаджибейского замка. «Елтон-2-Гратек», Ильичевск.

Сапожников И.В. 1999а. Хаджибей та Північне Причорномор'я 1780-х років: до 210-річчя штурму Хаджибейського замку. «Елтон-2-Гратек», Іллічівськ.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 1998. Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе. «ОКФА», Одесса.

Скальковский А. 1837. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Т. I. Гор. тип., Одесса.

Тимофеенко В.И. 1984. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. «Наукова думка», Киев.

Яковлев В.В. 1995. История крепостей. СПб.

Şlapac M. 1998. Cetatea Albă: Studiu de arhitectură militară medievală. «Editura ARC», Chişinău.

С.В.Паламарчук

ГОРОД ИЗМАИЛ: НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ

S.V. Palamarchuk. The Town of Izmail: Early Stages

The article is dedicated to the early history of the town and fortress of Izmail (Low Danube, modern town of Izmail, Odessa region, Ukraine).

The author believes that Izmail underwent a number of stages in its development.

1. Supposedly, a Walachian settlement called Smil, whose location has not been archaeologically proved and was not documented in the records of XV-XVI centuries, existed close to the Danube crossing-place in XV and was destroyed by the Ottoman troops in 1484 during their march to Chilia and Belgorod.

2. A new Ottoman village next to the destroyed Walachian one emerged in the mid XVI century again close to the crossing-place. Its name *Ismail* was documented in 1560.

3. By the late XVI century the village had evolved into a town with some fortifications and a transit port – *crossing-place*, belonging to the Muslim religious department.

4. By mid XVII century Izmail had become a small town without fortress, consisting of two parts: western and the main one, surrounded by a wall, and eastern one – quarters of Christian Orthodox population. During the military activities of 50s of XVII century, due to an inflow of refugees, this locality grew, so that right from that moment one can call Izmail a town.

В исследовании средневековой истории края важнейшее значение имеет проблема происхождения старинных населенных пунктов, и, в первую очередь, городов – в источниковедческом смысле – накопителей информации о жизнедеятельности населения. Если ранняя история ведущих городов Бессарабии – Белгорода и Килии – в научной литературе представлена, то вопрос о происхождении третьего по значению в регионе города – Измаила – является предметом специального рассмотрения впервые.

История Измаила начального этапа его существования в краеведческих очерках и путеводителях изложена кратко. Одними из первых к истории города обратились в начале XX века штабс-капитан Галкин (Галкин 1902) и действительный член Одесского общества истории и древностей П.Т.Коломойцев (Коломойцев 1912 – 1914). Затем вышла румынская монография Измаила Ф.К.Розетти (Rosetti 1934). В советский период опубликованы краткие популярные очерки (Кирилюк 1961, Клименко 1984). Минимум информации о ранней истории города содержит очерк «Измаил» в «Истории городов и сел Украинской ССР» (Ващенко, Ерошина и др. 1978), немногим более – последняя публикация по истории Измаила (Марчук, Тичина 1997). Первые авторы отдельные сведения почерпнули из трудов середины XIX века по истории Бессарабии (Стамати 1850; Защук 1862). Все они не ставили перед собой задачи сбора и анализа исторических источников, поэтому представленная в популярной литературе ранняя история Измаила основана на полулегендарных сведениях, содержит непроверенные, часто попросту сомнительные факты, и носит компилятивный характер. Такого рода информация помещена даже в некоторые энциклопедические издания. Если в БСЭ первых выпусков указано, что время основания города не установлено, а с XVI в. он известен как турецкая крепость, то в УРЭ 1961 г. последняя часть фразы изменена: «в XVI в. захвачен Турцией и превращен в крепость». БСЭ 3-изд. 1972 г., отметив, что время основания города не установлено, сообщает: «...в XII в. на месте Измаила была генуэзская крепость, принадлежавшая затем Молдавскому княжеству. С XVI в. упоминается как турецкая крепость. В 1569 г. турецкий султан поселил тут ногайцев...» и т. д. Похоже, что «генуэзская крепость» взята

© С.В.Паламарчук, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

из работы А. Защука (Защук 1862: 232), а ногайцы, на самом деле поселенные султаном в Буджакской степи, — из труда Галкина (Галкин 1902: 5). Более корректны лаконичная Новая Энциклопедия Британика 1974 г.: «Измаил – турецкая крепость, основанная в XVI в. и взятая штурмом русскими войсками в 1790 г.» (Britanica 1974: 482), а также Энциклопедия Ислама, которая сообщает, что первое достоверное упоминание об Измаиле относится к 1588-1589 гг., когда тут было основано небольшое укрепление (Menzel, Parry 1978: 185-186). В постсоветской историографии новые сведения относительно раннего Измаила внес молдавский историк И.Г.Киртоагэ, приведя в своей монографии фрагменты документов, опубликованных румынскими учеными (Киртоагэ 1992: 47). Специально укрепления Измаила XVIII-XIX вв. исследовал киевский архитектор Б.В. Колосок, подробно начальных этапов истории города не рассматривавший (Колосок 1995).

Следует признать, что источниковые данные об Измаиле первых столетий его существования весьма ограничены, но, используя полученную из них информацию, можно предложить современную версию происхождения города, ответив на ряд конкретных вопросов, собственно, и составляющих суть проблемы: было ли на месте будущей крепости Измаил доосманское поселение, когда и кем оно могло быть основано, какую роль играло для Молдавского княжества до 1484 г.? Что представлял собой ранний Измаил конца XVI – первой трети XVII вв., когда на него совершали нападения украинские казаки? Что известно о крепости Измаила и о расселении его жителей (основной состав населения) XVII века? В заключение – какова этимология названий города Смил – Исмаил – Измаил?

Можно считать установленным факт существования на месте известной в XVIII в. турецкой крепости тремя столетиями ранее доосманского населенного пункта с названием Смил. (Разночтения Симил, Синил, Семил). Это раннее имя зафиксировано в более поздних картографических источниках. Употребление старого названия обычно для средневековой картографии и литературы эпохи романтизма как традиция и как протест против османских аннексий европейских земель.

Впервые приблизительно на месте нынешнего города специальным знаком отмечен населенный пункт без названия на карте Фра Мауро 1459 г. Смил (Измаил) отсутствует на относительно подробной карте Герарда Меркатора 1554 г., сохранившейся в переиздании 1662 г. Первое известное нам обозначение имеется на «Карте Украины» Гийома Левассера де Боплана 1648 г. – Simil с экспликацией – «деревня» (Боплан 1991: карта-вкладка). Затем, также на «Карте Украины» И.-Б. Хомана – Smil или Sinil в Бессарабии или Буджакской Тартарии (Люта 1996 :60-61) и на военной карте Георгия фон Мегдена (Юрия Фомендина) и Якова Брюса, высокопоставленных сподвижников Петра I (Алферова, Харламов 1982: 133). Название Ismail появилось на картах только в XVIII веке.

Название Смил фигурирует в нарративных источниках. В середине XVII века его упоминает архидиакон Павел Алеппский: «*прибыли к известному городу Смилу, который турки называют Исмаилом*» (Алеппский 1900: 105). Димитрий Кантемир в труде «Описание Молдавии» (1714 г.) также отметил «*город Исмаил, называемый в старину молдаванами Смил*», а ниже упомянул своего предка Теодора Кантемира, якобы «*килийского и смилского пыркалаба*» в приведенной им жалованной грамоте Стефана III (Кантемир 1973: 27, 132). Подлинность последнего документа сомнительна, на что указывал еще Н.Йорга, здесь же важен факт упоминания названия Смил самим Димитрием Кантемиром.

Более информативным источником сведений о средневековом Исмаиле является труд «Сейахат-намэ» (Книга путешествия) турецкого автора Эвлии Челеби, который побывал в Измаиле не менее двух раз в середине XVII столетия. Этот автор пишет: «*Измаил – творение Салсала. Город этот в 889/1484 г. завоевал капудан султана Баезид-хана Исмаил, поэтому его и называют городом Измаилом*»(Челебі 1997: 6). Приведенный фрагмент подтверждает доосманское происхождение города, поскольку Салсал («сал» – турецк. «борода») – «*заблудший король неверных*». С одной стороны, это легендарный персонаж, сражавшийся с не менее легендарным Малик Аштером («малик» – араб. «царь»), а реальный прототип последнего – сахаб, предсказатель и полководец, жил в I в. ислама (Бахревский 1999: 66), т.е. в VII веке. С другой стороны, Салсал довольно часто фигурирует в книге, он сражается с Малик Аштером в ущелье Сарысай под Аккерманом. Это опознаваемое и ныне существующее место. По легенде Салсал тяжело ранит Малик Аштера, благодаря чему тот становится шехидом – святым и мучеником, но сам гибнет от его руки. Малик Аштер тоже погибает, а его могила под Бахчисараем – место поклонения мусульман, известна Эвлии Челеби. Сын Салсала – Салсал-оглу – «*хозяин Аккермана*», воевавший в коалиции с польским королем в Крыму, где они отняли у генуэзцев крепость Саркерман (Книга путешествия 1999: 29). И генуэзцы, и крепость Саркерман, находившаяся в окрестностях современного Севастополя, – исторические реалии. Если предположить в Салсале и его сыне молдавских господарей, например, Александра Доброго и его внука Стефана III, объясним союз с польскими королями, вассалами которых были молдавские князья. Время действия – XV век, когда генуэзцы сдавали свои позиции в Северном При-

черноморье.

Эвлия Челеби считает, что капудан Исмаил завоевал город. По другим турецким источникам известно, что тогда города еще не было, а было всего лишь селенье при переправе. Последнее обстоятельство объясняет, почему герой-завоеватель Исмаил – капудан, т.е. капитан корабля, подошедшего по Дунаю, экипажа которого хватило для захвата небольшого пункта.

И.Г.Киртоагэ указывает на фирман султана Сюлеймана I молдавскому господарю Александру Лэпушняну и аккерманскому санджакбею Хасану от 15 января 1560 г., из которого видно, что вместо разрушенного населенного пункта возле «*места, названного Измаилом*», создано новое село, жители которого часто нападали на земли Молдавского княжества (Киртоагэ 1992: 47). Это предполагает, что разрушенный пункт, вероятно, селенье Смил, – находился рядом с «*местом, названным Измаил*», т.е. «*переправой Измаил*» на месте прежней молдавской переправы, по некоторым сведениям также называвшейся «*переправой козлят*» (Chirtoaga 1994: 10). Вряд ли населенный пункт при переправе мог остаться неразрушенным еще летом 1484 г. при подходе османских и валашских войск к Килии, хотя прямых сведений об этом нет. Более полустолетия местность у старой переправы активно не осваивалась. Однако, образовавшееся около середины XVI столетия «*новое село*» было достаточно крупным, раз его жители могли совершать далекие набеги. Развитие событий выявляет, что село возникло не само по себе, а что руководило новосельем османское государство. Поначалу село получило статус «нахие» (араб. «окрестность», самая мелкая административная единица в Турции), обычно подчинявшегося каза (кадилыку), более крупной единице, но сведениями о таком подчинении Измаила мы не располагаем. Возможно он имел особый статус как вакуф (вакф), о чем будет сказано ниже.

То, что в советской исторической литературе именовалось крепостью, на конец XVI в., в частности, когда речь шла о штурмах (!) 1594 и 1595 гг. отрядами Северина Наливайко и Григория Лободы – клише, которым продолжают пользоваться многие авторы и поныне, по документальным материалам оказалось «небольшим укреплением при переправе», основанным, как уже говорилось выше, в 1588-1589 гг. И.Г.Киртоагэ, из документов, опубликованных М.Губоглу, приводит сведения, согласно которым к строительным работам привлекались жители Молдавского и Валашского княжеств (Киртоагэ 1988: 76).

Турецкий летописец XVII века Мустафа Селаники в своей «Истории» сделал запись о том, что в ноябре 1590 г. умер Мехмед-ага, который создал «*крепость на берегу Дуная, на месте названной переправы Измаил*» (Киртоагэ 1992: 47). Этот фрагмент важен с выяснением личности Мехмеда-аги, который был высокопоставленным духовным лицом в государстве (и главным евнухом). Очевидно, по решению султана Мурада III (1574-1595), внука Сюлеймана, новое османское село было преобразовано в небольшой городок путем его укрепления – обнесения земляным валом для элементарной обороны, особенно в связи с возрастающей торговлей. Уже к концу XVI века в измаильской гавани разгружались корабли с товарами, откуда их забирали львовские купцы (Кривонос 1986: 115). Значение понятия «переправа» того времени следует дополнить понятием «транзитный торговый пункт». Строительными работами ведал не военный чин, как было принято в случае постройки крепости, а лицо гражданское, и, мало того, духовное, к тому же заинтересованное, так как судя по всему, вопрос о передаче Измаила в качестве вакуфа духовенству был решен сразу же. Правда, документов, непосредственно это подтверждающих, пока не обнаружено. И.Г.Киртоагэ пишет, что позже (в XVII веке – С.П.) Измаил вместе с сельской округой числился среди вакуфных владений (Киртоагэ 1992: 47). Создание вакуфного владения в определенной мере способствовало развитию городка, так как часть его доходов шла на местные нужды. По мусульманскому законодательству, доходы от вакуфов были освобождены от контроля государства, их использовали на строительство мечетей, монастырей (дервишей), организацию мектебов (начальных школ), приютов, ремонт мостов и дорог и т.п.

Измаил конца XVI – первой трети XVII века – крупное поселение типа касаба, административный центр с мечетью, караван-сараем, с портом и незначительными фортификационными сооружениями, без регулярного военного гарнизона. Этим можно объяснить тот факт, что он был легкой добычей казачьих набегов в указанный период. Нападавшие обыкновенно жгли населенные пункты, о чем их предводители затем сообщали в победных реляциях. Значит, и дома, и склады, и сторожевые башни были из сырца и дерева, а поскольку рейдеры долго не задерживались, население быстро восстанавливало разрушения без особых изысков в перспективе новых вторжений.

Турецкий летописец Кятиб Челеби указывает, что в 30-е годы XVII столетия существовал «*городок и каза, называемый «переправа Измаил*» (Киртоагэ 1988: 75). По-видимому, в этой фразе также указывается транзитное значение порта. «*Городок*» и «*каза – переправа*», два разных пункта в Измаиле, или две функции одного места? Возможно, такой стилистический оборот несет дополнительную смысловую нагрузку, свидетельствуя о двух частях Измаила. Вообще, информация очевидцев и современников об Измаиле той поры разноречива.

К первой половине XVII века относятся сведения Гийома Левассера де Боплана в «Описании Украины»: «*Измаил – турецкий городок совсем не обнесенный стеной*»(!), т.е. неукрепленный (Боплан 1991: 49). Сам Боплан в Измаиле и в Буджаке не бывал, но как специалист-фортификатор не мог не знать положения крепостей этой территории. Таким образом он подтверждает отсутствие крепостного сооружения, и этим сведениям можно доверять. Ничего не сообщает о крепости в Измаиле архидиакон Павел Алеппский, описывая маршрут 1658 г. Напротив, он пишет: «*единственное правительственное лицо – градоначальник*» и уточняет, что Измаил – «*собственность монастыря Хассеки*» (монастыря дервишей, добавляет переводчик) (Алеппский 1900: 105). Конечно, сведения архидиакона поверхностны, поскольку он был здесь проездом и мало вникал в подробности, но крепости – заметный объект и в других случаях им упоминались.

Несколько иная информация исходит от Эвлии Челеби, который посетил Измаил примерно в это же время (1657 и 1659 гг.). Путь Эвлии Челеби пролегал по Румелии через Силистру, Бабадаг, Тулчу и через Измаил на Аккерман и Очаков. Он сообщает: «*Мы за три дня переправились через Великий Дунай напротив города Измаила и прибыли в крепость Измаил*», а чуть ниже при описании Измаила «*а поскольку тут крепости нет, то нет и коменданта*» (Челебі 1997: 6). Либо в первой фразе допущена какая-то погрешность в переводе или в памяти автора, писавшего мемуары много позже происходивших событий в Стамбуле, либо в ней кроется информация о двух частях Измаила, к чему мы вернемся далее. В середине XVII столетия Эвлия Челеби отмечает в Измаиле небольшое воинство: бешли-агу и около 70 рядовых воинов, должности кетхуды сипахиев, агу азабов и др. и даже приводит имя янычарского военачальника Кебче Али-паши. Существование последнего подразумевает наличие отряда янычар. Можно видеть в этом временное явление, связанное с идущей тогда войной. Эвлия Челеби, описывая события 1659 года, сообщает о прибытии в Измаил со стороны Тулчи двенадцатитысячного христианского войска, собранного турками в окружающих Тулчу двенадцати крепостях, на пятидесяти судах. «*После трехдневной стоянки здесь* (в Измаиле – С.П.) *толпа пришедших с оружием, а также записанные пивовары, трактирщики и рыбники увеличили число христианского войска до 20 тысяч*». Затем отсюда это войско направилось на войну через села Кышла, Дундар, Ахпаноз, Сапан, Постан, Тобак, относящиеся к измаильскому каза. «*Христианское население этих сел из молдаван и валахов, ... богатые люди разбежались в города Измаил и Браилу от страха перед Константином Бурунсузом*» (Челеби 1961: 162). Бурунсуз – по турецки «безносый», прозвище валашского, а затем молдавского господаря Константина Шербана Басараба. О бегстве местного населения в плавни и за Дунай в связи с военными действиями в те годы упоминал и Павел Алеппский.

Если неясная фраза о месте переправы через Великий Дунай соответствовала мысли автора, то напрашивается вывод, что действительно к середине XVII века Измаил мог состоять из двух частей: старой, основанной в XVI столетии и обнесенной земляным валом, таким образом укрепленной, которую Эвлия Челеби мог назвать «*крепость*», и новой – неукрепленной, названной им «*город*», правильнее сказать «посад». Но надо при этом признать, что описывая «*город*», он имеет в виду старую его часть. Появление посада можно объяснить, привлекая сведения Павла Алеппского. Этот автор заметил об Измаиле: «*Говорят, в этом городе проживает более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок и поселились тут...*» (Алеппский 1900: 105). Очевидно, в связи с военными событиями происходило внезапное значительное увеличение населения Измаила, что, в свою очередь, и вызвало строительство посада дополнительно к имеющейся части, укрепленной валом. Если беженцы остались здесь на постоянное жительство, примерно с этого времени можно говорить об Измаиле как о городе, третьем по величине в крае после Аккермана и Килии.

Можно также предположить, что христианское население, тяготевшее к Измаилу, в XVII веке селилось к востоку от укрепленной части города, на левом берегу балки, разделяющей в этом месте берег Дуная. Позже, в последней четверти XVIII века, восточная часть Измаила тоже была охвачена укреплениями под названием Новая крепость. А в XVII веке здесь была христианская слобода. С этим вполне увязываются епархиальные данные о строительстве в Измаиле в начале XVII века церкви и монастыря Св. Николая, недолго просуществовавших и разрушенных, и о постройке нового храма Св. Николая в 1641 г. и собора Божьей Матери в 1643 г. (Anuarul episcopiei 1936). При всей веротерпимости османцев, трудно допустить постройку христианских храмов в центре турецкого города, то есть там, где ныне стоят воздвигнутые в середине XIX столетия церкви; названные выше храмовые постройки XVII века скорее находились в православной слободе. К этому следует добавить сведения из описания Эвлии Челеби, отметившего в Измаиле три мусульманских квартала, а «*остальные населены греческими, армянскими и еврейскими реайя*». И ни слова о молдаванах, валахах, болгарах и других в самом городе. Хорошо известно, что в средние века люди селились по нацио-

нальному и конфессиональному признакам, кварталами (по-турецки – «махалля», дошедшее до нас в форме «магала»), слободами, занимаемыми отдельными общинами, состоящими из семейств единоверцев. В Измаиле кроме мусульманских, то есть турецких и татарских, были кварталы греческий, армянский и еврейский, минимум по одному. Понятно, что состоятельная торгово-ремесленная категория населения жила в центре города, где вдоль берега Дуная находились склады их товаров, лавки, мастерские. Православными же среди них были только греки. Похоже, Эвлия Челеби по каким-то обстоятельствам слободу не учел, вероятно, он не посещал эту часть города.

По нашему представлению, западную и юго-западную части Измаила занимало турецкое население, причем это не обязательно собственно турки, которых действительно было немного, но обязательно мусульмане; северную – татары, также мусульмане, что подтверждено наличием татарского кладбища, где были произведены археологические раскопки; восточную и юго-восточную части – греческое, армянское и еврейское население; южную – припортовые и базарные площади. Валашское, молдавское, болгарское, и, возможно, немногочисленное украинское и русское население проживало в восточной православной слободе.

Вполне справедливо принято считать, что цифровые данные у Эвлии Челеби, как и у большинства средневековых авторов, значительно завышены. Тем не менее, можно предположить площадь, на которой могли бы разместиться если не две тысячи, как у него отмечено, а даже в десять раз меньше «*казенных рыбных лавок на берегах Дуная*», и вряд ли они находились в центре. А работало на купцов и судовладельцев как раз население слободы. Эвлия Челеби писал, что город производил «*много белого хлеба*», так что часть этого населения обрабатывала поля пшеницы, а также ячменя. Все это подкрепляет вывод о том, что к середине XVII века Измаил состоял из незначительно укрепленной, без военной крепости, основной западной части и совсем неукрепленной восточной слободы. Приведенные источники свидетельствуют об отсутствии крепости в Измаиле до 60-х годов XVII века; о последующих четырех десятилетиях сведений пока нет.

Только спустя полстолетия после визитов Павла Алеппского и Эвлии Челеби, Димитрий Кантемир, упоминая Измаил, сообщает о крепости, «*которой не следует пренебрегать, с турецким гарнизоном, во главе с особым мутавелли*» (Кантемир 1973: 27). Однако и тут следует заметить, что «мутавелли» – не военная, а гражданская должность, подчиненная кадию, а крепостями управляли диздары (комендanты). Источник сведений Кантемира не известен, но сам он в этих краях, похоже, не бывал, и к его данным следует подходить осторожно. Тем не менее, перемены в обороне Измаила со временем произошли, возможно, уже в начале XVIII века, в связи с восстанием крымских татар 1702 г., о «бунте» которых была сделана надпись на бронзовой обшивке одной из мраморных колонн измаильской мечети на берегу Дуная, или в связи с Прутским походом российского царя Петра I в 1711 г. Как серьезный военный объект крепость в Измаиле зафиксирована только в последней трети XVIII века.

Дополнительную информацию о происхождении и начальных этапах становления Измаила предоставляет исследование этимологии его названия. Авторы XVII и XVIII веков, Павел Алеппский и Димитрий Кантемир, упоминали старинное молдавское (волошское) название Измаила – Смил, не выясняя его значения. Авксентий Стадницкий в примечаниях к труду секунд-майора фон Раана, изданному в Кишиневе в 1891 г., отметил, что в древности Измаил назывался «Семил», будто бы от латинского «similis» – «подобный», так как положением и значением походил на Тулчу. А впоследствии он назывался Синил, как, например, в оде Гавриле Державина 1791 г. на взятие Измаила (Материалы для истории Бессарабии 1891: 62). Название Simile и Simil встречается на географических картах XVII века. Можно предположить, что Smil и Sinil – одно наименование, а его разночтения являются результатом неправильного прочтения латинской кальки более поздними авторами и последующим заимствованием неправильной формы. В латинском языке есть архаическая форма «simil», затем трансформировавшаяся в «similis». Можно добавить еще одно латинское слово «simila» – тончайшая пшеничная мука, что может иметь отношение к занятиям жителей, но это только предположения. И все же латинское происхождение названия Смил, Симил допустимо. Как уже говорилось, в 1484 г. Смил был разрушен, и его население могло не сохраниться, а в таком случае культурная традиция оказалась прервана, и от нее осталось только название населенного пункта. Новое село, возникшее рядом с разрушенным, было изначально османским и получило название Исмаил. Форму Измаил начали употреблять в конце XVIII – XIX веке.

Первую версию происхождения этого названия высказал Эвлия Челеби, связав название города с именем захватившего его капудана Исмаила, но такой факт документально не подтвержден. П.Т.Коломойцев (1912 г.) писал, что турецкий населенный пункт сначала называли Ишмасль, что означает «*услышь, Бог*». Заметим, что «Ишмасль» и «Исмаил» – одно и то же: «*Иш(с)-ма-эль*» имеет арамейское (др.-еврейск.) происхождение – *Yisma'e'l* – буквально «Бог услышит». С религиозной трактовкой связана выдвигаемая нами версия, отправной точкой которой послужил картографический факт:

на одной из европейских позднесредневековых карт на месте Измаила латиницей написано «*Мечеть*». Этот факт может соответствовать реалиям второй половины XVI века, когда турецкий город только начинался, и мечеть могла быть одной из первых заметных построек новых поселенцев, а название еще не утвердилось. Название Исмаил можно связывать с закреплением населенного пункта за религиозным ведомством. Как известно из «Ветхого Завета», Исмаил – сын Авраама от Агари, служанки Сарры. Согласно мусульманской традиции, именно Исмаил, а не Исаак (Ицхак), как принято в христианстве, был «Дабиих Алла» – жертвой, угодной Аллаху. Поэтому вакуфное владение («вакуф» – по-арабски – богоугодное пожертвование на нужды религиозных заведений) Исмаил, то есть все доходы от него, пожертвованы султаном в фонд Аллаха как и сын Авраама, носивший такое же имя, своим отцом. Написание имени Исмаил в XVI веке известно по запискам английского путешественника Антонио Дженкинсона как Smille (Английские путешественники 1937: 17), что графически сближает его с латинской формой Smil; это может поколебать версию, исходящую из предположения о латинском (романском) происхождении названия Смил.

Другая предлагаемая нами версия проще: она исходит из османской модели преобразования названий населенных пунктов на завоеванных территориях. Османская администрация довольно часто использовала старые наименования. Так в Малой Азии древние города получили новые формы названий: Никея – Изник, Никомидия – Измид, Смирна – Измир; соседние с нами по Дунаю Праилав (Браила) – Ибраил, Сакджа (Сакча) – Исакча, В этот ряд вписывается Смил – Исмил – Исмаил (Измаил). Обе версии можно объединить, так как во втором случае не исключена ментальная нагрузка первой версии. Имя существует как символ и своеобразный код, в котором заключена тайна смысла. Название города Измаил, несмотря на попытки его расшифровать, хранит свою тайну.

Намеченная выше ранняя история Измаила показывает, что город прошел в своем становлении ряд этапов.

1 – Предположительно, волошское селенье Смил, археологически не локализованное и в письменных источниках XV – XVI вв. не зафиксированное, существовало при дунайской переправе в XV веке и было разрушено во время похода османских войск 1484 г. на Килию и Белгород. Турецкий документ, определявший границы владений Килии после ее захвата, отмечает здесь лишь «переправу козлят (ягнят)».

2 – Новое османское село рядом с разрушенным волошским селеньем возникло в середине XVI века также при переправе. Его название Исмаил документально подтверждено в 1560 году.

3 – К концу XVI века село было преобразовано в городок с незначительными укреплениями и транзитным портом – «переправой», упомянутой в первой трети XVII века как каза (кадилык) «переправа Измаил», принадлежавший в качестве вакуфа мусульманскому религиозному ведомству.

4 – К середине XVII века Измаил – небольшой городок без крепости, из двух частей: основной западной, обнесенной валом, и восточной – слободой (посадом) православного населения. В связи со значительным увеличением числа жителей в период военных действий конца 50-х годов XVII столетия за счет беженцев, населенный пункт вырос и примерно с этого времени можно говорить об Измаиле как о городе.

ЛИТЕРАТУРА

Алеппский П. 1900. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Пер. с араб. Г.Муркоса. Вып. пятый (Обратный путь). Университетская типография. Москва.

Алферова Г., Харламов В. 1982. Киев во второй половине XVII века. Киев.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л.

Бахревский Е.В. 1999. Книга путешествия турецкого автора Эвлии Челеби о Крыме (1666-1667). Пер. и комментарии Е.В.Бахревского. Симферополь.

Боплан 1991. — Гийом Левассер де Боплан. Опис України. «Наукова думка», Київ.

Ващенко В.П., Ерошина А.И. и др. 1978. Измаил // История городов и сел Украинской ССР. Одесская область. Киев.

Галкин. 1902. Измаил и его военно-исторические памятники. Составил штабс-капитан Генерального штаба Галкин. Типо-литография Одесского военного округа. Одесса.

Защук А. 1862. Бессарабская область. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.I . Спб.

Кантемир. 1973. Димитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев.

Кирилюк С.И. 1961. Измаил. Краткий исторический очерк. Изд.2. Одесса.

Киртоагэ И.Г. 1988. Административно-территориальное деление юга Днестровско-Прутского междуречья под турецким владычеством // Социально–политическая и экономическая история Молдавии эпохи феодализма. Кишинев.

Киртоагэ И.Г. 1992. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484-1595). Кишинев.

Клименко А.И. 1984. Измаил. Путеводитель. Изд.2. Одесса.

Книга путешествия. 1999. Книга путешествия турецкого автора Эвлии Челеби о Крыме (1666-1667). Пер. и комментарии Е.В.Бахревского.

Симферополь.
Коломойцев П.Т. 1912. Нынешний Измаильский уезд с древнейших времен и его памятники.
Коломойцев П.Т. 1914. Бывшая крепость Измаил и ея памятники. – Епархиальная типография. Кишинев; оттиски из № 36-39 Кишиневских епархиальных ведомостей за 1913 г.
Колосок Б.В. 1995. Легенди й документи про укріплення Ізмаїла. Бібліотека «Часи козацьки». Нові дослідження пам'яток козацькой доби. Зб. наук. статей. Вип. 4.
Кривонос В.П. 1986. Роль черноморских путей в развитии торговых связей украинских земель с Балканами (XVI – первая половина XVII в.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
Люта Т. 1996. Україна на старожитних мапах // Пам'ятки України: Історія та культура. № 2.
Марчук Ю.І., Тичина А.К. 1997. Ізмаїл. Історичний нарис. «Аспект», Одеса.
Материалы для истории Бессарабии. 1891. Материалы для истории Бессарабии о войне при завоевании Молдавии и Бессарабии в 1787, 1789 и 1790 году секунд-майора фон Раана. Кишинев.
Стамати К. 1850. О Бессарабии и ее древних крепостях // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.2. Одесса.
Челебі. 1997. Евлія Челебі. Книга подорожі. Північне Причорномор'я. «Гермес», Одеса.
Челеби. 1961. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып.I. Земли Молдавии и Украины. М.
Anuarul episcopiei Cetatii-Albe – Ismail, 1936.
Britanica. 1974. Izmail // The New Encyclopaedia Britanica in 30 volums. The Universiti of Chicago. Vol. VI.
Chirtoaga I. 1994. Evoluţia senificaţiei teriţiriale a noţiunii Basarabia // Revista de istorie a Moldovei, nr.2.
Menzel T., Parry V.J. 1978. Isma'il // The Encyclopaedia of Islam. – Vol. 4, fasc. 63.
Rosetti F.C. 1934. Monografia Oraşului Ismail. – Tipografia I.H. Roitman. – Ismail.

А.О. Добролюбский, А.В. Красножон

ТУРЕЦКИЙ ПОСЕЛОК И ЗАМОК ХАДЖИБЕЙ НА МЕСТЕ ОДЕССЫ

A.O. Dobrolyubskii, A.V. Krasnozhon. A Turkish Settlement and Castle Khadzhibey on territory of Odessa.

The article is dedicated to study of a settlement and fortress of Khadzhibey founded by the Turks on place of what is now Primorskii Boulevard in Odessa in 1785, which was conquered by the Russian troops led by the Admiral Joseph De Ribas in September 1789. Soon after the castle had been conquered, it was disassembled by the order of Knyaz G.A. Potemkin; this was a major source for historiographic confusion among the historians of Odessa in XIX and XX centuries.

Localisation of the fortress and its size stirred up scientific debates. Authenticity of scarce records was doubted: these are written witnesses of contemporaries, plans, drawings of the castle, as well as maps of the adjacent territory. Certain vagueness could be felt also in the J. De Ribas' s report on assault of the fortress.

These contradictions were fortunately eliminated through archaeological excavations led by the South-Ukrainian Pedagogical University on the territory of the castle and the settlement. Digging yielded remains of the fortress's foundation, studied an area on place of the karavan-saraj and mosque, as well as prospected locations of port features and a lighthouse. Besides, a rich archaeological collection has been collected, a stratigraphic diagnostics of the site has been done, based on which it was possible to correct its chronology. Few sherds of Golden Horde pottery were found along with the finds of the second half of XVIII century, which is indicative of existence of a small Tatar settlement on place of the Turkish Khadzhibey in this period.

The first part of the article is a brief overview of written records and a historiographic review. The second part is a generalisation of all archaeological information received over the last four years of excavations in Odessa. The archaeological evidence is the first publication.

Одесский «мусорный проект»

В последние десятилетия можно наблюдать, как во всем мире археологи все чаще склоняются к раскопкам памятников, близких нашему времени, или же современных. Сейчас уже мало кого удивляет, что во многих странах изучаются культурные слои «нового времени», а также современные города и поселки — либо сравнительно недавно оставленные, либо ныне «живые». Эти занятия породили и новые направления археологического поиска — «промышленную археологию», этноархеологию, археологию «свежих памятников» и даже гарбологию (garbage — мусор) или «мусорологию» — науку, изучающую современные бытовые отходы.

Раскопки сравнительно «свежих памятников», в том числе и «мусорные проекты», начавшиеся в странах Европы и Америки и охватившие весь мир, спорадически предпринимаются и разными энтузиастами на территории бывшего Советского Союза. Впервые они были начаты еще в 1950-е гг. в Петербурге и продолжаются по сей день (Сорокин 1998: 263-268). Петербургский опыт археологического изучения «живого» города мы перенесли в Одессу и, с 1995 года, начали «одесский мусорный проект» — целенаправленные раскопки современного культурного слоя. Оказалось, что сегодняшняя Одесса значительною своей частью стоит на многометровых напластованиях собственного мусора XIX-XX вв. Одесское мусороведение — это особый исследовательский сюжет, о котором мы уже писали (Добролюбский, Губарь, Чумак 1996). Здесь лишь отметим, что в процессе наших габрологических поисков выяснилось — в историческом центре города одесские мусорные напластования едва ли не повсеместно перекрывают не только слои античного времени, но и мощный слой турецкого предшественника Одессы — Хаджибея. Этот, турецкий, слой также состоит преимущественно из обильного мусора. Основания для его типологического изучения нам дали предварительные мусорологические штудии — археологические работы в выгребных ямах турецкого Измаила.

© А.О. Добролюбский, А.В. Красножон, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

«Свежие» турецкие памятники.

Здесь мы хотим представить наши первые наблюдения и результаты археологического изучения Хаджибея. Поэтому начнем с попытки оконтурить проблематику в самых общих чертах. До недавнего времени все материальные остатки турецкой эпохи в Северном Причерноморье (XV-XVIII вв.) считались слишком «свежими». Турецкие города вообще не рассматривались как археологические памятники, несмотря на свою порой удовлетворительную археологическую сохранность. Авторы этих строк были в числе тех, кто начал их первые и робкие раскопки в 1989 г. — с Измаильской крепости, а затем и других городков и небольших поселков этого времени близ северного побережья Черного моря. Несколько позднее стал раскапываться Очаков. Выяснилось, что такие работы оказались новаторскими. Они приподнимают завесу над необъятным пластом историко-археологической проблематики эпохи, которая оказалась подлинным «белым пятном» в изучении истории Северного Причерноморья. Однако археологическая сторона этой проблематики практически не исследуется (Добролюбский 1998). Дело в том, что турецкие древности ранее почти не выделялись из совокупности иных древностей средневековья, им приписывалось золотоордынское, румынское, молдавское, украинское и иное происхождение. Поэтому работы по атрибуции и датировке этих древностей только начинаются. Так, почти совершенно не расчленены и путано опубликованы обширные керамические коллекции XIV-XVIII вв. из Аккермана и Ясс. Лишь раскопки Измаила дали, пожалуй, самую богатую и представительную в Северо-Западном Пичерноморье коллекцию поливной керамики, курительных трубок и стеклянных бутылок — самых многочисленных категорий находок турецкой эпохи. Эту коллекцию, как самую разнообразную, можно считать эталонной, поскольку мелкие обломки такой посуды зачастую являются преобладающими находками на других турецких памятниках — небольших поселках и мелких крепостях в Северо-Западном Причерноморье.

Типология и датировки керамики XV-XVIII вв. для Северного Причерноморья почти не разработаны. Очаковские материалы опубликованы крайне скупо и невнятно (Беляева и др.1991, 1998). Поэтому при изучении Хаджибея нам приходится опираться на опыт классификации керамики Азова (Волков 1992), а также на опыт собственных раскопок Измаила. Попытаемся его кратко обобщить.

Обработка керамических комплексов турецкого Измаила (Добролюбский, Дынник 1990) дала, пожалуй, самую богатую и представительную коллекцию поливной керамики в Северо-Западном Причерноморье — красноглиняной, высокого качества, тонкостенной, со сквозным и равномерным обжигом. Многие экземпляры этой коллекции очень индивидуальны, их декоративное и функциональное разнообразие чрезвычайно велико и заслуживает специального внимания. Пока не удается найти им прямые аналогии, хотя в ряде случаев импортное происхождение кажется очевидным. Цвет поливы бывает чаще всего зеленым, желто-коричневым, несколько реже желтым и коричневым, еще реже полива бесцветна. Основные художественные приемы: орнамент граффито и роспись ангобом; орнамент при помощи цветной подкраски, а также сочетание геометрических и растительных мотивов. Такие орнаменты характерны для большинства типов встречающейся посуды — это кумганы (сосуды «в виде чайников» для омовения, восточных аналогов биде), миски, тарелки, блюда, чаши, крышки, кувшины, светильники, подсвечники и т.п. Все эти типы встречаются в слоях XVI-XVIII вв., но выглядят и воспринимаются как единый хронологический массив. Такое же впечатление производит керамика Азова (Волков 1993) и, видимо, Очакова (Беляева и др. 1991, 1998 и др.). Очевидно, все эти коллекции пока убедительно не расчленимы на более узкие хронологические периоды в пределах XVI-XVIII вв.

Наблюдения над стратиграфией турецкого Измаила позволили выделить закрытые комплексы середины XVIII в. (Добролюбский, Дынник 1990). Преимущественно, это были отхожие места и выгребные ямы, которые хорошо отличались по характерному заполнению — тускло-зеленому гумусированному грунту. Они точно датировались монетами. Пристальное изучение таких комплексов определило методические особенности наших мусороведческих изысканий на турецких памятниках — удалось выделить наиболее распространенные вещи. Это обломки керамических кумганов, курительных трубок и стеклянных бутылок для вина. Удалось выяснить не только то, чем занимались жители Измаила близ своих отхожих мест — такие наблюдения оказались весьма продуктивными и для датировок. В частности, соотнесение вещей из выгребных ям Измаила, датированных монетами, с другими датированными категориями материала — фаянсовой керамикой Изника и Кютахьи, красноглиняными курительными трубками, бутылочным стеклом, показало их хронологическую сопоставимость. Так, продукция Изника и Кютахьи в Измаиле, как и в Азове, датируется серединой XVII — XVIII вв., а курительные трубки — XVIII — началом XIX вв. (Волков, Новикова 1996). Массовая же керамика с зеленой, желтой и коричневой поливой характерна для всего турецкого времени и сама

по себе не датируется более узко. Использовать лишь ее в целях конкретной датировки пока невозможно.

Между тем, обломки именно такой посуды порой являются преобладающими находками на других турецких памятниках — небольших поселках и мелких крепостях, образующих систему турецких укрепленных пунктов в Северо-Западном Причерноморье. В последние годы они найдены археологически и локализованы в связи с имеющимися картографическими и иными сведениями. Это Хаджидер (ныне Овидиополь), Хаджибей (Одесса) и Ени-Дунья (Сычавка), Молога и др. (Добролюбский, Гизер 1994). Время их существования в 60-х — начале 90-х гг. XVIII в. надежно удостоверяется письменными источниками. Культурные слои этих памятников почти полностью уничтожены, они выявлены по подъемному материалу и спорадической шурфовке. Коллекции состоят, преимущественно, из обломков описанной поливной керамики, а также фрагментов курительных трубок, в том числе фасонов «нарцисс», «лилия», «тахта-чубук» и толстостенных стеклянных бутылок с куполообразно вогнутым дном. Если все находки трубок «тахта-чубук» могут быть однозначно отнесены ко второй половине XVIII — началу XIX вв. (Волков, Новикова 1996:140; Волков 1999:226-252), то упомянутая бутылочная тара — «куполодонная» — нами встречена только лишь в закрытых датированных комплексах — выгребных ямах — турецкого Измаила середины XVIII в., погибших в 1770 г., после взятия города корпусом генерала Репнина. Это позволяет рассматривать подобные бутылки как датирующие для середины и третьей четверти XVIII в.

Приведенные хронологические наблюдения позволяют переносить их и на поливную керамику. Видимо, этим создается возможность выделения в ней типов, характерных лишь для второй половины XVIII в. Повсеместное и обильное распространение такой керамики на всех турецких памятниках этого времени позволяет видеть — именно в этот, заключительный, период турецкого господства в Причерноморье, ее производство было наиболее массовым и разнообразным. Надо полагать, дальнейшее накопление и обработка коллекций с подобных памятников позволит установить узко датирующие типы и внутри этой категории материала.

Известно, что турецкие крепости к востоку от Очакова (Хаджибей, Ени-Дунья и Хаджидер) окончательно прекращают свое существование с 1789 г., после захвата их русскими войсками. Измаил был взят в конце 1790 г. С этого же времени повсеместно прекращается и распространение турецкой поливной керамики и упомянутых «куполодонных бутылок». Лишь курительные трубки типа «тахта-чубук» сохраняются в обиходе нового населения Северо-Западного Причерноморья вплоть до конца первой четверти XIX в. Эти трубки встречаются в слое турецкого Измаила 1791-1812 гг., но уже без поливной керамики и «куполодонных бутылок».

Можно заключить, что первичные типологические основания для хронологического распределения древностей внутри турецкой эпохи уже имеются. Дальнейшие усилия по выделению разных типов турецкой поливной посуды и их синхронизации с иными, более узко датированными категориями материалов на новых памятниках, кажутся очень перспективными и многообещающими.

К числу таких памятников относится и Хаджибей — турецкая крепость и поселок, известные на месте нынешней Одессы вплоть до ее основания в 1794 г. Естественно, ранее он также археологически не изучался, поскольку раскопки в Одессе не проводились. Между тем, именно Хаджибей давно занимает в истории Северного Причерноморья особое место — как непосредственный предшественник Одессы. Его «знаковый» исторический смысл в культурно-патриотическом сознании одесситов очень велик. Он усиливается и тем, что Хаджибейский замок взял героическим штурмом сводный отряд российских войск под командованием Иосифа де-Рибаса — впоследствии основателя самой Одессы. Поэтому сюжеты, связанные с историей Хаджибея, привлекали и продолжают привлекать повышенное внимание историков и литераторов, преимущественно одесских.

Изначальный Хаджибей в документах и легендах

Патриотический пафос в изучении Хаджибея был задан первым историком Одессы А.Скальковским еще более полутора веков тому. На этой же ниве потрудились и почти все видные одесские историки XIX в. — Н.Мурзакевич, Ф.Брун, А.Маркевич, В.Яковлев и др. (см. об этом: Скальковский 1889). Пик публикаций по этому вопросу пришелся на 1890-е годы и был прямо связан со 100-летним юбилеем основания Одессы. К началу XX в. совместными усилиями историков Одессы сложился своеобразный «миф о Хаджибее», который затем вполне органично вошел в систему «одесской мифологии» (см. об этом: Атлас 1992). Одной из основных идей этого, как и любого мифа, было стремление к максимальному удревнению Хаджибея, а также, по возможности, к утверждению его былого величия и значения — как непосредственного предшественника Одессы.

Действительно, имеются туманные источниковедческие основания относить время возникновения поселка на месте нынешней Одессы ко второй половине XIV в. Историки связывают его с именем «татарского» бека Хаджи, или

Хаджибея (Качибея), поскольку тогда причерноморские степи были заняты кочевьями трех крупных орд: Крымской, Перекопской и Джамбулакской. В середине XIV в. предводителей этих орд — беков Кутулбугу, Хаджибея и Дмитрия — «Повесть о Подолье» именует «отчичами и дедичами» Подольской земли. Однако в битве при Синих Водах в 1362 г. литовскому князю Ольгерду удалось разгромить отряды этих беков. Один из них, Хаджибей, то ли погиб в этой битве, то ли откочевал со своими улусами к черноморскому побережью. Предположительно, это был район нынешней Одессы. И сейчас один из одесских лиманов именуется «Хаджибейским». Принято считать, что именно тогда здесь и возник первый поселок Хаджибей, названный так в честь его «основателя» (Брун 1879, и др.).

Последующие сведения о Хаджибее столь же туманны и полулегендарны. Первое конкретное упоминание о Хаджибее принадлежит польскому историку Яну Длугошу, который в конце XV века сообщает, что в 1415 г. польский король Владислав, пребывая в «святом сочувствии» к послам патриарха и греческого императора», жаловавшихся на жестокие нападения турок, «щедро дарит необходимое количество зерна, которое им необходимо получить в королевском порту Качибей» (Гончарук 2000:5-8).

Это сообщение считается первым документальным источником о Хаджибее, хотя и содержится лишь в труде Длугоша «История Польши» и неясно, на каких документах основано. Сообщение Длугоша тем более сомнительно, что он не был современником описываемого им события, и как раз родился в том самом 1415 г. Еще менее определенны другие свидетельства. Надо заметить, что никто из «очевидцев» до начала XVIII в. «живого» Хаджибея не видел. Ни на одной из известных морских карт XIV-XV вв. Хаджибей не отмечен, а в окрестностях нынешней Одессы приводится в разных написаньях одно и то же наименование «Джинестра», связываемого с именем якорной стоянки генуэзцев. Другие сведения не столь уж многочисленны, их легко привести. И обнаружить, что «очевидцы» здесь либо вообще ничего не видели, либо видели какие-то развалины на морском побережье в разных местах от Днестра до Тилигула.

В 1421 г. бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (современник даты 1415 г., приводимой Длугошем) при описании черноморского побережья по пути из Монкастро (Аккерман) до Днепра не видит здесь ничего.

Более чем через полтора столетия, в 1578 г., другой очевидец, Мартин Броневский, видит развалины в устье Днестра: «Качибеево городище, как будто обрушившаяся земля, омываемое широким озером, находящимся возле моря и при устье Днестра».

Следующий известный нам очевидец — турецкий путешественник Эвлия Челеби. В 1656 г. он описывает развалины примерно такого же качества, но на морском берегу, расположенные «в 15 часах от устья Барабоя и в 14 часах от устья Тилигула».

Лишь в 1709 г. шведский генерал Адлерфельд, один из спутников Карла XII и Мазепы, бежавших из-под Полтавы, упоминает в своих «Записках…» «ничтожную татарскую деревушку» где-то в районе устьев нынешних Хаджибея и Куяльника (см. об этом: Добролюбский 1994: 7).

Ничего более внятного о Хаджибее мы не знаем — вплоть до 1765 г., когда турки начали строить «Гаджибейский замок» в районе нынешнего Приморского бульвара. Сведения его не слишком долгой истории — до осени 1789 г. — куда более обстоятельны и известны, они едва ли не исчерпывающе обобщены С.Боровым (Боровой 1968). Отметим лишь, что Гаджибейский замок был захвачен русскими войсками в 1774 г., возвращен Турции и окончательно взят, как всем давно известно, в 1789 г. отрядом де-Рибаса.

Кажется очевидным, что внятных документальных свидетельств о Хаджибее до 1765 г. не имеется, хотя и можно думать, что какой-то поселок или пристань здесь все же периодически существовали с конца XIV в. На протяжении всего XX в. это не подвергалось особым сомнениям и дискуссиям: советских историков этот вопрос мало занимал. Считалось, что с XV в. украинско-литовский «Качибей, как и другие поселения на Черноморском побережье, стал добычей татаро-турецких захватчиков и надолго потерял всякое значение». При этом заслуга взятия Хаджибея и основания Одессы были приписаны А.В.Суворову («Одесса» 1957: 11, 17-18).

С начала 1990-х гг. изначально украинская древность Хаджибея стала активно популяризироваться в связи с новой и конкретной национальной задачей — превратить Хаджибей-Одессу в исконно украинский город Коцюбиев. Его основателем провозглашен шляхтич Коцюба-Якушинский, переселивший сюда своих крестьян из местечка Якушина на Южном Буге. Здесь он построил город и порт, который стал именоваться в его честь и превратился в морские ворота Литовской державы. Уже с начала XV в. здесь «існували корабельні стоянки, митниця, маяк, тобто всі атрібути портового міста», которое «не припинило свого існування у турецький період історії» (Болдирєв 1994 и др.). Лишь его название оказалось впоследствии отуреченным, город непрерывно существует под разными именами — Хаджибей, Гаджибей, Аджибей и др.

Такое превращение приходится осуществлять на прежней, весьма скудной, источниковедческой базе. Поэтому новая концепция исходит из прямой подтасовки. Владелец села Якушина под Винницей Борис Коцюба действительно существовал, но только жил он не в XIV, а в середине XVI в. И прославился лишь тем, что руководил постройкой ограды Винницкого

замка, что зафиксировано в ревизии замков Волынской земли в 1545 г. Более о нем неизвестно ничего. А всю историю с Коцюбиевым и его украинскими переселенцами придумал еще в XIX в. польский историк Мариан Дубецкой. Сейчас она понадобилась создателям нового мифа о Хаджибее-Коцюбиеве.

Не вдаваясь здесь в детали очередного источниковедческого жульничества, отметим лишь, что при отсутствии внятных археологических сведений, любые «научные» аргументы о продолжительности исторического существования Хаджибея, а также о его точном местонахождении, остаются не очевидными. Иными словами, все знают, что Хаджибей находился где-то на месте Одессы, но никто не знает, где именно. А также — как долго.

Известно лишь, что с 1764 г., на месте поселка Хаджибей турки начинают строительство новой крепости — Ени-Дунья (Новый Свет). Эта крепость уверенно отождествляется всеми последующими историками с тем самым Хаджибейским замком, который захватил четверть века спустя адмирал де-Рибас. И локализуется на месте нынешнего Приморского бульвара. Насколько оправдана такая уверенность?

В поисках исчезнувшей Ени-Дуньи

Основным прямым источником, указывающим на таковое местоположение Ени-Дуньи и ее отождествление с Хаджибеем, является сообщение об этом войскового толмача Константина Иванова. Летом 1764 г. Иванов, посланный из Запорожья с дипломатическим поручением к Крымскому хану, доносит своему начальству, что «в 50 верстах от Очакова, при море, по направлению к Белгороду, делается крепость, кое наименование Ени-Дунья, т.е. Новый Свет, прежде же там было село и именовалось Куджабей. Оная же крепость зачалась делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок околочных». Это известие было воспроизведено в 1840 г. А.Скальковским в «Истории Новой Сечи», и с его легкой руки «прописалось» в краеведческой литературе.

Между тем, никакими другими свидетельствами 1760-80 гг. такое отождествление Ени-Дуньи с Хаджибеем не подтверждается. Напротив, эта крепость в дальнейшем именуется только лишь Хаджибеем. Уже в следующем датированном источнике — «Плане… турецкого города Гаджибея», составленном поручиком Исленьевым в мае 1766 г. о Ени-Дунье речи нет. И казацкие походы в 1769 и 1770 гг. были направлены, в частности, на Хаджибей. Во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. «Гаджибейский замок» был взят русскими войсками, а затем возвращен Турции. В 1789 г. под Хаджибей ходили черноморские казаки Чепеги, отряд де-Рибаса брал именно Хаджибейскую крепость.

Название «Ени-Дунья», таким образом, исчезает из сообщений о Хаджибейском замке едва ли не с начала его строительства. Известно лишь сообщение запорожского кошевого, что летом 1774 г. Ени-Дунья была взята русскими (Брун 1879:187), но не указывается, где она находилась. Зато имеется источник иного рода о Ени-Дунье — это карта черноморского побережья, которая была составлена Риччи Заннони в 1772 г. На ней Ени-Дунья (Ieni-duni) помещена к западу от устья Тилигульского лимана, а не на месте Хаджибея. Сомнений у историков первой половины XIX в. это не вызывало. Напротив, в 1856 г. Ф.Брун писал, что «между Березанским и Тилигульским лиманами были турецкие крепости Возия и Гассан-кале, последняя близ деревни Аджиатки (ныне Рыбаковка, у мыса Аджиатск). К западу от нее при Тилигуле была Возия, а на другой стороне Тилигула — третья крепость Иенидунья» (Брун 1856).

Однако со временем Ф.Брун изменил свое мнение. В статье «Судьбы местности, занимаемой Одессой» он уже отрицает возможность расположения Ени-Дуньи у Тилигула, «ибо тогда она находилась бы в 25 тогдашних верст от Очакова, а не в 50, тогда как таково именно расстояние между этой крепостью и Гаджибеем — нужно только бросить взгляд на карту Риччи, чтобы убедиться в том, что он, помещая Ени-Дуни при Тилигуле, скорее мог ошибиться, нежели Иванов» (Брун 1879).

Эти доводы Ф.Бруна с тех пор не подвергались ни сомнению, ни обсуждению. Поэтому авторы этих строк сделали попытку проверить сведения Риччи Заннони археологически и провели специальное археологическое обследование и шурфовку местности, где, согласно его карте, должна была находиться Ени-Дунья. Даже странно, что никто ранее не удосужился это сделать. Действительно, прямо на мысу, образуемом западным берегом долины Тилигула и обрывом к морю, обнаружилось небольшое поселение турецкого времени. Со стороны степи мыс поперечно огражден сильно оплывшим земляным валом. В центральной его части культурный слой достигал мощности 1 м. Он образован преимущественно оплывшими стенами строений из необожженной глины, которые возводились на фундаментах из каменного бута, засыпанного в предварительно вырытые траншеи. На поверхности во множестве найдены обработанные известняковые плиты и фрагменты турецкой керамики, стеклянных «куполодонных» бутылок и железных изделий. По аналогии с материалами мусорников (закрытых комплексов) Измаила, сформировавшихся в середине XVIII в. и погибших в 1770-х гг., наш памятник может датироваться

именно этим временем — третьей четвертью XVIII в. Площадь распространения находок — приблизительно 100х150 м (Добролюбский, Гизер 1994).

Именно это место обозначено Риччи Заннони как Ieni-duni. В таком случае, совпадение времени существования памятника с датой составления карты (1772 г.) позволяет уверенно зафиксировать наличие здесь в третьей четверти XVIII в. турецкого укрепленного пункта. Это означает, что картограф не ошибся.[1]

По археологическим остаткам характер памятника устанавливается достаточно определенно — это было укрепление для караула или пограничной заставы. Очевидно, это была охрана и служба при маяке у входа в Тилигульский лиман, бывший тогда еще судоходным. Не менее очевидно, что местечко Возия, «напротив Ени-Дуньи», выполняло те же функции на противоположном берегу. Вероятно, оба поселка погибли в ходе военных действий русско-турецкой кампании 1789-91гг.

Надо полагать, что упомянутые выше возражения Ф.Бруна были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья действительно должна оказаться на месте Хаджибея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличивается вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст.

Таким образом, налицо совпадение датированных письменных и археологических сведений. Становится очевидным, что последующее отождествление крепости Хаджибей с Ени-Дуньей связано с историографическим недоразумением. Сюжет с исчезнувшей Ени-Дуньей лишь наглядно показывает, как невнимание к турецкому археологическому мусору создает завалы другого «мусора» — историографического.[2]

Эти же поиски позволяют, наконец, непротиворечиво локализовать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий — «Очаковской области» — по Ясскому миру 1791 г. Это: Очаков, Гасан-кале (Рыбаковка), Возия (восточный берег Тилигула), Ени-Дунья (западный берег Тилигула), Хаджибей (Одесса), Хаджидер (Овидиополь).

Остатки Хаджибея в свидетельствах «очевидцев»

Возвращаясь к истории самого «Гаджибейского замка» в 1765-89 гг., сразу заметим, что литературы о его возможном местонахождении немало. Большинство авторов локализуют его в районе Воронцовского дворца. Но документов о его точном топографическом размещении не сохранилось. Поэтому историки Одессы XIX в. привязывали его к местности по-разному. На «Плане штурма Хаджибея» (не ясно, когда составленном) А.Н.Петров размещает замок в центре нынешнего Приморского бульвара, на месте памятника Дюку (Петров 1880:76). Попытки археологически обнаружить остатки замка не предпринимались: видимо, никто не видел в этом особого смысла. И вот еще почему.

Как уже говорилось, во время очередной русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Хаджибейский замок был взят Иосифом де-Рибасом в ночь с 13 на 14 сентября 1789 г. Менее, чем через два месяца после штурма, 10 ноября, Г.А.Потемкин пишет о своем распоряжении уничтожить замок для того, чтобы «затем... иметь счастье представлять о месте... для укрепления, которое соорудится из тех самых камней, что остались в развалинах Гаджибея». Эти развалины стояли, видимо, до конца войны 1791 г., а уже в 1793 г. были разобраны для строительства «Адмиралтейского жете, или Малой крепости» примерно на этом же месте. Поэтому новая, Малая, крепость оказалась и на первом «Плане города Гаджибея», составленном «главным строителем Одессы» Францем Деволаном зимой-весной 1794 г. Совершенно ясно, что уже тогда никаких внешних следов былого существования Гаджибейского замка оставаться не могло. Их, естественно, и не существовало к моменту основания Одессы в августе 1794 г. (Добролюбский 1998а: 76-79).

Историки Одессы первой половины XIX в. не имели поэтому никаких сведений о точном расположении крепости, кроме «рассказов очевидцев» и «старожилов» (Смольянинов 1853: 13-15). Им не были известны и какие-либо документы об этом, кроме двух инженерных планов. Одним из них является чертеж и рисунок замка Chateau de Codja-bey, составленный в 1784 г. французским инженером на турецкой службе Лафиттом-Клаве. Этот план, выполненный без точной привязки к местности, впервые опубликован Н.Мурзакевичем в статье «Гаджибейский замок» в 1867 г. Другой план, более обстоятельный — «рисунок с профилем» — был составлен в 1789 г. русским инженером

[1] Авторы признательны доктору геолого-минералогических наук, профессору Ф.Н.Лисецкому за обстоятельные консультации и большую помощь в обнаружении и исследовании памятника.

[2] Увы, историографический «мусор» продолжает накапливаться – отрицается сам факт археологического существования Ени-Дуньи у Тилигула, а плану И.Исленьева приписываются сведения о Ени-Дунье в Хаджибейской бухте (Сапожников, Сапожникова 1998:19-20).

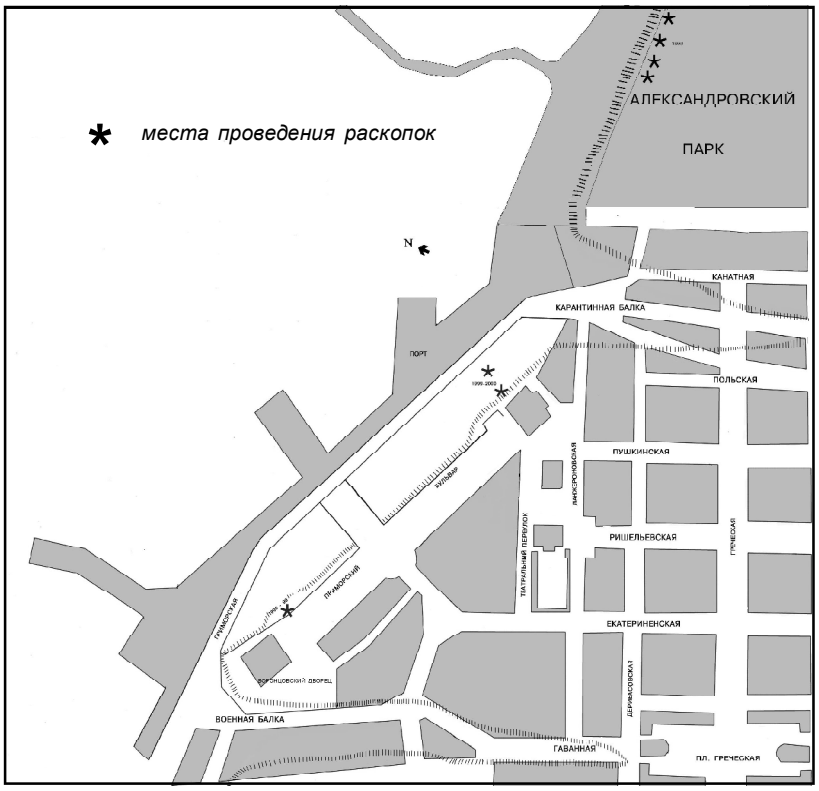


Рис. 1. План расположения раскопов на территории ценральной части Одессы.

Фрейганом. Планом Фрейгана, как будто, пользовался Г.А.Потемкин перед тем, как распорядился уничтожить замок. Оба плана практически совпадают, разнятся лишь в мелких деталях. Они, несомненно, были ранее известны А.Скальковскому, который еще в 1837 г. разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца. Очевидно, более точная привязка к местности для А.Скальковского была невозможной, как не была она возможной и позднее, для К.Смольянинова, также ограничившегося в этом вопросе «рассказами очевидцев». Заметим, впрочем, что вряд ли таких очевидцев могло быть достаточно много к середине XIX в., если учесть, что все «гражданское» население Гаджибея в 1794 г., когда от развалин Гаджибейского замка и следа не оставалось, составляло лишь 28 «душ» (Добролюбский 1994: 142-144).

Между тем, именно сообщения подобных «очевидцев» служили единственным источником для точной локализации замка. Поэтому К.Смольянинов размещает его «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли» (дома №1,2 на Приморском бульваре), а Н.Мурзакевич честно ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест», т.е. также на бульваре, но там, где дом №7.

Видимо, в последующие два десятилетия, этот вопрос мало будоражил одесскую общественность. Однако, в связи со 100-летним юбилеем штурма Гаджибея, он приобрел мемориальный характер. Так, на заседании Городской

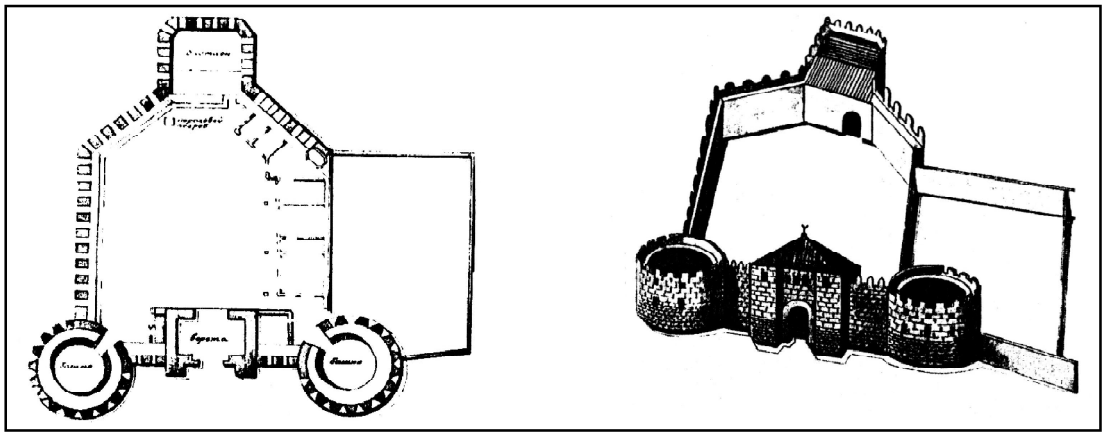


Рис. 2. Чертеж и рисунок крепости, составленные в 1789 г. инженером Фрейганом.

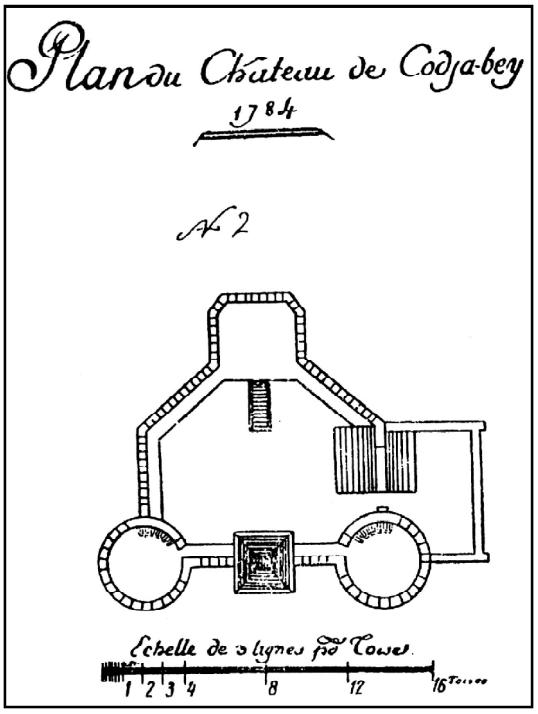


Рис. 3. Рисунок замка Chateau de Codja-bey, составленный в 1784 г. французским инженером на турецкой службе Лафиттом-Клаве

Думы 28 июня 1889 г. было принято решение, по которому «на месте, где происходило решительное сражение при взятии крепости (конец Николаевского бульвара, около дома графа Строганова) поставить памятник в ознаменование столетия взятия Хаджибея».

Мемориальные же соображения, связанные со 100-летием Одессы, надо полагать, побудили А.Маркевича в 1894 г. снова рассмотреть этот вопрос. Очевидно, он понимал, что источниковедческая точность и добротность «преданий» и рассказов старожилов со временем не увеличивается. Ему пришлось еще более расширить территориальную вероятность расположения Гаджибейского замка — между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком. Впрочем, вслед за К.Смольяниновым, он считал наиболее возможным размещение крепости на месте тех же домов №1 и 2 по Приморскому бульвару.

После этого, вплоть до конца 1960-х гг., этот вопрос снова никого не занимал. Лишь в 1967 г. С.Я.Боровой издал найденный им вместе с Ф.Е.-Петрунем «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея», который был составлен поручиком Черного гусарского полка Иваном Исленьевым в 1766 г. (Боровой 1967:130-136). Это — единственный подлинный план размещения крепости, не искаженный последующими «преданиями». И на нем крепость расположена непосредственно у обрывов Военного спуска и левой половины Приморского бульвара.

С.Я.Боровой, издатель рисунка Исленьева, указывает на многие несоответствия планов Исленьева и Лафитта-Клаве. Бросающаяся в глаза непрофессиональность этого рисунка заставляет В.А.Чарнецкого усомниться в том, что его составлял умелый картограф (Чарнецкий 1994: 4). Замок по-прежнему локализуется не слишком точно — где-то «на левой половине Приморского бульвара между обрывом, Воронцовским переулком и дворцом Воронцова»

Хаджибейский замок в археологических остатках

Снова подчеркиваем, что сколько-нибудь удовлетворительное решение вопроса о локализации Хаджибейского замка невозможно без обнаружения его археологических остатков. Именно их нам (экспедиции Южноукраинского педагогического университета) и удалось найти близ нынешнего Воронцовского дворца, в северо-западной части Приморского бульвара, в 1997-1998 гг.

Найдены они случайно, при вскрытии слоя античного времени VI-V вв. до н.э. (Добролюбский 1999: 249-250). На глубине от полутора до двух метров были обнаружены впущенные в этот слой остатки каменного сооружения. В сохранившемся виде они представляли собой кладку длиной около 3 м, сильно потревоженную в верхней части, и в плане выглядевшую как сегмент окружности диаметром приблизительно 5 м. Кладка представляла собой юго-восточную часть этой окружности. Она сложена из пиленых, клиновидных камней ракушечника, тщательно подогнанных друг к другу и выложенных сужающейся частью вовнутрь. Ее внешняя сторона выглядит небрежно, в отличие от внутренней, где поверхность каждого камня подтесана под одну линию. Почти на всех камнях присутствуют следы цементного раствора. Конструкция северной оконечности кладки представляла собой часть порога, сооруженного над специальным «пяточным камнем» — прямоугольной плитой, обработанной в нижней части как вытянутый цилиндр. В центре плиты имелось квадратное углубление, служившем основанием для дверной оси. Порог указывал на место входа в округлое помещение, большая часть которого давно оползла в обрыв.

К северо-западу от входа удалось обнаружить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, а также примыкавший к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. В заполнении описанной кладки и вокруг нее найдена поливная и простая гончарная керамика, кованые квадратные гвозди, черепица и несколько кир-

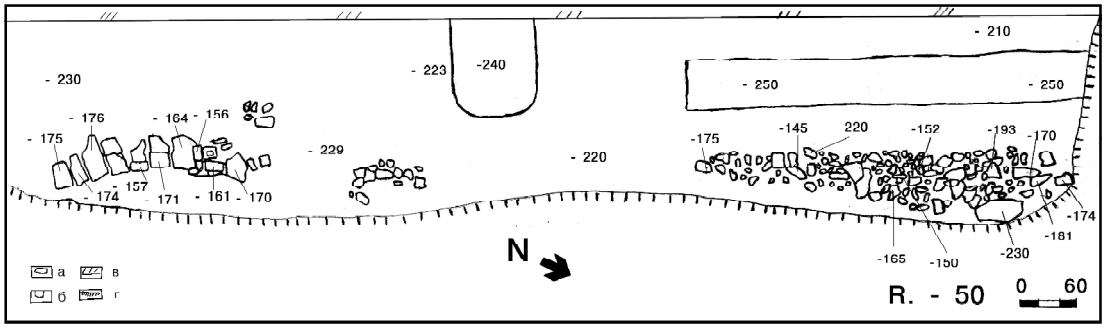


Рис. 4. План археологических остатков замка.
Условные обозначения: а) камни; б) ямы; в) борт раскопа; г) линия обрыва.

пичей. При зачистке поверхности входа в бастион, где, согласно рапорту де-Рибаса, прятался в момент штурма двухбунчужный Ахмет-паша со своим гаремом, была найдена фрагментированная железная пряжка с крючком от поясного солдатского (офицерского?) ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением.

Здесь же найдены две красноглиняные курительные трубки типа «тахта-чубук» (рис. 12: 4,5) с клеймами стамбульских мастеров. На одном клейме читается слово «нишан» («штамп», «клеймо»), весьма распространенное на таких трубках. Это говорит о том, что они привезены из Стамбула и датируются второй половиной XVIII в. (Волков, Новикова 1996:140; Волков 1999).

В шурфе в предматериковой части, выявлено и зачищено несколько небольших турецких мусорных ям. Найдены, преимущественно, стенки, донья, венчики мисок и горшков, покрытых традиционной ярко-зеленой или коричневой поливой. На некоторых из них имеется растительный или геометрический орнамент. Из кувшинов наиболее выразительным является фрагмент горловины сосуда с уплощенной ручкой (рис. 8: 25). Его внутренняя поверхность и венчик с наружной стороны залиты темно-коричневой поливой. На плечико нанесены не-

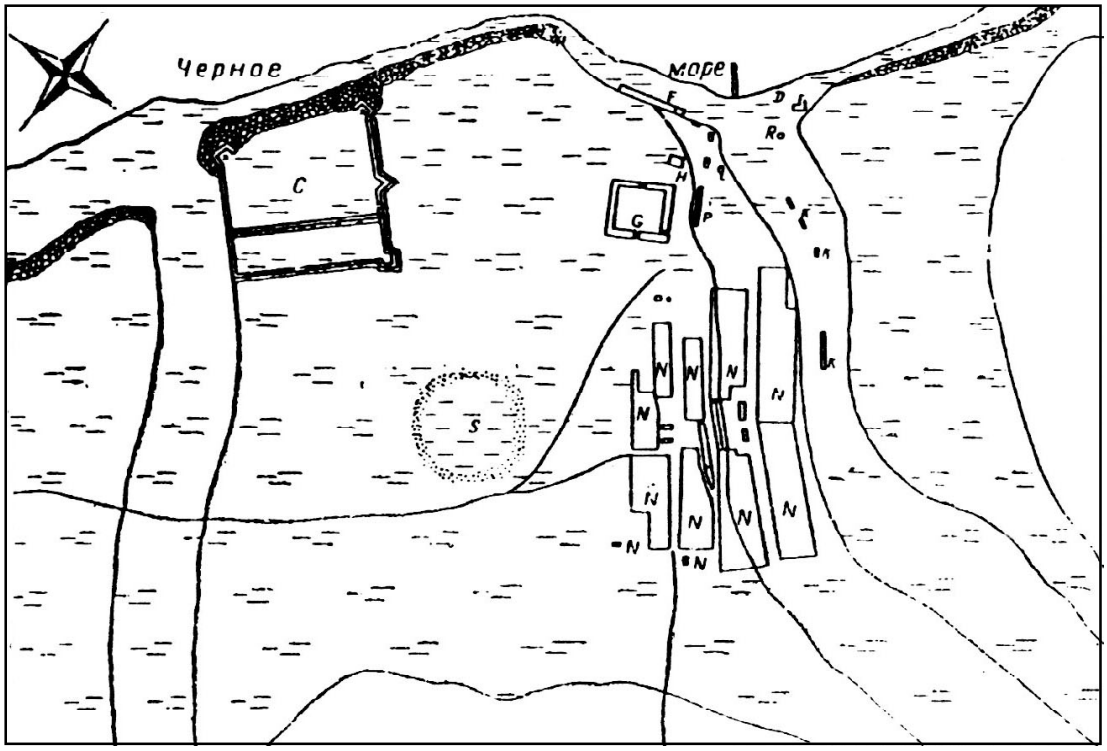


Рис. 5. «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея» Ивана Исленьва.

B — батареи; C — ретранжемент старой соединенной к батарее; D — дом нынешнего командира над городом; E — магазин; F — хлебопекарня; гостинный двор; H — мечеть; I — свайная пристань; K — неизвестные строения с припасами; N — строения для куечиров, янычар и христиан волохов, построенное на выезде; O — «место, куда забираются старшины в торговые дни»; P — казенные лавки для купцов; Q — дом янычарского бея; R — колодец; S — развалины старинного замка города Кочубея.

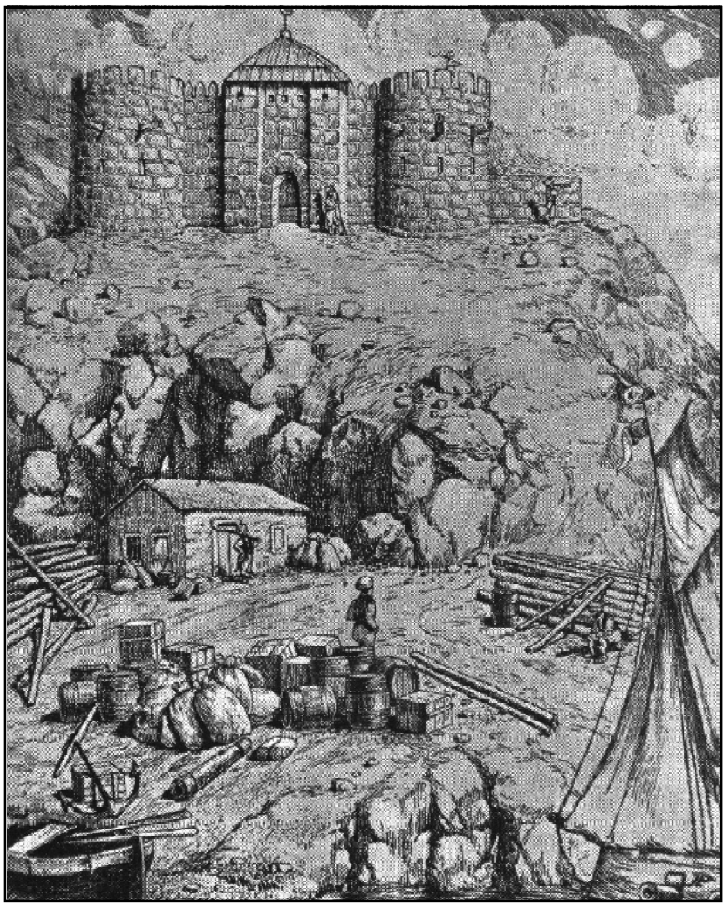


Рис. 6. Вид замка Хаджибей с моря. Гравюра кон. XVIII в.

сколько поясков горизонтальных бороздок, оставленных гребенчатым штампом. Из простой гончарной посуды выделим нижнюю часть пиалы, венчик бело-глиняного сосуда с выступом на внешней стороне (рис.8: 22).

Массовыми являются находки фрагментов винных бутылок с вогнутым дном — «куполодонные», достаточно определенно датирующиеся 1770 -1790-ми гг. Как уже говорилось, наши датировки основаны на сопоставлении керамической коллекции Хаджибея с закрытыми комплексами турецкого Измаила XVIII в. и с такой же посудой из турецкого Аккермана (Добролюбский 1998:93). Эти датировки соответствуют времени существования Хаджибейского замка, построенного в 1765 г. (не в 1764 г., — дата уточнена С.Я.Боровым) и разрушенного по приказу Потемкина в ноябре 1789 г.

Среди находок обращает на себя внимание фрагмент стенки с волнообразным гребенчатым орнаментом (рис. 8: 1). Тесто без особых включений, светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. Это фрагмент сосуда так называемой «красно-желто-ленточной» керамики. Кроме того, отметим находку массивной ручки красноглиняного сосуда (рис. 12: 1). В месте ее прикрепления к прямой, в профиле, стенке, оставшаяся глина не разглажена, а сформована в валики у краев прилепа. Сосуд покрыт светлым ангобом. На поверхности следы от заглаживания инструментом.Такая посуда датируется рубежом XIII — XIV в. (до 60-х гг. XIV в.) и известна на средневековых памятниках Молдовы и в Белгороде (Бырня 1984; Кравченко 1986: 49 и др.).[4] Это позволяет полагать, что уже тогда здесь действительно находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Таким образом, археологически подтвержден сам факт существования здесь какого-то поселка во второй половине XIV в., возможно, того самого, который основал «татарский» бек Хаджибей после своего поражения от литовского князя Ольгерда под Синими Водами в 1362 году. Не исключено, что это и есть тот самый приморский пункт, который на итальянских румбовых (компасных) картах XIV-XV вв. именуется Джинестрой.

Зачищенные строительные остатки увязываются с известными планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Так, открытая часть кладки, как можно видеть, представляет собой юго-западный сегмент фундамента правого (по геральдическому принципу описания) бастиона. Пяточный камень ясно маркирует вход в башню

[4] Выражаем глубокую благодарность П.П.Бырне, А.П.Городенко и Н.Д.Руссеву за консультации в датировках и атрибуции керамики Хаджибея.

Рис. 7. Сегмент правого бастиона замка

со стороны крепостного двора. Совпадает с планом и археологически реконструируемый диаметр фундамента бастиона. Это позволяет уверенно говорить о том, что планы были составлены Лафиттом-Клаве и Фрейганом достаточно точно. Такую уверенность дополняют и сохранившиеся в вертикальном разрезе раскопа следы рва от фундамента примыкавшей к бастиону крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны в свое время, видимо, после распоряжения Г.А.Потемкина о разрушении крепости. Также подтверждаются и более чем скромные размеры замка, равно, как и материал, из которого он был построен — известняк «из степи с речек и балок околочных». Таким образом, нет сомнений, что нами обнаружены фундаменты именно Хаджибейского замка.

А коль это так, то подтверждается и достоверность известного рисунка, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва и непосредственно примыкает к Военной балке (последняя публикация: Гончарук 2000: 364). Этому рисунку ранее не придавалось существенного источниковедческого значения: предполагалось, что он исполнен задним числом, лишь с использованием планов Лафитта-Клаве и Фрейгана, а потому приближен к обрыву Военного спуска произвольно. Наша находка позволяет утверждать, что рисунок верен, исполнялся, видимо, с натуры. Да и само фортификационное расположение небольшой «крепостцы» представляется вполне целесообразным.

Таким образом, единственным серьезным основанием для того, чтобы отодвинуть «крепостцу» на «сто сажень» от Военного спуска (как это сделал А.Скальковский), остается выдержка из рапорта Г.А. Потемкина: «на левой стороне полковник Хвостов, под картечными выстрелами... перейдя овраг, когда уже приблизился на сто сажень от стены замка... поспешил, не ожидая правого фланга, поставить первую лестницу». Эти сведения, заимствованные из рапорта де-Рибаса, в деталях не столь уж вразумительны — ведь нет указаний, где именно был перейден Военный овраг. Но полковник Хвостов характеризуется де-Рибасом как «храбрый и расторопный офицер». И ему, как человеку, обладавшему такими качествами, было ясно, что если вести наступление со стороны степи, то Хаджибейский замок сам защищал нападавших от огня своего собственного, турецкого же флота. Поэтому переходить овраг следовало подальше от моря и от турецкого флота, дабы напрасно не подставлять штурмующих под его шквальный огонь. Артиллерия крепости со стороны степи представляла собой куда меньшую опасность. Видимо, упомянутые «сто сажень», или 215 метров, полковник Хвостов со своими солдатами пробежали со стороны нынешнего Сабанеева моста.

Итак, археологическое обнаружение Хаджибея произошло в ожидаемом месте. Куда менее ожидаемым был сам факт сохранности остатков фундамента бастиона. Думается, они уцелели случайно, из-за небрежности, а скорее ленности разбиравших крепость солдат. Эти скудные остатки фундамента бастиона они могли и просто не заметить — ведь и при раскопках мы тоже не сразу разобрались, что это такое. Однако, разобравшись, сегодня мы благодарны тем, кто в свое время небрежно исполнил приказ Потемкина. Это позволяет два столетия спустя действительно подвести итоги дискуссии о местоположении Хаджибейского замка.

Обнаружение остатков Хаджибея доказывает, что замок располагался едва ли не точно на месте нынешнего Воронцовского дворца. Упомянутая достоверность планов Лафитта-Клаве и Фрейгана позволяет с высокой степенью точности привязать замок к нынешнему Приморскому бульвару. Это соответствует расположению крепости на плане Исленьева, ко-

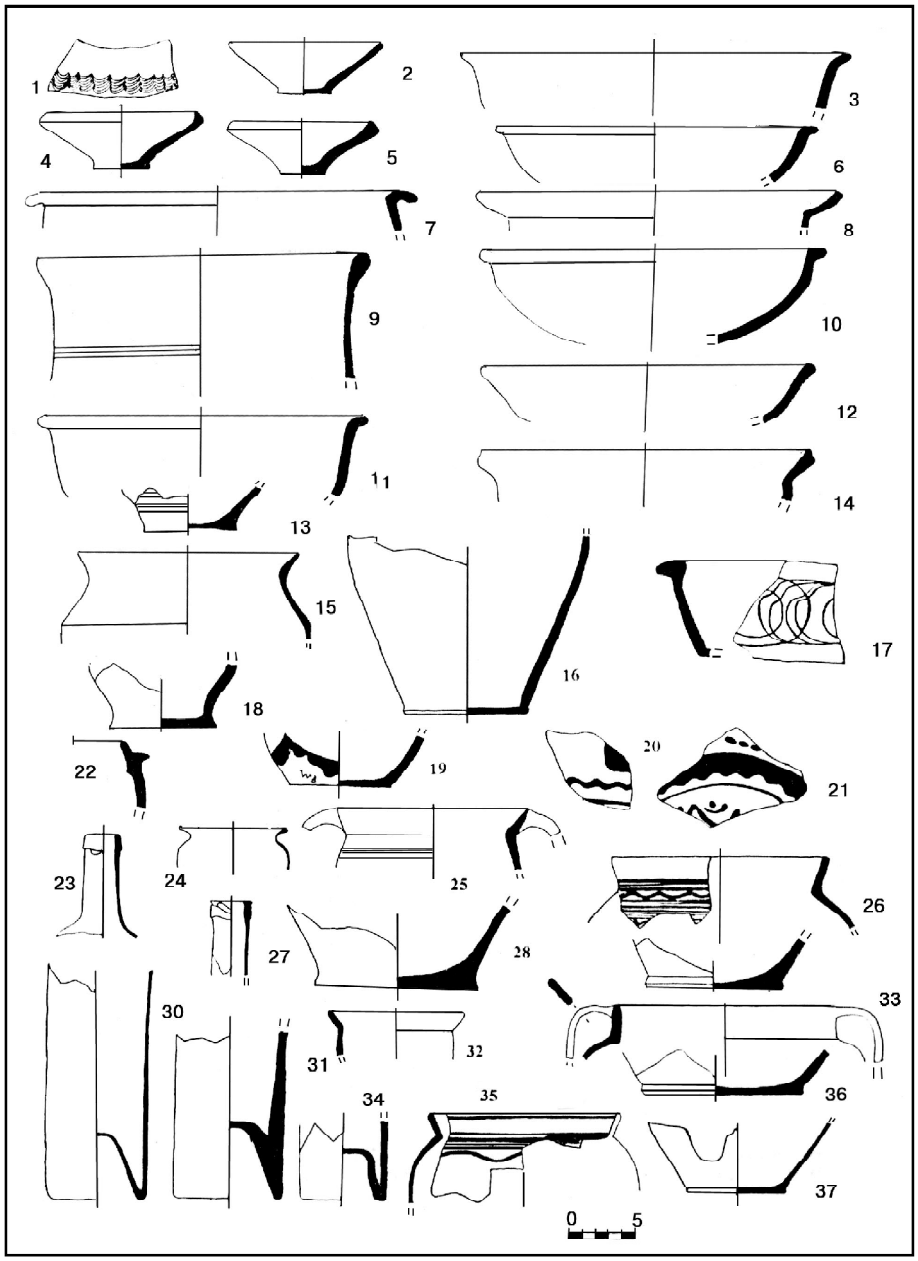


Рис. 8. Керамика и стеклянная посуда из раскопок Хаджибея.

торый отметил, по мнению С.Я.Борового, лишь место ее строительства (или перестройки?) (Боровой 1967:132-136). Поэтому нам остается лишь увязать все упомянутые планы. Получается, что фасад замка был вытянут вдоль берега моря от места нашей находки в сторону Военного спуска не более чем на 20-25 м, как это и следует из всех приведенных сведений.

Хаджибейский поселок в археологических остатках

«План крепости Гаджибей 1766 г.» Ивана Исленьева — единственный «градостроительный» документ, который мог нами использоваться для дальнейших археологических исследований Хаджибея. Другие для того времени просто не известны. Можно видеть, что на этом плане большинство строений поселка, примыкавшего к крепости, обозначено в устье Карантинной балки и частично на плато между нею и Военной балкой. Ныне это — район Польского и Ланжероновского спусков, Таможенной площади, а также территория, на которой находятся здания Археологического, Литературного музеев и Городской Думы. Если рассматривать план Исленьева археологически, то очевидно: поселок XVIII в. сейчас «погребен» под сплошной городской застройкой. Поэтому его археологический поиск весьма затруднен. Но заманчив.

Поэтому, в 1999-2000 нами были заложены шурфы у здания Горсовета (Городской Думы), в противоположной от Воронцовского дворца части бульвара: на склоне Карантинной балки, а

также в парке им. Шевченко, — юго-восточный берег той же балки. Также проведены разведки в ее устье. Перечислим и опишем их по порядку.

Для шурфовки нами был избран свободный от современной застройки участок — береговой склон между оградой нынешних двориков Городской Думы и Литературного музея и строениями вдоль улицы Приморской. Здесь, под стенами здания Горсовета (Думы, бывшей Биржи), в 1999-2000 гг. было заложено два шурфа для археологической диагностики культурного слоя на этом участке. Место было выбрано еще и потому, что растущие здесь ныне деревья достигают примерно столетнего возраста. Это указывает на то, что никакие строительные работы здесь в текущем столетии не производились. Действительно, культурный слой Одессы, состоявший из многочисленных прослоек бытового и строительного мусора, накопился здесь во временном диапазоне конца XVIII — начала XX в. Это мусор хорошо датировался по своему вещевому составу, а также монетным находкам.

Первый шурф размерами 1×2 м был заложен на вершине склона, а второй у его подошвы. Склон образован семиметровой толщей, преимущественно, строительного мусора от восемнадцатилетнего строительства здания думы, а также грунтовой досыпкой 1867 г., когда на этом участке был снивелирован береговой обрыв.

В первом, верхнем, шурфе на глубине 5,3 м, под одесским слоем обнаружилась окраинная часть большой мусорной ямы турецкого времени, которая была вырублена в материковой глине. Она была вырыта с «дневной» поверх-

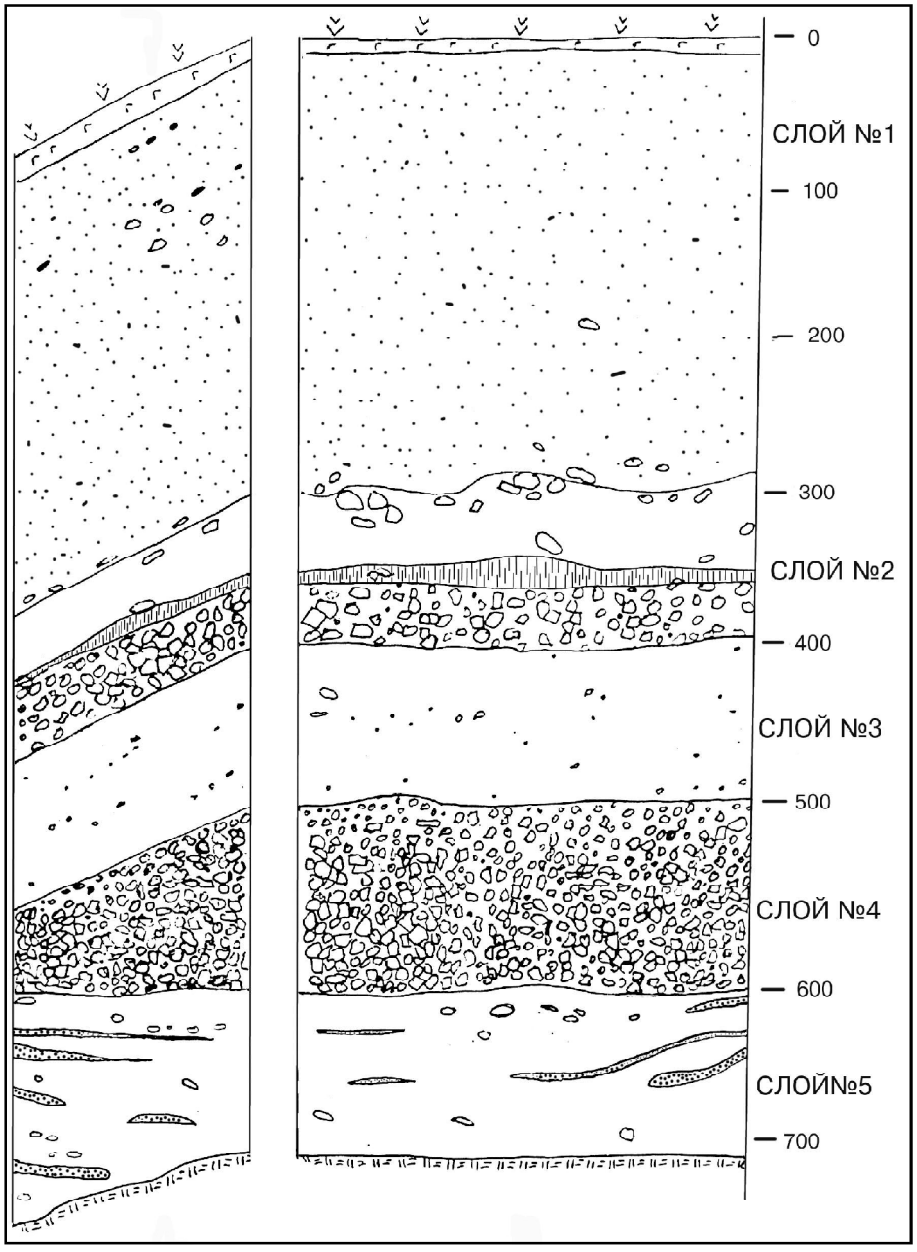


Рис. 9. Стратиграфия нижнего шурфа возле городской Думы.

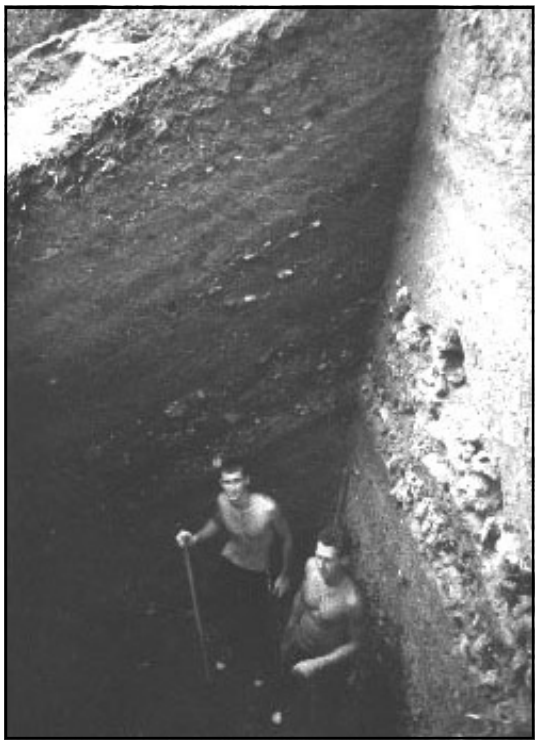


Рис. 10. Стратиграфия нижнего шурфа возле городской Думы.

ности XVIII в. Эта поверхность находится, таким образом, примерно, на 6-7 м ниже современной. Ее пологий склон продолжался до глубины 6,4 м и затем уходил под борт шурфа. Глубина ямы от ее обнаружения до материка 1,5 м, заполнение представляет собой однородный, очень плотный, гумусированный грунт, четко отчленяющийся от вышележащих слоев одесского времени. Здесь найдены обломки поливной и расписной богатой турецкой посуды. Датировку нашей ямы уточняют и обнаруженные в ней горлышки и донышки «куполодонных» бутылок.

Слой, перекрывающий турецкий, насыщен роскошной фарфоровой столовой посудой и тарелками со штампами английских фабрикантов первой половины XIX в. В нем найдена монета 1812 г. Этот и все последующие прослойки одесского периода содержат остатки перемещенных слоев XVIII в. Из них происходят фрагменты керамики с зеленой, коричневой и желтой поливой. Обнаружена почти целая пиала (рис. 8: 2) без каких либо украшений и росписи.

Во втором шурфе, разбитом у подошвы склона, размерами 3×1,5 м, нам удалось выделить пять слоев. Все они, кроме самого нижнего, турецкого, образованы строительной деятельностью одесского времени и насыпаны с вершины склона, залегая под углом 45 градусов. Материк находился на глубине 7, 4 м от уровня современной дневной поверхности и представлял собой известняковую крошку, покрывающей скалу. Уровень материка шел под наклоном в сторону морского берега. Здесь также все слои дали находки турецкой керамики, которая в количественном отношении не уступала коллекции посуды XIX в. В заполнении найдены и фрагменты горловин от трех древнегреческих амфор VI в. до н.э. Видимо, они попали сюда вместе с мусором от строительных работ, которые ранее проводились на плато нынешнего Приморского бульвара и разрушили античный слой.

Изучение стратиграфии описанных шурфов показывает, что при строительстве здания Думы были нарушены слои античного и турецкого периодов, которые и попали в переотложенном состоянии на склон турецкого времени. Действительно, на глубине 6 м зафиксирован мощный (более 1м), нетронутый турецкий слой (слой №5), содержавший немалый набор керамики. Он представлял собой чернозем темного цвета с глыбами синей, так называемой меотической глины, крупными валунами и галькой. Находки турецкой керамики в нем менее многочисленны по сравнению с перекрывающими его слоями одесского времени. Слой не был образован путем сброса грунта со склона. В разрезе борта видно, что грунт насыпан со стороны морского берега. Возможно, это следы нивелировки побережья турками либо же остатки упомянутой пристани. По описаниям, это был участок с утрамбованным грунтом на берегу моря (Маркевич 1894: 158-161). Он имеется на плане Исленьева и изображен на уже упомянутом рисунке из книги Т.Гончарука.

Значительное количество находок представлено мисками с «заостренно-отогнутыми» краями (рис. 8: 3, 6, 11), тарелками с плоско-отогнутым венчиком (рис. 8: 8). Практически все эти фрагменты украшены геометрическим или растительным орнаментом. Во множестве найдены фрагменты красноглиняных пиал (рис. 8: 4, 5), горшков (рис. 8: 7, 9; 11: 2) и кувшинов (рис. 8: 32), не покрытых поливой. Единственным украшением подобной посуды зачастую являются пояски горизонтальных бороздок, нанесенных либо на верхнюю часть тулова, либо под венчик.

Группа горшков представлена поливными и обычными сосудами. Многочислен тип двуручных горшков с отогнутым наружу, уплощенным венчиком (рис. 11: 3, 5, 6, 7.). Поливой покрыта только внутренняя поверхность сосудов. Обломок горшка (рис. 11: 8) имеет на наружной стороне потек расплавленной глазури, что свидетельствует о том, что в момент обжига сосуд находился в горне в перевернутом состоянии. Выделяется ряд более простых сосудов (рис. 8: 15; 11: 9). Их тесто рассыпчатое, с примесью крупнодробленного шамота. Поверхности во всех случаях покрыты голубой или темно-синей неустойчивой краской.

Отметим также несколько поддонов от сосудов не определенных типов. Есть экземпляр сделанный из белой, хорошо отмученной глины и покрытый изнутри желтой поливой (рис.8:

18). Примечательна находка целого днища от небольшого сосуда буро-коричневого цвета (рис. 8: 19). Внутренняя поверхность полностью залита полупрозрачной светло-коричневой поливой. На внешней стороне подтеки поливы не достали до днища. На свободном поле процарапано графитти в виде латинских букв «WB».

Найдено несколько обломков от сосудов большого диаметра (тазы?). Один из них (рис. 11: 4) увенчан бороздками и покрыт изнутри поливой. Второй сосуд сероглиняный. Он интересен тем, что имеет массивный, овальный, отогнутый венчик и кольцевой пролощенный орнамент на внутренней поверхности (рис. 8: 17). Сюда же следует отнести фрагмент очень широкого, поливного сосуда с массивным квадратным венцом (рис. 11: 10). Еще один таз (рис. 11: 1) никак не украшен. Он сделан из некачественного слоящегося теста с вкраплениями кварца и известняка. Внутренняя поверхность прогорела вглубь на несколько миллиметров.

Многочисленными фрагментами представлена группа так называемой белоглиняной керамики (рис. 8: 26, 29, 33, 35, 36, 37). Поверхность этих сосудов шероховатая и покрыта сажей. В подавляющем большинстве случаев венчик и плечико горшков украшены орнаментом, нанесенным красно-коричневым ангобом. Основные варианты орнамента — это горизонтальные прямые и волнистые линии в различных сочетаниях. Такая керамика повсеместно встречается на турецких памятниках Северо-Западного Причерноморья и Молдовы, но происхождение ее не известно. И.В. Волков связывает ее с Московским государством и относит ко второй половине XVII — началу XVIII в. (Волков 1998: 64).

Толстостенная бутылочная «куполодонная» тара (рис. 8: 30, 31, 34) относится к середине и третьей четверти XVIII в. (Добролюбский 1998: 93). Она сделана из иссиня-зеленого стекла и имеет следы формовки — небрежно приделанные пояски на горлышках (рис. 8: 23, 27) и застывшие куски стекла на «куполах» доньев, пузырьки воздуха в стенках. Кроме бутылок встречены тонкостенные маленькие банковидные

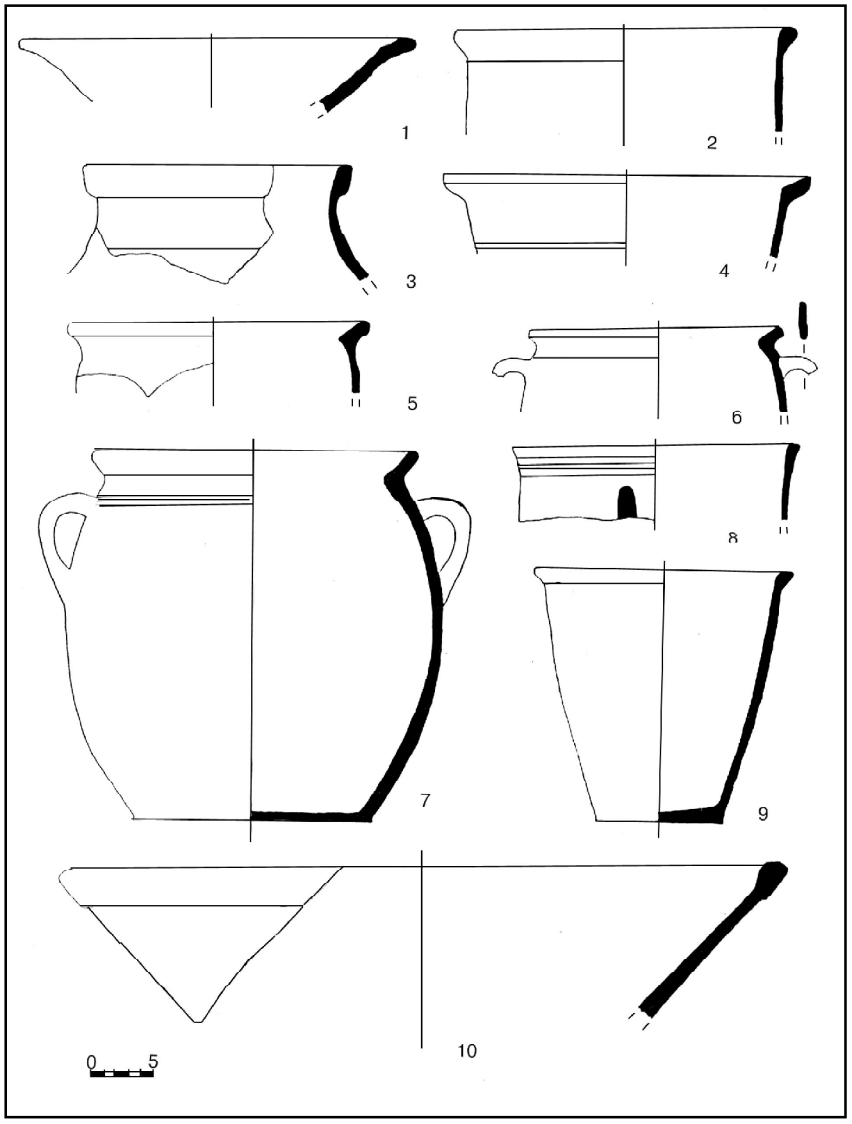


Рис. 11. Гончарная керамика из раскопок Хаджибея.

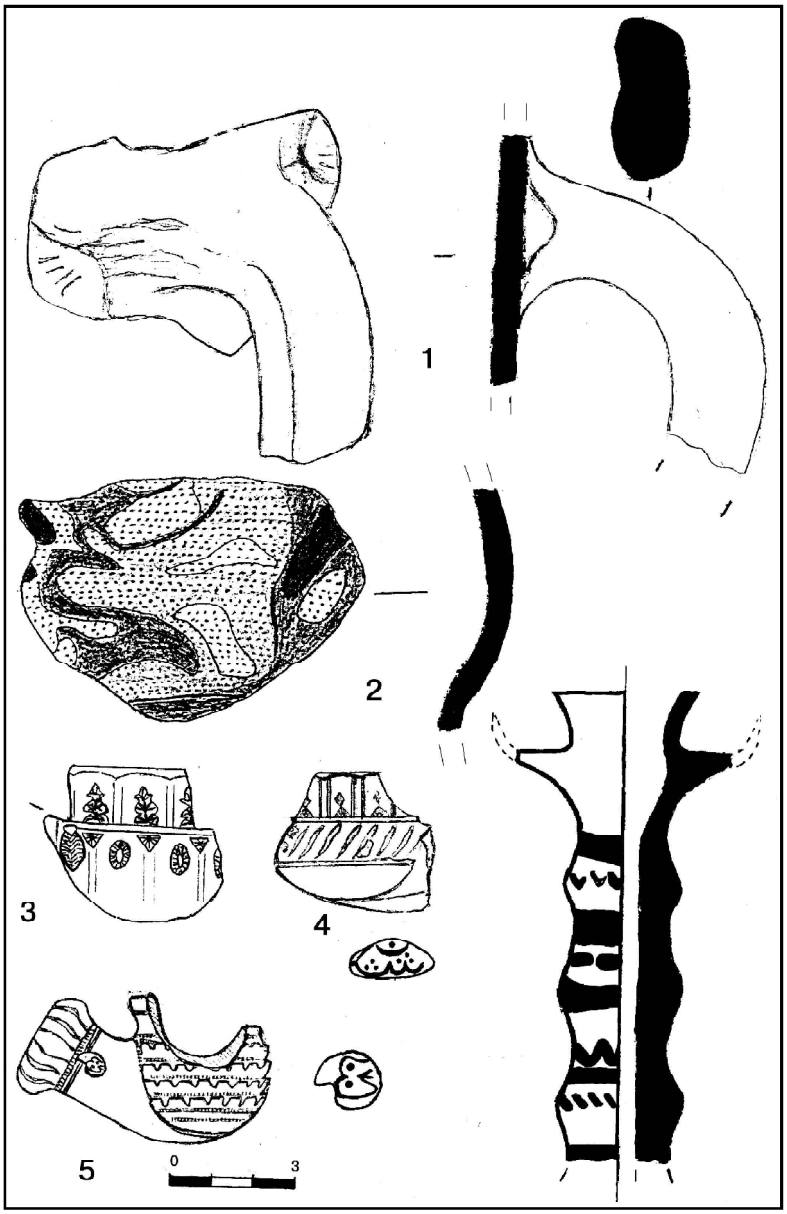


Рис. 12. Керамический материал из раскопок в Карантинной балке и на Приморском бульваре.

сосудики (рис. 8: 24) — возможно, аптечные.

Из индивидуальных находок отметим чугунное ядро диаметром пять сантиметров, фрагменты двух курительных трубок (рис. 12: 3), один из которых незначителен, ножка хрустального фужера на квадратном поддоне, который датируется концом XVIII в. Отметим также находку верхней части глиняного кальяна (рис. 12: 6). Он покрыт белой замазкой, поверх которой нанесен желтый ангоб. На нем геометрический орнамент в виде мазков коричневой краски и зигзага, которые чередуются с красной, зеленой, коричневой линиями. Венчик покрыт зеленой поливой. В центре проделано сквозное отверстие для дыма. На самом дне, у материка, был найден фрагмент сосуда, покрытого густой белой замазкой, на которую нанесен орнамент в виде прямой и зигзагообразной линии коричневого ангоба и пятно светло-зеленой поливы (рис. 8: 20).

Если сравнить керамику из шурфов у здания Городской Думы и из Карантинной балки с находками у стены Хаджибейского замка, то их «узкие» датировки совпадают. Это указывает на полную синхронность сравниваемых материалов. Ясно, что описываемые слои представляют турецкий Хаджибей и, видимо, соотносятся со временем его расцвета — 1770-80-е гг.

Упомянутый план Исленьева представляет собой, по сути, схематический эскиз, составленный русским разведчиком лишь в военных целях. Между тем, этот план дает полную возможность увидеть размещение на местности отдельных строений Хаджибейского «посада». Сопоставление места наших раскопок с планом показывает, что шурфы сделаны приблизительно там, где некогда располагались гостиный двор, мечеть, а также «особливые казенные лавки для приезжих купцов». Иными

словами, своими шурфами мы попали в «торговый и сакральный» центр Хаджибея 1760-80-х гг., — видимо, самое оживленное место. Обилие и разнообразие обломков керамики в этой части Приморского бульвара, не сравнимое по качеству изготовления с находками при крепостных фундаментах, также подтверждает это. Кроме того, к этому центру, у тогдашней «пристани на сваях», примыкал «дом бея янычарского». Здесь же находился колодец, «дом нынешнего командира над городом», а выше (в районе Ланжероновского спуска) располагались «строения для янычар и куечиров турецких и малой части христиан, волохов». Естественно, свое свободное время янычары, куечиры и волохи проводили в «торговом» центре. Надо думать, мы обнаружили археологические следы их времяпрепровождения. По всей видимости, вырытые нами шурфы содержали в себе остатки мусора, выброшенного из гостиного двора и лавок для купцов.

Не исключено, что вместе с упомянутыми янычарами и куечирами, здесь коротали время и те самые запорожские казаки, которые, по словам А. Скальковского, после разгона Новой Сечи в 1775 г. частично «убрались под Турка». Они «… поселились у подошвы Гаджибейской крепостцы, в так называемой ныне Карантинной балке, и после основали предместье нашего города Пересыпь».

В устье этой балки, судя по плану Исленьева, стояли «неведомо какие строения с припасами». По ее тальвегу, по нынешней ул. Карантинной, летом 2000 г. проводились ремонтно-землянные работы. Слой турецкого времени был значительно потревожен строительством водостока XIX в. Тем не менее, материал, собранный при зачистке строительной траншеи, составляет представительную коллекцию. Керамический набор стандартен. В отличие от шурфов у Думы, единичны находки простой, красноглиняной и белоглиняной керамики. Преобладают фрагменты расписной посуды (рис. 8: 21), ручки, венчики и нижние части поливных кувшинов (рис. 8: 16). Многочисленны находки бутылок с «куполообразным» вогнутым дном, пиал и расписных мисок. Обращает на себя внимание фрагмент сосуда с проштампованной зернистой поверхностью (рис. 12: 2). Тесто высокого качества, хорошо промученное, без заметных включений. Внутренняя поверхность покрыта густой белой поливой. Внешняя — светло-коричневой с желтоватым оттенком. На этот фон нанесен темно-коричневый орнамент в виде стилизованного листа с белыми пятнами и темно-зелеными разводами. Сосуд, по всей видимости, имеет импортное происхождение.

Пять других шурфов были нами заложены и на противоположном, юго-восточном берегу этой балки, в нынешнем парке им. Шевченко (Александровском), напротив стадиона. Здесь, под мощным трехметровым слоем земляной русской крепости, построенной в 1793 г. и затем разрушенной, также обнаружены остатки турецкого культурного слоя второй половины XVIII в. Этот слой прослежен вдоль всей протяженности нынешней Карантинной гавани, вплоть до мола. Он обильно насыщен образцами уже описанной керамики и «куполодонной» бутылочной тары. По свидетельствам источников, в этом районе располагался хаджибейский маяк, обозначавший современный мыс Ланжерон и отмель, идущую от него в море (Смольянинов 1853: 13-15). Это означает, что турецкий поселок Хаджибей оказался куда более крупным и обширным населенным пунктом, чем это представлялось ранее.

Действительно, план Исленьева, составленный в 1766 г., отражает лишь самое начало строительства крепости и поселка, а наши материалы — все его последующее существование, вплоть до событий 1789 г. и последующих. За четверть века поселок значительно вырос и расширился. Археологически очевидно, что он превратился в цветущий приморский городок с относительно многочисленным и полиэтничным населением.

Завершая описание археологического Хаджибея, попытаемся кратко подвести некоторые предварительные итоги проведенной работы:

Одесский «мусорный проект» был предпринят в 1995 г. с учетом опыта раскопок Петербурга XVIII-XX вв., а также турецкого Измаила XVI-XVIII вв. При этом особое методическое внимание уделялось исследованию выгребных ям и отхожих мест. Именно такие, закрытые, комплексы содержали наибольшее число утерянных монет. Поэтому и содержавшиеся в них предметы массового производства, прежде всего, «куполодонные» бутылки, оказались датирующими и для других категорий керамических и иных находок (Добролюбский 1998). Наши датировки оказались сопоставимыми и с хронологической типологией курительных трубок (Волков, Новикова 1996).

Благодаря точной датировке по «куполодонным» бутылкам и курительным трубкам, удалось четко датировать материалы других памятников турецкой эпохи в Северо-Западном Причерноморье, соотнести их с письменными сведениями и непротиворечиво картографировать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий. В частности, оказалась возможной археологическая локализация Ени-Дуньи на западном берегу Тилигула и «отчленение» ее от Хаджибея.

Археологическое изучение Хаджибея под многометровыми залежами «одесского мусора» оказалось возможным именно благодаря обнаружению в нижних слоях датирующих материалов второй половины XVIII в., которые уда-

лось уверенно определить как турецкие. Это же, в свою очередь, позволило оконтурить границы культурного слоя Хаджибея под историческим центром современной Одессы. По полученным сведениям, поселок располагался на всей территории между Карантинной и Военной балками (вплоть до улицы Дерибасовской а, скорее всего, и до Греческой), а также простирался вдоль побережья до нынешнего стадиона в парке Шевченко. В настоящее время вполне можно оконтурить хаджибейский поселок на плане нынешнего города. Эта информация станет основой для дальнейшего археологического поиска. Равным образом, находка остатков Гаджибейского замка позволяет подвести итоги продолжительной дискуссии, разгоревшейся вокруг вопроса о его точном местонахождении на Приморском бульваре.

Находки обломков «красно-желто-ленточной» керамики в забутовке фундаментов Хаджибея указывает на вероятность существования здесь поселка еще в XIV в. Несколько фрагментов относится к концу XVII – началу XVIII вв., что подтверждает существование в это время здесь «ничтожной татарской деревушки» (по словам генерала Адлерфельда). Но подавляющее количество находок относится ко второй половине XVIII в., что полностью согласуется со временем существования «Гаджибейского замка» в 1765-89 гг. На эти же годы приходится и расцвет примыкавшего к нему поселка, бывшего, по всей видимости, достаточно крупным военно-торговым пунктом в Северном Причерноморье.

Ни одной находки, относящейся к XV-XVI вв., в уже обширной хаджибейской коллекции пока не имеется. Между тем, именно этот период нынче провозглашается временем процветания «польско-украинского» Коцюбиева.

Комментируя это обстоятельство, отметим лишь, что развивающееся археологическое «мусороведение» постепенно формирует свои собственные научные законы. Так, «отец» гарбологии Уильям Рэтджи, всю жизнь изучавший современные бытовые отходы, пришел к парадоксальному, но однозначному заключению — наибольшее количество бытового мусора образуется именно в условиях дефицита продуктов. Мы пока не рискуем распространять это наблюдение на археологию «свежих» турецких памятников Причерноморья. Между тем, указанная «гарбологическая» закономерность с очевидностью демонстрируется всей историографией о Хаджибее: легко можно видеть, что чем больший дефицит сведений о его истории, тем интенсивнее образуются вокруг этого сюжета завалы историографического «мусора».

Думается, полученные нами археологические материалы являются принципиально новыми для дальнейшего изучения всей турецкой эпохи. Хочется надеяться, что их обнародование будет способствовать устранению дефицита добротных сведений и утолению «голода» по источникам, который побуждает историков ко все более изощренным манипуляциям со «свидетельствами очевидцев» в сюжете о Хаджибее. Ясно, что лишь на основе датированных археологических материалов, полученных при раскопках «свежих памятников», возможно удовлетворительное решение многих вопросов истории Причерноморья и очистка этой проблематики от историографической неразберихи.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Д.Г. 1992. Старая Одесса, ее друзья и недруги. Одесса.

Боровой С.Я. 1967. Хаджибей в 60-х гг. XVIII ст. // Записки Одесского археологического общества. - Т.2 (35). Одесса.

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.

Волков И.В. 1998. Керамический комплекс крепости Лютик (Сед-ислам), 1667-1742 // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. По материалам поливной керамики. Симферополь.

Волков И.В., Новикова Г.Л. 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании музея истории города Москвы: Труды музея истории города Москвы. – М. Вып. 9.

Добролюбский А.О. 19.02.1994. Исторические миражи Хаджибея-Коцюбиева // Одесский вестник. №26 (589). Одесса.

Добролюбский А.О. 1994. Население «Новоприобретенной области» перед строительством Одессы // Одесі - 200. Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 200-річчю міста. Одеса.

Добролюбский А.О. 1998. Турецкая поливная керамика второй половины XVIII в. в Северо-Западном Причерноморье (проблемы датировки) //Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.

Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV в.). К.

Маркевич А.И. 1894. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // ЗООИД. Т. XVII. Одесса.

Смольянинов К. 1853. История Одессы. Одесса.

Чарнецкий В.А. 29.10.1994.Замок Ени-Дунья // Одесский вестник. №717. Одесса.

НАШ АРХИВ

Г.В.Батизат

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

G.V. Batizat. Early Christian and Byzantine Records on Spread of Christianity on the Territory of Today's Ukraine

The publication is a compillation of Greek and Latin records narrating about spread of Christianity on teritory of Southern Ukraine and partly on adjacent territories, where Goths and Slavs lived. These records are excerpts from works by early Christian authors, Byzantine clerical and secular chronists and writers, as well as from hagiographic literature. The evidence of primary records is arranged in chronological order of the described events, with brief information about authors and records proper (if they are anonimous), as well as comments relating to names, concepts, historical events and chronology.

Данная публикация является сводом источников, посвященных событиям, касающихся христианизации населения на территории юга Украины в период первых веков н.э. и до официальной даты крещения славян Киевской Руси в 988–989 гг.

Основная категория источников представлена сообщениями Отцов Церкви и житийной церковной литературы, посвященной непосредственно событиям обращения язычников в христианство и связанной с каким-либо святым мучеником, проповедовавшим на данной территории. Несмотря на более широкую и обширную информацию, жития святых являются менее надежными источниками из-за «налипших» к ним многочисленных вымыслов (порой сознательных) и анахронизмов, а также из-за их позднего происхождения по отношению к описываемым событиям.

Византийские хроники дают более конкретную информацию, однако она порой противоречива, а иногда не совсем ясно изложена. Эти источники всецело зависели от своих информаторов и сведений, проходивших через императорскую и патриаршую канцелярии.

Начинается свод с «Деяний апостола Андрея» (житие конца VIII–IX вв.), где сообщается о его миссионерской деятельности в Крыму в Пантикапее, Феодосии и Херсонесе. Хронологически события относятся к середине I в.

Более сомнительная информация содержится в агиографическом источнике «Житие св. Климента», римского епископа 88–100 гг., сообщающем о его ссылке и мученической смерти в Херсонесе при императоре Траяне, а также обращении в христианство местных жителей. Однако, как известно, это более поздние данные, возможно, возникшие на почве местных преданий в среде христиан византийской Таврии.

Более важную и конкретную информацию заключает в себе житие о миссионерской деятельности и мученической смерти в Херсонесе епископов Василея, Капитона и др. клириков в начале первой половины IV в. Фактически данный письменный источник является самым ранним реальным свидетельством о христианизации языческого населения в Крыму.

Исторически ценные сведения мы можем получить из сочинений церковных историков Феодорита Кирского, Сократа Схоластика, Созомена Гермия, Евагрия Схоластика, а также готского историка Иордана, сообщающих о событиях в Скифской епархии и христианизации готов по берегам Дуная. Особенно важно упоминание у Созомена о боспорском епископе, участнике Никомедийского собора 358 г.

Житие епископа Иоанна Готского (вторая половина VIII в.) связано с внутренней жизнью епархии и ее взаимоотношениях с Константинополем и хазарами.

О христианизации части восточных славян – русов в 867 и 874 гг. мы можем почерпнуть из сообщений константинопольского патриарха Фотия и Продолжателя Феофана. Возможно, это одно и тоже событие, происшедшее за 120 лет до официального крещения русов при князе Владимире. Это так называемое «первое» крещение русичей, скорее всего приазовских. Здесь же нужно упомянуть и сообщение Иоанна Скилицы (конец XI в.) о крещении княгини Ольги во время ее посещения Константинополя в 955 г. Это сообщение впоследствии интенсивно развивали и использовали древнерусские летописи и беллетристика («Повесть временных лет», «Жития княгини Ольги и князя Владимира» и др.).

Любопытное сообщение от своих информа-

© Г.В.Батизат, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

торов оставил нам Константин VII Порфирогенет в хронографическом трактате «Об управлении империей». Автор упоминает о заброшенных шести крепостях на правом берегу Днестра (Днестровского лимана), где были видны остатки церквей и кресты, высеченные в песчанике.

Исходя из вышеперечисленных источников, можно заключить, что проникновение христианства как новой религии Римской империи в Северное Причерноморье началось в первые века нашей эры. Это было вызвано как миссионерской деятельностью христианских проповедников из центральных районов Империи, так и ссылкой христиан в период гонений при императорах Нероне, Домициане, Траяне и Диоклетиане.

К середине III в. окончательно складывается церковная организация христианских общин со своей иерархической системой: дьяконы, пресвитеры и епископы с центром в Риме и опорными пунктами в Иерусалиме, Александрии, Карфагене и Антиохии. Сразу же после легализации христианства при императоре Константине I начинают образовываться епархии в Италии, Северной Африке (Нумидия), Малой Азии, Фракии, Скифии (Мезия), Галлии и Британии. В новой столице Империи – Константинополе формируется второй епископат, равный римскому.

К середине IV в. в Египте появляется институт монашества, который быстро распространяется в Фиваиде, Нитрии и Оксиринхе, а затем в Малой Азии (в Каппадокии и в Южном Понте), а оттуда проникает в Италию (*Pallad. Laus.; Rufin. Vita patrum; Apolog. II 424; Hist ecccl.; Ignat. Epist. Ad Polyc. V; Iust. Apolog. 18; Legatio pro Chr. 38; Octav. 31; Tert. Ad uxorem. I 1, 4, 6; Cass. V 18; Hieron. Vita sancti Hilarii; Ad Tit. 2, 7; Antioch. Mon. Hom. 112; Athan. Vita Anton.; Apoph. patr.; Sulpic. Sever. Epist. II. Ad Avrel. diac. 11; Dialog. I, II; Eugipp. Vita Severini.; Ennod. Felix. Descript. Vitae Antoni mon., etc.*).

Надо полагать, что Скифская епархия, объединявшая Нижнюю и Верхнюю Мезии (Малая Скифия) и Северный Понт, а также Готская епархия, образованная в Таврии (Крым), сформировались к середине IV в. Известно, что херсонесские епископы участвовали в первых соборах в Никее и Эфесе. Во главе епархии находился епископ, которому подчинялись нижестоящие клирики. Сам епископ подчинялся Константинопольскому патриархату, а в свою очередь и патриарху в Иерусалиме, который на начальных этапах функционирования христианской Церкви на Востоке назначал епископов в провинциях, расположенных вокруг Понта.

Агиографические источники предоставляют нам свидетельства о пребывании на рудниках и в каменоломнях в Нижней Мезии, во Фракии и в Паннонии большого количества сосланных христиан в период гонений II–III вв. (*Acta Sanctorum. Ioannes Bollandus: Passio sanct. quat...; Passio sancti Quirini episc. et martyr...; Passio sanct. Floriani, etc.;* Колосовская 1990: № 4). Местом ссылки являлась и Таврия. Отсюда можно сделать вывод, что на территории Западного и Северного Понта к IV в. проживали приверженцы христианства, тайно справлявшие свое богослужение. Основная задача по распространению христианского учения ложилась на плечи миссионеров, первым из которых в Понте, по ортодоксальной традиции, являлся апостол Андрей.

В конце IV – начале V вв. дальнейшему распространению христианства в Северном Понте способствовали передвижения готов с востока на запад за Истр (Дунай) в Нижнюю Мезию и в Таврию. При императорах Валенте и Констанции II большинство готов приняло христианство арианского толка и только при Феодосии II и последующих императорах готы были обращены в ортодоксальную веру.

В период существования Византийской империи Таврия как провинция входила в границы империи и являлась одним из важных ее форпостов, где при Юстиниане было построено много базилик и монастырей. Она находилась в единой централизованной системе христианской Церкви Византии и подчинялась Константинопольскому патриархату и императору. В период гонений иконоборцев иконопочитатели скрывались также и в Таврии. Туда же ссылали и неугодных прелатов (Тимофей Элур, папа Мартин).

Упоминание византийского патриарха Фотия о крещении русов в 867 году, является очень ценным для исторической науки свидетельством. Оно непосредственно указывает на принятие христианства восточными славянами, населявшими территорию современной Украины еще до официального крещения Руси в 988 году.

Сведения археологического характера, оставленные нам императором Константином VII Порфирогенетом, расширяют наши представления об ареале распространения христианства на Юге Украины и, в частности, в средневековом Белгороде на Днестровском лимане, через который проходил коридор миграции восточных готов в римские владения, в том числе и в Скифскую епархию. В Белгороде могли работать миссионеры как из Скифской, так и из Готской епархий, а также направляемые из Константинополя священники и другие клирики как в ранге послов, так и с деловыми поручениями.

Кроме того, в своде представлена и дополнительная информация о событиях в Скифской епархии и христианизации готов за Дунаем (Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский, Иордан, Сократ Схоластик, Созомен и др.), а также о христианизации болгар и хорватов в середине IX в. (Иоанн Камениат, Константин Порфирогенет, Фома Сплитский и др.).

ЦЕРКОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

СТРАДАНИЯ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ И ЕПИСКОПОВ ХЕРСОНСКИХ ВАСИЛЕЯ, КАПИТОНА И ИНЫХ С НИМ (310–325 гг.)

Автор «Жития» неизвестен. Это агиографическое сочинение, основанное на более древних устных преданиях, сложилось к VII в. и подверглось литературной обработке не раньше начала X в.

Житие происходит из греческой лицевой минеи (за февраль и март) XI в. Рукопись № 376. По мнению В. Латышева, текст создан не херсонесцем, а византийцем ранее второй половины IX в. Греческий текст кратких житий этих епископов в «Синаксаре», императора Василия II (976–1025 гг.), был составлен в конце X или начале XI вв.

Из славянских рукописей соответствующая информация имеется в так называемой Супрасльской рукописи (Супрасльской минее), а также под 7 марта в Успенском списке Макарьевских миней (фрагмент издан Латышевым по рукописи; см. Латышев 1906: 66–74, № III), в Четьих Минеях св. Димитрия Ростовского (впервые изданы в 1700 г. в Киеве), а также в минеях Волоколамской и Милютинской.

Сравнив все эти тексты, Латышев пришел к выводу, что применительно к житию всех херсонских епископов источниковой ценностью обладает лишь греческий текст из синодальной рукописи № 376 и славянские переводы Супрасльской и Макарьевской миней, сделанные независимо друг от друга с какой-то греческой рукописи, близкой, но не тождественной № 376 или его архетипу, причем оригинал супрасльского и макарьевского переводов он считает более древним, возможно относящимся к VII в. или даже более раннему времени, и происходящим непосредственно из Херсонеса (Латышев 1906: 4, 12–16).

«...в 16-й год тирании Диоклетиана[1] (епископ Ермон) рукополагает Ефрема (Ефраим)... и высылает его в области Турции, а кроме того и в Херсон (Херсонес) Тавроскифской епархии (посылает) доброго Василея (Василий или Василевс)...[2]» (**§ 5**).

Когда Василей прибыл в Херсонес, (**§ 6**) «...граждане (язычники) совсем не сдержались; но тотчас обратились к поруганию и избиению праведника... (Он) укрывается в некоей пещере, именуемой Парфеноном...»

(**§ 7**) После упомянутых событий Василей крестит в Херсонесе двоих жителей, но вскоре (**§ 8**) язычники его убивают. «Итак они (язычники), явившись к пещере, в которой пребывал великий, и привязав веревки к ногам его, безжалостно влекли его по площади, пока он не предал свою блаженную душу в руки ангелов. Был 7-й (день) марта. На том месте ныне верные поставили столп и на верху его утвердили честной крест для поклонения».

По прошествии этого события малоазийские епископы Евгений, Агафодор и Элпидий (**§ 10**), «...узнавши о кончине всеблаженного, тотчас приезжают в Херсон (Херсонес) и возвещают слово истины (т.е. христианское учение Евангелия)».

Упомянутые выше епископы многих херсонесских жителей обратили в христианскую веру, однако также были убиты язычниками и выброшены за пределы города.

(**§ 12**) «Прошло не малое время, и посылается из Иерусалима некий епископ Эферий[3]. Он, еще не достигнув Херсона (Херсонеса), дуновением противных ветров прибивается к некоему острову, называвшемуся Алсос[4] и прилежавшему к странам реки Днепра (Борисфена). На этом острове Эферий заболевает и умирает[5]».

(**§ 14**) В период правления императора Константина I (Великого), христиане из Херсонеса посылают к нему посольство и просят прислать к ним епископа. Из Константинополя прибывает епископ Капитон «...вместе с пятью стами воинов (т.е. с когортой) и их начальником Феоною...». Капитон сразу же начал проповедовать в Херсонесе.

(**§ 17**) После сотворенного им «чуда в печи», Капитон, «...повелев тотчас построить крещальню из обожженной извести, всех окрестил в ней; воздвиг он и храм, примыкавший к ней, во имя первого и верховного из апостолов Петра».

«...Ему была отдана жителями (Херсонеса) для поселения прибывших с ним (см. выше)... восточная часть города именно от региона так называемого Малого торга до места, названного Парфеноном».[6]

---

[1] Диоклетиан Гай Аврелий Валерий, римский император в 284–305 гг.

[2] Герман, патриарх Иерусалимский, направил двух епископов в Таврию (Крым): Василия, который проповедовал и долго работал среди греческого населения Херсонеса, и Ефраима, который проповедовал среди соседствующих с Херсонесом скифов. Оба они приняли мученическую смерть. Епископы, начиная с Василия в 300–303 гг. (при Диоклетиане), один за другим были присланы в Херсонес Германом. При Константине Великом в 325 г. сюда прибыл епископ Капитон с военным отрядом в 500 воинов. В этом же 325 г. епископ готов Феофил и Кадм, епископ Боспорский, приняли участие в Первом Вселенском Соборе в Никее.

[3] Херсонесская и Боспорская епархии в Крыму (византийская Таврия) находились под юрисдикцией Иерусалимского патриархата. В начале IV в. в Херсонесе, возможно, существовала особая епархия, глава которой епископ Филипп (Φιλλιππος

Χερσωνος) присутствовал на Никейском Соборе 325 г. (его имя находится только в некоторых списках отцов Собора). В конце IV в. эта епархия существовала уже безусловно: ее глава епископ Еферий присутствовал в 381 г. на Втором Вселенском Соборе в Эфесе. В 460–477 гг. в Херсонесе находился ссыльный александрийский патриарх Тимофей Элур, бывший монофизитом и поддерживавший постоянные связи со своими сторонниками в Сирии, Египте, Константинополе, Томи (Томах) и других городах Византии.

[4] Αλσος – роща, по другим спискам Аас. Возможно это лес, посвященный местному божеству. По славянской версии в Супрасльской минеи остров назван «аасъ» и обозначен «в предѣлех Днепровския рѣки», так же он называется и в Макарьевской минеи.

[5] Скорее всего, местом смерти св. Эферия (Этерия, греч. Αιθεριος) является западный мыс Кинбурнской косы, а не о. Березань, как считали некоторые комментаторы. «Синаксарь» Василия II передает несколько отличную от рукописи № 376 версию жизни Эферия, а о смерти епископа сообщает лишь следующее: απορριφεντος κατα τον Δαναπριν ποταμον ... – «на возвратном пути из Константинополя он был отброшен в реку Днепр и там скончался» (Латышев 1906: 18–19; 65, № II). Никакого упоминания об острове в этом источнике нет.

[6] Первые следы христианства на Боспоре прослеживаются в III в. (Якобсон 1964: 28–29). По археологическим данным, наиболее ранним свидетельством проникновения христианства на Боспор является перстень с геммой, на которой вырезан крест и две рыбы, найденный в могильнике у деревни Ново-Отрадное (Керченский п-ов). Датируется это погребение серединой III в. Из Крыма происходит другая гемма с изображением якоря и двух рыб по бокам (Неверов 1988: № 388, инв. № Ж. 206). К III–IV вв. относятся следы христианства в некрополе Илурата: крест, вырезанный на стене склепа и «святилище», где на скальном полу вырезан крест, рыба и птица. К IV в. относится надпись с крестом на мраморной дорической колонне, найденная на Таманском полуострове (КБН: № 1099). Самая ранняя датированная христианская надпись Боспора относится к 304 году. Это надгробие Евтропия из Керчи (Пантикапей). На нем тоже изображен крест (КБН: № 3, addenda). Также к IV в. относятся еще несколько (около шести) христианских надгробий из Пантикапея (Керчь). К этому же веку относятся три христианских амулета, происходящие из европейского Боспора. Кроме того, были обнаружены еще несколько предметов с христианскими символами – стеклянные сосуды: две патеры и четыре блюда и краснолаковое блюдо с изображением павлина на донышке (Диатроптов 1986: 32–47). С IV в. фиксируются археологами и христианские погребения в различных городах Боспора. Для них характерно трупоположение с западной ориентацией костяка (Кулаковский 1891: вып. 6; 1896: вып. 19; 1898; 1908: т. IX, 535). Старейшие культовые помещения – базилики и часовни на Боспоре относятся к концу V–VI вв. (Якобсон 1964: 29–30).

Русский перевод:

Латышев В.В. 1907. Страдания святых священномучеников и епископов херсонских Василея, Капитона и иных с ним // ИАК № 23. С.108–112.

Протоиерей Серафимов С. 1868. Херсонские святители. Страдания священномучеников Херсонских епископов: Василея, Капитона и др. // ЗООИД. Т. VII. 120–131.

Литература

Айналов Д.В. 1891. Три древнехристианские сосуда из Керчи // ЗРАО. Т. 5. Вып. 1–2.

Античные государства Северного Причерноморья 1984. М.

Античные камеи Эрмитажа 1988 // Каталог. (Сост. кат. О.Я. Неверов). Л.

Арсеньева Т.М. 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное // МИА. № 155. М. С.106–107.

Арсеньева Т.М. 1963. Некрополь римского времени у деревни Ново-Отрадное // СА. № 1.

Беликов Д.Н. 1887. Христианство у готов. Казань.

Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху великого переселения народов. М.

Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму // ИРАИМК. Вып. 1.

Васильев А.А. 1927. Готы в Крыму // ИРАИМК. Вып. 5.

Византийская Таврика. 1991. Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев.

Диатроптов П.Д. 1986. Распространение христианства на Боспоре в III–VI вв. н.э. М. С.32–47 (рукопись).

Зубарь В.М., Павленко Ю.В. 1988. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев.

Зубарь В.М. 1990. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Сборник научных трудов. Киев. С.61–84.

Зубарь В.М. 2000. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (На материалах Херсонеса). Харьков. С.74–75.

Колосовская Ю.К. 1990. Агиографический источник по истории Паннонии // ВДИ. № 4.

Корпус боспорских надписей (КБН или CIRB). 1965. М.–Л.

Кубланов М.М. 1979. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. Вып. 159. М. С.45–97.

Кулаковский Ю. 1891. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. Вып. 6. СПб.

Кулаковский Ю. 1896. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. Вып. 19. СПб.

Кулаковский Ю. 1898. Новые данные по истории старого Крыма. СПб.

Кулаковский Ю. 1908. Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия. Т. IX. СПб.

Кулаковский Ю. 1914. Прошлое Тавриды. СПб.

Латышев В.В. 1896. Греческие надписи христианских времен из Южной России. № 86. СПб.

Латышев В.В. 1906. Жития святых епископов херсонских. Исследования и тексты // Записки Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению. СПб. Серия VIII. Т. VIII. № 3. С.1–81.

Латышев В.В. 1909. Заметки к агиографическим текстам. Ч. II. Изв. ОРЯС. Т. XIII. Кн. 3.

Латышев В.В., Кекелидзе К. 1913. Жития святых епископов херсонесских в грузинской минее //

ИАК. Вып. 49. С.75–88.
Макарий. 1846. История христианства в России до великого князя Владимира.
Марти Ю.Ю. 1919. Описание Мелек-Честенского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. Т. XXXI. Приложение.
Мурзакевич Н. 1868. Примечания // ЗООИД. Т. VII.
Пиоро И.С. 1990. Крымская Готия. (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев.
Погорелая В.В. 1985. Остров св. Эферия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 год. М. С.188–198.
Словарь античности. 1989. М.
Соломоник Э.И. 1986. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. Т. 47.
Шестаков С.П. 1908. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. М.
Шкорпил В.В. 1898. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. Т. XXI. Отд. V. С.8–11.
Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. Москва–Л.
Якобсон А.Л. 1964. Средневековый Крым. Москва–Л.
A Thousand Years of Christianity in Ukraine. 1988 // An Encyclopedic Chronology. (Compiled and Edited by Osyp Zinkewych and Andrew Sorokowski). New York–Baltimore–Toronto.
Diatroptov P.D. 1999. The Spread of Christianity on the Bosporus in the 3rd–6th centuries // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5. №3.
Thomas E.B. 1974. Martyres Pannoniae // Folia Archaeologica. 25.

МУЧЕНИЕ СВЯТОГО КЛИМЕНТА
(Μαρτυριον του αγιον Κλημεντος**)**
(ок. 91–100 гг. н.э.)

(Автор неизвестен, возможно, анонимный византийский монах не ранее VI в.)

Ссылка папы римского Святого Климента I[1] (епископа; понтификат ок. 88–97 гг. н.э.) в Таврию «в какой-то пустынный город из прилежащих к Херсону (Херсонесу)».

«Многие же из благочестивых людей (из Рима) последовали за Климентом и достигли места ссылки к мраморной каменоломне, где находят до 2000 или более христиан...»

Святой Климент начинает крестить жителей Херсонеса в реке за городом «...так, что многие крестились ежедневно и число крещаемых доходило до 500...»

За год его пребывания в Херсонесе «создаются верующими церкви числом 75...»

После упомянутых событий император Траян «...посылает в Херсон (Херсонес) гегемона Авфидиана,... чтобы помешать распространению христианской церкви (в Таврии)».

Авфидиан приговаривает Святого Климента к смертной казни «...присуждает... вывести мученика на середину моря (Евксинский Понт, позднее Черное море), привязав его к железному якорю и опускает в пучину...»

«...Мученик был брошен в море и поглощен водами залива[2]...»

[1] Св. Климент I Римский, четвертый (по Евсевию, третий) римский епископ с 88/92 (?) по 97/100/101 гг. (?) и Апостольский отец. апостол из 70-ти. В христианскую веру был обращен апостолом Петром. Вместе с ним он пострадал в Филиппах (ок. 53 г.). Согласно церковному преданию, он принял мученическую смерть в Херсонесе Таврическом в Крыму во время гонений императора Траяна. Вместе с ним были сосланы Домицилла, римский патриций, и несколько сотен христиан из Рима. По церковному преданию, епископ Климент обратил в христианство всех жителей Херсонеса, основал 75 общин и стал прелатом Херсонесской епархии. Автор «Первого послания к коринфянам» («Первое послание Климента Римского к Коринфянам») (ок. 96 г.), включавшегося в Новый Завет после Апокалипсиса в древних кодексах, и приписывавшихся ему «Второго послания к коринфянам», двух посланий к девственницам и «Клементин» (в состав «Клементин» входят: «Встречи», «Гомилии» и «Сокращение деяний апостола Петра»). О нем упоминают также: Тертуллиан (*Tert. De prescrip. haer.* 32), Епифаний (*Epiph. De haer.* XXVII, 6), Иреней Лионский (*Iren. Adversus haer.* III, 3), Ориген (*Orig. Ad Ioan.* VI, 36) и Иероним Стридонтский (*Hieron. De viris illust.* XV). Однако приведенные выше ранние свидетельства не говорят о св. Клименте как о мученике. Лишь с конца IV в. появляются сообщения о его мученической кончине. Об этом говорит Руфин (Rufinus; друг Иеронима; переводчик Оригена; жил в конце первой – второй половине IV в.), а также папа римский Зосим (Zosimus, время его понтификата – 417–418 гг.) в послании 417 г. упоминает о нем: «...который... претерпел также и мучения». О мученической кончине св. Климента говорит и Везонский собор 442 г. В VI в. получают широкое распространение сказания о его мученической смерти в Крыму.

[2] В Киевской Руси, после ее христианизации, папа римский св. Климент был довольно почитаем. Известно широкое почитание его мощей в Киеве в Десятинной церкви (во имя Богородицы), после их перенесения из Херсонеса (Корсуни) в период крещения князя Владимира константинопольскими клириками. По преданию там были положены голова св. Климента Римского и тело его ученика Фивы (Задворный 1995: 72–75). В IX–XI вв. славянами был написан ряд оригинальных произведений о св. Клименте. О пребывании и мученической смерти этого папы в Херсонесе указывается в знаменитом и наиболее древнем памятнике русской письменности о св. Клименте – «Слове на обновление Десятинной церкви» (Задворный 1995: 75–78; Лавров 1911; Бегунов 1974: 28–29, 38).

Русский перевод:

Мучение святого Климента. 1877 // ЗООИД. Т. X.
Об этом же в сказании «Святого священномученика Ефрема епископа херсонского сказание о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента» // ЗООИД. Т. XIV.

Литература

Бегунов Ю.К. 1974. Русское слово о чуде св. Климента Римского и кирилломефодиевская традиция // Slavia. Praha. № 1.
Задворный В.Л. 1995. История римских пап. Том I. М.

Ранние Отцы Церкви. Мужи Апостольские и апологеты. 1988. Брюссель. С.37–38.
Лавров П.А. 1911. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности. Памятники христианского Херсонеса. М.
A Thousand Years of Christianity in Ukraine. 1988 // An Encyclopedic Chronology. (Compiled and Edited by Osyp Zinkewych and Andrew Sorokowski). New York–Baltimore–Toronto.

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА АНДРЕЯ

(Πραξεις απ. Ανδρεου και περιοδοι εγκωμιω συμπεπλεγμεναι**)**

(при императорах Тиберии, Гае Калигуле и Клавдии)

Анонимное агиографическое сочинение, основанное на древних преданиях о миссионерской деятельности апостола Андрея в Малой Азии, Фракии, Грузии и Северном Понте. Монах Епифаний сделал обработку сказаний о хождении апостола Андрея по северным странам (кон. VIII – нач. IX вв.). Сохранилось также грузинское житие апостола Андрея.

В «Деянии» повествуется об апостольском путешествии апостола Андрея[1] из Антиохии на Оронте (Сирия), через малоазийские гг. Синопу, Амис, Трапезунт (в Лазике) – Иберия (груз. житие – Колатия, Кларджете Артапанколосе), затем через страну Пардсинийскую (земля парфян; или в Верхнюю Фригию). Прибыл он в Иерусалим на праздник Пасхи (§ 7–14). После Пасхи Пятидесятницы апостол Андрей задержался в Эфесе, где ему является Христос и «...повелевает ему идти в Вифинию... ибо и Скифия (груз. житие – «земля готов») ожидает тебя» (**§ 15**). Далее он направляется с учениками в Лаодикею (Фригия), а от туда в Одессос в Мезии (**§ 15**). После Мезии Андрей возвращается в Малую Азию в г. Никею, где он пробыл два года, обращая многих язычников в христианство и совершая чудеса, разрушая языческие святилища и прорицалища и создавая церкви (**§ 15–20**).

После Никеи апостол прибыл в Никомедию и Калхедон и далее, плывя по Понту Эвксинскому, посетил Гераклею Понтийскую и Амастриду, а оттуда по реке Парфений достиг эмпория Харака. После он опять прибыл в Синопу, а после в Залих (**§ 27**) и Лазику в Неокесарии. Затем Андрей достиг Самосаты и отправился в Авазию (Абхазию), где вступил в Севастополь великий (Севаст; сейчас Сухуми). Оставив Симона и некоторых из своих учеников, он удалился в Зикхию (**§ 30**), где проживают зикхи, «...по нравам варвары...» (**§ 30**). Оттуда Андрей направился в Верхнюю Сугдею.

«Оставив их (сугдеев), он достиг города Босфора (Пантикапея), лежащего по ту сторону Понта Эвксинского, близ земли тавро-скифов (груз. житие – тавро-гуннов), недалеко от Меотиды (Азовского моря). Здесь есть ковчег с надписью имени Симона Зелота (Зилота), лежащий в основании великого храма св. апостолов. Другой ковчег с надписью Симона Кананита находится в Никопсисе Зикхийском (Епифаний – 244 В: «...и он с мощами...»). (Епифаний: «(Босфор, т.е. Пантикапей) город приморский... Видя чудеса, совершаемые апостолом, босфоряне скоро уверовали... Они показали нам ковчег, с надписью имени апостола Симона, содержащий в себе мощи и дали нам часть их»).

Посеяв в Босфоре слово божественное, богоносный Андрей удалился в соседний с Босфором (Пантикапеем) город Феодосию (Епифаний: «Февдесию»), управляемый царем Савроматом[2], густо населенный греками, известный философами...» (**§ 30**).

«Оставив Феодосию, апостол прибыл в Херсон (Херсонес), город Скифии... Пробыв в Херсоне (груз. житие: «город готов Херсонес») много дней, божественный апостол снова вернулся в г. Босфор (Пантикапей) и там, взойдя на скифское судно (Епифаний – «корабль херсонесский»), отплыл в пределы Евксинского Понта. Оставшись недолго в Синопе, он утвердил (ее) жителей (в вере)..., поставил им епископом одного из своих учеников, Филолога и удалился так плывя близ берега Понта (Евксинского) и по обычаю утверждая церкви, он достиг Византия (с середины первой половины IV в. – Константинополь)» (**§ 31**).

[1] Святой апостол Андрей (в русской традиции с эпитетом Первозванный), один из 12-ти апостолов, родился в Вифсаиде. После смерти Иисуса Христа он отправился с проповедью в восточные страны и прошел Малую Азию, Фракию, Македонию, Скифию и Причерноморье. (По древнерусской легенде, апостол Андрей пошел вверх по Днепру и поднялся до местоположения будущего Киева – см. Нестор. «Повести временных лет»: 3). Затем Андрей отправился в Рим и вновь вернулся во Фракию. Апостол принял мученическую смерть в г. Патры, где в 62 г. по приказанию проконсула Эгеата был распят. В 357 г. мощи апостола были перевезены в Константинополь и положены в храме Святых Апостолов. В 1208 г. его мощи были перевезены в Италию и положены в кафедральном храме в Амальфи. В 1458 г. честная глава св. Андрея была перенесена в собор св. Петра в Риме.

[2] Появление апостола Андрея на Боспоре, скорее всего, могло произойти в период правления боспорского царя Котиса I (годы правления – 45/46–67/68 (?)) или, в крайнем случае, Рескупорида I (68/69–91/92 гг.). Царь Боспора Савромат I правил в 93/94–123/124 гг. Этот период охватывает время четырех римских императоров – последние годы правления Домициана (81–96 гг.), правления Нервы (96–98 гг.) и Траяна (98–117 гг.) и начало правления Адриана (117–138 гг.). Исходя из того, что апостол Андрей был казнен в 62 г. или даже позже, он не мог застать этого правителя. К тому же нет никаких данных о его синхронности пребывания на Боспоре с епископом римским св. Климентом, сосланным в Херсонес при императоре Траяне.

Русский перевод:

Петровский С.В. 1897–1898. Сказания об Апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью. Очерк из истории древ-

нехристианской литературы // ЗООИД. Тт. XX–XXI. С.29–148.

Литература

Васильевский В.Г. 1909. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидонян // Труды. – СПб. Т. 2. Вып. 1.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА, ЕПИСКОПА ГОТИИ

(Βιος του οσιο πατρος ημων Ιωαννου επισκοπου Γοτθιας)

(Автор неизвестен, возможно, анонимный таврийский монах).

«Тогдашний епископ Готии, призванный к созванному тогда собору (иконоборцев) против святых икон... и подписавший (решение собора), был поставлен базилевсом (или василевсом, т.е. византийским императором) в митрополиты в провинции Ираклии Фракийской» **(§ 1)**.

В 758 г. православные жители Готии (Таврии), выступая против иконоборческой политики Константинополя, избрали себе в пастыри епископом преподобного Иоанна[1], после его возвращения из Иерусалима, где он «обозревал все святые места» (**§ 2**).

После его избрания жители Готии отправляют Иоанна в Иберию «...к кафолическому (католическому, т.е. всеобщему) патриаршему престолу, и рукоположенный там в епископы он сохранил невредимыми догматы ортодоксальной (православной) церкви...» (**§ 2**).

В царствование императрицы Ирины[2] Иоанн Готский посетил Константинополь «...и, смело, с полною свободою побеседовав со всеми (пастырями) о почитании святых икон... снова возвратился к своим (в Готию)» (**§ 3**).

После этих событий был созван собор в Константинополе в храме Святых Апостолов (август 786 г.) «...и, когда они (участники собора) провозглашали догматы православия, толпа схолариев (преторианцев), сделав нападение с мечами и палками (на собравшихся там), разогнали этот собор». За это императрица Ирина приказала выслать их (противников собора) «с женами и детьми..., а с ними и некоторых из еретиков-епископов (т.е. иконоборцев)» (**§ 4**).

Спустя некоторое время, эти же епископы, чей собор был прежде разогнан, собрались в Никее (787 г.), где они «...изложили определение православия» (**§ 4**).

После упомянутых событий «...преподобный епископ Иоанн… вместе с самим народом (крымскими готами) был выдан (Константинополем) начальникам хазаров... так как вместе с владетелем Готии (он) стоял за то, чтобы страною их не владели... хазары» (**§ 5**).

Перед этим Каган (Хаган), отправив отряд войска, занял крепость Дорос[3], «...оставив в ней вооруженную стражу...», которую изгнал оттуда преподобный епископ Иоанн.

После захвата Готии хазарами, епископ Иоанн был заключен под стражу в темнице Фул, но вскоре он спасся оттуда бегством и переправился морем в г. Амастриду[4] (**§ 5**).

Прибыв в Амастриду, Иоанн Готский преставился, еще находясь на корабле. Тело преподобного отца было положено в гроб и с почестями «...с курением фимиама и восковыми свечами...» отправлено на судне обратно в Готию «...к парфенитам (жителям Парфенита)[5], в свой монастырь, по имени Святых Апостолов, и там был погребен» (**§ 6**).

«Сей монастырь преподобный украсил всякого рода благоустроенными зданиями, священною утварью и разными книгами и наполнил его множеством преподобных иноков» (**§ 6**).

[1] Иоанн Готский, епископ Готии, жил во время правления византийских императоров Льва III Исавра (Исаврянина) (с 717–741 гг.) и Константина VI (780–790 гг. и 790–797 гг.). Родом он был из Таврии (византийская провинция в Крыму), «земли тавроскифов», из эмпория Парфенитов. Отец Иоанна был родом из Воноса (Боноса) – мыс и местечко возле понтийского Полемония – и служил кандофором (свеченосцем, который шел впереди иерарха во время религиозной службы или процессии).

[2] Ирина базилисса, армянка по происхождению, мать императора Константина VI, правила в 790 г. и в 797–802 гг.

[3] Дорос – это, возможно, Мангуп.

[4] Амастрида (Амастрис) – город в Пафлагонии в Малой Азии.

[5] Парфенит, древнее местечко, находящееся на левой стороне подошвы г. Аюдаг, вероятно, получившее такое название от храма, бывшего на этом месте и посвященного Деве Марии (Παρθενος).

Русский перевод:

Никитский А. 1883. Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готфии // ЗООИД. Т. XIII. С.25–34.

Греческий текст: Bollandi. Acta Sanctorum. 1744. Mensis Junii. Tom. V, sub die 26. Editio Veneziana. Volum V. P.151.

Литература

Васильевский В.Г. 1878. Русско-византийские отрывки. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. Ч. CXCV. Январь. С.86–154.

ЕВСЕВИЙ ПАМФИЛ КЕСАРИЙСКИЙ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ (ок. 260–339 гг.)

Церковный писатель, историк. Был учеником мученика Памфилия в Кесарии. В 313 г. стал епископом в Кесарии. Находился при дворе Константина I. Кроме «Церковной истории», написал ряд теологических сочинений, а также панегирик «Житие императора Константина».

Euseb. Hist. Eccl.

Кн. III, гл. 1, § 1:

«Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повеству-

ет предание, выпала по жребию Парфия, Андрею – Скифия, Иоанну – Азия».

Кн. III, гл. 4, § 9:

«Климент, собрат и сподвижник (апостола) Павла, по его свидетельству, был третьим римским епископом (после апостолов Петра и Лина)».

Кн. III, гл. 34:

«В третий год царствования (т.е. 100 г. н.э.) упомянутого императора (Траяна) Климент, епископ римский, скончался, передав свое служение Эваресту[1]».

[1] По понтификальному списку Ватикана, первыми папами были: Петр (33–ок. 67); Лин (ок. 67–ок. 76); Анаклет I (Клет) (ок. 76–ок. 88); Климент I (ок. 88–ок. 97).

Русский перевод:
Евсевий Памфил. 1993. Церковная история. М.
Литература
Словарь античности. 1989. М.

ИЕРОНИМ СТРИДОНСКИЙ (ЕВСЕВИЙ СОФРОНИЙ) (347–30.09.419 или 420 гг.)

Отец Церкви. Родился в Стридоне (Далмация). Происходил из богатой христианской семьи, учился в Риме, был учеником грамматика Элия Доната. В 375–378 гг. жил отшельником в Халкидской пустыне близ Антиохии, затем в качестве священника отправился в Рим. В 382–385 гг. был советником папы Дамаса. В 386 г. Иероним поселился отшельников в Вифлееме и основал там ряд монастырей. Кроме латыни Иероним хорошо владел греческим и еврейским языками. Он сделал новый перевод Библии с еврейского и греческого на латынь (Vulgata). Иероним также перевел много теологических трудов Оригена и оставил большое литературное наследие как эпистолярного характера, так и теологические и исторические работы.

(В сборнике использованы выдержки из двух его сочинений: **«Письма»** и **«О знаменитых мужах»**).

Epist.:

«Холодная Скифия согрета огнем веры».

De vir. illustr. 131:

«Феотим[1], епископ из города Том в Скифии (Скифская епархия в Мезии[2]), опубликовал краткие, афористические трактаты в форме диалогов в старинном стиле. Мне известно, что он пишет сейчас другие книги».

[1] О нем упоминают церковные историки Сократ Схоластик и Созомен Гермий (см. ниже).

[2] Любопытный материал предоставляют раскопки в некрополе города Одессос (совр. Варна в Болгарии), который находился по соседству со Скифской епархией, имевшей свой епископат в городе Томах. Здесь была обнаружена в 1978 г. богатая каменная гробница, датируемая II–III вв. н.э. В ней среди разнообразного инвентаря находился золотой перстень, на щитке которого были вырезаны две греческие буквы: Α и Ω (это буквы из новозаветной фразы в Апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова (1:8): «Εγω ειμι το Α και το Ω» («Ego sum Α et Ω»; т.е.: «Я есмь начало и конец всего сущего»). Датируется перстень II в. н.э. (возможно, начало III в.). В гробнице был найден серебряный динарий императора Траяна, правившего в конце I – начале II вв. Кроме того, там были обнаружены остатки папирусного свитка, завязанного веревкой (Минчев 1981: № 17(32), 65, № 7, табл. IV, 1, 69). Эта находка свидетельствует о распространении христианства в Одессосе в первые века н.э. Об этом сообщают и письменные источники (Минчев 1981: 69; Инокентий: 1–4; Същият: XIV, 1–7). Из них явствует, что в городе Одессосе находился епископат и что он был центром епархии провинции Фракия. Однако в гробнице находились и другие перстни с геммами-вставками, изображающими бюсты языческих богинь Деметры и Афины, а также шишечка – символ Диониса. Свиток папируса мог носить как и новозаветный текст, так и тексты орфического, гностического или магического содержания. Надо учитывать и то, что в период раннего христианства, когда оно только распространялось, новообращенные христиане все еще оставались по своему духу язычниками и пользовались всевозможными амулетами с изображениями богов и демонов, а также магическими заклятиями.

Русский перевод:
Иероним Стридонский. 1999. О знаменитых мужах // Подвижники. Вып. 2. Самара.
Литература
Инокентий, арх. Св. апостол Амплий, първи варненски епископ // Материали за историята на Варна. Т. VI. С.1–4.
Минчев А. 1981. Гроб с богат инвентар от римския некропол на Одесос // Известия Национального музея Варны. № 17(32). Варна. С.64–74.
Словарь античности. 1989. М.
Същият. Св. апостол Карп, втори варненски епископ // Материали за историята на Варна. Т. XIV. С.1–7.

АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ (АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ или ЕГИПЕТСКИЙ). СЛОВО О ВОПЛОЩЕНИИ БОГА СЛОВА И О ПРИШЕСТВИИ ЕГО К НАМ ВО ПЛОТИ (ORATIO INCARNATIONE VERBI) (295–373 гг.)

С 328 г. являлся самым знаменитым из александрийских епископов. За свою ортодоксальную антиарианскую позицию пять раз изгонялся римскими императорами-арианами. Его богословские сочинения являются важнейшим источником по истории Церкви IV в. Апокрифическое произведение Афанасия «Жизнеописание Антония Великого» («Vita S. Antonii») служило примером для подражания последующим поколениям агиографов и сыграло большую роль в распространении идей и форм монашества (особенно в Западной Европе). Для хронологии также важны найденные 13 праздн-

ничных писем Афанасия в сирийском переводе. Кроме того, ему приписывалось большое количество фиктивных сочинений.

(§ 50) «Кто из людей мог когда-либо обойти столько стран, быть у скифов, у эфиопов, или у персов, или у армян, или у готов... к народам, преданным волшебству (т.е. колдовству и магии), сверх меры суеверным нравами, и везде проповедовать добродетель, целомудрие, восставать против идолослужения? Общий же всех... Господь наш Иисус Христос, не только проповедовал через учеников Своих (т.е. апостолов), но и убедил сердца людей отложить свирепость нравов, не почитать более отеческих богов, познать же Его Единого, и через Него научиться чествовать Отца».

Русский перевод:
Святитель Афанасий Александрийский. 1995. Творения. Т. I. М.

ДИДИМ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ
(ок. 310 – ок. 395 гг.)

Дидим, по прозвищу «Слепой», родился в Александрии. Находился во главе александрийской катехетической школы. Написал сочинения: «О Троице» в трех книгах (Περι Τριαδος), «О Святом Духе» в 63 главах (сохранился только латинский перевод Иеронима Стридонского De Spiritu Sancto), «Против манихеев» (Κατα μανιχαιων) и др.

Migne. PG. XXXIX, col. 1038.
De Spiritu Sancto, cap. 5

«Однако ведь не все апостолы отправились одинаково ко всем народам, но некоторые в Азию, некоторые в Скифию...»

ИОАНН ЗЛАТОУСТ (ХРИСОСТОМ)
(ИОАННЪ ЗЛАТОГЛАГОЛИВЫЙ)
(ΙΩΑΝΝΗΣ Ο ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΣ)
(ок. 350 – 14.09.407 гг.)

Очень плодовитый автор. Происходил из знатной антиохийской семьи, изучал риторику у Либания. Первоначально готовил себя к карьере адвоката. Приняв крещение, стал монахом. С 381 по 397 гг. был священником в Антиохии. В 397/8 гг. принял сан патриарха Константинопольского. Обличением пороков императорского двора приобрел многочисленных недоброжелателей, среди которых была и императрица Евдоксия. Его борьба за власть с александрийским патриархом Теофилом окончилась тем, что в 403 г. он был низложен и спустя год сослан в Малую Армению (в Кукузу). Умер в ссылке близ Команы. Благодаря заступничеству Западной Церкви его останки были захоронены в Константинополе в 438 г. (при папе св. Сиксте III, понтификат 432–440 гг.). Златоуст – автор множества проповедей, панегириков, псалмов, превосходных в риторическом отношении. Прозвище Златоуст (Хрисостом) он получил за свое красноречие в VI в.

Contra lud. et gent. 12, 830:

«...воздвигнут алтари истинному Богу повсюду – в стране римской, в Персии, в Скифии, в Мавритании, в Индии...».

Ep. 193. Ad diac. Theoduli[1]:

«...Как ни усердно люди (ариане), желающие запятнать готские церкви, стараются достигнуть своей цели, проникая всюду, – вы свое дело делайте по-прежнему.

...Постарайся же... поусердствуй, позаботься всеми силами, и сам, через других,... не допускать туда смятения и волнений... Непрестанно просите человеколюбивого Бога, чтобы Он прекратил постигшие нас ныне бедствия и подал церкви полный и глубокий мир... Употребите все меры как-нибудь замедлить дело».

[1] Письмо написано в Кукузе, месте ссылки Иоанна Златоуста, в 404 г.

Ep. 194. Ad monach. Goth.[2]:

«...Я узнал, какие притеснения, какие козни, какие искушения, какое оскорбительное обхождение вы испытываете... Сколько вы показали терпения, мужества, твердости, искреннего и горячего расположения к нам, непреклонности, неизменности и непоколебимости в своем образе мыслей... Мы постоянно от всей души заботимся о вас... Благодарю вас также за то усердие, с каким вы постарались не допустить в готскую церковь никакого смятения и дело отсрочили... Все вы согласно затруднились принять в настоящее время это предложение. Старайтесь и впредь, сколько от вас будет зависеть, как сами непосредственно, так и через других, через кого только будет можно, отложить дело до срока.[3]».

[2] Письмо написано в Кукузе в 404 г. к готским монахам, находящимся в имении Промота (под Константинополем). Промота (Προμωτος) – имя собственное некоего константинопольского вельможи. Палладий в жизнеописании св. Иоанна Златоуста упоминает о Марсе, вдове Промота, враждебной святителю. Возможно, что готские монахи-миссионеры имели свой монастырь на ее земле.

[3] Дело, о котором упоминает Иоанн Златоуст, – это его отлучение и осуждение официальной церковью (см. биографическую заметку). Оно должно было быть признано и готской церковью, т.к. готские миссионеры состояли в ведении константинопольского епископата и патриарха Арсакия (Арсасия, управлял церковью с 404–405 гг.), преемника Иоанна Златоуста на патриаршем престоле. Но это отлучение против святителя в готских церквах, им основанных, и между христианами, обращенными им к вере, могло повредить распространению ортодоксального христианства между готами-арианами.

Орудием исполнения данного отлучения должны были послужить лица, уже известные готской церкви, которые своим образованием обязаны были незаконно отлученному архипастырю.

Готские монахи в Константинополе и его окружение терпели разного рода притеснения за их приверженность св. Иоанну Златоусту, чтобы они поскорее отправились к готам для продолжения своей миссионерской деятельности и для того, чтобы официально огласить там отлучение их просветителя.

Св. Иоанн Златоуст образовал в Константинополе общество монахов из готских уроженцев, которые под его руководством подготавливались к миссионерской деятельности среди готов. С этой целью готские монахи занимались изучением Священного Писания и упражнялись в проповеди слова Божьего на готском языке. Некоторые из подготовленных им миссионеров приобрели своими трудами известность среди готов и значение в готской церкви.

Русский перевод:

Святитель Иоанн Златоуст. 1991; 1994. Полное собрание творений. Т. I(1), IV(2). М.

XXVIII КАНОН IV ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА В ХАЛКИДОНЕ (451 г.)

КОММЕНТАРИИ К XXVIII КАНОНУ ВИЗАНТИЙСКИХ КАНОНИСТОВ ЗОНАРЫ И БАЛЬСАМОНА

IV Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г., осудил александрийское монофизитство и антиохийское несторианство, в связи с чем был принят догмат о двух естествах Иисуса Христа в одной ипостаси. Также собор признал первенствующую роль Константинопольского патриархата.

Иоанн Зонара (Ioannes Zonaras). Византийский чиновник, живший в первой половине XII в., впоследствии монах, автор «Сокращенной истории» «Επιτομη ιστοριων» (*«Epitomae historiarum»*), посвященной событиям от сотворения мира до 1118 г. Занимал должности друнгария виглы (*drungarius viglae* – начальника императорской гвардии) и протасикрита (προτασηκρητος – первый секретарь императорской канцелярии). Позже он принял иноческий постриг на одном из уединенных островов близ Греции. Также Зонара являлся юристом, канонистом и догматистом.

Теодор Бальсамон (Феодор Вальсамон; Theodorus Balsamon). Жил в последней половине XII в. Родился в Константинополе. Первоначально служил диаконом патриаршей церкви в Константинополе, позже пребывал в должности номофилакса и хартофилакса (νομοφιλαξ, χαρτοφιλαξ – юрист и архивариус, начальник канцелярии) патриарха, а также игуменом Влахернского монастыря. В период правления Исаака Ангела он был возведен на Антиохийский патриарший престол, но пребывал в Константинополе из-за крестоносцев, удерживавших тогда Антиохию.

Canon XXVIII:

«Поэтому только митрополиты (μητροπολιτας) областей понтийских (διοικησεως ποντικης), асийских (ασιανης) и фракийских (θρακικης), и также епископы у варваров (βαρβαρικοις) вышеупомянутых областей, да будут поставлены от вышеупомянутого святейшего престола (αγιωτατον θρονον) святейшей Константинопольской Церкви (κωνσταντυνουπολιν αγιωτατης εκκλησιας): каждый митрополит вышеупомянутых областей, с епископами области (επαρχιας) должны ставить (χειροτονουντος) епархиальных епископов (επαρχιας επισκοπους), как предписано божественными правилами (θειοις κανοσι). А сами митрополиты вышеупомянутых областей должны быть поставлены константинопольским архиепископом…»

Commentarii:

Zonaras:

«На константинопольского епископа правило возлагает рукоположение епископов для иноплеменных народов (βαρβαρικοις), живущих в указанных областях, которые есть аланы и россы; ибо первые принадлежат к понтийской области, а россы к фракийской».

Balsamon:

«А под епископствами у иноплеменников (βαρβαρικοις) понимай Аланию, Руссию и другие; ибо аланы принадлежат к понтийскому округу, а россы к фракийскому» [1].

[1] В этом пассаже канонисты, скорее всего, имеют в виду области, подчиненные Константинопольской кафедре, куда входили Скифская и Готская епархии. Возможно, под россами здесь понимаются мезийские готы или западные славяне, а под аланами – крымские готы.

Русский перевод:

Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. 1877. М. С.243–249.

АЛЬЦИМ ЭКДИЦИЙ АВИТ (ALCIMUS AVITUS) (460–525 гг.)

Происходил из сенаторской фамилии в Оверни. В 490 г. получил епископскую кафедру и занялся литературной деятельностью. Из дошедших до нас произведений известны его письма и стихи. Приводимый ниже фрагмент из эпитафии, посвященной Мартину, не принадлежит Авиту, а по ошибке ему приписывается. В корпусе MGH эпитафия дана в приложении к сочинениям Авита.

СТИХОТВОРНАЯ ЭПИТАФИЯ МАРТИНУ ДУМИЙСКОМУ В ЦЕРКВИ (VERSUS MARTINI DUMIENSIS IN BASILICA. MGH Auct. antiquiss. – T. VI2. – 1883. – P. 195. – № XXII):

«Ты, Мартин[1], принимаешь под благочестивым союзом Христа огромные и разнообразные племена: Аламанн, Саксонец, Торинг, Паннонец, Руг, Склав (Sclavus), Нара, Сармат, Дан, Острогот, Франк, Бургундион, Дак, Алан радуются под твоим руководством».

[1] Мартин сначала был аббатом Думийского монастыря, находившегося близ впадения Соны в Рону, а затем епископом города Бракара в северо-западной Испании. Умер в 580 г.

Русский перевод:
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. (SC). Т. II. Вып. 2. С.432.

ИОРДАН. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДЕЯНИЯХ ГЕТОВ (GETICA) (VI в.)

Готский историк. Происходил из знатного рода. Имел духовный сан (сначала принял монашество, а после, вероятно, стал епископом в Кротоне). Автор «О происхождении и деяниях римлян» («De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum» или «Romana») и «О происхождении и деяниях гетов» («De origine actibusque Getarum» или «Getica»).

Iord. Get. 267:

«Были еще и другие готы, которые называются Малыми (Gothi minores), хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфила[1], который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они прибывают в Мезии, населяя местность вокруг Никополя[2], у подножия Эмимонта».

[1] Вульфила (Vulfila, Wulfila или Ульфила, Ουλφιλος, Ulfilas), готский епископ (311–383 гг.). По свидетельству Филосторгия (Philostorg. Hist. Eccl. II 5), он был потомком каппадокийских христиан, захваченных готами. Вульфила провел молодость в Константинополе. Стал христианином и был направлен на проповедь христианства к придунайским готам. Он был посвящен в епископы Святым Иоанном Златоустом (Хрисостомом) и, по другим версиям, стал прелатом Готской епархии в г. Дорос в Крыму. Вульфила знаменит изобретением и введением в практику готской азбуки, а также переводом Библии на готский язык.

[2] Никополь – город в Нижней Мезии.

Русский перевод:
Иордан. 1960. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.

ФЕОДОРИТ, ЕПИСКОП КИРСКИЙ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ (390–457/466 гг.)

Отец Церкви. Родом из Антиохии. Ученик Иоанна Златоуста и Феодора Мопсуэстийского. В 423 г. стал епископом в Кирре в Малой Азии. Вел борьбу против монофизитов. Активно занимался литературной деятельностью. Оставил много сочинений апологетического, догматико-полемического, экзегетического и исторического содержания, а также проповеди и письма. Основные труды: «Исцеление языческих болезней» («Graecarum affectionum curatio»), «История монашества» («Historia religiosa»), «Собрание вымыслов еретиков» («Haereticarum fabularum compendium») и «Церковная история» в пяти книгах («Historia Ecclesiarum»), в которой описаны события 393–457 гг. Ок. 444 г. им написано изложение подвигов известнейших восточных аскетов: «История боголюбцев или аскетическая жизнь»).

Theodor. Hist. Eccl.

Кн. IV, гл. 35:

«...Бретаннион[1]... правивший городами всей Скифии[2]... обличал Валента[3] в искажении догматов и в беззакониях относительно святых».

Гл. 37;

«...Когда готы перешли р. Истр (Дунай) и заключили с Валентом мир... Евдоксий внушал императору убедить их (готов), чтобы они вступили с ним в общение; ибо этот народ давно уже озарился лучами богопознания и воспитывался в их апостольских догматах (т.е. в христианской религии)[4]».

Кн. V, гл. 34:

«...а оттуда[5] хотели перевести (Иоанна Златоуста) в Питиунт[6], на пределы Понта и Римской империи, на границу с самыми дикими варварами...»[7]

Гл. 30:

«...скифский народ (готы) опутан ересью арианства[8]...»

Иоанн Златоуст будучи Константинопольским патриархом, «...поставив единоплеменных им (готам) пресвитеров, дьяконов и чтецов... уделил им одну церковь (церковь Святого Павла)... и сам... часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом понимавшего тот и другой язык (греческий и готский) толмача, да и умевших говорить по-готски побуждал делать это же».

Гл. 31:

Иоанн Златоуст, «...узнав, что некоторые алчущие (веры) скифы (т.е. готы), стоявшие тогда лагерем при (реке) Истре (Дунае), жаждут спасения, но не имеют никого, кто принес бы им воды, Иоанн отыскал мужей с ревностью к апостольским трудам и отправил их к скифам (готам)».

В своем послании к анкирскому епископу Леонтию «...он (Иоанн Златоуст) извещает его об обращении скифов (готов) и просит послать людей (церковных пастырей), способных руководить ими».[9]

[1] Бретаннион (Вретаннион), епископ г. Томы, был главой всех церквей провинции Малая Скифия (район Верхней Мезии в устье Дуная, т.е. современная Добруджа) и единственным представителем от нее на Вселенских Соборах. Эта первая Скифская епархия была основана в г. Томы (современная Констанца в Румынии). Она обслуживала христиан, живших в Мезии (территория современной Румынии), а также проживавших вдоль Эвксинского Понта (Черного моря) между Днестром и Днепром.

Обличения Бретанниона относятся к 396 г. (372 г.?), когда Валент приезжал в г. Томы.

[2] Имеется в виду Западный Понт (западное побережье Черного моря; ныне территория Румынии).

[3] Валент Флавий (годы жизни 328–9.08. 378 гг.), римский император-арианин. Был соправителем своего брата Валентиниана I. Правил восточной частью империи. В 367–369 гг. он победил готов на Нижнем Дунае. В 377 г. вестготы подняли восстание против римлян. Валент, не дождавшись вспомогательных частей Грациана, вступил с ними в бой, но потерпел поражение и был убит. Валент был последним римским императором, поддерживавшим арианство.

[4] С христианством в районе Подунавья готы впервые столкнулись в середине III в.

[5] Из г. Кукуза в провинции Малая Армения.

[6] Питиунт, город севернее современного Сухуми на западном побережье Грузии.

[7] Сообщение о ссылке Святого Иоанна Златоуста в 407 г.

[8] Ересь, названная по имени александрийского пресвитера Ария (ум. в 335 г.), утверждавшего, что Сын Божий Христос не Бог, а лишь творение (т.е. имеет тварную сущность) Бога-Отца. Отсюда получалась неоплатоническая Триада ступенчатого понижения эманации божественных сущностей (Единое – Нус – Душа; у Ария: Бог – Сын – Святой Дух) в отличие от ортодоксального понимания Троицы теологами Святым Василием Великим и Святым Афанасием Александрийским, как Единства в трех Лицах. Это учение вызвало ожесточенные богословские споры в христианской Церкви. В 325 г. арианство было признано Никейским Вселенским Собором еретическим. Арий был отлучен от Церкви. Несмотря на это, арианство долго продолжало существовать в Римской империи, особенно среди готов. Первый епископ готов Вульфила проповедовал христианство в арианской форме. В 497 г. франкский король Хлодвиг отдал предпочтение католической (т.е. всеобщей, ортодоксальной) форме христианства. После этого арианство полностью утратило свое значение.

[9] Вполне возможно, что остготы, циркулировавшие между бассейнами рек Днепра, Днестра и Дуная, переходя через р. Истр (Дунай) в Нижнюю Мезию, принимали христианство арианского толка. К тому же, не исключена миссионерская деятельность духовных лиц из Скифской епархии (провинция Мезия) в Северном Причерноморье, а также и через Готскую епархию в Таврии (Крым). Эти две довольно крупные епархии не могли не контролировать степной коридор Причерноморских степей, расположенный между ними в зоне старых античных центров и наводненный готами, стремившимися переселиться на территории, входившие в упомянутые епархии. Кроме того, Рим и Константинополь использовали эти епархии как опорные пункты по распространению ортодоксального (католического) христианства на Северном Понте и в обеих Скифиях.

Migne. PG. T. LXXXII, col. 1464:
Φιλοθεος ιστορια η ασκητικη ποδιτεια:

26. Симеон (Столпник):
«Знаменитый Симеон, великое чудо вселенной, знают все подвластные Римской державе; его узнали и персы, и мидяне, и эфиопы, слава (о нем) проникла и к кочевым скифам...»

Русский перевод:
Феодорит епископ Кирский. 1993. Церковная история. М.

СОЗОМЕН ГЕРМИЙ. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ
(Εκκλησιαστικη ιστορια**)**

Созомен по прозванию Σαλαμινιος происходил из Палестины. Адвокат в Константинополе. Ок. 444 г. написал «Церковную историю» в 9 книгах, охватывающую время с 324–423 гг.

Кн. II, гл. 6:
«...(христианская) религия проникла даже и к варварам. Уже использовали христианскую веру племена, (жившие) по Рейну, кельты и крайние галаты, живущие по побережью океана, а также готы и (племена), жившие раньше по соседству с ними по берегам реки Истра (Дуная), давно уже приняв веру во Христа, изменили (свои обычаи) на более кроткие и разумные...»

Кн. IV, гл. 16, 24.
Здесь упоминается некий боспорский епископ, который в 358 г. участвовал в Никомедийском соборе.

В другой главе упоминается епископ готов Ульфила.

Кн. VI, гл. 21, 37.
«Говорят, что скифы (Скифской епархии в Мезии)... устояли в своей прежней (ортодоксальной) вере. Этот народ имеет много городов, селений и укреплений. Столицей его служит Томея (Томы)... Здесь и поныне господствует исконный обычай (*см. Soz. VII, 19*) иметь одного епископа церквей всего народа. В то время во главе их (церквей) стоял (епископ) Бреттанион[1].

Преследуемые (гуннами) готы перешли на римскую землю и, переправившись через реку, отправили посольство к императору (Валенту) с обещанием быть на будущее (время) союзниками... Во главе этого посольства стоял епископ (готского) народа Ульфила (311–383 гг.)... Все (готское) племя придерживается верова-

ний ариан: ведь и Ульфила, бывший в то время их священнослужителем, сначала... не отступал от католической (ортодоксальной) Церкви. Но когда он (снова) прибыл в Константинополь, то... вступив в рассуждение о догматах с представителями арианской ереси и получив обещание содействовать перед императором в делах его посольства, если он будет веровать одинаково с ними, – он под влиянием необходимости или... признав лучшим так думать о Боге, вступил в общение с арианами и оторвал себя и весь (свой) народ от католической Церкви... Он (Ульфила) дал множество доказательств своей доблести, подвергшись бесчисленным опасностям за веру в то время, когда названные варвары были еще язычниками. Он первый изобрел для них азбуку и перевел священные книги (на свой) родной язык. Такова причина того, что почти все (живущие) по Истру варвары держатся арианства».

Кн. VII, гл. 19, 26:

«...Скифы, жившие во многих городах, все имеют одного епископа; а у других народов иногда епископы посвящаются и в поселках...[2]

... В это время церковью Томеи и прочей Скифии (Скифская епархия) управлял скиф Феотим, муж воспитанный в философии.[3] Говорят, что он постоянно носил длинные волосы, в каковом виде первоначально стал заниматься философией, и был воздержан в образе жизни; для принятия пищи он не имел одного определенного времени, а ел или пил тогда, когда чувствовал голод или жажду. Мне кажется, философу свойственно и эти потребности удовлетворять по мере необходимости, а не по изнеженности».

Кн. IX, гл. 9:

Здесь упоминается епископ готов Сигесарий, которым был крещен Аттал.

[1] Бреттанион был сторонником ортодоксального христианства. Он не поддался уговорам императора Валента присоединиться к приверженцам арианства в 369 г.

[2] Этот обычай готов Скифской епархии сохранялся до описываемого времени, свидетельствует *Nicet. Chon. Thes. orth. fid. V, 5.*

[3] Феотим (Теотим) – один из древнейших епископов в Северном Причерноморье, родом славянин. Известен также как церковный писатель. Епископство его в Томах относится к 390–412 гг. Упоминание о нем см. у *Hieron. De vir. illustr. 131.*

СОКРАТ СХОЛАСТИК. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(Εκκλησιαστικη ιστορια**)**

(ок. 380 – после 439 гг.)

Церковный писатель родом из Константинополя. Принадлежал к состоятельному сословию и получил прекрасное классическое образование. Он был сведущ в грамматике, риторике, библейской экзегезе, отлично знал греческих и латинских авторов. Сократ, возможно, был связан с юриспруденцией.

(События, описанные в «Церковной истории»: 380 – после 439 гг.)

Socr. Schol. Hist. Eccl.

Кн. II, гл. 41:

«Это исповедание[1] в первый раз тогда принято и епископом готов Ульфилой (Вульфилой)[2]...»

Кн. IV, гл. 33:

«Варвары, живущие по ту сторону Дуная (к востоку от него в Северном Причерноморье) и называющиеся готами... сделались христианами, ибо Фритигерн[3], желая отблагодарить своих благодетелей, и сам принял веру императора (Валента; т.е. арианство), и других убедил к тому же. Вот отчего и теперь много готов, преданных арианской ереси; они приняли ее тогда из благодарности к императору. В то же время готский епископ Ульфила изобрел и готские письмена, перевел божественное Писание на готский язык[4], расположил варваров учиться божественному слову... Ульфила учил христианской вере подданных не только Фритигерна, но и Атанариха[5], так Атанарих... за нарушение отечественной (языческой) веры подверг многих христиан (из готов) казням, а потому некоторые из арианских варваров сделались тогда мучениками».

Кн. VI, гл. 12:

«...епископ Скифии[6] Феотим...»

Кн. VII, гл. 46:

«...новацианский[7] епископ в Скифии... (Марк)».

[1] Никейский символ веры принятый на Первом Вселенском Соборе в г. Никее в 325 г., осудившем арианство.

[2] О нем см. выше в примечании к Иордану.

[3] Вождь остготов.

[4] Об этом см. в примечании к Иордану.

[5] Вождь вестготов.

[6] Имеется в виду Малая Скифия (см. выше в примечании к Феодориту).

[7] Направление в ранней христианской Церкви, образованное от имени римского епископа Новациана (Новатиана) (III в. н.э.), который после преследования христиан при императоре Деции (250–251 гг.) был выдвинут антипапой группой христианских общин, противодействовавших возвращению в Церковь тех, кто отступился от веры во время гонений. После его смерти порожденные новацианским расколом секты продолжали существовать в Италии, Галлии, Испании, Северной Африке и на Востоке.

Русский перевод:

Сократ Схоластик. 1996. Церковная история. М.

Литература

Сократ Схоластик. 1996. Церковная история // Примечания. С.311–312.

ЕВАГРИЙ СХОЛАСТИК. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ (Εκκλησιαστικη ιστορια) (род. ок. 535 г.)

По происхождению был из Сирии (г. Епифания). Получил хорошее образование. Вел светскую жизнь и занимал государственный пост при императорском дворе.

Описывает в своей истории события до византийского императора Маврикия включительно.

Evag. Schol. Hist. Eccl.
Кн. II, гл. 11:

«После этого Тимофея[1] осуждают на ссылку, причем и ему приказано жить в городе гангарцев».

Кн. IV, гл. 23:

«Тот же писатель (Прокопий) рассказывает, что обитатели Танаиса, – а Танаисом туземцы зовут пролив, идущий от Меотидского болота (Азовское море) в Эвксинский Понт, – просили Юстиниана, чтобы он прислал к ним епископа. Юстиниан заботливо исполнил их просьбу и с великим удовольствием послал к ним иерея».

[1] Тимофей Элур (ум. 31 июня 477 г.), александрийский патриарх (457–460 гг. и 475–477 гг.), был монофизитом. «Элур» (αιλουρος – кот) – прозвище, данное ему ортодоксами за его ловкие интриги против Протерия, александрийского патриарха до него. До патриаршества, будучи монахом, вел аскетический образ жизни, истязая себя. Тимофей был сослан в Гангару (некоторые переводчики заменяют ее на Херсонес) в 460 г., несмотря на заступничество Аспара. Поскольку он продолжал вести свою пропагандистскую деятельность, в 464 г. его по приказу императора Льва I отправили в Херсонес, где он оставался до воцарения на патриаршем престоле Александрии епископа Тимофея Василиска или Салофакиала в 475 г.

Русский перевод:
Евагрий. 1854. Церковная история // Христианские чтения.

ЗАХАРИЙ РИТОР. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

Zach. Rhet. Hist. Eccl.
Кн. IV, гл. 11:

«Тимофей, переведенный из Гангры в Херсон (Херсонес)[1], продолжал писать послания против Халкедонского Собора».

[1] Об этом также смотри у Феофана (Theoph. Chronogr: 112).

ИОАНН НИКИУССКИЙ. ХРОНИКА

Ioan. Nicius. Chron.
Гл. LXXXVIII:

«Патриарх же Тимофей по прибытии в Александрию был схвачен и препровожден в место, именуемое Гангра[1], и его заставили жить там».

[1] А. Зотенберг переводит «Херсонес» (Zotenberg: 118).

Текст и английский перевод:
The Chronicle of John, bishop of Nikiou. 1916. London. (Trans. by R.H. Charles).

ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ. ИСТОРИЯ ФРАНКОВ (538–594 гг.)

Франкский историк и писатель. Происходил из знатной галло-римской семьи. С 573 г. становится епископом г. Тура. Написал «Историю франков» (охватывает события от сотворения мира до 591г.), «Церковную историю», «Жития святых» и др.

Greg. Tur. Hist. Franc.
Кн. I, § 27:

«При нем (Траяне) пострадал блаженный Климент, третий епископ Римской Церкви».

Русский перевод:
Григорий Турский. 1987. История франков. М.

ВИГИЛИЙ. ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ВИГИЛИЯ ВАЛЕНТИНИАНУ, ЕПИСКОПУ ТОМИЙСКОМУ (В ОБЛАСТИ СКИФИИ) (Epistola Vigilii papae. Ad Valentinianus episcopum Tomitanum provinciae Scythiae)

Римский папа с 29.03.537 г. по 7.06.555 г. Происходил из знатной римской семьи. Получил хорошее классическое образование. Будучи диаконом, заручился поддержкой базилиссы Феодоры (супруги императора Юстиниана) для избрания его на папский престол. После взятия Рима византийской армией под руководством полководца Велизария, Вигилий стал папой. После он вступил в конфликт с Юстинианом, отказавшись подписать его указ о «Трех главах» и принять участие в V Вселенском Соборе в Константинополе (II Константинопольский Собор) 553 г. На этом Соборе папа Вигилий был низложен и отправлен в ссылку. Умер в Сицилии, не доехав до Рима, 7 апреля 555 г.

(Период написания послания – 23 год правления императора Юстиниана).

Patrologia Latina. Ed. J.P. Migne. – T. LXIX:

«...Собрав тех, которые, как ты сообщаешь, соблазняются разными слухами, непрестанно увещевают, чтобы они не были обольщаемы теми, кто, скрывая нечестивейший дух под видом католического (всеобщего), стараются уловить своим коварством сердца простых христиан..., желают возмутить вверенную тебе Церковь разными лживыми сочинениями... Мы считаем нужным попросить вас, брат, и о том, чтобы больше не принимали писем от упомянутых прежде Рустика и Севастиана[1], или от тех, кто окажется участниками их гнусной дерзости, а также и о том, чтобы ты увещевал всех, принадлежащих к твоей юрисдикции (ad tuam pertinentes ordinationem commoneas), чтобы они или не читали ничего, доставленного от вышеупомянутых лиц, или же не доверяли легковерности их лжи».

[1] Сторонники указа императора Юстиниана о «Трех главах». Послание написано по поводу дела по указу Юстиниана о «Трех главах» («*De Tribus Capitulis*»), который заочно осуждал в несторианской ереси участников IV Халкедонского Вселенского Собора епископов Феодора Мопсуэстского, Феодорита Кирского и Иву Эдесского, живших в середине V в. и к периоду появления данного указа давно умерших. Папа Вигилий в этом вопросе стоял на нейтральных позициях за единение Западной и Восточной Церквей. V Вселенский Собор, проходивший в Константинополе (II Константинопольский Собор) в 553 году постановил, что, поскольку по своим убеждениям эти епископы несториане, то их утверждения против монофизитов недействительны. На нем также был осужден заочно и учитель Церкви Ориген. Следовательно, исходя из этого послания, можно сделать вывод, что епископы Скифии находились в двойственном положении по поводу постановлений этого Собора, так как были осуждены авторитетные служители Христа, к тому же уже давно почившие. Вигилий, как и многие другие на западе (к примеру, папа римский Лев I Великий), считал, что нельзя осуждать давно умерших служителей.

Русский перевод:

Задворный В.Л. 1997. История римских пап. Том. II. М. 113–117.

ФОТИЙ, ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ. ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ (ок. 820 – ок. 893 гг.)

Византийский ученый и политик. Как Константинопольский патриарх (занимал патриарший престол в 858–867 гг. и 878–886 гг.), оспаривал примат папства. Крупный энциклопедист и антиковед. Составил среди прочего «Библиотеку» («Мириобиблион»), в которой излагалось содержание, отрывки и критические суждения о 280 прозаических древнегреческих произведениях. Фотий является создателем лексикона.

(Время написания «Окружного послания»: 858–867 гг.)

Photius Epistola 35. – Patrologia Graeca. Ed. J.P. Migne. – T. CII. – col. 736:

«...так называемые русы... променяли эллинское и нечестивое учение[1]... на чистую и неподдельную веру христианскую. И до такой степени в них разыгралось желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря, лобызают верования христиан с великим усердием и ревностью».[2]

[1] Т.е. язычество. Византийские авторы считали славян скифами и отсюда их религию эллинской по традиции античных авторов (начиная с Геродота), указывавших на греческое (эллинское) влияние на религию скифов (культы Зевса, Ареса, Геракла, Афродиты и Ахилла).

[2] События 867 г., после вторжения россов в Константинополь. Перед этими событиями в 860 г. святые Кирилл и Мефодий посетили Хазарию в период правления византийского императора Михаила III и патриарха Фотия. При помощи епископа Георгия в Херсонесе они открыли мощи св. Климента епископа римского и взяли часть их с собой. В 867 г. Кирилл и Мефодий предстали перед папой римским Адрианом II с частью этих мощей.

Русский перевод:

Ловягин Е. 1882. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. Ч. II. С.424–425, 432–436.

ИОАНН КАМЕНИАТ. ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ

(Ιωανου κληρικου και κουβουκλεισιου του Καμενιατου εις την αλωσιντης Θεσσαλονικης**)**

Никаких данных об этом авторе нет. Известно только, что он был монахом, клириком и кувуклисием.

(События хроники относятся к середине X века).

Cam. 9.

«С тех пор как купель божественного крещения обратила скифское[1] племя и ему, наравне с христианами, уделено от млека благочестия...»

[1] Скифами византийские историки и хронисты называли готов, гуннов, славян и болгар. О. Тафрали указывал, что македонские славяне были крещены в VIII в. У Камениата нет ни малейшего намека относительно того, когда именно произошло крещение; из текста можно лишь видеть, что оно было завершено к тому времени, о котором рассказывает Камениат, т.е. к концу IX в., что соответствует времени принятия болгарами христианства в 865 г.

Русский перевод:

Две византийские хроники X века. 1959. М.

Литература:

Две византийские хроники X века. 1959. М. Комментарий. С.225–226.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ
ВОЙНА С ГОТАМИ
(De bello gothae)

Прокопий из Кесарии (в Палестине) (годы жизни ок. 500 – после 565 гг.). Юрист и ритор из сенатской аристократии, секретарь византийского полководца Велизария, высший сановник и историк при Юстиниане I. Написал истории войн Юстиниана против персов, вандалов и готов (остготов) «Войны с персами, вандалами и готами» («De bello pers., vand. et goth.» в восьми книгах), панегирик строительной деятельности Юстиниана «О постройках» («Aedificiis», в шести книгах) и после смерти этого императора – «Тайную историю» («Arcana historia» или «Anecdota»). Прокопий критиковал политику Юстиниана и Феодоры с позиций старой сенатской знати. Считается предтечей поздней византийской историографии.

Procop. De bello goth.
Кн IV, гл. V, § 26–28:

«...Боспор[1], не так давно ставший подчиненным римлянам (византийцам)... город Херсон[2]... с давних пор тоже подчинен римлянам... Два других небольших города поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис[3], издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время[4]».

[1] Сегодня Керчь.

[2] Сегодня Севастополь.

[3] Фанагория.

[4] В позднеимператорское время, приблизительно с эпохи Константина I Великого, Херсонес был занят (с перерывами) отрядом императорских войск, а именно малым легионом баллистариев (см. Ростовцев 1907 // ИАК. Вып. 23. С.13).

Русский перевод:
Прокопий из Кесарии. 1950. Война с готами. (Пер. С.П. Кондратьева). М.

О ПОСТРОЙКАХ
(Περι των δεσποτου Ιουστινιανου κτισματων **или** Περι κτισματων)
(De aedificiis)

Procop. De aed.
Кн. III, гл. 7, § 10–17:

«**§ 10.** Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона[1], которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом (Азовское море), за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он (император Юстиниан I[2]) сделал их замечательно красивыми и крепкими.[3]

§ 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов[4]; император вернул его под власть римлян (византийцев).

§ 13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори[5], где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом[6], направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами (византийцами)...

§ 17. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов».[7]

[1] Бывшие греческие города Пантикапей и Херсонес (ныне Керчь и Севастополь).

[2] Юстиниан I Великий, византийский император, правил с 527–565 гг. Стремился восстановить в старых границах Римскую империю.

[3] Археологически известны, например, строительная надпись в честь императоров-соправителей Валентиниана и Грациана, датирующаяся между 370 и 375 гг. и надпись о постройке стены при императоре Феодосии I и Аркадии, датирующаяся 383–393 гг. (см.: ИАК. Вып. 1. 1901. С.56–59).

[4] Гунны захватили, разграбили и разрушили Боспор в конце IV в.

[5] Область Дори с центром Дорос на юго-западе Крыма.

[6] Теодорих Великий (годы жизни 454–526 гг.). С 471 г. – король (rex) остготов. По приказу императора Зенона воевал против короля вестготов Одоакра. После взятия Равенны основал в Италии относительно независимое от Византии государство остготов.

[7] Данные сведения Прокопия косвенно указывают на влияние Византии и ортодоксального (православного) христианства в Готской епархии в Крыму, где под влиянием готов распространялось арианство (арианский толк христианства; *см. сноску «Арианство» в Церковных источниках первой части свода*). Учитывая заботу Юстиниана об укреплениях Боспора и Херсона, можно сделать вывод о важности этой территории для Константинополя как опорного пункта против варваров и распространения ортодоксального христианства к северу от Эвксинского Понта. Кроме того, по археологическим данным известно, что при Юстиниане в Крыму также много строилось христианских базилик. Как известно, с конца V в. и особенно в VI в., при Юстиниане, начался процесс массовой христианизации местного зависимого населения по всему Крыму. Имеются неоднократные сообщения древних писателей о ссылке в Херсонес в IV и V вв. мятежных светских и духовных сановников. В 460 г. в Херсонес был сослан александрийский патриарх, поборник монофизитства, Тимофей Элур. Кроме того, известно, что папа римский Мартин I был сослан монофизитами в Херсон (Херсонес) в мае 655 г., где умер в апреле 656 г. и был похоронен в церковном мартирии. В его корпусе писем есть сообщения о пребывании в ссылке в Херсоне (Martinus Papa. Migne. PL: t. 87, col. 203). По-видимому, на Боспор (в Пантикапей) христианство проникло раньше, чем в

Херсон (Херсонес). Это связывают с пленниками-христианами, выведенными из Малой Азии (Каппадокия) во время готских походов III в. Уже в IV в. на Боспоре, как и в Херсоне, несомненно существовала христианская община. Однако основная масса местного населения еще оставалась языческой. С конца V в. и особенно в VI в., при Юстиниане, начался процесс массовой христианизации местного населения по всей Таврии. Это была важная политическая задача Византии в Крыму. С VII–IX вв. в Готской епархии распространяется ортодоксальное православие и большая сеть монастырей, включая и пещерные монастыри. Монахи-иконопочитатели бежали в Крым в период иконоборческих гонений. Видный представитель иконопочитания, византийский игумен Феодор Студит сообщает о монастырях в Крыму (русский перевод: Феодор Студит. 1907. Творения. Т. II. С.554).

Русский перевод:

Прокопий. 1939. О постройках. (Пер. С.П. Кондратьева). // ВДИ. № 4. С.203–283.

Литература:

Айналов Д.В. 1916. Мемории св. Мартина и св. Климента в Херсонесе // Древности ТМАО. Т. XXV.

Кулаковский Ю. 1914. Прошлое Тавриды. СПб. С.56–57.

Мартин Ю.Ю. 1913. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников // ЗООИД. Т. XXXI.

Шестаков С.П. 1908. Очерки по истории Херсонеса VI–X вв. М. Прим. 1.

Шкорпил В. 1900. Три христианских надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. // ЗООИД. Т. XXII.

Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. М.–Л.

Источники:

Мищенко Н.В. 1934. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. // Изв. ГАИМК. Вып. 91.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ФЕОФАНА

(Χρονογραφια συγγραφεισα εκ προσταγματος Κωνσταντινου του φιλοχριστου δεσποτου και αυτοκρατορος**)**

(Theophanes continuatus)

(вторая половина IX – середина X вв.)

«Хронография» Продолжателя Феофана – плод творчества не одного, а по крайней мере трех или четырех авторов. Составитель I–IV книг анонимен. Возможно, он был одним из ученых секретарей Константина VII Багрянородного. V-ю книгу составляет «Жизнеописание Василия». Согласно лемме, предваряющей его, оно было составлено императором Константином Багрянородным. Время составления этих книг – период единовластного правления вышеупомянутого императора (945–959 гг.). VI книга, вероятно, была написана двумя разными авторами и доведена до 961 г. Возможно, редактором свода или автором отдельных его частей являлся известный деятель X века, мистик (доверенный секретарь) императора Константина VII Багрянородного, эпарх Константинополя Феодор Дафнопат.

Theoph. Cont.

Кн. IV, 33:

«Потом набеги росов – это скифское племя, необузданное и жестокое, которые опустошили ромейские земли, сам Понт Эвксинский предали огню и оцепили город. Михаил в то время воевал с исмаилитами. Впрочем, насытившись гневом Божиим, они (росы) вернулись домой – правивший тогда (византийской) церковью Фотий[1] молил Бога об этом (чтобы росы ушли из Константинополя) – а вскоре прибыло от них посольство в царственный город (Константинополь), прося приобщить их к Божьему крещению. Что и произошло[2]».

[1] Фотий – патриарх константинопольский с 847–858 гг.

[2] События после попытки россов захватить Константинополь. Сообщение о посольстве русских (неизвестно каких) и их крещении вскоре после 860 г. достаточно неопределенно. В связь с ним можно поставить лишь сообщение Фотия в послании 867 г. о том, что племя россов приняло христианство (PG 102: col. 36–737).

Theoph. Cont.

Кн. V, 97:

«Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он (император Василий I[1]) также склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием[2] архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестил и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому Завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи (*Даниил 3:13 сл.*), не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину рекшего: «Если что попросите во имя Мое, то сделаю» (*Иоанн 14:14*) и «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит (*Иоанн 14:12*), когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения души», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога (*Втор. 6:16*), но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры хри-

стианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: «Прославь имя Твое (*Иоанн 12:28*), Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени», – и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти запоров книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению».[3]

[1] Василий I Македонянин, византийский император. Правил с 866–886 гг.

[2] Игнатий, патриарх константинопольский с 847–858 гг.

[3] Описываемые события произошли после вторжения россов в Константинополь ок. 874 г. Речь идет здесь о крещении россов, происшедшем более чем за столетие до официального принятия христианства на Руси. Любопытно, что византийские авторы, «не заметившие» крещения 989 г., довольно подробно, хотя и весьма сбивчиво, повествуют об этом первом крещении. Помимо нашего автора, об этом событии упоминает в окружном послании также патриарх константинопольский Фотий. Оба эти свидетельства рождают много вопросов. Во-первых, когда состоялось это первое крещение, при императоре Михаиле III и патриархе Фотии, как следует из послания последнего, или же при императоре Василии I и патриархе Игнатии, как сообщает Константин VII Багрянородный? Во-вторых, какая именно Русь имеется в виду? По последнему поводу высказываются два предположения: это может быть Киевская Русь или же так называемая Приазовская Русь. Ф. - Дэльгер датирует это событие около 874 г. (Doolger 1924: No. 493).

Письменные источники сообщают, что христианство постепенно стало проникать на Русь в середине IX в. Так, один из походов Руси на Константинополь в 860 г. во главе с киевским князем Аскольдом завершился миром с греками и крещением большей части дружины росов вместе с самим князем Аскольдом (Сахаров 1980: 60). Сведения про христианизацию Руси встречаются и в других письменных памятниках как византийских, так и древнерусских. В одном греческом письменном памятнике сообщается, что византийский император Василий I Македонянин в 866 г. послал архиепископа и просветителей Кирилла и Афанасия, которые крестили росов и ввели у них письменность из 30 букв (Истрин 1965: 456).

В начале 863 г., в самый разгар церковной борьбы Византии с Римом, духовная миссия из Константинополя двинулась в столицу Великоморавского княжества. Эту миссию возглавляли опытные дипломаты, братья Константин и Мефодий, происходившие из Фессалоники и с детских лет владевшие славянским языком. Миссия Константина и Мефодия имела колоссальные культурные последствия, выходящие далеко за пределы обычных дипломатических отношений: с деятельностью фессалоникских братьев связано создание славянской письменности. По-видимому, какие-то примитивные формы письменности существовали у славян до Константина (Константин-Кирилл). Никаких бесспорных свидетельств о существовании славянских книг до Константина нет. Однако серьезным аргументом в пользу существования славянских книг до Константина является рассказ «Жития Константина» о виденных им в Херсоне (древний Херсонес; византийский Корсунь) Евангелии и Псалтири, писанных «русскими письменами». Это свидетельство вызывало некоторые сомнения у ряда ученых (Львов 1960: X, № 4, 302–308). Во всяком случае, еще в середине IX в. болгарские надписи делались на греческом языке, а кроме того, по сообщению средневекового болгарского писателя Храбра, славяне пользовались греческой азбукой для записи своих слов. Константин еще до отъезда в Моравию разработал славянскую письменность и вместе с братом перевел на славянский язык ряд богослужебных текстов. Созданная им письменность была, скорее всего, глаголицей. Перевод с греческого языка ряда богослужебных книг положило начало формированию старославянского литературного языка, а просветительная деятельность братьев способствовала распространению грамотности у славян Моравии и христианства у восточных славян.

Положение фессалоникских братьев скоро изменилось к худшему. В августе 864 г. Людовик Немецкий вторгся в Моравию и Ростислав, осажденный в своей столице, принес клятву верно служить немецкому королю. Вскоре после этого Болгария стала союзницей Византийской империи и исчезла важнейшая причина византино-моравского союза. Правительство Михаила III перестало уделять моравской миссии внимание. По-видимому, у братьев родилась мысль просить поддержку папского престола.

В 867 г. произошли изменения в политической ситуации: и новый папа Адриан II, и новый император Василий I, готовы были к примирению. Константин и Мефодий прибыли в Рим, где Адриан II стал оказывать помощь моравской миссии. Он распорядился посвятить учеников Константина и Мефодия в священнический сан, а самого Мефодия в епископы и даже позволил несколько раз совершить богослужение на славянском языке в самом Риме. В феврале 869 г. в Риме Константин, постригшийся перед смертью в монахи и принявший монашеское имя Кирилла, умер. Мефодий же, получив официальное разрешение отправлять богослужение на славянском языке, уехал в Моравию. Адриан II, стремясь сохранить под своим контролем моравские земли, создал новую Паннонскую епархию и поставил во главе ее Мефодия как архиепископа Паннонии. Осенью 870 г. состоялся собор баварских епископов, где в присутствии Людовика Немецкого Мефодий был осужден и заключен во Фрейзингенский монастырь. В мае 873 г. папа поспешно отправил своего легата в Германию и добился освобождения Мефодия и восстановления его на архиепископском престоле (История Византии 1967: 200–202).

Таким образом, мы видим, что уже до официального крещения Руси в 988 г. туда проникали посылаемые Константинополем и Римом христианские миссионеры, которые способствовали подготовке язычников-славян к массовой христианизации. Для этого среди них находились и просветители в духовном сане, работавшие над созданием письменности, чтобы переводить Библию и бого-

служебные книги на славянский язык. Этими книгами могли пользоваться русы-христиане уже со времени Аскольда.

Надо отметить, что в договоре русов с греками 944 г. упоминается соборная церковь Святого Ильи в Киеве.

Русский перевод:

Продолжатель Феофана. 1992. Жизнеописание византийских царей. (Пер., статья, коммент. Я.Н.Любарского). СПб.

Литература:

Боровський Я.Є. 1991. Біля джерел східнослов'янської писемності // Археологія. № 2. С.69–75.

Брайчевський М.Ю. 1988. Утвердження християнства на Русі. Київ.

История Византии. 1967. Т. 2. М.

Истрин В.А. 1965. Возникновение и развития письма. М.

Лвов А.С. 1960. Някои въпроси от кирило-методиевската проблематика. // Български език. Т. X. № 4. С.302–308.

Левченко М. 1956. Очерки русско-византийских отношений. М.

Продолжатель Феофана. 1992. СПб. Прим. 88. 295; прим. 223. 309.

Сазанов А.В. 1991. Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. № 2. С.16–26.

Сахаров А.Н. 1980. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.

Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.

Doolger F. 1924. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Regesten von 505–1025. Berlin–Muunchen. Bd. 1. No. 493.

Rauch G. von. 1956. Frühe christliche Spuren in Rußland. // Saeculum. Vol. 7. No. 1.

Vlaslo A. The Entry of the Slavs into Christendom.

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ (De administrando imperio)

Константин VII Багрянородный (905–959 гг.), византийский император с 913 г., но фактически – только с 945 г. Долгие годы Константин провел в занятиях наукой и литературой. Он окружил себя учеными, которые занимались изданием компилятивных сборников произведений античных и ранневизантийских авторов. На основе древних источников Константин VII написал трактаты: «О фемах» (т.е. о провинциях Византийской империи: «De thematibus»), «Об управлении империей» («De administrando imperio») и большой сводный труд «О церемониях византийского двора» («De ceremonio»).

De admin. imp.

Гл. 9 (78Be):

«После того как пройдено это место, они (росы, следуя в Константинополь), достигают острова, называемого Св. Григорий[1]. На этом острове они (росы) совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб...»

[1] Остров Св. Григория – современный о. Хортица («Варяжский остров» по Вознесенской летописи). Наименование острова дано ему христианами, может быть уже русскими. Их было немало даже среди ближайшего окружения киевского князя Игоря, как об этом позволяет судить договор с греками 944 г.

Гл. 13, 160 (28rP):

«...Что булгары являются христианами и единоверцами нашими...»[1]

[1] Ко времени женитьбы Петра на Марии-Ирине Болгария, принявшая христианство из Византии в 865 г., была уже более 60 лет христианской державой.

Гл. 29, 65–80 (129Be/69rP–70rP):

«Помимо этого, большинство этих славян (в Далмации, т.е. хорваты, сербы и др.) не было крещено, и долгое время они оставались нехристями (abaptistoi). При христолюбивом василевсе Василии[1] они отправили апокрисиариев, прося его... чтобы некрещенные из них были крещены и они были бы, как и по началу, подвластными царству ромеев (т.е. Византии)... Василевс послал василика вместе с иереями и крестил их всех... После этого и они (неретвляне-«паганы», от лат. pagani – «язычники»), отправив послов к тому же... василевсу, просили, чтобы крестили и их; послов он (Василий I) крестил и их также[2]».

[1] Василий I Македонянин, византийский император (867–886 гг.).

[2] Неретвляне ненадолго признали власть Империи в 870 г. после того, как против них был направлен византийский флот. Поводом послужил захват ими папских легатов.

Гл. 30, 85–90 (145Be–86rP):

«...Они (хорваты) попросили Рим о Святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов[1]».

[1] В действительности крещение хорватов было осуществлено, очевидно, в начале IX в. миссионерами из Аквилейского патриархата. Ныне признано, что Порин и Порг – одно и то же лицо: хорватский князь Борна (ум. в 821 г.). Возможно, что в его правление и произошло крещение хорватов.

Гл. 31, 15 (89rP–149Be):

«Василевс Ираклий[1], отправив (посольство), приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов[2]».

[1] Ираклий, византийский император (610–641 гг.).

[2] Переработка хорватского предания о крещении. Недостоверность версии о крещении хорватов при Ираклии признается большинством исследователей. По данным археологии (особенности погребального ритуала), славяне Далмации в VII – начале IX вв. оставались в основном язычниками (см.

Belossevicc J. 1980. Materijalna kultura od VII do IX st. Zagreb. S.78–79). Согласно косвенным свидетельствам, могли иметь место лишь единичные случаи крещения хорватской знати. Так, папа Агафон (римский папа, 678–681 гг.) в 680 г. уведомлял Константина IV (византийский император, 668–685 гг.) о деятельности римских миссионеров среди славян, которых обычно идентифицируют с хорватами (Dvornik 1964: 90).

Гл. 32, 25–30 (94vP):

«Они (сербы) были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую[1]».

[1] Сообщение о крещении сербов, вероятно, при императоре Ираклии (см. выше), расценивается как свидетельство *первой фазы* распространения христианства у южных славян, связанной с деятельностью Римской Курии (иногда эту фазу датируют 642–731 гг.; см. Јиречек К. Историја: т. I., 98; Историја Црне Горе: књ. 1, 353). Следующую фазу христианизации сербов относят к 30-м или чаще 70-м годам IX в. (Историја Црне Горе: књ. 1, 353–354; Историја српског народа: књ. 1, 151).

Гл. 37, 60–65 (108rP–108vP):

«Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости (erhmokastra): первая крепость (καστρον πρωτον) названа пачинакитами (т.е. печенегами) Аспрон (Ασπρον), так как ее камни кажутся совсем белыми (δια το τους λιθους αυτου φαινεσθαι καταλευκους), вторая крепость Тунгаты (Τουγγαται), третья крепость Кракнакаты (Κρακνακαται), четвертая крепость Салмакаты (Σαλμακαται), пятая крепость Сакакаты (Σακακαται), шестая крепость Гиэукаты (Γιαιουκαται)[1]. Посреди самих строений древних крепостей (παλαιοκαστρων) обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике (εκκλησιων γνωρισματα τινα και σταυροι λαξευτοι εις λιθους πωρινους), поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение (ως Ρωμαιοι ποτε τας κατοικιας ειχον εκεισε)[1]».

[1] Название крепости Аспрон (Аспрокастра – Белая крепость) не связано с тюркским языком. Она означает в переводе с греческого «Белая» и идентифицируется с Белгородом-Днестровским (De administrando imperio. 1967. Vol. II. Washington. P.57). Название печенежских крепостей имеют тюркскую основу: Тун-катай, т.е. «мирная крепость»; Карак-катай, т.е. «сторожевая крепость»; Салма-катай, т.е. «патрульная крепость»; Сака-катай, т.е. «крепость на сваях»; Иайу-катай, т.е. «военная крепость».

Русский перевод:

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. (Пер., текст, коммент., под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева). М.

Литература:

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. М. Примечания. Под сноской текста источника. Прим. 51, С.327; прим. 19, С.391.

Dvornik F. 1964. Byzantium, Rome, the Franks and the Christianisation of the Southern Slavs // Cyrillo-Methodiane. Kooln–Graz.

ПОХВАЛА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ ФОКЕ[1]

Εγκωμιον εις αγιον ιερομαρτυρα Φωκαν

Агиографический источник, написанный во второй половине IV в. н.э. и приписываемый Астерию, епископу г. Амасии. Под его именем сохранилось 20 бесед. Святой мученик Фока являлся покровителем мореплавания и садоводства.

Migne. PG. XL, col. 313 a-c:

«И все, даже дикие скифы, как те, что обитают по ту сторону Евксинского Понта (Черное море), по соседству с Мэотийским озером (у античных авторов – Меотидское озеро или болото; совр. Азовское море) и рекою Танаидом (у античных авторов – Танаис; совр. Дон), так и те, что живут на Боспоре и вдоль побережья реки Фасида, все дориносят ветроградарю (садовнику)».

[1] Культ св. Фоки возник в IV в. и был связан с г. Синопой (Синопом; находился на севере современной Турции на побережье Черного моря, т.е. на берегу Южного Понта). Отсюда он проник в Херсонес (византийский Херсон, Корсунь). Это непосредственно указывает на проникновение христианства из Малой Азии.

Русский перевод:

Латышев В.В. 1898. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 гг. // МАР. Вып. 23. С.33.

ИОАНН СКИЛИЦА. ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИИ

Видный византийский чиновник конца XI в. Его труд «Обозрение истории» (Συνοψις ιστοριων) охватывает период 811–1057 гг. «Обозрение» сохранилось в многочисленных рукописях, но до сих пор еще не издано, поэтому историки пользуются «Обозрением истории» Георгия Кедрина, т.к. вторая часть его истории представляет собой почти буквальный пересказ труда Иоанна Скилицы.

Scyl. 240, 77–81:

«… (архонтисса) Эльга… прибыла в Константинополь. Крестившись и оценив истинную прелесть православной веры … с большими почестями возвратилась домой».

ФЕОФИЛАКТ БОЛГАРСКИЙ или ФЕОФИЛАКТ ЭФЕСТ (ГЕФЕСТ)
(Θεοφυλακτος Εφαιστος)
(THEOPHYLACTUS HEPHAESTUS)
ЖИТИЕ СВ. КЛИМЕНТА БОЛГАРСКОГО
(втор. пол. XI в.)

Феофилакт был родом из Еврипа (из города Халкиса, лежащего близ Еврипа). Служил в сане диакона Великой Церкви в Константинополе. Носил также титул ритора Великой Церкви (его также называли «учителем риторов»). Последние тридцать лет своей жизни (вступил на кафедру Болгарской Церкви где-то до 1078 г.) он пробыл в сане архиепископа Болгарской Церкви в Охриде. Скончался Феодорит в 1107 г. Написал толкования на пять малых пророков, Четвероевангелие, Деяния св. апостолов, на соборные послания апостолов, на послания св. апостола Павла. Также его перу принадлежат краткие рассуждения против ересей, «Рассуждение о том, в чем обвиняются латиняне», «Слово в неделю Крестопоклонную», «Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы», «Похвальное слово императору Алексею Комнину» и «О царском воспитании». Ему принадлежит и одно историческое сочинение «Слово о мученичестве тивериупольских мучеников» (о страданиях мучеников в царствование Юлиана Апостата). Также он оставил после себя более 130 писем, сообщающих ценную информацию о социально-политических и экономических делах в болгарских фемах и архиепископии, их взаимоотношений с Константинополем.

Ниже приводится фрагмент из жития св. Климента Болгарского, считающегося подложным. Для данного жития автор использовал материал двухсотлетней давности, хотя сам сочинитель представляет себя современником этого святого, скончавшегося в 916 г. (подобная ситуация характерна для житийной литературы). Епископ Климент был одним из тех, кто стоял во главе Болгарской Церкви в начале X столетия.

Theophylactus Hephaestus. Vita sancti Clementi. Migne. PG. T. CXXVI:

«Мефодий, который украсил епархию паннонскую (современные: Восточная Австрия, Венгрия, Северная Чехия и Словакия), будучи архиепископом моравским, и Кирилл... предавались поучительному слову, провозвещаемому на языке греческом... Но так как славянское племя, или же болгарское, не разумело Писаний, изложенных на языке греческом, то святые мужи (Мефодий и Кирилл)... изобретают славянские письмена, переводят боговдохновенное Писание с греческого языка на болгарский и стараются о том, чтобы ревностнейшим из своих учеников передать Божественное Учение».

Русский перевод:

Книга для чтения по истории средних веков (под ред. П.Г. Виноградова). 1903. Вып. II, ч. I. М. С.182–183.

Литература:

Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. 2000. Кн. I. М. С.5–18.

Gautier P. 1963. L'episcopat de Theophylacte Hephaistos, archeveque de Bulgarie // REB. XXI.

ADDENDA

ЗАПАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ

НИТХАРД
(NITHARD).
ИСТОРИЯ В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ
(HISTORIA)

Внук Карла Великого. Принял сторону Карла Лысого в междоусобной войне. В 840 г. был отправлен послом к Лотарю. Позже получил аббатство Сен-Рикье. Являлся членом комиссии по выработке условий Верденского договора. Погиб в сражении с норманнами в 845 г. и был похоронен в Центуле рядом с отцом.

Кн. IV, гл. 2:

«...Людовик был весьма озабочен тем, что норманны и славяне, как соседи саксов, могут вторгнуться с завоевательной целью в королевство и истребить в тех землях христианскую веру».

КСАНТЕНСКИЕ АННАЛЫ
(ANNALI XANTENAE)

Первая часть анналов написана клириком Гервардом. Он был придворным библиотекарем Людовика Благочестивого. Позже он вступил в Лоршский монастырь и, поселившись в Ганнеции близ Нимвегена, взял на себя управление землями, пожертвованными монастырю. Умер в 860 г. После 870 г. текст анналов был дополнен в Кельне неизвестным автором.

(868) «Народ болгаров, который до сих пор почитал ложных идолов, обратился к католической вере, когда он велел свершиться среди народа поразительным знамениям и чудесам (*Ps. 134:9; Act. 14:3*). Когда Николаем, высочайшим первосвященником и всеобщим папой города Рима, были посланы апостольские мужи, те (болгары) приняли (от них) проповедь Бога нашего Иисуса Христа и крестились».

МАТВЕЙ КРАКОВСКИЙ (MATTHAEUS, MATEUSZ). ПОСЛАНИЕ ЕПИСКОПА КРАКОВСКОГО МАТВЕЯ СВ. БЕРНАРДУ, АББАТУ КЛЕРВОСКОМУ[1]. «ОБ ОБРАЩЕНИИ РУССКИХ, КОТОРОЕ СЛЕДУЕТ ПРЕДПРИНЯТЬ» (ANNO 1130. MATTHAEI CRACOVIENSIS EPISCOPI EPISTOLA AD S. BERNARDUM ABBATEM CLAREVALLENSEM. DE SUSCIPIENDA RUTHENORUM CONVERSIONE)

Матвей, епископ краковский до 1143 г. (время вступления на епископскую кафедру) был схоластиком в Стобнице. На епископство в Кракове был поставлен князем Владиславом II. Умер в 1165 г.

Кодекс, содержащий это послание, был обнаружен в 1717 г. в Виндбергском аббатстве премонстрантов (Бавария) австрийским ученым Б. Пэзом.

(Время написания послания между 1143 и 1153 гг.)

«...и обычаи нечестивые и обряды русских (Ruthenorum) искоренить...

... Народ же тот русский... и веры правило православной (orthodoxae fidei regulam) и религии истинной установления не блюдет...

... (тот народ) не только в дароприношении Тела Господня (in sacrificio Dominici Corporis), но и в уклонении от брака церковного (repudiandis) и (взрослых) повторного крещения (rebaptizandis), а равно в иных Церкви таинствах колеблется.

Так заблуждениями различными (и) порочностью еретической от порога обращения своего (primordio suae conversionis) пропитанный, Христа лишь по имени признает, а по сути в глубине души отрицает.

Не желает упомянутый народ ни с латинской ни с греческой Церковью быть единообразным, но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет».

[1] Бернард Великий из Клерво (1091–1153 гг.), аббат в Клервоском монастыре (Франция), принадлежал к цистерианскому ордену. Один из организаторов и вдохновителей крестовых походов. Видный теолог католической Церкви. Противник Пьера Абеляра, французского монаха, философа, теолога и логика (1079–1142 гг.).

Русский перевод:

Щавелева Н.И. 1976. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «Обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М. С.113–117.

Литература:

Щавелева Н.И. 1975. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «Обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. С.117–121.

ГЕЛЬМОЛЬД СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА (HELMOLDUS PRESBYTERUS. CHRONICA SLAVORUM)

Гельмольд (род. ок. 1110/1117 – ум. после 1177 гг.) по происхождению немец. С 1156 г. пресвитер в Бузу на Плуньском озере (Вагрия; слав. Божово; ныне деревня Боссау в ФРГ). Являлся одним из ближайших сподвижников епископа Герольда. Хронологические рамки хроники: сер. VIII в. – 1171 г.

Кн. I, гл. 1:

«Давно уже обратилась в (христианскую) веру Русь. «Даны (датчане) называют Русь также Острогардом («Восточная страна») по той причине, что, будучи расположена на востоке, она изобилует всеми благами. Ее называют также Хунигардом, потому что на этих местах сначала жили гунны» (*Adam. Brem. Gesta. IV, 120*). «Главный город ее Хуэ» (*Adam. II, 22*. Хуэ (Chue), у Адама Chive – Киев). С помощью каких учителей пришли они (русы) к вере, об этом у меня мало сведений, кроме того, что во всех обрядах своих они, кажется, предпочитают больше подражать грекам (византийцам), чем латинянам (католикам). Ибо Русское море (Rucenum mare)[1] самым кратким путем приводит в Грецию (т.е. в Византию)».

[1] Можно допустить, что имеется в виду Ладожское озеро, по которому шел путь «из варяг в греки», но более вероятно, что Гельмольд называл так Балтийское море, подобно арабам, которые именовали его «морем русов и славян» (Бируни, XI в.).

Русский перевод:

Гельмольд. Славянская хроника. – М., 1963.

ФОМА СПЛИТСКИЙ. ИСТОРИЯ АРХИЕПИСКОПОВ САЛОНЫ И СПЛИТА (Inscipit istoria Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium)

Фома Сплитский (годы жизни 1200/01–1268 гг.) в начале 1220-х гг. учился в университете в Болонье. С 1228 г., по возвращении в Сплит, он исполнял должность городского нотария. В 1228 г. занял должность каноника сплитского капитула. В 1230 г. Фома был избран капитулом и клиром Сплита на вакантное место архидиакона. Он не раз отстаивал интересы Сплита перед венгерскими королевскими особами. В 1230-е гг. Фома находился в центре движения за укрепление в Сплите коммунального режима и был его лидером.

(Хроника начинается с событий в Далмации при Юлии Цезаре во время его войны с Помпеем Великим и доведена до 1266 г.).

Гл. III:

«Блаженный апостол Павел был первым, кто наполнил Христовым евангелием (земли)

от Иерусалима до Иллирика (Illiricum), однако сам он не пошел проповедовать в Иллирике, а послал своего ученика Тита, о чем он и возвещает Тимофею: «Крискент отправился в Галатию, а Тит в Далмацию» (*2 Tim. IV, 16*). Блаженный Тит, дойдя до земель Далмации и проповедуя здешним народам слово спасения, оставался там недолго...

А на его (Тита) место блаженный Петр, Верховный апостол, поставил своего ученика по имени Домний (Domnium), родом сирийца из Антиохии[1], чтобы тот продолжил проповедь слова жизни народам Далмации (Dalmatie populis), начатую Титом.

... (Апостол Петр) Домния назначил в Салону, бывшую столицей Далмации и Хорватии. Проповедуя в течение долгого времени именно в этом городе и многих по всей провинции (Далмации) удержав от языческого заблуждения, он собрал Христу немалую Церковь и принял там блаженную кончину, пролив кровь мученичества.

... Позже во времена гонений Диоклетиана и Максимиана[2] жил (в Далмации) другой мученик... звавшийся Домнионом (Domnionis). Но он был одним из постельничьих (cubicularius) тирана Максимиана... Но втайне он был христианином... Стоило ему объявить себя христианином, как ему, лишенному царских отличий, был бы немедленно вынесен смертный приговор... Блаженный Домнион, спасаясь от гнева тирана, поспешил бежать в Рим. (На Клавдиевой дороге) на него напали гнавшиеся по его следу императорские стражники, окружили его и, обнажив мечи, отрубили ему голову... Салонские граждане тайно вырыли тело блаженного Домниона (в Италии) как соименника блаженного (епископа) Домния и с большим благоговением поместили в Салоне... Тогда же возле Салоны принял мученичество за Христа блаженный Анастасий Аквилейский (Anastasius Aquilegensis)».

[1] Домний был епископом Салоны примерно в 284–304 гг. Согласно церковной традиции, Домний и Анастасий были казнены в Салоне при Диоклетиане в 304 г. и захоронены здесь же (Act. Sanct. 1863, Jan. T. II. P. 257–264. – P., 1739. Aug. T. IV. P. 407–409).

[2] Диоклетиан – римский император (284–305 гг.), Максимиан – его соправитель в 286–305 гг. Гонения против христиан были предприняты в 303–304 гг.

Гл. VII:

«И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными. Притом они были заражены язвой арианства. Многими они назывались готами (Gothi) и тем не менее это славяне (Sclavi)...»

Гл. XI:

«Между тем Верховный Понтифик (Summus Pontifex) направил одного легата по имени Иоанн, родом из Равенны[1], чтобы он, объезжая земли Далмации и Хорватии (Dalmatie et Chrovatie), просвещал христиан спасительными наставлениями... Тогда он принялся устраивать Церковь и клир, внедрять учение, проповедовать и с особой тщательностью исполнять дело пастырского служения. Обходя земли Далмации и Славонии (Slavonie), он восстанавливал церкви, поставлял епископов, распределял церковные приходы, мало-помалу склонял грубые народы к католическому учению (ad informationem catholicam attrahebat)[2]».

[1] Ряд ученых видит в Иоанне Равеннском крестителя хорватов. Они считают, что их крещение было осуществлено священниками из далматинских городов вскоре после появления хорватов на Балканах (так называемая «далматинская теория» крещения хорватов; см.: Barada M. Episcopus chroatensis: 164 et al.). Утверждение христианства у хорватов в качестве официальной религии произошло, очевидно, в IX в., причем на этот процесс оказывали влияние различные силы, прежде всего Рим, Византия и Аквилейский патриархат. Гипотезы о более ранней дате крещения хорватов опровергаются данными археологии (погребальный обряд; см.: Belossevicc 1980: 78–79). Однако, согласно косвенным данным, уже с VII в. далматинское романское духовенство играло активную роль в обращении в христианство представителей хорватской знати (см.: Наумов 1988: 70–99; Klaicc 1971: 84–86, 196–206). Согласно сообщениям Константина Багрянородного, хорваты получили крещение из Рима при «архонте» Порине (*Const. Porphyr. De admin. Imper. 30, 85–90 (145Be–86rP)*) или Порге (*Ibid. 31, 15 (89vP–149Be)*). Их идентифицируют с хорватским князем Борной (ум. в 821 г.). Традиция, приписывающая Риму крещение хорватов, известна в Римской Курии второй половины IX – первой трети X вв., признавалась и поддерживалась ею (Katiccicc 1986: Sv. 36, 11–44).

[2] Хроника Фомы – единственный источник, рассказывающий об Иоанне Равеннском. Исследователи не сомневаются в историчности фигуры Иоанна Равеннского, но предлагают различные датировки его деятельности в широком хронологическом диапазоне с VII до X вв.

Гл. XVI:

«...Было утверждено и установлено (на соборе всех прелатов Далмации и Хорватии), чтобы никто впредь не смел совершать божественных служб на славянском языке, а только на латинском и греческом, и чтобы никто из людей этого языка не выдвигался на священные должности.[1] Говорили, что готские (т.е. кириллические) письмена были придуманы неким еретиком Мефодием, который на этом самом славянском языке написал много ложного против учения католической веры; из-за этого, говорят, он был Божьим судом наказан скорой кончиной[2]».

[1] Собор состоялся при папе Николае II в 1059 г. или в 1060 г.

[2] Оценка, данная Мефодию, перекликается с за-

явлением папы Иоанна X (понтификат 914–928 гг.) по поводу распространения в Хорватии богослужения на славянском языке, имеющимся в материалах сплитского Церковного собора 925 г.: «И не дай Бог, если кто из верующих, почитающих Христа... найдет прибежище в учении Мефодия, решительно нам не известном из каких-либо писаний Святых Отцов» (HSM: 95). Негативный отзыв Фомы о Мефодии служит, между тем, свидетельством сохранения в далматинской среде памяти о деятельности солунских братьев. В течение какого-то времени представления о создании славянской письменности, основанные на этом воспоминании, видимо, сосуществуют с новыми, в которых роль изобретения глаголического алфавита начинает приписываться св. Иерониму.

Далматинские католические священники, сторонники старославянского богослужения, начиная с XII–XIII вв., приписывали святому Иерониму Стридонскому, Отцу Церкви, жившему в 347–419/20 гг., далматинцу, иллиру, следовательно, как они думали, славянину, изобретение глаголицы. Однако славяне покорили эти пределы сто лет спустя после смерти св. Иеронима. Эта легенда была санкционирована посланием папы Иннокентия IV (1248 г.). Того же мнения придерживались далматинские монахи глаголяши, приглашенные императором Карлом IV, королем Чехии в Прагу (Карл (Карел) I, король Чехии, 1346–1378 гг., граф Люксембургский, 1346–1353 гг., император Священной Римской империи как Карл IV, король Италии с 1355 г. и маркграф Бранденбургский с 1373 г.). В пражском глаголическом монастыре Эммаус почитание св. Иеронима – «просветителя славян» – было особенно сильно.

По просьбе Карла IV Иоанн Новифорензий, основатель чешского и немецкого гуманизма, написал житие знаменитого анахорета. В XVI в. в Риме, между замком Св. Ангела и Рипетте, где жило много южных славян, одна из церквей была перестроена и посвящена св. Иерониму. При церкви было основано братство, затем коллегиум св. Иеронима, ставший центром хорватского просвещения и благотворительности (Societas S. Hieronymi nationis Illyricorum). Предание о том, что Иероним изобрел глаголицу, поддерживали поколения далматинских гуманистов, начиная от известного сплитского поэта Марка Марулица (XV–XVI вв.). В Библиотеке Ватикана сохранилась фреска, изображающая св. Иеронима с раскрытой книгой, исписанной глаголическими буквами.

Русский перевод:

Фома Сплитский. 1997. История Архиепископов Салоны и Сплита. М.

Литература:

Наумов Е.П. 1988. Общественно-политические сдвиги в сербских и хорватских землях и христианская миссия на Балканах // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.

Belossevicc J. 1980. Materijalna kultura od VII do IX st. Zagreb.

Katiccicc R. 1986. Methodii doctrina // Slovo. – Zagreb. Sv. 36.

Klaicc N. 1971. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb.

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ИБН ХОРДАДБЕХ

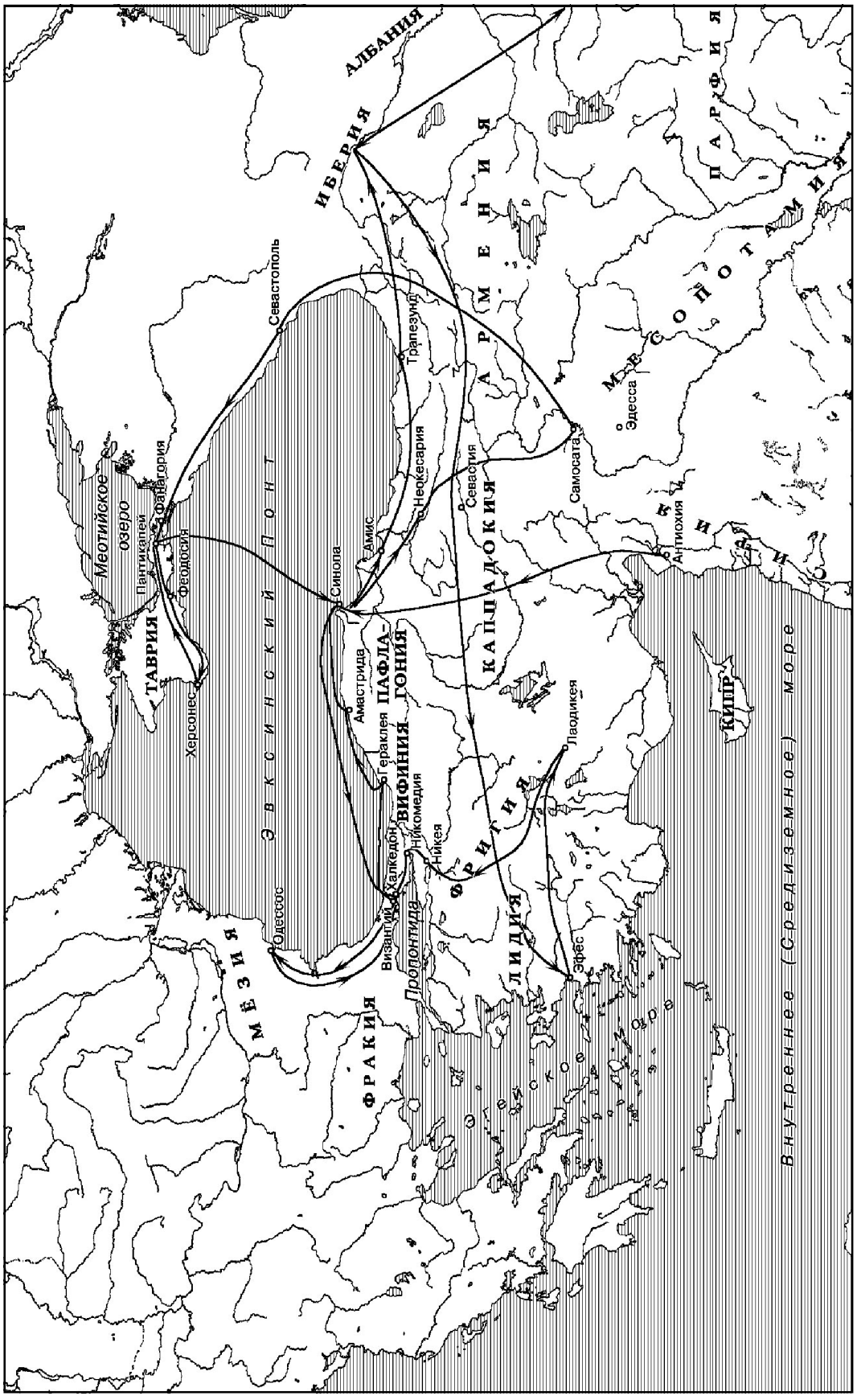
Сообщение о купцах-русах из сочинения арабского географа. Согласно новейшим исследованиям, данный отрывок написан в 80-е годы IX в.:

«Выдают они (т.е. купцы-русы) себя за христиан и платят джизию»[1].

[1] Арабские источники подтверждают реальность посольств князя Владимира к соседним державам по поводу выбора вероисповедания. В двух источниках идет речь про посольство русов в Хорезм и обращение их в мусульманство. Арабский ученый ал-Марвази (XI в.) и персидский писатель ал-Ауфи (XIII в.) в целом одинаково рассказывают, как русский князь Буламир (Владимир) прислал послов к хорезмшаху с целью выяснения преимуществ мусульманской веры. Хорезмшах будто бы обрадовался этому и послал на Русь своих проповедников, чтобы они научили русов законам ислама. А.П. Новосельцев считает, что в Хорезм прибыло то посольство, которое князь Владимир отправил в Волжскую Булгарию (Новосельцев, Пашуто, Черепнин, Шушарин, Щапов 1965: 387).

Русский перевод:

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. 1965. Древнерусское государство и его международное значение. М.



Карта-схема миссионерской деятельности св. апостола Андрея (сер. I в. н.э.)

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

М. Гойда

АРХЕОЛОГИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕХИЯ: УЧЕТ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ, РАЗВЕДКА ДРЕВНЕГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

M.Gojda. The Archaeology in the Czech Republic: Site Record and Protection, Reconnaissance of the Ancient and Historical Landscape.

The paper brings a brief survey of archaeology in the Czech Republic at the turn of the 20th century. It contains a set of information on the system through which sites and monuments in this country have been recorded, on the protection of this archaeological sites – both legislative and practical, on the system archaeological bodies in the country and also on the application of landscape projects. The non-destructivity principle of survey methods such as aerial reconnaissance or fieldwalking has been considered an important trend in recent developments of archaeological fieldwork. It has been noted that most of the archaeological institutes are focused on rescue and contract archaeology as a consequence of a boom in the construction and building activities since the beginning of the 1990.

Введение

Интерес к поиску и раскопкам стационарных археологических памятников, их учету и охране имеют на территории Республики Чехия (западная часть бывшей Чехословакии, исторические земли: Чехия и Моравия) давнюю традицию. Самые ранние сведения о выкапываемых из земли находках были зарегистрированы еще в конце XVII столетия просвещенным иезуитом Богуславом Бальбином, однако лишь начиная с эпохи чешского национального возрождения (примерно 1750 – 1850 гг.) можно говорить о расцвете широкого интереса к древнему и, в особенности, славянскому прошлому страны.

Значительную научную оценку вещественные источники получили благодаря перу основателя славистики Йозефа Добровского, который их роль в познании доисторической эпохи сравнил со значением письменных источников для изучения исторического периода. Выдающийся чешский историк XIX века, создатель первой концепции чешской истории Франтишек Палацки первым, в 1839 году, обратил внимание на необходимость охраны памятников материальной культуры ввиду их уникальности и невосполнимости, заложив этим основы традиции охраны национального культурного достояния.

С окончанием романтического (собирательского) периода интереса к раскопкам и доисторическим находкам, с приходом позитивизма, чешская археология становится важной составной частью исторических наук. В начале 40 годов XIX столетия при Национальном музее было основано археологическое общество. В 1850 году в Пражском университете начинают читаться первые лекции по археологии, а через 4 года выходит первый номер основного периодического издания чешской археологии Pamatky archeologicke, продолжающего выходить по сегодняшний день. Первая «научная» обобщающая работа по древней истории и славянскому периоду была у нас издана в 1866 — 68 годах (J.E.Vocel: Pravek zeme ceske «Древняя история земли чешской»). В первой половине XX столетия продолжает углубляться традиционное деление археологии на первобытную и славянскую. В духе так называемой Siedlungsarchäologie (Археология обитания) осуществляется поиск путей к отождествлению древних и раннесредневековых культур с этносами и племенами, упоминаемыми в письменных источниках. В славянской археологии это направление получает мощный импульс после 1945 года, с завершением нацистской оккупации, когда, как реакция на предшествующую немецкую пропаганду, предпринимаются целенаправленные усилия для того, чтобы археологическими исследованиями доказать высокий уровень культурного развития древних славян. После коммунистического переворота 1948 года, так называемая, славянская археология занимает место под солнцем всеобщего интереса, ее развитие щедро поддерживается господствующей элитой, а результаты обширных полевых исследований используются в идеологических и пропагандистских целях. Только в период нормализации, после

© М. Гойда, 2000.
© Перевод с чешского языка В.М. Бикбаева, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Пара городищ у с. Чейч (район Годонин), выявленная по растительным признакам. Темные линии указывают на оборонительные рвы, в настоящее время полностью нивелированные и на поверхности заметные только благодаря различиям в высоте, цвете и густоте пшеницы в период вегетации.

советской оккупации 1968 года, идеологическая роль археологии в Чехословакии заметно падает. Традиционная парадигма, которой археология часто подчинена и сегодня, состояла прежде всего, в стремлении поиска взаимосвязей между отдельными культурами и объяснении смены культур миграционными теориями. Основное внимание уделялось созданию типолого-хронологических схем.

В последнем десятилетии условия, в которых находится чешская археология, значительно изменились.

Гигантский рост строительной деятельности обусловил потребность в обширной, хорошо организованной сети охраны и спасения археологических памятников. Широкое применение в археологии нашли недеструктивные методы разведки, используемые, в особенности, в проектах ландшафтной (пространственной) археологии, компьютерная архивация данных полевых исследований и их аналитическая обработка с использованием географической информационной системы (GIS). Значительный отход от традиционных тем отмечен также в теоретической археологии, например, в сторону проблематики динамики расселения древних популяций, структурных изменений в заселении и их причин, символического значения культурного ландшафта, теории ареалов заселения и т.п.

Учет археологических памятников.

Наиболее развитой системой выявления стационарных археологических памятников (местонахождений, поселений) и полевых археологических исследований обладает на территории Чехии Институт археологии Академии наук Чешской республики (далее ИА). Его картотека и отдельные собрания, содержащие первичную информацию о памятниках и находках, включают примерно 80 тысяч сообщений-уведомлений и отчетов. Начиная с 1992 года эта информация заносится в компьютерную базу данных археологии. Эта база данных — Archeologicka databaze Cech — (ADC) пополняется преимущественно за счет систематически поступающих в Архив отчетов о полевых археологических исследованиях, сообщений-уведомлений о новых археологических исследованиях, включая раскопки, представляемых в стандартной форме отчетов. Такие сообщения-уведомления, уже начиная с 1960-х годов регулярно публикуются в сборнике «Vyzkumy v Cechach» («Исследования в Чехии»). На рубеже 80-90-х гг. таких уведомлений в форме кратких отчетов каждый календарный год поступало более 500. Другими источниками, за счет которых ADC продолжает непрерывно пополняться, являются уведомления за период с 1919 по 1992 годы. Полностью в ADC перенесены и данные из публиковавшихся сборников полевых отчетов, начало издания которых тоже восходит к 1919 году. Сюда также были переведены некоторые большие региональные базы данных, например, из Северо-западной и Восточной Чехии. ADC была задумана как первый шаг к созданию единой системы выявления археологических памятников на территории Чехии. Все локализованные памятники в ADC обозначены в пространстве согласно сети географических координат. Единая пространственная идентификация археологических местонахождений (PIAN) была введена уже в 80-е годы. Основной единицей этой базы данных является, так называемая Archeologicka akce (Археологическая акция) — любой вид полевой архео-

логической деятельности: разведки, раскопки, находка и т.п. — ведущей к получению археологической информации, как позитивной, так и негативной, осуществляемой конкретным автором (авторами), при конкретных обстоятельствах и ограниченной в пространстве и времени. Для заполнения и оперативного использования ADC была введена система, согласно которой каждое учреждение, предоставившее свою картотеку или базу данных полевых археологических исследований (археологических акций), имеет право на свободное использование ADC.

Вторая, наиболее обширная из существующих, база данных выявления и регистрации памятников находится в Институте охраны археологических памятников Северо-западной Чехии в г. Мост. В системе MC ACCESS в нее включено около 50 тысяч статей, содержащих сведения об археологических акциях на территории указанного региона начиная с самого раннего времени. Здесь также местонахождения даны в пространстве на карте, однако, в отличие, от ADC, не согласно занимаемой площади, а в виде отдельных пунктов.

Охрана археологических памятников.

Несмотря на растущее понимание необходимости охраны археологических памятников и проявление романтического интереса к ним в период национального возрождения в условиях многонациональной габсбургской монархии (частью которой были и чешские земли), определенная забота уделялась лишь историческим памятникам и памятникам искусства. Тем не менее, во второй половине XIX столетия в Чехии постепенно сложилось сообщество единомышленников, состоящее из любителей старины, сотрудников Венской центральной комиссии по изучению и сохранению памятников истории и искусства и Археологического общества при Национальном музее в Праге. Почти легендарную известность приобрела в середине XIX столетия раскопочная деятельность местного духовного отца Вацлава Кролмузе. Как ни странно, в период существования независимой Чехословакии (1918-1938) так и не был издан закон об охране памятников культуры, хотя еще в 1919 году в Праге был основан Государственный институт археологии, который вместе с Национальным музеем осуществлял деятельность по спасению находившихся под угрозой археологических памятников. Первые правовые нормы, касающиеся археологических памятников, их охраны и проведения археологических раскопок, появились лишь в период немецкой оккупации (во время так называемого Протектората Чехии и Моравии) в 1941 году. Только после освобождения страны в 1945 году первой послевоенной конституцией была провозглашена охрана памятников культуры государством.

Однако принципиальное значение стало иметь лишь издание в 1958 году Закона об охране памятников культуры номер 22, действовавшего почти на протяжении 30 лет. Этим актом впервые была обеспечена охрана всех категорий памятников включая археологические. Главным аргументом обоснования необходимости их правовой охраны было осознание невосполнимости утраты памятников и общественная заинтересованность в их сохранении. Кроме закона о памятниках, в особенности в отношении археологических объектов, разрушенных при строительной деятельности, стали важными закон 1976 года номер 50 и вышедший позднее, в 1981 году, закон номер 105 о документировании строек.

Рис. 2. Средневековая пашня вблизи с. Стружнице (район Ческа Липа): полосы приусадебной пашни лесной полевой деревни как типичное проявление так называемого апогея (немецкой) колонизации средневековой Чехии (XIII–XIV столетия).

Только в 1987 году вступил в действие новый закон о памятниках номер 20, действующий и в настоящее время. Он принес некоторые важные изменения в охране памятников, в особенности новые предписания, касающиеся археологических раскопок и находок. Согласно этому закону, археологические раскопки может осуществлять только Институт археологии Академии наук или так называемые уполномоченные организации (университеты, музеи, институты охраны памятников), которые имеют для такой деятельности кадровые и материальные предпосылки. Категорически запрещается проведение археологических раскопок частными лицами, обществами или кружками по интересам. Сообщить о найденных при земляных работах предметах обязаны как частное лицо, так и организация. Пока место выявления находки профессионально не осмотрит представитель Института археологии или уполномоченной организации (это следует сделать в течении пяти рабочих дней со дня уведомления о находке), продолжать строительные работы запрещается. Расходы на проведение спасательных археологических исследований обязан покрыть каждый, кто своей строительной деятельностью произвел разрушение скрытого под поверхностью земли памятника. Согласно закону номер 242 от 1992 года, введение которого как правовой нормы, было вызвано изменениями в общественно-политической системе в связи с падением коммунистического режима, археологические раскопки оплачивает строитель — юридическое или физическое лицо, предпринимательская деятельность которого привела к порче археологического памятника. Из формулировки закона вытекает, что, в отличие от закона номер 30 от 1997 года, физическое лицо не обязано оплачивать археологические раскопки, если работы по строительству не проводятся в рамках предпринимательской деятельности. В таком случае раскопки финансирует осуществляющая их организация.

На практике дело обстоит таким образом, что инвестор любой строительной деятельности обязан, в соответствии с законом, уведомить о предстоящих работах Институт археологии АН Республики Чехия, который на основании представленной документации проведет оценку возможности и размеров угрозы археологическому объекту в месте строительства и подаст предложение о заключении хозяйственного договора на археологическую проверку, а в случае необходимости — на предварительные и спасательные раскопки. Договор будет содержать спецификацию финансовых расходов на археологические работы (проверку, раскопки, документирование, обработку находок), которые покрывает инвестор. Поскольку спасательные археологические раскопки могут, кроме ИА, проводить и другие учреждения (вышеупомянутые уполномоченные организации), то на территории бывших краев возникли так называемые Археологические комиссии, состоящие из представителей всех археологических центров, действующих в соответствующем регионе. Их цель — сотрудничество с органами государственного управления и самоуправления и координирование при распределении больших строительных проектов между отдельными археологическими центрами.

Ещё в начале девяностых годов начались широкие дискуссии о необходимости совершенно нового закона о памятниках. Были созданы группы из профессионалов, в том числе археологические подкомиссии (созываемые с 1990 года Государственным институтом охраны памятников в Праге), задачей которых было согласование позиций всех заинтересованных сторон. Формулировка нового закона должна была выражать консенсус между специалистами различных отраслей, имеющих отношение к памятникам истории и культуры, с одной стороны, и между ними и предпринимателями, с другой. Несмотря на то, что предполагалось, что проект закона будет предложен для рассмотрения парламенту в течение второй половины девяностых годов, этого не произошло и по сегодняшний день. Сейчас предположительно можно говорить о том, что это может произойти в 2002 году или в 2003 году. Делу охраны археологической части культурного наследия особенно благоприятствует тот факт, что Республика Чехия в 2000 году ратифицировала международный правовой акт — так называемую Мальтскую конвенцию об охране археологических памятников. Успешное выполнение принятых на себя обязательств явно не будет безпроблемным, однако, в связи с тем, что, как раз в настоящее время правительство предпринимает усилия по быстрейшему вступлению страны в Европейский Союз, оно создаст для этого как можно лучшие условия.

В заключение этого раздела отметим, что, согласно действующему закону о памятниках, любые движимые археологические памятники (находки), добытые каким угодно путем, то есть, случайно или преднамеренными раскопками, являются народным достоянием и подлежат депонированию в коллекционирующих учреждениях, то есть в музеях. Частное лицо, следовательно, не может владеть ни отдельными археологическими предметами, ни их собранием. При этом, по закону, за сообщение о случайной археологической находке, нашедший имеет право на вознаграждение, либо в размере стоимости материала (если предмет из драгоценного металла), либо в размере до 10 процентов от его стоимости как культурно-исторической ценности, определяемой на основании заключения специалиста.

В настоящее время наибольшие проблемы, связанные с охраной археологических памятни-

ков, вызваны обширной деятельностью разведчиков — «кладоискателей», оснащённых самыми современными металлоискателями. Интересы последних нацелены на древние городища и места, где в прошлом были найдены клады золотых монет, ювелирных изделий, бронзовых орудий и т.п. Кажется, близится время кардинального решения этой проблемы, как на юридической основе (при нынешнем положении дел практически невозможно, если исключать случай проведения полицейской операции облавы на нарушителя в момент совершения преступления, изобличить преступника в нарушении закона о памятниках), так и практическими мерами. Наверное, не помешало бы использовать при решении этой задачи опыт других стран, где были развернуты специальные программы, рассчитанные на ориентирование нелегальных разведчиков на сотрудничество с археологами (например, Дании и Великобритании).

Сеть археологических учреждений

В Чехии традиционно действуют четыре типа археологических учреждений. Самым крупным и единственным археологическим центром был с момента своего основания (1919) до 1993 года Институт археологии в Праге (сперва как Государственный институт археологии, с пятидесятых до начала девяностых годов — составная часть Чехословацкой академии наук, ныне Академии наук Чешской республики). В его задачи входят, в первую очередь, научные исследования, затем сбор данных об археологических акциях и археологических памятниках на территории Чехии (так называемый Архив отчетов полевых исследований, а сегодня также ADC), издание научной археологической периодики (Památky archeologické, Archeologické rozhledy), собирание научной литературы (самая большая в республике археологическая библиотека) и, не в последнюю очередь, проведение опережающих и спасательных исследований. До конца 80-х годов институт проводил также сравнительно большое количество так называемых систематических полевых исследований на памятниках, не находившихся под угрозой разрушения, что сегодня делается в редких случаях и на малых, точно обозначенных площадях. Деятельность пражского института археологии ограничена Чехией. Подобную деятельность осуществляет в Моравии (восточная половина Чешской республики) такое же учреждение с резиденцией в Брно. Другим типом археологического центра являются университетские кафедры. Самые старшие из них: Институт древней и ранней истории Философского факультета Карлова Университета (Прага) и Кафедра археологии и музеологии Философского факультета Масариковского университета (Брно). В последнем десятилетии были заложены ещё две кафедры археологии: в г. Плзень (Западночешский университет) и в г. Опава (Силезский университет). Их задачей является, прежде всего, образование и научная деятельность. Роль археологических центров выполняют также отделы археологии сети музеев. Наибольшее количество археологов сконцентрировано в головных земских музеях, соответственно: в Национальном музее в Праге, и в Моравском земском музее в Брно, а также в бывших краевых музеях. В большинстве случаев, одно место для деятельности специалиста-археолога зарезервировано в

Рис. 3. Слатина (район Литомержице): пример хорошо сохранившегося круглого плана средневековой деревни с большой площадью, костелом и поздними постройками.

районных музеях. Часто археологи работают также в областных и городских музеях (тоже по одному, большее их количество имеет только городской музей в Праге). Помимо просветительской деятельности некоторые музейные археологи проводят спасательные раскопки. В соответствии с законом музеи являются в стране единственными учреждениями, наделенными правом создания и приобретения коллекций (собирание, забота о сохранности, депонирование) движимых памятников археологии. Наконец, следует упомянуть институты охраны памятников, в которых археологи также представлены. В скором времени будет осуществлено новое административное деление страны, возникнут новые края, а существующая сеть районов исчезнет. В связи с этим статус многих музейных центров изменится.

С падением коммунистического режима в первой половине девяностых годов было основано ещё два типа археологических центров, и в одном и в другом случае нацеленных на так называемую договорную деятельность. В первую очередь, речь идет об учреждениях с названием Ustavy archeologické pamatkové péče — UAPP (Институты охраны археологических памятников), появившихся в 1993 году. Тогда, в рамках проводившейся кардинальной реструктурализации Академии наук Чешской республики, было проведено существенное сокращение персонала Институтов археологии. В возникшей трудной ситуации, когда под угрозу была поставлена существующая система охраны археологических памятников, на помощь археологии пришло министерство культуры. Оно стало учредителем организаций нового типа, заключающих хозяйственные договора с инвесторами строек и проводящими опережающие и спасательные раскопки на территории, которую в археологическом отношении, опекают (например: Средняя Чехия, Северо-западная Чехия, Моравия). Из государственного бюджета данные учреждения получают для своего функционирования лишь минимум финансовых средств, и их существование в значительной мере зависит от прибыли с контрактов, заключаемых с инвесторами строек. Следующим типом археологического центра является негосударственные археологические общества. В республике Чехия таких действующих организаций пока две: «Archaia» («Архайа») и «Archeos» («Археос»). Любопытно было бы отметить, что в соседней Польше существует, по некоторым сведениям, много десятков таких частных обществ. В то время как первая упомянутая организация осуществляет наряду с мелкими также (и прежде всего) обширные и дорогостоящие полевые археологические работы, а кроме того, управляет деятельностью археологического «сканзена», вторая нацелена на природоведческие анализы и обработку биологических данных из археологических раскопок, дополняя эту свою основную деятельность заключением контрактов на спасательные работы, чаще небольших по объему.

В Чешской республике действует также ряд кружков по интересам, нацеленных, главным образом, на реконструкцию жизни древних обществ (строительство копий древних поселений) и экспериментальную археологию (старые производственные методы — металлообработки, изготовления керамики и орудий труда и т.п.), большинство из них ориентировано на воспитание молодежи.

Исследование исторического ландшафта и недеструктивные методы разведки.

В последние годы часть чешского сообщества археологов-профессионалов специализируется на применении методов ландшафтной археологии. Эта специализация является отклонением от традиционного подхода в археологии (нацеленного на исследования раскопками так называемых археологических памятников, то есть отдельных избранных единиц сети археологических памятников) в сторону изучения пространства и поведения заселяющих это пространство древних обществ. Поскольку главный интерес сосредоточен на изучении связей внутри крупных единиц пространства, то используются методы, соответствующие задачам разведки поверхности на большой площади (ландшафтов). Эти методы, помимо высокой эффективности, обладают и другим важным достоинством, делающим их все более привлекательными с точки зрения охраны памятников: они бережны к археологической части культурного наследства благодаря своему недеструктивному (или же малодеструктивному) характеру. Проекты ландшафтной разведки избранных регионов имеют значение как для решения важных теоретических задач современной археологии, так и для мониторинга состояния различных категорий культурного ландшафта: наземных построек, разрушенных, но прослеживающихся на поверхности, а также полностью погребенных археологических объектов.

Наиболее важными недеструктивными методами разведки ландшафта являются: поверхностные археологические обследования (сборы археологического материала), воздушная разведка и геофизическая разведка. Наилучшие результаты для познания динамики процессов освоения пространства человеком приносит комбинирование двух, иногда трех этих методов. Данный метод апробирован значительными проектами по разведкам, которые реализуются в Институте археологии АН Чешс-

Рис. 4. Разведывательный самолет Цессна 172 Института археологии Академии наук Чешской республики, с 1997 года используемый для систематической воздушной археологической разведки и фотографирования исторического ландшафта.

кой республики в Праге (Отделом пространственной археологии) практически с начала девяностых годов. Начиная с 1991 года непрерывно осуществляется воздушная археологическая разведка и аэрофотосъемка. В том же году был также начат чешско-английский проект Ancient Landscape Reconstruction in Northern Bohenia, рассчитанный на исследование поселенческих структур и облика культурного ландшафта в двух избранных ландшафтных транссектах северной половины Чехии, преимущественно с применением одноразового поверхностного обследования и сборов. С 1997 года в Институте археологии АН Чешской республике осуществляется шестилетний научный проект (в чешской археологии с рубежа столетий наиболее значительный, а в финансовом и кадровых отношениях — наиболее обеспеченный) с названием: «Sidelni prostor pravěkých Čech Přinos nedestruktivnich metod archeologického výzkumu» («Заселенное пространство древней Чехии. Вклад недеструктивных методов археологического исследования»). Сумма, отпущенная на техническое обеспечение проекта, позволила реализующей его команде приобрести ценные приборы и оборудование (разведывательный самолет Cessna 172, 2 цезиевых магнетометра, станции GPS и др.), что ставит сегодня Институт археологии в Праге в один ряд с ведущими европейскими центрами в области ландшафтной (пространственной) археологии. Данные полевых исследований обрабатываются в рамках проекта как традиционными компьютерными методами (главным образом, с использованием GIS), так и вносятся в базы данных. Помимо данного учреждения, стоит упомянуть и о деятельности Института охраны памятников Северо-Западной Чехии. В связи с обширными спасательными исследованиями в месте проведения земляных работ в области бассейна бурого угля, отдельные проекты этого центра решают, как на региональном уровне, так и в целом, проблемы развития и структурных изменений заселяемого древним населением пространства. Это единственный внепражский археологический центр, практикующий систематическую воздушную разведку. Стратегия обоих этих учреждений в Чехии, как видим, направлена на изучение связей населения и природной среды и характера процессов расселения, начиная с эпохи древних земледельцев до развитого средневековья.

Среди наиболее важных результатов, достигнутых на сегодняшний день в Институте археологии АН ЧР в области ландшафтной разведки, можем отметить: 1. Открытие обширных круговых и овальных ограждений, которые, судя по количеству зарегистрированных памятников, представляли в древнем ландшафте (преимущественно в раннем энеолите — михельсбергская культура, культура воронковидных кубков, и в раннем железном веке — гальштат) распространенный тип сооружения. В целом, было установлено, что феномен строительства оградительных сооружений был в древней Чехии более распространен, чем это предполагалось раньше, до применения воздушной разведки. 2. Выявление обширных заселенных ареалов, концентрировавшихся на краях террас. Как оказалось, изменения в топографии поселений, т.е. оставление заселенных ареалов происходило в древности намного реже, чем это предполагалось ранее (вероятнее всего, период здесь может измеряться не столетиями, а несколькими тысячами лет). Происходили, скорее, локальные смещения обжитых древними общинами ареалов. 3. Было установлено, что довольно часто на одном и том же месте находятся остатки ареалов поселений (в частности, неолитических) и могильников (например, поздненеолитических и эпохи ранней бронзы). 4. Было выявлено несколько десятков до этого неизвестных укрепленных поселений с характерным топографическим расположением на обрывистых мысах, обычно обозначаемых термином

«городище». На некоторых из известных городищ были открыты фортификационные элементы (рвы), о которых ранее не было известно. 5. Существенно увеличилось количество известных древних поселений, в особенности, на территории так называемой древней обжитой области Чехии (среднее и нижнее течения главных чешских рек: Лабы, Влтавы и Огры).

Заключение.

Обобщая, можно сказать, что в настоящее время, в Чешской республике развиваются: как теоретические изыскания, так и полевые исследования, а исследовательские проекты нацелены на решение важных тем современной археологии, сочетающих обе стороны археологической деятельности — как теоретическую, так и практическую. Сбор данных и их обработка все чаще проводятся с использованием современных, в частности, недеструктивных методов исследований, передовой техники и компьютерных технологий. В подавляющем большинстве случаев полевая деятельность направлена на проведение спасательных работ. Необходимость такого подхода была вызвана в начале девяностых годов огромным размахом строительной деятельности. В этом направлении действует сейчас большинство археологических центров, поэтому археологическому контролю удается подвергать почти все: большие строительные проекты и целый ряд мелких. Все еще не был решен вопрос об окончательной формулировке закона о памятниках. Видимо, было бы хорошо увеличить количество негосударственных (частных) археологических обществ, которые именно сейчас, при дефиците средств на увеличение числа государственных учреждений, смогли бы себе найти применение в сфере охраны и изучения культурного археологического наследия. Еще в большей мере это будет оправдано в случае принятия Чешской республики в Европейский Союз, с началом периода обширной строительной деятельности, связанной на этот раз со строительством современной сети автомагистралей.

ЛИТЕРАТУРА:

Goida M. Archeologie krajiny. Vývoj arhchetypů kulturní krajiny. Academia. Praha.

Krušinova L. 1993. Archeologie v současných právních předpisech, Zprávy České archeologické společnosti. Supplément 20.

Kuna M., Křivanková D., Krušinová, L. 1995. Archiv 2.0 Systém archeologické databáze Čech. Praha.

Princ M. 1999. Archeologické nálezy, kulturní památky a jejich ochrana. In: Archeologické nemovité památky okresu České Budějovice I. (Beneš A., Michálek J., Zavřel P., eds.). Praha-České Budějovice.

РЕЦЕНЗИИ

Л.А.Мосионжник

ПОНЯТИЕ ИЕРОФАНИИ У МИРЧИ ЭЛИАДЕ

(Заметки на полях одной книги)

L.A. Mosionzhnik. The Concept of Hierophany with Mircea Eliade (Marginalia in a Book).

The article analyses some ideas in a book by Mircea Eliade, one of the greatest researchers of archaic mythology "Traitat ...". Though the author does not pretend to provide an overall analysis of the mentioned work, he tries to bring a modern perspective in drawing conclusions outgoing from Eliade's main arguments. First of all, the doctrine of the Romanian researcher about the sacred as actual (in Hegel's meaning of the word), as a truer and fuller existence needs precisions and corrections. The author believes that world of the sacred created by the archaic consciousness is a virtual world to serve first of all as a guidance in real life, and it can be hardly considered a truer way of existence a-priori. Ambivalence of the sacred, as Eliade says, can be explained by the fact that everything beyond daily experience happens to be in this sphere – everything from the divinised to ridiculous and shameful. Finally, the paper tells about features of Eliade's concept, rather obsolete nowadays, as an outcome of the limitations of structural method.

Кажется, совсем недавно, в 1998 году, петербургское издательство «Алетейя» начало знакомить русского читателя с творчеством одного из крупнейших религиоведов XX века – Мирчи Элиаде (1907–1986), выпустив его «Миф о вечном возвращении». И вот через год – ещё одна книга того же автора, давно уже ставшая на Западе классической: двухтомный «Трактат по истории религий», впервые увидевший свет в Париже в 1948 году с предисловием друга М.Элиаде – Жоржа Дюмезиля. Ещё одна новая старая книга, знакомство с которой у нас опоздало на полвека.

Ведь и у нас были исследователи, стремившиеся воссоздать структуру архаического, мифологического сознания. Достаточно назвать В.Я.Проппа с его «Морфологией волшебной сказки» (Пропп 1999), Е.М.Мелетинского, М.М.Бахтина и их последователей. Назовём такую фигуру поистине гётевского масштаба, как А.Ф.Лосев, автор капитальной монографии «Античная мифология» (Лосев 1957). Однако Мирча Элиаде поставил перед собой задачу поистине глобальную: проследить структуру, общую для *любого* мифологического сознания.

Подобный труд в нашей стране попытался осуществить, пожалуй, лишь А.В.Мень, нигде, насколько мне известно, не ссылающийся на Элиаде, но очень с ним перекликающийся и часто приходящий к тем же выводам. Однако у отца Александра архаические мифологии выстраиваются в эволюционную лестницу, подводящую человечество к Христу, поэтому он, например, осторожно обходит ислам. С его точки зрения, дальнейшее развитие религиозной мысли *после* Христа, но *вне* рамок христианства – неудобный для объяснения феномен.

Элиаде – тоже верующий христианин, и его логика очень близка к логике А.В.Меня. Но задача, поставленная им, иная: реабилитировать архаический способ видения мира в *любой* форме. Он не отдаёт дани богословской теории «прогрессивного откровения», согласно которой примитивные религии – лишь шаги, которые проходит человечество по пути к истинному представлению о Боге, начальные классы в школе божественного познания. Между его строк читается другой идеал – экуменический: все религии выражают одну и ту же реальность (разумеется, одни более успешно, другие – менее), поэтому структура всех религий едина. Более того, румынский исследователь берёт архаическое сознание под защиту от современной атеистической и индивидуалистической идеологии, олицетворением которой у него выступает «исторический человек» – человек, воспринимающий своё время как историю (цепь уникальных событий) и стремящийся быть творцом этой истории. Год назад, в рецензии на «Миф о вечном возвращении», я об этом уже писал (Мосионжник 1999), повторяться сверх меры не стоит. Оставим в стороне идеологический пафос трактата и обратимся к его научному содержанию.

© Л.А.Мосионжник, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Атом мифологического сознания

Чтобы говорить о мифологическом (религиозном) сознании, прежде всего надо выявить его первичное понятие – такое же, как понятие атома в химии или морфемы в языкознании. Что же может служить «атомом» религиоведения? Божество? Мифологический текст? Ритуал?

Элиаде в качестве такого понятия выдвигает иерофанию. В его трактате *иерофания* – это любое явление, открывающее человеку нечто сакральное. Это может быть и образ божества, и мифологический текст, вплоть до священной книги, и ритуал, и просто предмет, чем-либо выделяющийся из окружающих и потому наделяемый особым смыслом, и многое другое. Любая иерофания дана нам в историческом контексте, но это не говорит о её ограниченности: она может постоянно носить вселенский характер, а может и преодолеваться в ходе истории, как это случилось с культом Ваала. Каждый религиозный факт Элиаде предлагает анализировать как «двоякое откровение»: «1) во-первых, в качестве иерофании он обнаруживает *определённую сторону сакрального*; 2) во-вторых, как исторический момент, он демонстрирует определённый способ *отношения человека* к сакральному» (Элиаде 1999: I, 30-31; здесь и далее курсив М.Элиаде).

Диалектике этого непростого понятия посвящена вся первая глава трактата. Во-первых, в эту категорию могло попасть, оказывается, всё что угодно: «Едва ли найдётся вообще *что-либо* – предмет, поступок, физиологическая функция, существо или игра, – не превращавшееся где-нибудь и на каком-нибудь этапе истории в иерофанию» (Элиаде 1999: I, 48). Любая профессия, любой инструмент, любое даже повседневное действие (вплоть до дыхания и приёма пищи) либо служило постоянным напоминанием о своём «небесном образце», либо требовало отсылки к сакральным понятиям для своего объяснения. Пожалуй, главную особенность мифологического сознания автор определил так: «явление отмены времени посредством подражания образцам и повторения парадигматических действий» (Элиаде 1998: 58). А раз так, то ЛЮБОЕ действие должно иметь свой небесный архетип («мы делаем то-то и то-то, потому что так делают и боги»), и значит, превращаться в священнодействие. Это особенно заметно в брахманизме, который даже дыхание рассматривает как жертвоприношение. «Не следует, конечно, думать, будто *весь* род человеческий прошёл через *все* эти стадии и что *каждая* отдельная его группа познакомилась поочерёдно со *всеми* этими иерофаниями» (Элиаде 1999: I, 49). Каждая отдельная группа поклонялась ограниченному числу объектов, но, похоже, в поле зрения человека нет ни единого предмета или акта, который КОГДА-НИБУДЬ и У КОГО-НИБУДЬ не был бы предметом поклонения.

Далее, каждое такое явление многостороннее и поэтому может истолковываться по-разному – даже теми, кто ему поклоняется. Вот пример:

«Для простого народа, стекающегося в начале осени к храму Калигат в Калькутте, Дурга представляет собой грозную и страшную богиню, в жертву которой надлежит приносить козлов, – но для посвящённых шакти Дурга есть эпифания космической жизни в мощном процессе её непрерывного возрождения и вечного круговорота. Весьма вероятно, что многие из тех, кто поклоняется лингаму Шивы, видят в нём лишь архетип детородного органа; но есть среди них и такие, кто воспринимает его как “образ”, знак ритмического сотворения и разрушения Вселенной, которая периодически раскрывается в многообразии форм, а затем, стремясь к обновлению, возвращается к исконному, “неоформленному” единству. Но какая же из иерофаний Дурги и Шивы является истинной – та, чей смысл разгадывают “посвящённые”, или другая, доступная толпе простых “верующих”? В дальнейшем мы попытаемся показать, что обе они равно действительны […] Кроме того, мы продемонстрируем, что эти иерофании внутренне связаны, т.е. что явленные через их посредство различные уровни сакрального не исключают, но дополняют друг друга, образуя единую, целостную структуру» (Элиаде 1999: I, 40-41).

Ещё один пример автора: сельский священник понимает Библию глубже, чем крестьяне его деревни. Вправе ли мы на этом основании считать, что только священник представляет в селе подлинное христианство? Или, напротив, что только народное верование – истинное состояние религии, поскольку иная концепция представлена лишь одним человеком? На самом деле с точки зрения «способности восприятия сакрального» было бы верно первое, с точки зрения «религиозной жизни общины в определённый исторический момент» – второе (Элиаде 1999: I, 38-39). «Подлинный» же смысл религиозного, допустим, обряда, выполняемого крестьянами под руководством священника, не сводится целиком ни к первому, ни ко второму, хотя и включает их в себя.

Хорошо. Но если о священном мог свидетельствовать в принципе любой предмет, любой акт, любая идея, то не теряется ли вообще различие между сакральным и профанным? Получается, что профанного вообще нет на свете? Однако ни один народ никогда не напоминал щедринских «головотяпов», неразборчивых в поклонении. Иерофания – всегда предмет *выбора*, она обусловлена не столько свойствами самой вещи, сколько людским предпочтением. Ни один этнос не поклонялся всему подряд, более того, даже «в пределах этого “привиле-

гированного" класса всегда остаются предметы, подобного значения лишённые» (Элиаде 1999: I, 50). Так, Элиаде приводит пример: если у какого-то народа мы наблюдаем культ камней, то даже в таком случае эти люди поклоняются НЕ ВСЕМ КАМНЯМ ВООБЩЕ, но лишь НЕКОТОРЫМ, выделяющимся либо особой величиной, либо необычной формой или цветом, либо способностью "петь" под ветром и т.д. «И мы убеждаемся, что речь здесь, собственно, идёт не о культе *камней как таковых* и что эти священные камни суть предмет поклонения лишь постольку, поскольку они *уже не являются* обыкновенными камнями, но представляют собой иерофании, иначе говоря, *нечто отличное* от их нормального статуса "предметов"». (Элиаде 1999: I, 50-51).

Что же это могло бы быть?

Иерофания как символ неведомого

Уточним определение, данное Элиаде: иерофания – это любой объект, который ЧЕЛОВЕК СКЛОНЕН ПРИНИМАТЬ за проявление сакрального. И, конечно, в этот разряд попадают не все объекты, но лишь те, которые могут привлечь к себе недоуменное внимание: редкие, единственные в своём роде (как, например, Небо, Солнце или Луна), отклоняющиеся от нормы (особая красота или, напротив, безобразие), наконец, просто особо крупные. Так, по данным Дж.Дж.Фрэзера, племя конда в Танзании поклоняется небесному богу по имени Кьяла, но при этом «всё крупное или большое, к какому бы роду оно ни принадлежало, например, огромный бык и даже большой козёл, громадное дерево или любой иной объект значительных размеров, именуются Кьяла» (цит. по: Элиаде 1999: I, 74-75).

Все объекты такого рода говорят человеку о чём-то, выходящем за пределы его повседневного опыта, и тем самым расширяют его знания о мире. Это – неведомое, что для архаического сознания как раз и означает «сакральное». Только ли, впрочем, для архаического? Не является ли и то «неведомое», на которое нацелена вся мощь современного научного мировоззрения, тем же сакральным, только переименованным? Не потому ли оно влечёт, требует познания, дразнит пытливый ум одним лишь фактом своего существования? В самом деле, ведь конечная цель науки – не просто нагромождение груды фактов или даже груды теорий, понятных лишь специалистам… Впрочем, со времён П.К.Фейерабенда параллель между научным и религиозным мировоззрением давно уже не новость.

Неведомое в науке – это свидетельство способов бытия, нам ещё не знакомых. Точно так же для архаического сознания сакральное – это иная форма существования, причём более истинная, более полная, чем то, что можно наблюдать ежедневно. Поэтому, по Элиаде, иерофания – это в то же время и *онтофания*, «явление бытия». Вот как объясняет это понятие наш автор:

«всё *существующее полным и совершенным образом* обладает маной» (Элиаде 1999: I, 70);

«камень этот *показывает* нам, что сакральное, словно скала, *существует* неким абсолютным, незыблемым и неизменным образом, будучи совершенно изъято из области становящегося» (Элиаде 1999: I, 71-72).

То, что подобные понятия встречаются и в гегелевской диалектике (категория действительного), свидетельствует, что религиозные системы меняются куда легче, чем основные формы человеческого мышления. Впрочем, в заключении автор как раз об этой категории и вспоминает: «Сакральное – это в первую очередь *действительное*, подлинное, реальное» (Элиаде 1999: II, 407)

Поэтому выражения типа «культ природы», «культ камней», в сущности, неверны. Не раз и не два подчёркивает автор, что нынешнее понятие «природы» архаическому сознанию чуждо. Например:

«…Ни одну из сопровождающих дерево эмблем нельзя интерпретировать в натуралистическом смысле – по той простой причине, что в сознании жителей древней Месопотамии сама "Природа" была отнюдь не тем, чем является она в нашем опыте и в современных концепциях. Достаточно, например, вспомнить, что для месопотамцев, как и для архаического человека вообще, всякий предмет и всякий сколько-нибудь важный поступок приобретает реальность и силу лишь в той мере, в какой данная вещь имеет небесный прообраз, а данный поступок воспроизводит исконное космогоническое деяние» (Элиаде 1999: II, 99).

Иерофания – это ЯВЛЕНИЕ сакрального, но не САМО сакральное. Она достойна преклонения и поклонения лишь постольку, поскольку является ЗНАКОМ, СИМВОЛОМ чего-то, выходящего за её рамки. По той же причине поклонение священным деревьям адресовано не деревьям как таковым:

«Именно благодаря своей *силе, мощи, действенности*, иначе говоря, благодаря тому, что через дерево открывается некая сверхчеловеческая реальность […], дерево становится священным» (Элиаде 1999: II, 92).

Большая часть книги как раз и посвящена вопросу о том, что именно «открывается через» небо, Солнце, Луну, воды, растительность и другие объекты, когда-либо становившиеся культовыми. В сущности, получается, что сакральные объекты для архаического сознания – это образы, в которых человек познаёт картину мира и его законов. Что, кстати, во многом соответствует концепции И.М.Дьяконова: по-

скольку язык и понятийный аппарат архаического человека ещё недостаточно развиты, отвлечённые понятия он воспринимает через тропы – иносказания (Дьяконов 1990: 21 сл.). Вот только воспринимаются они не как иносказания. Хотя не в этом суть.

Взглянем, например, на уранических богов, олицетворяющих Небо. Они были обнаружены у всех народов и племён, включая самые отсталые, что дало некоторым исследователям (особенно священникам) повод доказывать тезис о «первичном монотеизме»: якобы люди, как это и должно вытекать из буквального понимания текста Библии, когда-то знали истинного Бога, но затем либо изменили ему, либо забыли о нём. Так полагал, например, пастор В.Шмидт, представитель Венской этнографической школы (Элиаде 1999: I, 96). В принципе так же считает Р.Т.Бойд, американский пастор и археолог: «Есть не мало свидетельств тому, что первым идолом после измены людей Богу стало Солнце» (Бойд 1989: 36). Вообще Р.Т.Бойд крайне прямолинеен, священник в нём откровенно преобладает над учёным, однако показателен сам ход его мысли. С другой стороны, авторитетнейший средневековый еврейский богослов Рамбам (Маймонид) в трактате «Мишне-Тора» тоже развивал идею «первичного монотеизма», но его исчезновение объяснял иначе:

«В дни Эноша люди впали в грубое заблуждение, и совет мудрых людей в этом поколении стал глупым. […] Вот в чём состояло их заблуждение. Поскольку Бог, рассуждали они, сотворил эти звёзды и [небесные] сферы, дабы править миром, поместил их в выси и почтил их, и поскольку они – слуги, прислуживающие перед ним, то они достойны восхваления и прославления, и им следует воздавать честь. И такова воля Бога, да будет Он благословен, чтобы человеки превозносили и почитали тех, кто превозносит и почитает Его, так же как царь желает, чтобы проявляли почтение к прислужникам, стоящим перед ним, и тем самым честь воздаётся самому царю. […] Они, однако, не утверждали, что нет Бога, кроме некоей звезды [служившей им предметом поклонения]». Они думали, что это пустое поклонение угодно Богу, но «с течением времени чтимое и страшное имя Божье было забыто людьми, исчезло из их душ и перестало быть известно им». Лишь немногие, как Енох (Энош), Мафусал, Ной, Сим и Евер, хранили память о Творце (Рамбам 1990: 53).

На самом же деле, как следует из анализа Элиаде, уранический бог-творец, присутствующий во всех религиях, весьма мало напоминает библейского Яхве, и ссылки на него никак не могут служить основанием для буквального понимания книги Бытия. Как правило, такой бог – это, по выражению Элиаде, «deus otiosus» – «бог на покое» (Элиаде 1999: I, 109-116). Как правило, эти боги творят мир, но затем удаляются от него или утрачивают к нему всякий интерес. Нередко дело Творения завершает сын бога-творца, один из младших богов или культурных героев, а у некоторых австралийских племён – даже предки. Нередко уранические боги – благие, с ними связаны обряды инициации, тем не менее они лишены особого культа, чаще всего не имеют ни храмов, ни жрецов. Если они и управляют миром, то не деяниями, а мыслью или мистической силой (как Бог Аристотеля, погружённый в познание самого себя). Вывод автора:

«Эта уточняющая деталь весьма показательна: она демонстрирует нам народное понятие о трансцендентности и пассивности верховного божества, слишком далёкого от человека, чтобы заниматься удовлетворением его бесчисленных потребностей, религиозных, хозяйственных и жизненных» (Элиаде 1999: I, 110).

Таким образом, по Элиаде, пассивность уранического божества выражает понятие архаического человека о трансцендентности. На мой взгляд, возможно и другое объяснение: таким образом в архаическое сознание входит понятие объективной реальности, определяющей условия человеческой жизни, но при этом безразличной к человеку. Как бы то ни было, понятие о верховном небесном боге-творце есть практически у всех народов, даже самых отсталых, но к этому богу обращаются лишь тогда, когда другие потусторонние силы не помогли. Поклоняются же чаще всего не этим верховным существам, не вмешивающимся в земные дела, а другим, более близким, хотя бы они и были «ниже рангом». Подобной судьбы избежали лишь те из них, которые приобрели черты верховных властителей либо были «понижены в ранге» до уровня солярных божеств или богов, оплодотворяющих растительность и порождающих жизнь (Элиаде 1999: I, 109-116).

Получается, что для архаического человека важны не столько явления (хотя от них зависит сама его жизнь), сколько смысл, стоящий за этими явлениями. Можно ли в таком случае считать, что мифологическое познание есть бесконечный бег по замкнутому кругу собственных представлений? Что всё это – плоды воображения, «объясняющие» друг друга по принципу «держался авоська за небоську»? Явно нет. Во-первых, в результате получается виртуальная картина мира, вполне достаточная для того, чтобы человек мог выжить и в основном (в пределах своих повседневных нужд) верно ориентироваться в мире реальном. Об этом я уже имел повод говорить (Мосионжник 1999: 506 сл.). Такие «виртуальные миры» успешно обслуживали потребности миллионов людей в течение тысячелетий, многие из них играют эту роль и сегодня. А это значит, что В ПРЕДЕЛАХ, для которых они предназначены, они достаточно верно отражают реальность.

Разве мы и до сих пор не олицетворяем не-

живую природу? Разве даже в нашем сегодняшнем языке не упоминаются *законы* физики, а математическая функция не *стремится* к своему пределу? Разве ещё Нильса Бора не спрашивали, откуда электрон *знает*, какую орбиту ему занять и какой спин он должен иметь? Разве в нынешней биохимии сплошь и рядом не встречаются термины вроде «гидро*фильный*» (дословно «*любящий* воду»), «липо*тропный*» («*стремящийся* к жирам»)? И далеко не всегда мы отдаём себе отчёт, что это всего лишь троп, употребление привычного слова в ином значении. Так мудрено ли, что архаический человек и вовсе не воспринимал тропы как ИНОсказания? Он просто не мог себе представить, что связи между вещами могут быть иными, чем между людьми. Что ещё, кроме мускульных усилий живого существа, могло быть в глазах архаического человека движущей силой мироздания? Ведь и античная экономика не знала других движителей (кроме разве что паруса).

Впрочем, Элиаде настаивает как раз на том, что именно реальность, открываемая иерофаниями, и есть не виртуальная, а самая что ни на есть истинная: «И чем религиознее человек, тем он подлиннее, тем в большей степени вырывается он из сферы неподлинного, недействительного, лишённого смысла становления» (Элиаде 1999: II, 407). Тут перед нами, конечно, скорее проповедь, чем исследование, и проповедь индуистская (все примеры, которые автор подкрепляет это рассуждение, взяты из Упанишад). Индуизм оказал на формирование Элиаде как религиоведа немалое влияние: после университета он стажировался в Калькутте. Однако стоит ли распространять индуистское понятие майи (иллюзорной реальности) на все религии? Православный автор мог бы вспомнить, что с христианской точки зрения земной мир никак не считается «неподлинным», «недействительным» и тем более «лишённым смысла». Впрочем, здесь перед нами не случайная ошибка исследователя и не просто попытка одеться в тогу пророка, а коренной порок структуралистского метода вообще. К этому мы ещё вернёмся.

Разумеется, «профанная реальность» – это всего лишь реальность той экологической и социальной ниши, которую занимает человек. Через сакральное же он познаёт и другие сферы и способы бытия – например, космос. Но сам же Элиаде признаёт, что вне профанной сферы человек НЕ МОГ БЫ СУЩЕСТВОВАТЬ, а если бы и мог, это был бы уже не он. Это хорошо видно на примере представлений о загробной жизни, которые в своё время собрал и проанализировал современник Элиаде – американский философ-материалист Корлис Ламонт (Ламонт 1984). Он убедительно показал, что любой религии приходится постулировать рай, предельно напоминающий земной («профанный») мир, иначе она запутывается в неразрешимых парадоксах. Например, состояние тела настолько влияет на состояние души, что моё «Я» в другом теле (например, «эфирном») или вообще без него – это, в сущности, уже не я. Рай, «спроектированный» для таких душ, не сулит личного бессмертия человеку, но тогда он не может и привлекать.

Выходов, в сущности, лишь два. Либо рай должен быть точной копией земной профанной жизни с незначительными поправками (подобную картину попытался описать Марк Твен в «Путешествии капитана Стормфилда»), либо человек должен расстаться с надеждами на лучшее бытие где-то там, после смерти, и уметь правильно жить здесь и сейчас. Так считает, например, материализм. Но то же самое вытекает и из мистических учений (например, суфизма или философии Аверроэса), где душа праведника после смерти растворяется в мировом единстве, и значит, практически погибает.

А что говорит по этому поводу архаическое сознание, исследуемое Элиаде? Да то же самое! Наш автор убедительно показал в «Мифе о вечном возвращении», что для такого сознания «реальны» (Кант сказал бы иначе – «легальны») лишь те поступки, которые повторяют какой-нибудь сакральный архетип. Всё остальное, вся «отсебятина» – это грех. И ежегодный ритуал, воспроизводящий Творение, как раз и призван упразднить истекшее время со всеми его грехами (поступками, совершёнными не по сакральному шаблону). Идеален здесь лишь такой человек, ЛЮБОЕ действие которого является священнодействием, человек, ни разу не отступивший от сакрализованного образца. Причём в такой позиции Элиаде находит высокий гуманизм:

«…Желание человека архаического общества отвергнуть “историю” и продолжать бесконечную имитацию архетипов свидетельствует о его стремлении к реальному, его ужас “потеряться” в ничтожной суете мирского существования. (…) Поведение это соответствует его отчаянному стремлению не потерять связь с *бытием*» (Элиаде 1998: 142).

Иными словами, человек хочет привести ПРОФАННЫЙ мир в наиболее полное соответствие с сакральным образцом. Ему нужна земля по образу и подобию неба, но не более того: на небо никогда не поздно и всегда рано. Какой из этих миров «реальнее», а какой «искажён», пусть спорят схоласты. Да, собственно, и сам Элиаде не отрицает той важности, «которую приобретают жизненные, “витальные” ценности уже на самых ранних стадиях религии» (Элиаде 1999: II, 409) – ну, ещё бы! И даже признаёт, что самой же церкви «нередко приходится защищать человека от “крайностей” религиозного и прежде всего – мистического опыта, чтобы избежать **опасности полного уничтожения светского, мирского бытия**» (Элиаде 1999: II, 408-409; выделено мной. – Л.М.).

Так мы подошли к новому вопросу – о двойственности сакрального, о его теневой стороне.

Два полюса сакрального

Этой двойственной природе (по его выражению, «амбивалентности») сакрального М.Элиаде уделяет особое внимание. Для архаического сознания всё необычное, выдающееся в любую сторону воспринимается как сакральное и вызывает двойственное чувство преклонения и страха. Так, для племени тораджа (центральный Сулавеси) любое странное явление (банан, выросший не на верхушке ствола, тыква, которая принесла сразу два плода, чрезмерная удача собаки на охоте) – это *меаса*, то есть знак беды (Элиаде 1999: I, 52-53). У мальгашей в разряд табу (*фади*, или *фали*) попали первые завезённые на остров лошади, кролики, европейские продукты, товары и даже лекарства. Эти табу держались недолго – всего лишь до выяснения сути новых явлений. По мере познания эти вещи осваивались сознанием туземцев, включались в структуру их космоса и переставали нарушать порядок, а стало быть, теряли сакральность. У тех же мальгашей всё, что противоречит естественному порядку вещей, от чуда до кровосмешения или страшного несчастья, называется одним и тем же термином – *лоза* (Элиаде 1999: I, 56). Самая близкая христианская параллель – «страх Божий». Почему, однако, так происходит всегда?

Элиаде называет самую очевидную причину. Согласно ему, любая иерофания есть в то же время ещё и *кратофания* (свидетельство силы), а сила может быть опасна. Поэтому отношение человека к сакральному двойственно как в психологическом смысле (оно и привлекает, и отталкивает), так и в смысле ценностном: во многих языках одним и тем же словом обозначается и «священное», и «осквернённое», «проклятое». Это заметил ещё Сервий при анализе строки из Вергилия: «*auri sacra fames*» («проклятая жажда золота» – Элиаде 1999: I, 54). Поэтому всё сакральное окружено табу, защищающим человека от опасного контакта. Таким образом, в данном случае табу – всего лишь обычная мера предосторожности, своего рода техника безопасности в нестандартных условиях.

Однако дело явно не только в этом. Известна устойчивая связь сакрального с *наиболее* профанированным. Это – две стороны одной медали. Вот что, к примеру, отмечает Р.А.Рабинович:

«В литературе неоднократно отмечалось, что (…) наиболее сакрализованные области поддаются наибольшей профанации в бытовом сознании. Именно у народов (тюрков, монголов), восходящих генеалогическим мифом к родоначальнику — волку или родоначальнику — собаке, “самое плохое” отношение к собаке, самые распространённые и “сильные” инвективы связаны с упоминанием этого животного (…). У многих христианских народов существуют устойчивые ругательные выражения, связанные с церковью. Чем сильнее сакрализована область, тем “большее удовлетворение” получает ругающий от её оскорбления» (Рабинович 1997: 190).

Примеры можно продолжить. Ругательства, которыми сыплют мушкетёры у Александра Дюма, в оригинале звучат так: *sangdieu* (*sang* + *Dieu* = кровь Божья), *mordieu* (*mort* + *Dieu* = смерть Божья), *tudieu* (убийство Бога), или производные от них: *sangbleu*, *morbleu*. Заметим, что в романах описан век религиозных войн, когда сакральность этой сферы достигала предела. Два столетия спустя накал религиозных страстей смягчился, и в тексте Дюма эти ругательства выглядели уже достаточно невинно, никого не оскорбляя. У китайцев черепаха – одно из сакральных животных (согласно Чжуан-цзы, в царстве Чу поклонялись мощам черепахи). В то же время одно из самых грубых китайских ругательств – «черепашье яйцо» (выродок, не помнящий родителей, поскольку черепаха, отложив яйца, более о них не заботится). У тех же китайцев *гуй* – это дух человека, умершего нехорошей смертью (например, не погребённого, не получающего жертв от потомков или казнённого). Таких духов старались умилостивить, им приносили специальные жертвы, и в любом случае они были достойны скорее сочувствия, чем осуждения. В то же время в современном языке *гуй* 鬼 – суффикс ругательств со значением «чёрт»: *лань* 懶 (ленивый) – *лань-гуй* 懶鬼 (лентяй, дословно «ленивый чёрт»), *цзуй* 醉 (пьяный) – *цзуйгуй* 醉鬼 (пьяница), *ян* 洋 (заморский) – *янгуй* 洋鬼 (иностранец, колонизатор) (Горелов 1979: 18). А ругательства, связанные с терминами родства и секса, распространены у народов, ещё недавно сохранявших сакральное отношение к родству.

Спору нет, Элиаде раскрывает диалектику связи между сакральным и устрашающим, отталкивающим, но чтобы до такой степени – об этом у него не говорится. И здесь весьма плодотворно наблюдение М.Е.Ткачука. Согласно ему, смысл новой культуры, которому предстоит стать сакральным, вначале рождается как смешное. Общее здесь то, что и смешное, и сакральное вытеснено за пределы разумного объяснения: одно – выше всякой критики, другое – ниже (Ткачук 1996: 168-171). Но в эту же область, добавлю, входит и позорное, о котором «приличные люди не говорят». Вспомним Евангелие: Христос был не столько высмеян, сколько унижен до предела, а в конце концов подвергнут казни таким способом, одно упоми-

нание о котором, по словам Цицерона, оскверняло уста римлянина. Чтобы поклоняться распятому вождю, нужна была особая гордость. Позже Тертуллиан писал об этом: «И распят был Сын Божий, – не стыдимся, ибо это постыдно». Ведь сколько было в те века рафинированных, просвещённых учений (взять хотя бы стоицизм) – но лишь ТАКАЯ вера смогла стать мировой религией.

Суть в том, что иррациональное познание (мифологическое и религиозное в первую очередь) призвано описывать то, что недоступно нормальной логике. Важнейшие для человека понятия не поддаются рациональному обоснованию: никто не может сказать, зачем человек или этнос появляется на свет, ибо никто не рождается по собственной воле (Ткачук 1996: 131 сл.). «Ни одна культура, ни одна идея, таким образом, не имеет рационально обоснованных начал» (Ткачук 1996: 134): эти начала всегда абсурдны и направлены на придание смысла бессмысленному, иными словами – на сакрализацию, освящение. Именно поэтому Ницше считал, что жизнь невозможна без иллюзии, и задача философов – создавать такие иллюзии (Ницше 1990: II, 247, 355). Заметим, что иллюзия в ницшевском смысле – это не ложь, она уводит в сферы, где непригодна логика и поэтому нет различия между истиной и ложью, – иными словами, в сферы сакральные. Об этом прямо говорит Лев Шестов:

«Единственный выход там, где для человеческого ума нет выхода. Иначе к чему нам Бог? К Богу обращаются за невозможным. Для возможного и людей достаточно» (цит. по: Камю 1989: 245).

Сакральное (принимаемое на веру), смешное, постыдное – всё это вытеснено за пределы повседневности, пронизанной светом разума. Они описывают одну и ту же сферу абсурда и поэтому способны меняться местами (Ткачук 1996: 170-171). Вчерашний позор становится предметом сегодняшней гордости, и наоборот.

Это хорошо видно в отношении русских к высшей ценности своего этнического самосознания – России. Какое бы рассуждение на эту тему мы ни взяли, мы здесь не найдём одного: средних оценок. «У нас» любое явление либо «лучше всех», либо, если уж нет, то «хуже всех». Либо – «народ-богоносец», либо – «этого в рай, этого в ад, а этот слишком нагрешил – его снова в Россию» (М.Задорнов). Либо «изрушившийся Запад», лишённый «благочестия» (Иван Грозный), либо «нам пока с Европой нельзя равняться ни в чём» (граф Н.И.Панин). Откуда это сладостное русское самобичевание? Всё оттуда же: это оборотная сторона сакральности. Полюса могут меняться местами, но «золотой середине» никогда не стать полюсом.

Элиаде, впрочем, пишет не столько об этом, сколько о двойственном отношении человека к любому сакральному. Механизм табу, по его словам, «всегда один и тот же: определённые предметы, лица или места причастны совершенно иному онтологическому статусу, а значит, контакт с ними приводит к разрыву прежнего онтологического уровня, который может иметь роковые последствия» (Элиаде 1999: I, 58). Иными словами, соприкасаясь с неведомым, человек выходит за пределы привычного для него мира, в котором он только и может жить, и рискует больше в него не вернуться. Это не противоречит тому, о чём мы только что говорили: рациональное и абсурдное – действительно разные онтологические уровни. Отсюда – двойственность отношения к сакральному, описываемая Элиаде:

«С одной стороны, человек стремится упрочить, утвердить, обогатить собственное бытие посредством возможно более плодотворного контакта с иерофаниями и кратофаниями, – с другой стороны, он страшится навсегда это бытие утратить из-за перехода на более высокий по сравнению со своим профанным состоянием онтологический уровень. Желая выйти за пределы профанного состояния, пытаясь подняться над ним, человек, тем не менее, не может – и не хочет – покидать его совершенно. […] Даже теофания, открывающаяся христианским мистикам, на громадное большинство окружающих действует по-разному: одновременно привлекает и отталкивает (как бы ни называли они подобное чувство неприятия или отторжения: ненавистью, презрением, страхом, нежеланием ничего об этом знать или сарказмом)» (Элиаде 1999: I, 59).

Об Истории и «истории»

Читая книгу, посвящённую «истории религий», постепенно начинаешь замечать один странный момент: слово «история» автор явно недолюбливает. В половине случаев он берёт это слово в кавычки, особенно там, где речь идёт об истории развития религиозных идей. И дело тут не только в ужасе архаического человека перед неумолимым временем, несущим с собой грехи индивидуального поведения. Конечно, самому Элиаде близка такая позиция. В последней главе «Мифа о вечном возвращении» он заставляет спорить архаического и современного («исторического») человека и присуждает первому венок победителя. В чём тут дело? Только ли в биографии Мирчи Элиаде, пережившего мировые катастрофы? Или в том, что, как говорится, «исследователь ос находит у них достоинства, которых не хочет замечать у пчёл», – иными словами, в том чувстве сроднённости и «своей стихии», которое любой ав-

тор испытывает по отношению к предмету своих исследований? Или тут более серьёзное духовное родство?

Дело, конечно, в последнем. Как и многие исследователи религии и фольклора в XX веке, Элиаде отдал большую дань структурализму, переживавшему во Франции конца 40-х годов вершину расцвета. А структурализм принципиально антиисторичен. Что бы ни попадало в поле его зрения, всюду он пытается найти неизменные структуры, по «полочкам» которых можно было бы разложить все стороны исследуемого явления. Это, если хотите, тоже архетип, но уже не мифологический, а «научный»: исконный и вечный образец, любое отступление от которого – «грех истории». Отсюда общая для структуралистов неприязнь ко времени, несущему перемены. Не мудрено, что Элиаде увидел в архаическом «ужасе перед историей» не просто интересный феномен, но нечто родное.

Позволю себе в качестве параллели небольшое отступление. В своё время меня очень заинтересовала полемика вокруг проблемы «азиатского способа производства», прежде всего в Китае. Видные «азиатчики» (такие, как В.П.Илюшечкин, Л.С.Васильев) исходили из определения этого способа производства, данного Марксом: «деспотическая власть, витающая над мелкими общинами». Такой общественный и экономический уклад они считали общим для всех неевропейских обществ вплоть до вторжения колонизаторов. А их «козырным тузом» был Китай, где эта «деспотическая власть» веками была сильна, как нигде. Однако стоило мне с такими взглядами взяться за конкретное знакомство с историей Китая, как очень скоро я перестал понимать, что происходит: исключений из правила было явно больше, чем примеров на само правило. Постепенно пришлось признать, что факты не подтверждают теорию. О каком господстве государства в сфере экономики можно говорить, скажем, в эпоху Северной Сун (960-1127 гг.), когда правительству принадлежало примерно 37 тысяч цин земли, а помещикам – 1,7 миллиона цин? А дальше, вплоть до 1368 года, государственная власть пришла в ещё больший упадок. Да, верховная собственность государства там существовала всегда – так же, впрочем, как верховная собственность французского короля на феоды. Но реальное преобладание государственного сектора над частным обнаруживалось лишь в несколько не слишком долгих периодов. И это даже в Китае. А если вспомнить об Индии, где понятие верховной государственной собственности вообще не удаётся проследить? О других странах? А ведь сама идея «азиатского способа производства» родилась в лоне советской марксистской науки с её общественно-экономическими формациями, традиции которой продолжали и углубляли «азиатчики» – заметим, талантливо углубляли! И структуралистские идеи, по крайней мере, у некоторых из них были очень заметны (см., напр.: Васильев 1983).

Но то, что быстро выясняется в истории, не всегда заметно в религиоведении и вообще в науках, изучающих сферу духа. Здесь всё ещё возможны попытки выстроить сравнительно простые схемы, в которые вписалось бы всё многообразие изучаемых фактов, – попытки, которые в исторической науке давно уже считаются устаревшими. Во времена Элиаде, впрочем, они всё ещё были плодотворны, что позволяло ему, например, писать:

«В настоящем томе мы сознательно избегали анализа религиозных феноменов в их исторической перспективе, ограничиваясь исследованием этих феноменов самих по себе, т.е. в качестве иерофаний. Так, чтобы выяснить структуру водных иерофаний, мы позволили себе поставить рядом, с одной стороны, христианское крещение, а с другой – мифы и ритуалы Океании, Америки, Востока и Древней Греции, отвлекаясь от всего того, что их разделяет, иначе говоря – от истории. В той мере, в какой непосредственным объектом нашего интереса был феномен религии, абстрагирование от истории оправдывалось само собою» (Элиаде 1999: II, 409-410).

Оправдывалось ли? Ведь в итоге мы получаем некую всеобъемлющую конструкцию, составленную из разнородных элементов. При этом, как отмечает И.М.Дьяконов, мы получаем не модель мира в архаической религии, а «метамодель», созданную уже самим исследователем (Дьяконов 1990: 55, 56).

Вспоминается, как в 1987 году я, тогда ещё зелёный юнец в науке, беседовал с З.Г.Лапиной, автором монографии о реформах Ван Аньши в сунском Китае (1069-1076), и попытался утверждать, что китайцы того времени не понимали социально-экономических закономерностей (в марксистском смысле, конечно). З.Г.Лапина спокойно ответила:

— Они всё понимали. Это мы их сейчас не понимаем.

В сущности, структуралистская «метамодель» несовершенна уже потому, что пытается построить ЛОГИЧНУЮ систему из принципиально алогичного материала – мифологем. А это невозможно без натяжек и чрезмерных упрощений, без домысливания за древних того, что они должны были иметь в виду, но «не понимали». Тот же И.М.Дьяконов с немалым сарказмом описывает попытки видеть в любом дереве (даже карликовом), упоминаемом в мифе, Мировое Древо, а в любом вертикальном предмете – Мировую Вертикаль (Дьяконов 1990: 51-59). Критикуя одну из работ Е.М.Мелетинского, посвящённую скандинавской мифологии, он подчёркивает: работа выбрана именно «в силу высокого качества», потому что именно здесь можно гово-

рить о недостатках не автора, но метода как такового. И вот к какому выводу он приходит:

«Изложенное как бы исходит из того, что архаический человек мыслил в категориях “модели мира” и “проекции”, “вертикали” и “горизонтали”, “центра” и “периферии”, “культуры” и “природы” и строил свои конкретные образы мироздания на этих общих категориях (которых он, однако, не имел даже в своём языке). Мало того, с течением времени этот геометризм осмысления мира даже “смазывался”, а в наиболее глубокой древности, надо понимать, был более ясно выраженным.

Но нам представляется, что дело обстоит совсем наоборот: образы мироздания архаический человек создавал по метонимически-ассоциативным рядам на основе непосредственных наблюдений и внутренних социально-психологических побуждений, осмысляя их в более широком плане (в виде тропов), – но “модель мира” с её вертикалями, горизонталями и прочим создана как попытка обобщить мифологические образы уже современным исследователем. Что это так, видно из того, что построение модели редко обходится без некоторых натяжек» (Дьяконов 1990: 55-56).

Разумеется, здесь возможны возражения. Даже самый архаический человек не мог не замечать разницы, например, между «вертикалью» и «горизонталью». Если в его языке не было таких слов, значит, он чувствовал эту разницу смутно и столь же смутно выражал в мифах. Но и в этом случае – что же представляет собой структуралистская модель? Миропонимание архаического человека? Для этого она слишком логична. Современное миропонимание? Оно совсем иное. Получаются «современные представления об архаических представлениях», неизвестно к какой эпохе относящиеся. Искусственные конструкции, к тому же пригодные для самого превратного истолкования. Вспомнить хоть апелляции германского и русского фашизма к национальной архаической мифологии… А в отношении к фашизму многие мифологи, даже крупнейшие, были не без греха. И хотя они при этом порой не ведали, что творят, – как это случилось и с самим Элиаде, – разве от этого легче?

Конечно, не следует понимать это так, будто структурализм – «ненаучное течение». Заслуги его неоспоримы, о чём говорит хотя бы громадная масса материалов, проанализированных и обобщённых в трудах структуралистов, включая и Мирчу Элиаде. И разумеется, труды этого бесспорно выдающегося учёного с мощнейшим аналитическим умом должны войти в научный багаж любого специалиста в области истории религий. Но сегодня наука уже переросла структурализм. Впереди новые исследования и новые идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Бойд Р.Т. 1989. Курганы, гробницы, сокровища. Иллюстрированное введение в библейскую археологию. Корнталь. Свет на Востоке.

Васильев Л.С. 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М. Наука. Гл. редакция восточной литературы.

Горелов В.И. 1979. Стилистика современного китайского языка. М. Просвещение.

Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М. Наука.

Камю А. 1989. Миф о Сизифе. // Сумерки богов. (Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.-П.Сартр). М. Политиздат. С.222-318.

Ламонт К. 1984. Иллюзия бессмертия. М. Политиздат.

Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в её историческом развитии. М.

Мосионжник Л.А. 1999. Вечные возвращения мифа. К выходу в свет на русском языке книги М.Элиаде «Миф о вечном возвращении». // Stratum plus. 1999. №5. СПб.–Кишинёв–Одесса. С.500-514.

Ницше Ф. 1990. Сочинения. В 2-х тт. М. Мысль.

Пропп В.Я. 1999. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. «Лабиринт».

Рабинович Р.А. 1997. «Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи») // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. «Нестор». С.178-199.

Рамбам (Маймонид). 1990. Избранное. Т.1. Иерусалим. Б-ка «Алия».

Ткачук М.Е. 1996. Археология свободы. Опыт критической теории. Кишинев.

Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб. «Алетейя».

Элиаде М. 1999. Трактат по истории религий. Тт. 1–2. СПб. «Алетейя».

Н. Найт

«СПАСАТЕЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ» И ПРИЕМЛЕМОЕ ПРОШЛОЕ: РОССИЙСКИЕ ЭТНОГРАФЫ ПРОТИВ НАСЛЕДИЯ ТЕРРОРА

Репрессированные этнографы. ***Составитель и ответственный редактор Д.Д. Тумаркин, Москва, «Восточная литература» РАН, 1999 год, 341 стр.***

N. Knight. «Salvage Biography» and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror

This is a review of the book Repressirovannye etnografy, compiled and edited by D. D. Tumarkin (Moscow: «Vostochnaia literatura» PAN, 1999, 341 p.). The articles of the reviewed volume are well researched and contain a wealth of valuable information stretching over an entire century from the 1870s to the 1970s. As a whole, the volume is a major contribution to the history of Russian ethnography and will be of value more broadly to anyone interested in intellectual history and the intersection of scholarship, ideology and the Soviet state. Though the main focus is not the persecution itself, but rather on the individuals as ethnographers-their educations, professional careers, ideas, interests and contributions to the field.

Such an orientation is no coincidence. Underlying the volume, fundamentally, are questions of continuity and scholarly identity: how are present-day Russian ethnographers to come to terms with their troubled past?

Влияние репрессивных мер, принятых против ученых в ранний период советской истории, является центральной темой недавних российских и западных исследований по истории советской науки.[1] Этнография предоставляет значительный материал для этой области исследований. Хотя этнография как наука и не была объявлена вне закона, как это, например, случилось с генетикой, кибернетикой или педологией, ее ведущих деятелей заставили замолчать, прибегнув к убийству, заключению или террору. Ее статус был сильно занижен; наука вынуждена была функционировать в сводящих ее на нет идеологических рамках. В относительно непрерывных традициях русской этнографической мысли 1930-е и 1940-е гг. выглядят зияющей бездной. Книга «Репрессированные этнографы» отмечает кульминационный момент в продолжающихся попытках вернуть утерянное наследие ранней советской этнографии путем восстановления имен, репутации и работ ученых, увязших в сетях репрессий. Написанная коллективом авторов эта книга состоит из двенадцати портретов этнографов, пострадавших от преследований, длившихся с 1917 г. до смерти Сталина, и представляет широкий спектр их интересов и специализаций.[2] Материал статей хорошо исследован и содержит массу информации по целому столетию, с 1870-х до 1970-х гг. В целом книга вполне дополняет историю русской этнографии и будет весьма полезна для любого читателя, интересующегося интеллектуальной историей и проблемой пе-

[1] См., например, Ярошевский 1991: 9-33; Решетов 1994: 185-221; Соловей 1998; Добкин, Сорокина 1995; Леонов 1993; Loren R. Graham 1987; Loren R. Graham 1990; Paul R. Josephson 1996; Mark B. Adams 1990: 153-216. Литература по истории науки раннего Советского периода в основном подчеркивала роль репрессий и идеологического извращения науки. В недавних же работах авторы сделали акцент на роли, которую сыграли сами ученые в создании системы, которая оправдывала их бездеятельность. См., например, Loren R. Graham 1998; Krementsov 1997; Kojevnikov 1998: 22-52; Slezkine 1996: 826-862.

[2] Обсуждаемые этнографы (и уважаемые авторы): Александр Васильевич Адрианов (М.А Девлет), Бернард Эдуардович Петри (А.А. Сирина), Николай Николаевич Козьмин (А.М. Решетов), Анатолий Несторович Генко (Н.Г. Волкова, Г.А. Сергеева), Георгий Александрович Кокиев (Ю.Д. Анхабадзе), Федор Артурович Фильстрап (Б.К. Карамышева), Алексей Николаевич Карузин (М.М. Керимова, О.Б. Наумова), Николай Иосифович Конрад (Р.Ш. Джарылгасинова, М.Ю. Сорокина), Петр Федорович Преображенский (Ю.В. Иванова), Наталья Ивановна Лебедева (Н.С. Полищук), Борис Осипович Долгих (С.И. Вайнштейн) и Нина Ивановна Гаген-Торн (Г.Ю. Гаген-Торн).

© Н. Найт, 2000.

ресечения науки, идеологии и Советского государства.

Следует, однако, отметить, что статьи посвящены не одним только преследованиям. Читатель почерпнет немного новых сведений о подробностях Гулага; ему встретятся всего несколько душераздирающих сцен пытки и допроса или намеков на них: вдове Ф.А. Фильстрапа доктор «большого дома» в Ленинграде сказал, что ее муж умер, захлебнувшись кипятком, в ходе допроса (стр. 161-162); А.Н. Генко, умирающий от истощения в одной из камер ленинградской тюрьмы в декабре 1941 года всего через несколько месяцев после ареста (стр. 109); поразительная фотография П.Ф. Преображенского, глядевшего на своих преследователей с абсолютным спокойствием и сознанием своего морального превосходства (стр. 243); Н.И. Гаген-Торн, благородная интеллигентная женщина средних лет, обрушившая на своего мучителя после второго ареста поток отборного русского мата, — навык, приобретенный в течение ее первого пребывания на Колыме (стр. 327)[3]. Для исследователей истории сталинского террора книга прольет свет на некоторые мало известные «дела» начала 1930-х гг., такие, как, например, так называемое дело Русской Национальной партии 1934-го года, по которому пали жертвами Н.И. Лебедева и Ф.А. Фильстрап.[4] Однако главным во всех этих очерках остается показ этих людей как этнографов, т.е. рассказ об их образовании, профессиональной карьере, идеях, интересах и вкладе в науку.

Такое направление — не случайность. Фундаментальными в книге являются вопросы преемственности и схожести ученых, — каким образом современные ученые приходят к примирению со смутным прошлым? С одной стороны, этнографы могут опереться на богатые традиции и литературное наследие, восходящие к XVIII веку. Но эти традиции были резко оборваны событиями 1930-х гг. Оживленная и плюралистическая ученая среда была искоренена внедрением обязательной и в большинстве своем неуместной идеологии: как показал Юрий Слезкин, найти кулаков и пролетариев среди пастухов северных оленей — непростая задача.[5] Даже полевые работы, определяющая черта этнографии как дисциплины, часто становились совершенно бессмысленными действиями. Представьте себе, например, положение Б.О. Долгих и его учеников, специалистов по народам Севера, вынужденных писать пылкие акколады успеху советского строя на Крайнем Севере, в то время как люди, которых они изучали, были буквально на грани истощения (стр. 294-297). А потом был и сам террор. Как всегда точные цифры вводят в заблуждение, тем более что этнографами часто считались ученые из различных родственных дисциплин. Все же более пятисот этнографов могли быть подвержены преследованиям, начиная с 1920-х гг.[6] Для такой сравнительно небольшой области результат мог оказаться катастрофическим.

Как нынешние этнографы должны осмыслить наследие своих предшественников? Нужно ли им отбросить советское прошлое как никчемные осколки тоталитаризма, бросаясь в объятия гегемонии англо-американской теории и присоединяясь к своим западным коллегам, плутающим в туманных лабиринтах постмодернистской антропологии? Или все же можно что-нибудь спасти? Что именно было утеряно при Сталине и стоит ли это возрождать? Востребованное ли прошлое у русской этнографии? В то время как эти вопросы редко становятся объектом непосредственного изучения, они красной нитью проходят через всю книгу и являются составной частью более масштабного процесса возрождения.

Выбранные этнографы прекрасно демонстрируют широту данной области науки в период до 1930-х гг. Географически специализация варьируется от Кореи и Японии (Н.И. Конрад) до Сибири (А.В. Адрианов, Б.Е. Петри, Н.Н. Козьмин и Б.О. Долгих), Кавказа (А.Н. Генко, Г.А. Кокиев), Центральной Азии (Ф.А. Фильстрап), европейской части России (Н.И. Лебедева, Н.И. Гаген-Торн) и Балкан (А.Н. Харузин). Этнографические интересы включают музейную этнографию, исследование материальной культуры, этногенез, этнолингвистику, физическую антропологию, археологию и этнологическую теорию. В концептуальных подходах этнографы варьируются от классических эволюционистов до марристов, марксистов, диффузионистов, релятивистов и дотошных эмпириков. Большинство, однако, были учеными широкого профиля, игнорировавшими узкую классификацию.

С учетом коллективности работы статьи раз-

[3] Более подробно жизнь Гаген-Торн изложена в ее мемуарах: Гаген-Торн 1994. Позднее она подружилась с одним из своих исследователей, который извлек пользу из ее жизненного опыта для того, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам по истории.

[4] См. также Ашнин, Алпатов 1994.

[5] Yuri Slezkine, Arctic Mirrors 1994: 187-217.

[6] Цифра в 500 этнографов, пострадавших от репрессий, начавшихся с 1920-го года, приведена Александром Михайловичем Решетовым в книге «Репрессированная этнография: люди и судьбы» (Решетов 1994: 186-187). Но, как указывает во вступлении к книге Тумаркин, выявление точной цифры осложняется тем, что этнография частично совпадает с другими областями, такими, как востоковедение, лингвистика, история, археология и география («Репрессированные этнографы», стр. 7). Но все же оценка Решетова, даже если она лишь отдаленно точна, говорит о катастрофе. Забегая вперед, согласно Ю.В. Ивановой, всего лишь около сотни этнографов работало во всех научных институтах Москвы и Ленинграда в 1929 году (Там же, стр. 253).

личаются по качественным характеристикам. Однако, по большей части, редакторам удалось достигнуть высокого уровня научности статей. Все работы основаны в некоторой мере на архивных источниках, часто включая собранную ОГПУ и НКВД информацию. А несколько авторов сумели дополнить письменные источники личными воспоминаниями о своих героях.

Статьи придерживаются определенного плана. В целом они начинаются с описания карьеры ученого, завершаясь отчетом как, где и когда он подвергся политическим репрессиям. Затем авторы переходят к науке, фокусируя внимание на основных трудах, вкладе в отрасль, ключевых идеях и т.д. Следствие такого подхода — смешение результатов. В некоторых случаях, как биография, так и научная часть могут быть довольно поверхностными, т.е. одно достижение перечисляется за другим, а живая личность лишь немного проглядывает из-за стены ученых степеней, назначений и публикаций. Однако многие статьи преодолевают эти недостатки, и поэтому их особо приятно читать.

Например, написанный М.А. Девлетом портрет А.В. Адрианова. Адрианов был сыном священника из Тобольской губернии. Учился в конце 1870-х гг. в Санкт-Петербургском университете, где подружился с известными сибирскими краеведами Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Его карьера этнографа началась в 1879 году, когда он сопровождал Потанина в экспедиции в Монголию. Остаток жизни он провел в Сибири в борьбе за выживание семьи, в поединке с сифилисом, длившимся всю его жизнь, периодически сталкиваясь с местными властями и продолжая заниматься этнографией с преданностью, граничащей с одержимостью. Не последним из его достижений были фотографические съемки в этнографических исследованиях.

Включение в книгу истории Адрианова выявляет несколько важных моментов. Во-первых, его карьера напоминает нам, что политическое преследование этнографов не было уникальным явлением в советский период истории. Этнография часто изображается как служанка империализма[7], но опыт Адрианова показывает, как цели этнографии по самой своей сути могли быть палкой в колесах имперских властей. Этнографы были аутсайдерами, совавшими нос в закрытые патриархальные круги местного чиновничества, обнажая злоупотребления, выслушивая рассказы туземцев, помогая и утешая шаманов и других сомнительных личностей. Конечно, среда сильно нуждалась в способных образованных людях, и этнографы часто вовлекались в чиновничий мир. Сам Адрианов 23 года служил в Управлении акцизными сборами Западной Сибири. Но как только он стал заниматься этнографией, резко возросло напряжение в его отношениях с властями, которое наложило серьезные ограничения на возможность продолжения исследований и привело в итоге к его аресту и ссылке в 1913 году. Приход большевиков принес Адрианову окончательную гибель. Как ярый противник Октябрьской революции, он был арестован в конце 1919 года, когда Красная армия взяла Томск. Его расстреляли седьмого марта 1920 года в составе группы из двадцати шести «активных врагов советской власти».

Биография Адрианова также иллюстрирует чувство гражданской ответственности, которое заполнило работы этнографов XIX века в общем, и исследователей Сибири в частности. Этнография, по Адрианову, это составная часть общественной жизни. Как газетный издатель, автор, пишущий статьи в «толстые журналы», сотрудник научных обществ и организатор показов и выставок, Адрианов представлял свои этнографические интересы как часть более широкого проекта по просвещению и воспитанию региональной общественности. Оценивая последствия воздействия советской власти на этнографию, подавление именно этой традиции общественной деятельности выступает как одна из самых больших потерь.

Еще один выдающийся портрет — эссе С.И. Вайнштейна о Б.О. Долгих, основанное на личных воспоминаниях. История Долгих — это история выживания, история человека, в котором совмещалась абсолютная преданность своим научным занятиям со способностью лавировать между бурными политическими и идеологическими течениями, сохраняя свою честь незапятнанной. Свою этнографическую карьеру Долгих начал со знаменательного путешествия в Арктику, где собирал материалы по северным народам для всеобщей переписи населения 1926 года. По возвращении он поступил в МГУ, однако дни его как студента были сочтены. В 1929 г. он был арестован за критику коллективизации в компании своих сверстников. Судьба его, однако, была облегчена своевременной удачей. В ходе допроса следователь внезапно вышел из комнаты, оставив на столе перед Долгих главное доказательство его вины — не отправленное письмо другу, в котором Долгих от души проклинает «раскулачивание». Ученый мигом схватил письмо, разорвал его на куски, запихнул их в рот и проглотил. Без этого письма в деле против Долгих осталось очень мало оснований, и он получил сравнительно мягкий приговор — 4 года административной ссылки в Сибирь. После окончания ссылки он остался в Сибири и жил в вопиющей бедности, участвуя в экспедициях на Крайний Север и работая в музее региональных исследований в Красноярске. Быстро организованная экспедиция вверх по Енисею позволила ему избежать ареста в 1937 г. Начиная с середины 1940-х гг. Долгих работал в Москве в Институте этнографии при Академии наук,

[7] См., например, Mary Louise Pratt 1992.

где он стал известен как один из выдающихся специалистов по народам севера Сибири.

Если Долгих является примером этнографа, пережившего преследования, то что же тогда можно сказать об этнографии, выжившей вместе с ним? Каким образом испытания 1930-х и 1940-х гг. ограничили возможности, открытые для исследователей последующих лет? Из вайнштейновского портрета Долгих и некоторых других статей проступают некоторые черты ответа на этот вопрос. Во-первых, практиковавшаяся Долгих и его коллегами этнография, прежде всего, была исторической наукой: современная жизнь выступала, в первую очередь, как символический конечный пункт, по направлению к которому двигались исторические процессы, изучаемые этнографами. Центральным понятием этнографических исследований была этническая группа или этнос, определяемый априори как культурная, а в некоторых случаях и биологическая общность. Задачей этнографа было найти корни этногенеза, зафиксировать определяющие его культурные черты (наиболее полно выраженные в «материальной культуре»: домашняя утварь, жилища, транспорт, одежда и т.д.) и проследить его историческое развитие и взаимодействие с другими этническими группами. Выполняя эти функции, этнографы старались собрать наибольшее из возможных количество доказательств, среди которых не было ни одного факта настолько незначительного, чтобы его не было необходимости зафиксировать. Все эти особенности очевидны в последних работах Долгих. Наибольшим его достижением была монография «Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII веке» — изнуряющий список сибирских народов XVII века, составленный в течение многих лет усердной работы в архивах. Вайнштейн описывает радость Долгих, когда тот находил небольшой фрагмент мозаики поселений именно тунгусского (эвенкского) рода. Даже не вставал вопрос, к чему могла привести такая микроистория: для Долгих и его коллег накопление знаний казалось целью самой по себе.

Не трудно определить, как исторический контекст мог влиять на формирование такого направления. Совершенно также как серьезные историки уходили с головой в эпоху феодализма, чтобы держаться подальше от истории Большевистской партии, многие этнографы предпочли помещение своего «этнического настоящего» в неопределенное «конец XIX — начало XX вв.» попаданию в опасные воды современных «этнических процессов». (Это, однако, не говорит о том, что этнографы были безразличны к положению народов, которые они изучали. Напротив, Вайнштейн убедительно доказывает, что Долгих активно работал «за кулисами» не без личного риска, чтобы улучшить условия жизни сибирских народов. Результаты его действий — это уже другой вопрос). Специфическое направление советской этнографии не появилось, однако, как полностью сформировавшийся в течение 1940-х и 1950-х гг. продукт сталинских репрессий. Фактически, некоторые отмеченные выше черты — сконцентрированность на этничности и описательном «фактологическом» направлении — поразительно схожи с концепциями российской этнографии периода второй половины XIX века[8]. Таким образом, тесные рамки советской идеологии могут рассматриваться не столько как препятствия, сформировавшие уникальную советскую форму этнографии, а как фильтр, пропускающий и позволяющий развиваться определенным концептуальным и методологическим направлениям, и в то же время напрочь отметая другие. Одним из главных преимуществ книги является то, что она иллюстрирует некоторые из «затерянных» страниц русской и советской этнографии.

Лучше всего демонстрирует богатство досталинской этнографии статья Ю.В. Ивановой о П.Ф. Преображенском (1894-1941). Преображенский получил историческое образование в Московском университете и после гражданской войны, проведенной в Самаре, начал преподавание в стенах alma mater в начале 1920-х гг. В 1925 г. его назначили главой отделения общей этнологии. Благодаря этой высокой должности он быстро стал ведущим организатором и теоретиком этнологии как области науки. В этнологии Преображенский видел важную гуманитарную науку, тесно связанную с историей, но привлекающую большее разнообразие источников. Этнолог должен основываться на этнографических описаниях отдельных народов и параллельно использовать данные археологии, (физической) антропологии, фольклора и письменных документов. Преображенский особенно был заинтересован в процессах культурного взаимодействия и диффузии культурных форм. В этом на него, несомненно, повлияла учение о «культурных кругах» (kulturkreis), развитое на рубеже веков немецкими учеными Фрицем Гребнером и Фридрихом Ратцелем[9]. Преображенский также увлекался работами Франца Боаза в США и стоял на позиции четкого культурного релятивизма, избегая таких терминов, как «примитивный» или «дикарь». С другой стороны, Преображенский резко отвергал яфетическую теорию Н.Я. Марра, что могло приблизить его кончину в 1930-х гг.[10] Представление Преображенского об этнологии наиболее полно выражено в его учеб-

[8] См., например, знаковую статью Николая Надеждина за 1846 год (Надеждин 1847: 65-115). См. также Knight 1998.

[9] В то время как связь между теорией Преображенского и группой «Kulturkreis» была очевидной, ученый предпочитал дистанцироваться от Гребнера и Ратцеля, осуждая их «почти механистический» подход и предлагая в качестве альтернативы более динамичные модели «культурных комплексов» и «культурных объединений». См. «Репрессированные этнографы», стр. 248.

[10] По поводу Марра см. Yuri Slezkine 1996.

нике «Курс этнологии», выпущенным в 1929 г.[11] Но не успела книга выйти в свет, как все представления об этнологии как науке подверглись ожесточенным нападкам. На конференции этнографов, которая проводилась в Ленинграде в апреле 1929 г. и которую посетили все выдающиеся светила данной области, группа молодых ученых назвала этнологию дубликатом марксистской социологии[12]. Преображенский смело отстаивал свою позицию, и споры продолжались еще два года. К 1931 г. появились результаты: отделение этнологии при Московском университете закрыли, а саму этнологию объявили «термином буржуазной этнографической науки, отброшенным марксистско-ленинской этнографией». Самой этнографии едва удалось выжить среди хаоса 1930-х гг. Н.М.Маторин и другие радикальные марксисты само представление об этничности в капиталистическом обществе назвали «анекдотичным», а этнографию по статусу низвели к исторической вспомогательной дисциплине, посвященной изучению «доклассового общества и его нынешних пережитков»[13]. После своего поражения Преображенский отступил и занялся более традиционными историческими исследованиями более или менее в рамках марксизма. Его арестовали в 1933 г., но вскоре освободили, однако, удача вновь покинула его в 1937 г. Его взяли за «контрреволюционную деятельность» и приговорили к восьми годам в (трудовых) лагерях. В 1941 г. ему вынесли смертный приговор за «антисоветскую деятельность в лагере» и расстреляли.

Что наиболее поражает в работе Ивановой, так это нарисованный ею непоколебимый критический образ мышления Преображенского. Мы видим ученого, который не признавал никаких непререкаемых авторитетов в науке, который постоянно вовлекал своих интеллектуальных предшественников и современников в идейный диалог, принимая одни постулаты, отвергая другие, но всегда исходя из независимой собственной точки зрения. Конечно, советская этнография после Сталина вовсе не была абсолютно лишена независимости мысли, но идеологические требования сверху сужали рамки допустимых исследований в такой степени, что теоретическая и критическая широта Преображенского стала невозможной. «Репрессированные этнографы» представляет собой важный шаг в возрождении критического духа 1920-х гг., а также являет собой свидетельство пути, который все еще должен быть пройден.

Статьи в сборнике «Репрессированные этнографы» во многом напоминают жанр исследований истории русской науки, который я могу назвать, за неимением более подходящего термина, спасательной биографией*. Начиная с 1950-х гг. советские этнографы выпустили большое количество литературы о своих дореволюционных предшественниках[14]. Как и данная книга, эти работы служили для того, чтобы восстановить приемлемое прошлое путем установления этнографического канона, обнаруживая долгую и благородную традицию русской этнографической науки. Но для того, чтобы представить дореволюционных ученых приемлемыми предшественниками в обязательных рамках марксизма-ленинизма, необходимы были некоторые шаги. Важным фактором восстановления наследия ученых была демонстрация прогрессивной мысли, заботы о простых людях и симпатия к радикальным движениям. На любые радикальные действия, конфликты с властями, личные или профессиональные контакты со знаменитыми «революционными демократами» вроде Чернышевского, Добролюбова, членов Народной воли и т.д. ставился особый акцент. Лояльность к имперскому режиму, напротив, проходила без препон. Ученые, которым не посчастливилось попасть под гнев Ленина или проклятие советского режима после революции, оказались за чертой и могли обсуждаться лишь с принятием во внимание всего перечисленного. И, наконец, важно было показать вклад ученого в науку, обычно представляемую себе в позитивистском смысле как прямую траекторию, ведущую прямо к достижениям текущего дня.

Для исследователей истории русской этнографии эта книга дает много информации об институтах, карьерах, библиографии и научных работах. Отсутствует, однако, критическая точка зрения. С учеными, которые должны быть включены в канон этнографической науки, обращаются с почтительным благоговением: с тех пор как целью стало выставить их в качестве приемлемых предков, трудно отыскать смысл в сложных вопросах, помещении их идей в контекст современных дебатов, исследовании несовпадений и выражении моральных двусмысленностей. На самом деле, сама практика критицизма для советских ученых часто ассоциируется с жестокими идеологически мотивированными нападками, которые оставляют слишком мало

[11] П.Ф.Преображенский 1929.

[12] По поводу более полной информации о Конференции этнографов 1929 г. см. Slezkine 1991: 476-484; и Соловей 1998: 136-187.

[13] «Репрессированные этнографы», стр. 255; Slezkine 1991: 481. Обе эти работы основаны на труде Маторин 1931: 3-38.

* *прим. перев.* в английском оригинале «Salvage Biography». Сам автор считает, что для русскоязычных читателей следует провести параллель с «Salvage Anthropology» — направлением в антропологии, которое занимается изучением исчезающих культур.

[14] Множество примеров этой литературы можно найти в серии «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». В качестве некоторых дополнительных примеров сюда можно отнести: Баландин 1988; Колесницкая 1954; Соймонов 1971.

места для культурного, но, тем не менее, строгого критического диалога. Результатом стало появление историографической традиции с душком агиографии — жизни святых.

Практически все части книги «Репрессированные этнографы» демонстрируют, хотя и в разной степени, следы традиций биографии спасения. Вероятно, было бы излишним ожидать высокую степень критической скрупулезности в книге, посвященной жертвам террора. Но, в некотором смысле, последним оправданием описанных ученых было показать их более в качестве ученых, нежели жертв, подвергая их той же интеллектуальной разборчивости, которую они проявляли по отношению к своим современникам. Авторы книги «Репрессированные этнографы» справились с очень важной задачей — вернуть этих людей назад в ученые круги. Можно надеяться, однако, что работа в этой области будет продолжаться, но внимание переключится с простого восстановления «утерянных страниц» к началу более комплексного критического исследования наследия советской этнографии.

Есть ли у современной русской этнографии приемлемое прошлое? Страницы этой книги дают ответ «да». Для восстановления наследия ранней советской этнографии необходимо сделать приемлемой традицию, история не должна молчать о жестокости, как концептуальной, так и физической, от которой пострадали этнография и этнографы. Однако рассказы об этом, чему поспособствовал труд «Репрессированные этнографы», не лишены определенного риска. Например, существует тенденция смотреть на репрессии, которым подверглась этнография, как на чисто внешнюю силу, обрушивающуюся, как стихийное бедствие, на свои невинные жертвы. Однако если главный импульс репрессий мог быть в самом деле внешним, механизмы преследования зависели от мобилизации институциональных и дисциплинарных структур изнутри. Личная обида, профессиональное соперничество, амбиции и гордость были зацепками в машине политического террора. На страницах «Репрессированных этнографов» этому можно найти множество примеров: интеллектуальные нападки на конференциях, чистка в институтах, анонимные доносы коллег. И часто сегодняшние жертвы оказывались вчерашними притеснителями. В этом отношении будет интересно посмотреть на личность Николая Михайловича Маторина, основополагающую фигуру марксистской этнографии времен первой пятилетки, разрушителя многих карьер, но который сам пал жертвой: его арестовали в 1935 году и расстреляли в следующем году[15]. Был ли он просто негодяем, который получил, что заслуживал, или следует нарисовать более утонченный портрет? В любом случае, сложно понять судьбу этнографии в 1930-х гг. и позднее не учитывая фаустовской сделки, заключенной Маториным и иже с ним.

Кроме представления репрессий в чисто внешней перспективе, авторы склоняются к тому (за несколькими исключениями, особенно в отношении Адрианова), чтобы отождествить репрессии и их результаты с Гулагом, и, таким образом, приурочивая политические преследования к годам правления Сталина. Конечно, у такого подхода есть основания. Почти все включенные в книгу этнографы были реабилитированы, хотя, в основном, и посмертно, в 1950-х и 1960-х гг. К этому времени в этнографии началось возрождение, и она заняла твердую позицию респектабельной академической области. Правда, однако, трудно представить, каким образом опыт 1930-х и 1940-х гг. не сумел отпечататься на этнографии как дисциплине. Кроме того, в то время как стихла волна арестов, заключений в тюрьмы и наказаний, бремя официальной идеологии продолжало тяжко давить на плечи дисциплины. Исследование продолжающегося влияния политического и идеологического климата на этнографию в течение Советского периода истории, возможно, более трудная и тонкая задача, чем простое описание жизни и судеб жертв. Это в большей степени так, если сделано не просто, чтобы утвердить или отвергнуть наследие прошлого, но и для того, чтобы понять и примириться с этим. Но подобная амбициозная попытка, как мне кажется, также является необходимой частью возрождения приемлемого прошлого, чтобы советскую этнографию вспоминали не как трагический конец, а как живую традицию, которая предлагает идеи, понятия и аналитический инструментарий для последующих годов.

[15] Фактически, недавно появилась статья о Маторине. См. Решетов 1994а: 132-155. Очерк Решетова о Маторине является классическим примером жанра «спасательной биографии». Хотя Решетов и не умалчивает о «темных» сторонах жизни в карьере Маторина, большее внимание он обращает на его достижения как организатора и теоретика. О действиях Маторина, настаивает он, нужно судить в контексте его времени. Возникает догадка, что статья Решетова о Маторине не была включена в «Репрессированные этнографы» из-за страха перед резким несоответствием между симпатией Решетова к его герою и фатальной ролью Маторина в этнографии.

ЛИТЕРАТУРА

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. 1994. «Дело славистов»: 39-е годы. Москва, Наследие.

Баландин А.И. 1988. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев. Москва, Наука.

Гаген-Торн Н.И. 1994. Memoria. Москва, Возвращение.

Добкин А.И., Сорокина М.Ю. 1995. eds., In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. СПб, Феникс-Атенеум.

Колесницкая И.М. 1954. И.И. Срезневский как фольклорист // Русский фольклор 8. М–Л, изд.№8209; изд-во Академии наук СССР.

Леонов В.П. 1993. et al., eds., Академическое дело 1929 и №8209; 1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ, выпуск 1, Дело по обвинению академика С.Ф .Платонова. СПб. Библиотека РАН.

Маторин Н.М. 1931. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. № 1-2.

Надеждин Н. 1847. Об этнографическом изучении народности русской // Записки русского этнографического общества, книга 2.

Преображенский П.Ф. 1929. Курс этнологии. М–Л.

Репрессированные этнографы. 1999. Составитель и ответственный редактор Д.Д. Тумаркин. Москва. «Восточная литература» РАН.

Решетов А.М. 1994. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера, этнографические тетради, выпуск 4. Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб.

Решетов А.М. 1994а. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение, 1994, №3. СПб.

Соймонов А.Д. 1971. П.В. Киреевский и его собрание народных песен. Ленинград, Наука.

Соловей Т.Д. 1998. От буржуазной этнологии к советской этнографии: история отечественной этнологии первой трети XX века. М. Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии.

Ярошевский М.Г. 1991. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л.

Adams Mark B. 1990. Eugenics in Russia 1900-1940 // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia, ed. Adams. New York. Oxford University Press.

Graham Loren R. 1987. Science, Philosophy and Human Behavior in the Soviet Union. New York. Columbia University Press.

Graham Loren R. 1990. Science and the Soviet Social Order. Cambridge, Mass. Harvard University Press.

Graham Loren R. 1998. What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience? Stanford. Stanford University Press.

Knight Nathaniel. 1998. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society. 1845-1855. // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington. Indiana University Press.

Kojevnikov Alexei 1998. Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // Russian Review 57: 1 (January 1998).

Krementsov Nikolai L. 1997. Stalinist Science. Princeton. Princeton University Press.

Josephson Paul R. 1996. Totalitarian Science and Technology. Atlantic Highlands, N.J. Humanities Press.

Pratt Mary Louise. 1992. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London. Routledge.

Slezkine Yuri. 1991. The Fall of Soviet Ethnography, 1929-38 // Current Anthropology 32: 4.

Slezkine Yuri, Arctic Mirrors. 1994. Russia and the Small Peoples of the North. Ithica. Cornell University Press.

Slezkine Yuri. 1996. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Rewiew 55:4.

Список сокращений

АВ – Археологические вести.
АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИ – Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АИК – Археологические исследования в Крыму
АИМ – Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИМУМ – Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев.
АИУ – Археологические исследования на Украине.
АКМ – Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
АН СССР МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии
АО – Археологические открытия. М.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб)
Віс.ОКК – Вісник Одеськоі комісіі краезнавства.
ВАН – Вестник Академии Наук СССР.
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВЛУ – Вестник Ленинградского университета. Ленинград.
ГГУ – Горьковский государственный университет.
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XV вв. М. – Л. 1950.
ДПИ – Древнерусские письменные источники.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗИФОГУ – Записки Исторического факультета Одесского государственного университета. Одесса
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА – Записки русского и славянского отделения императорского Русского Археологического общества
ЗОРСО – Записки Отделения русской и славянской археологии русского археологического общества.
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества
ЗРГО – Записки Русского Географического Общества
ИА – Институт Археологии
ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук УССР.
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной Академии Наук Украины
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИБ-3 1982. История на България. Т. 3: Втора българска държава. София.
ИВ-I 1971. История Венгрии. Т. I. М.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИК 1966. История Кишинева. Кишинев.
ИМ – История Молдавской ССР. Кишинев. Т. 1.
ИР ЦНБ – Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Киев
ИРАИМК – Известия Российской Академии материальной культуры
ИСН-I 1965. Исторические связи народов СССР и Румынии XV-XVIII вв. Т. I (1408-1632). М.ИВ – Исторический вестник. СПб.
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБч – Книга Большому чертежу. М. – Л. 1950.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград.
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
КСОГАМ – Краткие сообщения Одесского Государственного археологического музея.
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАЭМ – Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев.
МФ – Молдавский филиал АН СССР
МЭФ I-III 1961, 1978, 1982. // Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. Т.I: Славяно-молдавские грамоты (XV – первая четверть XVII вв.); Т.II: Славяно-молдавские грамоты XV-XVI вв.; Т.III: Славяно-молдавские грамоты (1601-1640).
НА ИА АН УССР – Научный архив институа археологии АН УССР
НА ОЭИ АН МССР – Научный архив отдела этнографии и искусствоведения АН МССР
НАНУ – Национальная Академия Наук Украины
НЗОПІ – Наукові записки Одеського Педагогічного Інституту

НПЛ – Новгородская Первая летопись. М. – Л. 1950.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ НАНУ – Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины
ОВ – Одесский вестник. Одесса.
ОВИМК 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.). Кишинев.
ОДУ – Одеський державний університет
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПАМ – Сборники чтений памяти Анны Мачинской
ПВЛ – "Повесть временных лет"
ПОДУ – Праці Одеського Державного Університету.
Протоколы – Протоколы заседаний Археологических съездов.
ПРП – Памятники русского права. М.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. Москва.
СА – Советская археология. Москва.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СМЛ – Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М. 1976.
СЭ – Советская этнография
ТГИМ, Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ – Труды Государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.
УІЖ – Український історичний журнал
Хсб - Херсонесский сборник
ЯГУАК – Ярославская губернская ученая архивная комиссия.
AAC – Acta Archaeologica Carpatica
AM – Arheologia Moldovei. Bucureşti.
AP – Archeologia Polski
B.Thr. – Biblioteca Thracologică. Bucureşti.
Bericht – Bericht Römisch-Germanischen Kommischen.
CI – Cercetării Istorice. Iaşi.
DIR – Documente privind istoriei României. Veacul XIII, XIV şi XV. B. Ţara Românească (1247-1500). Bucureşti. 1953.
DRH // Documenta Romaniae Historica. Bucureşti: A. Moldova. Vol. I. (1384-1448). 1975; Vol. II. (1449-1486). 1976; Vol. III. (1487-1504). 1980; B. Ţara Românească.Vol I. (1247-1500). 1966; D. Relaţii între ţările române. Vol. I (1222-1456). 1977.
EA – Eurasia Antiqua
Jahrb. RGZM - Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums
JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
MA – Memoria Antiquitatis. Piatra Neamţ.
MCA – Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSW – Materialy starożytne i wcześnośredniowieczne
PZ – Prähistorlsche Zeitschrift.
R Enc – Real Enciclopedia
RGA - Reallexikon der Germanischen Altertumskunde
SCIV (A) – Studii şi cercetări de istorie veche (şi Arheologie). Bucureşti.
SCN – Studii şi cercetări de numizmatică. Bucureşti.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала “Stratum plus” приглашает Вас принять участие в нашем издании.

Требования к материалам, представляемым в редакцию журнала “Stratum plus”

Текст

1. Материалы принимаются на русском языке в завершенном виде с приложением краткого (до 2000 символов) резюме на английском языке.
2. Текст следует набирать на компьютере в программе Microsoft Word (версия не выше Word 7.0 — Word 97), либо в Word’овском формате *.rtf или в текстовом редакторе под DOS (формат *.txt). Допускается также PageMaker 6.0 или 6.5. Кроме компьютерного варианта, желательна чёткая распечатка. Если в тексте или в списке литературы имеются слова, содержащие буквы с диакритическими знаками, желательно приложить список, в котором эти слова были бы чётко и правильно прописаны.
3. Оформление сносок, списка литературы — как в уже вышедших номерах “Stratum plus”. Если в списке литературы приводится статья, опубликованная в сборнике статей, то необходимо указать фамилию ответственного редактора сборника и название издательства.
4. Необходим список используемых сокращений.

Иллюстрации

1. Иллюстрации принимаются либо в форматах, читаемых программами Adobe Photoshop (*.bmp, *.jpg, *.gif, *.pcx, *.tif, *.psd/ppd и др., предпочтительнее всего *.jpg) или Corel (*.cdr), либо на бумаге формата А4 (машинописный формат) в контрастном чёрно-белом варианте. Не принимаются иллюстрации на миллиметровой бумаге. Фотографии контрастные.
2. Диаграммы могут быть оформлены либо на бумаге (требования те же, что и к рисункам), либо в программах типа Excel версии 97 или ниже. В самом крайнем случае можно дать данные в виде таблицы с указанием, что на её основе следует построить диаграмму.
3. Если рисунок содержит номера, они должны быть впечатаны на компьютере. Если такой возможности нет, допускаются разборчивые карандашные номера.
4. В конце материала даётся список подписей к иллюстрациям.

Способ доставки

1. Электронная почта: E-mail: root@rm.moldova.su
2. Обычная почта: 2024 Республика Молдова, Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а, Высшая Антропологическая Школа, редакция журнала “Stratum plus”. Тел. 43-83-42.
3. На дискетах. В этом случае материалы следует присылать в ДВУХ экземплярах.
4. Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо также записать на эти же дискеты шрифт.

Периодичность издания

Журнал “Stratum plus” издаётся 6 раз в год объёмом от 300 до 450 страниц по единому издательскому плану:

1-й номер	Палеолит	январь-февраль
2-й номер	Неолит, энеолит, бронзовый век	март-апрель
3-й номер	Античная эпоха / Ранний железный век	май-июнь
4-й номер	Римское время / Эпоха Великого переселения народов	июль-август
5-й номер	Средние века	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	ноябрь-декабрь

Сроки присылки рукописей — не позднее, чем за месяц до выхода очередного номера журнала.

После того, как статья свёрстана, принципиальные изменения в ней ***не допускаются***. На этом этапе возможна лишь грамматическая правка в пределах, не влияющих на размещение текста на странице.

Редакция журнала “Stratum plus” желает Вам успехов в Вашей научной деятельности.

Искренне ВАШ “Stratum plus”.

Stratum plus. Культурная антропология. Археология.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 2002. — 528 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 18.06.2002. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Тираж 750 экз. Заказ 350.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул.Болгарская 24.